

Россия и мир: итоги XX века

Гуськова Е.Ю.

ИСТОРИЯ
ЮГОСЛАВСКОГО
КРИЗИСА
(1990-2000)

Русский Национальный Фонд • Москва • 2001 год

Моим дочерям *Анне и Дарье*

С любовью и благодарностью
за то, что вы есть, и за то, что
вы любите меня, и за то, что
вы любите друг друга.
Ваш отец
Александр

С любовью и благодарностью
за то, что вы есть, и за то, что
вы любите меня, и за то, что
вы любите друг друга.
Ваш отец
Александр

Гуськова Е.Ю.

ИСТОРИЯ
ЮГОСЛАВСКОГО
КРИЗИСА
(1990-2000)

Москва
Издатель А.Соловьев
2001 год

**Российская
Академия
Наук**

**Институт
научной
информации
по общественным
наукам**

**Институт
славяноведения
Центр
по изучению
современного
балканского
кризиса**

Автор
Доктор исторических наук
Гуськова Е.Ю.

Издатель
Соловьев А.В.

Корректор
Шамолова О.В.

**Компьютерная
верстка**
Кувшинникова Т.К.

(ИД №02098)
Россия, 123100,
Москва,
Студенческий пер., 3,
www.russiannationalfond.ru
(095) 2056302, 2057442,
2057428, e-mail:
russlaw@msk.net.ru

Издательство
«Алгоритм»
Россия, Москва
(095) 1515563
e-mail: kniga@mail.ru

ББК 66.2(08)

П 16 Гуськова Е.Ю.

История югославского кризиса (1990–2000). —
М.: Русское право/Русский Национальный Фонд,
2001. — 720 с.
Серия «Россия и мир: итоги XX века».
Альманах № 3/2000

Рецензенты:
д.и.н. Никифоров В.К.
к.и.н. Шаншисва Л.Н.

На основе большого количества новых материалов, собранных во время работы в штабе миротворческих сил ООН на территории бывшей Югославии, а также анализа опубликованных и неопубликованных документов, автор рассматривает генезис и этапы кризиса на Балканах от распада югославской федерации в начале 90-х годов до агрессии Североатлантического альянса. Анализируются причины распада СФРЮ, политические события и военные действия в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине. Большое внимание уделяется анализу роли международных организаций — ООН, ЕС, ОБСЕ, НАТО — в югославском конфликте, всесторонне исследуется политика России на балканском направлении, показываются первые самостоятельные шаги новых государств, появившихся в результате распада Югославии.

© Гуськова Е.Ю., 2001
© Соловьев А.В., 2001

ISBN 5-94191-003-7

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	5
Введение	7
ГЛАВА I. Накануне	39
1. Споры о причинах распада СФРЮ	39
2. Межнациональные противоречия. Кризис федерализма	45
3. Политические преобразования и расстановка политических сил в СФРЮ в конце 80-х — начале 90-х годов	79
4. Попытка сохранить Югославию	97
5. Отделение Словении: «Малая война» — большие последствия	107
ГЛАВА II. Отделение Хорватии от СФРЮ. Сербский вопрос	127
1. От идеи объединения сербских общин в Хорватии к ее реализации	128
2. Война	153
3. Вуковар	191
4. Республика Сербская Краина. Попытка строительства мирной жизни	206
ГЛАВА III. Босния и Герцеговина: борьба за раздел	219
1. Путь к разъединению	222
2. Республика Босния и Герцеговина	252
3. Хорватская республика Герцег-Босна	264
4. Республика Сербская	265
5. Западная Босния — печальный урок мира	273
6. Начало войны	277
7. Создание Федерации Боснии и Герцеговины	299
8. Последние годы противостояния	305
ГЛАВА IV. Интернационализация конфликта	329
1. Урегулирование по-западному: не могли или не хотели?	329
2. Создание международной конференции по бывшей Югославии	331
3. План Ж.Кутильеро	345
4. Введение санкций против Югославии	347
5. Август 1992. Лондонская конференция	353
6. План Визса-Оузина	359
7. Уния трех республик (сербско-хорватский план)	374
8. Февральский кризис 1994 г.	382
9. Миротворчество ООН. Испытание Балканами	387
10. Жаркое лето 1994 года — под знаком Контактной группы	437
11. Операция «Освобожденная сила»	455
12. Дейтон: Открытый урок принуждения к миру	465
ГЛАВА V. Падение Республики Сербской Краины	491
1. Операция «Блеск»	491
2. Операция «Буря»	495

ГЛАВА VI. Россия и балканский кризис:

Новая концепция безопасности или слабость стратегии?	506
1. Уроки истории	506
2. Новая дипломатия новой России	509
3. Игра в инициативы	531
4. Поиск новых ориентиров во внешней политике	551

ГЛАВА VII. Югославия в опале

Создание третьей Югославии	579
2. Сербский политический пейзаж на фоне кризиса	587
3. Черногория — упорство и толерантность	590
4. 1584 дня под санкциями	600

ГЛАВА VIII. Новые государства на Балканах.

Первые шаги на пути самостоятельности	610
1. Босния и Герцеговина после Дейтона	610
2. Македония	615
3. Словения	623
4. Хорватия	628

ГЛАВА IX. Кризис в Косове — история и современность

История вопроса	644
2. Проблема Косова в СФРЮ	648
3. Распад СФРЮ и обострение ситуации в Автономном крае Косово и Метохия	657
4. Проекты урегулирования конфликта в Косове	662
5. Подготовка НАТО к военным действиям	665
6. 78 дней необъявленной войны	674

Заключение

Список сокращений

Именной указатель

Документальные фотографии

История югославского кризиса (1990–2000)

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟ

1. ΕΙΣΑΓΩΓΗ	1
2. ΟΡΓΑΝΩΣΗ	2
3. ΑΝΤΙΚΕΙΜΕΝΟ	3
4. ΠΕΡΙΓΡΑΦΗ	4
5. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	5
6. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	6
7. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	7
8. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	8
9. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	9
10. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	10
11. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	11
12. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	12
13. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	13
14. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	14
15. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	15
16. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	16
17. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	17
18. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	18
19. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	19
20. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	20
21. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	21
22. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	22
23. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	23
24. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	24
25. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	25
26. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	26
27. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	27
28. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	28
29. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	29
30. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	30
31. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	31
32. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	32
33. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	33
34. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	34
35. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	35
36. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	36
37. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	37
38. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	38
39. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	39
40. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	40
41. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	41
42. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	42
43. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	43
44. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	44
45. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	45
46. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	46
47. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	47
48. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	48
49. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	49
50. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	50
51. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	51
52. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	52
53. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	53
54. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	54
55. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	55
56. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	56
57. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	57
58. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	58
59. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	59
60. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	60
61. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	61
62. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	62
63. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	63
64. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	64
65. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	65
66. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	66
67. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	67
68. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	68
69. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	69
70. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	70
71. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	71
72. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	72
73. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	73
74. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	74
75. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	75
76. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	76
77. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	77
78. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	78
79. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	79
80. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	80
81. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	81
82. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	82
83. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	83
84. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	84
85. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	85
86. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	86
87. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	87
88. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	88
89. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	89
90. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	90
91. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	91
92. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	92
93. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	93
94. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	94
95. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	95
96. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	96
97. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	97
98. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	98
99. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	99
100. ΣΥΜΠΕΡΑΣΜΑΤΑ	100

ΠΙΝΑΚΑΣ
 ΟΤΟΝΑΒΑΘΟΤΟΙ
 ΒΟΝΣΗΝΑ
 (0005-0001)

ВВЕДЕНИЕ

Современный кризис на территории бывшей Югославии, распад федерации стал трагедией не только для людей всех национальностей бывшей и настоящей Югославии, но и для всей Европы. Сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, массовые преступления, ненависть и жестокость, нескоренные судьбы, разрушенные церкви и джамии, музеи и библиотеки — основные вехи этой трагедии.

То, что выпало на долю югославянских народов за пять лет в начале 90-х годов, не выдержала бы ни одна из развитых наций в Европе. На путь от централизма, через децентрализацию, федерацию, конфедерацию, к самостоятельности другие народы потратили бы столетия.

Бурный рост национализма — это не только югославянский или советский феномен, а часть глобальных социальных и политических изменений в мире. Но схожесть исторических и политических процессов в Югославии и Советском Союзе сделали этот феномен закономерностью для наших двух стран. Распад двух самых больших федераций в Европе — Советского Союза и Югославии развивался стремительно, во многом непредсказуемо и трагично. Ни народы Югославии, ни тем более Европа не были готовы разрешить лавину возникших в одночасье проблем. А именно от этого зависело перерастание проблемы в конфликт, а последнего в войну. Ситуация осложнялась тем, что республики, вставшие на путь самостоятельности, не хотели ждать принятия согласованного закона о правилах выхода из федерации. Прозвучали Декларации республик о независимости. Словения и Хорватия, первыми объявившие о своей самостоятельности, решительно требовали вывода со своих территорий Югославской народной армии (ЮНА), а также закрепления за административными границами статуса межгосударственных. Вопросы условий сессии, правопреемственности распадающегося многонационального государства, распределения имущества, определения границ, судьбы армии, прав национальных меньшинств, условия признания новых государств не обсуждались. На несколько лет оружие стало единственным средством решения накопившихся проблем.

Причины распада Югославии, войн в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, деятельность международных организаций, последствия кризиса оставляют сегодня массу вопросов без ответа. Хотя в мире написано уже много книг о случившемся на Балканах, в России нет обобщающего труда, всесторонне раскрывающего процесс распада югославской федерации. К сожалению, то, что написано, особенно в западном мире, о югославской трагедии, в большинстве не носит объективный характер. Выступая в Комитете по внешней политике и безопасности Европейского парламента в 1993 г., президент Югославии Добрица Чосич подчеркивал недостаток объективности в подходе к событиям на Балканах: «Истина о югославской трагедии, внутренних и внешних факторах распада Югославии, непосредственными следствиями которого явились война в Боснии и Герцеговине и Хорватии, истина о сербском вопросе, о последствиях для Балкан и Европы происходящих сегодня на территории Югославии процессов, истина о положении в Косове, о страданиях народов Сербии и Черногории в условиях санкций и изоляции от Европы и мирового сообщества — эта истина еще не стала политическим и моральным определением отношений ЕС и ООН по отношению к современным событиям на территории бывшей Югославии. Эта истина, к сожалению, не вошла в общественное сознание большей части представителей мирового сообщества, формирующегося под влиянием коммерциализированных и идеологизированных средств массовой информации. Такая односторонне информированная общественность стала источником давления на свои нацио-

нальные правительства. Поэтому в политике международных форумов, прежде всего, ЕС и его членов, США и России, под влиянием собственных сиюминутных интересов, под влиянием дезинформации, совершены и роковые политические ошибки в решении югославского кризиса, а благие устремления и миролюбивые пожелания не дают ожидаемых результатов» (207).

Цель данной книги — спокойно, взвешенно и аргументировано рассказать российскому читателю о том, что происходило на Балканах, показать последовательность событий, представить всех участников как конфликта, так и стороны примиряющей. Автор стремился максимально использовать свои научные знания, навыки исследовательской работы и выпавшую возможность быть свидетелем многих событий, чтобы *написать историю югославской трагедии*. Нам хотелось показать российскому читателю картину кризиса в полном объеме, представить объективную историю происходившего на Балканах, приблизив описание событий к хронике.

Позиция автора выгодная — я не принадлежу ни к одной нации, участвовавшей в конфликте, не занимала и не занимаю никакой государственной должности, а значит, могу говорить то, что думаю, писать открыто о том, что знаю. При этом я прекрасно осознаю, что работы, написанные вскоре после прошедших событий, имеют и недостаток — излишне эмоциональны... Поэтому постараюсь максимально придерживаться документов и опираться на факты.

Историография. Литература В мире уже написаны сотни книг, с разных аспектов рассматривающих эту сложную проблему. Появились даже библиографические обобщения — такая попытка сделана во Франции (68) и Югославии (69). Среди них есть работы разного «калибра». За период, пока длился кризис, в разных странах появилось большое количество книг, написанных людьми разных специальностей: учеными — историками, лингвистами, философами, педагогами, дипломатами; журналистами и публицистами; просто любителями порассуждать; а также теми, кто знает обо всем лишь понаслышке. Одни писали от чистого сердца, другие — по заказу. Однако очень мало книг, написанных теми, кто глубоко, с документами и лупой в руках изучал кризис целиком, кто владеет проблемой, кто знаком с документами не понаслышке, кто готов слушать и услышать все стороны конфликта, кто сам «в полевых условиях» видел, что происходит, кто не по карте знает сербские, хорватские, мусульманские города, кто обошел или объездил все горячие точки.

В Югославии (СРЮ) практически все научные институты исследовали, в соответствии со своим научным направлением, разные аспекты кризиса. Так, белградский Институт общественных наук пристально рассматривал процессы переходного периода и теорию конфликтов (107; 108; 109; 110), Институт европейских исследований одним из первых представил анализ международного фактора в разрастании кризиса (106; 111), плодотворно работал над составлением хронологии кризиса с 1942 по 1994 г. (119; 120). Институт международной политики и экономики издал серию книг, посвященных международному праву (121; 122), деятельности международных организаций (123), позиции разных стран в кризисе (124), опубликовал обобщенную хронологию кризиса с 1990 по 1995 г. (125), а также большое количество сборников статей ученых по интересующим нас проблемам (126 и др.). Исторический институт Сербской академии наук и искусств (САНИ) каждый год в декабре проводил международные конференции по актуальным проблемам истории и современности и публиковал после этого выступления участников конгрессов (208; 209).

Для югославской науки этих лет было характерно то, что все обществоведы активно включились в исследование проблем кризиса. Большой поток литературы посвящен анализу причин кризиса, разным его аспектам — внутреннему и внешнему факторам (105; 112; 113; 114;

115; 116; 117; 118), событиям в Хорватии (159; 161), Боснии и Герцеговине (186; 187; 189; 191; 192).

Важной для понимания процессов на Балканах в свете международных отношений является объемная монография юриста-международника профессора Смили Аврамовой, которая была участником всех переговоров Югославии и международных организаций как эксперт и советник С.Милошевича (63). Методологически монография является не только научным исследованием, но в какой-то степени и мемуарами. Автор, наряду с теоретическими обобщениями и научным анализом, цитирует массу документов, которые она сохранила и которые еще не находятся в научном обороте, приводит много новых фактов и данных, рассказывает о событиях, участником которых она была. В вышедшей в 1998 г. книге «Трехсторонняя комиссия» С.Аврамова приоткрывает завесу деятельности тайных организаций по установлению своего господства в мире и на территории Югославии (204).

Значительным вкладом в развитие историографии являются работы академика В.Стругара, который проанализировал состояние черногорского общества в конце 80-х годов и написал объемный труд «Большое восстание Черногории» (103), наполненный подробным описанием событий, новыми документами, хронологической таблицей. Им одновременно написаны и другие работы, раскрывающие характер событий первых лет кризиса, состояние межэтнических отношений в Югославии в конце 80-х годов, а также истоки политической напряженности (101; 102; 135). Начало кризиса в контексте развития двух предшествующих Югославий мы видим в книге М.Зетевича «Югославия 1918–1992» (9). Монография дает наиболее общий обзор политико-правовой истории Югославии, ее сущности, развития и распада. Автор большое внимание уделяет взаимоотношениям политических субъектов на исторической сцене. Хотя книга выдерживает хронологический ряд, она скорее носит проблемный характер. В заключительной части интерес представляют рассуждения автора о сербском вопросе, который не удавалось решать на протяжении последних двух веков и который в конечном итоге, по мысли автора, стал причиной столкновений при распаде СФРЮ. О военной стратегии сербов в войне в Хорватии и Боснии и Герцеговине написал книгу один из активных участников тех событий, доктор военных наук С.Нишич (155). Свою работу он посвятил рассмотрению истории расселения, порабощения и уничтожения сербского народа и его культуры на просторах Балкан. Анализу происходившего на территории бывшей Югославии с военной точки зрения посвящена книга М.Секулича «Югославию никто не защищал, а командование ее предало» (170). В книге дается документальный анализ всех шагов командования Югославской народной армии и руководства федерации в первые годы кризиса и делается неутешительный вывод об их бездействии, непрофессионализме, преднамеренных действиях по развалу Югославии.

Брошюра М.Ст.Протича «Очерк о распаде Югославии» (19), появившаяся в 1995 г., по словам автора, является «свидетельством современника», т.е. представляет собой размышления современника по некоторым вопросам кризиса, которые его взволновали, в частности, по работе комиссии Баденстера, по заблуждениям Контактной группы. Интерес представляют некоторые документы, которые автор публикует в конце книги.

Значительный интерес для исследователя представляют книги журналистов, которые провели много дней в полевых условиях, на линии фронта, стали свидетелями многих событий. К такому виду литературы относится книга Дады Вуясинович, молодой журналистки, которая в период с 1991 по 1993 г. опубликовала в журнале «Дуга» 24 репортажа из Славонии, Краины, Боснии и Герцеговины (154).

Для понимания общей ситуации на политической сцене Югославии интерес представляют сборники выступлений и интервью ведущих политических лидеров — С. Милошевича (157), В. Шешеля (158) и других.

В других республиках бывшей Югославии — Хорватии, Словении, БиГ, Македонии также выходили книги с анализом конкретных событий, происходивших на территории их республик.

Хорватское издание М. Огореца «Хорватская отечественная война 1991–1993» (1) задумано, по словам автора, как «теоретическое исследование военных операций и систематизация боевого опыта». Книга важна с точки зрения понимания Хорватией ситуации в 1991 г., ее видения проблемы. В книге рассматриваются военные действия на всех фронтах как борьба хорватских вооруженных сил против ширококомандных силанированных наступлений Югославской народной армии, стремившейся покорить и завоевать территорию Хорватии. Однако следует подчеркнуть, что она носит откровенно пропагандистский характер, не стесняется в выражениях при описании «сербского агрессора». Все сербы в Хорватии в ней называются четниками-террористами, армия — оккупантом. О политической журналистике хорватской эмиграции, борющейся за «возрождение хорватского народа», который был угнетен 45 лет, книга И. Корски «Хорватский национализм» (Буэнос-Айрес, 1991). Она написана с целью «показать хорватскую освободительную борьбу так, как мы ее ощущали...» (28, с. 3).

В Хорватской академии наук увидела свет книга Я. Сиротковича «Хорватская экономика 1945–1992» (29), в которой автор рассматривает «экономические основы сербской агрессии на Хорватию». Он доказывает, что экономика Хорватии в результате «нестественного вливания в югославскую экономику» за период с 1945 по 1991 г. постоянно отставала, так как ее средства переливались в остальные регионы, теряла свои преимущества перед мировым рынком. А «вооруженная агрессия на Хорватию» имела целью силой задержать присвоенные ранее Сербией привилегированные экономические позиции (29, с. 132). Книга «Военный путеводитель» по Славонии и Баранье объясняет, что Сербия и ЮНА хотели расправиться с Хорватией военным путем, «поскольку Хорватия была главным препятствием на пути осуществления Великой Сербии» (30, с. 13). Война в Хорватии рассматривается авторами как межгосударственное столкновение, как столкновение двух идей: «сербской, которая еще со времен турецкого владычества постоянно пытается расширить свою территорию, и хорватской государственной идеей, стремящейся к осуществлению независимости Хорватии». Чтобы подтвердить агрессивность Сербии, авторы утверждают, что за последние 190 лет семь войн на Балканах были начаты сербами. Это число, как ни странно, открывают Первое и Второе сербские восстания (1804 и 1813) против турецкого ига за создание сербского государства (30, с. 21). В них видится «стремление империалистического характера» и «оспаривание другими народами права на их национальное самосознание» (30, с. 22).

В Загребе увидели свет несколько книг, посвященных жертвам войны. Одна из них выпущена на английском языке в виде большого альбома «Массовые убийства и геноцид в Хорватии» (32), в котором западному читателю представлена «хронология убийств и преследований гражданского населения Хорватии». Загребский институт этнологии опубликовал сборник статей о беженцах-хорватах на английском языке (203) и другие.

Сербы в Хорватии успели за короткое время существования своего государства выпустить ряд книг, в которых они фиксировали первые шаги становления государствен-

ности в Республике Сербской Краине (РСК). Это монография историка М. Дакича «Сербская Краина», появившаяся в Крине в 1994 г. (7), книги, которые обобщают историю сербов в Хорватии (15; 18). Главная задача этих исследований — показать, как давно сербы живут в Краине, входили ли они когда-то в состав Хорватии, какие отношения у них складывались со своими соседями — хорватами. В РСК публиковались и документы, законодательные акты, Конституция (2).

В Словении книг, посвященных распаду Югославии и отделению Словении, вышло значительно меньше, чем, например, в Сербии. Но они достаточно всесторонне рассматривают последние годы существования Югославии и борьбу за отделение Словении от СФРЮ. Часть из них принадлежит перу журналистов (195), другие написаны представителями политической элиты. Например, один из политических деятелей Словении и Югославии Франц Шетинц описывает в своей книге «С Богом, Югославия!» события конца 80-х годов, участником которых он был (198). Перу представителей Социалистической партии Словении принадлежит сборник статей «Словения против Югославии» (196), цель которой — «рассмотреть интеллектуальный генезис партии» через призму событий 1989–1992 гг. на территории Югославии и Словении (196, с.5). Наиболее полно позиция Словении в распадающейся федерации рассмотрена в «Белой книге о распаде Югославии» Бориса Ежа (197). Начиная описание «великосербской идеи» с «Начертаний» И. Гарашанина, автор подробно рассматривает «Меморандум Сербской академии наук и искусств», считая его одной из причин распада федерации. Автор описывает события в Югославии с конца 80-х годов до 1992 г. В книге приводятся важные документы — Декларация о независимости Словении, Хорватско-Словенский договор об обороне и другие, что позволяет использовать их в других исследованиях. В Италии на словенском языке вышла книга Йоже Пирьевца, посвященная истории Югославии с 1918 по 1992 г. (141). Ученый привлекает большое количество источников и серьезно рассматривает создание первой и второй Югославии. Заканчивается книга событиями в Словении в 1991 г. К сожалению, последнему, периоду истории Югославии отводится в книге незначительное место.

В Боснии и Герцеговине каждая из появившихся немногочисленных работ представляет собой важное свидетельство тех событий, которые происходили в Боснии и Герцеговине. Ряд работ вышли в рамках Бошнякского института, расположенного в Цюрихе (178; 179; 180; 171). Значительный интерес представляет опубликованная дискуссия видного политического деятеля Боснии и Герцеговины А. Зулфикарпашича с хорватскими учеными и политиками, состоявшаяся весной 1994 г. В книге рассматриваются проблемы истории БиГ, причины отделения республики от СФРЮ, дается анализ различных политических процессов (171). Ряд книг мусульманских авторов, выходивших или в Сараево, или в Загребе, рассматривают проблемы войны (181; 182), показывают жизнь осажденного Сараева (183). Весьма любопытен сборник докладов Второго конгресса боснийско-мусульманских интеллектуалов, проходившего в столице республики 22 декабря 1992 г. (184). Выступления ученых были направлены против войны, в них рассматривались проблемы мусульманского языка, культуры, затрагивались вопросы войны, обороны, выживания нации.

Сербы в Боснии также активно занимались издательской деятельностью. Опубликованы работа о Радоване Караджиче (187), книга, написанная министром иностранных дел РС А. Бухой (60), воспоминания русского добровольца Юрия Хамкина (188), свидетельства участников войны (189) и ряд других работ (190–192).

Македония прошла путь отделения от СФРЮ мирно, без войны и острых столк-

новений. Поэтому в республике выходило мало книг, касающихся непосредственно кризиса. Главным образом, публикации касались опыта становления государственности (211) или трудностей на пути признания Македонии (112). Представим читателям главную книгу по нашей тематике, увидевшую свет в Македонии совместными усилиями македонских и российских исследователей — «Македония. Путь к самостоятельности» (210). В сборник вошли документы, характеризующие политическое и экономическое становление государства, его внешнеполитическое развитие в системе международных отношений. Предваряют документы статьи македонских и российских ученых, освещающие историю македонского народа и первые шаги молодого государства. Правовым аспектам развития Македонии, конституционного права, миротворчества, борьбы за мир посвящены работы Светомира Шкарчица (218; 219; 220).

В России ученые пристально следили за балканским кризисом. Следует отметить, что Россия располагает самой многочисленной и квалифицированной школой славистов в мире. Каждый год различные факультеты 20 университетов страны выпускали специалистов по истории, экономике, географии, культуре, дипломатии славянских стран Восточной Европы. В Москве в рамках Академии наук 50 лет существует Институт славяноведения и балканистики, располагающий высококвалифицированными научными кадрами. Кузницей кадров по современным проблемам славянских стран был Институт экономики мировой социалистической системы, позже переименованный в Институт международных экономических и политических исследований. Во всех гуманитарных исследовательских институтах Академии наук, во многих университетах работали и работают специалисты по славянским странам, включая Югославию. В Институте славяноведения и балканистики РАН создан Центр по изучению современного балканского кризиса. Однако обобщенных исследований пока нет. Это вызвано объективными причинами ухудшения состояния российской науки и нехваткой средств для издательской деятельности. Тем не менее российские ученые из Института славяноведения и балканистики РАН, Института международных экономических и политических исследований РАН, Института Европы РАН, Института российской истории, Института этнологии и антропологии а также ряда других институтов в статьях и работах обобщающего характера отразили основные этапы балканского кризиса. Они публиковались на страницах газет и журналов, выпускали сборники совместных работ (см. №№ 33–56 списка литературы). Первыми откликнулись на события в Югославии стали два сборника документов, изданные в ИНИОН РАН при поддержке Международного фонда югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись» (президент Фонда Радомир Ранчевич), — «Югославия в огне» и «Югославский кризис и Россия» (51; 52). Авторы сборников через документы показали свое видение событий на Балканах, дали первое обобщение событий в аналитических статьях, помещенных в этих сборниках.

Первой реакцией московских ученых на возникшую ситуацию в Югославии были многочисленные круглые столы, семинары, ситуационные анализы, конференции, симпозиумы, на которых происходил не только обмен информацией, но и выкристаллизовывались позиции, делались прогнозы. Доступны ученым были и выступления на радио. Затем, когда ситуация в средствах массовой информации стала критической, ученые стали пытаться «прорваться» на страницы газет и журналов (что, кстати, было сделать не так просто), заменив на некоторое время недостающих квалифицированных журналистов. Так, появились первые статьи П.Волубова и Л.Тягуненко (142–146; 165–168), В.Волкова (147; 163), Е.Гуськовой (50), Е.Елисеевой (148) в центральных московских газетах. За этими именами — позиции многих ученых и специалистов. По свое-

му опыту знаю, как трудно было поместить статью в газете, когда твоя точка зрения отличалась от официальной. Редакторы не хотели публиковать, например, данные о геноциде сербского населения в Западной Славонии в 1991 г., список лагерей для сербов в Хорватии, БИГ. Тем не менее первые статьи ученых 1992 г. прорвали информационную блокаду, показывая и другой, нежели официальный, взгляд на балканский кризис, будоражили общественное мнение, поскольку были аналитически весомы, аргументированы и квалифицированы.

Появлявшаяся на страницах печати информация ученых будила сознание тех, кто сомневался в правдивости газетных новостей, кто хотел разобраться в происходившем. Мне довелось много выступать с лекциями по стране, и я заметила, что даже в очень отдаленных районах Сибири, Урала, куда и центральная печать доходила с трудом, люди жадно ловили каждое слово, сказанное или написанное о Югославии, испытывая огромный информационный голод, подсознательно ощущая, что события в центральных газетах и на телевидении подаются в искаженном виде.

Постепенно стали появляться и научные обобщения. Среди крупных статей обобщающего характера следует назвать работу директора Института славяноведения, профессора В.К.Волкова «Трагедия Югославии» (53), в которой сделана попытка рассмотреть причины кризиса и его основные моменты на первом этапе развития. В ней впервые в российской историографии проблема Югославии поставлена в контекст общебалканских и общеевропейских проблем, и связывается она с противоречиями предшествующего периода. Общий обзор кризиса с точки зрения специалиста-географа представлен в серии публикаций профессора МГУ Э.Б.Валева (56). Пожалуй, это самое обобщающее исследование, дополняемое прекрасно составленными картами, статистическими таблицами, схемами. К сожалению, опубликованное в малотиражной газете «География», оно не доступно широкому кругу читателей. Доктор экономических наук Ю.К.Князев в журнале «Федерация» проанализировал всю предшествующую кризису историю межнациональных отношений в новой Югославии и эволюцию югославской федерации. По его мнению, «незавидная судьба югославской федерации стала поучительным уроком» для России (169, с.154). Об исторических причинах кризиса в 1994 г. появилась обширная статья доктора исторических наук И.И.Лещиловской (55). Рассматривая исторические пути формирования наций на Балканах, автор отмечает, что «рождение национальной идеи как формы самосознания происходило у сербов и хорватов с существенными особенностями. Их этносоциальное развитие обуславливалось размежеванием на религиозной почве» (55, с.43). Попытка рассматривать югославский кризис с точки зрения европейских процессов сделана в Центре европейских исследований Института США и Канады РАН в коллективной статье сотрудников этого Центра (54). В ней определяются основные «болевы точки» кризиса в 1993 г., показывается дестабилизирующая роль Хорватии в югославских событиях, рассказывается о позиции отдельных европейских стран в конфликте (впервые упоминаются позиции соседей Югославии), делается вывод о возможном расширении конфликта, его интернационализации, даются рекомендации российскому руководству. В учебнике «История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века», написанном для Института управления и права, раздел посвящен кризису, но он носит схематический характер из-за небольшого объема книги (127).

Большой резонанс среди ученых вызвало Дейтонское соглашение. Появилась серия статей — И.В.Куликовой, В.С.Милованова, Л.В.Тягушенко и других авторов, оценивавших сей документ с достаточно критических позиций (149; 150; 151; 152).

Кризис на Балканах еще не закончился, а российские ученые уже активно занимаются исследованием его проблем. В Московском государственном университете на историческом факультете в 1993, 1995 и 1998 гг. читался специальный курс «Генезис балканского кризиса и позиция России» (Е.Ю.Гуськова). В 1996 г. в Институте этнологии РАН защищена докторская диссертация М.Ю.Мартыновой по одному из аспектов современного балканского кризиса — «Этнические аспекты современного балканского кризиса». В 1998 г. на основе докторской диссертации увидела свет монография М.Ю. Мартыновой «Балканский кризис: Народы и политика», в которой процесс распада федерации рассматривается с точки зрения этнолога (205). В книге серьезно рассматриваются этнополитические процессы на территории бывшей Югославии. Однако многие авторы не могут столь же глубоко показать истоки и содержание войны в Боснии и Герцеговине, Хорватии, деятельность миротворческих организаций или переговорного процесса по урегулированию кризиса, поскольку им недоступны были документы и материалы, появившиеся в Хорватии, Сербии, Словении. Иногда о войне, например, они писали по российским газетам и журналам. В 1995 г. в рамках этого же Института увидела свет монография «Новая этнополитическая карта Балкан» (33). По рассматриваемой проблеме защищены несколько кандидатских диссертаций: М.В.Ганиным — о роли ЕС в урегулировании конфликта (82), Е.Г.Пономаревой — о крахе модели югославского федерализма (83), Е.А.Лукашенко — о распаде Югославии (84).

Проблема кризиса на Балканах волновала и наших украинских коллег. В Национальном институте стратегических исследований этими вопросами занимается кандидат военных наук А.Маначинский (62).

Западная литература очень обширна. О кризисе на Балканах писали и в Чехии (199), и в Англии (201; 202) и в Америке. В США и Канаде много писали выходцы из Югославии — Бранка Магаш, видевшая причины распада Югославии исключительно во внутренней ситуации в стране и, прежде всего, в событиях в Косове 1981 г. (94), С.Дракулич (95; 96), Миша Глени (97), И.Джукич (98) и многие, многие другие. Хорват И.Томич выпустил небольшую книгу, в которой доказывает, что «Босния и Герцеговина всегда была хорватской территорией» (193, с.42). Назовем имена двух американцев, ученых-историков, которые занимаются историей Боснии и Герцеговины: Роберт Донна и Джон Файн. Они выпустили книгу «Balkan — преданная традиция» (57). В этом историческом экскурсе, который постоянно переключается с современными событиями, авторы доказывают, что Босния и Герцеговина имеет многовековые государственные традиции, постоянную границу с Сербией и Хорватией и имеет право на самостоятельное унитарное государство.

Наиболее крупной работой американских исследователей является монография Сьюзен Вудворд «Балканская трагедия. Хаос и распад после «холодной войны» (99). Автор большое внимание уделяет международному фактору в решении югославских проблем. Однако законченная в 1994 г., монография не охватывает весь период кризиса. Американские журналисты Л.Силбер и А.Литл много времени провели на Балканах и выпустили одну из интереснейших книг о событиях в этом регионе, широко используя интервью участников событий (100). Основной посылкой авторов является то,

¹ Книга перепечатывалась в боснийском журнале «Свет», выходящем в Любляне, в нескольких номерах. Авторы представлены в журнале достаточно полно, а точное название самой книги, появившейся в сараевском издательстве «Фама», не приведено (57).

что никто не виноват в смерти Югославии кроме нее самой. Распад готовился и осуществлялся в стране ее лидерами, а «главную ответственность несет сербский националист С.Милошевич». «Мы следим за событиями с подъема сербского национализма среди белградских интеллектуалов середины 80-х годов и использования национальной риторики Слободана Милошевича, которая за этим последовала... Как одну из своих центральных тем книга прослеживает развитие сербского сепаратизма под руководством С.Милошевича», — писали авторы (100, с.28). Этой книге свойственны яркие образы и журналистская поверхностность, незабываемые картины войны и мира и определенный «западный» схематизм.

В Англии увидели свет книги, которые рассказывали о борьбе Хорватии за свою независимость (202), о сербах (201).

Во Франции написано много работ о кризисе на Балканах. Французская историография в целом достаточно упорна в обвинениях сербов в развязывании войны, в гегемонизме, недемократизме. Библиография включает несколько десятков книг и статей. Но из большого количества работ французских авторов обратим внимание на книгу Жерара Бодсона «Европа апатридов» (70), которая рассматривает события на Балканах не в традиционной для современной Франции антисербской манере, а связывает их с созданием нового мирового порядка, обвиняя Германию и США в развязывании войны на территории бывшей Югославии. Жерар Бодсон показывает взаимозависимость между подготовкой, подписанием и ратификацией Маастрихтского договора и уступками, которые Париж сделал Бонгу, когда Геншер потребовал признания Словении и Хорватии. Противник однобокого мышления, этот автор во второй своей книге «Новый мировой порядок и Югославия» развенчивает привлекательность идеи нового мирового порядка, полагая, что Югославия стала местом пересечения «немецкого аппетита и стратегических американских интересов» (71).

Источниковая база исследования сегодня достаточно обширна. Это позволяет рассматривать события, используя разнообразные виды материалов и документов, что непременно ведет исследователя к объективному пониманию происшедшего. Задача историка заключается в умении правильно ими пользоваться, отделив подлинные данные от пропагандистских фальшивок. Для ученого крайне важно располагать источниками не только разнообразными по жанру, но и отражающими все стороны конфликта. К сожалению, большинство работ западных авторов, претендующих на объективное освещение событий, практически не используют источники стран Балканского региона. Так, в одной из самых больших на сегодняшний день монографий о кризисе на Балканах американка Сьюзен Вудворд практически не использует ни сербскую, ни македонскую, ни хорватскую, ни боснийскую источниковую базу, а пользуется лишь англоязычной литературой (99). Между тем, источники по исследуемой теме достаточно разнообразны и позволяют всесторонне рассмотреть проблему возникновения и развития одного из самых острых кризисов XX в.

Безусловно, среди документов важное место занимают *документы ООН*, других *международных организаций*. Это самый большой массив источников для изучения кризиса на Балканах. Документы ООН распадаются на несколько групп: резолюции Совета Безопасности, доклады Генерального секретаря ООН, в которых отражен весь процесс деятельности ООН, документы Международной конференции по бывшей Югославии, Контактной группы, а также решения Генеральной Ассамблеи ООН. Кроме того, большую группу составляют документы, подготовленные в конфликтующих или заин-

тересованных странах и распространявшиеся в ООН в качестве официальных документов. Большинство перечисленных документов не опубликованы и находятся в Информационных центрах ООН в Москве и в Вашингтоне. Поэтому в списках используемой литературы и источников после каждой главы эти документы отражены под номерами, принятыми в ООН. Ряд документов ООН публиковались в Югославии на сербском языке. Журнал «Международная политика» в каждом номере в приложении публиковал документы международных организаций по разным аспектам кризиса (64). Редакция журнала выпустила серию сборников документов, среди которых — Резолюции Совета Безопасности (65), Документы Совета Европы (78), Документы НАТО (79), Документы СБСЕ (80). В журнале «Огословенски преглед», начиная с 1992 г., публиковался подробный отчет обо всех резолюциях СБ и основных документах ООН по югославскому кризису, а также сами документы (66). В 2000 г. Центр по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН издал три тома документов ООН по югославскому кризису (217).

Бесценным источником для изучения данной проблемы являются *документы миссии «голубых касок»* на территории Югославии. Лишь очень незначительная часть документов опубликована в ежемесячном журнале сил ООН, выходившем в миротворческой миссии в Загребе (67). В целом они отражают «неотшлифованную» ситуацию на местах, во всех секторах миротворческих сил. Это — и донесения военных наблюдателей, и ежедневные отчеты всех структур миротворцев, и аналитические записки.

Среди источников большую группу составляют опубликованные *законодательные акты и статистические данные*. Они имеются как по предшествующему периоду, так по периоду 90-х годов (2; 3; 14). Так, например, Министерство экономики РСР опубликовало статистический сборник по экономическому потенциалу Республики (14). В этом же сборнике представлена статистика населения Краины по общинам. Статистические данные по одной из областей Краины — Бараньи — представлены в книге «Развитие населения Бараньи» (3). Статистика доведена до 1992 г., проведена сербскими властями и утверждает, что данные по 1991 г. в некоторых местах были фальсифицированы (3, с.46). Есть материалы по Сербской области Славония, Баранья и Западный Срем (20). Географический факультет Белградского университета издал книгу всесторонних статистических данных о сербах в Хорватии. Сборник дает точную картину размещения, миграции, этнической истории, изменений структуры сербского населения в Хорватии по всем общинам. Он снабжен картами, диаграммами, данными, которые систематизированы и размещены в таблицах (156).

Важными являются выходившие в то время Служебные вестники, где печатались постановления парламентов, решения правительств во всех республиках СФРЮ (136; 137; 138; 139).

Для анализа идеологическо-политического спектра общественных структур СФРЮ и новых государств мы располагаем опубликованными и неопубликованными *документами политических партий* (8; 11).

Ряд опубликованных *сборников документов* с разных аспектов запечатлевали сложные *современные события* — войну, политические процессы (4; 5; 13). Сразу после разногласий между сербами Боснии и Герцеговины и Белградом в августе 1994 г. появился сборник документов, раскрывающий проблему разрыва отношений между сербами разных республик (192). Было издано несколько сборников документов о сербах в Хорватии. Например, сборник «Факты о Западной Славонии» публикуют документы о нарушениях прав человека в Хорватии, документы ООН по этому вопросу (13). Первые

свидетельства о нарушении прав человека в Хорватии с мая 1990 по май 1991 г. собраны в книге «Изгнание сербов из Хорватии 1990/1991: Документы», изданной Сербским национальным вече (4), а также в книге «Насилием и преступлением против права» (17). В 1993 г. увидел свет сборник документов высших государственных органов Югославии о военных преступлениях на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины (75). Книга представляет собой сочетание документов и хронологию важнейших событий самого трудного периода в развитии кризиса — 1991 и 1992 гг. О нарушениях прав человека, убийствах и преступлениях в районе Коницы (Северная Герцеговина) свидетельствует книга «Новый геноцид над сербским народом в Коницком крае» (16), а в районе Мостара и долины Неретвы — книга свидетельств беженцев из этих краев (186). Неоспоримые доказательства массового убийства сербского народа в Боснии и Герцеговине в районе Братунаца представлены в сборнике документов, подготовленном М.Иваншиевичем (81). Ряд документов о «геноциде над хорватским народом» представлены в иллюстрированной монографии, изданной в Загребе, «Массовые убийства и геноцид в Хорватии» (32).

В Белграде в самом начале кризиса ученые-историки создали общественный центр по сбору документов и свидетельств о нарушениях прав человека в Хорватии, БиГ. Возглавляет этот «Информационный центр Сербского сабора» (ИЦСС) доктор исторических наук Воин Дабич. Все годы ИЦСС собирал документы о зверствах против сербского населения, предоставлял материалы для государственных органов, формировал досье для Международного трибунала. Особенностью деятельности историков-энтузиастов является то, что они не оперируют ни одним непроверенным фактом. Все данные тщательно и неоднократно проверяются. После получения неопровержимых доказательств данные систематизируются и заносятся в специальные досье. Досье ИЦСС представляют собой неоценимый материал для исследователя. Часть материалов Центр начинает публиковать. Так, появилась книга документов и свидетельств о Вуковаре (162). Сравнение опубликованного материала с теми данными, которыми располагает автор, позволяло восстанавливать картину событий в Вуковаре.

Многие ученые публикуют в своих работах в качестве приложения разнообразные документы — протоколы собраний и встреч, данные о торговле оружием или документы международных организаций (101;19;103;104). В этом отношении большой интерес представляет исследование М.Булаича «Развал югославского государства 1991–1992» (105), в котором сочетается анализ ученого с публикацией большого количества документов. «Рукопись представляет собой попытку создать истинное представление о югославском кризисе через мозаику.., сложенную из фактов, взятых из разных источников. При этом автор выступает архитектором соединения документов и обязательно указывает источник, откуда он взят. Для полной мозаичной картины необходимы еще камушки. Книга припашает всех, особенно «актеров» кризиса, внести в это дело свой вклад» (105, с.19). Автор публикует много церковных документов, протоколов и стенограмм заседаний разных органов власти СФРЮ, документы международных организаций и других стран, каким-либо образом связанных с первым периодом кризиса на Балканах.

Мы располагаем также *неопубликованными документами*, хранившимися на руках у участников событий. Это — переписка (22; 23), записи бесед, неопубликованные протоколы и решения правительственных структур (24; 25). Кроме того, по материалам внешней политики России имеются как опубликованные, так и не опубликованные документы, такие, как стенограммы заседания Верховного Совета РФ по югославско-

му вопросу¹, решения и постановления комиссий и комитетов российского парламента.

Мемуарная литература. Во всех республиках бывшей Югославии уже появилось большое количество мемуарной литературы, которую следует рассматривать как один из важных видов источников. Прошло еще совсем мало времени после известных событий, поэтому важно, что они написаны по горячим следам, несут на себе отпечаток эмоций, переживаний, с одной стороны, а с другой, — фиксируют факты, которые вряд ли были бы известными широким читателям и исследователям (6; 7; 10; 12; 216).

Следует, однако, различать чистые мемуары, т.е. воспоминания, написанные по прошествии некоторого, пусть даже короткого, времени после событий, и дневниковые записи. Последние представляют особый интерес, поскольку, как правило, точно воспроизводят даты, данные, не искажают факты в связи с их последующей общественной или политической интерпретацией. Но в них мы должны опасаться и искажений, связанных с собственным участием в событиях. Безусловно, мы понимаем, что у каждого народа свое понимание «правды» в этих войнах. Поэтому мы располагаем свидетельствами сербов, хорватов, словенцев, мусульман и стараемся их использовать максимально широко.

Большой интерес представляют опубликованные выдержки из дневника (1989–1992) одного из руководителей страны, видного политического деятеля — Борисава Йовича (12). В ней как на ладони видны все действующие лица событий в самые «горячие» месяцы распада федерации, передается напряженная атмосфера среди руководства страны, поднимается самый широкий спектр вопросов — от внутренних интриг, до роли международных организаций. К «дневниковому» виду источников относится книга шефа кабинета министра обороны Сербии Д. Гаич-Глишич (6). Эта женщина вела ежедневные записи большинства разговоров, которые велись в кабинете министра с сентября по декабрь 1991 г. Книга передает атмосферу тех дней, напряженный поиск новой концепции сербской армии, отражает основные события войны в Хорватии и хаос в политических верхах Югославии. В Белграде Институт новой истории Сербии опубликовал «Дневник» жителя Сараева Йована Билека и 45 беженцев из этого города (73). Инженер Й. Билек первые три месяца войны каждый день записывал все, что видел и ощущал в своем городе, на своей улице, в своем подъезде. В «Дневнике» мы находим размышления о причинах войны, о взаимоотношениях соседей, причинах отъезда из города, поведении армий. Безусловно ценным источником являются воспоминания беженцев, представленные в этой же книге. Это и мусульмане, и хорваты, и сербы, бежавшие в Сербию, но проживавшие в разных частях города — и под властью мусульман, и под контролем сербов (73). Каждый день в осажденном Сараеве, начиная с 4 апреля 1992 г., вел дневник бывший директор телевидения, министр информации Бил' Велько Койович (172), записывавший все, что происходило с обычными людьми на улицах, дома, во дворе. Он совсем не касается политики, создавая картину тяжелого быта, раздора или взаимной выручки обычных людей, брошенных на выживание в большом многонациональном городе. «Свидетелем из Сараева» предстает перед нами сарайлия² Борис Юг, серб, женатый на хорватке и живший в мусульманской части города (185).

¹ В 1994 г. автор опубликовал стенограммы заседания Верховного Совета в книге «Югославский кризис и Россия».

² Так называют себя жители Сараева.

Один из активных участников всех событий в РСК, министр информации Б.Рашиу опубликовал книгу «Зачем теперь Югославия» (160). Прекрасный писатель, он являлся и свидетелем всех перипетий на политическом Олимпе Республики Сербской Краины. Он любил откликаться на происходящее, в том числе и на свою отставку, письмами и обращениями. Теперь они стали неоценимым источником политических интриг и борьбы за власть в РСК. Пишут воспоминания полковые командиры (10; 21; 27), солдаты, врачи (31). Несомненный интерес представляет книга А.Йовановича «Война сербов и хорватов в 1991 г.» (27), написанная в октябре 1992 г. по горячим следам военных событий в Хорватии. Полковник югославской армии А.Йованович присоединяется к ополченцам Восточной Славонии в сентябре 1991 г., чтобы помочь им как военный специалист. Часть книги — это его дневниковые записи с передовых позиций около села Тене. Большую ценность представляют также помещенные в специальный раздел воспоминания офицеров блокированных армейских казарм практически со всей Хорватии. Последний раздел — это глубокий критический анализ автором состояния ЮНА и причин ее поражения в войне с Хорватией. Он показывает красноречивую картину разложения армии в период распада государства, которое не смогли преодолеть политические силы, руководившие страной.

Российский публицист И.Ф.Прийма составил и опубликовал (1993) сборник интервью и документальных свидетельств участников событий на территории Югославии, полагая, что «этот небольшой луч, высвечивающий отрезок жизни сегодняшней Югославии на фоне полного отсутствия серьезной литературы и достоверных сведений о ней, — будет безынтесен для русского читателя» (206, с.4).

В Хорватии опубликовал свои воспоминания последний Председатель Президиума СФРЮ Стипе Месич. Он назвал свою книгу «хроникой драмы последней фазы исчезающего государства» (72, с.V). Несмотря на документальный характер работы, который дает представление о реальных событиях 1990 и 1991 гг., на возможность использовать ее в качестве источника для изучения этого периода, книга страдает тем, что сильно политизирована, наполнена желчью и неприязнью к сербской части Президиума СФРЮ, в ней искажаются или умалчиваются ряд фактов. Например, отрицается стремление сербского народа отделиться от Хорватии, искажаются размеры сербского восстания. Читателя пытаются убедить, что большинство сербов выступало за совместную жизнь с хорватским народом, и «только меньшая часть последовала за военизированными этническими группами, заброшенными со стороны» (72, с.4). Поскольку книга вышла в 1992 г., то должна была создавать ощущение «развенчivanja сербского агрессора» и справедливости борьбы хорватского народа против «сербского гегемонизма». Она интересна с точки зрения той атмосферы, которая складывалась в руководстве Хорватии в самые напряженные месяцы борьбы за самостоятельность и которую так живо описал С.Месич, международной обстановки и взаимоотношения Хорватии с Германией, Австрией, Ватиканом. В ней присутствует дух борьбы за «Прекрасную нашу» (так хорваты любовно называют Хорватию). Автор приводит много документов, пересказывает телефонные разговоры, публикует стенограммы заседаний Президиума, что крайне интересно для исследователя.

Важной для изучения кризиса является книга хорватского генерала Янко Бобетко, составленная из его мемуаров, интервью, служебной и частной переписки, выступлений вплоть до 1996 г. Участник и военный стратег «всех битв», как он пишет, коман-

дующий хорватской армией Я.Бобетко подробно описывает многие события в Хорватии в 1990 и 1991 гг., военные действия, показывает цели и задачи политической элиты республики во время борьбы за самостоятельность (216).

О Вуковаре книг написано мало. Больше имеется свидетельств, разбросанных по газетам, видеокассетам, журналам. Одна из книг воспоминаний принадлежит перу хорватского хирурга Ю.Навро, который проработал в вуковарской больнице все месяцы ожесточенных боев (31). Он не только записывал то, что видел сам, а это, главным образом, данные о работе больницы, но и опубликовал воспоминания некоторых защитников города, а также своей жены, учительницы, которая несколько месяцев провела в подвале одного из домов, спасаясь от артобстрелов.

В Словении поделился своими воспоминаниями о тех событиях, «которые глубже всего врезались в память», Я.Янша, министр обороны Словении. Он написал объемную книгу о событиях в республике в 1991 г. Его воспоминания представляют значительный интерес для исследователя, так как написаны через достаточно короткое время после событий и наполнены большим количеством фактов, документов и личных оценок (140). Министр снабдил книгу большим приложением — хронологией событий, а также опубликовал значительное количество документов, относящихся к процессу отделения Словении от СФРЮ. Один из политических деятелей СФРЮ и Словении Франц Шетинц выпустил книгу, основанную на воспоминаниях, в которой подробно рассматривает историю Югославии и сложных взаимоотношений политической элиты в 80-е годы. К сожалению, автор очень небольшое внимание уделяет войне в Словении (198).

О первых годах кризиса в Боснии и Герцеговине значительный интерес представляют воспоминания Адилы Зулфикарпашича (171), который некоторое время был активным политическим деятелем новой Боснии и Герцеговины, вернувшись в страну из эмиграции в 1990 г. Он вспоминает многие разговоры, встречи, детали сложных политических перипетий 1991 и 1992 гг. К сожалению, о войне в БиГ он знал только понаслышке, так как, не сойдясь с А.Изетбеговичем во взглядах, он снова вернулся в Швейцарию и активно работал как оппозиционер.

За достаточно короткий срок появились мемуары непосредственных участников событий, которые были в верхних эшелонах переговорного процесса или управления кризисом. К ним можно отнести книгу Д. Оуэна (59), переведенную уже на ряд языков, дипломатические записки Ричарда Холбрука (58), воспоминания Льюиса Маккензи, американского посла в Белграде У.Циммермана (176). В Швеции Керстин Шульд, в период с 1991 по 1993 г. несколько раз посещавшая миссии ООН в Западной Славонии, опубликовала свои воспоминания, в которые включила описания встреч, разговоров, интервью с сербами и хорватами (153).

Некоторым особняком в ряду мемуарной литературы стоит небольшая книга последнего министра обороны СФРЮ В.Кадиевича «Мое понимание распада» (26). В ней автор попытался проанализировать события, отвести от себя лично обвинения в предательстве интересов Югославии. Поэтому в книге мало мемуарных моментов, а больше исследовательских. Тем не менее, в ней масса сведений, которые являются крайне важными, в частности о планах ЮНА в Хорватии, БиГ, о реформе армии и др. Несомненно, В.Кадиевич, как участник событий, предстает перед нами человеком наделенным властью, с определенной концепцией, которую он активно отстаивал в те годы.

Непосредственным источником являются также сборники, в которых опубликованы выступления, речи, статьи, письма и документы непосредственных участников собы-

тий. Так, увидели свет книги министра иностранных дел РС А.Бухи «Аргументы за Республику Сербскую» (60), сборник о генерале Младиче (61), сборник выступлений А.Изетбеговича (76), речей С.Милошевича (77) и ряд других. Обратим внимание на книгу Л.Булатович «Генерал Младич» (61). Хотя книга написана о полковнике, она является неоценимым источником о событиях в Боснии и Герцеговине, начиная с 1990 г. Автор выбрала любопытную методику для своей книги. Она выстраивает ее из документов, которые отображают событийный ряд, помогающий понять, в каких условиях действовал генерал, кто являлся его ближайшими сподвижниками, его взаимоотношения с политической властью, логику его поступков. Автор перепечатывает много статей, отрывков из книг, выступлений на пресс-конференциях свидетелей событий из разных стран — французов, итальянцев, англичан, американцев, русских — журналистов, военных, политиков, дипломатов. Это позволяет всесторонне рассмотреть события в Боснии и Герцеговине.

Кроме опубликованных, мы используем в книге и *неопубликованные воспоминания* отдельных участников событий, которые удалось записать во время многочисленных поездок по Боснии, Хорватии, Югославии, Македонии. Люди вспоминали, как все начиналось в 1991 или в 1992 г., что им пришлось пережить, или как они оценивают те или иные события. Такие воспоминания не лишены эмоциональности, но наполнены массой любопытных деталей и нюансов, которые вряд ли появятся в печати.

Важным источником является *периодическая печать*. Для исследователя периодическая печать Сербии, Черногории, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Республики Сербской, Республики Сербской Краины представляет собой неоценимый источник данных о событиях исследуемого периода. Она давала, прежде всего, хронологию событий, основную информацию и факты, публиковала первые документы, репортажи с места событий, данные о политических и военных деятелях. Однако к этому источнику следует относиться осторожно. Например, периодическая печать России была одним из основных источников информации для россиян. Однако сами газеты, особенно в первые годы кризиса, не имели своих корреспондентов на Балканах и пользовались представляемыми материалами западных информационных агентств. Сообщения Е.Вострухова, корреспондента «Известий» из Белграда, в 1991 и 1992 гг. никогда не публиковались в полном объеме: они или сокращались до неузнаваемости событий и фактов, или дополнялись строками сидящего в Москве редактора, пользовавшегося исключительно западной информацией. Сообщения Александра Кондратьева, И.Иванова из ИТАР-ТАСС редко появлялись на страницах российских газет и журналов. Их информация, находящаяся в архиве ИТАР-ТАСС, является ценнейшим источником для изучения исследуемого периода. Сообщения же Сергея Грызунова, представителя РИА «Новости» в Белграде, не носили объективного характера, особенно в последний год его работы в Югославии. Труднее всего было получать материалы из Боснии и Герцеговины. Тем не менее в ноябре 1992 г. Сергей Грызунов отказывается принимать сообщения сербского агентства СРНА из Боснии и Герцеговины, ссылаясь на то, что «информация» о событиях в Боснии мы получаем из других источников» (74). Именно поэтому под влиянием целого ряда факторов информация о событиях на Балканах в России часто носила искаженный характер.

Новым видом источников для современного исследователя являются *видеокассеты*. Мы располагаем целым рядом документальных фильмов, снятых российскими и западными журналистами. Их трудно, но возможно использовать в монографическом исследовании. Так, большой интерес представляют фильмы о событиях в Хорватии в 1991 г., интервью политических деятелей того времени — Р.Караджича, М.Краншиника, генерала М.Поуза.

Информационная война. Проблема роли средств массовой информации (СМИ) очень актуальна при рассмотрении причин конфликта и особенностей его развития. Зависимые глобализмом происходящего, мы лишь сегодня можем отстраненно посмотреть на ту роль, которую сыграли СМИ в югославском кризисе. Причем, я говорю обо всех СМИ, не только и не столько о югославских. Заметим, что оглушенные скоротечностью нахлынувших перемен, быстротой сменой декораций, непредвиденными поворотами событий, политические деятели Югославии в начале 90-х годов мало думали о роли средств массовой информации. Их растерянность перед грядущим хаосом отразилась на достаточно равнодушном отношении и к СМИ.

Тем не менее, средства массовой информации не только не были сторонними и объективными наблюдателями, но были субъектом конфликта, сыграли в югославском кризисе, я бы сказала, зловещую и непростительную роль. Актерам во время спектакля очень трудно следить за светом, или уровнем звука, они играют, живут на сцене, переживают. Свет — дело режиссеров. Так было и на Балканах — одни спорились, выясняли отношения, а другие крепко держали в руках сценарий, согласно которому СМИ отводилась одна из главных ролей имитации света, звука, а также желаний и стремлений основных актеров.

Западные СМИ выливали на читателей огромный поток информации с Балкан, выполняя задачу формирования общественного мнения. Они обвиняли в разжигании конфликта югославское руководство, доказывали своим читателям, что в Югославии ведется националистическая пропаганда, что коммунистические лозунги меняются на националистические, что опровергается миф о братстве и единстве, создается обстановка страха и агрессии, сплачиваются массы под националистическими лозунгами, идет подготовка к войне (85). Обозреватель газеты «Гардиан» Ян Трейнор доказывал способность СМИ вызывать или предотвращать войну на примере Югославии. Важно подчеркнуть, что, анализируя состояние СМИ в СФРЮ и в ее республиках на начальном этапе конфликта, западные журналисты прежде всего критиковали сербские СМИ, критика хорватской политики была осторожна, к мусульманам в БиГ демонстрировалось лояльное отношение.

В 1994 г. Международный институт прессы (МИП) — элитарный журналистский клуб, считающий себя гарантом свободы печати во всем мире, — провел исследование «Роль СМИ в югославском конфликте», согласно которому СМИ стран экс-Югославии изначально работали на войну и в 90-е годы стали одним из главных компонентов топлива для этой войны. Исследователи отмечали, что первоначально пропаганда СМИ стала средством нагнетания напряженности в Сербии, по их мнению, «старом мастере военной пропаганды». Затем только эстафету Белграда приняли Загреб и Сараево (86).

Написанное исследование показывает, что раздоры в СФРЮ начались в республиканских верхушках, а не среди народа, направлялись и осуществлялись политическими лидерами. В углублении раскола большую роль сыграли средства массовой информации — телевидение, печать, радио. Изначально конфликт был управляем темп силами, которые хотели отделиться. Находившиеся под их влиянием телевизионные станции в конце 80-х годов постепенно перекрыли свободный поток информации, передавали только ориентированные на республику новости, смакуя конфликтные моменты, подчеркивая различия, гордясь независимостью своих лидеров, ставя им в заслугу несогласие с центром. Телевидение Белграда, в свою очередь, старалось ограничить объем передач из других республик, всячески подчеркивая единство федерации. Постепенно республи-

капские СМИ начали поддерживать тех политических лидеров, которые защищали национальные интересы. Этническая принадлежность становится предметом манипуляций, а национальная ориентация — средством достижения власти.

Чтобы перевести внутренние разногласия в конфликт, который сможет порвать федеративные государственные связи и привести республики к независимости, нужна была более мощная пропагандистская подготовка. С 1991 г. в СМИ на территории Югославии, а затем Европы и мира начинается настоящая информационная война.

Француз Жак Мерлино в своей книге «Нельзя говорить вслух обо всех югославских истинах» (177) писал, что в мире появился новый бизнес — агентство по связям с общественностью, действующие в сфере политики и информации (87, с.200). Их клиентами становятся «профессионалы» разных стран, когда необходимо провести манипуляции с информацией. Автор называет агентство Hill&Knowlton, которое прославилось своей подачей информации во время войны в Заливе. Клиентами этой компании стали также Хорватия, Босния и Косово. Жак Мерлино опубликовал досье, которое ему предоставил директор компании Ruder Finns Global Public Affairs Джеймс Харф, которому компания на протяжении многих месяцев сотрудничала с Хорватией (с августа 1991 по июнь 1992 г.), с Боснией и Герцеговиной (с мая по декабрь 1992 г.) и с Косово (с октября 1992 г.), чтобы помочь им в борьбе против «сербского агрессора» (87, с.201). Во время разговора журналиста и директора компании Д.Харф рассказал Ж.Мерлино, как новосозданные государства Хорватия, БиГ и сепаратистское движение в Косове стали клиентами его компании и как ему платили, чтобы для них была «модифицирована» картина гражданской войны в Югославии, т. е. искажена истинная картина конфликта в полном объеме. Они располагают картотеккой, содержащей несколько сотен влиятельных имен, по адресам которых они направляют свои (дез)информации. «Мы можем, — откровенно говорил Харф, — за несколько минут разослать четкую информацию всем, кто, по нашим расчетам, отреагирует. Наше ремесло — посеять информацию, чтобы она как можно быстрее циркулировала, чтобы тезисы, благоприятные для нашего дела, были первыми, получившими распространение. Скорость — существенный фактор. Если какая-то информация представляет ценность для нас, мы должны сразу же внедрить ее в общественное мнение, потому что мы хорошо знаем, что в расчет принимается первая информация. Опровержения не имеют никакой эффективности... Важно обращаться к пугливым личностям...» (86, с.94–95). С помощью компьютера и факс-аппарата фирма обслуживает несколько сотен ведущих политиков, журналистов, руководителей гуманитарных организаций, профессоров в университетских центрах, фильтруя информацию и в считанные минуты поставляя нужные сведения нужным людям. Только за три месяца было организовано 30 целевых бесед с издателями ведущих газет, направлено 13 эксклюзивных материалов, 37 факсов в ту же минуту как произошло событие, 17 официальных писем и 8 официальных заявлений. Фирма обеспечила рабочие контакты боснийских властей в США — с вице-президентом Гором, госсекретарем, семнадцатью влиятельными сенаторами (86, с.95; 88).

Больше всего директор компании гордился тем, что ему удалось привлечь на свою сторону часть влиятельных лиц еврейского происхождения. Это было очень трудным делом, так как в антисемитизме могли обвинить как раз и Ф.Туджмана, и А.Изитбеговича. История давала достаточно оснований для таких опасений. Как подчеркивал сам Д.Харф, «жестоким антисемитизмом была отмечена история Хорватии и Боснии. Более десяти тысяч евреев было ликвидировано в хорватских лагерях». Тем не менее фирме удалось, как отмечал ее директор, внедрить «блеф» о существовании лагерей,

которые умело и неназойливо были названы «концентрационными», в умы еврейских организаций. Уже после этого легко было сравнить сербов с нацистами и заручиться поддержкой еврейских организаций в антисербской борьбе (86, с.96). Джеймс Харф особенно доволен, что ему удалось внедрить в общественное мнение ряд штампов, таких, как «концлагерь», «геноцид», «массовые изнасилования», которые очень помогли «профессионально» выполнить свою работу.

Не только эта фирма, но и многие СМИ вольно или невольно создавали стереотипы и закрепляли их в сознании читателей и слушателей. Американский журналист Петер Брок обработал 1500 статей из газет и журналов 1992 г., опубликованных различными агентствами новостей на Западе, и пришел к выводу, что соотношение публикаций против сербов и в их пользу составляет 40:1 (174). Журналист Д.Оуэн описал в лондонском журнале «Еuroпа time» в сентябре 1994 г. реакцию редактора журнала, когда он прочитал его сообщение из Боснии: «Очень хорошее, но разве оно не могло быть больше антисербским?» — «Почему?» — «Потому, что большинство газет на этой неделе антисербски настроено...» (173, с.38).

Односторонняя картина происходивших событий и их причин, отразившаяся в средствах массовой информации, привела к тому, что в общественном мнении сложился устойчивый стереотип причин и содержания происходивших на Балканах событий.

Назовем некоторые из стереотипов, которые успешно были внедрены в общественное сознание.

1. Показать начинающийся конфликт как борьбу между демократией (Словения, Хорватия) и коммунистической диктатурой (Сербия, Югославия). Отсюда делался вывод, что демократия надо помочь, ведь Запад всегда готов поддержать демократию.

2. Создать образ руководителей Югославии как ортодоксальных коммунистов, последний оплот коммунизма, с которым надо бороться.

3. Создать образ виновного за конфликт. Постепенно он перерос в образ врага. Им стала Сербия и, соответственно, сербы. Большинство материалов СМИ Запада и Восточной Европы (в 1991 и 1992 гг. исключением не была и Россия) составляли перепечатки и пересказы других информационных агентств. Газеты пестрели заголовками: «Сербия надо поставить на колени», «Убийцы Сараева», «Бандиты на Балканах». В канадской печати писали о том, что сербы всегда пьяны, небриты, тучны, со «зверским взглядом на врагов» (74). Американский журналист из «Нью Йорк таймс» Д.Байндер писал, что 90% американской печати смотрело на югославский кризис с догматических позиций: «Если вы догматик, то все, что совпадает с вашим мнением, это хорошо, а все, что не совпадает — плохо». Он уточнял: «Это классически по-американски, будто смотришь Голливуд, всегда есть хороший и плохой». При этом многие журналисты не были на Балканах. Д.Байндер называет Вильяма Сафайсера, Энтони Лунса. «Доминирующим было сравнение с холокостом. Первым это сравнение употребил Эли Визел, а до этого все время говорили о геноциде. Если преобладают концепция холокоста, то можете себе представить, как радуются люди, когда найдут холокост, который сделали сербы» (89). Журналист полагает, что правительство было под влиянием СМИ, считая, что сербы — главные виновники распада Югославии, что Сербия начала войну, что она агрессор, устраивала геноцид и расправы. С ним соглашается лорд Д.Оуэн: «Телевидение в Америке до сих пор представляет происходящее в мире на уровне противостояния «ковбоев с индейцами», т.е. одни плохие — другие хорошие! Они любят упоминать вещи. Всему этому помогла мощная пропаганда. Это такая же пропагандисте-

кая, как и физическая война!» (90, с.20). В итоге принимались на веру любые слухи, если они касались сербов.

4. Подготовить повод для наказания агрессора. Взрыв в очереди за хлебом в Сараеве (май 1992 г.) повлек за собой введение санкций против СРЮ, взрывы на сараевском рынке Маркале (февраль 1994 и август 1995 г.) стали поводом для воздушных ударов НАТО. Хотя позже было доказано, что сербы не совершали этих акций, они уже были сурово наказаны.

Если Словения, Хорватия и даже Косово тщательно готовились к информационной войне, то Сербия полагала, что правда сильна сама по себе, что ее не надо защищать. Генерал Младич сказал в одном из своих шптервью: «Никакая не тайна, что Хорватия вложила колоссальные деньги в пропаганду. Кувейт в войне с Ираком израсходовал около 12 млн. долл., а Хорватия эту цифру перекрывает больше чем в два раза, дав свыше 30 млн. долл., чтобы писали так, как надо Франьо Туджману и его экстремистской партии ХДС в соответствии с их целями. Однако мы не вкладывали средства в такую пропаганду, нас не интересуют таким образом сконструированные истины» (61, с.89). Все верно, но только Словения и Хорватия выиграли эту информационную баталию и достигли своей цели.

Для многих журналистских публикаций, посвященных событиям на Балканах, было характерно изображение сербской стороны как агрессора и виновника войн в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, а мусульман и хорватов как слабо вооруженных, терпящих постоянные поражения и не получающих должной поддержки Запада вследствие эмбарго на поставку оружия.

Такая же трактовка событий содержалась и в целом ряде исследовательских работ, выпавших на Западе (99; 94). Преобладающей была точка зрения, что «одна нация в рамках многонациональной Югославии — сербы, под руководством президента бывшей республики Сербии Слободана Милошевича решила создать, при поддержке Югославской народной армии, Великую Сербию» (99, с.18). Для этого они решили занять территории соседних Боснии и Герцеговины, Хорватии и Словении, «прогнав и убив все несербское население». «Этой позиции придерживалось и правительство Соединенных Штатов, часть американской политической и интеллектуальной элиты, хотя, — признает С.Вудворд, — на такую позицию повлияли Австрия, Словения и Хорватия, а позже — Германия» (99, с.19). Такая точка зрения стала основой для полити-

¹ Приведем лишь один пример того, как создавался образ врага. По словам Раджу Г.Ц.Томаса, «данные о количестве жертв среди мирного населения в Боснии крайне сомнительны. В начале января 1992 г. упоминалась цифра 17 тыс., а в феврале она выросла до 130 тыс. «убитых или пропавших без вести». Эту цифру пустил в оборот Джон Барнс из «Нью-Йорк Таймс». Слова «пропавших без вести» потом тихо исчезли, и в конце февраля цифра подскочила до 200 тыс. убитых. Эта цифра не изменилась вплоть до ноября 1993 г., когда боснийское правительство снизило ее до 140 тыс. «убитых или пропавших без вести». В передаче «Мекнил Лерер», прозвучавшей 10 января 1994 г., Джон Барнс утверждал, что от 200 тыс. до 300 тыс. мусульман убито, в три раза больше ранено, а свыше полумиллиона изгнано. Это означало бы, что в Боснии почти не осталось мусульман... Канадский журналист Эрик Марголис более года тому назад утверждал, что из Боснии бежало 2,3 млн. мусульман - это притом, что в этой бывшей югославской республике было всего 1,9 млн. населения мусульманского происхождения» (91, с.95-96).

ков США, которые идентифицировали С.Милошевича с «новым Гитлером». Нарушение норм цивилизованного поведения, по мысли руководства США, должно было быть должным образом наказано. Изоляция такого лидера от мирового сообщества и уменьшение опасности его агрессии предполагалось осуществить с помощью целого ряда мер: «политического исключения из международных организаций, дипломатической изоляции, экономической изоляции путем введения торговых санкций и эмбарго на ввоз оружия, установления зон, запретных для полетов, угрозы авиаударов...» (99, с.19). Эту точку зрения выражал и посол США в Югославии У.Циммерман, который пишет в своей книге, что главная вина лежит на С.Милошевиче, «который осуществлял стратегию, приведшую страну к распаду и являющуюся причиной смерти сотен тысяч жителей Югославии» (176, с.246). Авторы большинства книг, написанных на Западе, не использовали литературу, написанную на сербско-хорватском языке, вообще игнорировали такой вид материалов, как документы стран — участников конфликта, не стремились разобраться в причинах и сути происшедшего.

При этом мы не должны впадать в ошибку, что все, написанное на Западе, — написано под диктовку. Несобъективная информация, наводнившая западные СМИ, складывалась как бы из двух потоков — результатов писаний тех, кто оперировал информацией, не зная о ее ложности, и тех, кто сознательно занимался фальсификацией фактов.

Журналистов, выступавших против сложившихся стереотипов, было сравнительно немного. Они пытались найти сбалансированный подход и возложить ответственность за продолжение войны на всех участников конфликта, в том числе и на «мировые державы». Уже упоминавшийся Ж.Мерлино, обозреватель «Цайт» М.Тумман (128), американский журналист Петер Брок (129; 174), корреспондент первого канала французского телевидения Бернард Волкер (131), англичанин Альфред Шерман и Майкл Стентон, американец Йосеф Бодански (134), австриец Петер Хандке (175; 132) и другие журналисты указывали на односторонность освещения балканского конфликта, вскрывали механизмы дезинформации, критиковали своих коллег за предвзятость в освещении балканского кризиса.

Немецкий журналист Петер Хандке пишет, что тех людей, которые пытались писать правду о событиях в Югославии, «никто в Германии не хотел выслушать. Многие немецких журналистов отстранили от работы именно из-за их противоположной позиции. Существовала большая цензура» (132, с.6). Журналисту можно верить, писал П.Хандке, когда он действительно прожил некоторое время с сербами, хорватами или мусульманами. «Но никто этого не делал. Ни американские газеты, ни все европейские, «Панос» и другие. Все это хорошие газеты, которые, однако, из-за отношения к югославскому, сербскому, хорватскому столкновениям полностью утратили к себе доверие. За такое преступление им когда-то придется расплачиваться» (132, с.7).

Если говорить об американской прессе, то очевидно можно назвать несколько причин ее несобъективности: 1) потребности руководства страны; 2) непрофессионализм журналистов, небрежность и поверхностность, характерные для журналистской профессии; 3) специфика подачи информации в США, когда от журналиста требуется не столько знание проблемы и взвешенный объективный анализ, сколько умение найти «жареные» факты и соответствующим образом их препарировать. Журналисты предпочитают писать заметки, небольшие по объему, в которых все факты и рассуждения предельно упрощены, а информация подается в черно-белых тонах. Это так называемый «синдром «Ю.Эс.Эй. тудей», суть которого: «меньше фактов, больше раз-

влечения». «Такой подход к освещению новостей предполагает, что средний американский читатель имеет очень ограниченный круг интересов, и что форма может привлечь читательский интерес скорее, чем содержание» (133, с. 70).

Средства массовой информации Восточной Европы на волне антикоммунистической и антироссийской пропаганды в целом поддерживали западную трактовку событий на Балканах и осудили Сербию.

Российские СМИ имели в этом конфликте как схожие с западными СМИ черты, так и существенные особенности. Прежде всего, для России события на Балканах были большой неожиданностью. Журналистов, которые бы специализировались по Югославии, не хватало, опыта работы в конфликтных регионах не было, материальные и технические средства отсутствовали. Единственный журналист первого телевизионного канала, периодически передававший информацию о событиях в Хорватии, Виктор Ногин, был убит при невыясненных обстоятельствах в начале сентября 1991 г. Поэтому в 1991 г. в Россию поступала, главным образом, лишь переведенная на русский язык информация западных агентств. Она транслировалась по телевидению, перепечатывалась в газетах. Медикали незнакомые названия городов и сел, фамилии новых политических лидеров, а в сути событий обывателю разобраться было невозможно. Несколько лет понадобилось России, чтобы подготовить журналистов, которые могли поехать на Балканы.

А потому первыми, кто писал в российских СМИ, стали ученые-югославы, хорошо знающие страну, ее обычаи, историю, культуру. Они пытались разобраться в событиях, скорректировать складывавшееся общественное мнение, вводили в оборот новые факты и данные, замалчивавшиеся западными СМИ. Но в условиях политического хаоса, когда поддержка политики президента понималась как необходимость единства точек зрения по вопросам внешней политики в печати, сделать это было крайне трудно.

Лето 1992 г. — переломное время и для российской прессы. Балканская тема становится темой номер один на страницах всех средств массовой информации. Начинают складываться и направления газет и журналов.

1. СМИ, поддерживающие официальный курс. К ним можно отнести в первую очередь «Известия» и журнал «Новое время». «Известия» отзывают своего корреспондента Е. Вострухова из Белграда, которого они всегда печатали со своими собственными комментариями, публикуют только короткие информации западных агентств и становятся рупором «козыревского» МИДа.

2. СМИ, которые не уделяли балканской теме постоянного внимания, хотя периодически посылали в Югославию своих спецкоров. Это такие газеты, как «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Московская правда».

3. СМИ, которые претендовали на объективность и потому старались давать материалы разного характера — и поддерживающие МИД, и осуждающие его политику. К ним можно отнести «Независимую газету» и «Московские новости». На страницах, например, «Московских новостей» появлялись статьи В. Каменского и А. Язьковой «Санкции были правомерны» или «Сербская подножка Москве» п одновременно статьи академика П. В. Волобуева, профессора В. К. Волкова, Е. Ю. Гуськовой, стоявших на других позициях. Должна признаться, что мои статьи не всегда проходили легко, хотя имели теплый отклик читателей. Например, у меня из одной статьи полностью вырезали материал о преступлениях хорватов в Западной Славонии, дописав — без моего разрешения абзац о демократических изменениях в позиции Ф. Туджмана.

4. Газеты, которые имели своих корреспондентов на Балканах, а потому последовательно и достаточно объективно следили за ходом событий в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Югославии. Это «Правда» и «Красная звезда». Этими газетами писалась своеобразная ежедневная история конфликта, которая подчас не совпадала с информацией других газет и журналов.

5. СМИ, которые открыто и последовательно осуждали политику А.Козырева. К этой патриотической прессе следует отнести газеты «Россия», «Литературная Россия», «День» (опубликовавший секретную телеграмму Ю.Воронцова А.Козыреву в день подписания санкций), «Российская газета», «Русский вестник».

Фактически на страницах газет в 1992 и первой половине 1993 г. велась настоящая информационная борьба за объективность. Poleмика была жесткая, с разделением на «просербские» и «прохорватские» лагеря, с навешиванием ярлыков, бурными дискуссиями.

Начиная с 1994 г., когда три года конфликта, наложенные на бурные внутривнутриполитические события, воспитали уже отряд российских журналистов, постоянно пишущих на югославскую тему, все газеты и журналы перестали бояться этой темы, чувствовали себя достаточно уверенно в «балканских водах». События на Балканах стали широко освещаться во всех СМИ, даже в тех газетах, которые не уделяли им должного внимания. Многие журналисты неоднократно бывали в горячих точках, были свидетелями и участниками тех сюжетов, о которых писали. Появились интервью с лидерами РС, РСК, что раньше было невозможно. Следует, однако, признать, что «козыревский синдром» у некоторых главных редакторов газет и журналов оставался еще долго. Материалы брались с оспядкой, если они не совпадали с прежней официальной позицией МИДа, поскольку новая позиция еще была достаточно неопределенной. После 1995 г. газеты следовало бы разделить по линии «отстраненная информация без комментариев» — «информация, настаивающая на изменении внешнеполитического курса».

Пожалуй, только телевидение не претерпело серьезных изменений в отношении балканской тематики. За все годы югославского кризиса на ТВ не было ни одного серьезного обсуждения проблемы конфликта на Балканах, даже комментарии, когда это было необходимо, делали не специалисты, а эксперты, далекие от Балкан. За все время было снято лишь два-три небольших разговора с профессионалами, хорошо знающими проблему. Любимый фильм, который объективно отражал события, годами «пробивался» в эфир. Журналисты, которые пытались добиться объективности в освещении балканских событий, увольнялись с работы.

Предлагаемая читателю книга построена на сочетании двух подходов к подаче материала — хронологическом и проблемном. Автор выделяет крупные проблемы, внутри которых строго придерживается хронологии событий. К сожалению, из-за большого объема материала ряд проблем не затрагиваются. Это относится к подробному освещению всех причин кризиса на территории Югославии, к рассмотрению всех перипетий внутривнутриполитической борьбы руководства республик, балканской политике США, Германии, Франции и т.д.

Автор выражает благодарность всем друзьям и коллегам, кто помогал в сборе материалов, документов и информации по исследуемой теме. Неоценимую помощь оказали нам Бранко Лисица из Хорватии, бескорыстно присылавший в течение многих лет всю периодическую печать этой республики, Лазар Трпкович из Белграда, помогавший в сборе материалов из периодической печати Югославии и покупавший для нас много

литературы, Герта Трпкович, переводившая на русский язык многие актуальные материалы, «N» из Сараева, снабжавший автора в труднейших условиях войны и блокады газетами, журналами и книгами, выходившими в Боснии и Герцеговине, журналист Борко Гвозденович, помогавший в получении многих материалов. Моя искренняя благодарность ученым Балканских стран, дарившим мне экземпляры своих работ. Все эти книги стали достоянием библиотеки Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН и библиотеки Института научной информации по общественным наукам РАН. Много опубликованных и неопубликованных материалов мы получали из различных учреждений Македонии, Сербии, Словении, Хорватии, СРЮ, Черногории, информационных агентств. Автор благодарит фирмы «Гендер» (президент Радомир Ранчевич) и КОМГРАП, а также директора фирмы «Информатика» Слободана Сречковича за поддержку автора при написании книги.

Список источников и литературы

1. Ogorec M. Hrvatski domovinski rat 1991–1993. — Opatija: Otokar Keršovani, 1994. — 192 s.
2. Устав Републике Српске Крајине. — Книн, 1991. — 28 с.
3. Развој популације Барање. — Бели Манастир / Нови Сад, 1992. — 82 с.
4. Прогон срба у Хрватској 1990/1991: Документи. — [б.м.], [б.л.] — 48 с.
5. Милеускић С. Духовни геноцид 1991–1993. — Београд, 1994. — 153 с.
6. Гајин-Глишић Д. Српска војска: Из кабинета министра војног. — [б.м.], 1992. — 313 с.
7. Даквић М. Српска Крајина: Историјски темељи и настанак. — Книн, 1994. — 100 с.
8. Живковић Н. СДС — воља народа. — Бели Манастир, 1993. — 116 с.
9. Зечевић М. Југославија 1918–1992. — Београд: Просвета, 1994. — 305 с.
10. Липица С. Командант по потреби. — Сомбор, 1995. — 224 с.
11. Nove stranke Srbije: Dokumenti novih političkih stranaka. — Beograd: Inst. za političke studije, 1990.
12. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. — Београд: Политика, 1995. — 491 с.
13. Чилешице о Западној Славонији. — Пакрац, 1992. — 100 с.
14. Стање и основни правци оживљавања и развоја привреде Републике Српске Крајине. — Книн/Београд, 1994. — 42 с.
15. Република Српска Крајина: Коријени државности и настанак. — Книн: Музеј града Книна, 1993. — 40 с.
16. Нови геноцид над српским народом у Коњичком крају. — Београд, 1992. — 32 с.
17. Nasiljem i zločinom protiv prava: Hrvatska 91. — Beograd, 1991. — 126 s.
18. Милић Б. Велика Хрватска на српском тлу: Етнолошко-историјска расправа. — Београд, 1992. — 86 с.
19. Протић М.Ст. Огледи о распаду Југославије. — [б.м.]: Центар за српске студије, [б.л.] — 63 с.
20. Службени гласник Српске области Славонија, Барања и Западни Срем. — Бели Манастир, 1991. — 19 дец. — № 1.
21. Попов Б. Започео сам рат // НИН. — Београд, 1996. — 23 фебр. — № 2356. — С.51–54; 1 марта, № 2357. — С. 56–57; 8 марта, № 2358. — С.56–57.
22. Письмо С.Милошевича М.Бабичу от 8 января 1992 г. Документ. Рукопись.
23. Одговор на отворено писмо Председника Републике Србије Слободана Милошевића. — Книн, 1992. — 11 јан. — 5 с. Документ. Рукопись.
24. Извештај о спроведеном референдуму на територији Српске Аутономне Области Крајина. — Книн, 1991. — 5 с. Документ. Рукопись.
25. Ставови владе Српске Аутономне Области Крајина поводом иницијативе Председништва

- СФРЮ за ангажовање мировних снага Уједињених нација. — Книш, 1991. — 4 с. Документ. Рукопись.
26. Калијевић В. Моје виђење распада. — Београд, 1993. — 170 с.
 27. Јовановић А.С. Рат срба и хрвата 1991. — Београд: Политика, 1994. — 183 с.
 28. Korsky J. Hrvatski nacionalizam. — Buenos Aires / Zagreb. — 1991. — 400 s.
 29. Širotković J. Hrvatsko gospodarstvo 1945–1992: Ekonomski uzroci sloma Jugoslavije i oštećene agresije na Hrvatsku. — Zagreb, 1993. — 163 s.
 30. Военный путеводитель: Славония и Баранья 1991–1992. — Загреб, 1992. — 336 с.
 31. Njavro J. Glava dolje, ruke na ložu. — Zagreb, [1992]. — 180 s.
 32. Mass killing and genocide in Croatia 1991/1992. — Zagreb, 1992. — 297 s.
 33. Мартынова М.Ю., Кошуба М.С. Новая этнополитическая карта Балкан. — М., 1995. — 164 с.
 34. Гуськова Е.Ю. Формирование многопартийной системы в Югославии // Восточно-Европейские страны в 90-е годы. — Вып. 1. — М.: ИНИОН, 1991. — С. 72–97.
 35. Гуськова Е.Ю. Югославия: Кризис многонационального государства // Восточно-Европейские страны в 90-е годы. — Вып. 2. — М.: ИНИОН, 1991. — С. 117–128.
 36. Гуськова Е.Ю. От тоталитаризма к демократии: Первые итоги выборов на многопартийной основе. — М.: ИНИОН, 1991. — 39 с.
 37. Гуськова Е.Ю. Марка разорила историјску памет // Епоха. — Београд, 1992. — 7 апр.
 38. Гуськова Е.Ю. Политические силы в постсоциалистических обществах. Югославия // Общественные науки и современность. — М., 1992. — № 4. — С. 146–157.
 39. Гуськова Е.Ю. Распад югославской федерации // Россия и современный мир. — М.: ИНИОН РАН, 1993, № 2. — С. 66–82.
 40. Гуськова Е.Ю. Распад югославской федерации и создание независимого государства // Восточная Европа на новом пути (Хроника событий, документы). — М.: ИНИОН, 1993. — С. 190–199.
 41. Гуськова Е.Ю. Кризис на Балканах и позиция России: Предисловие // Югославский кризис и Россия. — М., 1993. — С. 40–54.
 42. Гуськова Е.Ю. Трагедия на Балканах — наша общая боль // PRO ARMENIA. — М., 1993, № 2. — С. 16–22.
 43. Гуськова Е.Ю. Балканская трагедия: 90-е годы XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). — М.: Инслав, 1994. — С. 292–316.
 44. Гуськова Е.Ю. Политический ландшафт новой Югославии. — М.: ИНИОН, 1996. — 42 с.
 45. Guskova J. Russia's Policy in the Balkans // EUROBALKANS. — Athens (Greece), 1995 — май. — N 19. — P. 36–45.
 46. Guskova J. Balkanska kriza i Rusija: Igra interesa // Ekonomika. — Beograd, 1995. — Br. 367–368. — S. 15–18.
 47. Гуськова Е.Ю. НАТО развязывает войну на Балканах // Красная звезда. — М., 1995. — 11 сент. — С.1.
 48. Гуськова Е.Ю. Основные направления внешней политики России и балканский кризис // Обозреватель. — М., 1995. — № 13. — С. 32–37.
 49. Гуськова Е.Ю. Россия и балканский кризис: Новая концепция безопасности или слабость стратегии // Посткоммунистическая Восточная Европа: Новые межгосуд. отношения и внешнеполит. ориентиры. — М.: ИНИОН, 1996. — С. 89–116.
 50. Гуськова Е.Ю. Не надоело ли пожинать бурю? // Литературная газета. — М., 1992. — 8 янв. — С.14. Опубликовано также около 30 статей в центральной печати России, Югославии, Испании, Греции, США.
 51. Югославия в огле: Документы, факты, комментарии (1990–1992): Современная история Юго-

- славян в документах. Т.1 / Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. — М., 1992. — 372 с.
52. Югославский кризис в Россия: Документы, факты, комментарии: Современная история Югославия в документах. Т.2 / Автор, составитель, отв. ред. Е.Ю.Гуськова. — М., 1993. — 504 с.
53. Волков В.К. Трагедия Югославия // Новая и новейшая история. — М., 1994. — № 4. — С. 3–32.
54. Давыдов Ю.П., Приходько О.В., Смирнов П.Е., Устинова Е.В. Югославский кризис: Интернационализация или интервенция? // США: Экономика, политика, идеология. — М., 1993. — № 8. — С.50–60.
55. Лещиловская И.И. Исторические корни югославского конфликта // Вопросы истории. — М., 1994. — № 5. — С. 40–56.
56. Валев Э.Б. Югославский клубок // География. — М., 1996. — № 5,7,9,13,15,19.
57. Donia R.J., Fine J.V.A. BH — Izdana tradicija // Svijet. — Ljubljana, 1996. — 1 febr./14 mart.
58. Holbruk R. Diplomatski zapisi // Naša borba. — Beograd, 1996. — 24 okt. — S.5.
59. Owen D. Balkanska odiseja / Prevod sa engleskog. — Beograd, 1996. — 410 s.
60. Буха А. Аргументи за Републику Српску. — Нови Сад: Матича Српска, 1996. — 257 с.
61. Булатовић Љ. Генерал Младић. — Београд, 1996. — 336 с.
62. Маначињский О., Пронкин Е. Боснија и Герцеговина: Конфликт прододжується // Розбудова держави. — К., 1994. — № 9. — С.20–28.
63. Avramov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. — Veterinik: LDI, 1997. — 460 s.
64. Međunarodna politika, Beograd.
65. Rezolucije Saveta Bezbednosti i kriza u bivšoj Jugoslaviji (i drugi dokumenti). — Beograd, 1994. — 125 s.
66. Jugoslovenski pregled, Beograd.
67. UNPROFOR NEWS, Zagreb.
68. DIALOGUE, Paris, 1996, Mars, a 17. — P. 60–69.
69. Svetska bibliografija o krizi u bivšoj Jugoslaviji / Priredili D.Stanković, Z.Maltarić. — Beograd: Međunar. politika, 1996. — 322 s.
70. Бодсон Ж. Европа Апатридова. — Белград, 1996. — 165 с.
71. Бодсон Ж. Нови светски поредак и Југославија. — Београд, 1996. — 242 с.
72. Mesić S. Kako je srušena Jugoslavija: politički memoari. — Zagreb: Nislapress, 1994. — 350 s.
73. Mitrović M. Sarajevska raskršća: (dnevnik i kazivanja izbeglica). — Beograd: Inst. za noviju istoriju Srbije, 1995. — 316 s.
74. Станичић С. Луле Мекензи, генерал УНПРОФОРА који је морао да оде // Политика. — Београд, 1993. — 5 мај (7). — С. 21.
75. Злочин је злочин прегнати: Избор докумената највиших државних органа Југославије о ратним злочинима геноцида и другим страдањима српског народа у Хрватској и Босни и Херцеговини 1991–1992 / Приредио Анђелко Маслић. — Нови Сад: ИП «Мегилот», 1993. — 431 с.
76. Izetbegović A. Govori, pisma, intervjui '95. — Sarajevo: TKP «Šahinpašić», 1996. — 200 s.
77. Milošević S. Godine raspleta. — Beograd: BIGZ, 1989. — 349 s.
78. Savet Evrope 1949–1996: Dokumenti. — Beograd: Međunar. politika, 1996. — 309 s.
79. NATO i Partnerstvo za mir. — Beograd: Međunar. politika, 1996. — 252 s.
80. Dokumenti KEBS 1975–1995. — Beograd: Međunar. politika, 1995. — 454 s.
81. Иваншевић М. Хроника налет гробља или слово о страдању српског народа Братуница, Милћа, Скепана и Сребренице. — Београд-Братуница: Комитет за прикупљање података о извршеним злочинима против човечности и међународног права, 1994. — 382 с.
82. Галил М.В. Югославский конфликт и роль ЕС в его урегулировании: Автореф. дисс. канд. политич. наук. — М., 1994.

83. Пономарева Е.Г. Распад югославской модели федерализма: Автореф. дисс. канд. политич. наук. — М., 1995.
84. Лукашенко Е.А. Распад Югославии, его уроки и международные последствия (политологический анализ): Автореф. дисс. канд. политич. наук. — М., 1997.
85. Taylor I. A question of who calls the shots. // *The Guardian*. — 1995. — Jan. 26. — P.27.
86. Brey T. Media monopolies in former Yugoslavia fuel the war. // *Deutsche Presse-Agentur*. — 1995. — Jan. 4.
87. Merlino Ž. Istine o Jugoslaviji nisu sve za ruku / Prevod s francuskog. — Beograd: Kontekst, 1994. — 204 s.
88. Попов Е. Стайный журнализм // *Советская Россия*. — М., 1995. — 16 февр. — С. 3.
89. Dajvid Bajnder. novinar «Njujork tajmsa», o važnosti Kosova za SAD i odnosu prema Jugoslovenskoj krizi // *Naša borba*. — Beograd, 1996. — 4 jul. — S. 14.
90. Оуэн Д. Интервью в передаче «Панорама Би-Би-Си» // *Сербия*. — Белград, 1996. — № 26. — С. 14–25.
91. Раджу Г.Д. Томас Барри, сербы и югославский конфликт // *Югославский кризис — манипуляции, ложь, насилие*. — М., 1995. — 300 с. Рукопись.
92. Медијски рат против Срба / Избор текстова Живота Ивановић. — Београд: ТАНЈУГ, 1995. — 250 с.
93. Гашиновић Р.Б. Тероризам и пропаганда. — Београд: Младост, 1994. — 216 с.
94. Magaš B. The destruction of Yugoslavia. — London / New York: Verso, 1993. — 366 p.
95. Drakulić S. The Balkan Express: Fragments from the other side of war. — New York: W.W. Norton, 1993. — 146 p.
96. Drakulić S. How we survived communism and even laughed. — New York: W.W. Norton and Company, 1993.
97. Glenn M. The fall of Yugoslavia: The third Balkan war. — London: Penguin Books, 1992. — 194 p.
98. Jukić I. The fall of Yugoslavia. — New York / London: [s.n.], 1990.
99. Woodward S. Balkan tragedy: Chaos and dissolution after the cold War. — Washington: The Brookings Institution, 1995. Переведена на сербский язык в 1997 г.
100. Silber L., Lid A. Smrt Jugoslavije /Prevod sa engleskog. — Beograd: Radio B92, 1996. — 426 s.
101. Стругар В. Црногорски сабор српске слогe. — Београд: Досије, 1994. — 288 с.
102. Стругар В. Povelja Jugoslavije (Ustav države i društva). — Beograd, 1990. — 121 s.
103. Стругар В. Велика буна Црне Горе 1988–1989. — Београд: Култура, 1990. — 535 с.
104. Михајловић К., Крстић В. Меморандум САНУ: Одговори на критике. — Београд: САНУ, 1995. — 150 с.
105. Ђулајић М. Разбијање југословенске државе 1991/1992 — злочин против мира: Одговорност Ватикана и Немачке. — Београд: Српска књижевна задруга, 1994. — 372 с.
106. Међународни sukobi i rat na prostoru bivše Jugoslavije i mogućnosti njihovog rešavanja. — Beograd: Institut za evropske studije, 1992. — 43 s.
107. Golubović Z., Kuzmanović B., Vasović M. Društveni karakter i društvene promene u svetlu nacionalnih sukoba. — Beograd: Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 1995. — 375 s.
108. Jugoslavija na kriznoj prekretnici. — Beograd: Institut društvenih nauka, 1991. — 335 s.
109. Бабић Б.С. Прелаз у транзицији. — Београд: Прометеј, 1996. — 230 с.
110. Vidojević Z. Tranzicija, restauracija i neototalitarizam. — Beograd, 1997. — 375 s.
111. Samardžić S. Prinudna zajednica i demokratija. — Beograd: Institut za evropske studije, 1994. — 274 s.
112. Екмечић М. Србија између Средње Европе и Европе. — Београд: Политика, 1992. — 129 с.
113. Војновић М. Препород српског народа: Прилог српском националном питању — Београд: Ми-

- мико, 1993. — 129 с.
114. Јовић Б. Комадање Југославије. — Београд: Политика, 1992. — 268 с.
115. Булатовић Јб. Исповести. — Београд: Стручна књига, 1995. — 315 с.
116. Ташић Р. Kako sam branio Antu Markovića. — Skorje: Mugi 21, 1993. — 192 s.
117. Ташић Р. Kako je srušena Jugoslavija. — Skorje: AI, 1994. — 240 s.
118. Вилић Д., Тодоровић Б. Разбијање Југославије 1990–1992. — Београд: ДИК Књижевне новине-Енциклопедија, 1995. — 488 с.
119. Ковачевић С., Дajiћ Р. Hronologija jugoslovenske krize 1994. — Institut za evropske studije, 1995. — 270 s.
120. Kovačević S., Dajić P. Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993. — Beograd: Institut za evropske studije, 1994. — 284 s.
121. Međunarodno pravo i jugoslovenska kriza. — Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1996. — 463 s.
122. Vukadinović R.D. Pravo Evropske Unije. — Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1996. — 299 s.
123. Lutovac Z.M. Manjine, KEBS i jugoslovenska kriza Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1995. — 215 s.
124. Guskova J. Jugoslovenska kriza i Rusija. — Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1996. — 404 s.
125. Marković B. Yugoslav Crisis and the World: Chronology of Events: January 1990 — October 1995. — Belgrade: Institute of International Politics and Economics, 1996. — 212 s.
126. Savremeni procesi i odnosi na Balkanu. — Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 1997. — 488 s.
127. Никифоров К.В. Югославянские земли // История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века: Учебное пособие для студентов высшей школы. — М.: Институт управления и права, 1997. — С. 113–166.
128. Thumman M. The War Reporter's war. (Die Zeit. — 1994. — Sept. 2) // Media Warfare. The Serbs in Focus. — Belgrade, 1995. — P. 120.
129. Influence of the Brock Analysis. Editor's Note. (Foreign Policy. — Winter 94/95.) // Media Warfare. The Serbs in Focus. — Belgrade, 1995. — P.32.
130. Shaltan J. It's Absurd to Deny Media Bias Against the Serbs. (Pittsburgh Post-Gazette. — 1994. — Sept. 11.) // Media Warfare. The Serbs in Focus. — Belgrade, 1995. — P.34–35.
131. Visconti J. Balkan Lies. (Il Manifesto. — 1994. — June 18.) // Media Warfare. The Serbs in Focus. — Belgrade, 1995. — P. 11.
132. Хандке П. О справедливости для Сербии, Центральной Европе и сочинении истории: Интервью газете «Нанна Борба». — Белград, 1996/ Перевод Министерства Информации Сербии — 13 с.
133. Kesic O. The Business of News: The American Media and Coverage of the War in the Balkans. (Serbien muss sterben. — Berlin, 1994.) // Media Warfare. The Serbs in Focus. — Belgrade. 1995. — P.70).
134. Bodansky Y. Offensive in the Balkans. — Alexandria: ISSA, 1995. — 118 s.
135. Strugar V. Srbi, Hrvati, Slovenci i Treća Jugoslavija. — Beograd: Stručna knjiga, 1992. — 368 s.
136. Uredni list Republike Slovenije,
137. Službeni list Republike Hrvatske.
138. Службен весник на Република Македонија.
139. Службени лист СРЈ.
140. Janša J. Pomaci: Nastajanje i obrana slovenske države. — Zagreb: Mladinska knjiga, 1993. — 341 s.
141. Pirjevec J. Jugoslavija 1918 — 1992. — Koper: Lipa, 1995. — 464 s.

142. Волобуев П.В., Тягуенко Л.В. Югославский кризис. Довольно крови и страданий // Правда. — М., 1993. — 4 февр. — С. 3.
143. Волобуев П.В., Тягуенко Л.В. Россия безразлично, принесет ли долгожданный мир на югославскую землю план Вэнса-Оуэна // Правда. — М., 1993. — 27 февр. — С.1,3.
144. Волобуев П.В., Тягуенко Л.В. Судьба Балкан — вне контроля сообщества // Правда. — М., 1994. — 14 мая. — С. 3.
145. Тягуенко Л.В. Распад федерации — суровая реальность // Славяне. — М., 1993. — июнь. — № 6. — С. 2.
146. Тягуенко Л.В. Крушение славянства — трагедия мира // Спутник. — М., 1994. — № 10.
147. Волков В.К. Искать не врага, а решение // Московские новости. — М., 1993. — 21 февр. — № 8. — С. 7.
148. Елнссева Е. Югославия наказана. Кто следующий? // Учительская газета. — М., 1992. — 4 авг.
149. Куликова Н., Милованов В. Балканский кризис и Дейтонское соглашение // Правила игры. — М., 1996. — № 1. — С. 100–126.
150. Куликова Н., Милованов В. Дейтонское соглашение — путь к миру? // Федерализм. — М., 1996. — № 3. — С. 155–176.
151. Тягуенко Л.В. Уроки Дейтонских соглашений // Свободная мысль. — М., 1997. — № 2.
152. Энгельгардт Г.Н. Республика Сербская по Дейтонским соглашениям // Славяноведение. — М., 1997. — № 3. — С. 76–84.
153. Schultz K. Build peace from the ground up: About people and the UN in a war zone in Croatia. — Lund, Sweden: TFF, 1994. — 94 p.
154. Vujasinović D. Svedočenja (iz običajne zemlje): Članci o ratu u Jugoslaviji, pisma 1990–1994. — Toronto, 1995. — 250 s.
155. Нишић С. Стратегија Срба. — Београд: «Никола Пашић», 1995. — 169 с.
156. Срби у Хрватској: Насељавање, број и територијални размештај. — Београд: Стручна књига, 1993. — 278 с.
157. Milošević S. Godine raspleta. — Beograd: BIGZ, 1989. — Prvo izdanje. — 349 s.
158. Шешел В. Актуелни политички изазови. — Београд: АБЦ Глас, 1993. — 239 с.
159. Момчиловић Д. Нови геноцид над Србима у ХДЗ Хрватској. — Београд: АБЦ Глас, 1993. — 157 с.
160. Рашиу Б. Чему више Југославија. — Београд: Терсит, 1996. — Друго издање. — 236 с.
161. Радуловић С. Судбина Крајине. — Београд: Дан Граф, 1996. — 189 с.
162. Dabić V., Lukić K.M. Crimes without punishment. — Vukovar: Womens association of Vukovar community, 1997. — 70 s.
163. Волков В.К. Россия и сербы: Родство испытывается на прочность // Россия. — М., 1991. — № 1. — С. 46–47.
164. Тягуенко Л.В. Легко ли быть первопроходцем: О некоторых уроках хозяйственной системы Югославии // Вопросы экономики. — М., 1991. — № 5. — С. 135–145.
165. Тягуенко Л.В. Что происходит в Югославии? (Мировое сообщество обязано вмешаться) // Независимая газета. — М., 1991. — 11 июля. — С. 4.
166. Тягуенко Л.В. Волобуев, П.В. Старых друзей не бросают: Не ужесточать, а отменить санкции против Югославии // Правда. — М., 1992. — 16 сент. — С. 3.
167. Тягуенко Л.В. Волобуев П.В. Рискованный обгон. (Что за спешка с признанием Хорватии) // Правда. — М., 1992. — 26 февр. — С. 3.
168. Тягуенко Л.В. Волобуев, П.В. Сербский вопрос и интересы России // Московские новости. — М., 1992. — 21 июня. — № 25. — С. 13.
169. Князев В.К. Трагическая судьба Югославии предупреждает // Федерализм. — М., 1996. — №

3. — С. 139–154.
170. Sekulić M. Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. — Beograd: NIDDA: Vesti, 1997. — 430 s.
171. Zulfikarpašić A., Gotovac V., Tripalo M., Banac I. Okovana Bosna. — Zürich: Bošnjački institut, 1995. — 172 s.
172. Koјовић В. Крвава кошуља сарајевска. — Београд: Добротвор, 1995. — 235 с.
173. Оуэн Д. Непонимание кризиса на Балканах // Сербия. — Белград, 1994. — № 12. — С.37–38 (Перепечатка из журнала «Europa time», London).
174. Brock P. Dateline Yugoslavia: The partisan press // Foreign policy. — L., 1993/1994. — N 93. — P.152–172.
175. Handke P. Eine winterliche Reise zu den flüssen Donau, Save, Morawa und Drina. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996. — 136 p.
176. Zimmerman W. Izvori jedne katastrofe / Prevod sa engleskog. — Zagreb: Globus international: Znanje, 1996. — 312 s.
177. Merlino J. Le vérités yougoslaves ne sont pas toutes bonnes à dire. — P.: Albin Michel, 1993. — 265 p.
178. Zulfikarpašić A. Članci i intrvju. — Zürich: Bošnjački institut, 1991. — 714 s.
179. Nametak A. Sarajevski nekrologi. — Zürich: Bošnjački institut, 1994. — 320 s.
180. Dilas M., Gaće N. Bošnjak Adil Zulfikarpašić. — Zürich: Bošnjački institut, 1994. — 238 s.
181. Kajan I. Muslimanski danak u krvi: Svjedočanstva zločina nad Muslimanima. — Zagreb: Kulturno društvo Muslimana Hrvatske Preporod, 1992. — 116 s.
182. Kajan I. Zavodenje Muslimana. — Zagreb, 1992. — 94 s.
183. Berić G. Sarajevo na kraju svijeta. — Sarajevo: Osiobođenje, 1994. — 207 s.
184. Kongres bosanskomuslimanskih intelektualaca. — Sarajevo, 1994. — 204 s.
185. Ерр G., Југ В. Сведок из Сарајева. — Београд: Просвета, 1993. — 345 s.
186. Страдање Срба у Мостару и долини Неретве: Књига докумената / Сакупила и приредила Душана Бојић. — Београд, Комесариат за избеглице Републике Србије, 1996. — 446 с.
187. Zagorac D. Dr. Radovan Karadžić: Fanatik srpske ideje. — Beograd: Docije, 1996. — 272 s.
188. Хамкин Ј. Очима руског добровољца. — Горњи Милановац: Дечје новине, 1994. — 103 с.
189. Рат у Босни: Како је почело. — Бања Лука: Канал, 1993. — 163 с.
190. Пржуљ Ж. Браћа по улици. — Горњи Милановац: Дечје новине, 1995. — 83 с.
191. Хелста Н. Горажде 92 — 95: Страдање Срба. — Београд: Просвета, 1996. — 122 с.
192. Прекид односа са Републиком Српском: Документи. — Београд, 1994. — 76 с.
193. Tomić I.M. Čija je Bosna i Hercegovina. — London, 1994. — 61 s.
194. Миличсвиц П.Ч. Гитлер, Черчил, Клинтон, Кољ и Југославија. — М.: Палея, 1996. — 72 с.
195. Slivnik D. Sto osamosvojitvenih dni. — Ljubljana: Delo, 1991. — 224 s.
196. Slovenija proti Jugoslaviji / Rotar B., Volk V. i dr. — Ljubljana: Mihelač, 1992. — 272 s.
197. Jež B. Nikoli već JU ? : Beia knjiga o raspadu Jugoslavije. — Ljubljana: Delo, 1994. — 163 s.
198. Šetin F. Zbogom, Jugoslavija. — Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1993. — 332 s.
199. Historické souvislosti rozpadu Jugoslávie / Aut.: Tejchman N., Hradečný P., Šesták M. — Pr.: Hist. list., 1996. — 255 s.
200. Hearing on U.S. actions regarding Iranian arms shipments into Bosnia: Hearing before the Select comm. on intelligence of the US Senate, 104th Congr., 2nd sess. ..., May 21, 1996; May 23, 1996. — Wash.: Gov. print. off., 1997. — III, 86 p.
201. Judah T. The Serbs: History, myth a. the distnction of Yugoslavia. — New Haven, L.: Yale univ. press, 1977. — 350 p.
202. Tanner M. Croatia: A nation forged in war. — New Haven; L.: Yale univ. press, 1977. — 338 p.

203. War, exile, everyday life: Cultural perspectives. — Zagreb: Inst. of ethnology a. folklore research, 1996. — 305 s.
204. Avramov S. Triilateralna komisija. — Veternik: LDII, 1998. — 129 s.
205. Мартинова М.Ю. Балканский кризис: Народы и политика. — М.: Инст. этнологии и антропологии РАН, 1998. — 465 с.
206. Прийма И.Ф. Голоса Сербии: Хроника. Диалоги. Архивы. — Санкт-Петербург: Газета «Литературный вестник», 1993. — 120 с.
207. Bilten vesti. — Moskva, 1993. — 31 mart.
208. Европа и Срби. — Београд: Истор. Инст. САНУ, 1996. — 685 с.
209. Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век). — Београд: Истор. Инст. САНУ, 1997. — 655 с.
210. Македонија. Путь к самостоятельности: Документы / Сост. и отв. редактор Е.Ю.Гуськова. — М.: Радуга, 1997. — 528 с.
211. Пет години самостојности: Република Македонија 1991 — 1996. — Скопје, 1996. — 58 с.
212. Признавањето на Македонија: Избор из светскиот печат / Георги Ајановски. — Скопје, 1993. — 235 с.
213. Гуськова Е.Ю. Новые государства на Балканах: Первые шаги на пути самостоятельности. — М.: ИНИОН, 1996. — 66 с.
214. Гуськова Е.Ю. Урегулирование на Балканах : От Бриони до Дейтона (мирные планы 1991–1995). — М.: ИНИОН, 1998. — 68 с.
215. Гуськова Е.Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии (хроника событий). — М.: ИНИОН, 1998. — 156 с.
216. Bobetko J. Sve moje bilke. — Zagreb: Vlastita Maklada, 1996. — 792 s.
217. Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т.1–3. / Сост. и отв. редактор Е.Ю.Гуськова. — М.: ИНДРИК, 2000.
218. Шкарнић С. Македонија на сите континенти: Мир, демократија, геополитика. — Скопје: Унион Трејд, 2000. — 576 с.
219. Шкарнић С. Уставно право. — Кн. 1–2. — Скопје, 1995.
220. Фукисе Т., Шкарнић С. Мирот и уставите. — Скопје: БЦМ, 1997.

ГЛАВА I Накануне

1. Споры о причинах распада СФРЮ

Причины распада югославской федерации на протяжении вот уже нескольких лет волнуют политиков, ученых, всех, кто пережил ужас войны, горе и страдания. Проблема эта крайне политизирована, а потому требует отстраненного и независимого взгляда. Упрощения ведут к заблуждениям.

В Хорватии среди причин кризиса преобладали «великосербский империализм», «консерватизм ЮНА», «идеологическо-политический кризис югославского социализма» (60, с. 12–13). Бывший партийный деятель Хорватии, активный участник «хорватской весны» 1971 г. М. Трипало полагал, что «война началась из-за территориальной и нерешенных межнациональных проблем» (169, с. 63).

В Словении всю вину за распад государства также возложили на Сербию. Тема сербского национализма преобладала в оценках словенских политиков. По их мнению, «Югославия с самого начала была искусственно созданным государством, основанным на... реакции великих держав (в 1918 году) на крах трех империй — Австро-Венгерской, Российской и Османской» (68, с. 6). Такое многонациональное государство как Югославия, по словам президента Республики Словении Милана Кучана, не могло существовать, поскольку диктатура сербов, установленная в 1929 г., подорвала идею равноправия всех входящих в него народов. «После краха коммунистической системы единая Югославия могла существовать только как «общий рынок» на основе равенства всех входящих в нее элементов. Сербия, однако, подчинила эту проблему в целом амбициям сербского национализма. В тот самый момент, когда они избрали этот путь, распад стал неизбежным» (68, с. 6). Как полагает словенский ученый Я. Прунк, вспыхнувший межнациональный конфликт в Косове «стал причиной того, что в середине 80-х годов сербский национализм перешел в наступление на югославскую Конституцию 1974 г. Ее обвинили в «конфедерализме» (71, с. 28). Вторым звеном в цепи проявившегося сербского национализма словенские историки считают Меморандум Сербской академии наук 1986 г. Он «открыто провозгласил националистическую великосербскую программу под лозунгом «Все сербы в одной стране», ознаменовавшую «начало наступления на все федеративные единицы с несербским населением, где проживают этнические группы сербов, географически отделенные от Сербии» (71, с. 28).

Большинство политической элиты республик бывшей Югославии обвиняет в расвале Югославии С. Милошевича. «С. Милошевич появился на югославской сцене как главный разрушитель Югославии, — подчеркивает А. Зулфикарпашич. — Его политика произвела на свет Туджмана и ему подобных, сделала возможными их победы... До распада Югославии довела опасность, происшедшая от С. Милошевича, превращение Югославии в гегемонистскую «Великую Сербию», которая другие народы бы полностью зажала» (169, с. 74).

На Западе отношение к истокам кризиса с самого начала было поверхностным. Ученые и политики настойчиво пересказывали и осуждали идею «великосербского гегемонизма». Бывший посол в Югославии У. Циммерман уверен, что «главным инициатором разрушения Югославии был Слободан Милошевич», так как «вынашивал планы превратить Югославию в диктатуру с сербским гегемонизмом». Хотя он не отрицал, что Ф. Туджман является «фанатичным хорватским националистом», что имел место словенский национализм, для него сербский национализм представлял главную угрозу существованию

Югославию. По его мнению, главной целью С.Милошевича было «установить сербскую власть во всем государстве» (171, с.12–13). С.Милошевича он называл «призрачной фигурой» (171, с.43). Американский исследователь Сьюзет Вудворд не отрицает, что правительство США после прихода У.Клинтон к власти, а также часть интеллигентной и политической элиты считали С.Милошевича «новым Гитлером», который стремился вместе с Югославской народной армией создать «Великую Сербию» (178, с.18–19). Ричард Холбрук в своих воспоминаниях вообще игнорирует исторические факты, отмечая уже на первой странице, что сербы никогда не имели своего государства, что вина лежит на С.Милошевиче, поднявшем в 1989 г. факел сербского национализма, что С.Милошевич стремился создать государство, в котором доминируют сербы (179, с.ХШ, 24, 27). Американские журналисты Лора Силбер и Алан Липл, все годы кризиса и войны проведенные на Балканах, пишут о стремлении С.Милошевича занять место И.Броз Тито, называют его вождем «сербского сепаратизма», этническая нетерпимость которого вынудила другие нации Югославии отделиться (151, с.28). Как видим, штамп «великосербского гегемонизма», как правило произносимый без аргументов и доказательств и объяснений, уже многими принимался на веру, как должное, и был достаточно широко распространен на Западе. Он также хорошо поработал на Словению и Хорватию, спасавшихся, по их словам, от сербского притеснения. Однако только этим являемся объяснить происходивший разлом в отношениях республик невозможно.

В Сербии и Черногории мнения по поводу причины конфликта достаточно разнообразны. Этому вопросу посвящены статьи и специальные исследования, он обсуждался на многочисленных конференциях и крутых столах. Как писал П.Сямич, причиной распада федерации стали сложные национальные проблемы югославского содружества, которые вышли на первый план с крахом идеологии самоуправленческого социализма и распадом Союза коммунистов как главных факторов интеграции, а также «сложная этническая карта Балкан и переплетение интересов великих держав на территории, где проживают южные славяне» (74, с.83, 77).

Известный писатель и президент Югославии в 1992–1993 гг. Д.Чосич полагает, что страну развалила идеология национализма и сепаратизма, пришедшая на смену сталинско-титовской идеологии, упорно создававшая самостоятельные национальные государства. К стабилизации и модернизации Югославии не вели ни установление многопартийных систем в республиках, ни конфедеративные элементы Конституции, ни этнический и религиозный плюрализм. «Все эти националистические-сепаратистские устремления, несомненно, — подчеркивал Д.Чосич, — являются исторически ретроградными и противостоят европейской перспективе и политической модели Европейского содружества» (172, с.216). Причем, хорватский, словенский и албанский шовинизм и сепаратизм «вызвали в последние годы сильный сербский национализм и сепаратизм, которые проявились в деятельности некоторых политических партий». Поэтому «вся Югославия сегодня, — писал Д.Чосич в январе 1991 г., — является местом межнациональных политических и религиозных столкновений и ненависти... Генеральная поляризация и политическая конфронтация почти закончены» (172, с.217). Академик Михайло Маркович основной причиной войн также считает сепаратизм, но уверен, что его поддержали «ряд внешних и внутренних факторов» (167, с.405). По его мнению, сепаратистские силы в Югославии существовали всегда, с самого начала существования югославского государства. «Ни диктатура короля Александра в 1929 г., ни формирование Бановины Хорватской в 1939 г. не решали так называемый хорватский вопрос. Триумфом хорватского сепаратизма стало провозглашение усташского «независимого» государства Хорватии в 1941 г., а затем пол-

века спустя в июне 1991 г. — отделение туджмановского хорватского государства» (167, с.405).

Сербский историк М.Зечевич полагает, что причиной национальных столкновений после распада СФРЮ стало новое открытие сербского вопроса, который, начиная с Первого сербского восстания (1804), постоянно имел всебалканский и европейский характер. «После объединения Германии вновь собрались государства, которые в 1914–1918 гг. и 1941–1945 гг. воювали против Сербии, т.е. два раза в этом веке пытались уничтожить Сербию и Югославию» (53, с.269). Основными противниками решения сербского вопроса всегда были Австро-Венгрия и Германия. Определенная вина, полагает историк, лежит и на сербском короле Александре, который в Югославии разбил на куски сербские территории и не выделил Краину, хотя на ее территории проживало 600 тыс. сербов. И нынешняя война вызвана тем, что не решается сербский вопрос. Если бы сербам в Хорватии и БиГ были предоставлены равные права с другими народами (самим решать, уходить или не уходить из федерации), то конфликта удалось бы избежать, уверен ученый (53, с.269).

Свою лепту в дискуссию о причинах распада федерации внесли и социологи. Д.Янич полагает, что этнические столкновения в Югославии не были предопределены, хотя государство было мультиэтническим и в нем существовала высокая степень конфликтности национальных интересов. По его мнению, решающую роль сыграли «неразвитая политическая культура, наследие авторитарной политики и рост национальных политических элит, которые под требованием демократии подразумевали государственную самостоятельность» (70, с.1). Среди причин межэтнических столкновений такого уровня ученый называет: традиционное национальное сознание, не претерпевшее существенных изменений после второй мировой войны; «сапожачьи попытки национально-эмансипаторских движений; кризис общественных ценностей и перспектив; нарастание национальной и политической неустойчивости в завтрашнем дне у тех, кто в авторитарной политической системе, не имея защиты как гражданин, стремился найти поддержку в понятии нации, в этноцентризме и национализме; отсутствие действительной демократической альтернативы, что проявлялось в том, что идея конфедерации связывалась с усилением бюрократического централизма на уровне республик, а не с демократизацией власти и политической жизни; отсутствие демократических институтов и опыта демократических процедур в решении конфликтов, что вызвало насилье как способ решения конфликтов...» (70, с.2).

Согласно опросам социологов, общественное мнение Сербии в 1994 г. считало, что главными причинами начала войны в бывшей Югославии были, прежде всего, интересы (экономические, политические и др.) других стран и их непосредственное вмешательство в отношении между бывшими югославскими республиками (22,25%), а также (21,4%) борьба за власть политических лидеров бывшей Югославии (111, с.29).

Ученые и политики до сих пор спорят по вопросам степени влияния на распад федерации различных внутренних факторов, а также *соотношения внутренних и внешних факторов*, расшатывавших федерацию.

Высказывания на этот счет иногда диаметрально противоположны. Но здесь заметна одна особенность. Зарубежные авторы предпочитают говорить о преобладающей роли внутренних причин распада федерации, а ученые Югославии большое внимание уделяют внешним причинам и роли международных организаций. Так, В.А.Медведев, бывший член ЦК КПСС, хорошо знавший Югославию, полагает, что объяснение

«надо искать прежде всего в процессах внутреннего развития Югославии» — в ослаблении интеграционных факторов, в недостаточной степени демократичности югославской системы, в крупных сбоях самоуправляющейся системы, в утрате влияния партий, в росте сепаратистских настроений (49, с.245–246). М. Мартынова полагает, что «система самоуправления и децентрализация страны способствовали росту местнических настроений и сепаратизма, которые в югославских условиях приобрели националистическую окраску, подогревали национализм» (62, с.16). Л. Силбер и А. Литл убеждены, что «война в Югославии произошла не из-за ошибки международного сообщества. Планировали ее и вели в Югославии» (151, с.27). С. Вудворд также не отводит внешнему фактору какую-то особую роль. Она полагает, что «истинное происхождение югославского столкновения лежит в распаде власти и сломе политического и государственного порядка», которые лишь совпали «с распадом международного порядка». А в условиях потери международных позиций СФРЮ уже и не могла сохранить свое единство, поскольку эти два фактора были тесно связаны между собой (178, с.26).

В Сербии и Черногории многие исследователи и участники событий решающую роль в распаде государства отводят внешнему фактору. Бывший министр обороны В. Кадиевич пишет, что «согласно оценкам Штаба Верховного командования в конце 1989 г. управление событиями в Югославии берет на себя преимущественно иностранный фактор. Еще за два года до этого Штаб Верховного командования предупреждал, что это время приближается с необыкновенной быстротой» (6, с.35–36). Министр полагал, что Германия, при поддержке администрации Буша, сыграла основную роль в развале Югославии. А. Изетбегович «начинает проводить свой курс жестко и самоуверенно только после визита в Бонн осенью 1991 г.» и инструкций, которые получил от Геншера, пишет бывший министр (6, с.26). Те, кто хотел развалить страну, использовали, по его мнению, следующие методы: «1) Опираясь на национальные и религиозные противоречия и столкновения, имевшие место в истории югославских народов, максимально разжечь национальные страсти, и на этой основе повернуть все народы Югославии друг против друга... 2) Югославское государство разрушить методом «доминно» — как только отделяется одна республика, она автоматически тянет за собой и другие. Поэтому в самом начале надо выбрать ту, которая имеет лучшие условия для отделения и с нее начинать процесс развала, а это — Словения. 3) Под видом борьбы против коммунизма и его остатков, используя при этом действительные промахи системы, распространить идеологический реваншизм, покорить непослушных и тем самым пред миром замаскировать употребление всех средств, включая и военные. 4) Максимально использовать своих людей в структурах власти федерации и республик...» (6, с.50–51). Милован М. Митрович напрямую связывает распад югославского государства с «международным признанием насильственной сепарации Словении, Хорватии и бывшей Боснии и Герцеговины», видя в нем «славную причину национально-религиозной и гражданской войны в Югославии» (180, с.189).

Д. Вилич и Б. Тодорович пишут об американской доктрине развала Югославии, которая включала в себя несколько стадий: специальную войну, психологические операции, поддержку вооруженных сепаратистских выступлений (141). В 1997 г. увидело свет специальное исследование М. Лопушины «ЦРУ против Югославии. 1947–1997» (149), в котором доказывалось, что уже с 1989 г. ЦРУ конкретно осуществляло планы развала СФРЮ, опираясь на многих политических и общественных деятелей федерации из Хорватии и Словении, что директивой № 35 (1994) Билл Клинтон отдал Боснии и Сербии приоритет в работе ЦРУ. Автор показывает всестороннюю деятельность

этой американской службы на просторах бывшей Югославии (149, с. 176). Американец Йосеф Бодански в книге «Наступление на Балканы» убедительно пишет о том, что война в БиГ явилась результатом интервенции внешних сил в этой республике и в кризисе в целом (162).

Интересные данные приводит в своем дневнике Б.Иович. Еще в конце 1989 г. в Польше для руководства страны был подготовлен анализ ситуации в Восточно-Европейских землях, в котором о Югославии было написано следующее: «Трудно предположить, чтобы Запад оставил Югославию как «коммунистический остров» внутри новой демократической Европы. Поэтому реально ожидать, что Запад «приготовит» для Югославии такой же сценарий, как и для ВЕС¹. А именно: оказывать давление для достижения демократических перемен; требовать введения многопартийной системы, проведения свободных выборов и разрушения монополии власти СКЮ; поддерживать антикоммунистическую оппозицию и соответствующую ей атмосферу; обуславливать экономическую помощь политическими уступками; блокировать разговоры об интеграции с Западной Европой, пока не получат гарантии проведения реформ» (59, с. 77).

Исследования новых документов, связанных с существованием «теневого мирового правительства», привели видного югославского ученого Смилю Аврамову к выводу, что «судьба Югославии... в ее семидесятилетней истории три раза была в руках тайных или полутайных организаций. ...В последней фазе существования Югославии в процессе ее разорения (1991–1995) были включены даже несколько тайных организаций. Все так называемые посредники в югославском кризисе были членами одной, а некоторые — всех трех тайных организаций: Союза по внешним отношениям, Билдерберг-Группы и Трехсторонней комиссии. Этими же делами занималась и католическая организация «Opus Dei» (209, с. 7).

Как бы в развитие этой темы, З.Ненешич написал книгу «Роль масонов в распаде Югославии» (146). Автор рассказывает о том, как еще в 1985 г. российско-американские эксперты созданной при согласии и участии М.С.Горбачева организации СЕИИС (Countertide exchange international holding company), за которой стояли масоны, разработали программу экономических и политических реформ, которые бы отвечали Западу и одновременно позволяли сохранить целостность федерации. Был произведен анализ всех внутренних противоречий, антагонистических факторов в развитии государства и даны рецепты преодоления кризиса. Если бы руководство Югославии согласилось на эти реформы, то они стали бы моделью для других стран Восточной Европы, включая Россию. В случае отказа прогнозировалось усиление кризиса и распад Югославии по национально-территориальному признаку (146).

По прошествии нескольких лет после получения самостоятельности участники тех событий откровеннее говорят о том, кто какую роль сыграл в деле разрушения Югославии. Так, Стипе Месич, не приуменьшая свою заслугу, искренне признался, что бывший министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер и папа Иоанн Павел II сыграли главную роль в расколе Югославии во внешнем, а словенский президент Милан Кучан — во внутреннем плане (120, с. 31).

Русский писатель Валентин Распутин по-особому видит причины конфликта в Югославии. По его мнению, это был заговор против православия. Он писал красиво и эмо-

¹ Восточно-европейские страны.

ционально: «Историческая трагедия этого народа и всего славянства в том и заключается, что славяне воюют со славянами. Мусульмане — это сербы, принявшие во времена турецкого владычества ислам, хорваты — выходцы из того же народа, принявшие в составе Австро-Венгрии католичество. Те и другие — изменившие православию. Происходило это по разным причинам. Или насильственно, или добровольно — чтобы подходить на господ, пользоваться привилегиями. Но вольное или невольное предательство по закону предательства превращалось сначала в подозрительность к преданным, затем — в болезненные моменты истории, в откровенную ненависть. Менялся с религией, как теперь говорят, менталитет, менялись и психология, стереотип поведения в жизни. Война с православием ведется не первый век. Ватикан науськивал католиков, Порта (исламский центр) — мусульман. Против единого «врага», сохранившего верность вере предков, те и другие, и между собой не отличаясь любовью друг к другу, находили возможность объединиться. Так было в годы второй мировой войны, так происходит и теперь... Православные славяне попадают в исмиость за их выдающуюся этническую индивидуальность и духовную твердость. Хотя современная Россия и пытается изо всех сил опровергнуть это мнение, бешено предаваясь чужим сеяниям и веяниям, да ведь и это опасно: корешки-то остаются. И не известно, не вернут ли они прежнюю поросль. Кроме того: предателям, как ни возвышай эту профессию, никогда веры не было. Мир, который сегодня строится, требует послушных, способных к быстрой мутации людей, сбжавших или вышибленных из народа как из исторической или национальной общности и объединенную в общность конструктивную, бездушную, управляемую. Для укротителей народов на этом этапе православие — враг номер один. Поэтому и пытаются его уничтожить со всех сторон — и изнутри, и извне, и с воздуха, и с земли» (112).

Безусловно, распад многонационального государства югославянских народов имел в своей основе комплекс сложных причин — исторических, экономических, политических, идеологических, религиозных, национальных, внешнеполитических, а сама проблема многогранна и требует многоотного серьезного исследования. Но, на наш взгляд, если говорить упрощенно, то *внутренние причины играли важную, а международный фактор — определяющую роль в развале федерации. Мотором в механизме разрушения стал сепаратизм тех республик, которые поставили задачу выйти из состава федерации и создать самостоятельные государства. Возможным это стало из-за дестабилизации общества в результате политического, экономического и идеологического кризиса, паралича власти, обострения и неуправляемости межнациональных противоречий и благодаря поддержке сепаратистских движений международными организациями и отдельными странами. Если же говорить о причинах военных столкновений, то решающую негативную роль сыграли национально-политические элиты, использовавшие исторический и идеологическо-политический факторы для разжигания националистических настроений, а также интересы мировых центров власти и подчиненность им международных организаций.*

Чтобы проверить правильность этого тезиса, обратимся к фактам и событиям на просторах югославской федерации в конце 80-х — начале 90-х годов.

В начале 80-х годов Югославия стояла на пороге глубокого и всестороннего кризиса. Уже обозначились серьезные проблемы в экономике, когда экономическая стаг-

нация грозила перерасти в затяжной экономический кризис. С середины 80-х очевидным стал кризис политической системы, росла напряженность в межнациональных отношениях. На рубеже десятилетий страна искала пути выхода из создавшейся ситуации и пыталась начать комплексную реформу: в хозяйственной сфере намечался переход на рельсы рыночной экономики, в политической — к многопартийности, во внешней политике рассматривалась возможность новых приоритетов.

Если попытаться коротко охарактеризовать, чем занималось югославское общество в конце 80-х годов, то я бы сказала — дискутировало. На многочисленных симпозиумах, конференциях, круглых столах и общественных трибунах обсуждалось будущее страны. Ломались копыя по поводу разных теорий — идеологии сохранения статус кво, концепции усиления централизованной государственной власти, идеи самоуправленческой или интеграции социалистической Югославии, модели рационального демократического сотрудничества как нового облика социализма. Однако ясного и цельного проекта реформ выработано не было. В результате росло недоверие между народом и руководством, между республиками, между республиками и краями, между руководством республик и центра, что увеличивало дистанцию между субъектами федерации, вело к конфронтации и полному взаимонепониманию.

2. Межнациональные противоречия. Кризис федерализма

После второй мировой войны на территории Югославии в рамках федеративного государства собрались народы, которые прошли сложный и неидентичный исторический путь развития. Когда же в 1991 г. Словения и Хорватия заявили о своем желании выйти из федерации, то стал серьезно обсуждаться вопрос о добровольности объединения югославянских народов в 1918 г. Поэтому исторический аспект создания Югославии неожиданно приобрел актуальное политическое звучание.

Проблемы создания Югославии. Российские ученые достаточно подробно исследовали условия формирования национальных идей, складывания этнических и религиозных отношений, а также объединительных теорий, приведших к созданию Югославии. Перу академика Ю.А.Писарева принадлежат исследования «Образование югославского государства» (1975), «Сербия и Черногория в первой мировой войне» (1968), «Сербия на голгофе и политика великих держав. 1916 г.» (1993), в которых на основе архивов и многочисленных документов показан процесс создания первой Югославии (76; 78; 79). И.И.Лещиловская в фундаментальной статье «Исторические корни югославского конфликта» (75) отвечая на вопрос, насколько глубоки были национальные противоречия между словенцами, хорватами и сербами, приходит к выводу, что несмотря на различные исторические пути развития, их многое сближало и противоречия не носили глобального характера. В 1997 г. увидел свет коллективный труд ученых Института славяноведения и балканистики «На путях к Югославии: за и против» (77), в котором ведущие ученые РАН И.С.Достяк, И.В.Чуркина, В.И.Фрейдзон, Е.К.Вяземская, А.Л.Шемякин, А.В.Карасев и В.И.Косик, используя новые документы, анализируют генезис и эволюцию национальных идей и программ во всех югославянских землях, рассматривают историю объединения славянских народов Австро-Венгрии с Сербией в 1918 г. и создания Югославии.

Опираясь на эти работы, попытаемся осветить процесс объединения югославянских народов, вызывающий сегодня так много споров.

«Югославянские народы с раннего Средневековья жили на стыке трех глобальных религий и трех цивилизаций, — отмечает российский ученый И.И.Лепиловская. — После турецкого завоевания Балканского полуострова хорваты стали юго-восточным форпостом католицизма в Европе; сербы составили юго-западный бастион православного мира; мусульмане славянского происхождения оказались на северо-западной границе устойчивого исламского проникновения в Европу. Религиозная принадлежность народов отражалась на всем облике их общества, культуре с ее ценностными ориентирами, внутренней структуре, бытовых особенностях и внешних связях. Три разных мира несколько веков существуют и развиваются в непосредственном контакте и тесном взаимодействии. Балканы как мост между Западом и Востоком, один из перекрестков мировых цивилизаций, являются регионом геополитического разлома. Происходившие здесь события, явления и действия различных лиц то разбавляли между собой, то сплачивали населявшие его народы» (75,с.40).

Развитие культур славянских народов Балкан шло близкими, но все-таки разными путями. В VIII–IX вв. среди южных славян распространяется христианство, которое позже делится на католическое и православное направления. Общий язык различала письменность — хорваты пользовались латинским алфавитом, а сербы — кириллическим. Политическая история хорватов, сербов и словенцев с XII в. расходится. Королевство Хорватия, Славония и Далмация были присоединены к Венгрии. Далмация в XV в. оказалась под властью Венеции. Словенцы входили в состав Баварского княжества. Вторжение турецких полчищ на Балканы в XIV в. обрекло сербское население на многовековое рабство, изменило условия его жизни. Фактором духовного объединения сербов оставалась лишь церковь. После завоевания турками Балкан часть славянского населения принимает ислам, появляется мусульманское население, и, соответственно, мусульманский фактор. «Поньше остается загадкой, — отмечает И.И.Лепиловская, — массовый переход боснийских крестьян к исламу. Еще не получили научного освещения темпы и масштабы распространения ислама в XVI — XVII вв. в Боснийском санджаке» (75,с.42). На базе славянского этноса создавалась особая мусульманская нация со своей религией, устоями, образом жизни, культурой.

В 1527 г. хорватские земли признали власть Габсбургов, но их права постепенно урезались. «Опасности, подстергавшие хорватов, привели к появлению идеи сплочения их с другими славянскими народами как способа выживания» (75,с.42). Высказывались идеи объединения южных славян под эгидой Хорватии.

В конце XVII в. часть сербского населения, спасаясь от турецкого притеснения, осела на границе Габсбургской империи. В конце XVIII в. в Австрийской монархии насчитывалось до 680 тыс. сербов. В Сербии проживало около 1 млн. сербов, примерно столько же — в других балканских провинциях Османской империи, а также в Далмации и Боке-Которской, входивших в состав владений Венецианской республики (75,с.43). Хорваты, населявшие Хорватию (три округа с центром в Загребе), Славонию, Далмацию, Военную Границу, Истрию и Боснию, тоже были разделены государственными и административными границами.

В условиях гнета Австрии, Венгрии и Турции среди хорватского, сербского и словенского народов возникла и крепла идея консолидации южных славян. В недрах идеи иллиризма, идейным вдохновителем которой был Людвиг Гай, в 30–40-е годы XIX в. родилась «идеология общности судеб сербов, хорватов и словенцев, получившая позднее, в сочетании с соответствующей политикой, название югославизма» (75,с.45). Хорватские югослависты в начале 60-х годов XIX в. организовали Народно-либераль-

ную партию, пропагандировали согласие хорватов и сербов, употребляли наименование «сербско-хорватский народ», пытались внедрить этноним «югославяне» (77, с.205). Югославистские идеи хорватов стремились перенести центр южных славян в Хорватию. Характерной чертой политической борьбы в Австро-Венгрии в начале XX в. стало сербско-хорватское сближение и широкое участие сербского населения в югославянском движении.

Наряду с идеями сербско-хорватского сотрудничества в Хорватии сформировалось и другое, националистическое направление, выступавшее за независимость хорватского государства. В Хорватии, отмечал российский историк В.И.Фрейдзон, после 1848 г. быстро сложилась и великохорватская идея. Основным в «великих» идеях было требование присоединить все население своей национальности к своему государству. «Для хорватов указанная проблема была особо актуальной ввиду давней утери этнической однородности их территории» (77, с.202). Молодой юрист Анте Старчевич стал зачинателем нового направления в национальной идеологии. Уже в начале 50-х годов он заявил, что история вообще не знает такого народа, как сербы, пропагандировал идею «великой Хорватии», включающей сербские земли, Словению, Боснию. Развитие объективного процесса формирования хорватской нации постепенно выдвигало идеи «хорватизма» на первый план. Тезис о наличии особой хорватской этнической общности стал доминирующим в общественном сознании католического населения (77, с.215).

На роль лидера в национально-объединительном движении южных славян претендовали и Загреб, и Белград. Сербское княжество добилось автономии в 1830 г., а с начала 60-х годов оно становится центром антиосманского движения на Балканах. Составленная И.Гарашанным внешнеполитическая программа предполагала, что Сербское княжество во главе с династией Обреновичей должно возглавить борьбу против Османского царства за создание государства, в состав которого войдут Босния и Герцеговина, Черногория, Македония, а также Хорватия в случае распада Австрии. В центре разрабатываемой идеи создания Балканского союза стояла Сербия. Для Сербии и сербской национальной идеологии XIX в. была характерна великосербская идеология, считает В.И.Фрейдзон, которая предполагала сначала объединение всех сербских земель в сильное государство, затем создание южнославянской федерации во главе с Сербией, вокруг Сербии (77, с.219). Лидер Сербской радикальной партии и крупнейший политический деятель Сербии Н.Пашич в 80-е годы видел главную задачу в сохранении и защите независимости Сербии. Тем не менее в программе радикальной партии ставилась национальная задача объединения всех сербов в едином государстве. Позже Н.Пашич обращается к идее конфедерации югославянских народов, размышляет над объединением сербов и хорватов. В 90-е годы среди сербской интеллигенции широкое распространение получили идеи о единстве сербов, хорватов и словенцев, об объединении «вокруг демократической Сербии», так как «сербский народ лучше сохранил свои славянские особенности» (77, с.169). К Белграду стали тяготеть и сербы Австро-Венгрии. Развивались и идеи объединения Сербии с Боснией и Герцеговиной, Грецией, Румынией, частью Македонии.

На главенствующую роль в борьбе за объединение всех сербских земель под эгидой династии Петровичей Негошей претендовала и Черногория после получения государственной независимости.

В словенских землях с середины XIX в. наряду с чисто национальными культурными программами распространяются идеи Объединенной Словении, братском союзе словенцев с хорватами и об укреплении их взаимности со всеми славянами, особенно

австрийскими. В 60–70-е годы ни один из словенских национальных деятелей не считал, что Словения может существовать как самостоятельное государство. Поэтому подавляющее большинство словенских политиков было убеждено, что австрийское государство является единственно возможным государством, в составе которого будет находиться Словения. Австрославизм являлся неотъемлемой частью национальных программ словенцев, подчеркивала И.В.Чуркина (77,с.237). В конце XIX в. в Словении усиливаются антиавстрийские настроения и тенденции югославизма. «Разочарование в политике венского правительства по отношению к славянам и словенцам в том числе заставило наиболее радикальных словенских политиков искать возможности существования Словении как административного и политического целого вне пределов Габсбургской монархии или в независимой Югославии, или во всеславянской федерации» (77,с.247). В 1913 — 1914 гг. в Любляне была провозглашена идея создания федерации с включением в ее состав всех югославянских земель, население которых исповедовало католичество. Накануне первой мировой войны в национальных программах всех словенских партий большое распространение получили югославянские идеи в разнообразных вариантах.

Особенностью Боснии и Герцеговины, провинции Османской империи, было то, что здесь жили люди трех вероисповеданий, говорившие на одном, сербскохорватском языке. По данным 1870-х годов мусульмане составляли 48,9%, православные — 37,6, католики — 12,7% (77,с.187). Славяно-мусульмане, отмечает российский исследователь Е.К.Вяземская, «осознавали четкую разделительную грань между собой и мусульманами-турками. В XIX в. боснийские мусульмане ощущали себя особой этнической общностью как по отношению к иноверцам, так и прочим мусульманам» (77,с.187). Босния и Герцеговина была предметом особого внимания и борьбы за влияние идеологов и руководителей разных направлений национально-освободительных движений как в Хорватии, так и в Сербии. Мусульман Боснии сербы просто считали «сербами исламской веры» и ставили задачу и духовного, и территориального объединения всего сербского народа вокруг сербского княжества (77,с.222). В самой Боснии и Герцеговине среди идеологов национально-освободительного движения разворачивалась борьба: либо добиваться широкой автономии в султанской провинции, либо идти на присоединение к соседним государствам. В 1878 г. Боснию и Герцеговину оккупировала Австро-Венгрия. В конце XIX в. углубляется процесс национальной дифференциации на основе религиозной принадлежности. «Сербы в Боснии и Герцеговине в этот период составляли самую многочисленную этническую группу. На развитие их национально-го самосознания колоссальное влияние оказывала Сербия, целенаправленные действия и агитация сербского правительства» (77,с.289). В 1908 г. Австро-Венгрия осуществила аннексию Боснии и Герцеговины. Накануне первой мировой войны сербские, хорватские и мусульманские буржуазные партии в Боснии и Герцеговине не имели четких программ по национальному вопросу, а на идеологию младобоснийского движения продолжал оказывать влияние сербский унитаризм, и оно продолжало выступать за единение югославянских народов (77,с.300).

В 1870 г. в Любляне состоялось совещание представителей национально-освободительных движений Словении, Хорватии, Далмации и Воеводины, на котором было выражено стремление южных славян к единству и политическому объединению. В начале XX в. самостоятельная Сербия становится центром притяжения для югославянских народов Австро-Венгрии, стремившихся к независимости. Хотя в Хорватии существовали различные течения по вопросу сотрудничества с сербами в Австро-Венгрии

и объединения с Сербией, «кризис дуализма и австро-германская экспансия на Балканах привели к консолидации хорватских и сербских политических сил на территории Австро-Венгрии» (75, с. 50).

Академик Ю.А. Писарев подчеркивал, что и в Хорватии, и в Далмации возникали проекты объединения с Сербией, но все они включали или требования полного равенства сербов, хорватов и словенцев, или обеспечения прав несербских народов в будущем едином государстве. «Создание сербского государства на началах федерации» представлялось «единственным способом объединить сербские и хорватские области в одно политическое целое», поскольку «население этих областей не примирилось бы с механическим включением в одну границу и под одно управление земель, имеющих каждая свою историю и свою культуру, которыми они чрезвычайно дорожат» (76, с. 168). Хорваты предупреждали, что Королевству Сербии следует избегать насильственных актов по отношению к Хорватии и проводить более осторожную политику ненасильственного объединения (76, с. 167). В Проекте создания югославского государства общественного деятеля Далмации Л. Войновича (14 декабря 1914 г.) отмечалось, что «Сербия всего лишь осуществляет своим оружием то, что сербохорваты давно провозгласили и проповедовали пером; в настоящее время вопрос, на который следует незамедлительно ответить, можно сформулировать так: каким образом следует построить национальное сербохорватское здание, для того, чтобы создать все самые действительные гарантии его силы и жизнеспособности?» (76, с. 177). С главнейшим и самым жизненным требованием «о присоединении всего Адриатического берега, начиная от итальянской границы вплоть до Черногории, к тому южнославянскому государству (все равно, будет ли это хорватско-сербская персональная уния или же великая Сербия), в пределах которого будут воссоединены все хорватско-словенско-сербские земли» обратились к правительству в Петрограде 10 января 1915 г. представители общественности югославян Адриатического побережья (76, с. 169). В Меморандуме Югославянского комитета¹ Французскому правительству было сформулировано политическое требование «объединения всех народов и всех югославянских территорий в единое и независимое государство» (76, с. 182).

В Сербии идея создания объединенного югославского государства впервые официально была провозглашена 7 декабря 1914 г. в так называемой Нишской декларации. Она была торжественно зачитана на заседании Народной скупщины Сербии и закладывала правовую базу в борьбе за создание нового государства южных славян. В Декларации подчеркивалось, что в это судьбоносное время правительство Королевства считает своей самой главной задачей обеспечить «освобождение и объединение всех наших зависимых братьев сербов, хорватов и словенцев», создав новое государство южных славян (170, с. 49). На основе этой Декларации сербское правительство разработало две программы — программу-минимум (объединение вокруг Сербии только сербов) и программу-максимум (объединение всех югославян Австро-Венгрии и Европейской Турции). О форме государственного устройства вопрос пока не стоял: обсуждались вопросы или централизованной монархии, или федерации. Россия неизменно поддерживала югославянскую програм-

¹ Политики из Словении, Хорватии, Далмации, Боснии и Герцеговины, оказавшиеся в эмиграции в годы войны, основали Югославянский комитет, выступали за поражение Австро-Венгрии в войне, объединение всех югославянских областей с Сербией и образование единого югославянского государства. В литературе встречается разное написание — Югословенский и Югославянский комитет.

му Сербии, считая, что именно Сербское королевство должно сыграть роль объединителя югославянских территорий.

Российский ученый А.Л.Шемакин отмечает, что «между сербами, с одной стороны, и хорватами и словенцами, с другой, при ясно выраженной политической и геополитической воле к объединению, с самого начала ощущалось до поры до времени скрытое соперничество — кто же будет гегемоном объединения» (77, с.364). Для осознания более поздних межнациональных разногласий важно понять, что Хорватия претендовала на ведущую роль объединителя югославянских народов. В одном из Меморандумов Югославянского комитета отмечалось, что в югославянской проблеме хорватский вопрос играет ключевую роль, «Хорватия со своей столицей Загребом является главным культурным центром югославян Австро-Венгрии... Вот почему главным залогом объединения югославян является вхождение Хорватии в состав единого югославянского государства. Если Хорватия станет центром собирания югославян, то все остальные югославянские земли будут идти в ее фарватере. И действительно, Хорватия ведь является естественной связкой на востоке — с Сербией, на западе — со словенскими землями, на юге — с Боснией и Герцеговиной. Среднее географическое положение лишь повышает значение Хорватии в контексте общей югославянской проблемы» (77, с.365). Разным народам по-разному виделось и воплощение идеи югославизма — сербы выступали за единое и унитарное государство с областным самоуправлением, а хорваты и словенцы требовали создания федерации. Пророческими звучат слова русского консула в Питтсбурге Г.В.Чиркова о том, что значительная часть хорватов «готова видеть в Сербии лишь благоприятный в настоящее время этап для осуществления своих собственных национальных домогательств» (77, с.366). Безусловно, ненависть к венскому правительству толкала национальные круги словенских и хорватских земель к объединению с Сербией, но отсутствие высшего врага должно было неминуемо привести к возрождению национальных программ создания независимых государств.

В июле 1917 г. на острове Корфу председателем министерского совета Сербии Н.Пашичем и председателем Югославянского комитета в Лондоне Анте Трумбичем была подписана компромиссная Декларация о принципах создания после войны объединенного государства в составе Сербии и югославянских областей Австро-Венгрии. Договорились, что «государство сербов, хорватов и словенцев, т.е. страна южных славян, или Югославия, будет свободным, независимым королевством с единой территорией и единым гражданством. Оно будет конституционной, демократической парламентской монархией с династией Карагеоргиевичей во главе...» (76, с.183). Корфская декларация, таким образом, не предусматривала объединения на началах федерации.

Таким образом, среди многочисленных национально-освободительных теорий в среде южных славян пальма первенства принадлежала идее объединения югославянских народов. Процесс создания Югославии в 1918 г. прошел два этапа — консолидации южных славян в рамках Австро-Венгрии и объединения всех югославянских земель с Сербией.

С конца 1916 г. в условиях нарастающего кризиса в Австро-Венгрии среди южных славян Австро-Венгрии возник план объединения под властью Габсбургов. В австрийском рейхстаге от лица Югославянского клуба — фракции словенских, хорватских и сербских депутатов — была прочитана Майская декларация (1917), провозгласившая государственное объединение сербов, хорватов и словенцев Австро-Венгрии на основе «национального принципа и хорватского государственного права» (75, с.51). С распадом

Австро-Венгрии политические партии Хорватии, Боснии и Герцеговины, Словении, Истрии и Далмации создали в Загребе 5–6 октября 1918 г. Народное вече словенцев, хорватов и сербов как орган власти для объединения этих народов в суверенное государство на принципах экономической и политической демократии. 29 октября Свстозар Прибичевич от имени группы членов Народного вече предложил Хорватскому сабору проект резолюции о разрыве с Австро-Венгрией. В тот же день Хорватский сабор в Загребе объявил о создании самостоятельного государства словенцев, хорватов и сербов. Одновременно сообщалось, что Далмация, Хорватия, Славония и Риска создадут общее национальное суверенное Государство словенцев, хорватов и сербов. Вслед за хорватами в него вошли словенцы. Верховным органом власти нового государства стало Народное вече в Загребе. Это государство просуществовало только месяц. За это время его руководители решали сложную дилемму: пытаться упрочить и отстоять новое образование, или просить Сербию об объединении с ней. В условиях послевоенного хаоса, отсутствия у государства своих вооруженных сил, политических органов власти с учетом внешнеполитического расклада сил был сделан выбор в пользу объединения с Сербией. Этому способствовало и то, что Государство СХС разваливалось на глазах: Далмация объявила о своем намерении обратиться к Сербии с просьбой о присоединении к Сербскому королевству, ее поддержала Босния и Герцеговина, сербы хорватских земель, составлявшие 20% населения, требовали присоединения к Сербии. Одновременно Белград проводил большую работу в Загребе, Сараево, Подгорице об объединении с Сербией. Четыре области вокруг Хорватии вряд ли могли быть в то время жизнеспособными. А.Павелич вспоминал: «Перед нами стояла дилемма: либо сохранить самостоятельную Хорватскую республику, состоящую всего из четырех областей вокруг Загреба, либо при-

Королевство Сербия, Хорватов и Словенцев (1 декабря 1918 г.)

По кн. Strugar V. Yugoslavia and the boundary between East and West. — Belgrade, 1992.

соединиться к Сербии. Бачка, Банат и Срем, Далмация и Славония, Босния и Герцеговина были за объединение. Что нам оставалось делать? Нам нельзя было идти на раздел нашей территории, как того хотели сербы Срема. Это могло вызвать гражданскую войну. Мы составили адрес, где содержались требования, чтобы монархия стала такой же свободной, как республика, и чтобы хорваты получили равные права с сербами» (78, с.346).

Народное вече Государства СХС в острой дискуссии (против были словенские клерикалы) вынесло решение об объединении с Сербией 24 ноября¹ 1918 г. 25 ноября такое же решение приняла Народная скупщина Воеводины, а 26 ноября — Черногории. В Решении Великой Народной Скупщины Сербского Народа в Черногории подчеркивалось: «Сербский народ в Черногории одной крови, языка и стремлений, одной веры и обычаев с народом, который живет в Сербии и других сербских землях; у них общее славное прошлое, которым они гордятся, общие идеалы, общие народные герои, общие страдания»².

Население Боснии и Герцеговины в своей подавляющей массе также стремилось к объединению с Сербией, и 27 ноября о своем намерении объединиться с Сербией заявили 11 местных органов самоуправления, в том числе самой крупной области — Банялужской. Руководители Антанты и США выступили с поддержкой идеи объединения югославянских территорий вокруг Сербии, но подчеркнули, что будут решать вопрос о границах государства на мирной конференции только в том случае, если в Белграде удастся достичь соглашения.

27 ноября делегация Народного веча, к которым присоединились и словенцы, выехала в Белград. Современная хорватская историография пытается доказать, что Государство СХС и его парламент (Народное вече) были ликвидированы незаконным способом, т.е. монархом, который не имел на это полномочий, ибо Королевство Сербия было таким же равноправным субъектом объединения, как и Государство СХС (147, с.71). Хорватские историки сегодня утверждают, что делегация Народного веча не выполнила всех наказов и отступила от договоренного текста заключения Хорватского сабора, в котором объединение в общее государство должно было проходить несколько этапов — переходный период, созыв Учредительной скупщины, где должен был бы решаться вопрос, быть ли государству монархией или республикой. Делегация не настаивала на своих требованиях, а представила их Александру как пожелание (148, с.58–59). Регент Александр именно так и воспринял Адрес делегации словенцев, хорватов и сербов и не хотел менять характер своего Королевства. В результате, на практике, возможно вопреки желанию делегаций других народов, произошло объединение земель Австро-Венгрии, населенных славянскими народами, с Королевством Сербией на условиях, которые диктовал регент Александр.

Официальная церемония проходила 1 декабря. От имени Народного веча Адрес читал А.Павелич. В ответной речи принц-регент Александр провозгласил создание объединенного Королевства сербов, хорватов и словенцев. Уже на следующий день начались переговоры о формировании объединенного правительства. Делегаты Народного веча сознательно пошли на соглашение с сербским правительством, хотя прекрасно понимали, что новое государство не будет союзом равноправных народов, полагает академик Ю.А.Писарев (78, с.360).

¹ По новому стилю.

² Репринтное издание плаката 1918 г.

Следует согласиться с А.Л.Шемякиным, который писал, что Хорватия и Словения, войдя в 1918 г в единое югославянское государство, «приобрели значительно больше, чем могли бы потерять при попытке иного решения хорватского и словенского вопросов» (77, с.378). Во-первых, объединившись с Сербией, Хорватия и Словения автоматически перешли в лагерь победителей в первой мировой войне. Статус же побежденного неприятеля не сулил им никаких радужных перспектив. Во-вторых, в рамках Югославии Хорватия и Словения смогли защитить свои этнические границы, а Хорватия консолидировалась с Далмацией. В случае же независимости Хорватии Далмация была бы аннексирована Италией.

Современная югославянская историография (исключением не являются ни сербская, ни черногорская) сегодня пересматривает устоявшиеся в исторической науке понятия и оценки. Критике подвергается унитарная концепция национального и государственного устройства страны. Открыто ставятся вопросы: нужно ли было вообще создавать совместное государство в 1918 г, легитимны ли были органы, его создание (Югославянский комитет, Скупщина в Подгорице)? По мнению сербского ученого М.Зечевица, например, «историческая судьба Югославии, ее устрасший распад и крах подтвердили догадки, что ее начало, связанное с политическим насилием над исторической действительностью, неминуемо приведет к несчастному концу» (198). Он полагает, что исследователи под влиянием политики акцент ставили на этнической близости и языковой общности югославянских народов, забывая, что отсутствие экономических условий, отличия правовых систем, религиозные конфронтации, национальные особенности и разные цивилизационные задачи стали важными факторами разъединения народов. И их не смогли преодолеть «политическое насилие и его декларации». М.Зечевиц уверен, что «югославянское объединение в 1918 г. было осуществлено недемократическим способом, с помощью политического и других видов принуждения ведущих сербских партий и королевского двора» (198).

Думается, что историки еще долго будут спорить по ключевым вопросам исторического развития Югославии. И одной из причин такого стремительного развития научной критической мысли как раз являются крах и историческое поражение идеи югославянства в 1991 г. Оставляем за ними право найти научные ответы на поставленные временем вопросы и сделать правильные выводы, которые помогут безконфликтному развитию народов Балкан в будущем.

В Королевстве СХС политика, проводимая в отношении новых областей, была далека от демократии. Хорватские и словенские политики не были довольны выполнением королевских обещаний в отношении прав словенского и хорватского народов. Бан Хорватии был ограничен в своих правах, а компетенции областных правительств Хорватии, Словении, Далмации, Боснии и Герцеговины урезаны. Войдя в состав Королевства, потеряла свою самостоятельность Черногория. Реорганизация государства прошла на основе принципа централизма. Ряд политических партий Хорватии развернули политическую борьбу за самостоятельность Хорватии, ставили вопрос о праве хорватов на самоопределение, добивались демократизации государственного строя Королевства СХС, где царил полицейский произвол и правительственный террор. Хотя в 20-е годы теория унитаризма пользовалась поддержкой не только в Сербии, но и в Хорватии, и в Словении, Хорватия становится центром борьбы за федерализм. В 1929 г. провозглашение Королевства Югославии должно было подчеркивать унитарный характер государства. Новое административное деление ликвидировало исторически сложившиеся границы

между Сербией, Хорватией, Словенией. Монархический режим не решал национальные проблемы, чем вызывал рост оппозиционных настроений и антисербских движений. Несущественные федеративные идеи словенцев и хорватов способствовало возникновению националистических течений и экстремистских движений (таких, как усташи), требовавших самостоятельности для Хорватии и Словении. В унитарном королевстве во главе с сербской династией Карагеоргиевичей национальный вопрос был катализатором многих внутриполитических кризисов. Сербско-хорватские противоречия постепенно выходили на первый план и становились определяющими.

Именно в межвоенный период росло напряжение в отношениях между сербами и хорватами. Хорваты, считавшие себя более культурным и развитым народом, не могли переносить сербизацию государства, отсутствие равных прав с сербами. Л. Войнович, один из авторов Проекта создания югославского государства (1914), предупреждал, что различия объединяющихся народов столь велики, «что слияние этих элементов на основе административных принципов, действующих в Сербии по образцу франко-итальянской системы, предполагало бы в скором времени возникновение одной из самых серьезных трудностей и раннее разложение молодого государства, даже гражданскую войну... Следовательно, — делал вывод автор, — для того, чтобы... заполнить пропасть, отделяющую более развитых сербохорватов габсбургской монархии от балканских сербов, чтобы медленно, но верно подготовить культурное и социальное выравнивание между славяно-византийскими и славяно-латинскими концепциями масс... существует лишь единственный способ, сформулированный классическим словом «самоуправление» (76, с.177).

26 августа 1939 г. была сделана попытка федерализации Югославии — образована автономная Хорватская бановина, что отвечало интересам населения, но одновременно создало благоприятную почву для упрочения фашистского усташиевского движения. Когда Германия и Италия развязали войну против Югославии, они расчленили страну и создали Независимое государство Хорватию (НГХ), включив в него Боснию и Герцеговину. Вторая мировая война, когда усташи систематически уничтожали сербов и словенцев, когда в Боснии и Герцеговине религиозная и национальная рознь между мусульманами и православными приобрела кровавые формы, оставила глубокий след в сердцах народов Югославии. «Нацистская политика на Балканах, нацеленная на стравливание народов, оставила мрачное наследие в их национальной психологии», — отмечал В.К. Волков (80, с.4). Даже на фоне массовых преступлений фашизма в Европе «НГХ прославилось себя садизмом и бесчеловечностью установленного там режима» (80, с.4).

В результате антифашистской борьбы и народно-освободительной войны под руководством коммунистов было образовано новое демократическое государство — Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ). Казалось, что югославянские народы ожидают светлое будущее. Но груз межнациональных противоречий, хотя и не проявлялся открыто, но довлел над народами Югославии. Хорваты и словенцы помнили, что в межвоенной Югославии они не смогли получить даже автономии, что в государстве господствовали сербы, что не осуществилась мечта о федерализации югославянского государства, и жили в душе с постоянным страхом доминанции сербов в стране. Словенцы тяжело переживали фашистский хорватский и немецкий геноцид в период последней войны. Хорваты были недовольны, что потеряли самостоятельное государство, но радовались, что оказались в стане победителей. Наказания за принадлежность к усташиевскому движению для многих хорватов не последовало, и они продолжали жить бок о бок с сербами.

Сербы в Хорватии не могли забыть резни, которую устроили усташы, но готовы были не вспоминать об этом ради демократической перспективы.

Развитие федерализма в социалистической Югославии. После освобождения страны от фашистских оккупантов и победы народной революции началось строительство социалистического общества, мало отличающегося от общественно-политической системы, сложившейся в СССР. Однако Югославия, первая из стран народной демок-

еспублики ФНРЮ,
9 ноября 1945 г.

и см.: Strugar V. Yugoslavia on the
boundary between East and West. —
1992.

ратии, подвергнув резкой критике командно-административную систему, встала на путь поиска новых методов строительства социализма, сделав своим основным лозунгом развитие демократии. Ни одна другая страна за 40 лет не осуществляла столько реформ, изменений в экономической и политической системе, не принимала столько конституций и поправок к ним. Хотя страна изначально возникла как централизованное государство, решение национальных проблем заставило ее перейти к федерации, а затем фактически к конфедерации. Государство было разделено на шесть республик, а Сербия имела в своем составе два автономных края. Границы между республиками определяла комиссия коммунистов достаточно произвольно, они не совпадали с этническими территориями. Если возникали споры, то аргумент был один — административные границы не играют в социалистическом государстве никакой роли. Как оказалось позже, границы имели большое значение при распаде федерации и определении территорий будущих государств.

До второй мировой войны в Югославии были официально разрешены только шесть вероисповеданий. В 80-е годы их насчитывалось около 35 (а по некоторым данным и 45). На территории Югославии религиозная принадлежность определялась преимущественно национальным происхождением (62, с. 56). Сербы, черногорцы и маке-

**Народонаселение СФРЮ
(61, с. 28–32).**

* Данные Союзного статистического института.

** Данные из статьи З.Б. Вллева (125).

Республики	1981 г.	1985 г.	1991 г.
	тыс. человек		
СФРЮ	22 471	23 124	23 528*
СР БиГ	4136	4316	4364
СР Черногория	586	613	615
СР Хорватия	4606	4657	4760
СР Македония	1916	2017	2033
СР Словения	1895	1925	1963
СР Сербия (без краев)	5701	5787	5824**
САК Косово	1595	1760	1954**
САК Воеводина	2036	2049	2034**

донцы — православные, словенцы и хорваты — католики, славянско-мусульмане, албанцы, турки — мусульмане. Протестантизм объединял немцев, венгров, чехов и словаков.

Национальный вопрос с момента образования ФНРЮ занимал важное место во внутренней и внешней политике государства. Во внутренней политике он регулировал взаимоотношения многочисленных народов и народностей федерации, а во внешней политике был важным фактором взаимодействия с соседними странами, поскольку представители титульных наций других государств как национальные меньшинства проживали в Югославии, и наоборот — в семи граничащих с Югославией странах имелись национальные меньшинства югославянских народов.

Если первое югославянское государство, образованное в 1918 г., было унитаристско-централистским с монархической формой правления, в котором не решался национальный вопрос, то коммунисты стремились сделать свою национальную программу привлекательной для всех народов федерации, обещая полную гарантию национальных свобод.

В развитии югославского федерализма можно выделить несколько этапов.

Первый этап (1945–1950) связан с теоретической разработкой и строительством централистско-административной системы власти в федеративном государстве. Первая Конституция ФНРЮ (1946) создавалась под большим влиянием Конституции СССР 1936 г. Она окончательно утверждала федеративный строй, определяя, что Югославия является «союзным государством республиканской формы, объединением равноправных народов, которые на основе права на самоопределение, включая право на отделение, выразили свою волю жить совместно в федеративном государстве» (177, с. 650). Союзными единицами становились республики как содружества проживающих на их территориях народов и национальных меньшинств. Сербия была конституирована как сложная федеральная единица. Воеводина, где проживало около 500 тыс. венгров, получила статус автономного края, а Косово и Метохия (Космет) — автономной области в составе Сербии. Отношения между республиками и федеральными органами в этот период строились на приоритете центральной власти. Конституция провозглашала равноправие республик при концентрации власти в руках союзных органов. Последние наделялись широкими полномочиями, а координация их деятельности с республиками осуществлялась на основе принципа демократического централизма. Отсутствие самостоятельности республик компенсировалось революционным подъемом, провозглашением

народной власти, свободными выборами представительных органов. Выборы проводились на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Скупщина ФНРЮ была органом народного представительства. Республики имели своих представителей в одной из двух палат, решения в Скупщине принимались простым большинством. В целях расширения участия народа в выработке решения каждая палата избирала комитеты, которым поручался определенный круг вопросов. Хотя интересы республик представляло Вече национальностей, уже в ближайшие годы стала преобладать точка зрения, что нациям в системе общественных отношений не принадлежит какая-то особая роль.

Для политической системы, закрепленной Конституцией 1946 г., была характерна концентрация и централизация власти, укрепление исполнительно-административных органов. Правительство обладало правом осуществлять нормативные функции, принимать постановления, имеющие силу закона. На основании специального закона (декабрь 1946 г.), который наделял правительство правом принимать постановления по вопросам экономики и финансов, оно приняло более 100 постановлений. Правительство часто подменяло деятельность Скупщины, в то время как парламент играл лишь посредническую роль. Доминирующая роль правительства в законодательной деятельности, принижение значения представительных органов являются существенной характеристикой командно-административной системы, складывавшейся в Югославии в первое послевоенное десятилетие. Послевоенная конституционная система отражала высокий уровень государственной централизации, которая рассматривалась как вынужденная революционная мера. Политическая система нового общества с первых же дней складывалась как однопартийная.

В этот период практически не возникает конфликтов на национальной почве. В сознание людей активно внедрялась идеология «братства-единства», теория единства интересов всех наций и народов, населяющих Югославию.

Летом 1948 г. резко ухудшились отношения И.В.Сталина и И.Броз Тито. В адрес руководителей КПЮ и правительства Югославии сталинское руководство выдвинуло тяжелые обвинения. Июньская 1948 г. «Резолюция Информбюро о положении в коммунистической партии Югославии» обвиняла руководство КПЮ во враждебной политике в отношении Советского Союза и предательстве дела социализма. Конфликт привел к полному разрыву государственных и партийных отношений между СССР и ФНРЮ, ВКП(б) и КПЮ. Повод для конфликта был незначительным, но он имел серьезные последствия как для отношений двух стран, так и для всего дальнейшего развития Югославии. Полную изоляцию Югославии от социалистического лагеря закрепила вторая резолюция «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», принятая Информбюро в ноябре 1948 г.

Обнародование новых документов российских архивов позволяет рассматривать конфликт Тито — Сталин как звено в цепи подготавливавшихся в высшем партийном руководстве ЦК ВКП(б) мероприятий по унификации методов и путей построения социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и замене с этой целью руководителей, ориентированных на национальные пути развития своих стран. Уже тогда И.Броз Тито проявил себя сильным политиком, способным на самостоятельные поступки. Конфликт нельзя рассматривать в отрыве от политики в отношении других стран складывавшегося социалистического лагеря. Югославия стала заложницей смены стратегического курса советского руководства от социально-политических компромиссов, так необходимых в годы борьбы против фашизма, к политике конфронтации, классов-

вой борьбы, для которой необходимо было беспрекословное единство восточного блока. И.В. Сталин шел на конфликт сознательно. Потеряв И.Броз Тито и Югославию, он приобрел сплоченный лагерь соратников по борьбе в противостоянии «холодной войне».

Изолированная от бывших друзей, не имея окрепшей экономики, Югославия была вынуждена начать серию экономических и политических реформ.

Второй этап развития федерализма начинается в 50-е годы, когда югославское общество взяло курс на самоуправление, и заканчивается принятием Конституции 1974 г. Решение задач перевода экономики на самоуправленческие рельсы выдвинулось в создании механизма непосредственной демократии, который представлял бы самые широкие возможности для осуществления демократического самоуправления трудящихся посредством соответствующих органов управления на производстве и в других областях общественной жизни: рабочих советов, кооперативов, коммун, хозяйственных ассоциаций, общественных органов управления в области просвещения, науки, культуры, здравоохранения. В стране начался процесс, известный под названием «трех д»: децентрализации, деюбюрократизации, демократизации. Коммунистическая партия Югославии в 1952 г. была преобразована в Союз коммунистов Югославии (СКЮ).

С распространением идеи самоуправления с производственной сферы на политическую систему постепенно менялся и характер югославского федерализма — от идеи расширенной трактовки федерализма до его замены принципом классового подхода.

Согласно Конституционному закону 1953 г., укреплялись законодательные функции Скупщины как представительного верховного органа власти. Исполнительный орган (правительство) — Союзное исполнительное вече (СИВ) — мог принимать теперь лишь постановления во исполнение законов, а также инструкции и распоряжения. СИВ избиралось из состава Союзной народной скупщины и было полностью ей подотчетно. Председатель СИВ являлся Председателем ФНРЮ. Его основными полномочиями считались исполнительные функции. Однако он наделялся большими правами, становился главой государства. Первым председателем ФНРЮ был избран И.Броз Тито.

Скупщина подверглась серьезным преобразованиям. Ее новая структура подчеркивала большое значение непосредственного производителя. Вече национальностей переставало быть равноправной палатой и входило составной частью в Союзное вече. А для того, чтобы «рабочее меньшинство» в государстве могло стать «большинством» в Скупщине, вводилась новая палата — Вече производителей как самостоятельная палата всех трудящихся. Федерализму придавалось новое «наднациональное» содержание — говорили о федерации самоуправляющихся единиц, о перераспределении компетенций между федерацией, республиками и общинами в пользу местных органов. Одновременно происходило расширение компетенций союзных органов за счет сужения республиканских.

Важной вехой реорганизации политической системы стало принятие в середине 50-х годов концепции коммунального устройства, в которой общине отводилось главное место в системе управления и власти на местах. На предприятиях создавались рабочие советы, что должно было подчеркивать непосредственное участие трудящихся в управлении производством и государством.

Проводившиеся реформы, разработка самоуправленческой теории, новая терминология создавали ощущение перемен, демократизации, усиления республиканского влияния. Хотя партийные документы этого периода обращали внимание на актуальность решения национального вопроса, на то, что Югославия должна развиваться как федеративное государство равноправных народов, приоритет все же был отдан решению со-

циально-политических проблем самоуправления, а не национальных вопросов.

Дальнейшее развитие самоуправления, укрепление общин требовали изменения политической системы, особенно в структуре высших органов власти. Принятая в 1963 г. новая Конституция была достаточно противоречивым законом: с одной стороны, поднимался статус национальных меньшинств, которых стали называть народностями, а автономная область получила статус края, а с другой — принижалось значение нации в системе социалистического самоуправления. На первый план выдвигалась концепция общественно-политических содружеств. Суть ее в том, что каждому из содружеств (община, край, республика, федерация), являвшихся территориальными органами общественного самоуправления, доверялись функции власти, и в них предполагалось осуществить интеграцию самоуправления.

Новые общественно-экономические отношения пытались отразить в структуре Скупщины, которая должна была стать и верховным органом самоуправления, естественным продолжением и логическим завершением самоуправленческой пирамиды. Чтобы усилить роль трудящихся в Союзной скупщине, наряду с Союзным вече создали и четыре самоуправленческих веча: хозяйственное, культурно-просветительное, здравоохранения и социальной защиты, организационно-политическое (по 120 человек). Члены Союзного веча, избранные республиканскими скупщинами (по десять человек), а также скупщинами автономных краев (по пять человек), составляли Вече народов, собиравшееся только в тех случаях, когда на повестке дня находились вопросы, касающиеся прав народов республик и краев. В такой структуре скупщин не осталось места, где бы могли осуществлять свои интересы народы и народности, населявшие Югославию. Три веча были задуманы как выразители интересов трудящихся разных профессий, а организационно-политическое вече должно было отражать интегральные интересы самоуправления в целом и интересы общественно-политических организаций.

В середине 60-х годов появляются признаки сепаратистских и националистических тенденций, которые выражались в неудовлетворенности экономической и политической самостоятельностью республик. Предметом этих споров чаще всего являлось расходование средств из централизованного инвестиционного Фонда федерации. «При этом, — полагает российский ученый Ю.К.Князев, — вектор недовольства был направлен против сохранившегося особого положения в Федерации Сербии, которая негласно играла ведущую роль во многих областях жизни федеративного государства» (81, с.141). В рядах Союза коммунистов началась борьба с централизмом и унитаризмом, при этом четко обозначилась тенденция усиления республиканских центров власти. Партия четко расставила акценты, разделив спорящих на унитаристов и тех, «кто замыкался в своих границах» (83, с.343). Сторонникам экономической самостоятельности республик возражали последователи сохранения централизованного управления хозяйственной деятельностью.

В 1964–1965 гг. в стране начала осуществляться экономическая реформа, суть которой сводилась к дальнейшему развитию рыночных отношений и усилению производственной и коммерческой самостоятельности предприятий, усилению принципов хозрасчета. Изменениям подверглись и федеративные отношения.

В конце 60-х годов на повестку дня стали вопросы усиления роли республик в федеративном союзе. Мы не выделяем этот период в отдельный самостоятельный этап, поскольку он явился подготовительным для нового этапа, начавшегося с принятием Конституции 1974 г. В период с 1967 по 1971 г. было принято 42 поправки к Консти-

туции 1963 г., которые изменяли роль республик и краев и сужали компетенции федерации. Расширялись права и самостоятельность Веча народов, возобновлялась практика его самостоятельных заседаний, которые не проводились с 1953 г. Конституционные поправки 1968 г. вновь усиливали права республик и автономных краев, право каждого народа и народности самим распоряжаться результатами своего труда. Федерация была лишена каких-либо инвестиционных функций, не могла брать на себя финансовых обязательств. В ее компетенции оставались такие вопросы, как борьба за мир, за «единство самоуправленческих интересов». Даже органы федерации теперь формировали непосредственно республики и автономные края на паритетной основе. Предполагалось, что такими изменениями будут сняты причины межнациональных конфликтов. Однако предотвратить развитие националистических выступлений в стране не удалось.

В 1968 г. прошли демонстрации в Косове, требовавшие развития национальной культуры и помощи экономике края. В 1969 г. руководство Словении обвинило союзные органы в дискриминации Словении при решении вопроса о распределении средств международного займа на строительство дорог в Югославии. Наиболее серьезным испытанием для югославской федерации стали националистические события в Хорватии в 1970–1971 гг., названные в литературе «хорватской весной» или «массовым движением». Союзное руководство было обвинено республиканскими лидерами в унитаризме, а на массовых демонстрациях выдвигалось требование о выходе Хорватии из состава СФРЮ. Благодаря жестким действиям И.Броз Тито ситуацию удалось удержать под контролем. Руководители Хорватии оставили свои посты, партия занялась чисткой своих рядов, а в государственных органах развернулась борьба с национализмом. Одновременно широкой критике подвергся и унитаризм. Эти события вынудили руководство пойти на радикальную реформу Федерации, закрепленную в Конституции 1974 г.

Третий этап развития югославской федерации начинается с принятием Конституции 1974 г., согласно которой республики и автономные края наделялись широкими полномочиями, приобретали политическую и экономическую самостоятельность. По сути субъекты Федерации получали государственный статус. Республики становились ответственными за экономическое и политическое развитие на своей территории. Допускалась широкая законодательная деятельность республиканских парламентов и сотрудничество с международными организациями. Восстанавливалось Вече народов в качестве самостоятельной палаты Скупщины, правда, в новом обличии — теперь оно называлось Вече республик и краев. *Начинался период культа нации.* Как предусматривалось Конституцией, Вече республик и краев на основании согласования и договоренности между республиканскими и краевыми скупщинами принимает общественный план, утверждает политику и принимает союзные законы, которыми регулируются отношения в области денежной системы, выпуска денег, валютной и внешнеторговой систем, кредитных и других внешнеэкономических отношений. Хотя при этом провозглашалось, что выразителем национальных интересов может быть только рабочий класс, его интересы в скупщинной системе представлены не были. Возобладала точка зрения, что интересы рабочих на уровне федерации «должны выражаться только через интересы нации» (98, с. 47). Известный югославский социолог В. Гвати отмечал, что теперь две палаты «выражают интересы республик и краев, а точнее их руководства» (87, с. 65).

По-новому трактовался статус автономных краев и их положение в федерации: находясь в составе Сербии, они получали права, фактически равные республиканским. Понятие «национально меньшинство» во внутрюгославском масштабе окончательно заменялось понятием «народность». Много внимания стало уделяться культуре и на-

Этнический состав населения Югославии по переписи 1981 г.

Илл. 10: Валеев З.Б. Югославский клубок // География. — М., 1996. — №5. — С. 8.

циональной самобытности народов и народностей страны.

Экономические и политические функции государства сузились. В компетенции государства остались такие функции, как: обеспечение независимости и территориальной целостности страны; регулирование трудового права; вопросы экономического планирования, функционирования валютной системы, платёжного обращения; государственной безопасности, внешней политики и экономических отношений с другими

государствами. Тем самым в Югославии, по словам югославских ученых, была сделана попытка создать новый тип федерализма. В условиях полицентрического этатизма или национал-этатизма он определялся как «классический традиционно-политический федерализм с самостоятельными центрами власти..., национальной бюрократией» (8, с.64). Иными словами, речь шла о сильных элементах конфедерации в классическом варианте федеративного государственного устройства. Национальный плюрализм в Югославии питался самоуправленческой идеей децентрализации политической и экономической власти. Чтобы вся эта сложная система работала, создавался механизм согласования интересов.

Желание осуществить справедливое согласование интересов на федеральном уровне вылилось в теорию паритетного представительства республик и краев в государственных органах, Скупшине, впервые созданном Президиуме СФРЮ, а на предприятиях и учреждениях — в соответствующем представительстве разных национальностей. Коллективное руководство как Федерацией, так и республиками должно было осуществляться с помощью коллективной мысли и постоянной ротации кадров.

Равноправное положение других национальных меньшинств (народностей), не имеющих национально-территориальных образований, регулировалось специальными законами и обеспечивалось через общины на основе теории «братства и единства» путем создания школ на национальном языке, радио — и телепередач, газет и журналов, организации культурно-просветительных обществ, театров, библиотек. В 1986/87 учебном году в СФРЮ работало 1570 основных и 272 средних школы с преподаванием на языке народностей (62, с.166). Это были школы и классы с преподаванием на албанском, венгерском, турецком, румынском, болгарском, итальянском, словацком и других языках. В университетах функционировали специальные отделения, где преподавание велось на языках национальных меньшинств. Уделяя большое внимание межнациональным и межреспубликанским отношениям, в СФРЮ широко практиковались комиссии по межнациональным отношениям. Управления по развитию культуры следили за свободным развитием той или иной национальной культуры.

Сужение функций государства проходило на фоне развития концепции общественно-политических содружеств (ОПС). Все ОПС должны были представлять собой синтез территориально организованной политической власти и самоуправленческой интеграции на территориальной основе, «новый облик территориальной организации самоуправленческого общества в целом» (96, с.33). Между ОПС отныне не существовало иерархических отношений. Каждое из них было автономно и самостоятельно, а отношения строились на основе взаимосвязи и кооперации как по горизонтали, так и по вертикали (97).

В годы обсуждения и принятия Конституции метод построения отношений между нациями, народами и народностями, отраженный в основном законе СФРЮ, оценивался как не имеющий прецедента в истории федеративных государств. Создававшаяся в Югославии систему межнациональных отношений в рамках многонационального государства югославские ученые и политики в те годы противопоставляли и советской системе. Главными аргументами в пользу югославской модели были: решение вопросов «согласованием, а не голосованием», отсутствие всякой субординации между субъектами многонационального содружества, отсутствие единого государственного языка, минимизация государственных функций, глубокие социальные изменения в республиках и краях. Все были убеждены, что в Югославии создается новый тип федерализма, который еще не известен в мире, и к которому нельзя применить существующий

категорийный аппарат. Реформа федерации на первых порах сняла остроту противоречий между республиками и Центром, между автономными краями и Сербией. Позже историки и социологи охарактеризовали этот период как переход к «национальному социализму», породившему, к сожалению, республиканский национализм (146, с. 145).

Казалось бы, что именно в Югославии, всегда уделявшей повышенное внимание национальному вопросу, не должно было возникать противоречий, которые нельзя разрешить. Тем не менее, обострения проявлялись в разных частях Федерации. В ноябре 1974 г. состоялись новые выступления албанских студентов в Приштине. В конце 1978 — начале 1979 г. произошла вспышка религиозного фанатизма в Боснии и Герцеговине, выразившаяся в росте религиозной нетерпимости к немусульманскому населению республики, в требовании большей свободы вероисповедания, в призывах к возвращению к традиционным мусульманским обычаям.

Ситуация осложнялась начавшимися в 1981 г. националистическими выступлениями в АК Косово. Поскольку проблема Косова сложна, практически неизвестна российскому, да и зарубежному, читателю, рассмотрим ее более подробно в IX главе.

Кризис экономической системы. Югославские ученые, обсуждавшие в мае 1982 г. за «круглым столом» проблемы общественно-политической нестабильности, поставили югославскому обществу «основной диагноз — общественный кризис» (92, с. 220). Термин «кризис» прочно вошел в политический словарь обществоведов и политиков и применялся ко всем сферам жизни общества — политике, экономике, идеологии, деятельности партий, межреспубликанским отношениям. В таких условиях экономическая нестабильность была лишь наиболее отчетливым проявлением кризиса. «Такая глубокая и длительная экономическая нестабильность, — отмечал М. Попович, — не может иметь причины только в хозяйственной системе и экономической политике, а ее последствия не могут не охватить все... стороны общественной жизни, начиная от политической системы, межреспубликанских и международных отношений» до вопросов, касающихся социалистической морали (92, с. 220).

К числу наиболее острых экономических проблем относились: критическое положение в области поддержания высшей платежеспособности страны; сокращение промышленного производства; усиление общего и структурного несоответствия в области поддержания внешней платежеспособности страны; превышение темпов роста потребности над реальными материальными и финансовыми возможностями страны; рост цен и темпа инфляции; снижение производительности труда и эффективности хозяйствования; обострение проблем безработицы; падение жизненного уровня и заработной платы, значительные социальные различия. В стране ощущалась нехватка сырья и полуфабрикатов, электроэнергии, товаров широкого потребления.

Увеличивался разрыв в уровне экономического развития развитых и отсталых районов СФРЮ. «По совокупности основных социально-экономических показателей накануне распада Югославии выделялось пять категорий» регионов, отмечает российский ученый Э. Б. Валев: развитые республики — Словения и Хорватия; среднеразвитый край — Воеводина; малоразвитая республика Сербия (без краев); слабо развитые республики — Босния и Герцеговина, Македония, Черногория; особо неразвитый край Косово (125, № 5, с. 7). Словения по своим показателям значительно выделялась из других республик, в то время как в Македонии, Черногории, Косове усилилось отставание, во многом ухудшились показатели в Сербии и Воеводине. Это позволяло словенцам говорить, что они кормят всю Югославию, а Сербии — что Словения эксплуатирует при-

родные богатства других регионов и использует их лишь как сырьевой придаток для своего промышленного развития, что через систему цен происходит переливание национального дохода в Словению и Хорватию. Между центром и республиками возникали постоянные споры по вопросам распределения средств Фонда федерации по кредитованию недостаточно развитых республик и края Косово, формирования и расходования средств бюджета Федерации и внебюджетных средств.

К середине 80-х годов Югославия, по оценке экономистов, перестала существовать как единый народнохозяйственный комплекс: примерно 2/3 производившихся в республиках и краях товаров вообще не выходили за рамки их границ, а взаимно обменивалась лишь 1/4 товарной массы (81, с. 147). И хотя в 1982 г. была принята Долгосрочная программа экономической стабилизации, она не смогла решить проблемы урегулирования кризисных явлений в стране. «В качестве ограничения взаимосвязей использовались такие методы, как бойкот товаров из «недружественных» республик не только населением, но и торговыми организациями, а также массовое снятие сберегательных вкладов, хранившихся в филиалах соответствующих банков» (81, с. 148).

Кризис политической системы. В 80-е годы на фоне обострения экономических и политических отношений в Югославии ученые подвергли серьезной критике принципы организации югославской федерации. Наиболее серьезные опасения вызывали ранее восхваляемые тенденции конфедерализма, и, прежде всего, децентрализация, приведшая к дезинтеграции, к полной потере федеральными органами способности проводить в жизнь принимаемые решения. Функции Федерации сводились к институту согласования интересов и к полной зависимости Центра от республик и краев. М. Царевич, например, отмечал, что из 28 федераций в мире только югославская — такая разъединенная (100, с. 16). Известный экономист Б. Хорват полагал, что некоторые положения Конституции 1974 г. «списаны из царской австрийской Конституции 1861 г.», и поэтому Югославия разделена на «восемь феодальных пашалыков» (86, с. 9).

Ученые вели интенсивные дебаты о нациях, их положении в политической системе, роли в социалистическом самоуправлении. Высказывались порой противоположные точки зрения: от отрицания наций до утверждения, что признаками нации обладает рабочий класс; от концепции югославской социалистической нации как результата развития социалистического унитарного государства до признания лишь сербского, хорватского и словенского народов (85, с. 70, 72–73; 86, с. 9).

Серьезные проблемы выявились в функционировании и развитии общественно-политической системы. Во время дискуссий в Сербской академии наук высказывались опасения, что политическая организация югославского общества вскоре станет неэффективной. Республиканские органы не выполняли союзные законы, если в них не были заинтересованы, «федеральная исполнительная власть опутана бесконечными договорами и соглашениями, и не имеет достаточной силы» (102). Была парализована система управления, неспособная влиять на ход общественных процессов.

Решения принимались крайне медленно, оказалась сложной процедура согласования всех точек зрения. Исполнительная власть, окутанная бесконечными договорами и соглашениями, была абсолютно неэффективна. Ослабление федерального Центра привело к усилению республиканских центров власти и одновременно «к автаркии, замкнутости территориальных регионов, к превращению границ между ними в непреодолимые барьеры на пути деятельности самоуправляемых организаций, свободного передвижения по стране товаров, денежных средств и рабочей силы» (81, с. 144). Не последнюю роль сыг-

рыл отказ от централизованных фондов капиталовложений на уровне Федерации и разделение денежных (в том числе и валютных) средств среди республик. Развернулась борьба между «реформаторами» и «конституционалистами», причем граница идейных расхождений четко совпадала с республиканскими границами: за изменение Конституции и усиление роли федеральных органов выступали Сербия, Черногория и Македония, против были Словения и Хорватия. Наибольшие дискуссии вызывали проблемы организации федерации, способ принятия решения в федеральных органах, принципы устройства и методы деятельности центральных органов Союза коммунистов, характер их взаимоотношения с республиканскими и красными партийными органами, принцип демократического централизма в партии, взаимоотношения Сербии с автономными краями, которые одновременно являлись субъектами политического процесса на федеральном уровне, положение в Косове, кадровая политика и ответственность руководящих лиц за проведение неуспешной политики, механизм выборов в органы власти, практика коллективного руководства.

Общественно-политическими силами одними из первых выступили с предложением о необходимости изменения югославской Конституции. Отношения в Федерации должны рассматриваться с точки зрения взаимных прав, обязанностей и ответственности субъектов. Нельзя рассматривать Федерацию, подчеркивали ученые, только как гарантию республиканской независимости. Однако этому воспротивились республики. Вместо демократической трансформации стали шириться идеи «национальной эмансипации». Национальные политические элиты поддерживали ощущение угрозы для нации, доказывая, что именно их нация явилась жертвой коммунистического режима, поэтому основная задача состоит в защите национальных интересов нации. Это подпитывало и укрепляло агрессивный национализм, «который пытался персбросить вину за общественный кризис на другую (прежде всего, сербскую) нацию, замалчивая роль и участие национальных олигархий в углублении кризисных очагов» (146, с.147).

Группа экспертов в 1985 г. начала работать над анализом причин слабого функционирования политической системы. Итогом их деятельности стало опубликование для всенародного обсуждения «Критического анализа функционирования политической системы социалистического самоуправления» — объемного документа, который должен был обозначить и попытаться решить назревшие проблемы (94). Этот документ не смог привести к желаемым результатам: самой слабой частью «Анализа» были морализаторские рекомендации выхода из кризиса.

Федерация в опасности. С середины 80-х годов усиление обособленности республик и обострение национализма в стране угрожали существованию Федерации. В условиях многонационального государства любое обострение социально-экономических проблем неминуемо превращает их в проблемы национальные. А руководство республик, манипулируя общественным мнением, владея средствами массовой информации, легко использует национальные проблемы для достижения своих экономических и политических целей. Поэтому в эти годы федеральное руководство не видело иного пути укрепления государства как усиление центральных органов власти федерации в общественно-экономическом, юридическом и территориальном отношении через пересмотр основных положений Конституции. Молодой российский ученый З.В.Клименко в кандидатской диссертации (1999) писала, что одной из причин кризиса политической системы Югославии стало «несоответствие конституционного статуса отдельных субъектов Федерации и предоставленных им полномочий и прав», т.е. своеобразная

«асимметричность федеративных отношений», которая возникла задолго до предложения этой модели Словенией в 1990 г. (200, с. 64). Это привело к разрушению целостности конституционной системы федерации еще тогда, когда конституции ряда ее субъектов не противоречили федеральной Конституции.

29 декабря 1987 г. на заседании Союзного веча Скупщины СФРЮ был принят Проект изменений Конституции СФРЮ, переданный на всенародное обсуждение. Предложенные поправки к Конституции вызывали у одних опасения, что укрепится власть Центра за счет ослабления республик и краев, другие расценивали их как очередной компромисс, который ничего не может изменить, полагая, что поправок абсолютно недостаточно для выхода из кризиса, третьи вообще не видели необходимости в изменениях. Самые большие дискуссии велись по вопросам финансирования ЮНА, способа избрания Президиума СФРЮ, трансформации Фонда федерации для недостаточно развитых республик и краев, компетенции союзных органов, способа принятия решений в Вече республик и краев, восстановления Веча объединенного труда в Скупщине СФРЮ, ограничения принципа консенсуса при принятии решений. Во многих республиках поднимали вопрос о дальнейшей демократизации выборов, употреблении языка народов и народностей, гимне СФРЮ. В Хорватии полагали, что Конституцию изменять не следовало, в Словении же выступали за укрепление компетенций республик. На одном из собраний политологов, литераторов и общественно-политических деятелей Словении в 1987 г. большинство высказало точку зрения, что проект конституционных изменений сделан с централистских позиций, «в ущерб словенскому народу и развитую Югославию в целом» (103, с. 21). Была создана общественная Конституционная комиссия, которая должна была отстаивать «национальные интересы словенского народа». В Любляне проходили митинги и собрания против поправок к Конституции, за проведение референдума. При окончательном согласовании Проекта по требованию Словении пришлось изменить ряд формулировок.

25 ноября 1988 г. Скупщина СФРЮ приняла 39 поправок к Конституции СФРЮ. Большинство поправок касалось хозяйственного механизма, они отражали новый подход к взаимоотношениям федерации и республик. Центральное правительство получило право вмешиваться в деятельность республик и краев в случае невыполнения союзных законов. Создавалась единая финансовая, кредитная, налоговая и валютная системы. Федерация получила право определять стратегию научно-технического развития Югославии, создавать фонды товарных резервов, обеспечивать общественные средства на содержание армии, принимать союзные законы в сфере экологии, защиты окружающей среды. Федерация получила также право выступать в качестве арбитра, разрешать противоречия, возникающие между законами отдельных республик и краев. Дискуссия по вопросу финансирования армии закончилась принятием поправки, согласно которой Федерация выделяет на содержание ЮНА определенную долю национального дохода. Одновременно сужалась компетенция краевых властей, ибо отныне они могли осуществлять международное сотрудничество только в рамках утвержденной политики СР Сербии. Изменялся и статус автономных краев. Они утрачивали элементы государственности, становились подотчетными республиканским органам, т.е. Сербии (48, с. 1803).

Что же заставило югославское руководство в конце 80-х годов пойти на принятие поправок к Конституции, вновь усиливающих роль Центра? В условиях однопартийной системы, наличия сильной правящей партии и недостаточно развитой демократии

экономическое и политическое усиление республик неизбежно вело к децентрализации политической жизни, подрывало монопольное положение центра. Назревавшие противоречия между самостоятельностью субъектов Федерации и широкими полномочиями Центра руководство страны попыталось разрешить с помощью укрепления центральной власти и расширения сферы деятельности федерации.

После внесения поправок в Конституцию СФРЮ началась работа по изменению Конституций республик и краев. Укрепление роли центральной государственной власти вызывало недовольство в республиках, привыкших к полной самостоятельности. Поэтому республиканская политическая элита с большим нежеланием начала дискуссии по поправкам к республиканским основным законам. Заметными стали центробежные тенденции ряда республик. Открыто стала говорить о стремлении к государственному суверенитету Словения; приняла новую Конституцию и отстаивала свое право на государственную независимость Хорватия; сербское меньшинство в Хорватии проявляло беспокойство в связи с ростом националистических проявлений в Хорватии. В Черногории начался оживленный спор между приверженцами идеи самостоятельности черногорской нации и теми, кто обосновывал историческое стремление сербского и черногорского народов к объединению. Непокойно было и в Македонии. Проявлялась про-българская ориентация части македонского населения, по ряду вопросов возникали споры с Сербией. Босния и Герцеговина, являясь многонациональной республикой, высказывала озабоченность относительно единства и территориальной целостности республики.

В Сербии, единственной республике, имеющей два автономных края, дискуссии сопровождались конфронтацией между республиканским и краевыми руководствами. Серьезной критике подверглись те положения Конституции 1974 г., которые устанавливали равноправные отношения между республикой и краями. Доминирующей становилась точка зрения, что она ослабила Сербию, лишила ее права на собственное государство. Края имели свои конституции, равное с Сербией представительство в федеральных органах, свое законодательство. Без согласия автономных краев нельзя было даже принять Конституцию Сербии, но Сербия не могла повлиять на процесс разработки конституций краев. Даже внешнеполитические договоры, подписанные руководством республики, распространяли свою силу на «узкую Сербию», т.е. территорию без краев. Поэтому в Сербии развернулась кампания за правовое территориальное и административное единство республики, за сокращение прав автономных краев. Принятая в Сербии в октябре 1990 г. Конституция свела правовой статус краев к территориальной и культурной автономии, лишив их всех элементов государственности.

В.К.Волков, анализируя усиление республиканских и краевых центров власти, пришел к выводу, что «вокруг этих центров началось формирование этнократических (этнобюрократических) кланов» (80, с.6). Под термином «этнократия» он понимает новый общественный слой, элементы которого возникали вследствие проводившейся в странах «реального социализма» социальной политики и экспериментов в области национальной политики. Нацеленность на национально-территориальное размежевание на практике привела к возникновению под лозунгами интернационализма утонченного национализма. «В ряды этнократии как нового правящего слоя вливались часть старой партократии, бюрократические слои, управленцы в экономической сфере, деятели «теневой экономики», а также националистическая интеллигенция... Общей чертой всех этнократических кланов является их стремление к национально-авторитарным формам правления, борьба за власть, за контроль над «своей» территорией при полном игно-

рировании и непризнании за другими этносами тех прав, которых она добилась для себя» (80, с. 6–7).

В конце 80-х годов *отношения между республиками обострились до предела*. Взаимные обвинения усугублялись практическими действиями, направленными на разрыв отношений и усиление национальной обособленности. Это же время отмечено расширением демократических процессов в республиках, политической борьбой за создание альтернативных общественных движений, а в конечном итоге за введение многопартийной системы. Борьба со старыми формами государственного и партийного управления выражалась в массовых выступлениях трудящихся, названных антибюрократическими революциями. Югославская историография высоко оценивала их значение для демократизации общества. Но в литературе прозвучал и тезис, что эти революции были инспирированы С. Милошевичем для того, чтобы «заменить руководство в Черногории и Восточные на своих ставленников». Об этом пишут К. В. Никифоров (161, с. 159), Лора Силбер и Алан Литл (151, с. 70).

Дискуссии конца 80-х годов среди ученых и в партии уделяли проблемам национализма большое внимание. По мнению югославских ученых, он в равной степени присутствовал во всех республиках. В основе *словенского национализма*, отмечалось на одной из научных конференций в 1986 г., лежало стремление добиваться проведения существенных изменений в экономических отношениях в пользу более развитых районов страны. Причем этот лозунг объединял различные силы: от клерикалов до неоконсерваторов и части господствующей республиканской бюрократии. Подчеркивалось, что словенский национализм по сути не отличался от любого другого национализма: он пытался возвысить свой народ над другими народами, поставив его в господствующее положение. Правда, методы достижения этого были не политические, а «хитрая, твердая логика экономических решений» (104, с. 121). Словения была убеждена, и этот тезис широко распространялся в средствах массовой информации, что лишь словенцы действительно работают в Югославии и что только у них на деле существует система самоуправления, позволяющая производить самую высококачественную продукцию в Югославии (95, с. 39).

«Словения, — отмечает историческая наука уже независимой Словении, — отдавала себе отчет в своей экономической мощи и не собиралась подчиняться централизации, не обещавшей модернизации и подъема производства. Весной 1987 г. группа интеллигенции, объединившаяся вокруг журнала «Нова ревија» (в основном антикоммунистически настроенные либералы и католики), опубликовала свои предложения к словенской национальной программе, содержащие требования политического плюрализма, демократии, рыночных преобразований экономики и государственной независимости Словении (возможно, в рамках югославской федерации). Требования вызвали протест и осуждение во всей Югославии» (71, с. 29). Журнал «Младина» начал кампанию против ЮНА «как недемократического института, всегда готового к военному перевороту» и вызвал недовольство руководства армии (151, с. 58). Новое коммунистическое руководство Словении (с 1986 г. — Милан Кучан) сегодня оценивается словенскими учеными как либеральное, противостоявшее коммунистическому режиму С. Милошевича.

В республике начинаст обсуждаться концепция отделения от Югославии. В мае 1989 г. словенская оппозиция на представительном митинге на центральной площади столицы приняла так называемую майскую декларацию в защиту «суверенного государства словенского народа», которое отныне «будет самостоятельно решать вопрос об отношениях с южнославянскими и другими народами в рамках обновленной Европы» (71, с.29; 175, с.134). Янез Дрновшек, член Президиума СФРЮ из Словении, в мае 1989 г. открыто говорил о том, что Словения не хочет сотрудничать с унитарным сталинским режимом в Югославии и Сербии. Словения упрекала Сербию в унитаризме и «религиозизме» по отношению к албанцам, поддерживала косоваров «в борьбе за их право» (59, с.11). Это время названо в историографии «словенской весной», «словенским возрождением». В сентябре того же года словенский парламент принял дополнение к республиканской Конституции, согласно которому Республика Словения возвращала себе «суверенные национальные права, которые она в момент образования в 1945 г. передавала федерации» (71, с.29). В ноябре 1989 г. разногласия между Сербией и Словенией вспыхнули по поводу проведения сербами из Косова митинга солидарности в Любляне 1 декабря 1989 г. Руководство Словении разрешило проведение в своей столице митинга албанцев, пренебрегая позицией сербских властей, но протестовало против митинга сербов, который мог бы, по его мнению, угрожать безопасности Словении. Руководство Словении закрыло границу республики, заявив, что никто не может без разрешения пересекать ее. В Сербии расценили это как отделение Словении от Югославии, и ССТН Сербии прервал экономические отношения со Словенией. Последняя мера была с воодушевлением принята в Сербии и Черногории, пишет Б.Йович (59, с.78).

Словения, не принимая многих положений Конституции СФРЮ, не желая их обсуждать, отказывалась участвовать в общегославских мероприятиях. В январе 1990 г., например, она решила не посылать своих милиционеров в Косово, поскольку считала политику в крае ошибочной. Словенцы всегда стремились дистанцироваться от политики Сербии и Югославии, подчеркивали свою самостоятельность, обособленность, старались говорить на словенском языке в Президиуме СФРЮ или на встречах с сербским руководством. Словенский историк Я.Прунк откровенно пишет, что Словения стремилась высвободить свой народ и государство «из-под влияния менее развитых и культурно чуждых федеративных единиц» (71, с.30). Белград пытался не допустить осуществления программы самостоятельности Словении. Но арсенал средств, которым пользовалось руководство Сербии, не отличался разнообразием. С.Милошевич отказывался от встреч со словенским руководством и оговаривал их условиями: изменить позицию по отношению к Косову, прекратить критиковать Сербию в средствах массовой информации, не вмешиваться во внутренние дела Сербии (59, с.16). Словения полагаала, что С.Милошевич осуществляет план «об усмирении словенцев как носителей идей модернизации, демократизации и конфедерации» (71, с.29).

В марте 1990 г. Скупщина Словении приняла Декларацию, в которой осуждала экономическую блокаду Словении со стороны Сербии и заявляла об экономической самостоятельности (175, с.119–120). Готовясь к выборам, объединенная оппозиция Словении — ДЕМОС — объявила интересами республики «самостоятельность и суверенитет» и «интеграцию с Европой» (175, с.125).

В Хорватии во всех средствах массовой информации, в научных публикациях, в популярной литературе утверждалось, во-первых, что Хорватия находится в наименее выгодном положении из всех югославских республик и краев, что ухудшаются ее ин-

тересы, что у нее отбираются валютные средства; во-вторых, что в Югославии в целом доминирует Сербия и одновременно осуществляется сербское проникновение в Хорватию, а для доказательства анализировались данные о количестве сербов на руководящих должностях в хорватских партийных, государственных и научных организациях и даже трудовых коллективах; в-третьих, что Хорватии грозит «биологическая гибель хорватского народа» и демографическая катастрофа, поскольку за десять лет (1971–1981) в республике процент хорватов сократился на 4,4%; в-пятых, что самобытность хорватского народа находится под угрозой, а в области лингвистики проникновение в язык «сербизмов» ставит под вопрос существование хорватского языка. И, наконец, в Хорватии отстаивали тезис об особом политическом преследовании хорватов, более частом политическом осуждении лиц хорватской национальности (95, с.34–36).

Немецкий ученый Х.Хоппе писал, что еще задолго до распада СФРЮ хорватская элита раскололась на сторонников югославского коммунистического общества и решительных противников федерации, выступающих за независимую Хорватию. Существовала и группа умеренных либералов из числа функционеров и либералов, способствовавших проведению политики ограниченной либерализации и предоставлению республикам большей экономической и политической самостоятельности (165, с.4).

Критикуя хорватский национализм, один из видных партийных деятелей Хорватии того времени С.Шувар открыто рассказывал о том, как он ширился и укреплялся. После разгрома хорватского национализма в 1971–1972 гг., писал он, его носители избрали путь «тихого захвата» различных учреждений, прежде всего, в таких областях, как образование, культура, здравоохранение, правосудие, информация. Националисты стремились проникнуть в отделы кадров на производстве, их особо интересовала сфера народной обороны (95, с.37). Тогда всех «настоящих» хорватов объединяла идея свободной демократической Хорватии для хорватов. Хорваты, служившие в союзных органах, часто работали на свою республику. Известно усердие Драго Бернардица, который с 1967 по 1970 г., будучи замминистра иностранных дел СФРЮ, по заданию руководства Хорватии уничтожил несколько десятков тысяч досель граждан хорватской национальности, главным образом эмигрантов, усташей (110). В отличие от начала 70-х годов, хорватские националисты в 80-е годы не стремились к приобретению сторонников в партийном и государственном руководстве республики, а хотели занять решающие позиции там, где можно оказывать непосредственное влияние на широкие массы. Особое место в хорватском национализме принадлежало клерикализму, который имел свою программу социальной и культурной политики, особенно в среде молодежи. Среди народа возрос интерес к католической церкви, как подтверждение их самобытности. Все свои тезисы хорватский национализм сводил, по сути дела, к одному: королевская Югославия «была темницей для хорватского народа, а потому следует отказаться от всякой Югославии!» (95, с.37).

Еще в 1986 г. на одной из научных конференций отмечалось, что в основе хорватского национализма лежат два требования: Хорватия должна выйти из состава Югославии и стать самостоятельным государством; Хорватия должна быть этнически чистым государством (104, с.98).

Академик Михайло Маркович писал, что хорватский сепаратизм окреп, благодаря целому ряду факторов. 1. По его мнению, любой сепаратизм становится агрессив-

¹ Следует учитывать, что процент сербского населения за эти годы также сократился на 3,7%, а в 10 раз увеличилось число лиц, записавших себя как «югославы» (94, с.35; 166, с.111).

ним, если произрастает на уже существующей традиционной политической и религиозной идеологии. В Хорватии ярко выраженный расистский, сербофобский национализм корнями уходит в 60-е годы прошлого века, в работы Анте Старчевича. «Эта идеология отравляла каждое поколение хорватской молодежи в течение всего века, независимо от того, была ли она правой или левой. Эту шовинистическую идеологию еще больше укрепила враждебность Ватикана, который в приграничных с католической церковью областях агрессивно настроен по отношению ко всем не католикам» (167, с.406).

2. Хорватский сепаратизм нашел союзников среди других югославянских народов, даже среди тех, кто не имел причин к отделению (например, македонцы и мусульмане в БиГ).

3. Хорватский и словенский сепаратизм имел мощного союзника в лице Германии, Австрии и Венгрии.

4. Судьбу Югославии предрешила Конституция 1974 г. и создание содружества суверенных республик. При этом федеральные власти потеряли возможность поддерживать экономическую стабильность и защищать целостность страны (167, с.406).

В конце 80-х годов проявления национализма в Хорватии все больше принимали антисербскую направленность. Хорватские националисты совершали «акты вандализма» по отношению к отдыхающим из Сербии, и даже школьникам. В дискуссиях о таких случаях Б.Йовича удивляла позиция хорватского руководства: «Они не осуждали реваншизм тех вандалов, а боялись за свой суверенитет» (59, с.43).

10 декабря, как писал «Шпигель», правительства Словении и Хорватии договорились сделать все возможное, чтобы интернационализировать кризис в Югославии. Для этого следует просить Бонн созвать в начале 1990 г. международную конференцию, которая бы стала «гарантом преобразования Югославии в союз государств». Этим планом, заключает «Шпигель», Словения и Хорватия «хотят переломить сербские гегемонистские претензии» (59, с.83). Руководство Сербии понимало, что требование конфедерации или союза суверенных государств означало возможность свободного выхода из такого союза, что соответствовало планам сепаратистов.

Когда заходит речь о Хорватии, то нельзя не упомянуть роль Ватикана. Бывший министр обороны СФРЮ В.Кадисвич писал: «Значительную роль в событиях в Югославии имел и имеет Ватикан. Влияние Ватикана очень разнообразно, хорошо организовано, терпеливо подготовлено и эффективно осуществлено, полностью синхронизировано со всеми остальными внешними и внутренними факторами развития Югославии. В религиозной сфере искусственно развивались и постоянно актуальными событиями подогревались тезисы о превосходстве римскокатолической религии над православной и невозможности существования этих двух религий в одной стране из-за того, что католическая принадлежит развитой цивилизации, а православная — дикому Востоку» (6, с.33). По его мнению, католическая церковь была очень активна в политических процессах, поддерживала материально избирательную кампанию в Хорватии, создание собственной хорватской армии (6, с.34).

В религиозных странах националисты всегда поднимали на щит чувства верующих. «С крушением коммунизма в странах Восточной Европы образовался идеологический вакуум, и клерикализм не преминул заполнять его. Поэтому в Югославии различают: католик хорват и православный серб... Понятие «югослав» вообще забыто. Гражданство отступило перед национальностью». Ватикан активно поддерживал свою паству в Хорватии и Словении и занял непримиримую позицию по отношению к православной Сербии. Сильная напряженность в отношениях между католической и православной церквями не соответствовала примиренческой миссии церкви, а выступле-

ния Папы римского Иоанна Павла II часто воспринимались в Хорватии как призыв к борьбе с православным населением в республике. Следует иметь в виду, что католическая церковь в Хорватии была намного активнее, чем, например, православная в Сербии. И религиозность в районах традиционно католических выше, чем в традиционно православных. В 1982 г. в Словении и Хорватии треть молодежи признавала себя верующими, треть — колеблющимися. В Сербии только 3% молодежи оказались верующими (114, с.301).

Мы не затрагивали сложный и многоплановый вопрос роли религии в югославском кризисе. Отметим лишь, что религиозная и национальная политика правительства СФРЮ взаимно влияли друг на друга. В ряде вероисповеданий религия оказалась не только решающим, но и единственным важным фактором, определяющим этнические различия. Именно поэтому религия приобрела националистическую окраску, и любая напряженность, возникающая в религиозной сфере, легко перерастала в этническую напряженность и наоборот. Не имея возможности подробно осветить этот вопрос, отошлем читателей к исследованиям М.Булаича, посвященным роли Ватикана в распаде Югославии (155; 158; 159).

Среди вопросов, которые обсуждались в Сербии, видное место занимали проблемы места республики среди других субъектов Федерации. Открыто ставился вопрос о том, что республика (без автономных краев) по большинству показателей экономического развития не достигала среднеюгославского уровня. Все большее количество общин Сербии получали статус слаборазвитых: в 1981–1985 гг. — 51 община из 114. Экономисты Сербии все чаще выдвигали требование пересмотра положения республики, включения ее в группу недостаточно развитых регионов или, по крайней мере, предоставления ей особого статуса и освобождения от материальной помощи Боснии и Герцеговине, Македонии, Черногории.

В те годы много говорилось о сербском национализме, его суть определялась как стремление к унитаризму. Сербский национализм, полагал хорватский политический деятель С.Шувар, по-своему интерпретировал исторические события: первую Югославию создали сербы, а разрушили ее хорваты и другие неблагодарные народы, во второй Югославии сербов пытаются загнать в границы Белградского пашалыка (95, с.38).

Следует, однако, учитывать факты, на которые исследователи мало обращали внимания. В Сербии национализм проявлялся как «защитник» югославянства. Сербь, как самая многочисленная нация в Югославии, положившая на алтарь югославянства свою государственность, во многом опустили свою ответственность за развитие государства в целом. Именно поэтому сербский «национализм» выступал против сепаратизма других национальностей. Если в Хорватии, Словении национализм приобретал форму сепаратизма, то в Сербии он был двоякого свойства — защиты федерации и защиты сербского единства.

В конце 80-х годов в Сербии развернулась волна патриотизма. Непрерывно идущая волнения в Косове, выселение сербов, жестокость к сербскому населению вызывали ответную реакцию в Сербии. С.Милошевич при посещении Косова в апреле 1987 г. сказал на митинге, что не даст сербов в обиду, что никто не имеет права их бить. Впервые сербы стали открыто говорить о наболевших проблемах, включая и национальные. Летом 1988 г. начинаются митинги по всей республике в поддержку сербов из Косова. Воодушевленные возможностью говорить о своих национальных чувствах, проблемах власти люди скандировали имя С.Милошевича, носили его портреты. На волне этих митингов росла популярность С.Милошевича, который использовал подъем националь-

ного самосознания сербов для укрепления своей популярности, а вместе с ней и власти. Постепенно требования и лозунги начали приобретать политический характер. Именно тогда С.Милошевич «выделился из партийно-государственной олигархии и стал независимым носителем политического суверенитета», фактически «неприкосновенным политическим правителем Сербии», перестал делить власть с «остатками олигархии», создал свой штаб близких советников, «интимный круг посвященных», подчеркивали югославские ученые (182,с.97). Многие считали, что Сербия никогда не была в таком тяжелом положении за всю свою историю, как сейчас, что над сербами довлеет албанский ирредентизм, антисербская кампания в других республиках. Появились голоса, которые утверждали, что Сербия от объединения с другими республиками только потеряла, в то время как другие югославские народы выиграли, и потому следует исправить такую несправедливость. Когда же речь зашла об опасности для сербов в Хорватии и необходимости защитить и объединить все сербские земли, Сербия была обвинена другими республиками в «великосербском национализме».

Экономическое отставание Сербии, антисербские проявления в других республиках, где жили 25% сербов, и рост там национализма, выраженные процессы дезинтеграции федерации дали почву сербским ученым задуматься над рецептом выхода из сложившегося положения. 23 мая 1985 г. на общем собрании САНИ большинство академиков с беспокойством говорили «об общем экономическом кризисе в стране и положении Сербии в федерации» (152,с.14). Было решено создать комиссию для написания Меморандума, в котором рассмотреть самые актуальные политические, экономические, социальные, научные и культурные процессы в стране. Предназначался этот документ для руководителей Сербии и Югославии. В нем было два раздела — «Кризис югославской экономики и общества» и «Положение Сербии и сербского народа». В сентябре 1986 г., когда работа над текстом еще не была завершена, в белградской газете «Вечерние новости» появилась сенсационная статья, в которой говорилось о конфиденциальной работе САНИ над документом, «который призывает к братоубийственной войне и новым потокам крови» (152,с.19). В печати появились и распространялись тексты из незаконченного, неотредактированного и несогласованного рабочего текста¹. В обществе против Академии началась кампания, которой руководил, прежде всего, политический верх Сербии (152,с.18). Была сделана попытка нейтрализовать возможный эффект от текста Меморандума, защитить идеологию братства-единства и неизбежность однопартийной системы. Политические лидеры были недовольны тем, что в Меморандуме подверглась анализу вся политическая система и роль Союза коммунистов в ней, говорилось о необходимости демократизации общества. Особенно остро на положения Меморандума о национализме и сепаратизме реагировали Хорватия и Словения. До сих пор в этих республиках считают Меморандум началом не только проявления сербского национализма, но и распада Югославии.

Особенно острыми были проявления национализма в *Косове*. Развернувшееся движение за предоставление краю статуса республики принимало уродливые формы — насильственное выселение неалбанского населения из края, бойкот выборов, бойкот государственной системы образования. Соответствующей была реакция властей — усиление милицейских формирований, введение военного положения, патрулирование на улицах, аресты руководителей.

¹ На заседаниях рабочих групп удалось согласовать только 30 из 73 страниц предложенного разными учеными текста (152,с.17).

Зимой 1989 г., когда в Косове не затихали массовые демонстрации албанцев «против сербского национализма и нарушения автономии Косова», когда шахтеры этого автономного края начали забастовку против исключения лидера косовских коммунистов Азема Власи из ЦК СКЮ, когда по Сербии и Черногории прокатились митинги в поддержку сербов из Косова, Словения осудила действия Белграда в Косове, не поддержала митинги протеста сербов из этого автономного края. 26 февраля, собравшись в концертном зале им. Цанкара, представители официальной словенской власти и оппозиции выразили солидарность с шахтерами Косова, обрушив критику на руководство Сербии. Белград был обвинен в обострении межнациональных отношений, в репрессиях, в неспособности решить проблемы края. Резолюция собрания призывала руководство СФРЮ уважать права человека, осуществлять равноправие всех народов Югославии, установить законность на территории всей федерации (175, с. 118). Заявления словенцев вызвали стихийные митинги, направленные уже против Словении.

В начале 1990 г. сепаратистское движение в Косове усилилось. Демонстрации прошли по многим городам края и приняла большой размах. В Косове «в штгики» были встречены изменения Конституции Сербии, которые лишали АКК права вето по поводу конституционных изменений в Сербии. Ревизия республиканской Конституции сопровождалась массовыми демонстрациями в крае и стычками с полицией. В январе 1990 г. в демонстрациях уже участвовали около 40 тыс. албанцев. Введенные в край военные подразделения и полиция силой пытались удержать порядок в ряде городов Косова. Были жертвы и со стороны демонстрантов, и со стороны полиции. А в Белграде тысячи студентов скандировали: «Не отдадим Косово». Словения была возмущена поведением Белграда и отозвала своих полицейских из Косова, которых встретили в республике как героев. 2 июля, в тот же день, когда Словения приняла «Декларацию о полном суверенитете государства Республики Словения», албанские делегаты Скупщины Косова провозгласили «Конституционную декларацию», которая провозглашала Косово республикой. В ответ Скупщина Сербии распустила Скупщину Косова, обосновывая это решение царящими в крае беззаконием и нарушением порядка. Тогда 7 сентября делегаты распущенной Скупщины в обстановке полной секретности приняли новую Конституцию края, провозгласившую Косово республикой, граждане которой впредь будут сами решать свою судьбу. Этот акт был расценен в Сербии как антиконституционный, подрывающий территориальную целостность республики. В крае началась массовая забастовка.

Однако все меры по политической и экономической стабилизации положения в крае оказались неэффективными. Автономный край Косово продолжал оставаться детонатором столкновений на национальной почве. Конфликт перерос республиканские границы и стал острее проблемой всей страны, которую в течение десяти лет не удавалось решить ни с помощью вооруженных сил, ни путем принятия соответствующих партийных резолюций и постановлений, ни ограничением автономии.

Национализм в Воеводине имел большие экономические корни (104, с. 181–186). В конце восьмого десятилетия Воеводину захлестнула антибюрократическая революция. В октябре 1988 г. вышедший на улицу народ забросал здание воеводинской скупщины пакетами с йогуртом и молоком («йогурт-революция») и добился отставки краевого руководства. Народ был воодушевлен, как тогда казалось, демократическими перспективами, возможностью открыто говорить о национальных проблемах, а, выходя на улицы, смешать одних руководителей и ставить других.

В Черногории, самой маленькой республике Югославии, казалось, что все спокой-

но. Черногорцы и сербы бок о бок шли по дорогам истории, понимая и поддерживая друг друга. Но в середине 70-х годов ряд исследователей, а затем и политических деятелей стали обсуждать проблему автохтонности черногорцев, отрицая единое этническое происхождение сербов и черногорцев. В науке сложилась острая конфронтационная ситуация: тем, кто утверждал совместное этническое происхождение двух народов, противостояли приверженцы точки зрения, что сербы и черногорцы не имеют между собой этнического родства. «Ученые обвиняли друг друга в великодержавном или сепаратистском национализме» (93,с.58). Проблема приобрела политическое звучание — постепенно она перерастала в проблему черногорской индивидуальности, затем в дискуссию о черногорско-сербских отношениях, а позже зазвучала у ряда политических деятелей в качестве требования отделения Черногории от Сербии. Обсуждению подверглась и проблема деятельности сербских националистов против Черногории и черногорцев.

Подъем национального самосознания в Сербии был встречен с пониманием в Черногории. Она вместе с сербами остро воспринимала гонения сербского и черногорского народа в Косове. Демонстрантов из Косова в августе 1988 г. встречали в Титограде. Митинги солидарности были многотысячными. Однако на этих же митингах стали подниматься экономические и политические вопросы. Звучали и националистические ноты. В 1988–1989 гг. события, захлестнувшие Черногорию, академик В.Стругар назвал «великим восстанием Черногории» (153). В августе-октябре митинги солидарности с сербским народом Югославии прокатились по всей Черногории. Наряду с проблемами поддержки сербов и черногорцев из Косова на них поднимались вопросы отставки тех руководителей, которые не имеют поддержки народа. Власть почувствовала угрозу своему положению. Проходили многочисленные заседания партийных комитетов, Социалистического союза трудового народа, профсоюзов. После того, как в Воевдине 6 октября десятки тысяч собравшихся на митинг вынудили Краевой комитет СК, обвиненный в политике сепаратизма, уйти в отставку, в Черногории рабочие и студенты потребовали отставки своего руководства, окружив плотным кольцом здания скупщины и Союза коммунистов. Против манифестантов милиция применила силу. В результате мощного давления демонстрантов по всей республике последовали отставки ряда членов ЦК СКЧ, ССТНЧ, Президиума и Скупщины. Смена руководителей последовала и в местных органах власти (153).

В общем хоре вышедших на улицы людей и в Сербии, и Черногории отдельной нотой зазвучали голоса об объединении всего сербского и черногорского народов. Академик Владо Стругар, вдохновленный мощным народным движением, составил и представил Черногорской академии наук и искусств «Проект вопроса к черногорскому народу о сербстве и о возможном объединении Черногории и Сербии». Это вновь вызвало дискуссию и оживило споры о судьбе черногорского народа (153). Осенью 1991 г. в Черногории началось обсуждение вопроса о создании Черногорского сабора сербско-го согласия (157,с.207).

В Боснии и Герцеговине, как писали югославские ученые, развивалось три национализма — мусульманский, сербский и хорватский. Мусульмане доказывали, что Босния и Герцеговина — это исторически мусульманский район. Претензии хорватских националистов распространялись на западную часть Боснии и Герцеговины как на часть «Великой Хорватии». Сербы в Боснии и Герцеговине утверждали, что Босния и Герцеговина — искусственное создание, и что сербский народ был неестественно отделен от своей Родины (104,с.125). Один из западных ученых, консультант Рэнд Корпорации,

Педро Рамет предложил свое видение расклада политических сил в Боснии и Герцеговине. Он писал еще в 1984 г., что СКЮ стремился использовать укрепление мусульманского национального самосознания «в качестве фехтовальной рапиры», направленной против сербов и хорватов Боснии. П.Рамет полагает, что Социалистическая Республика Босния и Герцеговина была создана с целью не допустить доминирования в послевоенной Югославии Хорватии или Сербии. До середины 70-х годов, пишет он, руководство СФРЮ относилось к мусульманскому национализму как к особому явлению, отличному от других, «более наивному» и «вероятно, не опасному» (113, с.166). Но поскольку правительство не торопилось предоставить мусульманам статус нации, возникло националистическое движение за превращение Боснии и Герцеговины в самостоятельную мусульманскую республику. И уже в 70-е годы мусульманский национализм в БиГ становится фактором политического значения (113, с.166). В 1983 г. правительство обращает внимание на усиление связи мусульман Боснии с мусульманским миром и пытается их ограничить: вводится большая такса для желающих совершить хадж, усиливается контроль за деятельностью мусульманских лидеров. Однако социологические исследования начала 90-х годов показывают, что БиГ более других республик поддерживала центральную власть, одобряла деятельность правительства (72 % опрошенных, в это же время в Косово эта цифра равнялась 13, а в Словении — 16 %), поддерживала реформы (79 %) (137, с.59).

Македония больше волновали проблемы регионального развития, выравнивания экономического уровня республик, хотя, наверное, ни одна из республик не находилась в таком сложном положении. Разделенная в силу исторических обстоятельств на три части, Македония никогда не имела своей государственности. Лишь македонцы Югославии получили свою республику и возможность сформировать и сохранить нацию. В Болгарии и Греции македонское национальное меньшинство не имело даже статуса автономии, было большей частью ассимилировано. Но в конце 80-х годов стали раздаваться голоса об «исторической цели» македонцев — объединении всех частей Македонии в одном государстве. В Социалистической республике Македонии никогда не стремились к преувеличению роли или возвышению своей нации по отношению к другим. О проблеме национализма и межнациональных отношений в Македонии мало писали и мало говорили. Но неблагоприятные демографические процессы (быстрый рост албанского населения, увеличение числа цыган, турок и македонцев-мусульман) говорили о возможном обострении межнациональных отношений в обозримом будущем. Поэтому «македонский национализм» проявлялся, по мысли ученых, лишь в неприязни к албанцам, проживающим на территории Македонии, как реакция на великоалбанский национализм (104, с.146).

Следует подчеркнуть, что при обсуждении проблем национализма в Югославии проявился принцип «уравниловки». СКЮ винил каждый народ, чтобы не было обидно другим, в национализме. Хорватов, сербов, македонцев, албанцев винили в стремлении создать соответственно Великую Хорватию, Великую Сербию, Великую Македонию и Великую Албанию. При этом почти не делалось различий между патриотизмом и агрессивным национализмом. Уже тогда становилось ясно, что Словения и Хорватия тяготеют к выходу из федерации, что Хорватия не остановится ни перед чем, чтобы создать этнически чистое государство, что «сербский национализм» готов идти на многие уступки ради сохранения федерации, поддержания идеи югославизма. Согласно социологическим исследованиям в 1990 г., Сербия была среди тех республик, которые были готовы даже к жертвам ради успешного завершения реформ в стране

(137, с. 86–88).

Один американский эксперт так оценил межнациональные отношения в стране: «Связи между югославскими народами «рвутся»... Растет антагонизм между республиканским руководством, что отражается и на обычном народе. Пугает степень неосведомленности и нетолерантности к другим точкам зрения (в Сербии) и антагонизм, и даже ненависть (в Словении)» (59, с. 73).

Югославский социолог Д. Янич дал такую характеристику национализму в Югославии. «В сущности национализм навязывался взамен отсутствующих факторов интеграции общества. С его помощью пытались вылечить общество, тяжело больное кризисом самоопределения... Бывшая Югославия в своем развитии обнаружила удивительный парадокс: с одной стороны, огромные усилия прилагались для экономической и социальной интеграции, а с другой, сильны были процессы экономического, социального и политического размежевания... Во всем этом действе главным «актером» была старая коммунистическая номенклатура. Она долгое время разрывалась между модернизацией и сохранением Югославии, т.е. сохранением статус кво, отдавая предпочтение статусу кво, который олицетворял ее правление. Но поняв, что модернизация неизбежна, она уцепилась за последнее средство защиты своей власти — национализм. Слиянием «официального» и «неофициального» национализма замкнулся круг национализации политики и общественного мнения. С тех пор все интересы и все столкновения интересов провозглашались делом «вживания нации». Энергия национализма прагматически использовалась для захвата и сохранения власти» (70, с. 2–3).

Политические процессы размежевания, поощряемые политической элитой, безусловно, отражались на настроении народа, подогревали его интерес к национальному вопросу. Однако ощущения единства народов федерации или, как говорят социологи, интеграционный потенциал, продолжали оставаться еще сильными. Согласно исследованию социологов, в 1990 г. у 28% жителей Югославии вообще отсутствовала «социальная дистанция» по отношению к другим народам (четверть века назад таковых было 53%). Сравнительные исследования 1966 и 1990 гг. показали, что менее всего такое дистанцирование было выражено в Сербии, Македонии и Словении, больше всего оно заметно в Хорватии (увеличилось с 15% до 29%). Если говорить о длине дистанции в республиках по отношению к отдельным народам, то больше всего она увеличилась по отношению к албанцам и мусульманам (особенно в Македонии и Хорватии). Значительно увеличилась дистанция хорватов и словенцев от сербов и черногорцев, а сербов и черногорцев от хорватов и словенцев. В Черногории очень небольшая социальная дистанция по отношению к сербам и венграм, в Словении — к хорватам, в Сербии — к черногорцам, македонцам и венграм (137, с. 174–175). Результаты исследования «национальной закрытости» народов (через возможное заключение брака с человеком другой национальности) показали, что это явление больше всего присутствует у албанцев (69%) и словенцев (65%). Самыми открытыми показали себя те, кто декларировался как «югославы» — 56% без дистанции (137, с. 178). Любопытно и другие данные. Для сербов, черногорцев и мусульман намного важнее их принадлежность Югославии, чем своей конкретной республике (71%, 80%, 84%). А словенцы больше ощущают свою принадлежность республике (66%) и Европе (45%), чем Югославии (26%) (137, с. 236).

Анализ оценок существующих межнациональных отношений в республиках в конце 80-х годов показал, что в среднем 36% граждан Югославии считали такие отношения «удовлетворительными», 21% — хорошими, а 28% — плохими, 11% — очень плохими (137, с. 153). Следовательно, более половины населения страны не видели проблем

в межнациональных отношениях на уровне республик. Тем не менее почти 40% негативно оценивали межнациональный климат в своей среде. Но вот что интересно — оценки состояния межнациональных отношений в Югославии в целом резко отличаются: 46% оценивают их как плохие, а 41% как очень плохие. «Такое состояние межнациональных отношений в Югославии является предпосылкой и результатом концепции югославского федерализма, концепции, которая предполагает расхождение между территориальным федерализмом и функциональным федерализмом», предполагает республиканско-краевую замкнутость, т.е. «локализм», когда политическая власть становится важным территориальным понятием, считали югославские ученые (137, с.157). Еще в 1990 г. большинство жителей страны перспективы государства видели в такой же федерации (24%) или в конфедерации (20%), в то время как формирование независимых государств на территории Югославии предвидели всего 7% опрошенных. К конфедерации более всего тяготели Косово (64%), Словения (61%) и Хорватия (48%) (137, с.118–119). Исследования настораживали, но не могли остановить начавшийся процесс республиканского сепаратизма.

Катастрофическое экономическое положение страны ставило на повестку дня вопросы экономической реформы. В январе 1989 г. правительство возглавил Анте Маркович, член ЦК СКЮ и бывший председатель правительства Хорватии. Предложенный в декабре того же года пакет антиинфляционных мер включал в себя деноминацию динара, увязку динара с немецкой маркой в отношении 1:7, увеличение валютных резервов, что должно было вести к остановке инфляции. «Реформа, — считает российский экономист Ю.К.Князев, — была нацелена, во-первых, на применение единых для всех хозяйственных и политических субъектов средств экономического стимулирования и принуждения, базирующихся на возможно более полном внедрении рыночных отношений, а во-вторых, на повышение эффективности механизма регулирования совокупного народнохозяйственного развития со стороны правового государства, действующего в строго определенных Конституцией рамках» (81, с.149). По мнению Анте Марковича, Югославию можно было сохранить. «У нас у всех была возможность, чтобы победили реформаторские демократические тенденции. Наша экономическая программа была успешная» (1). В Сербии и других республиках бывшей Югославии по-разному оценивают роль А.Марковича и проводимые им реформы. Авторы вышедшей недавно книги о роли ЦРУ в развале Югославии, например, обвиняют А.Марковича в шпионаже на США и антисербской активности в пользу Республики Хорватии (149, с.176–187). Его обвиняют также, что он вел антисербскую и антигосударственную политику. Сам А.Маркович полагает, что хотя и стремился «в Союзной Скупщине победить сербское доминирование», пытался спасти экономику страны (1). Осложнение политической ситуации вынудило Анте Марковича подать в отставку в ноябре 1991 г. После отставки премьер-министра из правительства постепенно вышли министры всех югославских республик кроме Сербии и Черногории. Вплоть до провозглашения новой Югославии в апреле 1992 г. кабинет министров возглавлял заместитель председателя правительства Александр Митрович.

Одновременно с экономической реформой началась реформа политической системы, которая должна была устранить все преграды на пути демократического развития Югославии, изменить структуру управления, представительной системы, развить политический плюрализм, углубить самостоятельность всех субъектов федерации. Стержнем этой реформы стал переход к многопартийной системе.

3. Политические преобразования и расстановка политических сил в СФРЮ в конце 80-х – начале 90-х годов

Постепенно в Югославии набирал силу кризис авторитетов, т.е. кризис высшего эшелона власти, а также кризис основного столпа югославского общества — Союза коммунистов Югославии. Его основными всхами были: общепартийная дискуссия накануне XIII съезда СКЮ (1986), показавшая высокий уровень политизации общества и серьезность предъявляемых к руководству страны и партии требований; XIII съезд СКЮ, не сумевший принять кардинальных решений и ответить на требования коммунистов практическими делами; партийная конференция СКЮ (май 1988 г.), когда руководству СКЮ был предъявлен ультиматум и дан достаточно короткий срок для принятия радикальной программы; события осени 1988 г., когда под давлением демонстрантов уходили в отставку республиканские и краевые партийные руководители; 20 пленум ЦК СКЮ (январь 1989 г.), на котором был поставлен вопрос о доверии ЦК СКЮ и произведены серьезные кадровые изменения. Следствием нарастания кризиса власти, а также разных подходов к будущему страны и партии стали серьезные разногласия в руководстве СКЮ и между республиканскими партийными элитами, усиливавшиеся центробежные тенденции.

Переход в 1990 г. к многопартийной системе должен был стать шагом к утверждению в Югославии парламентаризма европейского образца. В силу исключительно обострения всей ситуации в стране, грозившего крахом государства, этот переход стремились осуществить в наикратчайшие сроки. Всего несколько месяцев понадобилось для организации выборов на неизвестной доселе многопартийной основе. Последний съезд Союза коммунистов Югославии, за которым последовал его фактический самороспуск, состоялся 20 января 1990 г. Первые многопартийные выборы в двух республиках — Словении и Хорватии — прошли уже в апреле того же года. А выборы в новые парламенты Сербии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговины состоялись в ноябре — декабре 1990 г.

Многочисленные партии, организации и объединения начали формироваться в конце 1989 — начале 1990 г. Процесс их стремительного появления сопровождался политическими разногласиями в руководстве, размежеваниями, расколами и новыми объединениями. Поскольку партии создавались практически одновременно с предвыборной агитацией, развернувшейся в республиках в 1990 г., то отсутствие должного опыта и политической культуры значительно обостряли эту борьбу, делали ее жесткой и не всегда корректной. Складывавшийся политический плюрализм некоторые шутники сравнивали с «хаосом балканской политической корчмы». Кроме того, все события происходили на фоне серьезных споров о реформе федерации и экономической реформе, роста национального самосознания, а в ряде республик — идей национального самоопределения и отделения. Уже в сентябре 1990 г. официально было зарегистрировано 119 политических партий и организаций, подавляющее большинство которых имело национальный характер.

Зарождение новых политических партий проходило в условиях распространения идей национализма, антикоммунизма, глубокого кризиса коммунистической партии — Союза коммунистов Югославии, оплота и стержня социалистической системы. Напомним, что система организации СКЮ отражала те же конфедеративные принципы, которые были характерны для федерации в целом. Уже в конце 60-х годов была утверж-

дена самостоятельность республиканских организаций в едином Союзе коммунистов Югославии. Отношения между ними строились на основе «согласования точек зрения». Партия постепенно превращалась в союз девяти организаций, а руководство республиканских партийных организаций в конце 80-х все больше переходило на позиции национализма и суверенизации.

Кризис, охвативший Союз коммунистов Югославии, как и все другие системы власти, поставил на повестку дня вопрос о его дальнейшем существовании. Перед коммунистами обозначилась альтернатива: или провести внутренние преобразования и попытаться сохранить свое влияние в массах, во многом приверженных социалистической самоуправленческой идее, или вообще уйти с политической сцены.

Сначала лидеры СКЮ попытались спасти положение разработкой теории политического плюрализма в рамках Социалистического союза трудового народа Югославии (ССТНЮ), своеобразного народного фронта. Правительство относилось лояльно к тем организациям («альтернативные движения»), а позднее — («новые политические движения»), которые объявляли о своем вхождении в ССТНЮ. Видя в возникающих общественных и политических группах зародыши политических партий, руководство страны пыталось ввести их в организационные рамки существующего фронта, пойти по пути «непартийного политического плюрализма», т.е. плюрализма позиций, мнений, объединений, не ведущих к созданию политических партий. Однако объявление в стране в конце 80-х годов политики реформ поставило на повестку дня вопрос о роли новых общественно-политических организаций в политической системе общества. Острая и оживленная дискуссия среди югославских ученых и общественно-политических деятелей о политическом плюрализме являлась важной составляющей дискуссии об изменении политической системы, роли Союза коммунистов Югославии, о новом видении социализма. Политический плюрализм стал темой «весны 1989 г.», и все другие проблемы связывались именно с решением этого вопроса. С.Милошевич, возглавлявший тогда Союз коммунистов Сербии, оправдывал страх перехода к многопартийной системе возможностью создания албанской партии. «И мы бы потеряли Косово», — говорил он (59, с.61).

Однако так называемый политический плюрализм так и не позволил преодолеть политический кризис в стране, отчужденность руководства от граждан, не смог вернуть веру в представителей политической власти, избежать внутрипартийных разногласий и встать на путь демократизации общества. Переход к многопартийной системе остро стоял на повестке дня. Словенская партийная организация к тому времени фактически полностью отделилась от СКЮ, и, как считали в Сербии, «они и свою партию почти ликвидировали» (59, с.61). В Хорватии еще в 1989 г. тайно была основана националистическая партия «Хорватское демократическое содружество», поставившая задачу «осуществить право хорватского народа на самоопределение и свободу» любым путем (123, с. VI). В Македонии небольшая группа представителей интеллигентальной элиты вынашивали планы создания независимой Македонии.

Ведя подготовку к XIV съезду, руководство СКЮ ставило задачу сохранить целостность СКЮ и принцип демократического централизма хотя бы формально. В партии, вспоминал М.Булатович, уже велись разговоры о возможности «непартийного политического плюрализма в СФРЮ», при этом словенцы были категорически против введения многопартийной системы (56, с.37).

На XIV съезде СКЮ (20 января 1990 г.) должны были, среди прочего, обсуждаться вопросы реформы СКЮ, подготовки новой Конституции, демократических реформ

и стране. Но завершить работу съезда в намеченные сроки не удалось. Она была прервана уходом со съезда словенской делегации. Дело в том, что Словения предложила съезду для обсуждения программу срочных мер. Среди них — реформа СКЮ, изменение названия партии, Программы и Устава, самостоятельность республиканских организаций СК, отмена принципа демократического централизма, для республик — гарантия самоопределения вплоть до отделения, создание асимметричной Федерации, гарантия прав и свобод человека, свобода политических объединений, непосредственные, общие и тайные выборы на многопартийной основе, создание круглого стола всех политических организаций для обсуждения реформ в обществе, преобразование общественной собственности. Кроме того, словенская делегация на съезде выступала с рядом дополнений по многим вопросам, активно работала в созданных на съезде комиссиях.

По результатам голосования многие предложения делегатов от Словении приняты не были. Тогда Ц.Рибичич от имени словенской делегации сказал, что вся работа съезда делает невозможным обсуждение самых важных вопросов социализма (105, с.7). Уход делегации Словении со съезда он объяснил тем, что предложения Словении не были приняты участниками съезда. И.Рачап от имени хорватской делегации высказал мнение о невозможности продолжать работу съезда без словенцев. Руководство съезда приняло решение прервать заседание и продолжить съезд через 20 дней после выяснения позиции всех республик.

Выборочный опрос общественного мнения, проведенный сразу после съезда (23–24 января), показал, что большинство рядовых коммунистов хочет, чтобы СКЮ остался единой для всей страны партией: так считали 77,5% опрошенных в Скопье и Нови-Садe, 75% в Белграде, 60% в Сараеве, 80% в Титограде, 42,5% в Приштине. За СКЮ как союз союзов (предложение Словении) выступали 52,5% опрошенных в Любляне, 40% в Загребе и 12,5% — в Сараеве. Было и мнение, что СКЮ следует разделить на две партии: коммунистическую и социалистическую. Эта идея, получившая название «боснийская инициатива» прозвучала еще на XIV съезде СКЮ (108). Эту идею поддерживали 22,5% опрошенных в Сараеве, 10% в Загребе и незначительное количество в других городах (109). В Любляне (72,5%), Загребе (70%), Приштине (60%) и Сараеве (52,5%) большинство опрошенных оправдывали уход словенской делегации, а в Скопье, Белграде, Нови-Садe и Титограде — нет. Примерно так же разделились голоса и по вопросу возможной трансформации СКЮ в современную политическую партию, программа которой будет приемлема для всех республик. Первая группа опрошенных (те же города, что и в предыдущем вопросе) дала отрицательный ответ, вторая придерживалась противоположной точки зрения (109).

4 февраля 1990 г. состоялась первая конференция СК Словении, на которой фактически произошел разрыв СК Словении с СКЮ. Словенские коммунисты констатировали, что для них закончилось индивидуальное членство в СКЮ, что больше нет материальных обязательств СК Словении по отношению к СКЮ. Отныне «СК Словении действует как самостоятельная политическая организация с собственным членством, собственной Программой и Уставом. СК Словении готов сотрудничать с СКЮ на новых основах» (106). Изменение названия партии на Союз коммунистов Словении — Партию демократического обновления (СКСл-ПДО) должно было показать начало перемен. СКСл-ПДО взял курс на быстрое введение в республике многопартийной системы, принял решение участвовать в выборах наравне с другими партиями, не считая себя партией власти.

Руководство хорватских коммунистов также решительно высказалось против продолжения XIV съезда СКЮ и также переименовало свою партийную организацию в Союз коммунистов Хорватии — Партию демократических перемен (СКХ-ПДП).

Македонские коммунисты по многим вопросам поддержали коммунистов Словении и Хорватии. Выступив за изменения, они добавили к названию партии «Партия демократических преобразований» (СКМ-ПДП).

Только коммунисты Сербии, Черногории, Воеводины и Косова, а также Югославской народной армии высказались за скорейшее продолжение съезда, за сохранение единства СКЮ. После прерванного заседания XIV съезда СКЮ состоялось шесть заседаний Президиума ЦК СКЮ и три консультативные встречи, где рассматривался вопрос о продолжении съезда. 26 мая XIV съезд СКЮ, или его третье пленарное заседание, продолжил и в тот же день завершил свою работу. На съезде не присутствовали делегаты из Словении, Хорватии и Македонии. Это был формальный акт, который поставил точку в долгой истории Союза коммунистов Югославии. Распад СКЮ стал естественным процессом в условиях всеобщего кризиса государства, отражением начавшихся центробежных тенденций. Препятствием к созданию многопартийной системы больше не было. Среди коммунистов начался период брожения, неопределенности, споров по целому ряду вопросов. Отражением нестабильного положения в СКЮ стал самороспуск первичных организаций, выход коммунистов из партии.

Судьба распавшегося коммунистического союза в республиках сложилась по-разному. Но во всех случаях это был эволюционный (безболезненный) путь, который привел или к сохранению в измененном виде ядра партии в одних республиках (Сербия, Черногория, Македония) или к потере влияния в других регионах (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина). Бывшие республиканские отряды коммунистов прошли несколько этапов внутренней эволюции, предпочли трансформироваться в партии социалистической и социал-демократической направленности.

Сразу после съезда руководство Союза коммунистов Сербии объявило об объединении с Социалистическим союзом трудового народа в Социалистическую партию Сербии (СПС) «в целях укрепления левоориентированных сил в СР Сербии» (41). Это вызвало неоднозначную оценку и, порой, негативную реакцию членов партии. Ведь именно СК Сербии всегда выступал за единство коммунистической организации и сохранение СКЮ. Реформаторские настроения партийной элиты застали многих коммунистов врасплох, что и позволило СК Сербии провести мирные преобразования партии.

В предвыборной борьбе 1990 г. участвовали Союз коммунистов Словении — Партия демократического обновления, Союз коммунистов Хорватии — Партия демократических перемен, Союз коммунистов Боснии и Герцеговины — Социалистическая демократическая партия (СКБГ-СДО), Союз коммунистов Македонии — Партия демократических преобразований, Союз коммунистов Черногории, Социалистическая партия Сербии.

Одной из особенностей политических процессов в Югославии было то, что во всех республиках выборы проходили по разным избирательным системам (различные комбинации принципов пропорциональности и большинства) и в разные типы парламентов. В Словении и Хорватии, которые торопились ввести многопартийную систему, избирались делегаты трех палат (всех) парламентов, предусмотренных Конституцией СФРЮ 1974 г. — Общественно-политического веча, Веча общины и Веча объединенного труда. В Македонии и БиГ приняли поправки к республиканским Конституциям и узаконили две палаты Скупщины — Вече граждан и Вече общин. И, наконец, в Сербии и

Черногории поправки к Конституциям в сентябре 1990 г. успели утвердить однопалатные Скупщины. Изменения структуры законодательных органов, обсуждение избирательных законов, формирование политических партий и предвыборная гонка проходили одновременно, сопровождались острой политической борьбой, что создавало в обществе большое напряжение. Другой особенностью было появление большого количества национальных партий, а также распространение национальных идей в большинстве партий и левой, и правой ориентации. Они выходили на первые многопартийные выборы с националистическими идеями и лозунгами. После краха коммунистического режима идеологический вакуум быстро заполнялся национальной идеологией. Все партии, включая и социалистические, полностью или частично отказавшись от классового принципа, стали представлять интересы нации. При этом у коммунистов имелись ряд преимуществ, связанных с тем, что долгие годы СКЮ был единственной правящей партией со всеми вытекающими из этого последствиями.

Рассмотрим несколько подробнее основные политические партии и результаты выборов в республиках СФРЮ.

В Словении с начала 1989 г. начали возникать политические объединения, впоследствии ставшие партиями. Они выступали с альтернативными Союзу коммунистов программами, активно участвовали в предвыборной борьбе. В марте 1990 г. их было уже около 15, а в сентябре — 34 (115).

Предвыборная программа СКСл-ПДО под названием «Европа сегодня» обещала избирателям новую словенскую Конституцию, конфедеративное югославское государство, многопартийную демократию, преобразования в сфере экономики, социальные гарантии рабочим и пенсионерам, поддержку крестьянским хозяйствам (107). Однако она не смогла стать привлекательной для большинства населения республики, которое не оценило заслуги СКСл в распытывании однопартийной системы и отказе от власти ради демократических преобразований. Оппозиционные партии ставили другую цель — достижение независимости Словении. Ради этого они пошли на консолидацию своих сил накануне выборов 1990 г.

В *Демократическую оппозицию Словении* (ДЕМОС) вошли: *Словенский демократический Союз*, основанный интеллектуалами в январе 1989 г. как движение за установление парламентской демократии, *Словенский крестьянский союз*, *Социал-демократический союз Словении*, вдохновленный идеями европейской социал-демократии, *партия зеленых* («*Зеленые Словении*») и *Словенские христианские демократы*. Словенский демократический союз, например, определял себя как «партию национально-политических сознательных словенцев» и выступал за современное словенское государство.

Кроме перечисленных в республике были созданы и другие партии — *Союз за сохранение равноправия граждан* или *Южная партия*, состоящая из переселенцев с юга, из других республик, считавших себя не равноправными в Словении; *Союз демократических мусульман*; *Словенская ремесленная партия*; *Напред* — *рабоче-политическое объединение* (считало себя первой рабочей партией в Словении); *Напредна народная партия* центра и ряд других (116).

На весенних (1990) выборах в Скупщину Словении коммунисты потерпели поражение и перешли в оппозицию. А ДЕМОС получил в трех палатах соответственно 58%, 64 и 38% мест. СКСл-ПДО поддержали лишь 17,28% избирателей (117). С этого момента к власти в Словении пришли оппозиционные политические силы, которые по-

рвали с коммунизмом, выступили с новыми национальными программами и получили возможность начать их осуществлять.

После поражения на выборах из СКСл–ПДО вышли 3/4 членов и численность партии уменьшилась до 25 тыс. человек. Сократились средства партии. Ее председатель Ц.Рибичич стал исполнять свои обязанности «на добровольных началах», из аппарата были уволены 400 профессиональных работников (118). Поиск нового имиджа партии (изменение названия, символов, уточнения программы) не дал больших результатов и словенские коммунисты заняли прочное место среди других оппозиционных партий.

Деятельность нового многопартийного парламента Словении была направлена на достижение независимости республики. С такой задачей новое руководство страны справилось успешно.

В Хорватии накануне выборов СКХ–ПДП имел довольно высокий рейтинг среди населения: с этой партией будущее Хорватии связывали около 20% избирателей в Риеке и Сплите и 13% в Загребе (13, с.5). Однако стремительно ворвавшаяся в общественную жизнь Хорватии новая националистическая партия — Хорватское демократическое содружество (ХДС) — действовала так напористо, активно и мощно, что вскоре стала лидировать среди всех возникавших тогда новых партий и объединений, таких, например, как *Коалиция народного согласия*, в которую входили *Хорватская демократическая партия (ХДП)*, *Хорватский социально-либеральный союз (ХСЛС)*, *Социал-демократическая партия (СДПХ)* и *Хорватская христианско-демократическая партия (ХХДП)*.

Хорватское демократическое содружество было создано 17 июня 1989 г. Руководитель ХДС Ф.Туджман, давно известный в республике как националист, отмечал, что партия возникла как результат политических событий в стране и в мире, и в частности, в противовес «неоэкспансионистской» политике сербского лидера С.Милошевича. По программным документам партия создавалась как «современное народное движение хорватов за демократию, обновление национальной, общественно-политической и экономической жизни» (123, с. VI). Первые заявления руководителей партии не выделяли ее из ряда новых политических образований. Ф.Туджман старательно скрывал свои националистические убеждения. Он говорил о политических свободах, о развитии свободного рынка товаров, труда и капитала, равноправии всех видов собственности, правовой защищенности частного предпринимательства, критиковал расовую или национальную неприязнь, увлеченно рассуждал об идеалах демократии: «ХДС направит свою деятельность на создание конституционного и правового порядка истинной парламентской плюралистической демократии» (15, с. 101, 118). По главной цели партии была независимость Хорватии. В этой бескомпромиссной борьбе Ф.Туджман был готов на любые жертвы (123, с. V I). Выступая в Кливленде, он откровенно говорил, что основная цель ХДС состоит в выходе из Югославии, но «это не так уж просто, поэтому надо быть терпеливыми, используя различные методы, но без открытого провозглашения сепаратизма. Выход надо осуществить парламентским путем, так как для этого существуют все условия... Хорватские коммунисты пойдут по стопам словенцев и в сущности будут преследовать цели ХДС» (59, с. 109). Постепенно тема самостоятельности и независимости Хорватии звучала все отчетливее. Лидеры партии подчеркивали, что программа ХДС направлена на достижение суверенитета Хорватии, что католическая церковь является «первым и последним оборонительным

цистом Хорватии» (69). Добавим — Ватикан не только защищал, но и активно поддерживал сепаратистские действия националистов. Большую помощь партия получала и от Германии. С.Месич писал, что, выходя на выборы, ХДС имело твердую цель — создание независимой Хорватии — и знало, как этого достичь (59, с. VIII).

Еще в начале 1990 г., когда партия только создавалась, общественность Югославии взволновала антиюгославская направленность ХДС. Выступая в Австралии, заместитель председателя партии В.Шекс использовал риторику ярого националиста, обвинил в отчаянном положении хорватов в Федерации Сербию. «Сегодня Хорватия окружена, но ней пытаются ударить из орудий большого калибра. Эти удары идут из Белграда, от нынешнего сербского политического и государственного руководства, от их многочисленных органов и институтов... Эта политика отрицает самостоятельность, самобытность, государственность хорватского народа... Сегодня в Хорватии каждому ясно, что за планами тех, кто представляет Белград, чьи уста заполнены Югославией, братством и единством, скрываются старые планы, сокрыто стремление к переустройству Югославии в Сербославию. Из-под красной звезды появляется четническая кокарда» (69). Он пообещал с пути хорватского национального движения убрать всех, кто этому будет мешать, даже братьев по крови. Еще в начале 1990 г. он предвещал войну Хорватии против сербов (69).

С критикой идей ХДС тогда выступали многие политические деятели страны. Председатель ЦК СКХ-ПДП И.Рачан осуждал ХДС за «неустанешские» идеи, «великохорватские претензии» (19). Многие в стране оценили ХДС как правую партию, хотя сам Ф.Туджман, блестяще владевший искусством словесной демагогии, утверждал, что это партия центра, а все остальные находятся или слева, или справа (20). ХДС сумело с момента своего образования сплотить хорватский народ вокруг идеи независимости Хорватии, привлечь к осуществлению этой цели многочисленную хорватскую диаспору за рубежом.

Другие политические партии, особенно партии центра или левой ориентации, оказались нежизнеспособными, хотя в 1990 г. создавали широкий спектр многопартийной системы. Некоторые партии национальной окраски были поглощены быстро набирающим силу ХДС. Эта партия и стала безоговорочным победителем на выборах.

Получив в парламенте республики 64% мандатов, а с учетом центра, который поддерживал правящую партию, и 80%, ХДС фактически вновь возродило однопартийную систему, далекую от парламентской демократии. С.Шувар писал, что в Саборе ХДС имело всю власть не только по числу представителей, но и потому, что ее программу поддерживало большинство посланников (59, с. VIII). На долю левой оппозиции (СДПХ и Социалистическая партия) приходилось около 20% мест в парламенте. Однако в Хорватии настоящей парламентской и внепарламентской оппозиции не сложилось. Партии от предвыборной коалиции были фактически колонизированы стратегией и тактикой ХДС. На левом крыле, как считал сплитский профессор Н.Вискович, наблюдалась растерянность. Руководство СКХ-ПДП не имело ясной стратегии и проверенной тактики как альтернативы существующей власти, партийный аппарат перестал существовать, многие коммунисты покинули партию и стали членами Социалистической партии Хорватии и ряда других партий (22). Бывший Председатель Президиума ЦК СКЮ С.Шувар считал, что уже в преддверии выборов СКХ «показал свою неспособность, политическую непоследовательность и интеллектуальное обнищание в борьбе за свои программные цели» (23). Он подчеркивал реваншизм правящей партии и усиливающуюся боязнь коммунистов потерять работу из-за членства в партии.

На расстановку политических сил и формирование многопартийной системы в Боснии и Герцеговине наложил отпечаток многонациональный состав населения. Мусульмане (39,5%) сербы (32%) и хорваты (18,4%) создавали свои национальные партии, всего в республике было зарегистрировано около 40 политических партий (26; 27). Фаворитами на выборах являлись три национальные партии — Партия демократических действий (мусульман) (ПДД), от которой позже отпочковалась Мусульманская бошняцкая организация, Хорватское демократическое содружество в БиГ и Сербская демократическая партия (СДП). Это повлияло и на резкую поляризацию населения по национальному признаку. Даже списки кандидатов в члены Президиума СР БиГ составлялись и публиковались по национальному признаку: «кандидаты — мусульмане, кандидаты — сербы, кандидаты — хорваты и кандидаты других народов и народностей».

Партия демократических действий (мусульман) предполагала получить поддержку большинства мусульманского населения республики и не менее трети мест в парламенте. Возглавил партию Алия Изетбегович, называвший себя демократом, хотя являлся автором нескольких книг по теории ислама, был обвинен в свое время в «исламском фундаментализме» и приговорен к 14 годам тюремного заключения (28). Партия находила большую поддержку избирателей, однако за два месяца до выборов в партии произошел раскол. Часть членов партии во главе с А.Зулфикарнашичем вышли из ПДД, создав Мусульманскую бошняцкую организацию (МБО). А.Зулфикарнашич вспоминал позже, что оставил ПДД, поскольку она все больше становилась религиозной, националистической и милитаристской. Ему не нравилось стремление А.Изетбеговича любыми средствами добиться власти. Сам А.Зулфикарнашич придерживался либеральных идей, и его поддерживала интеллигенция республики (169,с.97).

Хорватское население БиГ всегда тяготело к Хорватии, и потому было естественным, что оно, сверяя свой курс со старшим братом в Хорватии, фактически сформировало отделение ХДС в БиГ. Ф.Туджман не только внимательно следил за деятельностью партии, но и направлял ее, участвовал в организации предвыборной борьбы. Так, с поста председателя ХДС в БиГ по его указанию был смещен Д.Перинович за «нехорватское происхождение», из руководства партии были удалены все мусульмане. Исполняющий обязанности председателя партии С.Клюич подчеркивал, что ХДС в БиГ является «партией центра, партией реальной политики, которая стремится жить со всеми народами на равноправной основе»(29). Новое руководство партии выступало за уважение специфики республики, за свободное развитие в ней всех народов, за предоставление хорватам равных прав с другими народами республики, считало бесперспективным выход республики из состава федерации, предполагало «решительно отстаивать ... исторические права хорватского народа».

Среди сербского населения Боснии и Герцеговины большой популярностью пользовалась Сербская демократическая партия, которую возглавил Р.Караджич. Свою задачу партия видела в создании условий для самобытного культурного развития сербского народа и для более тесных связей с Сербией. Она выступала против изменения внутренних границ СФРЮ, за федеративное государство.

В экономической сфере национальные партии ставили схожие задачи перехода к рыночной экономике, свободы частного предпринимательства, открытости западному капиталу. Общей для всех трех партий являлась и антикоммунистическая направленность их программ, и желание сохранить в то время единство Боснии и Герцеговины. Не создавая официальной коалиции, представители СДП, ХДС и ПДД провели несколь-

ко совместных предвыборных митингов и собраний. Председатель Совета по межпартийному сотрудничеству Главного комитета СДП БиГ профессор Н.Колевич был уверен тогда, что только национальные партии являются залогом демократических изменений в республике (30).

Левые силы на выборах представляли Союз коммунистов БиГ—СДП и Демократический социалистический союз БиГ, выросший из Социалистического союза трудового народа, а также молодежные организации, которые в некоторых общинах создавали коалиции левых сил. В условиях усиливавшейся по всей стране антикоммунистической кампании, многих удивляло, что на митингах и встречах коммунисты собирали десятки тысяч симпатизеров. Председатель партии Н.Дуракович накануне выборов отмечал, что предвыборная программа партии приближает Союз коммунистов к левым демократическим партиям, что рейтинг партии очень высокий и поэтому коммунисты верят в победу «и даже в политический триумф» (31). В условиях растущей межнациональной напряженности многих привлекал всея национальный характер партии, идеи единой Боснии и Герцеговины в федеративной Югославии.

К центру чаще всего относили Союз реформаторских сил в БиГ, объединивший в своих рядах как отдельных членов, так и организации и партии, поддерживающие реформы союзного правительства во главе с Анте Марковичем. Объясняя свою позицию, члены Союза говорили, что они не являются ни коммунистами, ни антикоммунистами, ни националистами, ни антинационалистами. Однако многие наблюдатели были склонны отнести СРС к левым силам, поскольку эта партия несла идеи демократии и прогресса.

Проходившие 18 ноября 1990 г. выборы привлекли внимание общественности всей страны. Их результаты могли повлиять и на будущее государственное устройство, ибо у различных политических партий сформировалось разное видение будущего федерации.

В результате выборов из 240 мест обеих палат Скупщины 201 место имели три национальные партии. Места распределились следующим образом: из 130 мест Веча граждан 42 получила ПДД, 36 мест — СДП, 20 — ХДС. Коммунисты получили 12, а Союз реформаторских сил — 11 мест (32, с.1).

Результаты выборов загребские газеты назвали «триумфом трех наций» и тяжелым поражением левых сил (33). Белградские газеты достаточно сдержанно оценивали результаты выборов в Боснии и Герцеговине. Как подчеркивал сараевский социолог профессор Ф.Мухич, в условиях партийного монолитизма правящая партия настолько скомпрометировала себя, что ее поражение было предопределено. Поскольку правящая партия не давала никаких гарантий от повтора ошибок предшествующего периода, то многие граждане решили, что увереннее будут себя чувствовать «под крылом своей нации» (34).

После выборов в БиГ была создана парламентская мусульманско-сербско-хорватская коалиция национальных партий. Общим, что объединило А.Изетбеговича, Р.Каралжича и С.Кляюича, было желание «не допустить к власти коммунистов». Они договорились, что президент республики будет из ПДД, Председатель правительства — из ХДС, а председатель Скупщины БиГ — из СДП. Кроме того, был достигнут договор, что в Президиуме страны каждый из трех народов будут представлять два человека, и один человек, определявший себя как югослав, будет представлять все другие народности (2+2+2+1). Трудности, как подчеркивал А.Зулфикарпашич, начались тогда, когда коалиция начала работать — в парламенте и правительстве согласие достигалось с

трудом. Мусульмане и хорваты, как правило, голосовали против сербов (169,с.98).

В Македонии принятые в 1990 г. поправки к Конституции республики несколько изменили ее политическую систему. Вместо делегатской системы в Македонии вводилась парламентская система, Собрание СР Македонии (парламент) становился однопалатным (120 мест). Вместо Президиума СРМ вводилась функция председателя республики, избираемого парламентом. В начале 1990 г. в Македонии начали формироваться политические партии и организации. За места в парламенте боролись 16 партий, почти 10 кандидатов на одно место.

В республике отчетливо прослеживалось три блока партий: реформаторский левый, национальный македонский и национальный албанский. Лидерами левого крыла была *Союз коммунистов Македонии — Партия демократических преобразований* и *Союз реформаторских сил Македонии* (СРСМ), объединивший в своих рядах отдельных членов, движения и партии, выступавшие за реформы правительства А.Марковича. К СРСМ присоединились *Социал-демократическая партия Македонии*, *Молодая демократическая прогрессивная партия Македонии*, *Партия Югославов* и ряд других. Долгое время коммунисты были абсолютными фаворитами в предвыборной борьбе. Но их серьезно ослабляли внутренние противоречия (раскол на прогрессивное и догматическое крыло), много сил уходило и на споры с сербскими коммунистами. Поэтому партия А.Марковича, имевшая своих приверженцев в Македонии, также могла рассчитывать на успех. Несмотря на разногласия в руководстве, СКМ вышел на выборы единой партией под лозунгом «Македония может!». Изменения флага (на голубом фоне желтая звезда и социал-демократическая красная роза) говорили о готовящихся переменах, а неизменный состав руководства — о достигнутых компромиссах. Программа коммунистов имела достаточно социал-демократическое содержание, была умеренной, без территориальных претензий в отличие от других национальных партий республики.

Наиболее сильную оппозицию коммунистам составили национальные македонские партии, выступившие с программами «национального спасения», «македонского суверенитета», «объединения трех Македоний» (37). Среди них лидировала *Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство* (ВМРО—ДПМНЕ), получившая эпитеты «националистическая», «агрессивная», «дерзкая». Лидер партии — Любче Георгиевски. Программа партии была достаточно противоречивой: она стремилась к правовому демократическому государству, но хотела бороться за Великую Македонию (в границах до 1912 г.), стремилась в будущем присоединить к Македонии части болгарской и греческой территории, но ставку делала на сближение с Болгарией. Единственной опасностью для Македонии партия считала Сербию, при этом не замечала, что национализм партии порождал национализм албанских партий. Партия открыто выступала за независимость Македонии (38).

Движение за всемакедонскую акцию, известное под сокращенным названием МААК, было создано с целью «немедленного, быстрого и всеобщего экономического развития Македонии, ее человеческих и природных богатств, свободного притока идей, знаний и опыта» (15,с.217). Часто это движение называли партией македонских интеллектуалов. Оно выступало против всех видов идеологической монополии, дискриминации и давления, за концепцию союза суверенных государств, за гражданские свободы и права всех людей, независимо от их национальности, религиозных и политических взглядов, за правовое демократическое государство с многопартийной системой, за духовное объединение всех македонцев в единой Македонии. Одной из своих глав-

ных задач МААК видел в «интернационализации и европеизации македонского национального вопроса, в регулировании отношений с соседями» (39).

Центр македонского политического спектра занимала *Либеральная партия Македонии* (ЛПМ), объединившая интеллектуалов и нарождающихся бизнесменов (руководитель — Стоян Андгов). Она ориентировалась на западную демократию и обещала создать благоприятные условия для развития предпринимательства. Эта партия не имела специальной национальной программы но постоянно «флиртовала» с националистами, хотя и подчеркивала свою ориентацию на гражданское общество.

Накануне выборов четыре оппозиционные партии создали *Фронт македонского национального единства*, в который вошли МААК, ВМРО-ДПМНЕ, *Народная партия Македонии* и *Крестьянская партия*. На предварительных опросах общественного мнения ни одна из этих партий не набирала и 10% голосов.

Албанское население республики в апреле 1990 г. создало несколько национальных партий. Большой поддержкой албанцев республики пользовалась *Партия демократического процветания* (ПДП). Хотя ПДП заявляла о своей гражданской позиции, на деле она представляла собой национальную партию, которая предполагала бороться за улучшение положения албанцев в республике, за предоставление им равных прав с македонцами исключительно парламентскими методами. ПДП выступала за единую и неделимую Македонию, чем привлекала внимание многих избирателей.

В выборах, которые прошли в ноябре-декабре 1990 г., участвовали 18 политических партий, одна общественная организация и 43 независимых кандидата. На избирательные участки вышли 85% тех, кто имел право голоса. После первого (11 ноября) тура выборов лидировали коммунисты и Союз реформаторских сил, третью строчку далеко позади занимала ВМРО-ДПМНЕ. Перед вторым туром произошла перегруппировка сил. Союз реформаторских сил вступил в коалицию с Социалистической партией Македонии (бывший ССТН). Коммунисты вели переговоры с социал-демократами. Серьезные разногласия проявились в коалиции национальных партий: в то время как ВМРО-ДПМНЕ настаивала на участии своих 62 кандидатов в выборах, остальные партии предлагали бойкотировать второй тур и аннулировать результаты первого. Но оппозиция сумела сконцентрировать свои силы.

Результаты второго круга были достаточно неожиданными. ВМРО-ДПМНЕ обошла коммунистов и получила 30 мест в парламенте, коммунисты оказались вторыми — 28 мест, СРС — третьими — 17 мест. Албанская партия получила девять, а Социалистическая партия — пять мест. Хотя национальная македонская партия одержала скорее моральную победу, поскольку не имела большинства мест и вынуждена была создавать парламентскую коалицию, тем не менее многие наблюдатели расценили эту победу как поражение коммунистов. Руководители ВМРО-ДПМНЕ заявили после выборов, что не скрывают своей радости и первым актом нового правительства, по их мнению, должна стать Декларация о суверенитете Македонского государства. Они выразили свое негативное отношение к реформам союзного правительства, считая, что они проводятся не в интересах македонской нации, и выразили недоверие депутатам от Союза реформаторских сил. Партия предлагала строить свои отношения с югославскими республиками как с другими государствами, отдавая предпочтение экономическим интересам.

В общей сложности в Собрание вошли представители семи политических партий и три независимых кандидата. Правительство, которое было тогда сформировано, не было политическим, как в уже сложившейся многопартийной государственной системе. Его называли «экспертное», так как назначение министров не связывалось с при-

надлежностью к той или иной политической партии.

В самой большой республике СФРЮ — *Сербии* — складывание многопартийной системы проходило в очень напряженной обстановке. Казалось, накал политических страстей здесь достигал своей высшей отметки. Многие расценивали это как политический хаос. Белградский писатель В. Стеванович так образно описал ситуацию в республике: коммунисты за одну ночь превращаются в социалистов, и хотя они явно «правые», провозглашают себя левой партией; демократы пытаются не стать националистами; либералы превращаются в роялистов; радикалы — не крестьянская, а адвокатская партия; вчерашние диссиденты становятся защитниками общественной собственности; религиозные партии требуют раскапывать могилы. «А все вместе пытаются создать диктатора, от которого потом будут требовать свободу» (40).

В течение 1990 г. в Сербии сформировались и начали активную политическую деятельность несколько десятков политических партий и организаций. Летом 1990 г. был принят Закон о политических организациях в Сербии. А накануне выборов в республике были зарегистрированы 56 политических партий, движений и объединений (181, с. 218; 182, с. 86). Многие из них имели больше схожих черт, чем различий, поскольку строили свою идеологию на антикоммунизме и антисоциализме. Программы партий почти не различались в разделах о политической и личной свободе граждан, деидеологизации общественной жизни, о многопартийной парламентской демократии, рыночной экономике и плюрализме собственности, о деполитизации армии и государственного управления. Но почти ни одна партия, требуя экономического прогресса, полной занятости, высоких личных доходов, не предлагала конкретные шаги выхода из экономического кризиса. Расскажем о некоторых из них.

Социалистическая партия Сербии перенесла на себя все права и обязанности Союза коммунистов Сербии и ССТНС, включая и материальные. Потеря незначительно в членстве, партия продолжала располагать большими денежными средствами и имуществом, опытными партийными кадрами. Согласно проекту Устава СПС, структура партии изменялась незначительно. Лишь в руководящих органах появились Главный комитет из 111 человек и Исполнительный комитет. Кроме того, СПС создавала Демократический форум СПС, членами которого могли стать общественные организации, союзы, объединения. Принцип демократического централизма в Проекте Устава не упоминался, хотя подчеркивалось, что принятое большинством решение обязательно для всех членов партии (99). Председателем СПС и Председателем Главного комитета стал популярный в республике политический деятель Слободан Милошевич. По утверждению руководства партии, численность СПС в момент ее формирования составляла 350 тыс. человек.

Партия не отказывалась от социализма, но желала видеть его демократическим, что подразумевало развитую демократию, народную инициативу, свободу печати, свободу политических собраний и свободу создания партий. Партия выступала за рыночную экономику, приватизацию общественной собственности. Идеология партии не подвергалась большому изменению, было предложено лишь критически пересмотреть отдельные периоды истории КПЮ–СКЮ: решения IV съезда КПЮ (1928), принудительную коллективизацию, постановления Брионского пленума ЦК СКЮ (1966), смену руководства Сербии в 1972 г., Конституцию 1974 г., введение делегатской системы и договорной экономики, роль И. Броз Тито и других деятелей партии. Всю ответственность за дезинтеграцию СФРЮ и глубокий экономический и политический кризис СПС возло-

жизнь па руководителей, «которые десятилетиями имели неограниченную власть» и постоянно экспериментировали со страной (89). В предвыборной борьбе бывшие коммунисты выступали под лозунгом «Сильная Сербия в сильной Югославии». Политические очки партия сумела завоевать, включив в свою программу тезисы, имевшие национальную окраску. Тем самым был сужен маневренный простор для оппозиции, которая пыталась, критикуя коммунистов, разыграть национальную карту (181, с.221).

Серьезную оппозицию коммунистам составили лишь несколько партий — *Демократическая партия* (ДП) и монархическое *Сербское движение обновления* (СДО).

Демократическую партию в феврале 1990 г. создали белградская интеллигентская элита, многолетние диссиденты и критики существующего строя. Как вспоминал З.Джинджич, будущий лидер ДП, когда в 1990 г. создавали партию, то это «было собрание разных партий в одной партии». Именно поэтому трудно было определить цели и задачи партии. Для М.Марковича, Д.Чосича, Л.Тадича, Бечковича приоритетным был национальный вопрос. С.Стоянович, З.Голубович, Н.Попов, В.Пепич, С.Попович на первое место выдвигали экономические задачи. К.Чавошки, Н.Милошевич, С.Петрович утверждали, что только политические реформы могут решить все проблемы. Монархическую струю партии представляли Р.Стоянович и В.Коштулица (101, с.94). Позже многих из этих людей мы увидели лидерами других партий и объединений.

Председатель партии профессор социологии Д.Мичунович стремился создать некоммунистическую демократическую организацию, опирающуюся на либеральные европейские традиции, идеалом которой является партия Г.-Д.Геншера (43, с.7). Организаторы партии провозгласили ее оппозиционной к «новоиспеченным социалистам», которые лишь «сделали пластическую операцию» (42), поэтому ДП исходила в своей деятельности из необходимости отстранения коммунистической партии от власти и демократизации общества. Будущая Югославия виделась демократическим федеративным парламентарным государством, договор о создании которого должны подписать все желающие народы Югославии. Партия быстро собрала вокруг себя сторонников правых идей и создала отделения по всей стране (15, с.282). Серьезность лидеров партии, гражданский характер предлагаемых реформ, острая критика «коммунистического режима» создавали ДП имидж весомой политической организации, которая может составить конкуренцию новым социалистам.

Сербское движение обновления возглавил писатель Вук Драшкович, который начал свою политическую деятельность как идеолог в партии «Сербское народное обновление» (СНО). После очередных разногласий он оставил СНО и создал другую партию — «Сербское движение обновления» (СДО). Вук Драшкович всегда был уверен в себе и прогнозировал победу своей партии на первых выборах. В начале своей политической деятельности партия делала основной акцент на национальных чувствах сербов. Она впервые использовала национальный вопрос для роста своей популярности, привлекала внимание общественности национальной риторикой и постановкой национального сербского вопроса в таком ключе, который не использовала правящая политическая элита. Вук Драшкович в 1990 г. призывал создавать специальные сербские восприимчивые подразделения и бороться за Великую Сербию, за все территории, на которых живут сербы. В его речах звучали явные посягательства на территорию Боснии и Герцеговины, Хорватии. Решать проблемы Косова Вук Драшкович предлагал ликвидировав «албанское государство» в рамках Сербии. В случае прихода к власти СДО обещало возродить демократию, культурные традиции сербского народа, возвысить религию. Партия очень быстро завоевывала популярность, проводила по всей стране массовые митинги, которые по своим мас-

штабам могли сравниться лишь с митингами СПС. Единственным двигателем экономики партия считала частную собственность и предпринимательство. В области внешней политики СДО провозглашало выход Югославии из Движения неприсоединения и объявление нейтралитета. Монархические настроения В. Драшковица проявились в требовании возвращения на родину и коронации Александра II Карагеоргиевича, прямого престолонаследника сербской королевской династии. Уже осенью 1990 г. СДО насчитывало 700 тыс. человек и имело 500 отделений в Сербии, Хорватии, БиГ и Черногории (181, с. 225).

Другие партии не имели широкой социальной базы и серьезной финансовой поддержки, были малочисленными и не смогли играть серьезную роль на сербской политической сцене. Так, накануне выборов возникли: *Народная радикальная партия*, которая хотела продолжать традиции основанной Николой Пашичем в 1881 г. партии (15, с. 350; 44), *Демократическая партия «Свобода»*, требовавшая установления порядка, существовавшего до 1945 г., *Движение за демократическое обновление*, *Самостоятельная экономическая партия*, *Социал-демократический союз Сербии*, *Либеральный союз или «провинциальная партия»*, *Сербская партия имени святого Саввы*, *Демократический форум*, *Партия югославов*, *Демократическая крестьянская экологическая партия*, *Партия «зеленых»*. Несколько партий своей основной задачей видели решение прав населения автономных краев — *Демократическое содружество воеводинских венгров*, *Демократический союз Косова*, *Народная демократическая альтернатива*, *Югославский союз объединений помощи Косову*, *«Солидарность» — Объединение помощи Косову*.

По предварительному сентябрьскому опросу, наибольшее число голосов в Сербии могли бы набрать СПС (26%), ДП (13%) и Сербское движение обновления (11%) при большом количестве неопределившихся избирателей (45). В ноябре СПС набирала уже 31% голосов опрошенных, а на второе место выходило Сербское движение обновления под руководством Вука Драшковица. Поэтому политическая борьба в последние недели до выборов преимущественно велась между С. Милошевичем и В. Драшковицем и, соответственно, их партиями. Во многом популярность СПС основывалась на популярности ее лидера С. Милошевича.

За пост президента республики боролись 32 кандидата. Наибольшее число голосов получил кандидат от СПС С. Милошевич — 63,34%. Вук Драшковиц, хотя и занимал вторую строку в списке претендентов на пост президента Сербии, набрал лишь 16,4% голосов (181, с. 278).

Выборы в Народную Скупщину Сербии не принесли неожиданности. Большинство избирателей (46,08 %) отдали свои голоса за Социалистическую партию Сербии. Представители этой партии получили 194 места из 250 в парламенте республики. 19 мест принадлежали Сербскому движению обновления, 8 — Демократическому союзу воеводинских венгров, 7 — Демократической партии. Остальные 13 партий и объединений граждан, вошедших в Скупщину, имели по 1–2 представителя (181, с. 284).

Время после выборов не было легким для СПС и С. Милошевича. Оппозиция была недовольна тем, что у власти остались те же люди, что политическая система не претерпела изменений, что демократические преобразования будут зависеть от воли и желания СПС и ее лидеров. Март 1991 г. ознаменовался митингами оппозиции, выступлениями студентов, которые требовали свободу печати и протестовали против правительственного контроля над средствами массовой информации. Вук Драшковиц возглавлял демонстрантов и требовал отставки режима «большевиков». Акции протеста приобрели массовый характер, на улицы столицы вышли десятки тысяч людей (151, с. 140). Студенты требовали отставки С. Милошевича и проведения демократических реформ. 9 марта 1991 г. власть

впервые применила силу при разгоне демонстраций, пытаясь армией, полицией и даже танками остановить движение протеста. По мнению С.Милошевича, это было «сопротивление силам хаоса и безумия». Ответом оппозиции стало укрепление и расширение ее отрядов. День 9 марта стал в Югославии символом сопротивления, борьбы против монополии одной партии. Президент республики с трудом справился с ситуацией, организовав встречи с оппозицией, студентами, преподавателями университета и пообещав ускорить демократические процессы в республике.

Особенностью складывавшейся многопартийной системы Черногории было постоянное соотношение политических сил: коммунисты продолжали занимать лидирующую позицию среди всех политических партий, пользовались поддержкой большинства населения и потому даже не изменили названия своего Союза. Союз коммунистов Черногории одним из первых начал преобразования в своей партии, а также возглавил так называемую «антибюрократическую революцию» в республике, заслужив тем самым уважение сограждан. Черногорские коммунисты использовали «национальную платформу» еще до появления национальных партий. Коммунисты громко заявили о внутренней трансформации партии и о политике реформ в обществе. X съезд СКЧ (апрель 1989 г.) отличался новизной поставленных вопросов и принятых решений. СКЧ приглашал все прогрессивные силы республики к творческому прогрессивному диалогу по вопросу решения существующих проблем развития общества. И это имело вполне определенные результаты. Предвыборная кампания СКЧ проходила под лозунгом «Мы знаем как!» и при пропаганде новой философии развития, которая выразилась в формуле «политическая демократия + экономическая эффективность» (15, с.45–54). Экономическая эффективность подразумевала переход к рыночной экономике, полную самостоятельность экономических субъектов и большую степень интеграции на общегославском уровне (почта, телеграф, железные дороги и т.д.). В программных заявлениях отчетливо прозвучали антибюрократические и демократические ноты (47). Все это позволило СКЧ сохранить свое членство и большую поддержку населения.

На политической сцене Черногории появились также новые политические партии, многие из которых строили свои программы на критике коммунистов и имели национальную окраску.

Демократическая партия Черногории (ДПЧ) проповедовала свободу — свободу самовыявления, свободу совести, свободу политических объединений, личную свободу, свободу собственности, экономическую свободу. Критикуя коммунистов за ошибки, ДПЧ требовала отстранения Союза коммунистов от власти. Но партия не смогла сохранить свое единство на такой платформе. Радикально настроенные демократы покинули ДПЧ и образовали Черногорскую демократическую партию, которая выступила за независимость и самостоятельность Черногории.

Либеральный союз Черногории (ЛСЧ) многие оценивали как националистическую партию, пользующуюся поддержкой и в католических, и в исламских кругах, но не имеющую большого количества приверженцев в республике. Однако в период формирования в программных документах партия выступала за неприкосновенность федеративного устройства Югославии. Позже Либеральный союз возглавили те силы республики, которые стремились к отделению Черногории от Югославии.

Народная партия Черногории (НПЧ), возглавляемая профессором философского факультета писателем Н.Килибардой, считала себя не национальной, а партией суве-

ренного народа, выступающей за возможное объединение Черногории с Сербией на федеративных основах. Партию считали «просербской», она объединяла всех, кто считал сербский и черногорский народы единым народом.

В то время коммунистам конкурентом номер один представлялся *Союз реформаторских сил* А.Марковича. Он был популярен во всех республиках и отражал стремление части населения во что бы то ни стало сохранить федерацию.

В республике достаточно заметную роль играли партии левого толка. Так, Социалистический союз трудового народа Черногории (ССТНЧ) стал Демократическим социалистическим союзом Черногории, а позднее Социалистическим союзом Черногории. Реформаторское крыло этой организации оформилось в Партию социалистов. Присоединившаяся к ним Социалистическая партия, а также ряд других (всего девять) решили выступить на выборах единым списком кандидатов.

На многопартийных выборах в декабре 1990 г. в Черногории из девяти партий 5% рубеж преодолели всего четыре. Убедительную же победу одержал СКЧ, получив 66,4% мест в парламенте (199, с.203). Основными конкурентами СКЧ стали Союз реформаторских сил и Народная партия. В списке претендентов на пост Председателя Президиума СР Черногории также лидировал коммунист, председатель партии М.Булатович.

Таким образом, подводя итоги первых многопартийных выборов в стране с точки зрения преемственности коммунистической идеологии, отметим, что в Черногории и Сербии победу на выборах одержали реформированные коммунисты, в Словении, Хорватии и Македонии бывшие коммунисты получили от 1/6 до 1/4 голосов избирателей, а в Боснии и Герцеговине они потерпели полный провал (8%). На фоне поражений коммунистических партий в странах Восточной Европы успех коммунистов в Сербии и Черногории вызывал повышенный интерес политологов. Как считают ученые, чтобы объяснить это явление, следует учитывать особенности развития республик, уровень их экономики. По мнению В.Гоати, существует зависимость между уровнем развития республик и их политическим выбором. Так, отмечена была «прорежимная ориентация» менее развитых регионов. На результаты выборов влияли также сроки проведения выборов, время, отпущенное на проведение предвыборных кампаний, личные качества лидеров партий, популярность партий в предшествующий период, степень равноправия всех партий в средствах массовой информации. Кроме того, коммунистические партии в Сербии и Черногории имели большие шансы на успех, чем остальные партии, еще и потому, что «приняли национальные программы» значительно раньше других партий, еще в 1987–1988 гг. во время борьбы за права сербского населения в Косове (199, с.192). В других же республиках такого шанса у бывших коммунистов не было — инициативу перехватили новые оппозиционные партии, выдвинув программы национального суверенитета.

Ученые обратили внимание на один любопытный факт. Сравнение степени активности населения на выборах в 1990 г. показало, что в то время, как в Словении, Хорватии и Македонии на избирательные участки вышли 84–85% избирателей, то в Сербии, Черногории и БиГ этот показатель был ниже (в Сербии — 71,48%). Объясняя этот факт, одни социологи полагали, что он является «знаком дистанцирования от нового демократического порядка, который символизировали первые свободные выборы», другие считали, что сербов характеризует «недоверие к большим политическим изменениям вообще, независимо от их направленности». Третьи расценили его как протест против неравноправных условий выборов, предоставленных правящей партией другим политическим организациям (199, с.185).

После выборов в парламенты на многопартийной основе во всех шести республиках в 1990 г. были сформированы новые органы власти, политическая окраска которых представляла собой разноликий спектр новых политических движений: коалиционные, левые, центристские и правые. Коалиционные правительства были созданы в Боснии и Герцеговине, Македонии, Словении, а в Хорватии на смену монополии коммунистов пришла монополия партии националистического, правого толка. Произошло перераспределение власти, и не только в республиках, где парламенты возглавила оппозиция. В известной мере и в Сербии, и в Черногории правящим партиям пришлось делиться властью, приспосабливаться к многопартийности и ее правилам игры.

Выборы 1990 г. были первым опытом многопартийной системы Югославии. Они стали испытанием для 190 партий, которые выдвигали своих кандидатов. Результатом политической гонки стало то, что менее четверти всех партий смогли стать парламентариями, а некоторые — с чисто символическим числом депутатов. Дальнейшая парламентарная и внепарламентарная политическая деятельность еще более сузила республиканский политический спектр, но усилила различия в политической жизни республик. Этому способствовало и то, что к власти в республиках пришли силы, которые по-разному видели будущее Югославии. В Хорватии и Словении окрепла тенденция конфедерализма, в Сербии и Черногории без изменений осталась позиция укрепления федерации, в Македонии, БиГ склонялись к тому, чтобы требовать усиления самостоятельности республик.

Хотя все в стране ожидали демократизации общества, укрепления федерации, братства и единства, многопартийная система сделала крен в направлении создания национальных партий и расширения сепаратистских идей. Вместо политического плюрализма развивался «национальный плюрализм». В качестве альтернативных коммунистическим появлялись национальные политические программы. Круг замкнулся, отмечали югославские ученые: «Недостаток демократии создавал преграды для решения национальных проблем, а растущий национализм создавал новые преграды для развития демократического процесса» (146, с.24). Разноликая структура республиканских властей и различные воззрения на будущее страны затрудняли решение общих для Югославии вопросов, мешали согласованию позиций о характере югославского содружества, способствовали углублению противоречий.

В период после выборов, главным образом в 1991 г., многие из коммунистических центров завершили реорганизацию, перейдя на социалистические или социал-демократические позиции. СКБиГ-СДП в феврале принял решение о трансформации в Социалистическую демократическую партию. В Македонии эволюция СКМ по социал-демократическому пути завершилась 20 апреля созданием *Социал-демократического союза Македонии* (СДСМ). Словенские коммунисты полностью сняли из названия партии ее первую часть — Союз коммунистов Словении. Самый, пожалуй, мучительный путь преобразований прошли хорватские коммунисты, неоднократно менявшие название своей партии. СКХ-ПДП сначала отказался от первой части своего названия, став Партией демократических перемен Хорватии, а затем 9 ноября 1991 г. — Социал-демократической партией — Партией демократических перемен. Позже она стала называться Социал-демократической партией Хорватии (СДПХ). В июне того же года Союз коммунистов Черногории на своем XI съезде стал Демократической партией социалистов Черногории (ДПСЧ).

Распад однопартийной системы означал и разрушение прочной единой объединяющей идеологической системы, что для многонациональной страны было серьезным де-

стабилизирующим фактором. Вакуум стала заполнять идеология национализма, которую республиканские политические элиты использовали для укрепления своей власти. Одновременно она стала детонатором дезинтеграционного процесса, так как могла стать объединителем только групповых интересов.

4. Попытка сохранить Югославию

Незавершенные экономические реформы, начавшиеся военные столкновения, разрыв хозяйственных, финансовых и транспортных связей между республиками, разногласия в руководстве страны, трудности в отношениях между республиками, сецессионистские устремления в Словении и Хорватии осложняли функционирование центральных органов власти. Постепенно разбалтывалась вся вертикаль политической власти в стране. Критерием деятельности руководства республик была их собственная оценка событий, документов и законов. Для республик перестали быть обязательными как решения федеративных органов власти, так и Конституция СФРЮ, ее законы.

Кризис коллективного руководства. Руководство страной после смерти И.Броз Тито осуществлял коллективный орган — Президиум СФРЮ. Он состоял из восьми человек — по одному представителю от каждой республики и от двух автономных краев, имевших равные права с представителями республик. Коллегиальность руководства заключалась в избрании каждый год нового Председателя Президиума по заранее определенной очередности, а его демократизм — в принципе консенсуса при принятии решений. Смена Председателя Президиума происходила каждый год в мае. С 15 мая 1989 г. во главе коллективного органа встал Янез Дрновшек. Представителя Словении в мае 1990 г. сменил представитель Сербии. Сербия в Президиуме представлял Борисав Йович, Хорватию — С.Шувар, Боснию и Герцеговину — Богич Богичевич, Черногорию — Иснад Бучин, Македонию — Васил Тупурковски, Восточную — Драгутин Зеленович, Косово — Риза Сапунихия. В 1991 г. этот пост должен был занять представитель Хорватии. К этому событию республика готовилась особо. Видимо считая С.Шувара личностью, не достаточно рadeющей за хорватские дела, в августе 1990 г. руководство республики отзывает его из Президиума СФРЮ, а вместо него предлагает жесткого и решительного Стипе Месича. Как отмечал позже С.Месич, он был направлен в Белград на высшую государственную должность с тем, чтобы посредством тогдашней югославской дипломатии вступить в связь с наиболее влиятельными международными факторами и убедить их, что дальнейшее существование югославской федерации бессмысленно. «Мне хотелось увлечь идеей распада Югославии тех, кто обладал сильным влиянием в Европе — Геншера и Папу. С Геншером я встречался даже три раза. Он помог мне получить аудиенцию у папы. И тот, и другой согласились, что было бы лучше, если бы СФРЮ перестала существовать», — откровенно заявлял С.Месич (120, с.31). Основными источниками для изучения атмосферы Президиума СФРЮ в конце 80-х — начале 90-х годов являются мемуары членов Президиума от Сербии и Хорватии Б.Йовича и С.Месича, министра обороны СФРЮ В.Кадисевича, министра обороны Словении Я.Янши.

Отношения между республиками влияли на отношения членов руководящего органа страны. Очень скоро их мнения стали не совпадать по всем вопросам. Борисав Йо-

вич в своем дневнике записал, что члены Президиума, особенно из Хорватии и Словении, имели отличную от других позицию по вопросам реформ, будущего государства, взаимоотношений между республиками, введения чрезвычайного положения, поэтому согласование позиций шло с большим трудом. Когда же Янз Дрновшек стал Председателем, то, по мнению Б.Йовича, он постоянно затруднял и даже бойкотировал работу коллективного руководства (59,с.45,50–51,100). Уже 30 января 1990 г. Б.Йович делает неутешительный вывод: «Президиума как коллективного руководителя государства и верховного главнокомандующего больше нет. Никакое коллективное решение оно объективно не в состоянии принять» (59,с.97).

Руководство страны, в основном его сербские представители, чувствовало, что федерации грозит распад, и размышляло о том, как спасти единство государства. Арсенал средств был небогатым — совещания и обсуждения спорных вопросов, попытки выработать коллективные решения, издание антисепаратистских указов, обсуждение изменения Конституции, разработка проектов будущего устройства страны. Б.Йович пишет о своем стремлении наладить работу Президиума и о попытках пресечь военные столкновения. Так, он предлагал принять Закон об отделении, чтобы те республики, которые хотят выйти из состава федерации, могли сделать это мирным путем. Но такой закон даже не обсуждался. Процедура его принятия могла оказаться долгой. А все торопились стать самостоятельными, используя хаос и разброд в руководстве страны и армии.

Чтобы предотвратить вооруженные стычки, в мае 1990 г. была сделана попытка изъять оружие из складов территориальной обороны республик и доставить его под контроль армии. Я.Янша описывает в своей книге, что лишь часть оружия на грузовиках военные смогли вывезти. Большую его часть, организовав сопротивление, удалось оставить в республике. С гордостью он отмечает, что «результатом той акции стало вооружение 20 тыс. людей, которые были способны уже через три месяца после разоружения словенской территориальной обороны (ТО) при тесном сотрудничестве со специальными отрядами словенской полиции обезопасить Словению от любой вооруженной неожиданности» (164,с.41). 9 января 1991 г. Президиум издал Указ о разоружении и расформировании всех незаконных военных формирований. В Хорватии и Словении этот Указ был воспринят как вмешательство ЮНА во внутренние дела республик, его никто так и не исполнил (6,с.111; 60,с.20). Переговоры с Хорватией о расформировании нерегулярных частей не давали никаких результатов. С.Месич сообщил Б.Йовичу, что руководство Хорватии выдвигает ряд условий, после выполнения которых может идти речь «о демобилизации резервного состава милиции». Среди них — возвращение ЮНА в казармы и признание за Хорватией права «навести порядок в Книне и других сербских общинах Хорватии» (168,с.59). Если же Президиум СФРЮ не выполнит данные условия, то Хорватия отзовет своих представителей из союзных органов, наложит вето на государственное имущество в Хорватии, отзовет всех солдат и офицеров хорватской национальности из ЮНА, объявит о своей независимости, потребует от Совета Безопасности ввода миротворческих сил (168,с.59). Эта четкая программа говорила о продуманности действий хорватского руководства и нежелании идти на компромисс. Оно уже получило поддержку Запада, чувствовало себя все увереннее и открыто шло

на конфронтацию.

Министерство обороны, возглавляемое В.Кадиевичем, разрабатывало многочисленные планы действия армии на случай любой неожиданной внутренней ситуации, представляло их в Президиум СФРЮ, но, как правило, не находило поддержки. «Самая слабая точка любой стратегии и любого плана», как считал Б.Йович, заключалась в том, что план сразу же становился известен в республиках. Ведь В.Кадиевич, как союзный министр, всегда держал в курсе дела и Президиум СФРЮ, и правительство. А эти органы состояли из представителей всех республик и давно тянули коллективный воз в разные стороны (59, с.96). В 1990 г. сложилась парадоксальная ситуация, когда местные руководители считали, что представители республик должны в Белграде отстаивать интересы только своего народа. А в столице стали подозрительно относиться к функционерам — несербам, подозревая их в том, что они преднамеренно разваливают страну, — критиковали премьер-министра хорвата Анте Марковича, обсуждали возможность предотвратить выдвижение словенца Я.Дрновешка на пост министра иностранных дел, противились назначению на пост председателя Президиума СФРЮ хорвата С.Месича.

Президиум, как бы не замечая абсурдности ситуации, пытался работать в условиях, когда страна разваливалась. Словения и Хорватия вели серьезную подготовку к отделению, а члены высшего органа соблюдали регламент заседаний, пытались выработать коллективные решения и следовать точной букве закона. Однако закон не существовал для тех, кто уже не признавал центральную власть. Представители Словении и Хорватии часто не приезжали на заседания Президиума, бойкотировали принятие решений. Республики отказывались отчислять средства союзным органам. Словения и Хорватия еще в 1990 г. создали сильный партнерский союз в лице М.Кучана и Ф.Туджмана, который, по их словам, должен был реализовать проект раскола Югославии. Между ними даже была организована «горячая телефонная линия» для координации усилий (120, с.32). Действия словенских руководителей были решительными и продуманными. «Словенское политическое руководство во главе с Кучаном, — вспоминал член руководства Социал-демократической партии Хорватии Здравко Томац, — организовало чуть ли не фронт из известных и влиятельных антиюгославски настроенных личностей из Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии и других краев, готовых бороться с Милошевичем и великосербской идеей. Если бы не было Кучана, история сегодня выглядела бы иначе», — уверен он (120, с.32). Словения в это время чувствовала и поддержку Запада. Б.Йович в ноябре 1990 г. в своем дневнике процитировал Игльбергера: «США не повернутся к Словении спиной, если она решит отделиться», поскольку «они отдадут предпочтение демократии в сравнении с единством Югославии» (59, с.221).

В январе 1990 г. серьезно осложнилась ситуация в Косове. Демонстрации албанцев проходили во всех городах, милиция не могла их предотвратить, в ряде населенных пунктов произошла смена власти. Дебаты в Президиуме по поводу использования в Косове армии выявили полную неспособность этого органа принимать решения. Словения угрожала выходом из СФРЮ в случае ввода армии на территорию автономного края, а Сербия угрожала тем, что не выведет армию из Словении в случае ее отделе-

тия. Пока Президиум (не)решал проблему, в Белграде начались студенческие демонстрации, на которых звучали требования прекратить хаос в Косово. Им вторили голоса сербских женщин и детей, которые на автобусах направились из Косова в Белград. По дороге они останавливались в городах и поселках и организовывали митинги, которые встречали понимание и поддержку сербского населения. Составлялись даже списки добровольцев, готовых отстаивать Косово от албанского сепаратизма.

В Хорватии, по словам Ф.Туджмана, с помощью ХДС началась чистка «антихорватских элементов» в органах внутренних дел, армии, правительстве, дипломатии, составлялись списки неблагонадежных людей. «Если дойдет до захвата власти, — говорил он, — в первые 48 часов, пока длится эйфория, обязательно надо свести счеты со всеми, кто против Хорватии, тогда путь к демократии будет открыт. Списки таких лиц уже подготовлены» (59, с.109).

Отношения между республиками ухудшились настолько, что их руководство старалось не общаться между собой. Одновременно прекратились контакты организаций и предприятий, началась информационная война. Б.Йович осознавал беспомощность Президиума СФРЮ. В такой критической ситуации многие надеялись на армию. Ее потенциал еще не был задействован. Позиция министра обороны В.Кадиевича была достаточно противоречивой — с одной стороны, он разрабатывал планы военного переворота, а с другой — был нерешительным, отстаивал мирные пути разрешения споров, опираясь исключительно на Конституцию СФРЮ, на положение о необходимости обеспечения территориальной целостности страны и конституционного порядка. К 12 марта 1991 г. Верховное командование ЮНА оценило положение в стране как начало гражданской войны и на заседании Президиума СФРЮ и Генерального штаба ЮНА потребовало ввести чрезвычайное положение на всей территории СФРЮ, поднять боевую готовность вооруженных сил и помешать гражданской войне, объявить мобилизацию, разоружить нелегальные вооруженные формирования, а спорные вопросы решать путем переговоров. Но Президиум в это время уже был неспособен принимать решения. Члены коллективного органа отстаивали исключительно интересы своих республик, а потому блокировали многие предложения. Предложения министра обороны вызвали негативную реакцию большинства членов Президиума. Крайне воспротивился этим мерам С.Месич. Он подчеркнул, что ситуация надуманна сербским руководством, что нет никаких предпосылок для введения чрезвычайного положения, особенно в Хорватии. Он пригрозил даже всеобщей мобилизацией в республике. Резко против был и В.Тупурковски из Македонии. Не поддержал предложения В.Кадиевича и представитель Черногории. В результате острейшей дискуссии никакого решения принято не было. Армейский верх пытался самостоятельно предпринять некоторые шаги, рассматривая даже вариант военного переворота, но дело не пошло дальше заявлений о том, что армия будет защищать целостность страны (59, с.286–304, 309–310; 6, с.113).

К середине марта 1991 г. Б.Йович был уверен, что Президиум преднамеренно блокирует все попытки предотвратить распад федерации, так как в нем преобладают силы, «которые не заботятся о... территориальной целостности страны». Он решил подать в отставку с поста председателя Президиума СФРЮ. Выступая по белградскому телеви-

дению с целью объявить о причинах своего поступка. Б.Йович сказал, что осознает, что «страна находится в критической фазе распада, благодаря политике свершившегося факта, которую проводят сепаратистские силы, не уважая ни конституционную систему страны, ни национальные, ни гражданские права других. Это грозит нам прямыми межнациональными столкновениями и гражданской войной» (59, с.304). В то время, подчеркивал он, когда идет вооружение по национальному и партийному признакам, когда создаются республиканские армии, Президиум СФРЮ не способен принять адекватных решений. Вслед за Б.Йовичем в отставку хотели уйти Н.Бучин, Б.Ю.Костич¹. С.Милошевич заявил, что и он в таких условиях не признает решения Президиума и не будет участвовать в его работе, если придется заменять Б.Йовича (59, с.309–310). Для многих на Западе события в Югославии слились в массу труднообъяснимых событий. Американская ученая С.Вудворд, например, связывает воедино демонстрации оппозиции 9 марта, отставку Б.Йовича и требования министра обороны ввести чрезвычайное положение. Она пишет о том, что армия начала осуществлять военный путч и даже пыталась «временно изолировать членов Президиума в здании» (?), а часть армии обороняла С.Милошевича от местной оппозиции (178, с.140).

Круговая дипломатия местного масштаба. Настоящая политическая битва вокруг будущего устройства страны развернулась осенью 1990 г., когда стало ясно, что сохранить Югославию в прежнем виде уже невозможно. И в республиках, и в руководящих органах страны стали разрабатываться концепции новой формы объединения республик. Шла борьба между сторонниками, главным образом, двух концепций: конфедерации, или союза суверенных государств, согласно которой республики сами решают, какую часть своего суверенитета передать центру, и федерации — единого государства со сложной внутренней структурой и с широкими полномочиями центра. Было очевидным, что Хорватия и Словения будут отстаивать модель конфедерации, Сербия и Черногория — федерации, а Македония и Босния и Герцеговина займется поисками среднего варианта. Руководство Сербии и Черногории было уверено, что от конфедерации до распада государства один шаг. Б.Йович записал в своем дневнике: «Словения и Хорватия хотят конфедерацию, т.е. развалить СФРЮ. Македония и БНГ хотят федерацию, но только при условии, что в ней останутся Хорватия и Словения. Сербия и Черногория хотят федерацию или новый раздел территорий тех республик, которые хотят отделиться, по этническому принципу. Косово хочет быть конституционным элементом федерации» (59, с.208).

Президиум СФРЮ еще в октябре 1990 г. подготовил и направил Скупшине СФРЮ два проекта устройства будущей Югославии — федеративный и конфедеративный — в надежде, что принятие одного из них сможет остановить надвигающийся хаос. Сам Президиум склонялся к федеративному варианту и рекомендовал Скупшине СФРЮ проголосовать именно за него, чтобы на его основе начать подготовку новой Конституции. Несмотря на пламенную речь Б.Йовича в Скупшине, призывавшего депутатов подняться над национальными интересами, обсуждение шло трудно. Формально Скупщина поддержала федеративный проект, но было уже поздно обсуждать его в республиках, как планировалось, поскольку на повестке дня там стояли совсем другие вопросы. Руководство страны знало, что хорватские генералы Шпегель (командующий ТО) и Больковац (ми-

¹ Позже они вернулись к своим обязанностям, чтобы не оставлять страну без руководства.

нистр внутренних дел) занимались покупкой оружия, вербовкой офицеров, созданием вооруженных отрядов, а в Словении Янез Янша энергично вел работу по подготовке плана отделения (59, с. 210–217). В Хорватии прозвучали первые выстрелы, а акции полиции вызвали сопротивление местного населения — крестьяне организовывали ночные патрули, вооружались, возводили баррикады.

Даже в других странах уже понимали, что у Югославии нет перспективы и называли ее «зоной повышенного риска». Испанские дипломаты, например, пришли к выводу, что лучше иметь независимые стабильные страны, чем единую, но нестабильную Югославию (59, с. 216). Однако в стране еще многим казалось, что ситуацию можно спасти.

На заседании Президиума СФРЮ 25 декабря 1990 г. было решено приступить к открытому обсуждению отношений в югославской федерации и политического будущего страны. С 10 января по 28 февраля 1991 г. состоялись три заседания Президиума СФРЮ совместно с представителями всех республик, а параллельно в период с 18 января по 1 марта — 11 двусторонних встреч республиканских делегаций: Сербии и Черногории, БиГ и Хорватии, Сербии и БиГ, Хорватии и Черногории, Сербии и Словении, БиГ и Черногории, Хорватии и Сербии, БиГ и Словении, БиГ и Македонии, Словении и Македонии, Хорватии и Македонии. Результатом этих встреч, многочасовых дискуссий стало четкое разграничение позиций руководства республик, непреодолимое различие взглядов сторонников федерации (Сербия, Черногория) и конфедерации (Словения, Хорватия).

Словения и Хорватия исходили из того, что республикам необходимо развивать государственную самостоятельность и суверенитет, поэтому разработали модели (октябрь 1990 г. и апрель 1991 г.) конфедеративного устройства Югославии. Конфедерация должна представлять собой добровольный союз суверенных государств, которых объединяют экономические интересы, единая граница, а также общая цель включения в европейские интеграционные процессы. Основными ветвями власти конфедерации предлагалось сделать парламент как совещательный орган, Вече министров, Конфедеративный суд, Исполнительную комиссию. Во всем остальном субъекты конфедерации полностью самостоятельны — имеют собственную валюту, собственное войско, дипломатические представительства в других странах. В соответствии с этим проектом был подготовлен и текст Договора о югославской конфедерации — Союзе югославских республик, который было предложено обсудить и подписать всем республикам Югославии. Позже Словения выступила с новой инициативой — создать разьединенную федерацию. Этот проект предполагал разделение страны на два — три суверенных содружества, причем одна группа республик могла бы развиваться как федерация, а другая как конфедерация. Следовало договориться об уважении существующих границ, соблюдении экономических и политических интересов территорий. Таким образом, Словения предлагала добровольное разъединение, видя в этом шаг к европейской модели единения (201, с. 343).

На смену согласованиям позиций республик с Центром пришел диалог республик без центра. С 28 марта по 6 июня руководители республик провели шесть встреч в разных городах страны, обсуждая проблемы выхода из кризиса, взаимоотношения республик и Центра, пытаясь определить хотя бы общие контуры нового содружества югославских народов. За свою безрезультатность они были названы в печати «туристическим путешествием шестерки». Сербия продолжала отстаивать идею сохранения Югославии, склонна была принять и уменьшенный вариант Югославии, но при условии, что все

сербы будут жить в одном государстве. При непоколебимом желании Словении и Хорватии отделиться, в Югославии могли бы остаться Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина. Македония в феврале 1991 г. стала склоняться к проекту союза самостоятельных и суверенных государств. Весной 1991 г. федерацию поддерживали всего три республики — Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина. Босния и Герцеговина, вернее ее президент, занимал достаточно сдержанную и неопределенную позицию. По мнению А.Изетбеговича, для Югославии предпочтительней что-то среднее между федерацией и конфедерацией. «Она должна содержать элементы и той, и другой, и в этом заключается наша двойная формула», — говорил он (9). По его мнению, из концепции конфедерации надо взять принцип суверенитета республик, а из федеративной теории — принцип государственности. «Другими словами, суверенные республики создают такое содружество, которое будет иметь характер государства, но с минимальными компетенциями в области обороны и внешней политики, в то время как функции в области экономики могли бы быть шире» (9). В то время, как А.Изетбегович еще колебался, в республике была сила, которые стремились к самостоятельности БиГ. В марте 1991 г., как вспоминал А.Зулфикарпашич, один из политических лидеров БиГ, он посетил Любляну и Загреб и попытался договориться с руководителями этих республик о совместных действиях по выходу из Югославии. Договоренность была достигнута, и план был представлен президенту БиГ А.Изетбеговичу. Однако тот не стал его обсуждать, сказав, что продолжает оставаться на позициях сохранения югославской федерации и решения проблем в рамках Югославии (169, с.99).

Македония в начале переговоров выражала свою заинтересованность в сохранении югославского содружества, склоняясь к варианту союза суверенных государств. На последней встрече «шестерки» 6 июня 1991 г. в Сараеве президенты республик Македонии и БиГ К.Глигоров и А.Изетбегович выступили с предложением о будущем содружестве югославских народов. По их мнению, сохранение территориальной целостности Югославии возможно в условиях ее преобразования в союз суверенных республик, имеющих государственно-правовой статус. Концепция предвидела единый рынок, общую валюту, единую систему связи, транспорта, энергоснабжения. Но республики должны быть самостоятельными в осуществлении внешней политики. С.Милошевич и М.Булатович, рассматривая этот проект, приняли предложение руководителей Македонии, Боснии и Герцеговины. М.Кучан и Ф.Туджман его категорически отвергли (56, с.38). «Мы предприняли действительно все, чтобы спасти то, что еще можно было спасти», — вспоминал президент Черногории. — Но Словения и Хорватия думали только о себе. Уже тогда было ясно, к чему ведут отказы М.Кучана и Ф.Туджмана». «Также мы знали, что хуже всего будет в Боснии. А.Изетбегович буквально кричал и умолял словенцев не идти путем отделения. Он выглядел как человек, который стоит на двух удаляющихся друг от друга лодках», — вспоминал М.Булатович. Именно тогда А.Изетбеговичу предложили быть президентом оставшихся четырех республик. Но он отказался, испугавшись «сербского гегемонизма» (56, с.38). Позже БиГ и Македония после определенных колебаний несколько изменили свою позицию — они обусловили свое вхождение в конфедерацию присутствием там Словении и Хорватии.

Самым сложным моментом переговоров явились противоречия между Сербией и Хорватией. Они были вызваны тем, что в районах компактного проживания сербов в Хорватии была провозглашена Сербская автономная область Краина, которая не хотела оставаться в составе Хорватии. Но ее не признавало хорватское правительство.

Сербско-хорватский диалог продолжили парламенты двух республик. Скупщина Республики Сербии приняла «Декларацию о мирном разрешении югославского кризиса, против гражданской войны и насилия». Не принимая многие положения Декларации, Сабор Хорватии все же согласился на диалог парламентских групп и решил разработать свой вариант выхода страны из кризиса. Кроме того, Хорватия выступила с инициативой решить югославский кризис с помощью наблюдателей из европейских стран и США. Одновременно созданная ранее группа экспертов из всех югославских республик подготовила вариант концепции будущего содружества югославских народов, который, к сожалению, так и не смог объединить все республики.

Единственное, о чем удалось договориться шести руководителям, — провести референдумы в каждой республике, в ходе которых население выскажется за будущий статус Югославии: «Союз суверенных государств» или «Единое демократическое союзное государство».

Над проблемой будущего устройства страны думали и институты, и отдельные ученые. Одним из крупных проектов была «Хартия Югославии», разработанная академиком В.Стругаром как конституция новой «Третьей Югославии» для тех народов, которые хотят в ней остаться (153). К сожалению, она так и осталась невостребованной.

В этих сложных условиях на встрече с председателями скупщин общин Сербии 16 марта президент Сербии С.Милошевич сказал, что видит всего два пути выхода из кризиса — мирный и с использованием силы. «Уважайте то, — сказал он, обращаясь к тем, кто хотел бы отделиться, — что мы как самый многочисленный народ и самая большая республика предлагаем мирный путь...». Но он не отрицал, что Сербия может и драться за осуществление права сербского народа жить в одном государстве, хотя предполагал, что не будет много желающих пойти по этому пути (цит. по 182, с.22). Президент Сербии ошибся. Словения и Хорватия стремились отделиться любым путем, включая и военный. И Сербии использование армии для сохранения федерации представлялось естественным и оптимальным.

К сожалению, межреспубликанский переговорный процесс закончился неудачей. Не осуществилась идея тройственной Югославии, и перед лицом создания новой Югославии остались только Сербия и Черногория. Путь к самостоятельности оказался для республик Югославии сложным и трудным. Сила оружия заменила силу аргументов в решении проблемы разъединения федерации.

Почему Сербия была так бескомпромиссна в своем отстаивании федеративного устройства государства? Прежде всего, руководство Сербии стремилось осуществить давнюю идею и собрать весь сербский народ под крышей одного государства. Это было невозможно в случае конфедерации, когда республиканские границы перестают быть административными. Кроме того, оно было уверено, что в конфедерации у республик сразу же появится законное право на отделение, которым они не преминут воспользоваться. Позже руководство Словении и Хорватии вспоминало, что «никому в Югославии не было дело до конфедерации», а Словения и Хорватия лишь формально предлагали заменить федерацию конфедерацией (120, с.31). Планы этих республик были одноопыны — отделиться от Югославии любым путем. Федеративная концепция югославского общества потерпела полный крах. Как и идея объединения сербских народов, за которую пришлось напрасно сражаться с оружием в руках.

Паралич центральных органов власти. Деятельность правительства СФРЮ по обузданию инфляции и переходу к рынку была резко приостановлена в связи с обострением военно-политической ситуации в Хорватии и Словении. Деятельность союзных органов власти с мая 1991 г. фактически была парализована.

1 мая начались военные столкновения в Борово-Селе в Хорватии. Президиум СФРЮ на внеочередном заседании 7 мая обсуждал ситуацию в стране и роль армии в происходящих событиях. Военное руководство заявляло о нейтралитете ЮНА, о том, что она «не будет вступать в столкновение с народом», и требовало от Президиума СФРЮ «обеспечить мир в стране» (59, с.319). Заседание Президиума СФРЮ, на котором присутствовали представители всех республик, было драматичным и длилось два дня и две ночи. Члены Президиума так и не могли решить, следует ли идти по пути политической договоренности, или согласиться на участие армии в разрешении уже далеко зашедшего конфликта в Хорватии. Принятые «конкретные» меры, которые включали в себя «демократический диалог», «обеспечение национальных и гражданских прав», «прекращение передвижения вооруженных формирований», «демобилизацию», «сдачу оружия», «прекращение нападения на югославскую армию», уже тогда были невыполнимыми (59, с.320–321). Между тем, постановление давало новые полномочия ЮНА по защите границ и предотвращению межнациональных столкновений.

В мае подошел срок для утверждения нового председателя Президиума СФРЮ. Поскольку заявления представителя Хорватии С.Месича, претендовавшего на этот пост, говорили о том, что он не будет отстаивать единство Югославии, члены Президиума от Сербии, Черногории, Косова (представлял серб) и Воеводины были против его избрания. У них опасение вызывало членство С.Месича в Хорватском демократическом содружестве, партии, которая ставила своей целью отделение Хорватии от Югославии. С.Месич вспоминал, что все его мысли тогда постоянно занимала Хорватия, «такая, какая нам снилась, о которой мы мечтали и к которой в своей деятельности стремились не только в дни нашей политической деятельности, но и во всей позитивной истории хорватского народного духа» (123, с. V). Хорватский сабор ставил перед С.Месичем задачу «ускорить раздружение»¹ Югославии и отстаивать конфедеративный союз республик. Во время голосования² членов Президиума кандидатура С.Месича не набрала нужного количества голосов. «За» были только представители Словении, Македонии и Боснии и Герцеговины. Ситуация была драматичной: Федерация впервые оставалась без руководителя и его заместителя только потому, что сербы прогнозировали окончательный развал страны под руководством представителя Хорватии. Но избрание С.Месича влекло за собой еще более трагические последствия — давало право Словении и Хорватии игнорировать руководство Федерации и объявить о своей самостоятельности. В этой обетановке Хорватия встала в позу обиженной и униженной, в газетах писали о нарушении Конституции СФРЮ, о пренебрежении прав республики. Как пишет С.Месич, его избрание «открыло простор для маневра молодой хорватской дипломатии. Хорватия... получила поддержку всего мира» (123, с. 17). По его мнению, весь мир узнал об агрессивности Сербии, а уважение к Хорватии воз-

¹ Термин «раздружиться» предложила Словения, подчеркивая, что она не отделяется от СФРЮ, а добровольно перестает находиться в составе югославского содружества.

² С.Месич оспаривает процедуру голосования, поскольку, как он утверждает, все предшествующие кандидаты на пост председателя лишь формально одобрялись; голосования не было (123, с. 7).

росло, что можно было видеть по тому, как был встречен Ф.Туджман в Риме. Несмотря на отклонение его кандидатуры, С.Месич сделал заявление журналистам, что считает себя председателем Президиума СФРЮ и даже попытался созвать заседание этого органа, разослав письма всем членам Президиума.

Европейское сообщество, почувствовав озабоченность в связи с развитием ситуации в Югославии и «огромную ответственность в отношении дружественной страны», направило своих представителей в Белград, чтобы урегулировать отношения Президиума с Хорватией, «помочь в решении проблем» (59, с.330). Из бесед с С.Месичем они узнали, что Сербия господствует в стране, пытается сменить руководство Словении и Хорватии, стремится к объединению всех сербов и созданию Великой Сербии, что уже начала «завоевательную войну» (59, с.328). Разделение страны на независимые государства, по мнению С.Месича, могло предотвратить войну.

Деятельность Президиума фактически была приостановлена. Представители Словении и Хорватии начали бойкотировать заседания Президиума и условием своего участия в его работе ставили избрание С.Месича. С.Месич утверждал, что через негативное отношение к нему выражалось отношение ко всем хорватам и Хорватии в целом (123, с.5). На федеральное руководство оказывается огромное давление как внутри страны (оппозиция), так и за ее пределами. В стране на собраниях или митингах обвиняли СПС в том, что она нарушает Конституцию и не хочет упрочить федеральное руководство. Представители международных организаций, министры иностранных дел ряда стран убеждали членов Президиума проголосовать за С.Месича, обещая, что Хорватия и Словения будут действовать в соответствии с Конституцией СФРЮ, а С.Месич не станет разрушать страну. В такой ситуации 30 июня члены Президиума согласились с избранием С.Месича председателем Президиума. Это произошло тогда, когда Словения и Хорватия уже провозгласили свое отделение (25 июня), когда безрезультатно окончились межреспубликанские переговоры о будущем Югославии, когда бездействовал союзный парламент, когда из него были отозваны все делегаты Словении и Хорватии. Вообще трудно было понять такое упорное стремление Хорватии сделать своего представителя последним руководителем страны. Сам С.Месич не скрывал, что представлял «исторические интересы хорватской нации» и видел свою задачу в том, чтобы «в рамках хорватской исторической программы засвидетельствовать разрушение СФРЮ, инициировать и осуществить процесс разделения и одновременно создания союза суверенных государств на югославском пространстве» (123, с.У).

После провозглашения независимости Словении и Хорватии 25 июня 1991 г. С.Месич и Я.Дрновшек все реже приезжали на заседания руководящего органа страны, из Скупщины СФРЮ были отозваны депутаты от этих республик. Представители Македонии и Боснии и Герцеговины не желали участвовать в его работе в неполном составе и без председателя. Среди оставшихся членов Президиума развернулся безрезультатный спор, узаконить ли деятельность государственных органов в неполном составе (Сербия, Черногория), или считать ее нелегитимной (Македония, Босния и Герцеговина, Косово). Из дневника Б.Йовича видно, что на всех заседаниях Президиума СФРЮ в этот период преобладали растерянность и нерешительность. Чаще они проходили в неполном составе. Разрабатывалось много планов, готовились решения, но они так и оставались на бумаге. А в это время шла война в Хорватии, начались переговоры с представителями ЕС, были созданы Конференция Европейского сообщества по Югославии и Арбитражная комиссия. С.Месич еще несколько раз созывал заседания Президиума — в июле, когда надо было обсудить Брионскую Декларацию об урегули-

ровании кризиса в Словении, в августе, когда речь шла о положении в стране и выяснялись позиции руководства республик в связи с обострением ситуации в Хорватии, в начале сентября накануне созыва Гаагской конференции. С 10 сентября С.Месич уже не появлялся в Белграде, опасаясь за свою безопасность. Но он продолжал считать себя председателем и, как отмечает в своей книге, писал Президиуму письма, звонил, предлагал созвать заседания в другом месте — в Любляне, Загребе, на Бриони или в Сараево.

В начале октября Президиум СФРЮ, собравшись в неполном составе (четверо только из Сербии и Черногории), принял решение о работе в условиях непосредственной военной опасности, о необходимости взять на себя ряд функций Скупщины СФРЮ вследствие ее бездеятельности, поставить под контроль Президиума Югославскую народную армию. Как отмечал заместитель Председателя Президиума СФРЮ Б.Костич, принимая такое решение, «мы хотели, тем самым, с одной стороны, противодействовать очевидному стремлению части членов Президиума СФРЮ блокировать деятельность этого органа Югославии, а с другой — создать более благоприятные условия для того, чтобы не допустить дальнейшей эскалации вооруженных столкновений и их распространения из кризисных районов Хорватии на Боснию и Герцеговину и Черногорию» (121). Президиум СФРЮ с этого времени взял на себя всю власть в стране, рассматривал вопросы о соблюдении договоренностей о прекращении огня, ход мирной конференции по Югославии в Гааге, однако его решения перестали быть обязательными сначала для Словении и Хорватии, затем для представителей международных организаций, потом — для Боснии и Герцеговины и Македонии. С.Месич, который уже и не стремился руководить Президиумом, называл его состав «бандой четырех» и «белградским кланом» (123, с.276). Его собственная роль, как он полагал, теперь сводилась к тому, чтобы убедить международное сообщество, что СФРЮ уже не существует (123, с.276).

5 декабря Сабор Хорватии принял решение о прекращении деятельности Стипе Месича в качестве члена и председателя Президиума СФРЮ, считая это решение вступившим в силу с 8 октября 1991 г. С.Месич обратился к депутатам хорватского парламента со словами: «Югославии больше нет... Я выполнил свою задачу» (123, с.319).

Кризис всех ветвей власти, неспособность руководства субъектов Федерации идти на компромисс, перенос центра тяжести принятия решений из Центра в республики, невозможность союзных органов преодолеть центробежные тенденции, бескомпромиссное и бесперспективное столкновение двух концепций судьбы страны открыли путь Словении и Хорватии к отделению. В Сербии и Черногории одни ждали от руководства и армии решительных действий, другие — мудрости и компромисса. Как считает сербская ученая С.Аврамова, Сербия «своей пассивностью, непониманием ситуации, заботой о сохранении режима открыла простор сецессионистам» (72, с.191). В Хорватии и Словении боялись вмешательства армии в процесс суверенизации и готовились ему противостоять. В Македонии шаги в направлении самостоятельности были осторожными, исключая военными действиями. В Боснии и Герцеговине с тревогой наблюдали за противоречиями между федеральным Центром, Словенией и Хорватией. С.Милованович был настроен решительно и надеялся легко объединить все области с сербским населением в новой Югославии. Армия, воспитанная на отражении внешней опасности, не намерена была участвовать в столкновении между народами, но готова была защитить единство распадающейся федерации и ее границы.

5. Отделение Словении: «Малая война» — большие последствия

Словения была самой высокоразвитой в экономическом отношении республикой СФРЮ. На Словению приходилось более 17% производимого в стране общественно-го продукта, 19% промышленного и 7% сельскохозяйственного производства. Здесь производилось около 30% всех югославских грузовиков, 50% автобусов, почти 30% холодильников, свыше 40% телевизоров. Однако экономический кризис, охвативший страну, имел серьезные последствия и для Словении: около 800 предприятий находились на грани финансового краха, росло число безработных, ощущалась нехватка валютных средств, падал уровень жизни (63, с. 16).

Кризис всех ветвей власти, общее состояние федеральных органов, близкое к полному параличу, сделали возможным быстрое осуществление давней идеи Словении об отделении от СФРЮ. Представители Словении проявляли самостоятельность во всех структурах — в СКЮ, в Президиуме СФРЮ, в Союзной Скупщине, в правительстве, в руководстве ЮНА. Опираясь на национальную идею, лидеры Словении стремились сплотить народ вокруг проведения политики на отделение республики любой ценой. Культивировалась идея, что в истории Словения всегда боролась за свою самобытность — и против Австро-Венгерской монархии, и против наполеоновских полчищ. Подчеркивалось, что в королевской Югославии Словения не чувствовала себя по-настоящему свободной, а при Тито пребывала «под властью Белграда», «висела на конце телефонного провода, идущего из ЦК СКЮ» (63, с. 14). Националистические круги и лидеров Словении раздражало постоянное вмешательство Центра в республиканские дела, сербское руководство казалось им преисполненным великодержавными амбициями. Отношения осложнились после экономического бойкота словенских товаров, который в конце 1989 г. организовала Сербия в ответ на закрытие словенским правительством границы для сербов и черногорцев из Косова, которые хотели провести в Любляне митинг против их притеснения в Косове. Серьезной критике подверглось решение Центра изъять из денежного обращения федерации 18,2 млрд. динаров, что негативно отразилось на положении дел во всех республиках, в том числе и в Словении.

Американский посол в Югославии У.Циммерман писал, что отношения между республиками начали ухудшаться в 1989 г., и самыми плохими они были между Сербией и Словенией, хотя у Словении было много причин быть благодарной Югославии. «После второй мировой войны Югославская армия отвоевала для Словении земли, про которые словенцы говорили, что они после первой мировой войны несправедливо отошли к Италии. Нынешняя независимая Словения третьей своей территории обязана военным действиям ЮНА против Италии. Югославия для Словении была и гарантированным рынком для ее товаров (льжи, мебель, хрусталь), которые бы вряд ли выдержали конкуренцию на западном рынке», — отмечал он (171, с. 45). Но поскольку Словения «считала свою республику зародышем западной демократии», а власть С. Милошевича усиливалась, она не только все больше «удалялась от коммунизма», но и «выбрала вооруженную стратегию», решила «напасть на С. Милошевича, не ожидая, что он упадет на них», — анализировал У.Циммерман (171, с. 46).

Словения в течение 1990 г. и первой половине 1991 г. осуществила ряд акций, направленных на достижение большей самостоятельности — потребовала, чтобы словенские солдаты отбывали срок службы только в Словении, а частями, расположенными

в Словении, командовали бы только офицеры-словенцы; 8 марта 1990 г. из названия республики было изъято слово «социалистическая», в июле того же года Скупщина приняла решение о переподчинении отрядов территориальной обороны словенскому правительству; 2 июля 1990 г. парламент проголосовал за Декларацию о независимости. Как отмечал в своем дневнике Б.Йович, еще в августе 1990 г. он предлагал разработать закон об отделении республик, но словенцы никак не реагировали на предложение Президиума СФРЮ. «Они твердо решили идти до конца даже ценой инцидента, столкновения и войны» и даже обсуждали этот вопрос в республиканском парламенте, разрабатывали «все варианты столкновения вплоть до ввоза оружия из-за границы и вооруженного отпора» (59, с. 174).

В октябре 1990 г. Скупщина Словении объявила, что на территории республики не имеют законной силы 27 союзных законов, а впредь ни один закон без одобрения Скупщины применяться в республике не будет. Выступая в парламенте, председатель правительства Словении А.Петерле, отметил, что «республика вступила в ключевую и самую сложную фазу борьбы за самостоятельность» и подчеркнул необходимость «принять целый свод законов, которые необходимы самостоятельному, суверенному, независимому государству» (63, с. 10). Речь шла: а) о достижении как можно большей самостоятельности в сфере экономической деятельности, о создании своей кредитно-денежной и банковской системы, проведении самостоятельной налоговой политики, б) о переводе в ведение республиканских органов большинства вопросов, связанных с функционированием систем территориальной и народной обороны, в) о реализации комплекса мер, обеспечивающих Словению полную самостоятельность в проведении внешней политики. Все это говорило о спланированных действиях, об имеющемся четком плане и разработанной стратегии достижения независимости. В начале 1991 г. в Словении разрабатывалась концепция увязки платежных средств республики с одной из твердых западноевропейских валют с последующим введением собственной денежной единицы, определялись размеры налога с оборота, таможенных пошлин и т.д. Словения в одностороннем порядке сократила взносы в федеральный бюджет, объявила недействительным для республики Закон о фонде для слаборазвитых республик и ряд других законов.

С конца 1990 г. события развивались быстро — республика готовила правовую базу, которая бы позволила ставить вопрос об отделении. 23 декабря 1990 г. в Словении был проведен плебисцит, на котором 88,5% населения высказалось за отделение от Югославии. Через несколько дней после его проведения председатель Скупщины Словении Ф.Бучар на совместном заседании палат официально провозгласил Словению самостоятельным государством. А 31 января 1991 г. была принята Декларация об отделении. 20 февраля 1991 г. Словения приняла поправку к Конституции, согласно которой республика становилась самостоятельным государством.

В Словении создавалась не подчиненная руководству ЮНА национальная гвардия, которая основывалась на подразделениях территориальной обороны. Вооружение закупалось за рубежом¹. Министр внутренних дел Словении И.Бовчар советовал призванным не реагировать на повестки о призыве в ряды ЮНА, если на них нет штампа словенских властей. В начале марта парламент наложил мораторий на призыв словенских юношей в югославскую армию. Создавалась и собственная служба разведки. Уже

¹ Словения и Хорватия закупили оружие за рубежом, поскольку внутренние ресурсы строго контролировались руководством ЮНА.

в начале февраля 1991 г. печать констатировала, что «территориальная оборона в Словении — это более не составная часть вооруженных сил СФРЮ, а часть национальных вооруженных сил республики» (63, с. 11).

Жесткая критика ЮНА со стороны словенского руководства, трения по поводу службы в армии солдат и офицеров постоянно вносили осложнения во взаимоотношения между Словенией и ЮНА. В словенских средствах массовой информации часто повторялась мысль об угрозе Словении со стороны ЮНА. А вот как описывала ситуацию создания антиармейской атмосферы в Словении сараевское «Освобожден»: «Все здесь обвиняют ЮНА в том, что она готовится утопить в крови молодую словенскую демократию. Министр внутренних дел И.Бовчар разглагольствует о провокациях со стороны народной армии на очередном заседании республиканской скупщины. О каких именно провокациях идет речь, он не говорит, умалчивает он и о том, где и когда провоцировала кого-либо армия, но тем не менее его выступления достопешно, чтобы возбужденные толпы людей бросились в магазины и стали лихорадочно скупать соль, масло, муку, консервы и другие продукты, пригодные для длительного хранения... Был случай, когда распространился слух, что танки ЮНА — на подступах к городу, и репортеры уже ринулись по указанным им адресам, не обнаружив там, разумеется никаких танков. Был и другой случай, когда среди жителей Любляны пронесся слух, будто колонны ЮНА маршируют по центру столицы, и вновь журналисты поспешили в «горячую точку», но обнаружили там лишь вполне мирную улицу с открытыми магазинами, учреждениями, банками...» (цит. по: 63, с. 12). Это позволило позже легко внедрить в сознание словенцев, что югославская армия «оккупировала» Словению, и начать борьбу с ней.

Словения настойчиво стремилась и к внешнеполитической независимости. В беседе с корреспондентом ТАСС Ю.Корниловым секретарь по иностранным делам Словении Д.Рупел отмечал, что в республике уже реализуется план самостоятельного выхода республики на международную арену. Так, в декабре 1990 г. в Союзный секретариат по иностранным делам (ССИД) уже было направлено официальное послание о необходимости усиления влияния республик на принятие внешнеполитических решений. В нем отмечалось также, что союзное руководство должно «рассматривать словенцев — сотрудников ССИД как официальных представителей словенской внешней политики и словенских национальных интересов» (63, с. 13). Параллельно готовилась почва для международного признания Словении. «Процесс международного признания Словении уже начался, и мы убеждены, будет продолжаться нарастающими темпами, — говорил Д.Рупел. — Словения уже сегодня имеет своих официальных представителей в Будапеште, Вене, Риме. В Вашингтоне наши интересы представляет открытое в октябре 1990 г. «Бюро по внешнеполитическим, экономическим и культурным связям Словении и США», в Москве аналогичные функции возложены на директора московского представительства нашей крупнейшей торгово-промышленной фирмы «Словениялес», который вправе, когда это требуется, выступать от имени правительства республики...» (63, с. 13). А.Петерле направил в конце января письмо в адрес госсекретаря США Дж.Бейкера, в котором утверждалось, что руководство СФРЮ готовится расправиться «с молодыми демократиями — Словенией и Хорватией», поэтому Словения будет защищать свою молодую демократию всеми возможными способами» (63, с. 18). Во время визита в Рим Председатель Президиума Республики Словении М.Кучан вел активные переговоры с председателем Совета министров Дж.Андреотти, министром иностранных дел Дж. де Микелисом, был принят президентом Ф.Коссигой. Он подчерк-

нул на пресс-конференции, что к 26 июня Словения «возьмет на себя функции власти на всей своей территории», которые в настоящее время принадлежат федеральному правительству. В этот день будет принята политическая декларация, в которой будет объяснено, какой тип государства собирается создать Словения, какие отношения она будет поддерживать с другими республиками и каким образом станет членом международного сообщества. При этом министр подчеркнул, что республика намерена «действовать постепенно, не сжигая всех мостов» (64).

Рассматривая вероятные варианты сопротивления своим планам, руководство Словении склонялось к возможности военных действий. Во всяком случае, министр обороны Хорватии М.Шпегель пишет в предисловии к книге Я.Янши, что контакты между министрами обороны Хорватии и Словении были частыми, что они «вместе готовили оборону республик... вместе анализировали опасность, которая может нам грозить...» (164, с. III). Между Хорватией и Словенией был подписан «договор о совместной подготовке к обороне». Менее известно, пишет М.Шпегель, что «я разрабатывал план совместной обороны Словении, Хорватии и БиГ» в марте-апреле 1991 г. (164, с. III). У военных министров двух республик были и одинаковые оценки возможностей и слабостей ЮНА: они полагали, что армия Югославии слаба и неспособна преградить путь к самостоятельности республик. Самое большое внимание министры уделяли человеческому фактору, расстоянию и времени. Они пришли к выводу, что в Сербии население слишком «старое» и нет молодежи, способной воевать. При этом учитывалось, что в 1990 г. среди восемнадцатилетних солдат в Северо-Западной армии 30% составляли албанцы, 20 — хорваты, 8 — словенцы, 10% — мусульмане. Сербов было 15–20%, большинство из которых, утверждали министры, не готовы были жертвовать своими жизнями (164, с. V). Словения располагала временем для технической и организационной подготовки («к встрече агрессора»).

Министр обороны Янез Янша описывает в своей книге, как из республиканской территориальной обороны создавались вооруженные силы Словении. Подготовка к этому началась еще в 1990 г., когда Скупщина Словении приняла конституционные поправки к республиканской Конституции, согласно которым территориальная оборона (ТО) в чрезвычайных обстоятельствах («в случае внутренних столкновений в Югославии») переходит в подчинение Президиума Республики. Во главе ТО были поставлены новые люди. Осенью 1990 г. началась реорганизация ТО. Надо было решить проблему с материальным оснащением ТО, вооружением. В сентябре 1990 г. Словения не послала в ЮНА новобранцев и не перечислила в бюджет налог на армию. Эти 300 млн. динаров пошли на закупку оружия для ТО, вспоминает Я.Янша (164, с. 66). Затем были разработаны оперативные планы «на случай агрессии ЮНА». Реорганизации подверглись и служба республиканской безопасности (на должности ставили лояльных Словении людей), и милиция. В руководстве ЮНА среди высших офицеров были люди, информировавшие Словению обо всех самых важных решениях в армии.

Министр обороны Словении разработал «Возможные варианты раздружения с военной точки зрения». Этот прогноз состоял в следующем (164, с. 91):

«I вариант. Раздружение по договору.

II вариант. Попытка насильственным путем помешать раздружению

вариант II.1. (простой вариант);

вариант II.2. (грубый вариант).

III вариант. Преимущественно одностороннее раздружение

вариант III.1. оперативная готовность;

- вариант III.2. частичная мобилизация и пассивная помощь;
- вариант III.3. общая мобилизация и активная помощь;
- вариант III.4. комбинированный вариант.

После осуществления вариантов III.1, III.2, III.3 федерация отвечает употреблением силы».

Первый вариант, который предполагал мирное отделение в течение трех лет, был зачитан журналистам 20 мая, когда уже была закончена подготовка к одностороннему отделению. Поэтому ни в руководстве Словении, ни в руководстве Югославии он серьезно не обсуждался. Второй вариант предусматривал возможность опережающих действий ЮНА и ответных акций словенских властей. Третий вариант предполагал, что Словения сама определит день отделения («Д»), начнет активно брать власть в свои руки, а федерация на это ответит силой. Судя по документу, министр точно знал, что самым возможным является третий вариант, поэтому расписал его по часам и минутам. План в деталях обсуждался на совещаниях разного уровня. Я.Янша пишет, что на практике пришлось применить комбинацию нескольких вариантов.

В военном руководстве СФРЮ также готовились к отделению Словении. В январе 1991 г., как вспоминает полковник Берислав Попов, в Генеральном штабе ЮНА был разработан вариант военного плана на случай отделения Словении. Он включал в себя необходимость закрытия границы с Австрией и Италией и защиты целостности СФРЮ. Никто тогда не верил, что план придется осуществлять через несколько месяцев, и в самых неблагоприятных условиях (5, с.51).

Таким образом, серьезная подготовка к отделению и возможному столкновению с армией Югославии шла полным ходом именно тогда, когда политическое руководство вело переговоры о будущем Югославии, когда Словения предлагала конфедеративные варианты устройства содружества. Ничто уже не могло остановить Словению от реального шага — отделения от СФРЮ. Возможно, лишь отрицательная позиция Запада. Поэтому военное и политическое руководство Словении в феврале 1991 г. активно занималось внешнеполитической деятельностью по «прощупыванию» позиций отдельных стран и международных организаций, включая НАТО. Как отмечает Я.Янша, весной 1991 г. отделение Словении не поддерживали ни Америка, ни НАТО, ни ЕС. Однако, Германия и Австрия готовы были признать самостоятельность двух республик. Поддерживал Словению и Ватикан. Именно он предупредил С.Месича, что в деле провозглашения независимости Словения будет оккупирована ЮНА (123, с.49).

В самой республике чувствовалось напряжение. Свободные профсоюзы организовали 18 июня предупредительную забастовку, которая проходила под девизом «Зачем нам суверенное государство Словения, если в этом государстве мы будем голодать?» (65, с.14).

Министру обороны Словении уже в июне было ясно, что ЮНА не пошлет против Словении и Хорватии большие силы. Речь будет идти лишь о незначительных подразделениях и ограниченных акциях (164, с.123). Это могло произойти по двум причинам: или кто-то в верхах ЮНА помогал словенцам, разработав план, который нарушал предполагаемые действия армии, или существовала договоренность между руководством Сербии и Словении о том, что армия не будет уж слишком задействована на словенском направлении. О возможности договора, например, пишет А.Маркович (1), Д.Оузи (73, с.60), Д.Вилчи и Б.Тодорович (141, с.231). А о специальной помощи Словении свидетельствует тот факт, что до сих пор идет спор, кто же отдал приказ о выступлении неподготовленных к походу подразделений ЮНА?

В день провозглашения независимости, 25 июня 1991 г., словенское руководство в соответствии с планом взяло под свой контроль границы республики и воздушное пространство, таможенные пункты, порты. Причем, эта акция произошла очень быстро (пока депутаты еще пили шампанское в здании Скупщины после торжественной церемонии) и рассматривалась как акт «передачи власти». На пограничных переходах с Италией, Австрией и Венгрией вся югославская атрибутика была заменена словенской. Союзный парламент признал акт отделения односторонним и осудил его. 26 июня, как вспоминал один из помощников А.Марковича, у премьер-министра состоялся разговор со словенским коллегой Петерле. А.Маркович убеждал его в том, что Словения совершила агрессию против Югославии, которая является международно признанным субъектом, «а вы с помощью полиции и армии заняли таможи... Вы должны уйти, оставить объекты» (139, с.114). Они договорились о встрече в Белграде 27 июня. Но встреча не состоялась — президент М.Кучан уже разослал руководителям государств и генеральному секретарю ООН телеграммы, в которых сообщал о провозглашении Скупщиной Словении независимости и суверенитета.

27 июня рано утром А.Марковича разбудил звонок из Словении. М.Кучан взволнованным голосом сообщил, что танки ЮНА вышли из казарм и направились к словенской границе. Кто отдал приказ о выступлении? Все сделали вид, что ничего не знают.

Анте Маркович, последний премьер-министр СФРЮ, экономист-реформатор, позже обвиненный в том, что именно он отдал приказ наступать в Словении, писал: «Что касается отделения Словении и так называемой войны, у меня сложилось очень ясное мнение. Прежде всего, Словения заняла пограничные пункты суверенного государства Югославии, и поэтому интервенция ЮНА была оправдана. Другое дело, как и каким образом дошло до интервенции. Думаю даже, что речь шла о договоре между руководством Словении и Сербии об инсценировке нападения. Неужели Вы думаете, что генералы в Белграде были настолько глупыми, что пошли в наступление с безумными юнками и танками без боеприпасов? О походе танков ЮНА в Словению я узнал только в четверг, 27 июня 1991 г. около пяти часов утра, когда мне, единственному в Белграде..., позвонил по телефону Кучан. Сразу после этого я позвонил Кадисвичу... Точное содержание разговора пусть останется для моих мемуаров. Вы можете сделать вывод по тому, что не произошло со Словенией. Знаю, что на следующий день генералы хотели бомбардировать отдельные цели в Словении, особенно Любляну. Этому, естественно, я воспротивился» (1).

Вопрос, кто же отдал распоряжение о защите югославских границ союзными войсками, долго обсуждался в официальных и неофициальных кругах Югославии. Предраг Ташич объясняет ситуацию так: «Решение о защите югославских границ Союзное исполнительное вече приняло 26 июня рано утром, мне кажется, в два часа ночи. Заседание правительства началось накануне вечером в половине десятого. Решение о защите югославских границ подготовили соответствующие компетентные союзные органы, а разъяснение дал министр полиции Петар Грачанин» (139, с.115). Целью предлагаемых мер была «защита территориальной целостности СФРЮ... обеспечение свободного движения по всей государственной территории». Предраг Ташич публикует в своей книге протокол заседания правительства в ночь с 25 на 26 июня. Большинство министров высказались за меры, направленные на защиту целостности страны. Но опасность виделась в возможных столкновениях, которые могли привести к жертвам. Министр иностранных дел СФРЮ Б.Лончар сказал, что ему звонили министры иностран-

ных дел Италии и Германии — Джанни де Микелис и Ганс-Дитрих Геншер, которые предупредили, что если в Словении дойдет до столкновения, то единство югославской федерации больше не будет поддерживаться международным сообществом. Другие иностранные политики также советовали избегать насилия при попытке сохранить единство страны (139, с. 115, 178). Члены правительства оказались перед дилеммой — как пойти на защиту целостности страны, но не использовать при этом армию. Анте Маркович считал членом правительства информацию, которая поступила из Словении. В ней говорилось, что председатель словенской Скупщины Ф.Бучар заявил в Любляне: «Ожидается реакция союзных властей. ...Ожидается, что решения Союзного веча Скупщины СФРЮ будут иррациональными и неврастеничными. Это свидетельствует о том, что у них нет стратегии, как парировать словенские меры» (139, с. 116). В результате длительного обсуждения правительство приняло решение признать акт Словении односторонним, угрожающим территориальной целостности Югославии. Оно осудило решение словенского руководства взять на себя все функции Федерации на словенской границе, таможене и авиалиниях, установить с Югославией государственную границу. В соответствующие органы были отправлены директивы об усилении контроля на границе и, в частности, запрещалось устанавливать пропускные контрольные пункты на внутригосударственной границе.

Принятое ночью решение касалось «непосредственного обеспечения исполнения союзных законов о переходе государственной границы на территории Республики Словении». Союзному секретариату внутренних дел в сотрудничестве с Союзным секретариатом по народной обороне поручалось обеспечить контроль за пунктами перехода границы, а с помощью пограничных частей ЮНА — целостность государственных границ. Способы исполнения решений должен был определить Союзный секретарь (министр) внутренних дел (139, с. 116).

Сегодня уже можно уверенно сказать, кто отдал армии приказ. В книге генерал-полковника Н.Чубры описывается подробно процесс принятия решения по вопросу активизации войск в Словении. В то раннее утро 26 июня в комнате № 221 Генерального штаба состоялось совещание представителей Союзных секретариатов по народной обороне, внутренних дел и Таможенного комитета, которые решали вопрос о способах исполнения решения правительства. Начальник Генерального штаба генерал Б.Аджич детально рассказал о планах действия всех собравшихся служб, особенно ЮНА, по мирному или вооруженному занятию пограничных переходов. «О возможности общего вооруженного нападения на части ЮНА и военные объекты на территории Словении речи не шло. Очевидно, что ничего подобного не предвиделось», — вспоминает генерал (156, с. 130).

Приказ взять под контроль 35 контрольных пограничных переходов аэродрома Брик, порта Копар, где осуществлялась международная связь¹, отдавался командованием ЮНА в соответствии с решениями правительства. Для этих целей выделялось 1990 военнослужащих, из которых 400 — из подразделений внутренних дел, 270 таможенников. Этим подразделениям ставилась задача строго ограниченного характера. Военные искали позже, что солдаты шли без достаточного количества патронов и без организации обеспечения безопасности колонны в пути и на границе. «За все послевоенное время ни одно подразделение не отправлялось таким образом подготовленным даже

¹ Согласно данным В.Кадневича, единицы ЮНА за 48 часов заняли 133 из 137 объектов на границе (6, с. 117).

на учения», — писал М.Скулич (168,с.123). Он делает вывод о том, что «такое «отправление» армии на войну должно было иметь свою цель, а она заключалась в том, чтобы довести ее до полного поражения и тем самым поставить под вопрос репутацию ЮНА как в Словении и Югославии, так и в мировом общественном мнении» (168,с.123).

Руководство Словении было поставлено в известность о действиях армии, и союзное правительство просило его содействия. Получив утром 26 июня решение союзного правительства, руководство Словении посчитало его «официальным объявлением войны» (164,с.133).

Словенское руководство оценило деятельность ЮНА как чистую агрессию. Президент М.Кучан срочно послал письма руководителям входивших в федерацию республик — А.Изетбеговичу, М.Булатовичу, С.Милошевичу, К.Глигорову и Ф.Туджману: «Это акт агрессии и попытка длительной оккупации независимой Республики Словении...» (123,с.49–50, сноски). В Хорватии военную операцию несколько объектоменов назвали «внутренней агрессией доминирующей страны против вассальной территории» (60,с.22). Президент Хорватии полностью поддержал М.Кучана в его оценке действий ЮНА (123,с.50, сноски). Следует подчеркнуть, что Хорватия стремилась совместить процесс отделения Хорватии и Словении, и даже основные даты объявления независимости и самостоятельности в этих республиках совпадали. Но когда Словения ждала военной и материальной помощи от Хорватии во время столкновений с ЮНА, она ее не получила. Министр обороны Словении Я.Янша писал об обнаружившейся в те недели «близорукости хорватов». Тщетно Я.Янша добивался от Загреба солидарных действий со Словенией, указывая, что следующей жертвой ЮНА станет Хорватия, независимо от того, кто выйдет победителем из войны в Словении. «Хотя Хорватия и координировала все предпринимаемые ею шаги по отделению со Словенией, но действовала так, будто в соседней республике не ведется никаких военных действий» (124,с.5). Ф.Туджман даже не пообещал М.Кучану, что постарается не пропустить войска ЮНА через свою территорию (164,с.133). На словах Загреб поощрял сопротивление Словении, однако на заседании Президиума СФРЮ 15 июля единственным выступившим против вывода ЮНА из Словении был представитель Хорватии С.Месич. Хорватия опасалась, что в случае вывода войск из соседней республики они будут употреблены в Хорватии для защиты сербов Краины.

В девять часов утра (С.Месич пишет, что в два часа ночи) 27 июня 1991 г. подразделения ЮНА начали движение маршем самыми короткими дорогами в сторону словенской границы. Чтобы успокоить мирное население, из самолетов разбрасывались листовки, в которых объяснялись цели движения войск — «взять под свой контроль государственные границы», так как под угрозой находится территориальная целостность Югославии (59,с.49). ЮНА в Словении уже ждали. Еще накануне Я.Дрновшек сообщил С.Месичу, что «население готово к обороне своей независимости» (59,с.48). Руководство Словении мобилизовало 35 тыс. добровольцев и резервистов территориальной обороны, отдало приказ строить на дорогах баррикады и препятствовать продвижению армии. Уже в Хорватии в Чаковаце и Ястребарске колонны с техникой столкнулись с баррикадами и значительно задержались. На территории Словении дороги были блокированы, на регулярную армию начались нападения. Первое столкновение произошло у Орможа.

После короткого совещания Президиум Словении рано утром принял решение оказать сопротивление югославской армии и не упускать шанс достижения независимости. Янез Янша отдал приказ «осуществить наступательные действия против сил и объек-

тов оккупантов» (164, с.147). Несоизданно военные столкнулись с ситуацией, когда все словенцы стали относиться к ним как к оккупантам, хотя армия не давала повода для этого, не стремилась употреблять оружие.

Полковник Берислав Попов, 27 июня получивший задание двигаться в направлении Вараждин — Ормож — Горня-Радгона — государственная граница, вспоминает, что на границе со Словенией на мосту была возведена баррикада из строительных блоков. Пришлось вести переговоры со словенцами, которые на захотели разбирать завалы. Более того, они начали стрелять. Берислав Попов приказал открыть ответный огонь, а затем был вынужден искать обходной путь. Никто из военных не знал, что в Словении началась война. Когда под утро колонна оказалась около села Вержай, их встречала «живая стена» из жителей села, которая не хотела пропускать армию. Были там и женщины, и дети, и старики. Выстрелы в воздух разогнали толпу, и колонна двинулась дальше, неоднократно попадая в засады, под перекрестный огонь. Танки отвечали ответными выстрелами. То тут, то там завязывался настоящий бой. Словенцы особенно упорно защищали подходы к границе. Привлекалось и мирное население, которое бросало бутылки с зажигательной смесью. К четырем часам 28 июня три отряда 32 механизированной бригады встали на границе. Они понесли большие потери — 17 человек были ранены, пятеро погибли, пятеро попали в плен, уничтожено было 22 единицы военной техники. 29 июня начались переговоры со словенцами, и, казалось, мир был достигнут. Но 2 июля на пограничный пост началось наступление. Б.Попов получил приказ отступать назад, в вараждинскую казарму (5, с.52–53).

28 июня в 15.00 армия установила контроль над всеми пунктами, выполнив поставленную задачу. До 21.00 происходили столкновения, перестрелка, в ходе которых словенцы пытались отбить посты. В 21.00 договорились о прекращении огня. Но продолжались блокада казарм, нападения на караулы и военные объекты, провокации, аресты и нападения на югославских военных и членов их семей.

По оценке Словении, «эта война не является гражданской, т.е. войной между отдельными слоями одного и того же народа. Это война между двумя народами при явных экспансионистских посягательствах на историческую территорию одного из заинтересованных государств... Речь идет не о борьбе за власть в рядах партии, а о подлинном конфликте между демократическим выбором, ориентированным на Европу, и устаревшей моделью, которая вела к войне» (67, с.7). Так говорил М.Кучан в интервью одной из западных газет. Так начала складываться концепция агрессора в югославском конфликте, теория виновного за развязывание военных действий. Словенский историк Йоже Пирсьвец называет события в Словении попыткой «блицкрига» ЮНА, приостановленного «неожиданным успехом январских чет» (20, с.426).

Посол США в Югославии У.Циммерман, анализируя события в Словении и Хорватии, отмечает, что неточно было говорить о «вторжении» ЮНА в эти республики, «поскольку ЮНА была в своей собственной стране. Ее войска, совсем естественно были размещены в казармах в каждой югославской республике. Однако после провозглашения Словенией и Хорватией независимости эти войска стали оккупантскими, даже если не выходили из гарнизонов. Словенская тактика (а позже и хорватская), которая не может похвастаться героизмом, состояла в том, чтобы избегать непосредственных столкновений с ЮНА, а блокадой казарм попытаться довести солдат до голода и заставить уехать. Такая ненормальная роль ЮНА, когда вчера она была защитником, а уже сегодня стала оккупантом, очень сильно повлияла на обычных людей, оставшихся в растерянности между двумя сторонами» (171, с.173).

В руководстве Сербии тем временем размышляли о дальнейших действиях. Положение в стране оценивалось как трагичное. Б.Йович и С.Милошевич все больше склонялись к мысли, что единство Югославии отстоять не удастся, поэтому надо попытаться избежать начала широкомасштабной войны. На закрытом заседании Совета по защите конституционного порядка 30 июня Б.Йович сказал, что, исходя из реальной ситуации, Словению следует «исключить» из Югославии и сосредоточиться на защите «будущей границы», т.е. территорий в Хорватии, населенных сербами. Он назвал это «объявлением новой политики» (59, с.344; 151, с.181).

Как вспоминали словенские журналисты, 2 июля был очень напряженный день. Игорь Бовчар назвал его «решающим днем» (173, с.178). Все ожидали эскалации военных действий, «третьего наступления» Югославской армии, нападения с воздуха. Вернувшись из Австрии, Милан Кучан сообщил, что переговоры с Г.-Д.Геншером прошли успешно. Г.-Д.Геншер настаивал на прекращении огня, и руководство Словении начало переговоры с «представителями Югославии» С.Месичем и В.Тулуковским (173, с.183). В это время в Белграде около здания скупщины собрались солдатские матери и требовали остановить войну в Словении и вернуть солдат домой. Напряжение спало только к ночи. 3 июля было заключено перемирие. 4 июля Президиум СФРЮ принял решение о возвращении к состоянию до 27 июня, потребовал деблокады казарм, возвращения всех пленных, прекращения стрельбы. Но Словения приложила массу усилий для интернационализации конфликта. 5 июля отчетливо была заявлена позиция Германии. Выступая по радио, Ганс-Дитрих Геншер заявил, что в случае нарушения условий прекращения огня со стороны ЮНА необходимо будет поставить вопрос о признании европейским сообществом независимости Словении и Хорватии. При этом он подчеркнул, что необходимо принять на специальной встрече министров иностранных дел в Гааге решение о введении эмбарго на поставки оружия в Югославию, заморозить с этой страной сотрудничество в области финансов (66). Для прояснения обстановки и урегулирования конфликта в страну были посланы представители ЕС.

7 июля 1991 г. на острове Бриони они беседовали с членами Президиума СФРЮ во главе с С.Месичем, а также премьер-министром А.Марковичем, руководителями всех республик, кроме Сербии, не приглашенной на встречу. Сербию представлял Б.Йович. В ходе многочасовых переговоров представители ЕС неоднократно высказывали мысль о возможности отделения тех республик, которые хотят выйти из состава федерации. Было достигнуто соглашение и принята Декларация о мирном разрешении югославского кризиса. В Декларации еще признавалось единство СФРЮ и предлагалось начать 1 августа переговоры между словенской стороной и представителями СФРЮ. Тем самым Словения становилась субъектом переговорного процесса, и за ней закреплялось право ставить вопрос об отделении. Контроль над словенской границей переходил к Словении, а над аэродромом — к союзным диспетчерам. Словения должна была деблокировать казармы, выпустить пленных и заложников, а также отвести все свои отряды. При этом Словения и Хорватия на три месяца откладывали реализацию Деклараций о независимости. Сразу после договоренностей ЮНА вернулась в казармы.

Печальным итогом этой недолгой войны, по данным армии, было: у ЮНА 44 убитых, 184 раненых, у Словении — 3 убитых, 66 раненых (3). У.Циммерман приводит

другие данные: Словения потеряла 9, а ЮНА — 37 человек (171, с.174). Посол вспоминал свой разговор с Я.Яншей, который признавался, с каким наслаждением он осуществлял задуманную операцию, считая ее мщением армии. Он говорил: «Все произошло фаптастично!». И добавлял: «ЮНА сама обучила наши силы территориальной обороны. Каждый год из Белграда присылали своих самых лучших инструкторов. Они точно знали, на что мы способны. Попастъ в западню, о которой не только знали, но и сами способствовали ее установке — это верх высокомерия и безответственности» (171, с.174). Если ЮНА панически боялась Запада, пишет У.Циммерман, то словенцы с распростертыми объятиями встретили западных журналистов. Словенцы «им пересказывали эпическую борьбу своей маленькой республики против югославского колосса. Это был пример успешного использования пропаганды в истории Югославии» (171, с.175).

В это время руководство Сербии все больше склонялось к идее вывести войска из этой республики, хотя военное руководство, как пишет в своей книге В.Кадиевич, еще разрабатывало варианты действий союзной армии в Словении (6, с.120–121). 12 июля Президиум СФРЮ в полном составе большинством голосов после острых дискуссий¹, принял решение вывести подразделения ЮНА из Словении и передислоцировать их в БИГ, Сербию и Черногорию. Против такого решения выступал только С.Месич, настаивая на том, чтобы вывод войск касался и территории Хорватии (155, с.219).

Как отмечается в литературе, на решение вывести из Словении войска повлияли несколько факторов: вмешательство ЕС в урегулирование конфликта; возможный договор С.Милошевича и М.Кучана о согласии Сербии с отделением Словении; массовое враждебное отношение словенцев к ЮНА (141, с.231). Выступая на заседании Президиума СФРЮ, Бранко Костич сказал, что надо убедить словенский народ, который живет в полной информационной блокаде, и международную общественность, «что у нас нет желания частями ЮНА решать проблемы территориальной целостности и задерживать Словению в составе Югославии...» (155, с.220).

Разработанный Генштабом план вывода войск из Словении был осуществлен 29 июля 1991 г. Из республики были выведены все войска, техника.

По возвращении в казармы, военные, которые исполняли приказ, задавались вопросами: почему пошли в Словению, если ее пришлось оставить, почему пехоту не поддержала авиация, почему на эту операцию выделили так мало сил? (5, № 2356, с.54). Один из участников событий, генерал ЮНА В.Трифуневич считает вооруженное столкновение в Словении провокацией, направленной на подрыв авторитета ЮНА, поскольку лишь армия была единственным институтом, способным помешать распаду федерации (4, с.12). Дэвид Оуэн дает свой ответ на эти вопросы. Он полагает, что ЮНА запретили воевать, поскольку существовала договоренность между руководителями республик. Словенское руководство предложило С.Милошевичу услугу за услугу: если позволят Словению отделиться, она останется нейтральной в войне Сербии и Хорватии (73, с.60). По мнению В.Кадиевича, операция в Словении не могла быть осуществлена иначе, поскольку в ней проявилось негативное отношение людей к Югославии и к армии.

¹ М.Буланч публикует стенограмму заседания Президиума СФРЮ (154, с.218–222).

Сравнивая события в Словении с последующими войнами в Хорватии и БиГ, многие полагают, что Словения неожиданно легко достигла своей независимости. Но тогда словенцам казалось, что они победили в трудной борьбе: первый опыт столкновения с государственной машиной требовал огромных усилий и специальной подготовки. А.Зулфикарпашич пишет, что Словения «удивила Югославскую армию и всю политическую структуру своей организованностью и подготовленностью к выходу из Югославии, а также своими связями с Европой». Армия тогда «еще боялась открыто выступать как орудие Сербии и как убийца народа». Поэтому Словения «не шла на полную конфронтацию с армией, давая ей возможность уйти, вывезти оружие, сохранить лицо, не быть до конца униженной» (169, с.84). О роли армии мы поговорим позже, когда будем рассматривать события в Хорватии. Заметим только, что подразделения ЮНА, вышедшие из казарм, не собирались вести войну или выступать в роли оккупантов. Это очевидно. Целью акции было показать недопустимость одностороннего решения об отделении, отсрагировать на «самоволие» словенцев и предупредить остальных о невозможности повторения словенского варианта. Но не получилось. Армия, воспитанная на идеях отражения внешней опасности, не готова была восвать со своим народом.

Для Словении война стала катализатором ускорения ее международного признания. В начале июля Г.-Д.Геншер пообещал М.Кучану, что, независимо от исхода войны, Словения будет признана мировым сообществом, а в разговоре с С.Мессичем Г.-Д.Геншер уверенно заявил, что предпримет все необходимые шаги для признания Словении и Хорватии. «Геншер, — признает С.Месич, — действовал исключительно динамично», ему удалось проинформировать Англию, ЕС, Австрию и убедить их в «агрессии» ЮНА и необходимости признать независимость Словении и Хорватии (123, с.74–76). События в Словении имели кроме всего прочего еще одно весьма печальное последствие — именно после них начинается деморализация армии, распад ЮНА по национальному признаку, отъезд офицеров и солдат в свои республики (6, с.118).

* * *

Итак, главными внутренними факторами ослабления югославского государства в конце 80-х годов стали: отсутствие единого экономического пространства, интегрированного рынка, а следовательно, экономический изоляционизм республик; федерализация СКЮ, а затем распад партии и крах коммунистической самоуправленческой идеологии как цементирующих единство федерации элементов; крах идеи югославизма и замена ее национализмом; кризис политической системы, ослабление вертикали власти и перенос центра тяжести власти с уровня федерации на уровень республик; параллель центральных органов власти, отсутствие политической воли и ограниченность средств у руководства страны для преодоления центробежных тенденций; противостояние двух концепций дальнейшей судьбы Югославии, одну из которых (дезинтеграцию) поддержало мировое сообщество; осложнение межнациональных противоречий, историческая память о сербско-хорватских конфликтах; незапрограммированность на «компромисс» руководства Сербии и Черногории, твердолобость руководства этих республик в отстаивании идеи югославизма, иллюзорность надежд на объединение всех сербских земель, отсутствие опыта политического прогноза, неподготовленность к политическому противостоянию идеям (и конкретным шагам) сепаратизма. Линия усиления противоречий шла по вертикальной оси «Центр — республики»,

затем переместилась на горизонтальное направление: «республика — республика», «республика — край» и «народ — народ». Эта усиливающаяся тенденция встречала слишком слабое сопротивление на своем пути, а на вертикальной оси поддерживалась всей законодательной системой и практикой югославского федерализма и самоуправления.

Список источников и литературы

1. Marković A. Intervju... // *Vjesnik*. — Zagreb, 1994. — 1 lipanj. — S. 16–17.
2. Džindžić Z. Jedna beogradska priča // *Duga*. — Beograd, 1994. — 28 maj / 10 jun. — N 528. — S. 17–20, 94–95.
3. Istina o oruženom sukobu u Sloveniji. — Beograd: Narodna armija, 1991. — 87 s.
4. Трифуновић В. Небу милост // НИИ. — Београд, 1996. — 26 јан. — № 2352. С. — 12–14.
5. Попов Б. Започео сам рат // НИИ. — Београд, 1996. — 23 фебр. — № 2356. — С. 51–54.
6. Кадлијевић В. Моје виђење распада. — Београд, 1993. — 170 с.
7. Jović D. Čemu se nadaju: Istraživanja // *Danas*. — Zagreb, 1991. — N 463. — S. 28–31.
8. Југословенски федерализам: идеје и стварност: Округли сто // Марксистичка мисао. — Београд, 1988. — N 1. — С. 59–128.
9. Izetbegović A. Intervju... // *Danas*. — Zagreb, 1991. — G. 10. — 9 trav. — N 477. — S. 29–31.
10. Radulović S. Srpsko-hrvatski odnosi i međunarodna zajednica (3) // *Borba*. — Beograd, 1994. — 16 jun. — S. 12–13.
11. Pucko S. Imaju odgovore za budućnost // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 28 list. — S. 3.
12. Pucko S. Vlada koja to nije // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 1 sept. — Pril. Panorama subotom. — S. 3.
13. Jović D. Kakvu Hrvatsku žele // *Danas*. — Zagreb, 1990. — 3 trav. — G. 9, br. 424. — S. 5–9.
14. Vujić A. Otklon od bolševizma // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 17 velj. — Prilog. Panorama subotom. — S. 5.
15. Pečujlić M., Milić V. Političke stranke u Jugoslaviji. — Beograd, 1990. — 540 s.
16. Smirnitzi uzavrele strasti // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 2 ož. — S. 6.
17. Stranka građanskog poverenja // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 17 ož. — Pril. Panorama subotom. — S. 9.
18. Prvi opći sabor HDZ // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 25 velj. — S. 1–3.
19. HDZ — stranka opasnih namera // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 27 velj. — S. 1.
20. Krstić V. HDZ — stranka desnice // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 27 velj. — S. 3.
21. Visković N. Na rubu pameti — opet // *Borba*. — Beograd, 1990. — 15/16 sept. — S. 5.
22. Око 1800 комуниста прешло у Социјалистичку партију Хрватске // Политика. — Београд, 1990. — 14 септ. — С. 6.
23. Pokidane sve veze // *Borba*. — Beograd, 1990. — 1 nov. — S. 1.
24. Račan I. Intervju // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 5 kol. — S. 4.
25. Indik-Mali T. Ima revanšizma // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 21 list. — S. 3.
26. Mlakar M. Mujo — troći čovek // *Borba*. — Beograd, 1990. — 15/16 sept. — S. 3.
27. Luburović Z. Jaka jugo-orijentacija // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 24 list. — S. 3.
28. Izetbegović A. Intervju... // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 11 stud. — S. 6.
29. Ključić S. Politika gandijevskog tipa // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 6 stud. — S. 3.
30. Марин Д. Мир и благостање заједнички циљ // Политика. — Београд, 1990. — 5 нов. — С. 5.
31. Конференција за штампу СК БиХ–СДР у Београду // *Borba*. — Beograd, 1990. — 6 nov. — S. 3.
32. Nakon izbora u Bosni i Hercegovini // *Vjesnik*. — Zagreb, 1990. — 23 stud. — S. 1, 3.

33. Zvizdić S. Trijumf triju nacija // Vjesnik. — Zagreb, 1990. — 24 stud. — Prilog. Panorama subotom. — S. 5.
34. Muhić F. Euforija je prošla, na redu je surova svakidašnica // Vjesnik. — Zagreb, 1990. — 26 stud. — S. 3.
35. Програмски документ на Десеттиот конгрес на СКМ. — Скопје: Комунист, 1989. — 53 с.
36. Tehnika glasanja // Borba. — Beograd, 1990. — 15 nov. — S. 3.
37. Opozicija nezadovoljna // Borba. — Beograd, 1990. — 13 nov. — S. 1.
38. Suverenitet umesto vazalstva // Borba. — Beograd, 1990. — 3/4 nov. — S. 3.
39. Zanko Z. Pobjednik neizvjestan // Večerni list. — Zagreb, 1990. — 8 stud. — S. 9.
40. Stevanović V. Demonsko ogledalo vlasti // Borba. — Beograd, 1990. — 24/25 nov. — S. 5.
41. Уједињење је неопходно // Политика. — Београд, 1990. — 8 јун. — С. 1.
42. Чавошки К. Од обмане до демократије // Borba. — Beograd, 1990. — 8/9 sept. — S. 5.
43. Mićunović D. Gradjanin — nosilac suvereniteta i slobode // TANJUG Press. — Beograd, 1990. — 7 okt. — S. 7–8.
44. Stojanović M. Povratak radikalne stranke // Vjesnik. — Zagreb, 1990. — 21 jan. — S. 5.
45. Stanojević S. U «igri» samo tri stranke // Borba. — Beograd, 1990. — 21 sept. — S. 5.
46. Election in Serbia // HINA. — Zagreb, 1990. — 11 dec. — S. 1.
47. Jedanaesti kongres SK Crne Gore // Borba. — Beograd, 1990. — 22 okt. — S. 1,3.
48. Amandmani na Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije // Službeni list SFRJ. — Beograd, 1988. — 26 nov. — G.70, br.70. — S. 1801–1803.
49. Медведев В. А. Распад: Как он назревал в «мировой системе социализма». — М.: Междунар. отношения, 1994. — 396 с.
50. Celebijiћ M. Корни мржње и геноцида над србима // Вечерне новости. — Београд, 1990. — 1 јун — 30 јун. — С. 25 (в кажлом номере).
51. Геноцид, опст // Вечерње новости. — Београд, 1995. — 10 авг. — С. 10.
52. Ратна страдања православних храмова 1991. Српске области у Хрватској. — Београд, 1992. — 86 с.
53. Зечевић М. Југославија 1918–1992. — Београд: Просвета, 1994. — 305 с.
54. Protić M. Intervju... // Duga. — Beograd, 1994. — 28 maj/10 jun. — N 528. — S. 21–96.
55. Влајић С. Тајна организација «Црна тула» која је на власт довела Хитлера и даље делује, чак и овде // Аргумент. — Београд, 1995. — 29 дец. — С. 13–15.
56. Bulatović M. Intervju... // Profil. — Beograd, 1998. — N 20. — S. 34–39.
57. Đurić I. Intervju... // Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 16/23 jun. — S. 16.
58. Radulović S. Srpsko-hrvatski odnosi i međunarodna zajednica (2) // Borba. — Beograd, 1994. — 15 jun. — S. 12–13.
59. Јовић Б. Последњи данн СФРЈ: Изводи из дневника. — Београд: Политика, 1995. — 491 с.
60. Ogorac M. Hrvatski domovinski rat 1991–1993. — Opatija: Otokar Keršovani, 1994. — 192 s.
61. Velat D. Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu: Grafički prikaz statistike stanovništva. — Beograd, 1988. — 171 s.
62. Мартынова М. Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса: Дис. на соиск. степени д-ра истор. наук. — М., 1996. — 520 с.
63. Корџилов Ю. Словенија: На пути выхода из федерации? // ТАСС: БИИ. — М., 1991. — 4 марта. — С. 9–18.
64. Југославија: М.Кучан поддрживаєт независимост Словенија // ТАСС: Серија СЕ. — М., 1991. — 13 јунија. — С. 7.
65. Југославија: Обстанока в Словенија и вокруг нее // ТАСС: Серија СЕ. — М., 1991. — 20 јунија. — С. 14–15.
66. Вострухов Е. Словенија предьявлен ультиматум // Известия. — М., 1991. — 5 июля. — С. 1.

67. Кучан М. Интервью газете «Круазвенман» // ТАСС: Серия СЕ. — М., 1991. — 9 окт. — С. 6–7.
68. Интервью президента Словении // ТАСС: Серия СЕ. — М., 1993. — 21 июля. — С. 6–7.
69. Шексова бусија на Дрини // Политика ЕКСПРЕС. — Београд, 1990. — 21 фебр. — С. 8.
70. Янич Д. Кризис национального самоопределения и этнические столкновения в посткоммунистическом обществе // Социальные конфликты в трансформирующихся обществах / Материалы Междунар. конф. (Москва, 15–17 мая 1996). — Рукопись. — 13 с.
71. Прунк Я. Краткая история Словении. — [М.], [1996]. — Рукопись. — 34 с.¹
72. Avramov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. — Vjestnik: I.DI, 1997. — 460 s.
73. Oven D. Balkanska odiseja. — Beograd: Radio B92, 1996. — 410 s.
74. Симић П. Гражданская война в Югославии. Причины и следствия // Междунар. жизнь. — М., 1993. — Июль. — С. 75–83.
75. Лещилова И.И. Исторические корни югославского конфликта // Вопросы истории. — М., 1994. — № 5. — С. 40–56.
76. Писарев Ю.А. Сербия на Голгофе и политика великих держав. — М.: Наука, 1993. — 206 с.
77. На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. — М.: Издательство «Индрик», 1997. — 416 с.
78. Писарев Ю.А. Образование югославского государства. — М.: Наука, 1975. — 416 с.
79. Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. — М.: Наука, 1968. — 375 с.
80. Волков В.К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. — М., 1994. — № 4/5. — С. 3–32.
81. Князев Ю.К. Трагическая судьба Югославии предупреждает // Федерализм. — М., 1996. — № 3. — С. 139–154.
82. Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. — М., 1956. — 798 с.
83. Broz Tito J. Uloga Saveza komunista u daljoj izgradnji socijalističkih društvenih odnosa i aktuelni problemi u međunarodnom radničkom pokretu u borbi za mir i socijalizam u svetu: Referat na VIII kongresu SKJ // Osmi kongres SKJ: Stenografske beleške. — Beograd, 1965. — S. 311–364.
84. Устав Савезне Републике Југославије. — Подгорица, 1992. — 140 с.
85. Плетерски Я. Основы создания и развития социалистической Югославии как многонационального содружества // Соц. мысль и практика. — Београд, 1988. — Г. 25, N 1/2. — С. 48–73.
86. Čulić M. Još jedan kompromis // Danas. — Zagreb, 1988. — G.7, N 317. — S. 7–10.
87. Goati V. SKJ, kriza, demokratija. — Zagreb, 1986. — 161 s.
88. Model konfederacije u Jugoslaiji // Vjesnik. — Zagreb, 1990. — 6 list. — Prilog: Panorama subotom. — S. 2–3.
89. Социјалистичка партија Србије залаже се за друштво слободних и равноправних људи // Политика. — Београд, 1990. — 16 јул. — С. 1.
90. Nacrt ugovora o Jugoslovenskoj konfederaciji — Savezu jugoslovenskih naroda // Vjesnik. — Zagreb, 1990. — 12 list. — S. 5.
91. Prijedlog za razlaz u 11 točaka // Vjesnik. — Zagreb, 1991. — 15 vel. — S. 4.
92. Popović M.V. Stvaralačka kritika i praksa socijalističkog samoupravljanja // Socijalizam. — Beograd, 1982. — G.25. — N 2/3. — S. 220–227.
93. Лещилова И.И. Проблемы этногенеза черногорцев и формирования черногорской нации в новейшей югославской литературе // Югославия: Актуальные проблемы общественного развития. — М.: ИНИОН АН СССР, 1985. — Вып. 7. — С. 56–78.

¹ Переплетенная рукопись предоставлена посольством Словении в Москве.

94. Kritička analiza funkcionisanja političkog sistema socijalističkog samoupravljanja. — Beograd, 1985. — 160 s.
95. Mladi i nacionalizam. — Beograd: Mladost, 1984. — 328 s.
96. Stefanović N. Federalizam i strukturalni premećaji // Socijalizam. — Beograd, 1988. — G 31. — N 5. — S. 22–62.
97. Гуськова Е.Ю. Дисуссия о конституционной реформе в СФРЮ: взаимоотношения федерации, республик и краев // Югославия: Актуальные проблемы общественного развития. — М.: ИНИОН АН СССР, 1990. — Вып. 9. — С. 103–126.
98. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. — Белград, 1974. — 347 с.
99. Предлог Статута Социалистичке партије Србије // Политика. — Београд, 1990. — 16 јул. — С. 6.
100. Čulić M. Federalizam nije nesreća // Danas. — Zagreb, 1987. — G. 6. — N 296. — S. 15–16.
101. Đinđić Z. Jedna beogradska priča // Duga. — Beograd, 1994. — 28 maj/10 jun. — N 528. — S. 17–20, 94–95.
102. Зачевин В. Уставне промене у САНУ // НИИ. — Београд, 1988. — 27 март. — Г. 37, 1943. — С. 11.
103. Zvonar D. Pisci pišu Ustav // Danas. — Zagreb, 1987. — G.6. — N 299. — S. 21–22.
104. Savez komunista u borbi protiv antisocijalističkih delovanja i antikomunističkih ideologija. — Beograd, 1986. — 189 s.
105. Трехи дан рада XIV ванредног конгреса СКЈ // Политика. — Београд, 1990. — 23 јан. — С. 1–11.
106. Конференција СК Словеније // Политика — Београд, 1990. — 5 фебр. — С. 5.
107. Пјевин Ј. Дефинитивни раскид // Комунист. — Београд, 1990. — 9 фебр. — Г. 48, бр. 1707. — С. 7.
108. Žestoko oko «bosanske inicijative» // Борба. — Београд, 1990. — 29 јан. — С. 7.
109. Јавно мњење о конгресу и Партији // Борба. — Београд, 1990. — 29 јан. — С. 5.
110. Pilsel D. Pokušaj deložacije Marije Bernardić // Globus. — Zagreb, 1994. — 22 srpanj. — S. 44–45.
111. Информационна война // Србија. — Белград, 1995. — № 27. — С. 28–30.
112. Распутин В. Там, на Балкану... // Правда. — М., 1995. — 17 авг. — С. 1,3; 18 авг. — С. 3.
113. Ramet P. Religion and nationalism in Yugoslavia // Religion and nationalism in Soviet and East European politics. — Durham (N.C.), 1984. — P. 149–169.
114. Ramet P. Fractionalism in church state interaction: The croatian catholic church in the 1980's // Slavic rev. — 1985. — Vol. 44, N 2. — P. 298–315.
115. Do sada 119 stranaka // Borba. — Beograd, 1990. — 14 sept. — S. 1.
116. Грујић Д. Дискриминисани и остали // Borba. — Beograd, 1990. — 7 febr. — S. 6.
117. Simonović V. Demosu 47 poslaničkih mesta // Vjesnik. — Zagreb, 1990. — 17 trav. — S. 1.
118. Лакећин М. Комунисти избачени на улицу // Политика. — Београд, 1990. — 2 јун. — С. 9.
119. Demos gubi simpatije? // Vjesnik. — Zagreb, 1990. — 16 svib. — S. 5.
120. Кто играл главние роли? // Србија. — Белград, 1995. — № 26. — С. 31–33.
121. ТАСС: Сербија «СЕ». — М., 1991. — 14 окт. — С. 4.
122. Ракић Ж. Месић је признао да је деловао против Југославије // Политика. — Београд, 1991. — 22 окт. — С. 7.
123. Mesić S. Kako je srušena Jugoslavija: politički memoari. — Zagreb: Nislapress, 1994. — 350 s.

124. Oschlies W. Ex-Yugoslawien'95. Politisch — Porträts der sechs Nachfolgesaaten. — Köln, 1995. — 38 s.
125. Валев Э.Б. Югославский клубок // География. — М., 1996. — февраль, № 5 (117–118). — С. 5,7–9; № 13. — С. 2–4.
126. Denitch B. Ethnic nationalism: The Tragic death of Yugoslavia. — London. — 220 s.
127. Yugoslavia: Collapse, war, crimes. — Belgrade: Centre for anti-war action, 1993. — 272 p.
128. Cvijic Ch. An Awful Warning: The war in ex-Yugoslavia. — London: Centre for policy studies, 1994. — 46 p.
129. Forging War: The Media in Serbia, Croatia and Bosnia-Herzegovina. — London: International Centre Against Censorship, 1994. — 272 p.
130. Armed conflicts in the Balkans and European security: International conference. — Ljubljana: Ministry of defence, Centre for strategic studies. — 1993. — 317 p.
131. Ethnic conflict and regional instability: Implications for U.S. policy and army roles and missions. — [б.м.]: Institute U.S. Army College, 1994. — 357 p.
132. Barac I. The national question in Yugoslavia. — Ithaca/London: Cornell University Press, 1992. — 440 p.
133. Екмечић М. Србија између Средње Европе и Европе — Београд: Политика, 1992. — 129 с.
134. Војновић М. Препород српског народа; Прилог српском националном питању. — Београд: Мимико, 1993. — 129 с.
135. Magaš V. The destruction of Yugoslavia. — London/New York: Verso, 1993. — 366 p.
136. Јовић Б. Комадање Југославије. — Београд: Политика, 1992. — 268 с.
137. Југославија на кризној преkretnici. — Београд: Институт друштвених наука, 1991. — 335 s.
138. Булатовић Љ. Исповести. — Београд: Стручна књига, 1995. — 315 с.
139. Ташић Р. Како сам бранио Анту Марковића. — Скопје: Мугри 21, 1993. — 192 с.
140. Ташић Р. Како је срушена Југославија. — Скопје: А1, 1994. — 240 с.
141. Вилић Д., Тодоровић Б. Разбијање Југославије 1990–1992. — Београд: ДИК Књижевне новине-Енциклопедија, 1995. — 488 с.
142. Samardžić S. Prinudna zajednica i demokratija. — Beograd: Institut za evropske studije, 1994. — 274 s.
143. Бодсон Ж. Европа лудака или разбијање Југославије. — Београд: Удружење издавача и књижара Југославије, 1993. — 153 с.
144. Бодсон Ж. Европа апатрида. — Белград: Завет, 1996. — 160 с.
145. Nencic Z.D. Uloga masona u raspadu Jugoslavije // Blic. — Beograd, 1997. — (1) 3 nov. — S.9; (2) 4 nov. — S.11; (3) 5 nov. — S.11; (4) 6 nov. — S.11; (5) 7 nov. — S.11; (6) 8–9 nov. — S.11; (7) 10 nov. — S.11; (8) 11 nov. — S.11; (9) 12 nov. — S.11; (10) 13 nov. — S.11; (11) 14 nov. — S.11; (12) 15–16 nov. — S.11;
146. Golubovoc Z., Kuzmanovic B., Vasovic M. Društveni karakter i društvene promene u svetlu nacionalnih sukoba. — Beograd: Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 1995. — 375 s.
147. Koprivica-Oštrić S. Konstituiranje Države Slovenaca, Hrvata i Srba 29 listopada 1918 godine // Časopis za suvremenu povijest. — Zagreb, 1993. — N 1. — S. 45–71.
148. Boban L. Kada je i kako nastala Država Slovenaca, Hrvata i Srba // Časopis za suvremenu povijest. — Zagreb, 1992. — N 3. — S. 45–60.
149. Lopusina M. CIA protiv Jugoslavije 1947–1997. — Beograd: Narodna knjiga, 1997. — 288 s.
150. Međunacionalni sukobi i rat na prostoru bivše Jugoslavije i mogućnosti njihovog rešavanja. —

- Beograd: Inst. za evropske studije, 1992. — 43 s.
151. Silber L., Liti A. Smrt Jugoslavije / Prevod sa engleskog. — Beograd: Radio B92, 1996. — 426 s.
152. Михајловић К., Крстић В. Меморандум САНУ: Одговори на критике. — Београд: САНУ, 1995. — 150 с.
153. Стругар В. Велика буна Црне Горе 1988–1989. — Београд: Култура, 1990. — 535 с.
154. Протић М.Ст. Огледи о распаду Југославије. — [б.м.]: Центар за српске студије, [б.г.] — 63 с.
155. Булајић М. Разбијање југословенске државе 1991/1992 — злочин против мира: Одговорност Ватикана и Немачке. — Београд: Српска књижевна задруга, 1994. — 372 с.
156. Чубра Н. Војска и разбијање Југославије. — Београд: Центар за војно-економ. и стратегијска истраживања, 1997. — 247 с.
157. Стругар В. Црногорски сабор српске слоге. — Београд: Досије, 1994. — 288 с.
158. Bulajić M. The Role of the Vatican in the Break-up of the Yugoslav State. — Belgrade: Stručna knjiga, 1993.
159. Булајић М. Мисија Ватикана у Независној Држави Хрватској. — Београд — Т. 1–2, 1992.
160. Piříjevc J. Jugoslavija 1918 — 1992. — Koper: Lira, 1995. — 464 s.
161. Никифоров К.В. Югославянские земли // История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века: Учебное пособие для студентов высшей школы. — М.: Инст. управления и права, 1997. — С. 113–166.
162. Bodansky Y. Offensive in the Balkans. — Alexandria: ISSA, 1995. — 118 s.
163. Strugar V. Srbi, Hrvati, Slovenci i Treća Jugoslavija. — Beograd: Stručna knjiga, 1992. — 368 s.
164. Janša J. Pomaci: Nastajanje i obrana slovenske države. — Zagreb: Mladinska knjiga, 1993. — 341 s.
165. Hoppe H. — Y. Die neue politische Elite Kroatiens. — Köln: Berl. Des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien, 1997 (7). — 41 s.
166. Срби у Хрватској: Насељавање, број и територијални размештај. — Београд: Стручна књига, 1993. — 278 с.
167. Марковић М. Оспоравање и ангажовања. — Београд: БИГЗ, 1994. — 611 с.
168. Sekulić M. Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. — Beograd: NIDDA: Vesti, 1997. — 430 s.
169. Zulfikarpašić A., Gotovac V., Tripalo M., Banac I. Okovana Bosna. — Zürich: Bošnjacki institut, 1995. — 172 s.
170. Стаменковић Ђ. Кључ старе Србије: Нишке историјске снимљивости из два века. — Ниш: Просвета, 1997. — 202 с.
171. Zimmerman W. Izvori jedne katastrofe / Prevod sa engleskog. — Zagreb: Globus international: Znanje, 1996. — 312 s.
172. Ђосић Д. Српско питање: Демократско питање. — Београд: Стручна књига, 1992. — 241 с.
173. Slivnik D. Sto osamosvojitvenih dni. — Ljubljana: Delo, 1991. — 224 s.
174. Slovenija proti Jugoslaviji / Rotar B., Volk V. i dr. — Ljubljana: Mihelčič, 1992. — 272 s.
175. Jež B. Nikoli već JU?: Bela knjiga o raspadu Jugoslavije. — Ljubljana: Delo, 1994. — 163 s.
176. Šetinc F. Zbogom, Jugoslavija. — Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1993. — 332 s.
177. Jugoslavija 1918–1984 : Zbirka dokumenata / Petranović B., Zečević M. — Beograd: Rad, 1985. — 1144 s.
178. Vudvor S. Balkanska tragedija: Haos i raspad posle hladnog rata. — Beograd: Filip Všinić, 1997. — 491 s.
179. Holbruk R. Put u Dejton: Od Sarajeva do Dejtona i posle. — Beograd: Dan Graf, 1998. — 397 s.
180. Mitrović M.M. Raspad države i rat u Jugoslaviji // Sociološki pregled. — Beograd, 1994. — N 2. —

- S. 189 — 203.
181. Od izbornih rituala do slobodnih izbora. — Beograd: Inst. društvenih nauka, 1991. — 343 s.
182. Antonić S., Jovanović M., Marinković Đ. Srbija između populizma i demokratije: Politički procesi u Srbiji 1990–1993. — Beograd: Inst. za polit. studije, 1993. — 222 s.
183. Терзич С. Историческая подоплека событий в Косово и Метохин // Обозреватель. — М., 1998. — № 10. — С. 37–40.
184. Documents diplomatiques: Correspondance concernant les actes de violence et de brigandage des Albanais dans la Vieille-Serbie (Vilayet de Kossovo) 1898–1899. — Belgrade, 1899. — 150 s.
185. Целетовић Иванов П. Ко су и шта хоће Шиптари. — Београд: Београд, 1998. — 210 с.
186. Bulatović Lj. Prizrenski proces. — Novi Sad, 1987. — 230 s.
187. Језић Атанасије, јеромонах. Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990. — Приштина: Јединство, 1990. — 469 с.
188. Херлевич Ф. Немоно дозволити да Титово и наш с дјело ико угрожава // Борба. — Београд, 1981. — 13 мај. — С. 6.
189. ТАНЈУГ — пола века. — Београд: ТАНЈУГ, 1993. — 297 с.
190. Ичић Ж. Косово и Метохија (1981–1991): Увод у југословенску кризу. Дневник. — Приштина, 1996. — Кн. I. — 364 с.
191. Bakarić V. Stabilizacija instrument društvenih odnosa za budućnost // Vjesnik, — Zagreb, 1982. — 1/3 jan. — S. 2.
192. Шеснаеста седница Централног комитета СКЈ: Косово одређује будућност СФРЈ // Комунист. — Београд, 1988. — 5 авг. — Г. 46, бр. 1633. — С. 6.
193. Вучелић М. Достије вербални деликт // НИИ. — Београд, 1986. — 27 јул. — Г.35, бр.1856. — С. 17.
194. Šušar S. Svi naši nacionalizmi. — Valjevo, 1986. — 327 s.
195. ИТАР-ТАСС. Службени вестник информација из социјалистических стран. Сериа «СО». — М., 1982. — 28 мај. — С. 19.
196. Јанић Д. Prilog raspravi o uzrocima i oblicima ispoljavanja nacionalizma u SRS // Savez komunista u borbi protiv antisocijalističkih delovanja i antikomunističkih ideologija. — Beograd, 1986. — S. 100–110.
197. Jugoslovenski program o Kosovu // Jugosl. pregled. — Beograd, 1987. — G.31, br.11/12. — S. 494–504.
198. Зечевич М. Југословенско уједињење 1918. године. Политика и историјска стварност. — Доклад на међународ. конфер. «Европа и Восточнији проблем (1878–1923): Политически и цивилизационни аспекти» (Београд, 9–11 дек. 1998 г.).
199. Vasović V., Goati V. Izbori i izborni sistem. — Beograd, 1993. — 370 с.
200. Клименко З.В. Кризис и распад југословенске федерације 1990–1996 гг. (этноконфессиональные и политические процессы): Автореф. дисс. канд. политич. наук. — М., 1999. — 27 с.
201. Шкарић С. Уставно право. Кн. Втора. — Скопје: Фитко, 1992. — 461 с.
202. Šešelj V. Milošević i ja // Duga. — Beograd, 1994. — 28 мај/10 јун. — N 528. — S. 89–93.
203. Из дневника Д.С.Чухакина. Записи беседе с премиер-министром Албаније Э.Ходжи об итогах его визита в Белград // Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Т. I. 1944–1948. — М. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. — С. 472–478.
204. Письмо Э.Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Т. II. 1949–1953. — М. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. — С. 206–214.
205. Ляука И. Эволюция проблемы Косовы и ее современное состояние: Автореф. дисс. канд. по-

- литич. наук. — М., 1994. — 24 с.
206. Джилас М. Лице тоталитаризма. — М.: Новости, 1992. — С. 96.
207. Велика Албанија: замисли и могуће последице. — Београд: Инст. за геополит. студије, 1998. — 64 с.
208. Ђинђић Ј. Б. Југословенски национализам и комунизам (большевизам) као дезинтеграциони фактори // Европа и Срби. — Београд: Историјски инст. САНУ, 1996. — С. 501–510.
209. Ауганов С. Trilateralna komisija: Svetska vlada ili svetska tiranija? . — Veternik: IDJ, 1998. — 144 с.

ГЛАВА II

Отделение Хорватии от СФРЮ.

Сербский вопрос

Война в Хорватии в 1991 г. потрясла Европу. В средствах массовой информации писали о ней много, но трактовка событий не отличалась разнообразием подходов и множественностью интерпретаций. Устоялся стереотип определения их характера: причиной войны стала агрессия ЮНА и сербов против независимой демократической Хорватии с целью создать «Великую Сербию». Нюанс заключался в том, что иногда истоки конфликта искали в противостоянии «демократической» Хорватии и «коммунистической» Сербии.

Понять причины войн в Хорватии, Боснии и Герцеговине многим трудно, так как межнациональные столкновения имеют и историческую подоплеку, о которой не любят вспоминать в Европе и особенно в Америке, и вполне реальные современные основания. Но, пожалуй, одним из самых серьезных факторов стал неразрешенный вопрос о праве нации на самоопределение: кто имеет право на самоопределение, предполагающее и отделение. — государство или народ? Если государство, то республики лишь уточняют свои границы и определяют условия сецессии. Если отдельный народ в рамках многонациональной республики — то каков статус внутренних границ и каким образом их изменять? Именно этот вопрос не смогли разрешить в 1990 — 1991 гг. руководители страны, Сербии и Хорватии. Вмешательство же внешнего фактора, прежде всего, Германии, торопившей своих партнеров с признанием Хорватии, способствовало тому, что возникшие проблемы не удалось согласовать цивилизованным способом.

С распадом федерации и объявлением Хорватии об отделении от СФРЮ сразу возникла проблема сербского населения в Хорватии. Согласно данным Союзного статистического института, в Хорватии в 1991 г. из 4 760 344 человек населения сербы составляли 580 762 или 12,2%¹ (90, с.6). По переписи 1981 г. из 6650 населенных пунктов Хорватии сербы составляли этническое большинство в 1019, что составляло 15,3% от общего числа (50, с.2). В 11 общинах Хорватии сербы составляли более 50% населения, в 10 общинах — от 30 до 49%, в 16 общинах — от 10 до 29%. Сербское население компактно размещалось на 32% территории Хорватии². Часть сербов проживали в городах, где большинство составляли хорваты. Например, в общине Загреб сербов было около 9% (90, с.17).

Заявив о своем праве на самоопределение и желании остаться в рамках Югославии, сербы ссылались на то, что земли, на которых они живут веками, никогда в истории не были хорватскими. Хорватские историки доказывают обратное.

¹ Согласно статистическим данным Хорватии, население Хорватии в 1991 г. составляло 4760 тыс. человек (108, с.79). В литературе цифра численности сербов в республике колеблется. Э.Б.Валев приводит данные, что в 1991 г. в Хорватии проживало 582 тыс. сербов (90, с.9), хорватские источники приводят цифру 577 тыс. в 1991 г. (109, с.52).

² В истории земли 11 общин, приграничных с Боснией и Герцеговиной, известны под названием Война Краина (Военная краина).

1. От идеи объединения сербских общин в Хорватии к ее реализации

Война Краина. В Средние века эти земли являлись пограничными между Турцией и Австро-Венгрией и важны были как хорошо организованный военный щит одних против других, в зависимости от того, кто завоевывал эти земли. 300 лет постоянных войн заставляли стороны заниматься серьезной обороной приграничных районов и созданием на них специальной зоны, названной Война Краина (Војна Крајина, Военная Граница). Война Краина, отмечалось в энциклопедии, выпущенной в Загребе в 1971 г., это «особая территория Хорватии, на которой в XVI в. была создана оборона стран Габсбургской монархии от турок» (132, с.522). После поражения турецкого войска в 1699 г. территория Краины была расширена на часть Славонии до Земуна, затем на Банат, Бачку и Эрдель.

Организация Войны Краины началась с создания в 1469 г. Сеньской капетаннии, названной в 30-х годах XVI в. Приморской Краиной. В первой половине XVI в. на просторах средневековой Славонии от Савы до Дравы была образована Славонска Краина. Турки захватили Западную Славонию в середине XVI века, но уже в конце его эти территории отошли к Габсбургской монархии. В то время эти заселенные хорватами территории охраняли «четы хорватских аристократов, наемники, а также четы из внутренних австрийских земель» (132, с.522). В XVI в. на этих приграничных землях наблюдалась сильная миграция. В результате австро-турецких войн эти земли опустошались, а сотни тысяч хорватов переселились в северо-западном направлении в Австрию, Моравию, Венгрию, Словакию (132, с.522). В конце XVI — начале XVII в. на земли Краины, спасаясь от турок, бежало сербское население, которых называли «влахи». Они славились своим умением воевать, и правители Австрии селили их в разоренной приграничной полосе, чтобы создать военный заслон турецким набегам. С 1578 г. хорватские земли в Австрии разделились на две части — военную и гражданскую. Переселявшиеся на эти земли сербы приобретали определенные права и привилегии — получали землю, освобождались от всех повинностей и налогов, не могли стать зависимыми от хорватских дворян кметами. Их единственной обязанностью было участие в обороне Вены и Пешта от притязаний Османского царства.

Правовое решение вопросов собственности земли в Краине, отмечается в энциклопедии, начал в 1627 г. Фердинанд II, который подчинил влахов непосредственно королю и наделил их правом беспрепятственно оставаться на землях Краины в своих домах. «Выделение Войны Краины из Хорватии и ее превращение в отдельные политические и экономические территории, которое началось договором короля и надвоеводы в 1577 г., а продолжилось массовым переселением влахов, не признавших юрисдикцию бана¹ и Сабора², — долгий процесс, который полностью завершился только в XVIII в.» (132, с.525). Постепенно земли Краины оформились как отдельные административно-военные области Австрии с особым внутренним управлением, которое было независимо от хорватского бана. Как считает хорватский историк М.Валентич, «большая часть хорватских территорий и армии» надолго «выйдут из-под власти бана и Сабора как законных представителей хорватского государства» (128, с.14).

¹ Наместник австрийского императора в хорватских землях.

² Сословное собрание хорватской земли.

Хорватская знать притязала на то, чтобы сербское население находилось в непосредственной зависимости от нее и была бы освобождена от государственной службы. Дарованный сербам в 1630 г. «королем Германии, Венгрии, Чехии, Далмации, Хорватии, Славонии и других, царем Австрии Фердинандом II» «Устав» (*Statuta Valachorum*), который некоторые ученые считают первой сербской Конституцией (129), предоставлял сербам внутреннее самоуправление. Каждое сербское село ежегодно (на Джурджевич) выбирало из своей среды судью и кнеза, а для всех трех сербских епархий создавался специальный суд во главе с верховным судьей. В ст. 7 отмечалось, что почти вся сербская община посвятила себя военным обязанностям, «и потому получила особые привилегии». Некоторые сербы получали жалование как военные стражи, а всем остальным вменялось в обязанность бесплатно «верно и послушно» служить, не давая возможности туркам «проникать на христианские земли» (129, с. 16). Право сербов на самоуправление и на свободу вероисповедания, а также расширенные права сербской администрации подтверждалось и более поздними грамотами, дарованными сербам Краиной.

В начале XVIII в. территория Краины расширилась за счет присоединения к ней отпавших у турок земель — Лики, Крбавы, Славонска-Посавины, части Срема. При этом монарх отказался от своих обещаний отдать эти земли Хорватии. «В XVIII в. вся эта приграничная территория была разбита на 17 полковых округов, из которых на территории современной Хорватии размещалось 11» (107, с. 8). Во второй половине XVIII в. в основном завершилась консолидация земель Военной Краины за счет включения в ее состав земель, принадлежавших хорватским феодалам. Помещики получали взамен земли в гражданских областях. Хорватия же в конце XVIII в. как особая административно-политическая единица в составе Габсбургской монархии в результате проведенных реформ перестала существовать (86, т. 1, с. 255). Хорватский же Сабор постоянно пытался добиться объединения и широкой автономии для всех хорватских земель. По Хорватско-Венгерскому соглашению 1868 г. была признана административная, судебная и культурно-церковная автономия Хорватии как неотъемлемой части Венгерского королевства.

В 1871 г. по указу австро-венгерского императора провозглашена демилитаризация Краины. Сербско— Банатская Краина включалась в состав Венгрии, Хорватско-Славонская — в состав хорватской бановины¹. В 1881 г. с присоединением к хорватским землям части Войны Краины число сербов там достигло четверти всех жителей, и их политическая роль существенно возросла (99, с. 226).

Хотя хорватский и сербский народы говорили на одном языке, имели общее славянское происхождение и территориально жили в хорватской бановине в рамках одного Австро-Венгерского государства, исторические условия существования, правовой статус сербов, а также принадлежность к разным конфессиям разделили эти народы, позволили сохранить территориальную компактность. Более того, сербы и хорваты оказались в какой-то степени противопоставлены друг другу: хорваты полагали, что сербы заняли их исконные земли и должны подчиняться хорватской власти, а сербы гордились полученными привилегиями, ощущали свою самостоятельность и независимость от хорватской власти. Они сохранили православную веру, кириллический алфавит и чув-

¹ У нас, к сожалению, нет возможности рассмотреть подробно исторические сюжеты. Об этом Vukobrat M. *Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom...* (132); Миллић Б. *Велика Хрватска крајина...* (28); Валев Э. Б. *Югославский клубок...* (107) и другие работы.

ство национального самосознания. Хорватский Сабор вплоть до конца XIX в. возобновлял свое требование расширить власть хорватского управления на территорию Краины, но этому противилась Вена. Все попытки хорватов ассимилировать народы Краины успеха не принесли. Вероятно, социальная и политическая привилегированность сербов воспитала у них чувство независимости и обособленности от Хорватии, а у хорватов — неистребимое желание вернуть сербов в лоно хорватского государства или создать таковое без сербов.

Во второй половине XIX в. идеи югославизма широко распространились в Хорватии. Пропагандировались теории создания единого государства южных славян. Но во внутренней политике хорватские югослависты, отмечал российский историк В.И.Фрейдзон, ссылались на историческое государственное право хорватов и считали Триединое королевство хорватским государством. Однако границы, до которых хорваты могут идти на соглашение с сербами, были обозначены достаточно четко. Д.Кушпан, в прошлом крупный деятель иллиризма, писал: «Все, что мы могли с сербскими братьями поделить, мы поделили... Поэтому думаю, что им следовало удовлетвориться и не требовать от нас того, что мы дать не можем, если не хотим себе же выкопать могилу. Государство, корона, конституция, публичное право — все это хорват должен сохранить», «это наше государство, которое называется исключительно хорватским, иначе назвать его невозможно и ради какого бы то ни было согласия мы его ни с кем в мире делить не можем» (цит. по: 99, с.211–212). В.И.Фрейдзон делает вывод, что между сербами и хорватами в Австро-Венгрии в эпоху формирования идей национальных государств существовала напряженность, подчас скрытое недоверие, временами прорывавшееся наружу. «Это недоверие не могли устранить самые горячие заявления о взаимном почтении, дружбе, идеях единения. Центром притяжения сербов стал Белград, хотя до 70-х годов идеологическим центром притяжения самых отдаленных сербских районов в Габсбургской монархии наряду с ним был Нови-Сад в Воеводине, соответственно для хорватов — Загреб» (99, с.212).

Вторая мировая война оставила в сердцах сербского населения Краины глубокий след. 10 апреля 1941 г. усташа¹ при поддержке Гитлера и Муссолини провозгласили Независимое Государство Хорватия (НГХ). Во главе НГХ (1941–1945) Гитлер поставил Анте Павелича, хорватского эмигранта из Италии, создателя нелегальной фашистской организации «Хорватское усташское движение». Усташская программа НГХ, кроме прочего, предполагала истребление сербского народа, евреев и цыган и создание «чистой хорватской нации». Хорватское государство поставило вне закона, по разным оценкам, 1800–1900 тыс. сербов, которые составляли тогда треть населения НГХ (117, с.62,79). На территории НГХ начались гонения на сербов. «Усташские головорезы зверски истребляли сербов, живших в Хорватии», — отмечали российские историки (86, т.2, с.188). Хорватский министр того времени Миле Будак сказал на одном из банкетов в Госпиче: «Одну часть сербов мы уничтожим, другую выселим, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов. Таким образом скоро затеряются их следы, а то, что останется, будет лишь дурным воспоминанием о них» (87, с.146). Речь другого министра, Милована Жанича, стала программной для многих хорватов в НГХ. 2 июня 1941 г. он говорил на митинге в Нава-Градишка: «Это государство, эта наша родина должна быть только хорватской и ничьей больше. И поэтому те, кто при-

¹ Члены хорватской фашистской организации.

шел сюда, должны уйти. Наш опыт в течение многих столетий, а особенно последних 20 лет, показывает, что компромисс абсолютно невозможен. Это должна быть земля хорватов и никого другого. Мы это не скрываем. Такова политика этого государства, и тогда мы ее выполним, то осуществим то, что записано в усташихских анналах» (87, с. 146). Загребский надбискуп Алоиз Степинац записал в своем дневнике 27 марта 1941 г.: «В конечном итоге хорваты и сербы — два мира, северный и южный, которые никогда не сблизятся, только лишь чудом Божиим. Схизма¹ — самое большое проклятие Европы, даже большее, чем протестантизм» (цит. по: 100, 1 jun).

Вторая половина 1941 г. осталась в истории как время массовых убийств сербов реташинами. Вырезались целые деревни, не падали ни старики, ни женщины, ни дети. Их убивали и сжигали в собственных домах и церквях, к мужчинам и священникам применяли самые мучительные пытки. Воды Дрины, Дравы, Моравы и Савы песли огромное количество трупов. На многих из них были привязаны дощечки с надписью «Паспорт для Белграда», «Уважасмый для Сербии», «Направляется к своему королю Петру» (87, с. 151). В печально известном концентрационном лагере в Ясеноваце сербов уничтожали жестокими способами: перерезали горло ножом, закапывали живыми, разбивали головы топорами и кувалдами, у живых вырезали сердце. Устраивали даже соревнования, кто за одну ночь убьет больше людей. Такое состязание, например, произошло в ночь с 29 на 30 августа 1942 г. между палачом из Ясеноваца и неким Брзином. Последний «победил», отрубив головы 1360 жертвам специальным ножом для убийства сербов — «сербосском» (117, с. 148, сноска 108). Католические священники поддерживали этот геноцид, в проповедях призывали уничтожать сербов, разрушать церкви и монастыри. Первыми под удар попадали православные священники. На территории НГХ усташа убили 217 православных священников, разрушили или разорили более 450 сербских православных церквей (102, с. 18). Вот запись свидетельских показаний одного из усташей, совершившего массовые убийства в городе Глина, Хилмня Берберовича: «Убийства совершались разными способами. Некоторых закрывали в православную церковь в Глине. В церкви могло поместиться около 1000 человек. Тогда командир назначал 15 человек, которые совершали убийства. Прежде, чем они пойдут на это дело, им давали алкоголь, кому ром, а кому крепкую ракию, и после, как опьянеют, их с ножами посылали вовнутрь... Убивали мы так, что одних ударяли ножом прямо в сердце, другим резали горло, а некоторым наносили удары где придется. Если кто-то из сербов не умирал от первого удара, тогда усташа его добивали ножом.... Эта резня начиналась обычно в 22 часа и длилась до двух часов утра. За время этих убийств мы были все так облиты кровью, что форму нельзя было очистить. Когда резня заканчивалась, приезжали машины и забирали трупы. Обычно их сбрасывали в реку Глину, в некоторых закапывали» (1).

В 1941–1945 гг. история засвидетельствовала самые большие этнические чистки сербов на территории НГХ на землях Кранны. Так, из тех, кто пострадал в эти годы в Глине, Двор-на-Уне, Дони-Лапацу, 98% были сербы; в Войниче, Коренице, Вртли-Мосте — 96%. В местах, где сербы не составляли большинство, они большинством были среди жертв: в Славонска-Пожеге 80% жертв записаны в графу «сербы», в Новске и Нова-Градишке 82% убитых были сербы. Всего на территории Хорватии во второй мировой войне 65% убитых составили сербы (101). В соответствии с переписью населения 1948 г., количество сербов в Хорватии уменьшилось по сравнению с 1931 г., когда

¹ Схизма (греч.) — церковный раскол. В данном случае имеется в виду православие.

их насчитывалось 636 284 человека, на 92,5 тыс. Но, по мнению исследователей, эта цифра, на самом деле, была намного больше (117, с.62,77,78).

В Республику Хорватию, созданную в Югославии в 1945 г., входили исторические области: собственно хорватские земли (Хорватское Загорье, Загребская область, Бания, Кордун, Лика, Горски-Котар), Западный Срем, Бараня, Славония, Истра и Далмация. До 1939 г. Баранья, Истра (кроме крайней северо-восточной приморской части) и Далмация юго-восточнее от устья Неретвы никогда не входили в состав Хорватии. Далмация попала под управление Загреба только в 1939 г., а Бараня и Истра только в 1945 и 1946 гг. Истра была в составе Италии (117, с.23). Сербь, напомним, компактно проживали в 11 общинах, занимая около трети территории всей республики. Взаимоотношения сербов и хорватов лежат в основе понимания конфликта, а затем войны на территории Хорватии.

Экономическое развитие Хорватии в послевоенный период имело поступательный характер. Особенно быстрые темпы роста наблюдались, по оценкам хорватских ученых, в 1953 и 1961 гг. (138, с.1). Однако, пишет Я.Сироткович, участие Хорватии в экономическом развитии федерации постоянно уменьшалось. Например, доля Хорватии в промышленности сократилась с 1953 по 1989 г. на 7,6%, в экспорте — на 15,7%. Но благодаря производительности труда и эффективности использования средств, Хорватия смогла стать высокоразвитой республикой — общественный продукт в расчете на душу населения превышал средний показатель по стране — в 1955 г. на 20%, а в 1989 г. на 25% (138, с.2). Хорватские экономисты полагают, что Хорватия «была вынуждена неестественно интегрироваться в югославское экономическое пространство», что она слишком много отдавала Центру, чем пользовалась Сербия. Именно поэтому Хорватия не могла выпускать конкурентные товары и освоить мировой рынок (138, с.3). Позволю себе напомнить, что Хорватия, как и все другие республики, участвовала в программе выравнивания уровня экономического и социального развития всех регионов СФРЮ. Официальный статус слаборазвитых имели только Македония, БиГ, Черногория и Косово. И Сербия не входила в этот список. А критерием деления республик и краев на развитые и слаборазвитые были показатели общественного продукта на душу населения и стоимость основных производственных фондов в расчете на одного трудоспособного. Эти цифры были у Хорватии достаточно высокие. Следует заметить, что при этом сербские земли в Хорватии экономически были достаточно слабыми, с низким уровнем развития сельского хозяйства и малым числом промышленных предприятий, с более низким уровнем доходов населения.

В социалистической Югославии идеи югославянства, братства и единства главенствовали над узконациональными сербскими или хорватскими интересами, все делалось для того, чтобы забыть и геноцид над сербским населением в годы второй мировой войны, и концлагерь Ясеновац, в котором погибли более 700 тыс. сербов, евреев и цыган. Вопрос об автономии Краины, которая после второй мировой войны так и осталась в Хорватии, никогда не поднимался. Еще в «Декларации об основных правах народов и граждан Демократической Хорватии», принятой 9 мая 1944 г. в Топуско на заседании Антифашистского веча народного освобождения Хорватии, в ст. 1 было записано, что «Хорватский и сербский народы в Хорватии полностью равноправны» (13, с.П–10). В Конституции Социалистической Республики Хорватии стояло, что Хорватия — республика хорватского и сербского народов.

Совместная жизнь в хорватских городах и селах, выдвижение на руководящие должности обязательно и хорватов, и сербов, смешанные браки, процент которых в рес-

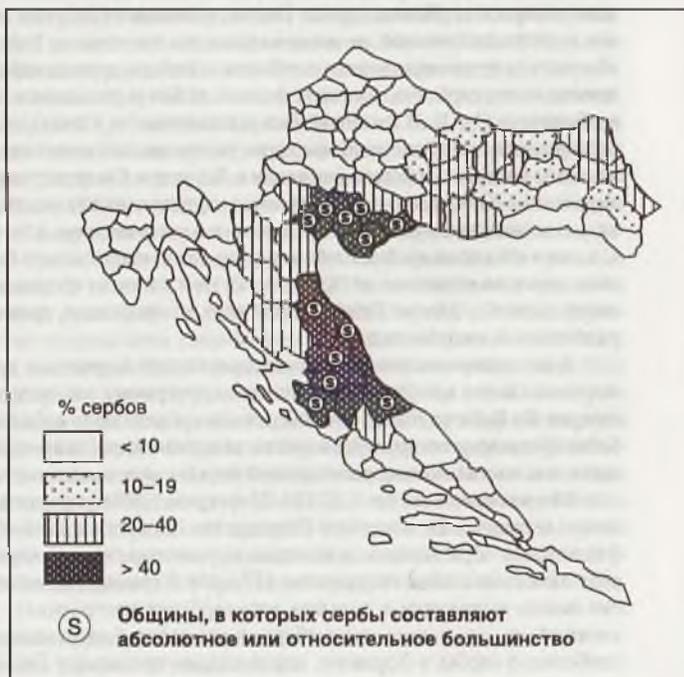
публике был высок, редко давали повод для ссор и национальных обид и скорее отражали ассимиляционные процессы. В 70-е годы Хорватия вышла на первое место в СФРЮ по распространению этнически смешанных браков. Причем, число таких браков постоянно росло. В 1956 г. 10,9% заключенных браков были смешанными, а в 1972 г. эта цифра возросла до 17% (78, с.90).

Впервые сербы в Хорватии ощутили напряженность в межнациональных отношениях во время националистического движения в Хорватии в 1971 г. По сообщениям, которые позже появились в печати, существовали специальные списки для сербов и ориентированных на Югославию хорватов, которые должны были быть уничтожены, если власть возьмут в свои руки организаторы «хорватской весны». Сербы в Хорватии, помня о печальном опыте второй мировой войны, выставляли специальные патрули в своих деревнях, делали заграждения. Даже И.Броз Тито на закрытом заседании ЦК СК Хорватии, посвященном ситуации в этой республике, сказал, что ему все это напоминает Гитлера и Муссолини (1,1 јун).

В конце 80-х годов в Хорватии появились первые признаки обострения национальных проблем в республике. Когда хорватское руководство поддержало бастующих албанских шахтеров, сербы собрались на митинг солидарности с сербами в Косове, который состоялся 27 февраля 1989 г. в Книне. Собравшиеся выкрикивали имена С.Миловановича и С.Шувара, призывали к братству и единству. «Партийные органы» Хорва-

Сербское население Хорватии по переписи 1981 г.

Из кн. Мартинова М.Ю. Балканский кризис и политика. — М.: Новый сад, 1998. — С. 168.

тти анализировали, насколько этот митинг можно считать националистическим. В отчете было записано: «18 раз пели 10 песен: о Югославии, о Тито — 8 раз, партизанские — одну, местные — одну и старые сербские, главным образом о Косове — шесть раз. Националистических песен не было» (119, с.12). В июле 1989 г. в Книнской Краине во время праздника по поводу 600-летия Косовской битвы впервые были поставлены и вопросы положения сербов в Хорватии: выступавшие упоминали право на собственную культуру, язык и употребление кириллицы. Бдительные власти внимательно следили за ходом праздника и... прервали его после того, как певица в культурной части программы спела народные сербские песни, что было расценено как проявление национализма. Не дали выступить Йовану Рашковичу, которого сербы считали «самым известным духовным и политическим вождем сербского народа» (119, с.14). Сразу после «праздника» были арестованы некоторые сербские общественные деятели, в том числе руководитель только что созданного культурно-просветительного общества «Зора» Йова Опачич. В ответ по Книнской Краине прошли митинги протеста. В августе 1989 г. Сабор Хорватии принял закон о языке, в котором сербский язык как язык сербского народа в Хорватии не упоминался.

Когда в Хорватии в 1990 г. начали формироваться политические партии, представители сербского народа 11 февраля создали в Войниче Югославскую самостоятельную демократическую партию и 17 февраля в Книне — Сербскую демократическую партию (СДП). Один из основателей партии Йован Рашкович не желал разделения по этническому принципу, хотел первоначально даже назвать партию просто «Демократическая», но другой лидер Йован Опачич настаивал на том, что партия должна выражать интересы сербского народа. Поэтому, создавая СДП, они оговаривались, что она «не националистическая, не национальная, не этническая. У нее задача — поднять и обновить разрушенную мораль сербского и любого другого народа на старых вековых, прежде всего, сербских, обычаях, полных любви и уважения к человеку и Богу, семье и обществу» (3, с.3). Й.Рашкович был психиатром (из Книна), обладал великолепными ораторскими способностями, мог легко увлечь массы своими идеями, быстро стал признанным лидером сербского движения в Хорватии. Он подчеркивал, что партия ориентирована на Югославию и демократию, а национальные моменты, или, как он выражался, «национальные ружья», он предлагал заменить на «веру в человечность» (119, с.16). С самого начала он проявил себя как умеренный националист, был против того, чтобы звать народ на отделение от Хорватии. В этом с ним не соглашался еще один молодой лидер партии — Милан Бабич, зубной врач по профессии, проявивший себя как более радикальный националист.

А вот лидировавшее среди хорватских партий Хорватское демократическое содружество с самого начала определило свою программу как национальную. Хорватский генерал Ян Бобетко писал, что Ф.Туджман собрал около себя десяток людей и разработал программу, которую все хорваты восприняли как знак «сейчас или никогда», полагая, что настал момент решительной борьбы за независимость (140, с.24).

Уже на первом съезде ХДС (24–25 февраля 1990 г.) прозвучали слова Франьо Туджмана о том, что Независимое Государство Хорватия в 1941–1945 гг. не было лишь фашистским образованием, а являлось выражением чаяний хорватского народа иметь свое самостоятельное государство (77, с.25). Стремление добиться самостоятельности нашло выражение в сильных антисербских настроениях. Как вспоминал один военный, то, что в ходе предвыборной кампании было сказано о сербах вообще и, особенно, о сербах в Хорватии, «превосходит пропаганду Геббельса. По радио и те-

евиденно постоянно повторялось: это хорватская земля, хорватские леса, хорватские дороги, хорватское море, хорватские берега, хорватская родина...» (57, с. 13). Министр правосудия Хорватии в интервью газете «Слободна Далмация» на вопрос, что для него значит «духовное обновление», ответил: «При духовном обновлении ребенок с рождения, прежде чем научиться читать и писать, должен знать, кто является его врагом. А врагом ему на этой нашей земле является серб» (84, с. 10). Ф.Туджман в феврале 1990 г. говорил, что «сербов в Хорватии надо провозгласить гражданами Хорватии и назвать их «православными хорватами». Будет запрещено название «православный серб». В Хорватии будет запрещена православная церковь, а для тех, кто не захочет переселиться в Сербию, церковь станет хорватской» (22, с. 109).

22 апреля — 6 мая 1990 г. в Хорватии состоялись выборы в парламент. ХДС одержало полную победу и получило 2/3 мест во всех трех палатах Сабора. Острые хорватские языки в те дни распихивали название победившей на выборах партии (ХДЗ на сербскохорватском) как «Хорватия до Земуна», а сербские — «Хорватия до Загреба»¹. Акценты уже были расставлены. Мико Трипало, один из хорватских политичеких деятелей времен СФРЮ, отмечал, что «результаты голосования хорватского народа были определением людей *против* чего-то, а не *за* что-то. Тогда хорватский народ определился против Югославии и против коммунизма как системы. ХДС начало предвыборную кампанию как единственная партия, которая точно определила, может быть и с экстремистских позиций, проблему хорватского государства» (131, с. 56). Франьо Туджман был избран Председателем Президиума Хорватии.

Фигура Ф.Туджмана является, на наш взгляд, одной из центральных в сербско-хорватском и югославском конфликте. Поэтому скажем несколько слов об этом человеке. Его биографию подробно излагает немецкий исследователь Хоппе (112). Ф.Туджман родился в 1922 г. в небольшом городке Велико-Трговиште северо-западнее Загреба, закончил с отличием гимназию в Загребе. Его отец был фермером и предпринимателем, одним из лидеров Хорватской крестьянской партии. В 1941 г. отец присоединился к партизанам, но по окончании войны выступил с критикой югославского режима и был убит весной 1946 г. Брат Стипан также участвовал в партизанском движении и погиб в 1943 г. Франьо Туджман в 1941 г. некоторое время служил в армии усташей, а затем в том же году вступил в Коммунистическую партию Хорватии и присоединился к партизанам Тито. В конце 1945 г. Ф.Туджман стал представителем Хорватии в Генеральном штабе Югославской армии. В 1955–1957 гг. он учился в Высшей военной академии в Белграде, некоторое время руководил отделом кадров Министерства обороны Хорватии, был председателем югославского спортивного общества «Партизан». В 1960 г. Ф.Туджман становится самым молодым генералом армии, но уже в следующем году порывает с военной карьерой и начинает заниматься историей (112, с. 10). Как мне рассказывали хорватские коллеги, из всех претендовавших на пост директора Института истории рабочего движения в Загребе Ф.Туджман был выбран не потому, что был блестящим историком, а из-за своих националистических убеждений. Он отстаивал право хорватского народа иметь собственные вооруженные силы, выступал с требованием признания самостоятельного хорватского языка. В 1967 г. его исключили из партии за ультранационалистические взгляды и отправили на пенсию. В 1972 г. его судили за участие в националистическом движении и приговорили к двум годам лишения свободы.

¹ Имелось в виду расширение территории Хорватии до Белграда.

² Имелось в виду уменьшение Хорватии до района Загреба.

Второй раз его арестовывали уже в начале 80-х годов за участие в диссидентском движении (112, с.11). Ф.Туджман становится борцом за независимую Хорватию, символом национального возрождения, сопротивления «великосербскому гегемонизму».

Американский посол в Югославии У.Циммерман пишет о своих встречах с Ф.Туджманом. «В отличие от С.Милошевича, которым руководило стремление к власти, Ф.Туджман был обаян хорватским национализмом. Его преданность Хорватии была самого примитивного типа, и он никогда не показывал понимания или интереса к демократическим ценностям» (135, с.95). Хотя Ф.Туджман окружал себя помощниками, он «редко предоставлял им возможность вообще что-то говорить», часто смешал людей с должностей, не скрывал своего «милитаристского национализма». Ф.Туджман казался У.Циммерману «смешным, опереточным типом», но, подчеркивал посол, «это впечатление находилось в противоречии с той немилосердностью, с какой он осуществлял хорватские интересы, как он их понимал» (135, с.97).

Подъем сербского движения в Хорватии. Первая половина 1990 г. была временем национального подъема для хорватов, разочарования, страхов и все-таки надежд для сербов. На выборах в апреле 1990 г. СДП получила большинство голосов в трех общинах с большинством сербского населения и получила пять мест в парламенте. В остальных «сербских» общинах она поделила голоса с бывшими коммунистами. Еще жили достаточно спокойно в одном селе, на одной улице сербы и хорваты, веря, что не произойдет худшего. Как сказал в июне 1990 г. один из членов СДП Душан Билич на собрании партии в Силаше, «хотя сербы сегодня с разочарованием смотрят на перерождение Хорватии, я верю, что сербы найдут среди хорватов тех, кто стремится к совместной жизни в Югославии... В этом истинная роль Сербской демократической партии» (2). Руководители СДП призывали сербов «сохранить и развивать годами создаваемые добрые отношения с хорватским народом и со всеми другими людьми» (3, с.4). Министр внутренних дел Хорватии Иосип Больковац полагал, что «с сербами можно было найти общий язык», что «были реальные шансы избежать самого страшного, что случилось после» (106, с.69).

На наш взгляд, сербское политическое движение в Хорватии с 1989 г. прошло несколько этапов.

1. 1989 г. — год возрождения и проявления сербского национального самосознания, когда было создано культурное общество «Зора», проводились культурные и культурно-исторические мероприятия. Во главе сербского движения в Хорватии встал Иован Рашкович, антикоммунист по своим убеждениям, который последовательно выступал за культурную автономию сербского народа в рамках Хорватии.

2. С 1990 г. связано формирование политического сознания сербского населения. Во всей Югославии создавалась многопартийная система, и сербы Краины, не думая о распаде федерации, создавали свою национальную партию, которая должна была отстаивать их интересы в хорватском парламенте. Первую половину 1990 г. можно характеризовать как манифестационный период, когда сербы обсуждали поправки к Конституции, обращались в хорватский парламент с просьбами учесть их требования. Наибольшее беспокойство у них вызывали намерения властей свести сербов в Хорватии к национальному меньшинству, ведь сербы считали себя равноправным с хорватами «государствообразующим» народом, что было записано во всех конституциях Хорватии. В этот год начинается организационное объединение общин с большинством сербского населения (в рамках Конституций Хорватии и СФРЮ), борьба за права культурной

автономии в составе Хорватии.

3. С середины 1991 г., когда Социалистическая Республика Хорватия встала на путь отделения от Югославии. Сербь, компактно проживавшие на Западе, Юге и Востоке Хорватии заявили о нежелании жить в самостоятельной Хорватии, твердо надеясь остаться в Югославии. На этот шаг их вынудила национальная политика новой хорватской власти и надежда на то, что их поддержит Белград.

Скупщина общины Книн 10 апреля 1990 г. на совместном заседании всех палат приняла решение заключить Договор об объединении сербских общин Далматинской области, а также создать Объединенные общины Северной Далмации и Лики. Сербов беспокоило, что руководство Хорватии, взяв курс на отделение от СФРЮ, категорически отрицало необходимость предоставления культурной автономии сербам, проживающим в республике, не шло ни на какие компромиссы, а лишь ужесточало анти-сербскую кампанию. 23 мая 1990 г. председателем Скупщины общины Книн, центра сербских земель на западе Хорватии, был избран Милан Бабич, член Главного комитета СДП. Вокруг него формировался круг патристически настроенных сербов, таких, например, как Боро Рашуо, которые начали работу по объединению сербских общин в Хорватии. Следует подчеркнуть, что объединение общин не носило противозаконного характера. Согласно ст. 112 Конституции СФРЮ, «общины на основе добровольности и солидарности взаимно сотрудничают, объединяют средства и образуют общие органы, организации и службы для исполнительной деятельности... и могут объединяться в городские или региональные содружества» (17, с. 71).

20 июня Президиум Социалистической Республики Хорватии изменил государственные символы и название Республики, изъяв из него слово «социалистическая». Символика в виде шахматного чередования белых и красных клеток (шаховница), заменившая звезду, напомнила сербам усташскую символику времен второй мировой войны. Появление такого флага в Книне стало для сербов произвольным сигналом тревоги. Воспоминания о межнациональных столкновениях во второй мировой войне, которые были живы в сознании народа, английские исследователи Л. Силбер и А. Литл назвали «атавизмом, который будет характерен для сербского национализма, а позже для всего югославского конфликта». Они полагают, что сербы преднамеренно не забыли зверства, о которых живые уже не помнили, подогревали «паранойю» слухами и мифами, использовали прошлое как оружие в конфликте, а позже в войне (143, с. 105).

Скупщина общины Книн 27 июня 1990 г. после серьезной подготовительной работы, проведенных собраний, митингов и встреч в сербских общинах завершает создание Содружества шести общин Лики и Северной Далмации. Желание объединиться выразили общины Книн, Бенковац, Обровац, Дони-Лапац, Грачац и Титова-Кореница. Целью объединения было создание единого экономического пространства, осуществление скоординированной региональной политики, экономический подъем менее развитых общин. При этом ставились задачи не «угрожать суверенитету или экономическому единству Республики Хорватии, но напротив, укрепить ее экономическую мощь и равномерное развитие. Учитывая, что на территории Северной Далмации, Лики, Кордуна, Бании и части Славонии в большинстве своем живет сербский народ, как исто-

¹ В Конституции 1974 г. было записано: «СР Хорватия является национальным государством хорватского народа, государством сербского народа в Хорватии и государством народностей, которые в ней живут».

Республика Сербская Краина, 1993 г.

Данные главного штаба Сербской армии Краины, июнь 1993 // Станье и основные правци смирљаванья и разлоја привреде Републике Српске Краине. — Киин, 1994.

рический народ на части территории Республики Хорватии, представляющей территорию Войной Краины, то существуют причины историческо-культурного характера, чтобы на этой территории Республики создать современный регион, где могли бы быть отражены национальные и культурные особенности этой части Республики Хорватии» (5). Скупщина записала в решении, что к Содружеству могут примкнуть и другие общины вне территории Далмации и Лики. В короткое время к Содружеству сербских общин выразили желание присоединиться еще 11 общин — Войнич, Вргин-Мост, Двор-на-Учи, Костаиница, Глина, Петриня, Пакрац, Окучаны, Госпич, Врховина и Плашки. В общинах проводилась агитационная работа среди сербского населения по объединению в политической, культурной и других сферах.

Параллельно шло объединение сербских общин на Востоке Хорватии. 26 февраля 1991 г. были приняты «Декларация о создании автономии сербского народа Славо-

нии, Бараньи и Западного Срема», а также решение о присоединении к народам, которые остаются в Югославии. В Сербской области Славония, Баранья и Западный Срем учреждалась Великая народная скупщина, предполагалось создать министерства, избрать правительство. К декабрю были приняты законы о деятельности органов власти, о служебном употреблении языка и письменности, о суде и прокуратуре, о создании территориальной обороны и ряд других законов (51).

В Западной Славонии также была создана Сербская область, которая охватывала общины Накрац, Дарувар, Грубишно-Поле, Подравска-Слатина, а также ряд сербских сел из других общин.

В этот период сербы не ставили задачу отделения от Хорватии. Целью движения было создание сербской культурной автономии в рамках республики. Выступая на Народном саборе в Бели-Манастире 22 июля 1990 г. Йован Рашкович говорил о том, что сербский народ равноправен с хорватским народом и хочет жить в современной демократической Хорватии при условии получения автономии. «Сербская современная автономия, которую мы требуем, это — автономия, которых уже, самое маленькое, четыреста-пятьсот существует в Европе. Это — современная автономия, а нам приписывают, что мы хотим разбить на кусочки ... тело хорватского государства. Сербская автономия в Хорватии не является антихорватской, но совершенно точно, что сербская автономия в Хорватии — антифашистская» (14, с.26). Большинство выступавших говорили не об отделении, а о стабилизации и демократизации Хорватии. Народ боялся лишь возрождения фашизма, повторения резни последней войны. Боялся и не хотел верить. Приехавший на Сабор из Книна Милан Бабич несколько радикализировал вопрос. «Мы уже давно в Книне решили, что демократию и свободу берем в свои руки. Мы с гордостью можем сказать, что община Книн — первая сербская община, и таковой и останется. Из Книна проистекает инициатива объединить в Содружество общин все общины Хорватии, в которых сербы или составляют большинство, или живут вместе с другими народами, чтобы сохранить свой национальный дух и суверенитет» (14, с.21).

Митинги, демонстрации, собрания выявляли энергичных людей, из которых формировался слой будущих руководителей Краины. Это были врачи, учителя, ученые, военные. Активно проявил себя будущий президент Республики Сербская Краина Милан Мартич. Он был старшим инспектором по экономическим преступлениям в книнской милиции и одним из тех, кто воспротивился в июле 1990 г. введению в книнской милиции новой хорватской униформы и знаков отличия.

В это время среди руководителей сербского движения в Хорватии наметились две тенденции: более твердая, опиравшаяся на Сербию (М.Бабич), и умеренная, готовая наладить «мосты взаимопонимания» с хорватским руководством (Й.Рашкович). Каким путем пойдет сербское движение, зависело в тот момент от того, кто его возглавит. Расхождение между М.Бабичем и Й.Рашковичем становилось все заметнее. Й.Рашкович часто критиковал С.Милошевича и считал, что от имени сербского народа в Хорватии не может говорить никто другой, кроме самих сербов. М.Бабич считал С.Милошевича «настоящим представителем сербского народа, который не предаст интересы сербского народа ни в одной части Югославии». Й.Рашкович пытался отстаивать интересы всего сербского народа в Хорватии, а М.Бабич полагал, что следует защитить только сербов в Краине (119, с.28).

Тогда, в июле 1990 г., Й.Рашкович имел большую, чем М.Бабич, популярность. А его умеренность могла гарантировать мирное развитие событий. Но он не был понят руководством Хорватии, которое шло на открытую конфронтацию с сербами. Это от-

четливо видно из беседы Й.Рашковича и Ф.Туджмана, состоявшейся 23 июля. Ее стенограмма была в свое время опубликована и расценена как попытка хорватских спецслужб скомпрометировать одного из руководителей сербского движения (119,с.111–120). Англичане Л.Силбер и А.Литл прямо пишут, что этот сфабрикованный документ смог полностью уничтожить репутацию Й.Рашковича среди сербов (143,с.110). Но, на наш взгляд, ее следует рассматривать как подтверждение вариантности развития событий в Хорватии. Согласно стенограмме, Й.Рашкович откровенно сказал Ф.Туджману, что часто говорит на митингах то, что от него ждут, а не то, что он думает. «Мне кажется, что кто-то должен успокаивать этих людей», ведь «на самом деле это восстание сербского народа, восстание без оружия. А от восстания без оружия до вооруженного восстания очень небольшая дистанция» (119,с.112,111). Он пытался доказать необходимость ввести в Конституцию раздел о праве сербского народа на свой язык, на культурную автономию в рамках хорватского государства даже в том случае, если Югославия распадется, высказывал опасения возобновления усташеского движения. Чтобы убедить президента гарантировать сербам автономию, Й.Рашкович упомянул даже возможность объединения земель, населенных сербами, в Боснии с Хорватией. И сделать это могут сербы из Краины, если получат автономию. Этот план понравился Ф.Туджману. Однако он лукаво повторял: «Право культурной автономии никто не ставит под сомнение», но постоянно упрекал Й.Рашковича за создание Содружества общин, за желание создать Сербский сабор. Оба сошлись на том, что они — антикоммунисты, и сербский лидер уверил Ф.Туджмана в том, что никогда не сядет за один стол с С.Милошевичем, никогда не напишет вместе с ним ни одну декларацию. Й.Рашкович постоянно повторял, что с трудом удерживает сербов от решительных действий. Про сербов он говорил, что «это дурной свет», который страшно вооружен, легко умирает, что само по себе является глупостью. Чтобы убедить Ф.Туджмана в честности своих намерений, Й.Рашкович сказал, что у него жена — хорватка, что и внуков он записал как хорватов, «чтобы не имели таких комплексов, какис есть у меня» (119,с.118). Высказывая понимание политики «хорватоцентризма», которую проводит президент, он все же настаивал на культурной и экономической (но не политической) автономии сербских общин, просил не разбивать Содружество общин, заверив, что и расширяться оно не будет. Президент пообещал все сделать для предоставления сербам автономии, но своих слов не сдержал.

В конце июля (25) 1990 г. к местечку с символическим названием Срб в Лике потянулись колонны людей из Далмации, Лики, Кордуза, Банин, Славонии, Бараньи и других областей. Руководили съездом лидеры Сербской демократической партии — председатель СДП Йован Рашкович, Марко Добриевич, представители СДП в Саборе Хорватии Йован Опачич, Душан Зеленбаба, Радослав Таньга, председатели сербских общин: Книна — Милан Бабич, Донег-Лапаца — Давид Раствович, Оброваца — Сергей Весселинович. Собравшиеся в Србе еще не знали точно, каким путем пойдет Хорватия, и каково будет в связи с этим их будущее. Но они твердо верили в свою совместную судьбу с Югославией, а также в то, что Хорватия будет связана с Югославией конфедеративными или федеративными отношениями. Поэтому создание высшего органа законодательной власти сербского народа Краины и всех сербов Хорватии задумыва-

лось как вторая палата Хорватского Сабора. В присутствии 150 тыс. человек были сформированы законодательный орган — Сербский сабор, а также исполнительный орган — Сербское национальное вече, принята Декларация о суверенитете и автономии сербского народа. В Декларации подчеркивалось, что «сербский народ дает себе право на исторических территориях, которые объединяют сегодняшние границы Хорватии, самому определять, с кем жить, в каком режиме жить и какие связи устанавливать с другими народами Югославии. Никто не имеет исторического права определять судьбу сербского народа, который здесь живет веками, даже до создания государства Хорватии». Поэтому во второй статье отмечалось, что на основе суверенитета «сербский народ имеет право на автономию. Содержание этой автономии будет зависеть от федеративного или конфедеративного устройства Югославии». Требования сербов касались употребления кириллицы, сохранения сербских школ и обучения по соответствующим школьным программам, создания культурных и политических институтов, печати, национального радио и телевидения (4). Председателем Сербского национального веча был избран тогда Милан Бабич. Это во многом определило радикализацию сербского движения за автономию.

16 августа Сербское национальное вече приняло решение провести среди сербского населения референдум об автономии сербов в Хорватии. Хорватские власти объявили референдум незаконным и пообещали помешать ему всеми возможными средствами. Уже 17 августа хорватские власти посылают в сербские области Северной Далмации специальные полицейские подразделения, чтобы изъять оружие у резервного состава милиции и воспрепятствовать проведению референдума. Ночью хорватские милиционеры напали на милицейский участок в Бенковцах. В ответ сербы воздвигли баррикады на дорогах. Этот день неповиновения практически стал днем «сербского восстания» в Книнской Краине. Милан Бабич возглавил Штаб по обороне города и 17 августа ввел военное положение в общине Книн. Милан Мартич взял на себя роль координатора полицейских сил и раздавал оружие как полицейским, так и гражданским лицам, выразившим желание отстаивать Книн. Загреб послал в Книн вертолеты и усиленные полицейские отряды, чтобы «сдавить книнских бунтовщиков» и подавить «бревенчатую революцию», как ее называли журналисты (143, с.114). Но, согласно хорватским источникам, самолеты, посланные Белградом, заставили вертолеты изменить маршрут и приостановить движение колонн полицейских. Белград же отрицал свое участие в этом инциденте.

Загреб во всем обвинил Белград. В тот же день Ф.Туджман звонил Б.Йовичу, а С.Месич — Аджичу. Они были уверены, что в Хорватии осуществляется сценарий, написанный в Белграде. А Борисав Йович записал в своем дневнике 17 августа: «Туджман направил в мой адрес депешу, которая начинается с того, что восстание в сербских общинах в Хорватии началось после моего приезда делегации сербов из Хорватии несколько дней назад. Между строк читалось, будто это я подстрекал их к восстанию. Он забыл, что сербы поднялись после его прихода к власти. Или прикидывается дураком» (22, с.179). Чтобы не давать повода для обвинений, Б.Йович приказал запретить в Сербии митинги поддержки сербов в Хорватии вплоть до ареста их участников. «И без того у нас слишком много проблем», — заметил он (22, с.179).

Во время книнских событий проявились и разные позиции Й.Рашковича и М.Бабича. Первый призывал лишь к мирным протестам, а второй — к вооруженному отпору. По мнению многих наблюдателей, влияние Й.Рашковича после этого заметно упало¹.

Референдум все же состоялся в 28 общинах (полностью) и 23 общинах (частично). В 10 общинах хорватским властям удалось помешать волеизъявлению 150 тыс. сербов. Право голоса имели и сербы, родившиеся в Хорватии, но жившие в других республиках. Всего на избирательные участки пришли 756 780 человек, из которых 567 127 — из Хорватии. За сербскую автономию высказались 756 549 человек, против были 172, недействительных бюллетеней оказалось 60 (6; 119, с.22).

Вот как вспоминает об этих днях один из руководителей сербского движения за автономию Милан Бабиц (139): «Мы начинали свое движение в 1990 г.. Сербская демократическая партия все больше становилась движением. Сербское движение в Хорватии шло по двум направлениям: через консолидацию вокруг партии и через объединение общин с большинством сербского населения. Хорватия сразу же приняла поправки к Конституции, запрещающие объединение общин. Мы оспаривали свое право в Верховном суде СФРЮ, который тогда еще существовал. Затем хорваты ввели шаховницу...

Национальное вече провозгласило проведение референдума. Референдум состоялся 19 августа и проходил в местных содружествах. Практически участки находились в каждом селе, так как хорватские власти дали указание общинам блокировать референдум. Народ определился за самостоятельность сербского народа. Хорватские власти приняли решение забрать все оружие в сербских селах. СДП в свою очередь создавала сельские патрули. 17 августа 1990 г. хорватская полиция пошла на Книну. Народ остановил их в Коренице. Первая баррикада выросла 17 августа.

22 декабря 1990 г. был принят Устав Сербской автономной области Краины, мы создали Скупшину сербских общин, в которую входили по семь человек от каждой общины. Начался процесс объединения общин и частей общин с сербским населением. 1 апреля 1991 г. к нам присоединилась последняя община. Параллельно началась политическая организация сербов в Славонии, Баранье и Сремс. Вся наша законодательная деятельность была легальная и основывалась на законах Хорватии. В руководстве Краины происходило постепенное разделение на национальную и более умеренную линии».

События в Книне хорватские власти называли «восстанием», которое нарушает суверенитет и территориальную целостность Республики Хорватии. В листовках, которые сбрасывали с самолета над Книнном, они предлагали восставшим до 21 сентября сложить оружие, разобрать баррикады, прекратить противоправную деятельность. В обратном случае власти не исключали репрессивные меры (119, с.129–130). Они пытались погасить «сербское восстание» силой, а вопрос решить в рамках существующей конституционной системы. 27 сентября специальные отряды полиции в Петрине арестовали более 300 сербов, изъяли оружие со складов территориальной обороны и милиции.

Несмотря на то, что в Саборе Хорватии была сформирована Рабочая группа по подготовке проекта культурной автономии для сербов, никаких документов разработано не было. После нескольких бесплодных заседаний Рабочая группа перестала существовать,

¹ Й.Рашкович умер в июле 1992 г. в Белграде.

а 22 декабря была провозглашена Конституция Хорватии, где сербское население в Хорватии признано национальным меньшинством. Формулировка прежней Конституции о том, что Хорватия является государством хорватского и сербского народов, была изменена. В новой Конституции было записано, что на первых демократических выборах была подтверждена тысячелетняя государственная самобытность Хорватии и решимость добиться суверенитета, что Хорватия становится *национальным государством хорватского народа*. Хорватский историк Иво Банач, живущий в Канаде, с сожалением писал, что Ф.Туджман выбрал ошибочный путь, провозгласив сербов национальным меньшинством. Не сбылись надежды президента на то, что сербы будут послушными и даже станут жандармами, «поскольку привыкли к этому в своей истории, когда были слугами и у турок, и у австрийцев» (131, с.49).

Согласно опросу общественного мнения в Хорватии в 1991 г., 33% населения республики полагали, что Конституция принята слишком поспешно. Так же думали 91% сербов в Хорватии и 77% тех, кто считал себя югославами. При этом 94% членов ХДС полагали что Конституция принята как раз вовремя (54, с.28). Благодаря принятой Конституции, популярность ХДС продолжала оставаться высокой — его поддерживало 95% хорватского населения.

Днем раньше, 21 декабря 1990 г. в Книне была провозглашена Сербская автономная область Краина (САОК). На Книнской крепости, возвышающейся над городом, был поднят сербский флаг. Согласно принятому Уставу, «Сербская автономная область Краина является видом территориальной автономии в составе Республики Хорватии... в рамках Федеративной Югославии» (13, с.52). Вокруг САОК стали объединяться и другие области с большинством сербского населения. Но в конце 1990 и начале 1991 г. произошли серьезные разногласия между М.Бабичем и Й.Рашковичем по вопросу поддержки Белградом сербского движения в Хорватии. М.Бабич, который в это время усиливал свои позиции, искал помощи у С.Милошевича, видя в нем «настоящего представителя сербского народа», посредника и заступника сербских интересов в рамках всей Югославии. Й.Рашкович полагал, что сербы в Хорватии не должны зависеть от Белграда (119, с.28).

За этими спорами и разногласиями просматривается важный вопрос о причинах начала сербского движения в Хорватии и его дальнейшей радикализации. Нам представляется, что здесь следует различать несколько этапов. Сербия не была изначально инициатором «сербского сопротивления» в Хорватии, как об этом говорили в Хорватии, а лишь позже активно его поддерживала и использовала. Оно началось спонтанно как движение за автономию в рамках Хорватии, хотя в Белграде, судя по дневникам Б.Новича, и в 1990 г. теоретически рассматривали возможность присоединения земель с большинством сербского населения к Югославии. Так, например, в июне 1990 г. Президиум СФРЮ изучал вопрос «исключения» Словении и Хорватии из СФРЮ при условии, что армия встанет на границе оставшейся территории, в которую войдут и сербы из Хорватии. С.Милошевич настаивал, чтобы армия Югославии «накрыла» сербские территории в Хорватии, и тогда будет не страшен и распад СФРЮ (22, с.160-161, 262).

Позже, когда стало ясно, что Хорватия не останется в рамках СФРЮ, руководство Сербии поставило вопрос о судьбе сербов в других республиках. После принятия новой Конституции Хорватии и соответствующих законов, первых репрессивных действий полиции и активизации автономистов, которые считали, что оставаться в рамках Хорватии без гарантий автономии, без прав, значит обречь себя на незавидную жизнь, спасение от которой — лишь ассимиляция и переход в католичество, С.Милошевич

открыто стал говорить: «Все сербы будут жить в одном государстве». Способом осуществления этой идеи должны были стать референдумы о самоопределении народов, после которых — отделение от Югославии тех, кто выскажется за отделение, и жизнь в едином югославском государстве всех остальных. По этой схеме все сербы должны были оказаться в составе Югославии.

Уже в 1991 г. руководство Сербии начало открыто поддерживать сербов в их борьбе. С.Милошевич подчеркивал, что разделение сербов на части в случае распада федерации — неприемлемо для Сербии (119, с.28). Б.Йович убеждал Ван ден Брука в июле 1991 г., что Югославия не может допустить, чтобы сербы жили в другом государстве, поскольку не сможет защищать их права. Он предупреждал, что «Сербия будет бороться всеми средствами, чтобы сербский народ осуществил право на самоопределение вплоть до отделения» (91, с.260; 103, с.97). С.Месич упоминает, что у сербов существовал даже «план РАМ», который предполагал изменение западных границ Сербии и присоединение к ней земель Хорватии и БИГ, населенных сербами (103, с.236). Но армия была неспособна осуществить этот план в силу разногласий между военным и политическим верхом. Позже, с изменением международной обстановки, руководство Сербии видоизменило свои планы по отношению к сербам в Хорватии, а затем полностью от них отказалось.

А сербы в Хорватии продолжали верить, что Сербия им поможет, и они объединятся в одном государстве. «Сербия в Республике Сербской и Республике Сербской Краине на борьбу за свободу и право на жизнь в одном государстве вместе с остальной частью своего народа поднялись с сознанием, что это — совместная борьба и общая цель. Это сознание было для них самой важной мотивацией и самой прочной гарантией», — говорил один из лидеров сербского движения в Хорватии Б.Рашуо (20).

Здесь следует обратить внимание на один факт. В марте 1991 г. прошла державшаяся в секрете встреча С.Милошевича и Ф.Туджмана в Караджорджево, одной из резиденций И.Броз Тито. О ее содержании долго никто не знал. С.Радулович полагает, что на этой встрече С.Милошевич обещал, что Сербия не будет претендовать на сербские области, и они останутся в Хорватии (119, с.31). Согласно другим источникам, между президентами был заключен договор о мирном разрешении всех споров, увеличении территории Хорватии за счет части Боснии и части Сербии (143, с.147). Однако и после марта руководители Югославии часто повторяли, что не позволят отделиться Хорватии и Боснии и Герцеговине вместе с живущими там сербами. С.Радулович делает предположение, что постоянное упоминание сербского вопроса было для С.Милошевича средством оправдания необходимости единого государства, а также давления на Ф.Туджмана, чтобы тот согласился на федерацию (119, с.42). Д.Чосич заметил в одном из интервью: «Все сербы в одном государстве» — скорее эмоциональная, чем политическая реакция на развал Югославии, которую сербы считали своим отечеством. Как политический и национальный девиз она нерезальна и несвоевременна» (141).

Сербия предупреждала Загреб, что она будет предпринимать решительные меры только в том случае, если официальная Хорватия встанет на путь отделения. Когда 20 февраля 1991 г. Сабор Хорватии принял Резолюцию «о раздружении» РХ и СФРЮ, Сербское национальное вече и Исполнительное вече САО Краины 28 февраля приняли Резолюцию о «раздружении» с Республикой Хорватией, в которой было записано: «Сербский народ в САО Краине и РХ не имеет ни одной причины выходить из югославского государства и потому не признает Резолюцию Сабора Хорватии о раздружении

с СФРЮ». САОК «остаётся в едином государстве с Республикой Сербией и Черногорией» (119, с.131). 18 марта Скупщина общины Книн «в функции части Скупщины Сербской автономной области Краинна» приняла решение об окончательном отделении от Республики Хорватии. Все общины САО Краинны присоединились к этой резолюции.

19 мая Хорватия вышла на референдум. Народ должен был ответить на два вопроса: 1) поддерживаете ли вы предложение Хорватии и Словении о том, чтобы «Республика Хорватия как самостоятельное и суверенное государство, которое гарантирует культурную автономию и все гражданские права сербам и представителям других национальностей в Хорватии, может вступить в союз суверенных государств с другими республиками» и 2) поддерживаете ли вы предложение Сербии и Черногории о том, чтобы «Хорватия осталась в Югославии как едином союзном государстве» (119, с.29). Постановка вопросов не была корректной. С одной стороны, Хорватия изначально называлась суверенным государством, а с другой — предлагалось определиться не по вопросу независимости, а по возможности объединения с другими республиками в Союз суверенных государств. Тем самым, положительный ответ на первый вопрос становился привлекательным и для тех, кто не хотел распада федерации. Кроме того, в вопросах было заложено противопоставление двух предложений: «Хорватии и Словении» и «Сербии и Черногории». Большинство хорватов, естественно, выбрало первое предложение. За руководством страны осталась лишь его трактовка как желания большинства народа создать самостоятельное и независимое государство.

А сербы Краинны, немного опередив правительство, провели свой референдум с одним только вопросом: «Вы за присоединение САО Краинны к Республике Сербии, а потому за то, чтобы остаться в Югославии с Сербией, Черногорией и другими, кто хочет сохранить Югославию?». Голосовали 62% тех сербов, кто был занесен в список, из них 99,85% ответили на вопрос утвердительно (44, с.2). На титульном листе сообщения Центральной избирательной Комиссии от 14 мая 1991 г. стояло: «Социалистическая Федеративная Республика Югославия. Сербская автономная область Краинна». САОК считала себя уже частью Югославии. 16 мая Скупщина САОК приняла решение о присоединении Краинны к Сербии.

В литературе ведется полемика по поводу того, были ли действия М.Бабича по объединению с Сербией инициированы Белградом и лично С.Милошевичем? Многие убеждены, что да. Но С.Радулович, исследовавший события в Хорватии в 1990–1991 гг., утверждает, что С.Милошевич ничего не знал о планах М.Бабича и, придерживаясь договоренностей в Караджорджево, был вынужден запретить краинской делегации выступить с разъяснением в Скупщине Сербии. Сама же Скупщина не придавала официального значения решению краинских сербов. Это прозвучало как белградское «нет» Книну (119, с.30).

Тогда М.Бабич поспешил выступить с идеей объединения с сербами в Боснии. 27 июня в Босанско-Грахове на совместном заседании скупщин Босанской Краинны и САОК была принята Декларация об объединении. Однако эти акты скорее выражали желание и политическое стремление и никогда не были осуществлены. Возможно, и здесь проявилось влияние С.Милошевича, который, вероятно, уже тогда знал судьбу сербов Краинны. Позже, в начале 1992 г. позиция М.Бабича снова претерпела изменения. Он пред-

лагал международным организациям создать на территории Краины территориально-политическое содружество под протекторатом ООН на 25 лет, после чего сербы на референдуме решат свою судьбу. Но в силу того, что никто из мирового сообщества не принимал всерьез этот план, М.Бабич стал склоняться к специальному статусу Краины в составе Югославии. Он говорил: «Присоединение к Сербии не может быть реализовано, так как его не поддерживает Сербия. Перспектива другого варианта — объединение с Боснийской Краиной — неизвестна, если учесть реакцию другой стороны. Поэтому потом мы стали выступать за вариант — Краина как отдельная территория в составе Югославии. Это является самым оптимальным решением, если учесть, что невозможно осуществить две предшествующие идеи, и то давление, которое оказывалось из Гааги, чтобы принять вариант особого статуса в составе Хорватии» (119, с.43).

Руководство Хорватии считало события в Краине «нападением на легальную власть» (123, с.23, сноска). Оно усиленно закупало оружие, готовило отряды полиции и создавало армию. Сербы предвидели возможность столкновений и вооружались, строили на дорогах баррикады и выставляли патрули.

Сербское движение за независимость от Хорватии явилось следствием развернувшейся в республике в 1991 г. националистической пропаганды и широких антисербских настроений. Но движение за автономию в рамках Хорватии переросло в движение за присоединение к Югославии как из-за политики Хорватии, направленной на полную самостоятельность республики, так и из-за поданных Белградом надежд на поддержку в борьбе за объединение всех сербов в одном государстве.

Официальный Загреб не стремился удовлетворить требования сербов об автономии. Был выбран путь насильственного установления власти, запугивания и наказания ослушавшихся, что еще больше накаляло обстановку. Возникший страх перед повторением геноцида мирного сербского населения и зверствами усташей времен второй мировой войны подтверждался активностью ХДС-овцев. Опасения оправдывались, а регулярность антисербских действий уже нельзя было объяснить как «отдельные случаи». Союзное руководство не могло добиться от Хорватии разоружения нерегулярных формирований, уменьшения численности милиции и резервистов.

Американский посол в Югославии У.Диммерман полагал, что Туджман сыграл большую роль «в насильственной смерти Югославии и в войне в Хорватии и Боснии». Он отмечал его «расистское отношение к сербам в Хорватии». Именно это, по словам посла, превратило Хорватию «в недемократическую и взрывоопасную республику» и сделало сербов еще более решительными (135, с.215).

Правящую партию в Хорватии отличала дискриминация граждан другой национальности, веры и политических убеждений, разжигание националистических настроений, антисербская и антиеврейская пропаганда. «Пропаганда как политическо-психологическое давление... находилась в функции подготовки, дозировки необходимости и подстрекательства будущих беженцев к отъезду... Публичные выступления политиков, телевизионные программы, журналы, эстрадные артисты, эмблемы, флаги, гербы — только некоторые из открытых средств и нового фольклора этой пропаганды. Строго доверительные новости, анекдоты, добронамеренные советы, соседская помощь, специальные службы относятся к неофициальной, но исключительно важной пропаганде, цель которой — наскризовать сербское население», — писал в предисловии к книге воспоминаний беженцев М.Митрович (104, с.12,14).

Сербы с болью восприняли изменение названия сербско-хорватского языка на хорватский, запрещение кириллического письма в служебной переписке, запрещение иметь свои радио — и теле-передачи (хотя таковые имели словенцы, венгры, албанцы), газеты и журналы на кириллице, очищение школьных программ от сербской истории, сербских писателей и поэтов, переименование Площади жертв фашизма в Загребе. Таблицы с названиями населенных мест, написанные на кириллице и латинице, заменялись таблицами, написанными только на латинице. В республике фактически были реабилитированы усташеские традиции: символика новой Хорватии повторяла символику фашистской НГХ, было сформировано общество «Хорватские домобраны» (так называлось регулярное войско в период НГХ), реабилитированы некоторые военные преступники второй мировой войны (например, министр просвещения в НГХ Миле Будак, Драган Мунч, убивший около 400 сербов), осквернялись памятники жертвам фашизма, могилы партизан. Только в Далмации было разрушено более 2000 памятников жертвам фашизма. Переименовывались села (Српска-Капела — в Нова-Капела), названия улиц, предприятий, где в названии хоть что-то напоминало сербов. Появились кафе и рестораны с названием «У», что означало «усташа», во многих казармах и общественных местах были вывешены портреты А.Павелича. Еще здравствовавшим функционерам усташеского движения времён НГХ Ф.Туджман доверил высокие посты: Иве Ройнице, награжденному А.Павеличем, — пост посла в Аргентине (Ройница заявил, что все, что он делал в 1941—1945 гг. повторил бы снова). Винко Николич, идеолог усташеской молодежи, стал членом парламента. Политический секретарь Хорватской партии права Иван Габелица подчеркивал: «Из преследований, крови и слез хорватов поднялся Анте Павелич. Так и сегодня против сербов надо употребить средства, которые Павелич проповедал и с помощью которых привел к созданию НГХ» (10, с.10).

Даже американский посол в Югославии У.Циммерман отмечал, что под руководством Ф.Туджмана «жестко нарушались права сербов. Сербов выгоняли с работы, от них требовали подписывать бумаги лояльности, нападали на их дома и имущество. Я несколько раз обедал с Ф.Туджманом и слышал, как его министры обзывают сербов самыми страшными словами. Он не присоединялся к ним, но и не обрывал». Президент отвергал все предложения посла сделать какой-нибудь жест, показывающий «изменения, сотрудничество или оздоровление отношений с хорватскими сербами» (13, с.95,96).

В Хорватии ненависть к Югославии принимала уродливые формы. На футбольном матче Югославия — Голландия, который проходил в Загребе в июне 1990 г., весь стадион повернулся спиной к поднимаемому югославскому флагу, а во время звучания югославского гимна дружно пел хорватский. Иностранцы комментаторы писали, что в истории футбола такого еще не было (22, с.151).

В республике была создана атмосфера нетерпимости по отношению к сербам. Все сербы проверялись на лояльность, т.е. были вынуждены подписывать специальные «листы лояльности» новой власти. На предприятиях сербы вызывались «на разговоры» в профсоюзные организации, где им предлагалось поставить свою подпись под «письмом поддержки власти Хорватии». Те, кто отказывался это сделать, лишались работы, а значит, средств к существованию. Только один пример. После такой процедуры на задарском предприятии «Адрпа» 3 мая 1991 г. дежурная политическая полиция составила список из 15 сербов, которые отказались участвовать в этой процедуре. Решением Рабочего совета уже 6 мая все 15 человек были уволены (9, с.25—

26). Все остальные получали документ, в котором подтверждалась их лояльность новому режиму. Многими сербами этот документ напоминал «Звезду Давида». Но в некоторых случаях он спасал от террора и объяснений с хорватской полицией.

После прихода ХДС к власти, начиная с мая 1990 г., из Министерства внутренних дел были уволены все сербы, многие из которых подверглись аресту. Началась смена сербов с руководящих должностей предприятий, отделов милиции, газет и журналов, судов. Следом прокатилась волна увольнений и обычных работников (9, с.35–48). Вследствие такой политики многие покидали республику. Всего из Хорватии за период с 1991 по 1995 гг. были вынуждены уехать 350 тыс. сербов — из Карловаца — 30 тыс. сербов, из Задара — 28 тыс., из Сисака — 30 тыс., Госпича — 5 тыс., Шибеника — 15 тыс., Винковцев — 10 тыс., Славонски-Брода — 10 тыс. и т.д. (10, с.2).

Уже в 1990 г. начались гонения на Сербскую православную церковь: фашиствующие молодчики напали на священников, избивали их, вламывались в церковь во время служб, оскверняли могилы, подкладывали взрывное устройство непосредственно в церквях. На сербской православной церкви Святого Николая в Карловце большими буквами было написано: «Спасибо тебе, Боже, что я хорват-усташа». В 1991 г. в этих действиях активно принимала участие и хорватская полиция: арестовывала священников, запрещала верующим собираться, мешала проведению праздников. Всего в Хорватии, по данным сербских источников, с 1991 по 1993 г. были разрушены 70 православных церквей, разграблены 94 церкви и 4 монастыря, разрушены 96 церковных зданий, 10 кладбищ, одна патриаршая ризница, церковный музей, два церковных архива и две библиотеки (11, с.151). Хорватское государство использовало еще один метод очищения страны от православия — насильственное крещение сербских детей. Только в 1991 г. было обращено в католическую веру около 20 тыс. сербских детей (10, с.9). 11 апреля 1992 г. в Загребе была взорвана резиденция Загребско-Люблянской митрополии и музей Сербской православной церкви, уничтожены исключительно ценные фонды музея.

С приходом ХДС к власти были значительно увеличены силы полиции. Одновременно увеличилось число незаконных арестов, убийств сербов. В Бани 27 сентября 1990 г. специальные отряды полиции арестовали 360 сербов, а сербы Петриня скрывались в казармах ЮНА (13, с.90). В Госпиче были арестованы 17 известных сербских интеллектуалов, вывезены за город и расстреляны без суда и следствия. Тогда часто упоминалось имя Томислава Мерчепа, отличавшегося патологической жестокостью, ненормальной ненавистью ко всему сербскому (57, с.26). В октябре власти блокировали все дороги, ведущие к Книну, закрыли железнодорожное сообщение.

Только после прихода ХДС к власти сербы узнали, что в номере удостоверений личности одна из цифр означала сербскую национальность. Вера Клипанович, которая из Осиека убежала в мае 1991 г., подтверждала в разговоре со мной, что в личной карте, которую выдавало Министерство внутренних дел, только сербам на номере удостоверения в определенном месте всегда ставили цифру «3». По такой «метке» любой милиционер легко мог «вычислить» серба.

Особым видом запугивания сербов были минирования их домов, торговых палаток, служебных помещений. В воздух взлетали сербские дома, магазины, парикмахерские, киоски, автомобили, принадлежавшие сербам. Только за несколько первых месяцев 1991 г. в Хорватии было сожжено около 50 киосков газеты «Борба» (9, с.33). В городе Даруваре, например, был развешен плакат, подготовленный двумя партиями — правящей ХДС и Инициативным комитетом по созданию Хорватской демократической партии, с целью

помочь хорватам распознать среди соседей сербов. Предлагалось «узнавать» их по употреблению сербских слов, по тому, о чем они говорят, как поступают. Вот талочко небольшая выдержка из этого плаката: «Как они говорят и действуют: они говорят о демократии и правах человека..., они «нейтральны», и для них все одинаково виновны в этой войне, ...для них хорватское государство ничего не значит, они больше хотели бы жить в «демократической Югославии», чем в недемократической, но самостоятельной и суверенной Хорватии. В ком вы их узнаете: в тех, кто ежедневно обивает пороги Сабора и Министерства, чтобы рассказать «истину» о демократии в Даруваре и о том, что они находятся под угрозой, ...в тех, для кого жизнь до войны¹ была намного лучше, поскольку все хорошо жили и между собой ладнили, ...в тех, кто боится идти на отдельные объекты, так как на двери написано: «Запрещен вход ЮНА², чепчикам и собакам...» (26, с. 126–127). Трагичным было то, что эти действия были направлены против всех сербов без исключения. Одновременно сам текст документа показывает, что в городе была создана атмосфера нетерпимости к сербам, которую можно было сравнить лишь с периодом гитлеровского фашизма: их сравнивали с собаками, ограничивали свободу передвижения. А обвинения были абсурдны — и в «демократии», и в «нейтральности», и в стремлении жить в ладу со всеми народами.

А другая листовка предлагала делать сербам мелкие пакости, чтобы испортить им жизнь и заставить уехать из Хорватии: «...Пусть возвращаются в свою Сербию. Пусть вернут десятки тысяч квартир, которые граждане Хорватии для них на своей крови построили... Используем и мы все средства без применения оружия и силы, которые может осудить мировая общественность. Выгоним их с помощью «мелочей» — не забывайте, что они ваши соседи!

1. Паркуйте свои машины так, чтобы они не могли выехать на своих.
2. Выпустите у них воздух из колес, не режьте.
3. Засуньте зубочистки в замочные скважины их квартир, чтобы они не могли войти.
4. Тем же способом испортите замки.
5. Будите их ночью телефоном каждые полчаса.
6. Не разговаривайте с ними и членами их семей.
7. Звоните им из подъезда долго и настойчиво каждый раз, когда сможете.
8. Не занимайте у них ничего, и не давайте займы сами.
9. Ни в чем не помогайте им, если только речь не идет об их болезни или жизни их детей.
10. Не позволяйте, чтобы наши дети играли с их детьми...

Изолируем их..., покажем, что они нежелательны здесь...» (13, Приложение 12).

Сербь в Восточной Славонии пытались миром остановить разрастающиеся столкновения. В марте 1991 г. они обратились к «братскому хорватскому народу» с воззванием, в котором предупреждали об опасности раскола между сербамь и хорватами. «Существует угроза миру и безопасности нашей совместной жизни. Ужас и страх вошли в наши дома. Усиливается неуверенность и бесперспективность нашей совместной жизни в любом месте: на работе, на улице, в печали и веселье, вообще везде. Растет недоверие между друзьями и соседями. Все очевиднее, что идет какая-

¹ Имеется в виду до отделения Хорватии от СФРЮ.

² Имеется в виду сербам.

то специальная война: ширятся слухи о занятии квартир другой национальности, о подготовленных списках на физическое уничтожение, об угрозе хорватам со стороны сербов... Ведется систематическая и упорная пропаганда, чтобы уверить последнего хорвата в том, что на этой земле невозможна совместная жизнь хорватов и сербов. Надо знать на все времена, что мы не нападаем, что мы не подстрескаем, что мы только защищаемся. Граждане сербской национальности сегодня находятся под ударом хорватских националистических правых сил... Народ устал, озабочен и боится этого процесса истерической националистической шовинистической «демократии», которая грозит перерасти в процесс анархии с пагубными последствиями для всех граждан, несмотря на национальную принадлежность». Поэтому во имя согласия, которое веками строили поколения предков обоих народов, во имя счастья и мирного будущего детей, сербы просили хорватов не допустить унижения народов другой национальности и предотвратить безумие (29, с.9).

Хорватские же газеты были наполнены сообщениями о хорватских беженцах из Славонии и Бараньи, которые стали жертвами «великосербской идеи». Эти земли назывались не иначе, как «оккупированные территории»¹. Повсюду в сербских селах происходили столкновения с хорватской полицией, которая пыталась ввести новый порядок новых властей. Тогда сербское население начало организовывать ночные дежурства, патрулирования, создавать группы самообороны.

Руководитель Венского центра по расследованию нацистских преступлений Симон Визенталь в интервью миланской газете «Коррьере делла sera» в 1993 г. предупреждал, что в Хорватии возрождается фашизм. Он напомнил, что первыми беженцами югославского кризиса были 40 тыс. сербов из Хорватии, что первые инциденты с поджогом православной церкви и синагоги, осквернением еврейского кладбища произошли в Хорватии (48, с.29). Лозунг хорватов времен второй мировой войны «Третью сербов уничтожить, третью выселить, а третью обратить в католичество» в этой войне звучал как «Сербы — вон из Хорватии или в землю» (12, с.191).

Создав Сербскую демократическую партию (СДП), сербы хотели парламентским путем бороться за свои права в Хорватии. Однако лидеры этой партии подвергались постоянным гонениям — их арестовывали, избивали, бросали в тюрьмы без обвинения, заставляли усижать. Среди них — Радослав Таньга из Загреба (октябре 1990 г.), Момир Лазич и Милош Вучкович из Карловаца (февраль 1991 г.), Миле Боснич из Войничца, Боривою Чубрило из Осиека и многие другие руководители СДП разных уровней. Политическим линчем можно назвать организованный жителями Шибеника сбор подписей среди хорватского населения для выселения из города лидеров СДП — Й.Рашковича, М.Добрневича и Б.Поповича, за которым последовали и физические расправы (32).

Если сербы в местах компактного проживания могли защитить себя, то сербы в городской или сельской среде, где большинство населения составляли хорваты, в столкновении с властями, прежде всего, с полицией и администрацией своих предприятий, были беззащитными. Сербов в хорватских городах сразу и однозначно отнесли к «ля-

¹ Этот термин стал употребляться официальными властями Хорватии применительно ко всем территориям, на которых жили сербы, чтобы внушить миру, что сербы оккупировали хорватские земли.

той колонне». «В войне за Хорватию, — пишет хорватский исследователь военных побед республики, — «пятая колонна» осуществляла свои задачи, главным образом, в урбанистической среде, а особенно активны они были в больших городах, расположенных в зоне боевых действий. Набирались они главным образом из рядов ушедших на пенсию военных и милиционеров, гражданских лиц, которые работали в бывшей ЮНА, членов семей военнослужащих, ветеранов НОБ¹, но самыми опасными были скрытые (оставленные или внедренные) сотрудники КОС² и СДБ³. Наряду с ними в «пятую колонну» надо было включить и представителей некоторых политических партий, особенно СДП и СК — Движение за Югославию. Для всех них было характерно то, что они были исключительно сербской национальности. Чаще всего их использовали как снайперов, корректировщиков артиллерийского огня, для агентурной деятельности, психологическо-пропагандистской и провокационной активности, для осуществления диверсий и саботажа» (56, с.177 — 178). Хорваты считали, что «пятая колонна» очень многочисленна, что сербы фанатичны, охвачены идеями великосербского гегемонизма. На основании этой теории практически все сербы были записаны во враги хорватского народа. Поэтому против них предпринимались «эффективные полицейские, правовые, информационные и другие противотеррористические меры» (56, с.178).

Вот только несколько примеров. 3 мая 1991 г. хорватские власти уничтожили в Задаре около 350 сербских домов и магазинов, назвав эту акцию «хрустальная ночь» (13, с.92). По телевидению, по воспоминаниям Станко Летича, зачитывались имена сербских офицеров из Задара, которые угрожают суверенитету «молодой демократии», что многие расценили как открытый призыв к линчу (51, с.3). В Задаре, вспоминал один пленный, «если не хотите идти в устапешские формирования, то у вас убьют всю семью, сожгут или заминируют дом. Сначала вы потеряете работу, а потом и голову. Там настоящий кошмар» (57, с.76).

Профессор права С.Комазец из Сплита был арестован, когда вернулся в город принять экзамен у студентов, и был свидетелем арестов 400 сплитских сербов, среди которых были торговцы, журналисты, преподаватели. «Все прошли через страшные мучения», — вспоминал он (37). Чисто профессионально он охарактеризовал сложившуюся в Хорватии ситуацию как «опасный процесс развития фашистской идеологии и машинерии, которые уничтожают сербский, а все чаще и свой народ. Мы видим ужасную деградацию» (37). Один из жителей Дубровника, серб, женатый на хорватке, писал, что его единственной виной в то время стало «сербское происхождение». «С семьей я жил в Дубровнике счастливо, как только можно было пожелать. Как только пришел этот идиотизм, победа ХДС и Туджмана, мне пришлось сразу же бежать из Дубровника, оставить старых родителей, так как мне однозначно пригрозили смертью» (41). Он подчеркивал, что сербы стали ощущать себя в городе как евреи в Германии. И далее — и печально, и смешно: «Начинают прогонять известных интеллектуалов. Ночные угрозы по телефону — обычное дело... Безумие в Дубровнике достигает своего апогея. ХДС назначает градоначальником своего человека, ястреба Перу Поляничца. За одну ночь вводится новый словарь, чиновники его

¹ НОБ — народно-освободительная борьба югославского народа против фашистских оккупантов в период второй мировой войны.

² Армейская контрразведка.

³ Служба государственной безопасности.

усиленно заучивают наизусть. Открываются Дубровникские летние игры. Присутствует и Туджман. Полянич в прямом эфире во время открытия игр не может выговорить новые слова, так как никогда их до этого не слышал. На лице Туджмана все сразу отражается. Мучительная сцена. Полянич вместо слова «уметност»¹ должен сказать «уметновавенство». Он не может его произнести и с шестой попытки. Туджман в бешенстве... Этого Полянича Дубровник никогда не забудет, сколько ему нанес зла... Дубровник охватило фашистское безумие...»(41).

Упущенные шансы создания конфедерации, негибкая политика правительства Хорватии в отношении сербского населения, ущемление его прав, неуступчивость в предоставлении автономии, возобновившийся террор мирного населения оставили пред сербским народом лишь три пути: или смириться с хорватизацией и судьбой людей второго сорта, или защищать свое право самим решать свою судьбу, или покинуть эту землю. Уходить сербы не хотели. Но они не были едины в выборе своего пути. Запугивания, физические нападения, увольнение с работы, незаконные аресты, заставляли одних сербов бежать, разводиться, уезжать, уходить на пенсию раньше положенного времени и пережидать, каждый день страшась за свою жизнь, принимать католичество и подписывать бумаги на лояльность хорватским властям, мириться с ситуацией. Постоянный страх поселился в душах этих людей. Другие, приспособиваясь к новой власти, пытались отстаивать свои политические права. Так, сербы, прежде всего проживающие в Загребе и других больших городах, объединились в Сербский демократический форум, который возглавил Милорад Пуповац. Он выступал против агитации за отделение сербов от Хорватии. По его словам, «Сербия не должна позволить, чтобы сербский народ в Хорватии был разделен на сербов и прохорватов» (81). Он агитировал за двухпалатный хорватский парламент, где были бы представлены и сербы, за предоставление сербам Краины территориально-политической автономии. Третьи попытались создать автономию, затем стали бороться за самостоятельность, надеясь присоединиться к Югославии.

В Краине постепенно создавались органы власти. В январе 1991 г. было решено сформировать Управление внутренних дел Краины. Его секретарем был назначен Милан Мартич, будущий президент РСХ. Скупщина 29 мая 1991 г. ввела пост председателя (президента) САОК, а Исполнительное вече переименовывала в правительство. Председателем САОК и председателем правительства был избран Милан Бабич. Началась работа по формированию органов власти на местах. Схожие процессы наблюдались и в других сербских областях, где были созданы Великая народная скупщина Западной Славонии и Великая народная скупщина Славонии, Бараньи и Западного Срема. Так начинался путь сербов в Хорватии к независимости. Но за самостоятельность еще предстояло бороться.

После провозглашения Хорватией своей независимости в июне 1991 г. противостояние защитников сербских сел и хорватской полиции, борьба между сторонниками непризнанной автономии и защитниками целостности Республики Хорватии переросла в настоящую войну.

¹ Искусство.

2. Война

Перед каждым, кто обращается к событиям 1991 г. в Хорватии, естественно встает вопрос, *могла ли Хорватия избежать войны?* По нашему убеждению, да. Предоставление сербам культурной автономии, обещание строго соблюдать права человека, уважительное отношение к сербской культуре и религии, обеспечение их интересов в парламенте выбили бы почву из под ног страха, охватившего сербское население. Требования сербов видоизменялись со временем в зависимости от категоричности, непримиримости и враждебности хорватских властей.

В Хорватии вся политическая элита выступала за самостоятельность республики. Но существовали разные подходы к вопросу о правах сербского населения на территории Хорватии. Одни полагали, что предоставление сербам автономии было необходимо. Другие считали, что сербов в Хорватии надо изолировать от «этнических лидеров, которых надо гнать огнем и мечом» (140, с.27), и это позволит избежать войны. Но самую радикальную позицию занимал президент, который стремился к созданию этнически чистой Хорватии. Победа последней линии как раз и вовлекла республику в войну.

Бывший министр внутренних дел Хорватии И.Большовац писал, что у Хорватии был шанс избежать кровопролития: «У нас в полиции работали сербы, которые были лояльны нашей программе, у нас была часть Хорватии с сербским населением, которое не поднялось на бунт, премьер-министром союзного правительства был хорват¹, в генеральском корпусе было много хорватов, были даже сербы, готовые работать с нашим вариантом, мирный путь перехода к мягкой конфедерации получил поддержку извне. Все это говорит мне о том, что можно было избежать войны» (106, с.71).

Однако Хорватия ставила перед собой иные цели, которые в конце концов и осуществила — создание самостоятельной Хорватии, но без сербского населения. Об этом прекрасно сказал Ф.Туджман 24 мая 1991 г., выступая на площади Бана Елачица в Загребе: «Войны могло бы и не быть, если бы Хорватия этого не хотела. Но мы оценили, что только посредством войны можем добиться самостоятельности Хорватии. Поэтому мы проводили политику переговоров, а сами создавали свои вооруженные отряды. Если бы мы этого не сделали, то не достигли бы цели. Значит, войны можно было избежать, если бы мы не стремились осуществить свои цели, т.е. создать наше самостоятельное государство» (цит. по: 55, с.7). Генерал Ян Бобетко выстраивает свою логическую линию, которая показывает, что привело Хорватию к войне. Он пишет, что «Сербия почти 70 лет постоянно эксплуатировала Хорватию». Поэтому Хорватия так стремилась к самостоятельности, которую после референдума начала осуществлять. И далее: «Сербия нам не позволила получить самостоятельность без войны. Югославская армия долгое время вооружала сербских повстанцев в Хорватии. ...Было ясно, что мы не добьемся своего государства без войны, никто нам не позволит просто так уйти из Югославии». По его мнению, если бы Хорватия не начала обороняться, то погибла бы (140, с.114,27).

В Хорватии происходила концентрация власти в руках узкого руководства страны и партии Хорватского демократического содружества. Это позволило подчинить все силы республики единому центру, единой воле, а президенту Ф.Туджману без колебаний начать осуществлять свой план независимой Хорватии. Усилия многих государ-

¹ Имеется в виду Анте Маркович.

ственных и общественных структур были направлены на создание, подготовку, оснащение и высокую боеспособность собственной армии. При невозможности создать армию в рамках СФРЮ, упор был сделан на расширение сил полиции, которые к июлю 1991 г. выросли в несколько раз, и на постепенный перевод системы территориальной обороны под республиканское управление. А в Министерстве внутренних дел создавали специальные подразделения — Збор народной гвардии (ЗНГ)¹ — как часть полиции специального назначения, состоящей исключительно из профессионалов. Они были представлены общественности уже 28 мая 1991 г. на смотре на стадионе «Загреб» под руководством генерала Шпегеля. Одновременно формировалась система «общенародной защиты» как система самообороны граждан Хорватии. Эту идею особенно пропагандировал генерал Я.Бобетко (56,с.116; 140,с.26). Для солдат и офицеров, покидавших ЮНА, а также добровольцев в Дубровнике, Осиске, Риеке, Сплите, Загребе и Задаре создавались специальные сборные центры.

В июне, после объявления Хорватией о своей независимости, началась мобилизация в отряды, которые в средствах массовой информации назывались «силами по обороне демократии». Уже 29 июня в Славонски-Броде было мобилизовано 1200 человек, 30 июня в Винковцах — 12 тыс. хорватов (130,с.125). В условиях существования ЮНА республиканская мобилизация встречала отпор в воскоматах, ряде официальных структур, но в целом проходила достаточно успешно. Основные критерии, которые предъявлялись новобранцам, были: хорватская национальность, преданность властям, ненависть к Югославии, готовность беспрекословно исполнить приказ (22,с.242). У меня на руках имеются любопытные документы — анкеты, заполнявшиеся летом 1991 г. хорватскими юношами при поступлении на службу в Министерство внутренних дел. В этих анкетах есть специальная графа — «Основная причина решения кандидата работать в службе внутренних дел». Вот как отвечали на нее совсем молодые люди. Мирослав Балатинац (1971): «Любовь к отчизне и ненависть к сербам»; Ивица Цираки (1966): «Защита хорватской родины от четников и коммунистической армии».

Согласно военным документам, приведенным в книге М.Секулича, в конце июня — начале июля происходило сосредоточение войск Министерства внутренних дел Хорватии в Западной и Восточной Славонии, их обучение и вооружение. Особенно активны они были на границе: готовились блокировать мосты, организовывали контрольно-пропускные пункты, на которых закрыли въезд в Хорватию, но оставили свободным выезд из республики, начали контроль всех дорог и мостов (130,с.128). Выступая перед хорватским парламентом 1 августа, генерал Я.Бобетко критически оценил сложившуюся ситуацию в обороне республики «от четнических орд» и предложил перейти к концепции «вооруженного народа», создать Главный штаб хорватской национальной обороны, который должен возглавить военные действия хорватских вооруженных сил. При этом он обратил внимание на важность единства всех политических сил, на значение политической агитации и пропаганды, а также поддержку международных сил (140,с.99).

В августе 1991 г. Ф.Туджман признался послу США в Югославии У.Циммерману, что начинает «общее наступление против ЮНА и четнических сепаратистов». Когда посол предложил ему подумать о другом варианте — дать сербам автономию и тем самым предотвратить военные действия, Ф.Туджман отказался даже говорить на эту тему (135,с.184–185).

¹ В народе их звали зенговцы.

В конце 1991 г., по словам президента страны Ф. Туджмана, вооруженные силы Хорватии насчитывали около 200 тыс. человек, 350 танков, 400 артиллерийских орудий, 30 самолетов сельскохозяйственной авиации, переоборудованных для военных целей (85). По другим данным, общая численность хорватских вооруженных формирований достигла 110 тыс. человек или 2,3% населения республики (16). Значительную часть вооруженных сил республики составили отряды ЗНГ (около 70 тыс.), войска Министерства внутренних дел (около 30 тыс.), отряды территориальной обороны, а также военизированные формирования. В распоряжении властей имелись также вооруженные формирования некоторых партий — правящей ХДС, Партии права, которые в 1991 г. активно начинали этнические чистки в Славонии, устраивали провокации, делали грязную работу, когда в этом не могли участвовать официальные структуры.

В республику был разрешен въезд долгие годы ждавшим своего часа черным легионам усташей, чья боевая подготовка велась в странах Латинской Америки, Австралии, Германии. Они были прекрасно вооружены. В страну приезжали и наемники, среди которых были немцы, французы, англичане, румыны и даже негры. Действия усташей, ХДС-овцев, а также отрядов наемников, как свидетельствуют факты, отличались особой, изощренной жестокостью.

Генерал Теодор Врачаревич, служивший в Хорватии, вспоминал осенью 1991 г.: «...В Хорватии ...существуют военизированные, гвардейские и наемные войска. Плата одного наемника составляет от трех до пяти, а в некоторых случаях до 15 тыс. марок. В большинстве случаев это иностранцы, хорошо вооруженные и обученные. Они сейчас кость в горле хорватского войска. Будучи самыми экстремистскими на поле боя, они выступают против любого объединения, а большинство их — из рядов экстремистской эмиграции. Там у них были лагеря, в которых они проходили разнообразное обучение. Среди них есть и курды, и румыны... ЗНГ составляют молодые люди..., которые подлежат обучению по программе территориальной обороны, и все эти единицы они переделали. Так и вся Осиекская бригада перестроена. Они все это сделали еще шесть — семь месяцев назад, и об этом знала наша разведка. ...Есть мусульмане из Герцеговины, Бихача и Кладуши... Они около Дубровника, но их там больше мучают негры... Все, что другой расы, сразу минируются и поджигаются.

...Они приняли новый закон об обороне и вооруженных силах Хорватии. ...Некогда наши элитные партийные товарищи и наши старейшины сейчас перешли на их сторону. ...Но мы не можем сказать, что не знали этого. Все мы знали..., но ничего не предпринимали... Все политики, которые когда-то клялись в верности югословенству, перешли в их ряды. Художники, писатели, артисты, журналисты... Те, кто не хотел, оставались без работы и без средств к существованию. Их терроризировали, призывали в армию» (12, с. 115–120).

Хорватия активно занималась обеспечением армии и народа оружием. Часть его имелась в распоряжении территориальной обороны, часть перешла в руки хорватов после падения гарнизонов ЮНА, часть захватывалась в процессе боевых операций. Например, в октябре 1991 г. хорватам удалось захватить три армейских эшелона (100 вагонов) с оружием на пути их следования в Югославию (22, с. 404). Кроме того, Хорватия покупала оружие, ввозя его непосредственно в республику. В октябре 1990 г. югославская контрразведка засняла, а позже показала по телевидению тайный разговор хорватского министра обороны Мартина Шпегеля и министра внутренних дел рес-

публики Йосипа Бельковца, из которого следовало, что республика готовится к войне, что Хорватия уже вооружила 100 тыс. человек. В октябре того же года общественности стало известно, что из Венгрии в Хорватию доставлено 18 000 «Калашниковых». На заседании Президиума СФРЮ в январе 1991 г. сообщалось, что хорватская фирма «Астра» ввезла из Венгрии 10 барж с оружием и снарядами, которое раздается «проверенным» хорватам, активистам ХДС (22, с.242). Хорватия покупала оружие для себя, а позже использовала свою территорию и свои фирмы для поставок оружия в Боснию и Герцеговину. Французский журналист Жак Мерлино опубликовал интересные документы, счета, которые подтверждают покупку и торговлю оружием в Хорватии (110, с.57–64, 190–196). В 1991 г. оружие для Хорватии покупалось в Австрии, Чехии, Германии, Венгрии, Советском Союзе (через Гонконг), Ватикан подарил Хорватии оружие, купленное в Бейруте, на сумму около 2 млн. долл. (110, с.63).

Создание понятной народу мотивации войны было несложным делом для руководства Хорватии. Причиной войны объявили «сербскую агрессию... попытку сербов осуществить доминанцию на части территории Хорватии, создать Великую Сербию» (109, с.71). Хорватский народ, получивший оружие, должен был «защищать свою землю, свой порог, своих предков, своих детей, так как его родине и его народу грозит геноцид» (140, с.101).

Сербские силы в Крайне были организованы как сельские отряды самообороны. Они были плохо вооружены, слабо связаны между собой, не имели поддержки государства. Отсутствовало и единое командование. Сербские сами покупали оружие. Осенью 1990 г. пистолет стоил 800 немецких марок, «Вальтер» – 2 тыс.

Сербские в Хорватии верили безгранично, что армия их защитит, и потому постоянно просили руководство в Белграде оказать давление на Хорватию. Но Сербия открыто не поддерживала Крайну. М.Бабич критиковал пассивную позицию Белграда и начал осуществлять идею создания армии РСК. 20 августа 1991 г. правительство Крайны¹ приняло решение о формировании единой системы территориальной обороны как «вооруженных сил Крайны». Командующим ТО стал М.Бабич.

Волна патриотизма захлестнула Сербию, Черногорию (так же как и Хорватию, Словению). В Крайну хлынули сербские добровольцы из Югославии. Многие партии (Сербское движение обновления, Сербская радикальная партия и др.) создавали свои вооруженные отряды, которые направлялись помогать братьям в Хорватию. Однако эти отряды, собранные зачастую из случайных людей, не хотели подчиняться общему командованию, их мораль была на достаточно низком уровне, они не гнушались уносить с поля и не с поля боя «военные трофеи». «Пилю сверх всякой меры, грабят бездушно, а их сообщения были полны лжи. В большинстве случаев», — вспоминал генерал Лисица (57, с.82).

Как пишет американский посол У.Циммерман, война в Хорватии явилась возвращением к старой традиции балканского бандитизма. «Подонки общества — растратчики, грабители и даже профессиональные убийцы — возникли из грязи и стали борцами за свободу и народными героями, поощряемыми пропагандой своего строя. В таком образом созданной военной пирамиде последние стали первыми, а злодеи — героями» (135, с.182). Среди сербов он упоминает «наемника» капитана Драгана¹, «бос-

¹ Первое правительство Крайны было избрано 29 мая, премьер-министром стал М.Бабич, а министром внутренних дел — М.Мартич.

нийского интеллектуала с фашистским менталитетом Воислава Шешеля»² и Желько Разнятовича Аркана³, «местного разбойника, которого искала полиция нескольких западноевропейских стран» (135, с. 183). Он подчеркивает «беспричинную склонность Аркана к убийству несербов». Западные публицисты писали о его активизации весной 1991 г. в Восточной Славонии, где в Эрдуте располагалась база его отряда «Тигрь» (136, с. 245). Среди хорватов посол упоминает имя Бранимира Главаша, «чьей специальностью была чистка сербских сел и убийство сербских мирных жителей, а также хорватских полицейских, которые с ними дружили». Он называет Главаша «философом этнических чисток» (135, с. 183).

По мнению министра обороны СФРЮ В.Кадисвича, вооруженные столкновения в Хорватии прошли две фазы: первая охватывает время от первых вооруженных нападений на сербов — с весны до конца лета 1991 г. Вторая фаза начинается с открытой войны против ЮНА с осени 1991 г. (52, с. 126). Анализируя позже события в Хорватии, министр подчеркивал, что цель руководства Республики Хорватии на первом этапе заключалась в установлении власти над сербскими районами Краины и стремлении сломить их сопротивление с помощью полиции и армии. При этом избегалось открытое столкновение с Югославской армией. Ее надо было нейтрализовать с помощью пропагандистских и политических средств.

Хорватский генерал Я.Бобетко также пишет о двух фазах войны — оборонительной для Хорватии и затем наступательной. По его мнению, разговоры об угрозе сербам — это лишь политическая акция, которая имела целью оправдать изъятие оружия, посылку диверсантских групп, организацию террористических отрядов. Целью всех этих действий, полагает генерал, являлось «занятие части хорватской территории» (140, с. 84). В мае 1991 г. он отмечал в интервью, что Хорватии противостоят три армей-

¹ Капитан Драган (Драган Василькович, Даниел Снеден), гражданин Австралии и СФРЮ, родился 12.12.1954 г. в Белграде. Рос в детском доме. Представитель и совладелец американской авиакомпании «Снеден инц». Брак с Силке Кригер из Гамбурга, имеет сына. В Австралию эмигрировал в 1970 г. Регулярно приезжал в Югославию с 1986 г. В Австралии закончил начальную и среднюю военную школу. Прошел специальное обучение. В спецвойсках получил чин капитана. В рамках международного военного обмена закончил в США высшие курсы по диверсионной деятельности. Управляет самолетом, вертолетом. Мобилизовался в 1985 г. Близок с американскими, еврейскими и британскими офицерами, бизнесменами (Джеффри Клайн, Джим Бенке, Мартин Липч, Исак Морлен). Восвал в горячих точках планеты (Вьетнам), работал как наемник по обучению солдат в африканских странах. В 1991 г. предложил свои услуги Министерству обороны Сербии по специальному обучению добровольцев. В 1991 г. в Крине работал вместе с Мартинчем и Бабичем, обучал добровольцев, восвал в Краине, избивал Госинца. О нем, его храбрости и способностях складывались легенды. Но потом он поссорился с Бабичем (версия — работа разведслужб). Создал Фонд «Капитан Драган» по инициативе 100 добровольцев, которые в нем работали (во главе — пенсионерка Любина Жикич). В Фонде работают психологи, психиатры, помогают раненым и семьям погибших.

² Воислав Шешель — лидер Сербской радикальной партии в Сербии, рожден в Боснии и Герцеговине.

³ Аркан «отличился» в боях в Хорватии, со своими боевиками участвовал во многих операциях, не считаясь никому из командиров регулярных формирований, известен своей жесткостью по отношению к хорватам и мусульманам. Занимаясь торговлей оружием, грабежами, сколотил себе за время войны большой капитал.

ских округа, которые готовятся наступать: Белградский округ ЮНА — на Вуковар, Загребский — на Загреб, Плитвицы и Книн, а Сплитский — на Шибеник и Книн. А все вместе они имели цель сжать кольцо вокруг Загреба. Для этого им необходим был только повод (140, с.83,85).

На наш взгляд, период военных столкновений на территории Хорватии распадается на две фазы. Первая (I) представляет собой борьбу между сербами Краины, которые пытались создать независимое территориальное образование и выйти из состава Хорватии, и хорватскими властями, стремившимися установить единую власть на всей территории Хорватии и сохранить территориальную целостность республики. Она длилась с конца 1990 г. до августа 1991 г. Вторая фаза (II), временные границы которой можно обозначить как август 1991 — сентябрь 1992 г., характеризовалась участием Югославской народной армии в военных действиях на территории Хорватии. Рассмотрим обе эти фазы, учитывая особенности развития событий в трех областях компактного проживания сербов — Книнской области (Северная Далмация, Лика, Кордун, Банья), Западной Славонии и Восточной Славонии (Восточная Славония, Баранья и Западный Срем).

I. Первые столкновения в Хорватии связаны с борьбой за отделения полиции, поскольку Загреб таким образом пытался установить свою власть на «восставшей территории». Изгоняя же хорватских стражей порядков, сербы могли полностью контролировать ситуацию на определенной территории. Столкновения отмечались в августе — октябре 1990 г., когда сербы ставили баррикады на дорогах, не пропускали в свои села хорватских полицейских, занимали здания полиции.

События в *Книнской Краине*¹ отличались особой динамичностью. Это было связано с тем, что инициатива объединения всех сербских общин происходила именно из Книна, что именно здесь собрались наиболее радикальные представители сербского движения за независимость. Во второй половине 1990 г. и начале 1991 г. столкновения с полицией продолжались. В феврале 1991 г. на Плитвицких озерах, курортном месте, расположенном севернее Книна, властям удалось укрепить отделение полиции, которое пыталось прорвать ограждения и баррикады на дорогах, проникнуть в глубь территории, находящейся под контролем сербов. В конце марта хорватская полиция в районе Плитвиц встретила серьезное сопротивление сербов под руководством Милана Мартича. В завязавшей перестрелке погибли два человека. Некоторые исследователи именно 31 марта считают началом сербско-хорватской войны.

О том, как воевали с хорватскими войсками и полицией, лучше расскажут живые участники тех событий.

*Топуско. Председатель Исполнительного Совета общины
Вргин-Мост (Кордун) Драган Певац.*

«В общине на территории 470 км² проживало 16 тыс. населения. У нас 2 городка — Топуско и Вргин-Мост. До войны здесь жили 77% сербов и 20% хорватов. Община воювала против хорватов в 1991 г. 3.07.91. хорватская милиция вошла в Топуско. Ей противостояли только отряды сербского ополчения (самообороны). ЮНА находилась в городе, но не вмешивалась, 16 июля хорватская милиция хотела пройти через села, но на дорогах строили засады. Хорватская милиция 14 сентября на автобусах вывозила

¹ Мы условно обозначили Западную часть РСХ как Книнскую Краину. Она включает в себя такие области, как: Северная Далмация, Лика, Кордун и Банья.

хорватское население из Топуско, 15 сентября взорвала историческое здание, в котором проходило в 1944 г. 3-е заседание ЗАВНОХА. Уходила милиция 16 сентября, минируя и взрывая многие здания в Топуско. ЮНА оставалась в городе вплоть до апреля 1992 г., до прихода UNPROFORA. Жители хотели оставить некоторые разрушенные здания как свидетельства злодеяний хорватов. Но армия все почистила, сравняла с землей и даже посадила на этих местах деревья. Оставила разрушенной только католическую церковь, взорванную сербами. Представляете? Ну, понятно, командир был черногорский католик. В общине осталось 200–300 хорватов, например, в селе Белявина около 20 хорватских домов, около 100 человек. Живут мирно. Их никто не трогает».

Председатель общины Глина (Банья) Любомир Маджарац рассказывал (13.08.94):

«В середине июня 1991 г. хорваты зверски убили и сбросили в реку Глину двух сербов. Тогда нам стало ясно, что мира с хорватами не будет. 25 июня Хорватский сабор провозгласил отделение, а 26 утром хорватские спец.единицы МУПА уже вошли в наш город, чтобы занять его. До этого уже были столкновения в Пакраце, Коренице, Борово-Селе. У горожан сил для защиты было мало. Председатель общины просил ЮНА о помощи. Они пришли из Петриня и стали тампон-зоной, в борьбе против хорватов участвовали только добровольцы. Армия ушла по плану Вэнса-Оузана, но оружие нам не оставила». Сербские ополченцы отгеснили хорватские войска лишь 27 июля. По его словам, в общине за 3,5 года погибли 130 человек, ранены более 200, из общины уехало 4,5 тыс. хорватов, приехало из Хорватии 2,5 тыс. сербских беженцев.

Имеется огромное количество свидетельств жестокости усташей в сербских селах. Из воспоминаний корреспондента «Правды» Евгения Фадеева о Краине 1991 г.: «...Вспоминию, как четыре года тому назад по собкоровским делам оказался как раз в тех самых местах. Война еще не набрала свои жестокие обороты. Но я уже был арестован вооруженной до зубов хорватской полицией (уже не милицией) как «сербский шпион». Потом вдоль живописной дороги на Петрыни ... я видел обрубленные стволы цветущих деревьев, на которых были посажены людские черепа. Тогда еще можно было разговаривать, и на мой вопрос: «Почему хорваты не снимут этот ужас: все же люди», — услышал ответ: «Это не люди — это сербы» (7).

От боли и горя был нем Кордун, когда хоронили жестоко замученных 13 сербских солдат, сдавшихся хорватам в плен. Прощаясь с погибшими, известный карловацкий хирург Милан Кресоевич сказал: «Нынешнее хорватское государство — рецидивное патологическое создание, которое продолжает то государство, которое наполняло шахты предками ныне погибших кордунцев. Боль в Кордуне перерастет в гнев, который никогда не пройдет» (33).

Свидетельства об убийствах сербов на территории Хорватии не были достоянием широкой общественности. Лишь позже стали появляться неоспоримые документы о зверствах, чинимых против мирного сербского населения.

В июле 1994 г. антивоссная хорватская газета «Аркин» опубликовала список 75 сербов из Госпица, убитых и сброшенных в Катинску шахту. Именно тогда впервые была приоткрыта завеса скрываемой властями тайны убийств мирного сербского населения (147,с.127).

1 сентября 1997 г. хорватская газета «Ферал трибюн» опубликовала признание Миро Байрамовича, который осенью 1991 г. воевал в Первом загребском отряде мили-

ции особого назначения при МВД, более известном под названием «Осенние дожди» и собственноручно убил 72 человека, в том числе и девять женщин. Этот отряд занимался «чисткой» территории от сербов. «Никаких скидок мы не делали,— писал он,— все они были для нас четники и враги. Самое трудное сжечь первый дом и убить первого человека. Потом все идет как по шаблону... Сербам в то время приходилось несладко. Не даром же говорилось что там, где мы пройдем, трава не растет» (105, с.74,77). М.Байрамович вспоминал, как получил приказ «очистить от сербов Госпич»: «Наш отряд ликвидировал там от 90 до 110 человек, так как мы были там недолго, меньше месяца... Мы убили начальника почты, заведующего больницей, владельцев закусных и разных других сербов. Убивали выстрелом в голову, так как у нас не было времени. Повторяю: был приказ из штаба: свести к минимуму процент сербов в Госпиче» (105, с.75). Убийца свидетельствует об убийстве 280 человек и издевательствах над заключенными сербами в импровизированной тюрьме в Пакрац-Поляне, куда отряд прибыл 6 октября 1991 г. Комендантом Поляны был Т.Мерчеп, прибывший туда из Вуковара. «Когда я вспоминаю, каким жестокостям мы их подвергали, не могу понять, как можно было до такого додуматься,— писал он.— Знаете, какой способ самый эффективный? Поджигаете заключенного газом из газового баллона, а потом обливаете уксусом. Главным образом льете в глаза и по генитальным органам. Использовался еще и такой способ: подключали сербов к индуктору полевого телефона. Постоянный ток в индукторе не убивает, но трясет очень неприятно... Заключенным заталкивали пятижильный кабель в задний проход и оставляли на несколько часов, чтобы они не могли сесть. Сыпали на открытые раны соль и уксус...» (105, с.76). Чудовищно звучит следующее признание палача: «В то время было принято рассуждать так: сербского ребенка необходимо убить, потому что он и на минус двадцать не околеет. В то время вообще никто не думал, что сербы такие люди, как мы, и что они чьи— то отцы, братья, дети...» (105, с.82).

В Хорватии существовали лагеря для сербов — в Пакрачка-Поляне, около Госпича и три лагеря в Сисаке. Председатель Исполнительного комитета Содружества сербов в Хорватии М.Шкорич говорил об этом с Ф.Туджманом, на встрече с российской делегацией, но за разглашение тайны был арестован (123).

Мировое сообщество спокойно наблюдало за событиями в Хорватии. В средствах массовой информации практически всех стран утверждался тезис о сербской агрессии, о зверствах ЮНА и невинности хорватской армии. Лишь редкие голоса на Западе пытались прорвать информационную блокаду и высказать иную точку зрения.

Полностью оградить свою территорию от хорватской полиции и военных подразделений сербам Книнской области удалось только осенью 1991 г., когда им стала помогать Югославская армия, когда в книнский корпус получили назначения Ратко Младич, Славко Лисица и другие офицеры (57, с.33; 53).

В Западной Славонии, пожалуй, развернулись самые трагические события. По переписи 1981 г. в 9 общинах Западной Славонии существовал 251 населенный пункт с абсолютным и 32 с относительным сербским большинством. Эти цифры были бы еще больше, если бы многие сербы не записывались как «югославы». С первых месяцев 1991 г. началось систематическое насильственное изгнание сербов с их исконных земель. Собранные Сербским сабором¹ документы показывают, что этническая чистка во всех городах Западной Славонии начиналась одинаково и приблизительно в одно и то же время, что

заставляет думать, что она проводилась на основании единого плана. Везде сначала проявлялась неприязнь, затем следовали угрозы, нападения, избиения, грабежи, увольнения с работы, отключения электричества, а заканчивалось резней. Сербы испытывали чувство беззащитности, так как против них были и полиция, и местные власти, и органы правосудия. Минировались сербские дома, экономические объекты, составлялись списки сербов, подлежащих аресту. Самый длинный список «врагов» независимости РХ был составлен в Даруваре в начале 1992 г. Он был издан в виде книги (!) под названием «Кто есть кто в Даруваре» и содержал фамилии 6521 серба из 35 населенных пунктов даруварской общины, которые якобы сеяли «семя зла» в Славонии. После появления этого списка в Даруваре прошла волна увольнений и преследований. В Подравска-Слатине, когда по городу был развешен плакат со списком 340 сербов этой общины, большинство сербских домов взлетели на воздух (43, с.34—35).

В Грубишно-Поле из 3060 жителей было 979 хорватов. Но уже с начала 1991 г. город охватила антисербская истерия. 13 августа в город прибыли «чернорубашечники» — солдаты ЗНГ из Вировитицы под командой активиста ХДС Стояна Гушпины. Они блокировали все выезды из города, взяли на себя обязанности полиции (43, с.8). Начальник милиции Грубишно-Поле Н.Шонин составил список 124 сербов, которых надо ликвидировать. Четверых — Милоша Люзбешича, Миле Станича, Драгу и Спаса Мачек — зарезали сразу. Это послужило сигналом для начала массовых зверств. Население стало срочно покидать город, сербские дома запылали. Особую свирепость гвардейцы проявили к хорвату Йосипу Кучери, сражавшемуся в рядах сербской территориальной обороны. В селе Лончарица было сожжено 90 домов. Среди имен тех, кто проявил особую жестокость, называли Здравко Поповича, Яндре Загора, Велько Марича, Стояна Гушпины (35).

На села с сербским большинством налеты крупных групп вооруженных активистов ХДС начались весной 1991 г. Как правило, у них был повод — установка новых хорватских флагов на зданиях общины. За партийными отрядами следовали полицейские. Они встречали сопротивление плохо вооруженных сельчан. Сербы как могли сопротивлялись появлению шаховниц. «Война флагов» в Западной Славонии чаще приносила победу полицейским, чем сербским ополченцам. Первое серьезное столкновение произошло 2 марта 1991 г. в Пакраде, где сербы взяли под свой контроль полицейский участок и здание общины и объявили о присоединении к Автономной области Краина. Ф.Туджман не мог позволить создания еще одного Книна и велел силой исправить положение. Хорватские полицейские провели хорошо подготовленную операцию и успешно восстановили контроль над городом.

Поскольку территориальную оборону Западной Славонии из 7800 плохо вооруженных бойцов сербы создали лишь к сентябрю 1991 г. (25, с.23), а помощи и поддержки из Сербии не получали, то свою главную задачу они видели в том, чтобы вывести народ, провести эвакуацию и объявили о избежание его уничтожения.

Бывший министр обороны СФРЮ В.Кадиевич пытался оправдать пассивность армии в Западной Славонии неудачей мобилизации в Югославскую армию. Кроме того,

¹ Сербский сабор — несправительственная добровольная организация югославских ученых, главным образом, историков, которые с начала кризиса собирали и систематизировали документы о нарушениях прав человека, о геноциде сербского населения, составляли этнические карты, готовили подробные аналитические материалы. Руководитель — доктор исторических наук Воин Дабич.

по его мнению, «сербское повстанческое войско в Западной Славонии было настолько многочисленным и хорошо вооруженным, что ... вполне могло держать под своим контролем освобожденные сербские территории в Западной Славонии. Но большую роль в распространении паники среди восставших, в расширении лжи о предательстве и тому подобном сыграли как специально подготовленные и засланные туда эмиссары из Белграда, так и те, кого устали успели внедрить в ряды восставших. Ни в одной другой части Сербской Краины не было подобных явлений» (52, с. 139).

До 15 августа 1992 г. были полностью очищены от сербского населения 10 городских и 183 сельских населенных пункта, а частично очищены 87 сел (43, с. 4,5,2). Преследования сербского населения продолжались и позже, так что эти цифры увеличились.

В Восточной Славонии, Баранье и Западном Среме события были не менее драматичными. Этот край не избежал серьезных столкновений. Только из Осиека в 1991 г. было изгнано 12 147 человек или 88,6% всех довосенных сербов (122, с. 66). В то же время Баранья известна по самым крупным потокам хорватских беженцев.

8 сентября 1994 г. в общине «Бели Манастир», Баранья, состоялся разговор с руководителями общины.

Слободан Миловац, председатель общины: «Община покрывает всю территорию Бараньи. Ее территория — 1147 км², 70% территории — заливные луга, земля плодородная. В общине 45 населенных пунктов. В 1992 г., по неофициальным данным, в общине проживало 45 000 человек, из них — 66% — сербов, 19% — шоковцев, 1,6% — черногорцев, 3% — цыган, 13,1% — венгров.

В 1945 г. Баранья была не в составе Хорватии, а входила в Воеводину. 28 августа 1946 г. она вошла в состав Хорватии по простой причине — с ней легче была связь, были дороги. В 1944 г. Павелич населял сюда хорватов из Западной Герцеговины, в 1949–1950 гг. здесь также произошла колонизация, приехало большое количество хорватов из Загорья и Меджугорья в оставленные немецкие дома (400 тыс. придунайских немцев пришли в эти края в XVIII в.).

2 июля 1991 г. — Скупщина приняла решение, что Баранья остается, если Хорватия выходит из состава Югославии. С активизацией ХДС в этих краях ухудшились межнациональные отношения. До этого все было нормально. Шоковцы не ощущали себя хорватами. А хорваты стали унифицировать всех католиков с хорватами. В середине августа 1991 г. хорваты массово стали покидать Баранью, хотя их никто не прогонял. Хорватская полиция буквально наводнила Баранью. Мы ощущали, что готовится ликвидация сербов или их выселение. Мы обратились за помощью к ЮНА. Нам ответили, что армия будет защищать всех, независимо от национальности, тогда, когда это будет необходимо. Они находились в казармах и не вмешивались в политику. Долго ждали политического решения. В мае-июне 1991 г. в селе Поповцы хорваты, которых в селе было 90%, готовились вырезать сербов. Но армия открыла этот план, в село вошли 2 танка, встали на мосту. Хорваты испугались и отказались от своих планов. Шекс говорил 6 июня 1991 г., что сербы уйдут с этих территорий с одной сумкой и с горстью земли на груди. Часто в Баранью направлялись диверсионные группы. 3 апреля 1992 г. была попытка захватить Баранью, началось фронтальное нападение, в присутствии УНПРФОРА. Сербы оборонялись.

Сербов погибло 27 человек, хорватов, по хорватским оценкам, — 1200. В Бараны много беженцев из Западной Славонии, более 5000 пенсионеров».

Радмила Бьелица, секретарь Скупщины общины: «Первые беженцы появились у нас в конце октября 1991 г. В начале 1992 г. было уже 5737 беженцев. Их количество постоянно увеличивалось, и сейчас беженцев около 15 тыс. Многие прошли через Баранью, оставаясь здесь только временно. Хорватов из Бараны ушло 8–10 тыс. В области на 7200 работающих — 5900 пенсионеров».

Хорваты особо упорно дрались за земли Восточной Славонии, так как это был экономически сильный район. Важной составляющей экономики этого края является река Дунай. Тогда, в 1991 г., от немецкой Партии «зеленых» просочились сведения, что Хорватия предполагала на Дунае недалеко от Вуковара построить атомную электростанцию, а радиоактивные отходы размещались бы в подземных ходах Вуковара. За этот проект, по словам «зеленых», Хорватия получала оружие от Германии (12, с. 128–129). Кукуруза, выращенная на плодородных землях Восточной Славонии, экспортировалась в Европу, а эрдутское вино славилось на весь мир. Кстати, в упорных боях, которые велись в районе Эрдута, и та, и другая сторона шадили винный завод и его знаменитую коллекцию вин.

В начале апреля 1991 г. во всех сербских селах в районе Вуковара были поставлены баррикады. Измотанные постоянными дежурствами на дорогах, слухами о пролитой крови в столкновениях, сербские крестьяне постоянно ожидали нападения хорватской полиции, создали Штаб движения сопротивления. Там, где баррикады не возводились, жизнь селян подвергалась опасности. Например, в селе Сарваш, где в силу смешанного населения (621 хорват и 1129 сербов) не были возведены баррикады, хорватские власти полностью контролировали село. 2 августа силы хорватской милиции устроили массовую резню сербских семей этого села (список убитых приводится, см. 122). Та же участь постигла и лояльное село Паулин-Двор. Напряженье росло, поскольку хорватские полицейские также контролировали все главные дороги, ограничивали передвижение по ним. Крестьяне сами доставали или покупали оружие, не ступались и охотничьими ружьями: только в Борово-Селе в то время было 130 охотников. Оружие шло и из Сербии, Дунаем. Одновременно в Восточной Славонии начинается массовое вооружение хорватов. Оружие раздавали в Вуковаре, Винковцах, Осиеке. В апреле один член ХДС (он не хотел, чтобы журналисты упоминали его имя) рассказал: «Я получил «каланиникова», чтобы использовать его против сербов в террористических целях, чтобы убивать все, что сербское — женщин, детей. Делаю это по собственной воле (сдал оружие сербам. — Прим. авт.), я не террорист, но поклялся хорватскому командованию. Сербы ничего мне не сделали, поэтому я сам пришел добровольно, чтобы спасти свою и их головы» (61).

Вообще, случаев сотрудничества сербов и хорватов в этот период было много. Жители Борово-Села рассказывали, что в борьбе против хорватских полицейских им помогали и хорваты, с которыми они жили бок о бок (64). Если уходили хорваты из села, сербы присматривали за их домами, и наоборот. Хорватские матери передавали сербским солдатам, заточенным в казармах, письма и еду от их матерей. Хорваты в своих домах прятали сербов, помогали им уйти к своим.

В течение апреля постоянно возникали стычки то здесь, то там: полиция стреляла по баррикадам, арестовывала сербов, открыто раздавала оружие хорватам. В небе появились полицейские вертолеты. Штаб движения сопротивления в Борово-Селе,

большом селе недалеко от Вуковара, объявил 4 апреля общую мобилизацию всех мужчин и эвакуацию женщин и детей, так как ожидалось нападение хорватских сил, которые концентрировались вокруг села. Славко Докманович, председатель общины Вуковар, обратился к армии с требованием предотвратить кровопролитие. Но армейское командование в события не вмешивалось. На помощь сербам приехали добровольцы из Сербии — 14 четников из отряда воеводы Шешеля и отряда имени Душана Сильного. Они дежурили на баррикадах, главным образом, ночью, помогали организовывать оборону села. Мирко Йович, председатель партии Сербское народное обновление из Стара-Пазовы сообщил о создании Сербского национального фронта как общественного института для защиты сербов в Хорватии и обещал помощь добровольческого отряда из 15 тыс. человек. Он распространил слух, что Скупщина Сербии скоро примет решение об объединении с Восточной Славонией. Это придавало силы тем, кто много дней стоял на баррикадах.

9 апреля начались переговоры между сербской и хорватской сторонами по вопросу соблюдения прав человека и организации совместной жизни. С сербской стороны в переговорах участвовал Горан Хаджич, с хорватской — начальник полиции Осиека Иосип Рейхл-Кир, член реформированной коммунистической партии Хорватии. В результате пришли к договоренности, что к 14 апреля все баррикады в селах будут разобраны, а полиция будет гарантировать сербам безопасность, пока не будет проведен референдум о будущем Югославии. При этом И.Рейхл-Кир пообещал, что проведет чистку в полиции, и там останутся только достойные люди. Люди вздохнули с облегчением, баррикады были разобраны.

Забегая вперед скажем, что 1 июля Иосип Рейхл-Кир вместе с градоначальником Осиека поехал на баррикады в Тэне, чтобы попытаться активизировать переговоры с сербами. Переговоры шли успешно и должны были быть продолжены в Осиеке. Делегация в составе четырех человек (к хорватам присоединились и двое сербов) направилась в Осиек. Но они были остановлены хорватскими полицейскими во главе с Антуном Гуделем (председатель партии ХДС в Тэне), которые затем открыли по машине огонь. Трое из четверых, в том числе и И.Рейхл-Кир, были убиты¹. Смерть начальника полиции помогла экстремистам, объединенным вокруг губернатора Бранимира Главаша, настроенного силой задушить восстание сербов, продолжить против них вооруженную борьбу (60, с.53).

Несмотря на договоренности, напряжение не спадало, антисербская истерия продолжалась. Газета «Глас Славоние» и другие газеты публиковали списки несояльных сербов, причем написать мог любой, даже анонимно, не очень заботясь об аргументации. И тут же имена сербов появлялись на страницах газет. Если твое имя попадало в газету, в черный список, то это означало, что отношение к тебе хорватов, включая властей, может быть как к изменнику и предателю. В газете «Глас Славоние» эта акция носила название «Открываем, кто является военным преступником в Славонии и Баранье». Например, среди присланных свидетельств против сербов публиковались такие: «Илия Кнежевич, бывший руководитель «Шумарин» в Осиеке и преподаватель

¹ В 1991 г. после совершенных преступлений А.Гудель покинул страну, но позже был арестован и предан суду в г. Осиеке.

на сельскохозяйственном факультете, наверное является каким-нибудь четническим советником в Эрдуте, а видели его и в Баранье», «Стелан Майер, который также живет на Дунайской улице, хоть и немец, но назвал себя сербом и стал лояльным четническому штабу в Дале», «Лубурич из Эрдута участвовал в кровопролитии в Борово-Селе, а сейчас в Эрдуте он один из ведущих палачей» (30).

Зоран Белдир, председатель общины Мирковцы в Восточной Славонии (разговор состоялся 7.09.94) вспоминал: «Первым жителем Мирковцев был хайдук Велько. Село всегда было этнически однородное. Только после второй мировой войны переселилось сюда немного хорватов. Для населения Мирковцев вторая мировая война никогда не кончалась. Все 50 лет титовской Югославии сербский народ был задавлен режимом, а жаловаться было некому. Я объясню. Серб не мог занимать ни одну руководящую должность, особенно на местах, где могли что-нибудь сделать для своего народа. Среди сербского населения было очень много безработных, сербы уходили из этих краев. Уезжала особенно интеллигенция. Счастье, что война началась сейчас. Через 10–20 лет уже некому бы было подниматься против усташеской власти. С 90-го года начались массовые увольнения. Созданная ХДС работала вместе с церковью. Мы не могли равнодушно наблюдать, как они вооружаются. Они каждый месяц формировали новые отряды милиции, которые потом переросли в Збор народной гвардии.

Хорватов в Мирковцах было 6–7%. Мирковцы — пригородный район Винковцев, но ближе к Винковцам сейчас лежит зона, в которой никто не живет, она была под перекрестным огнем. Почему им нужны были Мирковцы? Во-первых, город лежал на перекрестке дорог; во-вторых, у нас был большой военный склад, принадлежавший ЮНА, который они хотели занять. Давление на нас началось осенью 1990 г., прежде всего на учащих, которые ходили в школы в Винковцы. Начали избивать наших школьников. Но мы добились лишь того, что после собрания (у меня есть стенограмма с этого собрания), на котором присутствовали председатель общины Винковцы Тихомир Золак и начальник СУПА Винковцев покойный Бошняк и где разбирался этот вопрос, этих учеников на следующий день снова избивали. Нашему терпению пришел конец. Наши люди не могли больше лечиться в больнице в Винковцах. Их ограничивали в приемах, давали контролькарта. Число сербов из Мирковцев, которые работали в Винковцах, снизилось с 700 до 170. Уже перед самой войной сербов заставляли подписывать бумаги на лояльность хорватской власти. Ни один серб, православный, не мог подписать этот документ, подписало очень небольшое количество людей. Эту бумагу выдавали на рабочем месте. Получалось, что ты должен плевать сам на себя. Все остальные были исключены в списки неблагонадежных. Затем подошло время замены государственных символов — шаковница, герб, а это для нас усташеские отличия. Все, что было в государстве, становилось хорватским. Средства массовой информации делали все для сатанизации сербов. До сих пор на каждой газете «Хорватский вестник» в Винковцах сверху пишут «Проклятые сербы были там, где им место». А в газете «Слободни Тъедник», полицейской газете, которая лежала в каждой кафане, в каждом номере публиковались списки нелояльных сербов, их досье. Каждый знал, что это полицейская газета, значит, можно спокойно убить этого человека. Многих избивали. Люди пропадали. Был такой случай с нашим юношей из Мирковцев, который учился на 4 курсе полицейской школы, сербом. Он пропал, и до сих пор ничего о нем не знают. Его звали Горан Павлович.

Его родители сегодня душевно больные. Одян водитель, Шивич, был убит и брошен. Йован Грубич, директор комплекса «Елен», дипломированный юрист — убит, связан проволокой и брошен в Драву. 9 августа 1990 г. подожгли книжный магазин в Винковцах, владельцем которого был наш гражданин из Мирковцев. Они подкладывали бомбы под частные магазины, которыми владели сербы, а под самый Божич, в ночь между 4 и 5 января подложил бомбу перед входом в церковь. Мы попытались провести митинг протеста, полиция нам запретила, чтобы не вызывать инцидентов, мы провели его в церкви. Были постоянные провокации с шаховниками, которые хотели водрузить на наши дома, иногда радиотранслятор ставили на крыши и кричали: «Выселяйтесь из дома!».

У меня в руках хорватская газета «Глас Славоние» от 22 апреля 1992 г. В ней помещена присланная читателем фотография, которая должна была обвинить (под ней как раз подпись «Фотография обвиняет») руководителей СДП в связях с четниками (30). Редакция обвиняет одного из руководителей СДП Йована Рашковича, заснятого в группе людей, в порочащих его связях с четниками. В качестве «известного четника» представлен человек с бородой, но он — ... председатель СДП из села Еленово (Сарваш). Взглядываю в лицо этого «четника» и узнаю его. Это Джордже Вуйкович, с которым я встречалась летом 1994 г. Он представился мне как бывший командир батальона Сарваш — Тене, а сейчас — командир военного района Даль. У меня сохранилась запись беседы с ним.

«В Сарваше было 60% сербского населения, а 40% хорватского. Нам было очень тяжело пережить хорватские символы, которые для нас были символами фашизма, уничтожения сербов, усташества. Мы не могли смотреть на это пассивно. Хорваты ходили со значками усташей на лацкане, пели усташеские песни. У нас нет сербской семьи, которая не страдала бы от усташей во второй мировой войне, а сейчас они снова поют усташеские песни. Мы не верили, а они начали убивать, трупы снова поплыли по Дунаю. Мы не можем поверить, что нас ненавидели только потому, что мы принадлежим к другой нации. Если бы я хоть что-то сделал, а так только за то, что я серб. В нашем селе соседи, бывшие знакомые, соседи и друзья надели униформы, стали у нас требовать удостоверения. Мой сосед, который вырос со мной, учились вместе, требует у меня личную карту! Он ведь все обо мне знал, и даже о моих дедах и прадедах. В личной карте сербам ставили цифру «три», называли нас «трехфазными». В 90-м году издевательства продолжались. Начали приезжать неизвестные люди, фотографировались около наших домов и говорили, что эти дома уже им продали. Потом я вижу — сосед с автоматом уходит на учение. Я его спрашиваю, что они делают, а мне в ответ — тебя это не касается. 2 августа 1991 г. в село вошла большая группа усташей во главе с членами Збора народной гвардии и муповцами¹, со списками, стали требовать оружие. В тот день свирепо убили несколько семей — семью Боянич, Душана Бояничча, его мать Миланину и жену Душана Бранку, и самым зверским образом, разбросали тела по двору, чтобы видели соседи. На следующий день приехала машина, собрала трупы и бросила в реку. Это были невинные люди. Затем они переходят дорогу и убивают семью Адамович, Госпаву и Веселлина. Убивают Еренич Лазара, секретаря Сербской демократической партии, Сандич Светислава, он был богатым, у него забирают две машины, грабят его и убивают. До сих пор их жены, а они католической веры, просят тела своих мужей, а Хорватия

¹ Сотрудники Министерства внутренних дел

ним не отвечает и не признается, что это они убили. Убивают Петрович Зору, старушку, которая жила одна. У нее случайно нашли в шкафу охотничье ружье ее сына Лазара, который был охотником. Убили ее, а когда выходили из дома, сосед заметил, как они показали, что полоснули ей по горлу. Это чистый усташеский знак — от уха до уха — который усташа оставляли на своей жертве. Усташа на выходе из села поставили баррикады, и люди не могли уйти из села. Убивали на месте. И оставляли на дороге, чтобы другим было неповадно. 3 августа усташа полностью заняли село, оставшееся население послали в автобусы и отвезли в Осиек, разместили в специальных лагеря, а хорватов отделили. Полтора месяца, до 17 сентября они разрушали и грабили село. Сербь из разных сел собрались в Бело-Брдо в отряд самообороны. 17 сентября отряды территориальной обороны пошли на освобождение села. В селе не было ни одного крестьянина, только военные. Это село мы в тот же день освободили. Хорватского солдата, которого нашли там убитым, мы схоронили в католической церкви, не были зверями, как они, отнесли его в церковь и схоронили в пустой гробнице...».

Зоран Белдар: «Мы были вынуждены самоорганизоваться — сначала дежурство, а потом патрулирование. Помня негативный опыт из 1941 г., наши предки закапывали оружие, которое нам ох как пригодилось, особенно в начале. Бывали случаи, что человек имел всего четыре пули, а эти пули что-то да значили, а если не значили, то были важны психологически, и нам, и им. Нам пригодились и охотничьи ружья из общества охотников, мы даже покупали оружие у хорватов. С началом серьезной войны, распадом Югославии мы взяли склад с оружием. В нем было 20 тыс. единиц различных видов оружия, 5 т. взрывчатых веществ. Насколько он принадлежал хорватам, настолько и нам. И мы его употребили. У нас в городе большой дом — музей, на котором на досках написаны фамилии всех сербов, целые семьи, которые страдали от усташей, которых вводили в Ясеновац. Это для нас было предупреждением. Хорваты в Мирковцы так и не вошли. Они однажды приехали в центр Мирковцев на автомобиле и открыли огонь, изрешетили четыре автомобиля. Это было в конце марта. А через 20 дней бросили бомбу из автомобиля, тоже в городе. Мы тогда были вынуждены с 1 апреля ввести контроль над въездом в Мирковцы и смотреть, кто везет оружие. А их полиция могла спокойно передвигаться, и тогда мы поняли, что это делалось непосредственно полицией. Мы тогда дали им время до 13 апреля ограничение скорости до 50 км без остановки в Мирковцах. А они после этого бросили бомбу в церковь, и при этом два полицейских автомобиля их охраняли. Тогда уж мы запретили и усташеской полиции появляться в Мирковцах. И они после 15 апреля больше не появлялись в Мирковцах. После этого было несколько попыток договориться дипломатическим путем. И несколько раз по договору мы им пустим газ, а они не выполняют ни один пункт договора. Мы хотели, чтобы они пустили автобус, гарантировали безопасность детям и работающим, которые ездят бы в Винковцы, включили телефон. Они не только не выполняли, но и не делали никаких попыток. Нам ничего не оставалось, как снова отключить газ. Хорваты без всякого давления массово ушли в Винковцы 13 июня».

Определенным этапом развития хорватско-сербских столкновений в Восточной Славонии стали события в *Борово-Селе* 2 мая. Они всколыхнули не только Восточную Славонию, дав сигнал сербам к самообороне, но и все остальные сербские земли. Как сообщали тогда газеты, 2 мая специальные отряды хорватского МУП и полицейские из Осиека и Винковцев вошли в село, убили на площади перед зданием Местного содружества¹ мирного жителя, который читал газету. Завязалась перестрелка, которая пере-

рошла в кровопролитное столкновение, длившееся несколько часов и унесшая жизни нескольких хорватских полицейских.

Хорватские средства массовой информации поспешили представить события в Борово-Селе как преднамеренную акцию, направленную на разжигание национальной розни, как преступление «внутреннего сербского врага», а гибель 12 полицейских — как акцию вандализма со стороны сербов. В средствах массовой информации было много интерпретаций и спекуляций по поводу случившегося в этом селе (143, с. 158–159). Поэтому остановимся на них более подробно.

Врач из Вуковара хорват Ю. Нявро описывал эти события так: «Стипан Бошняк, начальник по оперативным делам, и Младен Чупич, полицейский из Винковцев, были убиты в Борово-Селе. Они должны были собрать данные о двух пропавших и двух раненых полицейских в Борово-Селе, которые на двух машинах отдела внутренних дел Осиека патрулировали дорогу из Далия в Борово-Селе. При выезде из села их остановили и открыли по ним огонь. Марио Маринович и Йосип Толь, также раненые, успели убежать, а Далибора Крижановича и Звонимира Несковича окружили два десятка людей. После этого их следы полностью затерялись. Полицейский участок в Вуковаре потребовал от руководителя Сербского движения народного обновления Вукашина Шошкочанина информацию о полицейских. Шошкочанин твердил, что ничего не знает, а в конце сказал, что кто-то стрелял в группу сельчан и одного ранили. В середине дня вуковарская полицейская группа расследования приехала в село и остановилась около здания Местного содружества Борово-Села, но ее обстреляли из автоматического оружия. Тогда были убиты Бошняк и Чупич, а многие полицейские получили ранения. Из Далия к полицейским пошла помощь, по которой с баррикад открыли огонь... В 15.00 из Осиека приехали семь бронетранспортеров ЮНА. Из одного транспортера стреляли в полицию. Армия стала «гампон — зоной» около Борово-Села... В Вуковарскую больницу привезли 21 раненого, из которых шестеро были террористами-четниками. Мертвые полицейские, их 12, зверски замученные¹, привезены в больницу и МУП²» (69, с. 11–12). По его мнению, в этот день, когда «погибли первые апостолы в борьбе за свободу Хорватии», начался «поход дикарей на Хорватию» (69, с. 54). Он описывает, как на баррикадах сидели главным образом пьяные, примитивные, грязные сербы, «которые и мать родную могут продать за литр ракии», что среди тех, кто начал стрелять, — преступники, туеядцы, пасмники (69, с. 50, 61).

Как утверждает Ю. Нявро, в Вуковаре все главные должности занимали сербы — «сербомания владела всем городом». А когда ХДС «на свободных выборах получило определенное число депутатов в Скупщине общины, ... сербы, борясь за свою власть, которая была неограниченной, вдруг провозгласили себя под угрозой». На самом деле им никто не угрожал (69, с. 58).

¹ Местное содружество — орган местного самоуправления.

² Автор сам не был участником событий, рассказывает о них, пользуясь чьими-то рассказами, поэтому допускает ряд существенных неточностей, не говорит о количестве приехавших полицейских и изображает их как группу расследования, не упоминает, что был убит мирный житель, а также представляет убитых в перестрелке полицейских, которых вывезли из села офицеры ЮНА, как зверски замученных. Кроме того, врач называет априори каждого серба террористом-четником. Такая литература формировала общественное мнение Хорватии и мира.

³ Министерство внутренних дел.

Мне удалось побывать в этом районе летом и осенью 1994 г. и встретиться с непосредственными участниками тех событий.

Об этих днях вспоминали шеф кабинета председателя общины и председателя Исполнительного совета общины Вуковар *Слыбодан Попович* и директор Информационного центра *Любинко Стоянович* (разговор состоялся 31.08.94 в Информационном центре Вуковара). «В конце апреля 1991 г. в Борово-Селе жители не признали хорватское знамя. Чтобы восстановить порядок, приехала хорватская милиция. Крестьяне их арестовали, подержали, потом выпустили, но без оружия. После переговоров оружие вернули. Поставили югославский флаг в честь праздника трудящихся. 1 мая приехали четыре хорватских милиционера, чтобы снять этот флаг. Двоих крестьяне задержали, двое убежали. 2 мая 600¹ полицейских на машинах и автобусах въехали в село. Останавливаются в центре села и открывают огонь. Сразу погибает один человек, который на ступеньках Местного содружества читал газету. Тогда крестьяне блокируют село с двух сторон и завязывается борьба. Среди хорватских полицейских были колумбийцы, румыны, албанцы из Косова. Погибло много хорватов. И хотя по официальным данным их погибло только 12, мы знаем, что погибло более 120. Сколько? Точных данных нет, но кладбище было закрыто пять дней... ЮНА, пока шла борьба, направилась в сторону Борово-Села. Но им блокировали путь хорватские женщины, они легли на дорогу, думая, что помогают хорватским полицейским, которые расправляются с непослушными сербами. Пока они узнали, что картина иная, прошло не менее двух часов. Тогда они пустили армию, которая фактически спасла оставшихся хорватов. И знаете, что интересно, об этом никто не говорит, но хорваты на радостях целовали югославских военных».

Один из сербских милиционеров из села вспоминал, что хорватских спецов «спасли военные. Хорваты бежали к ним, обнимали и целовали их. ... Мы по требованию военных прекратили стрельбу. Хорваты сдавались, умоляли и плакали. Они рассказывали, что им командиры сказали, что идут на учения, а не в Борово-Село» (116,с.12). Один из участников тех событий с хорватской стороны, молодой 20-летний полицейский, приехавший в Борово-Село в группе 160 полицейских с заданием «освободить двоих коллег, которых сербы захватили накануне, и арестовать штаб восставших в Борово-Селе», вспоминал:

«— Никто не приказывал беспричинно стрелять в людей в селе, как сейчас некоторые говорят. Но, так как ожидалось сопротивление, последний приказ был: «Если начнут стрелять — не щадить никого». И хотя мы ожидали сопротивления, такой ураганный огонь нас шокировал... В наших рядах произошло смятение, так как несколько человек сразу были убиты, а многие находились на открытом пространстве без шанса спастись... Скоро поступил приказ моей группе занять медицинский пункт, где, по предложению, засели восставшие.

— Но ведь там было несколько десятков женщин и детей и медицинский персонал?

— Да, но нам сказали, что они служат щитом восставшим, так как оттуда ведется огонь. У нас был приказ заставить их сдаться, а детей и женщин отпустить. Я тогда и был ранен в правую руку... Нас не били, но ругали и угрожали. А один в нас пленул.

¹ Газеты писали о разном числе напавших полицейских, упоминалась и цифра 2 тыс., что вызывает сомнение.

— Что было дальше?

— Поздно вечером, не знаю, сколько было времени, прибыла армия. Тогда всех нас, кого арестовали сербы, военные вывели из села...» (62).

«Политика» писала в те дни, что по сообщениям вуковарской полиции, ЮНА в Борово-Селе «в критические дни» не сделала ни одного выстрела. Такое сотрудничество было расценено как позитивное (65).

Хорватские газеты, обвиняя в случившемся сербов, писали, что в селе погибли 50 четников, а не трое, но сербы скрывают число жертв, чтобы не деморализовать остальных повстанцев. «Большинство террористов составляли профессиональные убийцы, наемники и бывшие агенты Секуритате, которых после побега в Сербию, приняла сербская Служба государственной безопасности. Речь идет о профессиональных убийцах, хорошо подготовленных для борьбы и рукопашного боя со всеми видами оружия... Если бы они отказались выполнять задание, их бы убили четники, которые находились в других боевых отрядах с сербской стороны Дуная. Меньшее число террористов составляли организованные четники, которые брошены на вуковарскую территорию...», — писала газета «Глас Славоние» 6 мая 1991 г. (63).

17 сентября 1994 г. в Эрдуте у меня состоялся разговор с участниками тех событий. Присутствовали:

1. *Часлав Никшич*, сотрудник МИД РСХ, командир отрядов обороны села Бело-Брдо, председатель Скупщины области Баранья, председатель комиссии по обмену военнопленными.

2. *Джордже Вуйкович*, село Еленово (Сарваш) около Осиска. Бывший командир батальона Сараваш-Тэне, сейчас — командир военного района Даль.

3. *Милан Миланович*, помощник министра обороны РСХ.

Милан Миланович: «Ни один полицейский в Борово-Селе 2 мая не был убит, все были взяты в плен, а потом размыслили 3 или 4 мая.

В январе 1991 г. было основано сербское национальное вече Славонии, Бараньи и Западного Срема. Хорваты активно вооружались. Когда арестовали Горана Хаджича и Бору Савича на Плигвицах во время заседания Сербской демократической партии, ситуация осложнилась, 2 мая в Борово-Селе поставили баррикады. Главными причинами были арест политического лидера Горана Хаджича, насильственная установка хорватского уставского флага на здании Местного содружества в центре села и создание полицейского пункта в Борово-Селе против воли жителей. Сопротивление оказывали сербы на месте без какой-либо помощи из Сербии, или какой-нибудь политической партии, а особенно Шешеля. 2 мая хорваты двинулись на Борово-Село, где-то 300 вооруженных людей, а народ поставил баррикады и начал оказывать сопротивление. Мы начали собирать оружие, выставляли стражу, очень боялись резни со стороны хорватов. Мы считаем 2 мая началом нашего организованного сопротивления по всем направлениям, затем уже 26 июня была Палача, 27 июня — Бело-Брдо и 29 июня — Тэня. Это населенные пункты вокруг Осиска, где ставили первые баррикады, здесь жило большинство сербов, и эти села создавали определенный сербский фронт против хорватских сел. Люди были практически голоруки. Но с этих дат и до сентября мы только защищались, так как хорваты только нападали и сжигали наши дома, а я мир шла информация, что мы нападем на хорватские села... В то время ЮНА была только тампон-зоной, она встала между воюющими сторонами и не вмешивалась в конфликт».

Часлав Никшич: «Я бы хотел добавить о Борово-Селе. Когда хорваты хотели установить флаг, то привезли шахматницу, которая начиналась с белого поля¹. И еще хочу сказать, что на нашей земле не было ни одного добровольца. Однажды через Дунай пришли 40 добровольцев, так я лично их вернул обратно. Армия Югославии до тех пор была тампон-зоной, пока в нее не начали стрелять хорваты и пока не погиб первый солдат».

Милан Миланович: «Нет, все-таки были добровольцы, но небольшое количество, нигде они не были командирами. А если говорить о начале, то их было очень мало. Нам предлагали помочь партийные формирования, они хотели приютить наши семьи, и просили, чтобы мы им позволили, когда будет необходимо. Но мы не пустили к себе организованные партийные отряды, так как у нас была только одна армия — Югославская народная. Мы очень надеялись, что дело дойдет до политического решения этой ситуации, и что Югославская народная армия поможет в этом. А мы... мы были организованы в отряды территориальной обороны по селам».

Председатель Скупщины общины Вуковара, независимый посланник в республиканский парламент, *Славко Докманович*² рассказал в беседе со мной 7 сентября 1994 г.: «2 мая в Борово-Село вошли 1000 полицейских. Начались переговоры о задержанных полицейских. Договорились, что в 12 часов встретимся и в 13.00 их отпустим. А они напали в 11.45. Значит, они не хотели переговариваться, а только пытались выпнать время. Нападение было совершено из двух направлений: одно — из Даля опсекской полицией, а второе — из Винковцев силами винковской полиции. В нападении участвовали 1000 человек и две боевые машины. В центре начали стрелять, убили человека, который читал газету, ворвались в медпункт, где были женщины и дети, а затем в помещение Местного содружества. На наше счастье, группа из Даля прибыла с опозданием на 15 минут. Сербы успели в направлении Даля поставить баррикаду, и два человека с обычными ружьями обороняли село. И смогли их остановить. На наше счастье, эта группа из Даля не пришла хорватам на помощь. А в центре началось жестокое сжигание счетов. У хорватов было около 150 убитых. Только в центре села на одном месте было 13 мертвых. На их счастье подошла армия и спасла их от полного уничтожения. В то время я находился в Трпине, в двух километрах от Борово-Села. В 12 часов 15 минут мне позвонила секретарша и сказала: «Председатель, началась война. Хорваты напали на Борово-Село». А ведь посмотрите: 2 мая, в Югославии был праздник, а в Хорватии нет. В Генеральном штабе дежурили только майор. Я позвонил в Генеральный штаб и сказал, что началась война. Он мне в ответ: «Боже, о чем вы говорите». Я спросил его, есть ли кто-нибудь еще, он ответил, что нет никого. К сожалению, те, кто должен был предотвратить эту войну, оказались самыми неспособными. У нас было пять раненых и один убитый. Сколько было раненых у хорватов, я не знаю, но по нашим оценкам — около 150 человек. Их ЮНА, когда вошла в село, грузила на транспортеры и увозила из села. Оборону села организовал господин Шошкочанин, к сожалению, сейчас покойный. Никаких Шешелей, никаких Слободанов Милошевичей там не было. Шешель приехал в село через три месяца. Я хотел бы его видеть там. Если бы в Борово-Селе была Сербия, хорватов там бы не было и в помине. Ведь это было бы 11 миллионов против четырех. Только 20 октября армия включилась, но не на нашей стороне, она нас принимала в свои подразделения, и только потому, что хорваты напали на них. А до этого, когда хорваты напали на

¹ С белого поля начинался шахматный рисунок на флаге фашистского НГХ.

² Славко Докманович был председателем общины Вуковар и в 1991 г.

сербов, армия не была ни на нашей, ни на их стороне, играла роль тампона, как теперь ООН.

Хочу вам дать некоторые данные. В моем селе, где 2,5 тыс. жителей, мы стремились обеспечить людей оружием, и у нас было 70 охотничьих ружей, 5 карабинов и 10 пистолетов против хорватских полицейских, военизированных формирований, легионеров, которые приезжали в Хорватию из других стран. Мы пытались достать оружие где только могли. Чаще всего покупали на черном рынке. Тысячи случаев, поверьте, не один, а тысячи, когда люди продавали корову, чтобы купить ружье. А Югославская армия, если находила оружие у нас, могла и убить. И это армия, которая должна была быть на нашей стороне. А армия стала на нашу сторону я сказал когда — когда ее гнала хорватская армия из хорватских городов, когда из нее убежали, дезертировали хорваты и мусульмане, словенцы, македонцы и остальные. Они пришли к нам с 40% своего состава. И мы пополняли эту армию. И только тогда она стала чисто сербской».

В нападении на Борово-Село среди хорватских полицейских были и добровольцы — хорваты из Боснии. Один из них (имя не приводится, он из села Лопаре около Тузлы) вспоминал, что его рекрутировали полгода назад хорватские военные, пообещав большие деньги. Его и несколько десятков молодых людей из того же села обучали в Винковцах, держали в подвалах, о ситуации не информировали. «Когда мы поехали в Борово, нам сказали, что это обычная проверка. Мы получили половину платы и обещание, что остальное выплатят при возвращении. Нас разделили на группы по пять человек и приказали каждой группе сесть на переднее сиденье автобуса, сказав, что старшие коллеги будут сидеть сзади. Когда в Борове начали стрелять, мы первые были вынуждены выходить...» (66).

Сербов возмущала позиция армии, но они были довольны, что смогли организовать и противостоять силам полиции. Прибывший 21 мая в село бельгиец Вилли Куйперс, член Европейского парламента, удивлялся, что сербы Борово-Села не жалеют о том, что произошло здесь в начале мая, что православный священник не хочет зажечь свечи на месте погибших хорватов (68).

В мае столкновения приобретают организованную форму. Хорваты вооружают не только членов ХДС, но и всех желающих, хорватская полиция активизирует свою деятельность во многих селах Восточной Славонии. После событий начала мая Борово-Село, по мнению сербских крестьян, стало самым безопасным местом Восточной Славонии. Туда потянулись беженцы из тех сел, которые не смогли организовать сопротивление. Уже 10 мая их было несколько сотен (67). Многие затем переправлялись в Сербню.

В селе Тэня баррикады на улицах были поставлены 29 мая 1991 г. когда футболисты «Црвени Звезды» победили марсельский «Олимпик». В тот день хорватская полиция на 10 автобусах приехала из Оснека и арестовала всех сербов, которые прославляли эту победу (55, с. 6). Борьбу за село Тэня, в котором из 10 тыс. жителей сербы составляли около восьми, описывает в своих воспоминаниях полковник А. Йованович, присоединившийся к сербским ополченцам как доброволец. Он приводит много любопытных деталей, которые позволяют реконструировать тактику хорватских властей, мироощущение и миропонимание сербских защитников своих очагов. В частности, он описывает нападение хорватских подразделений на Тэню 30 июня 1991 г.

(55,с.8). Совершенно неожиданно для многих, в пятницу 28 июня ночью, скрыто и бесшумно большинство хорватских семей покинули село. При этом им никто не угрожал, ссор на национальной почве среди соседей не наблюдалось. Хорваты ушли из села так скрыто, что их не заметили даже выставленные на дорогах патрули, и так внезапно, что не взяли с собой никаких вещей. «Что в действительности произошло той ночью, неизвестно. Во многих домах на столах остался недоеденный ужин. В домах осталось все. В некоторых даже и оружие. Расправлены были постели ко сну, обувь — перед дверью, недокуренная сигарета в пепельнице, личные документы. Как будто страшное привидение забрало только людей, а скот оставила в загонях и сараях. Через десять дней один хорват позвонил своему соседу сербу и умолял присмотреть за домом, сказав при этом: «За одну ночь стал голым сиротой, а не знаю почему» (55,с.8). Тогда кружили слухи, что ХДС сообщило хорватам, что ночью они нападут на село и убьют всех сербов, поэтому лучше временно оставить дома. При такой ситуации сербов легко было обвинить в геноциде над хорватским населением и начать акции возмездия, заявив всему миру о бесчинствах сербов.

Хорватские власти использовали такой прием и в других районах: или увозили людей автобусами, или рекомендовали хорватам уезжать, сообщали о готовящейся угрозе со стороны сербов, а затем использовали вопрос беженцев как огромный пресс на общественное мнение, как внутри страны, так и за рубежом.

Столкновения в Дале, Эрдуте, Осиеке, Крушеве, Вуковаре начались еще весной, но особенно жестокими они стали в конце лета. Нападениям подвергались все сербские села, упорные бои шли за каждое из них. В селе Будимци только за три дня погибло 50 человек. Боевики заняли это село, мобилизовали всех сербов, кто мог носить оружие и поставили в первые ряды, начертив на фуражках флюоресцентные полоски. Так, сербы должны были стать живым щитом наступающих хорватов и погибнуть первыми (12,с.71). Слабо вооруженные сельчане практически вели войну против вооруженных единиц, за которыми стояло государство. Они отбивали постоянные нападения на село в июне и июле 1991 г. Первую помощь оружием они получили в конце июня — 200 стволов пистолетов и автоматов, по 90 патронов, гранаты. Крестьяне из соседних сел объединялись и вместе освобождали Ново-Тэне, Класу, Орловняк, Ласлово, Антуновац и др. (55,с.9). Среди сербов было крайне мало военных специалистов, они часто учились стрелять из пушек, прибегая лишь к крестьянской смекалке. Оказалось, что среди них нет и офицеров запаса, поскольку в школы для подготовки офицеров запаса не брали сербов из сербских сел (55,с.11).

Часлав Никшич вспоминал: «Бело-Брдо — чисто сербское село. Может, есть с десяток хорватских домов, несколько домов из смешанных браков. Во второй мировой войне в селе было убито 360 человек как партизан, многие отведены в лагеря. Поэтому село имеет горький опыт с усташами. Мы просили Хорватию через парламент, чтобы нам не ставили шаховницу. Политическую борьбу мы не выиграли. 27 июня на нас напали без всякого повода из направления Дала на двух полицейских машинах. Они были вооружены и кричали: «Держитесь, четники!». Здесь у нас были и трое арестованных, и двое тяжелых инвалидов, где мы одного только не лечили, даже в Россит, так и остался неподвижным. Они напали на нас без всякой причины, на чистое сербское село, где всего 3000 жителей. Мы защищались оружием, которое имели, а у нас очень сильное охотничье общество, имели мы достаточно оружия. Даже нас критиковали, что

действуем не по Женевской конвенции... Тогда мы поставили баррикады и закрыли Бело-Брдо на входе. И до сих пор там стоит югославский флаг. Защищались мы сами и ждали политического решения, но его мы и сегодня не дождались. 42 дня мы были одни. Никакой связи. Только в Борово-Село. Выходили по полям, обходи хорватские заставы. Детей и женщин мы, нормально, отправили в Сербию. В Сарваше, где было сербов около 60%, было трудно организовать отпор. Когда мы узнали, что произошло в Сарваше, мы пошли туда и застали все так, как описал Джордже. Видели мы кровь и следы этой резни. Мы даже нашли машину, на которой увозили тех людей. На многие наши требования о поиске людей хорваты до сих пор нам отказывают, что они пропали без вести! А как пропали? Они сжигали трупы, чтобы замести следы. Мы не могли раньше войти в Сарваш, было мало оружия. Сейчас комиссия по геноциду работает над этими случаями. Над убийством безоружных невинных людей только потому, что были сербы».

Милан Миланович добавляет: «Например, в Эрнестиново были жертвы и гражданские, когда мы освобождали село. Но только в тот день, во время военной операции. Хорваты, которые остались, через Международный Красный Крест вывезены в Осиек. Существуют и документы, хотя хорваты сразу на телевидении дали заявление, что мы провели этническую чистку. Между тем, они сами выразили желание уехать в Хорватию».

Зоран Белдар: «Первое большое нападение на Мирковцы произошло 1 июля. А следующие были в ночь с 4 на 5 и 7 июля. Но мы их отбили. Мы оборонялись сами тем оружием, о котором я вам говорил. Армия вошла по окончании битвы, ее возглавлял хорват Иван Кляич. 67 дней у нас не было ни одного контакта с внешним миром. А всего блокада Мирковцев длилась 4,5 месяца. 22 июля произошло то, что вошло в историю этого края. Тогда усташская сторона употребила против одного сербского села артиллерию. В 5 часов начался артобстрел, а потом попытка пехоты прорваться. Тогда хорваты впервые признались, что на их стороне было около 20 убитых. Ворвались в начало села и там убивали всех, даже скот, одного психически больного человека зарезали. У нас было трое убитых. Бой длился девять часов, пока мы их совсем не разбили. И скажу одну особенность. Они постоянно говорят, что Югославская народная армия воевала против них. А ЮНА находилась в селе на охране одного объекта и не вмешивалась в конфликт. Тогда ЮНА, т.е. часть хорватов, которая среди них была, сделала возможным спасение хорватов. Они уходили из села между рядами БТР. От двух пленных, которых мы допросили, а потом разменяли (мы поступали с ними по международному военному праву) мы узнали, что в два часа ночи они приняли инъекции наркотиков. И они первые часы борьбы стреляли без порядка. В нашей общине из 23 тыс. населения где-то 3 тыс. хорватов, 500 венгров, 350 словаков».

Власти только создававшейся САО Славонии, Барани и Западного Срема не могли помочь защитникам. Поэтому методы борьбы соответствовали уровню знаний тех, кто возглавил сопротивление. В военных условиях командиры одновременно были вынуждены исполнять и другие функции — исполнительной власти, судьи, распорядителя, экономиста. Помогало то, что сербы в этих областях традиционно умели воевать. Все еще сохранялась уверенность, что каждый серб, если он родился мужчиной, умеет командовать и воевать. Сербам помогала также идея справедливой борьбы, защиты своего народа. Но в мыслях сербы Восточной Славонии всегда были с Сербией. «Когда

рождаются, по жизни несут имена косовских героев или непокорных Карагьоргиев, а когда умирают, положат их головами на Восток, по направлению к Сербии» (55, с.35). Сербь «хорошо знают хорватов и знают то, что они сербам сделали. Но в их рассказах нет ненависти, скорее презрение», — писал А.Йованович (55, с.30).

На хорватской стороне ситуация была схожей. Необученные энтузиасты буквально с ножами готовы были бороться с сербами, поэтому несли большие потери. Лишь к осени, когда хорватские офицеры ушли из ЮНА и возглавили подразделения хорватской полиции и гвардейцев, ситуация начинает меняться. Действия обеих сторон становятся более профессиональными.

К осени создается Штаб сербских войск САО Славонии, Бараньи и Западного Срема, сербы приобретают опыт, становятся более организованными, умело противостоят натиску полиции и боевых отрядов. Отряды сопротивления состояли из местных крестьян, к ним присоединялись также беженцы с хорватской территории, добровольцы из Сербии, БиГ. Отряды были четко сформированы, имели командиров, вооружение. Но тактика основывалась на позиционной обороне. Крестьяне не верили в поддержку со стороны ЮНА. Армия избегала помогать им. А.Йованович называет тогдашних офицеров нерешительными, неспособными и несмелыми (55, с.23).

Беженцы из Хорватии хлынули в Югославию. Старики, женщины, дети. Плач, горе, невозможность осознать, что же происходит после стольких лет совместной, соседской жизни. Большинство делали вывод, что их вина только в том, что они — сербы. «Я очень боюсь, — рассказывала беженка из Осиска. — Нас месяцами запугивали. Наши друзья — хорваты повернулись к нам спиной, надели форму, взяли в руки «калашников» и забыли о нашей дружбе. Четыре дня назад моего мужа двое избili недалеко от дома, а наши вчерашние друзья, наши соседи-хорваты стояли у своих заборов и спорили, жив ли он. После этого нам ночью позвонили и сказали, что уже выделили человека, который нас убьет. Муж утром привез нас сюда, простился с сыновьями и со мной и вернулся в Славонию» (40, с.20).

Югославская народная армия в событиях 1991–1992 гг. пока мало исследованная тема, хотя писали о ней много. Главным образом, критически¹. В 1991 г. Югославскую армию критиковали словенцы и хорваты как оккупационное войско² (56, с.21); западные средства массовой информации часто называли армию сербской или, во всяком случае, воюющей на стороне Сербии, сербы подвергали ее критике за то, что армия не смогла отстоять целостность федерации, а в хорватско-сербских столкновениях не встала на сторону сербской нации, не защитила свой народ. Хорватс-

¹ Подробнее о состоянии ЮНА в конце 80-х — начале 90-х годов, о ее участии в событиях в Хорватии и БиГ см. книги: А.Йованович «Война сербов и хорватов в 1991 г.» (55), М.Секулич «Югославию никто не защищал, а выше командование ее предало» (130).

² Это очень удобный пропагандистский прием. Он уже взят на вооружение Украиной. В августе 1993 г. на закрытом заседании Совета безопасности и обороны Украины при обсуждении вопроса Крыма и Черноморского Флота (ЧФ) перед Верховным Советом Украины была поставлена задача «законным порядком определить, что ЧФ и все его структуры являются оккупационными». Это должно было стать шагом в направлении передачи Севастополя и ЧФ под юрисдикцию Украины (39).

кий генерал Я.Бобетку пишет, что «разрушительный и геноцидный поход на Хорватию готовился более 40 лет», называя Югославскую армию вражеской (140, с.59).

В период с 1987 по 1990 г. командование Югославской народной армии, разрабатывая планы развития вооруженных сил и территориальной обороны, особый акцент ставило на опасность, которая возникает для Югославии со стороны двух блоков. А «внутренняя» опасность сводилась к классовому врагу и националистам всех мастей, а также к тем, кто не поддерживал самоуправление, социалистическое общественное устройство. Никто даже подумать не мог, что среди потенциальных разрушителей Югославии могут оказаться официальные республиканские или краевые власти, президиум СФРЮ, командование ЮНА, правительство.

Армия Югославии весной 1991 г. еще находилась во всех республиках СФРЮ. По национальному составу она продолжала оставаться многонациональной. В ее руководстве было много хорватов, словенцев, македонцев. Например, командующий, В.Кадневич, был наполовину хорват, считал себя югославом, его замы: адмирал С.Бровец — словенец, Й.Грегориц — хорват, командующими авиации были хорваты А.Тус, а затем З.Юревич, командующим Центрального округа — македонец А.Спировский, начальником штаба этого округа — хорват А.Силич.

Между тем, армия находилась в трудном положении в распадающейся федерации: она пыталась придерживаться Конституции, а потому бросилась защищать границы СФРЮ, была верна идеям интернационализма, братства и единства, пыталась занять нейтральную позицию (буфера) в межнациональном конфликте. Во время вооруженных столкновений армия настойчиво соблюдала нейтралитет, пыталась играть роль сдерживающего барьера между сербскими и хорватскими силами. Имеются данные, что там, где не было ЮНА, были уничтожены 27 сербских сел (12, с.175). Б.Йович вспоминает, как уговаривал В.Кадневича в январе 1991 г. дать приказ армии защитить сербов в Хорватии. Министр обороны отвергал все просьбы, боясь, что в этом случае армию назовут «сербской» (22, с.259). А.Зулфикарпашич говорил позже, что война в Хорватии показала «огромную неспособность Югославской армии. Очень важным фактором войны было то, что в армии еще служили хорваты, словенцы, македонцы и мусульмане» (131, с.84). Исполнение приказа «не стрелять» уносило десятки жизней молодых солдат. При этом огромная армейская машина с трудом могла измениться в короткие сроки. Страна распалась, уже создавались армии Словении, Хорватии, Македонии на чисто национальной основе, а сербской армии не было, была еще армия югославская. В 1991 г. из нее уходили солдаты и офицеры — хорваты, словенцы, македонцы, мусульмане. А армия продолжала оставаться югославской. Никто не ставил армии четких задач, цели ее деятельности при объявлении мобилизации осенью 1991 г. определены не были. Поэтому в армии царил хаос, неразбериха, путаница. На армию оказывалось огромное моральное давление средств массовой информации, пропагандистской машины отделившихся республик. В результате в армии наблюдалось дезертирство, отказ призывников служить в армии (130, с.135—137).

Любопытный пример. Только 25 августа 1994 г. известные генералы армии Боснии и Герцеговины Сефер Халилович и Атиф Дудакович были отчислены из рядов Югославской народной армии, соответственно Армии Югославии (АЮ), приказом, подписанным начальником Управления по кадрам Генштаба АЮ Душаном Зоричем. И это было сообщено официально через «Службени војни лист» № 22. Напомним, что Се-

фер Халилович дезертировал из ЮНА в августе 1991 г. и вступил в тайную организацию «Патриотическая лига», а в мае 1992 г. стал главнокомандующим мусульманской армии. В 1993 г. он смещен с этого поста, а вскоре и с поста начальника штаба. А Дулакович — командир известного 5-го мусульманского корпуса, воюющего против своих же мусульман — сепаратистов около Бихача (19).

Для понимания позиции офицеров армии в межнациональном конфликте, разрушения их иллюзий интерес представляет приведенный в книге генерала Лисицы его диалог с одним сербским крестьянином из села Драгичи (57, с.47 — 48,53).

«Крестьянин:

— Серб ли ты?

— Да, но по профессии я офицер ЮНА.

— Сейчас ясно, что с хорватами все-таки нет совместной жизни. Эх, брат, слишком уж они перевертыши. От их ли это католической веры, или чего-то другого, трудно сказать. Но и сам ты мог видеть, что происходит. Не знаю, я еще этого не могу понять...

— Как же это все решить ?

— Я думаю, каждая птица — в свою стаю. Должна. Другого не дано.

— Но, человек, к чему это все ведет и куда ? К братоубийственной войне, а ведь еще вчера мы говорили о братстве и единстве.

— ...Все это иллюзия, нет братства и единства... Я ощущаю катастрофу для сербского народа.

— Не надо так. Здесь ведь ЮНА, — продолжаю я диалог, хотя ощущаю, как он у меня постепенно выбивает опору из-под ног. Мало у меня осталось козырей.

— Оставь, ты, ЮНА. Тебя лично уважаю, а Словения? Скажи ты мне, где была эта ЮНА, верховное командование?

— Ну, это не в моей компетенции, — начинаю я защищаться. — Я только подполковник.

— Знаю и вижу, что ты добрый человек, но все плохо, и я боюсь, чем это все завершится...

— Решим мы все это, — подбадриваю я его, а сам про себя думаю, что этот уса-тый разрушил все мои иллюзии, мою утопию, мой сон об интернационализме, наднационализме, о югословенстве как универсальной нации на Балканах. Ведь я и на последней переписи изъяснился как югослав. Сейчас меня этот человек заставил задуматься, что я и кто я в действительности... Я только здесь, среди этих камней, после всего, что видел и пережил, распрощался с «югославизмом» как наднациональным чувством и начал все больше ощущать себя как человек и офицер, который принадлежит своему, сербскому, антифашистскому народу. Тогда я понял, что мы сначала должны ценить и уважать себя, а потом и всех остальных, но только в той мере, в какой они нас будут уважать».

Министр обороны Сербии Т.Симович в конце 1991 г. так видел цель борьбы сербского народа и задачу ЮНА: «Сербь хотят жить в одном государстве. Как и другие народы они имеют право на самоопределение и самоорганизацию обороны своих очагов. Армия защищает сербов, которые там живут, и имеет задание, став тампон-зоной, предотвратить геноцид над сербским населением» (12, с.232).

Зная, что сербы в Хорватии надеются на ЮНА, так как слабо вооружены и не имеют опыта, армия в теоретическом плане склонялась к необходимости защищать сербов в Краине, если хорваты нападут на них. Однако на практике осуществлялась нейтральная позиция по отношению и к сербам, и хорватам. Армия начала стрелять лишь тогда, когда сама оказалась под огнем хорватов.

Неумело оправдывая такую позицию, генерал В.Кадневич отмечал, что ЮНА на первом этапе, заняв нейтральную позицию, стремилась создать сербам в Хорватии возможность для организации самообороны, одновременно выигрывая время для подготовки ЮНА для войны с Хорватией, если та начнет войну против ЮНА. В целом армия должна была помешать расширению межнациональных столкновений и гражданской войны (52, с.126).

Уже 6 мая, после событий в Борово-Селе Главный штаб ЮНА выразил желание обеспечить стране мир. 9 мая Президиум СФРЮ после бурных дискуссий, продолжавшихся несколько дней и ночей, вновь призвал к миру на основе Конституции, поручил ЮНА сделать все возможное, чтобы восстановить мир в Хорватии. С этой целью было принято решение о дополнительной мобилизации резервного состава милиции, об изъятии оружия у населения, об ограничении передвижения в зонах столкновения, о начале переговоров между сербами и хорватами.

Более узкое руководство Сербии склонялось к мысли, что надо защищать лишь те земли, которые хотят остаться в Югославии. После объявления Словенией и Хорватией об отделении 25 июня 1991 г., С.Милошевич, В.Кадневич и Б.Йович сошлись во мнении, что «армия должна защитить будущие границы Югославии» (22, с.343). В июле к ним пришло понимание, что армию надо поставить на границе Карловац — Плитвице на западе, Баранья — Осиек — Винковцы — Сава на востоке, Неретва на юге, отпустив всех словенцев и хорватов из ЮНА.

После Словении офицеры ЮНА разделились на тех, кто решил защищать единство Югославии, и тех, кто думал вернуться в свою республику. Министр обороны В.Кадневич телеграммой одобрил отъезд из армии всех, кто хотел, объясняя: «Лучше их отпустить из армии, чем они будут создавать нам проблемы» (49, с.56). Из ЮНА по приказу своих правительств уходили хорваты, словенцы, македонцы, мусульмане. Но оставшаяся вполонину меньшая ЮНА продолжала отстаивать интересы целого государства, не желая встать ни на одну из конфликтующих сторон. Вплоть до осени 1991 г. она, как правило, пыталась выполнять миротворческую роль, занимать нейтральную позицию в межнациональных столкновениях, спасая то одну, то другую стороны.

Представим позицию хорватских офицеров, которые имели свою оценку деятельности Югославской народной армии.

9 сентября 1994 г. в Осиеке в Штабе хорватской оперативной зоны «Осиек», начальник отдела по связям с ООН и другими международными организациями *Артур Гедике* рассказывал: «Одним из пунктов в концепции Милошевича захвата власти было полное подчинение себе Югославской народной армии. В то время он под флагом югословенства получил и генерала Любичича, который стал человеком номер один для ЮНА. ЮНА, как бы исполняя роль тампона, начала выходить из казарм и входить в села, начиная с Тзня, Борово-Села, Вуковара и т.д. И эту роль тампона она сохраняла, пока в ней еще были хорватские офицеры. Когда из нее ушли хорватские офицеры, она стала тем, чем есть, и что из нее хотел сделать Милошевич. Господа с оккупированных

территорий взяли оружие, которое принадлежало хорватской территориальной обороне, и ... перевели его в склады ЮНА. Этим оружием и вооружались восставшие сербы. В этом заключается абсурд, что из оружия, за которое Хорватия платила многие годы, стреляли по ней...».

В разговоре участвовал генерал *Младен Круляц*: «Я могу это подтвердить примерами. Я был офицером ЮНА. И могу сказать, что в целой Югославии ЮНА никогда не была кампун — зоной, никогда. Я в 90-м году служил в Косове, и командиром приштинского корпуса был хорват генерал Андриас Илич. В 90-м году его сменили, отправили в Белград, а на его место поставили генерала Радовановича, серба. В ЮНА никогда не давали чин по способности. По разрядам набиралось: столько-то сербов, столько-то мусульман, столько-то хорватов. Например, Анте Кекез, несмотря на то, что был самым способным офицером в армии, не мог получить чин генерала. Ему сказали: «Зовешься Анте, не можешь быть генералом». 75% офицеров были сербы¹. Перед войной в Словении прошла большая мобилизация в южных частях Сербии, и они были отправлены в Косово. В первые месяцы 90-го года они открыто носили четнические знаки на кокардах. Некоторые из этих мобилизованных не хотели идти воевать в Хорватию, их интересовала только своя Сербия, в то время как 80% были экстремистами и хотели идти на Вуковар и Хорватию. Я участвовал в разгрузке оружия ЮНА, которое раздавалось сербским крестьянам для обороны от албанцев. Когда я в 1991 г. написал заявление о демобилизации, мне тогда открыто сказали, что наш полк может быть употреблен в Хорватии. Значит, они уже тогда готовились. Мы грузили танки, которые из Македонии шли поездками и самолетами на Плесо и в Словению. ЮНА может быть до 70-х годов была ЮНА, а с 70-х годов это уже была сербская армия, так как на всех важных должностях были только сербы, их не было только в авиации или морском флоте. Думаете почему? Потому что они были интеллектуально не способны к этому».

В июне, после объявления независимости, действия хорватов стали смелее, организованные и были направлены, в первую очередь, против военных гарнизонов. М.Секулич в своей книге приводит многие армейские документы того времени, в частности ежедневные сообщения командиров подразделений из Хорватии. Уже 27 июня хорваты блокировали выезд из казармы ЮНА в Осиеке, открыли огонь по выезжавшим транспортным средствам. К хорватским военным присоединились и жители города, которые выражали свой протест против армии (130, с.126). Эта ситуация была типичной для многих гарнизонов на территории Хорватии.

В конце июля Ф.Туджман зовет свой народ восстать против Югославской народной армии. ЮНА провозглашается «оккупационным войском, которое угнетает и убивает».

¹ Девять самых высоких должностей в армии накануне войны в Словении занимали генералы следующих национальностей: один югослав (министр обороны), три серба (начальник Главного штаба, командующий Скопским военным округом, командующий военным флотом), два хорвата (замминистра по тылу и командующий военно-воздушными силами), два словенца (замминистра обороны и командующий Загребским военным округом), два македонца (командующий Белградским военным округом и начальник одного из управлений Главного штаба). Национальный состав армии, включая солдат: 32,9% сербов, 17,5% хорватов, 13,4% мусульман, 10,4% албанцев, 9,7% югославов, 6,9% македонцев, 5,4% словенцев, 1,3% венгров и т.д. (146, с.82).

ет хорватский народ, а помогает четникам и бунтовщикам». Как признавались сами хорватские офицеры, сигналом к активизации борьбы против ЮНА послужили события в Словении. Конечной целью для Хорватии был вывод союзной армии с территории республики. Чтобы ускорить выполнение этой задачи, с одной стороны, офицеры и солдаты ЮНА, служившие в Хорватии, а также их семьи подвергались шантажу, прямому нападению, физическому уничтожению, моральному унижению. Еще в 1990 г. была разработана программа уничтожения всех командиров ЮНА — нехорватов, чтобы обезглавить армию на территории Хорватии. Были даже сформированы диверсионно-террористические группы, ответственные за «тихую ликвидацию» (22, с. 243). С другой — была разработана тактика одновременной блокады армейских гарнизонов, военных объектов, казарм по всей Югославии. Приказ об этом был отдан 14 сентября 1991 г. По словам хорватских военных, тактика применялась разная: от военной хитрости до длительных переговоров, от отключения воды, света, неподвоза продовольствия, лишения связи с окружающим миром до вооруженных нападений, обстрелов, поджогов (56, с. 118). Заместитель председателя хорватского парламента Владимир Шекс как-то цинично заявил, что с большим удовольствием пустил бы в казармы газ...

Союзный секретарь по народной обороне направил 8 августа 1991 г. информацию Президиуму СФРЮ, в которой приводились следующие данные: с 9 мая по 4 августа 1991 г. в Хорватии было совершено 390 нападений на военных, объекты и учреждения ЮНА, в результате которых погибли 6, ранены 83 солдата и офицера (130, с. 164).

По Загребу распространялись листовки — обращения «ко всем защитникам отчизны» нанести «психологический удар военным преступникам», т.е. «сербской оккупационной солдатне». Они должны ощутить себя полностью незащищенными и бояться собственной тени как прогнанная собака. Солдата должен гнать страх, писалось в листовке, когда он подумает о судьбе своих самых близких. Его жизнь в нашем городе должна стать невыносимой. Хорватские вооруженные силы должны действовать на улицах, в домах, где военные живут, в квартирах, не забывая машины и членов семей. Фотокопию такой листовки поместила в своей книге журналистка Лиляна Булатович (142, с. 173).

В результате некоторые гарнизоны, такие, как Чаковец, Риска, Пула, передали все армейские объекты, включая военную технику и вооружение, хорватским властям без особого сопротивления, другие оказали отпор. Среди них — Карловац, Вуковар, Осиек, Задар и др. (56, с. 117).

О блокированных армейских гарнизонах в Хорватии, наверно, напишут книги. В поведении руководства этих частей до сих пор много неясного. Некоторых обвиняли в нерешительности, отсутствии четкой позиции, других судили после вывода части из Хорватии, третьих награждали. На многие вопросы пока нет ответа: почему ЮНА от солдата до министра без должной подготовки ждала нанесения ударов по казармам, почему позволили блокировать воинские гарнизоны, почему не было координации всех сил для их деблокады. Рассказы тех, кто пережил блокаду в казармах — это притчи о трагедии офицеров и солдат, которые потеряли идеалы, не научились стрелять в свой народ, переживали часы неведения и беспомощности.

Хорватам в середине сентября удалось занять большинство военных гарнизонов и складов на территории Хорватии. Сдалась казарма в Госпиче, военные были уби-

ты. Пали гарнизоны в Вировитицах (200 человек), Славонски-Броде, Плоче. Гарнизон в Джакново сдался без борьбы. Блокированы были казармы в Загребе и других городах, Далмация полностью отрезана, в Восточной Славонии воеводинские бригады разбежались. Впрочем, по всей Хорватии, как явствовало тогда из телеграммы командующего Пятым военным округом, держались лишь три гарнизона — Копривница, Беловар и Вараждин, все остальные уже находились в руках хорватов.

В середине сентября начинается драма 32-го Вараждинского корпуса ЮНА, которая за восемь дней закончилась его полной капитуляцией. Это был самый элитный корпус ЮНА, размещенный в центральной Хорватии в нескольких гарнизонах — Вараждине, Беловаре, Загребе, Дуго-Селе, Копривице, Чаковце. Наступление на вараждинский гарнизон началось 15 сентября. Команда корпуса перешла к обороне. В середине сентября пало большинство объектов гарнизона Вараждина. В руки хорватской армии пало много оружия (49, № 2357, с.57).

Полковник *Берислав Попов*, командующий 32-ой бронетанковой бригадой Вараждинского корпуса, писал, что в начале августа казарму ЮНА в Вараждине оставил начальник штаба хорват Андрия Чондор, а также четверо из пяти старших офицеров. Из 170 старшин осталось 50. Б.Попов вспоминает, что из армии в тот момент бежали не только хорваты или словенцы, но и сербы, и черногорцы, видимо опасаясь приближающейся войны. Когда вокруг казармы выставили патрули, то сбежал и патруль. В результате в бригаде из 1300 человек осталось 300, а по военному времени должно было быть 4000 (49, №2357, с.56).

Вот как вспоминает время, проведенное в блокированной вараждинской казарме, сербский генерал *Теодор Врачевич*: «...Когда начали открыто плевать в армию, физически нападать, неважно, в гражданском ты или в форме, тогда я уже не уходил на квартиру. Многие вообще не ходили домой. Четыре — пять месяцев я не выходил из служебного помещения. Это была тюрьма, темница. Там я и жил, и работал, а что было надо, приносили сотрудники. Я пытался часами, днями получить связь с Белградом, с Генеральным штабом. Не получалось. Настолько связь была перегружена. Я больше уже и не мог выходить наружу. Около нашего здания и ночью, и днем сменялся хор женщин, так называемая «стена любви», которые без остановки пели. И ночью, и днем, понимаешь? ...Пели о могилах. Стонал весь город. Мы не появлялись. Через микрофон призывали матерей разойтись. Те женщины, эта «стена любви», колоннами со свечами в руках днями и ночами ходили около здания. ...За ними только видишь полицию. Полностью нас окружили. Создается впечатление, что тебя задупают. В здание войти они не пытались. Так они менялись днями и ночами. А отсюда нет никаких известий, нет никаких гарантий. ...Мне не жаль было погибнуть, но я себя спрашивал: за что? Месяцами я не получал никаких приказов, не знаю, что делать, не имею оружия. Месяцами ждешь, что эти из Генерального штаба скажут, что предпишут, как себя вести, и ничего не получаешь. Я думал, что совсем пропал. Ты в окружении без света и воды, воду иногда дадут, тогда хватаешь посуду, чтобы было для самого необходимого, а света не было. Ни кофе, ни чай не можешь сварить. Только все сухое. Погибал и днем, и ночью от нервного напряжения, без сна...»(12,с.119–121).

Генерал В.Трифуневич, командующий Вараждинским корпусом, писал о том, как трудно протекали часы и дни в ожидании помощи из Белграда под непрерывным огнем осаждавших хорватов. Генерал стал склоняться к мысли, что освобождение гар-

низопа не входит в планы руководства ЮНА, поэтому помощь не придет¹ ... (23, с. 13). Министр обороны В.Кадиевич обещал всех высвободить. Оставалось верить ему и ждать. Ощущалась полная безнадежность и незащищенность. Не имея никакой поддержки, осажденные Вараждина получали от высшего командования приказы стоять до конца. Лишь 22 сентября, получив приказ отступать, Б.Попов был вынужден сдать казарму (49, № 2358, с. 56). В.Трифуневич на свой страх и риск начал переговоры с кризисным штабом города Вараждина, результатом которых была капитуляция корпуса «со всей военной техникой» (130, с. 183). По возвращении в Сербию, генерал В.Трифуневич, полковник Попов, и некоторые другие офицеры были обвинены в «подрыве военной мощи страны», распаде армии, предательстве и осуждены на шесть и более лет тюрьмы (49, № 2356, с. 51).

О днях, проведенных в блокированном Вараждинском гарнизоне в сентябре 1991 г., вспоминает поручик Вуле Никитович. С 15 сентября казарма находилась под постоянным огнем минометов, снайперов. По радио сообщали о победах хорватов, военных ЮНА называли «сербочетниками, сербокоммунистами, оккупантами». Многие офицеры не выдерживали, сдавали свои объекты, передавали оружие или пытались бежать. Постепенно угасала воля к сопротивлению. Получив ультиматум Вараждинского кризисного штаба, командование гарнизона приняло решение его оставить. Всего из казарм вышли 60 офицеров и 250 солдат (55, с. 68). До сих пор не ясно, пишет офицер, как охарактеризовать действия командования гарнизона — «сдача без боя», «личное решение», «спасительное извлечение», «действие в условиях крайней необходимости», «сдача в условиях безвыходности»?

После майских событий в Борово-Селе, Белград начал укреплять казарму в Винковцах, поселке, известном своими усташевскими традициями со времен второй мировой войны. Майор Бранислав Джорджевич пишет, что в июле участились провокации — сопровождение колонн, досмотр и обыски квартир военнослужащих, открытие огня, возведение баррикад, минирование выходов из казарм. В хорватских СМИ военных называли «четническо-коммунистической солдатней», «оккупантами». В сентябре казарму окружили, соседние здания превратили в бункеры и огневые точки. 11 сентября хорваты напали на колонну автомобилей, взяли в плен 30 человек, а ночью начали штурм казармы. За 15 дней по казарме было выпущено более 5 тыс. снарядов. Стрелявшие хорошо знали расположение казармы, складов, многие хорваты проходили в ней обучение, около 200 военных-хорватов перебежали из казармы к своим. Из 700 человек осталось едва 200. Среди оставшихся 40% были албанцами. Офицеры ЮНА просили свое командование разрешить им открыть склады и отдать оружие сербам из Мирковцев, но такого разрешения не получили. 13 сентября в казарме отключили свет и воду. Переговоры к успеху не привели. Хорваты начали жесточайший обстрел казармы, а в ответ из казармы открыли не менее сильный огонь. Командование 17-го корпуса, к которому относилась казарма в Винковцах, не разрешало вывести дивизион из казармы. «Командование корпуса вело себя так, будто не было войны»: в течение июля и августа офицеры получали

¹ Генерал В.Трифуневич считал сдачу корпуса «единственным выходом» в той ситуации. Он вывел из строя технику, уничтожил все документы и договорился с хорватами о возможности вывести людей. По возвращении в Сербию был осужден как предатель на 11 лет тюрьмы. Ему вменялось в вину невыполнение приказа, оставление в Хорватии большого количества техники. 17 января 1996 г. генерал был помилован. В Хорватии заочно он был приговорен к 15 годам лишения свободы за преступления против хорватского народа.

приказы от высшего командования проводить занятия и учебу, готовиться к приему призывников, писать регулярные отчеты (55, с.41). За 15 дней борьбы казарма не получила никакой помощи. В результате боев погибло десять человек, а ранено 80. 25 сентября хорваты предложили переговоры, в результате которых первая колонна с ранеными после обеда покинула казармы. Но хорваты остановили колонну, срывали с раненых повязки и избивали их. 26 сентября все военные покинули казарму, вывезли оружие, боеприпасы, материально-технические средства, а также тела погибших товарищей, и перешли в Сербию (55, с.45).

Офицеры блокированной казармы в Загребе вспоминали, что в казарме долгое время была отключена вода, а первый обстрел казармы начался 17 ноября поздно вечером. «Со всех сторон началась пальба из разного оружия. Стреляли из-за баррикад, из-за склада, из-за зданий. Вскоре и защитники казармы открыли ответный огонь. Вдруг слышался сильный взрыв. Это один снаряд взорвался на плаце перед казармой. Тогда командование отдало приказ ответить в двойном размере — выпустить два минометных снаряда. После этого сильных взрывов больше не было» (89). Офицеры вспоминают, что среди них были и те, кто не участвовал в защите казармы, не выходил из помещения, лежал или сидел на полу. Большинство из них позднее дезертировали.

Действия ЮНА вызывали нескрываемое недоумение сербской стороны, которая полагала, что армии, которая уже на 90% стала сербской, пора встать на защиту своего народа. У руководства Югославии была другая дилемма: с одной стороны, надо было бы помочь сербам в Краине, но Сербия не находилась в состоянии войны с Хорватией; с другой стороны, Сербия не имела еще своей армии, хотя военное министерство осенью 1991 г. было создано.

Попытка назначенного министром обороны Сербии в сентябре 1991 г. генерала Томислава Симовича создать сербскую армию не увенчалась успехом. Он был министром без армии, но хотел создать ее: идеологизированную, надпартийную, профессиональную, компетентную. Его идея в ноябре 1991 г. в самое короткое время разработать Закон об организации вооруженных сил Сербии была встречена в штыки как в СПС, так и в оппозиционных партиях, а особенно в руководстве ЮНА, поэтому реализовывалась достаточно медленно. И если в Словении и Хорватии уже твердо знали свою будущую самостоятельную судьбу, то Белграду было не до конца ясно, в каких границах будет Югославия и, соответственно, Сербия, в каких отношениях будут состоять сербская и югославская армии.

Поэтому продолжала существовать Югославская народная армия, а в Сербии — система территориальной обороны, которая во время войны подчиняется ЮНА. Но Сербия формально не воссала. В Краине с начала столкновений появились военные формирования отдельных партий, никому не подчинявшиеся военизированные отряды (см. 12, с.92). Так, своих добровольцев посылали СДЮ, либералы. Некоторые отставные генералы ЮНА создавали в Краине добровольческие партизанские отряды, освобождали села, устанавливали там власть (12, с.197).

По мнению многих участников событий, изменения позиции руководства армии так и не произошло. Успешно проведенная операция хорватских войск по блокаде армейских гарнизонов ЮНА практически ее парализовала, заставила вывести войска, оставить в республике много техники. Однако следует дать более точное определение действиям армии осенью 1991 г. Если до этого времени ее позиция была нейтральной, а в столкновениях с хорватскими полицейскими и гвардейцами участвова-

ли только организованные по территориальному принципу отряды сербских добровольцев-крестьян, то в конце августа она меняется. Решение начать деблокаду казарм повлекло за собой активизацию военных действий ЮНА в направлении Загреба, Риска, Сплита, Задара, Шибеника, Карловаца и Осиека, фактическую поддержку сербов Краины и занятие антихорватской позиции. Заканчивается этот период в сентябре 1992 г. после подписания договора о выводе ЮНА из района Дубровника.

Осенью 1991 г. в Сербии с большими трудностями шла мобилизация резервистов и добровольцев для помощи сербам Краины. На первый призыв откликнулись лишь 25% получивших повестки (22, с.385). Одни призывники вообще не хотели воевать, другие отказывались идти в бой со «звездочкой» на пилотке, третьи добровольно оставляли позиции. Не хватало оружия, техники, обмундирования для новой армии. Ведь многие казармы, находившиеся на территории Хорватии, были в окружении. Сотни единиц боевой техники оставались на территориях других республик, бросались дезертирами. Туго обстояло дело и с мотивацией: за что воевать в Краине, почему в первых рядах не идут безважные сербы из Славонии и Срема, где регулярная армия, которая должна защищать землю? Молодежь не хотела служить за границами Сербии и, тем более, воевать в Краине. Среди призывников агитировали представители некоторых партий, уговаривая не ходить на фронт, бойкотировать призыв. Особенно упорными в этом смысле было Сербское движение обновления. Оно даже пыталось устроить перевороты в военных подразделениях (22, с.388). В октябре 1991 г. СДО направило молодежи специальное обращение с призывом не идти на бессмысленную войну. Происходила путаница между добровольцами и резервистами. После обучения и вооружения многие резервисты убегали домой, а некоторые и с оружием. В Сербии появилось много вооруженных людей. Правда, некоторые из них возвращались в Краину как добровольцы.

Первым заметным сражением подразделений ЮНА было занятие хорватского села Киево около Книна, которое обороняли около 300 хорватских полицейских. Киево находилось на дороге Книн — Синь — Сплит и мешало доставке помощи блокированной казарме в Синь. Кроме того, жители Киево не подчинялись кининским властям. Операция проводилась вновь назначенным генералом Ш.Никовичем и подполковником Р.Младичем. С помощью танков и артиллерии село было занято всего за несколько часов.

Действия армии на этом направлении были достаточно успешными. По мнению министра обороны, кининская армейская группировка ЮНА активно помогала сербам Краины и хорошо справилась со своей задачей. «Она полностью освободила все сербские районы в радиусе своих действий, пресекла Хорватию около Задара, деблокировала Синьский, Дриншкий и Задарский гарнизоны, помогла поморской области в деблокаде Шибеника, поставила под угрозу Сплит и очень помогла Лике» (52, с.139). В августе — сентябре 1991 г. военные помогали организовывать оборону сербских сел, обучали местных полицейских, солдат (крестьян) территориальной обороны, спасали крестьян, прячущихся от налетов усташей. Здесь они впервые столкнулись со зверствами хорватских отрядов. Генерал Лисица описывает в своей книге, как в селе Драгичи усташа ночью зарезали двух 80-летних стариков, написав на доме «Убить, истребить сербов. Усташа из Читлука» (57, с.48). По воспоминаниям военных, они держали под контролем всю территорию Кининской области. Уже в начале сентября подразделения ЮНА подошли к Шибенику и окружили Задар, но получили из Белграда приказ отступить (57, с.77).

С. Месич описывает активизацию Югославской армии как «преступную активность солдатин», которая стремилась овладеть Костайницей, Задаром и Шибеником, обстреливала из артиллерии Оснек, напала на курорт Топуско, усилила боевые действия около Вуковара и Вннковцев, начала авиаобстрелы ТВ-башни около Загреба, Вараждин, Чаковец (103, с. 245–246). Хорватская сторона ответила нападениями на казармы, арестами сербов в городах, рейдами в сербские села. Главный штаб ЮНА в послании руководству Хорватии подчеркивал, что в Хорватии продолжается мобилизация, концентрация войск в районе Вуковара, блокада военных гарнизонов ЮНА, усиление провокаций, нападения на подразделения ЮНА «без какого-либо повода» в районе Вуковара, Вннковцев, Превлаки, Глины, Задара и других мест, нападения на сербские населенные пункты (130, с. 215).

Действия ЮНА в Западной Славонии не были столь успешными. Во время борьбы, которая длилась до конца 1991 г., отряды ЮНА были в небольшом количестве только в районе Пакраца. После сдачи казарм ЮНА в Вировитнице и Беловаре, а также нападения на склады в Даруваре и Вараждине хорваты получили большое количество оружия и смогли дополнительно вооружить солдат, а военные ЮНА покинули территорию Западной Славонии. На всей территории хорватским войскам оказывали сопротивление только местные отряды ТО. Сербам помогли также несколько отставных генералов из Югославии¹, которые поднимали народ на восстание против хорватов. «Народ поднялся, но никто его не защитил, и он оказался в беде. Его выгнали» (12, с. 198).

В то время, как в Купине и Вуковаре армия активизировалась, в Западной Славонии она сдавала свои позиции. Очевидной был ограниченность ее целей в этом районе, что выразилось в отказе разместить свои корпуса из Вараждина и Беловара на сербском этническом пространстве и дать сербам свое оружие. Выселение сербов, их фактическая депортация из сел из-за немобильности сельского населения осуществлялась лишь при применении самого грубого насилия — физической ликвидации, уничтожения имущества. В октябре сербам 25 сел из общины Славонска-Пожега было приказано покинуть дома в течение 48 часов под предлогом, что «этнические территориальные силы и отряды ЮА все больше угрожают... мирному населению...» (26, с. 128). Сербам была дана возможность поселиться или в селах, где большинство составляли хорваты, или в сборных центрах — лагерях, огороженных колючей проволокой. Тех, кто не уходил, убивали, а дома разграбляли, сжигали и срывали с землей.

1 ноября в православный день поминовения усопших хорватская армия начала наступление на сербские населенные пункты в треугольнике Беловар — Подравска-Слатина — Грубишно-Поле. Началось массовое насильственное изгнание сербского населения. В общине Грубишно-Поле зверства хорватских отрядов не шли ни в какое сравнение с фашистскими деяниями второй мировой войны. Чернорубашечники отрубали руки, ноги, головы, носы, половые органы, выкалывали глаза, сдирали кожу, расчлененные трупы бросали на улицах. В ходе этого вандализма были полностью опустошены и уничтожены 18 сербских сел. Люди бежали, кто в Боснию, кто в горы. Хорваты поджигали лесные массивы, чтобы извести людей, которые там скрывались. Все эти зверства носили массовый характер. На территории, где не осталось сербов, все было сравнено с землей. В тех же селах, где некоторые сербы все же оставались,

¹ Упоминается, в частности, Пекич (12, с. 198)

при участии сотрудников Министерства внутренних дел проводились акции с целью заставить их покинуть свои дома: семьи запугивали, поджигали дома, людей убивали, мужчин арестовывали. Разрушали даже экономические объекты. Словом, жизнь сербов на этой территории должна была стать невыносимой¹. Сразу после перемирия, подписанного в Женеве 23 ноября 1991 г., хорваты предприняли широкое наступление в Западной Славонии по всем линиям фронта. Мирное население и бойцы территориальной обороны, всего 70 тыс. человек, отступили к югу. Северная линия фронта переместилась к Пакрацу. С увеличением числа беженцев их Хорватии росло число жертв среди мирного сербского населения.

В печати были опубликованы показания пленного хорватского гвардейца Желько Лаина, свидетельствующего о фактах массовых расправ спецподразделений хорватской армии над мирным населением в декабре 1991 г. Он рассказал об убийстве 120 сербов в окрестностях города Подравска-Слатина. По показаниям арестованного, служившего в спецроте «А» хорватской гвардии, ежедневно умерщвлялось 10–15 сербов, в основном пожилых людей, неспособных к эвакуации и бегству. При этом применялся ритуальный усташеский способ убийства — перерезание горла специальным ножом («сербосеком») (42). В Марино-Селе, расположенном между Пакрацем и Кутиной, военные полицейские создали в конце декабря временный концлагерь и в нем ликвидировали, по неполным данным, около 80 сербов из тех мест, где не было сопротивления сербского населения, например, из села Кип (43, с. 13).

Хорватские власти не удовлетворились только изгнанием сербов из своих домов. Они уничтожали все следы их столетней жизни на этой земле: согласно данным югославского правительства, к марту 1992 г. в Западной Славонии было сожжено 129 сел, разрушено 4118 домов, 27 православных храмов, погибли 185 членов ТО и 141 мирный житель, ранены 334 человека (133, с. 344–345; 25, с. 22). Число беженцев в Сербию составило в октябре 1991 г. 125730 человек (36). Изгнаны были и почти все священники Сербской православной церкви, а их дома взорваны. ИТАР—ТАСС так охарактеризовал в то время чувства, охватившие Белград: «Белград и Сербия в шоке. Республиканские власти, похоже, не знают, что предпринять. Ибо завтра пленарное заседание мирной конференции по Югославии в Гааге намерено потребовать от них подписания очередного текста плана ЕС о будущем устройстве Югославии, где Сербские Краины остаются в составе Хорватии. Если этот план Сербией не будет подписан, Европейские сообщества грозят введением жестких экономических санкций против этой республики» (38, с. 5).

¹ Сегодня существует большое количество материалов о зверствах хорватов в Западной Славонии. Правительство Югославии направило в ООН в ноябре 1993 г. «Меморандум о нарушении прав человека и этнических чистках со стороны властей Республики Хорватии», который был распространен в качестве официального документа ООН (25, с. 70–73). Официальным документом ООН стал подготовленный в октябре 1992 г. Сербским сабором «Доклад об изгнании сербского народа и этнических чистках в Западной Славонии со стороны Республики Хорватии» (25, с. 44–69). 9 мая 1994 г. в ООН был распространен Доклад правительства СФРЮ на 242 страницах о преступлениях против сербов (27). Гуманитарная организация «Хельсинки Вотч» также подготовила доклад о нарушениях прав человека в Хорватии. Существует ряд других опубликованных и неопубликованных материалов.

Премьер-министр РСХ *Боро Микалич* в разговоре со мной 26 сентября 1994 г. сказал: «В Западной Славонии был допущен ряд ошибок — слабо была организована самооборона, которая в свою очередь слабо была связана с армией. И когда шли казармы ЮНА, люди подумали, что все кончено, и начался исход. Всего из Хорватии ушло 400 тыс. человек, в РСХ — 120 тыс. Только в Вуковаре сегодня 29 тыс. беженцев, многие из Западной Славонии».

Руководство ЮНА, как признавался В.Кадиевич, планировало участие в военных операциях в Восточной Славонии четырех бригад, однако смогла сформировать лишь одну неполную. Поэтому Югославская армия, по мнению В.Кадиевича, недостаточно была задействована в Восточной Славонии (52, с.139). По мнению С.Месича, ЮНА активно помогала сербам. 10 сентября он пишет письмо В.Кадиевичу, в котором перечисляет все действия армии, которые направлены на расширение границ и создание Великой Сербии. Он сообщает, что ЮНА вооружает местных сербов, помогает создавать сербские отряды ТО и берет их под свою команду, с территории Биг обстреливает хорватские города, оказывала активную поддержку сербам в Баранье и помогла им полностью очистить территорию от хорватов. На совести армии, по его словам, 178 тыс. беженцев-хорватов, разрушенные памятники культуры, экономические объекты. С.Месич, как главнокомандующий, требовал отвода всех подразделений ЮНА в казармы и роспуска всех сербских отрядов ТО (103, с.237–238). В ответном послании министр отверг все обвинения в адрес армии, а члены Президиума СФРЮ требовали созыва его заседания. Но ситуация обострялась, встречи Президиума в Белграде уже были невозможными, а договоренности о прекращении огня не соблюдались.

Хорватия с самого начала с большой опаской относилась к деятельности ЮНА. Она полагала, что осуществляется «спланированная агрессия, имевшая целью полное освоение хорватской территории, свержение демократически избранной власти, интенсивные материальные и экономические разрушения и навязывание политического режима оккупационных властей» (56, с.58). В Восточной Славонии с сентября 1991 г. сербские ополченцы готовились к решительным боям за села, которые еще держали хорваты — Сарвац, Ангуновац-Таньски, Эрнестиново, Ласлово, Орловняк, Ново-Тэне, надеясь, что армия станет активным субъектом военных действий. (55, с.5). Однако даже хорваты, опасаясь действий Югославской армии, удивлялись ее непоследовательности и непрофессионализму: «Происходило что-то непонятное: вместо того, чтобы сильным глубоким наступлением из Боснии отсечь Славонию около Ожучан и установить непробиваемый фронт, ЮНА ударила сразу на все стороны, раздробила свою силу и была всюду остановлена. Это было сделано или из-за самоуверенности, глупых повторенных военных планов мая 1945 г., или для того, чтобы прикрыть главную цель этой войны — отхватить южную Далмацию, чтобы защитить Боку?» (31, с.17).

Сербь также были недовольны действиями своей армии, подчеркивали ее недостатки, критиковали тактику «вперед — назад» или топтания на месте, непоследовательность и нелогичность отдаваемых приказов, усиление политических элементов в разработке военной тактики, которые особенно стали заметными после получения приказа отступить от Шибеника. Полковник А.Йованович отмечает ряд, на его взгляд, странных, закономерностей, связанных с деятельностью командования ЮНА на территории Хорватии. Летом 1991 г. по заранее разработанной схеме происходит смена командиров в большинстве подразделений, но им не была подготовлена замена. Мно-

где уезжали на отдых, хотя ситуация была крайне напряженная. До истечения срока военной службы отпускались солдаты-срочники, а нового набора не происходило. Никто не препятствовал, а значит, поощрял дезертирство. Служба безопасности ЮНА активно сотрудничала с хорватскими спецслужбами (55, с. 77–78). Министр В. Кадиевич, между тем, постоянно требовал увеличения армии за счет дополнительной мобилизации то на 50, то на 30, то на 250 тыс. В октябре 1991 г. ЮНА уже имела 200 тыс. человек, из которых 70% были сербы (22, с. 403).

В начале октября министр обороны СФРЮ В. Кадиевич в обращении к военным подчеркнул, что никогда в истории армия еще не находилась в таком незавидном положении: народ остался без государства, Президиум СФРЮ не может определить четкие цели. «Такого отношения верховного главнокомандующего и председателя правительства к собственной армии мир еще не знает» (34).

Министерство обороны только в октябре 1991 г. разработало план войны в Хорватии, но для его реализации требовалось, дополнительно 18 пехотных и механизированных бригад (52, с. 135). В этом плане четко прослеживалось изменение позиции армии от попытки «помешать кровавым межнациональным столкновениям» до «установления контроля над кризисными территориями, защитить сербское население от изгнания и уничтожения и освободить военнотружущих ЮНА и членов их семей» (34). Стратегически план предполагал: блокировать Хорватию с моря и с воздуха, направления наступления главных сил ЮНА связать с освобождением сербских территорий в Хорватии и блокированных казарм в глубине хорватской территории, освободить Восточную Славонию, затем быстро продвинуться на запад и соединиться с войсками в Западной Славонии. Одновременно сильным ударом из района Герцег-Нови — Требине блокировать Дубровник со стороны гор, дойти до долины Неретвы и тем самым помочь силам, которые наступают на направлении Мостар–Сплит. После этого ставилась задача обеспечить границу РСРК, затем вывести войска Югославской армии из Словении, а потом постепенно — из Хорватии. На дополнительную мобилизацию отводилось 15 дней (52, с. 135). Но осуществить разработанный план не удалось. По мнению министра, выполнить свои задачи в Западной и Восточной Славонии армии мешали политики и слабая мобилизация (52, с. 138). Действительно, мобилизация проходила неуспешно, новобранцы не хотели воевать, предпочитая уезжать за рубеж. Однако, исследователи полагают, что причин тому гораздо больше, и они связаны с политическим, экономическим, моральным, кадровым состоянием армии и руководства страны в целом (55). К этому следует добавить и успешную организацию обороны хорватской армии, и неблагоприятную для Югославии международную ситуацию, когда уже шли переговоры о прекращении военных действий при посредничестве представителей ЕС и ООН. Принесла свои плоды и тактика блокады казарм ЮНА. Уже в сентябре падение Вараждинского гарнизона позволило Хорватии сформировать танковую бригаду. Всего, по словам Ф. Туджмана, Хорватия получила около 70 единиц жизненноважных армейских объектов — от казарм до складов с оружием (143, с. 210). Вопрос о независимости Словении и Хорватии открыто стоял на повестке дня Международной конференции по Югославии. Кроме того, на боеспособности армии отражалась затянувшаяся борьба двух концепций — национальной (защита интересов нации) и теории братства-единства (уважение интересов других республик).

Самыми крупными операциями ЮНА осенью 1991 г. в Хорватии были освобождение Вуковара, чему посвящен отдельный раздел книги, и боевые действия на Южном фронте в районе Дубровника.

Дубровник и территория из-за него имели особое значение для ЮНА. Цель боевых действий около него, как отмечали военные, носила сложный характер. В первую очередь, армия стремилась отбросить хорватские вооруженные формирования от Превлаки, полуострова, имеющего важное стратегическое значение для Черногории и Югославии, занять часть важной для Хорватии территории, чтобы затем иметь возможность обменять ее на Превлаку, которая по картам принадлежала Хорватии. Кроме того, блокада Дубровника со стороны ЮНА должна была заставить Загреб пойти на уступки в вопросе вывода окруженных военных гарнизонов из Хорватии. Было и несколько сопутствующих задач — возможное провозглашение автономии Дубровника и присоединение к Черногории некоторых туристических комплексов. «Содержанием цели блокады Дубровника было желание создать условия для провозглашения автономии Дубровника», что могло значительно ослабить Хорватию, вспоминал один из военных аналитиков (130, с. 236).

Не находя смысла в блокаде города, английские журналисты С.Силбер и А.Литл полагали, что это была «месть убогих черногорских юношей одной из самых богатых и более других ориентированных на Запад частей бывшей Югославии» (143, с. 206). Генерал Ян Бобетко, общаясь с журналистами, говорил пафосно, что это была «месть отчаяния» четников, «что не могут сделать ничего другого» (140, с. 127). Хотя он, как военный, оценивал планы ЮНА более конкретно — форсирование реки Неретвы и выход к морю, занятие Превлаки и побережья около Дубровника (140, с. 132).

Президент Черногории М.Булатович имел информацию, что 30-тысячное войско Хорватии стремится занять Превлаку и Герцег-Нови. В Черногории была объявлена мобилизация и сформирована Пятая черногорская бригада. Президент убеждал бойцов, что их задачей является защита Черногории и вне ее границ (137, с. 36). Лишь позже М.Булатович узнал, что город обороняли только 600 вооруженных человек. По его мнению, руководство ЮНА и генерал В.Кадисвич преднамеренно искажали «официальную информацию», поднимая боевой дух черногорцев (137, с. 36).

Дубровник был труден для обороны и удобен для нападения. Он расположен на узкой полоске земли в самой южной части Хорватии, за которой сразу через несколько километров начинаются земли Черногории и Боснии и Герцеговины. Требиньско-Герцеговинская группировка ЮНА, успешно пополнив свои ряды за счет мобилизации в Черногории и Восточной Герцеговине, получила задание освободить Превлаку, блокировать широкий район Дубровника. Однако, как отмечал министр обороны Югославии, было много непредвиденного, бесконтрольного и самовольного в поступках командиров — когда хотелось подойти ближе к Дубровнику, занять территорию, которая не входила в стратегические планы и т.д. (52, с. 139–140).

Наступление югославских войск началось в ночь с 23 на 24 сентября 1991 г. Небольшие силы хорватов, защищавшие подступы к городу, разбежались от превосходящих сил противника. 15 октября был занят Цавтат. ЮНА готовилась занять Дубровник. Город был окружен и взят в кольцо. 27 октября командующий силами ЮНА генерал Павле Стругар предъявил хорватам ультиматум, требуя сдать город. Ситуацию попы-

тался спасти «главнокомандующий» ЮНА С.Месич, пробившись морем к городу вместе с несколькими известными политиками, общественными деятелями и деятелями культуры Хорватии. Но единственное, что удалось достичь — привлечь к городу внимание Европы, поднять общественное мнение против разрушения города-музея, имеющего историческую ценность для мировой культуры.

Подразделения ЮНА, подойдя близко к городу, начали обстреливать артиллерией его пригороды. Западные СМИ во все голоса кричали об обстреле исторической части города, начав компанию по обвинению ЮНА в разрушении города. В письме лорду Каррингтону В.Кадиевич пытается убедить его, что армия не обстреливает город, имеет приказ «не открывать огонь по городу», а военные действия не приблизятся к городу ближе, чем на пять километров. Он предложил руководству Хорватии демилитаризовать Дубровник и вывести из него все хорватские войска, а заинтересованным дипломатам посетить Дубровник и убедиться, что он цел (130, с.232). Дипломаты Голландии, Великобритании, США, Индии и Греции посетили Дубровник 3 октября, убедились в том, что город не был разрушен, но это не спасло от распространения слухов. 26 октября ЕС обрушилось с острой критикой на ЮНА за разрушение старой части Дубровника. От обвинений с такой высокой трибуны армию уже ничего не могло защитить (130, с.237).

В последующие месяцы обстрел Дубровника продолжался. Хотя артиллерия щадила старый город, снаряды падали в порт, многочисленные отели, парки, частные дома, складские помещения, больницы. В конце ноября, по словам Я.Бобетко, в городе погибли 14 человек, а 52 были ранены (140, с.136).

Хорватский генерал Ян Бобетко, назначенный в апреле 1992 г. командующим хорватских войск на южном направлении, так описывает ситуацию, сложившуюся на Южном фронте: «Наши силы достаточно далеко отступили, почти до последней черты обороны, а неприятель очень глубоко продвинулся вперед и остался там полных семь месяцев. Они считали, что их удовлетворяет этот рубеж, с которого они могут начать наступление в любой момент». Долгая оборона измотала хорватов, и инициатива была полностью на стороне ЮНА, подчеркивает генерал (140, с.125). Он попытался переломить ситуацию и начать диверсионные вылазки против неприятеля, уничтожая танки, артиллерию, обстреливая скопления войск. Под его командой были уже четыре бригады. Югославские войска отступили вглубь территории, но предприняли в конце апреля новое наступление, которое, по воспоминаниям хорватского генерала, удалось остановить. А затем хорваты начали наступление и 26 мая 1992 г. пробиты блокаду Дубровника. По данным Я.Бобетко, на хорватской стороне было 15 убитых и 40 раненых, а сербы потеряли 150 человек убитыми и 200 ранеными (140, с.126, 135). 20 августа было подписано перемирие, а 24 сентября — договор о выводе всех югославских войск с территории Дубровника. Этот договор подписывался уже в соответствии с планом Визса-Оуэна и присутствием миротворцев на территории Хорватии. Югославская сторона согласилась на создание на Превлаке «голубой зоны» под защитой голубых касок, передачу им 65 объектов Югославской армии, расположенных на этом полуострове.

Югославской народной армии в Хорватии так и не удалось выполнить поставленные задачи. Но уже разгоралась война в Боснии и Герцеговине, поэтому, как полагают многие исследователи, в этом регионе сербские и хорватские силы стремились объединиться против мусульман (143, с.207). Именно это заставило ЮНА пойти на скорейшее завершение операции около Дубровника.

По словам шефа кабинета министра обороны Сербии Д.Гаич-Глишич, в начале декабря 1991 г. ситуация на фронтах в Хорватии становилась все серьезнее. Позиции оставляли последние солдаты ЮНА, на мобилизацию никто не отвечал. Упешдые с фронта рассказывали о плохой организации армии, недостаточном вооружении, отсутствии координации между военными подразделениями, некомпетентном командовании. Большинство призванных в армию ощутили свою ненужность. Существовала опасность, что Сербию придется защищать в Земуне. В конце 1991 г. Военное Министерство Сербии задумалось о создании будущей сербской армии. Однако эта идея вызывала некоторое сопротивление, прежде всего в рядах самой ЮНА. Министр без армии Т.Симович выслушивал упреки даже депутатов парламента, что он слишком усердствует в «сербстве», что хочет создать сербскую армию, поскольку ему не нравится югославская (12,с.215).

В этой ситуации решение вопроса о создании сербской армии зависело от готовящейся встречи Милошевича с Кадиевичем и Симовичем. Но президент эту встречу постоянно откладывал (12,с.202).

В декабре 1991 г. Союзный секретарь по обороне генерал армии В.Кадиевич был награжден орденом «Югославской звезды» с лентой. Этот орден вручается полководцу, имеющему несколько крупных побед на поле боя. Именно так распадающаяся родина отметила заслуги своего военачальника. «Армия потеряла территорию двух республик, оставила огромные материальные богатства и огромное количество современного вооружения и боеприпасов. Неумело руководимая и посрамленная перед всем миром. Из ее рядов треть переходит на сторону противника, а более 10 тыс. попадают в плен к преступникам...». Так с горечью писал рядовой офицер о заслугах Югославской народной армии в 1990–1991 гг. (55,с.146).

3. Вуковар

О Вуковаре, этом памятнике кровавых национальных столкновений 90-х годов, борьба за который длилась 86 дней, исследователи еще напишут книги. Но позднее. Когда утихнет боль от пережитого, когда историческая дистанция позволит говорить спокойно, когда появятся новые свидетельства и документы. Сегодня их еще мало. Большинство тех, кто был в Вуковаре по разные стороны баррикад, молчат. Говорить на могут. Поэтому, когда источников мало, а слухов и политических спекуляций предостаточно, нам кажется, что оправдана будет методика, которая редко применяется в исторических исследованиях. Мы предоставим страницы книги тем, кто участвовал в событиях на той и другой стороне, стараясь, насколько это возможно, воздержаться от комментариев.

В Хорватии Вуковар считают «символом наивысшей точки в защите Хорватии и поворота к новой Хорватии» (69), «символом хорватского сопротивления агрессии» (70), «городом-героем, но одновременно и восточным грехом Хорватии» (69,с.174). Сербы называют Вуковар городом, отстаившим свою независимость. Но освобождала город от обременявших его хорватских солдат Югославская народная армия. В борьбе около Вуковара было задействовано 11 армейских бригад, из которых семь механизированных и две пехотных (55,с.175). Как писал полковник А.Иванович, «к Вуковару, осенью 1991 г. было направлено столько войск, что никто не знал, кто каким подразделением командует. Например, как в мирное время Гвардейской дивизии были подчинены одна партизанская дивизия

и еще три бригады..., а также отряды территориальной обороны и много единиц огневой поддержки» (55, с. 115–116). При наступлении ЮНА на город были выпущены тысячи снарядов, его обстреливали и с воздуха. В итоге операции Вуковар был полностью разрушен. Так вот, оценка армейской операции неоднозначна даже среди сербов. Одни полагают, что альтернативы действиям армии не было, другие уверены, что город сохранить было можно, и такие огромные разрушения неоправданны. Одни полагают, что надо было идти до конца, и тогда победителей не осудят за жертвы. Другие были против такого тотального наступления. Генерал Нонезич говорил, как вспоминала шеф кабинета министра обороны: «Жертвы за Вуковар бессмысленны. Я сто раз повторял: не ломайте зубы на укрепленных городах» (12, с. 152).

Сначала несколько фактов.

Вуковар — с национальной точки зрения — смешанный город. На этой территории всегда жили и сербы, и хорваты, и другие народы. Но сербы преобладали. По данным 1931 г., в Вуковарском срезе из 146 100 населявших его людей 19 300 (41,9%) составляли сербы, 12 200 (26,5%) — хорваты, 7500 (16,3%) — немцы (122, с. 8). Уменьшение сербского населения произошло во время второй мировой войны в результате ликвидации сербского населения хорватскими усташами. Восемь массовых захоронений расстрелянных в 1941 г. сербов находятся всего в двух километрах от центра города. После войны из области выселяли немцев, а в их дома заселяли хорватов.

Согласно союзной статистике, в 1981 г. сербы в городе Вуковаре составляли 24,3%, хорваты — 37,9%, в общине сербы составляли 35,7% (117, с. 87, 97). По независимым сербским источникам, в 1981 г. хорваты составляли 37,14% от всего населения общины, сербы — 31, «югославы» — 22% (122, с. 9). Сербь и югославы составляли абсолютное большинство в общине Вуковар.

Согласно хорватским данным, в 1991 г. хорватов непосредственно в городе насчитывалось 21 065 (47%) человек, а сербов — 14 425 (32,3%) из общего количества жителей 44 639 (70, с. 163). Если взять всю общину Вуковар (29 населенных пунктов), то сербов в 1991 г. было 31 445 (37,35%), а хорватов — 36 910 (43,8%) (70, с. 163; 69, с. 49). По данным, опубликованным Республикой Сербской Краины, в 1991 г. в общине Вуковар население составляло 64 189 человек (58, с. 9, прилож. 1). Сербь настаивали, что в общине — сербов большинство, а в городе — их примерно равное число с хорватами. В городе было около 35% смешанных браков (111, с. 360).

Хорватское демократическое содружество на первых многопартийных выборах (апрель 1990 г.) в Вуковаре не смогло победить. За кандидатов ХДС голосовали лишь 26% избирателей. Большинство отдали свои голоса представителям Союза коммунистов Хорватии — Партии демократических перемен. Выбор был понятен — это была единственная партия в районе, в названии которой не стояло «хорватская». В Скупщине общины из 117 депутатов их мест представители ХДС получили только 26 (122, с. 11). Такое положение вещей не устраивало правящую партию.

Политический кризис в общине начался 17 июля 1990 г., когда Скупщина отказалась поддержать поправки к Конституции Хорватии, усматривая в них ущемление прав сербского народа. Власти потребовали смены председателя Скупщины, серба Славки Докмановича. Но этому воспротивилась Скупщина. Загреб в ответ принял свои меры — в город завозится оружие, вооружается милиция, а также все «доверенные лица», создается так называемая «партийная милиция» из членов ХДС. 27 марта 1991 г. был произведен первый смотр вооруженных хорватских отрядов Вуковара (122, с. 13).

Решение об этнических чистках общины Вуковар, как считают военные историки Д.Видич и Б.Тодорович, было принято еще в феврале 1991 г. на совещании в доме Т.Мерчепа в селе Богданцы около Вуковара. На встрече присутствовали и представители парламента из Загреба — В.Шекс, И.Векич, Б.Главаш. Они договорились, что акцию «чистки» общины от сербов надо проводить в следующем порядке: смещение граждан сербской национальности с должностей в общине, затем запугивание с целью принуждения к отъезду, а потом и физическая ликвидация. С этой целью поставки оружия и формирование боевых отрядов шло ускоренными темпами (111, с. 363—364). 31 марта на видеопленку был заснят арест лидеров Сербской демократической партии в Вуковаре Г.Хаджича и Б.Славича и показан по хорватскому телевидению. Провокация удалась. Сербы начали возводить баррикады на дорогах в своих селах, ставить стражу. 1 мая произошли события в Борово-Селе, самом большом сербском селе Вуковарской общины. В июле и августе по вуковарской общине прокатилась волна убийств мирного сербского населения. В них участвовали и специальные «группы по тихой ликвидации» политических противников и сербов, и вооруженные хорватские боевики. Среди преступников известны имена Мерчепа, Главаша, Дедаковича, Капулара, Мильковича, Йосипа Гажо и многих других. Людей уводили из домов, пытали и убивали самым зверским способом только потому, что они сербы. С каждой неделей лета преступления становились более массовыми, а преступники продолжали оставаться безнаказанными. За пять месяцев было убито около 4 тыс. человек (111, с.363—390).

Некоторое представление о ситуации в городе летом 1991 г. дает письмо председателя Республики Хорватии в общине Вуковар хорвата Г.Видич-Били руководству Хорватии: «Назначение Мерчепа Томислава секретарем Общинного секретариата в Вуковаре привело к узурпации власти и концентрации функций в руках одного человека, а именно председателя ХДС... Окруженные людьми сомнительных моральных и профессиональных качеств, бывшими преступниками, они взяли на себя полное наблюдение над всеми в общине Вуковар, не брезгуя насилием и репрессивными мерами над гражданами общины Вуковар (незаконным проникновением в частные квартиры..., разграблением квартир, отнятием частных автомобилей, ...эзекуциями). Таким поведением он создал в городе общин психоз страха среди хорватского и сербского населения, что повлекло за собой массовое бегство из города, тотальную блокаду работы полиции. Все хорватское население не одобряет такое поведение, считает себя... скомпрометированным и не желает дальше нести ответственность за такую политику!» (71).

В городе ширились слухи о составленных списках «на ликвидацию», им сопутствовала стрельба по сербским домам, минирование киосков и других объектов, хозяевами которых были сербы. Людей будили ночными звонками, угрожали смертью, заставляли принимать решение покинуть город. Из большого списка взорванных сербских ресторанов Информационный центр Сербского сабора (ИЦСС) приводит только некоторые случаи из 1991 г.: «Крашник» (15 апреля), «Сарайка» (3 мая), «Туфо» (3 мая), «Брдо» (6 мая), «Мали рай» (28 июня), «Попай» (2 июля), «Точак» (21 июля), «Чокот бар» (24 июля), «Шид» (30 июля) (122, с.23). Ночью производились аресты, допросы, пытки, расстрелы сербов. После 1 мая, когда полиция оттородила город баррикадами от большинства сербских сел, в городе начался террор над оставшимся

⁷¹ 13 августа 1991 г. Т.Мерчеп освобожден от занимаемой должности в Вуковаре и переведен в Загреб на должность помощника министра внутренних дел Республики Хорватии.

сербским населением. Сотни полицейских прочесывали улицы и районы города, врывались в квартиры, устраивали погромы под видом поиска оружия у ненадежных сербов. С 3 мая по 14 сентября 1991 г. более 100 сербов были арестованы и мучены в застенках импровизированных тюрем. Среди них — молодые и старые, женщины, старики и дети. Только часть из них остались живы. Массовой гробницей убитых сербов стала река Дунай. Согласно данным ИЦСС, в 1991—1996 гг. в Хорватии было убито около 10 тыс. сербов. Как правило, старались следов не оставлять, «чтобы помешать сербам вновь обозначить места своих страданий и воздвигнуть на этих местах памятники, как они это делали на местах зверств усташей во второй мировой войне», — признавался один из убийц (122, с.32). Именно поэтому в Вуковаре хорваты убивали сербов на берегу реки и бросали в Дунай. Несколько десятков трупов удалось достать из реки в районе Нови-Сада и Белграда и идентифицировать. Информационный центр Сербского сабора собрал много документов, записал показания свидетелей, располагает огромным количеством документов о зверствах хорватов в Вуковаре. Атмосфера страха заставляла сербов бежать из города и окрестных мест. Летом 1991 г. 13 734 серба ушли из Вуковара из общего числа 17 993 сербов и югославов по переписи 1981 г., или 14 425 по хорватским источникам (122, с.26). Таким образом, практически все сербское население города покинуло его. Те же, кто остался, переносили муки и страдания. Уходили и хорваты. В дневнике М.Видича записано, что городские власти помогли эвакуации 6 тыс. хорватских женщин, стариков и детей (Цит по: 111, с.387).

Уже летом 1991 г. Мерчеп начинает организовывать оборону города, раздает и продает оружие, создает вооруженные отряды, вводит в городе пропускную систему. В июне в город входят регулярные хорватские войска — хорватские гвардейцы, а также отряды Министерства внутренних дел, создается система самообороны из оставшихся в городе жителей. Кстати, среди них были и сербы. Хорватское правительство, Кризисный штаб Славонии и Бараны в начале августа заявили, что Вуковар является важнейшей частью обороны Республики Хорватии, просили население не покидать город и ввели специальные пропуска для входа и выхода из города. Сербскому населению город покидать не разрешалось. ХДС взяло под свой контроль средства массовой информации — радио и газету, выходящую в городе, блокировали работу легальных органов власти. Милиция попыталась арестовать С.Докмановича, но ему волей случая удалось избежать ареста. 24 июля город посетили высокие гости — Ф.Туджман, В.Шекс, Г.Шушак. Результатом их визита стал указ о роспуске Скупщины общины, Исполнительного веча. Все полномочия распущенных институтов переходили в руки «представителя хорватского правительства» Марина Видича (122, с.19). Несмотря на поражение на выборах, ХДС сумела произвести политический переворот и смену власти в городе.

Части ЮНА в Вуковарском гарнизоне в соответствии с приказами высшего командования долго занимали нейтральную позицию. Однако, в Борово-Селе именно военные из Вуковара спасли хорватских полицейских. Но они не предпринимали никаких мер, когда проходили акции «чистки» сербов в Борово-Населе 4 июля, Лужье 25 июля. Армия была нейтральна до тех пор, пока никто не нападал на ее представителей. Уже 20 августа произошел первый инцидент, а через несколько дней хорваты начали, правда неполную, блокаду казарм. 25 августа была обстреляна армейская

машина. Ответом была акция военных, в результате которой они на танках и бронетранспортерах вышли из казарм и фактически заняли город. Но танса своего не использовали. По договоренности с хорватской стороной военные вернулись в казармы и... попали в ловушку. Они были полностью блокированы в казармах вплоть до 18 ноября. И не только блокированы. Уже той же ночью хорваты начали атаку на казармы. Завязалась перестрелка, длившаяся несколько дней до нового перемирия.

Все территории с большинством сербского населения в Хорватии сербы Краины держали в своих руках, сопротивлялся лишь Вуковар. ЮНА планировала наступление на город с целью деблокады армейских казарм и потому обратилась к посредничеству ЕС, чтобы провести операцию без применения силы. Но ответа не последовало, а 14 сентября руководство Хорватии приняло решение напасть одновременно на все казармы ЮНА.

К операции по освобождению блокированных казарм в Вуковаре, Винковцах и Оснске были привлечены огромные силы, которые в десять раз превышали силы хорватов. Генерал Ж.Панич вспоминал, что армия решила взять город своими силами, но, чтобы не «брать дом за домом, решили взять город с помощью тяжелой артиллерии» (98,с.45). Армия начала наступление на Вуковар в 20-х числах августа. С 25 августа город находился в окружении. Жители уходили в бомбоубежище сначала на время, а затем оставались там постоянно, пока 16 ноября ЮНА на вошла в город. Предварительно состоялись переговоры с хорватской стороной о сдаче города. По хорватским источникам, город обороняли от 1300 до 2000 человек, а численность наступавшей армии составляла 35–40 тыс. Сербы полагают, что город обороняли 6–8 тыс. хорватских бойцов (111,с.386).

Югославские военные исследователи не отрицают, что в ходе Вуковарской операции «ки непосредственно после освобождения Вуковара были проявления реваншизма членов нерегулярных сербских формирований по отношению к хорватам в Вуковаре и его окрестностях» (111,с.386).

Точные данные о погибших в Вуковаре найти трудно. Хорватские и сербские источники, естественно, расходятся в этом вопросе. Доктор Нявро из Вуковарской больницы считает, что погибли 400 солдат, оборонявших город, и около 700 мирных жителей. В официальных хорватских публикациях приводятся данные, что всего погибли 1712 человек, из которых 182 — полицейские и военные, в то время как раненых и больных в Вуковаре и пригородах было 734 человека. Сербская сторона, по хорватским подсчетам, потеряла от 6 до 8 тыс. человек (69,с.176; 70,с.188,218,221). По сербским источникам, в городе погибли 1 тыс. хорватских гвардейцев (75) и 1800 сербских солдат и офицеров (130,с.258). В марте 1992 г. в белградских средствах массовой информации появились сведения, что всего в Хорватии погибли 1279 военнослужащих ЮНА (77,с.53). В мае 1992 г. Сабор Хорватии объявил данные, что всего в войне погибли 5 тыс. человек, ранено 20 тыс., пропали без вести — 6 тыс., 3100 находятся в плену (77,с.67).

Хорватские солдаты уходили из города 16–18 ноября, пробиваясь на хорватскую территорию кто как мог. Вошедшая в Вуковар армия предложила жителям, вышедшим из подвалов, право выбора: ехать или в Сербию, или в Хорватию. Из города армия эвакуировала около 12 тыс. человек, 600 хорватских гвардейцев были арестованы (75).

Я была в Вуковаре неоднократно в 1994 г. Разговаривала с теми, кто там жил, кто восстанавливал город, кто боролся за него в 1991. Перейдя границу, в Осиеке мне удалось встретиться с командирами хорватских частей и с теми офицерами, кто в 1991 г. защищал Вуковар. Им слово.

Разговор в Информационном центре Вуковара 31 августа 1994 г. с шефом кабинета председателя общины и председателем Исполнительного совета общины *Слободаном Поповичем* и директором Информационного центра Вуковара *Любико Стояновичем*. «Городу 780 лет. До войны население составляло 45 тыс., 23 нации. Вуковар — сербский город. Из общего числа горожан треть были сербы, треть — хорваты, треть — другие национальности. В 1990 г., когда по всей Хорватии победило ХДС, в Вуковаре победила партия И.Рачана, просто как альтернатива, больше не за кого было голосовать. На хорватский референдум вышло около 40% населения, только хорваты, и из этого числа 98% проголосовали за самостоятельную Хорватию. Следовательно, не удалось найти легальный способ заставить Вуковар пойти за Хорватией.

Тогда хорватские власти пошли другим путем. 1. Полицейский участок, в котором большинство милиционеров были сербы, перевели в Винковцы (хорватский город), провели чистку, из 300 сербов осталось только 25. 2. В мае 1991 г. — напали на радиостанцию. 3. Начали смещать сербов с должностей, среди первых — секретаря по обороне. 4. Общину ослабляли экономически. Из 146 общин Хорватии община Вуковар до 1988 г. была среди трех самых развитых. К 1991 г. она спустилась на 145 место. 5. В июне — июле 1991 г. начался специальный террор — минировались киоски, магазины сербов, запугивали сербов, вплоть до отдельных убийств. Первым погиб *Иован Яковлевич*, но расследование так и не началось. Сербь, к сожалению, поздно все поняли. Цель такого давления со стороны властей — чтобы из города уехало как можно больше сербов. И сербы начали покидать город. Они бежали в чисто сербские села около Вуковара и один сербский район на окраине Вуковара — *Петрова Гора* (там так никогда и не было сербской милиции). Казарма ЮНА в городе была блокирована, как и во всей Хорватии.

Сербь уходили из Вуковара с оружием, старнки, женщины и дети прятались в погребах. В город вошли около 10 тыс. усташей. Тогда мы образовали сербский обруч вокруг города, возможна была и полная блокада. Но не получилось. Около хорватского села *Богдановцы* был проход до ноября 1991 г. Есть сведения, что ЮНА пропускала через этот проход и хорватов из города, и впускала транспорт в город. Когда проход закрыли, город пал за семь дней. Первые акции ЮНА начались 21 августа. Мы пробивались в город с другой стороны. Наш первый успех был 14 сентября 1991 г., когда мы освободили часть города, освободили казарму и соединились с сербской частью города. Всего борьба за город длилась три месяца.

Мы думаем, что Хорватия получила свое государство благодаря Вуковару. Туджман пожертвовал городом, чтобы создать общественное мнение».

Штаб хорватской оперативной зоны «Осиек». В разговоре, который состоялся 9 сентября 1994 г., участвовали: 1) *бойник (майор) Матия Мандич*, хорватский офицер, 37 лет, оборонявший Вуковар, сдавший на милость победителя после падения Вуковара, проведший много месяцев в сербских тюрьмах, осужденный сербским судом и

затем размещенный, в 1994 г. — командир десятого вуковарского батальона (заловедник Вуковарске пострбе); 2) бригадир (генерал) *Младен Круляц*, 27 лет, который участвовал в обороне села Нуштар, недалеко от Винковцев; 3) *Артур Гедике*, начальник отдела по связям с ООН и другими международными организациями.

Матия Мандич: «Сербы начали уходить из Вуковара в начале 1991 г. не потому, что их кто-то прогонял, а потому, что готовились воевать. Своих детей до того они отослали в Сербию, чтобы подготовиться к войне. Я не знаю точных данных, но в Вуковаре, в целой общине, было около 45% хорватов, сербов было 34–35%, а в самом городе хорватов было около 60%. Некоторые не ушли, а были в подвалах вместе с нашими женщинами и детьми. Только один пример. Мать Мирко Станковича, который был директором радио Вуковара перед выборами (это было радио нескольких городов Сербии, что я знаю, Ниш, Шабац, здесь был и Вуковар), сербский лобби, мы его мать наравне со всеми кормили, несмотря на то, что он каждый день через радио плевал на хорватов, называл их устахами. Старая женщина была парализованная, мы ее поселил, кормили, она осталась жива. Почему они не ушли из Вуковара в Хорватию? Им ничего не было бы. Многие сербы уходили в Хорватию. Вероятно, если бы не было Вуковара, мы бы не сидели здесь. У сербов было оружие. Вы знаете, что на это оружие Хорватия выделяла 34% средств еще в Югославии. Значит, самое маленькое 34% оружия ЮНА принадлежит нам. А то, что ЮНА не увезла в Сербию, она дала сербам здесь. У них были танки. Можно ли было не разрушать город? Да, мы предлагали им конфедерацию, но они не захотели...

Вуковар защищали 2,5 тыс. военных, а так — каждый был защитник. Я был резервным офицером. А сербы послали на нас всех, кого имели, во всяком случае мы думаем, что их было около 30 тыс. Наступление началось в восьмом месяце, а закончилось в одиннадцатом. Из 1300 погибших в Вуковаре 500–600 были военные. Почему Хорватия не послала большую помощь Вуковару? Хорватия готова была защищать то, что могла отстоять. А роль Вуковара, вероятно, заключалась в том, чтобы дать возможность Хорватии собраться с силами. Если бы у нас не было этого трагичного Вуковара, мир, наверное, не признал бы нас».

Артур Гедике: «В то время в Хорватии были люди, но не было средств. Армии, в смысле обученных, вооруженных солдат, тогда не было. А посмотрите на эту огромную границу с юга на север и три города, которые надо было защищать — Осиек, Винковцы и Вуковар».

Матия Мандич: «Я знаю, что мы имели в Вуковаре, а что они. У меня в подразделении было три миномета 120 — мм, 2 пушки «3–1», шесть-семь минометов, две винтовки, 2 противотанковые пушки... А у них было 50–60 танков, не говоря о гаубицах, минометах. На Вуковар упало 60–70 тыс. снарядов. Многие вырвались из окружения, ушли в Винковцы. К сожалению сегодня мы еще не можем досчитать 4–5 тыс. вуковарцев. Я вел переговоры с четниками о сдаче. Надо было спасти оставшееся население. Когда отделили военных от гражданских, нас воюющих было 182 человека. От всех бойцов остались в живых всего 250 человек. Были там и представители Красного Креста. Я был в сербских тюрьмах 9 месяцев. 14 августа 1992 г. меня разменяли. Я был в Митровице, в Нише, потом опять в Митровице, в Белиграде на военном суде. Что вам сказать... Я не могу бегать, не могу играть в футбол, плохо хожу, потому что все во мне уничтожили, убили. Я не хочу об этом говорить... Меня осудили как военного преступника, а я не преступник, это я сразу сказал. Я как вышел, через месяц-два вернулся в хорватскую армию и останусь в ней, пока не вернем Вуковар. Несколько слов хотел бы

сказать о роли UNPROFORA. Я думаю, что его присутствие дало нам возможность вернуть эти территории мирным путем, и дало нам время подготовиться, приобрести оружие, чтобы за пять часов занять все эти территории. Я за мирный путь, так как знаю, что такое, когда погибает один человек. Мой брат, медицинский техник, работал в Вуковаре в больнице, его убили, когда вошли. А жена моего брата, тоже медицинская сестра, сербка, у меня нет ненависти к сербам, а она их ненавидит, так как видела, как вел себя доктор Иванкович, что они делали, моего брата убил его коллега, швейцар в больнице».

Артур Гедике: «О Вуковаре во время его падения существует две истории: одни относительно корректно поступали с пленными, а другие некорректно, т.е. убивали и плененных. Мы их считаем пропавшими без вести, а они фактически убиты, включая и вуковарскую больницу, и ярмарку. Там, где резервисты напали на Вуковар, они как правило не щадили никого. Там, где были представители международных организаций, там поступали корректно. Где их не было, поступали без правил».

Младен Кружич: «Хорватия и хорватская армия — за мирное решение. Но всем должно быть ясно, что хорватская армия хочет и способна вернуть Вуковар. Я ответственно заявляю, что уже завтра мы можем быть в Вуковаре. Как сказал майор, политика примет решение, мирное решение. Мое второе утверждение, а я был в Западной Славонии, на Мясленичком, что сербы не умеют воевать. Всему миру не ясно, почему они столько времени потеряли на Вуковаре. У них было много техники, чтобы разнести Хорватию полностью. А они потеряли 100 дней на Вуковаре, и Вуковар обеспечил Хорватии возможность организоваться и защитить то, что мы могли. Тактика и западного пакта, и восточного предполагает, что большие города в войне обходят, значит, они должны были обойти Вуковар, заблокировать его, не пускать туда еду и илти на Оснек, Джаково, не знаю... А они 100 дней потеряли на Вуковаре, потеряли столько людей, техники, а нам дали возможность организоваться. Значит, не владеют тактикой, все делают шаблонно. А если бы у нас было столько техники, сколько у них, мир был бы близок... Здесь было много международных организаций, Красный крест, колонны, автобусы. Сколько раз мы вели переговоры о раненых, приедут автобусы, чтобы вывозить раненых, тут и UNHCR, и Красный крест, а они стреляют по нашим автобусам. Одновременно стреляли и по Оснеку. Оснек горел. Они не имели конкретной военной цели, а стреляли по городу, им было все равно куда попасть — в военный объект или детский сад. Они имели цель — разбить все, что хорватское. Они войну проиграли на Вуковаре. 500 лет не смогут себе простить, что не обошли Вуковар и не пошли дальше в глубь Хорватии. А то, что не умеют воевать, стало очевидным и по другим операциям хорватской армии».

9 сентября 1994 г состоялся разговор в питебе Армии РСК с *Зораном Враневичем*, 1964 г. рождения, из Вуковара. Во время боев был гражданским лицом, после войны вступил в армию.

«Спросите кого угодно в городе, как все начиналось, и вам скажут, что хорваты имели списки неблагонадежных сербов, минировали дачи, киоски, сеяли панику, страх, стремились выселить сербов в Сербию. Но не был разрушен ни один хорватский дом. Это было до лета 1991 г. Сербы не напали на хорватов, но защищали свое. 70% сербского населения ушло из Вуковара. Петрова-Гора самоорганизовалась, собрали оружие, людей, и 44 человека защищали эту часть города. Армия пробилла окрестные казармы 14 сентября. На казарму, где она находилась, ежедневно падало 200–

300 снарядов. 31. 10 — это день начала освобождения Вуковара. На стороне хорватов в Вуковаре вынуждены были воевать венгры, словаки, другие национальные меньшинства, всего в Вуковаре, по нашей оценке, было около 7 тыс. вооруженных человек. Хорваты говорят, что 15 тыс. четников погибли в Вуковаре. Например, в моем подразделении из 140 человек в уличных боях было всего пятеро убитых и 20 раненых. Хорваты никогда не признают свои жертвы. По нашим оценкам, это 4 тыс. человек. А еще Туджман говорит, что во время войны в Хорватии пропали без вести 14 400 человек. Значит, они не могут объяснить своим людям, где и как они погибли. Хорваты и сербы семьями вместе прятались в подвалах. Они могли погибнуть и от сербского, и от хорватского снаряда. Когда наши войска вошли в город, мы предоставили возможность мирным жителям на следующее утро уехать: сербам — в Сербию, а хорватам — в Хорватию. Те, кто участвовал в войне, не в смысле военных преступников, но доказано их участие в военных действиях на стороне хорватов, были арестованы, осуждены, а потом разменены. Серб Панич их отпустил. 18 ноября город мы освободили. Хорваты все объекты использовали как военные. Даже больницу. Их не остановил даже красный крест на больнице. Их спасли Германия, европейские организации, самых злостных преступников спасли в этой больнице. А все ястребы ушли с организацией «Врачи без границ». Туджман специально держал своих людей в Вуковаре, он придумал план, вернее не его мозг, скорее всего, немецкий, чтобы Вуковар стал сознательной жертвой, чтобы обвинить ЮНА в военных преступлениях, чтобы представить Хорватию перед миром незащищенной. Комендант Осиека Горушек не разрешал хорватам оставить Вуковар, обещал им продовольствие, помощь, но они были брошены на произвол судьбы. Когда мы вошли в город, то нашли перед больницей брошенные тела 30 сербов, и они не были убиты пулей, а холодным оружием, т.е. врачами. Мы хоронили всех, и хорватов, достойно, а они бросали. Сейчас Гаагский суд обвиняет только сербов. Мы не бежим от этого, было и с нашей стороны, но того, что делали хорваты в Вуковаре, в Еленово, в Западной Славонии не было и во второй мировой войне».

Уже в конце августа город практически закрывается. Для вывоза из города раненых и доставки продовольствия и медикаментов был организован конвой из 40 машин, из которых 12 были медицинскими. В общей сложности удалось ввезти в город 1800 т продуктов и лекарств, 2300 т других необходимых для жизни вещей, вывезено 400 раненых. Некоторую помощь оказывали и гуманитарные организации. Но положение в городе становилось день ото дня все хуже — ежедневные обстрелы города уносили многие жизни, не хватало воды, продовольствия, самого необходимого.

Из книги врача Вуковарской больницы хорвата Ю.Нявро: «В Вуковаре дети не только рождались, но и гибли. В конце августа 1991 г. подвальные окна в отдельных зданиях закладывались мешками с песком, или досками, резиной, тряпками, всем, что могло бы остановить пули или осколки. И во время такой установки, ...благодаря «пятой колонне»¹, от снарядов гибло много людей, среди них и один ребенок. Это был первый ребенок, который пострадал от снаряда в Вуковаре, позже это число возросло до восьми. Всего же в Вуковаре от снарядов пострадало 80 детей. Самому младшему было 6 месяцев» (69,с.81).

¹ «Пятой колонной» хорваты называли сербов.

Лидия Нявро, учительница, описывает, как несколько семей разной национальности скрывались в одном подвале. «Любопытными были те наши отношения в подвале. Нас было двадцать... Были мы разделены, так сказать, по национальной линии, но когда начались сильные обстрелы, они начали бежать к нам. Вспоминаю, как себя тогда вели и о чем говорили. Такого осуждения Милошевича и правительства Сербии никто не мог слышать, сколько наговорила Рада Милошевич, а ведь у них, в квартире над нашей, тайно собирались члены СДП. Узелчевы, у которых родственник — генерал Узелац, говорили: «Когда все это пройдет, мы ему первые в лицо плюнем!»... В бомбоубежище иногда заходят некоторые из моих учеников-сербов, которые меня уверяют, что никогда не станут усташами, но все-таки защищают свой город, так как хотят, чтобы в школу имени Иво Лола Рибара ходили и их дети, и хотят защитить эту школу от каких-то пришельцев из какой-то Сербии, которую они и не знают. Те дети всегда от меня получали табак или хлеб...» (69, с.121,124).

Председатель Скупщины общины Вуковара *Славко Докманович* во время встречи, которая состоялась 7 сентября 1994 г., рассказывал «В Вуковаре до войны было 44,5 тыс. населения. После освобождения осталось 2,5 тыс. Сейчас уже 27 тыс. В городе было 7 тыс. смешанных браков... Вуковар очень важен для Хорватии со стратегической точки зрения. Если потеряют Дунай — больше не будут придунайской державой.

Хорваты психически неуравновешенный народ. Во время НГХ искали свои корни, нашли одного потомка хорватских князей в Италии. Провозгласили хорватским правителем. А когда тот умер, то все свое богатство завещал... кошке. Каждые 20 лет начинают борьбу против сербов. ХДС в Вуковаре на выборах не победила... СДП мы сформировали поздно. Долго верили, что государство, Югославия, сможет предотвратить хорватский фашизм и национализм, но этого не случилось. 26 августа мы попытались первый раз освободить город, но армия нам не разрешила, помешала, и мы были вынуждены уйти назад из города, хотя вошли в него с двух сторон на глубину два километра. После этого начался еще больший террор над сербским населением. 13 сентября мы снова напали на Вуковар, и армия снова отдала приказ отступать, но мы его не выполнили. Армия находилась в фазе некоего раздвоения — нельзя это, нельзя то. А хорваты использовали время для подготовки, ставили мины, и в каждом новом наступлении мы имели все больше жертв. 26 августа еще ни один дом не был разрушен или поврежден, 10% стекол только было разбито. 20 октября началась жестокая борьба за Вуковар. Хорваты многие дома сами разрушили, минировали. И мы не виновны. В этих разрушениях много и нашей вины. Но это война. Невозможно все поставить под контроль... Когда мы вошли в город 19 ноября тысячи трупов лежали со всех сторон. В городе буквально не было ни одного окна. По нашей оценке, 95% зданий было разрушено. Те 2,5 тыс., которые вышли из подвалов, ушли из города. Думаю, можно было избежать разрушений. Если бы было больше ума и готовности у тех людей, которые за это отвечали. Я каждый день контактировал с людьми. Я предлагал, чтобы 10 танков вошли в город и встали на главных перекрестках, и дело бы было сделано. Ведь хорватов было меньше нас, у них было только легкое оружие. 30 декабря 1990 г. они имели только 8 тыс. человек под ружьем. Тогда и два танка могли бы освободить город. Это был больше психологический момент. Мы не хотели разрушать город. Во время одного из моих разговоров с генералом Паницем, тогда командиром Югославской армии, я его спросил: «Зачем разрушаете? Какая разница, стреляет снайпер из целого или раз-

рушенного дома?»). — «Никакой. Но я не могу идти пешком и смотреть, в чем там дело». Ну, думаю, вина одинаковая и на нас, и на хорватах. Они разрушали, так как знали, что город уже не может быть их.

Думаю, что за Вуковар больше борьбы не будет. Война нанесла городу ущерб около 9,5 млрд. дол. Книи нам помочь не может, он должен содержать армию. Вклад республики заключается только в том, что город освободили от налогов. Принят Закон о восстановлении Вуковара. Мы выделяем примерно два млн. марок в месяц на восстановление Вуковара, а значит, нам потребуется 100 лет на восстановление. Но мы рассчитываем поднять город за десять лет. Все можно выразить одной фразой. Вуковар с нами никогда не может быть в Хорватии. Мы можем погибнуть, и тогда Вуковар войдет в Хорватию, но без нас¹.

Црни, хорват, один из защитников Вуковара: «Мне не ясно, почему они так ухватились за Вуковар? Также мне не ясно, почему ждали, пока в Вуковаре не создадут систему обороны, и только после этого напали? Если бы в июне или июле в город вошли два бронетранспортера, они бы могли занять Секретариат, общину, все. Причем, при незначительных потерях. Но и нас было немного, и мы не были вооружены» (69, с.90).

М.Огорец, хорватский теоретик военного искусства: «Из всех военно-политических атрибутов войны в Хорватии Вуковар, безусловно, представляет собой самый значительный и самый характерный пример. Как раз в борьбе около Вуковара произошла самая значительная трансформация тактики юго-армии, которую она продолжала применять во время каждого нападения на населенные пункты. Сравнение борьбы за населенные пункты в период второй мировой войны с борьбой за города в хорватской Отечественной войне отчетливо показывает, что бывшая ЮНА никогда не была готова к различным боям и захватам населенных пунктов. Вместо того, чтобы применить методы, которые рекомендуются всеми военными учебниками и пособиями, согласно которым борьба за населенный пункт ведется по фазам (например, сначала в первой фазе большинством сил населенный пункт окружается, во второй он отсекается от помощи и быстрым ударом «разбивается на сегменты»), а в третьей вспомогательные силы производят чистку тех частей), юго-армия применила архаичную тактику, которую будто бы взяла из средневековых учебников, о блокаде укрепленных городов. Та тактика состояла в том, чтобы по возможности окружить населенный пункт, а затем его обстреливать артиллерией до полного сравнивания с землей...» (56, с.71—72).

Б.Боркович, начальник главного штаба обороны Вуковара: «С военной точки зрения, уже с 25 августа Вуковар был в окружении... У нас был только один проход через кукурузу, который мы особенно оберегали, и Богдановцы. Это была узкая нить, которая связывала Вуковар с миром... Вуковар был окружен 200 танками. Меня тогда это число ужаснуло. Тогда я спрятал карты, чтобы никто их не мог видеть. На территории 60–70 км² было 200 танков». Б.Боркович организовал оборону города, создав в каждом микрорайоне (местном содружестве) отряд, который входил в батальон. Четыре батальона составляли бригаду. «Проблемы были в гражданской обороне, поскольку не было

¹ В январе 1998 г. в Гааге начался суд над Славко Докмановичем. Его обвинили в смерти 200 человек несербской национальности из вуковарской больницы, расстрелянных в районе Овчара в 1991 г. По словам самого Славки, его даже в городе не было в это время.

обученных людей, тогда мы так организовали, что все командиры отрядов при местных содружествах были и командирами в гражданских структурах... Сколько всего бойцов защищало Вуковар? Точное число назвать трудно... Максимальное число составляло 1500 человек..., но настоящих бойцов было 400–500» (69, с.95,98,99).

17.09.94. Эрдут. *Милан Миланович*, помощник министра обороны РСК: «В начале сентября, когда все хорваты ушли из ЮНА, мы начали заполнять те пустоты в армии. Эти три месяца очень важны для нас, мы сами оказывали сопротивление и боролись. Мы очень боялись резни со стороны хорватов. К концу сентября мы смогли сконцентрироваться, собрать оружие, мы его покупали, главным образом, у хорватов, а взяли и из склада бывшей Югославской народной армии. В конце сентября мы начали освобождать некоторые села, которые находились в окружении хорватского войска. Сначала сами, а потом нам помогла и Армия Югославиин, которая сама находилась под угрозой. Мы везде уже побеждали. Где ни начинали наступать, чтобы освободить сербское село, везде имели большой успех.. Мы освободили Вуковар 16 ноября, а везде пишут 18, так как два дня длилась сдача города.

Что еще важное хотел вам сказать. Было мертвых гражданских лиц и на одной, и на другой стороне. Все мирные жители, которые погибли в Вуковаре, в Эрнестиново и других хорватских селах, которые они держали, погибли во время военных действий. Это может подтвердить любая комиссия, которая начнет этим заниматься. Никто из хорватских жителей не был убит после окончания военных действий. А хорваты убивали сербов там, где не было военных действий.

Теперь что касается прогнанных и беженцев, как хорваты называют тех жителей, которые оставили свои села. Думаю, что здесь совсем ясно. Например, моя жена с детьми в июне, когда начинались военные действия, уехала в Сербию, а мы, мужчины, остались. Так же и хорватские женщины и дети уезжали из этих мест, например, в Загреб или куда-нибудь в Хорватию. А что произошло дальше? Мы победили, наши женщины и дети вернулись, а их нет. И теперь — являются ли они прогнанными или нет? И сейчас о наших 300 тыс. беженцев не говорит никто, а об их 35 тыс. знает весь мир. И кто является беженцем — из Загреба и Риеки, где не было военных действий, или из сел, где шла война? ...4 ноября началась заключительная битва за Вуковар. Тогдашняя ЮНА вместе с ТО Славонии, Бараны и Западного Срема вели наступление на два фронта. Одно — из направления Товарника, т.е. из южной части Вуковара, другое — из северной и западной части, в то время как на востоке не было битвы, так как там река Дунай. Борьба была очень тяжелая, так как в городе было много гражданского населения. Пять дней мы просили хорватов сдаться, так как было ясно, что они не могут победить. В это же время мы слушаем ежедневные разговоры Туджмана и Ястреба, который был в Вуковаре. Туджман ему ежедневно обещал помощь — вот я поднял и направил вам бригаду из Сиска, Вараждина, Загреба, а завтра не приходит никакой помощи. И так каждый день. Туджман и правительство специально оставили этих хорватов в окружении и осудили их на смерть, чтобы склонить общественное мнение на свою сторону. Вероятно, окружение длилось бы и дольше, если бы хорваты сидели мирно. Но они ежедневно стреляли по близлежащим селам — Борово-Селу, Трипине, Негославаце. Они провоцировали нас, оказывали сопротивление, и мы вынуждены были начать операцию за освобождение, так как каждый день имели погибших. Одна группа хорватов, с ко-

торыми мы установили радиосвязь, хотела сдать. Между тем, их убили, потому что они хотели сдать нас. И если кто-нибудь из гражданских хотел убежать из города на нашу сторону, они его убивали. Думаю, много и сербов, и хорватов, которые хотели бежать через Дунай, погубил в реке, и мы никогда не узнаем их имена».

Б.Йович пишет, что причиной начала военных действий в Вуковаре стало возмущение югославских военных тем, что казарма в Вуковаре была блокирована и лишена воды, света и связи. «Поэтому было решено в Вуковаре применить силу» (24, с.57).

Вуковар брали с трудом. Каждое наступление приносило много жертв. Однажды в кабинет министра обороны Сербии Т.Симовича вошла женщина и рассказала, как хорваты используют подземные коммуникации, которые были вырыты для канализации, но никогда не использовались. Хорваты приспособили их под бункеры и невидимые ходы. В Белграде было решено все выходы забетонировать. С этим заданием справились добровольцы Аркана (12, с.57). Город брали улица за улицей, боролись со снайперами, гибло много солдат и добровольцев. Некоторые оставляли позиции, устав воевать.

Министр обороны ЮНА В.Кадиевич писал, что освобождение сербских земель в Восточной Славонии входило в стратегический план, разработанный Генеральным штабом. Задача, по его мнению была выполнена, но с большой потерей времени из-за недостатка пехоты. Затем армия была готова двинуться на Загреб, но Хорватия предложила принять план размещения голубых касок на своей территории (52, с.137).

Белградские газеты в те дни много писали о зверствах хорватов над сербским населением Вуковара. «Свидетельств таких много, — вспоминал один из молодых подпоручиков ЮНА, — и наступит еще время, когда они будут объявлены. В селе Луице найдены три видеокассеты, на которые усташа снимали совершаемые ими преступления. Найдена и документация о тех преступлениях, различные бумаги, которые усташа оставили после себя...» (72). Свидетельствовали и хорватские бойцы.

Хорватские бойцы Йосо и Брко: «Из-за деятельности чистиков в городе мы должны были осуществлять чистки, обходить дом за домом. Сначала мы бросали гранаты, а когда они выскакивали из дома, мы их убивали. Когда зайдем дом, или целую улицу, собираем оружие и возвращаемся, так как у нас не было людей, чтобы оставить охранять улицу. Нередко нам приходилось по три раза чистить один и тот же дом» (69, с.99).

В те дни много писалось о преступлениях врачей в Вуковарской больнице, о зверских убийствах сербов в городе непосредственно перед отступлением хорватской армии. Итальянская журналистка Милена Иоле Габонели входила в город вместе с отрядами ЮНА. Она выступила по итальянскому телевидению и рассказала, как была свидетелем преступления — видела бандитски убитых сорок малышей в одном из детских садов пригорода Вуковара (73). Об этом же рассказывал и фоторепортер агентства «Рейтер» Горан Микич, и журналист того же агентства Векослав Радович (74). Последний свидетельствовал, как насчитал 189 случаев зверски замученных сербов, иногда убитых целыми семьями. Однако Лондон свидетельства своих журналистов так и не опубликовал (74). Имеются свидетельства и российских журналистов А.Кондранова и М.Овчаренко, которые видели трупы зверски замученных людей во дворе городской больницы. «Невероятными показались эти трагические откровения, если бы напротив больницы во дворе не лежали ряды трупов мужчин, женщин, стариков.

И если бы только мертвые тела. На них явные следы садистских издевательств — выколотые глаза, отрезанные уши... Все эти трупы... были вынесены из Вуковарской больницы и брошены во дворе. Хорватским боевикам не хватало места для своих раненых, вот они и «освободили койки». «Так что, это все сербы?» — спрашиваем мы у подошедшего военврача. «Да, сербы. Но не это главное. Ведь это же люди, и вот так с ними поступили». А напротив, в нескольких десятках метров, в армейские санитарные машины продолжается погрузка раненых хорватов, которых эвакуируют из полуразбитой городской больницы» (76).

Весна Босанца из Вуковарской больницы известна своим неэтичным поведением по отношению к раненым сербам — им отказывали в помощи, использовали для взятия крови, просто убивали (122, с.63).

После взятия Вуковара была образована комиссия, которая должна была расчистить город, не дать разразиться болезням, убрать и похоронить трупы. Член комиссии, помощник министра обороны Милан Попадич рассказывал: «Люди, вы понятия не имеете, вы даже представить себе этого не можете. На каждом пагу лежит по несколько трупов. Дети. И погибший скот, и тот, который идет и ест трупы. Все это смердит. Маски не помогают. Знаете ли вы, насколько смердят столько трупов в городе? А все разрушено. Ни один дом не существует, в котором хоть что-то осталось. Нет ничего целого. Едва все это я пережил...» (12, с.265).

Безусловно, Вуковар сыграл огромную роль в становлении независимости Хорватии. Он в течение нескольких месяцев сдерживал войска ЮНА, которые могли бы начать наступление на Загреб, дал возможность Хорватии сконцентрировать свои силы, собрать и вооружить войска. Уже в октябре месяце новый главнокомандующий А.Тус заканчивал организационное создание хорватской армии, а в декабре имел под ружьем 250 тыс. человек, 60 армейских бригад и отлаженную систему командования (143, с.209–210). Ф.Туджман терял город, но тот мог еще сослужить хорошую службу. Чтобы добиться признания, надо было заручиться не только поддержкой Германии, но и симпатиями других стран. Заложниками этой политики стали жители Вуковара. Командующий хорватскими силами в Вуковаре М.Дедакович направлял в Загреб бесконечные депеши, требуя помощь и оружие. Отчаявшись, он сам пробрался в Загреб и имел разговор с президентом. Тот пообещал помощь, но ее не прислал. Тогда М.Дедакович созвал журналистов и осудил руководство Хорватии за жертвование Вуковаром ради получения международных симпатий (98, с.45). Хорватские военные оценивали, что Вуковар можно было отстоять, нужна была лишь помощь пятью-шестью тысячами бойцов, а также оружием и танками. Можно было, при содействии Международного Красного Креста сдать город и спасти население, но президент был категорически против. Ф.Туджман запретил эвакуировать женщин и детей, отдал приказ остановить выход хорватских войск из окружения через Маринач. Ему нужна была жертва большого масштаба (116, с.43–44). Действительно, Германия получила важный аргумент в разговоре о признании Хорватии и осуждении Югославию.

Внутри страны после Вуковара барометр антисербских настроений поднялся очень высоко. В Загребе и других городах Хорватии распространялись листовки (бросались в почтовые ящики всем сербам), в которых хорватов призывали громить сербов. «Сербы нам сожгли дома, сербы разграбили наше имущество, сербы уничтожили наши фабрики,

сербы отнимают нашу землю... Сербы требуют привилегий в то время, когда у нас забирают жизни... Включитесь и вы в акцию, и все вместе уменьшим число сербов в Хорватии, так как они всегда нам мешали. В течение трех дней сербы должны выселиться. Еще сегодня начинайте воздействовать на сербов в вашем окружении — они должны уехать! Нет больше братства и единства, из-за которого они скрывались и вольготно жили. Нет больше совместной жизни с сербами. Запомните, что сербам здесь больше нет места» (83).

Руководство Югославии было уверено, что с падением Вуковара падет и Хорватия. Но Белград получил совершенно разрушенный город, а Хорватия смогла выстоять. Весь мир поддержал Хорватию и осудил Югославию. Гаагский Международный трибунал возбудил три уголовных дела против офицеров бывшей ЮНА — полковника Милета Мрксича, майора Веселина Шливанчанина и капитана Мирослава Радича — за военные преступления во время Вуковарской операции. В 1992 г. Верховный суд Югославии также провел серию расследований в связи с Вуковарской операцией, но осуждены были югославские офицеры только за мародерство и дезертирство (80).

Часлав Оцил, доктор экономических наук, Белград (14.08.94): «Вуковар пал 19 ноября 1991 г. Хорватия признана после этого. Патологическое разрушение Вуковара несомненно — или политическая игра, или политическое решение сверху (возможен договор между Милошевичем и Туджманом), или некомпетентность военных. В Вуковаре сербов погибло больше, чем хорватов. Было сто предложений, как избежать разрушения Вуковара. Армия не выдержала экзамена. Не встала на сторону сербского народа. До сих пор не имеет национального определения. В то время как Словения создавала Словенскую армию, Хорватия, Македония — свою, ЮНА создавала Союз Коммунистов — Движение за Югославию».

Со временем история все расставит по своим местам. Для этого нужны правдивая информация и попытка объективно оценить события в Хорватии. Развенчивая созданную на Западе легенду о первоначальной сербской агрессии, видный немецкий политический деятель Петер Глоц пишет в сентябрьском (1995) номере журнала «Дас Нойс Пезельшафт»: «Неспорим факт, что первым агрессивным актом в бывшей Югославии явилась сецессия, и особенным грехом стало признание шовинистической Хорватии без международных гарантий автономии для хорватских сербов... Не надо также забывать, что бомбардировке сербами Вуковара, которая считается началом военных действий на Балканах, предшествовало зверское убийство хорватами в этом городе свыше тысячи мирных сербов» (цит. по: 97).

По оценке югославских военных, основными ошибками ЮНА в Хорватии были следующие: не предотвратили ввоз оружия в Хорватию, не учли опыт войны в Словении и не остановили блокаду казарм ЮНА, не расширили военные действия в Хорватии, не провели анализа и оценки Вуковарской операции. Критиковалась и слабая активность части командных кадров (113, с. 185). Исследователи особой критике подвергли «ошибочную тактику» руководства ЮНА, его неспособность и некомпетентность в проведении такой военной операции и даже предательство (130, с. 263, 264). С падением Вуковара ЮНА потерпела самое жестокое поражение — не только упал ее престиж, но для всего мира она стала символом бесчеловечного и варварского поведения.

До размещения «голубых касок» на территории Хорватии и даже в первые месяцы после создания миротворческих секторов столкновения между сербами и хорватами продолжались. До ноября 1991 г. было заключено 12 перемирий, которые сторонами нарушались.

В результате вооруженных действий на территории Восточной Славонии тысячи хорватских жителей оставляли свои дома и уходили в Хорватию. Иногда они уезжали сами, гонимые страхом неизвестности и грядущей опасности, а иногда — под давлением сербов. Как сообщал Б.Бутрос-Гали в докладе от 24 апреля 1992 г., «20 апреля в восточном секторе СООНО были свидетелями высылки 107 хорватов из Вуковара, 100 — из Тени и 21 — из Маранци, при этом всех выслаемых обязывали подписывать заявление о том, что их отъезд носит добровольный характер» (92, с.5). СООНО одновременно сообщали, что в западном секторе сербское меньшинство подвергается преследованиям со стороны «относящихся к хорватам отдельных лиц и групп»: продолжают поджоги и/или взрывы населенных сербами домов в этом секторе. Улики свидетельствовали о причастности к этому Хорватской армии и полиции (93, с.4). «Голубые каски», пришедшие на земли Хорватии и размещенные на границе сербских анклавов, смогли предотвратить дальнейшую эскалацию войны.

4. Республика Сербская Краина. Попытка строительства мирной жизни

В ноябре 1991 г. руководство Югославии задумалось о дальнейшей судьбе сербско-хорватских отношений. И С.Милошевич, и Б.Йович, заместитель председателя Президиума СФРЮ, склонялись к закреплению сербских позиций в Хорватии. Если сербы в Хорватии удерживают большинство своих территорий, то надо попросить ООН защитить их. Письмо в Совет Безопасности на имя его председателя было послано 9 ноября 1991 г. В письме отмечалось, что гражданская война в Хорватии приняла огромные размеры и может перекинуться на всю Югославию. Политика хорватских властей по отношению к сербам вызывает у Президиума СФРЮ глубокую тревогу, и поэтому этот вопрос предлагалось включить в повестку дня СБ. Президиум СФРЮ просил СБ направить в Хорватию миротворческие силы, разместив их между территорией с большинством сербского населения и остальной хорватской территорией. «Тем самым миротворческие силы ООН создали бы тампон-зону и развели враждующие стороны до тех пор, пока югославский кризис не будет разрешен мирным справедливым способом на основе международного права при участии ООН» (22, с.409–410).

Совет Безопасности начал рассматривать возможность направления «голубых касок» в Хорватию, не упоминая при этом требования Югославии. 17 ноября 1991 г. в Белград прибыли представитель Генерального Секретаря ООН по урегулированию кризиса в Югославии Сайрус Вэнс и высокопоставленный чиновник ООН М.Гулдинг, который руководил всеми операциями ООН по поддержанию мира. Они должны были изучить возможности для посылки войск ООН в Югославию для разъединения противоборствующих сторон, подготовить доклад для Генерального Секретаря ООН и Совета Безопасности, которым предстояло принять решение о возможности отправки «голубых касок» в Югославию. 23 ноября в Женеве С.Милошевич, Ф.Туджман и В.Кадиевич в присутствии лорда Каррингтона достигли договоренности о прекращении боевых

действий и выразили согласие на участие в урегулировании миротворческих сил. Белград должен был вывести армию из Хорватии.

Личный представитель ГС ООН Сайрус Вэнс в конце декабря предложил Президиуму СФРЮ рассмотреть концепцию участия миротворческих сил ООН в Югославии. Предполагалось, что присутствие «голубых касок» на территории Югославии должно быть временным, лишь для создания условий для мира и безопасности и дальнейшего политического урегулирования. На сербских территориях власть остается в руках сербского народа вплоть до окончательного политического решения.

По мнению Б.Рашиу, активного участника борьбы за национальную самостоятельность сербов в Хорватии, план С.Вэнса — это первое катастрофическое решение для сербских национальных интересов. В руководстве Краины не было единства мнения по этому вопросу. С планом полностью согласился Йован Рашикович, Йован Опачич, и даже сначала Милан Бабич. Против высказались тогдашний председатель Скупщины РСК Миле Паспаль, Боро Рашиу и другие. Возражение вызывало то, что план был подписан без представителей РСК, хотя требовалось их согласие. Милан Бабич вскоре изменил свое мнение и выступил против плана. В подписанном им письме на имя Президиума СФРЮ, ООН и Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ) М.Бабич от имени правительства САОК резко возражал против посылки международных сил в Хорватию. Правительство САОК предупреждало, что «...не позволит разоружить САО Краину и распустить вооруженные силы САО Краины... войти миротворческим силам Объединенных Наций на суверенную территорию САО Краины». М.Бабич настаивал, чтобы миротворческие батальоны располагались только на границе РСК, преследуя цель «восстановить агрессию хорватских фашистов на САО Краину» (45,с.2; 21,с.9).

Хорватия соглашалась с возможным размещением миротворческих сил на своей территории, но только на границе с Югославией и Боснией, чтобы отрезать сербских ополченцев от Белграда. В этом случае Хорватия надеялась легко восстановить порядок на своей территории. Ф.Туджман предлагал, чтобы на всей территории Хорватии во время присутствия там «голубых касок» действовала Конституция Хорватии, чтобы был создан временный Совет из представителей хорватов, сербов и ООН, который бы руководил жизнью некоторых общин в течение трех месяцев, а затем подготовил новые выборы.

31 января — 2 февраля 1992 г. состоялось расширенное заседание Президиума СФРЮ¹, на котором рассматривался вопрос поддержки плана С.Вэнса. Тогда руководство Югославии было убеждено, что «мир предлагает нам военную и политическую защиту, чтобы мы решили свои проблемы» (22,с.434). Члены Президиума СФРЮ говорили о том, что Югославия станет гарантом сербских территорий, если на них нападет Хорватия. Сомнения по этому поводу выразили М.Бабич, Йован Радулович, Часлав Оич, Лазар Мацура и Боро Рашиу (21,с.9). Дискуссия велась два дня и две ночи без перерыва. Делегация РСК так и не согласилась с планом. Затем через некоторое время от имени делегации РСК план подписал Миле Паспаль, сказав, что за ним стоит большинство председателей общин, и пообещал быстрое положительное решение Скупщины РСК.

¹ На нем присутствовали также представители Генштаба, Сербии и Черногории, правительства Скупщины РСК, военачальники с фронта, делегация РС (22,с.431).

Осенью 1991 г. Краина находилась в трудном положении. В движении за национальную самостоятельность Краины одновременно слились две идеи. С одной стороны, борьба против усталости, а с другой — борьба против коммунизма, против всего, что составляло основу идеологии социалистической Югославии, против идеи братства и единства, которая не смогла защитить сербский народ вне Сербии. Отсюда проистекает противоречивое отношение к политизированной ЮНА, более быстрое, чем в Югославии, возрождение национальных идей, реабилитация четничества, отказ от югославской символики. Это было идеологическое противоречие, которое мешало борьбе на поле брани. Иногда между собой сталкивались сербские села, которые во второй мировой войне были по разные стороны баррикад: одни — партизанские, другие — четнические. Не было единства в руководстве республики, не была еще создана краинская армия, не существовало единого командования, не были урегулированы отношения с Югославией и ЮНА. Но складывавшаяся политическая обстановка, помощь ЮНА в отстаивании сербских территорий создавали благоприятные условия для дальнейшего организационного упрочения Краины как независимой от Хорватии области.

19 декабря 1991 г. в Книне была торжественно провозглашена Республика Сербская Краина (РСК). Скупщины Западной Славонии и Сербской области Славония, Баранья и Западный Срем приняли решение войти в состав РСК. Согласно принятой Конституции, Республика Сербская Краина являлась «национальным государством сербского народа и всех граждан, которые в ней живут» (15, с.3). Новая республика состояла из трех территорий и 22 общин. Были определены государственные символы РСК — герб, флаг и гимн. Милан Бабиц сменил должность премьер-министра на должность президента Республики.

Когда сербы Краины создавали свое государство, они надеялись использовать международное право для создания самостоятельной республики или присоединения своей территории к новой Югославии. Некоторую надежду давал один из принципов, провозглашенный созданной осенью 1991 г. МКБЮ, который заключался в отказе от одностороннего изменения границ (95; 96). «Поэтому с гипотетической точки зрения существовала возможность урегулирования проблемы между Республикой Хорватией и сербским населением... путем согласованной корректировки границ» (96). Однако в ходе переговоров Хорватия предлагала сербам только безальтернативное решение — признание ими хорватского суверенитета в обмен на гарантирование их прав как национального меньшинства. С принятием Хорватии в члены ООН в мае 1992 г. урегулирование стало возможным только в международно признанных границах Хорватии. И хотя сербы никогда не соглашались с такой позицией, сопредседатели МКБЮ стали определять статус сербских территорий в Хорватии как составную часть территории Хорватии (96).

Стремление сербов к независимости определило и их отношение к плану размещения «голубых касок» на своей территории. Правительство Краины приняло решение, что без согласия Книна размещение сил ООН на территории Краины будет считаться агрессией и нарушением территориально-политического суверенитета Краины. Такая позиция М.Бабица не встретила одобрения у руководства Сербии.

С.Милошевич начинает поддерживать М.Мартича, который с большим пиететом относился к сербскому лидеру. В свою очередь отношения М.Мартича и М.Бабица все больше осложнялись. Создание РСК уже на первом этапе проявляло сильную зависимость от Югославии и было отягощено политическими разногласиями, что приводило к политической нестабильности.

8 января 1992 г. президент Сербии написал президенту РСХ М.Бабичу открытое письмо, в котором выразил несогласие с его позицией по миротворческим силам. С.Милошевич убеждал М.Бабича, что к сербам придет мир и защита, что народ избежит дальнейшего геноцида. «То, что Сербия оказывает всестороннюю и бескорыстную поддержку Краине, не означает, что Вы получили право принимать решение о жизни ее граждан. И граждане Сербии не являются вашими заложниками, этого не будет никогда». Отказ принять мирный план С.Вэнса С.Милошевич расценил как «удар в спину» Сербии. Он во всеуслышание заявил, что М.Бабиш полностью утратил доверие Белграда (46, с.3). План ООН поддержал Й.Рашкович. Он назвал С.Милошевича миротворцем, полагая, что «вся мысль и практика сербского народа должны быть сконцентрированы на мире» (119, с.46).

М.Бабиш в ответном послании подробно объяснял, что народ Краины будет платить очень высокую цену, если примет план. Единственно возможный вариант, по его мнению, — размещение «голубых касок» на границе между сербам и хорватами. М.Бабиш был в своем ответе дерзок, обвинил С.Милошевича в равнодушии к судьбам сербского народа, подчеркнув, что тот не имеет права принимать решения от имени сербского народа Краины. В конце письма он обвинил политику С.Милошевича в геноциде сербского населения в Хорватии (47). 22 января Скупщина РСХ проголосовала против плана ввода миротворческих сил в Хорватию.

Такая дерзость стоила М.Бабичу поста. Белград начал управлять ситуацией. 9 февраля Скупщина в Глинке большинством голосов одобрила план ООН. 24 февраля 1992 г. СБ принял Резолюцию № 743 о посылке в бывшую Югославию миротворческого контингента. А 26 февраля Скупщина РСХ, собравшись не в Клинке, а в Борово-Селе, объявила об отрешении от должности президента РСХ М.Бабича (13, с.59). По предложению Белграда новым президентом был избран Горан Хаджич⁴. Председателем правительства стал З.Зечевиш. Поскольку М.Бабиш и его сторонники не согласились с решением Скупщины, в РСХ наступил период двоевластия. Параллельно существовали две Скупщины, два правительства. М.Бабиш не имел поддержки милиции и ТО. М.Мартич, контролируя их, брал на себя и политические инициативы. Он активно выступал за мир, за поддержку плана размещения «голубых касок» в Хорватии. Правительство З.Зечевиша укрепились и просуществовало до 28 марта 1993 г., а затем с марта до конца года работало правительство во главе с Д.Беговичем.

Время требовало решительных шагов по организации государственного строя, налаживанию экономики. 12 декабря 1993 г. в РСХ прошли первые выборы на многопартийной основе председателя Республики и делегатов Скупщины. На пост председателя (президента) претендовали семь кандидатов. Основная борьба развернулась между М.Бабишем (СДП Краины) и М.Мартичем (независимым кандидатом). Последний был кандидатурой, которую решительно поддерживало руководство Сербии. Во втором круге победил М.Мартич. Это стало возможным благодаря достигнутому компромиссу (после различных манипуляций и огромного давления на М.Бабича со стороны Белграда) между главными претендентами: М.Мартич стал председателем РСХ, а М.Бабиш — министром иностранных дел. Правительство возглавил Борислав Микелич. В Скупщину были избраны 84 посланника от шести партий. Самой многочисленной была

⁴ После падения Краины осенью 1995 г. именно Горан Хаджич, до этого времени не участвовавший в политике, вошел от сербской стороны в сербско-хорватскую комиссию по урегулированию вопроса о статусе Восточной Славонии.

группа депутатов от СДП Краины — 31 человек, затем шли Сербская радикальная партия — 16, СДП сербских земель — 15, Сербская партия социалистов — 6, СДП — 4, Социал-демократическая партия — четверо, 8 посланников были независимыми (13, с.62). В руководстве РСК продолжал существовать раскол на «людей Белграда» и «патриотов». К первым относили М.Мартича и премьер-министра Б.Михелича (СК-ДИО). Патриотами себя считали М.Бабич, Б.Рапоу, ставший министром информации. Все это осложняло работу правительства, Скупщины, органов управления.

С весны 1992 по весну 1995 г. РСК была под защитой «голубых касок». Батальоны миротворцев расположились вдоль границы РСК и Хорватии и создали благоприятный период для стабилизации положения в Республике, упрочения ее экономики. Однако хорватскую армию не смущало присутствие миротворцев на территории Хорватии, и она предприняла ряд военных операций по захвату территорий РСК, стратегически важных для Хорватии.

Руководство Сербии и Югославии понимало сложность задач, стоящих перед сербами в Хорватии, во время размещения и деятельности «голубых касок» на ее территории. Важно было наладить функционирование сербского государства — деятельность органов внутренних дел, судопроизводства, обучение кадров, выдачу паспортов и других документов. Поэтому уже в феврале 1992 г., как вспоминает Б.Йович, руководство страны пошло на выделение, правда минимальных, средств из бюджета федерации по системе дотаций на нужды Краины, наметило приоритетные задачи по разработке законодательства республики, опирающееся на Конституцию СФРЮ, решило помочь с инструкторами для организации органов внутренних дел. В 1994 г. РСК устанавливает единую телевизионную связь с Сербией и Черногорией, а правительство обсуждает вопрос о введении в Краине гражданства Югославии (144). Все это должно было удалить Хорватию от Краины, а также зафиксировать в СООНО «существующую» высокую внутреннюю организацию РСК (22, с.437).

В период мирного развития под защитой «голубых касок» налаживалось экономическое развитие Краины. Плодородные земли приносили хороший урожай, восстанавливалось сельское хозяйство. Жители Краины регулярно получали через размещенные в Хорватии батальоны миротворцев продукты, топливо, лекарства. Так, 24 июня 1994 г. в секторе «Юг» индивидуальным хозяйствам было распределено 300 тыс. л топлива, в секторе «Запад» — 36 тыс. — индивидуальным хозяйствам, 25 тыс. — предприятиям. Правительство в 1994 г. разработало программу стабилизации, начало выдавать первую зарплату. Функционирование монетарной системы и банков полностью зависело от Белграда. Но тогда правительство рассчитывало к ноябрю месяцу завершить интеграцию с Югославией (145, с.3).

Несмотря на некоторые сдвиги, экономика Краины переживала трудные послевоенные времена. По мнению некоторых исследователей, экономика Краины в прежние времена была больше ориентирована на Хорватию. Ее сегодняшняя переориентация на Сербию дорога и неэффективна. Но над решением экономических проблем висит политический дамоклов меч. А это столкновение двух невозможностей (53).

26 сентября 1994 г. у меня состоялась встреча с премьер-министром непризнанной республики *Б.Михелич*. Он производил впечатление сильного, уверенного в себе человека, говорил убежденно, складно, аргументированно. Оценивал экономическое развитие РСК: «Хорватия никогда не была заинтересована развивать сербские области Лику,

Кордун, Банию. Развита была только Петриня... Мы начали с сельского хозяйства, мы имеем 720 тыс. га земли под пашню, из них 320 — очень плодородной. Мы становимся на ноги, усиливаемся изнутри. Недавно мы получили кредит от СРЮ 400 млн., начали развивать промышленность. Отношения у нас с СРЮ — естественные, как с матерью через пуповину. В армии РСК 1500 офицеров непосредственно содержатся Белградом. На территории нынешней РСК — 543 тыс. человек, из них 200 тыс. — хорваты, хотя мы говорим, что 150 тыс. Самая большая концентрация хорватов в Баранье (130 тыс.), Западном Среме, Бенковаце (50%), Дриинье (большинство), Оброваце (50%), Слуне (большинство)».

Тогда, в 1994, обсуждался вопрос объединения РСК и РС, а также их возможного объединения с Югославией. *Б. Микелич* по этому поводу говорил: «Сейчас в РС очень тяжело, так как они были больше заняты международными проблемами, Женевой и не смогли создать свою экономическую систему, систему власти на местах, не связали экономические интересы западных и восточных земель монетарной системой, не определили границы. Граница у них — условная, протяженностью 1604 км. РС сейчас трудно. Они выключены из платежного баланса, а чтобы платить за пули, нужны живые деньги, у них мало людей. Им надо подумать, какие территории могут заменить, время тайм-аута прошло. РС хочет торговаться, а это опасно. Наша судьба сегодня зависит от РС. Объединение РС и РСК — ошибка, иначе и у нас будет установлен международный контроль. А это лишь будет услугой Хорватии. Любой патриотизм должен на что-то опираться. Я до четырех часов утра доказывал депутатам, что у нас нет экономического и военного базиса для объединения, и мне удалось убедить их.

Создание СРЮ дало возможность сербам из других территорий войти в Югославию. СРЮ себя сохранила, в РСК — войска ООН, теперь надо подумать, как спасти РС. Ее существование находится под угрозой. Венсов план — идея Милошевича, чтобы спасти сербов в Краине. РС надо было исходить из того, где было большинство мусульман, а где сербов. И так действовать. В Брчко, например, до войны, было 75% мусульман, а в Добое было 35% сербов. Бая-Лука — чисто сербский город».

Несмотря на трудности, с которыми сталкивалась РСК, она пыталась выполнить три политические задачи, которые, являясь атрибутами государственности, позволяли претендовать на самостоятельное государство: территория, народ и власть. Но сделать это было крайне трудно, так как внутреннюю политическую сцену РСК характеризовали политические разногласия и постоянные смены руководства. Достоянием общественности стали взаимные обвинения в спекуляциях, криминальных деяниях, нелегальном обогащении ряда руководящих кадров. Раздоры слышались и в военном руководстве Краины. Многих офицеров обвиняли в нерешительности, в нежелании типичать Краину, в проведении политики Белграда, которая поощряет возвращение сербской территории Хорватии. Министр информации Б. Рашуо писал еще в августе 1992 г.: «Политическая жизнь в Республике Сербская Краина полностью прекращена... Из-за употребления силы и введения диктатуры в Республике Сербская Краина совсем отсутствует общественная жизнь... Краиной сегодня владеют незаконные и насильные». Причиной этого он считал то, что у власти находятся люди «низкой политической культуры и высоких амбиций» (118, с. 169–170). По его мнению, необходимо было восстановить деятельность политических партий, провести перепись населения

и свободные выборы, осуществить на деле свободу печати. В октябре 1994 г. он писал, что РСК сотрясают политические раздоры, что приостановлены связи между ветвями власти — Скупщиной, правительством, президентом. Такая внутренняя политическая блокада грозит республике хаосом. Причем, столкновения вызваны личными амбициями, а не политическими причинами (118, с.175—176).

С начала 1994 г. международные организации пытались заставить Книн начать переговоры об экономическом сотрудничестве с Загребом. Переговоры должны были пройти несколько фаз и завершиться обсуждением политических вопросов. Предварительные условия для этого были созданы — 29 марта 1994 г. в российском посольстве в Загребе между крайниками и Загребом был подписан договор о перемирии. Следом должны были начаться переговоры по экономическим проблемам. Еще 15 июня Милан Мартич говорил с уверенностью, что на переговорах будут обсуждаться чисто экономические вопросы — вода для Задара, генераторы для гидроэлектростанции Обровац, вода для Теслинграда и Дрниша, с хорватской стороны — водоводы и нефтепроводы, а также вопросы гуманитарной помощи, выплаты пенсий пенсионерам, возвращения вкладов в банках и т.д. Но 16 июня переговоры не состоялись, обе стороны обвиняли в этом друг друга. В средствах массовой информации появились сообщения, что среди руководства РСК возникли разногласия по поводу целесообразности переговоров. М.Мартич, якобы, пошел на переговоры без согласия остальных. Масла в огонь подливали и постоянные высказывания Ф.Тулджмана о том, что «восставшие сербы должны признать факт, что они живут в суверенной Хорватии», как и то, что они могут рассчитывать только на «самоуправление в районе Книна и Глинь» (119, с.77).

22 июля М.Мартич направил письмо в штаб СООНО с выражением готовности приступить к переговорам с Хорватией по экономическим вопросам. Они состоялись 5 августа в Книне. В переговорах участвовали представители Хорватии под руководством Х.Шаринича и РСК под руководством Б.Микелича и М.Бабича. В августе рассматривались проблемы дорожного сообщения, и была создана экспертная группа по вопросам открытия автомагистрали через Западную Славонию. Осенью начали работать совместные комитеты (восный и по сельскому хозяйству), которые обсуждали вопросы прекращения огня, проезда гуманитарных конвоев, выдачи родственникам тел погибших в боях, организации сельхозработ. Переговоры по экономическим вопросам постоянно откладывались, проходили трудно, но все-таки продвигались, и в начале декабря 1994 г. был подписан Договор о нормализации экономических отношений между Краиной и Хорватией. Речь шла об открытии автодороги, нефтепровода, о нормализации снабжения районов водой и электричеством. Предусматривалось продолжить переговоры о возвращении беженцев, о выплате пенсий, открытии железнодорожного сообщения.

В январе 1995 г. Книну был предложен план политического урегулирования отношений с Хорватией, так называемый план «Загреб-4», согласно которому Книнская область должна получить автономию, а Западная и Восточная Славония — интегрироваться в Хорватию. Но этот план не устраивал, прежде всего, Хорватию. Она занималась усилением армии, подготовкой к решению интеграции Краины военным путем, что ей и удалось сделать в 1995 г.

Война в Хорватии унесла жизни тысячи людей. Разрушались города и села, опустошались некогда плодородные земли. По неофициальным данным, в боях на территории Хорватии погибли более 30 тыс. человек, а беженцев насчитывалось около полумиллиона. Война принесла огромное разорение Хорватии, экономике нанесен колоссальный ущерб. По предварительным подсчетам, только прямые убытки составили свыше 30 млрд. долл. Объем промышленного производства в январе 1992 г. упал на треть по сравнению с прошлым годом, экспорт сократился почти наполовину. Количество безработных приблизилось к 300 тыс. В республике почти полностью была разрушена система коммуникаций, железнодорожная связь (18). В РСХВ в 1991 г. в боевых действиях погибли 2700 человек, пострадали — 5800, а вместе с ранеными — 13 тыс. человек. Хорватское правительство опубликовало «Белую книгу о сотрудничестве с Международным трибуналом», в которой имеются данные, что за период «агрессии на РХ» погибли или были убиты 15 тыс. человек, пропали без вести или находились в плену 18 тыс., а ранены около 50 тыс. человек (148).

По данным Красного креста Югославии, к концу 1991 г. было зарегистрировано более 250 тыс. беженцев из Хорватии — граждан сербской национальности, с работы было уволено более 120 тыс. сербов в Хорватии из-за их национальной принадлежности. В республике были минированы, уничтожены и разрушены около 600 мастерских и магазинов, разорены тысячи квартир, дач. По данным Сербской православной церкви на октябрь 1997 г., всего в Хорватии уничтожены 242 православные церкви, один монастырь и 96 церковных объектов (134, с.77). По данным Хорватии, в республике были разрушены 63 и пострадали более 500 католических церквей и церковных объектов (147, с.110).

Выступая на «круглом столе» в Загребе, известный в прошлом хорватский политик, коммунист Стипе Шувар отмечал, что из Хорватии с 1990 по 1996 г. уехали около 400 тыс. сербов. Только из Западной Славонии ушло 60 тыс. сербского населения (88). По его мнению, «если бы не было первой и второй Югославии, если бы не политика Павелича по отношению к сербам в 1941—1945 гг., а также политика, которую проводит Хорватия Туджмана с 1990 г., то сербов сегодня в границах нынешней Хорватии было бы около полутора миллионов» (88).

К началу 1992 г. ситуация в Хорватии все более находила резонанс и в Боснии и Герцеговине. Ведь хорваты из БиГ как добровольцы в армии Туджмана по числу погибших, раненых, плененных, особенно в Вуковаре, составляли большинство. Кроме того, Хорватия активно вооружала хорватов и мусульман в БиГ. Сербы в БиГ ощущали напряжение обстановки, в Белград потянулись представители различных структур, армии за советом, помощью и поддержкой. Но общее настроение в столице было — не допустить втягивания Сербии в войну в БиГ (12, с.258). Надежда была на то, что народы БиГ из страха последствий вооруженных столкновений не допустят войны.

Список источников и литературы

1. Целебич М. Корни мржње и геноцида над србима // Вечерње новости. — Београд, 1990. — 28 јун. — С. 25.
2. Вижич Д. Уместо приступне бесједи // Наше село. — Силаш, 1990. — нов. — С. 3.

3. Уводно излагање на изборној Скупштини СДП за опшину Осиек // Наше село. — Силаш, 1990. — нов. — С. 3.
4. Декларација о суверености и аутономији српског народа // Политика. — Београд, 1990. — 26 јун. — С. 7
5. Образложење уз Нацрт одлуке о оснивању и конституисању Заједнице општина Сјеверне Далмације и Like. Документ, рукопис.
6. Извештај о проведеној изјашњавању Српског народа у Републици Хрватској о српској аутономији. 30.09.1990. Документ, рукопис.
7. Фалесев Е. Агресија // Правда. — М., 1995. — 8 авг. — С.3.
8. Весић Д. Политичар без дана затвора // Интервју. — Београд, 1994. — 5 авг. — Г. 14, № 341. — С. 7–9.
9. Прогон срба у Хрватској 1990 / 1991: Документи. — [б.м.], [б.г.]. — 48 с.
10. Tudjmanova Hrvatska nastavlja politiku fašističke NDH (1941— 1945) // Billen vesti. — Moskva, 1995. — 8 авг. — 11 с.
11. Милсуеинић С. Духовни геноцид 1991— 1993. — Београд, 1994. — 153 с.
12. Гајић-Глишић Д. Српска војска: Из кабинета министра војног. — [б.м.], 1992. — 313 с.
13. Дакић М. Српска Крајина: Историјски темељи и настанах. — Книн, 1994. — 100 с.
14. Живковић Н. СДП — воља народа. — Бели Манастир, 1993. — 116 с.
15. Устав Републике Српске Крајине. — Книн, 1981. — 28 с.
16. ТАСС: Србија «СЕ». — 1991, 10 дек. — С. 11.
17. Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. — Beograd: Službeni list, 1978. — 180 с.
18. Кондрашов А. Обострение внутривполитических проблем в Хорватии // Компас: ТАСС. — М., 1992. — 20 јан. — N 11. — С. 7–14.
19. Павловић Р. Чији су генерали Халиловић и Дудаковић // Политика. — Београд, 1994. — 9 септ. — С. 11.
20. Рађуо Б. Обмана у служби издаје // Аргумент. — Београд, 1995. — 29 дец. — С. 18.
21. Рађуо В. Zašto se Martić nije ubio; Intervju // Intervju. — Beograd, 1996. — 19 јан. — N 374. — С. 8–10.
22. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. — Београд: Политика, 1995. — 491 с.
23. Трифуновић В. Нећу милост // НИИ. — Београд, 1996. — 26 јан. — № 2352. — С. 12–14.
24. Јовић В. Intervju... // Intervju. — Beograd, 1996. — 19 јан. — N 374. — С. 54–57.
25. Чињенице о Западној Славонији. — Пакрац, 1992. — 100 с.
26. Југославија в огни: Документи, факты, коментарии (1990— 1992) / Е.Ю.Гуськова. — М., 1992. — 392 с.
27. Документ ООН. S/1994/548. 9 Мау 1994.
28. Милић Б. Велика Хрватска на српском тлу: Етнолошко— историјска расправа. — Београд, 1992. — 86 с.
29. Информативни билтен: Градски комитет Српске демократске странке. — Осиек, 1991. — 10 март, № 1. — 10 с.
30. Dodatna istina o slavonskim četnicima // Glas Slavonije. — Osijek, 1992. — 22 trav. — S. 9.
31. Raos P. Antemirale cocacolatatis, naravno // Arkzin. — Zagreb, 1995. — 1 sept., N 46. — S. 17–19.
32. Ханс и туку // Нова Ријеч. — Београд, 1991. — 5 авг. — С. 16.
33. Политика. — Београд, 1991. — 28 септ. — С. 1.
34. Кадисевић В. Спречити међунационалне сукобе и геноцид над српским народом // Политика. — Београд. — 1991. — 4 окт. — С. 1.
35. Заклане — на сметлиште // Политика ЕКСПРЕС. — Београд, 1991. — 8 нов. — С. 5.
36. У Србији повећан број избеглица // Политика. — Београд, 1991. — 31 окт. — С. 2.

37. Известие профессора мученог у Сплиту // Политика. — Београд, 1991. — 13 окт. — С. 5.
38. ТАСС: Серия «СЕ». — 1991, 6 нояб.
39. Из агентурного досье // Правда-5. — М., 1996. — 15/22 марта. — С. 9.
40. Тата је негде у Славонији // Политика ЕКСПРЕС. — Специални додаток. Прогон Срба '91. — Београд, 1991. — авг. — С. 20–21.
41. Р.З. Крив, јер је Србин // Политика ЕКСПРЕС. — Београд, 1991. — 18 окт. — С. 20.
42. К событиям в Югославии // ТАСС: Серия «СЕ». — 1991, 12 дек.
43. Сообщение Сербского сабора об изгнании сербского народа и этнической чистке Западной Славонии со стороны властей Республики Хорватии. — Белград, [б.г.]. — Рукопись.
44. Извештај о спроведеном референдуму на територији Српске Аутономне Области Крајина. — Книг, 1991. — 5 с. Документ, рукопись.
45. Ставови владе Српске Аутономне Области Крајина поводом иницијативе Председништва СФРЈ за ангажовање мировних снага Уједињених нација. — Книг, 1991. — 4 с. Документ, рукопись.
46. Письмо С.Милошевича М.Бабичу от 8 января 1992 г. Документ, рукопись.
47. Одговор на оврено писмо Председника Републике Србије Слободана Милошевића. — Книг, 1992. — 11 јан. — 5 с. Документ, рукопись.
48. Интервью Симона Визенталя // ИТАР— ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 5 апр. — С. 29–30.
49. Попов Б. Започео сам рат // НИН. — Београд, 1996. — 23 фебр. — № 2356. — С. 51–54; 1 марта, № 2357. — С. 56–57; 8 марта, № 2358. — С. 56–57.
50. Република Српска Крајина // Војска. — Београд, 1994. — бр. 11. — Специјални додаток. — С. 1–4.
51. Службени гласник Српске области Славонија, Барања и Западни Срем. — Бели Манастир, 1991. — 19 дец. — № 1.
52. Калијевич В. Моје виђење распада. — Београд, 1993. — 170 с.
53. Радуловић С. Српско-хрватски односи и међународна заједница (7) // Borba. — Beograd, 1994. — 21 jun. — S. 13.
54. Jović D. Čemu se nadaju: Istraživanja // Danas. — Zagreb, 1991. — N 463. — S. 28–31.
55. Јовановић А.С. Рат срба и хрвата 1991. — Београд: Политика, 1994. — 183 с.
56. Ogorac M. Hrvatski domovinski rat 1991—1993. — Opatija: Otakar Kešovani, 1994. — 192 s.
57. Лисица С. Командант по потреби. — Сомбор, 1995. — 224 с.
58. Стање и основни правци оживљавања и развоја привреде Републике Српске Крајине. — Книг — Београд, 1994. — 58 с.
59. Лилич З. Перспективы мира и сотрудничества // Сербия. — Белград, 1996. — № 29. — С. 4–8.
60. Матпес-Нидик Н. Выстрелы в Тене // Сербия. — Белград, 1996. — № 28. — С. 51–54.
61. Бозокин М. Барикадама против изнаенађења // Дневник. — Нови Сад, 1991. — 4 апр.
62. Живковић С. Нема милости ни за кога // Политика. — Београд, 1991. — 5 мај. — С. 9.
63. Više od 50 mrtvih terorista // Glas Slavonije. — Osijek, 1991. — 6 svib. — S. 19.
64. Вуковић Н., Дукић С. «Имуни» на смрт // Вечерне Новости. — Београд, 1991. — 6 мај. — С. 6.
65. У Борову припадници ЈНА нису испалили ни метак // Политика. — Београд, 1991. — 7 мај. — С. 7.
66. Кочић П., Суботић Р. «Нисмо знали где идемо // Политика. — Београд, 1991. — 7 мај. — С. 7.
67. Вукировић Ђ. У потрази за миром // Дневник. — Нови Сад, 1991. — 10 мај. — С. 4.
68. Kevo M. «Nije im žao, ponovili bi opet!» // Glas Slavonije. — Osijek, 1991. — 22 svib. — S. 2.
69. Njavro J. Glava dolje, ruke na leja. — Zagreb, 1992. — 180 s.
70. Mass killing and genocid in Croatia 1991/1992. — Zagreb, 1992. — 297 s.

71. Predsedniku Republike Hrvatske // Мерунар. politika. — Beograd, 1992. — 1 mart. — N 1002. — Aneks III. — S. 19.
72. Био сам у закљону смрти // Политика. — Београд, 1991. — 5 нов. — С. 7.
73. В.В.Сведочење о масакру дече // Политика ЕКСПРЕС. — Београд, 1991. — 23 нов. — С. 3.
74. Милановић Д. Страх од истине? // Политика ЕКСПРЕС. — Београд, 1991. — 23 нов. — С. 3.
75. Погинуло 1000 «гардиста» // Политика ЕКСПРЕС. — Београд, 1991. — 23 нов. — С. 4.
76. К положењу у Југославији // ИТАР ТАСС: Сериа «СЕ», 1991. — 24 новб. — С. 3.
77. Ковачевић С., Дажј П. Хронологија југословенске кризе (1942-- 1993). — Beograd: IES, 1994. — 284 s.
78. Мартынова М.Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса // Диссертация на соискание учен. степени доктора истор. наук. — М., 1996. — 520 с.
79. Напад на Барану // Победа. — Титоград, 1992. — 9 март. — С. 3.
80. Истрага око вуковарске операције — одавно окончана // Наша борба. — Београд, 1996. — 8/9 јул. — С. 2.
81. Политика ЕКСПРЕСС // Београд, 1991. — 19 септ. — С. 7.
82. ТАСС: Сериа «СЕ». — М., 1991. — 10 дек. — С. 12.
83. Позив на геноцид // Политика ЕКСПРЕСС. — Београд, 1991. — 22 новб. — С. 12.
84. Мишећ В. Свиће хрватска зора // Слободна Далмација. — Split, 1992. — 16 нов. — С. 9–10.
85. Интервју президента Хорватији // ИТАР—ТАСС: Сериа «СЕ». — М., 1992. — 17 апр. — С. 21–22.
86. История Югославии. — М.: Наука, 1963. — Т. 1–2.
87. Псуњски. Хрвати у светлости историјске истине. — [б.м.], 1944. — Репринт: Београд, 1992. — 208 с.
88. Шувар С. Срби су отишли // НИН. — Београд, 1996. — 15 нов. — № 2394. — С. 27.
89. Михајловић М., Божановић Н., Такић Б. Драма у опколеним загребачким касарнама // Политика. — Београд, 1993. — 19 септ. — С. 21.
90. Nacionalni sastav stanovništva, 1991 // Jugosl. pregled. — Beograd, 1992. — br.1. — S. 3–22.
91. Avramov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. — Vetemik: LDI, 1997. — 460 s.
92. Документ ООН. S/23844.
93. Документ ООН. S/24100.
94. Документ ООН. S/24188.
95. Документ ООН. S/23169, пункт 21;
96. Документ ООН. S/25777.
97. Журавский В. На руинах Боснии // Правда. — М., 1995. — 9 нояб. — С. 3.
98. BBS: Smrt Jugoslavije // Vreme. — Beograd, 1995. — 27 nov. — S. 44–47.
99. На путях к Югославији: За и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец ХУІІІ — начало ХХ вв. — М.: Издательство «Индрик», 1997. — 416 с.
100. Крстић В. Геноцидом до Велике Хрватске. — Нови Сад — Београд: Матица Српска / Архив Србије, 1998. — 157 с.
101. Геноцид, опет // Вечерње новости. — Београд, 1995. — 10 авг. — С. 10.
102. Ратна страдања православних храмова 1991. Српске области у Хрватској. — Београд, 1992. — 86 с.
103. Mešić S. Kako je snišena Jugoslavija: Politički memoari. — Zagreb: Nisilavpress, 1994. — 350 s.
104. Mitrović M. Sarajevska raskršća: (dnevnik i kazivanja izbeglica). — Beograd: Inst za noviju istoriju Srbije, 1995. — 316 s.
105. М.Байрамовић. Как мы убивали в Пакрацкой Поляне // Сербия. — Белград, 1997. — Сентябрь. — № 45. — С. 74–89. (Перепечатка из Feral tribuna, Split, 1 sept., 1997).

106. Интервью с бывшим министром внутренних дел Хорватии Иосипом Большовцем // Сербия. — Белград, 1997. — Сентябрь. — № 45. — С. 65–74. (Перепечатка из *Feral tribun*, Split, 1 sept., 1997).
107. Валеv Э.Б. Югославский клубок // География. — М., 1996. — февраль, № 9. — С. 8–9.
108. Mesečno statističko izvešće. — Zagreb: Državni zavod za statistiku, 1996. — br.8. — 102 с.
109. Croatia between war and independence. — Zagreb, 1991. — 91 с.
110. Merlino Ž. Istine o Jugoslaviji nisu sve za priču / Prevod s francuskog. — Beograd: Kontekst, 1994. — 204 s.
111. Вилић Д., Тодоровић Б. Разбијање Југославије 1990–1992. — Београд: ДИК Књижевне новине / Енциклопедија, 1995. — 488 с.
112. Hoppe H. / Y. Die neue politische Elite Kroatiens. — Köln: Berl. Des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien, 1997 (7). — 41 с.
113. Чубра Н. Војска и разбијање Југославије. — Београд: Центар за војно / економска и стратегијска истраживања, 1997. — 247 с.
114. Galić M. Zrcalo nad Hrvatskom (Pariski razgovori 1992–1993). — Split: Nedeljna Dalmacija, 1994. — 567 s.
115. Schultz K. Build peace from the ground up: About people and the UN in a war zone in Croatia. — Lund, Sweden: TFF, 1994. — 94 p.
116. Vujasinović D. Svedočenja (iz obeščašćene zemlje): Članci o ratu u Jugoslaviji, pisma 1990–1994. — Toronto, 1995. — 250 с.
117. Срби у Хрватској: Насељавање, број и територијални размештај. — Београд: Стручна књига, 1993. — 278 с.
118. Рађуо Б. Чему више Југославија. — Београд: Терсит, 1996. — Друго издање. — 236 с.
119. Радуловић С. Судбина Крајине. — Београд: Дан Граф, 1996. — 189 с. (Прилог: Документи. — С. 109–189).
120. Документ ООН. S/25777.
121. Разговор состоялся 9.09.94 в Осиеке.
122. Dabić V., Lukić K.M. Crimes without punishment. — Vukovar: Women's association of Vukovar community, 1997. — 70 s.
123. Арсенић Р. Туђмај је знао све // Политика. — Београд, 1997. — 25 окт. — С.7.
124. Izjava predsednika Republike Srbije S.Miloševića od 31.12.1991 u vezi sa realizacijom mirovnog plana UN // TANJUG. — Beograd, 1991. — 31 dec.
125. Londonska konferencija o bivšoj SFR Jugoslaviji i učešće delegacije SR Jugoslavije na konferenciji // Jugosl. pregled. — Beograd, 1992. — N 3. — S. 17–52.
126. Krajišnik M. Intervju... // Telegraf. — Beograd, 1994. — 24 avg. — С. 4–5.
127. Оуэн Д. Непонимание кризиса на Балкану // Сербия. — Белград, 1994. — № 12. — С. 37–38.
128. Valentić M. Voјna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881. — Zagreb: Školska knjiga, 1981. — 360 s.
129. Српски Устав — Statuta Valachorum // Глас Сардоније. — Чикаго, 1998. — № 5. — С.9–17.
130. Sekulić M. Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. — Beograd: NIDDA: Vesti, 1997. — 430 s.
131. Zulfićkarpašić A., Gotovac V., Tripalo M., Banac I. Okovana Bosna. — Zürich: Bošnjacki institut, 1995. — 172 s.
132. Voјna Krajina // Enciklopedija Jugoslavije. — Zagreb, 1971. — Т. 8. — S. 522–529.
133. Злочин је злочин прећутати: Избор докумената највиших државних органа Југославије о ратним злочинима геноцида и другим страдањима српског народа у Хрватској и Босни и Херцеговини 1991—1992 / Приредно Анђелко Маслић. — Нови Сад: ИП «Мегилот», 1993. — 431 с.

134. Српска Западна Славонија мај 1995: Изгон. — Подгорица: Пobjеда, 1998. — 112 с.
135. Zinnesman W. Izvori jedne katastrofe / Prevod sa engleskog. — Zagreb: Globus international: Zlatje, 1996. — 312 s.
136. Tanner M. Croatia: A nation forged in war. — New Haven; L.: Yale univ. press, 1977. — 338 p.
137. Bulatović M. Intervju... // Profil. — Beograd, 1998. — N 20. — S.34–39.
138. Sirotković J. Hrvatsko gospodarstvo 1945–1992: Ekonomski uzroci sloma Jugoslavije i oružane agresije na Hrvatsku. — Zagreb, 1993. — 163 s.
139. Разговор состоялся 10 августа 1994 г.
140. Bobetko J. Sve moje bitke. — Zagreb: Vlastita Maklada, 1996. — 792 s.
141. Ђосиф Д. Интервју... // Вечерње новости. — Београд, 1992. — 1 авг. — С. 1–2.
142. Булкович Љ. Исповести. — Београд: Стручна книга, 1995. — 315 с.
143. Silber L., Liti A. Smrt Jugoslavije / Prevod sa engleskog. — Beograd: Radio B92, 1996. — 426 s.
144. Крајишници — пржављани СРЈ // Вечерње новости. — Београд, 1994. — 14 јун. — С. 4.
145. Микелић Б. Ми немамо резервну варијанту // Аргумент. — Београд, 1994. — 17 јун. — С. 3–5.
146. Stojanović S. Propast komünizma i razbijanje Jugoslavije. — Beograd: Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 1995. — 242 s.
147. Kovačević S., Đajić P. Hronologija jugoslovenske krize 1994. — Institut za evropske studije, 1995. — 270 s.
148. [www. Vlada.hr/dokumenti.html](http://www.Vlada.hr/dokumenti.html).

ГЛАВА III

Босния и Герцеговина: борьба за раздел

События в БиГ — сложны и многогранны, включают в себя и проблемы особенностей развития трех народов, и борьбу за создание государственных образований, и деятельность миротворческих сил, и сложнейший театр военных действий, когда все воювало против всех. Кроме того, в БиГ насаивались одни на другие многие вопросы, связанные с другими государствами: как бывшими республиками СФРЮ, так и с Балканскими государствами, а также странами Европы и Америки. Поэтому в этой главе мы решили остановиться лишь на некоторых внутренних проблемах трех народов, населяющих БиГ, а также борьбе за раздел Боснии и Герцеговины, его военном аспекте. Все вопросы, связанные с деятельностью международных организаций, переговорным процессом и планами урегулирования, мы рассмотрим в следующей главе.

Босния и Герцеговина

БиГ испытала на себе все сложности исторического развития Балканского полуострова. Из трех современных этнических групп в БиГ до турецкого завоевания существовали две — сербская и хорватская. Славяне, населявшие полуостров, подверглись исламизации в период Османского ига. Мусульманская группа возникла во время турецкого владычества в XV и XVI вв. в результате постепенной исламизации, которую приняла, чтобы избежать тяжелых условий жизни покоренных христиан и чтобы до-

биться привилегий, которыми пользовались приверженцы господствующей исламской религии. Историками доказано, что многие мусульмане, хотя по происхождению и являлись славянами, сербами или хорватами, с течением времени начали опупать себя турками, так как соединили в себе веру, религию и культуру этого народа, создали и культивировали свой образ жизни. Для них Стамбул был ближе сердцу, чем Белград или Загреб (117, с.5). Современные историки БиГ с гордостью пишут о том, что «самое замечательное время турецкой истории создавали бошняки¹: семь великих визирей бошняцкого происхождения сделали Турцию в XVI в. самым сильным государством в мире и, что для нас самое главное, — пронесли славу бошняцкой крови по целому свету, а босанский язык² сделали служебным дипломатическим языком Турции» (118).

Сербское население в БиГ составляло стабильное большинство и в Средние века, и в первой половине нынешнего века. В середине XV в. в Боснии было 37 125 христианских домов и только 332 — мусульманских (284, с.9). Постепенно турки усиливали политику обращения местного славянского населения в исламскую веру. Причинами принятия христианами ислама были предоставляемые льготы, политические и экономические привилегии. «Здесь кроются причины того, что в более благоприятных для жизни и хозяйственной деятельности районах Боснии и Герцеговины с течением времени усиливается этническая группа славян-мусульман» (284, с.9). По переписи населения 1879 г., 42,87% жителей были православной веры, 38,73 — мусульманской, 18,08% — католической. В 1931 г. православные составляли 44,25% населения всей Боснии и Герцеговины. В Герцеговине же католики составляли 44,8% (284, с.9).

Во время второй мировой войны Босния и Герцеговина входила в состав Независимого Государства Хорватии (НГХ), созданного Гитлером фашистского образования на территории Югославии. На территории БиГ шли ожесточенные бои партизан с немецкими войсками и их пособниками. За время военных действий погибло 179 тыс. человек, из которых 72% составляли сербы, 16,5 — мусульмане и 4,4% — хорваты. Кроме того, руками хорватских усташей были уничтожены сотни тысяч сербского, еврейского и цыганского населения. Спасая свои жизни, БиГ покинули до 200 тыс. сербов — коренных жителей этих земель (284, с.9). Адил Зулфикарпашич, политик и публицист, один из создателей Мусульманской бошняцкой организации и Боснийского института в Цюрихе, писал, что с созданием НГХ «первый раз в истории на эту нашу землю приходит государство, которое легализует убийство» (292, с.46). Государство Павелича, подчеркивает он, «легко узнать в бешеном фашистском национализме, который создал тот котел убийств и национальных чисток: усташа убивают сербов и евреев, четники — мусульман и хорватов. Сначала строились планы о государстве без сербов, а потом планы о государстве без мусульман и без хорватов» (292, с.47).

Из-за усташского геноцида и из-за насильственного выселения в годы второй мировой войны, а также организованного переселения части жителей из БиГ в Югославию, преимущественно Воеводину, сербское население сильно сократилось. По пере-

¹ В современной Боснии и Герцеговине делают различия в терминологии и употреблении понятий: боснийцы (босанци) — все жители Боснии, бошняки или босяки (боньяк, босьяк) — мусульмане БиГ. Мусульмане Санджака также объявили себя бошняками. Размышления на эту тему см.: список литературы, 292, с.31.

² Значит, сербскохорватский.

писи 1981 г., мусульмане уже составляли относительное большинство населения — 39,52%, а сербы — 32,3%. Численность последних сильно уменьшилась даже по сравнению с 1971 г. (117, с.3). Эта тенденция сохранилась и в последующие годы.

Босния и Герцеговина являлась центральной республикой СФРЮ, республикой со смешанным населением. По последней довоенной переписи 1991 г., мусульман в БиГ было 1 905 829 человек (43,7%), сербов — 1 369 258 (31,4%), хорватов — 755 892 (17,3%). Из 106 общин Боснии и Герцеговины мусульмане составляли более 50% населения в 35 общинах, а сербы — в 32. Около 240 тыс. жителей республики (5,5%) самоопределились в известное время как «югославы», большинство из которых были сербы или дети из смешанных браков.

Термин «мусульмане» для определения этнической принадлежности босанцев на территории БиГ употребляется, начиная с переписи 1961 г.¹ После переписи 1971 г. мусульмане стали синонимом народности². В период социализма мусульманское население и в Югославии, и в республике чувствовало себя достаточно комфортно. За послевоенное время в стране было построено 700 мечетей, что значительно больше, чем за весь период османского господства (119). На этой земле мирно уживались три веры и три церкви: православие, ислам и католицизм. В 1991 г. 27% браков в БиГ были смешанными (91, с.40). Сербы преобладали в Западной Боснии и Восточной Герцеговине, мусульмане — в Центральной и Восточной Боснии, хорваты — в Западной Герцеговине. В этническо-территориальном составе БиГ сербы занимали ведущее место. Они представляли абсолютное большинство населения на 53,3 % территории республики (117, с.4).

Многонациональным и интернациональным городом была столица Республики — Сараево. Показательный пример. Один из жителей города записал в своем дневнике, что в их подъезде жили 20 семей, из них — пять семей были мусульманские; шесть — сербские; две хорватские, одна — еврейская; шесть браков были смешанными. В смешанных браках три мусульманина были женаты на сербках, один серб женат на мусульманке, один хорват женат на сербке и один серб женат на хорватке. «Есть ли шанс у кого-то составить большинство?», — размышлял он (267, с.19).

Таблица 1
Население БиГ
в 1910 по 1981 г.³

Годы	Сербы	Мусульмане	Хорваты	Югославы
	% от общего населения			
1910	43,5	32,3	22,9	—
1921	44,26	31,4	23,69	—
1948	44,3	30,7 *	23,9	—
1953	44,4	—	23,0	31,3 **
1961	42,9	25,7 ***	21,7	8,4
1971	37,2	39,6 ****	20,6	1,2
1981	32,0	39,5	18,3	7,9 *****
1991	31,4	43,722,9	17,3	5,5

¹ Еще в 1946 г. в Союзной Скупщине посланник от БиГ Часуга Чинич во время обсуждения Конституции предложил, чтобы мусульмане назывались боснийцами. Это не было принято (78).

² Для понимания терминологии приведем такой пример. В анкетах жители БиГ писали: «религиозное исповедание — атеист, национальность — мусульманин».

³ Согласно данным директора Исторического института Сербской академии наук и искусств С.Терзинча (61).

Как отмечалось в исследовании Специальной группы нижней палаты американского конгресса по вопросам терроризма, возглавляемой И.Боданским, мусульмане определили характер БиГ, благодаря специфической структуре власти, предложенной режимом И.Броз Тито. «Начиная с 70-х годов, ислам переживает неожиданное возрождение в коммунистической Югославии. Это — прямое следствие близких отношений Белграда с арабским миром и включения Белграда в радикальные арабские движения. В течение 80-х годов замечается увеличение числа мечетей в целой Боснии и Герцеговине как знак нового пробуждения жизни ислама. Все большее число местной молодежи посылается получить высшее исламское образование на Среднем Востоке, где отделения в школах радикальных мулл имели по 250 межнациональных учащихся в год» (94). В начале 80-х годов власти в Белграде стали осознавать возможную опасность все более растущих связей мусульманского населения с Ираном и другими мусульманскими государствами. Отмечалось также, что мусульманская молодежь становилась базой для мусульманских террористов, действующих на Западе. Исламский терроризм использовал Югославию как свою передовую базу, имел здесь свою сеть и даже канцелярии. «Творцы исламского газавата ожидали, что они сумеют использовать Югославию в качестве своей базы в Восточной Европе хотя бы из-за известных симпатий боснийских мусульман», — заметил Джон Лаффин в 1988 г. (94). Однако с ростом межнационального напряжения в Югославии многие исламисты, прошедшие обучение в Иране, начали больше внимания обращать на внутреннюю ситуацию, готовясь к борьбе с иноверцами в своей стране.

Иран, как сообщает американское исследование, начинает поддерживать руководство БиГ, в частности, А.Изетбеговича как мусульманского фундаменталиста и члена исламской организации «Fida' iyan-e Islam». Эта организация выступает за установление исламского режима везде, где живут мусульмане. Еще в 1970 г. А.Изетбегович опубликовал свою «Исламскую декларацию», в которой фактически проповедовалась борьба против всего неисламского за установление нового исламского порядка. В начале мая 1991 г. А.Изетбегович посетил Тегеран, где был принят как «мусульманский вскружающий, чья партия является самой сильной политической организацией в Боснии и Герцеговине» (94). Иран обещал А.Изетбеговичу финансовую помощь.

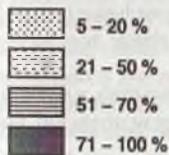
1. Путь к разъединению

Многонациональная Босния и Герцеговина считалась самой толерантной республикой Югославии. Никто не верил в возможность межнациональных столкновений на ее территории. И во время переговоров руководителей республик СФРЮ о судьбе федерации Босния и Герцеговина долго не определяла своей позиции. Тем не менее события развивались самым трагическим образом.

Кто виноват в распаде республики? Мусульмане считали, что сербы. Генерал Йован Дивьяк говорил: «Основным виновником войны на территории бывшей Югославии является Генеральный штаб бывшей ЮНА. Он включился в решение политических отношений в Югославии. Это показывает, что был совершен скрытый государственный переворот. И в нем участвовал больше всего Милошевич». По его мнению, армия защищала идею Великой Сербии. Самым большим «монстром» он считает генерала Р.Младича. Генерал Й.Дивьяк полагает, что виноваты и хорваты, осуществля-

**Население БиГ
по национальности**

из кн. Мартынова М.Ю. Балканский кризис и политика. — М.: Статус-Лид, 1998. — С. 208.

шие идею Великой Хорватии и совершившие в Герцеговине преступление и над людьми, и над культурой, и над историей. Среди хорватов он винит Кордича, Блашкича (81, с. 37). Мусульманские интеллектуалы на своем Втором конгрессе (декабрь 1992 г.) обвинили Сербию и Черногорию в агрессии на международно признанное государство, в разжигании «геноцидной войны за биологическое и этническое уничтожение и истребление мусульман». Все это стало причиной «продолжающейся сербской геноцидной идеологии и политики с начала XIX в. вплоть до 1992 г. ... и патологической ненависти ко всему, что не является сербским и православным, а особенно к мусульманам и исламу» (293, с. 74). Анализ событий в бывшей Югославии приводил мусульманских аналитиков к выводу, что «войны в Словении и частично в Хорватии велись для того, чтобы вывести оттуда ЮНА и оккупировать Боснию» (186). Те мусульмане, которые стремились к решению проблем мирным путем, во многом винят А.Изетбеговича и его экстремизм. Такую позицию занимает один из мусульманских лидеров Ф.Абдич, или, например, оппозиционная Уния социал-демократов бывшей Боснии и Герцеговины, открыто заявившая об этом в 1994 г. (103).

Сербы обвиняют в сепаратизме мусульман, которые принимали решение об отделении от СФРЮ, не учитывая мнение других народов Боснии и Герцеговины, не уважая Конституцию республики. Биляна Плавшич считает, что война была неизбежной. «Этой войне было суждено случиться, поскольку мусульмане начали физически угрожать сербам и хорватам, а кроме того, действовали по инструкциям из арабских государств и прислушивались к Америке» (127).

18 ноября 1990 г. на первых многопартийных выборах в Югославии в БиГ большинство (86 мест из 240) в парламенте получила мусульманская Партия демократического действия (ПДД). Следом за ней с небольшим отрывом (72 места) следовали Сербская демократическая партия (СДП) и Хорватское демократическое содружество (ХДС) — 44 места. Результаты выборов в основном совпадали с национальной структурой населения: ПДД завоевала 37,8% голосов, получив большинство в 44 общинах из 104, СДП — 26,5%, ХДС — 14,7% (115, с. 54; 289, с. 73). Партия демократического действия получила и три места из семи в Президиуме БиГ. «Выборы были нашей огромной победой, и мы ее праздновали», — вспоминал лидер мусульман Боснии А.Изетбегович (289, с. 73).

Результаты выборов продемонстрировали, что в Боснии и Герцеговине еще за полтора года до начала войны разделение Боснии и Герцеговины по национальному признаку уже обозначилось пунктирной линией. Чтобы сделать эту линию сплошной потребовалось не так уж много времени. Мне, правда рассказывали, что в ночь после выборов представители национальных партий взяли на себя труд переписать заново каждый опущенный в ящик листок, распределив голоса за национальные партии (по национальному признаку) на основании фамилий и имен. А на самом деле на выборах, якобы, победили бывшие коммунисты (84).

После выборов было сформировано коалиционное правительство, в котором были представлены все три национальные партии. Председателем Президиума БиГ был выбран А.Изетбегович.

Доктор теологии А.Изетбегович активно вошел в политику в 1990 г., когда создавалась Партия демократического действия, будучи уже пенсионером. На словах А.Изетбегович выступал за гражданское государство, суверенитет граждан (а не народов), единую и неделимую республику, а на деле стремился осуществить положения Исламской

декларации, написанной им в 1970 г. В Декларации ставилась цель — исламизация мусульман. Девизом был лозунг «вера и борьба», а путь, ведущий к этой цели — «генерирование ислама во всех областях личной жизни, в семье и обществе через возрождение исламской религиозной мысли и создание объединенного исламского общества от Марокко до Индонезии» (79, с. 24). Раньше во время переписей населения еще в социалистической Югославии А.Изетбегович изъяснялся как серб, но затем оторвался от этого, определился как мусульманин и стал отстаивать интересы мусульманской нации (171, № 2268, с. 55). Его активно поддерживали страны мусульманского мира, и прежде всего Турция. Еще в марте 1991 г. он посетил Ливию и договаривался о займе в 50 млн. долл. А в июле (еще в составе СФРЮ) просил для Боснии и Герцеговины статус наблюдателя в Организации Исламской конференции. Лорд Д.Оуэн пишет в своей книге о встречах с А.Изетбеговичем. Он вспоминает, что для лидера Боснии религия была очень важна, и в значительно меньшей степени он размышлял об истории своего народа. При этом «не было внешних признаков, что он мусульманин. Он, его сын и дочь одевались и вели себя как европейцы. Он хотел быть демократически избранным президентом единого мусульманского государства, соглашаясь и с мультиэтническим населением в этом государстве». Но уже очевидно было, что он становится все нетолерантнее, что вера мешает ему в установлении мира (66, №2345, с. 51). А.Изетбегович был всегда очень скрытным человеком, и Д.Оуэну всегда хотелось его разговорить, узнать поближе. Он слышал, как знавшие его критиковали А.Изетбеговича за «хроническую нерешительность» и фундаментализм, но сам дипломат имел весьма благоприятное впечатление от А.Изетбеговича (150, с. 64—65). А.Зулфикарпашич вспоминал, что А.Изетбегович был очень нерешительным. «Всегда создавалось впечатление, что ты много говоришь, а результата нет» (292, с. 100).

Интересную характеристику А.Изетбеговичу дает обычный житель города Сараева, мусульманин, согласившийся в свое время поделиться с нами своими воспоминаниями. Назовем его «N»: «Перед тем, как стать президентом, он работал юристом в проектной железнодорожной организации. И был достаточно неважным юристом, и на него никто внимания не обращал. Никаким серьезным специалистом он не являлся. Впоследствии можно было заметить, что он с большим трудом справляется с ситуациями, которые создавались. Однажды он сам сказал в интервью, и это потом всю войну пересказывали как лучший анекдот: «Я утром думаю одно, а вечером — другое, противоположное». Просто из-за нерешительности, из-за недостатка знаний он не способен был ориентироваться: то ему кажется одно, то мерещится другое. Исламская декларация имела значение политической программы. Я встречал людей, которые с ним учились, жили вместе, когда он был маленький. Он из отсталой, сильно религиозной семьи, довольно бедной. Он еще в гимназии говорил, что Босния станет мусульманской, что он ее сделает мусульманской. Может, человек, который это рассказывал, сейчас несколько преувеличивает? Он человек очень скромных интеллектуальных и других возможностей, но больших амбиций. У него всегда был отрицательный результат на всех переговорах, так как никогда не мог определить, что ему нужно, какая цель, все это из-за недостатка знаний, ограниченности. У него не было и представления о том минимуме целей, который необходим, чтобы люди выжили: вот минимум территорий, минимум промышленности или что-то другое. Он никогда не мог до этого додуматься, и поэтому все переговоры проваливались, или он отказывался от своей подписи».

Сербскую демократическую партию (СДП) возглавлял Радован Караджич, поэт, гуслик и врач. Он родился в 1944 г. в Черногории, но в 15 лет приехал в Сарасво учиться. Он закончил медицинский факультет, специализировался на психиатрии. Стажировался в США. В 1987 г. был невинно осужден, а затем оправдан¹. Р.Караджич участвовал в студенческих волнениях 1968 г. (95).

СДП создавалась в 1990 г. Любопытно, что А.Изетбегович был на учредительном съезде сербской партии самым почетным гостем. Р.Караджич вспоминал, что они создавали партию потому, что «видели, что готовится то, что было приостановлено в 1945 г., и пришла очередь сербский народ добить и доколоть» (97). Один из основателей партии В.Остоич вспоминал, что СДП создавалась как партия, «но вскоре приобрела элементы национального движения» (96, с. 11). В первый период партия ставила перед собой следующие задачи: остановить гражданскую и идеологическую войну, объединить сербский народ и противостоять антисербской коалиции, развить в сербском народе национально-демократические идеи, понимаемые как духовность, культура и традиции (96, с. 11). Биляна Плавич определяла задачи СДП более конкретно: сербство, его объединение и демократия (97).

В Скупщине и правительстве сотрудничества партий не получилось. Как вспоминал председатель Скупщины первого многопартийного созыва М.Краишник, разделение депутатов по национальному признаку проявилось уже на первом заседании нового парламента. Тогда же начала складываться мусульманско-хорватская коалиция в Скупщине (159, с. 10). Это подтвердил позже в своих воспоминаниях и А.Зулфикарпашич, один из оппозиционеров БиГ. Он писал о том, что мусульмане и хорваты, как правило, вместе голосовали против сербов (292, с. 99).

В феврале 1991 г. ПДД и ХДС предложили парламенту на обсуждение Декларацию о суверенитете БиГ. А.Изетбегович тогда сказал: «Для суверенитета БиГ я бы пожертвовал миром, а ради мира в БиГ не пожертвовал бы се суверенитетом». Сербские парламентарии выступили резко против Декларации, и этот вопрос сняли с повестки дня (80, с. 33). А.Изетбегович, как вспоминал А.Зулфикарпашич, колебался, но узнав о неоднократном высказанном предложении Ф.Туджмана о разделе Боснии между сербами и хорватами, стал склоняться к самостоятельности БиГ (292, с. 100). Сведения о том, что между С.Милошевичем и Ф.Туджманом имели место разговоры о разделе Боснии и Герцеговины, проникли в средства массовой информации намного позже. Так, известный историк Душан Биланджич в 1996 г. признался, что по просьбе Ф.Туджмана в 1991 г. совместно с сербами разрабатывал карты разделения Боснии и Герцеговины. При этом Ф.Туджман на все возражения говорил, что мусульмане ничего не скажут, если сербы и хорваты договорятся (310).

Сербы в БиГ с самого начала ориентировались на то, чтобы сохранить единство Боснии и Герцеговины в составе Югославии. В случае неудачи такого варианта рассматривалась возможность кантонизации единой Боснии и Герцеговины по национальному признаку с дальнейшим присоединением сербских областей к Югославии. Руководство сербов в Боснии и Герцеговине полагало, что Босния и Герцеговина уже разделена «в культурном, духовном и экономическом смысле». Теперь это разделение «должно принять и территориальные контуры» (156). С.Милошевич поддерживал идею регионализации БиГ.

¹ Р.Караджича обвиняли в использовании государственных денег на строительство дачи.

Сербы, используя опыт соплеменников в Хорватии, начали объединять общины с большинством сербского населения. В мае было сформировано Содружество общин Восточной и Старой Герцеговины. Возникли также Сербская автономная область (САО) Босанская Краина на Северо-Западе Боснии, САО Романья в районе Сараева, САО Семберия и Масвица. В ноябре 1991 г. в Добое была создана САО Северная Босния, в которую вошли 16 общин Северо-Восточной и Центральной Боснии. В Сербскую автономную область Восточной и Старой Герцеговины входили восемь общин с населением 98 723 человек. Из них 70% составляли сербы, 24% — мусульмане, а остальные — хорваты. Правда, в некоторых городах преобладали мусульмане: например, в Чайниче их было 45%, в Гашке и Рудом — по 35%, в Невесине и Калиновике — по 30% (155). В Восточной Герцеговине мусульмане составляли где-то треть населения, и они протестовали против создания автономной области для сербов (155).

Правительство Боснии и Герцеговины было обеспокоено созданием автономных образований на территории республики, полагая, что регионализация Республики может привести к войне за раздел территории. В июле 1991 г. по инициативе А.Зулфикарпашича, лидера небольшой политической партии — Мусульманской бошняцкой организации, — начались переговоры между сербской и мусульманской стороной. А.Зулфикарпашич, осознавая важность политического момента, предложил Р.Караджичу и Н.Колевичу «исторический договор», который бы мог позволить избежать войны. Мусульмане соглашались на конфедеративные отношения БиГ в составе Югославии, при этом Босния и Герцеговина должна оставаться единой и неделимой Республикой, равноправной с Сербией и Хорватией. При этом руководство БиГ признает равноправие трех государствообразующих народов БиГ — сербов, хорватов и мусульман (292, с. 103). Как вспоминал А.Зулфикарпашич, мусульман очень волновала судьба албанцев в Санджаке и Косове. «Мы не можем отречься от своих интересов в Санджаке», который «был частью Боснии и отторгнут от нее только в 1878 г.», — говорил он С.Милошевичу и просил автономию для Санджака и расширения прав для Косова (292, с. 107). Инициативу А.Зулфикарпашича поддержали А.Изетбегович, Р.Караджич и Н.Колевич. Сербы даже согласились отказаться от политики регионализации Боснии и Герцеговины. С необходимостью как можно быстрее подписать такой договор согласился и С.Милошевич. Он обещал дать «культурную и административную автономию Санджаку» и начать переговоры о Косове (292, с. 108). Однако договору не суждено было появиться на свет. А.Изетбегович улетел в Америку, а по возвращении собрал совещание своей партии, на котором, как вспоминал А.Зулфикарпашич, «победили партийные «ястребы»». А.Изетбегович отказался подписывать договор, но согласился на создание национальных регионов в БиГ. М.Краишник сказал тогда в одном из телевизионных интервью: «Вообще не могу понять эту перемену в Алие Изетбеговиче. Когда он нам предлагает создавать регионы, то настаивает на том, что очень невыгодно мусульманам» (292, с. 113). А.Зулфикарпашич оценил поведение мусульманского руководителя как катастрофу. «Я и сегодня еще глубоко убежден, что договор был последним шансом для Боснии остаться суверенной, самостоятельной и, что самое главное, — избежать войны» (292, с. 113).

К осени 1991 г. в БиГ обстановка незримо накалялась. Возвращались добровольцы-хорваты с Хорватского фронта, появились первые похоронки, ухудшалась экономическая ситуация, появились трудности с продовольствием, бензином. Затруднена

была связь с другими республиками. Мосты через Саву были разрушены. Босния и Герцеговина из-за войны в Хорватии постепенно оказалась в полной экономической блокаде. Закрыты были все гражданские аэропорты, отрезан арендуемый республикой порт на Адриатике, разразился энергетический кризис. Премьер-министр БиГ Ю.Пеливан отмечал в сентябре 1991 г., что военные столкновения в Хорватии угрожают переброситься на Боснию, что стало ощущаться разделением по национальному признаку в правительстве, Скупшине, министерствах. Он признал, что в БиГ «уже существуют незаконные формирования, которые провоцируют вооруженные столкновения» (154). Мусульмане начали создавать отряды «Патриотической лиги».

В печати стали появляться провокационные заметки националистического содержания. В мусульманском молодежном журнале «Вох» в сентябрьском (1991) номере появилась заметка, в которой определялась судьба сербов в будущем мусульманском государстве. Они должны работать по 12 часов в день, а плата будет зависеть от лояльности к мусульманскому правительству, но в любом случае на 30% ниже, чем у мусульман, сербам не будет разрешено посещать общественные места и учреждения без специального пропуска, а продукты они будут покупать в специально отведенных для них местах, они не будут иметь право создавать свои политические партии и участвовать в политической жизни. Заключался этотopus словами «Хороший серб — живой и послушный, а непослушный — мертвый» (157). Людей охватывал страх перед завтрашним днем: они боялись голода и войны. С одной стороны, люди начали на всякий случай запасаться оружием, иногда даже сами его изготавливали, а с другой, — выходили на митинги в поддержку единства Боснии, против разделения по национальному признаку, за мир в республике. В Мостаре, например, и в ряде других городов в сентябре 1991 г. прошли митинги в поддержку Югославии, Югославской народной армии, целостности Боснии и Герцеговины. Джурович (имя неизвестно) из Фоче рассказывал, что в этом городе соседи (мусульмане и хорваты) спокойно сообщали друг другу, как покупают или получают оружие, как готовятся к будущим схваткам. Они даже продавали оружие друг другу, «заботясь, чтобы быть вооруженными приблизительно одинаково, чтобы, когда начнется, задать друг другу жару» (82, с.259).

12 октября собралась Скупщина БиГ, на которой в бурных дебатах обсуждался вопрос, пойдет ли республика путем независимости или останется в Югославии. В Скупшине был зачитан проект Меморандума, подготовленного ПДД, о котором не знали другие парламентские партии. В нем Югославия обвинялась в развале федерации, упоминалось политический выбор Словении, Хорватии и Македонии к провозглашению независимости Боснии и Герцеговины. Сербский и хорватский народы определялись в Меморандуме как национальные меньшинства. Участвуя в дебатах, Р.Караджич сказал, что Меморандум ведет к расколу республики, поскольку в нем не отражена воля сербского народа, «подводит Боснию и Герцеговину к краю пропасти и гражданской войне». По его оценке, Меморандум означает насильственное отделение БиГ от Югославии, а такого права депутаты-мусульмане от своих избирателей не получали (158). «Господа, — спокойно обратился он к депутатам, — не существует такого способа, чтобы хотя бы в одном сербском доме провозгласить независимость БиГ». Воля сербского народа — остаться в Югославии. Когда А.Изетбегович напомнил, что признается право сербского народа на самоопределение, Р.Караджич сказал: «Отлично. Тогда мы определились. Остаемся в Югославии» (158). Была создана ко-

миссия, которая должна была выработать совместное решение. 14 октября заседание длилось 12 часов и закончилось поздно ночью. М.Крайшник, тогдашний председатель Скупщины БиГ, подвел итог, что партии так и не смогли прийти к согласию по вопросу будущего Боснии и Герцеговины, и поэтому он закрывает заседание Скупщины. Представители мусульман потребовали продолжить работу парламента. Был объявлен перерыв на час, и когда депутаты-сербы вышли из зала, оставшиеся парламентарии проголосовали за предложенный Меморандум о суверенной Боснии и приняли Платформу о положении республики и будущем устройстве югославского содружества. Степан Ключич, председатель Хорватского демократического содружества в БиГ, предложил мусульманам совместную жизнь «на исторической родине», имея в виду объединение с Хорватией. У него был и вариант на случай отказа мусульман — тогда хорваты пойдут на отделение областей, заселенных преимущественно хорватами, от Боснии и Герцеговины (161).

В то время отчетливо проявилось стремление радикального крыла Партии демократических действий сформировать исламское государство любой ценой. Для начала было решено создать исламское информационное агентство, основать мусульманское телевидение. Начавшееся разделение по национальному признаку вызывало негативную реакцию у многих простых людей. Жители Боснии были известны своей толерантностью, что им постоянно ставили в упрек, например, мусульмане из Санджака. Мухамед Ченгич, заместитель председателя правительства БиГ, говорил тогда: «Ощущаю себя трагично. Некоторые лидеры уже успели завести народы. Сербы в Боснии ближе мусульманам, чем сербам в Шумадин. Утверждаю также, что мусульмане ближе сербам, чем хорватам в БиГ» (165, с.29).

После принятия Меморандума процесс автономизации сербских областей получил как бы дополнительный стимул. Сербские области заявили о прекращении выполнения обязательств по отношению к Боснии и Герцеговине. Босанская Краина, Романия, Северо-Восточная Босния и Восточная и Старая Герцеговина заявили о том, что остаются в составе Югославии. В Герцеговине было решено приступить к формированию правительства сербской автономии, а в Бая-Луке — создать собственный телевизионный центр. Именно в эти дни в западных средствах массовой информации развернулась кампания по поддержке требования Словении и Хорватии отделиться от Югославии. Генеральный секретарь Европейской конференции профсоюзов Эмилио Габилло заявил, что Словения и Хорватия должны сами свободно решать свою судьбу. Он подчеркнул, что в Хорватии «ведется война против народа, который хочет добиться осуществления на практике своего права на самоопределение и суверенитет» (160). Но никто и никогда из официальных лиц не говорил о праве сербского народа ни в Хорватии, ни в Боснии и Герцеговине на самоопределение. Сербы остались в меньшинстве в Скупщине, в правительстве, в Президиуме БиГ. В руки мусульманско-хорватской коалиции постепенно переходило и Министерство внутренних дел, шла подготовка к созданию коалиционной армии, мусульманами и хорватами пополнялся состав милиции.

25 октября 1991 г. сербский народ в Боснии и Герцеговине созвал Скупщину сербского народа в БиГ, чтобы «демократическим способом решить вопрос о собственной национальной судьбе, о своем положении в общем государстве» (162). Одной из основных причин того, что сербские депутаты парламента БиГ пошли на создание собственной Скупщины, было, по словам М.Крайшника, серьезное нарушение националь-

ного суверенитета сербского народа и попытка отстранить его от решения вопросов будущего Боснии и Герцеговины. Р.Караджич так объяснял позицию сербов в то время: «Когда хорваты и мусульмане создали свои партии с сильной националистической программой, нацеленные на отделение, а сербы при этом оставались меньшинством, мы поняли, что нужна собственная партия, иначе у сербов не будет собственных представителей. Сербь имели право на то, чтобы остаться в Югославии в той же степени, в какой мусульмане и хорваты имеют право на то, чтобы ее покинуть. Так мы создали Сербскую демократическую партию, потом вошли в коалиционное правительство с мусульманами и хорватами. Но они обходили нас по голосам во много раз. Они решили выходить из Югославии, но не могли этого сделать, так как такое решение должно было быть принято с согласия трех народов. Они предали наши интересы, вот почему мы ушли из парламента и создали собственный» (107).

Скупщину сербского народа в БиГ создавали представители многих партий, всех их объединяла национальная идея и стремление остаться в составе Югославии. Политические различия отодвигались на задний план. На Скупщине обсуждался вопрос о проведении плебисцита сербского народа. Лидер мусульман А.Изетбегович предложил провести плебисцит всех народов Боснии и Герцеговины. Сербь согласились, но тогда А.Изетбегович отклонил свое предложение.

Выступая в совместной передаче на сараевском телевидении 2 ноября 1991 г., Р.Караджич, А.Изетбегович и С.Кљунч в острой полемической форме высказали свое видение будущего БиГ. А.Изетбегович потребовал от Р.Караджича «лояльности по отношению к Боснии». Караджич в ответ захотел лояльности А.Изетбеговича по отношению к Югославии, подчеркнув, что никто не может заставить сербов выйти из состава СФРЮ. Р.Караджич призывал национальных лидеров к единству и демократическому диалогу с учетом интересов всех народов БиГ. Он предупреждал об опасности войны, если лидеры мусульман и хорватов решаться на одностороннее отделение БиГ от Югославии. «В Словении было страшно, в Хорватии — еще страшнее, а в Боснии было бы ужасно», — пророчески предупреждал он (163).

Чтобы выяснить волю народа, 9 ноября 1991 г. в сербских общинах был проведен плебисцит, на котором сербский народ отвечал на вопрос — «Согласны ли Вы с решением Скупщины сербского народа в Боснии и Герцеговине от 24 октября 1991 г., что сербский народ остается в совместном государстве Югославии с Сербией, Черногорией, САО Кранной, САО Славонией, Бараньей и Западной Сремом и с другими, кто за это выскажется?». К сербам присоединились и активно голосовали мусульмане, хорваты и представители других национальностей Боснии и Герцеговины. Сербь из БиГ голосовали в Белграде, в Хорватии. 30 тыс. сербов из БиГ, которые жили в Словении, голосовали в подвалах православных церквей, так как словенские власти не разрешили открыто провести референдум из опасения нарушить боснийско-герцеговинскую целостность (164). Этот плебисцит останется в памяти народной по желтым бюллетеням, которые выдавали голосующим сербской национальности и белым — всем остальным. Тогда 92% пришедших на участки высказались за создание обновленного югославского государства (74). Руководство БиГ признало этот акт незаконным и настаивало на независимой и унитарной Боснии и Герцеговине. Именно тогда окрепла идея «о защите границ новой Югославии», в которой будут жить народы, пожелавшие это. При этом руководство СДП признавало также же право на самоопределение за хорватским и мусульманским народом.

После референдума в руководстве многих общин началась борьба за власть. Эту борьбу характеризовали нетерпимость, нетолерантность, размежевание по национальному признаку. Многие общественные организации становились на сторону той или другой группы, и потому другие были вынуждены создавать параллельные организации. Так случилось с Красным Крестом, телевидением, радио.

Невозможность проводить единую политику в рамках коалиционной власти и достичь компромисса по вопросу о государственном статусе Боснии и Герцеговины, сложившийся альянс мусульман и хорватов, в основе которого лежала антиюгославская позиция, стал причинами обострения межнационального размежевания в Боснии на всех уровнях.

Политика Ф.Туджмана была направлена на то, чтобы присоединить часть территории Боснии и Герцеговины к Хорватии. На первом этапе он старался поощрять обособление территорий с большинством хорватского населения. Он неоднократно заявлял о том, что «внутреннее устройство Боснии и Герцеговины должно основываться на равноправии всех трех народов, что предполагает и территориальное равноправие» (178). Хорваты возродили и пестовали теорию Анте Старчевича о мусульманах как «хорватском цветке», согласно которой мусульмане происходят из хорватского племени, но поменяли религию лишь в силу обстоятельств. Газета «Ослободжен» и другие средства массовой информации начали вводить в язык новые хорватские слова, создавая, как отмечали сараевцы¹, «карикатуру на язык» (173, с.34). В ноябре хорваты заявили о необходимости создания Хорватского содружества «Герцег-Босна». Это углубило процесс территориального размежевания, что вызвало негативную реакцию мусульман, стремившихся к полному единству Боснии и Герцеговины.

21 декабря 1991 г. Скупщина сербского народа решает не позднее 14 января создать Республику сербского народа в БиГ (РС БиГ) в «случае принятия мусульманской и хорватской общинами в Боснии и Герцеговине решения изменить позицию в отношении Югославии». 9 января 1992 г. была провозглашена РС БиГ, но как федеративная единица СФРЮ. В течение трех месяцев были сформированы Скупщина, правительство, Президиум. 27 марта 1992 г. в торжественной обстановке была принята Конституция Республики Сербской. Создание РС, вспоминал американский посол У.Циммерман, «представляло собой акт восстания против законного боснийского правительства» (309, с.219).

Сербы, руководимые Сербской демократической партией, решительно выступали за сохранение Югославии, но увидев неосуществимость этой цели, выработали минимальное требование — «Если теряем Югославию, то не отказываемся от собственного государства». Они настаивали на своем праве на самоопределение, считая совместную жизнь с хорватами и мусульманами возможной только на условиях полного равенства. Они предлагали трансформировать Боснию и Герцеговину в конфедеративную республику трех равноправных народов.

25 января 1992 г. Скупщина БиГ приняла решение провести референдум о суверенитете и независимости республики. Сербская фракция парламента отказалась принимать участие в голосовании и покинула зал заседаний. Вопрос референдума звучал так: «Вы за суверенную и независимую Боснию и Герцеговину, государство равноправных граждан, народов БиГ — мусульман, сербов и хорватов и других народов, которые

¹ Жители города Сараево.

в ней живут?». Референдум вызвал решительную оппозицию православного меньшинства. Появились сомнения в отношении целесообразности референдума и у руководства ХДС, что, вероятно, было связано с признанием независимости Хорватии и перераспределением хорватов Боснии и Герцеговины на сближение с Хорватией. В ходе совещания депутатов парламента от ХДС и представителей общинных комитетов этой партии прозвучали требования четко выяснить, что принесут хорватам референдум и образование независимого государства. Участники совещания поставили более десяти вопросов, на которые республиканское правительство и парламент должны были ответить до 29 февраля. В противном случае, заявил генеральный секретарь ХДС Иван Маркешич, партия призывает своих членов и хорватское население бойкотировать плебисцит. ХДС потребовало, чтобы хорваты обладали суверенитетом в рамках республики, даже «если в Боснии останется один хорват». И.Маркешич подтвердил позицию ХДС, согласно которой хорваты не войдут в состав Сербии или какой-либо новой Югославии. Лидеры некоторых общинных комитетов ХДС выступили за территориальный раздел Боснии и Герцеговины (167, с.27).

Как раз в это время в Республике начала работать Международная конференция по бывшей Югославии (МКБЮ) в рамках ЕС под руководством португальского дипломата Ж.Кутильеро, который разрабатывал план будущего устройства БиГ в виде конфедерации по национальному признаку. Как отмечает американский посол У.Циммерман, вопрос о референдуме в БиГ возник после одобрения его ЕС. Именно ЕС, по его словам, торопилось признать Боснию и Герцеговину как независимое государство (309, с.219). Накануне референдума Алия Изетбегович сообщил своим подданным, что будет очень разочарован, если на референдуме хотя бы 60% населения не выскажется «За»... (219, с.48).

Международной конференции приходилось работать в трудных условиях, поскольку в республике обстановка осложнялась. Основной причиной роста напряженности была невозможность договориться о будущем устройстве Боснии и Герцеговины. Камнем преткновения стало отношение к судьбе югославского государства. Сербия предлагала обсудить конфедеративный вариант существования трех народов. Идея территориального разграничения БиГ между мусульманской, сербской и хорватской общинами на основе кантонизации была поддержана и лидером Хорватии Ф.Туджманом. Однако мусульманская сторона была решительна в отстаивании концепции унитарного мусульманского государства со всеми необходимыми гарантиями для национальных меньшинств. В ходе острых политических дискуссий сложился относительный альянс мусульман и хорватов, в основе которого лежала антиюгославская и антисербская позиция, хотя во многом их взгляды расходились.

В феврале 1992 г. еще не было открытых столкновений, но ряд признаков указывал на то, что страна готовится к войне. Многие месяцы с нефтеперегонных заводов Сербии армейским транспортом в Боснию и Герцеговину завозилось горючее — в первую очередь для снабжения аэродромов, баз и гарнизонов федеральных войск. Вооруженные отряды гвардейцев из Хорватии появились в Западной Герцеговине, в районах, где проживало много хорватов. Российский корреспондент в Югославии Е.Вострухов писал, что въезды и выезды из хорватских сел контролировали заставы и вооруженные патрули, которые останавливали и обыскивали транспорт. А в Восточной Герцеговине укрепляла оборону вокруг военного аэродрома близ Мостара федеральная армия. В самом Мостаре имели место террористические акты, взрывались бомбы, заложенные на объектах города (168).

В референдуме 1 марта участвовали 63,4% избирателей (2 073 932 человек), и 62,68% проголосовали за суверенную Боснию¹ (80, с.52; 74). Сербы на референдум не вышли, полагая, что они уже высказали свое мнение. На одной из многочисленных пресс-конференций заместитель председателя правительства БиГ Русмир Махмутчехич заявил без тени смущения: «Я надеюсь, что результаты референдума удовлетворят требования европейского сообщества для признания суверенитета нашего государства». Алия Изетбегович высказался в том же духе: референдум необходим, поскольку его выдвигало Европейское сообщество как условие для международного признания государства Босния и Герцеговина (219, с.48–49).

1 марта Босния и Герцеговина фактически провозгласила свою независимость. Власти устроили в честь такого события торжественный коктейль. Руководство Боснии и Герцеговины обратилось в Европейское сообщество с просьбой признать ее государственную независимость.

Столкновений в Сараеве еще не было, но напряжение достигло такого накала, что любой, даже незначительный, повод мог взорвать ситуацию. Когда в воскресенье 1 марта, кстати в день проведения референдума, на сербской свадьбе в центре города перед сербской церковью мусульманами был убит отец жениха Никола Гарлович и ранен священник, сербы восприняли это событие как начало антисербских действий. Находясь в Белграде, Р.Караджич передал журналистам по телефону: «Это политическое убийство случилось во время свадьбы, а причиной стало то, что на сербской свадьбе был сербский флаг. Это нам показывает, как бы мы жили в независимой БиГ...» (171, № 2266, с.56). Уже ночью в Сараеве и его окрестностях было воздвигнуто около 20 баррикад. Сараевское телевидение 2 марта объявило, что баррикады возвела Сербская демократическая партия в ответ на убийство Н.Гарловича (176, с.30). Обстановка в городе сложилась более чем напряженная. Дети не пошли в школу, ни один автобус не вышел на линию, в город на вокзал не прибыл ни один поезд. Люди не могли попасть на работу, в больницы, отвезти детей в детские сады.

Илия Гузина вспоминал, что в городе все говорили, будто война в БиГ начнется на Байрам. «Все говорили, а я не хотел в это верить. В это не верили многие сараевляне, а ведь об этом говорили как об известном факте» (269, с.18).

Из воспоминаний «N» (84): «В марте 1992 г. мусульмане отмечали Байрам, и праздновали его с фейерверком, с салютом, стрельбой, музыкой со всех мечетей, т.е. настолько демонстративно, вызывающе агрессивно, что даже мусульманам было не по нутру. Напряженность росла, она чувствовалась. Тогда и произошло это убийство на свадьбе. Сербы, правда, тоже шли демонстративно, с сербскими флагами. После убийства сербы очень огорчились, так как считали старый город своим, их там много жило. События начали развиваться с большой скоростью. Начали разделяться органы внутренних дел на группы просербские или промусульманские. Люди, которые много лет работали, сотрудничали, расходились по разные стороны. Уже громко говорили о поставках оружия, откуда идет, куда, кому распределяют, с какой целью. Началось разделение. Одни хотели разобраться в этом, другие скрыть».

¹ По другим данным, за независимость Боснии и Герцеговины проголосовало 99,44% пришедших на избирательные участки (166). Согласно Сараевскому «Освобождению», из 3 199 031 избирателя на референдум вышло 1 997 644 (63,4%), позитивно на вопрос ответили 1 986 202 (62,68%) (170).

Армия после событий 1 марта молчала, окрестив «баррикады» политической акцией, в которую армия не вмешивается. На баррикадах стояли хорошо вооруженные сербские и мусульманские юноши. Сараевская журналистка писала в те дни, что сблизил предвидения, которые утверждали, что референдум о суверенитете БиГ легко может стать фитилем для «боснийско-герцеговинской ткани». «Наставивание на независимой суверенной республике спровоцировало такой эпилог, а выстрелы на сараевской Башчаршии сдвинули с места лавину, материализовали сербский страх от унитарной БиГ и вывели сербское население на баррикады» (171, № 2266, с.57). Другая журналистка, Лиляна Булатович, которая в эти дни находилась в Сараеве, записала: «На баррикадах в городе полно вооруженных людей. Кто в масках, кто в униформе, кто в черном... Появились и какие-то новые милиционеры с новыми знаками различия. Наверное, это обозначение суверенитета. Они хорошо знают людей с баррикад. Это не сербские баррикады. Перед каждой стоит полицейский, который предупреждает вас, что двигаться дальше вы можете только на свой собственный страх и риск... Время от времени раздаются выстрелы» (219, с.53).

Созданный правительством Кризисный штаб, который возглавлял Э.Ганич, заседал постоянно. Э.Ганич обвинил в сооружении баррикад Сербскую демократическую партию, А.Изетбегович намекнул на режиссуру Белграда, Р.Караджич обвинения решительно отрицал (169; 170). Сербы создали свой Кризисный штаб при СДП, который направил Президиуму БиГ так называемый ультиматум, выдвинув ряд условий, которые должны обеспечить переговорный процесс всех трех сторон. Среди них: прекратить пропаганду независимой Боснии и Герцеговины, сесть за стол переговоров, уважать работу МКБЮ, объективно освещать в средствах массовой информации ее деятельность, провести кадровые изменения в МВД БиГ «в соответствии с договоренностями, достигнутыми непосредственно после республиканских выборов», прекратить насильственные действия МВД БиГ против сербского народа (126).

Фарук Яжич, «боец и певец с Вратника», был председателем Кризисного штаба Вратника — района старого Сараева. Кризисный штаб в этой части города был организован в числе первых. «Когда началось это кино, — вспоминал он, — мы единственные были организованы, так как месяцами готовились к этому. У нас была создана санитарная служба, были и радиолюбители, и народная кухня... Мы на Вратнике имели 1 250 человек под ружьем...» (219, с.63).

Р.Караджич и А.Изетбегович выступили с совместным заявлением, призывая народ к спокойствию. Президиум БиГ обратился к народу с просьбой разобрать баррикады, решил начать совместное патрулирование города нарядами милиции и армии (80, с.52). Баррикады были разобраны, и тогда всем казалось, что сарайлии смогли победить конфликт и приостановить неминуемое начало войны. По городу прокатились митинги и концерты в поддержку мира.

Но стороны готовились не к мирной жизни, а к войне, к отставанию своих требований. Ряд исследователей, правда, полагают, что война в Боснии и Герцеговине не планировалась. По мнению югославского историка Д.Батаковича, об этом свидетельствовали переговоры С.Милошевича и Ф.Туджмана в марте 1991 г. в Караджорджево, переговоры С.Милошевича с А.Зулфикарпашичем в августе 1991 г. о попытке помешать БиГ выйти из состава СФРЮ. «Только после исчезновения последней возможности оставить Боснию в государственном содружестве с Сербией и Черногорией был активирован военный вариант как военное решение» (184, с.3).

Мусульмане объединялись вокруг идеи единой независимой Боснии, в мечетях велась националистическая и религиозная пропаганда, закупалось и раздавалось оружие.

Из воспоминаний «N»: «Я начну с каких-то личных событий. 30 марта 1991 г. умерла моя мама, мы ее похоронили и организовали по обычаю поминалки. На них пришла наша дальняя родственница, мусульманка, выразила соболезнование. И сразу начала речь провозгласить, что вот, мол, коммунистов мы уже убрали, теперь пришла демократическая власть, сейчас устроим власть так, как надо. Осталась только единственная проблема — с сербами: либо они согласятся жить по нашим правилам под нашей властью, либо пусть едут к себе в Сербию. Нам это было неясно — почему сербам из Боснии надо было ехать в Сербию? Если поподробнее посмотреть, это совсем не те же сербы. А в конце концов это их же земля, они здесь родились, живут, сам Бог знает с каких времен. И с чего бы это им уезжать. И тут она начала кричать как с трибуны, и такую чушь, такой бред. Тогда такое никому в голову прийти еще не могло. Во время СФРЮ за это и в тюрьму можно было сесть. А тут она вообще кричать начала. Она рассказала, что в мечетях уже давно, почти полгода проводятся собрания или встречи, как курсы, и даже с женщинами (отдельно мужчины, отдельно женщины), на которых обсуждаются политические вопросы — какие права у сербов, какие у них перспективы, с чем они должны согласиться, что будет в противном случае, если они не согласятся. Я был ошарашен этим. И сразу это показалось очень-очень сомнительным. То есть такое наговорить... Сам человек за пять минут такое придумать не может. Этому явно предшествовала какая-то подготовка. Было очевидно, что велась по этому вопросу работа, идеологическая подготовка людей, религиозная, политическая. И это относится и к женщинам. Только потом, например, в 1994-ом, когда между ними начались споры, кто когда вступил в это дело, кто важнее, кто главнее, они уже начали открыто говорить, что с начала 1991 г. а может быть и с середины 90-го года (речь идет о мужчинах), они участвовали в организации военных группировок, отрядов, Патриотической лиги. То есть организация всего этого с довольно ясными уже программами и целями началась еще до тех выборов, на которых Изетбегович и его сторонники победили. Идет вооружение, обучение и организационное становление этих отрядов. Уже во второй половине 1991 г. в Сараево и вообще в Боснии можно было купить оружие, автоматы с обоймами. Тогда еще автомат Калашникова с двумя обоймами стоил 2 тыс. марок, а впоследствии, как война приближалась, к началу войны автомат стоил 500 марок. Покупали это оружие, назовем условно, «сознательные» мусульмане. Такой способ вооружаться, по моему мнению, характерен, прежде всего, для мусульман, потом для хорватов и в меньшей степени для сербов, потому что сербы по традиции рассчитывали на официальную армию, доверяли ей, хорваты рассчитывали на Хорватию, что все действия будут координироваться с Хорватией, во всяком случае, что касается вооружения. А мусульмане всегда относились к этой армии как к чужой, особенно те, кто постарше. Был такой слой мусульман в Югославии, который ко всему в стране относился как к чужому, к чему они не принадлежат. А они только ждут своего момента. Придет время, и все будет по другому. Это касается самого-самого начала создания отрядов и партий. Вооружение мусульман и их агрессивное поведение вызывали настороженность у других. Они тоже начали припасать оружие, не дай Бог пригодится. Уже ведь был опыт Словении и Хорватии... В городе никто не хотел воевать друг против друга, все рассчитывали на армию, полицию, которые наведут порядок» (84).

Согласно данным полиции, в июне 1991 г. 92,5 тыс. мусульман, 131,9 тыс. сербов и 43 тыс. хорватов имели зарегистрированное оружие в личной собственности. Все это оружие служило основой для формирования военизированных формирований в начале войны.

Председатель Президиума Республики Босния и Герцеговина Алия Изетбегович в эксклюзивном интервью для 100-го номера «Лилиана» от 14 декабря 1994 г., озаглавленного «Тысячи людей несут наше знамя и понесут его дальше», сказал: «ПДД 10 июня 1991 г., следовательно, накануне начала войны в Словении и Хорватии, за десять месяцев до начала войны в Боснии, провела большой сбор ответственных людей из всей Боснии, на котором был сформирован Совет национальной обороны. Это было знаменитое собрание в Доме милиции в Сараеве. Сформированный Совет руководил работой Патриотической лиги и готовил народ к обороне, включая, конечно, его вооружение. Если бы этого не было, то Босния молча бы пала, а так гром нашего сопротивления был слышен до небес» (219, с.64).

Первыми полувоенными вооруженными группами в БиГ были мусульманские «Зеленые береты», которые составляли добровольцы. Затем мусульмане создали Патриотическую лигу (ПЛ), которая имела девять региональных и 103 районных штаба, насчитывала 98 тыс. бойцов. И только после этого началось формирование крупных чисто военных образований — «Ханджар дивизии» в Биелине, дивизий «Хусине» в Цазине, «Смаил ага Ченгич» в Сараеве, «Кемал паша Атакович» в Брезово-Поле, «Црвени фес» в Босанско-Новом, «Гарда» в Зворникке, «Дрина» в Братунаце (113).

Муниб Бисич, тогдашний помощник министра обороны в мусульманском правительстве Боснии, в газете «Освобождение» дает генезис возникновения Патриотической лиги: «Пре-то в апреле 1991 г. я беседовал с людьми, которые понимали, что война в БиГ неизбежна. Все мы были одного мнения о том, что необходимо организовать защиту Республики. Когда я вступил в контакт с Суле (незаконное имя Сулеймана Враня), мы разослали инструкцию по организации и действиям на местах. Опирались, в основном, на людей из Партии демократического действия, ездили по районам и искали единомышленников. В мае 1991 г. Суле и люди из Сараева назвали организацию «Патриотической лигой». С сентября 1991 г. отмечается массовое вступление в Патриотическую лигу бывших офицеров Югославской народной армии. Все это делалось конспиративно и по рекомендациям надежных людей. С приходом офицеров ЮНА расширился Главный штаб «Патриотической лиги». Почти все общины в БиГ получили штабы ПЛ» (цит. по: 219, с.61). В декабре 1991 г. шла работа по формированию боевых частей, составлялись списки бойцов, велась раздача оружия, эмиссары направлялись в села, велся анализ и учет территории.

«Патриотическая лига» предлагала начать войну в БиГ параллельно с Хорватией. Она хотела разрушить мосты на Дрине, когда резервисты входили в Герцеговину. Но политические лидеры не позволяли этого сделать, так как Босния не была готова к войне ни в военном, ни в политическом, ни в психологическом смысле. В начале 1992 г. ПЛ предложила план блокады коммуникаций и казарм, чтобы воспрепятствовать стратегическим операциям вывода ЮНА на боевые позиции (219, с.61).

В Сараеве автономно существовали еще две мусульманские организации — «Зеленые береты» во главе с Эмином Швракичем и «Босна» со своим вождем Керимом Лончаревичем. В феврале 1992 г. обе эти группы присоединились к «Патриотической лиге».

Сербы также готовились взяться за оружие. Еще зимой 1991 г. Р.Караджич в разговоре с Б.Йовичем говорил, что сербы в Боснии и Герцеговине совсем не имеют оружия, боятся резни и гражданской войны (153, с.274). Д.Багакович полагает, что основная проблема сербов в Боснии и Герцеговине в то время заключалась в том, что они, опираясь на С.Милошевича в Белграде, «менее полагались на правовые средства, а больше на собственную силу, которая основывалась на военном превосходстве и сотрудничестве с ЮНА. И сам С.Милошевич ... советовал больше внимания уделить контролю над государственной безопасностью и сотрудничеству с ЮНА, чем давал советы, как юридически или политически оспорить политические действия мусульманско-хорватской коалиции» (184, с.3).

Осенью 1991 г. сербы стали продумывать вопрос о создании военных отрядов. Однако не хватало оружия, боеприпасов, средств полевой связи, не говоря уж об обмундировании, транспортных средствах. Возникли проблемы в связи с отсутствием квалифицированных офицерских кадров, с обучением солдат. Представители сербского населения БиГ обратились к министру обороны Сербии Т.Симовичу с просьбой о помощи. На совещании, которое состоялось 20 ноября 1991 г., министр не мог обещать большой поддержки, так как правительство предполагало, что «Сербия не будет вмешиваться». «К сожалению, все военные склады находились там, где большинство составляли мусульмане, и почти на всех складах работали мусульмане или хорваты, большинство военных объектов и учебные центры опять же были там, как и вся военная промышленность. Если сегодня это все проанализировать, то складывается впечатление, будто бедную Сербию и этот сербский народ кто-то 50 лет обманывал «братством и единством», — отмечала шеф кабинета военного министра Сербии (82, с.260). Поскольку все военные заводы находились на территории с большинством мусульманского населения, то министр предложил сербам «планировать акции по насильственному захвату материально-технических средств со складов», вести обучение бойцов в системе территориальной обороны, готовить эвакуационные пункты, и в целом рассчитывать на свои силы (82, с.262–264).

Б.Йович записал в своем дневнике 5 декабря 1991 г., что С.Милошевич наиболее приемлемым планом после признания Хорватии и Словении считал вывод армии в Боснию и Герцеговину и концентрацию в ней только граждан Сербии и Черногории. Если же произойдет признание и Боснии и Герцеговины, то эта армия сможет стать основой армии РС, если в нее мобилизовать сербов — граждан БиГ. Уже 25 декабря В.Кадиевич докладывал, что ЮНА дислоцирована в БиГ. В ее составе лишь 10—15% военных не являются жителями этой Республики (153, с.420–421).

После ухода ЮНА из Хорватии командование полагало, что в БиГ надо армию укрепить. Именное подразделение ЮНА, в которых остались только сербы из Боснии, как подчеркивал министр обороны СФРЮ В.Кадиевич, стали основой армии Республики Сербской (83, с.148). «Оказавшись перед свершившимся фактом, крашникам не оставалось ничего другого, как создать армию Республики Сербской БиГ», задача которой виделась в успешном противостоянии тем, кто захочет «напасть на территории с большинством сербского населения и в которых установлена власть РС», — писал в мае 1992 г. полковник М.Милутинович, будущий начальник службы информации Главного штаба Армии РС (233, с.36). С самого начала предполагалось, что сербы в Боснии будут помогать и сербам в Хорватии, защищая их от «нападения усташей» (233, с.36).

В этой Республике, как срединной части СФРЮ, удаленной от других государств, был размещен большой военный потенциал федерации, построены склады и бункеры на случай войны, сооружены военные заводы и фабрики. После событий в Словении и Хорватии части ЮНА были передислоцированы в Боснию и Герцеговину. К пяти корпусам Второго военного округа ЮНА, которым командовал Милутин Куканяц, были добавлены зимой 1992 г. еще два корпуса, состоявшие из подразделений, выведенных из Словении и Хорватии. Три корпуса были размещены в Зенице, Дрваре и Тузле. Были сформированы три новых авиационных корпуса в Бихаче, Баня-Луке и Тузле, а также три учебных центра в Сараеве, Баня-Луке и Мостаре. По оценкам мусульманских источников, весной 1992 г. на территории БиГ находилась 100-тысячная армия. «Босния была оккупирована до войны», — утверждали они (186). Мусульмане обвиняли сербов в тесной связи с ЮНА и Югославией, в передаче оружия населению, в помощи в организации армии РС (186). Сербы же полагали, что хотя уже отделились Словения и Хорватия, военное руководство СФРЮ не было готово к отделению Боснии и Герцеговины. Никто не ожидал этнических столкновений. Однако весной 1992 г. все три этнические группы уже готовились к войне. Они стремились задержать под своим контролем как можно больше военных заводов и складов. Часть из них — в Витезе, Конице, Нови-Травнике, Горажде — остались на территории, контролируемой мусульманами. Но неопределенность ситуации диктовала «накопительную» логику поведения. Военные командиры-мусульмане, огорченные приказом Президиума СФРЮ о разрушении территориальной обороны, пытались увозить с военных складов, расположенных на подчиненной им территории, оружие, складировать его в надежном месте или раздавать вооружающимся отрядам.

Один из исследователей описывает, как это делали сербы. Благодаря инициативе сербских офицеров из ЮНА, удалось передислоцировать склады вооружения и боеприпасов из районов, населенных преимущественно мусульманами и хорватами, в сербские районы, хотя много оружия осталось у мусульман и хорватов. В частности, целая бригада танков Т-34 из Словении за два месяца до начала боевых действий в БиГ размещена в Зенице (на территории с преимущественно мусульманским населением). Новая передислокация техники, боеприпасов и амуниции была весьма непростым делом, поскольку во многих подразделениях ЮНА офицеры мусульманской и хорватской национальности составляли большинство офицерских кадров (172, с.54). Один из участников тех событий вспоминал, что «материальных средств бывшей ЮНА... в Республике Сербской было в изобилии» (322, с.33). Сербам пришлось обманным путем под видом военных тренировок создавать для резервистов краткие курсы артиллеристов, связистов, танкистов. Дело облегчалось лишь тем, что на призыв о сборах резервистов в ЮНА отзывались лишь сербы. Хорваты и мусульмане в то время уже создавали свои военные образования — «Зеленые береты», армию БиГ, мусульманскую гвардию, «Патриотическую лигу», Хорватское вече обороны (ХВО) и др. В марте 1992 г. уже многие солдаты мусульманской и хорватской национальности покинули свои подразделения. Однако пополнение подразделений сербами шло крайне медленно. Резервисты, отпущенные домой, весьма слабо отзывались на призыв о мобилизации. После первых столкновений в Боснию потянулись добровольцы из Сербии, не всегда с ясными целями, высокой моралью и хорошей подготовкой (172, с.55–56).

12 мая 1992 г. Скупщина РС приняла решение о создании Армии РС (АРС), а 19 мая на стадионе в Пале был проведен смотр всех отрядов территориальной обороны. Задумки военного руководства РС сформировать армию по родам войск не осуществились. Условия и настроения людей тесно привязывали отряды к «своим» населенным пунктам. Генерал С.Лисица писал, что в массе армия РС была достаточно быстро сформирована, благодаря тому, что «от ЮНА осталось некоторое количество техники, остались служить многие командиры бригад и батальонов, экипажи танков, что сохранилась структура ПВО и авиация (306, с.120). Армию должны были составлять Сараевский, Тузлинский, Банялукский, Книнский и Бихачский корпуса. Единогласно командующим АРС был назначен генерал-подполковник Ратко Младич, «храбрый и способный командир, который подтвердил это в боях, и которому народ верит» (233, с. 40). Назначение генерала Р.Младича вызвало неодобрение ООН. Б.Бутрос-Гали заявил в своем докладе от 30 мая 1992 г., что «появление генерала Р.Младича и сил под его командованием в качестве независимых действующих лиц, которые, видимо, неподконтрольны ЮНА, значительно осложняет вопросы, поднимаемые в пункте 4 резолюции 752 (1992)¹ Совета Безопасности» (307).

Ратко Младич являлся одной из центральных фигур войны в Боснии и Герцеговине. О нем знают далеко за пределами Балкан. Газета «Дейли Телеграф» включила его имя в список 30 известных современных полководцев, напомнив при этом, что те офицеры, которые ввели переговоры с ним, считают его гением тактики, но безумцем. На протяжении всей войны с ним искали встречи и политики, и журналисты, но особенно военные — миротворцы из «голубых касок». Противники его боялись, а сербы боготворили. Обожали за честность, высокий профессионализм, отвагу, мужество, за любовь и преданность Родине. Он отвечал досужим журналистам: «Я не создаю никакую великую Сербию, только защищаю сербскую землю и верю в то, что и господин Оуэн завтра в случае надобности защищал бы свой народ... Мы не агрессоры. Нам чужого не надо... Я встал рядом со своим народом. Это мой долг, этому я и учился. Был бы я хирург или журналист, я делал бы тоже самое» (314, с.200). Его лозунги — «достоинство, честь, вера и свобода».

Родился Р.Младич в 1943 г. в селе Божиновичи в Боснии и Герцеговине. Его отца убили усташы, когда ему не было еще и двух лет. Он закончил военно-промышленную школу при «Телеоптике», а затем Военную академию сухопутных сил. В Академии он был одним из лучших. Р.Младич все время провел в войсках — командир взвода, отряда, командир батальона в Куманове, бригады в Штипе, а перед отъездом в Книнг был помощником командира Приштинского корпуса. С 1 августа 1991 г. он был назначен начальником штаба Книнского корпуса, а с 12 мая 1992 г. начал свою карьеру командующего Армии РС.

Я встречалась с генералом несколько раз. Запомнилась первая встреча, которая носила неформальный характер. Генерал рассказывал о себе, о понимании смысла жизни, целях борьбы. Генерал прост в общении, умен, образован, знает себе цену, явля-

¹ В пункте 4 резолюции 752 требовалось, «чтобы те подразделения Югославской народной армии (ЮНА) и элементы Хорватской армии, которые находятся в настоящее время в Боснии и Герцеговине, были либо выведены, либо переданы в ведение правительства Боснии и Герцеговины, либо распущены и разоружены, а их вооружение поставлено под эффективный международный контроль».

ется высоким военным-профессионалом, но имеет жизненную позицию, которая роднит его с простым крестьянином. Его жизненная философия проста: сербский народ много страдал в своей истории, пережил несколько геноцидов, но всегда прощал и был добрым, доброжелательным к своим соседям. Народ до конца не верил, что трагедия может повториться. И в этой войне он снова страдал, снова подвергся геноциду. «Я сделаю все, чтобы этого никогда не повторилось. Сербский народ в БиГ будет жить в самостоятельном государстве». Разговаривая с офицерами и солдатами, я поняла, как его любят и боготворят. Он обладает феноменальной памятью, знает русских поэтов и писателей. Младич — прекрасный рассказчик. Он красочно воспроизводил сцены обеда с английским лордом, встречи с американским военным атташе на лестнице русского МИД в Москве, разговоры с французскими генералами. Его умение воевать вселяло сербам надежду на создание собственного государства. Любовь к нему солдат и вкра в него всего народа давали ему уверенность в правоте своего дела.

Среди воевавших в районе Сараева известны были два четнических отряда, которыми командовали Славко Алексич (в районе Еврейского кладбища) и Василие Видович (в Илияше). В БиГ возвращались добровольцы, воевавшие в Хорватии. Все они имели оружие, опыт боев. Многие сербы как добровольцы прошли школу в отрядах СРП В.Шешеля. Они создавали военизированные отряды, которые не подчинялись единому командованию, имели самостоятельные планы, свою униформу и знаки отличия. Генерал Р.Младич говорил, что военизированные формирования создавали военным большие проблемы особенно в начале войны — в Посавине, Семберин, Центральной Боснии, и «это оплачивалось высокой ценой» (308, с.64) «Еще на учредительной Скупщине в Бая-Луке, — вспоминал генерал, — я говорил, что народ на своей земле должен иметь одну власть, одну армию, одну милицию. Все это должно быть... под единым руководством. Никто, даже если он генерал, политик или кто-то другой, не может иметь свое частное войско и частную милицию... Однако здесь это приобрело широкие масштабы» (308, с.64). Командование осудило деятельность таких отрядов, однако остановить их самоинициативную деятельность не удавалось. Они были активны в 1992 и частично в 1993 г. Р.Младич говорил в одном из своих интервью, что появилась «масса каких-то «патриотов», которые не сходили с экрана телевизоров, и «освободителей», которые «могли все». Между тем, их группы и военизированные отрядики главным образом вертелись около ювелирных лавок, банков, хорошо снабжаемых магазинов, и не было ни одной высоты, которую бы они освободили или заняли. Они хорошо могли только грабить» (233, с.189).

Хорваты в БиГ не рассчитывали на то, что им придется воевать. Их целью было путем переговоров достичь конфедеративных отношений с Хорватией. Но и они также создавали свои вооруженные формирования на территориях компактного проживания. Хорватия во всем их поддерживала, в том числе и оружием, и армией.

Во время обсуждения мирного плана Вэнса-Оузна хорваты активизировались и решили закрепить за собой «хорватские» территории. Американский посол У.Циммерман пишет, что в 1991 г. Ф.Туджман несколько раз встречался с С.Милошевичем и обсуждал проблемы БиГ (309, с.211). При этом С.Милошевич никогда не заявлял о своих претензиях на земли БиГ (У.Циммерман полагал, что это — игра, и не ве-

рил его словам¹). А Ф.Туджман всегда заявлял о том, что Босния — это хорватская земля. Министром обороны Хорватии был канадский бизнесмен хорватского происхождения Гойко Шушак. Его герцеговинское происхождение толкало его на то, чтобы тратить большие деньги на осуществление идеи присоединения части Герцеговины к Хорватии. «Шушак и его свита, — пишет У.Циммерман, — постоянно осаждали Ф.Туджмана с этой идеей, но хорватского президента не надо было долго уговаривать. На одной из встреч со мной 14 января 1992 г. ...Ф.Туджман больше часа уверял меня, что Боснию надо разделить между Хорватией и Сербией» (309,с.213). Ф.Туджман долго объяснял послу, насколько опасен исламский фундаментализм. Но посол был раздражен и ответил, что в БиГ опасность проистекает только от сербов и ЮНА, а А.Изетбегович не является радикальным фундаменталистом. Поэтому США никогда не будут поддерживать раздел Боснии и Герцеговины. Ф.Туджман в свою очередь пообещал, что договорится с С.Милошевичем, и они сумееют заставить А.Изетбегович разделить Боснию (309,с.214). Стремясь осуществить задуманные планы, Ф.Туджман все годы войны в БиГ помогал хорватам создать свое государство в БиГ, поддерживал их деньгами, оружием и военной силой.

Силы Хорватского веча обороны предъявили ультиматум силам боснийской армии, требуя, чтобы те подчинились их командованию в тех районах, которые отводились им по плану Вэнса-Оуэна. Так вспыхнула война между хорватами и мусульманами. На помощь братьям пришла хорватская армия из Хорватии, численность которой, по неофициальным данным, составила в 1992 г. 40 тыс. человек. Подразделения хорватской армии в БиГ находились под непосредственным командованием Загреба. Мате Бобан, лидер хорватов в БиГ, заявил, что хорваты контролируют почти всю территорию, на которой живут, и что она составляет 30% территории БиГ.

В начале марта начались стычки на национальной почве в разных местах Боснии. Они не носили системного характера, возникали то тут, то там, лишь предвещая начало военных действий. Так, 3 марта произошли вооруженные столкновения в Босански-Броде, что привело к разделу города. Сербы объявили о формировании сербской общины Босански-Брод, а хорваты ответили торжественным открытием моста через Саву, по которому в город вошли отряды ЗНГ. При этом ЮНА выполнила поставленное ей условие и отошла от города на 25 км, чем вызвала определенную панику в рядах сербов. В газетах сообщалось, что хорватская 108-ая дивизия из Хорватии перешла на территорию БиГ в районе Брода, чтобы установить контроль над территорией, где живут хорваты, что вызвало волну беженцев-сербов в Баня-Луку (173). Делегация Претндума БиГ в составе Фпхрста Абдича, Биляны Плавнич и Франьо Бораса 29 марта приехала в Босански-Брод, чтобы попытаться урегулировать ситуацию. 17 марта был блокирован Мостар. 27 марта в селе Снековац около Босански-Брода хорватско-мусульманские силы убили пять сербских семей, бросив тела в Саву, сожгли 50 сербских домов.

В начале апреля хорватские отряды из Западной Герцеговины начали наступление и сторону Купреса. Навстречу им из направления Благая выступили отряды территориальной обороны и подразделения Югославской народной армии, Книнского и Ба-

¹ У.Циммерман не мог найти доказательств претензий С.Милошевича на БиГ. Среди его аргументов встречаем следующее: «Еще прошлым летом он мне сказал, что Хорватия может взять часть Боснии. Если это может Хорватия, спрашивали мы себя, то почему не может и Сербия?» (308,с.211).

нялукского корпусов. Первый хорватский танк вошел в город 5 апреля, но город был освобожден ЮНА уже 7 апреля (308, с. 50). Появились первые жертвы, первые пленные, упоминания о хорватских лагерях в Западной Герцеговине и Сплите. Тогда уже жители сербских сел, как вспоминал Р.Младич, испытали на себе жестокость хорватских солдат. Они сжигали дома, убивали людей самым зверским способом (308, с. 51). Следует подчеркнуть, что в военных операциях до 19 мая участвовала и Югославская народная армия, а после вывода ЮНА из БиГ военные действия вели армии трех территориальных образований и армия Хорватии на стороне Герцег-Босны.

Народ республики был обеспокоен возможным осложнением ситуации и 5 марта во всех городах БиГ вышел на улицы, чтобы выразить протест против возможной гражданской войны и политиков, которые не могли гарантировать народам республики мир. Этот марш протеста показал стремление народа БиГ к миру и согласию.

Однако силы национальной обособленности также не дремали. 27 марта 1992 г. в Сараеве 339 интеллигентов-мусульман подписали Декларацию о будущем БиГ, в которой выступали за единую и неделимую мусульманскую республику. А 28 марта открылся съезд сербских интеллигентов. В их Декларации подчеркивалось единство интересов всех сербов независимо от места проживания.

В эти дни руководство республики не только не проявило бдительности, но даже провоцировало события. 10 марта 1992 г. Президиум БиГ в полном составе (заседание покинули два члена Президиума, сербы) упразднил в названии республики слово «социалистическая». Отныне она стала называться Республикой Босния и Герцеговина. Все министры-сербы вышли из состава правительства. Власти республики оказались неспособными проводить единую политику и достичь компромисса по вопросу государственно-правового статуса республики. А.Изетбегович отказался вести переговоры с Международной конференцией и снял свою подпись под достигнутым договором урегулирования в БиГ от 18 марта. 3 апреля по телевидению выступали А.Изетбегович и Б.Плавшич. А.Изетбегович обратился к народу: «Все вместе мы будем защищать Боснию и мы ее отстаиваем». Б.Плавшич ясно была определена на мирное решение: «Сохраним мир, пока политики не договорятся» (269, с. 25).

4 апреля Президиум БиГ объявил мобилизацию территориальной обороны (ТО), резервистов милиции и запас гражданской обороны во всех общинах БиГ и Сараеве. Против этого решения голосовали члены Президиума Б.Плавшич и И.Колевич.

Р.Каралджич вспоминал, что в тот же день позвонил А.Изетбеговичу:

«— Это точно, что ты провозгласил мобилизацию?»

— Ну, я сказал что-то в этом роде, — пытается выкрутиться А.Изетбегович.

— Ты хоть знаешь, что это значит? Ведь все вооружены до зубов, и сейчас надо их просить остаться дома, а не формировать отряды. Ты должен сейчас же это решение отменить.

— Не могу отменить, это уже пошло.

— Должен отменить! Ты хорошо знаешь, что сербы не откликнутся на мобилизацию. Придут только хорваты и мусульмане. И тогда войну уже никто не сможет остановить. Это катастрофа. Отмени мобилизацию, сделай, что можешь!

— Сейчас я уже ничего не могу сделать, — притворно сожалел А.Изетбегович» (269, с. 8).

На мобилизацию действительно отозвались только мусульмане и хорваты. А.Изетбегович потребовал от ЮНА передать оружие отрядам мусульманской ТО. Республиканский штаб территориальной обороны создал семь окружных и 75 общинных штабов ТО, в штате которых работали 122 офицера и 33 вольнонаемных (113). Направленность таких действий была понятна каждому человеку.

Против движения Республики в сторону войны протестовали не только сербы, но и жители других национальностей. Сарайлин избрали очень показательный способ сказать свое «нет» войне: в день объявления всеобщей мобилизации в знак протеста они погасили свет в своих квартирах. Город погрузился во тьму.

Оценки характера войны, причин и поводов, естественно, у сторон были различными. Мусульманское правительство считало войну югославской, а затем сербской «агрессией на Боснию и Герцеговину», которая началась еще осенью 1991 г. после нападения на село Равно (216). Генерал Л.Маккензи вспоминал в одном из своих интервью, что А.Изетбегович настаивал на том, что «речь идет об агрессии, дирижированной из Белграда... Я сразу ему отвечал, что с точки зрения ООН это не агрессия, а гражданская война, так как нет доказательств о вмешательстве Сербии» (283 (2), с.21). Министр иностранных дел БиГ Харис Силайджич с трибуны ООН упрекал Сербию в координации событий в БиГ. США, а вслед за ними и другие страны и международные организации обвинили Сербию в разжигании конфликта в Боснии, сделали виновницей конфликта. 23 апреля министры иностранных дел Германии и Голландии Геншер и Ван ден Брук потребовали созвать заседание Совета Безопасности и рассмотреть вопрос об ответственности Сербии за ситуацию в Боснии и Герцеговине.

Сербы иначе определяли характер войны в Боснии и Герцеговине. Они всегда подчеркивали, что защищают свои земли и не хотят жить в унитарном мусульманском государстве как национальное меньшинство. Как полагает М.Крашчаник, «непосредственным поводом для войны было то, что мусульмане в тогдашнем Президиуме в коалиции с хорватами объявили мобилизацию. Кроме того, несмотря на наше предупреждение они провозгласили меморандум и приняли некоторые документы, в которых выступали за самостоятельную Боснию. Тогда уже они нарушили Конституцию. В Конституции точно записано, как некоторые вопросы решать, если речь идет о национальном вопросе. Они пренебрегли Конституцией, интересами сербского народа, провозгласили отделение. Это голосование, провозглашение и навязывание воли было вторым поводом. Третий повод заключается в том, что в то время все инициативы мусульманского руководства дирижировались послом Циммерманом. Я должен сказать, что в тот же день, когда был зажжен фитиль мобилизации, я позвонил господину Изетбеговичу и сказал ему: «Прошу тебя, срочно останови мобилизацию, так как эта мобилизация для хорватов и мусульман, поскольку они не в ЮНА, в которой сербы. Эта мобилизация направлена против сербов, а значит, приведет к войне». Он мне ответил, что мол жаль, но ничего не может сделать. У меня было ощущение, что он каким-то образом находился под давлением и экстремистов, и тогдашнего Президиума, в котором были господа Ключич, Ганич и другие. Кроме того, думаю, что мусульмане, определившись за войну, переоценили свои возможности и недооценили сербов, думали, что Запад им сразу создаст государство» (71, с.15). Р.Младич говорил в конце 1994 г.: «Это очень серьезная гражданская, межнациональная, а для нас од-

новременен и национально-освободительная война, которая ведется в условиях масштабного вмешательства извне и реализации натовской стратегии управления кризисами. Против нас до сих пор не применялись только ракетное ядерное оружие и подводные лодки» (219, с. 212).

4 апреля сербы называют днем мусульманского путча в Сараеве, когда параллельно с мобилизацией начались военные действия — занимались здания милиции, почт, всех важнейших объектов города. Одновременно они считают этот день и днем своего восстания.

Жители Сараева пытались сопротивляться растущей опасности быть втянутыми в войну. 5 апреля сарайлици вышли на демонстрацию с требованием создать правительство национального спасения. Демонстрантов обстреляли снайперы — было убито 8 и ранено 50 человек. Американские исследователи пишут, что 6 апреля более 50 тыс. человек собрались перед боснийским парламентом в Сараеве, требуя мира. Но через дорогу с верхних этажей гостиницы «Холидей Инн» «вооруженные сербские милиционеры стреляли наугад в толпу, убив и ранив десятки мирных демонстрантов». Эти события они назвали «шестоапрельским сараевским убийством» (121, с. 58). Об этом писали многие свидетели тех событий, но их описания разнятся.

Генерал Маккензи, командующий СООНО¹, был в то время в Сараеве. Он пишет в своем дневнике: «5 апреля. Демонстранты дошли до центра и встали перед Скупщиной напротив «Холидей Инна». ...В тот момент... с крыши гостиницы снайперы открыли огонь. 16 демонстрантов были поражены, некоторые насмерть. Стычки ширились по городу, а баррикады, воздвигнутые около домов, точно определяли принадлежность кварталов определенным этническим группам.

6 апреля. Несмотря на вчерашнюю трагедию масса росла перед Скупщиной в течение дня. Несколько снайперов с крыши «Холидей Инна» снова начали стрелять по демонстрантам. Но в этот раз они взяли ситуацию в свои руки. Сотни демонстрантов перебежали улицу и с голыми руками нагрянули в «Холидей Инн» (122, с. 34–35). Журналистка, участвовавшая в тех событиях, пишет, что никто «не может с уверенностью утверждать, с какого места стреляли в собравшийся народ» (171, № 2266, с. 58). Й. Билек, ведущий дневник в то время, записал, что среди толпы, хлынувшей в «Холидей Инн», были заметны «зеленые береты» (173, с. 48). Еще один сарайлица, наблюдавший за событиями со своего балкона, записал в своем дневнике, что все случившееся напомнило ему хорошо срежиссированный сценарий: если на народ кто-то стреляет из гостиницы, то гнев массы легко направить против «Холидей Инна». Он видел, как из полицейского транспорта народу раздавали оружие и посылали к гостинице. Затем среди толпы появились спецподразделения, которые и ворвались в здание гостиницы, ища сербских снайперов. «Тех снайперов никто никогда не видел, даже сараевское телевидение. — писал Б. Юг. — Вечером вся планета была заполнена снимками с сараевского телевидения. Трагедия! Из гостиницы «Холидей Инн» стреляли в безоружный народ. Вероятно, сербы, говорят ведущие мировых агентств» (300, с. 84). Р. Караджич писал в своих воспоминаниях, что стреляли в толпу с других зданий, но толпа пошла на «Холидей Инн», и спецподразделения вмиг заняли гостиницу (269, с. 11).

¹ Силы ООН по охране (английский вариант — UNPROFOR)

Один из участников тех событий, сараевля «N», вспоминал: «Перед зданием правительства началась демонстрация. Собралось очень большое количество людей, где-то порядка 40 тыс., вся площадь была загромождена. И как это организовалось, кто за этим стоял, сказать было трудно. Но основное направление демонстрации, по моему мнению, было социал-демократическое. Основные цели — отставка правительства, запрет национальных партий, выбор правительства национального спасения. Потом демонстранты заняли все здание правительства, зал заседания и сидели там несколько дней. И там происходило много интересных и странных вещей. Мне кажется, что все партнеры этого испугались. То есть никто не знал, кто кому это подстроил. ПДД думала, что митинг организовала СДП, а СДП — что ПДД. Народа там было много, был там и я, телевидение постоянно присутствовало. Правда снимали и постепенно-постепенно искажали то, что там происходило. Я там был, а потом вечером видел, что показывали. И можно было сравнивать. Не раз приходил Изетбегович и просил, чтобы ему разрешили говорить, чтобы дали слово. И, представляете, весь зал хором отвечал, что не хотят его слушать. Он тогда пошел в Комитет и просил помочь ему. Люди из того комитета пришли и сказали, что Изетбегович плачет и просит вас дать ему слово. Снова весь зал сказал, что не хочет его слушать. А он как человек очень злопамятный, чрезвычайно подлый, может смотреть вам в глаза, говорить одно, а потом через пять минут как выйдет — говорит совсем другое. Между прочим там это так и происходило. Он приходил, людям что-то обещал, а как только выходил, говорил, например, в интервью, совершенно противоположные вещи. Это одна из причин, почему началась война. С ним невозможно было договориться. Его не схватить ни за голову, ни за хвост. При этом очень недалекий человек.

На другом этаже собирались члены правительства, что-то обсуждали. Однажды член правительства Абдуллах Кониция, он какой-то пост занимал в правительстве, спускался по лестнице со своим охранником. И когда он проходил мимо дверей зала, где было много народа, какой-то мальчишка лет четырнадцати, схватив Абдуллаха за рукав, стал ему кричать: «Фашисты, фашисты». Тогда охранник хватает мальчишку за ворот и бросает с лестницы, мальчик падает, охранник выхватывает пистолет и стреляет в мальчишку. К счастью, он не попадает. А внизу много полиции. Как они удержались, чтобы не открыть огонь, не знаю. Столько бы народу перебили!

Изетбегович пообещал, что распустит правительство при условии, что все разойдется. Обещал новые выборы, новое правительство. Люди не хотели уходить. Но многие боялись. Ведь митинг организовался довольно стихийно. Настоящего руководства не было. Одновременно распускались слухи, что в городе много снайперов, хотя было неясно, какие снайперы, чьи снайперы.

Неожиданно какая-то группа демонстрантов пошла к зданию «Хелидей Ин», где была штаб-квартира СДП. Когда эта группа поравнялась с гостиницей, произошел выстрел. Все попадали на асфальт. Кто-то выкрикнул, что из гостиницы стреляли сербы. Но так случилось, что я сидел с другой стороны дороги и смотрел на гостиницу. И я увидел, что над асфальтом поднимается облачко дыма. А колонна проходила близко к гостинице, и чтобы в нее выстрелить из гостиницы, надо было сначала высунуться из окна, я бы его увидел. Потом, даже если бы и выстрелили, то пуля бы попала прямо в асфальт. И дыма не было бы. А такой большой дым мог подняться только от рикошета при очень маленьком угле, когда сильно задевает асфальт. По этой логике получается, что стреляли с противоположного конца площади. И, скорее всего, я думаю, эту группу людей послали мусульмане и сами стреляли, чтобы спровоцировать действия против сербов, чтобы

выгнать сербов из «Холидея». Люди ворвались в здание «Холидея», началась стрельба. И после этого сербская партия и члены правительства-сербы уехали на Пале. Ну, а раз те уехали, мусульманам невыгодно было менять правительство.

В это время в других частях города все чаще стали появляться баррикады. Сначала эти баррикады стали появляться для защиты населения данной улицы против бандитов, дежурили ночами. Как самооборона. Но постепенно эти баррикады стали приобретать национальные признаки. Как бы сербы защищаются от мусульман, а в другом районе баррикады возводят мусульмане. Дисм они разбирались, но с ростом напряженности их уже переставали разбирать. Пройти и проспать еще было можно. Я, например, в мае прошел до Илиджи и обратно, чтобы помочь сестре-мусульманке. Я уговаривал ее уйти к родственникам. Но она ответила, что бережет квартиру. Она так и прожила все время на Илидже, пока сербы не стали уходить. И когда Илиджа перешла к мусульманам, она переселила в старую часть города. Непонятно, логики нет, но мусульмане все такие. Жилось ей трудно, денег не было, питания не хватало, но гуманитарную помощь она получала наравне с сербами, и даже больше. Ее кормила подруга-мусульманка, которая была замужем за сербом.

Но вернемся к событиям. Одна из этих мусульманских групп, очень большая, от здания правительства двинулась через мост на Грбавицу, чтобы, условно говоря, занять эту территорию, ведь на ней жили сербы. Сербы испугались, открыли беспорядочную и неумелую стрельбу, сначала в воздух, попали в одну женщину.

Баррикады со временем становились все постойнее. Город постепенно разделялся на сербскую и мусульманскую стороны. Вокруг баррикад усиливались столкновения. Потом начали отнимать машины, происходили всякие стычки, инциденты.

ЮНА старалась сыграть нейтральную роль, но это было им делать трудно, так как они уже знали, что в город поступает очень много оружия. Во время демонстраций армия еще была многонациональной, а потом, когда ничего не вышло из смены правительства, начали из армии уходить и мусульмане, и хорваты. Причем раскопались очень дружелюбно, советовали друг другу скорее уйти. Прошались дружески и раскопались в разные стороны. Потом в самой армии, в которой остались только сербы, началось расхождение на проюгославски ориентированных и тех, кто встал на чисто сербскую сторону. Казармы в начале не были блокированы, офицеры выезжали, вели переговоры, свободно передвигались. Но напряженность росла, усиливалась стрельба, и казармы вскоре заблокировались изнутри. В город попробовали войти два армейских танка со стороны Грбавицы. Вблизи моста их подбили люди Юсуфа Празины, руководителя одного из мусульманских отрядов. Что они хотели этими танками сделать? Город занять? Казармы освободить? Непонятно. Какая-то авантюра» (84).

Страх и озабоченность стали обычным явлением в Сараеве. Соседи, еще все вместе скрывающиеся от выстрелов, размышляют, уезжать ли из города, говорят о причинах и не хотят допустить столкновений. Все, кто собрал чемоданы, воспринимался как предатель (171, № 2266, с. 58). На улицах уже открыто появлялись вооруженные отряды, сформированные по национальному признаку, многие молодые люди ходили по городу в масках. Мусульманские бойцы врывались в сербские квартиры и требовали сдать оружие. Сербские отряды из участников войны в Хорватии, из сербской радикально настроенной молодежи ходили по мусульманским квартирам, искали оружие, навели страх на мусульман. Свои вооруженные отряды имел известный еще по второй мировой войне хорват устава по имени Дед. «А кто однажды стал устава — останется

устанем навсегда», — записал в своем дневнике В.Койович. В подвалах когда-то известного сараевского ресторана «РС» он создал «одно из самых страшных мест пыток, которые человек может придумать» (267, с.65). Постепенно разделялись по национальному признаку не только улицы, кварталы, но и органы управления. Одним из первых разделилось на три части (мусульманскую, хорватскую и сербскую) Министерство внутренних дел.

В такой сложнейшей обстановке Совет министров ЕС не придумал ничего лучше, как принять 6 апреля Декларацию, которая советовала государствам — членам ЕС, начиная с 7 апреля, признать независимость БиГ. Генерал Маккензи, находившийся тогда в Сараеве, вспоминал: «Начали кружить слухи, что Европейское сообщество признает независимость БиГ 6 апреля. Хотя мы не дипломаты, все, кто в военной форме, были уверены, что как только провозгласят независимость, вокруг нас начнется борьба. Не было надежды на то, что сербы признают результаты референдума, который сами полтора месяца назад бойкотировали» (122, с.34).

Из воспоминаний С.Стояновича, узленного и помощника президента Д.Чосича (311):

«В начале марта 1992 г. американский посол в Белграде Циммерман пригласил меня и супругу на ужин. На ужине присутствовало шесть человек. Весь вечер мы разговаривали, главным образом, о Югославии и Боснии. И тогда я его спросил: «Какие сейчас ваши планы в Боснии?». Он мне ответил: «Мы признаем Боснию и Герцеговину». Я удивился: «Признать Боснию и Герцеговину после того, что произошло в Хорватии?». Он ответил: «Да». Я тогда спросил: «Почему вы хотите признать Босния и Герцеговину?» — «Чтобы предотвратить гражданскую войну». Тут у нас началась дискуссия, и я спросил, какова его логика. «Если мы, западные государства и Германия, авторитарно признаем Боснию и Герцеговину, то ни одна сторона в этой республике уже не сможет употребить силу, поскольку будет бороться против законного правительства». Я возразил, что это иллюзия думать, что все произойдет именно так. Тогда посол спросил, какова моя логика рассуждений. — «Вы знаете, что уже подписаны Лиссабонские соглашения, а если вы признаете Боснию и Герцеговину, то Изетбегович сразу же отзовет свою подпись из-под договора, а сербы испугаются повторения геноцида времен второй мировой войны, и тогда конца войны видно не будет. Знаете ли Вы, сколько людей живет в Югославии, которые помнят те времена, да не говорю о тех, кто знает об этом по рассказам своих родителей?». Я спросил, когда они собираются признать Боснию. Он ответил — 6 апреля. «Шестого апреля ??». — «А что было 6 апреля?». — «Это все знают!». — «Напомните, мы забыли». — «6 апреля Гитлер бомбардировал Белград, наказывая сербов как дикий народ». Он тут же взял бумагу и записал. И знаете, что они сделали? Собрались все-таки 6 апреля и признали Боснию, но со вступлением в силу с полудни. Как дети, честное слово».

Уже 7 апреля 1992 г. Боснию признали Америка, Европейское сообщество¹. В тот же день и Хорватия поторопилась признать независимость БиГ. Это был своеобразный сигнал руководству БиГ, что Европа их поддерживает, что их требования справедливы. В тот же день Президиум БиГ провозгласил в республике чрезвычайное положение, а 8 апреля ввел состояние непосредственной военной угрозы. В начале мая БиГ становится членом СБСЕ, начинает сотрудничество в других международных организациях, таких, как Организация Исламская конференция и Движение неприсоединения. 22 мая 1992 г. БиГ стала членом ООН.

¹ Первой признала Боснию Болгария — 15 января 1992 г.

Сегодня, по прошествии нескольких лет после Дейтона, многие политические участники тех событий открыто признают ошибкой признание Боснии и Герцеговины, за которой последовала война. Карл Бильдт вспоминал, что «напряжение в стране быстро нарастало, увеличивалось давление в направлении скорейшего признания Боснии. И это признание обусловило распространение на саму Боснию конфликта, которого все опасались» (279, с. 8).

Сербы понимали, как осложнилась ситуация с признанием Боснии. Поэтому в этот же злополучный день 7 апреля Скупщина сербского народа БиГ в Бая-Луке провозгласила независимость Республики Сербской Боснии и Герцеговины, которая может вступить в содружество с другими субъектами Югославии. Б.Плавич и Н.Колевич объявили о своей отставке из членов Президиума БиГ. Скупщину БиГ покинули все депутаты-сербы, правительство — министры-сербы, обвинив Председателя Президиума БиГ в том, что он открыл новый фронт в югославском кризисе, придав религиозный смысл межнациональным противостояниям. Чиновники-сербы оставили свои должности во всех структурах власти и ушли в Республику Сербскую. Два города стали для них главными — Пале и Бая-Лука. Пале, небольшое курортное место, привлекало своей близостью к Сараеву, что позволяло руководству РС говорить даже о том, что столицей РС осталось Сараево. Бая-Лука была большим университетским городом и имела все условия, чтобы стать действительно столицей Республики Сербской. В конце апреля в БиГ уже действовали два центра власти — на Пале (сербский) и в Сараево (мусульманский). Велько Койович записал в своем дневнике 7 мая 1992 г.: «Около города сформирован фронт, две линии, две армии, два непримиримых врага, две ненависти» (267, с. 23).

Скупщина БиГ в полном составе торопилась принять ряд законов, чтобы заменить ими союзные. А.Изетбегович издал директиву Главному штабу территориальной обороны БиГ о начале всеобщего нападения на казармы ЮНА. За югославскими военными началась охота. Луис Маккензи записал в своем дневнике 10 апреля: «Мы получали сообщения о нападениях на военных ЮНА по всей Боснии. Президиум правительственных сил требовал, чтобы ЮНА передала им оружие, тогда им будет обеспечен безопасный проход. Казармы ЮНА, в которых находились солдаты, были блокированы» (122, с. 35). 27 апреля Президиум БиГ, собравшись в неполном составе, потребовал от Югославии вывода ЮНА с территории республики, а несколькими днями позже обратился за военной помощью к другим государствам, охарактеризовав ЮНА и другие сербские военные образования как агрессоров на Боснию и Герцеговину.

Совещание СБСЕ, проходившее в Хельсинки, ставит Югославию ультиматум — до 29 апреля вывести все войска из БиГ. 30 апреля СРЮ принимает решение об установлении границы с бывшими республиками СФРЮ, а 4 мая — о выводе своих войск из БиГ в 15-дневный срок. Уже 18 мая в Сараево был подписан договор об эвакуации ЮНА. С этого времени ни один боевой самолет и вертолет военно-воздушных сил Югославии не пересекал границы Боснии и Герцеговины и Хорватии. Заметим, что хорватские подразделения, помогавшие хорватам в Боснии, из БиГ выведены не были. Сербь в БиГ расценили позицию Югославии как дистанцирование Сербии и Черногории от событий в Боснии.

Выход ЮНА из БиГ означал окончательное разделение СФРЮ на самостоятельные государства. Но людям в БиГ такое понимание давалось с трудом. Они ощущали себя потерянными, обманутыми, с большими проблемами в будущем. Велько Койович,

бывший министр информации БиГ записал в своем дневнике: «Уходит Югославская армия из этого города, и это больше не мой город, уходит из Боснии и Герцеговины, и это больше не моя страна. И они в Белграде создали Союзную Республику Югославию (из Сербии и Черногории) и объявили миру, что не имеют территориальных претензий к бывшим югославским республикам. А кому они оставляют меня и этих людей около меня? Кто-нибудь знает в этом мире, что человек может быть без всего, но не может без Родины?» (267, с.24).

22 апреля мусульмане открыли артиллерийскую стрельбу по сербскому району города — Илидже. В городе блокировали казармы, вели прицельный огонь по военному госпиталю, казармам, нападали на военных. Мусульмане делали все, чтобы помешать солдатам ЮНА без потерь выйти из города, а когда 3 мая колонна военных по договоренности сторон при гарантиях мусульманских властей начала выход из города, на улице Добровольцев по ней был открыт огонь, и погибли несколько десятков солдат и офицеров.

Первые выстрелы по Сараеву сербской артиллерии прозвучали, как считали сербские военные и политики, как ответные на действия мусульман. «Сербский народ лишь возвратил им той же мерой, которой надлежало», — отмечал в одном из интервью Р.Младич (219, с.90). Ответный огонь был открыт по Бутмиру, Храснице, Соколович-Кожонини (172, с.56). Р.Младич предупреждал: «Пусть знают люди Изетбеговича, что у них нет шансов выбраться отсюда. Единственный их выход — оставить армию в покое и не вынимать оружие» (219, с.86). Так началась сараевская артиллерийская, а затем и снайперская война. Р.Караджич говорил в интервью «Борбе», что стягивается обруч вокруг Сараева. Сербы «могут освободить город за 5—6 часов борьбы», но выбрали другую тактику, тактику сжимания обруча вокруг Сараева, «чтобы заставить «Зеленые береты» и другие формирования распуститься» (175, с.22). Генерал Р.Младич пытался вывести всех мирных жителей из города. «Хочу мирным путем разрешить ситуацию в Сараеве и вокруг него. Мне ясно, как надо отвечать на эту стрельбу с завтрашнего дня. Не хочу никому угрожать, но хотел бы предупредить все гражданское население в Сараеве, что, не смотря на то, кто к какому народу принадлежит, все получат возможность выйти к линии, контролируемой войсками. Так они будут спасены. Пусть не находятся вблизи военных объектов, которые подвергаются военному нападению и окружены, а также вблизи армии Алиа Изетбеговича, так как нам их отсюда всех видно и знаем, где они. Достаточно было жертв в Сараеве и вокруг него», — говорил генерал (219, с.86).

После признания БиГ мировым содружеством и вывода Югославской армии в Республике ширятся военные столкновения. По некоторым данным, за первые две недели войны в БиГ погибли 200 человек, 1600 были ранены и 1100 пропали без вести (80, с.61).

Сербский народ взял в руки оружие, с одной стороны, боясь уничтожения, пытаясь избежать повторения событий второй мировой войны. Р.Караджич вспоминал, что в первые 45 дней, когда у нас не было ни армии, ни объединенного командования армии и полиции, мы переживали хаос. Все ненавидели всех, все воевали против всех. Это было продолжение второй мировой войны, люди вспоминали, что с ними сделала та или иная семья, и они боялись, что это повторится и говорили: давайте убьем их прежде, чем они убьют нас. Люди не забывали, кто убивал их отцов, дедов, матерей. Все опасались мести и начинали первыми» (107). С другой стороны, народ надеялся

создать и защитить свое собственное государство. Но государство, важнейшей составляющей которого является территория, еще предстояло создать. Началась борьба за «национальные» территории. С третьей стороны, сербами владела, поощряемая Белградом, идея объединения с Югославией.

В Боснию потянулись добровольцы. Многие из них вернулись из Хорватии с оружием. Одни были случайными образованиями, другие были представителями националистических политических партий, но никто не подчинялся никому. Сербская радикальная партия начала создавать отряды четников. В них записывались добровольцы и из других партий, люди с разными убеждениями. Эти отряды, имевшие «патриотические» намерения, провозгласили цель — защиту «сербства». Четники СРП имели опыт борьбы в Хорватии. Шепель вспоминал: «Мы никогда не получали приказов, это всегда была просьба. Просит нас Милошевич, Радмило Богданович, просит нас генерал Домазетович или кто-нибудь другой — надо столько-то и столько-то добровольцев. И мы их столько и собираем» (325, с.46).

3 апреля «Сербская добровольческая гвардия» Аркана и отряды добровольцев Шепеля вступили в бой с отрядами мусульман и хорватов в Биелине, где в ходе боев погиб 41 человек. Город перешел под контроль Сербской национальной гвардии САО Семберия и Масвица. 9 апреля в Зворнике, городе на границе с Сербией, аркановцы и шепелевцы предъявили ультиматум «мусульманской части Зворника сдать оружие» (175, с.22). Итальянский журналист Паоло Румиз вспоминал, что в апреле 1992 г. стал свидетелем бесчинств аркановцев, которые вошли в город Зворник сразу после артиллерийской подготовки «федеральной армии» и «начали операцию этнической чистки». Мусульман выводили из подвалов, где они прятались, и расстреливали. Не щадили они и сербов, которые помогали мусульманам (123, с.53). Жозе Мариа Мендлуче в те дни ехал из Сербии в Боснию. Он вспоминал, что артиллерия стреляла по Зворнику со стороны Сербии, что он видел четыре-пять машин, полных трупов. В Зворнике жило 49 тыс. мусульман. В те дни многие были убиты и изгнаны (325, с.47).

Баня-Лука была взята под контроль сербских добровольческих отрядов и Сербских сил обороны.

Хорватская армия переправляла в Боснию и Герцеговину оружие, артиллерию, минометы (174). Из Томиславаграда и Ливно на Юго-Западе Боснии, где хорваты составляли большинство, бежали мусульмане, уходя или к мусульманам, или к сербам, и даже в Сербии. Драматично развивались события в долине реки Неретвы, в общинах Дервента, Травник, Горажде, Вишеград.

12 апреля сербская сторона на Мирной конференции предложила А.Изетбеговичу переговоры о полном прекращении огня и всех террористических действий в БиГ, особенно в Сараеве, об отказе от всех политических решений, принятых после 4 апреля. При участии международных посредников 13 апреля было подписано соглашение о прекращении огня, которое мусульманская сторона не выполняла. Одностороннее соблюдение соглашения о прекращении огня сербской стороной результата не дали.

21 апреля начинается кровавая война в Мостаре. Сначала — против Югославской армии, потом мусульман, сербов и хорватов между собой. В это время уже начинается раздел территорий, осуществляется попытка утвердить власть на «своей» территории. Один из участников событий тех дней Слободан Срदानович вспоминал, как вооруженный до зубов специальный отряд сербской полиции с Пале 22 мая 1992 г. был направлен в село Реновица с большинством мусульманского населения, чтобы разоружить

сельчан и заставить их признать власть Пале. Одни мусульмане колесались, другие бежали в лес и открывали огонь. В перестрелке погибли двое сербских полицейских. И тогда полиция решает отомстить. Они поджигают все мусульманские дома в этом селе. В последующие дни мусульмане начинают мстить сербам, убивая их и сжигая теперь уже сербские дома. Тогда руководство Республики Сербской принимает решение о депортации всех мусульман с территории Пале на территорию под контролем мусульманских властей. Автобусы вывозили мусульман до линии разграничения в направлении Сараева (322, с.30).

К 21 апреля 1992 г. число беженцев и перемещенных лиц в БиГ, по сообщениям ООН, достигло 230 тыс. человек и каждый день увеличивалось на 30 тыс. (264, с.5). 10 мая Медицинский кризисный штаб БиГ сообщил, что за 44 дня войны в БиГ, по неполным данным, погибли 1320 человек, были ранены 6700, пропали без вести 1900, число беженцев на территории БиГ составило уже 320 тыс., а вне республики — 350 тыс. (80, с.68). Ища союзников и поддержку, А.Изетбегович обращался за помощью к Турции, США, пытался заключить союз с Хорватией, рассматривая даже вопрос о конфедерации БиГ и Хорватии. В июле 1992 г. Буш отказал А.Изетбеговичу в просьбе о нападении с воздуха на сербов и военной помощи США (94). Но у мусульманских стран БиГ вызывала большое сочувствие. Тегеран утверждал, что «правительства исламских стран должны предпринять меры, чтобы предотвратить геноцид мусульман в Европе», и грозил, что ответить мусульмане смогут по всему миру (94). 16 июля иранский Меджлис «осудил геноцид над мусульманами в БиГ, проводимый сербами-христианами», и назвал эти события «катастрофическим развитием событий в европейской республике, населенной мусульманами» (94). БиГ привлекла Иран как европейское государство, где может утвердиться ислам. А.Изетбегович как раз предлагал взамен помощи доступ мусульманских стран на свои территории. Иран обещал А.Изетбеговичу всестороннюю помощь продовольствием, нефтью, оружием и добровольцами. Шла эта помощь через Загреб (на определенных для него условиях).

Любопытные данные приводит И.Бодански в материалах специальной следовательской группы по вопросам терроризма Нижней палаты американского парламента. По его мнению, с изменением военной ситуации в БиГ не в пользу мусульман А.Изетбегович решил обратиться за помощью к Ирану, который считал, что до эскалации столкновений обязательно нужно или заручиться поддержкой Запада, или хотя бы обеспечить такое мировое общественное мнение, по которому любая акция мусульманских сил будет оправдана справедливой мстью за сербские злодеяния. С этой целью в начале мая 1992 г. специальный мусульманский отряд, многие члены которого состояли в исламских террористических организациях, начал совершать ряд преступлений, включая и расправы над мусульманскими гражданами Сараева. Они нападали, одетые в сербские униформы. Это была часть задуманного «пропагандистского плана для приобретения симпатий в мире и обеспечения военной интервенции» (94). Мусульмане организовали, как отмечается в исследовании, многие акты, которые были приписаны сербам — бомбардировку очереди за хлебом 27 мая, артобстрел во время визита Дагласа Херда 17 июля, взрыв на кладбище 4 августа, убийство представителя телекомпании ABC 13 августа и т.д. (94).

В начале мая Изетбегович прервал Мирную конференцию в Лиссабоне и решил вернуться в Сараево. По дороге его арестовали представители ЮНА, требуя разблокировать армейские казармы в центре города. Когда А.Изетбегович пообещал сделать это,

его отвезли на машинах ЮНА в город. А после того, как он покинул машину, колонну перед зданием Президиума БиГ обстреляли мусульманские «Зеленые береты». Многие офицеры погибли. Однако не было достигнуто желаемого результата — Запад не торопился с военной интервенцией в БиГ.

С самого начала А.Изетбегович стал на радикальные позиции. Но были в его окружении люди, которые имели другие взгляды. К ним относился, например, Ф.Абдич, очень популярный в мусульманской и немусульманской среде политический деятель и известный хозяйственник. Он полагал, что все проблемы можно решить мирным путем. Позже он докажет созданием мусульманской автономии Западная Босния, что сотрудничество и торговля предпочтительней пуля и ненависти. В этом они решительно расходились с А.Изетбеговичем. 5 мая представители Президиума БиГ — Фикрет Абдич и Степан Ключич, ЮНА — генерал Аксентисвич, при участии представителей ЕС подписали договор о мире и прекращении столкновений по всей Боснии. 6 мая представители сербского (Радован Караджич) и хорватского (Мате Бобан) народов подписали договор о перемирии и о территориальном разграничении этих двух народов. Но одно перемирие в Боснии долго не соблюдалось.

В мае после вывода Югославской народной армии из Сараева начинается и бегство населения из города. В первую очередь вывозили детей. По некоторым данным, всего из Сараева было эвакуировано 50 тыс. детей. О половине из них до сих пор ничего не известно, поскольку, как выяснилось, в этой акции принимали участие сомнительные организации (76).

27 мая прогремел взрыв в очереди за хлебом в центре Сараева, где погибло много людей. Хорошо спланированная мусульманами операция¹ принесла определенные результаты — Совет Безопасности, обвинив во всем Югославию, принял резолюции о введении санкций против СРЮ и о расширении мандата СООНО на БиГ.

2. Республика Босния и Герцеговина

Мусульманская Республика Босния и Герцеговина за короткий срок своего существования прошла несколько этапов, связанных с изменением ее государственно-правового статуса. С 18 ноября 1990 г. — в рамках СФРЮ было сформировано новое руководство республики на основе многопартийных выборов. С весны 1992 г. БиГ встала на путь отделения от СФРЮ. На ее территории были сформированы три национальные образования. Мусульманское государство (образование) просуществовало до 18 марта 1994 г., когда была создана мусульманско-хорватская федерация. Но фактически власть руководства Республики Боснии и Герцеговины, независимость которой была признана мировым сообществом, не распространялась на всю территорию Боснии и Герцеговины и даже на всю мусульманскую общину. Тем не менее к 25 июля 1994 г. в Сараеве уже пять стран открыли свои посольства — Иран, Италия, Турция, Хорватия и Франция, а ряд государств, такие, как Великобритания, Австрия, Германия, Швеция и др. готовились к открытию своих представительств к концу лета.

В Сараеве высшим органом государственного руководства страны являлся Президиум Боснии и Герцеговины, состоявший из семи человек. Президиум был избран на первых многопартийных выборах еще в 1990 г. Тогда в него входили Фикрет Аб-

¹ Подробнее об этом см. в главе IV.

лич, Алия Изетбегович, Никола Колевич, Биляна Плавшич, Степан Ключич, Франьо Борас и Эюп Ганич. После того, как сербы Биляна Плавшич и Никола Колевич оставили этот орган власти, в него были кооптированы председатель Скупщины Миро Лазович (серб), председатель правительства Миле Акмаджич (хорват) и командующий армией Расим Делич (без права голоса). Хорвата Степана Ключича заменил Миро Ласич. Позже количество членов коллективного органа выросло до десяти человек.

Президентом страны стал А.Изетбегович, хотя Ф.Абдич на выборах получил больше голосов. Ф.Абдич добровольно уступил А.Изетбеговичу этот пост. В конце 1992 г. в связи с военным положением «первому среди равных», А.Изетбеговичу, Президиум продлил мандат пребывания на высокой должности на третий годичный срок.

Высший законодательный орган РБиГ — Скупщина. В парламенте 90% депутатов составляли члены ПДД. Это давало неограниченные возможности правящей партии и ее лидеру А.Изетбеговичу. Политический ландшафт мусульманской части Боснии не был разнообразным. Правящую коалицию составляли Партия демократического действия (А.Изетбегович), Хорватское демократическое содружество и Социал-демократическая партия (М.Филипович). Количество представителей оппозиционных партий в парламенте было ничтожно малым. Из оппозиционных партий выделялась Либеральная партия БиГ (ЛП). Ее лидер Расим Кадич утверждал, что в БиГ сложилась фактически однопартийная система, «в которой власть является одновременно и властью, и оппозицией», а решение политических вопросов происходит абсолютистскими методами (234, с.18). При принятии решений практиковались «указы», которые наделялись силой закона, что делало Скупщину «свадебным генералом» (235). Ф.Абдич, один из популярных политиков БиГ того времени, член Президиума БиГ, вспоминал позже: «Одной из ключевых проблем Боснии и Герцеговины было то, что Президиум энергично не воспротивился Изетбеговичевой приватизации Боснии и Герцеговины. Я постоянно обращал внимание на то, что А.Изетбегович с самого начала создает свое частное государство» (185, с.16). В 1992 г. правительство возглавлял хорват Миле Акмаджич, который пытался восстановить коллективное руководство страной, но, как вспоминает Д.Оуэн, в конце 1992 г. уже всем было ясно, что «вся власть перешла в руки группы мусульманских министров, которых назначил президент А.Изетбегович, и Эюпа Ганича, которого назначили заместителем председателя» (150, с.76). С октября 1993 г. правительство возглавлял Харис Силайджич. Боснийское правительство на весь мир объявило, что оно стремится создать демократическое гражданское мультиэтническое общество, чем привлекло внимание демократической общественности Запада, особенно Франции. На деле же в БиГ складывалась авторитарная однопартийная система. Немецкая журналистка писала: «Ориентация правительства на мультикультурное содружество не имеет ничего общего с политической практикой. Босния сегодня практически однопартийное государство. Функционеры ПДД находятся сегодня на всех ключевых постах. Они контролируют правительство, армию, все государственные учреждения, больницы, школы и средства массовой информации, руководят предприятиями. Можно сказать, что большую власть в Боснии имеет Президиум ПДД, чем председатель правительства Харис Силайджич. Членство в ПДД, если не считать небольшие косметические исключения, является необходимым условием для назначения на важный пост» (115, с.56).

Как вспоминал министр иностранных дел БиГ М.Шачирбегович, в первое время государство создавалось и действовало по принципу импровизации, как результат общей ситуации в БиГ (120, с.18). Как констатировали западные журналисты, ряд мер, принятых впоследствии в Республике, говорил о растущем исламском фундаментализме: было ограничено право на аборт, сокращена продажа свинины, западная женская одежда объявлена нежелательной (115, с.56). Даже некоторые мусульманские политики ставили в упрек правящим структурам «приоритет исламизации над борьбой за единую и независимую Боснию», а также то, что «джамия не отделена от государства» (235). Пропаганда активно «не советовала» заключать смешанные браки, в кафе был запрещен алкоголь, каждый вечер ведущий телепрограмм приветствовал зрителей на арабском языке, прежде чем перейти на сербскохорватский. В школах иностранные европейские языки заменили арабским. Министр образования и культуры Энес Карич запретил местным радиостанциям транслировать песни в исполнении сербских или хорватских певцов, а также исполнителей, которые уехали из страны во время войны. Девочки уже ходят в школу в парандже. «Через десять лет эта страна, если останется жива, будет исламской», — предупреждали в то время журналисты из Сараева (238).

Одни из оппонентов А.Изетбеговича Ф.Абдич писал, что фактически государство не функционировало, не были созданы министерства, существовали лишь министры. Не велись протоколы встреч, подготовленные материалы для бесед, не велись архивы. Не развивалась инфраструктура государства, местные и общинные органы власти. Он называет А.Изетбеговича диктатором и вспоминает, что А.Изетбегович сам полностью распоряжался средствами, поступающими по линии гуманитарной помощи. «Денежные средства... ставились на частные счета преданных А.Изетбеговичу людей, которым он доверял. Кадровая политика... была катастрофической», люди назначались на должность по принципу преданности. Постепенная концентрация власти в одних руках переросла в диктатуру. А.Изетбегович никому, даже членам Президиума, не позволял вмешиваться в дела распределения денег, сам придумал систему их распределения (185, 22 јул., с.17).

В 1993 г. проявились серьезные противоречия в руководстве БиГ по вопросу переговорного процесса на Международной конференции по бывшей Югославии демократизации руководства страны, экономических, политических и военных процессов. Одним из решительных критиков существующего режима был Ф.Абдич. Он выступал за демократизацию общества, скорейшее прекращение войны. На него несколько раз устраивались покушения. Поэтому уже в 1993 г. Ф.Абдич опасался приезжать на заседания Президиума БиГ в Сараево (242).

Президиум никогда не играл решающей роли в политической жизни Боснии и Герцеговины в период войны — все важнейшие решения принимало так называемое оперативное руководство во главе с А.Изетбеговичем. Во время обсуждения мирного плана Д.Оузи обратил внимание на следующий факт: «А.Изетбегович является Председателем Президиума — коллегиального руководящего органа, который за последний год собирался всего один раз. А столь важные переговоры не могут опираться на мнение двух-трех человек, о чем праве представлять народ уже весьма трудно судить» (93, с.22).

В период разрыва отношений между хорватами и мусульманами и военных действий между ними Президиум собирался крайне редко. Но когда это происходило, Президиум превращался в серьезного критика президента. Так, в июне 1993 г. большинство

коллективного руководства, собравшись в Загребе, решило без А.Изетбеговича выехать на очередной раунд Женевских переговоров, а затем и в Брюссель на встречу министров иностранных дел Бельгии, Дании и Великобритании, чтобы сдвинуть переговорный процесс с мертвой точки.

Оппозиционная Уния социал-демократов бывшей БИГ обвиняла ПДД в трехлетней военной драме и смерти нескольких сотен тысяч мусульман, заявило 29 августа 1994 г. мусульманское радио «Голос Боснии» (265).

Сараевские интеллектуалы пытались выступать против такой политики руководства страны. За многонациональное и неделимое Сараево ратовало независимое радио «Студия 99». Была попытка также создать независимый телевизионный канал. Но эти усилия тонули в голосе солдат, отправляющихся на фронт под крики верности Аллаху. Приверженцы национальной толерантности большие надежды возлагали на премьер-министра Хариса Силайджича, который мог, по их мнению, противостоять политике А.Изетбеговича (238). Х.Силайджич вспоминал позже, что решения уже давно не принимались ни в правительстве, ни в Президиуме. «Решения принимались в каком-то другом месте» (239). Позже, после Дейтона, Харис Силайджич вышел из ПДД, выказывая стремление к демократизации жизни в Боснии и Герцеговине.

Хорватские средства массовой информации обнародовали стенограмму разговора (источник — сараевская почта) члена Президиума БИГ Н.Дураковича и посла боснийских мусульман в ООН М.Шачирбеговича:

«... — (Шачирбегович) Америка и Европа с нами.

— Оставь, кто будет за нас, когда здесь настоящий Иран. Здесь убивают сербов и хорватов. Их тысячи и тысячи исчезают ночами, но в этом никто не смеет признаться... Он (Алия) большой экстремист, дурак, пожертвует всем своим народом, чтобы войти в историю, так как создает исламское государство... Насколько в этой войне виноваты сербы, настолько виновата и ПДД, т.е. экстремисты ПДД, которые хотели владеть Боснией.

— Как функционируют наши власти, можно ли здесь еще что-нибудь сделать?

— У нас здесь у власти экстремисты — Алия, Ганич, Силайджич. Эти наши дураки не подпишут мир, а мы слабы, у нас ничего нет. В городе правят хаос и беззаконие...

— А сколько людей, по вашим оценкам, до сих пор погибло?

— Ну, погибло 200 000 человек. А погибнет еще 500 000, а может быть и миллион, и снова мы не достигнем желанной цели... Здесь у власти преступники и религиозные фанатики, третьих нет. А что от них можно ожидать, кроме новых поражений и полной катастрофы. Надо повлиять на Алию, чтобы подписал мир пока не поздно... Мы все сойдем с ума, если не согласимся на предложенный мир. Повлияй на него, пока не поздно» (20, с.2,3).

Особая тема для военной Боснии и Герцеговины — *Сараево*. Этот город стал символом страдания и мужества, варварства и всеобщей международной опеки. 9 июля 1993 г. Садако Огата, комиссар ООН по беженцам, предупреждала, что в Сараево более 300 тыс. людей находятся на грани жизни и смерти. Им грозит смерть не только от бомбардировок, но и от голода и болезней (80, с.212). Как писал сараевский журналист Гойко Берич, «первая волна населения Сараева оставила город накануне войны, а вторая — когда на него денно и нощно стала обрушиваться лавина гранат. Их гнал страх смерти. Но настоящий удар Сараево пережило тогда, когда его стали покидать те, кто понял, что город в цивилизационном, моральном и любом другом плане безвозвратно

разорется изнутри. Произошла парадоксальная вещь: война в большей мере изменила социальную, нежели национальную структуру Сараева» (295, с.104).

Остановимся на проблеме Сараева более подробно. Внутренняя жизнь города во время войны всегда была скрыта от посторонних глаз. Известно лишь было, что город находится под постоянным обстрелом сербской артиллерии, что в осажденном городе созданы невыносимые условия жизни, что народ выживает только за счет гуманитарных поставок международных организаций. Между тем, в последнее время появилось несколько книг воспоминаний тех, кто пережил блокаду города, кто знает его жизнь не понаслышке. Увидел свет дневник бывшего директора Телевидения Сараева, министра предвоенной Боснии и Герцеговины Велько Койовича, который он вел с 4 апреля 1992 г по 19 июля 1994 г. (267). Эта книга — «история смерти города в душах людей, брошенных на дороге безнадежности» (267, с.9). Известный филолог, член-корреспондент академии наук БиГ Р.Вучкович опубликовал свой дневник о событиях в Сараеве с августа 1990 по декабрь 1993 г. (268). Вышли воспоминания о начале столкновений в Сараеве участников тех событий (269; 300). В этих публикациях нам открываются трагические страницы исторической драмы многонационального города.

Следует подчеркнуть, что в последний перед войной год очень заметно менялась структура Сараева. В него переселилось огромное число албанцев из Санджака, южной области Сербии, которых называли санджакли. По этому поводу шутили даже, что название столицы теперь меняется на Санджаково. Новое население города меняло «всюду известный гражданский и интеллектуальный дух города» (267, с.25) — уходили толерантность, терпимость, дружелюбие, которые всегда были свойственны сарайлиям. Приходили преступность, неподчинение законам, жестокость, фундаментализм, религиозная нетерпимость. Санджакли фанатичны в своей вере и ненависти ко всему сербскому, они стали мощной мафиозной силой. «Они полностью вытеснили традицию, а ислам приняли как основу своего видения мира», — говорил заместитель секретаря по культуре, науке и образованию города Сараево М.Радованович (171, №2267, с.57).

О тяжелом положении всех жителей блокадного города пишут в своих воспоминаниях те, кто пережил трудные месяцы «сараевского плена». «Сараево, — писал сараевский журналист, — самая убедительная картина преступления Караджича над собственным народом». Из города убегали около 100 тыс. сербов, а оставшихся «они бьет гранатами и снайперами» (295, с.61). «По городу носят ужасные слухи, — писал другой сараилин, — о страданиях сербов и сербских семей в мусульманских и хорватских частях города. Наряду с этим раздаются голоса о страданиях мусульманского и хорватского населения в сербских частях города. И то, и другое ведет к страшному ухудшению условий жизни меньшинств всех трех народов во всех трех частях города... Постоянно ощущаю огромное напряжение из-за боязни за судьбу своих близких. Велья серб, жена у меня хорватка, а живу я в мусульманской части города» (300, с.97). Авторы воспоминаний показывают невыносимые страдания сербов и хорватов, когда бесчинства бандитов поощрялись правительством, а гуманитарные организации не могли изменить картину происходящего.

До войны в городе жило около 200 тыс. сербов. Половину из них война застала в самом городе, а другая половина жила в пригородах, которые потом сербы взяли под свой контроль. К 1994 г. в мусульманской части города осталось около 30 тыс. сербов.

Б. Юг вспоминал, что в их подъезде до войны жило 18 семей. Из них девять было сербских, семь мусульманских и две — хорватских. В конце войны осталось только две сербские семьи, а число мусульманских увеличилось до 14 (300, с. 99).

Страдания сербов мало были описаны в литературе, посвященной трагедии Сараева. Сербов безнаказанно убивали, мучили в застенках частных тюрем, держали в туннелях, посылали на первые линии фронта под пули. Член Президиума БиГ Б. Плавшич писала в СООНО в июле 1992 г., что 35–50 тыс. сербов Сараева не получают гуманитарной помощи (266), что в административном здании «Югокоммерц» около ветеринарного факультета в Сараеве создана тюрьма для сербов, где их после допросов и истязаний убивают, а тела бросают в реку (196). О жестоком обращении с сербами в городе рассказывал в своих воспоминаниях бежавший из Сараева академик М. Экмечич (79, с. 152–153). В. Койович записал в своем дневнике 17 мая, что вооруженные люди приходили в дома сербов, обыскивали их, искали оружие, пистонов, «пятую колонну» и «сербочетников» (267, с. 30). Средства массовой информации извещали о «преступлениях сербско-черногорского агрессора и террористической Сербской демократической партии, во главе которой стоит военный преступник Радован Караджич» (267, с. 36). На Конгрессе мусульманских интеллектуалов из уст почти всех выступавших звучало осуждение «экстремистской деятельности большей части представителей сербского народа на должностях в государственных органах БиГ», «предательской роли ЮНА», «агрессии Сербии и Черногории на суверенное и международно признанное государство Боснию и Герцеговину» (293, с. 33, 35, 74). Градоначальник Сараева Мурис Кулусович не отрицал, что «положение сербов в Сараеве специфическое», объясняя его частично «плохим опытом», а частично «генерализацией ответственности сербов», «отождествлением сербов и четников» (237). Сербы ощущали свою изолированность в городе. Они были оторваны от сербов за пределами Сараева, одновременно их винили за все, что делали военные Республики Сербской. В. Койович писал в дневнике, что «сербам в Сараеве, и большинство это не скрывало, ужасно мешало общее равнодушие Пале к судьбе тех, кто заточен в этом городе» (267, с. 169).

Представляем вниманию читателей воспоминания «N» (84):

«Многие жители города и сербы, и мусульмане не были в курсе того, что происходит в соответствующих партиях. Поэтому многие сербы остались в Сараеве. Они даже в последний момент не получили информации, мол, мы уходим, уходите и вы. То же самое было и с мусульманами. Тогда, уже в начале, национальные партии настолько купались в ненависти, что теряли рассудок.

Большинство сербов осталось в городе просто в заложниках и потому ругали Караджича. Тем сербам, которые остались, рассчитывая на совместную жизнь, мусульмане потом отомстили, доказали, что это невозможно. Перед самой войной в Сараеве жили около 150 тыс. сербов. А в ноябре 1995 г. в городе осталось только 20–25 тыс. Во столько раз уменьшилось их количество. И с хорватами произошло то же самое. Зато увеличилось число мусульман, беженцев из Восточной Боснии, Санджака. Они создали совершенно новую популяцию.

Мусульмане создавали отряды под крылом ПДД, получали от них указания, но действовали часто самостоятельно. Это была не регулярная армия, а военизированные отряды. У них не было особой координации. Командирами были либо бывшие уголовники, которых выпустили из тюрьмы, либо богатые люди, которые хотели еще больше обо-

гитаться. Они не были профессионалами. Это очень интересный момент. Общего командования не было. Особой осмысленности действий не было. И одни, и другие, и третьи вели себя без какой-то концепции. Например, когда Куканьяца¹ обвинили в том, что потеряно Сараево, он ответил: «У меня не было приказа занять город». Все события были странными, без ясных целей.

В результате город разделился. Мусульманский город² оказался полностью в блокаде. Но в то время это было понятие относительное. У мусульман был выход между Лукавицей и Игманом в направлении Горажде. И это направление было для них стратегически важным. Формально сербы держали этот коридор под своим контролем. Но поскольку не было плотного фронта, то солдаты и вооружение проходили. Этот путь был важен, поскольку выходил на Санджак и через Санджак — на Косово и Албанию...

Обстрел велся больше по центру, по старому городу. Самая интенсивная зона — здание нынешнего правительства. Тогда еще привычки к снарядам не было. Поэтому людьми владел страх. Цель обстрелов была, как говорили мусульмане, ссылаясь на слова Р.Младича, — «разбрызгать мозги» мусульманам. Особого эффекта от обстрела не было, результата в военном смысле слова. Но при этом телевидение работало и на весь мир передавало кадры обстрела. Уже появились иностранные журналисты. Показывали так, как им надо было. Некоторые зенитные снаряды рвались в воздухе. Меня однажды обстрел застал в парке. Снаряды рвались везде, спрятаться было некуда, хотелось зарыться в землю. Когда я на следующий день проходил мимо, то видел, как одна машина висела на дереве, подброшенная волной. Она там лежала около года. Только в 94-ом году ее оттуда сняли. Цель обстрелов — воздействовать на моральный дух населения. Люди были в панике, прятались. Сербы в начале могли занять город легко и просто. Когда не было координации действий мусульман. Вместо этого послали два танка неизвестно для чего.

В городе после начала обстрелов создавалась ужасная ситуация для сербов. Очевидно, по директивам из мечетей и от властей началась очистка любым способом города от сербов. В городе пугали сербскими снайперами, распускали слухи, что сербы посылают световые сигналы для обстрела, что в городе осталось много четников, у которых есть оружие, боеприпасы. И мусульмане очень боялись сербов с оружием, которые только ждут момента, чтобы занять город, устроить переворот. Начались массовые обыски сербов. Формально — искали оружие, боеприпасы, электронные устройства. Но при этих обысках забирали все деньги, драгоценности, телевизоры, технику, все ценное. И если кто-то только заикался, что их грабят, то убивали на месте. После нескольких дней это занятие очень понравилось — грабить без контроля. И этим они очень усердно занимались. У них с самого начала были списки сербов, которых надо ликвидировать или убрать любым способом. Начался массовый грабёж. Уже даже сами подсовывали улики, приходили, например, со своим оружием, подбрасывали его сербу. И вот уже повод для ареста. У кого было много денег; 1000 долл. или 2000 марок, человек просто летел в окно. Этим отрядам боялись и мусульмане. Позже, когда не было уже сербов, которых можно было грабить, приходили и к богатым мусульманам. Эти командиры отрядов нажили большие деньги, стали чрезвычай-

¹ Офицер ЮНА.

² Имеется в виду Сараево без пригородов. В то время сербы уже контролировали «сербское Сараево» — некоторые пригородные районы.

но богатыми¹. Драгоценности, золото носили ночью в кастрюлях и потом играли в карты. Поводом для разбоя могло служить просто желание занять чью-то квартиру.

В списках погибших сербов, которые позже они сами опубликовали, на первом месте была Марина Невструева, русская, которую убили скорее всего потому, что она жила в большой квартире. Она молодая была, только что замуж вышла. И папа у нее был прокурором. Однажды А. Изетбегович упомянул 1000 убитых сербов в связи с деятельностью только одного такого отряда. А перебито было намного больше. Этих сербов или выбрасывали из окон, или убивали дома, но чаще уводили. Ведь каждый такой отряд, который был больше похож на банду, имел свою частную тюрьму, хотя были в городе и военная, и гражданская тюрьмы². Там они над ними издевались, мучили, отрезали части тела, выкалывали глаза. Трупы сжигали, опускали в бочки с кислотой, иногда разрезали на куски и сбрасывали в ущелье. Вот Марину Невструеву таким образом убили. Ее случайно нашли. Очень много людей пропало без следа. Полгода о ней ничего не знали, родители ее искали, потом уехали в США. Мне много о ней рассказывали. В начале войны, как говорили, стоимость заказного убийства была 50 марок. И моего отца допрашивали, когда меня искали. Но не обыскивали. Он, правда, мало что знал. А я скрывался. Отец после допросов получил инфаркт. Он очень боялся, поскольку был коммунистом. А те, кто дорвался к власти, были фашистами или их потомками.

В городе создалась атмосфера страха, люди не спали в домах. Мой товарищ спал с тряпкой во рту, чтобы во сне не сказать лишнего. Это был самый тяжелый период — июнь, июль, август 1992 г. Со временем число обысков стало меньше, оставались только квартиры людей, которые не успели выехать. Их и выгоняли.

В городе действовало от 10 до 15 таких вооруженных групп. Численность была разная, некоторые были крупные, сильные, хорошо вооруженные. Таким был отряд под руководством Юки. Эти группы поделали между собой город, каждая имела свои тюрьмы (в городе было от 10 до 20 таких тюрем), свои законы и правила. Правительство им не мешало. Сколько они воевали против сербов, столько воевали и между собой за овладение территорией. Они ночью разыгрывали уличные бои, люди прятались, и они начинали грабить магазины, склады, предприятия, выносили все, что могли, и прятали на своих тайных складах. В их руках скопилось богатство в десятки млн. марок. К началу зимы они стали настоящими бандами. Хорошо себя чувствовали и без правительства. Никто им не мог указывать. Всего перебито около 10 тыс. человек. Власти знали об этом, прямым или косвенным путем координировали, главным образом, через мечети. Еще в начале событий в мечетях учили: ничего не покупайте у сербов, все равно все нам достанется.

В результате весь город был разграблен, за исключением некоторых предприятий, которые имели значение для обороны или для правительства. Начался голод. Стали отключать электричество, приносили продукты в холодильниках. Запасы постепенно съели. Создалась ситуация, что и солдат кормить нечем. Всем было ясно, что если такая ситуация продлится, то Сараеву придет конец. Тогда в августе 1992 г. ООН восстано-

¹ Позже, как показывает наш собеседник, многие командиры таких отрядов были ликвидированы. «Они свое дело сделали и больше не были нужны, следы можно было убрать, а вину за содеянное можно валить на этих командиров».

² О частных тюрьмах в Сараеве упоминал и известный кинорежиссер Э.Кустурица, он говорил о частной тюрьме сараевского музыканта, где были уничтожены тысячи сербов. (124).

вила воздушное сообщение, пришли войска ООН и началась поставка гуманитарной помощи. Но из всего этого питания, а сначала по глупости они сообщали, сколько тонн ввозили в город, только 10–15% давали населению, а остальное уходило на питание армии, создание государственного резерва. Часть помощи появлялась на рынке, продавалась за валюту, за которую государство могло покупать оружие. Получалось, что ООН финансировала войну. Продукты распределялись по гуманитарным карточкам, но районам. Сначала мы приходили сами, или представители от подвезда. Всем поровну Независимо от национальности. Позже распределять гуманитарную помощь для раздачи давали только членам ИДЦ, т.е. тем, кому доверяли. Они, конечно, себе брали больше. Карточки хранились у них. В них ставили только галочки. На то количество питания, которое мы получали на 20 дней, можно было прожить максимум пять дней. Люди были вынуждены продавать вещи, тратить свои сбережения. Магазинов уже не было. Все продавалось на полудиких рынках. Те, кто наживался на грабежах, имели большие запасы и денег, и продуктов. Они все переводили в деньги. Цены начали существенно расти. Литр масла стоил 40–50 марок, столько же стоил килограмм сахара или блок сигарет.

Что касается работы предприятия, то продолжали работать только те, которым удалось получить статус особо значимых для обороны. Все предприятия старались получить такой статус. Не многим это удавалось. Часть рабочих на таких предприятиях получали статус работающих по «грудовой обязанности». Другие же получали повестки в военкоматы. Их распределяли по отрядам. Старались брать всех, без различия национальностей. Кроме всего прочего, над сербами им нужен был и контроль. Но сначала сербов набирали, чтобы использовать как специалистов, чтобы наладить какие-то системы связи или еще что-то. Ведь специалистов среди мусульман было мало. А когда они все это налаживали, их убирали: посылали в войска, на рытье окопов или ликвидировали. Люди старались задержаться на предприятиях. Люди старались избежать мобилизации, причем все — и сербы, и мусульмане. И поэтому кто-то доставал себе справку, что он больной, сумасшедший, кто-то искал работу в гуманитарных организациях, у «голубых касок». Многие просто скрывались. Сербы старались убежать к своим. Во всяком случае все сербы надеялись, что раньше или позже они окажутся у своих. Поэтому, разве могли они воевать на стороне мусульман. Зарплата на протяжении нескольких лет была блок сигарет, иногда половина. Пачка сигарет стоила 3–4 марки. Это была разменная монета, многие использовали сигареты как деньги. Кстати, сигаретную фабрику прибрал к рукам А.Изетбегович для своего сына, он там был директор.

В сентябре 1992 г. было объявлено военное положение и началась массовая мобилизация. Мусульмане несли большие потери. Чтобы пополнить ряды армии, начали проводить в городе облавы. Людей ловили, в том числе и женщины, и отправляли или в отряды, или рыть окопы. Рыть окопы заставляли сербов. Это был один из способов убивать их. Идея окопов заключалась в том, чтобы людей выставить перед войсками, заставить продвигаться вперед посредством рытья все новых и новых окопов, поскольку военных успехов не было. В снег, в холод людей не кормили, не обогревали, заставляли работать, держали вместо 15 дней — 40. Люди редко выживали. Часто это заканчивалось тем, что сербов убивали. Шансов выйти, особенно сербам, после облавы не было. Но можно было человека выкупить, это стоило 10 тыс. марок. Охота за людьми продолжалась долго. Я знаю много случаев, это происходило и с моими знакомыми. Причины, из-за которых ликвидировали людей, — квартиры, служебные помещения. Убивали и сербских специалистов, чтобы они не могли стать полезными Республике Сербской.

Зима 1992–1993 гг. была очень холодной. К этому времени все запасы питания иссякли, электричества уже не было, а значит и воды. Люди начали продавать вещи, была большая продажа картин, произведений искусства. Одна из проблем — холод. Ночью температура падала до 10 градусов ниже нуля. В комнатах также было около минус 5–10 градусов. Начали покупать печки, чтобы хоть приготовить что-то, жили в этих печках газеты, журналы, книги, одежду, кто как, кому что было дороже — кому книги, кому одежда. Топили обувь, ломали мебель. В сумерки люди ходили в разрушенные дома на линии фронта и там набирали дерево и другие вещи, которые можно было использовать. Мы эту зиму прожили без печи. Готовили у соседей, они — хорваты, мы очень дружили. Я часто скрывался у хорватов, у сербов было ненадежно. Я приносил продукты, или газеты, или что горело, а соседка готовила. Например, чтобы вы знали, обед можно сварить на огне от одного ботинка. Трудности были с самыми близкими родственниками, мусульманами. Они никогда не хотели помочь. Иногда отцу звонили, а когда он умер, мне больше никогда не звонили. Я пару раз просил их помочь, но они никак на это не прореагировали.

Электричество и вода в Сараево были редкостью. Проходили когда месяц, а когда и три между подачей света и воды. Свет появлялся на пару часов в течение нескольких дней. Воду для приготовления пищи и мытья качали на колонках. Очереди за водой были огромные, и ждать надо было по несколько часов. Колонки часто обстреливались. Но несмотря на редкость появления света и воды, мы заметили, что электричество отключалось, когда А.Изетбегович уезжал на переговоры.

В течение зимы умерло много людей, особенно пожилых. Люди умирали от постоянного страха, чувства безысходности, голода. Многие просто замерзали в квартирах, было большое число самоубийств. Сильно увеличилось число заболеваний раком. Но попасть в больницу было очень рискованно. Попав туда, люди, особенно немусульмане, неожиданно быстро умирали. Создалось убеждение, что это происходит случайно.

Весной 1993 г. начали рыть туннель под аэродромом в Бутмаре и закончили поздней осенью. Через туннель шли и войска, и оружие, все шло с разрешения мусульманских властей. Можно было купить право пройти, или подделать документы. У туннеля была своя цена. Час использования туннеля стоил 30 тыс. марок. Вам дается это время для использования по своему усмотрению. Он длиной около 800 м, в высоту с рост человека, но заканчивается железными балками. Если удариться, то можешь упасть. А если упал, то тебя могут и раздавить. Там постоянно шел поток людей. Идти приходилось в согнутом состоянии, это было очень тяжело, причем вес с рюкзаками. Внизу вода почти до колен, трудно было дышать. Через туннель в город хлынули «беженцы», жаждущие добычи, умудрявшиеся занять по пять квартир. В свободное время через туннель проносили коммерческие грузы. В город начало поступать питание.

За все время войны боснийские власти всеми способами старались препятствовать выходу людей из города, даже когда были вынуждены давать разрешение на эвакуацию, старались отложить под любым предлогом отправку конвоя, скрыть время отправления, и в конце снимали уже с автобуса тех, к кому могли как-то придраться. Город был блокирован извне, но изнутри блокада была еще больше и воспринималась еще тяжелее. С другой стороны, не будь этой внутренней блокады, никого в городе не осталось бы. Так, многие мусульмане старались любыми средствами получить гражданство Хорватии, только чтобы как-то выбраться из-под власти Алиев.

В городе информационная блокада была полной. Контакты с людьми из ООН были связаны с серьезным риском. Все их телефоны прослушивались. Боснийская госбезопасность выследила большое число своих сотрудников на работу в эти и гуманитарные организации. Но даже если и удавалось что-то передать, то это застревало на более высоких уровнях — это никого не интересовало. Журналисты всех ведущих мировых агентств писали и сообщали о чем-то своем, а чаще всего информация получали на пресс-конференциях боснийского правительства. Многие со временем заметили, что если по городу замечались иностранные репортерские машины, значит скоро начнется артобстрел. Если где-нибудь около перекрестка собрались ТВ журналисты с камерами, то скоро начнет стрелять снайпер, т.е. надо как можно скорее уходить с этого места. Были случаи, что арестовывали снайперов-мусульман, стрелявших в людей на боснийской стороне.

Все в городе знали, что боснийская армия расставила орудия, минометы, танки в больницах, около или на крышах музеев, факультетов, небоскребов, жилых домов. А в школах и детских садах располагались казармы. слышались артиллерийские выстрелы. Об этом не говорили только в ООН и журналисты. Над стадионом — горка, там находится главная городская больница (на Кошево). Во время войны там была расположена артиллерия. Стреляли из нее практически ежедневно. Зачем? Мне не очень понятно. Сербы отвечали, а журналисты писали, что сербы стреляют по больнице. Также было и с роддомом. Пушку поставили на третьем этаже, а на первом этажах был роддом. Стреляли долго. Сербы не выдержали и ответили. Но никто не писал, что там стояла артиллерия.

В городе начали действовать гуманитарные организации: «Каритас» — католическая, «Мерхамет» — мусульманская, «Добротвор» — сербская. Сразу гуманитарные организации приобрели национальный оттенок. В «Каритас» принимали только тех, кто имел свидетельство о крещении в католической церкви. Кроме «Мерхамета» действовали еще несколько иностранных мусульманских гуманитарных организаций из Кувейта, Саудовской Аравии и др. Они давали помощь в размере 300 марок и пакеты с питанием семьям тех, кто решил принять ислам, а также за каждого обрезанного ребенка. Были случаи, когда сербы без мужей с детьми из-за голода и страха расправы были вынуждены принять ислам. В то же время мусульманам, женатым на иноверках, не давали помощь, так как они не соблюли шариат. Турция, Иран, Пакистан, Кувейт постепенно, чтобы не запоздать по сравнению с Западом, глядя, как работает Запад, тоже открывали гуманитарные организации. Многие не знают, что эти организации только с виду были гуманитарными. Они занимались чем угодно, но только не гуманитарными вопросами. Что-либо получить у них было очень трудно. Эти страны открывали и поликлиники, завозили оборудование для больниц. Приезжали и врачи со своим мировоззрением. Например, зубная поликлиника. Приходишь туда, а сестра по имени или фамилии определяет, какой ты национальности, и... «Извините, мы немусульман не лечим». Объяснение простое: им нельзя мешать мусульманскую и немусульманскую кровь, т.е. дотрагиваться, прикасаться к таким больным религия запрещает. Это были частные больницы. Но и в государственных больницах работали врачи из мусульманских стран. Я знаю несколько случаев, которые произошли с моими знакомыми сербами: когда они попадали в больницу с легкими случаями, сразу неожиданно умирали. В городе создалось мнение, что сербам лучше не ходить в больницу. Сербов-врачей выгоняли из больницы.

Многие причины заставили «исбоснийцев» заняться созданием культурно-гуманитарных обществ национальных меньшинств. Так появились общества словенцев, македонцев, чехов, венгров, итальянцев, русских, украинцев... Примером деятельности та-

ких обществ может служить то, как представители Италии переписали всех этнических итальянцев и их имущество и вывезли людей в Италию. А деньги на возмещение расходов вычли из гуманитарной помощи для Боснии».

Картины жизни в Сараево дополняют и другие сагайлии.

Генерал Морийон, командующий СООНО в 1992–1993 гг. писал, что А.Изетбегович «искусственно поддерживал осаду Сараева», так как в его «интересах было пролить эту несчастную ситуацию с Сараевом как можно дольше... Блокаду Сараева А.Изетбегович хорошо использовал» (290, с.49). Из Сараева по приказу правительства можно было выезжать в организованных ООН конвоях только старикам и детям. Все остальные должны были работать на рытье окопов, исполнять трудовую повинность или идти служить в мусульманскую армию. Списки для выезда из города составляли мусульманские власти, конвои часто откладывались, их вообще было.

В городе грабили квартиры, самовольно захватывали, если владельцы бежали из города, или старались их выселить. Известный кинорежиссер Э.Кустурица пишет о том, как отряд под предводительством Еда Луцаревича ограбил квартиру его отца, назвав мусульманина «чтннческим террористом», как чужие люди заняли его квартиру, хотя знали, кому она принадлежит (124, с.37).

В 1997 г. сараевская независимая газета «Дани» начала публиковать первые судебные досье (имена убийц, списки жертв) о страданиях сараевских сербов во время войны, об истязаниях их солдатами 10-ой Горной бригады Мушана Топаловича Цане. Тела погибших были обнаружены в шахте «Казани» (181). Большинство сербов в Сараеве погибли или пропали в 1993—1994 гг. Газета «Освобожден» писала: «Вся мусульманская ложь и долгое сокрытие истины от международной общественности о жестоких преступлениях над сараевскими сербами стыдливо появляется на свет и перестает быть табу-темой, которую годами замалчивали...» (182). Одна из жертв мусульманских лагерей, С.Йович-Славуи полагает, что в «Казани» I и II брошены тела 7 тыс. сербов, главным образом женщин, детей и стариков (182).

Военный суд округа Сараево в декабре 1994 г. осудил 14 человек, участвовавших в казнях. Но за «убийство самым свирепым способом» преступники были осуждены на небольшие сроки заключения ввиду имевшихся «смягчающих обстоятельств» (271).

В тяжелом положении находились и хорваты, которые покидали город при первой возможности. В марте 1995 г. Председатель Хорватского национального вече в Сараеве Иво Комич осудил мусульманские власти за отношение к хорватам, которых увольняют с работы и оставляют без социальной помощи, и подтвердил, что массовый отъезд хорватов из города уже нельзя остановить (272). По сообщениям католического архиепископа Сараева кардинала Винко Пулича, до начала войны в Сараевском округе насчитывалось 528 тыс. католиков. К 1995 г. их осталось лишь 200 тыс. Более 20 тыс. погибли, а сотни тысяч человек были вынуждены покинуть город в поисках спасения от боевых действий (273).

В отличие от хорватов, мусульман и евреев сербы долго не имели ни своей политической, ни гуманитарной организации, ни культурного, ни просветительского общества, ни даже представителя православной церкви. Последний священник православной церкви Убипарипович после перенесенных унижений и издевательств 31 июля 1992 г. уехал из города. Лишь в марте 1993 г. была создана сербская благотворительная организация «Добротвор». В это время уже активно работали и помогали гражданам Сараева хорватское общество «Напредак», мусульманское «Мерхамет» и сотня других

гуманитарных организаций. Однако ни одна из них не желала разговаривать с сербами, с представителями созданной организации «Добротвор», «считая ее организацией народа агрессора» (267, с.185). Официальные власти пытались даже обвинить это общество в уголовщине, этнических чистках, нелегальном вывозе людей из города. Руководителей общества арестовывали, водили на допросы (267, с.186). Однако «Добротвор» все-таки помогал сербам: распределял гуманитарную помощь, составлял списки женщин, детей и стариков, выезжающих из города, отправлял посылки с вещами старикам, покинувшим город.

В марте 1994 г. сербы Сараева создали Сербское гражданское вече (СГВ), председателем которого был избран член Президиума РБиГ Мирко Пеянович. В принятой Декларации осуждались преступления «режима Караджича» над бошняками, хорватами и сербами и все другие преступления на территории Боснии и Герцеговины, а также намечались четыре главные задачи деятельности организации: достижение справедливого мира политическими методами, равноправия народов в БиГ, единой демократической парламентской Боснии и Герцеговины в ее международно признанных границах, борьба за осуществление гражданских прав и свобод (270). СГВ осудило политику властей Республики Сербской, считая ее политикой войны с позиций силы, а территории РС руководство этой организации называло «временно оккупированными территориями». СГВ как движение, по словам его председателя, «само по себе ничего не значило бы, если бы не было частью всего движения в БиГ, которое представляют Армия БиГ, Президиум и парламент БиГ» (270).

Столица Боснии и Герцеговины с населением 380 тыс. человек страдала без воды и электричества. Инженеры коммуникационных служб «голубых касок» восстанавливали снабжение города водой и электричеством. Службами СООНО в город были доставлены миллионы килограммов продовольствия, медикаментов, одежды, горючего, строительных материалов.

3. Хорватская Республика Герцег-Босна

3 июля 1992 г. в БиГ было провозглашено Хорватское содружество Герцег-Босна (ХСГБ), что фактически узаконило существовавшее положение вещей, при котором Юго-Западная Босния уже давно вела себя как «южная Хорватия»: в школах учились по хорватским программам, активно внедрялся «новохорватский» язык, солдаты носили под хорватскими символами, на этой территории действовали хорватские законы. Это все было узаконено специальными постановлениями Президиума ХСГБ. В Загребе мечтали о присоединении этой территории к Хорватии.

Французский исследователь Жерар Бодсон писал: «Хорватская позиция заключалась в том, чтобы тактически вести двойную игру во имя достижения стратегической цели — объединения с Хорватией. «Да» — на референдуме было чисто тактическим. Хорваты знали заранее, что сербы откажутся от независимости. Поэтому маневр состоял в том, чтобы разыграть законность и свалить на сербов ответственность за появление новой республики, поддержать правительство Изетбеговича, а одновременно вести бой и дипломатическую игру, чтобы создать «собственное хозяйство», основать независимое государство Герцег-Босна, что и произойдет 5 июля 1992 г. Его столицей стал город Мостар, который после двух месяцев жестоких боев с сербскими войсками полностью перешел под контроль хорватов. Начатые в мае 1993 года новые бои, на этот раз

с мусульманскими силами, привели к тому, что хорваты полностью захватили город, в котором раньше проживало столько же сербских и мусульманских жителей, сколько и хорватских» (288, с. 171–172).

28 августа 1993 г. парламент хорватов в БиГ преобразовал Хорватское содружество в Хорватскую Республику Герцег-Босна. Созданная в одностороннем порядке, республика сформировала и парламент из 58 делегатов, и информационное агентство, отозвала своих представителей из органов государственной власти Боснии и Герцеговины. Складывавшаяся политическая система носила скорее формальный характер. «На территориях, где правила ХДС, была создана полностью тоталитарная атмосфера, а политический плюрализм перестал существовать», — писали сараевские газеты (236). Герцег-Босна имела свой флаг, герб, президента, резиденция которого находилась в здании комбината в городе Груде. Столицей нового хорватского образования был объявлен Мостар, в котором до войны жили и сербы, и хорваты, и мусульмане. Однако в результате начавшихся боевых действий в городе не осталось сербов, а хорваты и мусульмане поделили город на две «национальные» части, разрушили старый мост через Неретву, соединявший две части города, изуродовали этот красивый старинный город. Разрушенный мост этого города, над которым позже будет установлен международный протекторат, надолго останется символом межнациональной нетерпимости. У этого государства не было границ, не было бюджета и своей денежной единицы, хотя было правительство. Самостоятельное существование Герцег-Босны всегда вызывало сомнение — экономически это образование не могло существовать без поддержки Хорватии. Хорватское вече обороны, т.е. армия Герцег-Босны, не только находилось на полном обеспечении Хорватии, но и являлась фактически ее составной частью. Руководил ХВО генерал Слободан Праляк.

4. Республика Сербская

Сербов в Боснии и Герцеговине многие не понимали. Особенно те, кто пришел «насадить» мир в эту республику. Съехавшиеся со всего света в СООНО чиновники, дипломаты и военные не могли понять полное отсутствие прагматизма у «этих странных сербов»: они не продаются, не соглашаются даже с выгодными условиями, все время вспоминают историю, чем доводят собеседников с Запада до бешенства. Они горды, когда нет к тому оснований, наивны и доверчивы, их легко обмануть, но нельзя победить. Они честны, доброжелательны, н... бесконечно упрямы. Их опасно принуждать что-то сделать силой: чем больше на них надавишь, тем сильнее ответный удар получишь. С сербами легко жить, но трудно восвать. Они готовы умереть за свое государство. Один японский журналист так описывал серба из Боснии своим читателям, используя понятный для японцев образ: «Серб — это самурай, который остался без хозяина. Он ходит одинокий, голодный и оборванный, но всегда с зубочисткой в зубах, чтобы никто не подумал, что он голоден».

Сербы в Боснии и Хорватии — по-своему унитаристы. Для них столица — Белград, а сербские районы БиГ — только общины Югославии. Сербский народ в БиГ и Хорватии видит в Сербии свою матицу. В каждом доме — портрет Милошевича. В то же время книнские сербы, создавая сербское государство, полностью опирались и рассчитывали на сербов Боснии и Герцеговины.

Руководство СООНО с трудом понимало сербов, но после многочисленных контактов уважение к ним росло. Они держали слово, когда видели, что и другая сторона выполняет обещание, они всегда шли на уступки в отличие от других субъектов конфликта. Руководство сербов было колоритно.

Я встречалась с большинством из руководителей РС. Со многими из них сложились добрые отношения. Это элита бывшей республики, профессора Сараевского университета, цвет общества. Вот как описывает их писатель Валентин Распутин: «Уверен, что это самое молодое и самое интеллектуальное в мире правительство, самое бескорыстное и преданное своему народу, находящееся не возле праздничной кормушки, а на кресте. Рядом с Радованом Караджичем, известным поэтом, находились талантливый прозаик, министр информации Мирослав Тохоль, историк, министр культуры Любомир Зукович, председатель парламента Момчило Краишник, военный министр генерал Богдан Суботич. Караджич с Краишником старше, остальным лет по сорок, может быть, чуть больше. Умные, спокойные, скрывающие усталость и тревогу лица. Уверенные в себе, красивые той службой, той правдой, которую они несут. Самые уважаемые в народе люди, взявшие на себя огромную ношу, великую ответственность, во имя которых пришлось отказаться от многого, в том числе от любимого дела, принести в жертву талант. Люди, прошедшие сквозь особую, предельную меру избранничества и жертвенности, которые предьявляет война и одновременно несправедливая отверженность в мире» (98). К этому коллективному портрету я бы добавила Николу Колевича, которого все уважительно звали «профессор», и доктора философии Алексу Буху, мудрого и самого обаятельного министра иностранных дел из всей балканской политической элиты. Алекса Буха родился в 1939 г. в Герцеговине, изучал германистику в Сараеве и Берлине, преподавал в университете немецкую идеалистическую философию.

Скупщина РС была основана 24 октября 1991 г. 27 марта 1992 г. в Сараеве была принята Конституция Сербской Республики БиГ. Конституция определяла, что Республика сербского народа Боснии и Герцеговины находится в составе Югославии, а ее жители имеют двойное гражданство. Столицей РС названо Сараево. Конституция предоставляет и гарантирует сербскому народу и всем гражданам, которые в ней живут, свободы, демократические права и защиту (100, с. II–III). В ночь с 5 на 6 апреля 1992 г. Скупщина, собравшаяся в Бая-Луке, провозгласила независимость Сербской Республики Боснии и Герцеговины. Таким образом, вспоминал Р. Караджич, это произошло «до признания независимости БиГ, поэтому сербы на своем этническом пространстве ни секунды не жили в международно признанной и независимой Боснии и Герцеговине» (269, с. 11). Р. Караджич писал, что сработал инстинкт самосохранения, и сербы начали обозначать линии обороны (269, с. 11).

12 мая начинает формироваться Армия Республики Сербской во главе с генерал-полковником Р. Младичем. Когда Югославия начала выводить армию из БиГ, руководство РС обратилось к офицерам и солдатам, рожденным в Боснии, остаться в республике и перейти на службу в АРС. Около 80% состава ЮНА остались в новой армии Республики Сербской. Все они были рождены в Боснии и Герцеговине. К тому моменту сербы в ЮНА уже составляли 85%. 12 августа 1992 г. Скупщина Сербской Республики БиГ в Бая-Луке приняла решение об изменении названия государства на «Республика Сербская» без дальнейших географических уточнений. Соответственно были сделаны уточнения в Декларации о государственном и политическом устройстве нового государства.

Политическим лидером сербов в Боснии продолжал оставаться Радован Караджич, врач-психиатр из Сараева. Многие утверждают, что он достаточно случайно был избран на должность председателя Сербской демократической партии при ее формировании, когда от этой должности отказались и М.Краишник, и Н.Кецманович, и другие (171, № 2270, с.54). В столице его знали как отличного психиатра, поэта и любителя карточной игры, который никогда не проигрывает. Он вступил в политику неуверенными шагами, но его поддерживали Д.Чосич, С.Милошевич, В.Лубарда, Й.Рашкович. Р.Караджич считает себя сербским националистом и антикоммунистом.

Большинство (73 из 82) посланников Скупщины, избранной в ноябре 1991 г., составляли делегаты от Сербской демократической партии, которую возглавлял Радован Караджич. Кроме того, в парламенте были представлены еще шесть оппозиционных партий — Сербская радикальная партия, СК-ПНО, Либеральная партия Баня-Луки, Партия общественного прогресса, Социалистическая партия РС и Сербская патриотическая партия¹. Все оппозиционные партии не расходились по вопросу единства всех сербских земель и географического, экономического, культурного объединения сербского народа (99). 12 мая в Баня-Луке Скупщина выбирает коллективный орган руководства республикой — Президиум СР, Председателем которого становится Радован Караджич.

Основные задачи, которые ставило перед собой руководство РС, — создание государства, его правовое оформление, объединение с другими сербскими землями, уважение волеизъявления народа, защита созданного государства. Но в сложившихся обстоятельствах приоритетными направлениями деятельности руководства стали:

1. Взаимоотношения с ЕС и ООН и их представителями, участие в переговорном процессе ради международного признания Республики Сербской и определения ее границ.

2. Создание регулярной армии, поддержание ее военного превосходства, достижение успеха в отставании сербской территории.

3. Развитие экономики, которая может поддержать армию и дать возможность населению выжить.

4. Решение задачи объединения сербских земель.

В годы войны приоритетом было не столько совершенствование государственного аппарата, сколько его выживание. Поэтому политические процессы, развитие многопартийной системы отошли на второй план, хотя в 1993 г. в РС было зарегистрировано более 20 политических партий (96, с.13). Демократия, тем не менее, соблюдалась через функционирование Скупщины и постоянно проводимые в республике референдумы по всем жизненно важным вопросам.

Строительству законодательной основы будущего государства РС уделяла большое внимание. Только с марта и до конца октября 1993 г. было проведено 20 заседаний Скупщины, на которых принято более 120 законов, 185 постановлений. 145 раз рассматривались кадровые вопросы. Уже на первых пяти заседаниях Скупщина рассмотрела 221 вопрос. Были приняты Законы о правительстве, о государственном управлении, о национальной обороне, создан Совет национальной безопасности, принят закон о сербских общинах на территории БиГ (их определено 70), начато формирование правительства (277, с.22).

¹ Всего в 1991 г., по словам Р.Караджича, в сербской общине БиГ было зарегистрировано 38 политических партий (274, с.4).

В трудных военных условиях государство строилось медленно и с большими трудностями. 12 мая 1992 г. Скупщина разрабатывает тактическую программу деятельности государства: 1) государственное разграничение с двумя другими народами Боснии и Герцеговины, 2) создание коридоров между Слимберией и Краиной, а также 3) в долине реки Дрина (снятие границы по реке Дрина между двумя сербскими государствами), 4) разделение Сараева на две части — мусульманскую и сербскую, 5) выход РС на море (277, с. 20). Эти задачи стали приоритетными для руководства РС и осуществлялись постепенно разными методами — дипломатическими, военными, политическими и экономическими. Имея в 1994 г. уже достаточно четко очерченную границу, РС боролась за международное признание. Участие представителей РС в международных переговорах по урегулированию в БиГ приближало их к этой цели. Выход к морю был предметом обсуждения и горячих споров на всех мирных переговорах Международной конференции по бывшей Югославии. В свою очередь, обсуждение планов мирного урегулирования стало предметом постоянного рассмотрения Скупщины РС.

Основными идеологическими составляющими фундамента, на котором руководство РС строило государство, были — религия, православие, национализм, патриотизм.

В августе 1992 г. было принято решение о территориальном делении Республики на 11 округов, о создании в них местных органов власти. В экономике ориентация была взята на приватизацию, а в духовной сфере — на возвращение к православным сербским традициям, исторической сербской символике. На протяжении всех месяцев войны Скупщина была основным органом, регулирующим политическую, экономическую и культурную жизнь РС, а также органом, наблюдающим за развитием военной ситуации. Скупщина практиковала и выездные заседания, например, в мае 1994 г. — в Брчко. В декабре 1992 г. Скупщина принимает решение об отказе от коллективного органа руководства республикой и избрании президента РС. Новое правительство вместо Бранко Джерича возглавил Владимир Лукич. На него была возложена задача наладить функционирование правового государства, деятельность местных органов власти и главное — производства.

Налаживание мирной жизни в условиях неоконченной войны было связано с рядом трудностей. По мнению градоначальника Баня-Луки, не все было в порядке в РС с разграничением функций законодательной и исполнительной власти, с кадровой проблемой, с размещением правительства, с представительством в правительстве людей из других регионов Боснии. Ведь руководство РС составилось, главным образом, из тех, кто ушел из Сараева (101, с. 19). Баня-Лука претендовала на статус столицы сербского государства в Боснии и Герцеговине, но из-за желания руководства во что бы то ни стало сохранить Сараево, или даже его часть, решение этого вопроса не только откладывалось, но и перерастало в серьезное противоречие. Баня-Лука, которая была центром оппозиционных партий, обвиняла Пале в концентрации власти, в отходе от модели гражданского общества и стремлении создать государство-нацию, в форсировании религии (281).

Уже в начале 1993 г. на пленуме СДП, проходившем в феврале 1993 г., отмечалось, что в формирующемся государстве накопилось много проблем, таких как функционирование власти на всех уровнях, координация работы органов власти, деятельность идеологической оппозиции. В силу объективных и субъективных причин плохо функционировала экономика, люди не получали зарплату, пенсии, другие социальные выплаты. Принимаемые Скупщиной законы на местах не применялись. Но народные посланники считали главным «в таком хаосе сохранить государство» (278). Отмечались явления дезертирства из армии, сложности в отношениях между правительством, граждански-

ми органами власти и армией. В республике росло число уголовных преступлений и спекуляции в сложных военных условиях (105). К середине 1993 г. в РС уже функционировали система правосудия, милиция, но народ, по словам М.Кранишика, ощущал атмосферу хаоса, вседозволенности. Все имеют оружие, многие полагают, что проблемы можно решить силой (106, с.8). В августе 1994 г., когда осложнились отношения между СРЮ и РС, между Р.Караджичем и С.Милошевичем, в белградской печати все чаще стали появляться статьи о беззаконии, творящемся во властных структурах РС, особенно полиция, службе безопасности, об огромных деньгах, заработанных на перепродаже квартир, автомобилей, конфискованном и просто украденном имуществе, на торговле бензином и нефтью (110).

События на фронте, Женевские переговоры заслонили собой внутреннее положение в Республике. 10 сентября 1993 г. в Бая-Луке несколько батальонов наиболее боееспособного 1-го корпуса армий боснийских сербов неожиданно вошли в город, взяли власть в свои руки и начали осуществлять собственную программу мер по наведению порядка в тылу. Старшие офицеры были изгнаны из рядов участников акции, местные органы власти были объявлены распущенными, корпус отказался подчиниться приказам своих командиров. Активисты бунта объявили о желании расправиться с обогатившимися на войне дельцами и спекулянтами, заставить власти повесить пособников и пленных с семьями погибших и инвалидов войны, очистить органы власти от коррупционеров и дезертиров. Действия военных встретили симпатии у части населения. Ведь жизнь большинства была крайне тяжелой: зарплата не превышала 10 долл. в динаровом эквиваленте, жалование офицеров было еще меньше, а рядовые бойцы получали 3-4 долл. в месяц, да еще и нерегулярно. Рацион питания бойцов на фронте постоянно сокращался соразмерно сокращению помощи из Сербии. Одновременно в городе появились люди, которые смогли обогатиться, торгуя нефтью, оружием, спекулируя автомобилями, продуктами питания. Бунтари даже пачали кампанию арестов дельцов. После вмешательства Р.Караджича и Р.Младича конфликт разрешился, но осталось много неясного, поскольку сами офицеры упоминали вмешательство «со стороны», которое ставило и политические цели свержения власти, и смены правительства (108). Градоначальник Бая-Луки считает, что к Бая-Луке этот случай не имеет никакого отношения. Им руководил какой-то центр извне. А откуда — не знает. Создана комиссия, которая до сих пор не дала никакого ответа (101, с.19).

Сараево с пригородами — огромный город. Девять общин (1113 км²) с преимущественно сербским населением контролировались сербами и входили в состав Республики Сербской. К этим общинам относились Илиджа, Илиаш, Хаджичи, Райловац, Вошча, Стари-Град, Центар, Ново-Сараево и Трново. В этой части города, которая называлась «Сербское Сараево», жили, по данным сербских властей, 120 тыс. человек (276). Руководство РС обеспечивало мирную жизнь этих районов — работали больницы, органы местного самоуправления, милиция, функционировала администрация, были открыты шесть факультетов, работали средние и основные школы.

Сараево было для сербов определенным символом государственности, и поэтому они всячески старались удержать хотя бы его часть в своих руках. Даже в Конституции РС было записано, что столицей Республики Сербской является Сараево. Отсюда и многочисленные предложения о разделе города на две части. Имея в составе республики такой крупный город, как Бая-Лука, который вполне подходил для столицы, сербское руководство, между тем, держалось за Сараево. Даже Пале было выбрано как

временное местонахождение властей только из-за его близости к Сараеву. Между Бая-Лукой и Пале существовали определенные противоречия. Пале выглядело непрестижно, напоминало некое временное прибежище. Бая-Лука предлагала использовать все возможности большого города для упрочения государственности — городские власти нашли помещения для парламента, правительства, президента, предлагали помощь в здании аналитических центров.

По мнению директора Экономического института в Бая-Луке, доктора экономических наук Душана Яклича, с которым я разговаривала в августе 1994 г., большой ошибкой Р.Караджича было то, что он сделал столицей Пале. «Это позволяет говорить, что правительство — где-то в горах и состоит из беженцев из Сараева. Надо переселяться в Бая-Луку» (312). Но президент настойчиво держался за маленькое горное Пале. Однако, по нашему мнению, эти противоречия носили больше теоретический характер, были обусловлены проблемой концентрации власти и неразработанностью структуры и механизма управления.

Начиная регулярный обстрел Сараева, политическое и военное руководство РС надеялись, что А.Изетбегович пойдет на уступки и разделит город на две части. Блокада Сараева имела несколько причин: держать мусульман в постоянном напряжении и страхе и не дать им полностью истребить сербское население, задержать за сербами ряд районов пригорода Сараева, не отдать мусульманам огромный промышленный потенциал города, заставить мировое сообщество разделить город между сербами и мусульманами. Обстрелы Сараева продолжались с весны 1992 г. по февраль 1994 г.

Блокада города вызывала осуждение всего мира. Однако и мусульмане делали все, чтобы блокада города не прекращалась. Д.Оуэн писал, что становилось все очевиднее, что Сараево находится в двойной блокаде. Первую осуществляют сербы, обстреливая город из орудий, снайперских винтовок, взяв город в кольцо. Вторую — «армия боснийского правительства, которая препятствовала своему пароду внутренней блокадой и бюрократическими препонами»: из города запрещалось уходить физически здоровым мужчинам от 18 до 65 лет и женщинам от 18 до 60 лет, «поскольку они необходимы для обороны города». «Но их главная причина была другая, — пишет Д.Оуэн. — Сербское окружение в пропагандистской войне пробуждало мировое сочувствие, и поэтому было необходимо, чтобы старики и дети остались». Правительство никак не хотело, чтобы кольцо ослабло (150, с.86). Добавим, что на блокаде города наживалась мафиозная структура, связанные с армией, правительством, полицией, которые доставляли в город продукты питания, оружие и медикаменты.

По инициативе СООНО 6 февраля 1994 г. было заключено соглашение о прекращении огня, и правительственные силы, и силы сербов поставили под контроль СООНО свое тяжелое оружие в городе Сараево и вокруг него. Город вздохнул облегченно.

В августе 1994 г. произошла определенная консолидация руководства. Было распущено правительство, и Скупщина РС утвердила его новый состав. Из 13 министров пятеро были новые: обороны, внутренних дел, финансов, торговли, борцов и инвалидов. Премьер-министром стал Душан Козич.

К концу 1994 г. территория РС составляла, по оценкам правительства республики, 63% от всей территории Боснии и Герцеговины. В 1990 г. эти территории давали 46% общего производства Республики БиГ и составляли 47% торгового оборота. На

этих землях жили 45% всех занятых в экономике людей (275). Занимая две трети территории, сербы тем не менее полагали, что на мусульманской территории еще остался мощный промышленный потенциал. Поэтому «большой потерей для Республики Сербской была бы передача мусульманско-хорватской федерации некоторых городских центров с развитой промышленностью», таких, как Добой с запасами руды, Брод с заводом по переработке нефти, Брчко с фабриками легкой промышленности, Шамац с дерево- и металлообрабатывающими заводами, крупный промышленный город Сараево, и многих других, что предусматривалось планом Контактной группы, считал Б. Антич, председатель экономической палаты РС (275, с. 54).

В годы войны на территории РС, насколько это было возможно, развивалось сельское хозяйство. Крестьяне получали большие урожаи пшеницы, кукурузы, кормовых культур. Развитие скотоводства позволяло не только прокормить народ, но и поддерживать пищевую промышленность. Республика располагала большими ресурсами леса. Но в условиях войны экономика как таковая не функционировала. Хозяйство лишь поддерживало необходимый жизненный минимум для того, чтобы продержаться всем слоям населения — и армии, и гражданскому населению. В огромной степени экономика РС зависела от Югославии. С введением санкций и установлением международного контроля на границах с Югославией и Черногорией в августе 1994 г. для Республики Сербской настали тяжелые времена. Она использовала свой промышленный потенциал всего на 15% из-за нехватки горючего, запасных частей, материалов и квалифицированных кадров. С трудом к ним поступала даже гуманитарная помощь, лекарства. 18 июня 1992 г. по вине мирового сообщества, которое запретило самолету с лекарствами подняться с Белградского аэродрома, первыми жертвами санкций стали 12 новорожденных детей, которые умерли в больнице в Бания-Луке.

Директор Экономического Института в Бания-Луке д-р Душан Якинич в разговоре со мной сказал (312): «Босния и Герцеговина до войны была экономическим инвалдом, а сейчас после войны — экономический мертвец. Она всегда была ориентирована на Югославию. Военная индустрия большей частью уничтожена, лишь частично находится в сербских руках».

Интересуюсь межнациональными отношениями в городе, спрашиваю, был ли геноцид в Бания-Луке? Вопрос был задан не случайно. В мировых СМИ Бания-Лука приводилась как пример геноцида по отношению к несербскому населению. В городе была разрушена мусульманская мечеть, из города уехало 50% хорватов и мусульман. Причем, мусульман больше, чем хорватов. По последней переписи в городе было 29300 хорватов и 28550 мусульман (101, с. 18). — «Вражды и полного неприятия мусульман не было. Возможно, присутствовало психологическое давление — введена кириллица, сербский язык в школах и в учреждениях, изменены названия улиц».

Градоначальник Бания-Луки рассказывает об отношениях с хорватским населением. «Католический епископ Комарица активно занимается политикой. Издает газету, собирает народ в церкви для обсуждения новостей, дает советы. Возможно, он советовал хорватам уезжать... С епископом Комарицей у нас было достаточно интенсивное сотрудничество вплоть до его недавнего выступления в Вашингтоне. Там он нас назвал фашистской средой. Все мировые СМИ это передали. Наму власть называет фашистской, а фашизма в Загребе не видит. Не видит, что эти две вещи связаны. Из 130 тыс. сербов

в Загребе осталось около 20 тыс. От 30 тыс. сербов в Мостаре сегодня осталось около 200! Человек его образования, а он доктор наук, должен бы был провести некоторые параллели. Г.Комарица не мог не видеть, как в Бая-Луку пришло 45 тыс. сербов из Хорватии... Зовет он меня после Рождества и говорит:

— Председатель, верующие подметили, что вы их не поздравили с Рождеством.

— Перст провидения, господин бискуп, — отвечаю я ему. — Если бы я вас поздравил, ваша церковь бы взлетела в воздух.

— Почему, о Боже, — спрашивает он.

— Потому, — говорю, — что вы разрушили Епархию в Карловце как раз перед этим Рождеством.

— Это не мы, — говорит.

— Да, это они там, в Хорватии. Но почему вы не подняли свой голос. Мой Йован не знает, куда сегодня идти из Хорватии, только в Трст, а ты сидишь здесь и меня упрекаешь, что здесь фашизм».

В августе 1992 г., когда встал вопрос о размещении миротворческих сил в БиГ, Скупщина РС приняла Заявление об отношениях с СООНО и поддержке всех гуманитарных действий Международного сообщества. В нем была выражена добрая воля властей РС прекратить войну и договориться о политическом решении кризиса.

Создавая республику, не желая выходить из Югославии, сербы в Боснии были окрылены идеей объединить все сербские земли в составе новой Югославии. Правящая СДП ставила перед собой две главных задачи: защиту сербов на территории Боснии и Герцеговины и борьбу за создание единого сербского государства на Балканах. На февральском (1993) пленуме партии предлагалось приступить к реализации планов. Настало время, отмечалось в документах пленума, приступить к разработке единой национальной программы всего сербского народа (105).

Уже в 1992 г. они пытались провести первый этап объединения с сербами в Хорватии, надеясь в скором времени при поддержке Югославии объединить все сербские территории. Однако со вторым этапом вышла заголовка. Югославия не шла на объединение даже в моменты благоприятной политической обстановки. Вопрос о сотрудничестве с РСК, поддержке ее, а позже — об объединении постоянно стоял в повестке дня сербов в Боснии. Он поднимался много раз, хотя так и не был до конца реализован. 22 сентября на совместном заседании правительств РС и РСК был подписан Протокол о сотрудничестве правительств в политической, экономической и общественной сферах, а 7 ноября принята соответствующая Декларация. Исходными были посылки, что на территории двух республик живет один и тот же народ, с одинаковыми обычаями, верой и языком, что между ними никогда в истории не существовало государственной границы, что с распадом Югославии сербский народ разъединен без уважения его права на самоопределение, что экономическая блокада вынуждает обе республики опереться друг на друга. Правительства договорились привести в соответствие друг другу структуры законодательной и исполнительной власти, политическую систему, государственные символы, ликвидировать границу между республиками, урегулировать финансовые и экономические отношения, создать единую систему образования, науки и культуры. В случае военной опасности стороны договорились о совместной обороне (103).

Следующее совместное заседание правительств РС и РСК состоялось в Книне 9 февраля 1993 г., на котором было принято решение начать процесс объединения этих двух сербских образований в единое государство. Как заявил после заседания предсе-

датель правительства Краины З.Зечевич, сербы в Краине выступают за проведение совместного заседания парламентов всех сербских государств, имея в виду и Сербию, и Черногорию. «Если в данный момент это не удастся осуществить, мы на первом этапе предлагаем объединение Сербской Краины и Сербской Республики в Боснии. С этой целью мы намерены провести референдум» (104). Между Краиной и Сербской Республикой был заключен договор об оказании в случае необходимости взаимной вооруженной помощи. РС обещала РСК выполнить все обязательства по отражению хорватской агрессии.

По мнению М.Краншника, председателя Скупщины РС, было бы намного лучше объединяться всем сразу, а не по частям. В этом случае в будущем всегда будет причина к разединению (106). Но ситуация и позиция Югославии заставляла сербов в Боснии идти именно этим путем.

Проводя политику возможного объединения всех сербских территорий, сербы БиГ ждали соответствующих шагов и со стороны Югославии. 17 декабря 1992 г. Народная Скупщина РС обратилась к народам Сербии и Черногории с призывом не признавать вновь образованные государства, поскольку это не позволит объединиться сербам. «Все словенцы думают об интересах словенцев и своем государстве, хорваты — о хорватских интересах и своем государстве, только мы, сербы, не думаем о своих интересах и своем государстве. Нет ничего более естественного, чем то, чтобы и мы как словенцы и хорваты тоже имели свое государство. Кто будет с нами, если не мы, а потом и другие наши православные братья — русские, греки, румыны, македонцы, болгары, армяне», — отмечалось в документе (103). В августе 1994 г. Скупщина РС, на которой присутствовал председатель Скупщины РСК Бранко Войница, направила парламентам Сербии и Черногории письма с предложением об объединении уже от имени двух сербских земель.

Но Югославия вопрос об объединении сербских земель не рассматривала. Более того, в августе 1994 г. под давлением мирового сообщества она ввела санкции против РС в ответ на отказ принять план Контактной группы. На границах появились международные наблюдатели, и границы фактически стали межгосударственными с полным контролем товаров, капитала и паспортов. Республика Сербская подверглась тотальному эмбарго со стороны своего основного покровителя и союзника. Прекратились поставки продовольствия, топлива, товаров широкого потребления, оружия. Министр иностранных дел РС Алекса Буха в разговоре со мной (20 сентября 1994 г.) как-то упомянул, что, по его мнению, самое трудное для РС из тех мер, которые предпринял Милошевич, — блокада телефона и денежного обращения. В армии, правда, связи не были нарушены полностью. В военных госпиталях на территории СРЮ, как и прежде, доставлялись раненные из РС. Среди военных формировались «патриотические ячейки», поддерживающие РС, продолжались и личные контакты (112, с.15).

5. Западная Босния — печальный урок мира

Борьба Ф.Абдича против А.Изетбеговича, начавшаяся еще в 1991 г. как несогласие с его методами деятельности в партии (ПДД), переросла постепенно в столкновение концепций будущего развития Боснии и Герцеговины. Ф.Абдич выступал за мир в БиГ, за сотрудничество всех партий и народов. Его же обвиняли в борьбе против ислама, в предательстве идеалов мусульманского народа. Любую критику в свой адрес или ад-

рес деятельности партии А.Иzetбегович воспринимал как измену мусульманскому народу. Особенно остро противоречия этих политиков проявились в ноябре 1991 г. на конгрессе ПДД, где Ф.Абдич подверг серьезной критике все подготовленные А.Иzetбеговичем материалы, включая и его доклад. Он выходил на трибуну 12 раз, стремясь переломить националистический тон съезда, утвердить демократические методы организации партии (185, 22 юл., с.17).

К осени 1993 г. в мусульманском руководстве обозначилась сильная сепаратистская линия, носителем которой выступал Фикрет Абдич, входивший в Президиум БиГ. Этот умеренный политик и весьма успешный бизнесмен, пользовавшийся большой поддержкой населения, задумал создать на западе Боснии мусульманскую автономную область, которая бы могла заключить соглашение о мире и с сербами, и с хорватами. Свой протест против отказа А.Иzetбеговича подписать мирный план Оуэна-Столтенберга он выразил весьма своеобразным способом — создал автономную область и доказал на деле возможность мирного сосуществования всех народов на территории Боснии и Герцеговины.

В Цазинской Краине, области на крайнем Северо-Западе БиГ, скопилось более 300 тыс. мусульман и хорватов, беженцев и жителей этой области. Автономный край Западная Босния (ЗБ) был провозглашен 27 сентября 1993 г. после референдума, на котором 75% жителей Цазинской Краины высказались за автономию в рамках БиГ. Президентом этой области стал Фикрет Абдич. В Декларации, принятой по этому поводу, отмечалось, что Автономный край признает создание Федерации Боснии и Герцеговины и хочет стать одним из кантонов федерации (кантон Западная Босния), обладающим специальным статусом. Ф.Абдич предлагал заключить специальное соглашение с федерацией о едином экономическом пространстве и «социальной инфраструктуре», о совместном представительстве в органах власти, о взаимной корректной информации в СМИ (151).

В октябре 1993 г. он подписал договор о сотрудничестве с сербами и хорватами, но с А.Иzetбеговичем отношения не складывались. Все правительственные средства массовой информации писали крайне негативно об Абдиче и его сепаратизме.

26 июля 1994 г. была провозглашена Республика Западная Босния (РЗБ) со столицей в городе Велика-Кладуша, который удалось уберечь от военных действий. В этот день Ф.Абдич заявил, что Западная Босния — это «победа мира над войной, стабильности в этом регионе, стремления к мирной жизни и сосуществованию с соседями» (62, с.3).

Ф.Абдич сумел наладить торговлю со всеми субъектами региона, избежать военных столкновений и дать своим сторонникам надежду на мир. Ежедневный торговый оборот в районе разграничения, по некоторым данным, составлял 30 тыс. марок (261). В автономии выходила своя газета, функционировали органы власти. Между РЗБ и Хорватией существовал договор о торговле, и через Хорватию мусульманам-автономистам поступало оружие и продовольствие, гуманитарная помощь. Однако трудности в экономике существовали серьезные. Они были связаны прежде всего с тем, что в Западную Боснию не поступали платежные средства из БиГ. Когда же Ф.Абдич решил использовать в качестве валюты немецкую марку, то сразу был обвинен в измене Родине, «поскольку не признает деньги Боснии и Герцеговины» (185, 22 юл., с.17). Кроме того, небольшое по численности население РЗБ не позволяло создать сильную армию, которая могла бы отстоять автономию. А необходимость такая существовала — подавление се-

ипатризма Ф.Абдича было одной из приоритетных задач мусульманского правительства. С этой целью на границе с автономией был размещен один из самых сильных корпусов мусульманской армии, которым командовали сначала капитан Рамиз Дрекович, а затем полковник/генерал Атиф Дудакович. Численность Пятого корпуса составляла 15 тыс. бойцов.

Правительственные войска пытались военным путем ликвидировать РЗБ, начиная с октября 1993 г. Они получили приказ силой подавить «предательство и сепаратизм» Ф.Абдича. Им противостояла только легковооруженная полиция. Позже была создана «Народная оборона Автономного края Западная Босния». Столкновения между войсками Ф.Абдича и Пятым корпусом Армии БиГ были постоянными, но значительно не меняли линию обороны. После Вашингтонского договора о мусульманско-хорватской федерации разорвались все связи между Кладушей и Загребом. Ф.Туджману было выгодно использовать силы Пятого корпуса против РСК. Поэтому 30 июня он принял решение прервать отношения с Ф.Абдичем и его автономией. Теперь Абдич мог ждать помощь только от РСК и РС. Хотя сербы в Боснии и Краине осознавали выгоду для себя существования мусульманской автономии (вносит раскол в правительственные силы, показывает Западу возможность сотрудничества сербов и мусульман, оттягивает на себя военные силы мусульман), Армия РСК, по сообщениям наблюдателей СООНО, до 15 июня не оказывала активной поддержки Западной Боснии. Защитники РЗБ имели на вооружении три танка, девять пушек и несколько минометов. Их поддерживали артиллерийским огнем краинские сербы вдоль южной линии противостояния. Крестьяне обороняли свои села и были самыми упорными защитниками.

С 10 июня 1994 г. наступления и контр наступления сторон сменяли друг друга. Появились первые беженцы, которые искали прибежища у миротворцев. Я.Аканин держал этот вопрос под личным контролем, намереваясь в июле посетить сектор «Юг» и обсудить вопросы размещения беженцев (262). В результате наступления правительственных войск линия фронта переместилась на несколько километров в сторону города Велика-Кладуша. В Бихаче, который формально находился под юрисдикцией Сараева, столкнулись сторонники политики Ф.Абдича и проправительственные структуры.

Уже 22 июля президенты Хорватии и Боснии и Герцеговины подписали так называемую Силитскую декларацию, согласно которой хорватское правительство обязалось оказать боснийским правительственным силам военную помощь в Бихачском анклав. Однако Ф.Абдич обещал поднять весь народ РЗБ, организовав «всенародный фронт отпора» против агрессии. Таким образом, правительственные войска БиГ он расценивал как агрессивную силу.

В начале августа была сделана попытка посадить воюющие стороны за стол переговоров, но она оказалась неуспешной. Ф.Абдич несколько раз обращался в международные организации и штаб СООНО с просьбой защитить Западную Боснию как пример мира и добрососедства. Но руководители «голубых касок» заявляли, что считают конфликт внутренним делом суверенного государства и дальнейших предложений о переговорах в деле урегулирования не продвигались. На самом деле «миротворцы» активно поддерживали войска А.Изетбеговича — они ограничили доступ гуманитарной помощи или любых других грузов в Западную Боснию, а Пятый корпус снабжали оружием и продовольствием, сбрасывая грузы с ооновских самолетов. По этому поводу Ф.Абдич направил «Протест» СООНО 11 августа 1994 г. (151). К середине августа Ф.Абдич потерял уже четвертую часть удерживаемой территории. Ситуация была крайне на-

пряженной. На оставшейся территории сконцентрировалось около 100 тыс. человек, что составляло более половины жителей Цазинской Краины. Беженцы говорили, что они бегут от ножей сторонников А.Изетбеговича, которые не имеют пощады даже к своим единоверцам. В середине августа Ф.Абдич выступил с предложением об установлении международного протектората над Западной Боснией, но вопрос так и не был рассмотрен.

Мусульманское правительство выдвинуло Ф.Абдичу ультиматум сдаться, чтобы избежать многочисленных жертв, но он все-таки надеялся продолжить переговоры. Уже утром 21 августа правительственные войска ворвались в Велика-Кладушу, а к середине дня контролировали весь город.

Таким образом, РЗБ прекратила свое существование 21 августа 1994 г. Беженцы, а их насчитывалось более 50 тыс., двинулись в сторону сектора «Север», но Хорватия отказалась их принимать. Временно они были размещены в лагерях на линии разделения между сербскими и хорватскими силами на территории размещения польского батальона. Ф.Абдич не оставил своих сторонников и вместе с семьей находился среди беженцев, но потом уехал в РСК. Хорватское правительство не пустило в Республику даже жену Ф.Абдича. В сентябре беженцев-мусульман из Западной Боснии приняла РСК, хотя сама находилась в тяжелом гуманитарном положении.

Западные газеты не испытывали симпатий по отношению к Ф.Абдичу и описывали всю ситуацию как частное дело одного бизнесмена, перевергыша из коммунистической Югославии. Поражение сторонников Ф.Абдича было охарактеризовано как самая значительная победа боснийской армии за последние 28 месяцев.

Ф.Абдич попытался в ноябре, собрав своих сторонников, снова отвоевать земли своей Республики. Газеты писали о поддержке его войск сербами из Боснии и Хорватии. Военное командование РС и РСК готовилось прийти Западной Боснии на помощь, ударив с двух сторон. Однако помощь сербов отрядам Ф.Абдича осуждалась мировым сообществом и могла быть наказана со стороны НАТО. СООНО настаивали на прекращении огня и демилитаризации района Бихача. 19 ноября 1994 г. Ф.Туджман направил письмо в Совет Безопасности, в котором обвинил сербов в нападении на Хорватию из БиГ. Руководство СООНО остро осудило сербов и наказало 21 ноября воздушными бомбардировками аэродрома Удбина силами 39 бомбардировщиков. Бил Клинтон охарактеризовал эти авиаудары как «хороший шаг в нужном направлении» (263, с.228). В ответ на воздушные налеты сербы начали штурм Бихача. К 23 ноября боснийские сербы освободили почти все захваченные Пятым корпусом территории и вплотную подошли к Бихачу. Сербы установили контроль над господствующими высотами около Бихача, нанесли серьезное поражение Пятому корпусу правительственной армии, ослабив ситуацию на западе Боснии, и планировали полностью освободить Цазинскую Краину от правительственных мусульманских войск. А отряды самообороны РЗБ вели в это время бои за Велика-Кладушу. В тот же день по требованию СООНО авиация НАТО вновь осуществила два налета на сербские позиции в районе Бихача. 24 ноября при посредничестве командующего войсками СООНО Майкла Роуза представители РС и БиГ достигли договоренности о перемирии.

Между тем, изменения военно-стратегической обстановки на всех боснийских фронтах, нанесение сербам ряда чувствительных ударов на важных участках военно-противостояния не позволили этому плану осуществиться.

6. Начало войны

Военные аспекты кризиса занимали одно из центральных мест в средствах массовой информации. Публиковались разные данные о военном потенциале сторон. Белградская газета «Борба» в 1994 г. опубликовала следующие данные.

Военный потенциал вооруженных сил на территории бывшей Югославии в 1994 г. (50)

	Военные	Танки	Артиллерия	Самолеты	Вертолеты
Мусульмане в БиГ	110	40	400	-	-
Хорваты в БиГ	50	75	200	-	-
Хорваты	110	170	900	20 (вместе с вертолетами)	
Сербы в БиГ	80	330	800	40	30
Сербы в Краине	50	240	500	12	6
СРЮ	125	600	1500	200	100

Согласно другим данным¹, к октябрю 1993 г. республики бывшей Югославии имели следующую структуру вооруженных сил:

	Словения	Хорватия	Босния и Герцеговина			АРСК	СРЮ	Македония	Всего
			ХВО	Армия БиГ	АРС				
Военные	15 000	105 000	50 000	50 000**	100 000***	40 000	135 000	10 000	275 000****
Резерв	85 000	100 000	80 000	100 000	-	-	400 000	80 000	400 000
Танки	120	270	50	10	300	180	1000		1,48
Бронетр.	20	360	30-40	20	180	100	952		1,232
Самоходн. орудия	-*	-	20-30	-	20	-	-		-
Орудия крупного калибра	-	150	100	50	480	235	1364		2,079
Минометы	-	-	200	-	1200	-	-		-
Взрывчатка, тонн	-	-	-	-	80 000	-	170 000		250 000

* Нет данных.

** Планируется усиление армии до 110 тыс. чел. Самопровозглашенная Западная Босния — 10000 пооруженных бойцов.

*** Эта цифра включает 33 тыс. профессиональной армии, 63 тыс. сил территориальной обороны и 4 тыс. добровольцев из Сербии. Сараево окружено 8 тыс. военных.

**** Не включены 10 тыс. из военизированных нерегулярных отрядов и 70 тыс. регулярной полиции.

Рассмотрим более подробно создание и вооружение армий всех трех национальных образований.

¹ Одня из неофициальных материалов СООНО.

Официальное создание Армии БиГ (АБиГ) относится к 14 мая 1992 г. А.Изетбегович становится главнокомандующим. В то время Главный штаб возглавлял полковник Сефер Халилович, бывший майор бывшей ЮНА, а его заместителями были хорват Стиепан Шибер и серб Йован Дивьяк. С.Халилович оставил ЮНА в августе 1991 г. и присоединился к «Патриотической лиге», тогда еще тайной организации. После С.Халиловича Главный штаб возглавлял Расим Делич, также бывший офицер ЮНА.

20 июня 1992 г. Президиум БиГ провозгласил военное положение, всеобщую мобилизацию вследствие «агрессии на БиГ ЮНА, Сербии, Черногории и экстремистской Сербской демократической партии» (80, с.84). В.Койович писал в своем дневнике, что власть проводила мобилизацию, используя недозволенные меры: людей хватали на улицах, арестовывали, применяли силу, а сопротивлявшихся мобилизации расстреливали (267, с.50). Полиция устраивала облавы и уводила людей копать рвы. «Многие не давали о себе знать и по десять дней, а некоторые не вернутся никогда» (267, с.57). Это было начало создания армии. В середине же 1993 г., по данным «Политики», 80-тысячная мусульманская армия состояла из пяти корпусов, в каждом из которых — по четыре-пять бригад (многие из них по численности скорее папоминали батальоны). Бригады отвечали за территории, на которых были сформированы. Главный штаб АБиГ находился в Сараеве и имел семь территориальных штабов — в Сараеве, Горажде, Зенице, Мостаре, Тузле, Бихаче, Ливне. По оценкам специалистов, тогда мусульманская армия еще не имела «ни такого качества организации как Армия Республики Сербской, ни такого количества тяжелого вооружения, но религиозный фанатизм, помощь из-за рубежа деньгами и оружием, моджахедами, а также численность населения все больше уравнивают силы сторон» (113).

О мусульманской армии писали не так уж много. По сообщениям репортера «Дейли Телеграф» Р.Фокса, в мусульманском городе Фойница вся власть принадлежала «Ханджар дивизию», которая открыто похвалялась нацистскими традициями дивизии, созданной в 1943 г., и имела поддержку самых экстремистски настроенных членов руководства БиГ — Э.Ганича и Х.Силайджича и нового командующего Э.Хаджихасановича. Она состояла из 6 тыс. человек, главным образом, албанцев из Косова, Санджака или Албании. По мнению репортера, это очень плохой знак, так как может означать распространение войны на эти области. Обучали мусульманских солдат моджахеда из Афганистана и Пакистана, воспитывая солдат как хладнокровных убийц, готовя их к продолжительной войне (5, с.2).

У мусульман существовал и специальный отряд «Дельта» в составе 270 человек, главным образом, албанцев из Санджака. Он имел задачу уничтожать противников А.Изетбеговича (9, с.5). Согласно французскому журналу «Фигаро», из молодых солдат, сражающихся «за могущество ислама», была сформирована Седьмая мусульманская бригада. «Это рвущиеся в бой люди без всякой жалости и урызванной совести, одним словом, настоящие «бандиты», использующие грабежи, террор и этнические чистки (13, с.5).

Точных данных о численности АБиГ не было. По данным французских источников, в конце 1993–1994 гг. мусульманская армия насчитывала 200 тыс. воинов (59, с.2). Правительственные газеты писали о мусульманском войске численностью 120 тыс. человек. А.Изетбегович утверждал, что его войска насчитывают 200 тыс. человек, а Международный институт стратегических исследований (Лондон) приводил цифру 65 тыс. человек (40). По данным СООНО, численность правительственных войск составляла около 55 тыс.

К 1994 г. АБиГ провела организационные преобразования и стала профессионально организованной и хорошо обученной армией. Благодаря поддержке США, мусульманская армия получила даже новую униформу (59, с.2).

По одним данным, боснийские войска имели два сверхлегких самолета, используемые для ведения воздушной разведки, 85 танков, около 300 тяжелых артиллерийских орудий разного калибра. В 1993 г. правительство приобрело шесть транспортных самолетов МИ-8С российского производства и даже новинку российской технологии — противовоздушную ракету СА-16 «Игла». Много оружия поступало из мусульманских стран, хотя тяжелого вооружения по-прежнему не хватало (39, с.34–35). Согласно другим источникам, у боснийской армии было около 20 танков Т-55, около 30 БТР, несколько тяжелых орудий, но никогда не было реактивных установок (40). Правительство в ходе упорных боев установило контроль над рядом городов Центральной Боснии и вернуло себе ряд военных заводов. В Зенице заработал сталелитейный завод по производству 105-мм пушек, в Ябланице производились боеприпасы для ручных пулеметов, в Витезе — взрывчатые вещества (13, с.4).

В войне в БиГ солидарность с братьями по вере проявили многие исламские страны. На мусульманской стороне, как утверждалось в печати, сражались свыше 2 тыс. профессиональных военных из Малайзии, Пакистана, Алжира, Ливии и других стран (193). Некоторые писали, что численность иностранцев в армии БиГ достигала 20 тыс. человек (52). По подсчетам СООНО, число наемников составляло 20% численного состава правительственной армии (195). Эти данные подтверждал и Ф.Абдич. Фундаменталисты под знаменем ислама осуществляли террор среди населения и наносили огромный ущерб репутации боснийских мусульман. Как считает Ф.Абдич, наемники вместе с экстремистами из Санджака «стремятся уничтожить мусульманскую традицию в Боснии». «Религия, которой они придерживаются, никогда не была характерна для мусульман в Боснии». Он сообщил, что около 12 000 мусульман хотят покинуть Зеницу, находящуюся под контролем А.Изетбеговича, из-за террора моджахедов (1, с.3). По сообщениям болгарской газеты «Дума», среди мусульман плечом к плечу борются около 1 тыс. турецких добровольцев (30, с.3). Свой след в Боснии и Герцеговине оставила и террористическая организация «Вооруженное исламское движение» (АИМ), которая руководствуется идеологией панисламской солидарности. Она имела сеть разведывательных и террористических резидентур на Балканах. В Тегеране располагался региональный центр АИМ для подготовки боевиков и оснащения операций на территории Боснии и Герцеговины. В мае 1995 г., прибывший из Турции батальон моджахедов, был включен в Третий корпус правительственной армии (194, с.28—29). Среди наемников были и «солдаты удачи» из Соединенного Королевства, Германии, Италии и даже Японии (195).

Моджахеды отличались особой жестокостью: они осуществляли чистку территории от сербов и хорватов, убивали свою жертву не пудей, а ножом, медленно, при этом обязательно отрезали голову. Они наводили страх на население тем, что сажали людей на кол, зажавивали на вертеле. Они совершали террористические и диверсионные акции, участвовали в обучении военных кадров, активно занимались поставкой оружия в БиГ.

Хорватское вече обороны в Боснии и Герцеговине насчитывало около 50 тыс. бойцов, располагало большим количеством оружия, в том числе и 50 танками. В средствах массовой информации часто говорилось о том, что на территории Боснии и

Герцеговины воевали части из Хорватии численностью до 50 тыс. человек. Согласно оперативным данным СООНО, в 1994 г. численность хорватских войск составляла около 60 тыс. человек. Военные источники Кинна сообщали, что в БИГ воюют четыре гвардейские бригады РХ: Первая загребская, Четвертая и Девятая гвардейская сплитские, Пятая Винковцевская. Кроме того, в БИГ находились и резервные соединения — 114-я сплитская бригада, 123-я славонско-пожегская, 128-я риекская, а также части 101-й, 102-й загребских и 112-й задарской бригад в рамках одного батальона (31, с.1). Командующим хорватских войск в БИГ с 1994 г. был Анте Росо (40).

В Хорватии, как и в Боснии, американские военные инструкторы помогали обучать солдат и создавать профессиональную армию. Одна частная ассоциация из Вирджинии «Милитари профешнл ресос» трудоустроила по лицензии Пентагона и Хорватского министерства обороны 20 американских резервных офицеров в Загребе. Они обучали инструкторов для военных школ в Хорватии, консультировали Мирослава Туджмана, шефа разведывательной службы Хорватии (59, с.2).

Поставка вооружения мусульманам и хорватам шла несколькими путями: 1) через хорватские порты и далее по территории Хорватии и Герцег-Боснии, 2) воздушным путем, используя самолеты НАТО, 3) наземным путем с гуманитарными конвоями, 4) из Албании через Косово. Главными поставщиками оружия были Иран и Саудовская Аравия. Не забудем, что в руках мусульман были фабрики оружия в Сарасве, Зеннице и Горажде, которые работали всю войну.

Д.Оуэн пишет в своей книге, что эмбарго на поставку оружия, введенное 25 сентября 1991 г. Резолюцией № 747, внешне соблюдалось для БИГ, но никогда для Хорватии. Западные страны, а особенно США, закрывали глаза на то, что Хорватия получала оружие через Словению и Венгрию, воздушным и морским путем. В свою очередь она соглашалась получать оружие и для мусульман в Боснии, но брала из каждой партии себе до 50%, а иногда и больше, требовала и денежного возмещения. Отрезанная от всего мира, Босния и Герцеговина соглашалась на это (150, с.71).

Оружие в Хорватию и Боснию и Герцеговину шло без остановки все годы кризиса. Только в 1993 г. мусульманские страны поставили правительству БИГ оружия на 15 млн. долл. (52). «Вашингтон пост» сообщала, что Саудовская Аравия поставила оружие в БИГ на 300 млн. долл., согласно существующему тайному договору о сотрудничестве между Саудовской Аравией и БИГ, подписанному еще при президенте Буше (68). С апреля 1992 по апрель 1994 г. Хорватия приобрела вооружения на сумму 600 млн. долл. (54).

О поставках оружия из Австрии, Германии, Венгрии, Швейцарии и других стран сообщало в ООН в июле 1992 г. югославское правительство (187). В российской печати прошла информация, что Рабочая группа республиканской партии США подготовила доклад о контрабандных каналах торговли «атомным товаром» (оборудование, оружие, сырье, отходы) в Европе. В этой контрабандной цепи заметную роль играла Хорватия, через которую поступало оружие на Балканы (188). Ни для кого не было секретом, что мусульман продолжали вооружать, несмотря на международные постановления. Со ссылкой на «Обсервер», писалось о признании посла США в Хорватии Питера Гелбрайта о том, как он в обход международного эмбарго давал «зеленый свет» контрабандным поставкам оружия из Ирана и других стран босний-

ской армии. Как подчеркивал посол, он это делал не по собственной воле, а «в порядке реализации политики президента Соединенных Штатов» (189). Неоднократно нарушала эмбарго на торговлю оружием Словения. Напомним и о скандале, связанном с обнаружением таможенниками в аэропорту Марибора (Словения) 120 т оружия, спрятанного в контейнерах, маркированных как гуманитарная помощь Боснии. Груз из Судана был доставлен в конце лета 1992 г. на российском самолете, зафрахтованном польско-украинской фирмой (190, с.18). В Загребе 4 сентября 1992 г. был задержан иранский самолет, который вместо декларированной гуманитарной помощи имел на борту большое количество оружия. Как пишет в своих воспоминаниях лорд Оуэн, это был не первый и не последний иранский самолет с оружием на борту, который приземлился в Загребе. Хорватам хорошо платили за использование этого канала поставок вооружения — или деньгами боснийского правительства или 50% доставляемого оружия. Не имея порта и аэродрома, мусульмане во многом зависели от хорватов. Поэтому когда речь шла о снятии эмбарго на поставки оружия мусульманам, одновременно подразумевалась и Хорватия. Сама Хорватия вооружалась через Венгрию и Словению. Как полагает лорд Оуэн, Запад сквозь пальцы смотрел на вооружение Хорватии (66, № 2345, с.50).

Часто оружие доставлялось до места в грузовиках с гуманитарной помощью (191). Поставки оружия особенно активны были летом 1994 г., о чем сообщалось и службам ООН на территории Хорватия и БиГ (192). В 1994 г. поступила новинка российской технологии — противовоздушная ракета СА-16 «Игла». Мусульмане и хорваты в БиГ имели старые модели противотанковых систем АТ-3 русского производства. Затем они в большом количестве стали приобретать китайские системы «Red Arrow-8» (Красная стрела-8). Мусульманские и хорватские формирования, сконцентрированные на Посавинском направлении, были полностью оснащены этими установками (43). Летом 1994 г. в БиГ был сбит зафрахтованный Загребом украинский самолет, перевозивший оружие Пятому мусульманскому корпусу в район Бихача.

В 1995 г. поставки вооружения в БиГ становятся все более открытыми. Самолеты НАТО использовали тузлинский аэродром, т.е. зону, запрещенную для полетов, для доставки оружия мусульманам. Им поставлялись ракеты «земля-воздух», противотанковые установки последнего поколения. 6 марта того года министр иностранных дел в правительстве А.Изетбеговича Ирфан Люблиякич заявил, что их армии сегодня не достает только артиллерии (53). В августе 1995 г. Турция и БиГ заключили военное соглашение, которое предполагало сотрудничество по военным вопросам в области технологии, подготовку военных кадров, совместные научные исследования.

Армия Республики Сербской, насчитывавшая в 1994 г. 80 тыс. бойцов, была хорошо вооружена — имела 330 танков, более 400 бронетранспортеров и 800 артиллерийских орудий и минометов (40). Генерал Р.Младич вспоминал о днях формирования армии: «Мы сразу шли на формирование Главного штаба сербской армии. Мне было сразу ясно, что здесь произойдет великое историческое событие. Уже тогда из некоторых непроверенных источников я узнал, что принято решение о выводе ЮНА с территории Боснии и Герцеговины. Это страшно потрясло меня. Я не мог поверить, что народ будет брошен в беде без оружия. Трагичные и убийственные для судьбы народа события тогда перегоняли друг друга.

Как только последовало решение о том, что до 19 мая 1992 г. ЮНА уходит с территории Боснии и Герцеговины, была организована встреча на высшем военно-политическом уровне, где мы приняли решение о формировании сербской армии и Главного штаба. Все это происходило на заседании скупщины в Бая-Луке 11 и 12 мая. Я приехал в Бая-Луку и там встретился с президентом, доктором Радованом Караджичем и депутатами. Они мне сообщили о принятом решении назначить меня командующим. Вскоре последовал экспрессный вывод ЮНА. Впереди была продолжительная и изматывающая битва. Требовалось максимальное психическое и физическое напряжение по отводу военных школ из Сараева, по освобождению гарнизонов по всей Боснии и Герцеговине, по спасению гражданского населения. Предстояло начать и отладить работу Главного штаба Республики Сербской. Нас ждали жестокие битвы...» (314, с. 219). По его словам, большие трудности были связаны с вооружением армии, так как 4/5 всех заводов по выпуску вооружения находились вне сербской территории. «В Боснии почти все важнейшие производства попали в лапы мусульман. В бывшей Югославии большинство новых военных заводов находилось в руках Хорватии и Словении» (314, с. 223).

Один из офицеров сербской армии писал позже, что весной 1992 г. оценки сербского руководства сроков и интенсивности боевых действий были ошибочными. Так, многие полагали, что ЮНА будет выходить из Боснии достаточно длительный срок, около двух лет, по примеру вывода российских войск из Германии, поэтому поддержка ЮНА позволит сербскому народу достичь свои политические и национальные цели. Все рассчитывали на краткосрочную войну. Но армия не была готова к гражданской войне со всеми ее особенностями, поскольку вся предшествующая система территориальной обороны разрабатывала варианты обороны от нападения сил или Варшавского договора, или НАТО. Поэтому, особенно на первых порах, профессионализм уступил место импровизации, военная дисциплина — анархии, а достижение военных целей зависело от находчивости командиров (322, с. 54). Кроме того, с самого начала сербскую армию в БиГ ослабляло наличие двух концепций руководства армией. Одну отстаивал генерал Р.Младич. Он пытался создать войско по всем правилам военного искусства на основе доктрин ЮНА — высокопрофессиональное, дисциплинированное, где командиру, имеющему военное образование, отводится важное место. Другую концепцию осуществляло политическое руководство РС, отдавая предпочтение верным членам партии СДП и доверяя больше «местным воеводам», чем профессиональным военным (322, с. 56). Столкновение этих двух концепций ощущалось всеми офицерами и солдатами и отражалось, в конечном итоге, на результатах политической и военной деятельности.

На стороне сербов воевали русские добровольцы, но их количество было незначительным, по некоторым данным, оно не превышало 200 человек. Один из них, 40-летний Юрий Хамкин, описал свое участие в сражениях в Герцеговине и в Сараеве в 1992–1993 гг. в книге «Поезжай и умри за Сербию! (Заметки добровольца)» (318). Среди добровольцев были и румыны, а также один японец. Добровольцами были и некоторые бывшие военные из югославской армии из Черногории и Сербии, выразившие желание воевать в Боснии и Герцеговине (317).

АРС до августа 1994 г. многими невидимыми нитями была связана с армией СРЮ, но затем полный разрыв отношений ослабил сербов в Боснии.

В Сараеве (Грбавица) об особенностях APC я разговаривала с полковником Марко Лугани 21 сентября 1994 г. Говорит коротко, по-армейски четко.

«1. Если сравнить армии РС и БиГ. Мусульмане преобладают численно, сербы лучше вооружены. Но когда тяжелое вооружение находится под контролем, то большую роль начинает играть численность войск.

2. Реформа в армии. Армия РС не достроена, в смысле создания мобильных подразделений, которые можно легко перебрасывать с места на место. Сейчас еще многие подразделения защищают свои села и сильно привязаны к месту.

3. Армия Югославии поддерживает РС, в случае войны будет на ее стороне...».

Несмотря на значительные военные успехи в 1992–1994 гг., сербская армия больше походила на добровольческие отряды, которые формировались по территориальному принципу и воевали недалеко от своих сел. Солдаты возвращались из окопов в родные дома, помогали по хозяйству и снова уходили воевать. Генерал Р.Младич говорил, что его войнами являются все мужчины Республики Сербской — без разницы, носят ли они оружие или униформу. Американский публицист Арнольд Шерман писал в 1993 г.: « Мужчины делят время между обычной работой и солдатским ремеслом. В случае необходимости они мгновенно появляются с оружием там, где возникла опасность. Они знают, кто может возвращаться домой, а кто останется на боевых позициях, когда стихнет первоначальная тревога. В мирной жизни они обычные соседи и друзья, на войне — товарищи по оружию. Это армия граждан, которые не нуждаются в инъекциях патриотизма. Они в дословном смысле ведут борьбу за свои дома, за свое имущество, за свои семьи, за свою жизнь ...» (314, с.221).

Только к концу 1994 г. во время боев с Пятым корпусом Армии БиГ около Бихача появляется «маневренное войско», не привязанное к определенной территории. По мысли сербских командиров, осуществилась основная цель руководства сербской армией: она стала профессиональной (114).

Из воспоминаний Александра Мухарева, командира отряда русских добровольцев в РС в 1992–1993 гг. В 1995 г. он записал: «За те два года, что меня здесь не было, сербы научились воевать. Артиллерия — не как раньше — ведет прицельный огонь... Сербы теперь знают, как обезвреживать минные поля, как уничтожать снайперов. Они создали армию из крестьян, которые два года назад воевать не могли и не желали. Сейчас сербы ходят на войну, как па работу, и самое скверное в этом, что они теряют чувство самосохранения» (102).

Каждая сторона в БиГ имела свою мотивацию войны. По словам Сплайджича, в Боснии речь шла о борьбе против агрессии. «Наше сопротивление не может характеризоваться как наступление», — говорил он (45). Генерал Р.Младич охарактеризовал эту войну для сербов как «гражданскую, национально-освободительную» с очень понятными для каждого серба задачами: «защита сербской территории и народа, который столетиями на ней живет» (214, с.16; 314, с.232). Профессор С.Стоянович из Белграда охарактеризовал суть происходившего в БиГ как «братоубийственную войну в буквальном смысле этого слова» (313, с.75).

Рассмотрим цели, которые ставили перед собой вступившие в войну народы Боснии и Герцеговины. Для мусульман целью — максимум было создание унитарного мусульманского государства, целью — минимум (в случае разделения Боснии и Герцеговины) — максимальное расширение территории, которая включала бы в себя обязательно районы вокруг Сараева, а также анклав Горажде, Жепы и Сребреницы. Генерал

Расим Делич главными стратегическими целями считал предотвращение оккупации БиГ и сохранение ее государственно-правовой независимости, защиту народа от физического уничтожения (216).

Цели сербов заключались в следующем: 1) выделить и держать под контролем определенную территорию с преимущественно сербским населением; 2) не вступать в федеративные отношения с мусульманами, создать собственное государство; 3) не дать мусульманам выйти на правый берег Дрины и подойти к границе СРЮ, пересечь их путь к Санджаку; 4) заключив перемирие по всему фронту, закрепить за собой всю территорию РС.

Цели хорватов определил один из хорватских генералов: «Как хорват... знаю, что наше наступление остановлено там, где заканчиваются наши интересы, что и является целью нашей борьбы. Другое нас вообще ничего не интересует. При всем том следует иметь в виду, что мы всегда защищали, защищаем и будем защищать хорватский интерес и интерес каждого хорвата. И это цель нашей борьбы. С самого начала» (223, с.5).

Военная тактика вырабатывалась армиями в процессе боев и имела ряд особенностей. Так, сербы могли рассчитывать только на себя, поэтому максимально использовали натиск и напор. Командующий неоднократно заявлял, что его военной тактикой являются нападение и наступление. «Допускаю отступление, но только когда оно необходимо. У меня наступательный характер, что отвечает настроению всей армии боснийских сербов» (314, с.232). Из-за немногочисленности войска сербы использовали, условно говоря, метод пантажа — наказание нанесением удара или его угрозой, и не обязательно в этом же месте.

Мусульманские лидеры, ощущая слабость и плохую организованность своих войск, пытались опереться на международные силы, широко использовали тактику привлечения внимания мировой общественности завышенными цифрами жертв, ложными сведениями о бесчинствах сербов. Они часто провоцировали сербов на ответный огонь, сваливали на них вину за нарушение договоров о прекращении огня.

В 1992 г. военными средствами началось разграничение, которого не сумели достичь путем переговоров, фактический раздел территории между тремя народами. В одном из докладов Б.Бутрос-Гали удивительно точно подмечена ситуация в БиГ: «Для населения в Боснии и Герцеговине с точки зрения мест проживания характерна исключительно высокая степень перемешанности. Поэтому на базе этнических или конфессиональных критериев не представляется реальным создать три территориально обособленных государства. Любой план создания таких государств неизбежно приводил бы к тому, что на территории каждого из них проживало бы очень большое число лиц, принадлежащих к другим этническим/конфессиональным группам, либо к тому, что они состояли бы из определенного количества отдельных анклавов каждой этнической/конфессиональной группы. При таком плане обеспечить однородность и обоснованную конфигурацию границ можно было лишь за счет насильственного перемещения населения» (130, с.13). Этнические чистки, проходившие на всех территориях многократно были осуждены международными организациями.

Уже к маю 1992 г. военные действия развернулись во многих районах Боснии и Герцеговины. Ситуация осложнялась тем, что в военных действиях принимали участие три стороны. Основная цель военных действий, по мнению наблюдателей ООН, зак-

лючалась в создании этнически чистых районов «в контексте переговоров о «кантонизации» Республики» (128,с.3). Обвинялась в основном сербская сторона, которая использовала, как отмечал Б.Бутрос-Гали, «такие методы, как захват территории с применением военной силы и запугивание несербского населения» (128,с.3). Однако при рассмотрении военных действий на территории БиГ Б.Бутрос-Гали говорил о столкновении всех трех сторон. При этом Генеральный секретарь ООН выражал опасение, что сербы и хорваты поделят БиГ между собой, и мусульманам отойдет лишь незначительная часть территории.

Р.Младич вспоминал, что в первые месяцы войны в БиГ ежедневно гибли 200–300 человек (308,с.65). Р.Младич: «В марте 1992 г. хорваты начали войну и террор против гражданского сербского населения от плато Купрес до Добоя. Они начали проводить политику геноцида против сербов в Модриче и Дервенте, в долине реки Неретва вплоть до Мостара. В июне и июле мусульмане сожгли свыше 100 деревень на реке Дрина» (111,с.52). В Травнике вооруженные мусульмане обыскивали дома, заставляли сербов вступать в мусульманскую армию, арестовывали членов СДП, убивали людей, грабили дома (294,с.58,59). В апреле вооруженные банды устраивали засады на дорогах, обыскивали людей, наводили ужас на местное население. 6 мая были разрушены первые сербские населенные пункты в общине Сребреница, часть села Блечско в общине Братунац. Уже 9 мая, опасаясь резни, сербы бежали из Сребреницы и окрестных сел (299, приложение).

В начале мая 1992 г. продолжала ухудшаться обстановка в Сараеве. Б.Бутрос-Гали отмечал, что «город регулярно подвергается интенсивному артиллерийскому и снайперскому обстрелу по ночам и периодическому, зачастую несприцельному, артобстрелу в другое время суток со стороны дислоцирующихся на окрестных холмах сербских нерегулярных формирований, которые применяют минометную и легкую артиллерию... Мусульманские войска блокировали места расположения ЮНА в городе, включая военное училище, в котором находится 1300 курсантов, и военный госпиталь, и совершают регулярные нападения на сербский опорный пункт на окраине Илнджи, а также на другие объекты в городе... Активные военные действия ведутся и в других районах Республики, особенно в Мостаре и в долине реки Неретва (ЮНА против хорватских сил...); в Босанска-Крупне недалеко от района Бихач на северо-западе (сербь против мусульман); в окрестностях Босански-Брода на северо-востоке (сербь против хорватов); и в восточной части Боснии (сербь против мусульман...)» (128,с.3).

Сербский Владыко Атанасие сообщал, что после отхода ЮНА, ХВО при поддержке мусульманских сил, стремительно наступала в долине Неретвы, занимала и сжигала сербские деревни, уничтожала церкви, монастыри. Полностью разрушены монастыри Житомислич, Пребиловцы, православные церкви в Коничком крае, Мостаре, во всех православных селах по обим сторонам реки Неретвы (224). Уже в начале апреля сербы начали бежать из города Ливно, узнав о готовящихся расправах над сербским населением (294,с.87). Сербь из Зеницы вспоминали, какая нетерпима атмосфера была в городе и окрестностях еще до начала военных действий. Одна из жительниц Зеницы говорила, что каждое утро по радио объявляли, сколько малышей родилось в тот день в городе. Обычно это делалось следующим образом: «Родилось сегодня десять малышей -- шесть девочек и четыре мальчика, из которых два четника» (294,с.80). А в начале июня начали гореть сербские села в районе Зеницы.

«Сразу после начала войны мусульмане произвели нападения и опустошили около 100 сербских сел в районе Сребреницы и Братунаца. Результатом этих действий стали убитые сербы, сожженные дома и сербские беженцы. Только Красный Крест Сербии зарегистрировал 12 800 сербских беженцев из этого района, что составляло 45% от общего числа сербского населения. Все нападения на сербское население были хорошо подготовлены, проводились по плану, и при этом было задействовано большое число вооруженных людей. Смертельная опасность угрожала сербам и в самом городе Сребреница, откуда сербы бежали 9 мая 1992 г., два дня спустя после получения сообщений о массовом уничтожении сербов в селе Блечево (6 мая 1992 г.)»¹ (219, с.241).

Военное превосходство было на стороне сербов. Как пишет один американский журналист, к маю, ко времени вступления Р.Младича в должность командующего сербской армией в Боснии, «сербские босвики, пользуясь своим подавляющим военным превосходством, уже развернули широкую кампанию «этнических чисток», заставляя сотни тысяч мусульман бросить свои дома. Эта операция продолжалась в течение семи недель. Р.Младич получил полную власть над рассредоточенными отрядами босвиков всего год назад, но операции по проведению «этнических чисток» продолжались. Его роль в последовавших за этим событиях не совсем ясна» (111, с.52–53). Известный кинорежиссер Э.Кустирица в своих воспоминаниях упоминает этнические чистки, проводимые сербами в Фоче и Приедоре. За убийство 17 мусульман и трех хорватов в Приедоре в марте 1992 г. виновные были осуждены сербскими властями в Бая-Луке (231). Интересно то, что он упоминает встречу С.Милошевича и А.Изетбеговича в Сараеве еще в 1990 г., на которой они договорились о разделе Боснии и Герцеговины и создании этнически чистых территорий мирным путем в случае, если Югославия распадется (124, с.36). Первыми городами, из которых были изгнаны мусульмане, были Приедор, Сански-Мост и Которац (292, с.121).

4 мая началась война в районе Горажде. «Зеленые береты» начали обстрел сербских сел Површница, Попов-До и Гламоч. В Горажде, оставшемся под властью ПДД, создавалась нетерпимая обстановка для сербов. У них отнимали квартиры, их арестовывали, сгоняли в лагеря, расстреливали. «Чтобы оправдать свои поступки, — вспоминал один из жителей города, — военный президиум и общинный комитет ПДД распускали слухи, что мы здесь остались по заданию и что мы виноваты в начале войны. Расправа с нами началась, и нам не помогло даже то, что весь город знал, что речь идет о невинных мирных жителях, и что мы не имели никакого влияния на начало войны и на ухудшение отношений между партиями» (304, с.21). В городе были открыты три тюрьмы и пять лагерей для сербов. Большинство арестов пришлось на июнь и июль 1992 г. Было сожжено 1350 сербских домов и квартир. Из 41 села с преимущественно сербским населением, 40 были сожжены. Осталось только одно село Шашичи, в котором было всего 14 домов (304, с.30).

¹ Преступления со стороны мусульманских формирований совершались не только против сербов, но против мусульман в Сребренице. Об этом говорят свидетельства двух несовершеннолетних девушек-мусульманок, которые бежали из Сребреницы через минные поля на сербскую территорию. Эти девушки были беженками из сел Горави и Побудже, их разместили в Сребренице. Здесь они многократно подвергались оскорблениям и были изнасилованы мусульманскими солдатами, которыми командовал Насер Орич.

Боевые действия, откровенные запугивания и страх привели к массовому перемещению гражданского населения. Согласно оценкам ООН, к 8 мая 1992 г. «было перемещено по меньшей мере 520 000 человек (более 12% населения Республики), из которых примерно 360 000 человек нашли убежище в соседних республиках» (128, с.3).

Размещенный в районе Бая-Луки Первый краинский корпус одной из своих первых операций планировал соединить западные и восточные общины с большинством сербского населения. Между ними находился Посавинский коридор, где преимущественно жили хорваты. Эти области отделяла от Хорватии только река Сава. На юге они граничили с общинами с большинством мусульманского населения. На помощь сербам пришли отряды милиции М.Мартича и добровольцы из Республики Сербской Краины, отряды из других сербских общин Боснии и Герцеговины. Операция получила кодовое название «Коридор-92» и началась 20 июня. Сербские войска мотивировали свои боевые действия борьбой против фашизма, против усташства, за «выживание на прадедовских очагах» (306, с.125). В сербской армии на идеях антифашизма было даже сформировано самостоятельное мусульманское подразделение имени Мешы Селмонича из тех мусульман, которые хотели воевать против «усташей» (306, с.132). Но определяющими были стратегические причины — необходимость соединения сербских областей дорогой, «коридором», проходящим вдоль реки Сава и через город Брчко, чтобы создать единое географическое пространство Республики Сербской. Хорватское население оказывало слабое сопротивление, защищая свои села. Наступление в направлении Дервента — Брод было успешным, войска РС практически не встретили сопротивления. 4 июля был занят город Дервента, но овладеть городком Плекан удалось не сразу: хорваты оказали серьезное сопротивление, их поддержала хорватская артиллерия с территории Республики Хорватии. В начале августа начались бои за города Костреш и Бело-Брдо. Лишь 7 октября сербские войска вышли к реке Сава. Во время боев за «коридор» в сербской армии выявились серьезные недостатки: солдаты не хотели удалиться от своих сел, а уставая воевать, оставляли позиции; в освобожденных городах и селах трудно было формировать гражданскую власть; не на высоте была и дисциплина. В окопах, писал генерал С.Лисица, «находились крестьяне, рабочие, бедный люд, а все богатые убежали или скрылись» (306, с.166). Генерал называл такую армию ополчением, регулярную армию еще предстояло создавать (306, с.185).

Сразу после операции «Коридор» сербы начали операцию «Врбас-92» по занятию городов Яйце, Србобран и Турбе, гидроэлектростанций «Яйце-1» и «Яйце-2».

Летом 1992 г. мусульмане держали только 11% территорий, под контролем хорватов находилось даже несколько больше, поскольку им помогала хорватская армия, остальное было в руках сербов, писал в своей книге Д.Оуэн (150, с.75). Бои продолжались. Артиллерийские дуэли в районе Сараева длились часами, и Совет Безопасности требовал ввода миротворцев в Боснию и Герцеговину и открытия аэродрома «Бутмир» для поставок гуманитарной помощи. Столкновения наблюдались в районе Тузлы, Дервента, в Герцеговине артиллерийские обстрелы Дубровника чередовались с нападением на Требине. 1 июля 1992 г. хорватская авиация нанесла удары по Требине. К 11 июля 1992 г. 15 общин БНГ были очищены от 200 тыс. сербов (269, с.147).

Руководители этнических общностей вели между собой переговоры, пытались найти союзников и наиболее приемлемые решения для урегулирования ситуации. 15 июня Ф.Гуджман и А.Изетбегович подписали Совместное заявление об установлении дипломатических отношений. Разговаривая через несколько дней по телефону, они договорились создать военный союз, но Президент БНГ не поддержал инициативу

президента (80, с.84). В августе 1992 г. прошли переговоры лидеров сербов Р.Караджича и хорватов М.Бобана о прекращении огня и об образовании этнических кантонов. В то же время позже член Президиума БиГ Эюп Ганич заявлял, что «мусульмане ошиблись, когда объединились с хорватами против сербов», так как «мусульмане в БиГ по происхождению — это сербы, если учитывать их далеких предков» (80, с.215).

К октябрю 1992 г. в БиГ сложилось крайне тяжелое гуманитарное положение. Многие города оказались в блокаде, осаде, когда местное население не имело возможности покинуть город и страдало от отсутствия продовольствия и медикаментов, подвергалось обстрелам. Фактически большинство городов БиГ превратились в города — тюрьмы. 1 октября в Женеве состоялось заседание МКБЮ под председательством Тьерри Жермона, на котором представители сербов, мусульман, хорватов в БиГ, а также СРЮ и Хорватии подписали документ, который просил МКБЮ рассмотреть и принять следующие правила для спасения жизней лиц, находящихся на занятой территории. «Необходимо позволить гражданским лицам, которые того желают, временно оставить территорию под контролем одной стороны и перейти на территорию под контролем какой-либо другой стороны... Каждая сторона в столкновении гарантирует тем, кто временно покидает территорию, которую она контролирует, что их дом, имущество и личные вещи будут сохранены и защищены, что они имеют право вернуться на свое место жительства в дальнейшем...» (200). Принятие такого документа спасло бы многие жизни мирных жителей. Но, благодаря политике мусульманского правительства, многие из них оставались заложниками в осажденных городах. В качестве примера можно привести Сараево, из которого мусульманское правительство не разрешало уезжать сербам и хорватам, Сребреницу, Тузлу и т.д. Однако предложенный документ так и не был рассмотрен МКБЮ. Р.Караджич в пресекты предложений мирного урегулирования в Боснии и Герцеговине часто вставлял пункт «О безотлагательном и безусловном выпуске всех гражданских лиц, задержанных в городах против их воли» (201).

К осени 1992 г. значительно ухудшились отношения между хорватами и мусульманами. В конце октября в Центральной Боснии в городе Прозор хорваты начали очищать город от мусульман, грабили мусульманские магазины, сжигали дома, убивали людей. Д.Оуэн вспоминал, что когда увидел снятый фильм о хорватских зверствах, то сразу осудил их и потребовал ввести санкции. Однако «незамедлительно последовали протесты обиженной хорватской невинности. Запад молчал о событиях в Прозоре и продолжал политику двойного аршина...» (150, с.86). 11 ноября Армия Хорватии возобновила силами 16 бригад военные действия в Восточной Герцеговине на направлениях Мостар — Невесине и Дубровник — Требине. Как писал Д.Чосич Б.Бутросу-Гали, «злодеяния, которые при этом совершаются над невинным и безоружным гражданским населением сербской национальности, относятся к разряду геноцида и криминала» (125).

Вот как виделась ситуация в Боснии и Герцеговине в ноябре 1992 г. русскому добровольцу: «Я, конечно, предполагал, что положение тяжелое, но не до такой степени. ...Фронт в Боснии и Герцеговине ...имеет протяженность 450 км. На северо-западе обширные территории, населенные сербами, окружены, все мужское и частично женское население держит оборону на четыре стороны света. К ним пробит коридор. С другой стороны уже более месяца в окружении мусульманский гарнизон в г. Горажде, центр

Сараево также удерживается босняками, аэропорт и весь город в руках сербов, которые в свою очередь окружены объединенными силами хорват и мусульман — слоеный пирог» (318, с.20).

27 октября после многомесячных боев сербы вошли в город Яйце. Из Яйце в Травник потянулись беженцы. Сербы обстреляли колонну беженцев, и это стало достоянием общественности. Совет Безопасности осудил действия сербской милиции. Д.Оуэн пишет, что занятие Яйце стало последним большим приобретением сербов в этой войне. Вплоть до падения Сребреницы и Жены в июле 1995 г. «линия конфронтации по главным стратегическим направлениям вообще не менялась» (150, с.89).

К 17 декабря Скупщина РС пришла к выводу, что «Сербский народ в ходе гражданской войны, которая ему была навязана, осуществил свое законное стремление к собственному суверенному государству». Под контролем сербов находились города Бая-Лука, Приедор, Босански-Нови, Сански-Мост, Приявор, Котор-Варош, Босанска-Градишка, Дубица, Добой, Биеллина, Зворник, Власеница, Соколац, Вишеград, Рогатица, Гацко, Билеча, Требине, Яйце, пробит коридор, соединяющий сербские области в районе Посавины. К концу года сербы держали под контролем 60% территории Боснии и Герцеговины. Поэтому Скупщина РС приняла Декларацию об окончании войны, провозгласив, что «этнически-религиозная война в бывшей Боснии и Герцеговине для Республики Сербской окончена» и границы будут защищаться «политическими средствами». РС готова вести мирные переговоры со всеми сторонами конфликта, сотрудничать с международными организациями, обеспечить мирную жизнь всем гражданам на территории РС (202).

В распространенном в феврале 1993 г. пресс-релизе Международного комитета Красного Креста (МККК) с июля по декабрь 1992 г. МККК зарегистрировал 10 800 заключенных в 52 лагерях, контролируемых конфликтующими сторонами в Боснии и Герцеговине. При посредничестве МККК сербы освободили 5040 узников, 357 — хорваты и 137 — мусульмане. В феврале 1993 г. в 25 лагерях содержалось 2692 человека, из них 1061 — у мусульман, 1203 — у сербов и 428 — у хорватов (142, 80, с.155).

После Доклада Б.Бутрос-Гали от 5 августа 1992 г. о существовании на территории Боснии и Герцеговины концентрационных лагерей, Биляна Плавшич в письме посольствам России, Китая, Франции, США и Великобритании от 6 августа 1992 г. писала: «Ответственно заявляю, что на нашей территории не существуют концентрационные лагеря. Кроме тюрем, где содержатся заключенные, ответственные за уголовные преступления или участие в войне против сербского народа, и военнопленные, других мест содержания не существует» (197). В те же дни она писала в открытом письме Международному комитету Красного Креста о страданиях десятков тысяч мирных сербов, которые томятся в мусульманских «концентрационных лагерях» (198). Б.Плавшич писала также о тяжелом положении сербов в городах Мостар, Сараево, Конци и Зеница, которые им не разрешалось покидать. Гуманитарная помощь этим людям не раздавалась, их посылали на тяжелые работы (199).

Известны лагеря для перемещенных лиц для мусульман в Омарска, Кератерм и Трипополе, куда свозилось и мирное население, и бойцы-мусульмане, участвовавшие в боевых действиях. Первых, как правило, переправляли в мусульманские районы, а вторых ждало наказание (177). Французский журналист Жак Мерллен вспоминал, что посетил лагерь для военнопленных на сербской территории в Маняче 28 ноября 1992 г. По его мнению, этот лагерь совсем не похож на концентрационный времен нацистов

(287, с.38). Р.Младич в ноябре 1993 г. говорил, что на территории Республики Сербской находятся только три лагеря — в Фоче, Сараеве и Биелине. «О каждом пленном уведомен Красный Крест», — добавлял он (314, с.229).

Мировое сообщество, пытаясь урегулировать ситуацию в БиГ, большие надежды возлагало на соглашения о прекращении огня, которые должны были стать основой дальнейших мирных переговоров. Первым таким соглашением стало соглашение от 12 апреля 1992 г., которое не соблюдалось. 1 июня усилиями сил СООНО было заключено новое соглашение, которое было нарушено уже спустя несколько часов после подписания. Как сообщил Б.Бутрос-Гали 15 июня, силы территориальной обороны Боснии и Герцеговины пытались использовать артиллерию, доставшуюся им после вывода ЮНА из казарм в Сараево, «для расширения пределов контролируемой ими территории», в то время как «боснийские сербские силы продолжали использовать свою собственную артиллерию для обстрела города Сараево» (126, с.2). Сербская сторона не раз выступала с предложением о прекращении огня, соблюдении мирных договоренностей, однако они не находили отклика, прежде всего, у мусульманской стороны. Например, 11 июня Р.Караджич объявил об одностороннем прекращении огня с 15 июня, однако «А.Изетбегович отверг эту меру, охарактеризовав ее как «попытку ввести в заблуждение Организацию Объединенных Наций и мировое общественное мнение» (129, с.2). Под давлением представителей ООН А.Изетбегович согласился подписать соглашение о прекращении огня с 15 июня. Но и оно соблюдалось крайне непродолжительное время. В июне сербы передали аэропорт Сараева под контроль миротворческих сил. 29 июня над аэропортом Сараева был поднят флаг ООН, и он был открыт для перелета рейса, на борту которого находилась гуманитарная помощь. Однако ежедневные перестрелки в районе аэропорта продолжались, периодически он закрывался и вновь после переговоров открывался.

Приняв декларацию об окончании войны, сербы РС с начала 1993 г. начали готовиться к оппозиционной войне. Политическое руководство стало говорить о необходимости укрепления государственной власти. Одной из возникших проблем была активность политических партий, которые искали поддержку в армии, а также борьба за влияние на армию. Раздавались также голоса о необходимости сокращения армии.

Характер военных действий изменился. Сербы не вели наступательных операций, а теперь мусульмане пытались отвоевать часть территорий. В середине января мусульмане начали наступление в районе Братунаца. Особенно активными были наступления на городок Склани. Мусульмане окружили несколько сербских деревень, вырезали гражданское сербское население, а затем открыли артиллерийско-минометный огонь по гидроэлектростанции «Перуцач», которая находится на территории СРЮ. Боевые действия проходили недалеко от югославской границы, и тысячи беженцев устремились в СРЮ, спасаясь от мусульманских боевиков. За неполный месяц мусульманского наступления в обороне сербы потеряли 1260 человек убитыми. «Мы всегда в десять-пятнадцать раз больше теряем людей в обороне, чем в наступлении. — говорил в то время Р.Караджич. — Мы не имеем на это права. Мы будем защищаться теперь активно, а не пассивно» (207).

Хорватская община с помощью регулярных войск и ополченцев из Хорватии установила контроль над районами на Севере и Юге Республики. Согласно данным, опубликованным в «Политике», на территории Боснии и Герцеговины в конце января 1993 г. воссоздали 14 хорватских бригад ХВО (24000 человек) и около 18500 солдат регулярной

армии Хорватии. Эти войска, расположенные в Герцеговине, Центральной и Северной Боснии, поддерживали с территории Хорватии десять бригад (206).

Русский доброволец Ю.Хамкин воевал в Герцеговине недалеко от Трebinя. Он пишет о том, как сербские солдаты сражались в январе 1993 г. и как выглядела сербская армия, состоявшая из крестьян близлежащих сел. «Сербское село Рапти веками делило участь этой многострадальной земли. Какие только завосватели его не сжигали и не разрушали! Очередной раз Рапти было сожжено дотла немецкими захватчиками и хорватскими фашистами-усташиами 18 октября 1943 г. за связь с партизанами... Но началась очередная война, и опять к селу подступили усташи. Все 40 раптинских семей, приняв, что попеннее, ушли на территорию, контролируемую сербским ополчением. Женщины и дети устроились по родственникам, а мужчины взяли в руки оружие... Дерajat раптинцы оборону вполукруг родного села, которое, таким образом, оказалось на ничьей земле. И время от времени то один, то другой раптинец не выдерживает и, под покровом темноты, спускается проверить родную «кучу» (дом): мало ли что. Усташ бьет из миномета, вдруг крышу пробьет, а уже зима...» (318, с.37–38).

В январе 1993 г. командующий Хорватского веча обороны издал приказ, согласно которому все армейские подразделения армии БиГ в провинциях, которые по Женевским картам должны стать хорватскими, переходят под единое командование ХВО Герцег-Босны. Несмотря на подписанный договор о дружбе и сотрудничестве, в начале 1993 г. между хорватами и мусульманами начинаются столкновения в Центральной Боснии в районе Горни-Вакуфа, Нови-Травника, на подступах к Бугойно. Столкновения прежде всего начались в общинах, которые, согласно Женевским договоренностям, определялись как смешанные. Каждая из общин перед вступлением в силу соглашений о территориальном разделе республики стремится утвердить свой контроль над как можно большей частью территории. 19 января хорватское радио сообщало, что большая часть Мостара находится под контролем ХВО. Мусульманские отряды отказывались подчиняться хорватским командирам, оказывали сопротивление, напали на хорватские села. Боснийское правительство назвало Хорватию агрессором и решило обратиться в Совет Безопасности. Главнокомандующий вооруженными силами мусульман Сеффер Халилович в интервью испанской газете «Паис» признал, что у мусульманской армии «есть проблемы» с хорватскими союзниками, которые уже перехватили 50% оружия, предназначенного мусульманским формированиям. Аналогичным образом к хорватам попадала значительная часть международной гуманитарной помощи. «Они опияли у нас и нефть, которую нам бесплатно посылают Турция и Иран», — заявил военачальник. Он утверждал, что «хорваты стремятся создать свое государство в Боснии и Герцеговине, а затем присоединить его к Великой Хорватии и потому прибегают к политике этнических чисток» (203). В конце января хорваты и мусульмане договорились о прекращении огня и остановке боевых действий, но договоренности не соблюдали. Ожесточенные бои в Центральной Боснии продолжались.

Боевые действия, которые велись тремя сторонами, вносили в войну хаос и непредсказуемость. Продолжались жестокие столкновения между хорватами и мусульманами, сербами и мусульманами. Специальная миссия Совета Безопасности, побывавшая в Боснии и Герцеговине, назвала военные действия сторон «цепной реакцией», когда «убийства гражданских лиц мусульманами рассматривались сербами в качестве оправдания для их наступления». Убийство хорватами мусульманской семьи в Ахиничах (у

членов отряда на руках были нашивки со свастики) вызвало яростную реакцию мусульман, которые в отместку подожгли несколько домов (133, с. 1, 4). По мнению генерал-лейтенанта Ларса-Эрика Валгрена (командующего СООНО), «все стороны совершают злодеяния различного характера, но территорию захватывают только сербы» (133, с. 1). Такое заявление противоречило наблюдениям сопредседателей МКБЮ, которые как раз во время столкновений между мусульманами и хорватами отмечали, что «и те, и другие, пытались захватить как можно больше территории» (134, с. 2).

«Прорубив» в 1992 г. северный коридор, сербские войска в 1993 г. планировали провести операцию, целью которой было соединение на Востоке Боснии территории Сараевско-Романийского бассейна с Герцеговиной. Планировалось занять территорию от Горажде до Иван-Селла. В оперативный простор попадали горы Яхорина, Игман, Белашница и Трескавица. В этой операции участвовала вся армия Республики Сербской. В рамках этого оперативного плана осуществлялся ряд других операций — «Церска-93», «Меч 1» и «Меч 2», «Подрине». Финалом всех этих мероприятий должна была стать операция «Лукавац-93». В случае успешного осуществления плана Республика Сербская приобретала территориальную целостность, а река Дрина объединяла сербский народ в Боснии и новой Югославии.

Мусульмане также готовились выйти на Дрину и соединить свои анклавы Горажде, Жепа и Сребреница, деблокировать Сараево, связав их со столицей. Их операции носили названия «Юг-93», «Жизнь или смерть», «Последний шанс». С февраля до 27 июля 1993 г. война велась на Востоке Боснии в Подрине.

Как писали тогда информационные агентства, «сербские войска осаждали города и деревни мусульман, в частности в Восточной Боснии, и перерезали доставки продовольствия и медикаментов мусульманским общинам в качестве средства вынудить мусульман покинуть свои дома и присоединиться к другим беженцам» (92, с. 3). В сообщении информационной службы Главного штаба Армии РС опровергались утверждения об этнических чистках на территории Сребреницы, Братунаца и Церске. В нем подчеркивалось, что армия мусульман еще в середине 1992 г. уничтожила 21 сербское село на территории Сребреницы и убила 400 человек, главным образом, стариков, женщин и детей. На территории Братунаца сравнены с землей 22 сербских села и убито 560 сербов. А появившиеся в печати обвинения против сербов информационная служба назвала «мусульманской пропагандой» (204).

Сербская армия стремились гуманно относиться к мирному населению. 14–15 февраля из городов Сребреница и Церска в Центральную Боснию без каких-либо инцидентов была эвакуирована большая группа жителей мусульманской общины (205). Р.Младич говорил на Скупщине, что сербская армия пытается помочь и хорватской, и мусульманской сторонам, осуществляет гуманитарные операции: «Скажу вам и то, что я приказал и это сделано, спасти всех больных и немощных, а также раненых, как одной, так и другой стороны. А из района Сребреницы мы дали возможность вывести с помощью УНХЦР¹ 12 500 мусульманских женщин, детей и стариков, а также 489 раненых, среди которых было немало и тех, кто совершил преступления в отношении сербского народа и заслужил, чтобы быть отданным под суд. Я горжусь тем, что нахожусь в Армии, которая дала врагу возможность, после того, как он отказался лечить своих раненых в

¹ Верховный комиссариат по делам беженцев ООН.

наших госпиталях, санитарными вертолетами вывезти их в Тузлу» (219, с.79). Лоренс Йолес, представитель Верховного комисариата по делам беженцев ООН, вспоминал в одном из своих интервью, что «генерал Младич посещал каждый грузовик с мусульманами — женщинами, детьми, стариками — пожимал им руки и говорил: «Я — Младич, приветствую вас.» Люди были испуганны, но генерал говорил им, чтобы они не боялись» (219, с.224).

17 февраля возобновились ожесточенные столкновения мусульманских и сербских войск в районе Сараева. Мусульмане вели ожесточенный огонь по Илндже. Сербы стали вновь обстреливать центр города, задерживали конвой с гуманитарной помощью, надеясь таким образом заставить мусульман прекратить боевые действия. 22 февраля А.Изетбегович отдал приказ своим войскам о прекращении огня в районе Сараева.

В феврале 1993 г. сербы перебросили с других фронтов на Восток БИГ несколько тысяч бойцов и окружили Сребреницу. Напомним, что еще в мае 1992 г. из города были изгнаны все сербы, в округе сожжены 72 сербских села, убиты мирные жители. Стратегически Сребреница была важна для мусульман как связь с мусульманами Косова. Именно отсюда легко было перерезать узкий перешийек, соединяющий сербские территории, что они и попытались сделать в октябре 1992 г. Начиная с ноября 1992 г., мусульмане из этого анклава, защищенного «голубыми касками», регулярно совершали вылазки по сербским тылам, убивая мирных жителей, сжигая села, наводя страх и ужас на мирное население. В январе 1993 г. началось наступление мусульман на оставшиеся сербские села Сकेлане, Чосиче, Крушиче. 13 тыс. сербов стали беженцами. Отогнав мусульман, сербы обнаруживали братские могилы жертв мусульманского террора. Западные средства массовой информации проигнорировали преступные действия мусульман, проходившие в течение февраля-марта похороны эксгумированных жертв, тысячами замученных мусульманами в ноябре 1992 г. и закопанных в каменоломне сербов. Поражает судьба 12-летнего Слободана Стояновича из села Капеница, который был замучен по приказу соседки-мусульманки Весели Элфеты, когда он, беженец, вернулся в свое село, чтобы отвязать с привязи свою любимую собаку. У маленького Слободана был распорот живот, отрезана ушная раковина, переломаны ноги. Висок был разнесен выстрелом с близкого расстояния. Он погиб только потому, что был сербом (219, с.24).

В Сребренице, городе, где до войны проживало около 10 тыс. человек, скопилось, по данным международных организаций, от 50 до 70 тыс. беженцев-мусульман из окрестных деревень в результате боев между мусульманами и сербами. В городе складывалась тяжелая гуманитарная обстановка. Гуманитарные организации сравнивали Сребреницу («открытой тюрьмой») и «плохим лагерем для беженцев», где много раненых и нет врачей, отключено водоснабжение и электричество, ширятся эпидемии (133, с.2). Сербские эксперты полагали, что в городе не может быть такого количества людей. М.Коколь писал: «В обвинительном заключении против Ратко Р.Младича и в его обосновании, а также в обвинении против СРЮ в Международном суде в Гааге, использовалась ложная информация, что Сребреница до войны имела 7000 жителей, а в ходе военных действий это число увеличилось до 60 000. В Сребренице не могло быть такого количества мусульман; до начала войны община Сребреница насчитывала около 27 000 мусульман, а община Братунац — около 22 000. Принимая во внимание тот факт, что мусульмане уходили из Сребреницы, прилегающие к Сребренице территории имели в основном сербское население, а мусульмане из других общин не прибывали в Сребреницу, — то нет никаких оснований считать правильными вышеприведенные цифры численности мусульман в Сребренице. Данные цифры многократно завышены».

пользовались с целью всячески подчеркнуть страдания народа. Этим утверждениям о столь значительном количестве мусульман в Сребренице противоречат и данные из обвинительного заключения о бегстве мусульман из этого города в другие места» (219, с.242).

А.Изетбегович говорил, что Сребреница и Жепя в большей степени были защищенными политическими мерами, чем военными. Весной 1993 г. вспоминал он, «в последний момент мы успели получить статус защищенных зон» для Сребреницы и Жепы и сразу «после этого армия пыталась, как могла, доставить туда оружие». Всего в Сребреницу было послано 18 вертолетов оружия « (289, с.86–87).

Еще в марте сербы, имея военное преимущество, окружив город, заставили мусульман капитулировать и пойти на подписание соглашения о разоружении и демилитаризации Сребреницы под надзором СООНО. Переговоры велись с участием командующего СООНО. 17 апреля генералы Р.Младич и С.Халилович подписали Соглашение, предусматривавшее прекращение огня, всех боевых действий в районе Сребреницы, развертывание роты СООНО в городе к 11 утра 18 апреля, открытие воздушного коридора между Тузлой и Сребреницей для эвакуации раненых и больных. Текст договора включал в себя следующие положения:

«1. Полное прекращение огня в зоне Сребреницы вступает в силу в 4.59 18 апреля 1993 г. Прекращаются все боевые действия на занятых позициях противостояния, включая артиллерию поддержки и ракеты.

2. Размещение одной роты СООНО в Сребренице до 11.00 18 апреля. Обе стороны гарантируют этой роте безопасный и беспрепятственный проход из Тузлы в Сребреницу.

3. Открытие воздушного коридора между Тузлой и Сребреницей через Зворник для эвакуации тяжело раненых и больных. Воздушный коридор открывается в 12.00 18 апреля 1993 г. и действует 19 апреля 1993 г. в зависимости от метеоусловий до тех пор, пока все имеющиеся тяжело раненые и больные не эвакуируются. Вертолеты будут летать из Тузлы в Сребреницу с приземлением в Зворнике с целью контроля, который не повлияет на задержку с эвакуацией. СООНО в присутствии двух врачей с каждой стороны и представителя Международного Красного Креста проведет идентификацию личностей тяжело раненых и больных, которых надо эвакуировать. Все категории тяжело раненых и больных будут без препятствий с обеих сторон эвакуированы воздушным путем. Предполагается, что тяжело раненых и больных насчитывается около 500. Это подтвердит 18 апреля СООНО, окончательно число будет сообщено обеим сторонам.

4. Демилитаризация Сребреницы осуществится в течение 72 часов после прибытия роты СООНО в Сребреницу (11.00 18 апреля 1993 г., если прибывает позднее, то время отодвигается). Все оружие, боеприпасы, мины, взрывчатка и запасы (кроме лекарств), находящиеся в Сребренице, будут собраны и переданы СООНО под наблюдением офицеров — по трое с каждой стороны. СООНО произведет контроль. По окончании процесса демилитаризации в городе не останется ни одного вооруженного лица, ни вооруженного подразделения, кроме сил СООНО. Ответственность за процесс демилитаризации несет СООНО.

5. Будет сформирована рабочая группа, которая примет решения по отдельным вопросам, связанным с демилитаризацией Сребреницы. Эта группа будет особо рассматривать: какие необходимо предпринять меры, если демилитаризация не завершится в 72 часа, корректно ли поведение в отношении лиц, сдающих свое оружие СООНО. Рабочая группа будет докладывать генералу Уолгрену, генералу Р.Младичу и генералу

Халиловичу. Первый отчет будет представлен к совещанию, которое состоится в понедельник 19 апреля 1993 г., в 12.00.

6. Обе стороны должны передать СООНО сведения о минных полях и взрывчатых устройствах, установленных в Сребренице. Каждая из сторон должна очистить свои поля от мин под наблюдением СООНО.

7. Ни одна из сторон не должна препятствовать свободе передвижения. Высший комиссариат ООН по беженцам и Международный Красный Крест должны особенно тщательно проверять факты о препятствиях свободе передвижения в Сребренице и Тузле.

8. Будет разрешена плановая доставка гуманитарной помощи городу.

9. Обе стороны конфликта должны гарантировать безопасность офицеров и врачей, которые будут вести наблюдение за процессом демилитаризации под флагом СООНО.

10. Рабочая группа должна рекомендовать способ обмена пленными, погибшими и ранеными в районе Сребреницы по принципу «всех на всех» в десятидневный срок. Это будет производиться под контролем Красного Креста.

11. Все спорные вопросы должны решать совместная военная рабочая группа или решаться во время встреч делегаций на высшем уровне, где посредником выступает генерал Уолгрэн» (219, с.94–95).

В тот же день СБ рассматривал вопрос о ситуации в Сребренице, не зная о готовящемся соглашении. Он принял Резолюцию № 819, которая обязывала сербов прекратить боевые действия и отойти от защищенной СООНО зоны. Хотя ситуация в Сребренице начала стабилизироваться, прекратился обстрел города, в город вошли миротворцы и было спасено население, направленная в Боснию и Герцеговину миссия СБ сделала вывод, что «договоренность по Сребренице не может являться моделью и должна побудить Совет Безопасности к действиям, направленным на то, чтобы предотвратить падение других анклавов и территорий, таких, как Горажде, Жспа и Тузла» (133, с.2)¹.

А.Кондрашов сообщал в то время из БИГ о «пикантной ситуации», в которую попал командующий СООНО генерал Морийон. Генерал прибыл в Сребреницу и беспристрастно высказался об отсутствии массовых убийств сербскими войсками, опроверг сообщения о голоде и людоедстве в городе. Однако задержанный мусульманскими женщинами, требовавшими гуманитарной помощи и эвакуации из города, Морийон, «спасая честь мундира, превратил свое насильственное задержание в добровольное радение за доставку гуманитарной помощи в Сребреницу» (210, с.7). Десять дней он находился в городе, требуя размещения военных наблюдателей ООН явно с целью предотвращения перехода Сребреницы в руки сербов.

Командование РС отказалось от штурма города, согласилось на эвакуацию мирного населения из города и доставку гуманитарной помощи, требуя взамен содействия в эвакуации из мусульманской Тузлы 15 тыс. сербов, которые погибают от ужасных условий и преследований со стороны местных властей. В результате из Сребреницы кон-

¹ По сообщениям Верховного комиссара ООН по делам беженцев, когда в Сребреницу вошли миротворцы, мусульманские власти не разрешили эвакуацию из города женщин и детей, поскольку полагали, что сербы не будут наступать на город, если там будут находиться женщины и дети, т.е. фактически оставляли их в заложниках (S/25519).

вой ООН вывозит 5 тыс. мусульман, а из Тузлы — 80 сербов. Генерал Р.Младич также вспоминал, что «был создан такой климат, что мы были вынуждены поступить так, как поступили» (308, с.109). «СООНО сделал и все, чтобы защитить мусульманское население и оказать ему всякую поддержку. Но они ничего не сделали для того, чтобы вывезти сербов из Тузлы, как обещали это клятвенно» (308, с.111). В дальнейшем местные мусульманские власти воспротивились выпускать гражданских лиц из города, мотивируя это тем, что эвакуация якобы является одной из форм «этнической чистки» (210, с.9).

А.Изетбегович считал Сребреницу «самой большой человеческой трагедией Европы после второй мировой войны». По его мнению, из 36 тыс. жителей выехать из города могли только 28 тыс. мирных жителей и 3400 солдат регулярной мусульманской армии. Он приводил цифру 7–8 тыс. человек, о судьбе которых никто не знал. Но А.Изетбегович уверен, что их убили сербы (289, с.107).

Генерал Морийон писал позже, что «ошибкой Р.Младича было занятие Сребреницы», так как после этого последовало возмущение общественного мнения, которое осудило сербов (290, с.48–49).

В такой ситуации каждая из сторон искала возможных союзников. Сербы делали ставку на союз с хорватами, часто даже помогали им, рассчитывая что жестокие столкновения между хорватами и мусульманами в Центральной Боснии предотвратят их сближение. В апреле 1993 г. Р.Младич так оценивал военно-политическую ситуацию в БиГ: «Хорватам необходимо восстановить стратегическую коммуникацию с Далмацией, а затем со Славонией. Созрели условия для прямых разговоров между хорватами, крайними сербами и боснийскими сербами. У мусульман нет центральной власти, которая бы функционировала по всему государству, и они имеют проблемы с Сараеве. Больше боснийских хорватов живет в Центральной и Северной Боснии, чем в компактной «Герцег-Боснии на Юге, но они разбиты на маленькие группы на той территории. Мусульмане борются за то, чтобы выгнать хорватов, но им это боснийские сербы не позволят...» (66, № 2349, с.52). Однако Запад, предполагая возможность такого союза, всячески этому препятствовал.

В апреле продолжались ожесточенные столкновения мусульман и хорватов, которые намного превысили интенсивность сербско-мусульманского противоборства. Усиление взаимной неприязни было вызвано обсуждавшимся планом Вэнса-Оуэна и желанием закрепить силой границы будущих провинций. Сопредседатели МКБЮ стремились заключить договор между мусульманской и хорватской сторонами, изменив карту военных действий. Одним из первых шагов было подписание 24 апреля 1993 г. в Загребе А.Изетбеговичем и Мате Бобаном соглашения о прекращении огня и приостановлении всех военных действий во всех районах Боснии и Герцеговины. В документе, подписанном при большом количестве свидетелей — Д.Оуэне, Ф.Туджмане, послых П.Холле, Г.Окуне, Г.Аренсе, бригадном генерале Дж.Уилсоне и др., — явно обозначилось стремление создать союз против общего врага. В нем подчеркивалось: «Стороны, подписавшие настоящее совместное заявление, подтверждают, что столкновения между подразделениями ХВО и Армии Боснии и Герцеговины в Республике Боснии и Герцеговине идут вразрез с политической представительей обоих народов, и что продолжение подобных столкновений серьезно отразится на ... успехе в борьбе с агрессором, который стремится разделить государство, захватить его территорию и присоединить окку-

пированные территории к «большой Сербии» (132). С этой целью было решено создать объединенное командование в составе представителей обеих штабов. Договор приходился на время активного обсуждения плана Вэнса-Оуэна и должен был оказать давление на сербскую сторону. Но попытка военного союза не удалась. Как отмечали сопредседатели БКБЮ, «сотрудничество между мусульманами и хорватами... прекратилось» (134, с.2). Бобан отказывался встречаться с А.Изетбеговичем без Р.Караджича. Уже в мае в БиГ между мусульманами и хорватами вновь вспыхнули ожесточенные столкновения. Радио Ватикана сообщало о «тяжких зверствах мусульман над хорватскими женщинами и детьми» в городах Конич, Бусовача, Равайо и в районе Травника (211).

Летом 1993 г. Б.Бутрос-Гали в специальном сообщении подчеркивал, что военные столкновения в БиГ переместились из плоскости сербско-мусульманской конфронтации к мусульманско-хорватской. Для него было очевидным, что сотрудничество мусульман и хорватов больше невозможно (80, с.213). В июне мусульманские войска начали наступление в Центральной Боснии на город Травник. Более 1 тыс. хорватских беженцев, женщин, стариков и детей, спасаясь от уничтожения, нашли прибежище в окружающих горах, обращаясь за помощью даже к сербам. Около 1 тыс. хорватских военных сдались сербам и были отпущены (114, с.17). Р.Младич вспоминал, что «в 1993 г. во время войны между хорватскими и мусульманскими силами, когда хорватское население Центральной Боснии оказалось под угрозой уничтожения, сербский народ и его армия оказали помощь хорватам. Мы приняли их на своей территории, а впоследствии все эти хорваты, включая и хорватские вооруженные формирования с их оружием, были пропущены на территорию Герцег-Босны, а также в Хорватию. В окрестностях Зерча мы приняли более 30 000 хорватских беженцев и около 700 хорватских солдат и офицеров. В районе Жепче — 12 500 беженцев и 903 военнослужащих, в районе Бугойно — 6000 беженцев и 604 солдата и офицера...». Однако спустя несколько месяцев после того, как сербы переправили их через Купрес в Ливно (на их территорию), хорваты «напали на нас именно с этих позиций с целью захвата нашей территории. К сожалению, им удалось занять город Купрес и часть Купресского плоскогорья. Подобным образом мы помогли и мусульманам в 1993 г. пережить трагедию в Мостаре. Благодаря нашей помощи, им удалось уцелеть в ходе этих событий» (219, с.210).

А.Изетбегович в интервью газете «Монд» сказал: «Вооруженные формирования Хорватского веча обороны, практически вышедшие из подчинения своего командования, нарушают договоры о прекращении огня. Они задерживают конвои с гуманитарной помощью, и поэтому наша армия, естественно, дала им отпор. ХВО создало тревожную атмосферу среди хорватского населения, которое бежало, став жертвой пропаганды в средствах массовой информации... Речь идет не о боях между мусульманами и хорватами. Повторяю, что это столкновения между боснийской армией и ХВО, по большей части обусловленные личными, субъективными интересами... Зачем Мате Бобан начал воевать в Мостаре и Центральной Боснии? Затем ли, что он не желает единой Боснии, о которой говорить в плане Вэнса-Оуэна? А оба этих варианта одновременно воплотить невозможно... Наверное, он хотел присоединить Герцег-Босну к соседней Хорватии» (212, с.18–19).

В июле боснийское правительство вело наступление против хорватов в Центральной Боснии — на Киселяк, где скопилось много беженцев из хорватских сел, ранее занятых мусульманами. Население охватила паника, поскольку они знали о злодея-

ниях мусульман. В Киселяке оказались и беженцы из Травника, среди которых были мусульмане — добровольцы ХВО, женатые на хорватках. Занятие Киселяка означало для мусульман овладение всей Центральной Боснией и создание этнически чистой мусульманской территории. АБиг овладела Бугойно, Фойницею, Горни-Вакуфом. На помощь хорватам прибыли части регулярной армии Хорватии. Реванш хорваты взяли в Мостаре. Несмотря на заключенные с мусульманами соглашения, хорваты начали этническую чистку в городе. Представители ООН сообщили, что хорваты вывезли из города за несколько июльских ночей сотни мусульманских семей. Мужчин помещали в лагеря для военнопленных в районе аэродрома (115). На юге хорваты при поддержке хорватской армии наращивали силы в районе Прозора, готовя контрнаступление на мусульманскую армию (135, с.2). В августе 1993 г. А.Изетбегович писал председателю Совета Безопасности, что в результате наступления хорватских войск «нарушения прав человека... в отношении боснийских мусульман достигли масштабов подлинной человеческой катастрофы», приводил список 16 концентрационных лагерей, в которых содержатся пленные-мусульмане (143).

Панику среди мусульман и миротворцев вызвало овладение сербами горами Игман и Белашница близ Сараева, где были расположены главные артиллерийские позиции мусульман. Кризис вокруг Игмана и Белашницы чуть не стал началом широкомасштабного участия НАТО в войне в БиГ. Но в это время подключились «миротворцы» и поставили сербам ультиматум — вывести свои войска с занятых высот и передать их под контроль СООНО. Это, по мысли руководства СООНО, должно было вести к деблокаде Сараева. Политическое руководство РС и командование ООН при активном посредничестве России заключили соглашение о выводе сербских войск с этих высот и передаче их «голубым каскам». Сербы пошли на уступки, поверив заверениям, что мусульманские войска не вернуться на эти возвышенности. Позже, однако, они были обмануты, и там вновь утвердились мусульманские войска.

Продолжая задуманную операцию, сербские войска 11 июля заняли город Трново, перерезав мусульманские коммуникации, так называемую «Дорогу Аллаха», между Сараево и Горажде.

В сентябре в Бая-Луке произошли волнения военных, известные под названием «Сентябрь-93». Созданный в городе Кризисный штаб поставил под свой контроль радио и телевидение, командование военного гарнизона, Министерство внутренних дел. Первыми требованиями были прекращение спекуляций в армии, помощь семьям погибших, наведение порядка в армии. Стали поговаривать о путче, а не о протесте. При замещательстве политического руководства Республики требования восставших увеличивались — они требовали досрочных выборов в Скупщину, смены правительства, многих офицеров в армии, руководства других государственных органов. Стала заметной радикализация требований и возможное развитие событий по нежелательному варианту, который вел бы к расколу сербского общества в БиГ. Конфликт удалось урегулировать с помощью авторитета Р.Младича, однако он показал, что между политической и военной властью в РС появились разногласия, что в армии существуют большие проблемы — тяжелое материальное положение в частях и подразделениях, нехватка людей, спекуляции и злоупотребления. Катастрофическое обнищание большинства населения еще больше обостряло социальную напряженность, снижало моральную мотивацию к продолжению войны.

К концу сентября накал боев несколько снизился. Командования мусульманских и хорватских войск пришли к хрупкому перемирию в районе Мостара, в Центральной Боснии. Сербско-хорватский и Сербско-мусульманский фронты постепенно превратились в охраняемую границу. Однако затишье на фронтах продлилось лишь около месяца. Уже в ноябре мусульмане, использовав передышку для укрепления своих сил, начали боевые действия в районе Горни-Вакуфа и Вареша в Центральной Боснии. Поскольку в целом границы национальных территорий к концу 1993 г. были определены, ожесточенные бои шли на стыках национальных анклавов.

Следствием военных действий являлись многочисленные жертвы среди мирного населения, беженцы, концентрационные лагеря. По сообщениям Республики Сербской БиГ, в 1993 г. были сожжены 70 сербских сел, а в 17 концентрационных лагерях содержались 40 тыс. сербов (2). В середине апреля 1993 г. численность беженцев из БиГ в Хорватию составила 66 тыс. человек, а в Сербию — 187 тыс. (3).

Еще в августе 1992 г. в Армии РС была сформирована комиссия по обмену и освобождению военнопленных. Председателем комиссии был назначен капитан Драган Булаич. До февраля 1993 г. сербской стороной в сотрудничестве с международными организациями было отпущено около 3 тыс. из 20 тыс. пленных, находящихся в тюрьмах. Однако обмен военнопленных с мусульманской стороной всегда проходил тяжело и неравномерно. Мусульмане не выполняли заключенных договоренностей. Они мучили и убивали пленных, не выдавали тела убитых и погибших сербов. Часто за тела убитых сербов мусульмане требовали от родственников большой выкуп (например, тонну пшеницы и 10 тыс. марок).

К концу 1993 г. война стала приобретать характер партизанской войны, а в такой ситуации, по мнению одного из британских генералов, хорваты оказались очень слабыми бойцами. Признаком их смятения могло служить то, что они уже дважды за несколько месяцев сменили командующего своими формированиями. Мусульмане все публичнее включались в хорватские линии обороны и брали под свой контроль все большую территорию Центральной Боснии (13,с.4). В связи с военными успехами мусульман Загреб направил в БиГ около трех бригад для поддержки хорватских отрядов. По оценке ООН, в БиГ к началу января 1994 г. находились от 3000 до 15 000 военных регулярной хорватской армии¹ (29,с.1). Зампредседателя боснийского мусульманского президиума Э.Ганич заявил, что мусульманские силы хотят в 1994 г. отобрать у хорватов, или путем переговоров, или военным путем, и поставить под свой контроль богатую долину реки Ласвы. «Если мы займем долину Ласвы, то замкнем круг и обеспечим свое существование до известной меры». Силы боснийских мусульман держали в этом районе в окружении 65 тыс. хорватов уже шесть месяцев (7,с.2).

7. Создание Федерации Боснии и Герцеговины

Решительный перелом в соотношении сил в БиГ наступил после того, как США заставили мусульман и хорватов пойти на перемирие, а затем на создание федерации. С начала марта 1994 г. в Вашингтоне и Вене шли переговоры об условиях объединения в одно государство сторон, которые еще вчера жестоко воевали друг с другом. Причи-

¹ Загреб утверждал, что в БиГ находилось только 1500 добровольцев, мусульмане приносили цифру 315 тыс. регулярных хорватских войск.

ной создания федерации было стремление Запада поставить под свой контроль войну в Боснии и Герцеговине, создать вместо трех два фронта, объединив мусульман и хорватов в борьбе против сербов. Только сильный противник, по мысли Запада, может заставить сербов пойти на мир, предлагавшийся посредниками, и отдать часть удерживаемых территорий.

Хотя для боснийских мусульман создание федерации означало конец мечтам о едином исламском государстве, их уговорили дать свое согласие, объяснив целый ряд преимуществ. Мусульманам предлагалось учитывать то, что основной канал поставок оружия проходил через Хорватию, поэтому Федерация необходима была для легализации поставок оружия правительственной армии. Кроме того, объединение против одного неприятеля увеличивало шансы на победу. А.Изетбегович откровенно заявил газете «Вашингтон пост»: «Мусульмане смотрят на договор с хорватами как на тактический ход, который мог бы им помочь вести войну с сербами с еще большим успехом. Улучшенная военная организация и постоянный поток оружия, вопреки эмбарго, придали нам храбрости» (249).

Герцег-Босна, а точнее, Хорватия с трудом пошла на этот шаг, но угроза введения санкций из-за присутствия частей хорватской армии на территории Боснии и Герцеговины, которыми запугивала Америка, возымела действие. Руководители Герцег-Босны обусловили свое вхождение в федерацию с возможной конфедерацией с Хорватией. Это позволяло легализовать присутствие хорватских войск в соседнем государстве. Общественное мнение Хорватии разделилось — многие были против мира с мусульманами, за борьбу до победы, за отстаивание своих территорий и присоединение их к Хорватии (247). Газеты тогда писали, что «хорваты в Вене подписали капитуляцию перед мусульманами» (88, с.27).

18 марта 1994 г. в Вашингтоне в присутствии Б.Клинтона прошла торжественная церемония подписания договора о создании мусульманско-хорватской федерации на территории БиГ. Официальное название нового государственного образования — Федерация Боснии и Герцеговины (ФБиГ). В подписанном документе отмечалось: «Сегодня мы подтверждаем предложенную Конституцию Федерации Боснии и Герцеговины, а также предварительный договор о будущем экономическом и военном сотрудничестве между Федерацией и Республикой Хорватии. Эти договоры означают нашу совместную решимость достичь мира в Боснии и Герцеговине и всем нашем регионе... Болеишкая и хорватская делегации подтверждают свою решимость предложить данный проект Конституции учредительной Скупшине, как основу для федерации, которая будет гарантировать полное национальное равноправие, демократические отношения самые высокие стандарты свобод и прав человека» (151). Согласно предложенной Конституции, «бошняки и хорваты», используя свои суверенные права, «преобразуют внутренние территории с большинством бошняцкого или хорватского населения в Республике Боснии и Герцеговине в Федерацию, которая состоит из федеральных единиц с едиными правами и ответственностью» (243, с.20). Первыми совместными действиями стало создание общей делегации на переговорах с сербами, просьба к ЕС об организации международного управления в Мостаре, который остается столицей одного из хорватских кантонов.

Нонсенсом было то, что внутри *de jure* суверенного государства на части его территории создавалась федерация с неопределенными отношениями с оставшимися тер-

риториями, которые не хотели входить в нее. Создание государства на территории унитарного государства, признанного всеми странами, являлось началом «тихого» разделения БИГ на части под патронатом США. Предполагалось, что федерация будет состоять из кантонов, имеющих собственное руководство, а общегосударственные проблемы станут заботой центрального правительства. Президент страны и вице-президент, избираемые на четыре года, будут представлять разные общины и ежегодно сменять друг друга на высшем государственном посту. Те же условия предусмотрены для премьер-министра и его заместителя. Стороны договорились о создании единого парламента, правительства и армии. Столицей Федерации оставалось Сараево. Служебными языками становились никогда не существовавший боснийский язык¹ и хорватский, самостоятельность которого с таким упорством доказывали хорватские политики и ученые. Следующей фазой урегулирования в БИГ должны были быть переговоры о присоединении к федерации и Республики Сербской.

РС спокойно восприняла создание федерации. В РС были даже убеждены, что Европа и Америка создали федерацию, чтобы помешать проникновению ислама в Европу. А.Буха пытался найти выгоду для РС в сложившейся ситуации: «Мы исходили из факта, что вашингтонскими бумагами создано новое государство на территории бывшей БИГ. Тем самым и формально-юридически перестала существовать фикция, называемая Республикой Боснии и Герцеговины. Если же мы будем вынуждены остаться в Унии с тем новым государством, то только как суверенное независимое государство на основе договора о Унии» (152). Вопрос о присоединении или неприсоединении к ФБИГ для сербов был давно решенным. Как подчеркивал М.Краишник, «вопрос включения РС в Хорватско-мусульманскую федерацию, конфедерацию или унию является преодоленным и неприемлемым. Сербский народ на двух последних плебисцитах ясно высказался за объединение с Сербией, Черногорией и Республикой Сербской Краиной (РСК), а не с Хорватией или мусульманами в бывшей БИГ» (87, с. 1).

После трудных пятидневных переговоров в Вене мусульмане и хорваты наконец 11 мая 1994 г. договорились, что их федерация будет простирается на 58% территории БИГ и будет состоять из восьми кантонов. И хотя мусульмане и хорваты контролировали в то время 30% территорий, по мнению сторон, необходимого количества территорий они достигнут, благодаря помощи международных организаций или «другими средствами» (85). Пакет соответствующих договоров должен был быть подписан 14 мая, но отложен на несколько дней. Договором не определялись границы будущей Федерации, не разъяснялись причины и последствия мусульманско-хорватских столкновений.

США с самого начала хотели, чтобы Федерацию возглавлял хорват и отстаивали кандидатуру Крешимира Зубака на должность президента Федерации. 30 мая в мусульманской части Сараева состоялась учредительная Скупщина ФБИГ, на которой были избраны президент Федерации (хорват Крешимир Зубак), его заместитель (мусульманин Эюп Гаич) и премьер-министр (мусульманин Харис Силайджич). Их полномочия распространялись лишь на переходный полугодовой период. Закончиться этот период должен был проведением демократических выборов в органы власти Федерации.

Многие аналитики считали договор не чем иным, как браком по принуждению и результатом американской политики силы. Фактически, договор оставлял много проблем открытыми, а взаимодействия субъектов неясными. Чей статус выше — Респуб-

¹ Фактически речь шла о сербскохорватском языке с использованием латинского алфавита.

лики Боснии и Герцеговины или Федерации? Почему мусульман и хорватов на переговорах теперь будет представлять Федерация, т.е. часть Республики Боснии и Герцеговины, а не признанная Босния и Герцеговина? Если переговорный процесс продолжит команда Федерации, то почему ее возглавляет президент Боснии и Герцеговины, а не Федерации? Если возможны конфедеративные отношения с Хорватией, то чей международный статус выше: конфедерации или федерации? Возможно ли создание самостоятельной территории в БиГ с большинством сербского населения? И так далее, так далее. Мусульмане полагали, что наибольшая опасность для них состоит в том, что новое образование построено на отрицании прежней Конституции БиГ (247). Хорваты опасались, что кантоны начнут образовываться не по национальному признаку, что присоединение к Хорватии не осуществится (151). Они продолжали выступать за создание чисто хорватских кантонов, так как «не хотели нового братства-единства» (258). Представители же миротворческих сил наивно полагали, что важно заставить функционировать экономику федерации, что надо начать вкладывать деньги в эти территории, тогда и сербам захочется присоединиться к ней (151).

Для хорватов подписание договора о Федерации было выгодно, так как для них наступал мир, они получили закрепленные законом свои национальные территории (кантоны). Кроме того, хорватский народ стал государствообразующим народом, что позволяло им отстаивать определенные права и привилегии в БиГ.

Однако начало функционирования федерации затягивалось. В начале мая президенты Хорватии и БиГ обменялись письмами, упрекая друг друга в невыполнении соглашений и предлагали провести официальные встречи для урегулирования нерешенных вопросов. 14 июня Ф.Туджман посетил с официальным визитом Сараево и открыл посольство Хорватии в БиГ. В разговоре с А.Изетбеговичем он обсуждал Совместное заявление, которое включало четыре пункта: либерализацию транзита через Хорватию жителей БиГ, а также товаров; возвращение беженцев; восстановление дорог, железнодорожных путей, телекоммуникационных связей, особенно на линии Тузла — Мостар — Сараево — Зеница — Тузла; обеспечение специального доступа к адриатическому порту Плоче для мусульманского правительства и боснийских представителей. Мусульмане остались недовольны посещением президента Хорватии. Сараевская печать оценила посещение как «провокацию и усиление герцеговинской струи». Особенно Ф.Туджману ставили в вину то, что на пресс-конференции на Сараевском аэродроме, говоря о Западной Герцеговине, он употребил термин «Южная Хорватия» (89).

16 мая в Сараево было объявлено о начале деятельности объединенного Штаба совместной хорватско-мусульманской армии с задачей формирования единых вооруженных сил в соответствии с политической концепцией Федерации. Главой его был назначен хорватский генерал Анте Росо и мусульманский генерал Фикрет Муслимович (86). 21 июня 1994 г. состоялось совместное заседание Скупщины БиГ и Учредительной скупщины ФБиГ для формирования правительства и обсуждения вопросов мирного плана.

Однако далее подписания формальных актов о создании Федерации дело не продвигалось. Вся последующая история мусульманско-хорватской федерации — это история совмещения несовместимого, преодоления бойкотирования договора и одной, и другой сторонами, борьбы за лидерство при желании отстоять свою национальную особенность. Член Президентского совета Хорватской республики Герцег-Босны Миле Акмаджич говорил, что будущую ФБиГ на просторах бывшей БиГ «из-за торопливос-

ти нельзя будет построить в любви». Некоторый вид союза может образоваться только в том случае, если кто-то третий нападет на Федерацию (87, с.1).

В Федерации не решались вопросы кадров, определения границ кантонов и, соответственно, разработки карт, формирования совместной армии. В тюрьмах оставались пленные обеих сторон. В выступлениях лидеров то и дело проскальзывали сомнения в правильности раздела Республики, в нарушении договоренностей, в правомочности кантонального устройства (244). Иногда мусульманские военные пытались силой начать объединение армий, но вызывали серьезное сопротивление хорватов, что иногда приводило даже к столкновениям (248). По мнению самих военных даже в июле Армии Федерации не существовало. Продолжали существовать самостоятельные АБиГ и ХВО (223, с.4). По мнению командующего АБиГ Р.Делича, поскольку ХВО уже несколько лет не восвало против «сербско-черногорского агрессора», то «лучшим путем для создания федеральной армии является совместная борьба» (241). Но, хорватские солдаты оставляли позиции, часто отступали с линии фронта, нарушая все договоренности с мусульманским командованием (245). Хорватский представитель в Президиуме БиГ С.Ключич заявил исламскому агентству, что Ф.Туджман не намерен выполнять условия договора. «Туджман изменил свою позицию под огромным нажимом США, но он продолжает и дальше выступать за разделение Боснии», — подчеркивал он (246). Ф.Туджман и А.Изетбегович обменивались «открытыми письмами», призывая друг друга к выполнению подписанных соглашений. Серьезные разногласия проявились в переговорах о статусе Мостара.

В июне на совместном заседании Скупщины кабинет министров БиГ был преобразован в орган с двойными функциями — правительства БиГ и правительства федерации. Правительство возглавил Харис Силайджич. Его членами стали 14 мусульман, 13 хорватов и один серб. Десятеро из министров были доктора наук, а двое — кандидаты наук. Возраст министров колебался от 25 до 56 лет (250, с.12). Выборы в местные органы власти были назначены на август, а в федеральный парламент — на сентябрь месяц. Хотя к выборам начали готовиться многие партии — и либералы, и социал-демократы и даже реформисты — в условиях войны, расчленения территории, неопределенности границ федерации и кантонов, — главную роль продолжали играть две партии — мусульманская ПДД и хорватская ХДС. Но неопределенность осуществления задуманного совместного государства вносила свои коррективы. Газеты пестрели критическими статьями в адрес руководителей, якобы виновных в замедлении процесса объединения хорватского и мусульманского народов. Мусульманский «Лиляя» писал в августе, что «федерация бошняков и хорватов хорошо функционирует только на бумаге. А на деле все обстоит совсем иначе. Нет свободы передвижения, отсутствует возможность возвратиться в свои дома там, где власть принадлежит ХВО» (251). А.Изетбегович даже обратился через журналистов к Ф.Туджману и Б.Клинтону с вопросом, серьезно ли они подумали, когда решили подписать договор о Федерации (151). Хорваты тоже имели свои претензии к мусульманам. Как писала газета «Западна Босна», между армиями все чаще происходили инциденты, а провокации устраивали «экстремистские силы в рядах руководства Партии демократического действия, а также Армии Боснии и Герцеговины» (252). Президент ФБиГ обратил внимание на то, что мусульмане считают свою республику иерархически выше, чем Федерация, что приводит к ущемлению прав хорватов (253). Наученные горьким историческим опытом, подчеркивал председатель ХДС

в БНГ Дарно Кордич, хорваты хотят твердо знать, «что в кантонах, федерации, конфедерации, принадлежит им, а что мусульманам» (259). Именно так он предлагал трактовать Вашингтонский договор.

В конце августа лидеры политических партий решили встретиться в Сараеве для обсуждения вопросов возвращения беженцев, организации местных органов власти, создания совместной полиции и ряда других. Но полиция БНГ на одном из пропускных пунктов не пропустила хорватскую делегацию на территорию под контролем мусульманской армии. Переговоры были сорваны. Фактически в Федерации за отведенные полгода были построены декорации, а действие так и не начиналось: лишь формально были приняты основные законодательные акты, избран президент и правительство. На деле существовали два самостоятельных образования, противившихся объединению. Самым серьезным и основным результатом мартовского соглашения была остановка боевых действий между хорватами и мусульманами в БНГ, хотя состояние повышенной боевой готовности войска сохраняли во многих населенных пунктах.

Лидеры БНГ и Хорватии попытались оживить ФБиГ и Вашингтонский договор на встрече 13–14 сентября 1994 г. в Загребе, рассмотрев вопросы сотрудничества. Хотя тексты соглашений обсуждались, но ни один из них так и не был подписан. По окончании переговоров было сделано совместное сообщение, в котором определялись основные направления сотрудничества между БНГ и Хорватией в области экономики, транспорта, таможни, дипломатии, телевидения. Они договорились о создании до 30 сентября 1994 г. переходных органов власти, о пополнении правительства, о начале разработки закона о местном самоуправлении и создании новых общин, об активизации совместного руководства армии, федеральной полиции, о возвращении беженцев, прогнанных и расселенных (240).

1 сентября в Мостар прибыла первая группа международных полицейских, которая должна была вместе с местной полицией навести порядок в городе, где царил атмосфера неприязни, постоянных стычек и провокаций. И мусульмане, и хорваты открывали в городе огонь, не пропуская на свою территорию ни людей, ни технику. По мнению многих наблюдателей, ФБиГ взорвется, прежде всего, в Мостаре.

Вопрос о функционировании федерации всегда вызывал сомнения у исследователей и весьма был труден для политиков. Выступая на Генеральной ассамблее ООН 1 октября 1994 г., А.Изетбегович ни словом не обмолвился о Федерации, которая уже полгода существовала в БНГ. Руководители Федерации не стали политически значимыми фигурами. На переговорном процессе Боснию и Герцеговину, а вернее мусульман, представлял А.Изетбегович, а хорватов — Ф.Туджман. Не были выполнены договоренности о проведении через полгода выборов в местные органы власти, организации хозяйства, репатриации сотен тысяч беженцев и насильственных переселенцев. В январе 1995 г. Вена даже настаивала на создании международной комиссии ЕС по отклонению препятствий в функционировании ФБиГ. Скупщина ФБиГ продолжала оставаться учредительной и функционировала с большим трудом.

Западные страны, особенно США, всячески поддерживали Федерацию. В начале 1995 г. США заявили, что пошлют в скором времени генерала в отставке Фредерика Фрэнка в Боснию, чтобы помочь мусульманско-хорватской федерации объединить свои вооруженные силы (260, с.7).

Только 24 января 1996 г. Президиум Герцег-Босны принял решение о постепенной передаче исполнительной власти Герцег-Босны соответствующим органам Федерации

Боснии и Герцеговины. Того же потребовали и от мусульманской стороны. При этом Крешимир Зубак оставался председателем ФБиГ в переходный период. Тем самым де факто прекратила свое существование Герцег-Босна, созданная в середине 1992 г. Но несмотря на это, продолжались стычки на многих фронтах, не ослабевал и поток беженцев. Спасаясь от мусульманского террора, только в сентябре более 1000 хорватских беженцев оставили район Зеницы (254). Эти и многие другие факты разногласий в Федерации настраивали хорватов против этого искусственного объединения. Согласно опросу загребского «Глобуса», 47,2% хорватов в Хорватии выступали против конфедерации с БиГ (255). Командующий Седьмым корпусом мусульманской армии Мехмед Алагич обвинил хорватов в нападении на мусульманские позиции около Бугойно и в отказе участвовать в совместных боевых действиях против сербов. «Все наши договоры с хорватской стороной заканчивались неудачно, и, если так будет и дальше, то мы не сможем начать занимать территории, которые находятся под сербским контролем, так как за нашей спиной будут находиться враждебно настроенные силы ХВО», — подчеркивал он (256). Сараевские газеты обвиняли хорватов в том, что они спят, пока мусульмане воюют, что пытаются всякими способами избежать боевых действий (257).

Таким образом, ФБиГ носила скорее политический характер, была важным инструментом давления на сербов, способствовала концентрации сил против общего врага. Это намного облегчило задачу борьбы против Республики Сербской.

8. Последние годы противостояния

1994 г. в определенном смысле являлся переломным в войне в Боснии и Герцеговине. Произошли изменения в подходе международных организаций к событиям на этой территории — миротворческие силы и НАТО фактически встали на сторону мусульман и хорватов, отказались от позиции равной удаленности от конфликтующих сторон, пытались повлиять на изменение военной ситуации, начали оказывать давление на сербскую сторону с целью ее ослабить. Именно на 1994 г. приходится большинство авиаударов по сербским позициям. Кроме того, изменилось и соотношение противоборствующих сил — вместо трех сторон конфликта появились две.

Создание Федерации значительно изменило стратегическую ситуацию в БиГ. Я. Акаши писал в Нью-Йорк, что в связи с поддержкой ХВО правительственных сил БиГ и благодаря достижению баланса сил в наиболее напряженных районах, «военная ситуация в Боснии и Герцеговине, главным образом, стабилизировалась» (218). К маю 1994 г. армия мусульман составляла шести корпусов или 65 тыс. человек. ХВО насчитывала 45 тыс. солдат, а Армия РС — 70 тыс. Теперь 130 танков мусульман и хорватов противостояли 200 танкам сербов (218). Мусульманская армия была намерена использовать сложившуюся ситуацию для активизации военных действий против сербов. СООНО сообщали в марте 1994 г., что мусульманская армия, закрепив перемирие с ХВО, активизировала свое наступление в следующих направлениях: Бугойно — Горни-Вакуф, Жепче — Завидовичи — Маглай, Добой — Градац. Напряжение возрастало также на направлениях Горажде — Сребреница, Олово.

Для сербов было важно закрепить существующее положение на фронтах, прочными нитями соединить два сербских района на Востоке Боснии, между которыми располагался город Горажде, удерживаемый мусульманами. Однако начало 1994 г. для сер-

бов, по словам офицера, участника событий, «характеризовалось потерей сербской армией стратегической инициативы на большей части фронта» (322, с. 77). Это было связано и с уменьшением численности войска, и с ослаблением материальной базы в связи с продолжающимися санкциями. Мусульмане стремились использовать возникшее преимущество и расширить свои территории. В частности, они рассчитывали соединить Горажде, Жепу и Сребреницу с территорией вокруг столицы. Для получения поддержки со стороны международных организаций надо было иметь мощный аргумент. Использовали сценарий, похожий на взрыв в очереди за хлебом в Сараево в мае 1992 г. На этот раз взрыв произошел на рынке Маркале 5 февраля 1994 г., унесший жизни многих мирных горожан¹. Обвинены, естественно, были сербы, хотя руководство «голубых касок» знало, что это дело рук самих мусульман.

Воспомому и политическому руководству сербов 11 февраля был предъявлен ультиматум НАТО об отводе тяжелого вооружения на 20 км от города. Сербы выполнили все условия и поставили под контроль ООН все свое тяжелое оружие. Но подготовленные натовцами удары уже нельзя было остановить. 27 февраля были осуществлены первые удары американских истребителей по сербским целям. С этого времени угроза бомбовых ударов силами НАТО постоянно висела над сербами. И они осуществлялись регулярно в течение двух лет, ослабляя сербские позиции, угнетая морально, нанося разрушения и приводя к тяжелейшим экологическим последствиям. Зарабогавшая натовская машина дала мусульманам реальную поддержку и они начали готовить наступление.

В марте 1994 г. вооруженные силы мусульман были значительно реорганизованы и готовились к весенне-летнему наступлению. Передача сербами тяжелого вооружения под контроль миротворцев позволила правительству БиГ сократить войска в районе Сараева и вывести около 20 тыс. солдат в другие районы, в частности в Горажде, и укрепить этот город. Ему правительство отводило особую роль — Горажде должно было стать ключом в его усилиях склонить Запад к полной поддержке мусульман.

Сообщения о военной активности мусульман в районе Горажде поступали уже в первые недели февраля 1994 г. Организованное Р.Младичем наступление на Горажде было остановлено усилиями руководства СООНО и натовцами, которые 10 и 11 апреля бомбили сербские позиции. По договоренности с СООНО сербы вывели войска из трехкилометровой зоны, а все тяжелое вооружение из 20-километровой зоны к 26 апреля. В городе, объявленном защищенной зоной, были сосредоточены 8 тыс. мусульманских солдат, организованных в три бригады, и 12–15 тыс. вооруженных горожан, отряды которых возглавлялись отлично обученными и политически лояльными сотрудниками МВД. Продолжала производить вооружение фабрика «Победа», снабжавшая мусульман боеприпасами. Город становился военной крепостью.

Войдящие в город британские и украинские миротворцы начали демилитаризацию этой зоны, наблюдение за прекращением огня и за соблюдением разведения сторон. Однако и в последующие дни Горажде продолжало оставаться беспокойным местом. Мусульманская армия стремилась занять территории, которые оставили сербы. 28 августа 1994 г. Н. Колевич и генерал Гверо от имени РС подписали договор о прекращении снайперской стрельбы в районе Горажде. Контроль за соблюдением соглашения был возложен на СООНО².

¹ Подробнее об этом см. в IV главе.

² Подробнее о ситуации вокруг Горажде см. в IV главе.

В апреле началось наступление мусульман, которое стало возможным, благодаря Вашингтонскому договору между мусульманами и хорватами и освобождению части войск с Хорватского фронта. Сербы оказались в неприятной ситуации — против них стояли хорватские войска, которые до недавнего времени занимали нейтральную позицию, а иногда выступали совместно с сербами. В весеннем наступлении, которое плавно переросло в летнее, мусульманская армия планировала сконцентрировать свои атаки на стратегически важных для нее направлениях. Следует учитывать, что в это время разрабатывался план Контактной группы, который предполагал раздел территории Боснии и Герцеговины в пропорции 51:49. Поскольку федерация не владела 49% территории, а сербы не собирались ее отдавать добровольно, АФБиГ хотела поправить положение военным путем. Как заявлял А.Изетбегович, мусульманская армия попытается занять территории, «которые им предлагает Контактная группа» (220). На северном направлении она стремилась занять город Брчко и перекрыть дорогу между восточными и западными сербскими районами, которая проходила по Посавинскому коридору. Здесь командующий мусульманской армией Расим Делич обещал дать решающий бой сербам (217). В этом мусульманам помогали хорваты, обстреливая Брчко как из Орашья, так и с хорватской территории, которая находилась всего в нескольких километрах от города сразу за рекой Сава. Планировалась и деблокада Сараево. На Северо-Западе Центральной Боснии клином в мусульманскую территорию врезался район Озрена, где уже несколько месяцев оборону держали 75 тыс. сербов. Поэтому правительство считало необходимым выровнять пограничную линию и направляло атаки на Добой, Тешню и Теслич. На западе АФБиГ наступала на Влашич и Купрес. В конце мая генерал Йован Дивьяк заявлял, что уже созданы предпосылки для занятия ряда крупных городов. При этом «голубые каски» давали все больше примеров сотрудничества с мусульманской стороной. Например, 30 апреля силы СООНО в районе Тузлы вместе с мусульманами атаковали сербские позиции и выпустили более 70 танковых снарядов по позициям сербов. Тогда погибли девять и были ранены пять человек. Этот вопрос обсуждался 3 мая на встрече Р.Караджича и Я.Акаши. В начале июня мусульмане использовали танки «Леопард» из состава СООНО для наступления в районе Озрена, что позволило им занять ряд территорий (263, с. 89, 105).

8 июня 1994 г. в Женеве усилиями Я.Акаши было подписано 36 соглашение о прекращении огня в БиГ сроком на четыре недели. Мусульмане использовали это время для перегруппировки сил и для подготовки к новому наступлению. Они достигли соглашения с хорватами (во исполнение договора о Федерации) о прекращении боев в Центральной Боснии и высвобождении войск для борьбы против сербов. Мусульманская часть войск должна была отойти к Седьмой армии БиГ, которая создавалась специально для проведения операций по освобождению территорий. А ХВО могло использовать освободившиеся войска для борьбы за Купрес и Яйце. Чтобы противостоять сербам, хорваты и мусульмане срочно вооружались китайскими противотанковыми ракетами «Red Arrow-8», которые на расстоянии 3 км пробивают 80 мм сталь. Этими ракетами вооружали войска, расположенные в районе Посавинского коридора, где предполагалось основное сражение.

К возобновлению сражений готовились все. Но сербы — к обороне, они ожидали наступлений как мусульман, так и хорватов. К этому прибавился еще один враг — НАТО. Возможными были воздушные атаки НАТО-пакта. СООНО также готовились

к решающему сражению, считает журналист «Глобуса»: разрабатывались планы эвакуации, отслеживалась ситуация, делались снимки с воздуха. Все ожидали скорого начала серьезной войны (43).

24 июня командующий АБНГ Расим Делич призвал хорват и мусульман начать наступление до полного освобождения их общего государства. Мусульманские войска все чаще нарушали перемирие, обстреливали Добой, Озрен, даже заняли шесть сел. А Пятый корпус АБНГ вообще не прекращал удары по Бихачу, центру непокорных мусульман Фикрета Абдича. Генерал Майкл Роуз заявлял, что мусульмане постоянно нарушают перемирие, являясь его главными противниками (263, с.113). В начале июля сербы контрударом на Озрене вернули себе часть захваченных мусульманами территорий. 9 июля истекал срок перемирия. Сербы согласились продолжить его еще на месяц, но А.Изетбегович был против и дал лишь устное обещание приложить все усилия для обмена военнопленными и беспрепятственного продвижения конвоев ООН.

Караджич так оценивал возможные варианты победы над мусульманами в то время: один из выходов — одержать над мусульманами полную победу, «хотя мы никогда не хотели их полного поражения, как, впрочем, и никогда не нападали на их территории. Мы хотели только разделения, разъединения трех национальных общин, а не поражения мусульман или хорватов. Далее. Один из возможных выходов мы видим в немедленном прекращении войны. Мы... предлагаем немедленное заключение мира, т.е. прекращение военных операций по всей линии огня, разъединение борющихся сторон, введение между ними буферных войск ООН. И после этого в мирных условиях вести разговор о карте разделения. И, наконец, третий возможный выход — очень долго бороться в условиях ни войны, ни мира, как сейчас» (113, с.6).

В начале августа произошли события, которые были крайне неблагоприятны для сербов. 5 августа 16 самолетов НАТО бомбили сербские цели в районе Сараева, днем раньше руководство Югославии разорвало все отношения с Республикой Сербской и установило блокаду на границе. Причиной был отказ сербов в БиГ подписать план Контактной группы для Боснии и Герцеговины. Республика Сербская стояла перед лицом полной международной изоляции.

Воспользовавшись ситуацией, когда весь мир сконцентрировался вокруг ответа руководства РС по плану КГ, мусульмане при полной поддержке мусульманского мира, продолжали вооружаться, формировать свою армию, провели ряд успешных операций, которые значительно подняли их боевой дух. По сообщениям ООН, только за сутки 14 сентября было выпущено более 900 снарядов в районе Бихача. В Западной Боснии была сломлена армия Фикрета Абдича и мусульманской автономии пришел конец. Силы Пятого корпуса мусульманской армии, одержав победу над своими соплеменниками, начали наступление на позиции сербов как Республики Сербской, так и Республики Сербской Краины. Используя установление на границе между РС и Сербией международных наблюдателей, мусульманская армия начала широкомасштабное наступление под кодовым названием «Свобода-94». Борьба шла одновременно по разным направлениям: около Сараева, в Герцеговине, на Игмане, Белашице и Трескавице, Озрене, Маевнице, у Горажде, Добоя, Купреса, Србобрана. Силы правительства из обороны перешли в наступление в центральных и северных частях БиГ. Они атаковали севернее Сараева, чтобы занять путь на Тузлу, потеснили сербов на горе Влашич около Травника, сузили коридор около Брчко. (137). Сербские войска начали терпеть поражение. В октябре месяце только за восемь дней мусульманского наступления сербы потеряли 100 км² территории (221).

Мусульманские силы жестоко атаковали сербские позиции в районе Илишпа, так как большинство жизненных нитей Сараева (на Зеницу, Тузлу) идут через Илишпа. Они употребляли даже тяжелое вооружение в зоне разъединения около Сараева и не были наказаны авиацией НАТО, хотя СООНО регистрировало все нарушения мусульманской стороны. Прессаташе ООН Дж.Силе сказал, что ООН внимательно следит за ситуацией в БиГ и причин для волнений нет. Он сослался на слова Б.Бутроса-Гали, который находился в это время в Японии, и на оценки Я.Акаши, который тоже в этот момент был в отпуске в Японии. «Сейчас не существует угрозы гражданскому населению в какой-либо из защищенных зон в Боснии, которая бы могла вызвать вмешательство воздушных сил НАТО» (138).

В сентябре правительственные силы БиГ, в очередной раз нарушив договор о прекращении огня и выводе тяжелой артиллерии из 20-километровой зоны около города, начали обстрел Грбавицы, сербского района Сараева. Наступление велось из защищенных СООНО зон — Белашницы и Игмана. Сербы в Боснии возмущались: «За ежедневное употребление тяжелого вооружения в «зоне исключения» около Сараева мусульмане не наказываются ударами авиации НАТО. УНПРОФОР мирно регистрирует, но не реагирует на концентрацию от 19 до 24 тыс. мусульманских солдат в направлении Олово — Високо» (139).

Военные понимали, что вся ответственность за активизацию военных действий в районе Сараева лежала на мусульманской стороне. Это подтвердил генерал М.Роуз перед журналистами 20 сентября: «На основе данных радаров, которые фиксируют минометную стрельбу, стрельба начата из города с мусульманской территории. Это неизбежно вело к ответным действиям сербской стороны» (263, с. 169–170; 122). Хотя М.Роуз грозился употребить силу и против мусульман, 22 сентября авиаудар был нанесен по сербским позициям в районе Сараева в связи с обстрелом бронетранспортера СООНО и ранением французского солдата. В ответ сербы запретили передвижение «голубых касок» через свою территорию и отказались гарантировать безопасность сараевского аэродрома.

Напомним, что еще летом 1993 г. Р.Младич разгромил мусульман на Игмане и Белашнице, полностью блокировав Сараево. Угрозы массированных авиаударов заставили политическое руководство РС убедить военное командование республики передать эти две возвышенности под контроль сил ООН. Однако руководство БиГ заговорило о своем праве на самооборону и ввело свои войска на Игман и Белашницу при полном попустительстве французского батальона. Боснийская армия нарушила границы демилитаризованной зоны в горах к западу от города, рыла окопы, вела огонь по сербским позициям. Получив преимущество после сдачи сербам под контроль ООН все тяжелое вооружение, правительственные войска использовали территорию Игмана и Белашницы как плацдарм для крупной наступательной операции к югу от Сараева.

6 октября, беспрепятственно пройдя сквозь демилитаризованную зону на южных склонах горы Игман, охраняемую французским батальоном, мусульманские подразделения напали на сербов и с жестокостью убили 16 бойцов и четырех медсестер. 13 октября мусульманские войска вновь пошли в атаку из этой зоны. Как полагали спецнаписты, главной целью мусульман было пересечь дорогу Лукавица — Трново, по которой сербским войскам доставлялось продовольствие, топливо и боеприпасы. Представители СООНО предприняли операцию по выдворению 650 мусульманских солдат с Игмана, но оставшиеся 500 контролировали зону в 250 км², продолжая обстре-

лы дорог, транспорта, жилых домов (226, с.8). Нарушения мусульманскими войсками демилитаризованной зоны на Игмане и Белашинице, а также «игнорирование» «голубыми касками» нарушений со стороны мусульман вызвали резкие протесты с сербской стороны. Командование ООН признавало законность требований сербов, однако давления на мусульман оказано не было. Сербь сначала придерживались одностороннего прекращения огня и не отвечали на эти провокации, пытаясь урегулировать напряженность политическими средствами, в частности, предлагая провести встречу командующих всех воюющих сторон, но затем прибегли к традиционной методике «давления» на СООНО: ограничивали, «дозировали» доставку гуманитарной помощи в Сараево, обстреливая основную дорогу, по которой проходили колонны автомобилей ООН, задержали доставку топлива, угнали пять грузовиков с медикаментами, блокировали аэродром. Премьер-министр БиГ Харис Силайджич обвинял в свою очередь мировое сообщество в нежелании разорвать сербскую блокаду Сараева. «Сараево душат потому, что его используют как рычаг для достижения политического урегулирования, выгодного «сербскому» режиму в Белграде, — говорил он в одном из интервью. — Следовательно, это — шантаж, причем международное сообщество практически дало на него согласие. Мы ожидаем, что НАТО будет действовать в соответствии со своими обязательствами...» (цит. по: 180, с.8).

Сербское военное командование три раза ставило мусульманам ультиматум в связи с ситуацией на Игмане, раз за разом перенося сроки вывода неприятельских войск, однако эти требования игнорировались, а сербская сторона по сути не предпринимала ничего, чтобы навязать свою волю силой. Военные аналитики уже начали поговаривать о том, что в стратегическом плане сербская армия начала проигрывать войну. Испытывая острый дефицит в живой силе, отмечали они, «сербские подразделения все с большим трудом сдерживают мусульманский натиск на всем протяжении 2000—километровой линии фронта, а верные Сараеву войска тем временем в ограниченных военных операциях откалывают кусок за куском от сербского территориального монолита» (227, с.8).

С появлением на Западном фронте генерала Р.Младича, наступление мусульманских войск было остановлено, а 1 ноября началось контрнаступление. Р.Младич в одном из интервью так описывает события второй половины 1994 г.: «Напомню Вам, что мы этим летом в Женеве предлагали прекратить военные действия на год, чтобы создать условия для активизации политического диалога. Однако мусульмане, которых возглавляет Изетбегович, с этим предложением не согласились. После этого мы предложили прекратить огонь на шесть месяцев, затем на четыре месяца. В конце концов, мы договорились заключить перемирие на один месяц. Но мусульмане это перемирие нарушили. Спустя 20 дней после подписания документа о перемирии они начали военные операции в районе Сараева. По всей вероятности они рассчитывали захваченную в ходе этого наступления территорию превратить в «зону безопасности», а оставшуюся территорию — т.е. Республику Сербскую — в зону, в которой могут действовать силы НАТО.

Помимо этого армия Изетбеговича возлагала большие надежды на поддержку авиации НАТО. Особенно показательны в этом плане наступление Пятого корпуса мусульманской армии из «зоны безопасности» в Западной Боснии. Они использовали статус «зоны безопасности», чтобы при помощи различных махинаций с гуманитарными конвоями довооружить свои силы и создать наступательный потенциал. Затем, увязав по

срокам свою операцию с наступлением сил хорватско-мусульманской федерации в Центральной Боснии, осуществили дерзкий прорыв фронта и захватили значительные сербские территории. Мы были вынуждены принять энергичные ответные меры. При всем этом цель нашей операции отнюдь не мусульманское население Цазинской Краины, а только силы Пятого корпуса. Когда Дудакович¹ начал терпеть поражения, ему на помощь пришла авиация НАТО. В течение трех дней в ходе воздушных налетов участвовало 127 военных самолетов. Удары наносились не только по позициям сербских войск, но и по гражданским объектам, причем использовались самые разрушительные боеприпасы. Были жертвы среди мирного населения» (219, с.209).

1 ноября президент РС Р.Караджич объявил о введении военного положения на всей территории РС и приведении войск в состояние «повышенной боевой готовности». 4 ноября главнокомандующий провозгласил всеобщую мобилизацию и призвал народ защитить сербские территории. В планы сербского командования входило наступление на район Бихача, из которого правительственные войска выгнали мусульман автономной области, которую возглавлял Ф.Абдич. Но поскольку Бихач был объявлен «зоной безопасности» (при этом она фактически не считалась таковой, когда наступление вели верные А.Изетбеговичу войска), наступление сербских войск было «наказано» ударами с воздуха самолетами НАТО 21 ноября. Получившие моральную поддержку Запада, мусульманские войска при поддержке артиллерии и минометов предприняли ряд интенсивных атак на сербские позиции недалеко от Добоя и в районе горного массива Озрен.

В начале ноября Седьмой мусульманский корпус развернул наступление на Купрес, который находился в руках сербов с весны 1992 г. Их поддержали хорватские войска с юга — из Томиславаграда и Ливно. Купрес — важный со стратегической точки зрения город, находящийся на пересечении транспортных коммуникаций между Герцеговиной, Западной и Центральной Боснией. По планам Контактной группы Купрес должен был перейти к ФБиГ². А.Изетбегович заявлял в это время, что стратегия правительства состоит в том, чтобы заставить сербов согласиться с планом мирного урегулирования ЮГ. Занятие территорий, предназначенных по плану мусульманам, — часть этой стратегии (228). Именно в это время сербы стремились пайти взаимопонимание с хорватами, подлить масла в огонь мусульманско-хорватских противоречий. Они практически без боя сдали город хорватам. Журналисты тогда часто не могли найти объяснения поворотам в мусульманско-хорватско-сербских отношениях, полагая, что «ситуация в Боснии носит иррациональный, недоступный для понимания нормальных людей характер» (179, с.5). Они полагали, что на предыдущих сербско-хорватских секретных переговорах сербы обещали Купрес хорватам как компенсацию за территории Посавины недалеко от коридора между западной и восточной частями территории РС.

В ноябре 1994 г. сербы начали использовать систему противовоздушной обороны. В результате при любом применении воздушной силы это становилось новой угрозой самолетам НАТО (140, с.12). Авиация НАТО в связи с этим стала рассматривать возможность подавления системы ПВО. Враждебность между сербами, с одной стороны, и НАТО и СООНО, с другой, усиливалась. 21, 23 и 25 ноября по позициям сербов были нанесены, теперь уже очередные, бомбовые удары авиации НАТО.

¹ Командующий Пятым корпусом мусульманской армии.

² По переписи 1991 г. в Купресе жили 51% сербов, 39% хорватов и 7% мусульман.

Осенью 1994 г. войска, верные боснийскому мусульманскому правительству, впервые одержали крупные военные победы в этой войне. Мусульмане начали атаки на и Северо-Западной Боснии. В районе Бихача мусульмане заняли уже 250 км² территории, которая была под контролем сербов. Военные действия продолжались и в районе города Босанска-Крупа, и севернее Сараева на линии разграничения западнее от Бугойна, где мусульмане пробивались к Дони-Вакуфу (51).

Война в 1994 г. характеризовалась тем, что сначала сербов пытались сломить силой, затем сделали все, чтобы разъединить сербов Краины, Боснии и Сербии, создать единый фронт против них, объединив мусульман и хорватов Боснии и Герцеговины. Потом на фоне разнузданной пропаганды в средствах массовой информации их хотели запугать применением блокады и политической изоляции, обхитрить и обмануть, а в конце попытались сломить массированными бомбардировками, но результата не достигли. Сербия не согласилась с планом КГ. Решающим в смысле давления на сербов оказалось следующее, 1995 г. Сербия же полагали, что, выстояв, они способствуют решению задачи объединения сербского народа в одном государстве, приобретению свободы и независимости.

После того, как летом 1994 г. сербы отказались подписывать план КГ, международные организации фактически изолировали руководство РС, организовали его международный бойкот, который был нарушен лишь в декабре 1994 г., когда при посредничестве бывшего президента Дж. Картера был подписан договор о четырехмесячном (с 1 января по 1 мая 1995 г.) перемирии между враждующими сторонами в Боснии и Герцеговине.

Мусульмане в БиГ использовали время четырехмесячного перемирия для серьезной подготовки к широкомасштабному наступлению по всему фронту. Была проведена дополнительная мобилизация всех мужчин в возрасте от 16 до 65 лет, заключен военный договор о формировании единого военного мусульманско-хорватского командования на территории БиГ, разработан план (из шести пунктов) синхронного открытия широкого фронта против Армии РС и РСК и их полного разгрома (56). 10 августа 1995 г. между БиГ и Турцией был заключен Договор о военном сотрудничестве. Наемники из Афганистана, Алжира, Ливии, Ирана, Турции должны были составить, по планам А. Изетбеговича, армию из 10 тыс. человек (55). На территории БиГ уже воевали около 6 тыс. наемников из стран Востока.

Армия РС находилась в тот момент в трудном положении. Она пострадала от бомбовых ударов НАТО, все ее тяжелое вооружение находилось под контролем «голубых касок». Разрыв связей с СРЮ и установление блокады на границе сделали катастрофическим ее материальное положение. В армии росло недовольство продолжением войны, наблюдалась дезертирство. К ноябрю 1994 г., по данным сербских источников, фронт оставили 75 тыс. бойцов (322, с. 91). В сложившихся условиях Р. Младич стремился к укреплению системы обороны. Однако начавшиеся еще в предшествующий год противоречия между гражданской и военной ветвями власти в начале 1995 г. еще больше углубились. Эти противоречия разрастались на фоне сложных взаимоотношений Пале и Бая-Луки, а также идеологических разногласий. Все эти противоречия в конечном итоге выстраивались по линии Милошевич — Караджич. Белград стремился к ослаблению Караджича и его авторитета в Боснии и Герцеговине, поддерживая всех, кто был против него. Так, Белград явно проявлял симпатии к Бая-Луке, которая всегда критиковала Пале за то, что основные должности в государстве занимали представители сара-

Этнические позиции в 1995 г.

По кн. Мартынова М.Ю. Балканский кризис и политика. — М.: Статус-рад, 1998. — С. 226.

евско-романийского региона. Белградская печать часто представляла Баня-Луку как оппозиционный город. Открытые симпатии руководства РС (читай: Пале) к четническому движению также противопоставляли его Белграду, не желавшему отступать от партизанских традиций. Антикоммунистически настроенное руководство РС все больше вставало на монархические рельсы, в то время как во главе Сербии укреплялся левый блок, наследник Союза коммунистов. И армия, большинство офицеров которой происходило из ЮНА, не всегда одобряла монархические и четнические наклонности политической элиты. В феврале 1995 г. политическая напряженность готова была перерасти в кризис. Девять оппозиционных партий РС, среди которых заметное место занимали Социалистическая партия РС и Союз коммунистов — движение за Югославию, потребовали проведения парламентских многопартийных выборов с тем, чтобы «создать законные органы власти, которые бы смогли ответственно и более удачно решать насущные проблемы своего народа, в первую очередь — окончания войны и установления мира» (280, с.6). В официальном сообщении оппозиции напоминалось, что нынешняя Скупщина РС была сформирована три года назад из состава депутатов-сербов парламента Боснии и Герцеговины в момент ее распада и начала войны. Президент же был избран не на прямых выборах, а Скупщиной. Однако власти республики были против проведения выборов в условиях войны.

На юбилейном 50-ом заседании Народной Скупщины в Сански-Мосте в апреле 1995 г. армия подверглась серьезным обвинениям со стороны некоторых политических и партийных деятелей. Отчет и предложения Главного штаба были встречены в штыки. Армию обвинили во вмешательстве в политические вопросы, в некомпетентности,

самодовольстве, в «коммунизме» и даже в подготовке военного переворота. Вопросы укрепления армии, ее социальной защиты, обеспечения всем необходимым так и не были решены (233, с. 173). В печати развернулись дискуссии о негативных явлениях в армии и вне ее — о спекуляции, дезертирстве, социальном расслоении, о ненужности введения военного положения, о падении мотивации к продолжению войны. В условиях непосредственной военной опасности вопросы снабжения армии не стали приоритетными задачами властей всех уровней. Кроме того, радио и телевидение, по мысли военных, повернулось к ним спиной и занялось, фактически, антиармейской пропагандой (233, с. 198).

В начале 1995 г., как сообщала ООН, именно правительственные силы БиГ развязали военные действия в большинстве безопасных районов и вокруг них (Сараево, Тузла, Бихач). Они использовали защищенные ООН зоны для концентрации своей армии, исключением не было и Сараево (140, с. 12). Реакцией сербов были ответные действия, как отмечалось в отчетах, «часто в несоразмерных масштабах». При этом «запрограммированные» против сербов миротворцы, согласно мандату «на сдерживание нападений на безопасные районы..., реагировали на действия сербов независимо от того, являются ли они реакцией на наступление, предпринятое другой стороной» (140, с. 12). Правительство БиГ нарушило соглашение о прекращении снайперской стрельбы, использовало СООНО в качестве щита для наступательных и провокационных действий, все больше вводило ограничения на передвижение сил миротворцев (140, с. 14). Сербы со своей стороны использовали такой рычаг давления на мусульман, как Сараево. Они закрыли дороги в аэропорт, возобновили обстрел города, обстреляли дорогу через гору Игман, ужесточили свой контроль за доступом в районы, удерживаемые мусульманскими войсками, прекратили снабжение города питьевой водой, электроэнергией и газом.

Уже в феврале мусульманское правительство грубо нарушило перемирие в районе города Круп-на-Уни, прорвав сербские позиции и нанеся чувствительные потери сербским войскам, а во второй половине марта ожесточенные сражения начались на трех фронтах — в районах Тузлы, Травника и в Посавинском коридоре. Продолжая нарушать перемирие, мусульманские подразделения атаковали 22 марта сербские позиции, действуя из зоны под защитой ООН в Горажде, в Восточной Боснии. «Тотальная война — единственная альтернатива неукладу международных мирных планов для бывшей Боснии и Герцеговины», — говорил премьер-министр мусульманского правительства Харис Силайджич (229).

Весеннее наступление мусульманская армия тщательно планировала и широко об этом оповещала. Проводились учения, закупалось оружие, передислоцировались войска согласно намеченному плану наступления. При действующем международном эмбарго на поставки оружия американские самолеты типа «Геркулес» С-130 напичкивали аэродром Тузлы всевозможным оружием и полевой техникой из стран ислама и Западной Европы. В городах Вереш, Високо, Горажде срочным порядком возводились взлетно-посадочные полосы для тяжелых самолетов. Американские и немецкие инструкторы обучали солдат, помогали в разработке тактических планов. Хорватское и мусульманское командование разработали планы совместных действий против сербов в Боснии и Хорватии. В частности, один из пунктов плана предполагал активизацию военных действий на границе РС, в то время как хорватские войска нанесут удар по тер-

ритория РСК, чтобы в молниеносном ударе занять как можно больше сербской территории. После этого совместные действия мусульманской и хорватской армий предусматривали перерезать северный и западный коридоры, соединяющие сербские районы. Операции хорватских и мусульманских сил против сербов планировались на встречах высшего командования ФБиГ в Мостаре, Сплите, Загребце.

27 марта Р.Караджич направил письмо Генеральному секретарю ООН, президентам США, Франции, Великобритании и России, в котором просил их, используя свой авторитет, остановить мусульманское наступление на Республику Сербскую.

В условиях запрещения Советом Безопасности использования авиации в БиГ, боевые вертолеты армии мусульман атаковали сербские позиции в районе Донн-Вакуф (230). В результате стремительного наступления правительственные войска захватили стратегически важную горную вершину Трескавица в 30 км к югу от Сараева и несколько близлежащих деревень. Сербам все труднее было удерживать линию фронта: не хватало оружия и живой силы. Во время наступления хорватско-мусульманских сил сербские войска установили контроль над всеми площадками сбора тяжелых вооружений в 20-километровой зоне вокруг Сараева, куда они сдали БТР и танки в феврале 1994 г. В июне мусульманские войска начали операцию по деблокаде Сараева. Они пытались прорвать кольцо сербских войск с запада извне, в чем им помогали и хорваты, и пробиться из Сараева на Трновском фронте. Тяжелее всего пришлось борцам Илияша, Хаджичей, Илиджа и Нового Сараева. По словам генерала ХВО Внко Лучича, на Сараевском фронте боролись 30 тыс. мусульманских и 6 тыс. хорватских солдат против 12–15 тыс. сербских (58, с.5). Тем не менее, в кровавых столкновениях, которые длились с 16 июня до начала июля, сербы выстояли.

В конце июня 1995 г. французская газета «Монд» опубликовала материал своего сараевского корреспондента о боснийской армии. Он писал, что боснийская армия позрела и возмужала. Особенностью стало то, что произошло военное укрепление ФБиГ, в то время как политически она терпит крах. Во многом ее организационному становлению способствовали американские советники — генералы («в отставке») Джон Гэлвин в 1994 г. и Джон Сьюэл в 1995 г., которые помогали созданию объединенного штаба армии. Армия поняла необходимость штабной работы в сотрудничестве с ХВО, а также важность профессиональной подготовки людей. Теперь все наступления велись исключительно грамотно, солдаты были хорошо подготовлены. Мир с хорватами позволил доставлять через Хорватию военное снаряжение, полностью снабдить армию всем необходимым (57).

Раздираемое противоречиями, руководство РС находилось под большим давлением международных организаций и запретительной системы для Армии Республики Сербской. Политика ведения войны «ни победы, ни поражения» и тактика «вперед — остановись» еще больше влияли на ослабление морального духа сербской армии.

Во второй половине 1995 г., по словам Б.Бутрос-Гали, в БиГ «отмечался беспрецедентный уровень военной активности, включая наступления, предпринимавшиеся всеми сторонами и приведшие к крупным потокам беженцев и перемещенных лиц» (141, с.4). Очевидной была решимость сторон добиться военного решения конфликта после истечения срока соглашения о прекращении военных действий. 6 июля 1995 г. сербы начали крупномасштабное наступление на Сребреницу, а 25 июля они заняли Жепу. Собравшиеся 21 июля в Лондоне члены КГ, представители НАТО и войск СО-

ОНО предупредили сербов, что им «будет дан решительный отпор, включая нанесение ударов авиацией НАТО» (141, с.4). 28 июля 10-тысячное хорватское войско прорвало линию обороны сербов и заняло города Грахово и Гламоч. Эти города находились в Боснии и Герцеговине, но в непосредственной близости от Книна, столице непризнанной Республики Сербской Краины. Занятие этих городов создавало непосредственные предпосылки удара на Книн. Успехи хорватской армии объяснялись, с одной стороны, тем, что примыкающие непосредственно к РСК районы под контролем сербов БИГ не имели сильной системы обороны и большого количества войск. С другой стороны, сербы верили, что их бои с хорватами закончились еще в 1992 г. Наступление хорватской армии прошло так гладко, что появились слухи о договоре об уступке сербской стороной этих территорий. Р.Младич пообещал вернуть города, обратившись за помощью к Югославии. Но было ясно, что С.Милошевич не будет ему помогать, поскольку на карту было поставлено новое ужесточение санкций против Югославии.

2 августа 1995 г. президент РС Р.Караджич принял решение о переименовании Главного штаба АРС в Генеральный штаб АРС, который переходил в подчинение верховному главнокомандующему (президенту) в условиях военного времени или непосредственной военной опасности. Генерал Р.Младич фактически был смещен, и ему была предложена новая должность — Специального советника Верховного главнокомандующего по координации совместной обороны РСК и РС. В армии такое решение было признано предательством интересов Республики, расценено как дискредитация армии, как желание поссорить народ и армию. Р.Младич отказался уйти с должности командующего, а 18 высших офицеров обратились с письмом к Народной Скупщине РС с просьбой поддержать решение коллегии Главного штаба АРС о недопустимости кадровых изменений в армии. Борьба в РС против военного руководства проходила во время хорватского наступления на Гламоч и Грахово, следствием которого стал разгром Республики Сербской Краины. А ведь в это время, было так необходимо единство всех сил по защите сербского населения как в Хорватии, так и в Боснии и Герцеговине.

Военная зависимость РС от Белграда, наличие в армии РС офицеров, которые не желали исполнять приказы, если они противоречили указаниям Белграда, партизанский способ борьбы (только в районе, где сформирована единица), огромная длина границы, которую невозможно было защищать, отсутствие какой-либо военной и дипломатической поддержки РС — все это значительно ослабляло Армию РС. К весне 1995 г. в ней накопилась усталость от долгих боев, от плохого снабжения, невозможности обеспечить семью, больших людских потерь. Летом 1995 г. в Белграде была проведена «операция» по выявлению дезертиров из армии РС и отправке их на фронт. Молодежь скрывалась от армии — в СРЮ находилось около 150 тыс. человек призывного возраста из Боснии и Герцеговины. Эта болезненная операция не могла дать больших результатов для армий РС и РСК.

В августе-сентябре 1995 г. НАТО провела беспрецедентную по своей жестокости операцию по уничтожению сербских военных объектов, центров связи, систем ПВО (подробнее об этом см. в главе IV). Бомбардировка самолетов НАТО сопровождалась успешным наступлением мусульманско-хорватских сил в западной части страны. Ситуация на фронтах начала меняться с молниеносной быстротой. Лишенные связи, военные подразделения ощущали на себе материальные трудности, и двоевластие — старое и новое командование. За неделю, с 8 по 15 сентября, мусульмане заняли боль-

шную часть Озренского выступа, а хорваты выдвинулись на значительное расстояние в юго-западной части страны, заодно захватив и районы, в которых традиционно проживали сербы. Были заняты Яйце, Шипово, Дони-Вакуф, Благай, Дрвар, Петровац, Босанска-Крупа, Мартин-Брод, Кулен-Вакуф и еще более 200 сел, огромные лесные массивы. Сербская армия оставила 4 тыс. км² территории с большинством сербского населения. Во многих местах была учинена расправа над мирным сербским населением. Еще 50 тыс. сербов стали беженцами в последние дни войны (183; 319). По убеждению западных аналитиков, именно авиаудары заставили сербов сесть за стол переговоров. Но по мнению сербских экспертов, отступление сербской армии стало, кроме, безусловно, натовских ударов, результатом собственных ошибок и слабости, военного усиления хорватов и мусульман, а также «пагубной национальной политики Слободана Милошевича и официального Белграда» (319). После подписания 12 октября соглашения о прекращении огня, бои еще велись в районе Приедора. Толпы сербских беженцев, покинув город, двинулись в сторону Бая-Луки. Мусульманские и хорватские войска продолжали обстреливать из артиллерийских орудий и минометов сербские боевые порядки и гражданские объекты южнее Бая-Луки.

В результате четырехлетних боев к концу 1995 г. территория Боснии и Герцеговины была разделена на три этнических района, сербская армия ослаблена, а мусульманские и хорватские войска с помощью НАТО смогли отвоевать у сербов даже большую территорию (55%), чем предусматривалось планом Контактной группы. Политические руководства сербов, мусульман и хорватов под нажимом США и международных организаций были вынуждены пойти на подписание мирного договора. Генерал Младич так оценивал результаты войны: «Мы действительно пережили много страданий в этой войне. Мы не проиграли, но и не одержали в нем победы, и это, возможно, наша трагедия. Нам была навязана такая политическая линия, которая не давала возможности закончить войну военными средствами. Очевидно, что такой итог войны имел место не без участия международных факторов. Западные государства во главе с Америкой в критические для мусульман и хорватов моменты этой войны всегда предпринимали прямое вооруженное вмешательство в ход боевых действий на их стороне и спасали их от поражения, поэтому мы были не в состоянии, принимая во внимание тот факт, что мы и сами были в условиях полной блокады, сделать больше, чем мы сделали» (314, с.295).

Война в Боснии и Герцеговине принесла огромные разорения стране, гибель населения. За годы войны, согласно сербским источникам, погибли 200 тыс. человек, из которых 90% — мирные жители. Только в Сараеве погибли 10 тыс. человек, из которых 2 тыс. — дети; 60 тыс. были ранены; 2 тыс. жителей города стали инвалидами. От 2,5 до 3 млн. человек покинули свои жилища: 800 тыс. сербов из Западной Герцеговины, Средней и Западной Боснии, 800 тыс. мусульман из Восточной Герцеговины, Краины и Восточной Боснии, около 500 тыс. хорватов из Средней Боснии (64). Мусульманские источники называют другие цифры, но они вызывают сомнения и кажутся завышенными. Так, в декабре 1992 г. упоминалось о 1800 тыс. изгнанных со своих земель и 130 тыс. ликвидированных мусульман (293, с.75), в то время как по переписи 1991 г. в БиГ всего проживало 1 905 829 мусульман.

Один из сараевских журналистов писал: «Когда однажды будут писать хронику этой грязной войны, то ее самым черным местом будут массовые преступления» (295, с.23).

Уже в декабре 1992 г. сообщалось о 700 разрушенных мусульманских культовых строениях, сотнях тысяч уничтоженных гражданских домов мусульман (293, с. 76). В июне 1994 г. мусульмане представили в ЕС данные о 900 разрушенных и 500 поврежденных джамиях (263, с. 110). Мусульмане заявили, что за восемь месяцев войны сербами открыты 119 концентрационных лагерей в БиГ и 19 — в Сербии и Черногории, изнасилованы 52 тыс. мусульманок (293, с. 130). Сербские нерегулярные формирования обвиняли в этнических чистках в Купресе, Биелине, в городах на левом берегу Дрины (29, с. 24).

По данным Сербской православной церкви, за первый год военных действий в БиГ было разрушено 77 храмов и других церковных зданий, а 86 были повреждены или разграблены (316, с. 845).

Босния и Герцеговина была известна в мире по так называемым «этническим чисткам», процессу, который сопровождал попытку создать три этнических общности на территории Боснии и Герцеговины. Этот страшный термин, произносимый обобщенно, применялся, как правило, только к сербской стороне. Тадеуш Мозавецкий, руководитель комиссии ООН по правам человека, отмечал, что его особую тревогу вызывает судьба мусульман, которые оказались под угрозой физического уничтожения, поскольку вслед за сербами к проведению «этнических чисток» приступили хорваты (232). Именно за «этнические чистки» Гаагский трибунал осудил руководителей РС, а список преступников состоял преимущественно из сербских имен. Никто из исследователей не занимался серьезно этой проблемой. Однако знакомство с документами и материалами войны в Хорватии и Боснии и Герцеговине приводит нас к выводу, что в процессе создания этнически чистых территорий участвовали все стороны без исключения, и они использовали разную методику.

1) Запугивание населения (угрозы по телефону, в письмах, публикации в газетах, распускание слухов), создание прецедента (избиение, поджог магазина или киоска, взрыв на кладбище), которые вызывали страх и желание избежать участи изгоев. С этого начиналось в Хорватии, этим широко пользовались мусульманские власти в Сараево.

2) Предоставление населению возможности уехать, «оставив территорию, на которой ведутся боевые действия» или под любым другим предлогом. Такими методами пользовались сербы в БиГ, хорваты. Например, в марте 1993 г. командующий Зворникским гарнизоном Армии РС обратился к мусульманскому населению в районе Коневича: всем желающим покинуть этот район будет предоставлен транспорт. Организовывался маршрут Коневич-Поле — Дринача — Зворник — Цапарде — Мемичи (208). Хорватское правительство перед началом боевых действий (14 сентября 1991 г.) в районе Вргин-Мост — Топуско вывозило хорватское население этих мест на автобусах. А уже 16 сентября хорватская милиция уходила из этого района, минируя и взрывая многие здания в Топуско. Хорваты в Мостаре в июле 1993 г. ночью вывозили мусульманских женщин и детей из города через обстреливаемую снайперами линию фронта, а мужчин бросали в тюрьмы. По данным ООН, из города были насильственно изгнаны 12 тыс. мусульман (115).

3) Размен населения. Он проходил, как правило, на добровольной основе, был специально организован. Из города, например, уходили мусульмане, а приходили сербы из мусульманских анклавов. Такие размены были в Посавине, Брчко, других местах. Разменивались большие группы по 100–200 человек.

3) Насильственное выселение без применения силы. Так было выселено сербское на-

селение из Западной Славонии в 1991 г., мусульманское население из Яня и Библины и Баня-Луки. В августе 1993 г. и в сентябре 1994 г. выселением мусульман из Баня-Луки, Сански-Моста, Библины активно занимался некто Воян Джуркович, от которого открылись все политические партии в РС, Сербии и даже Аркан. Одно время, по сообщениям Фонда гуманитарного права, он возглавлял Комиссию по обмену гражданских и военных лиц и «усердствовал» в деле уменьшения процента мусульманского населения в Республике Сербской. Выселение мусульман происходило по процедуре: сначала составляли списки мусульман на выселение, затем эти списки отлащались, людей собирали в месте сбора (например, Сельскохозяйственная школа в Библине), сажали в автобусы и отвозили или к линии фронта к Тузле, или на сербско-венгерскую границу¹. В летние месяцы 1994 г. только из Библины были выселены более 2 тыс. человек (282).

4) Насильственное выселение с применением силы, когда военные врываются в дома, убивали мирных жителей, заставляя других бежать, оставляя все свое имущество. Примером могут служить политика мусульманского правительства по отношению к сербскому населению в Сараево; события 1995 г. в Книнской Краине и Западной Славонии; действия хорватов в районе Мостара и в долине Неретвы, когда сербов после начала военных действий в мае 1992 г. арестовывали на улицах, сажали в тюрьмы и лагеря, в селах дома сжигали, заставляя многих бежать с этой территории (301); уничтожение мусульманами сербских сел в районе Братунаца и Сребреницы с мая 1992 по февраль 1993 г. (299).

5) «Совет» своевременно уехать из своего дома, который давали или католические, или мусульманские священники. Иногда это делалось из политических соображений, чтобы создать видимость «этнических чисток».

Этнические чистки Р.Караджич называл этническими миграциями. Мусульмане писали о «свирепости, с которой Караджич провел этнические чистки», и называли его нацистом (295, с. 100). Сербские источники зафиксировали огромное число жертв среди сербского населения и зверства, которые чинили мусульманские и хорватские воины (294; 296; 299; 301; 304; 316; 320; 321). В 1992–1995 гг. в Северной, Центральной и Восточной Боснии отмечались большие потоки беженцев. Согласно статистическим данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, результаты к 1995 г. таковы. В Северной Боснии численность мусульманского населения сократилась по сравнению с 1991 г. на 90%: с 355 956 до 37 000 человек. В Восточной Боснии и Южной Герцеговине из 300 000 мусульман и хорватов осталось 4 000. К сожалению, данные о сербских жертвах ООН не приводит. Иногда официальная статистика дает цифры лишь по отдельным городам. Так, в районе Тузлы сербское население уменьшилось на 72% — с 82 235 до 15 000 человек (63, с. 8).

Последствия войны в БиГ будут ощущаться не одно десятилетие. Людям еще долго суждено помнить, кто ограбил и разрушил их дом, убил близких. Чувства обездоленности, невозвратной потери, а часто и мести еще многие годы будут персполнять души людей.

Окончательный итог войне в Боснии и Герцеговине был подведен в Дейтоне, где в декабре 1995 г. были подписаны мирные соглашения, открывшие новую страницу истории БиГ.

¹ Последний раз территория Сербии использовалась для провоза мусульман к венгерской границе 29 августа 1993 г. сообщает Фонд гуманитарного права (282).

Список источников и литературы

1. Bilten vesti. — Moskva, 1993. — 16 dec. — 3 s.
2. Bilten vesti. — Moskva, 1993. — 22 dec. — 3 s.
3. Bilten vesti. — Moskva, 1993. — 21 dec. — 5 s.
4. Bilten vesti. — Moskva, 1993. — 28 dec. — 3 s.
5. Bilten vesti. — Moskva, 1993. — 29 dec. — 2 s.
6. Bilten vesti. — Moskva, 1993. — 30 dec. — 2 s.
7. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 3 jan. — 4 s.
8. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 4 jan. — 2 s.
9. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 5 jan. — 5 s.
10. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 6 jan. — 2 s.
11. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 8 jan. — 5 s.
12. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 10 jan. — 6 s.
13. ИТАР-ТАСС: Вести Европы. — М., 1994. — 20 янв.
14. ИТАР-ТАСС: Вести Европы. — М., 1994. — 19 янв. — С. 2.
15. Лавров С. Бомбить ли в Боснии? // Московские новости. — М., 1994. — 23/30 янв. — № 4. — С. А5.
16. Шипаинов М. Послание Гали. Две версии // Куранты. — М., 1994. — 1 февр. — С. 3.
17. Сычев А. Штаб НАТО прикидывает, кого и как бомбить в Боснии // Известия. — М., 1994. — 29 янв. — С. 3.
18. Зубко М. Шведский министр критикует ООН // Известия. — М., 1994. — 1 февр. — С. 3.
19. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 11 jan. — 5 s.
20. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 12 jan. — 6 s.
21. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 13 jan. — 3 s.
22. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 17 jan. — 4 s.
23. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 18 jan. — 3 s.
24. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 19 jan. — 4 s.
25. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 22/23 jan. — 4 s.
26. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 25 jan. — 4 s.
27. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 28 jan. — 6 s.
28. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 29 jan. — 3 s.
29. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 1 febr. — 4 s.
30. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 3 febr. — 4 s.
31. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 4 febr. — 5 s.
32. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 6 febr. — 6 s.
33. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 7 febr. — 7 s.
34. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 8 febr. — 4 s.
35. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 9 febr. — 6 s.
36. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 10 febr. — 4 s.
37. Отставка Бобана // Независимая газета. — М., 1994. — 9 февр. — С. 4.
38. Большаков В. Иначе Россия поступить не могла // Правда. — М., 1994., 23 февр. — С. 3.
39. Бивер Пол. Что стоит за усилением боснийской армии? // ИТАР-ТАСС: КОМПАС, М., 1994. — 16 февр., № 26. — С. 33–37.
40. Войска и вооружения вояющих сторон // ИТАР-ТАСС: Вести Европы. — М., 1994. — 7 февр. — С. 13–14.
41. Silajdžić H. Intervju... // Borba. — Beograd, 1994. — 14/15 maj. — S.V.
42. СРНА. — Београд, 1994. — 16 мај.
43. Jeger K. Hrvati i muslimani ovog će ljeta napasti posavinski koridor i napokon započeti odlučnu bitku

- za Bosnu // Globus. — Zagreb, 1994, 1 srpnja. — S. 2–3.
44. Tragedija BiH // Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 16/23 jun. — S. 1.
45. Silajdžić H. Intervju... // Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 16/23 jun. — S. 3.
46. Reuters Newsfile Service, 1994, July 25.
47. Подаци о жртвама рата // Политика. — Београд, 1994. — 12 авг. — С. 2.
48. 500 милијуна \$ за обнову Сарајева // Vjesnik. — Zagreb, 1994. — 1 jul. — S. 56.
49. Оружје, ипак касни ? // Borba. — Beograd, 1994. — 12 avg. — S. 1.
50. Nadmoć Srba u oružju i — generalima // Borba. — Beograd, 1994. — 1 sept. — S. 4.
51. СРНА. — Београд, 1994. — 6 нов.
52. Марковић М. Мудакетнина — има, има! //Јавност. — Сарајево, 1994. — 5 март. — С. 12.
53. СРНА. — Београд, 1995. — 7 март.
54. СРНА. — Београд, 1995. — 27 фебр.
55. Муслимани се припремају за крвав рат // Политика. — Београд, 1994. — 3 окт. — С. 2.
56. СРНА. — Београд, 1995. — 11 март.
57. «Монд» о «Боснијској» кризи // ИТАР-ТАСС: Вести Европе. — М., 1994. — 29 јуња. — С. 3–5.
58. Bilten vesti. — Moskva, 1995. — 21 jun. — 5 s.
59. Bilten vesti. — Moskva, 1995. — 3 jul. — 3 s.
60. Сысоев Г. Боснијска игра в коцки-мышки // Московские новости. — М., 1994. — 16/23 июля. — № 48. — С. 7.
61. Terzić S. Izvodi iz saopštenja «Religija i država kod muslimana». Prilog // Bilten vesti. — Moskva, 1995. — 19 jul.
62. Bilten vesti. — Moskva, 1995. — 26 jul. — 4 s.
63. «Бостон Глоб» о положених в Боснији // ИТАР-ТАСС: Вести Европы. — М., 1995. — 26 сент. — С. 6–11.
64. С. И. Привремени биланс рата // НИН. — Београд, 1995. — 15 дец. — № 2346. — С. 19.
65. Арсенић Р. Остварени сви циљеви // Политика. — Београд, 1995. — 16 дец. — С. 7.
66. Овен Д. Улазак у босански лонал // НИН. — Београд, 1995. — 8 дец., N 2345 — S.50–52; 15 дец., N 2346. — S.51–53; 22 дец., N 2347. — S.52–54; 29 дец., N 2348. — S.54–56; N 2349. — S. 51–53.
67. СРНА. — Београд, 1996. — 9 фебр.
68. СРНА. — Београд, 1996. — 4 фебр.
69. Radulović S. Srpsko-hrvatski odnosi i međunarodna zajednica (7) // Borba. — Beograd, 1994. — 21 jun. — S. 13.
70. Zaboravljeni sporazum o Bosni // Naša Borba. — Beograd, 1996. — 4 mart. — S. XIV.
71. Краишник М. Интервју... // Интервју. — Београд, 1994. — 19 авг. — Г. 14, № 342. — С. 14–17.
72. Конференција за штампу Велибора Стојића // Политика. — Београд, 1992. — 12 јул. — С. 5.
73. Избеглице у Србији // Епоха. — Београд, 1992. — 30 јул., N 37. — С. 29.
74. Strogo kontrolisana iznenađenja // Borba. — Beograd, 1994. — 25 avg. — S. 13.
75. СРНА. — Београд, 1994. — 30 авг.
76. U Johannesburgu: djeca nudjene su od 6000 maraka! // Globus. — Zagreb, 1994. — 1 srpnja. — S. 61–63.
77. Salihbegović A. Drugo priznanje Bosne // Ljiljan. — Sarajevo/Ljubljana, 1994. — 15 juni. — S. 7.
78. Tadžić I. Kad migracija prerasta u — emigraciju // Ljiljan. — Sarajevo/Ljubljana, 1994. — 15 juni. — S. 23.
79. Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1 / Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. — М.: Экспертинформ, 1992. — 372 с.
80. Kovačević S., Đajić P. Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993. — Beograd: IES, 1994. — 284 s.
81. Divjak J. Intervju... // Svijet. — Ljubljana, 1996. — 8 febr. — S. 33–37.
82. Гајић-Глишић Д. Српска војска: Из кабинета министра војног. — [б.м.], 1992. — 313 с.
83. Кадиевић В. Моје виђење распада. — Београд, 1993. — 170 с.

84. Разговор с «N», который все время блокады Сараева жил в городе. Его воспоминания представляют значительный интерес, поскольку он из мусульманской семьи, а значит, не занимал «просербской» позиции. «N» старался просто изложить хронологию событий так, как он их запомнил.
85. Ракић Ж. Окончани преговори у Бечу // Политика. — Београд, 1994. — 12 мај. — С. 1,7.
86. Озваничен здружени хрватско-муслимански Генералштаб // Политика. — Београд, 1994. — 17 мај. — С. 1
87. СРНА. — Београд, 1994. — 18 мај.
88. СРНА. — Београд, 1994. — 16 мај.
89. СРНА. — Београд, 1994. — 16 јун.
90. Tajni pregovori o konfederaciji Hrvatske i Slovenije? // Borba. — Beograd, 1994. — 28 јун. — С. 9.
91. Мартынова М.Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса // Диссертация на соискание учен. степени доктора истор. Наук. — М., 1996. — 520 с.
92. Об американском плане помощи // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 28 февр. — С. 4-7.
93. Интервью с лордом Оуэном // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 29 июня. — С. 20-23.
94. Bodansky Y., Forrest V.S. Iran's European springboard? / Task force on terrorism & unconventional warfare. — Washington: U.S. House of Representatives / House Republican Research Committee, 1992. — 1 Sept.
95. Stefanović N. Radovan Karadžić // Vreme. — Beograd, 1994. — 13 јун. — С. 19.
96. Остојић В. Пет српских година // Јавност. — Сарајево, 1995. — 22 јул, N 25/26. — С. 11-13.
97. Бузановић Т. Године за цео век // Јавност. — Сарајево, 1995. — 22 јул, N 25/26. — С. 10.
98. Распутин В. Там, на Балканах... // Правда. — М., 1995. — 17 авг. — С. 3.
99. СРНА. — Београд, 1994. — 27 мај.
100. Устав Републике српског народа Босне и Херцеговине. — Сарајево, 1992. — У III с.
101. Радич Р. Интервју... // НИИ. — Београд, 1994. — 26 авг. — № 2278. — С. 18-19.
102. Челноков А. Русские едут в Боснию не только на войну, но и от войны у себя дома // Известия. — М., 1995. — 16 авг. — С. 3.
103. Документ РС.
104. К событиям в бывшей Югославии // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 12 февр. — С. 21.
105. Елементи националног програма // Јавност. — Сарајево, 1993. — 20 фебр. — С. 3.
106. Крајлићник М. Народ хоће једну државу // Српска војска. — Београд, 1993. — 24 јун, № 9. С. 6-9.
107. Караджич Р. Интервью // Московские новости. — М., 1993. — 5 сент., № 36. — С. 11А.
108. Что же произошло в Бани Луке? // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 24 сент. — С. 6-8.
109. Plavšić B. Intervju... // Intervju. — Beograd, 1994. — 22 apr., № 334. — С. 21-23.
110. Katić G. Dobrovoljci iz Smedereva služili su načelniku štaba u Lukavici za likvidaciju neposlušnih oficira // Telegraf. — Beograd, 1994. — 24 avg. — S. 12-13.
111. Байндер Д. Ратко Младич — командир боснийских сербов // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. — М., 1994. — 15 сент., № 142. — С. 51-59.
112. Кто вы, генерал Младич? // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1994. — 19 окт. — С. 13-16.
113. Караджич Р. Интервью... // Правда. — М., 1994. — 26 сент. — С. 1,6.
114. Нуклеус маневарске војске // Јавност. — Сарајево, 1993. — 24 дец., № 193. — С. 14.
115. Риян Л. (Гамбург). Босния: «Мультиэтнически» миф // Сербия. — Белград, 1996. — № 28. — С. 54-58.

116. Документ ООН. S/23974.
117. Ралич П. Кто есть кто в Боснии и Герцеговине. — Белград: Министерство информации Сербии, 1992. — 16 с.
118. Metiljević A. Bošnjaci — ratnici, junaci, vojskovođe... // Sarajevo Times. — Sarajevo, 1994. — 20 sept. — S. 24.
119. Бибикова О.П. Ислам в Боснии // Независимая газета. — М., 1996. — 7 февр. — С. 5.
120. Šaćirbegović M. Intervju... // Svijet. — Ljubljana, 1996. — 15 febr. — N 3. — S. 12–18.
121. Donia R.J., Fine J.V.A. ВН — Izdana tradicija // Svijet. — Ljubljana, 1996. — 1 febr. — N 1. — S. 58–61.
122. Сарајевски дневник генерала Мекензија (1) // Јавност. — Сарајево, 1994. — 29 окт., № 190. — С. 34–35.
123. Румиз П. Маске за покољ: Зло последније од добра // НИН. — Београд, 1996. — 15 нов. — № 2394. С. 52–55.
124. Кустурџа Е. Рат у Босни и око њега // НИН. — Београд, 1996. — 31 дец. — № 2401. — С. 32–37.
125. Политика. — Београд, 1992. — 12 нов. — С. 1.
126. Uslovi za pregovaranje // Dnevnik. — Novi Sad, 1992. — 5 mart. — S. 7.
127. Плавшич Б. Боснијска војна била неизбежна // Труд — 7. — М., 1997. — 20 јуња. — С. 7.
128. Документ ООН. S/23900.
129. Документ ООН. S/24100.
130. Документ ООН. S/24795.
131. Документ ООН. S/1994/300.
132. Документ ООН. S/25659.
133. Документ ООН. S/25700.
134. Документ ООН. S/26066.
135. Документ ООН. S/26260.
136. «Proekat velike Srbije je propao» // Borba. — Beograd, 1994. — 8 avg. — S. 4.
137. Ослобађање ће се убрзати // Borba. — Beograd, 1994. — 18 avg. — S. 3.
138. Bilten vesti. — Zagreb, 1994. — 14 sept. — S. 2.
139. Терзић Јб. Сиротиња гуриута у смрт // Ослобођење. — Сарајево, 1994. — 30 авг. — С. 21.
140. Документ ООН. S/1995/444
141. Документ ООН. S/1995/987
142. Международный комитет Красного Креста: Итоги 1992 г. // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 21 февр. — С. 30–31.
143. Документ ООН. S/26342
144. Документ ООН. S/1994/333
145. Оуан Д. Интервью в передаче «Панорама Би-Би-Си» // Сербия. — Белград, 1996. — № 26. — С. 14–25.
146. Документ СООНО. Fax from Annan to Akashi 7 March 1994.
147. Фадеев Е. Когда исчезают иллюзии // Правда. — М., 1994. — 13 апр. — С. 7.
148. Кисенджер Г. Босния: основания для осторожности // ИТАР-ТАСС: Компас. — М., 1995. — 21 дек., № 83. — С. 3–7.
149. Vazdušna baza spremna // UNPROFOR NEWS. — Zagreb, 1994. — Avgust. — Br.9/A. — S. 26.
150. Oven D. Balkanska odiseja. — Beograd: Radio B92, 1996. — 410 s.
151. Документы СООНО.
152. Буха А. Интервју... // Јавност. — Сарајево, 1994. — 2 септ. — № 182. — С. 11–13.
153. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. — Београд: Политика. 1995. — 491 с.
154. Рат се преноси на Босну // Борба. — Београд, 1991. — 12 септ. — С. 6.

155. Марић С. Чија ће бити Херцеговина // Политика. — Београд, 1991. — 15 септ. — С. 4.
156. Нема разлога за сукобе у БиХ // Политика. — Београд, 1991. — 19 септ. — С. 15.
157. Андрић Р. За муслимана сто срба // Вечерње новости. — Београд, 1991. — 26 септ. — С. 8.
158. Драма у парламенту Босне и Херцеговине // Политика. — Београд, 1991. — 13 окт. — С. 1.
159. Крашњин М. Интервју: О раду Скупштине бивше БиХ // Ослобођење. — Сарајево, 1995. — 6 јан. — С. 10–11.
160. ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». — М., 1991. — 17 окт. — С. 6.
161. Царнић М. Срби у БиХ 10 новембра излазе на плебисцит // Политика. — Београд, 1991. — 20 окт. — С. 1.
162. Конституисана Скупштина српског народа у БиХ // Политика. — Београд, 1991. — 26 окт. — С. 1.
163. Дурић М. Лидери владајућих странака БиХ у емисији ТВ Сарајево // Политика. — Београд, 1991. — 3 нов. — С. 10.
164. Словенија: гласање у подруму // Политика. — Београд, 1991. — 10 нов. — С. 6.
165. Солдо Л. Земља које сада нема // НИН. — Београд, 1991. — 29 нов. — № 2135. — С. 29–30.
166. Коначни резултати референдума у БиХ // Дневник. — Нови-Сад, 1992. — 10 март. — С. 3.
167. ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». — М., 1992. — 5 фебр. — С. 27.
168. Вострухов Е. Хорватска драма может повториться // Известия. — М., 1992. — 10 фебр. — С. 7.
169. Izjava Ejzava Ganića «Oslobođenju» // Oslobođenje. — Sarajevo, 1992. — 3 mart. — S. 1.
170. Referendum o Bosni i Hercegovini // Oslobođenje. — Sarajevo, 1992. — 4 mart. — S. 3.
171. Солдо Л., Јовановић З. Ал. Пронаст Сарајева // НИН. — Београд, 1994. — 3 јун. — № 2266. — С. 56–59; 10 јун. — № 2267. — С. 55–58; 17 јун. — № 2268. — С. 55–57; 24 јун. — № 2269. — С. 55–58; 1 јул. — № 2270. — С. 54–56; 8 јул. — № 2271. — С. 57–59; 15 јул. — № 2272. — С. 59–60; 22 јул. — № 2273. — С. 56–57.
172. Нишић С. Стратегија Срба. — Београд: ИКП «Никола Пашић», 1995. — 169 с.
173. Марић М. ЈНА никада није угрозила // Борба. — Београд, 1992. — 28/29 март. — С. 3.
174. Писмо Бранка Костића Бутросу Галију о ситуацији у БиХ // Политика ЕКСПРЕС. — Београд, 1992. — 27 март. — С. 4.
175. Glas «druge Srbije» // Republika. — Beograd, 1994. — 1/15 jul. — S. 22–24.
176. Mitrović M. Sarajevska raskršća: (dnevnik i kazivanja izbeglica). — Beograd: Inst za noviju istoriju Srbije, 1995. — 316 s.
177. Документи: Суђење у Лондону // НИН. — Београд, 1997. — 6 нов. — № 2445. — С. 58–59.
178. Јахшић М. Туђман са конфедералну БиХ // Политика. — Београд, 1992. — 16 мај. — С. 8.
179. Кондрашов А. Что стоит за эскалацией боевых действий в Боснии? // ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». — М., 1994. — 8 нов. — С. 5–9.
180. Рејтер о положени у Боснији // ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». — М., 1994. — 21 окт. — С. 6–9.
181. Објављени први судски досије о страдању сарајевских срба // Политика. — Београд, 1997. — 16 нов. — С. 16.
182. Јовић-Славуј С. Страдање сарајевских Срба // Ослобођење. — Сарајево, 1997. — 29/30 нов. — С. 19.
183. Genocid against the serbian population in the municipalities of Mrkonje Grad, Ribnik and Sirovo in September and October 1995. — Belgrade, 1996. — 57 s. Рукопис.
184. Батаковић Д. Република Српска између Запада и Милошевића // Слобода / Liberty. — Чикаго, 1997. — 25 авг. — С. 13.
185. Abdić F. Prava istina o Bosni i Hercegovini (1–14) // Zapadna Bosna. — Zagreb, 1994. — 27 maj — 26 avg.
186. Lućkin S. Okupacija JNA // Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 21 sept. — S. 6.
187. Memorandum o kršenju rezolucija 713 i 724 Saveta bezbednosti OUN kojima se sprovodi opšti i potpuni embargo na sve isporuke oružja i vojne opreme Hrvatskoj, Bosni i Hercegovini i Sloveniji // Jugosl. Pregled. — Beograd, 1992. — G. 36, N 3. — S. 98–103.

188. Кто снабжает Хорватию оружием? // Правда. — М., 1993. — 3 февр. — С. 3.
189. Михайлова В. «Тихие американцы» в своем резервуаре // Правда. — М., 1996. — 8 авг. — С. 5.
190. В Словении раскрыта международная операция по контрабандной поставке оружия // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 29 окт. — С. 17-19.
191. Оружје у камину са хуманитарном помоћу // Политика. // Београд, 1993. — 27 февр. — С. 2.
192. Документ СООНО. Z-1070. From Akashi to Annan, 18 July 1994.
193. Карлов М. «Аллах акбар» // Независимая газета. — М., 1994. — 23 февр. — С. 4.
194. Милич Д. Подстрекательство к терроризму // Сербия. — Белград, 1996. — № 29. — С. 27-30.
195. Документ СООНО. Z-1371. From De Lapresle to Annan, 7 Sept, 1994.
196. Документ СООНО. From Biljana Plavsic to СООНО, 11 July, 1992.
197. Документ РС. Број 01-452/92.
198. Документ РС. Број 01-835/8.09.1992.
199. Документ РС. Број 01-834/9.09.1992.
200. СРНА. — Београд, 1992. — 1 окт.
201. Сербский мирный план // СРНА. — Београд, 1992. — 9 ноя.
202. Декларација о завршетку рата // СРНА. — Београд, 1992. — 17 дец.
203. ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 29 янв. — С. 28.
204. Саопштење Војске Републике Српске // Политика. — Београд, 1993. — 9 февр. — С. 10.
205. ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 16 февр. — С. 5-6.
206. Присуство војске Републике Хрватске на територији Босне и Херцеговине // Политика. — Београд, 1993. — 20 февр. — С. 8.
207. Конференција за штампу председника РС // Политика. — Београд, 1993. — 23 февр. — С. 8.
208. Мусульманима понуђено да безбедно напусте зоне Коњевих Поља // Политика. — Београд, 1993. — 5 март. — С. 8.
209. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 5 jan. — 5 я.
210. Коидрашов А. Об обстановке в Сребреници и вокруг нее // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 7 апр. — С. 7-10.
211. Радио Ватикана о боснийских мусульманах // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 14 мая. — С. 12.
212. Интервју Алин Изетбеговича газете «Монд» // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 21 июня. — С. 18-20.
213. Лазански М. Један авион и 80 хиљада људи // Политика. — Београд, 1993. — 21 јун. — С. 7.
214. Младић Р. Ја сам чист војник // НИН. — Београд, 1993. — 25 јун. — № 2217. — С. 16-19..
215. ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 20 июля. — С. 10.
216. Habiš E. Ljiljani polomili PAM // Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 15/24 apr. — S. 11.
217. Сысоев Г. Мусульмане провоцируют сербов в Боснии, надеясь поставить их под удар НАТО // Известия. — М., 1994. — 6 мая. — С. 3.
218. Документ СООНО. Z-833. From Akashi to Annan, 31 May, 1994.
219. Булатовић Љ. Генерал Младић. — Београд, 1996. — 336 с.
220. СРНА. — Београд, 1994. — 1 септ.
221. СРНА. — Београд, 1994. — 4 септ.
222. СРНА. — Београд, 1994. — 20 септ.
223. Roso A. Intervju... // Posavski glasnik. — Orašje, 1994. — 14 srpanj. — S. 4-5.
224. Голгота српског Мостара // Православље. — [б.м.], 1994. — септ. — 4 с.
225. Alagić M. Agresija traje, nema opuštanja // Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 15/22 sept. — S. 21.
226. Иванов И. Мусульманские войска вновь напали на боснийских сербов в демилитаризованной зоне на Игмане // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 26 окт. — С. 7-8.

227. Нарышкин А. Боснийские сербы готовят контрудар в Западной Боснии // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 31 окт. — С. 7–9.
228. ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 22 нояб. — С. 2.
229. СРНА. — Београд, 1995. — 22 март.
230. ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 14 апр. — С. 3.
231. Убице из решетаста? // Политика-ЕКСПРЕС — Београд, 1992. — 10 апр. — С. 1.
232. ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 14 мая. — С. 10–11.
233. Милутиновић М. Војска Републике Српске између политике и рата. — Сремска Митровица: Матреуз, 1997. — 332 с.
234. Kadić M. Neću da živim ni pod Marxom ni pod Bogom // Dani. — Sarajevo, 1994. — 1 sept./ rujan. — S. 17–19.
235. Bijedić V. Protokol mandata // Style. — Sarajevo, 1994. — 2 sept. — S. 3.
236. V.Z. Demokracija u Hercegovini: šta je to? // Style. — Sarajevo, 1994. — 2 sept. — S. 3.
237. Очување вишенационалне БиХ // Борба. — Београд, 1994. — 15 авг. — С. 2.
238. Вођњаци на мети Muslimana // Борба. — Београд, 1994. — 15 окт. — С. 16.
239. Silajdžić H. Inicijvu... // Svijet. — Ljubljana, 1996. — N 1. — 1 febr. — S. 12–16.
240. Hrvatsko-hosanskohercegovački dijalog u Zagrebu // Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 22–29 sept. — S. 3.
241. Konferencija za štampu armijskog generala Rasima Delića // Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 21 sept. — S. 3.
242. Руководство ПДЦ злоупотребило народ // Политика. — Београд, 1993. — 27 јун. — С. 6.
243. Ustav Federacije Bosne i Hercegovine // Liljan. — Ljubljana, 1994. — 30 mart. — S. 20–21.
244. Niski udarci Federaciji BiH // Slobodna Dalmacija. — Split, 1994. — 11 travanj. — S. 40.
245. СРНА. — Београд, 1994. — 14 апр.
246. Кљуни: «Туђман неће испунити вашингтонски договор» // Политика. — Београд, 1994. — 14 апр. — 14 апр. — С. 4.
247. СРНА. — Београд, 1994. — 16 апр.
248. СРНА. — Београд, 1994. — 17 апр.
249. Цит. по: Филсеев Е. А мира в Боснии все нет // Правда. — М., 1994. — 27 мая. — С. 3.
250. Lična karta Muslimansko-hrvatske federacije // Borba. — Beograd, 1994. — 4 jul. — S. 12–13.
251. Ratkušić B. Hoćemo u Stolac, nećemo u Evropu // Liljan. — Ljubljana, 1994. — 17 avg. — S. 17.
252. Hodžić Š. Izetbegović je izjavio: Armija BiH aprži! će i Herceg-Bosnu! // Zapadna Bosna. — Zagreb, 1994. — 26 kolovoz. — S. 6.
253. СРНА. — Београд, 1994. — 4 септ.
254. СРНА. — Београд, 1994. — 22 септ.
255. Globusivo istraživanje // Globus. — Zagreb, 1994. — 23 rujan. — S. 8.
256. СРНА. — Београд, 1994. — 25 септ.
257. Resulović I. 100 dana Federacije // Sarajevo TIMES. — Sarajevo, 1994. — Sept./ Rujan. — Br. 2. — S. 4.
258. СРНА. — Београд, 1994. — 1 окт.
259. Дарно Кордић: Занто Изетбеговић у Њујорку није споменуо федерацију // Политика. — Београд, 1994. — 3 окт. — С. 7.
260. США намереваются помочь мусульманско-хорватской федерации // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 30 янв. — С. 6–8.
261. Velikokladuški «Agrokomerc» je hosanski Hong Kong // Zapadna Bosna. — Zagreb, 1994. — 6 svibanj. — S. 20–21.
262. Документ СООНО. From Yasushi Akashi to Mr. Enrique Aguilar, Sector South HQ/ Knin 11 July 1994.

263. Kovačević S., Dajić P. Hronologija jugoslovenske krize 1994. — Institut za evropske studije, 1995. — 270 s.
264. Документ ООН. S/23836.
265. СРНА. — Београд, 1994. — 30 авг.
266. Документ СООНО. From Biljana Plavšić to СООНО, 18 July, 1992.
267. Којовић В. Крвава кошуља сарајевска. — Београд: Добротвор, 1995. — 235 с.
268. Вучковић Р. Збогом, Сарајево. — Београд: Просвета, 1994. — 299 с.
269. Рат у Босни: Како је почело. — Бања-Лука: Канал, 1993. — 163 с.
270. Рејановић М. Intervju... // Sarajevo TIMES. — Sarajevo, 1994. — Sept./Rujan. — Br. 2. — S.5.
271. Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 24 dec. — S.4.
272. СРНА. — Београд, 1995. — 9 март.
273. Архиепископ Сарајева позвао способствовати достиженију мира у бившеј Југославији // ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». — М., 1995. — 16 мая. — С. 3-4.
274. Карашић Р. Интервју... // Ослобођење. — Сарајево, 1995. — 6 јан. — С. 3-5.
275. Антић Б. Функционисање привреде у ратним условима // Ослобођење. — Сарајево, 1995. — 6 јан. — С. 54-55.
276. Лична карта српског Сарајево // Ослобођење. — Сарајево, 1995. — 6 јан. — С. 99.
277. Парламентарни живот у Републици Српској // Ослобођење. — Сарајево, 1995. — 6 јан. — С. 19-22.
278. Посланице говоре: Како функционише правна држава // Ослобођење. — Сарајево, 1995. — 6 јан. — С. 23.
279. Билдт К. Стала ли Боснија уроком за Европу? Выводы для европейской внешней политики // International politik. — М.: Посольство Германии в Москве, 1997. — № 7. — С. 7-13.
280. Иванов И. Оппозиционне партије Српске Републике потребовале проведенија парламентарних избора // ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». — М., 1995. — 13 февр. — С. 6-7.
281. Карлаш Р. Мора бити повратак // НИИ. — Београд, 1994. — 24 јун. — № 2269. — С. 20-21.
282. Radivojević V. Humanitarac ili zločinac // Borba. — Beograd, 1994. — 7 sept. — S.12-13.
283. Станишић С. Луис Мекензи, генерал УНПРОФОРА који морао да оде // Политика. — Београд, 1993. — 27 апр. (1) — С. 21; 28 апр. (3). — С. 19; 29 апр. (4). — С. 21; 30 апр./1,2,3 мај (5). — С. 29; 4 мај (6). — С.21; 5 мај (7). — С. 21; 6 мај (8). — С. 19; 7 мај (9). — С.21.
284. Валев Э.Б. Југославски клубок // Географија. — М., 1996. — Фебр., № 7 (120-121). — С. 1, 8-9, 14-15.
285. Why Bosnia?. — New York / Paris, 1993. — 354 p.
286. Camovale M., Corty A., Cremasco M... La Guerra di Bosnia: Una Tragedia annunciata. — Milano: Istituto Affari Internazionali, 1994. — 235 p.
287. Merlino Ž. Istine u Jugoslaviji nisu sve za priču / Prevod s francuskog. — Beograd: Kontekst, 1994. — 204 s.
288. Бодсон Ж. Нови светски поредак и Југославија. — Београд, 1996. — 242 с.
289. Izelbegović A. Govori, pisma, intervju '95. — Sarajevo: ТКР «Šahinpašić», 1996. — 200 s.
290. Морјон Ф. Интервју... // НИИ. — Београд, 1998. — 14 мај. — бр. 2482. — С. 48-50.
291. Sekulić M. Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. — Beograd: NIDDA: Vesti, 1997. — 430 s.
292. Zulfikarpašić A., Gotovac V., Tripalo M., Banac I. Okovana Bosna. — Zürich: Bošnjački institut, 1995. — 172 s.
293. Kongres bosanskomuslimanskih intelektualaca. — Sarajevo, 1994. — 204 s.
294. Ратна сведочења из Босне: 1991-1993 / Прикупила и записала Дикица Станисављевић. — Београд: Српска књижевна задруга, 1994. — 259 с.

295. Berić G. Sarajevo na kraju svijeta. — Sarajevo: Oslobođenje, 1994. — 207 s.
296. Злочин је злочин прешутати: Избор докумената највиших државних органа Југославије о ратним злочинима геноцида и другим страдањима српског народа у Хрватској и Босни и Херцеговини 1991–1992 / Приредио Анђелко Маслић. — Нови Сад: ИИ «Мегилот», 1993. — 431 с.
297. Muradbegović M. B-H Muslimani na sudbosnosnom ispitu. — Beograd, 1991. — 48 s.
298. Popović A. Jugoslovenski muslimani (1945–1989). — Beograd, 1990. — 56 s.
299. Иванишевић М. Хроника нашег гробља или слово о страдању српског народа Братунца, Милића, Склана и Сребренице. — Београд-Братунца: Комитет за прикупљање података о извршеним злочинима против човечности и међународног права, 1994. — 382 с.
300. Егг Г., Југ В. Сведок из Сарајева. — Београд: Просвета, 1993. — 345 с.
301. Страдање срба у Мостару и долини Неретве: Књига докумената / Сакупила и приредила Душица Бојић. — Београд, Комесариат за изабеглице Републике Србије, 1996. — 446 с.
302. Милекиновић М. От Ливана до Босни — уже пережито. — Белград: Завет, 1995. — 109 с.
303. Пржуљ Ж. Браћа по улици. — Горњи Милановац: Дечје новине, 1995. — 83 с.
304. Хелета Н. Горажде 92–95: Страдање Срба. — Београд: Просвета, 1996. — 122 с.
305. Прекид односа са Републиком Српском: Документи. — Београд, 1994. — 76 с.
306. Лисица С. Командант по потреби. — Сомбор, 1995. — 224 с.
307. Документ ООН. S/24049.
308. Јанић Ј. Српски генерал Ратко Младић. — Нови Сад: Матица Српска, 1996. — 243 с.
309. Zimmerman W. Izvori jedne katastrofe / Prevod sa engleskog. — Zagreb: Globus international: Znanje, 1996. — 312 s.
310. Душан Биланджић у Загребачком недељнику «Национал» // Наша борба. — Београд, 1996. — 26/27 окт. — С. 16.
311. Разговор со С. Стојановићем 4.07.1996 г. в Белграде (магнитофонна запис).
312. Разговор с директором Економског Института в Бани-Луке доктором економских наука Душаном Јакшићем 13 августа 1994 г.
313. Stojanović S. Propast komunizma i razbijanje Jugoslavije. — Beograd: Inst-t za filozofiju i društvenu teoriju, 1995. — 242 s.
314. Булатовић Ј. Генерал Р.Младич — војни преступник ? — М.: Славянская летопись, 1998. — 340 с.
315. Silber L., Lid A. Smrt Jugoslavije /Prevod sa engleskog. — Beograd: Radio B92, 1996. — 426 s.
316. Zbornik o radu državne komisije za ratne zločine i zločine genocida (od 20 marta 1992 do 23 jula 1993). — Књ. 2. — Beograd: Стручна knjiga, 1995. — 1285 s.
317. Бештић М. Дретић из Подгорице — српски ратни добровољац 1991–1995 // Добровољачки гласник. — Београд, 1998. — бр. 12. — С. 181–184.
318. Хамкин Ю.М. Посажай и умри за Србию! (Заметки добровољца). — Самара, [б.г.] — 199 с.
319. Marić D. Izdaja ili poraz // Telegraf. — Beograd, 1998. — 7 sept. — S. 2.
320. Хелета Н. Терор над србина у Горажду. — Београд: Свет књиге, 1999. — 168 с.
321. Зуровац Д. Записи из мостарске тамнице. — Београд: Свет књиге, 1996. — 164 с.
322. Срдановић С. Пале: ратна хроника. — Београд: Свет књиге, 1998. — 140 с.
323. Ломовић Б. Црвена нит коридора: Брчко у рату 1992–1993. Документи // Београд: Свет књиге, 1999. — 179 с.
324. Плавшић Б. Интервју... // Интервју. — Београд, 1994. — 22 април, № 334. — С. 21–23.ы
325. BBC: Smrt Jugoslavije // Vreme. — Beograd, 1995. — 27 nov. — S. 44–47.

ГЛАВА IV.

Интернационализация конфликта

1. Урегулирование по-западному: не могли или не хотели?

За пять лет в урегулировании балканского конфликта принимали участие многочисленные организации и институты. Среди них и старые, заслужившие славу миротворцев — ООН, СБСЕ, ЕС, и новые, созданные специально для Балкан — Международная конференция по бывшей Югославии, большая и малая Контактные группы, комиссии и комитеты. Балканами стали заниматься и нетрадиционные организации, например, «семерка», Организация исламской конференции, Ватикан, а также НАТО. Многие министры иностранных дел европейских стран и США большую часть своего времени были заняты Югославией, участвуя в переговорах, курсируя между Загребом, Белградом и Сараевом, придумывая новые планы, оттачивая свои перья и составляя новые бумаги. При этом была опробована совершенно разная методика — от переговоров, уговоров, ультиматумов, до использования силы.

Среди международных организаций пальма первенства в урегулировании конфликта на Балканах принадлежит ЕС. Когда усилия ЕС стали пробуксовывать, ему на подмогу пришла ООН, создав Международную конференцию по бывшей Югославии (ЕС+ООН), послав миротворческие силы в Хорватию, Македонию, Боснию и Герцеговину. В свою очередь большинство своих функций в 1995 г. ООН передала НАТО. Карл Бильдт, верховный представитель ООН по урегулированию в Боснии, так расставил акценты: «После того, как политические инициативы, направленные на предотвращение конфликта, потерпели неудачу, европейцы взяли на себя ведущую роль в организации гуманитарной интервенции. Она проводилась под защитой войск ООН, размещение которых в стране началось в конце лета 1992 г.». При этом он, человек сугубо мирной должности, пытался оправдать действия НАТО: «Политическая стратегия в сложные времена должна опираться на возможность использования военных мер» (305, с.8). СБСЕ принимал несколько резолюций и документов по ситуации в бывшей Югославии, но так и не смог стать действенной силой в разрешении кризиса, на чем настаивала, в частности, Россия.

Разобраться во всем хитросплетении отношений субъектов и объектов конфликта несведущему человеку трудно, но фактом остается то, что усилия этих организаций были малоэффективными, что итогом бурной деятельности международных организаций явилось разрастание, углубление и расширение кризиса. Войну не смогла остановить ни одна международная организация — ни Европейский союз, который был очень к этому близок в 1992 г., ни ООН, имевшая шансы в 1994 г., ни тем более ОБСЕ, которой сам Бог велел заниматься урегулированием европейских кризисов. А Дейтонское соглашение — результат силового давления НАТО и активности одной страны, США — закрепило возрастание роли фактора силы в урегулировании международных отношений. Именно этот аспект урегулирования кризиса заставляет нас задуматься об истинных целях международных организаций, проявлявших активность на Балканах.

Анализ материалов и документов показывает, что если бы международные организации хотели остановить разгоравшийся пожар на Балканах, то могли бы это сделать на любой его стадии, начиная с 1991 г. Поэтому важно понять, что в поисках

решения международные организации исходили не из интересов югославских народов, а из интересов тех стран, которые они представляли, или стран, которые доминировали в этих организациях.

Ранее мы уже говорили о соотношении внутреннего и внешнего факторов как причин кризиса на Балканах. В этой главе мы основное внимание уделяем роли международных организаций в цепи сложных событий в зоне конфликта. С каждым годом появляются все новые и новые данные о деятельности ООН и НАТО на Балканах, хотя до конца еще не исследованы и старые документы миротворческой миссии в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии.

Сегодня несомненно, что Югославия стала жертвой осуществления странами Запада, и, прежде всего, США, определенного плана, составной частью которого была стратегия уничтожения коммунистической идеологии, «мировой красной опасности». Целью невидимой войны, продолжавшейся и в 90-е годы, была Россия. Но Югославию отводилось в этом плане особое место.

Югославская журналистка Ляляна Булатович упоминает прошедший в шведском городе Уппсала в 1978 г. международный конгресс социологов, на котором ученые были ознакомлены с планом З.Бжезинского относительно будущего Югославии после смерти И.Броз Тито. В нем главным было не допустить сближения Югославии, и, прежде всего, Сербии, с СССР. США боялись, что после ухода вождя «в Югославии могут произойти такие изменения, которые нанесут ущерб интересам США и свободного мира». Кроме того, «крайней целью США в Югославии является устранение коммунистического правления в любой его форме» (326, с. 200). Для этого З.Бжезинский предполагал в предшествующее десятилетие взять на вооружение следующие меры:

- постоянно указывать на сталинские тенденции в советской политике, что должно запугивать югославских коммунистов;
- оказывать поддержку югославским оппозиционерам и диссидентам, если они имеют антикоммунистическую ориентацию;
- помогать тем центристским силам в Югославии, которые готовы оказать отпор СССР;
- помогать национал-сепаратистским силам, так как они являются естественными врагами коммунизма как идеологии;
- усилить воздействие западной культуры — фильмов, книг, музыки;
- в рамках экономической политики по отношению к Югославии усилить влияние потребительской идеологии;
- увеличивать количество долгов Югославии странам Запада, чтобы иметь рычаг воздействия на нее;
- использовать югославов, вернувшихся на родину с работы из других стран, как сознательных или несознательных пропагандистов американского и западного образа жизни;
- подрывать Движение неприсоединения, где США имеют своего «тройного юнга» в виде блока латиноамериканских стран.

Такие задачи США должны решать, полагал З.Бжезинский, опираясь на союзников внутри Югославии — представителей либеральной интеллигенции (326, с. 200–202).

Следует заметить, что большинство из этих задач успешно решалось в 80-е годы. Но, видимо, непрогнозируемыми и неожиданными для исполнителей этого плана стали черты коллективного сознания сербов и черногорцев, которые не только замедлили

этот процесс, но и стали ему откровенно мешать — патриотизм, югославизм, гомоцентризм¹, русофильство. Очень высокой была у сербов и степень исторического сознания. Поэтому задачи политической переориентации югославянских государств, изоляции одной из мощных европейских армий (югославской), разрыва традиционного союзничества России и Сербии решались на фоне распада федерации и дестабилизации региона с применением методики «принуждения к соглашению», а также экономических и политических санкций. Согласно оценкам Штаба верховного командования СФРЮ, с конца 1989 г. управление событиями в Югославии осуществлял уже преимущественно иностранный фактор (169, с. 35–36). Причем, часть политических деятелей, а также организаций и даже стран искренне верили, что участвуют в урегулировании кризиса, в миротворческом процессе. Подоплека всех событий проявилась значительно позже, после 1994 г., когда на балканской сцене активную позицию непосредственного участника заняла НАТО. Подтверждением наших оценок стали события 1999 г. в Косове.

Известная югославская ученая Смиля Аврамова свою нацумевшую книгу «Тройственная комиссия» посвятила тайным и полутайным организациям, осуществляющим идею управления миром из одного центра. По ее мнению, «развал Югославии не является случайностью, как не случайны события распада Восточного блока, это осмысленный план, разработанный еще до отделения Словении и Хорватии. Позже Америка согласовала войну в Югославии со своим более широким геостратегическим проектом, а свою политику — с политикой своего нового «союзника» Ватикана в рамках похода на Восток» (327, с. 114). В начале 90-х годов на заседании Тройственной комиссии был поставлен вопрос будущего Европы и предложены два варианта ее развития: 1) модель концентрических кругов, когда все страны Европы, включая и посткоммунистические, поэтапно вступают в ЕС, 2) модель разделения Европы на римскую и византийскую, согласно которой цивилизованная Европа должна объединить страны с общей историей, религией и культурой и замкнуться на границах Польши. В ЕС могли бы быть приняты Венгрия, Чехословакия, Словения и Хорватия, конечно, в том случае, если выйдут из состава СФРЮ. Тройственная комиссия, пишет С. Аврамова, выбрала второй вариант, сделав НАТО той силой, которая должна обеспечивать безопасность западной цивилизации. На основе новых документов ученая показывает, что многие актеры балканской сцены (Сайрус Вэнс, Лорд Оуэн, Холбрук, Столтенберг, Сагато Огата) «выступали как хорошо натренированная команда с твердой задачей разорить Югославию, показывали самую высокую степень вражды ко всему сербскому народу» (327, с. 101, 112–113).

2. Создание международной конференции по бывшей Югославии

Участие международных организаций в кризисе на территории бывшей Югославии — очень большая и сложная проблема. Поэтому рассмотрим лишь некоторые аспекты, связанные с основными этапами урегулирования, попробуем систематизировать переговорный процесс в БиГ и Хорватии, что во многом разъяснит, что же на самом деле происходило на Балканах.

¹ Гомоцентристское убеждение означает, что человек безгранично верит вождю, независимо от того, что тот проповедует.

Карл Бильдт, Верховный представитель ООН по урегулированию в Боснии, писал позже, что «международное сообщество столкнулось со сложнейшими проблемами, не будучи достаточно подготовленным, без единых инструментов и единого мнения относительно общих политических подходов к разрешению возникших проблем» (305, с. 7). Это во многом повлияло на процесс урегулирования, используемые для этого методы и, соответственно, полученные результаты.

В начале 1991 г. США предложили ЕС заняться урегулированием конфликта. Совет министров ЕС призвал все заинтересованные стороны в Югославии начать поиск мирных решений на базе демократического диалога. Однако ЕС не имело ни соответствующих механизмов для разрешения конфликтов такого масштаба, ни денег; поэтому искал поддержки и опоры у других организаций, в частности СБСЕ и ООН. Кроме того, Югославия не была членом ЕС, и потому его мандат на деятельность в Югославии выглядел незаконным. Как отмечается в некоторой литературе, министр иностранных дел СФРЮ Б. Логичар по собственной инициативе предложил ЕС включиться в разрешение нарастающего конфликта в Югославии (219, с. 257).

Весной 1991 г. ЕС принимает решение создать так называемую «тройку», которую должны составлять бывший, настоящий и будущий председательствующие ЕС. 28 июня было решено направить в Югославию первую «тройку» в составе Жака Поса, Джани де Микелиса и Ханса ван ден Брука (Люксембург, Италия, Нидерланды), а также заморозить всякую экономическую помощь Югославии.

7 июля «тройка» беседовала на острове Бриони с членами Президиума СФРЮ во главе со Стипе Месичем, премьер-министром Анте Марковичем, руководством всех республик кроме Сербии, которую на встречу не пригласили. Ее интересы представлял Б. Йович, член Президиума СФРЮ. В результате многочасовых переговоров было достигнуто первое соглашение первой международной миссии, которое выразилось в Совместной декларации о мирном разрешении югославского кризиса. В Декларации еще признается единство СФРЮ, но словенская граница уже передается под контроль Словении, на три месяца накладывается мораторий на признание Словении и Хорватии (61, с. 181). Хотя в документах выражалось стремление найти пути мирного урегулирования и будущее страны связывалось с Заключительным хельсинкским актом, участники встречи уловили намерение Запада поддержать распад Югославии, ощутили нескрываемое давление на руководство СФРЮ, почувствовали негативное отношение к руководству Сербии (219, с. 261, 291, с. 350). Тем не менее руководители СФРЮ согласились на посредническую роль ЕС, что вызвало недоумение многих югославских юристов. По их мнению, логичнее было бы просить помощь ООН или Движения неприсоединения (219, с. 263). В Декларации определялось также, что будет создана Миссия наблюдателей ЕС за событиями в Словении и Хорватии (до 50 человек). В ее задачи входили контроль за соблюдением соглашения о прекращении огня в Хорватии и недопущение развязывания военных действий в БиГ¹.

Согласие СФРЮ на посредническую помощь ЕС было связано с тем, что в 1990 — первой половине 1991 г. не было ни одной страны или международной организации, включая и НАТО, которые на официальном уровне поддержали бы тенден-

¹ В 1992 г. Миссия передала свои функции СООНО, сосредоточив свою деятельность на гуманитарной помощи. В 1995 г. Миссия наблюдателей ЕС насчитывала 292 человека.

ции к дезинтеграции Югославии. Поэтому Югославия была спокойна в отношении сохранения федерации. На заседании Совета министров иностранных дел стран ЕС в Брюсселе в декабре 1990 г. была принята Декларация об отношениях с Югославией, где подчеркивалось, что сохранение целостности СФРЮ является непременным условием начала переговоров о предоставлении ей статуса ассоциированного члена ЕС. Еще в марте 1991 г., по мнению 12 стран, «объединенная и демократическая Югославия имеет самые большие шансы на интеграцию в новую Европу» (257, 219, с.190). В июне 1991 г. на берлинской конференции СБСЕ была единогласно принята Резолюция (ее автор — Ганс-Дитрих Геншер) о сохранении Югославии (9). Таким образом, в первой половине 1991 г. ЕС считало, что только «объединенная и демократическая Югославия имеет шанс интегрировать в новую Европу» (174, с.13), и поэтому первые варианты урегулирования и государственного устройства всей Югославии, предложенные ЕС осенью 1991 г., основывались на необходимости сохранить Югославию.

Однако единство стран Запада и международных организаций по поводу сохранения Югославии не продлилось долго. В начале 1991 г. Ф.Туджман направил обращение президенту США Бушу с призывом защитить демократию в Хорватии, Словении, БиГ от «коммунистического диктата» Сербии и Югославской народной армии (61, с.170). Оппозиция в американском конгрессе призвала оказать помощь «нескоммунистическим» республикам Югославии. Америка как всегда сначала ввела в действие экономические орудия. В мае 1991 г. конгресс США принял решение приостановить американскую помощь Югославии по причине попрания демократии — блокирования руководством Сербии выбора представителя Хорватии (Стипе Месича) на пост председателя Президиума СФРЮ. В мае 1991 г. Австрия и Албания продемонстрировали свою озабоченность разрастанием кризиса на Балканах — объявили о приведении части вооруженных сил в состояние повышенной боевой готовности. Деятельность мирового сообщества выглядела как ряд спонтанных мер, проводимых под влиянием изменяющихся обстоятельств, хотя скорее всего она носила продуманный и концептуальный характер. Например, ЕС остро реагировало на нежелание Президиума СФРЮ назначить С.Месича на пост председателя этого органа, ссылаясь на необходимость строго придерживаться Конституции СФРЮ, однако вскоре стало поддерживать отделение Хорватии и Словении, забыв и Конституцию, и международные акты.

Первоначально ЕС координировало свои усилия с СБСЕ. В конце июня 1991 г. по предложению Германии в рамках СБСЕ был создан Консультативный комитет Центра по превентивному предотвращению конфликтов с местом прописки в Вене. И уже 1 июля Комитет принял Декларацию о выводе войск ЮНА из Словении и Хорватии вместо того, чтобы запретить нерегулярные формирования в этих республиках и деятельность, направленную на раскол федерации. Аргументами было то, что офицеры ЮНА в большинстве своем были коммунистами, а руководство «антизападно и антилиберально» настроено (219, с.259). Кроме того, Югославии были предложены «добрые услуги» в урегулировании конфликта. Заслуга в переориентации стран Запада принадлежит, по мнению многих участников тех событий, Германии. С.Месич пишет, что во время войны в Словении активная деятельность Г.-Д.Геншера способствовала тому, чтобы убедить европейских партнеров отказаться от идеи единой Югославии и поддержать независимость Словении и Хорватии (300, с.78–79).

На чрезвычайном совещании министров иностранных дел стран — членов ЕС в Гааге в августе 1991 г. ряд министров высказались за военную интервенцию ЗЕС, военной организации ЕС, в Югославию. Позже Карл Бильдт писал, что «может быть, следовало увязать ограниченное военное вмешательство... с отказом от признания Хорватии до тех пор, пока не будут решены проблемы, связанные с ее многочисленным сербским населением — это послужило бы, в свою очередь, ясным сигналом для Загреба, что, возможно, создало бы предпосылки для политического решения, которое, в свою очередь, стало бы спасением для Боснии» (305, с. 8). Запоздалое размышление о необходимости сбалансированного подхода ко всем участникам конфликта, высказываемое в последнее время многими субъектами процесса урегулирования, не может изменить ситуации, но приближает нас к верной оценке действий международных организаций.

С самого начала вооруженного столкновения в Хорватии отчетливо было видно неадекватные отношения к основным субъектам конфликта — сербам, хорватам, Сербии и Хорватии. Сербия, отстаивающая концепцию сохранения Югославии, уважения международного права и законов еще существующего государства, постоянно ощущала на себе давление, видела себя неправомерной в переговорном процессе.

В конце лета 1991 г. начинают формироваться специальные структуры международных организаций, призванные заниматься урегулированием ситуации в Югославии. 27 августа ЕС приняло решение создать Конференцию Европейского сообщества по Югославии (с августа 1992 г. — Международная конференция по бывшей Югославии (МКБЮ), которая должна функционировать, как отмечалось в документах ООН, «до достижения окончательного урегулирования проблемы бывшей Югославии» (173, с. 2). «Международная конференция по бывшей Югославии, — отмечал Б. Бутрос-Гали, — является качественно новым мероприятием, в рамках которого объединяются усилия Организации Объединенных Наций и Европейского сообщества (ЕС), а также других международных организаций, таких, как Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и Организация Исламская конференция (ОИК), в целях урегулирования ситуации, ставящей под угрозу международный мир и безопасность. МКБЮ сочетает активную превентивную дипломатию, миротворчество, меры по поддержанию мира, а также включает в себя потенциальный компонент принудительных мер для достижения мира» (229, с. 1). Ее местопребыванием стало Отделение ООН в Женеве. Постоянными сопредседателями МКБЮ являлись Генеральный секретарь ООН и глава государства (или правительства) страны, выполняющий функции председателя Европейского сообщества. Их представители назначались сопредседателями Руководящего (Координационного) комитета, который руководил оперативной деятельностью. В состав Комитета входили также представители «тройки» ЕС, «тройки» СБСЕ, пять постоянных членов Совета безопасности ООН, представитель от ОИК, два представителя от соседних государств. Сопредседатели Руководящего комитета осуществляли ежедневную работу совместно со специально создаваемыми рабочими и целевыми группами. Первыми сопредседателями МКБЮ были назначены: от ЕС — лорд Каррингтон, бывший министр иностранных дел Великобритании и генеральный секретарь НАТО, от Генерального секретаря — Сайрус Вэнс, бывший госсекретарь по иностранным делам США. Лорд Каррингтон дал согласие возглавить МКБЮ на определенных условиях. «Одно из условий гласило, — вспоминал он позже, — что не будет меж-

дународного признания какой-либо из шести югославских республик до тех пор, пока они не заключат общий договор о своих разногласиях. Но спустя краткое время Европейский совет в Маастрихте, министры иностранных дел Сообщества предложили признать Хорватию и Словению. Я предупредил европейских руководителей, что это решение уничтожит все усилия, устремленные к миру» (297, с.87-88). На внеочередном заседании министров стран — членов ЕС 27 августа 1991 г. была принята Декларация, которая, кроме всего прочего, предвидела создание Арбитражной комиссии. Арбитражная комиссия должна была рассматривать спорные вопросы в процессе урегулирования югославского кризиса. Решение о ее создании было подтверждено на Конференции ЕС о Югославии в Гааге 7 сентября 1991 г., на которой присутствовали представители Югославии и всех республик. Арбитражную комиссию составляли пять представителей конституционных судов стран — членов ЕС¹. Председателем Арбитражной комиссии был избран председатель Конституционного суда Франции Робер Баденгер.

Было решено также создать шесть рабочих групп Конференции. Как вспоминал лорд Оуэн, Международная конференция до 1992 г. «стремилась найти формы децентрализации в Боснии и Герцеговине, в Хорватии и в Косове, которые могли бы обуздать открытый национализм хорватских и боснийских сербов, боснийских хорватов, боснийских мусульман и косовских албанцев и обеспечить уважение албанцам, которые живут в Македонии» (164, № 2345, с.51-52).

Конференция начала свою работу 7 сентября 1991 г. в Гааге. Ее первой задачей стала подготовка в течение двух месяцев рекомендации о конституционном устройстве будущей Югославии. При открытии Конференции была торжественно зачитана Декларация, которая предлагала принципы мирного разрешения кризиса: 1) недопустимость одностороннего изменения границ с помощью силы, 2) защита прав всех граждан Югославии, 3) полное уважение интересов всех сторон (61, с.366). Однако Конференция в своей дальнейшей работе столкнулась с трудностями осуществления обнародованных принципов. Выступавшие лидеры республик М.Кучан (Словения) и Ф.Туджман (Хорватия) говорили об агрессии югославской армии и создании «Великой Сербии», о догматическом коммунизме в Сербии и Черногории, который угрожает демократии в Словении и Хорватии, просили помочь «раздружиться» с Югославией. А.Изетбегович (БиГ) обвинял ЮНА, а К.Глигоров (Македония) «осторожно» не связывал будущее Македонии с Югославией. М.Булатович (Черногория) и С.Милошевич (Сербия) объясняли, что сепаратистская политика Словении и Хорватии открыла проблемы границ, суверенитета, прав человека, пытались обратить внимание на нелегальный ввоз оружия в Хорватию и Словению, на создание военизированных формирований, противоречащих Конституции СФРЮ (219, с.268). Процесс переговоров велся на трех уровнях: на уровне председателей республик, министров иностранных дел и экспертных советов. На каждом последующем заседании позиции представителей Словении и Хорватии становились все более жесткими: они говорили о кончине Югославии и требовали признания их независимости.

¹ Первоначально планировалось, что в состав Арбитражной комиссии войдут два члена от Президиума СФРЮ и три представителя ЕС, но затем концепцию изменили, не предупредив об этом Президиум СФРЮ (219, с.264).

Особенностью переговорного процесса, который возглавлял лорд Каррингтон, была непоследовательность в позиции его руководства, частое изменение положений плана, стремление добиться результатов любой ценой, даже в ущерб общей стабильности в регионе. 4 октября 1991 г. был обсужден первый план урегулирования кризиса. Пленарное заседание длилось недолго, около 20 минут, и было прервано из-за необходимости дальнейших консультаций. В тот же день в присутствии лорда Каррингтона состоялась встреча В.Кадиевича, С.Милошевича и Ф.Туджмана для согласования первоначальных позиций. Все склонялись к созданию Союза суверенных республик, требовали гарантий прав национальных меньшинств, договорились о невозможности одностороннего изменения границ. Кроме того, было решено позвать на следующее заседание представителей сербов в Хорватии. С.Милошевич оценивал очень высоко результаты переговоров и не сомневался, что удастся добиться самоопределения сербских областей в Хорватии, однако в своих прогнозах ошибся (219, с.272).

Уже к 18 октября позиция МКБЮ резко меняется. Участникам конференции был разослан проект документа, в котором констатировалось «прекращение существования» СФРЮ и возможность признания независимости республик, «которые этого пожелают». Правда в этот краткий период, напомним, произошли важные события. 8 октября объявили о своей независимости Словения и Хорватия, а 15 октября Скупщина БиГ приняла Меморандум о суверенной Боснии и Герцеговине. В разговоре с лордом Каррингтоном С.Милошевич готов был признать отделение Хорватии, но стремился сохранить единство остальных республик (290, с.44).

В новом варианте плана лорд Каррингтон предлагал признать суверенитет и независимость бывших республик СФРЮ как новых балканских государств. Для сербов в Хорватии предусматривался специальный автономный статус национально-меньшинства. На самом заседании лорд Каррингтон не дал возможности членам Президиума СФРЮ говорить от имени Югославии, и им пришлось в знак протеста покинуть заседание (219, с.276). С.Милошевич, выступая в Гааге по поводу предложенного плана, отметил противоречия и слабости документа, которые необходимо отклонить. Прежде всего он подчеркнул, что предложенные решения открыто «отрицают существующий конституционный и правовой порядок в Югославии и определяют элементы абсолютно нового конституционного устройства политического пространства, которое занимает нынешняя Югославия». Фактически они «упраздняют Югославию как государство, которое непрерывно существует уже свыше 70 лет» (175). Он справедливо заметил, что такое решение не может принять ни международный форум, ни даже верховная учредительная власть в стране, что никто из участников этой конференции не имеет полномочий принимать такие решения. «Такое решение могут принять только те субъекты, которые в свое время создали это государство» (175). С.Милошевич обратил внимание на реальные причины кризиса: «Эти предложения узаконяют односторонние акты сепарации отдельных республик, которые Конституционный суд Югославии признал недействительными как противоречащие Конституции. Именно односторонняя сепарация республик явилась причиной вооруженных столкновений, поскольку она поставила под угрозу целостность страны и народов. Простая легализация такого положения не только бы попрала принципы правового порядка, но, без сомнения, сохранила бы и главные причины вооруженных столкновений в Югославии» (175). Однако С.Милошевич не был услышан.

С планом лорда Каррингтона согласились представители БиГ, Хорватии, Словении, Македонии и... Черногории. М.Булатович сказал тогда, что «план дает нам возможность осуществить свои интересы, уважая и интересы других» (290, с.44). Такое поведение Черногория вызвало недоумение у руководства Сербии. Позже М.Булатович так объяснил свою позицию: «Мы провели консультации на уровне руководства Сербии и Черногории и договорились, что примем предложение лорда Каррингтона о мирном разведении Югославии. Однако после этого произошло то, что я никак не ожидал. В то время, когда Скупщина Черногории обсуждала гаагский документ, а мы готовили договор в нашем депутатском клубе, мы получили сообщение о том, что Сербия изменила свою позицию. Я не знаю, почему так произошло. Мы решили не менять своей позиции. Заручившись полной поддержкой своей партии, я уехал в Гаагу, прервав дискуссию в Скупщине Черногории и приняв всю ответственность на себя...» (316, с.38).

Самостоятельная позиция Черногории отвечала интересам Запада. Из Вашингтона, Лондона, Парижа и Рима, подчеркивал М.Булатович, шли различные выражения поддержки Черногории. «Уважение Черногории в международных масштабах должно быть пропорционально нашему удалению от Белграда» (316, с.38). Как пишет Б.Йович, М.Булатович признался, что Запад предлагал Черногории большие деньги, обещал, «что партия будет считаться демократической...», а Превлаку получим мирным путем, и что Черногория не будет заблокирована, если блокаду введут против Сербии» (291, с.406). Италия готова была дать Черногории 30-40 млрд. дин и видела заинтересованность республики (290, с.45). Но М.Булатович тогда не сомневался в необходимости единства Сербии и Черногории.

Несмотря на позицию Сербии, представители всех республик, включая Черногорию, приняли план Каррингтона. А решительное «нет» С.Милошевича вызвало недоумение у руководства МКБЮ. Однако лорд Каррингтон констатировал, что позиция Сербии не помешает продолжить работу конференции.

По возвращении в страну руководство Сербии, как пишет Б.Йович, убеждало руководство Черногории изменить свою позицию (291, с.406). На закрытом заседании Скупщина Сербии выразила полную поддержку позиции президента Сербии С.Милошевича и критиковала план Каррингтона, означавший развал федерации. В результате руководство Черногории послало лорду Каррингтону, в котором сообщало об изменении позиции. Позже М.Булатович предложил еще одну версию произошедшего: «Во время дискуссии в Гааге большой неожиданностью было то, что Сербия отказалась подписать документ. Но в обществе распространились слухи, что это я изменил свое решение. В предложении лорда Каррингтона говорилось, что все республики, которые хотят добиться полной государственной самостоятельности, могут ее получить, что сербы в Хорватии имеют специальный статус на определенной территории, что вопросы Боснии будут решаться специальным государственным договором, а все, кто хочет жить вместе, могут это сделать. Для меня это было и остается идеальным предложением. Между тем, 4 ноября 1991 г. был введен институт специального статуса, который касался не только сербов в Хорватии. Было сказано, что территории, на которых будет применяться специальный статус, будет определять так называемое Дополнение А, которое вообще тогда не существовало. Мы оказались в ситуации исследования: это могли быть и Косово, и Санджак, а может быть и Ульцинская Краина. Поэтому было совсем логично, чтобы я, думая об интересах Черногории, отозвал свою подпись из-под гаагского документа» (316, с.38).

Как вспоминал В.Кадневич, в то время министр обороны СФРЮ, представители международных организаций имели одну особенность: переговоры и встречи специально не готовились, заранее не называлась тема совещания и не давались предложения для предварительного осмысления. Особенно это было характерно для лорда Каррингтона. По мнению генерала, это был продуманный прием для навязывания своей воли и для того, чтобы югославская сторона не могла всесторонне оценить его предложения (169, с.43). Представители международных организаций всегда приезжали с готовым решением, и никогда не искали его совместно с сербской или югославской стороной. По сути своей они изначально были направлены на развал Югославии, и поэтому югославская сторона их не принимала. Тогда начинались угрозы и меры давления. Как отмечает В.Кадневич, все представители международных организаций показывали не только незнание ситуации, но и нежелание свои знания углубить (169, с.47). Этим, по его мнению, отличался представитель Голландии Ханс ван ден Брук. А наиболее объективным он считал господина Вэнса.

Весь октябрь и начало ноября в Гааге обсуждались разные варианты одного плана. При этом большое давление оказывалось на М.Булатовича, чтобы и Черногория объявила о своей самостоятельности. За это Черногории обещали большие деньги, возвращение Превлаки, снятие блокады и т.д. Одновременно нажим оказывался на представителя Македонии В.Тупурковског, чтобы не передумал «выходить» из СФРЮ, вспоминала С.Аврамова, одна из членов экспертной группы (219, с.278). 23 октября лорд Каррингтон представил новый проект, в котором уже республики рассматривались как субъекты международного права, заключающие между собой Конвенцию. В проекте не приняты были предложения Сербии о самостоятельности САО Краины и САО Славонии, Бараньи и Западного Срема.

25 октября лорд Каррингтон предложил новый вариант документа о разрешении югославского кризиса: из него был изъят пункт о возвращении автономным краям статуса, которым они пользовались до 1990 г.; в разделе об особом статусе областей с преобладанием национальных и этнических групп было добавлено положение об их демилитаризации; идея о таможенной унии переросла в предложение о тесном экономическом сотрудничестве будущих суверенных республик-государств. Последний пункт вызвал протест Словении, которая выступала против любого вида интеграции бывших республик (219, с.278). С.Милошевич отказывался подписывать и этот план, поэтому от уговоров руководители переговорного процесса перешли к угрозам усиления санкций в отношении Сербии.

В проекте от 5 ноября предполагалась возможность создания общего государства теми республиками, которые желают в нем оставаться (вероятно, подразумевалась Югославия, которая ясно нигде не упоминалась), и организации единого внутреннего рынка. Новыми моментами были: перечисление прав человека и прав национальных меньшинств, положения о демилитаризации территорий со специальным статусом, а также переход всей Югославии под международный контроль. Этот вариант представители Сербии и Черногории отвергли из-за игнорирования права самоопределения народов, из-за отсутствия упоминания об агрессии Хорватии в районе Западной Славонии, из-за нерешенности вопроса о правопреемственности Югославии и предложили продолжить переговоры, дополнив документ предложениями Сербии (219, с.281). С.Милошевич назвал документ ультиматумом (61, с.369).

ЕС посчитало позицию Сербии и Черногории отказом. Усилия Каррингтона продолжил С.Вэнс, созвав в Женеве 23 ноября 1991 г. совещание представителей Сербии, Хорватии и министра обороны СФРЮ. Удалось договориться о прекращении огня. В ООН на этот договор возлагали большие надежды, однако он не соблюдался. В переговорном процессе под эгидой МКБЮ наступило затишье, пауза затянулась.

С первых шагов конференции ее участники столкнулись с противоречиями договаривающихся сторон, преодолеть которые оказалось невозможным в течение всех последующих месяцев. Представители Словении соглашались говорить только о «добрососедских отношениях суверенных государств» и о зоне свободной торговли, поскольку Югославия для них больше не существовала. Делегация Хорватии настаивала на признании республиканских границ и требовала немедленного вывода подразделений Югославской народной армии с территории «независимой» Хорватии, Сербская делегация в свою очередь говорила о республиканских границах как об административных и настаивала на праве каждого народа на самоопределение вплоть до отделения, на сохранении Югославии как субъекта международного права даже в уменьшенном составе. Представители Македонии выступали за сохранение Югославии, а мнения членов делегации Боснии и Герцеговины разделились. Переговоры в Гааге зашли в тупик. Но главным виновником неудачи переговоров стала Югославия, которая не соглашалась с узаконением факта распада государства без предварительного согласования и соблюдения всеми сторонами правовых норм. Уже тогда появились первые признаки несобъективного отношения представителей международных организаций к существующей центральной власти в Федерации в отличие от ее субъектов, а также к Сербии и сербам в Хорватии, стремление ускорить переговоры, ввести их в нужное русло, не заботясь о последствиях такой позиции. Более откровенным стало стремление Запада сделать все, чтобы поддержать распад Югославии. Впервые мировое сообщество свою позицию стало подкреплять угрозами и строгими мерами воздействия. Начало оно с экономического давления.

7–8 ноября 1991 г. министры 12 стран ЕС приняли решение об экономических санкциях против Югославии. Президент США Д.Буш поддержал инициативы ЕС по введению полного эмбарго на поставки нефти в Югославию. Такие чисто экономические меры подкреплялись первыми предупредительными мерами военного характера. 19 ноября Совет ЗЕС решил направить корабли Франции, Великобритании и Италии в Адриатическое море. 2 декабря Совет министров ЕС корректирует свое решение и ограничивает санкции только территорией Сербии и Черногории. Уже 4 декабря Германия прерывает все транспортные связи с Сербией и Черногорией. ООН подключилась к решению югославских проблем 25 сентября 1991 г., приняв первую резолюцию по Югославии (№ 713) об эмбарго на поставки оружия в БИГ.

Экономическая блокада Сербии и Черногории предопределила дальнейшее углубление кризиса на территории Югославии, заглушила переговорный процесс, разуверила республики в объективности международных организаций. Однако, войдя в качестве руководителей в переговорный процесс, возглавив его, международные организации уже не покидали эту территорию. Они умело вели свою партию на полный раздел территории СФРЮ, прикрываясь миротворческой фратернологией.

Позиции международных организаций лишь отчасти беспокоили руководство Югославии. Тогда еще казалось, что должен существовать такой орган, который может объективно подойти к случившемуся на Балканах. Свою помощь переговоривающимся сторонам предложила Арбитражная комиссия, которую еще в литературе часто называют Комиссией Бадсентера. 21 октября министр иностранных дел СФРЮ В.Йованович предложил на рассмотрение комиссии три ключевых вопроса, которые могли бы сдвинуть с мертвой точки переговорный процесс:

1. Кто имеет право на самоопределение с точки зрения международного права — нация или субъект Федерации? Является ли право народа на самоопределение субъективным коллективным правом народа или это право территорий?

2. Является ли сепарация допустимым правовым актом с точки зрения Устава ООН и других норм международного права?

3. Являются ли разделительные линии между конституционными частями федеративного государства (провинциями, кантонами, штатами, землями, республиками) границами по международному праву? (219,с.282).

Вопросы передавались в Комиссию через лорда Каррингтона, а ему было известно, что международная практика выработала достаточно твердые ответы на поставленные Югославией вопросы, поэтому он, пытаясь избежать прямого ответа, переформулировал вопросы. Первый звучал так: «Сербия считает, что республики, которые провозгласили или провозгласят свою независимость и суверенитет, вышли или в скором времени выйдут из СФРЮ, продолжающей, несмотря на это, свое существование. Остальные республики, напротив, считают, что речь идет не об отделении, а о дезинтеграции и прекращении существования СФРЮ в результате одновременного намерения ряда республик выйти из нее. Они считают, что шесть республик должны быть равноправными наследниками СФРЮ без права какой-либо из них или их групп быть ее продолжателем. Я бы хотел, чтобы Арбитражная комиссия рассмотрела этот случай и сформулировала заключение или рекомендацию, которая могла бы быть полезной» (328,с.97).

Два других вопроса стали выглядеть так: «Имеет ли сербское население из Хорватии и Боснии и Герцеговины, как конституционный народ Югославии, право на самоопределение? Могут ли, по международному праву, внутренние линии разграничения между Хорватией и Сербией, с одной стороны, и Сербией и Боснией и Герцеговиной, с другой стороны, считаться границами?» (328,с.97).

Арбитражная комиссия 7 декабря выразила «Мнение № 1», согласно которому «существование или несуществование одного государства — вопрос фактического состояния». А поскольку Словения, Хорватия, Македония, БИГ «выразили волю к независимости», а состав и работа основных органов федерации «не отвечают более критериям совместного участия и представительства, свойственным федеративному государству», то «Арбитражная комиссия считает, что СФРЮ находится в процессе распада» и «республики должны решить проблемы государственной ответственности». Юрист-международник профессор М.Креча правомерно полагает, что Арбитражная комиссия была создана специально для того, чтобы найти правовое обоснование дезинтеграции СФРЮ, что с успехом и было осуществлено (328,с.96). С этого времени антисербская направленность решений и действий международных организаций ощущалась все острее.

На Европейском сообществе, безусловно, лежит большая доля ответственности за раздувание югославского пожара. Федерация не была сохранена, ее интересы учитывались в наименьшей степени. В начале января 1992 г. ЕС принимает решение отозвать из Белграда послов стран — членов ЕС. По мнению профессора С. Аврамовой, нормы международного права не имели никакого значения для созданных ЕС структур, оно нарушило брионские договоренности и злоупотребило Арбитражной комиссией. «С лица ЕС упала последняя маска» (219, с. 283). 17 декабря 1991 г. в Брюсселе был принят документ, в котором уже утверждались условия признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. Среди них — преобладание права и демократии, гарантия прав национальных меньшинств, мирное решение споров и ряд других. ЕС предложило всем республикам теперь уже бывшей Югославии подать заявления о своем признании. Словения, Македония, Хорватия, БиГ немедленно сделали это. Возмущались такой постановке вопроса лишь Сербия и Черногория. Они напомнили, что получили независимость на Берлинском конгрессе 1878 г. и поэтому не станут вновь добиваться своего признания, подчеркивая, что Сербия и Черногория не выходили из Югославии, поэтому оставляют за собой право преемственности государства Югославии.

Чтобы ускорить процесс безвозвратного распада СФРЮ, в умы европейских политиков настойчиво внедрялась формула о необходимости признать независимость новых республик. Такое признание, якобы, поможет избежать военных столкновений. 9 января на очередном заседании МКБЮ М. Кучан и Ф. Туджман констатировали, ссылаясь на решение Арбитражной комиссии, что Югославия больше не существует, и просили признать независимость Хорватии и Словении. Самую активную поддержку они получили со стороны Германии.

По мнению лорда Каррингтона, именно Германия, традиционно настроенная прохорватски, настойчиво убеждала другие страны признать Хорватию. «На встрече в Лондоне в январе 1992 г. представитель Великобритании Дуэлас Хог высказался против преждевременного признания Хорватии, однако все остальные участники, за исключением Ханса ван ден Брука, его не поддержали. Они главным образом молчали, но зато тогдашний министр иностранных дел Германии Геншер напористо гнул свою линию. Ван ден Брук на самом деле был единственным министром, который выразил несогласие, поскольку Хог не был в ранге министра» (64, с. 16). Об этом же упоминает в своей книге посол США в Югославии У. Диммерман (315, с. 207). Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр писал в декабре 1991 г. Ван ден Бруку, председателю Совета министров ЕС, и министру иностранных дел Германии Г.-Д. Геншеру, что выборочное признание республик СФРЮ может «способствовать расширению нынешнего конфликта и углублению взрывоопасной ситуации» (309, с. 188–189).

По вопросу признания Хорватии и Словении активную позицию занял Ватикан. 26 ноября 1991 г. кардинал Содано пригласил послов США, Франции, Великобритании, Бельгии, Италии, Германии и Австрии, ознакомил их с позицией Ватикана и настаивал, чтобы их страны признали Словению и Хорватию в течение месяца. Посол США Мелоди, описавший эту встречу, убежден, что уже существовали предварительные договоренности между Ватиканом, Германией, Италией и Австрией, поскольку послы этих стран с воодушевлением поддержали предложение Ватикана (см.: 219, с. 195).

По мнению лорда Каррингтона, Европа совершила две ошибки. «Думаю, было бы лучше, — отмечал он в одном из интервью осенью 1992 г., — если бы Европа раньше признала, что Югославия распалась. По плану, предложенному мной еще летом 1991 г., шесть республик определялись таковыми, с более или менее тесными взаимными связями, с одной стороны, и наличием центра, с другой. Некоторые из них утверждали, что готовы к такому союзу. Однако сообщество двенадцати меня не послушало, поскольку боялось, что такой план послужит прецедентом для распада Российской Федерации. Второй ошибкой Европы было признание Хорватии и Словении. Целью созыва европейской конференции, на которой я стал председателем, было непризнание независимости этих двух республик вплоть до тех пор, пока не будет достигнуто глобальное согласие шести югославских республик. Их признание подорвало основы нашей работы, которая свелась к обычным двусторонним переговорам, тем более, что позднее считалось необходимым спрашивать и Боснию о ее желании быть независимой. Очевидно, что ее президент Алиа Изетбегович мог ответить только утвердительно. Я предупреждал лидеров ЕС, что такой сценарий, который неприемлем для сербов в Боснии, приведет к гражданской войне. Это было трагической ошибкой» (231).

Германия, вспоминал лорд Каррингтон, убеждала, что признание Хорватии и Словении остановит сербское наступление на Хорватию, поскольку уже тогда действия Сербии рассматривались бы как агрессия на суверенное государство (211, с.4). Госсекретарь США У.Кристофер в июне 1993 г. писал, что немцы несут особую ответственность, поскольку смогли убедить своих партнеров по ЕС признать Словению, Хорватию, БиГ. Используя алогичный прием, Германия убеждала, что непризнание Хорватии и Словении означает одобрение сербской агрессии (211, с.4). Она торопилась привлечь на свою сторону другие страны, поскольку уже 23 декабря формально объявила о признании независимости Хорватии и Словении с тем, что решение должно вступить в силу 15 января. Г.-Д.Геншер предупредил, что Германия в любом случае признает Хорватию, даже если ЕС ее не поддержит. В руках у Германии были весомые аргументы — разрушение Вуковара, агрессия в Далмации, наступление на Дубровник. Г.-Д.Геншер вспоминал: «Были прогнозы, что Германия останется в изоляции, дискуссия была очень-очень острая, но результат был намного больше, чем мы могли надеяться» (290, с.45).

С.Аврамова называет ночь с 16 на 17 декабря 1991 г. в Брюсселе «драматичной», когда Г.-Д.Геншер оповестил своих коллег по ЕС, а также США, СССР и Генерального секретаря ООН о том, что Германия безусловно признает Хорватию и Словению. «В действительности, — считает ученая, — Германия той ночью провозгласила себя новой силой, чьи национальные интересы не во всем совпадают с интересами ее союзников» (219, с.193). Многие руководители европейских стран согласились с Германией, чтобы не нарушать единство своих рядов. «Мы стояли перед Маастрихтом. Никто не мог допустить развала союза. Но мне было более чем ясно, что этим решением мы предвосхитили пожар в Боснии, а может быть и в Косове», — писал бывший министр иностранных дел Италии Джани де Микелли (211, с.5).

Претендуя на ведущее место в европейской политической и экономической жизни, объединенная Германия стремилась преодолеть существующие барьеры сложившейся системы европейской безопасности послевоенного времени. Она добивалась места постоянного члена в СБ, возможности развивать свой военный потенциал. Осу-

шествия большую политику на Балканах, Германия не очень была заметна, хотя постепенно начала «присутствовать» на Балканах. — она стала членом Контактной группы, участвовала в Силах быстрого реагирования, имела своего представителя в качестве наместника в Мостаре.

Стратегические цели Германии на Балканах предполагали включение Хорватии и Словении в зону своих экономических интересов для овладения международным перекрестком дорог, обеспечения прямого выхода на Адриатику и к Средиземному морю, к Дунаю, а также для приобретения Германией статуса наибольшего благоприятствования у производящих нефть и газ арабских государств. Для достижения последней цели планировалось обеспечить международное признание БиГ как мусульманского национального государства. Отсюда и поддержка Хорватии, финансирование ее отделения, снабжение оружием, защита от попыток ввести санкции, поощрение к военным действиям. Но главное — Германия использовала свою экономическую мощь для достижения стратегических целей. Как пишет В.Кадиевич, Германия не хотела допустить создание единого сербского государства, поскольку оно могло помешать осуществлению ее глобальных целей. Более того, чтобы никогда эти земли не могли объединиться, их надо посорить, заставить бороться между собой за границы (169,с.26). В.Кадиевич, как военный министр, располагал сведениями, что Германия через свою сеть агентов основательно готовила будущие события.

Стремлением любыми средствами добиться ускоренного признания новых государств Германия фактически минировала начавшийся переговорный процесс, который мог привести к миру. Она катализировала конфликтную ситуацию в Югославии и несла за это большую ответственность. Еще 4 июня 1991 г. на совещании министров иностранных дел ЕС в Дрездене, где высказывались разные точки зрения на будущее Югославии, Германия выразила твердое убеждение, что распад Югославии неизбежен (219,с.257). Г.-Д.Геншеру удалось уговорить главного противника признания Ф.Миттерера, пригрозив дезинтеграцией ЕС (219,с.191). Позже даже американские эксперты стали высказывать мнение, что причины нынешних проблем кроются в поспешном признании Хорватии, а затем Боснии и Герцеговины. В интервью американской газете «Ю-Эс-Эй тудей» У.Кристофер заявил, что немцы несут особую ответственность за то, что Европейское сообщество дало уговорить себя признать бывшие югославские республики (136).

Правительство Югославии отмечало в январе 1992 г., что Германия «была инициатором и главной убеждающей стороной введения экономических санкций против Югославии...» (264,с.74). Она даже вводила свои собственные санкции. В конце августа 1991 г. Министерство финансов заморозило дальнейшее сотрудничество по программе реинтеграции, прервало переговоры о регулировании отношений с бывшими партнерами ГДР, прекратило деловое сотрудничество с югославскими банками и т.д.

Немецкий журналист Петер Ханлке один из немногих в Германии осмелился критиковать правительство за позицию по отношению к Сербии и Югославии. По его мнению, «каждый настоящий политик, депутат, либерал, левый должен был сказать, что за свинство Германия допустила в отношении Югославии. Кто этого не скажет, тот навсегда останется преступником...» (218,с.9). Француз Жерар Болсон писал: «У германской дипломатии, как у бога Януса, два лица: одно, которое она

показывает во время международных конференций и переговоров, франко-германских встреч на высшем уровне, — лицо мира, согласия и чувства ответственности за Европу; а есть и другое лицо, лицо подпольной дипломатии, начатой г-ном Гешшером, которая готовит для завтрашней Германии дипломатию, экономику и армию, соответствующие ее мощи» (297, с. 44).

После принятия декабрьской Декларации ЕС поспешно была признана Хорватия, нарушившая по крайней мере четыре из пяти условий ЕС, но затянута признание Македонии, не нарушившей ни одного. Кроме того, была поддержана независимость Республики Боснии и Герцеговины с нестабильным внутренним положением, с неопределенным политическим устройством, невыясненными отношениями между живущими в ней народами и охваченная войной. Это свидетельствует о том, что в данном случае политические мотивы преобладали над правовыми. Р.Баденгер подчеркивал позже, что в случае с признанием Боснии и Герцеговины следовало тогда подождать, медленно продвигаясь по пути поиска решения. Даже для него признание БНГ было неожиданностью, и он не может ответить, что лежало в основе такой спешки. «Это была огромная ошибка!», — отмечал Р.Баденгер (210).

Даже лорд Каррингтон назвал такое поведение Евросоюза «позорным» (64, с. 17). Он вспоминал, что был глубоко поражен, когда Европейское сообщество признало Хорватию и предложило признать Боснию, что неминуемо должно было привести к войне. При этом он не выступал против признания как такового, а был против его несвоевременности. «Хорватия, как мы знаем, была признана в то время, когда проводилась мирная конференция по бывшей Югославии, на которой мне удалось добиться от Туджмана и Милошевича согласия на автономию Краины в Хорватии. Эта автономия должна была, в частности, включать и разделение полицейских сил. И только после этого должно было бы последовать признание Хорватии. Поспешное признание Хорватии обернулось тем, что Загреб на этом этапе потерял всякий интерес к дальнейшим переговорам, ибо теперь его независимость ничем не обуславливалась. Другое неприятное обстоятельство заключалось в том, что раз вы признали независимость одной республики, входившей в состав распавшегося государства, нельзя было отказать и остальным. Аналогичное предложение в отношении Боснии шло вразрез с ее Конституцией, которая предписывала согласие всех трех составляющих ее сторон, что неизбежно вело к гражданской войне» (64, с. 15).

Многие политики позже осознали негативные последствия поспешности признания бывших югославских республик. Так, С.Вэнс говорил, что надо было придерживаться Гаагского договора, который не допускал признание бывших югославских республик до тех пор, пока не будет достигнуто приемлемого для всех политического решения (211, с. 3). А Джеймс Бейкер выразился еще более откровенно: «Словения и Хорватия являются причинами гражданской войны в предшествующей Югославии. Их насильственное отцепление, которое противоречит актам Хельсинкского договора, напрямую толкнуло Югославию к сведению счетов военным путем. Фактом является то, что Словения и Хорватия односторонне провозгласили независимость вопреки нашим предупреждениям, что они употребили силу, чтобы занять пограничные пункты, что и вызвало гражданскую войну» (211, с. 3). По мнению Г.Киссинджера: «Западные демократы должны были два раза подумать, прежде чем признавать одно балканское государство, чьи границы в этническом, лингвистическом и историческом смысле не совпадают с традиционным пониманием нации и государства. Как вообще западные политики могли подумать, чтобы сербы, хор-

каты и мусульмане, чья взаимная ненависть развалила Югославию, могли сосуществовать и вместе жить в еще меньшем боснийском государстве» (211, с.3).

В дни, когда осуществлялось признание Словении и Хорватии, экспертная группа Сербии, находившаяся в Брюсселе. Смиля Аврамова, одна из активных участниц тех событий, вспоминала, что эксперты оценили признание Словении и Хорватии как потерю ЕС правовой основы возглавлять и дальше переговорный процесс. Без консультаций с Белградом они направили ЕС Меморандум, в котором осуждалась его деятельность, нарушившая Брионскую декларацию, отступившая от посреднической роли и взявшая на себя роль политического арбитра (219, с.285).

Лишь к началу 1992 г. руководство СФРЮ начало понимать, какую сложную игру затеяло мировое сообщество, хотя, судя по последующим событиям, так до конца и не верило в преднамеренность всех действий представителей ООН, ЕС и других органов и организаций. 18 декабря правительство федерации осудило позицию ЕС, констатировало ухудшение ситуации в Югославии, потребовало возвращения к основополагающим принципам Гаагской конференции, а Президиум СФРЮ обратился к Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру с просьбой, чтобы ООН помогла в урегулировании кризиса, поскольку ЕС злоупотребила доверием и ее деятельность переросла во вмешательство во внутренние дела Югославии.

3. План Ж.Кутильеро

14 февраля 1992 г. в Сараеве открылась Международная конференция по Боснии и Герцеговине под покровительством ЕС и руководством португальского дипломата Жозе Кутильеро, который разработал проект создания в БиГ некоего вида конфедерации, разделенной на национальные кантоны. 21 февраля конференция продолжила свою работу в Лиссабоне, 9 марта — в Брюсселе. Кантонизацию предполагалось осуществить на основе экономических, географических, исторических и религиозных критериев. Ж.Кутильеро предлагал опираться на перепись 1981 г., согласно которой 52 общины БиГ (из них 37 имели абсолютное, а 15 относительное большинство) были мусульманскими, 37 — сербскими, а 20 — хорватскими. Однако первоначальные требования делегаций не совпадали с расчетами Жозе Кутильеро. Хорватская делегация во главе с М.Бобаном просила 32% территории, сербская, которую возглавлял Р.Караджич, — 70% всей территории БиГ.

Однако к 18 марта позиции сторон были согласованы. Лидеры всех трех сторон, подписав «Основные принципы конституционного решения БиГ», договорились, что БиГ останется в существующих границах как единое государство с тремя конституционными единицами, созданными по национальному признаку. Согласно этому плану, всего 12–15% населения останутся бы вне границ своих национальных кантонов. 30–31 марта в Брюсселе «Принципы» были дополнены тремя новыми документами: обращением воздержаться от акций, которые могли бы угрожать мирным договоренностям; о механизме защиты нрав человека и национальных меньшинств; о формировании специальной рабочей группы по определению составных единиц БиГ. Была создана рабочая группа, которая должна разработать карты раз-

деления БиГ, учитывая критерии вероисповедания, культуры, транспорта, коммуникации и, конечно, желания всех трех народов. Р.Караджич, комментируя достигнутые договоренности, назвал этот день для Боснии и Герцеговины великим. «Сейчас, если будем уважать то, о чем мы договорились, то можем сказать, что причин для гражданской войны в Боснии и Герцеговине нет, — подчеркнул он. — Осталось только разграничить компетенции между общими институтами и органами конституционных единиц, что, как нам кажется, намного легче» (180).

Казалось, что соглашение по БиГ достигнуто. Но А.Изетбегович после разговоров с американским послом в Югославии У.Циммерманом изменил свою позицию, и отказался от своей подписи под соглашением — ему пообещали целую Боснию. «Америка спровоцировала эту войну, — считал Р.Караджич. — Уоррен Циммерман... и не скрывал этого. Он сказал, что сам убедил Изетбеговича отказаться от лиссабонской карты» (208, с.6). У.Циммерман не отрицает в своих мемуарах факт встречи и длительного разговора с А.Изетбеговичем, но не упоминает никаких предложений президенту БиГ, хотя по тону разговора можно понять, что посол был недоволен решением руководителя БиГ присоединиться к плану Кутильеро (315, с.222). Но факт остается фактом: после разговора с У.Циммерманом А.Изетбегович отозвал свою подпись из-под документа. И уже 6 апреля страны ЕС признали Боснию и Герцеговину как единое независимое государство, объясняя свою торопливость опять же желанием предотвратить столкновения в Боснии. Но все получилось как раз наоборот. Столкновения между сербами, мусульманами и хорватами возрастали с неослабевающей силой, а ЕС, требуя прекратить столкновения, повторяло заверения о поддержке целостности БиГ.

Посол США в Югославии У.Циммерман оправдывал свои действия тем, что интернационализацией конфликта удастся предотвратить сербское стремление к доминации, хотя позже признавал, что план Кутильеро был не так уж плох, и отказ от него был ошибкой (211, с.5). Следовательно, поступками дипломата двигали совсем иные причины, которые он не скрывал: для США важным было, какую позицию на Балканах занимает Сербия, каковы ее экономическая и военная сила и влияние на политические процессы. Задачей ослабить позиции Сербии и руководствовался американский дипломат.

Трехсторонние переговоры под председательством представителя ЕС посла Ж.Кутильеро закончились лишь подписанием 12 апреля 1992 г. соглашения о прекращении огня на всей территории Боснии и Герцеговины. Стороны согласились «прекратить всякую деятельность, способную вызвать у населения чувство страха и нестабильности, как, например, открытие огня снайперами и бомбардировка Сараева и других городов и деревень..., обыски домов, возведение баррикад», поставить под контроль наблюдателей ЕС всю артиллерию, расформировать все нерегулярные вооруженные силы и не делать «территориальных приобретений» (222, Приложение II, с.11).

Тем не менее Ж.Кутильеро питал надежды все-таки достичь договоренности о будущем конституционном устройстве БиГ. Как сообщал Б.Бутрос-Гали, «1 мая он прервал работу последнего по времени заседания в рамках проводимой под его председательством Конференции в связи с несоблюдением сторонами соглашения о прекращении огня, однако с удовлетворением воспринял факт признания всеми сторо-

ниями принципа «кantonизации», согласно которому каждая «национальная» группа будет нести ответственность за свой собственный район или районы в пределах конфедеративной независимой и суверенной Боснии и Герцеговины» (224, с.4). Ж.Кутильеро надеялся возобновить переговоры, но они безнадежно откладывались.

27 мая представители мусульманской стороны ушли с переговоров в знак протеста против продолжающегося обстрела Сараева сербами и заявили о нежелании возвращаться за стол переговоров.

4. Введение санкций против Югославии

В марте 1992 г. в переговорном процессе под руководством ЕС впервые начинает принимать участие Америка, которая представила свою задачу как «координацию своей политики с ЕС» в связи с распадом Югославии. *Активизация США на Балканах* была связана с разработкой стратегии «глобального лидерства», согласно которой США являются единственной глобальной сверхдержавой, призванной взять на себя роль мирового лидера, несут моральную ответственность за распространение демократии и защиту «угнетенных» по всему миру (315, с.436). Кризис на территории бывшей Югославии, неутрачивающая война в Боснии и Герцеговине давали США реальную возможность продемонстрировать свое лидерство в Европе и без непосредственного участия в военных операциях, используя лишь активные дипломатические акции и участие в бомбовых авиаударах.

США доказывали своим европейским партнерам, что они не смогут решать сложные международные вопросы без США. Это полностью отвечало концепции «мировой роли США», которые, как отмечал У.Клинтон, «должны выполнять за границей руководящую роль в эту новую эпоху. Бремя американского лидерства и его важное значение, характер этого лидерства — один из важнейших уроков XX века. ... Сейчас, когда «холодная война» закончилась, Америка по-прежнему остается незаменимой страной в мире. Бывают такие моменты, когда только от Америки зависит, быть войне или миру, свободе или репрессиям, надежде или страху» (220, с.3,5).

Как отмечают российские ученые, «задача перестройки структуры мира ... в новых исторических условиях и изменения приоритетности различных регионов для интересов национальной безопасности и геоэкономического развития США ... является, пожалуй, самой сложной геополитической целью американской дипломатии со времени формирования системы сдерживания СССР» (315, с.19). Геополитическое процветание США связывается не с осуществлением мер экономического характера, а с военной политикой, с возможностью прямого или опосредованного управления конфликтами. Важнейшим сдвигом в американских геополитических подходах стала ориентация на возможность возврата к силовой политике. В первые годы нахождения у власти администрации У.Клинтона преобладала теория политического реализма, согласно которой государство «поддерживает благоприятное для себя равновесие сил в различных регионах через периодическое, но кратковременное вмешательство» (315, с.24). Критериями же степени активности американской внешней политики остаются «геоэкономическая приоритетность того или иного региона» и «возможность эффективного поддержания американского экономического и политического присутствия» (315, с.39).

Концепцию мирового лидерства США прекрасно изобразил в своей книге «Великая шахматная доска» З.Бжезинский. По его мнению, «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной». И хотя она допускает диалог между странами, «власть происходит в конце концов из одного источника, а именно: Вашингтон» (317,с.40). Соединенные Штаты оказались в уникальном положении в результате краха своего основного соперника — СССР. «Они стали первой и единственной действительно мировой державой», — констатировал автор (317,с.20). Американское мировое превосходство отличалось «стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами осуществления» (317,с.13). Ныне американское превосходство «породило новый мировой порядок, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы» (с.41). США поддерживают свое превосходство через сложную систему союзов и коалиций, «которая буквально окутывает мир». В Европе ее основным звеном является НАТО. Сюда же входит, откровенно пишет З.Бжезинский, и «глобальная сеть специализированных организаций, особенно «международные финансовые институты» (МВФ, Всемирный банк и др.), многие из которых находятся в Европе, но «в которых доминируют американцы». Именно с целью непосредственного контроля США над процессом урегулирования на Балканах была создана так называемая Контактная группа, где Соединенные Штаты стали играть главную роль (317,с.40).

Анализ американской политики в Югославии должен учитывать параметры отношений США и Европы, значимость европейской политики США в общей системе приоритетов их национальной безопасности. По оценке российских ученых, основные приоритеты политики США в Европе обусловлены двумя взаимосвязанными комплексами вопросов: а) сохранением Европы в качестве рынка, открытого для американских товаров и услуг, что означает недопущение превращения ЕС в самостоятельный замкнутый торгово-финансовый блок, б) сохранением НАТО в качестве основного военно-политического инструмента в Европе, способного политически эффективно использовать военную силу и обеспечивать свое плавное и сбалансированное расширение (315,с.49–50). Гарантом стабильности в Европе США видели американско-германский союз на фоне естественного получения Германией больших прав в рамках НАТО.

Чтобы оправдать свое активное вмешательство в балканские проблемы, Америка объявила этот регион зоной национальных интересов США. Как пишет посол США в Югославии У.Циммерман, в первый год деятельности администрации Клинтон, политика в отношении Боснии была недостаточно решительной и последовательной. Рассматривались лишь такие шаги, как прекращение дипломатических отношений или усиление экономических санкций. Генри Киссинджер предупреждал: «Америка может преследовать более широкие цели политическими средствами, но она не должна связывать себя с использованием наземных сил в схватках темных политических страстей в регионе, где мы только придумали себе жизненные интересы» (284,с.7).

Сам посол У.Циммерман был сторонником решительных шагов в отношении БНГ. Он писал докладные записки администрации, что «только сила» может заставить С.Милошевича и Р.Караджича слушать международных посредников, что «единственный язык, который они понимают, это язык силы» (315,с.256–257). Лишь в 1993 г., полагает У.Циммерман, политика США приобретает четкие очертания решительности. У.Клинтон выступил с инициативой «сняться и ударить». Имелось

в виду снять для мусульман эмбарго на поставки оружия, а нанести бомбовые удары по сербам силами войск НАТО (315,с.259). УЦиммерман пишет, что в 1993 г. «европейцы» не дали осуществить план У.Клинтона. Этому воспротивились также и Б.Бутрос-Гали, и администрация СООНО, и Россия, и даже американский конгресс. Не было согласия и в руководстве НАТО (315,с.260).

В чем причины столь пристального внимания США к Югославии? Мы уже говорили о стратегии США. Обратим внимание на тактику. В Югославии многие убеждены, что цель политики США и Германии — «разбить Югославию», что это хорошо обмысленный план, а не череда ошибок (169,с.7). По мнению С.Аврамовой, ЦРУ разработало, а госдепартамент осуществлял план развала СФРЮ. Тактически этот план предполагал: а) контроль над союзным правительством и армией через «своих» людей на ответственных постах; б) усиление психологическо-пропагандистского давления и угроза применить силу; в) усиление «cover action», используя различные фонды, гуманитарные организации (219,с.288). 18 апреля 1992 г. министр Бейкер заявил: «На месте умершей Югославии не будет править Великая Сербия» (219,с.288).

Как объяснял американский журналист «Нью Йорк таймс» Дэвид Байндер, у США «есть стратегия политической, экономической и военной изоляции Сербии. Эта концепция включает военное сотрудничество с боснийскими мусульманами, албанцами, македонцами и Хорватами. Люди наряду с Гором, может, Клинтонем и, скажем, Лейком были бы счастливы, если бы смогли свести Сербию к сельскохозяйственному обществу. ...Все идет к тому, чтобы Сербию свести на нет как силу на Балканах. Это правительство, так же как и Боб Дол, считают Сербию большой силой и помехой миру и стабильности на Балканах. Этому соответствует и вся предпринимая США деятельность на этих просторах, начиная с 1991 г. Я не скрываю, что это слишком глупо. Когда я говорю это в правительстве, они мне отвечают: «Байндер, вы преувеличиваете» (201). На вопрос, почему Америка заняла такую позицию, журналист ответил: «По мнению США, Сербия начала войну, она — агрессор, она проводила геноцид и потому должна быть наказана. Это позиция большинства средств массовой информации и издательств. Речь идет о догматической позиции. Тех, кто это критикует как и я, обычно обвиняют в том, что они сербские проповедники, или что я злой. Они усложняют мне жизнь. Когда я употребляю слово «догма», то не преувеличиваю. Это как инквизиция в Средние века. А меня считают еретиком» (201).

Американская политика имела антисербскую направленность по многим причинам. Российский исследователь А.Морозов полагал, что США встали на сторону хорватов и мусульман, чтобы помешать осуществлению проекта «Великая Сербия» и тем самым локализовать зону конфликта; чтобы доказать свою приверженность демократии и свободе, поддерживая демократическое волеизъявление сепаратистских республик; чтобы помочь «более слабым» не допустить превосходства одной из сторон с целью обеспечить баланс сил и ускорить подписание мирного договора; чтобы укрепить позиции своих союзников Германии и Турции и «улучшить отношение к себе со стороны исламского мира. Свою роль сыграло и влияние на американскую политику «этнического лобби» в лице значительной части электората — вышедшей из стран региона, «которые приложили немало усилий для создания определенных прохорватских и промусульманских настроений у значительной части мировой общественности» (315,с.442). В этом перечне не все является причинами,

некоторые позиции являются пропагандистскими клише, удобными, чтобы стать поводами (например, тезис о необходимости помешать проекту «Великая Сербия»). На наш взгляд, к уже перечисленным причинам следует добавить следующие.

1. Стремление замедлить процесс европейской интеграции и стабилизировать политическую роль США в Европе. Вашингтон убеждает своих партнеров, что без него югославам и европейцам со своими проблемами никак не справиться.

2. Деятельность по привлечению НАТО на Балканы — это в определенном смысле попытка удержать НАТО от раскола и закрепить американское лидерство в НАТО.

3. Немаловажное значение имел и экономический фактор: торговля оружием, продолжение развития ВПК, особенно если начать возрождать образ врага на Востоке; в 1996 г. США планировали истратить на оборону на 1,4 млрд. долл. больше, чем в 1995 г.

4. Поддержка боснийско-герцеговинских мусульман была вызвана желанием доказать, что США не являются априори антимусульмански ориентированными.

5. Желание использовать факт распада бывшей Югославии как юридический, политический и военно-стратегический прецедент для распада бывшего СССР.

6. В случае успеха внешнеполитических акций — привлечение голосов на предстоявших выборах.

Уже 29 апреля 1992 г. США направили Сербии протест, обвиняя ее в разжигании конфликта, активно выступали за введение санкций и исключение Югославии из международных организаций. США сорвали подписание планов, разработанных Международной конференцией по бывшей Югославии под эгидой ЕС, стали внедрять свой план урегулирования с чисто американской напористостью — исключительно силой и без учета интересов сторон.

В это время еще существовало разделение функций между ООН, мандат которой в области поддержания мира был связан только с положением в Хорватии, и ЕС, которое выполняло задачи по установлению мира в Югославии в целом. Перед ЕС и ООН встала задача расширения своего присутствия в Боснии и Герцеговине. Встревоженный сообщениями о быстром ухудшении положения в Боснии и Герцеговине, Совет Безопасности предложил Генеральному секретарю ООН «незамедлительно направить в этот район своего личного посланника, который бы работал в тесном сотрудничестве с представителями Европейского сообщества» (222, с. 1). Ни Билканы вылетел личный представитель Генерального секретаря Сайрус Вэнс. В течение четырех дней (14–18 апреля) своей седьмой по счету миссии он беседовал с президентами четырех из шести республик, командующим СООНО, командирами ЮНА. Сайрус Вэнс пришел к выводу: между руководителями республик нет единого мнения, что послужило причиной вооруженных столкновений и кто несет за них ответственность. При этом все были уверены, что «все три общины Боснии и Герцеговины располагают теми или иными полувоенными формированиями и что во всех этих общинах имеются экстремистские элементы, действия которых трудно контролировать» (222, с. 3). С. Милошевич убеждал его, что основная вина за разрастание конфликта лежит на А. Изетбеговиче, а военные действия начали подразделения из Хорватии. Руководство ЮНА предлагало вывести все силы, вошедшие на территорию БиГ извне, обещало поддерживать правопорядок в очагах напряженности. Первым же шагом к урегулированию должно было стать признание факта присутствия

хорватских войск на территории БiГ. А.Изетбегович со своей стороны предлагал ввести мусульман и хорват в состав высшего командования ЮНА и обвинял армию в поддержке сербов. Он также не был против разделения Республики на кантоны по территориальному признаку, но считал территориальные претензии сербов чрезмерными. Хорваты на переговорах обвиняли ЮНА в поддержке сербов, но вместе с тем подчеркивали, что армия «представляет собой ключевой момент в деле мирного урегулирования кризиса в Боснии и Герцеговине» (222,с.4). Сайрус Вэнс пришел к выводу, что условия в Боснии и Герцеговине делают невозможной разработку жизнеспособной концепции ООН по поддержанию мира.

Из доклада Генерального секретаря было ясно, что ситуация в БiГ ухудшается, что между общинами растет недоверие, что «ни одна из сторон в конфликте не может снять с себя ответственность за нынешнюю ситуацию и ее эскалацию» (222,с.6). Прибывавшие на Балканы личные представители Б.Бутрос-Гали отмечали запутанность ситуации в БiГ, виновность всех сторон в эскалации ситуации, провокационный характер действий мусульман (224,с.10). Между тем, мировое сообщество склонялось обвинить Югославию и ЮНА в разжигании конфликта на территории БiГ и ввести жесткие санкции против Сербии и Черногории.

На санкциях настаивали, прежде всего, США. Но Б.Бутрос-Гали выступал против таких крутых мер и предлагал созвать широкую международную конференцию. Он подготовил доклад, который должен был быть представлен членам Совета Безопасности накануне обсуждения вопроса о введении санкций. В нем подробно описывалась история вопроса о выводе войск ЮНА из Боснии и Герцеговины, констатировалось, что большинство военных «уже выведено в Сербию или Черногорию, причем некоторые из них подверглись при выводе нападениям», что в БiГ появилась сербская армия, неподконтрольная ЮНА, что генерал Младич не подчиняется Белграду, что Хорватия не выполнила Резолюцию № 752 и не вывела свою армию из Боснии и Герцеговины, что необходимо продумать план международной помощи БiГ (221). В целом Доклад показывал крайне сложную и неоднозначную ситуацию в Боснии и Герцеговине, не заканчивался выводом о необходимости введения санкций против Югославии. Думается, именно поэтому Доклад ГС как бы случайно затерялся где-то в канцеляриях ООН и попал на стол членам СБ уже после философования по вопросу санкций.

Чтобы убедить членов Совета Безопасности голосовать за санкции, необходимо было неоспоримое доказательство виновности сербов. И его подготовили. В Сараеве 27 мая мусульмане инсценировали обстрел «сербскими» снарядами очереди за хлебом на улице Васи Мискина, где погибли 16, а ранены были 14 человек (по некоторым данным, убито 22 и ранено 100 человек). Заранее подготовленные камеры отсняли груды кровавых тел, текущую кровь, страдания людей. Западные экраны повторяли эти кадры постоянно, внушая неприязнь к сербам и жажду наказания виновных. Уверяя, что сербы во всем виноваты, Клаус Кинкель, министр иностранных дел Германии, настаивал: «Сербия должна быть поставлена на колени» (176). Международные организации проигнорировали требование Р.Караджича сформировать компетентную комиссию для установления исполнителя акции вандализма. Генерал Маккензи писал позже в своей книге: «Наши люди нам сказали, что им кое-какие вещи кажутся странными: улица была закрыта для дви-

жения как раз перед взрывом, после того, как создалась очередь перед пекарней, появились представители СМИ и разместились на расстоянии. Взрыв произошел, и камерам осталось только пододвинуться ближе... Большинство убитых были сербы...» (298, с. 14). Несмотря на всю свою неоднозначность, акция возымела действие.

30 мая 1992 г. в 14 часов 25 минут открылось заседание Совета Безопасности, на котором судьба Югославии решилась всего за один час и двадцать пять минут. Представитель Югославии в обсуждении участия не принимал. СБ проголосовал за введение санкций (Резолюция № 757) против Сербии и Черногории. Проголосовали торопливо, без детального обсуждения вопроса, членам Совета Безопасности не дали времени на размышления, проверку фактов, сопоставление данных. Проголосовала и Россия. Воздержались только Китай и Зимбабве, объяснив свою позицию тем, что выступают за решение кризиса путем переговоров.

Текст Резолюции 757 был составлен крайне лобопытно. Югославия напрямую не обвинялась в каких-либо серьезных грехах. В преамбуле отмечалось, что ответственность за сошедшее положение на территории бывшей Югославии лежит на всех сторонах, напоминалось, что границы Боснии и Герцеговины нерушимы и выражалось сожаление, что боевые действия в БиГ ни одной стороной не остановлены, что не прекращено вмешательство в дела БиГ извне, что подразделения ЮНА не поставлены под эффективный международный контроль, что все нерегулярные войска в БиГ не были распущены и разоружены, что не прекратились попытки изменить этнический состав населения, что не созданы условия для эффективного и беспрепятственного оказания гуманитарной помощи, что персонал ООН подвергается в Сараеве прицельному обстрелу из минометов и стрелкового оружия и что пришлось вывести военных наблюдателей Организации Объединенных Наций, дислоцированных в Мостаре, «что притязания Союзной Республики Югославии (Сербия и Черногория) на автоматическое продолжение членства бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии в Организации Объединенных Наций не получили всеобщего признания. При этом Совет Безопасности подтвердил «свою решимость принять меры против любой стороны или сторон, которые отказываются выполнять требования Резолюции 752 (1992) и других соответствующих резолюций». Югославия осуждена была за неэффективное выполнение Резолюции 752, и Хорватия за то, что не вывела свои войска из Боснии и Герцеговины.

Однако осуждена и наказана санкциями была только Югославия. Запрещались импорт, экспорт и перевозки любых товаров или продукции, произведенных в СРЮ, как по воздуху и воде, так и по суше, запрещались любые переводы средств в СРЮ в целях торговых операций, предоставление финансовых или экономических ресурсов. Продукты питания и медикаменты разрешалось ввозить только с разрешения специального Комитета ООН. Не был запрещен транзит товаров, хотя приостанавливалось действие любых деловых контрактов. Но со страной прекращалась авиационная связь. Все государства должны были понизить уровень персонала дипломатических представительств и консульских учреждений. Приостанавливалось научное, техническое и культурное сотрудничество, участие югославских спортсменов в спортивных состязаниях. При этом Югославия не имела права выдвигать какие-либо претензии в связи с невыполнением ранее заключенных контрактов (177, с. 5).

Санкции не смогли остановить вооруженных столкновений, но лишь изменили соотношение сил противоборствующих сторон, поскольку были восприняты мусульманской и хорватской стороной как поддержка их устремлений. А.Изетбегович отказался от любых мирных переговоров, разорвал достигнутые на международной конференции по БНГ договоренности о поэтапном и мирном преобразовании Боснии и Герцеговины в государство трех независимых народов, заключил договор с президентом Хорватии Ф.Туджманом, предусматривающий и военный союз, что позволило легализовать переброску хорватских регулярных частей в Боснию и Герцеговину, начать наступательные действия на сербские позиции. Санкции способствовали уменьшению военного потенциала сербов и черногорцев и создавали возможности его увеличения для хорватов и мусульман. Санкции стали очень удобным рычагом давления на сербов, который использовался, чтобы заставить их пойти на уступки. Сегодня вполне возможен вывод о том, что подготовка введения санкций велась международными организациями совместно с мусульманами, иначе трудно совместить три события — взрыв в очереди, потерю доклада Генерального секретаря и поспешное введение санкций. И, наконец, введение санкций смогло убедить мусульман в эффективности методов провокаций, безнаказанности за разжигание конфликта и давало надежду на дальнейшую поддержку их действий международными организациями.

После срыва переговоров Международная конференция возложила задачу их дальнейшего проведения на Рабочую группу МКБЮ по БНГ. По просьбе председателя Рабочей группы стороны устно или в письменной форме изложили свои мнения в отношении документов по правам человека, подготовленных секретариатом, а также представили письменные ответы на вопросы о разграничении функций государственного управления. Однако собранные мнения вновь выявили разногласия трех сторон по всем принципиальным вопросам государственного устройства Югославии. В июне 1992 г. к переговорному процессу подключился лорд Каррингтон, который видел свою задачу в возобновлении переговорного процесса, в общем политическом урегулировании, укреплении политического процесса, предотвращении дальнейшего кровопролития и разрушений, в воспрепятствовании разрастанию конфликта в регионе и его превращению в фактор, затрудняющий примирение.

5. Август 1992 г. Лондонская конференция

Великобритания как председательствующая страна в ЕС 25 июля 1992 г. официально объявила о созыве в конце августа новой, более широкой международной конференции по Югославии. На этом настанвала, прежде всего, Югославия. 30 мая Президиум Югославии направил Б.Бутросу-Гали телеграмму, в которой предлагал созвать Международную конференцию по Югославии, в которой бы участвовали постоянные члены СБ, представители ЕС и все заинтересованные лица. Предложение о работе конференции включало 98 пунктов. Об этом же писал президент СРЮ Д.Чочич в письме Б.Бутросу-Гали 30 июня. Эта инициатива была поддержана Францией (161, с.18).

Югославия возлагала на конференцию большие надежды и активно к ней готовилась. Новое руководство страны во главе с президентом Д. Чосичем и премьер-министром М. Паничем вырабатывало свой подход к урегулированию ситуации на Балканах. Они шли на многие уступки, компромиссы, показывая добрую волю к миру, ожидая, однако, такой же доброй воли и от других участников конфликта. Они надеялись, что их стремление к миру будет оценено, и санкции с Югославии будут сняты. Однако такой подход получил огромную дозу критики со стороны парламента. Многие депутаты восприняли ее как антипатриотичную.

Готовились к конференции и в России. В конце июня югославский вопрос впервые обсуждался в российском парламенте. Он сначала прорабатывался в Комитете по международным делам, а затем был вынесен на заседание Верховного Совета. И хотя тема была совершенно новая для российских парламентариев, обсуждение показало их жгучую заинтересованность в том, чтобы понять проблему. Благодаря активности парламента, удалось добиться того, чтобы в работе конференции в составе официальной российской делегации принимал участие руководитель Комитета по международным делам Е. А. Амбарцумов. Поскольку точка зрения Е. А. Амбарцумова отличалась от взглядов А. В. Козырева, его присутствие несколько подкорректировало российскую позицию.

Западные страны рассчитывали публично осудить единственного виновника конфликта — Югославию и принудить ее к уступкам, от которых, по их мнению, зависел мирный исход конфликта.

Конференция проходила 26—27 августа под председательством Генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали и премьер-министра Великобритании Дж. Мейджора. В ней приняли участие представители 30 стран и международных организаций, включая албанцев из Косова, венгров из Воеводины и сербов из Хорватии. Присутствие в Лондоне представителей всех трех сторон конфликта в БНГ означало решимость мирового сообщества найти какое-либо приемлемое решение. Это придавало Лондонской конференции большую значимость. Мировые агентства, все средства массовой информации сообщали, что Лондонская конференция сделает реальной попытку урегулировать кризис на Балканах.

Однако уже в процессе подготовки конференции проявилась ее антиюгославская направленность. Как вспоминал член делегации, специальный советник президента Д. Чосича профессор С. Стоянович, организаторы конференции накануне встречи обсуждали не содержание поднимаемых проблем, а только два для них важных вопроса — имя государства, которое будет представлять югославская делегация, и состав делегации. Британцы настаивали на том, чтобы на конференции страна была представлена под именем «Сербия и Черногория», а не «Союзная Республика Югославия». «Я сказал, — вспоминал С. Стоянович, — что это невозможно, поскольку Сербия и Черногория являются составными частями Союзной Республики Югославии по Конституции. Они мне ответили, что принять такое возражение не могут, потому что нашу страну они не признают» (181). В итоге все согласились на компромиссный вариант — писать на табличках только имя руководителя делегации, а не название страны. Состав же югославской делегации интересовал англичан потому, что для осуществления задуманного плана необходимо было присутствие С. Милошевича. «Они объяснили, что в первый день работы конференции будут говорить члены всех делегаций, и предполагается, что будет высказана жесткая критика. Вот здесь обязательно должен быть господин С. Милошевич, основной виновник конф-

пункта, поскольку не можем же мы критиковать Чосича или Панича, которые только что выбраны» (181).

«Когда мы туда приехали, — вспоминает С.Стойнович, — в первый день эта драма и разыгралась, было ужасно, ужасно. Все на нас напали. Мягче всего говорили итальянцы, французы говорили не так уж остро, немцы крайне жестко. Игльбергер сказал в своем выступлении, что в мире имеется более миллиарда мусульман, и мы не должны это забывать. Русская делегация была в составе Козырева, Чуркина и Амбарцумова. Речь Козырева нас удивила, в ней не было особо острой критики! Нас это приятно удивило. А Милошевич слушал, что он мог сказать! Он был полностью уничтожен, но все выдержал. Он пытался что-то произнести, но существовал порядок, что говорит только руководитель делегации, а им был Чосич. Заместителем был Панич. Один раз, когда Чосич вышел, Милошевич пытался что-то вставить с места, но Панич ему не разрешил. Так прошел первый день» (181).

М.Панич в своем выступлении как раз обратил внимание на тот факт, что конференция не смотрит в будущее, не стремится к миру, а стала конференцией осуждения одной стороны, т.е. повернута лицом назад (161,с.30).

Открывая конференцию, Д.Мейджор подчеркнул, что работу международных организаций необходимо расширять, и выделил основные направления ее активизации: поставки гуманитарной помощи, уважение прав человека, установление справедливого мира, для чего надо исходить из принципов неизменности границ и уважения прав национальных меньшинств. Он предлагал обсудить на конференции три документа — Программу действий и Заявления о Сербии и Боснии (161,с.22). Генеральный секретарь ООН рассказал историю предпринятых международными организациями мер по урегулированию кризиса и наметил проблемы, которые стоят перед миротворческими силами.

От югославской делегации выступали президент Югославии и премьер-министр. Д.Чосич в своем выступлении был исключительно конкретен, он предложил всем участникам конфликта предпринять ряд конструктивных мер, среди которых — отказаться от употребления силы; приблизить «окончание югославской агонии» путем диалога и компромисса; осуществить все права человека и национальных меньшинств по самому высокому стандарту ОБСЕ; прекратить взаимное уничтожение и «этнические чистки» в БиГ, все виды национальной, религиозной и гражданской дискриминации. Д.Чосич обещал, что Югославия прекратит все виды военной помощи БиГ. Он предлагал Хорватии вывести свои войска из БиГ, разорвать военную коалицию с мусульманами, начать переговоры с сербами в Хорватии; мусульманскому руководству БиГ — отказаться от стремления к политической гегемонии в БиГ и интернационализации гражданской войны, возобновить переговоры с сербами и хорватами; сербам в БиГ — сделать мусульманам соответствующие территориальные уступки и тем самым создать здоровую основу для будущих переговоров трех народов; всем республикам — прекратить информационную войну, «отказаться от шовинистической исключительности и политической борьбы всеми сред-

¹ Такая позиция России объясняется тем, что в подготовке к конференции активную роль играл Е.А.Амбарцумов, возглавлявший тогда Комитет Верховного Совета по международным делам. Он сумел заручиться поддержкой президента, и Козырев не смог проводить жесткую антисербскую политику.

ствами, что уже вызвало патологическую ненависть между людьми и народами». Сделаны были предложения и международным организациям: «установить равноправие для всех югославских участников в государственно-политической переконпозиции на территории бывшей Югославии»; реабилитировать нормы международного права и, прежде всего, права народов на самоопределение; отказаться от двойных стандартов в объяснении прав сербского народа; снять санкции с СРЮ; Совету Безопасности отменить Резолюцию № 770, которая одобряет военную интервенцию, а Югославию фактически делает заложником участников гражданской войны в БиГ; отказаться от давления и наказания одного «актера» в войне, в которой участвуют три стороны. Д. Чосич предложил также прийти к согласию и принять решение по следующим вопросам: а) демилитаризовать БиГ, б) поэтапно демилитаризовать весь Балканский полуостров, признать право СРЮ на продолжение государственности СФРЮ, снять с нее санкции и признать равноправным партнером на переговорах, в) Международную конференцию по Югославии преобразовать в постоянную конференцию с центром в Женеве и со смешанным югославским комитетом, г) «из государств, образованных на принципе самоопределения народов, создать экономическую, политическую и коммуникационную ассоциацию», которая бы стремилась к формированию балканской федерации (161, с. 28–30).

Таким образом, в выступлении президента Югославии прозвучали предложения, которые касались всех сторон и всех субъектов конфликта. Они носили компромиссный характер. Их выполнение могло бы в тот период остановить войну.

Речь М. Панича была открытой, напористой и показывала стремление государства осуществить поворот к новой модели балканской политики. М. Панич сообщил присутствующим программу правительства Югославии, согласно которой СРЮ признает республиканские границы бывшей Югославии как межгосударственные границы, как границы СРЮ с соседними странами, заявляет, что не имеет территориальных претензий к своим новым соседям. Как доказательство своей доброй воли, уже 12 августа Югославия признала Словению и объявила о своей готовности признать Боснию и Герцеговину, начать переговоры с Хорватией о взаимном признании. Он даже осудил непризнание международным сообществом Македонии. Особо досталось с его стороны этническим чисткам, «негуманным и морально грязным». Он обещал осудить любого югослава, который участвовал в этнических чистках в Хорватии или БиГ. В Косове, Воеводине и Санджаке М. Панич предполагал восстановить права человека. Его речь звучала многообещающе и должна была настроить организаторов на творческий лад. Более того, накануне конференции он послал в Совет Безопасности письмо, в котором по пунктам изложил все, на что Югославия готова согласиться: признать БиГ, Македонию, Хорватию, сотрудничать с любым органом по осуждению случаев нарушения прав человека, осудить этнические чистки, расширить права жителей Косова, Воеводины и Санджака, оказать помощь беженцам, прекратить помощь сербам в БиГ (161, с. 34–35). Микаэль Керрес, занимавший в то время должность помощника союзного министра внутренних дел, вспоминал, что М. Панич в доказательство искренности своих намерений заготовил соответствующие бумаги. «Перед дискуссией на конференции я получил от Панича два документа. В первом он выступал за то, чтобы СРЮ признала Хорватию в типовских границах с обязательством, чтобы потом Югославия была признана со стороны ООН. В разделе подписей были напечатаны имена Милана Панича и Франьо Туджмана. Второй документ предполагал согласие СРЮ на формирование автоном-

ных областей Косово, Восводины и Санджака. В подписи стояли имена Милана Панича, Слободана Милошевича, Добрицы Чосича, Момира Булатовича и, не знаю почему, д-р Франьо Туджмана. Этот документ достал и д-р Никола Колевич и показал его членам нашей делегации. Все были удивлены. С. Милошевич отказался продолжать конференцию, если эти бумаги принесут в зал. Это же сказал и Чосич. Панич истерично стучал по столу, угрожая нам военной интервенцией и бомбардировкой» (43, с. 19, 20).

О Лондонской конференции в СМИ говорили много, ей придавалось большое значение, публиковались принятые многочисленные документы. Но на самом деле события развивались драматично, не все документы были подписаны, а Лондонская конференция, если так можно сказать, была успешной лишь в плане единодушной критики руководства Югославии.

С. Стоянович продолжает свой рассказ: «Назавтра в первой половине дня случился следующий инцидент. Я пришел в зал заседания несколько ранее и увидел на столах разложенный текст против Сербии и Черногории. Назывался он «Сербия и Черногория». В нем мы во всем обвинялись, текст был ужасный, звучали слова «агрессор», и еще хуже. Я это прочитал внимательно. Удивляло то, что на бумаге не было ни подписи, ни объяснения, что это. Экземпляры лежали около каждого руководителя делегации. Я отнес эту бумагу Чосичу. Он прочитал и сказал, что так мы работать не можем. Надо паковать вещи и лететь в Белград. Тогда я предложил Чосичу, чтобы он поручил мне и Оскару Ковачу, который был заместителем председателя правительства, пойти к Мейджору и Бутросу Гали и обратить их внимание на то, что пока этот документ находится в зале, Чосич не будет участвовать в работе конференции. Мейджора я не нашел, а с Бутросом-Гали говорил и показал ему эту бумагу. Он удивился и сказал, что не понимает, как она оказалась в зале, ведь ему обещали, что ее не будет. При этом он не сказал, кто ему обещал. Бутрос-Гали спросил, где наш президент, просил не устраивать драму. Затем он пошел вместе со мной в комнату югославской делегации и разговаривал с Чосичем, а я переводил. Он просил не осложнять ситуацию и обещал, что до начала заседания этой бумаги не будет в зале. Через некоторое время я снова вошел в зал заседаний, все было как и прежде на своих местах. Я оповестил Чосича, и он решил, что мы остаемся в своей комнате и не будем участвовать в работе конференции до тех пор, пока этот документ не изымут. Об этом я должен был оповестить Мейджора и Бутроса-Гали. Так все и было. Перерыв в работе конференции длился пять часов. Вот как дальше развивались события в нашей комнате. Первым к нам пришел Амбарцумов. Он начал нас уговаривать, чтобы мы не создавали проблем конференции. Поскольку мы с Амбарцумовым друзья, я ему сказал, чтобы он передал, что они теряют время. Сразу после этого пришел Чуркин. Он приходил два раза. Он разговаривал со мной надменным тоном. Конечно, он меня не знал, думал, может, что я обычный чиновник. И я ему сказал, что он теряет время, потом этот тон... Я сказал, что удивляюсь, что он вообще не знает сербов, да еще поучает таким тоном. Это вообще не имеет смысла. Он пригрозил последствиями. Я ответил, что мы знаем о последствиях, но не войдем в зал, пока та бумага находится на столах. Он сказал, что это невозможно. Я возразил: «Тогда и нам невозможно». Потом он приходил еще раз, но безрезультатно. А в конце пришел Козырев. Он обычно говорит тихо. Он снова попытался нас убедить, разговор шел через меня, чтобы я передал все Чосичу. Он пытался вернуть нас в зал. Но я и ему повторил, что он теряет время. Тогда он сказал, что у них есть компромиссный

вариант. Компромисс состоял в том, чтобы мы вернулись в зал, того документа не будет, но и не будет дискуссии. Это будет очень короткое заседание, на котором Мейджор скажет пятиминутную заключительную речь, и никто ни о чем не будет упоминать. После речи Мейджор ударит молоточком, и конференция будет считаться законченной, дискуссии не будет. Я все передал Чосичу, мы приняли это предложение. Затем вошли в зал заседаний, и Мейджор сказал несколько слов. На этом конференция закончилась» (181).

Конференция проходила за закрытыми дверями, поэтому драматические минуты не стали достоянием общественности. Джои Мейджор, как писали мусульманские журналы, в заявлении для печати после окончания конференции представил журналистам подписанные обязательства участников конференции, подчеркнул, что их особо должны поддерживать Сербия и Черногория, если не хотят полной изоляции. Для мусульманской стороны самым важным итогом Лондонской конференции было подтверждение, что Босния и Герцеговина остается единым государством в международно признанных границах (179, с.36).

В средствах массовой информации появились итоговые документы Лондонской конференции — Программа работы конференции, Заявление о принципах, Заявление о Боснии, Конкретные решения конференции, Заключение о применении существующих санкций, Программа деятельности в связи с гуманитарными задачами, выработанная сопредседателями конференции и сторонами столкновения, «Сербия и Черногория» (документ сопредседателей), Укрепление доверия и безопасности (161, с.35).

По официальной оценке югославской делегации, Лондонская конференция прошла успешно, так как могло быть и хуже: «не принят тезис о религиозной войне в БиГ», как настаивали на том мусульманские страны, «не поддержана военная интервенция для разрешения военного столкновения в Боснии и Герцеговине», из документа о Сербии и Черногории после редактирования сняты все осуждающие Югославию моменты, решение проблем Косова, Воеводины и Санджака (!) гарантировано в рамках границ Югославии (161, с.50–52).

Однако внимательное изучение документов конференции вызывает массу вопросов. Совершенно очевидно, что югославская делегация была готова к компромиссам, была готова отказаться от политики поддержки сербов в БиГ и Хорватии и перейти к политике полной поддержки всех инициатив международных организаций. Югославия не только готова была выполнить все условия, но и шла на новые уступки, которые были непопулярны в стране. Однако такая позиция не получила никакой поддержки или хотя бы поощрения МКБЮ. Наоборот, Сербии и Черногорию вновь обвинили в военной интервенции в БиГ, санкции подтвердились и, более того, предполагалось их усиление на Дунае, Адриатике, на границе между Югославией и Хорватией, Югославией и БиГ. Именно Югославия должна была уговорить сер-

¹ Накануне Лондонской конференции 11 августа заседала Скупщина РС, которая приняла Заявление о поддержке всех гуманитарных действий Международного сообщества. РС не будет препятствовать гуманитарным конвоям, передала Сараевский аэродром под контроль СО-ОНО, предоставила гарантии сухопутным коридорам для доставки гуманитарной помощи. Все это было сделано для того, чтобы избежать военной интервенции в БиГ.

бов в БиГ не занимать территорию силой, распустить лагеря военнопленных и разрешить возвращение беженцев. Конференция показала, что отмена санкций обуславливалась все новыми и новыми требованиями и не была связана с условиями Резолюции 757. Так, неожиданно возникли проблемы Косова (автономный край), Санджака (район на Юге Сербии с преимущественно албанским населением) и Воеводины (автономный край) и требования урегулирования прав национальных меньшинств (161, с.45). Обязанности мусульман и хорватов в принятых документах упоминались в нескольких строчках и были абсолютно безличными: уважать резолюции ООН и все международные договоры, уважать неизменность существующих границ (для БиГ и Хорватии это вообще не было актуально), согласиться с нормализацией отношений в Хорватии, с применением плана Вэнса и специальным статусом сербов в Хорватии (161, с.45).

Генеральный секретарь ООН придавал конференции огромное значение, хотя министр иностранных дел Великобритании Д.Херд все расставил на свои места. «Лондонская конференция была игрой», — говорил он (119, с.299).

Прямым следствием Лондонской конференции стало Решение Генеральной Ассамблеи ООН № 47/1 и Резолюция СБ 777, в которых констатировалось, что членство Югославии в ООН прекращается, и новое государство СРЮ не может претендовать на автоматическое продолжение своего членства в этой международной организации, а должно подать заявление о приеме в ООН (174, с.30).

Позволю себе заметить, что Лондонская конференция не использовала шанс урегулировать ситуацию, не оценила усилия Югославии, не поддержала новый курс нового руководства этой страны, показала свою необъективность, зашоренность, нежелание разобраться в ситуации. Конференция открыла путь долгим и бесконечным переговорам, не имевшим успеха. Очевидно было, что нажимали не на те рычаги. Но на них продолжали нажимать и дальше, усиливая ситуацию бесперспективности. После этих замечаний совершенно естественным становится вывод о том, что руководители международных организаций не стремились к урегулированию ситуации, а выполняли какой-то свой собственный план, контуры которого становились более определенными с каждым годом кризиса.

Руководство Югославии в лице Д.Чосича и М.Панича по возвращении с конференции не смогло предложить стране хоть какие-нибудь конкретные результаты по снятию или уменьшению санкций в обмен на политику уступок и компромиссов, за что подверглось серьезной критике у себя дома. Внутренняя политическая ситуация в СРЮ осложнялась.

6. План Вэнса-Оуэна

Лондонская конференция положила начало переговорному процессу, связанному уже с Женевой. Были разработаны платформа и переговорный механизм, созданы шесть рабочих групп — по Боснии, по гуманитарным вопросам, по национальным меньшинствам, по вопросам суксессии, по экономическим отношениям, по вопросам доверия и безопасности.

Лорд Каррингтон и Ж.Кутильеро после Лондонской конференции подали в отставку. Европейское сообщество предложило С.Вэнсу, уже работавшему в качестве посредника ООН, и лорду Д.Оуэну стать представителями этой организации по

План Нутильеро

февраль-апрель 1992 г.

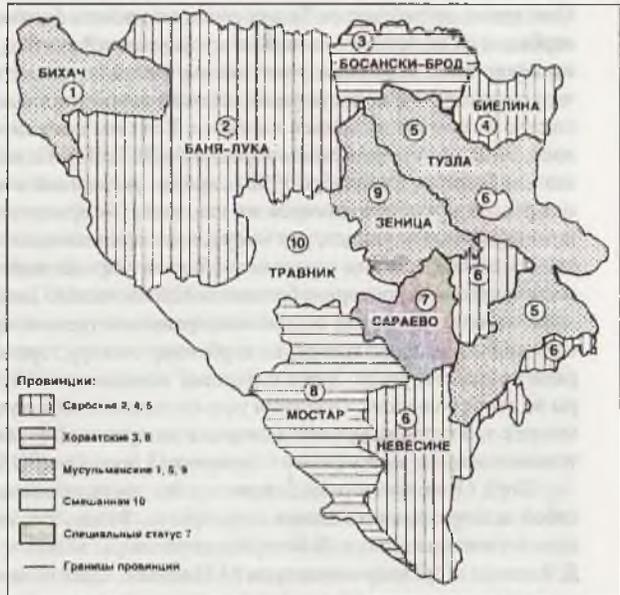
План Оуэна-Столтенберга

июль-сентябрь 1993 г.

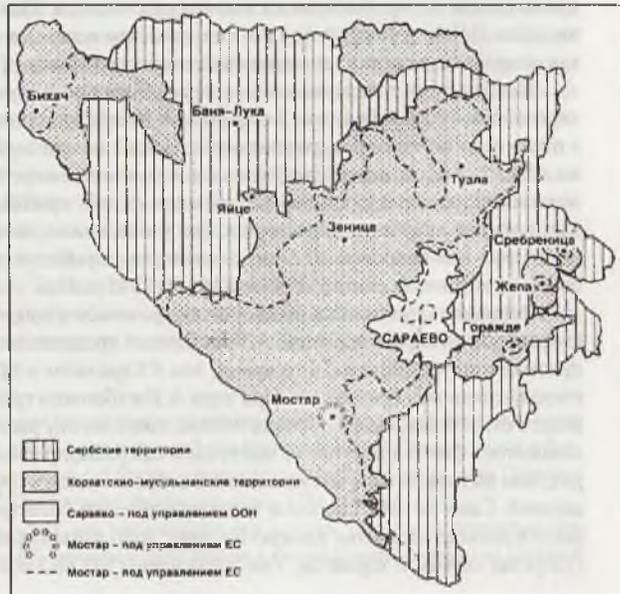

Югославия-Оуэна

1992 г.

Контактной группы

урегулированию кризиса. Выбор на эту должность лорда Д.Оуэна, как он сам полагает, связан с его выступлением 30 июля 1992 г. в одной из радиопередач «Би-Би-Си», где он потребовал от Запада санкционировать бомбовые удары по боснийским сербам за их зверства в отношении мусульман: «Я считаю, что позволить, чтобы мусульмане были этнически уничтожены, а такая опасность сейчас существует, значит, согласиться с недопустимой расовой нетерпимостью, которую мировое сообщество не помнит со времен нацистов. Если мы позволим, чтобы такое продолжалось, тогда миру нечего ждать хорошего» (167, с. 15). Поэтому лорд Дэвид Оуэн приехал на Балканы в сентябре 1992 г., твердо уверенный в исключительной виновности сербов и в необходимости их наказать. Но практически сразу его убеждения поколебались. Он увидел, как мусульмане организовывали провокации, чтобы обвинить сербов, как они стреляли и убивали мирных жителей. «Наблюдатели ООН видели, как на территорию больницы Кошево вошло минометное отделение. Солдаты, одетые в форму боснийской правительственной армии, выпустили несколько снарядов, условно говоря, по сербскому сектору города. После этого они разобрали миномет и ушли. Затем появилась телевизионная группа и установила камеры во дворе больницы. Ответный удар не заставил себя долго ждать. Через несколько минут с той стороны прилетел снаряд и разорвался близ больницы. И все это перед телевизионными камерами!» — вспоминал лорд Оуэн (164, № 2345, с. 51).

Лорд Оуэн начал разрабатывать план урегулирования в Боснии, ставя перед собой задачу сохранить единое государство. Только так, полагал он, можно остановить этнические чистки. В Белграде переговоры велись с президентом Югославии Д.Чосичем и премьер-министром М.Паничем. Судя по воспоминаниям дипломата, он был уверен в том, что сербский национализм, свойственный всем сербам, неизменно связан со стремлениями к этническим чисткам. Поэтому он был удивлен, что писатель Д.Чосич не призывал к этническим чисткам, а свой национализм понимает как «гордое выражение национальной ответственности» (164, № 2345, с. 51).

После встреч с лидерами всех сторон, была достигнута договоренность начать переговоры 18 сентября, но 13 сентября А.Изетбегович направил письмо в Женеву с отказом от переговоров, поскольку «агрессия на его страну продолжается». Кроме того, ему было неприятно, что за одним столом переговоров с мусульманской делегацией, которая представляет международно признанное государство, будут находиться и «сербские агрессоры». Его уговаривали, но он свое участие постоянно держал под вопросом. Д.Оуэн отмечал, что проблема, придет или нет А.Изетбегович, возникала слишком часто (164, № 2345, с. 51).

Основная трудность переговоров заключалась в том, что переговаривающиеся стороны были неравноправны: А.Изетбегович представлял законное правительство признанного государства, в то время, как Р.Караджич и М.Бобан — непризнанные государственные образования. При этом А.Изетбегович требовал к себе соответствующего отношения, а сербы хотели использовать логику рассуждений, политику свершившегося факта и постоянно выступали как равноправные партнеры на переговорах, чем вызывали гнев мусульманской стороны и некоторую неловкость сопредседателей. Сама по себе ситуация была практически бесперспективная — либо надо было и дальше «строить» единую Боснию, либо давать право на создание своего государства сербам и хорватам. Уже тогда члены МКБЮ понимали, что Изетбегович

контролирует всего 11% территории, хотя и является официальным лидером всей страны. В то же время хорваты контролируют значительно больше территорий, благодаря поддержке хорватских властей и участию хорватских войск. Тогда же стало ясно, что коллективное руководство страны — Президиум БиГ, избранный в 1990 г., — не только не отражает интересы разных народов Боснии, но и не функционирует, что власть перешла к небольшой группе мусульманских министров, во главе А. Изетбеговичу.

Начав работу, руководители МКБЮ приоритет отдали решению проблем Боснии и Герцеговины, не забывая, однако, и Хорватию. Задачи, которые ставили перед собой Сайрус Вэнс и лорд Оуэн сводились к следующему: уговорить армию Югославии оставить Превлаку как часть хорватской территории¹; начать переговоры между Сербией (Югославией) и Хорватией; воспользовавшись гибкостью Д. Чосича и М. Панича и уговорив С. Милошевича не мешать им, компенсировать превосходство боснийских сербов в вооружении нейтрализацией отдельных видов вооружения, где это было возможно²; рассмотреть вопрос о контроле границы БиГ, поставить под контроль СООНО аэродром в Тузле. Большинство из этих задач международным посредникам удалось выполнить.

30 сентября Д. Чосич и Ф. Туджман подписали в Женеве совместную Декларацию, согласно которой ЛЮ покидает Превлаку 20 октября, полуостров демилитаризуется и отдается под контроль «голубых касок». Оба президента в Декларации осудили факты этнической чистки и обязались способствовать преодолению этих процессов. В октябре 1992 г. руководство Югославии полностью одобрило предложения сопредседателей конференции по урегулированию в БиГ. Однако, как замечает лорд Оуэн, Совет Безопасности остался глух ко всем заслугам Югославии в переговорном процессе и «не мог предложить дипломатическую морковку, которая была также полезна, как и палка санкций» (164, № 2346, с. 52). Югославия выполнила взятые на себя обязательства о выводе армии с территории Цавтата и демилитаризации Превлаки, однако Армия Хорватии не торопилась делать то же самое — открывала огонь по войскам в Черногории, возобновила силами 16 бригад военные действия в Восточной Герцеговине на направлениях Мостар — Иезевине и Дубровник — Требине, о чем Д. Чосич сообщал в письме Б. Бутрос-Гали (216). Даже сдержанный Д. Чосич упрекал международные организации в односторонности, которые не оказывали «соответствующего давления на Хорватию и боснийско-герцеговинских мусульман как равноправных участников в межнациональной и религиозной войне в Боснии и Герцеговине» (216).

С 18 сентября по 14 октября было проведено 25 встреч с представителями воюющих сторон. Предварительно согласовывались основные документы, которые

¹ При этом сопредседатели Международной конференции отдавали себе отчет, насколько стратегически важно для сербов и черногорцев было контролировать с Превлаки вход в бухту Бока Которская. Договоренность с Д. Чосичем о передаче «голубым каскам» п-ова Превлака (а фактически хорватам) Д. Оуэну считал настоящим чудом (164, № 2346, с. 51).

² Речь шла о создании в БиГ зон, запрещенных для полетов. Тем самым полностью блокировалась сербская авиация. В случае неуспеха ставился вопрос о снятии эмбарго на поставки оружия мусульманам.

будут подписываться в Женеве — договоры о прекращении войны (вражды), о будущем государственном устройстве БiГ и о картах. Именно в октябре 1992 г. произошел первый серьезный разрыв С.Милошевича и Р.Караджича. Лорд Оуэн описывает С.Милошевича как большого прагматика (в отличие от Р.Караджича и Р.Младича), который убеждал руководителей РС серьезно отнестись к переговорам и быть уступчивее. Кроме того, С.Милошевич открыто заявил Р.Младичу, что Сербия больше не будет поддерживать их армию, что, как полагает Оуэн, повлияло на Р.Караджича согласиться с рядом предложений сопредседателей Конференции. Позже на пресс-конференции в январе 1996 г. Д.Оуэн вспоминал, что впервые разногласия между Р.Караджичем и С.Милошевичем остро проявились по поводу плана Вэнса-Оуэна. Это была серьезная борьба за лидерство, считал он (165).

В ноябре 1992 г. Республика Сербская разработала свои предложения по устройству Боснии и Герцеговины, согласно которым БiГ должна стать союзом трех свободно объединившихся государств, которые имеют общее экономическое пространство. «Босния и Герцеговина — демократический и добровольный союз/содружество трех добровольно объединенных конституционных государств, которые созданы на основе права на выбор и самоопределение и договоренности о взаимном разграничении этнических и исторических территорий трех национальных общностей — сербов, хорватов и мусульман», — отмечалось в разделе об общих принципах Конституции БiГ (296, с.85). Каждое государство имеет свою конституцию, свои органы власти и управления, президента, но одновременно передает союзу, которым руководит Исполнительный совет, ряд функций, связанных с международной деятельностью, защитой государства в случае опасности (союз не имеет своей постоянной армии), с функционированием транспорта, связи, органов по защите прав человека (215, с.9).

Сопредседатели Конференции разговаривали и с Ф.Туджманом, который не хотел уступать ни в одном вопросе — ни в предоставлении автономии сербам, ни в изменении границ. Он готов был лишь признать БiГ как необходимое условие признания Хорватии. В этот период состоялись встречи С.Милошевича, Ф.Туджмана и М.Панича. Обсуждались вопросы взаимного признания и сотрудничества в Крайне (164, № 2347, с. 54).

После четырех месяцев консультаций лидеры трех боснийских сторон собрались за одним столом переговоров в начале января 1993 г. В Женеву приехали А.Изетбегович, Р.Караджич, М.Бобан, президенты Д.Чосич и Ф.Туджман, сопредседатели переговорного процесса С.Вэнс (ООН) и Д.Оуэн (ЕС), а также командующий силами СООНО Сатиш Намбияр. Многие наблюдатели связывали с новым этапом переговорного процесса, который начался в субботу 2 января, большие надежды. В результате длительных обсуждений, сопредседатели МКБЮ пришли к выводу, что из-за высокой степени «перемешанности» населения, в Боснии и Герцеговине «не представляется реальным создать три территориально обособленных государства». А вариант создания централизованного государства был неприемлем для двух этнических групп в БiГ, «поскольку оно не будет защищать их интересы после прекращения кровопролитной гражданской войны, которая в настоящее время расколола страну» (229 с.14). Сопредседатели полагали, что единственным жизнеспособным и надежным решением, исключающим признание результатов уже совершенной «этнической чистки», было бы создание децентрализованного государства, в «кото-

ром многие из его основных функций... будут осуществляться рядом автономных провинций» (229, с.14).

С.Вэне и Д.Оуэн представили сторонам конфликта, как отмечал в своем докладе Генеральный секретарь ООН, «всеобъемлющий пакет, который, по их мнению, ведет к установлению справедливого и прочного мира в Боснии и Герцеговине. Этот пакет включал в себя проект соглашения по Боснии и Герцеговине, касающегося делимитации границ провинций, конституционного устройства и гуманитарных вопросов; и проект соглашения о мире в Боснии и Герцеговине, касающегося соблюдения прекращения боевых действий и наблюдения за ним. Представляя этот пакет, они разъяснили, что содержащиеся в нем два соглашения неразрывно связаны между собой, и указали, что если все три стороны предложат внести взаимосогласованные изменения, то эти изменения будут внесены» (154, с.2).

Согласно предложенным сопредседателями Конституционным принципам, БиГ делилась на десять провинций — три сербские, три мусульманские, две хорватские и одну со смешанным хорватско-мусульманским населением. Сараево предполагалось сделать свободной зоной. БиГ мыслилась как «децентрализованное государство, большая часть функций управления в котором осуществляется его провинциями. Провинции не обладают международной правосубъектностью и не могут заключать соглашения с иностранными государствами или международными организациями» (154, с.9). В Конституции признавались три «составляющих народа» (так в тексте. — Прим. авт.), а также группа «других». Возглавляет страну Президиум, в который входят по одному представителю от каждого из трех составляющих народов. Административные единицы, получающие значительные полномочия, не должны обладать правами суверенных государств. Они лишь будут иметь собственные законодательные органы и независимую судебную систему. Сараево должно стать открытым городом. Провинции предполагалось связать безопасными «голубыми дорогами». Делегатам представили также карты раздела БиГ. Сербам отдавалось 42,3% территории, мусульманам — 28,8, хорватам — 25,4%. Мусульмане считали, что в сравнении с планом Кутильево они потеряли часть территории в Герцеговине (Столац, Кониц, Мостар, Яблонница), в Средней Боснии (Яйце, Травник, Бугойно, Фойница, Горни и Дони Вакуф), а также части Приedora, Сански-Моста и Фоче (179, с.36). Сербы также теряли большую часть территории, которой они уже владели, за пределами сербских кантонов должно было остаться почти 400 тыс. православногo населения, и наоборот, в сербских проживало бы около 200 тыс. мусульман и 70 тыс. хорватов (140). Напомним, что в конце 1992 г. де факто мусульмане владели 11% территории БиГ, а хорваты — около 12%.

К 5 января достичь компромисса не удалось. Мусульмане требовали отдать им Брчко и отказывались предоставить сербам коридор на севере шириной 20 км, хорваты и сербы не могли согласовать некоторые границы, а все — статус провинций. Сербы настаивали на большей самостоятельности провинций, их не устраивал термин «децентрализованное» государство. Пакет договоренностей по государственному устройству, по мысли Р.Караджича, не позволял создать сербское государство, т.е. государство в государстве. Сопредседатели пытались поправить карты и стали размышлять о том, кто бы мог оказать давление на Караджича. Подходящей кандидатурой для этого им казался С.Милошевич (295, с.117). Сербов пытались уговорить, но Р.Караджич упорно говорил «нет», предлагая считать план лишь основой для

переговоров. Хорваты в целом были довольны предложенным вариантом и готовы были подписать все документы и карту. Тогда впервые появились острые разногласия между руководителями хорватской и мусульманской делегаций. Первый раунд переговоров заканчивался безрезультатно. В переговорах был сделан перерыв до 10 января.

Тогда, как всегда, началось давление на сербскую сторону: НАТО разрабатывает сценарий военного вмешательства, американцы напоминают сербам об операции «Буря в пустыне». Д.Чосич по возвращении из Женевы сказал, что предложенный план, прежде всего, неблагоприятен для сербов, но «если они не согласятся... то тогда нам открыто сообщают, что их ожидает военное и ракетное нападение Соединенных Штатов Америки и войск НАТО» (214). Мусульманские страны провели в Джидде (Саудовская Аравия) встречу министров иностранных дел государств — членов Организации Исламская Конференция, выступили за наказание сербской стороны, военное вмешательство, отмену эмбарго на поставки оружия. Англия пригрозила в случае неудачи переговоров вывести свои подразделения из Биг. Сербам пригрозили усилением санкций. Совет министров ЕС направили сербам ультиматум, угрожая тотальной изоляцией. Не было надежд и на Россию: А.Козырев заявил, что Россия не использует право вето на предложение о военной интервенции в Биг (66, с.152). Однако несмотря на все угрозы и предостережения собравшаяся Скупщина РС не согласилась с предложенным планом.

Продолжение переговоров, намеченное на 10 января, осложнилось гибелью вице-премьера Биг Хакия Турайлича. Обвинены в ней были сербы. Но 11 января все-таки удалось продолжить переговоры. Сербы требовали коррекции карт, разделения Сараева. А.Буха писал тогда С.Вэнсу и Д.Оуэну, что вообще непонятны критерии, по которым устанавливались границы между тремя народами, поскольку половина сербов остается вне сербских провинций, а сербы должны отдать 20% территории, находившейся под их контролем (296, с.112). Мусульманская сторона дала замечания по плану конституционного устройства, считая, что в нем не заложены предпосылки сохранения единой Боснии (179, с.36). Сербы предложили свой проект конституционного устройства. Большинство из девяти пунктов совпадало с предложениями сопредседателей. Отличия касались следующего: не было положения о том, что провинции не обладают международной правосубъектностью и не могут заключать соглашения с иностранными государствами или международными организациями, но дополнительно уточнялось, что принятие решения в центральных органах власти осуществляется при наличии квалифицированного большинства. В течение первых двух дней компромисса достигнуто не было. Мусульмане готовы были подписать только конституционные принципы, сербская сторона — все документы, кроме карт, а хорватская соглашалась со всеми предложениями. Приехавшие на переговоры С.Милошевич, М.Булатович и Д.Чосич начали уговаривать Р.Караджича и Р.Младича принять предложенный план. Д.Оуэн стал свидетелем серьезных разногласий между сербами и был явно доволен этим, поскольку надеялся, что только таким образом сербы из Боснии будут вынуждены уступить. «Без давления Сербии и Черногории боснийские сербы никогда не уступили бы ни пяди земли...», — отмечал он (295, с.123). «Когда Милошевич ясно сказал, что Белград больше не будет содержать армию боснийских сербов, постаравшись, чтобы это дошло и до генерала Младича, то на следующее утро, в одиннадцатом часу, усталый, расслабленный, и в какой-то мере сломленный, Караджич отступил» (295, с.123). «Через несколько ча-

сов после завершения пленарного заседания г-н Р.Караджич сделал заявление о том, что он принял решение дать согласие на предлагаемые конституционные принципы при том условии, что его Скупщина утвердит такое согласие в семидневный срок», — отмечал в своем докладе Б.Бутрос-Гали (154,с.8).

Отказываясь от немедленного и почти безусловного подписания всего пакета плана Вэнса-Оуэна, сербы выдвигали свой, достаточно гибкий вариант урегулирования. Сущность его состояла в том, что они готовы подписать карту о 80% территорий, предусмотренных планом. Оставшиеся 20% спорных земель они предложили поставить под контроль сил ООН и начать прямые переговоры с хорватской и мусульманской общинами об их разграничении. По словам Р.Караджича, «невозможно, чтобы международное сообщество пошло на развязывание войны всего из-за 20% чрезвычайно важных для нас территорий» (68,с.21). Конституционные принципы, которые выдвигали сербы, видели Боснию государством, в котором большинство государственных функций осуществляется в провинциях (67). 20 января Скупщина РС дала полномочия Р.Караджичу подписать Конституционные принципы устройства БиГ.

С 23 по 30 января состоялся третий раунд переговоров в Женеве. Именно в это время хорватские войска начали наступление на РСК в районе Масленичког моста в секторе «Юг», нарушив договор о перемирии, подписанный ранее. Но это никак не смутило членов Международной конференции. Д.Оуэн с пониманием отнесся к акции хорватов, хотя и посчитал выбранное для этого время не очень удачным (164, № 2347, с.54). Переговоры продолжились. К концу января Мате Бобан готов был подписать три документа (конституционное устройство, договор о прекращении огня, карты), Р.Караджич — два (кроме карт), Изетбегович отказался подписывать все три документа. Ситуация в переговорном процессе осложнилась тем, что в январе 1993 г. в США сменилась администрация. Уже через несколько дней после приведения Клинтонна к присяге, Д.Оуэн узнал, что президент не намерен поддержать мирный план МКБЮ. Такая позиция Америки, которую Д.Оуэн назвал провокационной, оказала влияние на представителей мусульман и хорватов. Администрация Клинтонна, официально поддерживая переговорный процесс, всячески критиковала сам план, полагая, что он легализует этнические чистки, требовала наказать агрессора и не садиться с ним за стол переговоров.

Переговоры в Нью-Йорке в начале февраля С.Вэнса и Д.Оуэна с Уорреном Кристофером убедили сопредседателей в том, что Америка будет торпедировать план. После разочарований от встречи с Кристофером, Д.Оуэн послал в Лондон депешу, в которой ставил МИД в известность о том, что он «серьезно огорчен поведением госсекретаря Кристофера, и что без ясной поддержки США переговорные позиции будут сильно ослаблены» (167,с.17). 10 февраля 1993 г. администрация Клинтонна обнародовала собственный план по урегулированию конфликта в БиГ, который означал переход США к активной позиции на Балканах, а через него — в европейской политике. Он предусматривал, кроме всего прочего, и дальнейшее ужесточение санкций против Сербии, и координацию деятельности ООН с НАТО, и возможное использование силы (170,с.56). План содержал в себе шесть пунктов: 1) более активное включение США в переговоры, которые ведут С.Вэнс и Д.Оуэн, 2) принятие сербами, мусульманами и хорватами предложенного плана, 3) увеличение давления на Сербию, чтобы наказать ее за амбиции (чтобы лишить сербов надежды на помощь, здесь же предупреждалось, что делать Америка это будет вместе с Росси-

ей), 4) увеличение гуманитарной помощи и создание международного суда по военным преступлениям, 5) использование американских военных сил в операциях ООН и НАТО для проведения военной акции в БиГ, 6) более тесное сотрудничество в этом с Москвой (148). Такой решительный план показался мусульманам не очень жестким. Они просили ввести американские войска в Боснию (149). Выступление США обнадежило НАТО в том, что она может впервые в истории получить право на осуществление военной операции в Боснии. Уже в феврале 1993 г. США продемонстрировали свою активность, начав переброску гуманитарной помощи в БиГ по воздуху.

В ходе переговоров, как отмечал Б.Бутрос-Гали, «неизменно обнаруживалось коренное расхождение во мнениях по вопросам, касающимся легитимности государства Боснии и Герцеговины. Правительственная сторона настаивает, что, поскольку Босния и Герцеговина является независимым суверенным государством, признанным в качестве такового Организацией Объединенных Наций, существующий конституционный порядок, правительство и все правительственные институты должны быть полностью сохранены и одобрены всеми сторонами в рамках любого соглашения о мирном урегулировании. Мнение боснийско-сербской стороны заключается в том, что причиной нынешней гражданской войны являются обстоятельства, связанные с созданием Боснии и Герцеговины. Представители боснийско-сербской стороны категорически заявляли о том, что они не могут присоединиться к существующей системе, которая, по их мнению, привела к войне и стала причиной их выхода из Скупщины, правительства и Президиума, а также вынудила их призвать боснийских сербов к бойкоту референдума» (153, с.2). На протяжении всего нью-йоркского раунда переговоров позиция боснийского правительства заключалась в том, что оно не выражало желания обсуждать ни границы провинций, ни временные договоренности, касающиеся правительства. Оно также отклонило предложение о проведении встреч с двумя другими сторонами. Делегация подняла вопрос о невыполнении соглашений, достигнутых на лондонской сессии Международной конференции, а также предшествующих решений Совета Безопасности (230, с.3).

Сербская делегация продолжала выражать несогласие с картами, полагая, что многие районы, населенные преимущественно сербами, были исключены из состава провинций, в которых сербы составляют большинство населения, возражать против того, что им придется отдать около 30% удерживаемой в своих руках территории, предлагала провести консультации с населением по спорным вопросам. У сопредседателей был в запасе свой аргумент — «этническая чистка» и перемещение населения в Боснии и Герцеговине осуществлялись в таком широком масштабе, что проведение демократических консультаций было бы совершенно нереальным (230, с.4).

Сопредседатели сделали ряд усилий по согласованию позиций, организовывая встречи мусульман и хорватов, сербов и хорватов. 24 марта прошло заседание мусульманской и хорватской сторон для обсуждения рабочего документа о временном порядке управления. После пятичасового обсуждения обе стороны (А.Изетбегович и М.Бобан) подписали соглашение и пересмотренную карту границ провинций (153, с.2). А сербы не подписали карту провинций и соглашение о временном порядке управления. В интервью журналу «Шпигель» А.Изетбегович сказал: «Я подписал этот документ не потому, что я в это верю, а потому, что, если бы мы отклонили его,

мы оказались бы в несприятном положении. Шансы на претворение этого плана в жизнь малы. Но этим мы по меньшей мере изолировали сербских чистников как агрессоров». Обругал он и хорватов, назвав М.Бобана близоруким политиком, который хочет «установить абсолютную власть над частью нашей республики» (152, с.8–9).

«Боснийско-сербская сторона, — отмечал Б.Бутрос-Гали, — утверждает, что хочет мира, и заявляет, что она вынуждена воевать из-за конкретных нападений сил боснийского правительства как в Сараево, так и в Восточной Боснии... Боснийско-сербская сторона открыто заявила сопредседателям о том, что, по ее мнению, независимое государство Босния и Герцеговина никогда не существовало и не существует. Сторона не скрывала своего мнения в отношении того, что жить в пределах Боснии и Герцеговины вопреки ее желанию вынуждает международное сообщество. В такой ситуации она хотела бы сохранить за собой как можно большую часть своей нынешней «Сербской Республики» и до минимума ограничить функции центральных правительственных органов Боснии и Герцеговины. Несмотря на то, что 30 января 1993 г. она подписала девять конституционных принципов, она продолжает настаивать на том, чтобы Босния и Герцеговина была разделена фактически на три отдельных государства. По ее мнению, эти конституционные принципы приемлемы лишь для разработки проекта новой Конституции, но не для нынешнего переходного периода. Ее позиция, со всех практических точек зрения, равнозначна стратегии сохранения своей «Сербской Республики» посредством слияния тех трех провинций, в которых эта сторона имела бы большинство и которые, как она продолжает утверждать, должны быть неразрывны на карте и связаны во всех аспектах управления» (153, с.5).

3 апреля Скупщина РС приняла Декларацию, в которой подтвердила свое стремление разделить БНГ по этническому признаку, решительно выступая за соблюдение перемирия, продолжение мирного процесса, за свободное передвижение гуманитарных конвоев. Между тем, народные избранники заявили, что не могут принять предложение по картам, так как «несправедливо разделяется почва, полезные ископаемые, энергетические ресурсы, хозяйственные объекты, пути сообщения и инфраструктура, предусмотрены нефункциональные общины, не соответствующие этническому составу населения» (146). Правительство Югославии на своем заседании 4 апреля поддержало решение Скупщины РС, полагая, что спорные вопросы по картам могут быть решены путем переговоров (146).

23 апреля состоялась Скупщина РС. Ход дискуссии на ней не нравился Белграду. Д.Чосич, С.Милошевич и М.Булатович написали письмо и послали министра иностранных дел СРЮ В.Йовановича вручить это письмо Скупщине РС. Позицию трех президентов поддержали Скупщины Сербии и Черногории. В письме они просили принять мирный план, разъясняя, что лорд Оуэн дает новые гарантии. Скупщина не смогла принять окончательного решения и предложила провести референдум в Республике 15–16 мая. Переговоры лорда Оуэна с С.Милошевичем убедили европейского посредника, что терпение С.Милошевича исчерпалось, что он полностью переменяет свои взгляды, отказавшись от идеи «Великой Сербии», и выразил желание поддерживать все решения СБ (164, № 2349, с.52).

Поскольку среди западных политиков продолжал сохранять свою силу тезис о необходимости нажима на Белград, если хочешь достичь уступок сербов в БНГ, то

давление на С.Милошевича в этот период усилилось. Белграду угрожали усилением санкций, а сербам в Боснии — снятием эмбарго на поставки оружия мусульманам, запрещением использовать воздушные линии для снабжения сербских районов, бомбардировками сербских позиций (295, с. 168).

Угрозы осуществились в принятии Резолюции № 816 о запрещении полетов над БиГ. Представитель России Ю.Воронцов выступил в СБ с речью, в которой пытался доказать, что усиление санкций серьезно ударит по народу Югославию, соседних балканских стран¹. С помощью России из проекта Резолюции было снято предложение о возможности бомбардировок наземных целей. Кроме того, усилиями России была отложена подготовленная 7 апреля резолюция об усилении санкций против СРЮ. 16 апреля лорд Оуэн заявил, что мир должен подумать о бомбардировке дорог и мостов в БиГ, чтобы полностью прекратить помощь сербам в Боснии со стороны Югославию. «Мы должны ужесточить санкции и, возможно, для поддержания баланса сил нанести воздушные удары», — подчеркнул он (151). И все-таки 18 апреля принимается Резолюция СБ № 820 об усилении санкций против СРЮ с 26 апреля, если Р.Караджич не подпишет мирный план. Р.Караджич в свою очередь пригрозил покинуть переговоры.

25 апреля в Белграде Р.Караджича напрасно уговаривали все: С.Милошевич, М.Булатович, Д.Чосич. Автоматически 26 апреля Резолюция № 820 вступила в силу.

1 мая Конференция все-таки продолжила работу в Афинах. Казалось, подписание плана вот-вот произойдет. В начале конференции С.Вэнс отметил, что в документе были внесены ряд уточнений и поэтому нет оснований для отсрочки подписания плана. «Давно пришло время для принятия решительных мер, чтобы обеспечить мир для Боснии и Герцеговины и приступить к восстановлению в бывшей Югославии... Ныне настоятельно необходимо обеспечить претворение плана в жизнь. Для этого нужно, чтобы г-н Караджич подписал оставшиеся два документа в рамках плана, а именно: предварительную карту провинций и Соглашение о временном порядке управления» (237, с. 1). После этого с заявлением выступил лорд Оуэн, который отметил, что в ходе недавних обсуждений с участием всех сторон сопредседатели предоставили разъяснения и дополнения по различным аспектам мирного плана — по Временному порядку управления, Процедурам во временном президиуме, по Председателю временного президиума, по Выводу сил, Временной карте провинций, Северному коридору, Органам по обеспечению международного доступа. Наибольшим разногласиям вызывал вопрос северного коридора между двумя сербскими провинциями. В дополнении указывалось, что в него «будут входить находящаяся под международным контролем сквозная трасса между провинцией Бая-Лука и провинцией Биеллина и демилитаризованная зона, протяженностью 5 км по обе стороны от сквозной трассы на территории Боснии и Герцеговины» (237, приложение II). Сербы требовали гарантий безопасности коридора и Брчко, не надеясь на возможность «голубых касок» противостоять наступлениям хорватских или мусульманских сил, как это уже было в других случаях.

В.Чуркин, Мнцотакис и С.Милошевич всю ночь полемизировали с Р.Караджичем. Под большим давлением Р.Караджич подписал план Вэнса-Оуэна, вновь наста-

¹ Подоплской изменения позиции России в СБ являлась боязнь общественного мнения по сербскому вопросу, которое могло повлиять на исход готовившегося в России референдума. См. Главу VI данной монографии.

нии условие, что 5 мая Скупщина РС одобрит его решение. Как вспоминает лорд Оуэн, в зале стояла «боязливая тишина», когда свою подпись ставил Р.Караджич. Милотакис решил поехать вместе с С.Милошевичем на Пале, чтобы убедить сербскую Скупщину ратифицировать план. Для С.Вэнса переговоры в Афинах были заключительной фазой его карьеры. Он уходил на пенсию, а вместо него начинал работу Торвалд Столтенберг (164, № 2349, с.53).

В тот самый день, когда в Афинах собрались представители враждующих сторон, президент У.Клинтон созвал в Вашингтоне своих советников по Боснии. Было принято решение оказать на сербов давление, но не для того, чтобы они приняли план Вэнса-Оуэна. Американцы сгорали от желания узнать, что сербы не приняли план (295, с.186). Ибо, по словам Кристофера, Америка думает «о других мерах» в Европе. Упоминались четыре возможных варианта: усиление санкций против Югославии, принуждение к прекращению огня, воздушные удары по сербским позициям и отмена эмбарго на поставки оружия в Боснию (295, с.186—187). Авторы же плана пытались спасти свое детище и разрабатывали как меры давления на сербов (введение международных наблюдателей на границе между БиГ и СРЮ), так и пути усовершенствования самого плана. Европа в целом не готова была принять американские предложения, что очень озлобляло американскую администрацию, писал Д.Оуэн (295, с.189).

Скупщина РС, собравшаяся 5 мая на Пале, была поистине драматичной. В гости к сербам приехали С.Милошевич, М.Булатович, Д.Чосич, Милотакис. Выступая перед делегатами Скупщины, Р.Караджич обрисовал реальную ситуацию. С одной стороны, предложенный план «в основе своей катастрофичен», поскольку отрицает право сербов на самоопределение, на государство и требует их возвращения в Боснию и Герцеговину, дает лишь 43% территории. С другой стороны, в случае непринятия плана сербскому народу грозит уничтожение. Президент выделил основной вопрос — как решить проблему безопасности тех сербов, которые попадают в хорватские или мусульманские провинции. Он просил Скупщину одобрить план, поскольку над сербским народом в Боснии нависла реальная и огромная опасность, хотя прекрасно понимал, что народу трудно отказаться от своей свободы, своей победы и своего государства как раз в тот момент, когда он этого достиг (145, с.5). Выступая перед собравшимися, Д.Чосич поблагодарил сербский народ БиГ за героизм, за его поистине мученическую и победную войну. Он убеждал депутатов, что судьба всех сербов едина, и что Югославия всегда будет рядом с сербами Боснии. Соглашаясь с тем, что условия мира не идеальны, Д.Чосич между тем выразил уверенность, что «они таковы, что создают возможность достичь в мирных условиях то, чего не смогли достичь на поле боя, в окопах» (145, с.6). Посланников выступало много. Большинство были настроены героически, готовы были бороться до конца.

Р.Младич говорил долго. Его речь сводилась к тому, что миротворцам нельзя верить. «Был у них мандат защищать народ в розовых зонах. Не защитили его. Не было мандата идти любой ценой в Сребреницу. Пошли. Пустили мы их не потому, что боялись международной интервенции, наш народ не боится никакой интервенции, против нас здесь ведется тотальная война, так как у врагов нет милости ни к слабым, ни к детям. Если кого-нибудь схватят, то изрежут на куски самым жестоким

образом. UNPROFOR отсюда вывели тысячи мусульман, а сербы по-прежнему остаются в заточении и не могут опереться на его помощь. В Центральной Боснии они оказывают медицинскую помощь и одной, и другой стороне. Как тогда мы объясним нашему народу, что UNPROFOR защищают его на этой земле. Поверьте, что нет здравомыслящего человека, который здесь в это может поверить. План Вэнса-Оузна предусматривает прогрессивную демилитаризацию на этих территориях, что предполагает сперва разоружить сербскую армию по тому же принципу, как была разоружена армия Республики Сербской Краины. А я Вас прошу поинтересоваться, или я вас проинформирую в ваше свободное время о том, каковы были ужасные последствия. На Масленичском мосту, на аэродроме Земуник или в треугольнике рек Крка и Цикола. Я вас благодарю за внимание. Я рассказал вам об этом не для того, чтобы повлиять на ваше решение. Армия Республики Сербской и наш народ знают, что наши депутаты сделают все, чтобы защитить наш народ» (311, с. 80–81).

В итоге Скупщина была непреклонна, признала подпись Р.Караджича под договором недействительной, но за поддержкой обратилась к народу, позвав его 15–16 мая на референдум. По официальным данным, на референдум вышло 92% населения сербской части Боснии, из них 96% высказалось против мирного плана Вэнса-Оузна (66, с. 194).

Руководство Югославии сделало еще одну попытку повлиять на сербов в Боснии — предложило провести совместное заседание парламентов всех сербских земель. 14 мая на заседание скупщин Сербии и Черногории в Белграде приехали 30 депутатов от РСК и делегация в составе трех человек от РС. Позицию Республики Сербской объяснял министр иностранных дел Алекса Буха.

Многим упрямято сербов казалось бессмысленным. Однако своими действиями, как объяснял министр иностранных дел РС А.Буха, сербы в Боснии стремились лишь к объективности в деятельности международных организаций, такого же подхода к сербской, как и к мусульманской, и хорватской сторонам. Выступая перед парламентариями, он подчеркивал, что только на сербов была свалена вся вина за сложившуюся ситуацию в БиГ, что только сербам предъявляли ультиматумы, заставляли принять даже несогласованные до конца планы, а мусульманам и хорватам прощали нарушения договоренностей о прекращении огня, о перемирии, отказ участвовать в переговорах, только сербам международные организации позволяли угрожать вплоть до уничтожения. То же произошло и с планом Вэнса-Оузна, который не отвечал национальным интересам сербов: почти половина сербского населения должна была остаться вне сербских провинций, и лорд Оуэн подчеркивал не раз, что у сербов отнято более 17% территорий. А.Буха упомянул ряд антиправовых действий международных организаций: признание Боснии и Герцеговины, допущение участия в военных действиях в БиГ хорватской армии, отрицание каждой последующей конференцией достигнутых результатов предшествующей (Лондон, например, и не вспомнил план Кутильеро), наказание санкциями Югославии за сербов в Боснии. А.Буха подчеркнул, что Скупщина РС примет план Вэнса-Оузна, если будут выполнены два условия — обеспечены территориальная целостность сербских провинций и специальное управление ООН над теми территориями, где во время второй мировой войны был совершен геноцид сербского народа (296, с. 117–118; 295, с. 206).

Присутствующие на совместном заседании скупщин единогласно приняли Декларацию о мирном плане окончания гражданской войны в бывшей Боснии и Герцеговине. Тем не менее югославское и сербское руководство заявили о прекращении экономической помощи сербам в Боснии, усилении пограничного контроля.

В то время, как американцы усилили критику плана Вэнса-Оуэна, сопредседатели 15 мая в Москве обсуждали возможность давления на Белград, введения блокады на Дрине, поэтапного осуществления плана. Международные организации не обратили внимание на тот факт, что сразу после согласия с планом мусульманская и хорватская стороны начали крупные боевые действия друг против друга в Центральной Боснии. 18 мая сопредседатели направились в Боснию для встречи с А.Изетбеговичем и Ф.Туджманом и их военными советниками, пытаясь найти взаимопонимание хотя бы с ними, чтобы не пропал с таким трудом согласованный план.

Как отмечал Р.Караджич, сербы знали, что американцы не хотели окончания войны в 1993 г., и потому предполагали, что план провалится (167, с.19). Вскоре «ради единства Запада» от плана отказалась и Англия. Поддержанная Францией, она полагала, что «к решению кризиса должны теперь подключиться американцы» (167, с.20). 20 мая в «Нью-Йорк Таймс» появился текст готовящейся новой дипломатической инициативы США, Франции, Англии и России, согласно которой ради прекращения боевых действий надо поддержать статус-кво в Боснии и Герцеговине (295, с.195–197). Отказываясь от плана Вэнса-Оуэна, полагали сопредседатели, администрация Клинтона отказывалась от попытки сохранить единство Боснии и Герцеговины.

Сербам в БиГ после отказа принять план грозило серьезное наказание. Они ожидали воздушные удары по своим позициям. Убеждал европейцев перейти к военным действиям госсекретарь США У.Кристофер. В Америке звучали голоса, что в БиГ не гражданская война, а сербский экспансионизм, который следует рассматривать как «агрессию фашистского типа» (143, с.4). Председатель правительства СРЮ Р.Контич направил письма Генеральному секретарю ООН, в Совет Безопасности, премьер-министрам стран — постоянных членов СБ, сопредседателям МКБЮ, в которых призывал их предотвратить военные операции против сербов и продолжить переговорный процесс (66, с.192). Европа достаточно холодно приняла предложения американцев, возлагая больше надежд на результаты экономических санкций и «нажим» Сербии на своих братьев в Боснии. Министры иностранных дел стран Европейского сообщества, собравшиеся в Брюсселе на сессию Совета ЕС, высказались против применения силы в БиГ. Они прислушались к выступившему перед ними лорду Оуэну, который подчеркнул, что военные операции не способны урегулировать конфликт. «В ближайшее время военное вмешательство исключено», — заявил по ее окончании глава внешнеполитического ведомства Люксембурга Жак Пос (142, с.7). Министры расценили как обнадеживающее решение властей СРЮ прекратить помощь, за исключением гуманитарной, сербам в Боснии после того, как они отказались принять план Вэнса-Оуэна. Д.Оуэн заметил, что Европа сейчас находится на этапе, «когда исходившей от Югославии агрессии положен конец. Это очень важное изменение. Нам не следует принимать никаких мер, которые могли бы вновь «плотить сербов» (141, с.6). На сессии была высказана также серьезная тревога в связи с наступлением, развернутым хорватскими силами против боснийских мусульман.

Позже лорд Оуэн сказал: «Я действительно не думаю, откровенно говоря, что наш план был сорван исключительно потому, что его отверг сербский парламент. Скорее всего, роковой удар по нему нанесло то, что произошло в Центральной Боснии. В то время, как мы теряли драгоценное время в бесплодных дискуссиях в Совете Безопасности или в других международных организациях, никто не отдавал себе отчета в том, насколько быстро ухудшаются отношения между хорватами и мусульманами, которых ошибочно считали естественными союзниками. А в Боснии чаяния хорватов намного больше совпадают с чаяниями сербов, чем с чаяниями мусульман. Такова основополагающая реальность» (135, с.22).

7. Уния трех республик (сербско-хорватский план)

Война в БиГ летом 1993 г. продолжилась с новой силой. Ужесточились столкновения между хорватами и мусульманами, открылся «второй фронт» в долине Неретвы. Приостановленный поиск мирного решения в Боснии и Герцеговине продолжилось, на удивление миротворцев, хорватское и сербское руководство, которое достигло единства взглядов на преодоление кризиса и корректировку плана Вэнса-Оуэна. Лидеры воюющих сторон удалось уговорить продолжить переговоры в Женеве.

В начале мая С.Вэнса на посту сопредседателя МКБЮ сменил Т.Столтенберг. Д.Оуэн и Т.Столтенберг, хотя и без большого оптимизма, приступили к работе по согласованию сербско-хорватского плана, который они назвали «Уния трех республик». В связи с тем, что Д.Оуэн и Т.Столтенберг возглавляли переговорный процесс, часто (Д.Оуэн полагает, что по ошибке) этот план называли планом Оуэна-Столтенберга, хотя на самом деле авторы у этого проекта были другие.

В конце июня 1993 г. президенты С.Милошевич и Ф.Туджман информировали сопредседателей о проведенных между М.Бобаном и Р.Караджичем консультациях и о подготовке проекта, предусматривавшего создание в Боснии и Герцеговине конфедерации в составе трех республик. В основу этого документа легли конституционные принципы, уже согласованные в качестве части мирного плана Вэнса-Оуэна (238, с.2). 23 июня в Женеве сербская и хорватская стороны после подробного обсуждения с сопредседателями вынесли на рассмотрение девять конституционных принципов, которые были представлены как сопредседателям, так и представителям мусульманского Президиума¹. Союз Республик Боснии и Герцеговины должен был бы состоять из трех республик, в которых не будет вооруженных сил, по всей Боснии будет обеспечено свободное передвижение, на границах не будет контроля. Наряду с общей Конституцией существовали бы и республиканские. Каждая республика получила бы право проводить свою внешнюю политику, вступать, наряду с союзом, в международные организации. Намечались и руководящие органы, которые должны работать на основах консенсуса (134). Сербь, чтобы удовлетворить мусульман, предлагали дать БиГ выход к морю и к реке Саве. Но этому воспротивился Ф.Туджман. По предложенным картам сербам доставалось 50% территории, мусульманам — 30, а хорватам — 17,2% (179, с.37). М.Бобан и Р.Караджич выступали единым фронтом. А.Изетбеговича, который в Женеву не приехал, известили

¹ Президиум БиГ представляли три серба, три хорвата и один мусульманин, Изетбегович и Ганич в Женеву не приехали.

предложениях, и он ответил, что готов сесть за стол переговоров.

Во время первых консультаций в Женеве основное внимание было уделено принципам государственного устройства будущей БиГ, мерам в воснной области и мероприятиям в переходный период. Т. Столтенберг и Д. Оуэн высказались за сохранение положений, направленных на обеспечение прав человека и демократического развития БиГ. Д. Оуэн понимал, что речь идет о совсем новом плане и фактически признал провал своего предыдущего плана мирного урегулирования боснийского конфликта. «Предложения, сделанные на прошлой неделе как сербами, так и хорватами, — заявил он, — не соответствуют общей концепции плана Вэнса-Оуэна. Наш план предусматривал сохранение унитарного боснийского государства, состоящего из десяти достаточно автономных провинций. Теперь речь идет о разделе на три федеральные единицы — сербскую, хорватскую и мусульманскую. Это совсем иной подход, это уже не мой план» (135, с. 20).

Проводившиеся консультации показали, что компромисса достичь можно по всем пунктам плана. Но переговоры осложнились тем, что в Женеве не было А. Изетбеговича. Хотя присхали почти все представители Президиума БиГ, никто из Президиума БиГ не хотел брать на себя ответственность. Все постоянно ссылались на необходимость консультаций с А. Изетбеговичем. В мусульманской делегации лидировал Фикрет Абдич, хотя он и не являлся официальным руководителем. Обстановка в мусульманском стане была не очень ясной, поскольку прошли слухи о разногласиях в руководстве БиГ и скорой отставке А. Изетбеговича. Ф. Абдич 18 июля направил А. Изетбеговичу письмо, обвинил его в блокировании переговорного процесса и просил определиться за мир и принять предложенный план (66, с. 215). А. Изетбегович, действительно, делал все, чтобы не допустить подписания договора. Тогда в Боснии кружили слухи о том, что С. Милошевич и Ф. Туджман договорились разделить БиГ на две части между Сербией и Хорватией. В Сараеве начали разрабатывать свой вариант урегулирования. Уже 20 июля Президиум БиГ представил в Женеве свою Платформу, согласно которой БиГ должна стать федерацией, в которой федеральные единицы образуются не по этническому, а по территориальному признаку. Кроме того, мусульмане требовали выход к морю в районе Неума, объединения восточных анклавов единой территорией, а также действия единой валюты во всей федерации.

Рассмотрение мусульманского варианта, доработка и согласование проекта заняли длительное время. Окончательная встреча постоянно откладывалась. Д. Оуэн вспоминал, что «иногда ощущал себя туристическим агентом, который постоянно назначает встречи, а потом их откладывает» (295, с. 230). Согласованный перечень документов включал в себя: Конституционное соглашение о Союзе Республик Боснии и Герцеговины, в котором подробно определялись границы государств, состав и компетенция суда по правам человека, функции омбудсменов, органы по обеспечению доступа, внешние границы Сараевского района и Мостара; воснные соглашения; Соглашение о прекращении конфликта; карты (133). Проект государственного устройства представлял собой компромисс между конфедеративной идеей боснийских сербов и хорватов и федеративной моделью, которую отстаивали мусульмане. Босния и Герцеговина оставалась суверенным, независимым и территориально целостным государством, членом ООН. Положения Конституционного соглашения делали юридически невозможным роспуск Союза без свободного согласия всех трех составляющих его республик. Текст должен был удовлетворить все стороны. Дора-

ботанный проект учитывал требования мусульман, которые они ранее выдвигали. — выделение республике с преимущественно мусульманским населением справедливой и экономически жизнеспособной части территории с выходом к реке Сава и Адриатическому морю, необходимость обеспечения доступа к Сараеву по автомобильным и железным дорогам, необходимость поддержания территориальных связей Сребреницы, Жепы и Горажде с прилегающими районами, обеспечение Бишацу гарантированного наземного доступа к центральной Боснии и Хорватии, установление границ республики с преимущественно мусульманским населением как можно южнее, чтобы обеспечить гарантии доступа к хорватскому порту Плоче.

А.Изетбегович не отверг предложения и потребовал время на размышления. 27 июля переговоры возобновились в полном объеме (Д.Оуэн, Т.Столтенберг, Р.Карлджич, А.Изетбегович, М.Бобан, С.Милошевич, М.Булатович, Ф.Туджман, В.Чуркич, Бартоломью). Сопредседатели рассчитывали, что это будет последний раунд переговоров, где следует обратить внимание на меры по обеспечению прекращения огня, изысканию путей и средств решения гуманитарных проблем, а также на вопросы передачи территории составляющим образованиям (134). Однако переговоры осложнились продолжающимися боевыми действиями в Центральной Боснии мусульман против хорватов и сербов около Сараева. Переговоры пришлось временно отложить, так как появление сербов на горе Игман вызвало дискуссии о необходимости их наказать воздушными ударами. А.Изетбегович грозил уехать с переговоров, пока сербы не прекратят наступление.

Параллельно с переговорами в Женеве командующие вооруженными силами трех сторон провели 30 июля встречу в аэропорту Сараева и подписали соглашение о прекращении боевых действий и приостановлении всей военной деятельности, включая все военные передвижения, развертывание сил и возведение фортификационных сооружений, а сербская сторона согласилась открыть проход в Сараево для поставок гуманитарной помощи.

После того, как Президиум Боснии и Герцеговины согласился в принципе изучить вопрос о возможной структуре трех республик, начались переговоры о карте. Мусульманам были сделаны значительные уступки. Все согласились, что республика с мусульманским большинством должна располагать не менее, чем 30% территории, что в нее войдут многие крупные населенные пункты Боснии и Герцеговины, а также большая часть промышленных центров и природных ресурсов. При этом сербы им отдавали 18% своей территории. Жепы и Сребреница будут связаны друг с другом, и территория вокруг них будет вдвое расширена, а Горажде получит связь с центральным мусульманским районом. Предметом серьезных разногласий стала предлагаемая граница между мусульманской и хорватской республиками.

На атмосфере, царящей на переговорах, не могли не сказаться отрицательно военные действия мусульман против хорватов. А.Изетбегович предлагал хорватам сойти в рамках БиГ, но те отказались. Страсти накалились и по вопросу Сараева — ни одна сторона не хотела уступить «свою» территорию в рамках столицы. Предлагались различные варианты обмена территориями. Но для А.Изетбеговича была совершенно неприемлемой сама идея отделения района, прилегающего к Сараеву, от самого города, идея его расчленения. Он осознавал, что в этом вопросе мировое общественное мнение всегда будет на его стороне. Сербые убеждали, что Сараево окружено районами, которые в течение столетий традиционно принадлежали сербам и которые в те

чение всего периода войны оставались в руках сербов, и что эти районы должны входить в сербскую республику. Сербь намеревались построить свою столицу вокруг поселка Илджа (134). Мусульманская сторона тянула с подписанием документов. 2 августа переговоры были прерваны, так как А.Изетбегович поставил условие — вывод сербских войск с горы Белашницы — и прервал переговоры. Трое хорватов — членов Президиума БиГ временно перешли в хорватскую делегацию. Ф.Туджман распространил в Совете Безопасности письмо, в котором критиковал доклад Генерального секретаря о переговорах в Женеве. Он боялся, что изложение Б.Бутрос-Гали может ввести в заблуждение о, якобы, сближении позиций сербов и хорватов в Боснии и Герцеговине (239). Недовольство докладом выразил и А.Изетбегович: его оскорбило, что в докладе ничего не было сказано о сербской агрессии, о последствиях эмбарго на поставки оружия. В результате он сказал по поводу всего пакета предложенных документов, что они «ставят под сомнение положение законно и демократическим образом избранных административных институтов и конституционной структуры Республики Боснии и Герцеговины» (240).

Переговоры продолжились без А.Изетбеговича 16 августа 1993 г. Стороны договорились, что мусульманам отдадут 30% территорий, обеспечат выход к морю и к реке Саве, а сербы начнут уходить с Белашницы. Осталось только решить статус Сараева. Сербь согласились отдать спорные районы около Сараева под контроль ООН и начали отход с двух занимаемых высот. Стороны достигли договоренности и о передаче Мостара под управление ЕС на период до двух лет. Были выработаны детальные соглашения в отношении демаркации города Брчко. Сербская сторона дала свое согласие в связи с вопросом о специальной дороге, связывающей Горажде и Жепу (133).

В середине августа казалось, что мир на Балканах уже недалек. Женевский переговорный процесс, начатый в июне, близился к благополучному завершению. Подписание мирного плана в Боснии и Герцеговине давало населению этой многострадальной республики надежду на жизнь. Для Сербии и Черногории подписание договора означало снятие санкций, эффективность которых тогда уже многими странами ставилась под сомнение.

Но в это время, 19 августа, официальный представитель Пентагона заявил, что командование НАТО и силы ООН завершили все приготовления и могут в кратчайшие сроки нанести удары с воздуха по войскам боснийских сербов, если в этом будет необходимость (131). Сегодня уже ясно, что процесс активизации НАТО развивался самостоятельно и никак не был связан с усилиями по переговорам. Более того, в определенном смысле переговоры контролировались и управлялись теми, кто должен был утвердить новую роль НАТО в Европе. Уже тогда противник был намечен, а самолеты рвались в бой. Натовцы не скрывали, что готовы нанести удары по сербским позициям. Поэтому всегда создавалась ситуация, чтобы переговоры зашли в тупик. Ждали лишь повода, чтобы обвинить в этом сербов. Когда же виновными оказывались мусульмане, то этот момент пережидали и продолжали вновь обвинять сербов.

На основе уже разработанных документов сопредседатели 20 августа передали на рассмотрение ЕС, ООН (договор был поддержан Резолюцией № 859 СБ ООН), а также всем трем сторонам пакет, состоящий из десяти документов и карт. Делегации уехали «посоветоваться с парламентами», чтобы вновь встретиться 31 авгу-

ста (66, с. 227–228). Возвращаясь в Сараево, А.Изетбегович послал на имя председателя СБ письмо, в котором заявил, что, «представляя этот план на рассмотрение наших граждан, мы не одобрили этот план в его нынешнем виде. Аналогичным образом никакой отдельный элемент плана не может быть утвержден до тех пор, пока не будет принят весь план» (241).

Парламенты всех трех предполагаемых новых образований заседали в один день — 28 августа.

Р.Караджич назвал предложенный пакет документов «болезненным компромиссом» (128, с. 7), но тем не менее Скупщина РС поддержала договор и план урегулирования на первом же заседании. За принятие нового плана проголосовали 55 депутатов, 14 были против, трое воздержались.

В тот же день хорваты БиГ провозгласили создание Республики Герцег-Босны и приняли пакет договоренностей всего одним голосом против.

На заседании мусульманского парламента министр иностранных дел Х.Силайджич назвал женеvский пакет «ультиматумом и диктатом» (128, с. 7). Хотя по требованию мусульманской стороны и сербы, и хорваты сделали серьезные территориальные уступки, депутаты боснийского парламента обусловили подписание договора новыми иррациональными условиями и, тем самым, свернули переговорный процесс. Председатель парламента пытался смягчить ситуацию: «депутаты не приняли, но и не отвергли этот план». В парламентамском постановлении отмечалось, что предложенный план «не может быть принят в его нынешнем облике, но может послужить основой для продолжения переговорного процесса» (127, с. 2). На аэродроме перед отлетом в Женеву А.Изетбегович сказал: «Я уезжаю искать правду для мусульман. Но я ощущаю себя, как человек, который хочет пить, а его посылают в пустыню искать воды... Нашему народу нужен мир, а ему предлагают решение, которое хуже войны» (66, с. 230). Не соглашаясь на мир, А.Изетбегович паделся, что военным путем ему удастся получить всю Боснию и Герцеговину.

Чувствуя поддержку ряда стран, в том числе и Америки, А.Изетбегович продолжал настойчиво требовать отмену эмбарго на поставки оружия, утверждая, что решить боснийскую проблему можно только путем военной победы над сербами и хорватами. 6 сентября А.Изетбегович вел переговоры в Турции, 8 сентября — в США разговаривал с Билом Клинттоном.

Провал женевских переговоров по вине мусульман оживил дискуссию о возможных воздушных ударах НАТО, но не по мусульманским, а по сербским позициям. Об этом заявляли и президент США, и Генеральный секретарь Североатлантического блока. Позиция США вызывала явное недоумение. Странными казались угрозы сербам, которые согласились с планом, и поощрение к неуступчивости мусульман, которые этот план отвергли. Угрозы Вашингтона и решения брюссельской сессии Совета НАТО негативно сказались на атмосфере переговорного процесса (126, с. 15).

А.Изетбегович и Р.Караджич заявили, что несмотря на срыв подписания документов плана Оуэна-Столтенберга, они готовы продолжить переговоры. И такая попытка была предпринята. 21 сентября 1993 г. на борту британского авианосца «Ивнсинбл» в Адриатическом море при многочисленном форуме всех заинтересованных сторон (А.Изетбегович, Р.Караджич, М.Бобан, С.Милошевич, М.Булатович, Ф.Туджман, В.Чуркин, Ч.Редман) еще раз попытались вернуться к урегулированию в БиГ. Ввиду того важного значения, которое придавалось обеспечению республики с преимущественно мусульманским населением доступа к Адриатическому морю,

были приняты меры к тому, чтобы группа экспертов из Франции и Германии изучила возможность сооружения торгового порта в прибрежном районе между Плоче и Неумом. Рассматривались и другие варианты. В результате были достигнуты следующие договоренности: об обеспечении выхода к морю мусульманской республики через хорватскую республику, о порте между Визичами и Челево на Неретве, об аренде мусульманской стороной на 99 лет отдельного портового хозяйства в хорватском порту Плоче (242). Как указывали сопредседатели в своем докладе от 1 сентября, сербская и хорватская стороны уже пошли на многие уступки по территориальным вопросам в интересах мусульманской стороны, полагая, что пакет мирных соглашений является окончательным. В то же время сербская и хорватская стороны заявили, что в том случае, если пакет мирных соглашений не будет вскоре подписан мусульманской стороной, они аннулируют предложенные ими уступки. Но когда А.Изетбегович решил представить пакет мирных соглашений на рассмотрение расширенного заседания парламента Боснии и Герцеговины, то стало ясно, что подписание договора будет вновь отложено (69, с.10).

26 сентября А.Изетбегович встречался с высшими офицерами своей армии, которые высказались за продолжение войны с хорватами. 29 сентября заседал Президиум БиГ, на котором голоса разделились. Вслед за этим Все мусульманский конгресс не принял предложенный план и поставил условие возвращения всех силой отобранных территорий. Парламент БиГ полностью согласился с таким решением (295, с.248).

Вследствие деструктивной позиции мусульман парламент боснийских хорватов, заседавший в ночь на 30 сентября, принял решение отказаться от территориальных уступок, сделанных мусульманской стороне. Такое же решение приняли и сербы. Это означало, что мусульманам не предлагались больше выходы к реке Саве, к Адриатическому морю, что вновь с нуля надо начинать переговоры о Сараеве, Мостаре. Многие наблюдатели считали, что план Оуэна-Столтенберга, как и многие другие планы урегулирования, уже принадлежит истории. Однако и сербская, и хорватская стороны не теряли надежды на возобновление переговоров, судьба которых зависела от мусульман. А положение миром признанной Боснии и Герцеговины было крайне сложное: перед всеми она предстала виновником срыва переговоров, вызвав неодобрение ряда стран. Кроме того, полностью потерпела крах шаткая внутриполитическая стабильность БиГ.

В знак несогласия с решением мусульманского парламента, фактически ведущим к продолжению войны, в городе Велика-Кладуша в Западной Боснии был провозглашен мусульманский автономный край «Западная Босния», цель которого его лидер Ф.Абдич определил как мирное существование мусульман со всеми народами и Боснии и Герцеговины, и всех республик бывшей Югославии. Мирный выбор Западной Боснии поддержали и некоторые другие районы. И теперь Алия Изетбегович силой оружия должен был восстанавливать свою президентскую власть даже среди мусульманского населения.

Итак, югокризис заканчивал определенный виток. Заканчивал безрезультатно. Мусульманам сошел с рук отказ поставить подпись под мирным урегулированием БиГ, они требовали оружия, чтобы решить спор на поле боя; в преддверии зимы откладывался вопрос о снятии санкций с Сербии и Черногории, вновь поднималась проблема ответственности сербов за сложившуюся ситуацию.

Однако сопредседатели, судя по всему, не теряли оптимизма. Они пытались продолжить свою работу.

Несколько месяцев, с декабря 1993 г. до конца января 1994 г., возобновить мирные переговоры по Боснии пытался Европейский союз. Хотя подготовка встреч была организована хорошо, имелись организационные трудности согласования позиций 12 министров иностранных дел. Кроме того, европейцы не смогли заставить США оказать поддержку их усилиям.

Переговоры были начаты 21 декабря в Женеве и продолжены днем позже в Брюсселе, но закончились безрезультатно. Сербия и хорваты предложили мусульманам 33% территорий. Мусульман не устроило качество предлагаемых земель и их экономический потенциал, а также ширина коридоров. Вновь пришлось согласовывать статус двух городов — Сараева и Мостара (мусульмане предлагали отдать их под контроль сил ООН, сербы были как против передачи города миротворцам, так и нового открытия аэродрома в Тузле). Мусульмане требовали расширить территории на Западе и Востоке Боснии, связать анклав Горажде, Жепу и Сребреницу, обеспечить выход к Саве около Брчко. Тем самым мусульмане получили бы единое и экономически функциональное государство. Но о выходе к морю договориться не удалось (70, с.2–3).

Хотя очевидно, что переговоры по урегулированию ситуации в Боснии и Герцеговине срывались в который раз по вине мусульманской стороны, никто из руководителей переговорного процесса не собирался оказывать на нее давления. Когда переговоры зашли в тупик, председательствующий Советом министров ЕС министр иностранных дел Бельгии В.Клас пригрозил Сербии усилением санкций, если на переговорах не удастся достичь договоренности, подчеркнув при этом, что ЕС не намерен оказывать никакого давления на мусульманскую сторону (70, с.1; 71, с.1). В это же самое время Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию о ситуации в Боснии и Герцеговине (109 — «за», 57 — «воздержались»), в которой Совету Безопасности предлагается рассмотреть вопрос о снятии с Боснии и Герцеговины запрета на ввоз оружия, а всем странам — расширить сотрудничество с этой мусульманской страной. Ощущая такую поддержку, экстремистское крыло боснийского правительства готово было воевать до последнего мусульманина.

Между тем хорваты и мусульмане возобновили двусторонние встречи. В начале января председатель правительства БиГ Х.Силайджич и министр иностранных дел Хорватии М.Гранич разговаривали о территориальном разделе БиГ. Хотя переговоры велись в конструктивной атмосфере, в территориальных вопросах результата достигнуто не было. Х.Силайджич предложил не устанавливать границу между хорватской и мусульманской частями. Но для хорватов это казалось неприемлемым. Мусульманская сторона настаивала на выход к Адриатике в районе Неума, готова была согласиться с предложением, выдвинутым в Брюсселе, согласно которому Неум будет находиться под совместным управлением мусульман и хорватов (73, с.1). Стороны рассматривали также проект мирного договора, разработанный Ф.Туджманом, о создании единого рынка, общей таможенной, монетарной унии. Мусульмане имели бы свободный выход к морю. Хорватский президент, мечтавший присоединить Боснию и Герцеговину или ее часть к Хорватии, предлагал в случае распада БиГ создать Союз государств Хорватии и Боснийско-мусульманской республики. По мнению мусульман, предложение было заманчивым, но сделано было не

во время. Поэтому мусульмане и не приняли его, хотя и не отвергли окончательно. Переговоры закончились без результата, что становилось уже печальной традицией (74, 75, с.2; 76, С.1).

Готовясь к очередному раунду переговоров, Скупщина РС приняла 17 января 1994 г. соответствующую Платформу, в которой определила, что в продолжении мирного процесса РС будет исходить из следующих позиций.

1. РС является суверенным и независимым государством.
2. Столицей РС является сербское Сараево.
3. Границы РС соответствуют фактическому положению.
4. «РС будет участвовать в мирных переговорах, чтобы требовать равноправного к себе отношения, что означает снятие санкций и приостановку давления на сербов...» (77, с.3).

В ходе возобновленного раунда переговоров 18 и 19 января 1994 г. предполагалось достичь общего урегулирования на основе пакета договоренностей, заключенных на корабле «Инвинсибл». На рассмотрение участников была вынесена предложенная боснийскими сербами карта, в соответствии с которой Республике с преимущественно мусульманским населением отводилось 33,56% территории, при этом боснийские сербы и боснийские хорваты заявили о своем намерении провести переговоры с целью договориться между собой о делимитации территории с тем, чтобы обеспечить боснийским хорватам 17,5% территории (173, с.15). В то время, как с хорватами было достигнуто, по оценке С.Милошевича, полное взаимопонимание, мусульманская сторона требовала изменить карту и включить в свои районы дополнительные населенные пункты, до войны преимущественно мусульманские (82, с.1). «Сопредседатели предложили сторонам идею передать вопрос об этих районах на рассмотрение арбитражной комиссии, назначенной председателем Международного суда после консультаций со сторонами. Боснийские хорваты и боснийские сербы выразили готовность согласиться на эти процедуры. Боснийский президиум занял позицию, согласно которой согласиться на арбитражную процедуру можно будет только после вывода из этих районов вооруженных сил» (125). Видя туловище ситуации и не желая прерывать переговорный процесс, сопредседатели предложили работать в направлении укрепления мер доверия, т.е. идти друг другу навстречу в мелочах, например в вопросах электроснабжения, создания постоянных групп связи и т.д.

В целом ситуация, складывавшаяся на переговорах, казалась достаточно перспективной для мусульманской стороны. Для нее она была также опасна сближением позиций сербской и хорватской сторон. Постепенно начинал утрачивать силу образ единственного виновника войны в БиГ — сербов, которые в последние месяцы активно шли на уступки. Тогда мусульмане применили сильный пропагандистский прием — председатель правительства БиГ Х.Силайджич призвал лорда Оуэна пойти в отставку, обвиняя его в поддержке проекта создания Великой Сербии. По его мнению, он «фаворизирует Сербию, вопреки тому, что она является в войне главным агрессором» (11, с.2). Позиция мусульман встретила понимание в определенных кругах международных организаций. ЕС начал также критиковать лорда Оуэна. Согласно версии члена парламента ЕС Лари Остландера, лорд Оуэн встал на сторону сербов, употреблял терминологию Р.Караджича о разделе БиГ на территории трех народов, игнорировал законную власть в БиГ. По его мнению, надо было встать на сторону законного президента Али Исетбеговича (11, с.2).

2 февраля 1994 г. в Женеве состоялось совещание руководящего состава МКБЮ, которое, по словам Д.Оузна, хотело всем сказать одну неприятную истину: «нельзя ничего сделать, если все три конфликтующие стороны решили и дальше воевать» (295, с.284). Фактически речь шла о завершении деятельности Международной конференции, которая была активной, но безрезультатной.

В это время НАТО уже готовилась к применению силы против сербов. Мусульманам также надо было каким-то образом переломить ситуацию в свою пользу и добиться преимущества при активной поддержке какого-либо международного субъекта. В тот самый момент интересы мусульман совпали с интересами некоторых западных стран и таких международных организаций, как НАТО. Все ждали соответствующего повода. Как отмечал В.Чуркин, в конфликт вовлечен весь мир, «затронуты внешнеполитические интересы ряда государств, поставлены на карту политический престиж и амбиции лидеров» (122, с.1). В этот момент 5 февраля 1994 г. и произошла трагедия на сараевском рынке Маркале.

8. Февральский кризис 1994 г.

В 12.20 на сараевском рынке Маркале произошел мощный взрыв неизвестно откуда прилетевшего снаряда. Число жертв было огромно — погибло 88, а ранено 200 человек. Сараевское телевидение и западные агентства транслировали на весь мир изображения убитых, эвакуацию раненых, прием их в больницах. Мусульмане показывались жертвой очередного «сербского» насилия. Э.Ганич заявил про никпоვნено: «Это больше не война армий, это война добра против зла». Руководство БиГ сразу осудило сербов в преднамеренном злодеянии. «Радио «Хайат», исламское радио, как оно себя называет, ...призывает к линчу: каждый должен выбрать для себя по одному сербу», — записал в дневнике В.Койнович (313, с.218). Утверждение о виновности сербов без всякой проверки было подхвачено западными СМИ и мгновенно распространено по всему миру. Реакция, естественно, была жесткой — не только осудить сербов, но и наказать, отомстить.

Сербская сторона осудила взрыв, не взяла на себя ответственность за него и потребовала создать смешанную комиссию для исследования всех обстоятельств взрыва. Вызывал сомнение и характер оставленных от взрыва следов, воронки. В частности, не пострадали торговые ряды, продукты на них, а жертвами оказались только люди, да еще в таком количестве. Сербы сразу предположили, что взрыв подготовлен самими мусульманами с целью обвинить во всем сербов. Они обращали внимание общественности на ряд любопытных моментов: 80% ранений приходилось на нижнюю часть тела, никто из оставшихся в живых не слышал звука летящего снаряда, но лишь разрыв четырех-пяти снарядов, отсутствовала воронка от взрыва. Имелись также свидетельства, что к моменту взрыва на рынок свозились трупы уже умерших людей, а раненых собирали с фронта. Журналистам были ограничены контакты с пострадавшими на рынке (124, с.8–9). Российский офицер А.И. Демуренко, служивший в Сараеве, говорил в разговоре со мной: «Один так называемый взрыв прямо внутри маленького рыночка в старой части города, когда было убито 88 и ранено более 200 человек, совершенно не воспринимался военным человеком. Вообще в природе не существует такого босприпаса, я имею в виду 12-мм

воны, которая могла бы поразить столько человек. Это — какой-то уникальный...» (215).

Уже 6 февраля Б.Бутрос-Гали сделал сообщение, что специалисты СООНО не смогли определить, с какой стороны прилетел снаряд.

Р.Караджич заявлял о полной невинности сербской стороны и требовал проведения расследования и оглашения его результатов. В ином случае он отказывался вести переговоры. На одной из пресс-конференций Р.Караджич заявил, что трагический инцидент на сараевском рынке является террористическим актом, схожим по методам с действиями группировки «Хезболлах» или афганских моджахедов. Об этом, по его словам, сербскую сторону оповестили израильские эксперты. «Речь идет о так называемой конусной взрывчатке, имеющей направленное действие. Она была подложена на территории рынка или сброшена туда с соседнего здания. Такие заряды применяют указанные террористические группировки» (117).

Согласно воспоминаниям лорда Оуэна, в Загребе, один из офицеров СООНО, близкий по специальности, изучил возможные траектории полета снарядов и пришел к выводу, что огневая точка была расположена на позициях мусульманской армии. «Когда во вторник эта весьма взрывоопасная информация поступила в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке, — пишет лорд Оуэн, — то было сделано все, чтобы ограничить число лиц, имеющих доступ к ней, чтобы уменьшить шансы того, что она просочится к общественности» (295, с.291). Больше всего боялись, что такая информация станет известна русским или сербам... Далее лорд Оуэн достаточно подробно описывает, по каким причинам следовало скрыть эту информацию. Во-первых, это нанесло бы большой ущерб авторитету ООН, особенно учитывая «состояние экстремальной паранойи сербов». Во-вторых, «проблема осады Сараева требовала, чтобы мы попытались остановить обстрел Сараева». А на необходимость превентивной акции не должен был повлиять тот факт, что мусульмане могли стрелять в собственный народ, чтобы спровоцировать НАТО и задействовать его на своей стороне, писал Д.Оуэн. В-третьих, если бы мусульмане узнали об обвинениях ООН, они бы не сели за стол переговоров. В-четвертых, «НАТО, которая уже приняла решение, была бы также в состоянии хаоса, если бы неожиданно развалилось уже сложившееся мнение, что за бомбу на рынке ответственны сербы». Манипулируя СМИ, лорд Оуэн сам сделал все возможное, чтобы «подвергнуть ООН в Нью-Йорк давлению со стороны печати и утвердить факты» (295, с.291 — 292). Но, оказавшись, многие знали, что взрыв был произведен мусульманами, что от их пуль гибли миротворцы, хотя часто это приписывалось сербам. Э.Баладюк, Ф.Леотар, А.Жюне, а также ряд французских генералов знали, вспоминал Жан Даниель, что многие французы из рядов СООНО пострадали от мусульманских снайперов, «и даже граната, которая вызвала кровопролитие на центральном рынке, также была мусульманской...». Ж.Даниель ужаснулся тому, что мусульмане совершили над своим народом! «Да, — ответил премьер-министр не задумываясь, — но это позволило НАТО выйти из своей скорлупы» (298, с.15).

Представитель США в ООН Мадлен Олбрайт заявила тогда: «Трудно поверить, чтобы какое-либо правительство смогло сделать подобное своему народу. Хотя мы точно не знаем всех фактов, но представляется все же, что боснийские сербы несут самую большую ответственность за это» (171). Уже позже, в июле 1996 г. Ясуини Акаши открыто признал в интервью немецкому информационному агентству, что существовало тайное сообщение ООН, в котором четко определялось, что за взрыв

на рынке несут ответственность мусульмане. При этом он добавил, что «существование тайного сообщения никогда и не было тайной» и многие журналисты располагали копиями его текста. Между тем, именно официальное осуждение сербов за взрыв на рынке Маркале послужило причиной ультиматума НАТО сербам об отводе тяжелого вооружения от Сараева и последующих бомбовых ударов по сербским позициям. Однако ООН не несет ответственности за подобные «промахи» (171). Мировое сообщество требовало воздушных ударов, поэтому ООН не стала оглашать результаты расследования (167, с.21).

Итак, повод был найден, мировое общественное мнение подготовлено. Генеральный секретарь НАТО Манфред Вернер на заседании Совета НАТО 8 февраля сказал, что настал решающий момент для НАТО, что глаза всего мира смотрят на них, и единственный способ ответить на вызов — это действие, причем немедленное (295, с.292–293).

Конкретным результатом Маркале-94 был ультиматум НАТО, предъявленный сербам 11 февраля: вывести в течение десяти дней все тяжелое вооружение на 10 км от Сараева. В противном случае им грозили воздушные бомбардировки силами авиации НАТО. Следует напомнить, что, хотя об этом не говорилось, воздушные налеты НАТО на сербские позиции уже очень активно готовились. Специальный представитель ГС ООН Я.Акаши направил Б.Бутрос-Гали доклад, в котором рассматривалась инициатива Франции и Великобритании провести ограниченные военные операции в БиГ, чтобы снять блокаду Сараева, аэродрома в Тузле и освободить канадский контингент, окруженный в Сребренице (17). При этом Я.Акаши еще надеялся, что воздушные удары могут быть осуществлены только в качестве самообороны (19, с.2). 28 января 1994 г. Я.Акаши передал доклад Бутросу-Гали доклад о планах употребления авиации НАТО в районе Тузлы и Сребреницы, хотя и выразил большую заинтересованность по поводу идеи бомбардировки сербских позиций. На основе этого доклада Б.Бутрос-Гали послал письмо председателствующему в СБ (27, с.2). Б.Бутрос-Гали дал мандат Я.Акаши самому определять возможности употребления авиации НАТО ради близкой поддержки с воздуха войск около Сребреницы и Тузлы (28, с.1). Выступая открыто, он продолжал придерживаться мнения, что единственно возможным путем остается путь переговоров (12, с.3). По неофициальным же источникам, Б.Бутрос-Гали направил письмо ГС НАТО М.Вернеру, в котором требовал как можно скорее обеспечить согласие Совета НАТО на воздушные удары по артиллерийским позициям сербов вокруг Сараева, ответственных за нападения на мирные объекты (33, с.1). Основательность подготовки просматривается и в том, что ВС и СБСЕ в январе 1994 г. заставили подписать соседние с СРЮ страны так называемый «Меморандум доверия», в котором выражалась поддержка последовательному осуществлению санкций против Сербии и Черногории (28, с.3). Это было необходимо для того, чтобы избежать возможной помощи от соседней-славян или православных.

В итоговом коммюнике Совета НАТО содержалось требование «отвести или перегруппировать и поставить под контроль сил ООН тяжелое вооружение боснийских сербов (включая танки, орудия, ракетные установки), размещенные в радиусе 20 км от центра Сараева». В документе подчеркивалось, что, если через десять дней вооружение, «какой бы стороне оно ни принадлежало», будет по-прежнему находиться в указанной зоне, то эти позиции подвергнутся воздушным ударам НАТО (121). НАТО опиралась на только что согласованные позиции США и Франции. Белый дом

выразил готовность предоставить американскую авиацию для нанесения воздушных ударов. Не совсем ясной для У.Клинтонa была лишь позиция России. Из Москвы доходили слухи, что Россия выступит против воздушных ударов.

9 февраля президент США решил связаться с президентом России по телефону и согласовать позиции. Однако и в этот, и на следующий день телефон с Москвой молчал. В силу непонятных «технических причин» со стороны Москвы президентам удалось поговорить лишь 11 февраля (121). А в это время В.Чуркин мчался в Белград. По его словам, поздно вечером 12 февраля состоялась его встреча с С.Милошевичем, но ни у кого «на тот момент каких-то конкретных идей не было» (122,с.13). Он продолжил изучать обстановку, встретившись в Загребе с Я.Акаши, командующим силами ООН Ж.Ко, посетив Сараево. «У меня создалось ощущение, — писал он, — что в самом Сараево положение не столь уж безнадежно. Еще до объявленного ультиматума было достигнуто сербско-мусульманское перемирие, и оно соблюдалось. По условиям этого перемирия, сербы уже вели переговоры с ООН о передаче своего тяжелого вооружения под контроль миротворческих сил, именно в Сараево больше, чем где-либо, меня поразил резкий контраст между нормализующейся обстановкой в городе и занесенным «молотом» воздушных ударов» (122,с.13).

Сербы не собирались подчиняться ультиматуму. «Казалось, два поезда несутся на полной скорости навстречу друг другу» (122,с.1). Кризис вокруг Сараева грозил разрастаться в серьезнейший конфликт и столкновение сил НАТО и сербов, привести к дестабилизации всей международной обстановки, к колоссальному кровопролитию.

Тогда Москва выступила с инициативой. Впервые за все месяцы балканского кризиса президент России обратился с личным посланием Р.Караджичу (но через С.Милошевича) с просьбой отвести тяжелое вооружение от Сараева. В качестве гарантии того, что это оружие не будет повернуто против сербов, Россия обещала разместить российский миротворческий батальон в Сараево на границе между сербскими и мусульманскими силами. В ответ на российский давлении сербы решили вывести тяжелое вооружение из района Сараева (а боснийское правительство — нет), согласились открыть аэропорт в Сараеве и Тузле. Решающим аргументом, убедившим сербов пойти на уступки, стала готовность России контролировать тузлинский аэродром. А.Козырев пообещал, что сербские офицеры будут ежедневно наблюдать за доставляемыми грузами, а Россия со своей стороны «примет существенное участие в установленном международном контроле за невоенным использованием аэропорта». «Существенное участие» оговаривалось в составе 20 человек военных наблюдателей и гражданской полиции. Сербия согласилась. «Мы верим в беспристрастность русских. Их присутствие — гарантия того, что вместо продовольствия мусульмане не будут получать оружие», — заявлял Р.Караджич (338). Аэропорт открыли. Россия праздновала большую дипломатическую победу. Но ни одно из обещаний России выполнено не было. Русских, а тем более сербских наблюдателей на аэродроме никогда не было¹. Через аэродром шли военные грузы для мусульман. На горе «Игман» вместо «голубых касок» расположились мусульманские вооруженные. Тоннель под сараевским аэродромом мусульмане использовали как транспортную

¹ А.Козырев составил и подписал договор с сербами об открытии тузлинского аэродрома, оговаривая и гарантии. Но руководство СООНО, после того, как сербы отдали аэродром, отказались его выполнять, т.к. А.Козырев не был уполномочен это делать от имени СООНО.

артерию для военных и пивильных целей.

Одновременно Россия потребовала созвать заседание Совета Безопасности. Вашингтон, Париж и Лондон не согласились с мнением России, что для проведения воздушных операций в Боснии необходима специальная резолюция СБ. По их мнению, вполне достаточно предыдущих решений ООН, которые Россия, кстати, могла заблокировать, но не сделала это. Среди российских дипломатов наблюдалась некоторая растерянность: как не допустить в этой ситуации серьезного конфликта России с Западом? Печать пестрела разными догадками. Появилось даже сообщение, что постоянный представитель России в ООН Ю.Воронцов неожиданно заявил, что Москва не будет препятствовать попыткам натовской авиации снять осаду Сараева (119).

У сербов оставалось мало времени. Бомбардировка была назначена на час ночи 21 февраля, если не будут выполнены условия. На итальянские базы перебрасывались дополнительные самолеты, в Адриатическое море направились французские и британские авианосцы. Натовская армада включала в себя три авианосца, 150 боевых самолетов, восемь французских сверхсовременных бомбардировщиков «Мираж-2000», приспособленных для ночных бомбежек, 4000 человек (116). Готовилась самая большая военная операция за всю почти полувековую историю Североатлантического альянса. «Никогда еще военные не имели возможности так долго готовиться и отработывать все детали, — с удовлетворением констатировали натовские генералы, — в местности вокруг Сараева нам известна как собственный карман» (118, с.1).

Российские десантники, перебрасываемые в Сараево из Хорватии, торопились дойти до нового места службы до истечения срока ультиматума. Им предстояло сделать 400-километровый марш-бросок и прибыть в те районы Сараева, куда сербы отводили пушки и танки. Даже всегда сдержанные и антисербски настроенные московские «Известия» писали в те дни, что «картина встречи наших солдат местным сербским населением напоминала хронику времен второй мировой войны, когда красноармейцы возвращались в оставленные врагом города. Колонну бэтэров и грузовиков встречали песнями, хлебом, солью и самогоном» (115, с.1). Впервые сербы почувствовали, что им Россия готова помочь конкретными делами, что удастся избежать осложнения ситуации. Однако ситуация продолжала оставаться напряженной.

20 февраля Россия потребовала созыва Совета Безопасности на закрытые консультации, поскольку ожидала провокации и срыв всех договоренностей. Ведь сербы оставили оружие под контроль ООН, а ООН не могла их взять под контроль якобы из-за глубокого снега. Это могло стать приманкой и поводом для воздушных ударов. Россия еще раз напомнила Генеральному секретарю ООН, что «ключ» от воздушных ударов находится у него, а не у НАТО. В момент заседания пришло сообщение от Я.Акаши, что сербы выполнили все взятые на себя обязательства. Угроза бомбардировок отступила. Но с этого момента НАТО лишь ждала повода, чтобы осуществить задуманный план в БиГ.

Возможно, что такой повод еще не раз готовился мусульманами. Во всяком случае Р.Караджич сделал 21 февраля заявление, что, по данным разведки, мусульманская сторона готовит новую провокацию. Речь шла об инспектировке вооруженного нападения переодетых в сербскую униформу мусульманских солдат на группу «голубых касок», о ряде других террористических актов (113).

Передача сербского тяжелого вооружения под международный контроль позволила мусульманам вывести из Сараева 20 тыс. солдат и направить их на другие фрон-

ты, в частности в район Горажде. Мусульмане заняли и гору Белашницу, которую сербы отдали под контроль СООНО.

Через месяц после взрыва в Сараеве администрация президента Клинтона объявила о новой политике, цель которой — объединить мусульман и хорватов и повернуть их против сербов. Американцы перестали быть беспристрастными, и уже не скрывали это. Взрыв в Сараеве подготовил общественное мнение Запада к необходимости наказания сербов воздушными ударами натовской авиации. Клинтон заявил, что существует угроза национальным интересам США, что позволяло действовать активно и решительно. Госсекретарь США так сформулировал национальные интересы своей страны на Балканах: покончить с распространением насилия и вооруженных действий в этом районе Европы; утвердить доверие к НАТО как к серьезной миротворческой силе на континенте; избежать наплыва беженцев и изгнанников из БиГ; осуществить гуманитарную помощь страдающим людям в Боснии и Герцеговине (114, с.3).

С этого момента изменение миротворческой роли ООН и возвышение НАТО становятся реальностью.

9. Миротворчество ООН. Испытание Балканами

Организация Объединенных Наций имеет солидный опыт проведения миротворческих операций, она начала и развивала свою деятельность по поддержанию мира как одно из средств безопасности мира на планете. С 1948 г. в 27 операциях участвовало более 750 тыс. военнослужащих, полицейских, гражданских сотрудников в операциях по поддержанию мира — в Ливане, Конго, Йемене, Мозамбике и т.д. Операции по поддержанию мира учреждаются Советом Безопасности ООН с согласия стран, вовлеченных в конфликт. Войска ООН вооружены легким оружием, а военные наблюдатели не вооружены. Войска ООН могут применять силу в ограниченных масштабах и в исключительных случаях для самообороны. Так было до Югославии.

26 ноября 1991 г. правительство Югославии в письме на имя председателя Совета Безопасности обратилось с просьбой об учреждении в стране операции по поддержанию мира (333). Решение, как пишет Б.Йович, принималось достаточно узким кругом — Б.Йовичем, С.Милошевичем и Б.Костичем, не были поставлены в известность ни правительство, ни руководство армии, ни парламент (291, с.408). По мнению югославской ученой С.Аврамовой, такой просьбой Президиум отрекся от своей основной прерогативы — употребления собственных вооруженных сил — и доверил оборону государства иностранной военной силе (219, с.321). Резолюция 721 (27 ноября 1991 г.) уже обязала незамедлительно рассмотреть возможность учреждения операции Организации Объединенных Наций по поддержанию мира в Югославии, правда при условии соблюдения соглашения о прекращении огня от 23 ноября 1991 г., и одобрила контакты Генерального секретаря и его личного посланника с югославскими сторонами, с тем чтобы Генеральный секретарь смог в ближайшее время представить Совету Безопасности рекомендации, в том числе относительно возможного учреждения операции ООН по поддержанию мира в Югославии. Резолюция 727 от 8 января 1992 г. ООН направила в Югославию группу офицеров связи численностью до 50 человек в целях содействия поддержанию прекращения огня. Машина ООН начала разрабатывать концепцию операции в Югославии.

В декабре 1991 г. Сайрус Вэнс разработал специальный план миротворческих операций ООН в Югославии, который включал в себя наиболее общие принципы использования голубых касок на территории Хорватии для обеспечения защиты местного населения от угрозы вооруженного нападения. Для этого в Хорватии Сайрус Вэнс предлагал определить «районы, охраняемые ООН» (РОООН), которые будут демилитаризованы и в которых населению будет обеспечена защита от угрозы вооруженного нападения. Прежде всего, это должны быть территории с большинством сербского населения, где шли ожесточенные бои. Сайрус Вэнс определил три таких района — Восточную Славонию, Западную Славонию и Краину. Миротворческая операция должна была иметь временный мандат только для того, чтобы создать «условия для мира и обеспечить безопасность, необходимую для переговоров о всеохватывающем решении югославского кризиса» (332). С планом должны согласиться все субъекты конфликта и обеспечить миротворцам необходимую помощь. Страны — члены ООН добровольно посылают в Югославию своих представителей. Верховное командование осуществляет Генеральный секретарь ООН, а не правительства соответствующих стран. В Югославии миротворческой операцией должно руководить гражданское лицо, непосредственно ответственное перед Генеральным секретарем ООН.

Этот план был одобрен ООН, принят 31 декабря 1991 г. Президиумом СФРЮ. В специальном заявлении С.Милошевича подчеркивалось, что в результате реализации мирного плана ООН будет обеспечена «полная защита территории Сербской Краины... В Сербской Краине граждане смогут почувствовать себя в безопасности и свободно решать свою будущую судьбу» (213). В Югославию направилась группа военных и гражданских лиц для подготовки прихода «голубых касок». Б.Бутрос-Гали начал готовить миротворческую миссию, названную «Силы ООН по охране» (UNPROFOR¹ или по-русски СООНО), что было закреплено Резолюциями 743 от 21 февраля 1992 г. и 749 от 7 апреля 1992 г. (161, с.25). Первый мандат был выдан миссии сроком на 12 месяцев. В докладе Генерального секретаря подчеркивалось, что в Хорватии произошло разделение функций между ООН и ЕС. Европейское сообщество продолжало выполнять функции по установлению мира в Югославии в целом, в то время как ООН получила мандат на поддержание мира только в Хорватии (222). Все последующие резолюции СБ расширяли и уточняли полномочия и функции «голубых касок».

В конце января — начале февраля 1992 г. Президиум СФРЮ одобрил мирный план Сайруса Вэнса о направлении в Хорватию миротворческих сил. С.Милошевич сумел добиться также поддержки плана ООН со стороны сербов РСК. Препятствий приходу «голубых касок» не было. Размещение сил СООНО в Хорватии началось в апреле 1992 г. Резолюция 749 предписывала «санкционировать полное развертывание СООНО в кратчайшие возможные сроки» (111). Первым представителем ГС в Югославии был назначен Сайрус Вэнс. По состоянию на 24 апреля 1992 г. численность СООНО составляла 8332 человека, в том числе 7975 военнослужащих. Штаб первоначально находился в Сараеве, венный персонал которого составлял 350 человек (223, с.1). Тогда еще город рассматривался в качестве нейтрального места, не затронутого войной. Существовала также надежда на то, что присутствие СООНО в Боснии и Герцеговине окажется стабилизирующим фактором в условиях роста

¹ United Nations Protection Force.

напряженности в стране. В связи с началом военных действий в БиГ, в связи с тем, что въезд и выезд из города были затруднены, что не функционировал регулярно аэропорт, что перестрелки подвергали опасности персонал СООНО, штаб-квартира Сил была переведена сначала в Белград, а затем в Загреб.

Миротворческую операцию в Хорватии и БиГ осуществляли представители 36 стран, люди говорили на 19 языках (25, с.3).

Первоначально планировалось, что «голубые каски» составят около 10 тыс. человек, но их численность постоянно росла. В 1995 г. она составила около 42 тыс. человек (112, с.47). Силы ООН были расквартированы в Хорватии, позже — в Боснии и Герцеговине, Македонии, а также часть администрации и военных находились в Белграде (68 человек).

Силы миротворцев состояли из следующих подразделений (109; 112, с.47):

1. Военные (38 305 в сентябре 1994 г., 38 599 в 1995 г.)
 - а) пехотные войска (соответственно 37 676 и 37 915), которые планировалось использовать для патрулирования во всех секторах, обеспечения контрольно-пропускных пунктов и пунктов наблюдения, а также связи со сторонами конфликта;
 - б) военные наблюдатели (629 и 684), в задачу которых входило осуществление патрульных выходов в районы «с целью способствовать ослаблению напряженности, поддерживать связь со всеми сторонами, проводить расследования и оказывать добрые услуги в целях преодоления трудностей, осуществлять контроль за выводом Югославской народной армии из Хорватии» (223, с.2). Позже к этим задачам прибавился контроль за тяжелой техникой всех сторон конфликта в БиГ.
2. Гражданская полиция (643 и 803).
3. Гражданские службы (4051 в 1994 г., включая пункты 4 и 5).
4. Администрация.
5. Служба информации.

Кроме того, существовали и силы поддержки, которые занимались разминированием объектов и дорог, установлением связи, размещением персонала, его медицинским обслуживанием и т.д. Всего в 1994 г. на территории бывшей Югославии было размещено 43 тыс. «голубых касок», включая военный и гражданский персонал.

В течение 1992 г. мандат СООНО был расширен: в него были включены функции контроля в некоторых других районах Хорватии (розовых зонах), контроль за перемещением гражданских лиц в РОООН и осуществление таможенных функций на границах РОООН с другими государствами, а также контроль над демилитаризацией Превлакского полуострова и над Перуческой плотиной, расположенной в одной из «розовых зон». Кроме того, СООНО контролировали осуществление Соглашения о прекращении огня, подписанного правительством Хорватии и местными сербскими властями в марте 1994 г. вслед за вспышкой вооруженных столкновений в январе и сентябре 1993 г.

В июне 1992 г. по мере распространения конфликта на территорию Боснии и Герцеговины мандат СООНО и его полномочия были распространены на соседнюю республику, чтобы обеспечить безопасность и функционирование аэропорта Сараева, а также доставку гуманитарной помощи в этот город и близлежащие районы. В сентябре 1992 г. мандат СООНО был еще больше расширен — необходима была

**Расположение СООНО
на территории бывшей
Югославии, 1994 г.**

защита конвоев Международного комитета Красного Креста и помощь в доставке гуманитарных грузов в Боснию и Герцеговину. Кроме того, Силы контролировали зоны, свободные от полетов, запрещая все военные рейсы в Боснию и Герцеговину и «зоны безопасности» ООН, учрежденные Советом Безопасности вокруг пяти боснийских городов и Сараева. В декабре 1992 г. СООНО были развернуты в Македонию для контроля событий в приграничных районах. После принятия Резолюции 871 (октябрь 1993 г.), продлевающей мандат СООНО, военная структура СООНО подверглась реорганизации. В результате ее стали образовывать три подчиненных командования: СООНО (Хорватия) под командованием генерал-майора А.Тайеба (Иордания) со штабом в Загребе, СООНО (Босния и Герцеговина) под командованием генерал-лейтенанта Майкла Роуза (Великобритания) со штаб-квартирой в Киселяке и СООНО (Македония) под командованием бригадного генерала Трюгве Теллефсена (Норвегия) со штабом в Скопье. Эти трое командующих подчинялись коман-

дующему Силами, который наряду с гражданским и административным компонентами и компонентом материально-технического обеспечения действовал под общим руководством Специального представителя Генерального секретаря ООН (233, с.3).

31 марта 1995 г. Совет Безопасности принял Резолюции № 981 (по Хорватии), 982 (по Боснии) и 983 (по Македонии), которые продлевали мандат миротворческих сил на восемь месяцев и осуществляли реструктуризацию СООНО, заменив их тремя отдельными, но взаимосвязанными операциями по поддержанию мира. СБ продлил мандат СООНО в Боснии и Герцеговине, в Македонии СООНО переименовал в Силы превентивного развертывания ООН (СПРООН), в Хорватии учредил Операцию ООН по восстановлению доверия (ООНВД). Их общий штаб под названием «Штаб Миротворческих сил ООН» остался в Загребе. Каждая из трех операций возглавлялась гражданским главой миссии и имела своего военного командующего. Общее командование и контроль за тремя операциями осуществлялись Специальным представителем Генерального секретаря ООН (СПГС) и командующим военным контингентом театра военных действий (234, с.61).

Общая сумма расходов миротворческой операции на территории бывшей Югославии с 12 января 1992 г. по март 1996 г. составила 4 616 725 556 долл. США (234, с.62).

Войсковые подразделения свою миссию выполняли в униформе своей национальной армии, отличительным знаком был голубой берет или каска, а также нарукавная повязка с эмблемой ООН. Солдаты ООН, оснащенные только легким стрелковым оружием, открывать огонь имели право только в случае прямого нападения. Гражданские полицейские и военные наблюдатели оружия не имели.

Главный штаб СООНО находился в Загребе. В Боснии и Герцеговине операцией руководил штаб в Сараеве, который ежедневно информировал Загреб о ситуации на всей территории БиГ. В Загребе в штабе в сентябре 1994 г. работало около 1,5 тыс. человек (109). В Загреб стекалась информация со всех уголков Боснии, Македонии, Сербии и Хорватии. Все службы ежедневно готовили отчеты по своей линии, которые обобщались и систематизировались. Загреб в свою очередь постоянно информировал ООН в Нью-Йорке, готовил отчеты о положении в каждом подразделении и миссии в целом.

Я приехала работать в штаб СООНО в Загреб в апреле 1994 г. в качестве научного эксперта по Балканам. Штаб, размещенный в одном из бывших гарнизонов ЮНА, удивлял продуманностью своей организации, четкостью работы всех подсобных служб, богатством снабжения, роскошью питания. На небольшой территории было все, что нужно для нормальной работы и даже более того. В штабе был свой ресторан, где за 2 доллара ты мог вкушать яства в неограниченных количествах, магазины, химчистка. На этажах постоянно была питьевая вода, горячий кофе. Для нормальной работы в миссии сотруднику были необходимы три вещи: знание английского, владение компьютером и умение водить машину. Следует заметить, что никто, прислав так надолго на Балканы, не стремился выучить язык народов, живущих там. В офисе у нас не было недостатка в компьютерах, принтерах, оргтехнике, канцелярских товарах, мебели, холодильниках, телевизорах. Любые книги, кофировальные аппараты. В распоряжении сотрудников были машины, самолеты, вертолеты. Зарплаты у служащих СООНО были высокие. Жили все комфортно, снимали квартиры, ездили по близлежащим городкам в поисках экзотических ресторанов, отдыхали на море, приглашали к себе в гости семьи. В штабе часто устраивали вечеринки — по поводу назначения, дня рождения, отъезда, иногда просто без

повода. Наш ход, например, облюбовали натовцы, которые имели офис на нашем этаже. Раз в месяц они устраивали «пати» с вином и печеньем.

Русских офицеров в миссии было много, а вот гражданских лиц — крайне мало. В основном это были бывшие сотрудники международных организаций, которым не хотелось возвращаться в нищую Россию. Они искали любую возможность, чтобы не уезжать на родину. Многие из них даже порвали все связи с домом, продали квартиры, начали строить дома в США или Брюсселе. Но в миссии они считались русскими и заполняли так называемые национальные квоты. Ко мне как к русской отношение было достаточно настороженное. Я не скрывала своих убеждений, хорошо знала ситуацию на Балканах, и мы в нашей экспертной группе стремились быть объективными. Поэтому впоследствии также «настороженно» в штабе стали относиться и к другим сотрудникам группы, которые слаженно работали «с русской». Кроме написания аналитических материалов и прогнозов ситуаций мы должны были хорошо изучать положение в Югославии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии. Можно это было делать по газетам и другой официальной информации, но я использовала свое служебное положение, чтобы проехав всю Хорватию, Краину, Сербию и Черногорию, частично Боснию, чтобы на месте своими глазами увидеть, как развиваются события, поговорить с людьми, написать рассказы очевидцев.

Согласно официальным источникам СООНО, в сентябре–ноябре 1993 г. на территориях под мусульманским и хорватским контролем произошло 307 инцидентов с представителями миротворческих сил (из них в мусульманских районах — 214). К таким инцидентам относились вооруженные нападения, отнятие гуманитарной помощи, задержка или возвращение конвоя. В сербских районах было только 38 случаев, при том без вооруженных нападений или разворовывания гуманитарной помощи. Кроме того, отмечено 56 случаев на границах анклавов, когда невозможно было определить виновности (12, с.2).

За несколько лет деятельности «голубых касок» на Балканах сменилось несколько командующих миротворческими силами ООН. Причем любопытно, что почти все они отзывались со своих постов ранее положенного срока. И все они заканчивали свою деятельность, критикуя ООН. Приезжая в бывшую Югославию, многие функционеры международных организаций на месте видели совсем иную картину, нежели ту, которую им рисовали средства массовой информации. За короткое время они начинали понимать, что не так все однозначно, что не сербы являются исключительными виновниками конфликта, что не только политика мира и добра движет сильными мира сего, что понятие справедливости и равного отношения к сторонам конфликта — понятия далекие от политики ООН на Балканах. Кроме того, честные политики и военные были свидетелями необъективности руководства миротворческих операций, выразившейся в *фильтрации информации*, в подгонке фактов под заранее подготовленную схему виновности сербов. Поэтому некоторые уходили, не дослужив до срока окончания мандата, а другие облегчали совесть после окончания службы, издав книги своих воспоминаний.

Так, Я. Акаши, безусловно, был свидетелем многих подлогов и несоразностей. После ухода из миссии он открыто заявил, например, о виновности мусульман во взрыве на рынке Маркале в 1994 г. Увидели свет и воспоминания бельгийского офицера, полковника Яна Сегерса, члена наблюдательной миссии ООН в Сараеве, Би-Хаче и Западной Славонии. По мнению полковника Сегерса, к жертвам военной

драмы в бывшей Югославии нужно причислить и многих честных и независимых наблюдателей, которые должны были видеть, что происходит, присутствовать при подтасовках фактов и лицемерных заявлениях, сознавать свою беспомощность и невозможность сказать правду, чтобы сделать возможным хоть какой-нибудь сдвиг к лучшему. Он назвал несколько примеров такого обмана — поставки оружия для хорватов и мусульман, шпионаж в пользу Хорватии в загребской штаб-квартире, обвинения в этнических чистках сербов, когда они этого не совершали (108). А сколько случаев пока не всплыли. Я сама была свидетелем нескольких таких случаев подтасовки фактов в пользу мусульман. Военные наблюдатели в миссии на территории БИГ и Хорватии рассказывали, что «начальство» скрывало факты нарушения перемирия мусульманами, их провокационную минометную стрельбу по сербским позициям из зон под защитой СООНО. Подполковник М.М.Ермолаев вспоминает, что в ноябре 1994 г. был свидетелем того, как мусульмане стреляли из Тузлы, чтобы вызвать ответный огонь сербов. Бумаги об этом были направлены в штаб в Загреб.

Первым командующим силами СООНО в Югославии был индеец *Самуи Намбияр* (назначен в марте 1992). Молодой, энергичный, он был полон оптимизма разрешить кризис, но вскоре был отозван. Официальное объяснение — уход «по семейным причинам» — мало кого удовлетворило. Дэвид Оуэн вспоминает о нем как о хладнокровном и любезном человеке. Когда Дэвид Оуэн впервые прилетел в Загреб в сентябре 1992 г., его на аэродроме встречал генерал Намбияр, разгневанный недавним происшествием: 8 сентября войска А.Изетбеговича среди бела дня напали на безоружный гуманитарный конвой СООНО около сараевского аэродрома. В результате погибли двое французов, четверо были ранены, повреждены четыре машины. Намбияр был расстроен и не до конца мог понять, почему мусульмане нападают на «голубые каски», которые «присланы накормить и защитить их народ» (164, № 2345, с.50). И сам Д.Оуэн признается, что «до этого времени навню смотрел на боснийских мусульман как на пристойную, обиженную сторону» (164, № 2345, с.50). Уже тогда он пришел к выводу о том, что, возможно, мусульмане задумывали провокацию и стремились возложить ответственность за нападение на сербов, «чтобы представить их еще более плохими, чем о них писала мировая печать» (164, № 2345, с.50).

Намбияра сменил *Льюис Маккензи*, увенчанный успехом в ряде миротворческих операций в разных частях света, но пробыв на этой должности всего несколько месяцев — с апреля до августа 1992 г. Он приехал в Сараево научить сербов умному. Но уже вскоре в его рапортах появляется объективное описание событий в БИГ. Он стал свидетелем, как мусульмане зверски расправились с сотней молодых сербских солдат из бывшей ЮНА на улице Добровольцев в Сараеве, раскрыл провокационный характер взрыва на улице Васи Мискина, писал о нарушениях мусульманами демилитаризованных зон, выступал против применения силы в БИГ (166, с.11). Как вспоминал генерал, во время миссии в Сараеве его «высказывания часто не нравились ни Оттаве, ни Нью-Йорку» (306(8)). Его сразу же невзлюбили мусульмане. Они обвинили генерала в необъективности, а также в том, что он, якобы, насиловал мусульманских женщин, которых ему поставляли сербы, устраивал мусульманские погромы (306, (6,7)). После ссоры с Нью-Йоркской штаб-квартирой ООН генерал покинул Сараево, не скрывая своего гнева. Позже он описал виденное в БИГ в своей книге. В одном из своих интервью генерал вспоминал, что его отношения с мусульманским правительством были невыносимыми. Осуждалась

даже незначительная помощь сербам. При Л.Маккензи мусульмане даже прозвали «голубые каски» «Србпрофор» (217).

Недолгой была карьера командующего миротворческими силами ООН и шведского генерала *Ларса-Эрика Валгрена*, поскольку он позволил себе критические замечания в адрес ООН. Его слова о том, что это «империалистическая организация, которой злоупотребляет Запад», и о Югославии, как полигоне, на котором Европе навязывают определенные условия, сыграли свою роль в недолгой карьере этого генерала в БиГ (63, с.35).

Похожей была судьба и французского генерала *Жана Ко*. Бутрос Бутрос-Гали обратился к президенту Франции Ф.Миттерану и премьер-министру Эдуарду Баллалюру с требованием заменить генерала Жана Ко на посту командующего силами ООН в бывшей Югославии в связи с его недавними выступлениями против «двусмысленной политики ООН в бывшей Югославии» и требованиями передать ему право принимать решение о возможном нанесении бомбовых ударов по позициям боснийских сербов (13, с.2).

Следующим командующим был французский генерал *Филипп Морийон*, «генерал Смелость», как его называли в средствах массовой информации, которого также отозвали ранее срока истечения его мандата¹. В вину Морийону ставились его слишком «просербские» высказывания, а также слишком откровенные публичные выступления, идущие вразрез с традициями французской армии. Сараевские журналисты писали, что боснийцы рассердились на него, когда он после посещения Церской сказал, что не увидел в этом городе следов зверств четников (314, с.89). «Однако главная вина генерала, которая, судя по просачивающимся в печать сообщениям, состоит в том..., что благодаря своим действиям он лишней раз, вольно или невольно, продемонстрировал общественности бессилие Запада в бывшей Югославии или его нежелание предпринять решительные действия перед лицом непримиримой позиции, занимаемой сербами», — писали российские журналисты (168, с.16).

Следующий командующий бельгиец *Франсуа Брикмон* решил сам уйти в отставку, отслужив лишь половину положенного срока. В свое время назначение генерала Брикмона связывали с изменением политики ООН в Югославии — подразумевался переход от уговоров к военным действиям (47). Отставка была принята на редкость быстро — бельгийское правительство без задержек отозвало генерала из БиГ до истечения срока его мандата. Мусульманская сторона полагала, что это произошло после заявления Ф.Брикмона о том, что решение боснийского кризиса находится не в разделе БиГ (8, с.1). Французское «Фигаро» полагает, что генерала сместили из-за его критики ООН (9, с.4). Он во всеуслышание заявил о своем разочаровании ООН, добавив, что он больше не читает резолюций Совета Безопасности, так как они не имеют никакого значения. Ему же приписываются высказывания о необходимости попробовать понять менталитет боснийских сербов и о бессмысленности преждевременного международного признания Словении и Хорватии (63, с.35). Командующий миротворческими силами в БиГ генерал Ф.Брикмон в интервью «Рейтеру» говорил, что СБ ООН и ЕС не следует губить время на принятие резолюций о бывшей югославской республике БиГ, им лучше потрудиться послать достаточное число солдат по уже принятым резолюциям. «Существует фантастическое несоответствие между резолюциями СБ,

¹ Мандат генерала Морийона истекал в июне 1993 г., однако в мае он был отозван.

желанием эти резолюции осуществить и возможностью самих командиров на местах... Я больше не читаю эти резолюции, так как они мне вообще не помогают». В качестве примера он привел Резолюцию № 836 СБ, принятую в апреле 1993 г., которая касалась введения «зон безопасности» в Боснии — в Сребренице, Жепе, Горажде, Сараеве, Тузле и Бихаче. Необходимо было 7 тыс. солдат, а прислали только 2 тыс. Поэтому такие зоны не были созданы в Сараеве, Тузле и Бихаче. Он критиковал штаб СООНО, состав которого постоянно расширялся, но действовал менее эффективно, имевшую место многоязычность руководства, которая создавала проблемы в командовании и в осуществлении контроля. По его мнению, «должны существовать ясные политические цели и военная стратегия, которую должны поддержать все страны, участвующие в миротворческих силах» (6, с.1). А именно эти параметры в миссии ООН на территории Югославии отсутствовали.

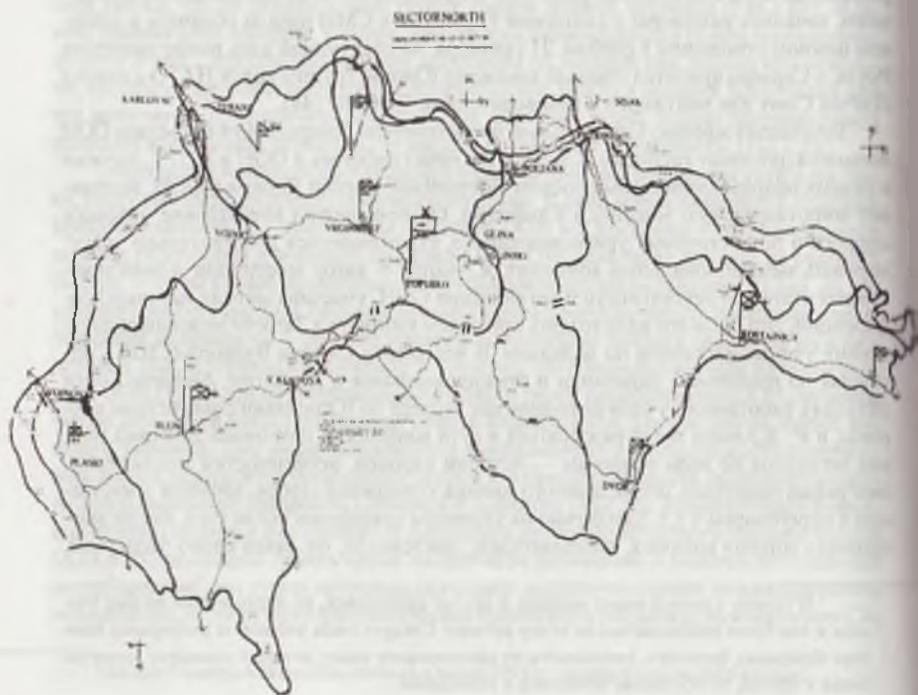
На место Ф.Брикмона назначен был британский генерал *Майкл Роуз*, 53 лет, который вступил в должность 24 января 1994 г. Мусульмане встречали его в Сараеве как освободителя. Его популярность невероятно возросла, когда в апреле он отдал приказ о бомбардировке сербских позиций около Горажде. Но, как вспоминал генерал *Д.Маккензи*, «когда в некоторых вопросах он пытался быть нейтральным и когда пытался принять решения, которые не нравились боснийскому правительству, все переменялось и мусульмане потребовали его замены» (166, с.12). В сентябре, после заявления Роуза о нарушениях мусульманами договора о прекращении огня в зоне разведения и угрозы военных ударов со стороны НАТО и по мусульманским позициям, начались разговоры о смещении Роуза. Его в СМИ начали обвинять в слишком нежном отношении к сербам. 21 сентября, на следующий день после заявления Роуза, в Сараево прилетел главный командир Южной группы войск НАТО адмирал *Лэйтон Смит* для разговоров с руководителями СООНО (44).

Возглавлял миссию Специальный представитель Генерального секретаря ООН японский дипломат господин *Я.Акаши*. Он начал работать в ООН в 1957 г., служил в разных подразделениях, был послом Постоянной миссии Японии в ООН, возглавлял миротворческую миссию в Камбодже. Он производил впечатление человека мудрого и по-восточному уравновешенного, стремившегося действительно урегулировать межнациональный конфликт. Я.Акаши — автор шести книг и многочисленных статей по деятельности и организации ООН, участник многих научных конференций. Это была его идея создать при своем кабинете в Загребе международную группу ученых-экспертов по Балканам. В нее вошли Сьюзен Вудворд (США), писавшая по проблемам экономики и стажировавшаяся в Хорватии, Андреас Курти (Италия), работавший у себя на родине как эксперт по Югославии с министром обороны, и я¹. Я.Акаши хотел разобраться в сути конфликта, постоянно требовал мнения экспертов по всем вопросам — истории народов, особенностям менталитета, биографии политиков, общественного мнения, отношения сербов, хорватов и мусульман к переговорам и т.д. Ежедневно на утреннем совещании после того, как он выслушивал мнения военных, наблюдателей, дипломатов, он давал слово экспертам.

¹ В группу в разное время входили и другие сотрудники, но никто из них не был ученым и тем более специалистом по этому региону. Следует лишь упомянуть американца Виктора Фридмана, филолога, специалиста по македонскому языку, который некоторое время работал в группе, но постоянно находился в Македонии.

которые оценивали ситуацию совсем по-другому, часто вступая в противоречие с позицией военных. Мы были свидетелями упорства и выдержанности Я.Акаши при ведении переговоров. Он выслушивал каждую сторону в отдельности, проверял все претензии, продумывал условия и снова шел на многочасовые переговоры. У меня создавалось впечатление, что Я.Акаши искренне верил в возможности миссии. Другое дело, что он очень зависел от Вашингтона и не был свободен в своих действиях. Он также подвергался нападкам, особенно со стороны США, если не выполнял их волю. Напомню, что летом 1994 г. Госпожа М.Олбрайт на весь мир выразила неудовольствие позицией Я.Акаши, подчеркнув, что он должен знать, кто ему платит деньги. Вашингтон в июне 1995 г. сердито реагировал на письмо Я.Акаши, направленное в Республику Сербскую, в котором обещал, что силы быстрого реагирования будут действовать только в соответствии с мандатом СООНО и их миротворческой миссией. Вашингтон в свою очередь настаивал на возможности использования СБР в защите зон безопасности, если имели место угрозы «голубым каскам» или конвоем с гуманитарной помощью. М.Олбрайт сказала, что письмо неприем-

**Размещение СООНО
в секторе «Север»,
1994 г.**

темо по времени, методу и содержанию. Представитель госдепа США Н. Бернс упрекнул Я.Акаши, что тот направил письмо, а не проконсультировался предварительно с СБ и США (53). По его мнению, это самое неуместное письмо, далеко отстоящее от американского понимания задач Сил быстрого реагирования. Он подчеркнул, что американская администрация не согласна с частью содержания письма и способом, которым это было сделано. Бернс особо был возмущен, что они с большим трудом смогли добыть текст письма (55).

Мусульманское правительство в свою очередь также часто пыталось оказывать давление на представителей международных организаций в Боснии и Герцеговине. Так, нежелание Я.Акаши применить силу для открытия контролируемых сербами дорог, а также переговоры Б.Жанвье с Р.Младичем стали причиной того, что министр мусульманского правительства по связям с СООНО Х.Муратович заявил, что его правительство не будет больше разговаривать с Я.Акаши. «Он для нас мертв», — заключил он (56, с. 1).

Наказывались увольнением не только высшие руководители, но и сомневающиеся офицеры более низкого звена. Французский генерал Башле, командующий сектором «Сарасво» в 1995 г., умнейший военный, профессионал, прекрасный человек, по свидетельству тех, кто с ним работал, был с позором выгнан из СООНО и депортирован на родину после того как на одном из обедов, в частной беседе высказал сомнение в том, что тенденциозность освещения событий идет на пользу его стране и авторитету ООН (235).

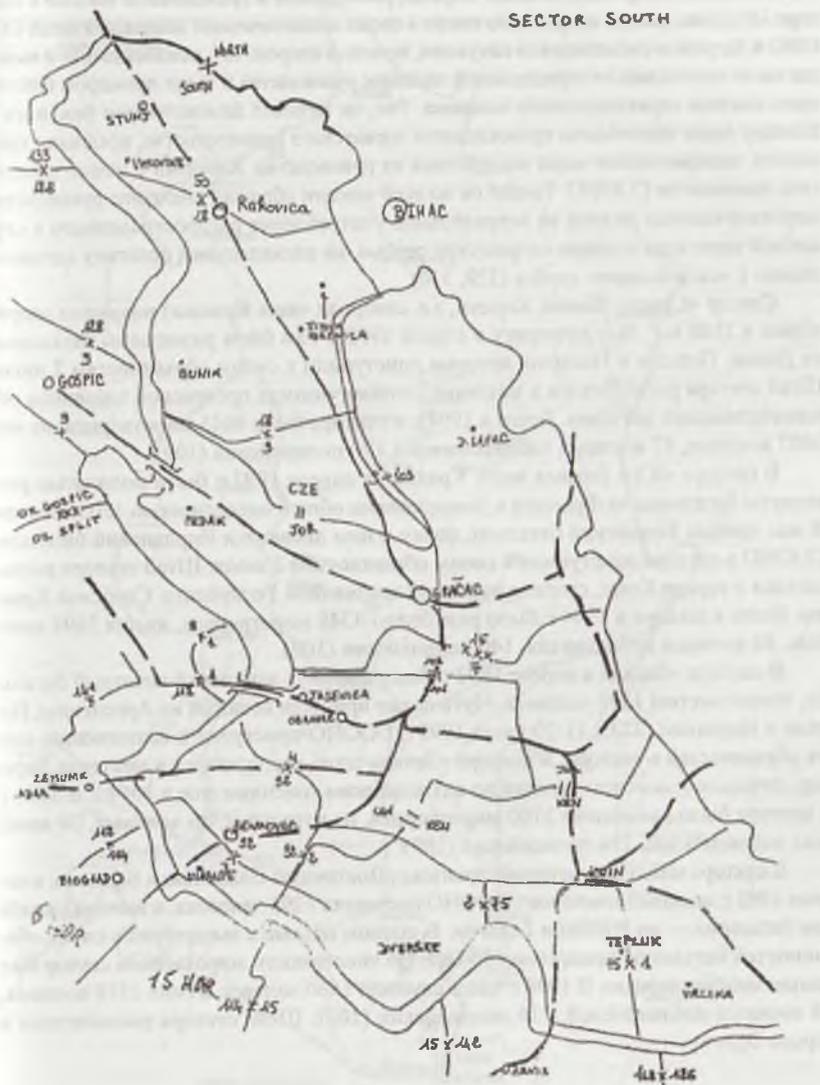
Миссия СООНО в Хорватии. Приход «голубых касок» во многом завершил долгий и мучительный процесс военного противостояния, политического бескомпромиссного противостояния. Однако долгожданный мир оставил для сербов открытыми целый ряд вопросов, среди которых — определение границ между РСК, Сербией и Хорватией, перспективный статус сербских областей, присутствие хорватской администрации на территории под защитой международных сил. Но в центре стояла проблема взаимоотношения РСК с Хорватией. Хорватия считала эти территории своими и обязалась перед мировым сообществом предоставить жителям этих территорий определенные права. Сербия, проявив гибкость, считала, что в условиях войны этот вопрос решить не удастся и необходим мораторий и на эти земли, и на эти проблемы. Сербия полностью согласилась с предложением Сайруса Вэнса о специальном статусе Краины как переходном решении, о необходимости политического диалога представителей Хорватии и РСК. Народ Краины, провозгласив 19 декабря 1991 г. Республику Сербскую Краину, рассчитывал приобрести международное признание, независимость и право самим определять, в каком государстве жить. Скупщина Краины приняла постановление, согласно которому на территории РСК будет действовать Конституция Югославии, что должно было обеспечить функционирование правовой системы в Краине. Впоследствии путем мирных переговоров республика надеялась войти в состав Югославии. Председатель республики Горан Хаджич считал, что никогда больше в РСК не будет развиваться хорватский флаг: «Так решил этот народ и так будет». Как один из возможных в республике обсуждался вариант создания в Хорватии двух республик — хорватской и сербской.

Функции СООНО в Хорватии определялись резолюциями СБ ООН. Мандат Организации Объединенных Наций в Хорватии основывается, главным образом, на

следующих резолюциях Совета Безопасности: Резолюции 743 (1992) от 21 февраля 1992 г. об учреждении СООНО в соответствии с планом по поддержанию мира (S/23280), приложение III), касающимся районов, охраняемых Организацией Объединенных Наций в Хорватии (РОООН); Резолюции 762 (1992) от 30 июня 1992 г. об учреждении совместной комиссии для надзора за процессом постепенного возвращения «розовых зон» под контроль хорватских властей; Резолюции 769 (1992) от 7 августа 1992 г., предусматривающей установление СООНО пограничного контроля в международных пунктах пересечения границы в направлении РОООН; Резолюции 779 (1992) от 6 октября 1992 г., в которой речь идет о Превлакском полуострове и одобрено взятие СООНО под контроль плотины Перуча; Резолюции 802 (1993) от 25 января 1993 г., содержащей призыв к прекращению огня и другие меры в связи с хорватским вооруженным нападением 22 января 1993 г.; Резолюции 807 (1993) от 19 февраля 1993 г., предусматривающей дополнительные меры в связи с событиями 22 января и после них и продление мандата СООНО до 31 марта 1993 г.; Резолюции 815 (1993) от 30 марта 1993 г., в соответствии с которой мандат СООНО был продлен еще на один временный срок до 30 июня 1993 г. Генеральный секретарь регулярно представлял Совету доклады о прогрессе, достигнутом СООНО в отношении этих основных резолюций. Миссия была создана в качестве промежуточного механизма для создания в Хорватии условий мира и безопасности, необходимых для проведения переговоров по всеобъемлющему урегулированию югославского кризиса. В плане по поддержанию мира в Хорватии предусматривались вывод войск Югославской народной армии и демилитаризация РОООН, возвращение беженцев, восстановление полицейских сил и рассматривались смежные вопросы, касающиеся планируемого процесса нормализации.

Три обозначенные в плане С.Ванса района, охраняемые ООН, были разделены на четыре сектора: «Север», «Юг», «Востоку», «Запад». Всего в Хорватии было размещено около 15 тыс. миротворцев. Миротворцы, приезжавшие в Хорватию со всего земного шара, слабо ориентировались в политической ситуации. Для руководящего состава СООНО существовала краткая история изложения событий: после многопартийных выборов в 1990 г. в Хорватии было сформировано демократическое правительство и создана Республика Хорватия. Хорватия и Словения провозгласили независимость от СФРЮ. Сербия, руководимые белградским правительством, решили использовать армию для сохранения единства страны. Напряжение между хорватами и сербами было особенно сильным в 1990 и 1991 гг. В результате наступления на Хорватию сербских военных сил Хорватия не смогла удержать контроль над рядом районов (267). Такое незамысловатое изложение событий удовлетворяло большинство приезжавших в Загреб миротворцев. За все время существования Аналитической исследовательской группы при кабинете Личного представителя Генерального секретаря ООН в Югославии господина Ясуши Акаши, в которой я работала с апреля по октябрь 1994 г., только один человек обратился к нам с просьбой дать литературу и разъяснить политическую ситуацию в Хорватии и БНГ. Им был офицер... из Африки. Неинформированность и нежелание разбираться в ситуации большинства рядовых сотрудников миссии позволяли руководству СООНО сохранять видимое единство и держать ситуацию под политическим контролем. Следует, однако, заметить, что среди миротворцев были и те, кто хорошо владел ситуацией, даже знал неплохо язык. Среди них

Размещение СООНО
в центре «Юг»,
1994 г.

многие во времена расцвета движения неприсоединения учились в Югославии. Мне приходилось разговаривать с такими людьми. Они очень близко к сердцу принимали все, что происходило в Хорватии и БНГ. Ведь они помнили страну и отношения в ней другими. Среди служащих миссии также можно было встретить честных людей, кто возмущался необъективностью подхода руководства к сторонам конфликта, к освещению событий. Например, Филлип Корвин, работавший в гражданской миссии в секторе «Востоку», всегда откровенно писал в своих аналитических записках в штаб СООНО в Загребе о сложившейся ситуации, позиции сторон. Его рекомендации и выводы часто отличались от официальной позиции руководства и были примером блестящего анализа неравнодушного человека. Так, он называл демонстрацию беженцев и блокаду дорог циничными провокациями хорватского правительства, предлагал применить экономические меры воздействия на руководство Хорватии с целью прекратить давление на СООНО. Только он во всей миссии обращал внимание руководства миротворческими силами на неправильное употребление распространенного в служебной переписке термина «хорватские сербы», на сложившуюся практику «демонизации» и «сатанизации» сербов (329; 330).

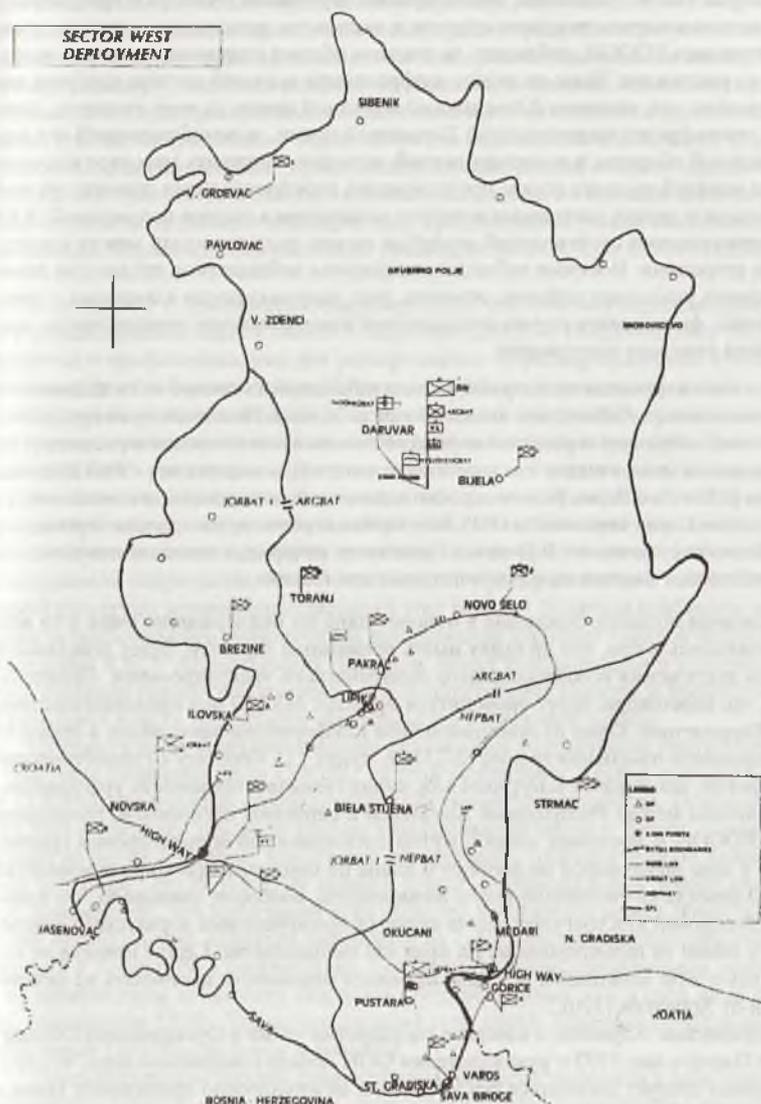
Сектор «Север» (Банья, Кордун, т.е. северная часть Краины) покрывал территорию в 2100 км², был развернут в апреле 1992 г. Там были размещены батальоны из Дании, Польши и Нигерии, которые приступили к своим обязанностям 2 июля. Штаб сектора располагался в местечке Топуско, некогда прекрасной здравнице общегославского значения. Всего в 1994 г. в секторе было 4045 миротворцев, из них 3607 военных, 67 военных наблюдателей и 170 полицейских (109).

В секторе «Юг» (южная часть Краины) в апреле 1992 г. были полностью развернуты батальоны из Франции и Чехословакии общей численностью 1505 человек. В мае прибыл Кенийский батальон, позже к ним добавился Иорданский батальон. СООНО в секторе приступили к своим обязанностям 2 июля. Штаб сектора располагался в городе Книн, столице никем не признанной Республики Сербской Краины. Всего в секторе в 1994 г. было размещено 4348 миротворцев, из них 3898 военных, 84 военных наблюдателя, 140 полицейских (109).

В секторе «Запад» в апреле 1992 г. был развернут канадский пехотный батальон, численностью 1373 человека. Чуть позже прибыли военные из Аргентины, Непала и Иордании (223, с. 1). 20 июня 1992 г. СООНО приступил к выполнению своих обязанностей в секторе. В секторе «Запад» штаб располагался в местечке Дарувар, печально известном городке по антисербским гонениям еще в 1991 г. В 1994 г. в секторе было размещено 3100 миротворцев, из которых 2786 военных, 30 военных наблюдателей, 198 полицейских (109).

В секторе «Восток», который охватывал Восточную Славонию и Баранью, в апреле 1992 г. военный компонент СООНО составлял 1293 человека, и включал в себя два батальона — из России и Бельгии. В полном объеме к выполнению своих обязанностей батальоны приступили 15 мая. По численности миротворцев сектор был самым малочисленным. В 1994 г. здесь служило 1860 человек, из них 1518 военных, 28 военных наблюдателей, 136 полицейских (109). Штаб сектора располагался в городе Эрдут.

Расположение СООНО
в секторе «Запад»,
1994 г.

Летом 1992 г. перед секторами СООНО в Хорватии стояли следующие конкретные задачи: разъединить хорватскую и сербскую стороны силами «голубых касок», поставленных по линии разграничения, установить и поставить под свой контроль все пропускные пункты на главных дорогах, ведущих в РОООН, не допускать проникновения военных формирований через эти пропускные пункты, а также жителей, которые там не проживают, ликвидировать нарушения договора о прекращении огня с использованием тяжелого оружия, в частности, артиллерии и танков, демилитаризировать РОООН, наблюдать за отводом обеими сторонами тяжелого вооружения на расстояние 30 км от линии конфронтации и сдачи его под контроль миротворческих сил, выводом Югославской народной армии из всех секторов, отводом от линии фронта подразделений Хорватской армии, за демобилизацией сил территориальной обороны и военизированной милиции, пресекать массовое изгнание мирных жителей из своих домов, предотвращать переброски через границу оружия, боеприпасов и других материалов военного назначения в секторе под охраной ООН. При возникновении столкновений «голубые каски» должны встать между враждующими сторонами. Военные наблюдатели должны наблюдать за процессом демилитаризации указанных районов, отмечать рост напряженности в соседних с зонами районах, фиксировать случаи столкновений или проявления враждебности, концентрации тяжелого вооружения.

Один из руководителей службы военных наблюдателей в секторе «Юг» М.Ермолаев вспоминал: «Рабочий день длился с 7 утра до 24 часов. По очереди несли круглосуточное наблюдение за развитием военной обстановки в зоне ответственности, патрулировали на земле, в воздухе и на море. Ежедневно доклады направлялись в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке. Ведь не случайно военных наблюдателей называют «глазами и ушами» Совета Безопасности ООН. Если хорошо служить, то через каждые полгода тебя ожидало повышение. В Боснию и Герцеговину, например, я приехал военным наблюдателем, а закончил службу заместителем главы миссии».

Основная посылка, лежавшая в основе плана по поддержанию мира в то время, заключалась в том, что он будет иметь временный характер, будет действовать лишь до достижения всеобъемлющего политического урегулирования. Предполагалось, что переговоры будут проводиться в рамках МКБЮ под председательством лорда Каррингтона. Один из принципов этой Конференции заключался в отказе от одностороннего изменения границ (S/23169, пункт 21). Поэтому с гипотетической точки зрения, как полагал Б.Бутрос-Гали, существовала возможность урегулирования проблемы между Республикой Хорватией и сербским населением, проживающим в РОООН и «розовых зонах», путем согласованной корректировки границ. Однако в ходе переговоров по вопросу о плане по поддержанию мира руководство СООНО никогда не упоминало такую возможность, наоборот, указывало, что единственной основой для урегулирования является признание ими хорватского суверенитета в обмен на гарантирование их прав как меньшинства. Сербь никогда не соглашались с этой позицией и не скрывали своей решимости настаивать на независимости от Хорватии (320).

С принятием Хорватии в качестве государства-члена в Организацию Объединенных Наций в мае 1992 г. руководителям ООН «стало совершенно ясно, что урегулирования следует добиваться без изменения международно признанных границ

ного государства». Это было четко подчеркнуто, когда Совет Безопасности в пункте 5 Резолюции 815 (1993) постановил, что он поддерживает «Сопредседателей Координационного комитета Международной конференции по бывшей Югославии в их усилиях по содействию определению будущего статуса тех территорий, входящих в районы, охраняемые Организацией Объединенных Наций (ООН), которые являются составной частью территории Республики Хорватии...» (320). После принятия этой резолюции, которая, по мнению сербов, предreshала результат политических переговоров, сербские власти стали еще больше противиться какому бы то ни было диалогу. Совет Безопасности официально разъяснил, что международное сообщество не будет рассматривать притязания местных сербских властей на признание в качестве суверенного образования так называемой «Республики Сербская Краина». Стремление сербов к суверенитету в значительной степени определило их отношение к присутствию СООНО и положениям плана по поддержанию мира. Их отказ осуществить демилитаризацию был продиктован страхом насильственного аннексирования Хорватией. Это понимали руководители ООН, и СООНО (320).

В июле 1992 г. Генеральный секретарь ООН уже отмечал определенные успехи в осуществлении задач СООНО в Хорватии (228, с.9). Потребовались упорство, мужество и профессионализм для развертывания миротворческих сил в условиях продолжающихся боевых действий, для создания зоны разведения среди минных полей, для построения наблюдательных контрольно-пропускных пунктов на условной границе при полном отсутствии соответствующей инфраструктуры. Постепенно задачи СООНО расширялись. Дополнительные задачи заключались в следующем: осуществление контроля за немедленным выводом из «розовых зон» Хорватской армии, сербских сил территориальной обороны и любых нерегулярных формирований, осуществление надзора за восстановлением власти хорватской полиции и созданием подразделений местной полиции пропорционально той демографической структуре, которая существовала в этих районах до начала конфликта, наблюдение за поддержанием правопорядка, продолжение хранения тяжелой техники подразделений ЮНА, развертывание сил вдоль линии конфронтации и в «розовых зонах», создание совместной комиссии для осуществления надзора за процессом восстановления власти хорватского правительства в «розовых зонах».

Осуществление задач миротворцев столкнулось с серьезными противоречиями в трактовке сторонами роли СООНО на этой территории. Сербь, используя защиту СООНО, продолжали строительство собственного государства. Подразделения СООНО в секторах помогали сербам в налаживании мирной жизни — раздавали бензин во время посевной, помогали с лекарствами, сотрудничали по хозяйственным вопросам. Это не могло не вызвать тревогу у официальных хорватских властей, понимавших, что интеграция этих областей в Хорватию может затянуться. Поэтому правительство Хорватии настаивало на скорейшем воссоединении этих территорий с Хорватией в соответствии с ее международно признанными границами и на возвращении хорватских беженцев и перемещенных лиц в свои дома в районы, охраняемые ООН. Для осуществления этих целей Хорватия использовала все возможные способы, включая и военные.

Дипломатические методы правительства Хорватии включали в себя письма Генеральному секретарю, заявления и обращения в Совет Безопасности с просьбой из-

менить содержание мандата СООНО. В 1993 и 1994 гг. Хорватия пыталась активно повлиять на решение вопроса, поднимая в средствах массовой информации кампанию против продления мандата «голубым каскам». В Загребе штабу миротворцев никогда не давали забыть о тяжелой судьбе Хорватии, о «сербском агрессоре», об обездоленных беженцах. Вокруг штаба выросла «стена жалости» из кирпичей, на каждом из которых было написано имя погибшего или пропавшего на войне хорвата. На ней и около нее постоянно горели скорбные свечи. Около ворот штаба часто митинговали женщины в черном. Особенно активными (с помощью правительства) были беженцы. Они проводили многочисленные пикеты, устраивали многодневные блокады на дорогах, ведущих в сектора, постоянно обращались с петициями к руководству СООНО.

Используя мирное время для наращивания вооруженных сил, Хорватия не только угрожала вооруженным вторжением на территорию, охраняемую ООН, но и осуществляла свои угрозы. В январе 1993 г. Хорватия напала на территорию РСХ в районе моста у Масленицы. Хорватское наступление сопровождалось массированным использованием артиллерийского огня и привело к большим разрушениям и гибели местных жителей. Были потери и среди миротворцев — двое военнослужащих погибли, четверо получили ранения. Б.Бутрос-Гали в своем докладе отмечал, что «первоначальный успех СООНО по размещению тяжелого оружия сербских сил территориальной обороны в хранилищах с системой «двойного замка» был сведен на нет после наступления хорватской армии 22 января 1993 г. в южном секторе и прилегающих «розовых зонах» (331). Неспособность СООНО защитить местное сербское население от такого нападения привела к тому, что сербские силы территориальной обороны взломали ряд хранилищ и изъяли из них свое оружие, включая тяжелое, в целях самообороны. Совет Безопасности 25 января в Резолюции 802 осудил действия хорватских вооруженных сил, но наступление хорватских войск продолжалось: они заняли район Масленицы, аэродром Земуник, а 29 января заняли Перучскую плотину. Перестрелки наблюдались и в других городах — Госпиче, Бенковаце, Оброваце и др. Эти события показали, что «голубые каски» не способны были выполнить функцию разделения враждующих сторон и пресградить путь наступлению хорватских войск. Они просто расступались перед надвигающейся армией. Они не только не могли защитить сербское население, но и сами оказались беззащитными.

Следующей серьезной пробой хорватских сил и надежности концепции «голубых касок» было наступление Хорватии в сентябре того же года в районе анклав Медак. Специальные подразделения хорватской полиции вторглись на охраняемую миротворцами сербскую территорию и захватили три сербские деревни. Как вспоминал М.М.Ермолаев, военнослужащим канадского и французского батальонов СООНО была поставлена задача восстановить контроль над ситуацией в этом районе и предотвратить возможные «этнические чистки» в сербских деревнях. Но хорваты встретили миротворцев огнем. Завязался настоящий бой, который продолжался почти 24 часа. И миротворцы, и хорваты имели потери убитыми и ранеными. По оценкам канадских военных, эта операция была крупнейшей битвой Канадской армии за всю послевоенную историю Канады. Когда же подразделениям СООНО удалось прорваться в сербские районы, то они стали свидетелями массовых убийств мирного населения. Информация о зверствах хорватов, которую собрали военные и отправили в штаб СООНО и ООН, была утаена от мировой общественности.

Последующие решения Совета Безопасности изменили политический контекст мандата СООНО в Хорватии, хотя основной мандат сам по себе остался без изменений. Первый раз мандат был расширен в Резолюции 762 (30 июня 1992 г.), в соответствии с которым на Силы была также возложена задача осуществления контроля за восстановлением власти хорватского правительства в районах с большинством сербского населения и контролируемых сербами, но не вошедших в РОООН (так называемые «розовые зоны»). В резолюции № 815, пункт 5 (30 марта 1993 г.), уже недвусмысленно говорилось о том, что территории, охраняемые ООН, «являются составной частью территории Республики Хорватии» (233, с.4). После принятия этой резолюции, которая, по мнению сербов, предвещала исход политических переговоров, сербские власти стали еще больше противиться какому бы то ни было диалогу.

Несмотря на предпринятые миротворцами энергичные меры по обеспечению вывода хорватских сил, недоверие сербов к СООНО еще больше усилилось, и они вновь заявили о своем отказе разоружаться. В свою очередь этот отказ разоружаться, как того требовал план Организации Объединенных Наций по поддержанию мира, не позволял СООНО выполнять другие основные элементы этого плана, в частности «содействовать возвращению домой в безопасных условиях беженцев и перемещенных лиц» (233, с.4). Когда представители ООН спрашивали Ф.Туджмана о выполнении соглашения по отводу войск из района Масленицы, он уходил от ответа в сторону и обвинял в невыполнении соглашений сербов (236, с.3).

Впервые руководство сербов Краины и Хорватии село за стол переговоров 22 июня 1993 г. в Палате наций в Женеве в присутствии сопредседателей Женевской конференции по бывшей Югославии. По оценке лорда Оуэна, переговоры прошли в позитивной атмосфере, начат диалог. Было достигнуто даже соглашение создать рабочую группу для рассмотрения конкретных политических, экономических и военных вопросов (307). 15 июля был подписан так называемый Эрдутский договор об открытии понтонного моста в Масленице и выводе хорватских войск с территории РСК, занятых в результате январского наступления. Краина сдержала свое обещание не препятствовать строительству моста, но вывода хорватских войск не последовало.

В 1993 г. начали обсуждаться экономические вопросы, представляющие интерес для сербской и хорватской сторон, которые касались инфраструктуры, коммуникаций, энерго- и водоснабжения. Стороны пришли к выводу, что следует выработать договоренность об общих принципах использования энергосистем, особенно электростанции в Оброване, о введении в действие всей водной системы, восстановлении нефтепровода. Начались переговоры об открытии дорог в южном секторе удалось добиться небольших сдвигов в направлении сотрудничества по гуманитарным и экономическим вопросам.

В конце 1993 г. вновь осложнилась обстановка в Сербской Краине — Хорватия поставила условия Совету Безопасности: или помочь Хорватии установить власть на всей территории, или вывести «голубые каски», «которые служат щитом для сербского агрессора». Хорватское правительство все активнее предпринимало меры, призванные подчеркнуть свое намерение воссоединить охраняемые ООН зоны с Хорватией — открыло аэропорт в Земунике, Масленицкий мост, за которым не последовал отход армии на прежние позиции. Все это усиливало враждебность и недоверие сербского руководства к СООНО, чувство неуверенности в своей безопасности.

Соглашение о прекращении огня от 29 марта 1994 г., заключенное под эгидой МКБЮ при участии послов США и России в Загребе, положило конец активным боевым действиям между хорватскими правительственными силами и силами сербов Краины. Переговоры по вопросам экономического сотрудничества, длившиеся больше года, закончились подписанием 2 декабря Соглашения о водоснабжении, энергоснабжении, автомобильных дорогах и нефтепроводе (254).

Я.Акаши отмечал в октябре 1994 г., что Силы ООН по поддержанию мира пришли в Хорватию, чтобы оказать помощь ее правительству в реализации соглашения о прекращении огня, которое должно было положить конец жестокому конфликту, унесшему жизни тысяч людей. «Существовали надежды на то, что с подписанием этого соглашения скоро дело дойдет и до политического решения. Мало кто тогда — как в ООН, так и в Хорватии — мог предвидеть, что и за два с половиной года политическое решение достигнуто не будет, а СООНО все еще будет здесь» (265, с.4). Силы ООН с этого времени активно ориентировались на решение политических проблем.

Резолюция 947 от 30 сентября 1994 г. продлевала еще на шесть месяцев и расширяла мандат СООНО в Хорватии — под наблюдением Сил должно проходить восстановление власти в «розовых зонах», соблюдение договора о прекращении огня, добровольное возвращение беженцев. Однако эти процессы протекали вяло, сводились к созданию комиссий по обмену военнопленными, телами убитых, к разговорам по гуманитарным вопросам. Возвращения беженцев в этот период ожидать не приходилось. Наоборот, продолжались под эгидой голубых касок отъезд хорватского населения из РСК и сербского — из Хорватии в РСК.

Мини Контактная группа. Переговорный процесс между сербской и хорватской сторонами инициировало и возглавляло руководство СООНО. Результатом этой деятельности стало заключение 29 марта 1994 г. Соглашения о прекращении огня, которое должно было стать основой дальнейшего урегулирования ситуации в Хорватии. Этот договор определял порядок вывода войск и техники от линии разграничения за радиус досягаемости, возлагал на СООНО контроль за зоной разъединения и за организацией наблюдения за границей. Однако в середине сентября 1994 г. внимание СООНО, руководства Краины, общественности привлекла неожиданно появившаяся информация о создании «Мини Контактной группы» для глобального решения проблем Краины и интеграции сербских территорий в Хорватию. «Мини КГ» составляли послы США и России в Хорватии П.Гелбрайт и Л.Керстеджиянц, а также представители МКБЮ Каф Айди и Гирт Аренс, которые активно занялись подготовкой проекта договора между Хорватией и Краиной. Договор условно был назван «Загреб-4» или «З-4». Он готовился без консультаций с сербами, но, по мысли авторов, должен был удовлетворить все стороны. Фактически план отвергал женевское соглашение между Краиной и Хорватией от 16 июля 1993 г., согласно которому нормализация отношений включала три этапа — сначала в военной, затем в экономической, а уж потом в политической областях. Но ко времени создания проекта «З-4» экономическое соглашение выполнено не было. Хорватские власти ожидали не только конкретный план, но и помощь в его осуществлении. Руководство РСК сразу с подозрением и неприязнью отнеслось к деятельности группы, которая с самого начала носила печать таинственности.

У плана было несколько вариантов, но окончательный был представлен в январе 1995 г. под названием «Проект договора о Краине, Славонии, Южной Баранье и Западном Среме». Согласно этому плану, в районах секторов «Юг» и «Север» (Книн и Глина) была бы создана автономная область Сербская Краина с высокой степенью автономии (собственная валюта и двойное гражданство). Краина имела бы право на собственный герб и флаг, на употребление сербского языка и кириллицы. К сфере полномочий правительства Краины относились вопросы, связанные с функционированием системы образования, с культурой, благотворительной деятельностью, экономикой, распоряжением местными земельными угодьями, охраной и использованием природных ресурсов, с работой радио и телевидения, с социальной защитой, туризмом, с работой полиции. Предполагалось, что Краина будет иметь свою валюту, а избираемое правительство будет самостоятельно решать вопросы экономического развития. Судебная система в автономии была бы двухступенчатой. Участие в выборах обеспечило бы сербам незначительное представительство в обеих палатах хорватского парламента.

Западная и Восточная Славонии должны были бы интегрироваться в Хорватию и пятилетний период, а сербы получить права национальных меньшинств (266).

Сербы негативно отнеслись к предложенному плану из-за того, что часть территории становилась хорватской, что в нем не шла речь о возвращении сербских беженцев, что он носил ультимативный характер, а Хорватию не устраивали ни сроки интеграции, ни возможная федерализация страны. РСК требовала продолжения мандата СООНО в Хорватии, а Хорватия не желала его продлевать после марта 1995 г. На позицию сербов, видимо повлияла и позиция С.Милошевича, который не захотел принять членов «Мини КГ». Разработчики плана оказались в тупике.

Таким образом, в 1994 г. «голубые каски» смогли решить лишь военный аспект мирного соглашения — поддерживался режим прекращения огня, осуществлен отвод, правда, только сербской стороны, за установленные линии разъединения, а сербское тяжелое вооружение было складировано и находилось под контролем. Сама двухкилометровая зона разъединения находилась под полным контролем сил ООН.

31 марта 1995 г. по решению Совета Безопасности в рамках общей реформы структуры «голубых касок» на территории бывшей Югославии и создания трех взаимосвязанных операций по поддержанию мира СООНО в Хорватии были преобразованы в Операцию ООН по восстановлению доверия (ООНВД). Но восстановление доверия не получилось. Не дождавшись положительных для себя результатов деятельности миротворцев, Хорватия решила начать присоединение Западной Славонии и Книнской Краины силой в мае и августе 1995 г. Миссия оказалась не у дел.

В ноябре 1995 г. численный состав миссии включал в себя 6581 военнослужащего, 194 военных наблюдателей и 296 гражданских полицейских, которые были развернуты в контролируемой сербами Западной и Восточной Славонии, Книнской Краине (234,с.65). Наблюдатели были также размещены на Превлакском полуострове. Хотя перед ООНВД ставились задачи по наблюдению за осуществлением прежних резолюций и соглашений, но актуальны были новые задачи — помощь (доклады и наблюдения) в осуществлении контроля за пересечением международных границ между Хорватией, Боснией и Герцеговиной, а также между Хорватией и СРЮ; содействие доставке гуманитарной помощи в БиГ через Хорватию; конт-

роль за демилитаризацией Превлаки. Миротворцы должны были стать гарантом территориальной целостности Хорватии.

Деятельность СООНО в Хорватии в итоге не смогла выполнить свою основную задачу — обеспечить мирные переговоры и защитить сербское население от нападения Хорватской армии. Противоречие миротворческой концепции и непоследовательность ее осуществления, необъективность в подходе к разоружению сторон, контролю над вооружением, демилитаризации, изменению политического контекста статуса земель под управлением сербов не позволили «голубым каскам» справиться с поставленной задачей.

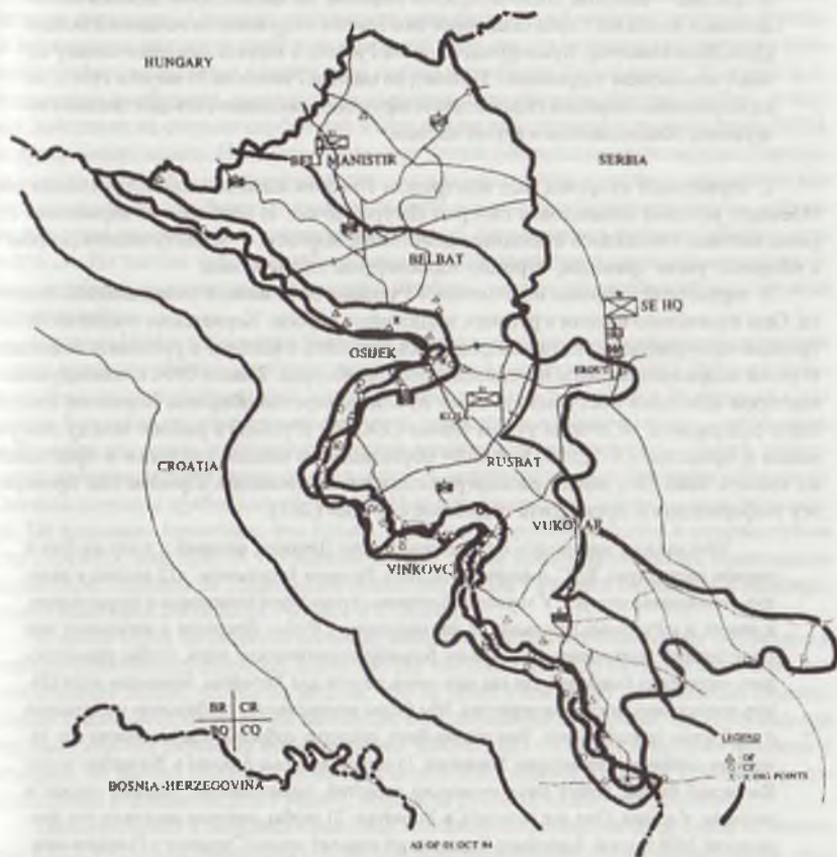
Видно, согласившись с действиями Хорватии, ООН уже 10 августа 1995 г. приняла решение вывести войска СООНО из Хорватии. Небольшое количество «голубых касок» осталось лишь в секторе «Восток». Интеграция Восточной Славонии предполагалось осуществить мирным путем. 12 ноября 1995 г. было подписано Основное соглашение о районе Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема. После создания временной администрации ООН на этой территории мандат ООНВД был прекращен.

Русский батальон. 14 января 1992 г. в Югославию прибыла передовая миссия офицеров связи, среди которых было четыре российских офицера. 6 марта 1992 г. Верховный Совет России принял решение о выделении в состав миротворческих сил ООН одного пехотного батальона.

В составе батальона, который формировался в Рязани на базе сил ВДВ, было пять рот. Из 900 добровольцев — 77 офицеров, около 100 прапорщиков, остальные — сержанты и солдаты срочной службы, имевшие не менее года армейского опыта. 17 апреля 1992 г. первые военнослужащие российского специального подразделения прибыли в Белград для несения службы в составе сил СООНО и были размещены в секторе «Восток». Русбат отличался высокой дисциплиной, огромной работоспособностью, первым вошел в зону своей ответственности, где была разрушена почти вся инфраструктура, первым развернул контрольные посты и установил линии разграничения между противоборствующими сторонами. В некоторых секторах этого не было сделано и до окончания миссии. В феврале 1994 г. во время так называемой сараевского кризиса 400 российских миротворцев были перебросены в Сараево, где был сформирован Русбат-2. Всего в сентябре 1994 г. 1349 россиян служили в боевых подразделениях, 17 — в качестве военных наблюдателей и 39 — в гражданской полиции (109, с. 2). Длина зоны ответственности Русбата-1 составляла 100 км, а ширина — 50, у соседей — Бельгийского батальона эти параметры были в два раза меньше. Бельгийский батальон в составе 700 человек, размещавшийся на севере сектора, установил на границе разделения сил девять контрольно-пропускных пунктов, а Русский батальон в составе 858 человек — 62.

Первыми комбатами русского батальона были Логинков Виктор Николаевич, Аршиннов Леонид Григорьевич и Вознесенский Сергей Вячеславович. После того, как батальон разделился, в Клисо русбатов командовал Кобелев Александр Иванович, а в Сараево — Воробьев Виктор Владимирович. Командиром сектора «Восток» с 26 апреля 1994 г. был генерал Перелякин Александр Михайлович, 1945 г. рождения, десантник, выпускник академии им. Фрунзе, работавший ранее военным атташе в Уганде и Чаде.

Перемещение СООНО
в «Восток»,
1994 г.

В сентябре 1994 г. майор Ордынский рассказывал мне о Русбате. «Зона ответственности Русбата разделена на зоны ответственности рот. 1-я рота расположена в Орлик, 2-я — в Тординцах, 3-я — Тени, 4-я, штабная рота, — в Клисе. Две роты переданы в Сараево. Вдоль зоны разведения существуют 66 наблюдательных постов (основные и вспомогательные, один в Овчаре, месте предполагаемого захоронения раненых из Вуковара, убитых сербами) и пять контрольно-пропускных пунктов. Задачи Русбата — контроль за отводом сторонами артиллерии и танков из 20-километровой зоны, минометов и зениток из 10-километровой зоны, за разоружением сторон (не должно быть военных формирований). Но на практике — контроль только за сербской стороной, так как на стороне хорватов наблюдательных постов нет. Сербы складывают свое тяжелое вооружение на отведенных складах (Даль, Бели-Манастир, Вужацар) под контроль Русбата, а хорваты выводили технику ночью в неизвестном направлении. Поэтому, по данным Русбата на 31 августа 1994 г., зарегистрировано с сербской стороны девять нарушений, связанных с отводом тяжелого вооружения, складированием в других местах».

С хорватской стороны под контролем Русбата находилась Оперативная зона «Осиек», которой командовал генерал Джура Дечак. И сербская, и хорватская стороны активно готовились к военным действиям, хорваты — к наступлению, сербы — к обороне: рыли траншеи, строили инженерные сооружения.

У хорватской стороны отношения с Русским батальоном складывались непростыми. Они изначально видели в русских защитников сербов. Хорватским солдатам на контрольно-пропускных пунктах запрещалось вступать в контакт с русскими военнослужащими. В своей неприязни хорваты иногда доходили до абсурда. 2 июля 1994 г. командующему сектором «Восток» поступило письмо из Министерства обороны Хорватии следующего содержания: «Сегодня утром члены СООНО (Русбат) в районе между Ангуновцем и Бристом (X-52500, Y-40500) обращались к нашим солдатам и приглашали их выпить пиво. Это может рассматриваться как провокация. Просим Вас проверить эту информацию и прекратить подобные случаи» (267).

Мне удалось поговорить с генералом Джура Дечаком, который к тому же был и членом президиума ХДС, о сотрудничестве с Русским батальоном. «22 месяца я являюсь командиром корпуса. У хорватской стороны существует антагонизм к православию, а значит, и к Русскому батальону. У нас находятся 120 тыс. беженцев и изгнанных лиц с восставшей территории. Нам нужны большие политические шаги, чтобы удовлетворить хорватских беженцев, так как они очень дороги для Хорватии. Беженцам надо сказать точную дату, когда они вернутся. Мы будем осуществлять глобальную интеграцию с сербскими территориями. Уже создан банк, средства собраны. Мы выделяем три категории сербов на территории Хорватии: 1) сербы, которые бежали в Хорватию после Косовской битвы, живут здесь несколько столетий, православные. Многие служат в полиции, в армии. Они все остались в Хорватии. 2) сербы, которые населяли эти земли после 1918 г., когда Александр Карагеоргиевич поделил землю Славонии и Подриня между солунцами. Из этой категории около 50% ушли из Хорватии. 3) после 1945 г. политика «перемешивания» народов привела к притоку сюда сербов. Они сегодня ушли, все 100%».

В целом русские солдаты, да и офицеры, которые приезжали сюда служить, плохо разбирались во внутривнутриполитической ситуации, были достаточно изолированы от сербов и хорватов, не были информированы о происходящем, хотя ощущали

более теплом отношении к себе со стороны сербов и полное равнодушие и даже неприязнь хорватов. В Русбате была очень строгая дисциплина, людей не хватало, солдаты были перегружены работой, времени на прогулки, посещение кафе, изучение языка, поддержание знакомств не было. Батальон обеспечивал наблюдение в зоне разделения силами, которых было явно недостаточно. Режим для личного состава был крайне напряженным: шесть часов на наблюдательной вышке, шесть — в резерве. Это был, пожалуй, единственный батальон с таким жестким графиком дежурств, к тому же в районе сплошных минных полей. Лишь через некоторое время контакты офицеров с сербским и хорватским военным руководством позволили оценить ситуацию. Согласно регламенту миротворческой миссии, контроль Русбата происходил только за сербской стороной, что давало искаженную картину провинностей — сообщения в центр шли только о сербских нарушениях. В случае возникновения конфликта, наступления хорватов, вероятность участия Русбата в боевых действиях на стороне сербов или в отражении атак хорватов, по концепции ООН, не предусматривалась. Находясь среди двух огней, российские миротворцы стоически исполняли свой долг, прекрасно при этом понимая, что в случае хорватского наступления им некуда будет отступать. На мой вопрос, что будет с русскими ребятами в случае наступления, хорватский генерал Дечак развел руками: «Война есть война...». На тот же вопрос сербы ответили: «Не волнуйтесь, для них всегда готовы автобусы, вывезем ваших солдат в Сербию, только уж не обижайтесь, оружие оставим себе».

Осенью 1994 г. в Хорватии военным руководством республики разрабатывались планы военного захвата сербских территорий под защитой СООНО. Русский батальон стал основной преградой для организации таких действий в Восточной Славонии. А именно эту территорию хотелось отвоевать в первую очередь — отомстить за Вуковар, получить плодородные земли, транспортную артерию — Дунай, знаменитые виноградники и винный завод, вернуть многочисленных беженцев в Баранью. Сначала хорваты требовали убрать ООН-овцев из сектора, затем — только россиян. Не вызывает сомнения, что планы хорватов координировались с руководством или СООНО, или НАТО. Во всяком случае, в это время начинаются провокации хорватской стороны на территории ответственности Русского батальона и одновременно кампания очернения Русбата в СООНО.

В конце июля начинается блокада, якобы, хорватскими беженцами подъездов к сектору «Восток» со стороны Хорватии. Но слишком хорошо была организована эта самостоятельная акция, чтобы не видеть, что за всем этим стоит руководство страны. Людей сменами привозили на автобусах с загребскими номерами, организовывали питание, хорошо охраняли полицейскими. «Беженцы» не выпускали даже машины с мусором, не давали разрешения на проезд итабных машин СООНО, грузов с продовольствием и бензином для Русбата, обзывали русских солдат оккупантами.

Одновременно в западных средствах массовой информации со ссылкой на источник в СООНО стали появляться статьи, обвиняющие русских солдат в спекуляции, низком моральном облике, тайных связях с сербскими вооруженными группировками. Об этом писала лондонская «Санди Таймс» (268). «Вашингтон пост» обвинил русских военнослужащих в том, что они всячески помогали сербам проводить маневры, добывать оружие (269). Постоянный представитель США в ООН Мадлен Олбрайт заявила тогда: «Весьма важно, чтобы за действиями российских миротворцев, где бы они ни находились, существовал международный контроль...» (271).

Следует подчеркнуть, что в миротворческой миссии на Балканах имели место факты злоупотреблений, спекуляции, краж, торговли горючим. Бензином открыто торговали поляки, за большие деньги выводили людей из осажденного Сараева французские военные, в нечистоплотности были замечены кенийские солдаты (25, с.3). Но крупное расследование предприняли только против Русского батальона.

В августе в Русбат нагрянула комиссия из штаба СООНО, нагрянула инкогнито, когда командующий сектором генерал А.М.Перелякин был в отпуске. Лишь через сутки после задержания проверяющих штаб подтвердил их полномочия. В результате «проверки» против Русбата было выдвинуто 42 обвинения в различного рода нарушениях. Большинство нарушений давалось с подачи хорватского бюро по связям с СООНО, использовались и слухи, и откровенная дезинформация. По мнению руководства батальона, большая часть фактов были сфальсифицированы и не имели ничего общего с реальностью. Генерал А.М.Перелякин не согласился с выводами комиссии и направил в штаб СООНО протест. Но, видимо, события торопили. За две недели до окончания своего мандата и, соответственно, ротации, 12 апреля генерал А.М.Перелякин был отстранен от должности, обвинен в некомпетентности, плохом руководстве, попустительстве в отношении сербов и отправлен в Москву. Снятие с должности было проведено с нарушением правил, существующих в ООН, — без согласия российского военного командования. Руководить сектором стал бельгийский полковник. Любопытно, что 28 февраля командующий СООНО генерал де Ляпвел направил генералу А.М.Перелякину письмо, в котором выражал благодарность за высокий профессионализм и успешную работу в миссии. Однако письмо где-то «затерялось» и нашло русского генерала уже после его отстранения.

Генерал А.М.Перелякин убежден, что снятие его с должности преследовало политические цели. «Против России здесь ведется настоящая психологическая война, главная цель которой — дискредитация российского контингента «голубых касок» на территории бывшей Югославии». Цель развернутой кампании — формирование «однородных» миротворческих сил в этом регионе, состоящих только из воинских контингентов стран — членов НАТО (270, с.52). Таким образом, налицо было совпадение интересов хорватского руководства и руководства СООНО по вопросу передислокации Русского батальона. Хорваты были правы в одном: было неизвестно, побегут ли русские со своих постов, в случае хорватской агрессии на Краину, как это было в январе 1993 г. с французским и кенийским батальонами? Кроме того, в ООН в это время активно разрабатывались планы ухода сил СООНО из Хорватии и замены их силами НАТО. Многие становятся ясным, если учесть, что отстранение русского генерала произошло в апреле 1995 г., а в мае произошло хорватское наступление в Западной Славонии. Далее следуют требование немедленной смены Русского батальона и... хорватское наступление в Книнской Краине. В начале сентября хорваты начали обстрел Вуковара. Наступление могло начаться в любой момент. Но российские воины бесстрашно стояли под пулями и не уходили со своих постов. Именно в этом видится та важная роль, которую играли русские подразделения в составе миротворческой миссии ООН.

Русбат-2. Русский батальон (две роты) вводили срочно в феврале 1994 г. От скорости размещения батальона зависело, будут или нет бомбить сербские позиции. В ночь с 19 на 20 февраля небольшая группа (около восьми человек) под командой

намполита Евгения Кобозева «влетала» в Грбавицу. Они обосновались в полуразрушенном здании школы милиции. А на следующий день, 20 февраля в 18.00 входил весь батальон. На всем протяжении пути их с восторгом встречали сербы. На танки, впервые после второй мировой войны, сажали детей, русским солдатам дарили радио. В знак приветствия — три пальца¹. Сербы помогли с установлением постов, помогли с обстановкой, помогли с размещением. Российские миротворцы были размещены в полуразрушенном здании бывшей милицмейской школы. Русбат не только контролировал линию разграничения, но и охранял два склада со сданным сербским вооружением. Мусульмане против наших десантников не раз организовывали провокации. Штаб СООНО видимо, преднамеренно, обходил своим вниманием российских солдат. Им и зимой не могли вставить стекла в окна, скабдить горячей водой, регулярно подвозить продукты. Часто в Русбате не было бензина, не говоря уже о том, что заявки на холодильники, телевизоры или компьютеры вообще не удовлетворялись, хотя «такие мелочи» во всех других подразделениях миротворцев были в больших количествах. СООНО не реагировало, когда мусульмане выпустили восемь мин по Русбату 16 мая 1995 г., не последовало никакой реакции ни от штаба СООНО в Загребе, ни от штаба в Сараеве и 16 июля, когда мусульмане захватили 13 русских солдат в заложники. Не пригрозили мусульманам авиаударами за угрозу жизни миротворцам. В Совете Безопасности этот вопрос обсуждать отказались.

Российские десантники были расположены на самом опасном участке — линии разъединения сербских и мусульманских войск. Русбат-2 единственный из всех батальонов, расположенных в Сараеве, стоял непосредственно на линии разделения. С русской стороны соблюдался порядок — на линии разделения поставлены десять русских наблюдательных постов, а уже за ними, на второй линии — сербские позиции. По другую сторону — французы. Но у них картина иная. На первой линии расположились мусульмане, которые, не уважая зону разделения, все ближе и ближе подходили к сербским позициям, а уже за ними прочно окопались миротворцы-французы.

Я посетила Русбат-2 20–21 сентября 1994 г. Тогда комбатом был полковник Воробьев Виктор Владимирович, а его заместителем по воспитательной работе — подполковник Чумаков Владимир Викторович. Нелегко было солдатам и офицерам нести службу в таких трудных условиях. Они показывали мне гору на противоположной, «французской» стороне, где при полном попустительстве миротворцев мусульманские окопы как ступеньки все ниже и ниже спускались по склону и вплотную приближались к позициям Русбата-2. На одном из русских постов я видела, как ствол мусульманского пулемета находился всего в трех метрах от русского постового. Тогда мне удалось ненадолго съездить в Сараево и даже пройтись по Баш Чаршин, главной торговой улице города. Я нарушила все запреты и вышла из машины, чтобы своими глазами увидеть, как и чем живет город. Как все изменилось с далекого 70-го, когда я еще студенткой была здесь на практике. Тогда весь центр занимали колоритные низкие глиняные торговые и ремесленные лавки. К 90-м они заменены современными киосками в одном стиле. Часть сейчас были разрушены, но многие работали, в основном ювелиры и чеканщики. Все продавалось только на марки, на мусульманские боны — только газета «Осло-

¹ Жест православных сербов подтверждает, что они крестятся тремя пальцами, а не ладонью, как католики.

боджне», которую, правда, после недолгих уговоров мне продали за доллары. Город не производил впечатления опустошенного. На улицах было много народа, работали кафаны, соседи приглашали друг друга на чашечку кофе, улицы расчищены, хотя следов разрушения было много. Полностью разрушен был Музей Гаврилы Принципца, но не от сербских снарядов, а от мусульманских молодчиков. Бесследно исчезла плита с отпечатками его ног, памятная доска на стене здания. Много домов вдоль реки были разрушены во время обстрела с той, сербской стороны. Печальное зрелище собой представляла библиотека... Мне удалось поговорить с несколькими женщинами, которые не хотели называть себя сербками, а говорили, что они православные сарайки и ненавидят Караджича за постоянный обстрел города. Я видела мусульманок на сербской стороне, которые были грустны и не очень стремились к разговору. Сербы же на Грбавице были полны решимости отстоять «сербское Сараево», были дружелюбны и довольны, что на их стороне стоит Русбат-2.

20 сентября вечером мы были в гостях у семьи Петровичей — Александра, командира сербских войск в Грбавице, и его жены Любицы, которая работала переводчиком в Русском батальоне. Бабушка и дедушка Александра — русские, с первой волной белой эмиграции покинувшие Россию. Любица тоже наполовину русская. Ее мама, русская, познакомилась в немецком плену с парнем из Сараева... Александр — не военный, инженер, но пошел воевать, когда в Сараеве сербам стало совсем невмоготу. Красивые, сильные, интеллигентные люди. Сочетание мужества, цельности (он) и нескончаемой доброты (она). Света нет. Две свечи на столе. И выстрелы всю ночь...

Миссия СООНО в Боснии и Герцеговине. В мае 1992 г. Б.Бутрос-Гали после некоторого колебания принимает решение «продолжить размещение военных наблюдателей СООНО в Боснии и Герцеговине» в связи с ухудшением ситуации в Республике (224, с. 5). Рассматривая положение в БиГ как «трагическое, опасное, ожесточенное и запутанное», он не был уверен, что «голубые каски» смогут принести мир в БиГ. Ведь «развертывание в Сараеве штаба СООНО отнюдь не предотвратило возникновение жестокого конфликта в этом городе», — недоумевал он (224, с. 10). Но уже 8 июня 1992 г. из-за обострения ситуации в Боснии и Герцеговине, из-за продолжающихся вооруженных столкновений, из-за договоренностей сторон, что «аэропорт в Сараеве будет вновь открыт в гуманитарных целях исключительно под эгидой Организации Объединенных Наций и с помощью Сил Организации Объединенных Наций по охране», СБ принимает решение о расширении мандата Сил, об увеличении его численности, развертывании военных наблюдателей для взятия под свой контроль аэропорта Сараева и обеспечения его функционирования (110). «СООНО будут обеспечивать непосредственную безопасность аэропорта и его сооружений, управлять работой аэропорта (с использованием, насколько это возможно, его нынешних гражданских служащих), осуществлять контроль за его объектами и организацией, содействовать разгрузке гуманитарных грузов и обеспечивать безопасное передвижение гуманитарной помощи и связанного с ней персонала. Кроме того, СООНО будет контролировать вывод зенитных систем за пределы района досягаемости аэропорта и окрестностей, а также следить за сосредоточением артиллерийских, минометных и ракетных систем класса «земля-земля» в конкретных районах, которые будут согласованы ими» (125, с. 2). Предполагалось, что расходы на расширение

миссии СООНО в БиГ составят более 20 млн. долл. США в первые четыре месяца и около 3 млн. долл. каждый последующий месяц (125, add. 1, с.2). Командующий СООНО генерал Л.Маккензи вспоминал, что силы по защите имели в БиГ одну единственную задачу — «открыть сараевский аэродром Бутмир для приема гуманитарной помощи, продуктов питания и медикаментов» (306, (2).

5 июня 1992 г. было подписано соглашение о возобновлении деятельности аэропорта в Сараево. Сербы согласились передать аэропорт, который фактически держали в своих руках, «голубым каскам». Соглашение подписали представители сербской, хорватской и мусульманской сторон. Стороны договорились вывести с позиций, с которых они могут обстреливать аэропорт, все системы зенитного оружия, артиллерию, минометы, системы ракет «земля-земля», танки и поставить их под контроль СООНО (224,с.5). Сараево и аэропорт включались в «зону безопасности» под контролем СООНО. 29 июня аэропорт начал работать, принял первый рейс с гуманитарной помощью. 9 июля в аэропорту приземлилось более 100 самолетов из 15 стран, на борту которых находилось более 1000 т продовольствия и гуманитарной помощи (226,с.4).

Последующие резолюции расширяли полномочия миротворцев по доставке гуманитарной помощи в район Сараева и другие районы БиГ, по охране аэропорта, увеличивали их численность. 1 июля 1992 г. началось прибытие Французского и Канадского батальонов, общая численность сектора «Сараево» составила 1104 человек. Ожидалось прибытие Египетского и Украинского батальонов, обслуживающего персонала из Норвегии и Нидерландов (226,с.3).

Передача сербами аэропорта Сараева миротворческому контингенту ООН, безусловно, ослабила позиции сербов. Как сообщил Б.Бутрос-Гали, «силы, противостоящие сторонникам Сербской демократической партии (СДП), стремятся, по-видимому, извлечь любую выгоду из стратегического преимущества, обусловленного передачей аэропорта СООНО. Силы, поддерживающие СДП, в свою очередь продолжают наносить ответные удары из тяжелых орудий по жилым районам города. Из ряда источников поступили сообщения о боевом наступлении хорватских сил в район Сараева» (226,с.4).

Сербская сторона пыталась в одностороннем порядке поддерживать прекращение огня, но было трудно отвечать на откровенные провокации и нападения другой стороны. «Лидеры СДП отмечали, что передача ими аэропорта в руки СООНО не привела к установлению мира и началу переговоров по вопросу об общем кризисе в Республике. Они заявили о своей готовности вести переговоры без предварительных условий непосредственно с Президиумом...», однако А.Изетбегович отказывается и «предпринимает попытки осуществить внешнюю военную интервенцию практически всеми средствами», — отмечал в своем докладе Б.Бутрос-Гали (226,с.5).

Операция по воздушным перевозкам в Сараево, организованная Управлением Верховного комиссара по делам беженцев, явилась наиболее продолжительной операцией такого рода в истории авиации. В ходе операции удалось доставить более 150 000 т грузов гуманитарной помощи, и это явилось важным средством для удовлетворения материально-технических потребностей СООНО в этом городе. Приведем сопоставимые данные в отношении числа полетов и тонн грузов, доставленных в 1993–1995 гг. (255,с.7).

**Воздушные перевозки
в Сараево 1993–1995**

	март- апрель 1993 г.	март- апрель 1994 г.	март- апрель 1995 г.
Осуществленные полеты	500	746	241
Доставленные грузы, тонны	5273	9934	4300

Таким образом, из приведенных данных видно, что в 1995 г. значительно уменьшилось число принимаемых грузов и число вылетов вследствие ухудшения обстановки в районе Сараева. Основная угроза безопасности аэропорта, отмечалось в докладе Б.Бутрос-Гали, была связана с частыми обстрелами самолетов, как со стороны сербов («в основном»), так и со стороны мусульман (255, с.7).

С сентября 1992 г. деятельность СООНО распространилась на всю территорию БиГ. Условно Босния и Герцеговина была разбита на три участка — сектор «Сараево», сектор «Юго-Запад» с центром в Горни-Вакуфе, сектор «Юго-Восток» с центром в Тузле. Для увеличения объема поставок гуманитарной помощи на всей территории БиГ в Резолюции СБ 770 и Докладе ГС от 10 сентября 1992 г. отмечалась необходимость создания четырех или пяти зон, в которых разместятся подразделения СООНО, обеспечивающие «гуманитарные задачи специального характера». Центрами таких зон должны были стать Бая-Лука, Бихач, Добой, Горажде, Мосар, Тузла и Витез.

Постепенно миротворческая миссия в Боснии и Герцеговине от решения задач гуманитарного характера перешла к решению задач разъединения воюющих сторон. Однако под прикрытием задач миротворчества легализовывалась деятельность Североатлантического альянса, который постепенно расширял свои функции и становился в своей активности все увереннее. 9 октября 1992 г. Совет Безопасности в Резолюции 781 объявил запрет на все военные полеты в воздушном пространстве Боснии и Герцеговины и уполномочил СООНО осуществлять контроль за его соблюдением путем размещения военных наблюдателей на аэродромах, расположенных на территории бывшей Югославии, включая пять аэродромов в Сербии и один в Черногории. Однако в период с октября 1992 г. по март 1993 г. в БиГ имели место около 540 нарушений полетов (233, с.9). В Резолюции № 816 (31 марта 1993) запрет на действия авиации над Боснией и Герцеговиной был далее распространен на все самолеты и вертолеты, за исключением самолетов и вертолетов СООНО и других полетов, направленных на поддержку операций ООН. С 12 апреля 1993 г. по просьбе Генерального секретаря полеты в воздушном пространстве Боснии и Герцеговины осуществляли самолеты НАТО для осуществления соблюдения резолюции. В этот день два американских истребителя, французские самолеты «Мираж-2000» и нидерландские истребители-бомбардировщики Ф-16 начали широкомасштабную операцию НАТО в воздушном пространстве Боснии и Герцеговины. По этому поводу главнокомандующий Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе сказал: «Это исторический момент для НАТО. Впервые силы организации используются в оперативных целях вне зоны ее компетенции» (258, с.4).

Миротворцы, получая гуманитарную помощь в аэропорту, доставляли ее в районы Боснии и Герцеговины наземным или воздушным транспортом, охраняли автоколонны с гуманитарным грузом. Эта деятельность часто прерывалась на несколь-

и недель из-за блокады дорог одной из сторон, из-за обстрелов аэропорта Сараева и даже из-за вооруженных нападений на автоколонны, из-за ограничения доступа в некоторые районы вследствие наличия заграждений (например, в Горажде, в анклавне Маглай/Тесань) или интенсивности конфликта (восточный Мостар). Все это во многом ослабляло способность международного сообщества эффективно оказывать гуманитарную помощь в условиях безопасности и в соответствии с гуманитарными принципами.

Весной 1993 г. СООНО в БиГ начинает становиться инструментом в руках тех, кто стремился к поражению сербских сил, кто рвался к задаче активизации НАТО, кто подыгрывал мусульманской стороне. Все последующие акции СООНО так или иначе играли на руку только одной стороне конфликта, а вся методология миротворчества в БиГ объективно способствовала расширению, закреплению и утверждению функций НАТО в несвойственной ей системе. Даже доставка гуманитарных грузов использовалась для доставки оружия мусульманам, а самолеты СООНО доставляли грузы Пятой мусульманской армии, изолированно стоявшей в районе Бихача.

После посещения миссией СБ Боснии и Герцеговины в апреле 1993 г. и отмеченных фактов роста гуманитарных проблем и проблем в области безопасности нескольких городов, как отмечалось в докладе ГС, «подвергавшихся постоянным нападениям со стороны сил боснийских сербов» (233, с. 10), Резолюция № 824 (6 мая 1993) объявила *создание безопасных или защищенных зон*, включив в них мусульманские города и прилегающие к ним районы — Сараево, Тузлу, Жепу, Горажде, Бихач, Сребреницу. Сербь просили включить в этот список ряд сербских городов, постоянно атакуемых мусульманами, но их просьба даже не рассматривалась. В соответствии с этой резолюцией военным наблюдателям СООНО был предоставлен мандат на: наблюдение за выводом из этих городов всех военных или полувоенных формирований сербов и их отводом от города на безопасное для населения расстояние, наблюдение за гуманитарной ситуацией. Резолюция № 836 (3 июня 1993) расширяла мандат СООНО в этих зонах: Силы должны были сдерживать нападение на безопасные районы, наблюдать за прекращением огня, занимать ключевые точки на местности, участвовать в доставке грузов гуманитарной помощи. В реализации этих задач СООНО разрешалось применять силу «как ответ на бомбардировки зон безопасности с любой стороны или на вооруженное нападение на них» (294). Дополнительные силы были также развернуты в Тузле.

Создание защищенных городов рождало одни, но способствовало появлению новых проблем. Резолюции СБ не требовали, чтобы мусульманская армия выводила свои военные или полувоенные подразделения из безопасных районов (255, с. 11), поэтому мусульмане использовали эти зоны в качестве плацдарма для обстрела сербских позиций. 3 ноября 1995 г. Ясуши Ахаши признал на пресс-конференции, что «безопасные районы» в Боснии и Герцеговине использовались мусульманским правительством для подготовки и переоснащения армии, что, по сути, провоцировало сербов (293, с. 7). Генеральный секретарь предлагал в марте 1994 г. разработать новую концепцию «безопасных районов», которая обеспечила бы проведение всеми сторонами полной демилитаризации, способствовала бы свободе передвижения, выводу тяжелого оружия и широкому развертыванию СООНО. Но это требовало увеличения контингента в этих зонах и выделения дополнительных средств. Если

же миротворческие Силы начнут сами оказывать противодействие осаждающим силам, то «это привело бы к тому, что они действовали бы в режиме принуждения и миру», а это противоречило в то время концепции ООН (233, с. 12). Демилитаризация «безопасных районов», на которой настаивали и сербы, оказалась для ООН делом куда более трудным, чем использование авиации НАТО против сербской стороны.

Тенденция перехода к новой концепции миротворчества проявлялась отчетливо. Б. Бутрос-Гали в начале 1994 г. приветствовал тесное сотрудничество ООН и НАТО, сказав, что уже было согласовано, что НАТО будет *действовать* в случае необходимости, консультируясь с представителем СООНО (233, с. 16). Сомнения, правда, оставались. С формальной точки зрения Генерального секретаря волновал вопрос о том, что в резолюциях Совета Безопасности по Боснии и Герцеговине отсутствовал «четко сформулированный мандат на принудительные действия» (255, с. 19).

Анализируя деятельность международных организаций на Балканах, приходилось к выводу, что цели и задачи внешнеполитических ведомств ведущих стран, таких, как США и Германия, а также основных международных организаций были далеки от декларируемых. Особенно отчетливо это просматривается в деятельности такой региональной организации, как НАТО и ее взаимоотношениях с другими международными организациями. Ставя знак равенства между военной доктриной США и стратегической концепцией НАТО, генерал Л. Г. Ивашов в одной из своих последних работ показывает, что американская доктрина разрабатывалась как «стратегия устрашения» в 1945–1953 гг., «стратегия массированного воздействия» в 1953–1961 гг., «стратегия гибкого реагирования» в 1961–1971 гг., как «стратегия реалистического устрашения» в 1971–1980 гг. На рубеже 80-х годов была создана доктрина «прямого противоборства» для осуществления политики мирового диктата и обеспечения «жизненных интересов» США в разных районах земного шара (335, с. 3–5). В начале 90-х годов НАТО была вынуждена адаптироваться к изменившимся политическим реалиям. В ее установках появились новые элементы, например, взаимодействие с европейскими институтами — ОБСЕ, ЕС и ЗЕС. Происходило совершенствование терминологии, аппарата толкования концепции, что должно было отражать поиск нового места НАТО в системе европейской безопасности. Одним из направлений стратегической концепции, принятой в ноябре 1991 г. на римской сессии совета блока, был контроль за военно-политическими кризисами. В этой связи была разработана концепция «управления кризисами», необходимыми элементами которой были оказание давления и применение войск в интересах достижения стабильности (335, с. 5). Балканский кризис стал не только местом апробации этой доктрины, но и попыткой закрепить правовую независимость НАТО от ООН и ОБСЕ.

Все сказанное выше объясняет участие НАТО в урегулировании конфликта на Балканах и роль США в событиях на территории бывшей Югославии. Как отмечал З. Бжезинский, «Организация Североатлантического договора (НАТО) связывает наиболее развитые и влиятельные государства Европы с Америкой, превращая Соединенные Штаты в главное действующее лицо даже во внутриевропейских делах» (317, с. 40). Причем, очевидным было стремление изменить подход к участию НАТО в региональных конфликтах — не как инструмент реализации решений СБ ООН и тем более не под его эгидой, а как самостоятельный фактор, подчиняющийся командованию НАТО (170, с. 53).

В декабре 1992 г. НАТО заявила о своей готовности оказывать поддержку миротворческим операциям под эгидой Совета Безопасности ООН. С этого времени НАТО приняла ряд ключевых решений, ведущих к операциям военно-морских и военно-воздушных сил НАТО. В июле 1992 г. корабли НАТО, входящие в состав постоянного соединения объединенных военно-морских сил НАТО в Средиземном море, при поддержке патрульных самолетов авиации НАТО, начали операции по контролю и наблюдению в Адриатике. Эти операции были предприняты НАТО самостоятельно в поддержку эмбарго ООН на поставки вооружения в отношении республик бывшей СФРЮ (Резолюция № 713) и санкций против СРЮ (Резолюция 757). Но постепенно от регистрации нарушений или наблюдений за возможными нарушениями наводцы перешли к остановке и осмотру судов, к отводу их в порт. Контроль над морским побережьем Югославии был установлен полный. Такому досмотру с ноября 1992 г., по заявлениям НАТО, подверглись 63 тыс. судов, а после апреля 1993 г. ни одному судну не удалось прорвать заслон и нарушить эмбарго, усиленное Резолюцией 820 (334, с. 54).

НАТО использовала ООН как инструмент проникновения в систему миротворческих сил для подтверждения своей новой роли, а также в систему европейской безопасности. В Североатлантическом договоре, подписанном в Вашингтоне 4.04.1949 г., говорится, что члены альянса «обязуются урегулировать любые международные споры мирными средствами с тем, чтобы не создавать угрозу миру и безопасности, и будут избегать в своих международных отношениях угрозы силой или применения силы в любых формах, несовместимых с целями ООН». В ст.6 очерчены границы зоны действия альянса. Балканы в нее не входят (58).

С сентября 1992 г. начинается процесс постепенного, *постановочного* «проникновения» этой организации в структуру миротворческих сил, чтобы, под миротворческим флагом осуществлять конкретные военные задачи. В одном из пропагандистских фильмов, подготовленных пресс-центром НАТО, воздушная атака против сербов откровенно называлась «первой наступательной операцией вооруженных сил НАТО» (303). Ни более ни менее. Никакой гуманитарной словесной мишуры. И далее: «Наступление сил НАТО оказалось сокрушительным. За две недели этой кампании, получившей название «Преднамеренная сила», было совершено более 3500 вылетов авиации НАТО, имевшей своей целью разрушение складов с боеприпасами, радиолокационных установок, хранилищ, командных пунктов и многих других объектов» (303). С появлением на миротворческом небосклоне военной организации НАТО миротворческая концепция стала по-армейски примитивной: сначала избушки, а затем начинай переговоры.

Начиная с 1992 г., ряд резолюций Совета Безопасности уже давали полномочия НАТО, но так, что этого почти никто не понимал: чаще всего НАТО скрывалась за словами «региональные организации или союзы»: в Резолюции 776 от 14.09.92 о расширении мандата СООНО предлагалось «региональным организациям или союзам» оказать генеральному секретарю «финансовую или другую помощь...». Резолюция 781 от 9.10.92 призывала «государства на национальном уровне или через региональные организации или союзы предпринять все необходимые меры для обеспечения помощи СООНО на базе специального наблюдения и других возможностей...». Резолюция 787 от 16.11.92 «...призывает государства в национальном плане или через региональные организации или союзы использовать... меры... для безопасности всех морских поручений при входе и выходе к цели, контроля, проверки товара, а также

обеспечения приведения в жизнь Резолюций 713 и 757». Резолюция № 816 от 31.03.93 «Обязует государства-члены... самими или через региональные организации или союзы... предпринять все необходимые меры в воздушном пространстве Республики БиГ в случае дальнейших нарушений...». С 12 апреля 1993 г. по просьбе Генерального секретаря полеты в воздушном пространстве Боснии и Герцеговины осуществляли самолеты НАТО для соблюдения режима «бесполетной зоны». С этого времени роль СООНО ограничивалась наземным наблюдением, а «все меры, связанные с принуждением, осуществлялись НАТО» (255, с. 10). В июне 1993 г. Резолюция 836 об употреблении воздушных сил в БиГ приняла решение о том, «чтобы государства-члены... действуя на национальном плане или через региональные организации или союзы, предприняли на основе полномочия Совета Безопасности и в тесной координации с Генеральным секретарем и СООНО все необходимые меры с применением воздушных сил... как поддержку СООНО в осуществлении его мандата». В июне же 1993 г. министры иностранных дел стран НАТО приняли решение о предоставлении защиты с воздуха силам обороны ООН на территории Югославии. Уже в июле самолеты НАТО начали проводить учебные полеты в целях обеспечения непосредственной авиационной поддержки.

После отказа сербов принять план Вэнса-Оузона, как отмечалось в докладе Генерального секретаря ООН, Организация Североатлантического договора «в рамках регионального договора» приступила к проведению предварительных исследований о возможности участия военных групп НАТО «в планировании широкой оперативной концепции осуществления мирного плана для Боснии и Герцеговины», или осуществления задач военного характера в рамках мирного плана. НАТО предложила провести наземную разведку и связанные с этим мероприятия, а также «рассмотреть возможность предоставления ключевой штабной структуры, предусматривающей возможность задействования других стран, которые могут направить свои воинские контингенты» (232, с. 2). Итак, вполне конкретные военные цели прикрывались миротворческой фразеологией, но со временем это прикрытие становилось все тоньше и тоньше. Постепенно все отчетливее обозначалась триединая задача сил НАТО в т.н. миротворческой концепции ООН: военно-морские операции, военно-воздушные операции и операции по защите персонала ООН. Так вот, последняя задача, так необходимая миротворцам, практически натовцами игнорировалась.

Поскольку применение силы в ООН исключалось, очень удобным объяснением была необходимость защиты миротворческого контингента. В связи с этим рассматривался вопрос об оказании непосредственной воздушной поддержки Силам ООН на территории Хорватии в соответствии с рекомендацией Генерального секретаря, содержащейся в его докладе от 20 сентября 1993 г. Наступления хорватских войск на зоны, охраняемые «голубыми касками», жестокие бои в районе Бихача заставляли руководителей ООН вставлять в тексты резолюций слова о необходимости защиты персонала ООН от нападения с любой стороны. Так, в Резолюции № 958 подчеркивалось, что «разрешение, данное в пункте 10 его Резолюции 836 (1993) государствам-членам, действуя на национальном уровне или через региональные организации или соглашения, принимать под руководством Совета Безопасности и при условии тесной координации с Генеральным секретарем и Силами Организации Объединенных Наций по охране (СООНО) все необходимые меры путем применения военно-воздушных сил в безопасных районах в Республике Боснии и Гер-

цеговине, упомянутых в резолюции 824 (1993) от 6 мая 1993 г., и вокруг них, для того чтобы содействовать СООНО в осуществлении их мандата, изложенного в пунктах 5 и 9 Резолюции 836 (1993), относится также к таким мерам, принимаемым в Республике Хорватии». Однако ни разу силы НАТО не выступили в защиту миротворцев, если это требование не было направлено против сербов. Как вспоминает майор М. М. Ермолаев, «19 марта 1995 г. командующий силами «Юг» генерал Готтил (Чехия) запрашивал авиационную поддержку сил НАТО, в связи с тем, что силы хорватской армии осуществляли внушительную и спланированную атаку на него и персонал штаба сектора «Юг» при инспектировании одного из районов в РОООН (поселок Будим). Однако авиационная поддержка со стороны НАТО предоставлена не была. Только чудом высшее военное командование сектора «Юг» осталось в живых. Авиационной поддержки также ни разу не было предоставлено и в ходе вооруженного вторжения хорватской армии в РОООН при силовой реинтеграции секторов «Юг» и «Север», когда погибли и были ранены порядка 20 военнослужащих сил ООН». Вообще потери среди миротворцев на территории бывшей Югославии были большими: к марту 1994 г. они составили 1003 человека, из них 79 человек — убитыми (233, приложение II).

Начиная с августа 1993 г., в СООНО уже были созданы оперативные механизмы предоставления НАТО военно-воздушных сил для обеспечения охраны персонала ООН. Эти механизмы прошли проверку в ходе ряда учений и целиком были готовы для использования, отмечал Б. Бутрос-Гали, подготовлены были и планы военных операций (243). «С начала 1994 г. США приняли решение использовать в бывшей Югославии не только ВВС и ВМС, но и сухопутные силы НАТО: осуществлялось постоянное планирование, собиралась информация и анализировалась обстановка на театре военных действий, осуществлялась подготовка расквартированных в Европе подразделений, в Хорватию и Боснию были направлены американские военные специалисты», — пишут специалисты Российского института стратегических исследований (315, с. 440). Постепенно ООН отводится роль «политического прикрытия» для действий военного блока.

С 10 января 1994 г. между НАТО и ООН продолжались уже открытые дискуссии об участии Североатлантического союза в миротворческих операциях в бывшей Югославии. Согласно полномочиям, полученным Резолюциями № 836 и 913, все планы применения силы в БиГ отныне разрабатывались совместными усилиями НАТО и СООНО. Присутствие оперативных представителей НАТО в штабе СООНО в Загребе значительно увеличилось. Против возможности воздушного нападения на сербские позиции в Боснии высказывались Греция, Канада (104, с. 1,3). Франция потребовала срочно разработать планы освобождения блокированного отряда СООНО в Сребренице и открытия аэродрома в Тузле. Франция и Англия предложили поставить сербам ультиматум об открытии аэродрома в Тузле, пригрозив воздушными ударами. Италия высказала полную поддержку НАТО в осуществлении планов нанесения воздушных ударов. Но единодушия не было. Даже Германия подчеркивала, что не только сербы создают напряженность в Боснии, и напомнила, что мусульмане подвергли бомбардировке аэродром в Сараеве, чтобы помешать А. Изетбеговичу вылететь на переговоры с хорватами в Бонн (103, с. 1,2). Однако открытые дискуссии в НАТО, угроза применить воздушные удары оценены были многими странами как предупреждение только сербам, как давление на сербскую сторону.

Я.Акаши в этот момент продолжал настаивать на том, что воздушные удары могут быть осуществлены только в качестве самообороны для защиты персонала СООНО (103, с.2). 28 января 1994 г. он, передавая доклад Б.Бутросу-Гали о планах употребления авиации НАТО в районе Тузлы и Сребреницы, выразил большую осторожность по поводу идеи бомбардировки сербских позиций (94, с.2). 29 января Б.Бутрос-Гали дал мандат Я.Акаши самому определять возможности употребления авиации НАТО в качестве поддержки с воздуха войск в районах Сребреницы и Тузлы (93, с.1; 244). От дискуссий до конкретных дел НАТО отделил всего месяц.

После февральского кризиса 1994 г. Б.Бутрос-Гали направил письмо Генеральному секретарю НАТО, в котором просил его как можно скорее получить решение Совета НАТО уполномочить Главнокомандующего силами НАТО на югоевропейском театре военных действий наносить удары с воздуха по артиллерийским или минометным позициям в Сараеве или вокруг него. В своем решении от 9 февраля 1994 г. Совет НАТО постановил создать «зону воспрещения тяжелых вооружений» радиусом 20 км вокруг Сараева (исключая Пале). В апреле аналогичное решение было принято в отношении Горажде. Вокруг города создавались две зоны: «полностью запретная зона» радиусом 3 км и «зона, запретная для военных», радиусом 20 км. (255, с.15). Двусмысленность этих решений отмечал и Б.Бутрос-Гали. Ведь в резолюциях СБ ООН «не упоминаются запретные зоны и не устанавливается никакого специального режима для этих зон» (255, с.15).

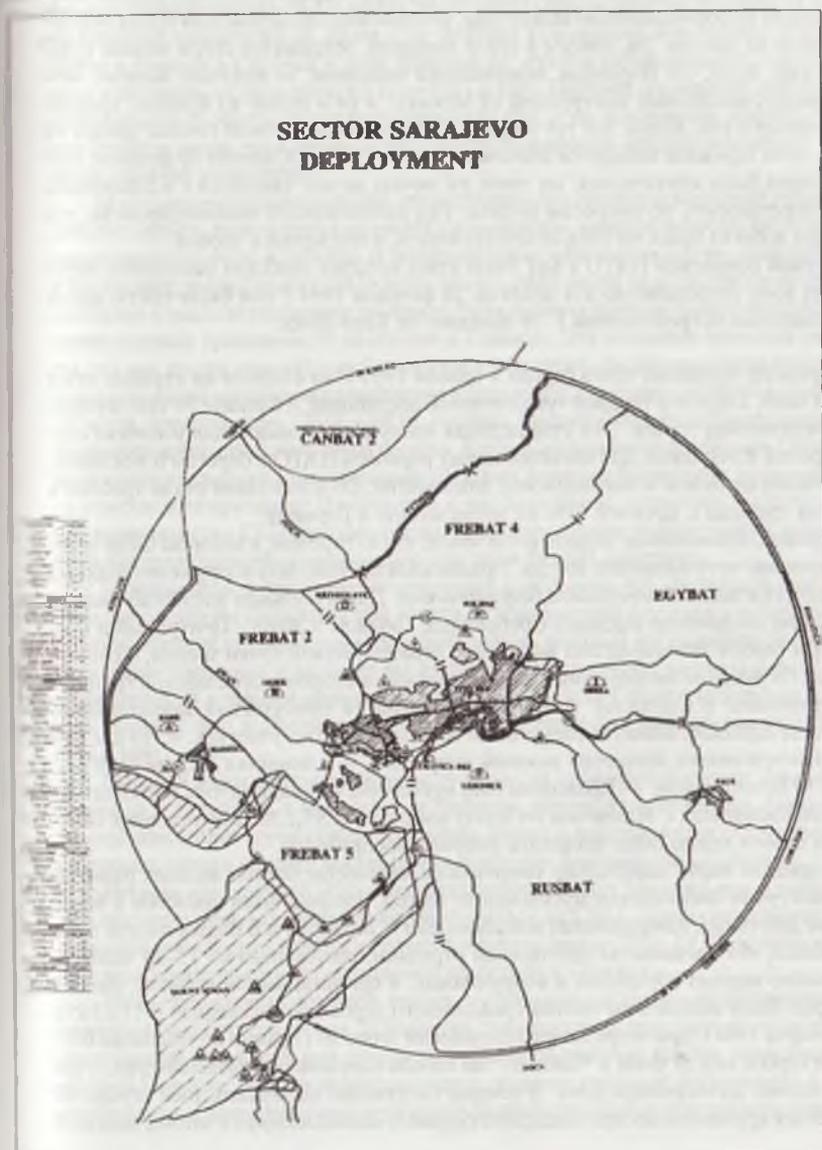
Из-за этой двусмысленности *защищенные зоны* — Сараево, Горажде, Сребреница — стали местом конфликтов, в разжигании которых обвинили только одну сторону.

Сараево. Уже 10 февраля НАТО предъявила воюющим сторонам в Сараеве ультиматум: сербам ответить на 20 км от города свое тяжелое вооружение, а мусульманам — отдать под контроль голубых касок свое вооружение в Сараеве. В случае невыполнения ультиматума до 24.00 двенадцатого февраля, НАТО грозились нанести воздушные бомбовые удары по позициям... сербов. По словам Б.Бутроса-Гали, в то время, как НАТО рассматривала вопрос о воздушных налетах на БиГ, ни одного требования об этом к нему не поступало, включая и комендантов УНПРОФОР. По его мнению, во всяком случае на словах, единственно возможным путем оставался путь переговоров (104, с.3). И в то время, как сербы отводили свое тяжелое оружие, мусульмане перегруппировывали свои ряды, перемещали войска к Горажде.

Силы НАТО для нанесения воздушных ударов в БиГ составили три авианосца, 150 боевых самолетов, не считая вспомогательных, 4 тыс. человек, восемь французских бомбардировщиков «Мираж-2000», приспособленных для ночных бомбежек (95). «Перед началом воздушной акции в Боснии в брюссельской штаб-квартире НАТО звучали триумфаторские заявления, акция была названа «новым рождением НАТО» (108). В то время, как ультиматум НАТО в районе Сараева выполнялся, изловцы внимательно искали новое место применению своих военно-воздушных сил.

Россия не предпринимала никаких действий, чтобы предотвратить начало военной акции альянса против сербов, хотя у себя в стране дипломаты уверяли общественное мнение, что операции НАТО на территории Югославии невозможны. Россия занимала попустительскую позицию, всегда голосовала за все резолюции Совета Безопасности. А в феврале 1994 г. вообще произошел «дипломатический казус»:

Размещение СООНО
в секторе «Сараево»,
октябрь 1994 г.

Россия попыталась «спрятаться» от решения вопроса о нанесении бомбовых ударов. «Послы трех великих держав — США, Англии и Франции, как утверждают, нанесли визит генсеку ООН Бутросу Гали, видимо для того, чтобы в обход России вырвать у него санкцию на нанесение бомбового удара. Характерно, если верить международным информационным агентствам, российского представителя Юлия Воронцова найти не смогли. Он, совсем в стиле анекдота, отправился среди недели куда-то за город. Ясно, что Воронцов, опытный чиновник, не получив, видимо, четких и недвусмысленных инструкций из Москвы, а то и прямо из Кремля, предпочел скрыться с глаз долой, как тот шериф, у которого всегда были готовы удочки на случай, если горожане соберутся линчевать петра» (337). Б. Клинтон 10 февраля, когда ситуация была критическая, ни днем, ни ночью не мог связаться с Б. Ельциным, чтобы пересговорить по вопросам Боснии. Ряд наблюдателей комментировали, что Б. Ельцин избегал брать на себя ответственность и поддерживать сербов.

Первой операцией НАТО в БиГ была атака четырех сербских самолетов, нарушивших зону, запрещенную для полетов. 28 февраля 1994 г. они были сбиты двумя американскими истребителями F-16 западнее от Баня-Луки.

Горажде. Название этого города в апреле 1994 г. не сходило со страниц газет во всем мире. Писали о трудной гуманитарной обстановке, о блокаде 70 тыс. мусульман в окруженном городе. Эти утверждения послужили поводом для усиления санкций против Югославии, для посылки новых кораблей НАТО к берегам Югославии, активизации немецкой и американской дипломатии. От Югославии стали требовать закрытия границы с Боснией. Что же происходило в Горажде?

Горажде, объявленное защищенной зоной, стало городом, в котором были сконцентрированы мусульманские войска. Продолжала производить оружие фабрика «Победа», снабжавшая мусульман боеприпасами. Для мусульман жизненно-важной была задача соединения анклавов Сребреница, Горажде и Жена с Центральной Боснией. Для сербов этот город был важен и со стратегической точки зрения, и с чисто военной. Отражение непрерывных атак мусульман в сторону югославской границы по направлению к Санджаку требовало постоянного присутствия значительного количества сербских войск, которые были важны на других участках. «Это для них было стратегическим, жизненно важным вопросом, — вспоминал Д. Оуэн свой разговор с М. Краишником. — Краишник был неумолим, и складывалось впечатление, что он не расходился с Младичем по этому вопросу» (295, с. 304). В условиях санкций для сербов важно было захватить фабрику боеприпасов.

В середине марта значительно увеличилось количество боевых вылазок разведывательных групп боснийских мусульман из города, которые были прологом к более крупным действиям. Американские исследователи Й. Бодански и В. Форка писали с места событий, что «исламисты действовали отрядами, состоящими из 15–20 человек, чрезвычайно хорошо обученных и вооруженных, и организовывали вылазки, многие из которых были направлены против гражданского сербского населения» (311, с. 105). Уже 20 марта 1994 г. они открыли артиллерийский огонь из Горажде по позициям боснийских сербов между Фоче и Чайниче, тем самым нарушив прекращение огня, о котором стороны договорились ранее. В течение следующих нескольких дней осуществлялись более крупные атаки при поддержке орудий и малокалиберного автоматического

оружия. 25 марта началось крупномасштабное наступление. Целью главного удара мусульманских сил была полоса между Фоче и Чайниче, удаленная на 17–18 км от центра Горажде, которая могла послужить идеальным путем для вторжения в Черногорию.

Сербы не были готовы к такому развитию событий. Их подкрепление прибыло в Фоче и Чайниче только 28–29 марта, когда мусульманам удалось прорваться в глубину сербской территории до 10 км. Как сообщал Й.Бодански, мусульмане стремились выйти к границе с Сербией и даже пересечь ее, «чтобы спровоцировать сербскую армию и заставить ее включиться в бой» (311, с.108). Поэтому боснийские сербы начали артиллерийский обстрел тыла мусульманских сил, и то, в основном, южных пригородов Горажде вдоль реки Дрины. Они сумели блокировать прорыв мусульман при помощи тяжелой артиллерии.

Мусульманское правительство, почувствовав, что готовится контрнаступление боснийских сербов, начало пропагандистскую кампанию, в центре которой был вопрос гуманитарной ситуации в Горажде. Й.Бодански писал: «Во всяком случае, приблизительно в тот момент, когда Сараево стало ясно, что его силы будут не в состоянии отстоять достигнутое в ходе наступления положение, была поднята шумная пропагандистская кампания о судьбе гражданского населения в Горажде. Эта кампания принесла свои плоды, так как вскоре главной темой всех международных средств массовой информации стали страдания гражданского населения в Горажде и, особенно, детей. И в самом деле, 30 марта, представитель США в ООН, госпожа Мадлен Олбрайт и Председатель объединенного комитета начальников штабов Джон Шаликанвили прибыли в Сараево для выражения поддержки Соединенными Штатами Америки боснийских мусульман. После этого визита президент Изетбегович и его ближайшие соратники убедились в том, что правительство США решит обеспечить мусульманам победу в этой войне, даже если это будет означать американское участие в боевых действиях.

В самом деле, существуют достоверные сообщения, что сараевские лидеры сделали вывод, что им (поскольку они хотели, чтобы Америка вступила в войну на их стороне) необходим крупный драматический случай, который взбудоражит бы американскую общественность и заставил бы Вашингтон предпринять военное вмешательство на Балканах. И в течение нескольких следующих недель Сараево использовало подобным образом бой в Горажде, пытаясь вызвать такое американское вмешательство» (311, с.109).

Начав 29 марта крупное контрнаступление по правобережью реки Дрины, между Опшанице и Устипраче, в направлении Чайниче, используя артиллерию, танки и пехоту, сербская армия осуществила окружение города с востока, юга и севера, подошла к пригороду, начала обстрел завода по производству боеприпасов «Победа».

Неудача наступлений мусульманских войск убедила Сараево, что в этой кризисной ситуации надо как можно быстрее опереться на США. Председатель боснийского правительства Харис Силайджич начал призывать Запад, США, ООН активно вмешаться и воспрепятствовать «гуманитарной трагедии» в Горажде.

Чтобы продолжать обвинять сербов, мусульмане постоянно провоцировали их на продолжение обстрела города. Й.Бодански так описывает этот момент: «Специальные силы боснийских мусульман атаковали позиции боснийских сербов, провоцируя их на обстрел Горажде. Этот инцидент западные средства массовой информации в Сараево представили в качестве примера агрессии боснийских сербов против невинного гражд-

данского населения Горажде. Особое внимание уделялось частым залпам по больнице, которая была главным мусульманским наблюдательным и командным пунктом, чтобы получить поддержку акций Запада против сербов. После этого от ООН и НАТО потребовали произвести воздушные налеты, чтобы защитить персонал ООН, находящийся в Горажде» (311, с.114). «Персоналом» являлись специально размещенные в городе лишь 7 апреля восемь солдат. Тогда еще соблюдалось правило, что бомбовые удары могут применяться только для защиты сотрудников ООН.

По сообщениям международных организаций, в городе сложилась трудная гуманитарная обстановка, конвои с гуманитарной помощью не приходили в город с 22 марта. В городе скопилось много раненых и больных. Сербь были решительно настроены взять город, поэтому «не советовали» посылать в Горажде дополнительных наблюдателей, не давали разрешения на транзит и конвои. Разрешить проблеме взялись натовцы. 10 апреля 1994 г. в 16.30 генерал Роуз попросил генерала де Лапрела начать процедуру воздушной поддержки «для защиты персонала СООНО». Для консультаций с Я.Акаши и принятия решения НАТО потребовалось всего 25 минут. В этот раз натовцам для воздушной атаки не потребовалось решение Совета Безопасности. Не были проведены консультации и с Россией. В 17.25 началась бомбардировка наземных целей Сербской армии в районе Горажде.

По мнению Б.Плавшич, это была спланированная провокация. «Сначала мусульмане вызвали жестокое военное столкновение, наступая из «демилитаризованного» Горажде. Затем началась кампания в СМИ. Затем приехал Роуз, чтобы вместе с семью военными исследовать ситуацию. В Горажде тогда не было ни одного наблюдателя. Мы сказали, что это опасно, тогда он послал в Горажде восемь специалистов по наведению самолетов и потребовал бомбардировки с воздуха, чтобы их защитить» (207, с.22). 11 апреля 1994 г. была произведена вторая бомбардировка сербских позиций в районе Горажде. Бомбовые удары обернулись полным конфузом для летчиков. Они не смогли обнаружить наземные цели в трудной гористой местности и сбросили четыре бомбы, две из которых не разорвались, а две другие стали причиной гибели мирных жителей. В то время среди местных жителей ходил расказ, что на одной из неразорвавшихся бомб было написано «Браво, сербы!».

В последующие дни самолеты НАТО готовились к новым атакам. По некоторым сообщениям, около 30 самолетов НАТО кружили над городом и имели намерения бомбить сербские позиции (350, с.362).

Сербская сторона увидела в этих эпизодах слабость противника и не остановила наступательных действий. Она приняла ответные меры, ограничив передвижение СООНО и сгруппировав свои войска. На складах в Сараеве сербы пытались изъять из-под контроля «голубых касок» тяжелое вооружение, сданное в февралс. Краинские сербы прервали переговоры с Хорватией, а СРЮ привела свою армию в состояние повышенной боевой готовности. С этого момента сербы всеми своими действиями хотели показать, что миротворцы и натовцы для них перешли в разряд врагов, которые открыто встали на мусульманскую сторону. Генерал Р.Младич начал наступление на Горажде. Главные бои шли за фабрику «Победа». Генерал окружил город со всех сторон, глубоко танками врезался в мусульманскую территорию, близко подойдя к центру. Сербь предложили всем гражданским лицам выйти из города, гарантировали безопасность военным, сдавшим оружие, эвакуировали семсрых наблю-

датель ООН. Попытка натовцев вновь наказать сербов в операции под кодовым названием «Синий меч» окончилась для них неудачно. 15 апреля они поразили французский «Супер танкар ИВ-П», а 16 апреля в небе над Горажде был сбит британский самолет вертикального взлета «Си Харриер», когда тот пытался вместе с несколькими американскими «А-10» поразить сербские позиции. Пилот благополучно катапультировался и приземлился в Горажде¹ (311, с.117). Летчику удалось катапультироваться, второй самолет вернулся на базу, не выполнив задания. 16 апреля сербы заняли стратегические высоты около города. Б.Бутрос-Гали срочно потребовал остановить сербов с помощью авиации. Под давлением мировой общественности и угрозы новых ударов НАТО с воздуха, сербы сели за стол переговоров.

В отчаянии А.Изетбегович писал Б.Бутрос-Гали: «Если Горажде падет, то ощущение моральной ответственности, по моему мнению, должно Вам подсказать оставить должность Генерального секретаря ООН. Это самое маленькое, что Вы можете сделать» (350, с.364).

Российская дипломатия своим молчанием выразила полное одобрение действиям НАТО. Более того, она вновь «надавила» на сербов, требуя прекратить осаду Горажде. Представитель президента России по урегулированию В.Чуркин говорил отъезжающей в Боснию делегации Государственной думы: «Передайте там сербам, что игрушки с ними кончились, передайте, дескать, что им теперь врежут по-настоящему, и мы натовцев, наконец, поддержим» (336, с.35).

Активное участие в переговорах приняли представители СООНО и лично Я.Акаши. 19 апреля сербы (М.Краишник от РС) подписали «Меморандум» с представителями СООНО (В.Андреев от СООНО) в котором в одностороннем порядке объявили о прекращении огня. В рамках предложенного перемирия сербская сторона обязывалась прекратить военные действия в радиусе 3 км, считая от центра города. Они допустили в город контингент «голубых касок», переброшенный в срочном порядке из Сараева (260). В Белграде переговоры вел Я.Акаши. 22 апреля Североатлантический союз сделал заявление о том, что авиационные удары будут нанесены по конкретным военным силам, средствам и объектам, если тяжелое оружие сербов будет оставаться в пределах запретной зоны, установленной в радиусе 20 км от центра Горажде. И 22 апреля Я.Акаши получил указание от Генерального секретаря ООН, которому переговоры казались затянувшимися, поставить сербам ультиматум: вывести свои войска из города за трехкилометровую зону к полночи. В противном случае переговоры прекратить. Несмотря на готовность НАТО к авиаударам, Я.Акаши удалось уговорить сербов отойти от города и вывести все тяжелое вооружение, разрешить свободу передвижения персоналу СООНО и гуманитарных организаций. В официальных кругах окончание кризиса около Горажде называли «успехом натовского ультиматума».

В Резолюции № 913 от 22 апреля 1994 г. СБ постановил активно заниматься вопросом, касающимся ситуации в Горажде и вокруг него. Сербов должны были вывести войска из трехкилометровой зоны, а все тяжелое вооружение из 20-километровой зоны к 26 апреля. Сербское командование выполнило условия и отвело тяже-

¹ Как писал Й.Бодански, по некоторым данным, «Си Харриер» был сбит мусульманами по договоренности с натовцами, чтобы иметь предлог для наказания сербов (311, с.117).

лое вооружение из всех 32 пунктов указанной зоны. «С 18.00 часов по местному времени прекращено наступление на Горажде.» — заявил представитель ООН по связям с прессой Джо Стилс. Подразделения СООНО начали располагаться вдоль демаркационной линии между силами боснийских сербов и боснийских мусульман. Но обстановка продолжала оставаться напряженной в связи с тем, что мусульмане жаловались на присутствие сербов в трехкилометровой зоне.

Наметившаяся антисербская тенденция международных организаций и НАТО давала уверенность мусульманам в их безнаказанности. «Зачем садиться за стол переговоров, если можно просто положить, откуда сербов закидают бомбами, они отойдут от своих позиций, освобождая «жизненное пространство» для противника, после присоединения которого к уже находящимся под его контролем территориям пропадает сам предмет переговоров?» (259). Такое же сомнение высказала мусульманская газета «Западна Босна»: «Неужели драма Горажде придумана в головах мусульманских вождей из Сараева, чтобы вовлечь и НАТО, и подразделения миротворцев ООН и БИГ в открытое столкновение с армией боснийских сербов? ... Заманить сербские войска как можно ближе к городу и поиграть судьбами 60 000 людей в окружении?» (261, с. 14). Это высказывание похоже на правду, поскольку и генерал Майкл Роуз, главнокомандующий СООНО, удивлялся, как легко мусульмане пропустили сербские танки к городу, когда их можно было остановить одно поваленное на дороге дерево. А его помощник подполковник Симон Шетболт упомянул в этой связи, что мусульманское правительство пыталось «заполучить ООН и НАТО на свою сторону, чтобы втянуть их в войну» против сербов (261, с. 14). Мусульманское правительство пыталось использовать агонию города, размеры которой преувеличивали мировые агентства, для снятия эмбарго на поставки вооружения (Э. Ганч находился в это время в США), мечтали о том, чтобы каждый город, находившийся в защищенной зоне, был очищен от сербов в 20-километровой зоне. Это облегчило бы соединение восточных анклавов с Центральной Боснией (261, с. 15). После посещения Горажде М. Роуз сказал, что ущерб городу значительно меньше, чем об этом говорилось, значительно меньше и жертв: «Уровень разрушений в Горажде не таков, как мы ожидали. Сербские солдаты отступили из трехкилометровой зоны относительно центра города, а в зоне 20 км не найдено никакого тяжелого вооружения из принадлежащего им» (311, с. 105; 261, с. 15).

Уже очень скоро миротворцы убедились, что мусульмане преувеличивали тяжесть гуманитарной ситуации в городе. Число жертв было значительно ниже того, что указывалось в первых сообщениях — 715 погибших и 1970 раненых, из которых 600 нуждались в срочной эвакуации. Последовавшая за тем проверка обнаружила, что погибших было около 200 и около 200 — тяжело раненых, из которых 70% — мусульманские солдаты, писал Й. Бодански (311, с. 122).

Журналисты писали тогда: «Местные мусульманские власти и военное командование из страха за свои жизни «умножали на три» потерю каждого убитого солдата или легко раненного мирного жителя. Испуганные представители гуманитарных организаций, забаррикадированные в домах, принимали без всякого сомнения их «информацию» о количестве жертв и отправляли ее через Сараево на Запад, где СМИ с нетерпением ждали новых «доказательств» жестокой сербской агрессии. Верховный комиссариат по делам беженцев запустил ложь о 1970 раненых и 750 убитых жителях Горажде, требуя срочной эвакуации «жертв сербских террористов».

Представитель одной гуманитарной организации специальными корреспондентам «Фигаро» и «Либерасьон» рассказывал: «Раненые, которых мы застали в больнице, когда ушли из Горажде, были в огромном большинстве солдатами, недавно доставленными с фронта. Когда мы эвакуировали около сотни раненых, больница опустела. Наши команды начали искать оставшиеся жертвы в городе, заходя в разрушенные или поврежденные здания. Мы с удивлением задавали себе вопрос, где же более тысячи раненных, — говорит он. — Мы их не нашли... Врачи, с которыми мы разговаривали, были еще в шоке. Их показания, считающиеся аутентичными, основывались на заявлениях местных властей. В последние дни осады они практически ничего не видели, потому что не выходили из убежищ, и ничего не делали, кроме как панически звать на помощь». Этот анонимный свидетель «правды», гневно сообщил свой вывод: «Эвакуацию из Горажде под гуманитарным предлогом требовали для того, чтобы ушли солдаты и местные власти» (311, с. 103–104).

Представитель Верховного комиссариата в Сараево Петер Кеслер признает, что давая неверные сведения, всря сообщениями своих людей из Горажде: «Мы не знали, что они получали информацию от боснийских властей, но лично ее не проверяли». П. Кеслер, оправдываясь, добавляет: «Мы на войне, а на любой войне все участники используют пропаганду», так как «информация — это искусство» (311, с. 104).

Отдельные иностранные наблюдатели открыто говорили о вероятности того, что правящая команда Изетбеговича намеренно жертвовала мусульманскими «защитниками Горажде». Предоставляя их собственной судьбе, она, в то же время, посредством кампании в СМИ максимально драматизировала ситуацию в городе, подобно тому, как поступали хорваты в случае с Вуковаром осенью 1991 г., сообщил корреспондент «Фигаро». В обоих случаях «цель была одна — заставить Запад как можно резче выступать против сербов» (311, с. 105).

Рассматривая и далее концепцию защищенных зон, упомянем *Сребреницу*. Еще в мае 1992 г. из города были изгнаны все сербы, в округе сожжены 72 сербских села, убиты мирные жители. Стратегически этот город был важен для мусульман как связь с мусульманами Косова. Именно отсюда легко было перерезать узкий перешийек, соединяющий сербские территории, что они и попытались сделать в октябре 1992 г. В январе 1993 г. началось наступление мусульман на оставшиеся сербские села Скелане, Чосиче, Крушиче. 13 тыс. сербов стали беженцами. 18 апреля 1993 г. вступило в силу соглашение о демилитаризации Сребреницы, подписанное генералом Р.Младичем и командующим Мусульманской армией С.Халиловичем. 21 апреля в город вошли полицейские отряды СООНО. Однако, по сведениям сербов, в городе оставались 3 тыс. отборных мусульманских солдат. Они делали вылазки из города и нападали на сербские села. В Подрине были убиты 1 тыс. сербов, 87 — жестоко замучены. Демилитаризации Сребреницы, которая должна была завершиться в течение 72 часов, так и не произошло (263, с. 14). На все требования об исполнении демилитаризации Сребреницы сербская сторона ответа не получала.

Правительственные силы БНГ были виновны в развязывании военных действий в большинстве безопасных районов и вокруг них. Б.Бутрос-Гали отмечал, что они «существенно активизировали свою военную деятельность в большинстве безопасных районов и вокруг них, и многие из этих районов, в том числе Сараево, Тузла и

Бихач, оказались втянутыми в осуществляемые правительством более широкие военные кампании». По его словам, «правительство даже держит значительное число войск в Сребренице (в данном случае нарушая соглашение о демилитаризации), Горажде и Жепе... В Горажде находится завод по производству боеприпасов» (255, с. 12). Я.Акаши, хорошо знакомый с обстановкой, также подчеркивал, что Сараево, Тузла и Бихач использовались мусульманами как командные центры для военных операций (293, с. 7). Б.Бутрос-Гали подтверждал, что действия сербов являются реакцией «на наступательные действия правительственной армии с территории безопасных районов», хотя «часто в несоизмеримых масштабах». Отсюда делался вывод, что «независимо от наличия провокаций эти действия сил боснийских сербов являются нарушением режима безопасных районов», и поэтому СООНО должны, согласно мандату, реагировать на действия сербов (255, с. 12). Руководство ООН понимало, что тем самым нарушается объективность «голубых касок», которая была заложена в мандате СООНО. Б.Бутрос-Гали прямо подчеркивал в своем докладе: «Когда Силы реагируют на подобные действия, становится сложно сохранять беспристрастность СООНО, и Силы рассматриваются в качестве стороны в конфликте» (255, с. 12). Б.Бутрос-Гали не скрывал, что «усиливается давление на СООНО с тем, чтобы для «защиты» этих районов они использовали военно-воздушные силы» (255, с. 12). Хотя Генеральный секретарь не говорит, кто оказывал на него давление, из текста его доклада становится ясно, что речь идет об использовании самолетов НАТО, на котором настаивало руководство альянса. При этом больше всего Б.Бутрос-Гали был озабочен тем, что подобные действия могут «вывести СООНО за пределы операции по поддержанию мира и быстро превратить их в одну из сторон в конфликте» (255, с. 12). Его опасения, к сожалению, были вполне оправданны.

Начало августа было трудным временем как в переговорном процессе по поводу плана Контактной группы, так и во взаимоотношениях РС и СРЮ, РС и руководства СООНО. Последние с помощью самолетов НАТО выступили инструментом давления на сербов. Им угрожали усилением санкций, расширением территории защищенных зон в БИГ, усилением использования авиации НАТО, снятием эмбарго на поставки оружия Мусульманской армии. 5 августа 1994 г., на следующий день после объявления правительством Югославии о закрытии границ с СРЮ, состоялась воздушная операция НАТО, когда самолеты бомбили сербские цели в зоне Сараева. Приказ о нанесении ударов был дан после захвата сербами одного танка, двух транспортеров и одной легкой пушки на складе в Илидже, охраняемом украинским батальоном. Совет Безопасности осудил эту акцию и в качестве острастки 16 самолетов взлетели с базы в Италии и разбомбили вросший в землю старый грузовик. Сербь вернули украденное. Инцидент был исчерпан. Но впервые СООНО руками НАТО выполняли функцию «наказания» одной из сторон, а не «защиты «голубых касок», как это предусматривалось резолюциями СБ. По официальной версии НАТО, приказы о воздушных ударах были отданы на основе договора между НАТО и СООНО. Основанием же для такой акции служило решение Совета НАТО, согласно которому «тяжелое вооружение в зоне 20 км около Сараева, не находящееся под контролем сил ООН, подвергается воздушным ударам НАТО» (129).

Напомним, что решениями Североатлантического пакта от 22 апреля предлагалось сараевскую модель нейтрализации тяжелой артиллерии (20-километровая зона исключения от центра) расширить и на Горажде, а четыре остальных территории, которые СБ провозгласил защищенными зонами (Тузла, Бихач, Сребреница и

Жепа) поставить в положение «полу-исключения» — в этих зонах воюющие стороны могут задержать свое тяжелое вооружение, но не должны его использовать, перемещать или концентрировать. В случае нарушения, эти зоны провозглашаются «защищенными». Для расширения сарасвской модели и на Тузлу, Бихач, Сребреницу и Жепу, по мысли натовских стратегов, не нужны никакие дополнительные решения СБ. Полномочия уже получены Резолюциями 836 и 913. Все планы применения силы теперь разрабатывались совместными усилиями НАТО и СООНО. Смысл готовившихся акций — не вступить в войну с сербами, а отяжелить им продолжение войны, заставить их сдаться (130).

22 сентября 1994 г. очередной воздушный удар был нанесен по сербским позициям вблизи Сараева. По сообщениям СООНО в 11.31 сербы открыли огонь по антинатоперскому патрулю около «зоны неключения», при этом один солдат был ранен. В 13.15 обстрелу подверглось французское транспортное средство около моста Братства-единства, где трое солдат были ранены. В 14.00 сербы тяжело ранили водителя французской военной машины в районе Sharp Stone feature. СООНО потребовал поддержки у НАТО. В 18.15 британские самолеты подбили сербский танк Т-55. Существует и другая версия последовательности событий: сербы просили убрать транспортное средство из зоны исключения, предполагая, что оно мусульманское. Оказалось, что автомашина принадлежит французам. Тогда сербы поставили ультиматум, что средство должно быть выведено, так как находится вне зоны ответственности французского батальона. Ультиматум не был выполнен. Сербия открыла по средству огонь и ранила троих французских солдат. Тогда была запрошена помощь НАТО. Офицеры НАТО выбрали цель, дали сербам 20 минут, предупредив, чтобы из этого района были выведены люди (этого времени хватает, чтобы вывести людей, но недостаточно, чтобы установить противовоздушное орудие). Действия натовцев не казались сербам серьезными — они не наносили большого урона и имели скорое пробный и предупредительный характер. Поэтому они позволяли себе сопротивляться, высказывать недовольство и даже грозить ответными действиями, хотя средства были ограничены. В ответ на подбитый танк генерал Р.Младич 25 сентября выступил с предупреждением, что не может гарантировать безопасность аэродрома в Сараеве, и запретил любое движение через свои территории. Сараевский аэродром закрыли до 6 октября. В ответ на удары с воздуха по расположенному в Хорватии Удбинскому аэродрому, который, по мысли СООНО, использовался сербами для совершения воздушных налетов на безопасный район Бихач (21 ноября), и обстрел сербских позиций зенитных ракет, «которые создавали угрозу авиасредствам НАТО» (23 ноября), сербы задержали в районе Сараева 350 миротворцев (255,с.18).

В то время для принятия решения об авиаударах еще существовала система двойного ключа — необходимо было согласие и руководства СООНО, и НАТО. На встречах руководителей этих двух ведомств обсуждались вопросы взаимоотношений, сотрудничества и координации. Натовцы были уверены, что угрозы бомбовых ударов являются самым эффективным способом давления на сербов. Например, 3 октября в Сплите Я.Акаши и военное руководство СООНО встречались с министром обороны США Вильямом Перри. Хотя у Б.Бутрос-Гали закрадывались сомнения по поводу применения силы лишь против одной стороны, поскольку это меняет представление о нейтралитете СООНО (255,с.18), никаких изменений в подходе к конфликту у сторон не происходило.

Декабрьское (1994) соглашение о прекращении огня продлилось лишь до конца апреля 1995 г. Столкновения возобновились вокруг Бихача, Тузлы, в Центральной Боснии. Произошли сильные столкновения между силами мусульманского правительства и сербов вокруг ключевых объектов около Сараева. Обе стороны перешли к использованию тяжелых вооружений. Сербы вывели несколько единиц из пунктов сбора оружия, а мусульмане открыто использовали их в городе и вне его.

ООН стала вновь рассматривать вопрос о применении военно-воздушных сил против сербов, хотя предупреждения получали обе стороны (255, с.3). Бомбардировки войсками НАТО двух бункеров на территории склада боеприпасов близ Пале 25 мая серьезно обострили ситуацию. Сербы окружили ряд пунктов сбора оружия, обстреляли все «безопасные районы», за исключением Жепы. Доклад Генерального секретаря о событиях тех дней достаточно противоречив. С одной стороны, он должен был обосновать виновность сербов, а с другой, — должен был оперировать фактами, которые говорили об обратном. Так, он отмечал, что «трудности ведения наблюдения как на местах, так и с воздуха осложнили проверку соблюдения обеими сторонами требования о выводе тяжелых вооружений из запретной зоны». Однако сомнений в том, что наказать надо лишь одну сторону, ни у кого не возникало. 26 мая был «произведен второй налет на остальные шесть бункеров на складе боеприпасов в Пале» (255, с.4).

Сербы, находясь в политической изоляции в роли мировых изгоев, пытались повсему привлечь внимание мировой общественности к необъективности международных организаций и остановить дальнейшие удары авиации. Зная, как болезненно реагируют западные страны на потери своих солдат, они решили брать миротворцев в заложники. Задержав 199 и ограничив передвижение более 200 миротворцев, они выставляли их в качестве живого щита на объектах, по которым стреляли натовские самолеты. Тогда европейская дипломатия объединилась по вопросу освобождения заложников. Воздушные удары НАТО были прекращены, а миротворцы по просьбе России были отпущены на свободу. Вскоре после этого силы мусульманского правительства блокировали сотрудников СООНО в Высоком, Горажде, Горни-Вакуфе и Кладане, однако заслужили лишь неудовольствие СБ, который выразил «глубокую озабоченность» (53).

В июле, когда сербы повели наступление на Сребреницу и Жепу, это было расценено как преступление, требующее наказания. 11 июля 1995 г. два нидерландских истребителя выпустили бомбы по сербским позициям, уничтожив танк. Тогда же, в событиях около Сребреницы мусульмане обстреляли голландские посты. Часть солдат были убиты, а часть перешли к сербам, чтобы спасти свои жизни. Но бомбовые удары так и остались привилегией сербов. Стереотип, двойной стандарт или задуманный план ?

После международной конференции по Боснии и Герцеговине, проведенной в Лондоне 21 июля 1995 г., Североатлантический совет утвердил необходимые планы по сдерживанию нападения на «зону безопасности» в Горажде при использовании всей воздушной мощи НАТО, расширив это решение вскоре на Сараево, Бихач и Тузлу. 3 июня 1995 г. в Париже состоялось совещание 16 министров обороны стран — участниц НАТО и ЗЕС, целиком посвященное положению в Боснии и Герцеговине. Решено было создать оснащенные тяжелой боевой техникой, готовые к ведению боев *Силы быстрого реагирования (СБР)* в составе 10 тыс. человек. В ис-

тории ООН СБР создавались впервые. Главная задача этих сил определялась как устранение силами НАТО любых попыток воспрепятствовать выполнению задач ООН. Журналистам объяснили, что основная задача этих сил — предупредить, а при необходимости и устранить силовым путем любые попытки воспрепятствовать выполнению задач ООН «голубыми касками». Одновременно в печати появились сведения о том, что все-таки главной функцией СБР будет наказание «виновных». Объяснять, кто виновный, не требовалось.

Тогда рассматривался вопрос о том, что в СБР войдут две пехотные бригады — французская и английская по 1600 человек каждая, английская 21-ая автотанковая бригада в составе 6 тыс. человек, вооруженная легкими танками и 105-мм гаубицами, а также 300 голландских военнослужащих. 9 тыс. военнослужащих будут приданы «ударной группировке» в качестве резерва. США окажут поддержку вертолетами, приборами ночного видения, будут участвовать в операциях воздушной поддержки силами ООН в БиГ в рамках НАТО. Другие страны предоставят необходимое оборудование. Командовать ими будет представитель Франции, а замком станет англичанин. Оперативный контроль предложен командованию СООНО. Создание СБР означало реализацию замены сил ООН силами НАТО. Формально еще требовалось одобрение этой акции Советом Безопасности, но подготовка операции уже началась. Нарастивание сил НАТО на Балканах проводилось уже открыто.

Многое в этой ситуации зависело от России. Но как всегда ее позиция была недостаточно ясной и противоречивой. Представитель МИД Г.Карасин сначала заявлял, что Россия не допустит участия НАТО и применения ею силы в БиГ, вплоть до использования права вето. Обнадешивающими были и высказывания заместителя министра иностранных дел С.Лаврова: «Россия никогда не поддерживала военные методы решения проблем югославского кризиса, тем более путем силовых интервенций мирового сообщества против одной из боснийских сторон... В резолюциях Совета Безопасности ООН, допускающих применение силы в Боснии и Герцеговине, содержатся жесткие критерии и ограничения. Во-первых, силовые действия возможны только в трех случаях: если совершено нападение на конвой с гуманитарной помощью (Резолюция 771, август 1992 г.); если какая-либо из сторон нарушила режим бесполетной зоны в воздушном пространстве над Боснией (Резолюция 816, март 1993 г.); и если кто-то из участников конфликта непосредственно препятствует Силам ООН по охране осуществлять мандат в зонах безопасности (Резолюция 836, июнь 1993 г.)» (190). Затем представители МИД стали говорить, что следует изучить цели и структуру СБР НАТО в БиГ, «их общую концепцию», а только потом выработать позицию МИД. Изменить позицию России по отношению к СБР пытался А.Козырев. После поездки в Великобританию, он оказался «вполне удовлетворен теми объяснениями и заверениями» по поводу Сил быстрого реагирования, которые он получил, предложив даже включить российские войска в СБР. А.Козырев невнятно объяснял, что Россия — за путь переговоров, но не против того, чтобы СБР занимались «миротворческой деятельностью» (336, с. 133—134). Становилось ясно, что Россия не использует права вето в СБ по вопросу о СБР.

Я.Акаши выразил озабоченность возможностью военных действий, поскольку предполагал, что СБР встанут на одну из сторон конфликта. Но с другой стороны, его привлекала идея использовать вместо сил воздушной поддержки наземные силы, упомянул он и о том, что они будут выполнять и функцию наказания виновных.

16 июня 1995 г. Совет Безопасности принял резолюцию, одобряющую присутствие СБР в составе 12 тыс. в БиГ. При голосовании Россия и Китай воздержались. С.Лавров мотивировал это тем, что в тексте Резолюции нет гарантий, что СБР не встанут на одну из воюющих сторон. Однако общей ситуации такая позиция изменить не могла.

Кольцо вокруг сербов в Боснии сжималось. Многотысячные натовские Силы быстрого реагирования с 15 июля должны были приступить к выполнению своих «мировотворческих» обязательств. Активизировалась и деятельность США в Боснии. Группу военных советников в Сараеве возглавлял американский генерал Дж.Свол. Офицеры-специалисты США неоднократно прибывали на аэродром Дубровника, обследуя «на всякий случай» его военные возможности. Американские самолеты как у себя дома садились в Сплите, доставляя сюда в июле 1995 г. военное оборудование: они готовили почву для встречи Сил быстрого реагирования из Великобритании. Американские службы наведения были расположены в нескольких боснийских городах, «оберегая» боснийское небо. Американские офицеры находились и в Македонии. 10 июля американцы начали первые совместные военные учения с Албанией (184).

Таким образом, к лету 1995 г. НАТО заняла достаточно прочные позиции на всей территории бывшей Югославии, закрепила свое международное положение в резолюциях ООН, максимально расширила свой мандат, а, значит, возможности, проверила взлетные полосы, опробовала систему наведения и даже неоднократно «пристреливалась» к целям, подготовила общественное мнение и заручилась поддержкой многих государств. Сдерживающим фактором оставался только момент принятия решений, или, так называемый принцип «двойного ключа».

Принцип «двойного ключа». Международные организации обсуждали вопрос об изменении принципа «двойного ключа» при принятии решения о воздушных ударах. Поэтому Америка продолжала упорно настаивать на отстранении личного представителя Генерального секретаря от участия в принятии решения о воздушных ударах НАТО по сербским позициям. Согласно американской концепции, решение должны принимать командующий СООНО в БиГ генерал Р.Смит и командующий НАТО адмирал Л.Смит. Я.Акаши 23 июля 1995 г. дал свое разъяснение по поводу обсуждаемой проблемы. По его словам, ООН и дальше имеет последнее слово при принятии решения. При этом он просил сделать различие между приказом о «близкой воздушной поддержке» и «воздушном ударе»: «По требованию командующего ООН на местности из-за срочности я могу одобрить воздушную поддержку. При воздушных ударах требование исходит от командующего ООН на местности, а ГС ООН после консультаций со мной и командующим НАТО имеет последнее слово», — говорил Я.Акаши (186,с.4). Такая позиция не устраивала США. Уже 26 июля Б.Бутрос-Гали заявил о том, что полномочия о принятии решения об употреблении авиации НАТО передаст командующим СООНО. Я.Акаши был вынужден согласиться с этим, добавив, что это решение продиктовано последними соображениями в Сребренице и Жепе (187,с.5). Однако Генеральный секретарь ООН подчеркнул, что данные полномочия распространяются только на защиту миротворческих сил и соответствующих зон. Бомбардировки широких масштабов с целью наказания сербских войск, как этого требуют США, не определяются резолюциями СБ

и поэтому для них необходимы новые политические решения. Москва выразила недовольство решением Б.Бутроса-Гали и делала попытки убедить ООН, что решение о воздушных ударах должно остаться под полным контролем ООН (188, с.3-4).

21 июля 1995 г. в Лондоне состоялась расширенная встреча министров иностранных дел, обороны и начальников главных штабов стран — членов КГ, а также представителей ЕС, МКБЮ и НАТО. Америка была настроена агрессивно — выступала за нанесение беспрецедентных массированных воздушных ударов по сербским позициям, причем прежде всего по системе ПВО. Без этого США не хотели открывать вертолетно-транспортный мост для переброски в Горажде Сил быстрого реагирования. США настаивали также на передаче руководства всей операцией от ООН — НАТО.

Россия, которую представляли А.Козырев и П.Грачев, выступала против решения вопроса силой. Она выразила свое несогласие с призывами Франции дать наступающим колоннам боснийских сербов бой на суше, критиковала американский план массированных воздушных ударов и идею создать так называемый особый корпус быстрого развертывания под контролем НАТО. Москва была против вывода сил ООН с Балкан, более того, даже предложила их увеличить, в том числе и за счет российских подразделений. Россия предложила также исключить использование «зон безопасности» в качестве плацдармов для наступательных сил мусульман и создать своего рода международный штаб с широкими оперативно-тактическими функциями, т.е. постоянный военно-консультативный орган стран, участвующих в миротворческой операции. Однако предложения России во внимание приняты не были. Более того, Россию удалось как бы устраним от дальнейшего обсуждения вопроса, которое переносилось в резиденцию НАТО. Госсекретарь США Кристофер на пресс-конференции заявил, что «...достигнутые нами соглашения не зависят от согласия русских или вообще голоса русских» (60, с.3).

В Брюсселе спор разгорелся по поводу отстранения ООН от принятия решения по военным операциям. США требовали «автономного и эффективного руководства операциями в Боснии» (59). В результате Б.Бутрос-Гали отказался от своего права давать «добро» на ту или иную операцию НАТО, что автоматически лишило такого права и Совет Безопасности, и Я.Акаши. Решение теперь принимали военные — командующий миротворческими силами на территории бывшей Югославии (Б.Жанвье) и генеральный секретарь НАТО. Итогового документа выработано не было. Однако США, Англия и Франция пригрозили сербам ультиматумом: если они продолжат наступление на Горажде, то по их позициям будут нанесены массированные бомбовые удары. К этому все было готово. В Италии на аэродромах находились уже около 200 самолетов НАТО. Была разработана и тактика. Удары НАТО должны были быть ответом на нападение на защищенные зоны Бихач, Тузлу, Сараево, а также на концентрацию сербских сил на одном из направлений. Это решение поддержали мусульманские страны, требуя наказать сербов и снять эмбарго на поставки вооружения в БiГ.

В августе-сентябре 1995 г. мусульманско-хорватские силы начали наступление на Северо-Западе и Западе Боснии и Герцеговины. Оно было успешным, не вызвало осуждения со стороны НАТО и коренным образом изменило военно-политическую ситуацию в стране. К сожалению, миротворческие силы к этому времени час-

то нарушали свой нейтралитет. Р.Младич направил в июне 1995 г. письмо-протест командующему силами СООНО Б.Жанвье «в связи с открытым переходом отдельных контингентов СООНО на мусульманскую сторону и их огневой поддержкой мусульманского наступления». Силы французского батальона 20 июня действовали орудиями калибра 75 мм по сербским позициям в районе Полицы, уничтожив одно самоходное орудие APC. «Ваши силы, расположенные на горе Игман, противоминным огнем поддержали мусульманские силы в их наступлении на сербские позиции и территорию в направлении дороги Сараево-Трново». Р.Младич охарактеризовал такое поведение как «пристрастность СООНО» (54).

Английская «Гардиан» в апреле 1996 г. выступила с утверждением, что английские военнослужащие, находившиеся в Боснии в составе СООНО, вели в период с 1992 по 1995 г. «несафшированную» войну против всех сторон боснийского конфликта. В общей сложности они убили намного больше хорватов, мусульман и сербов, чем об этом сообщалось официально, когда эти случаи квалифицировались как «непреднамеренная перестрелка» или «обмен огнем». Согласно источникам ООН и британского министерства обороны, с октября 1992 по февраль 1994 г. от рук британских войск в Центральной Боснии погибло 38 человек. Однако по другим оценкам, замсчат газета, военнослужащие только одного Йоркширского полка принца Уэльского убили за этот период от 40 до 50 хорватов и 30 мусульман (172).

Операция НАТО «Освободительная сила», о которой будет рассказано ниже, в августе и сентябре 1995 г. разбила сербский военный потенциал, позволила мусульманам и хорватам завоевать ряд территорий, удерживаемых сербами. В результате такого принуждения к миру и сербы, и хорваты, и мусульмане вынуждены были пойти на подписание мирного соглашения. 20 декабря 1995 г. был прекращен мандат СООНО в БиГ. Его функции перешли к Силам по выполнению соглашения (СВС), созданным после подписания Мирного соглашения по Боснии и Герцеговине в Дэйтоне.

Миссия СООНО в Македонии. Силы СООНО по просьбе македонского правительства были развернуты в Македонии в декабре 1992 г. В сентябре 1994 г. в Македонии находилось 1305 миротворцев. Военных было 1169 человек, военных наблюдателей — 19 и полицейских — 26. Военный контингент состоял из Нордического батальона — 621 человек и Американского батальона — 542 человека. Под флагом Нордического батальона служили норвежцы, финны и шведы (109). Основной задачей миротворцев в этой республике был контроль за развитием событий и приграничных с Сербией и Албанией районах, откуда, по мысли руководства Македонии, стране исходила основная опасность. Мандат СООНО в Македонии носил превентивный характер и предусматривал наблюдение за любыми событиями в пограничных районах, способными подорвать стабильность в Македонии и угрожать ее территории, и информирование о них. Руководство ООН считало, что это первое «превентивное» развертывание персонала ООН по поддержанию мира оказалось успешным и служило для Совета Безопасности важным средством раннего предупреждения.

После реструктуризации СООНО в марте 1995 г. их заменили в Македонии Силы превентивного развертывания (СПРООН). Содержание мандата осталось прежним — наблюдение за развитием событий в пограничных районах. С 1 февра-

ля 1996 г., после прекращения мандатов ООНВД и СООНО Силы превентивного развертывания стали самостоятельной миссией, докладывающей непосредственно в Центральные учреждения ООН в Нью-Йорке.

10. Жаркое лето 1994 года — под знаком Контактной группы

После февральского 1994 г. кризиса США берут инициативу в свои руки. Мусульманская сторона усиливается, благодаря примирению вчерашних смертных врагов и созданию мусульманско-хорватской федерации (МБиГ). В переговорном процессе также наступают серьезные перемены. На политической сцене появляется новый орган, взявший на себя роль лидера в урегулировании — Контактная группа (КГ).

Решение о создании Контактной группы выросло из необходимости усилить влияние США на процесс урегулирования в Боснии и Герцеговине, упростить механизм принятия решений в рамках ЕС, разработать новую формулу переговорного процесса после неудачной деятельности министров иностранных дел ЕС. Вашингтон был недоволен своим участием в официальных структурах, занимающихся переговорным процессом: они не были представлены в МКБЮ, ЕС, «тройке» (бывший, настоящий и будущий председательствующие ЕС) и не могли активно влиять на ситуацию даже через структуры СООНО. При существовавшей иерархии в ООН, последнее слово оставалось за Генеральным секретарем. В процессе принятия решений участвовало много субъектов, что делало рискованным проведение не всегда объективных решений. И хотя США удалось добиться единства в Совете Безопасности, нейтрализовав Россию, события февральского кризиса 1994 г. показали, что Россия могла в любой момент выйти из подчинения, а ее поведение слабо прогнозировалось и во многом зависело от расклада внутриполитических сил. Кроме того, пришло время запускать механизм действия НАТО на кризисных территориях. Поэтому, видимо, и родилась идея создать политический орган урегулирования кризиса из более узкого круга стран (США, Германия, Англия, Франция и Россия), где консенсус достигался легче. Никакого специального решения ООН о создании КГ и ее функциях не существовало. Создание Контактной группы было окутано тайной, поскольку, как предполагал Д.Оуэн, ЕС не дал бы согласие на создание такого органа, исключаящего ЕС из процесса урегулирования. Было решено поставить ЕС перед свершившимся фактом. Координатором создания КГ был Д.Оуэн (295, с.308). О ней не знали даже в штабе СООНО. Мы тогда в штабе получили задание от Я.Акаши разузнать, что такое создаваемая Контактная группа и каковы ее функции. В российском посольстве в Белграде, куда я позвонила, мне ответили, что КГ задумана как вспомогательный орган из дипломатов невысокого уровня по подготовке предварительных черновых документов для министров пяти стран, занимающихся разрешением балканской проблемы. Политические директоры ЕС 10 мая рассматривали вопрос легитимности состава КГ, но вопрос удалось замять. Со временем полномочия группы расширились, она начала дублировать функции личного представителя Генерального секретаря ООН в бывшей Югославии Я.Акаши в переговорном процессе. Только в сентябре 1994 г. Контактная группа впервые упоминается в Резолюции 947 Совета Безопасности — ее работа и «ее роль во всеобъемлющем мирном процессе в регионе» признаются крайне важными.

«Над югославским кризисом возникла достаточно сложная надстройка», — признавался один из российских дипломатов, говоря о том, что КГ существует на разных уровнях (349, с. 36). На одном уровне работала группа экспертов в ранге послов, призванная вести переговоры со сторонами. Другой уровень представляли политические директоры, осуществлявшие общий политический контроль и лишь иногда подключавшиеся к беседам и контактам. Существовал и министерский уровень Контактной группы. Иногда министров заменяли постоянные представители при ООН.

Первая встреча участников КГ состоялась в Лондоне 26 апреля 1994 г. На ней сразу проявилось лидерство одной страны, США, а присутствие представителей России, Германии, Англии и Франции создавало лишь видимость коллегиальности. Верховодила в КГ Америка, она диктовала условия и проводила свою линию. Инициатива России и ее роль были сведены на нет. Вскоре СООНО и лично Я. Акаши начали выступать в роли подручных при Контактной группе. КГ взяла на себя без предварительного согласования многие функции МКБЮ и СООНО. Ее цель видна лишь с некоторого временного расстояния, хоть и небольшой, но исторической дистанции. Думается, что инициатива Америки создать КГ была связана прежде всего с планами реанимации НАТО. Ведь уже несколько раз срывались или видоизменялись планы использования НАТО в БИГ в военных целях. Был уже определен и враг, и объекты, и даже сострепаны поводы. Но каждый раз эти планы срывались то по вине Б. Бутрос-Гали, то Я. Акаши, то России. Контактная группа стала мостом между ООН и НАТО. Она должна была взять инициативу урегулирования кризиса в БИГ в свои руки, подготовить проект, с которым никогда не согласится Республика Сербская, и создать условия для использования авиации НАТО, тем самым легализовать участие НАТО в «миротворческих» операциях.

13 мая 1994 г. в Женеве министры иностранных дел США, России, Великобритании, Франции и Германии в присутствии «европейской тройки» (представители Бельгии, Греции, Германии) договорились о единой стратегии в разрешении боснийского конфликта. Был рассмотрен вопрос о зависимости снятия санкций с СРЮ от согласия сербов с решением КГ, обсужден вариант снятия эмбарго на поставки оружия мусульманам. Министры в своем сообщении призвали стороны начать переговоры о всеохватывающем решении под руководством тогда никому еще не известной Контактной группы, заключить договор о четырехмесячном прекращении военных действий, принять формулу о разделении БИГ в соотношении 5:1 (мусульманско-хорватская сторона) : 4:9 (сербская сторона) и без предварительных условий заключить политический договор (295, с. 310).

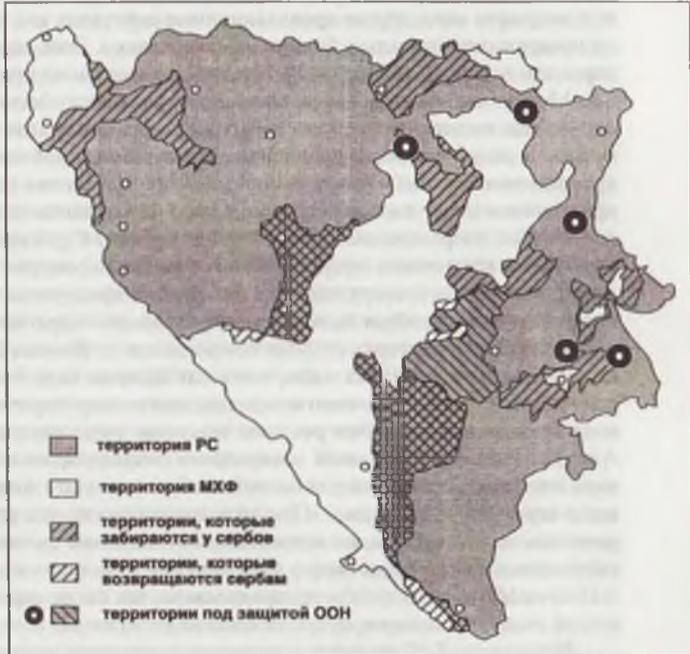
Создание Контактной группы означало новый этап в развитии югославского кризиса и переход международных организаций к жесткой доктрине принуждения к миру. План КГ практически отрицал все предшествующие договоренности, разрабатывался без участия сторон. В качестве методики согласования позиций применялся ультиматум. А. В. Козырев подчеркивал, что члены КГ «выбрали единственную альтернативу: совместные действия, общий фронт против тех, кого война лишила разума» (250). Этот «общий фронт» против сербов он скромно назвал «мирным ультиматумом».

Члены КГ активно занялись начертанием карты разделения. Хотя она была изначально невыгодна сербам, В. И. Чуркин заручился одобрением Москвы и Белграда, что весьма удивило Д. Оуэна и Т. Столтенберга (295, с. 311).

Учитывая, что уже была создана мусульmano-хорватская федерация, члены КГ предложили разделить БиГ на два государства: мусульманско-хорватское и сербское. Многие вопросы, правда, оставались еще неясными, требовалось некоторое время для их уточнения. Т. Столтенберг в разговоре с А. Изетбеговичем заручился его согласием участвовать в переговорах, если не будет ставиться под сомнение единство Боснии и Герцеговины как государства, признанного ООН, если все территории, принадлежавшие мусульманам и хорватам до войны, отойдут МБиГ, если они будут составлять 51–55% территории БиГ. Сербь условием возобновления переговоров ставили не только

Карта требуемых усту-

пунктов
 PC по плану
 Контактной группы,
 1994 г.

прекращение огня, но и полное окончание всех боевых действий, освобождение всех заключенных и прекращение пропаганды войны. Сербов, державших под своим контролем в то время около 75% всей территории БиГ, не устраивало то, что им предлагали только 49% территории. Но они готовы были начать переговоры, если критерии обсуждения поднимутся на более высокий уровень (248).

Переговорный процесс предполагалось разбить на несколько этапов. Сначала предстояло договориться о прекращении огня, затем — о приостановке враждебных действий, потом обсудить раздел территорий и лишь в конце — политическое урегулирование.

Первый раунд Женевских переговоров под эгидой КГ при участии Я. Акаши, который должен был закончиться подписанием соглашения о прекращении вражды, длился с 3 по 8 июня 1994 г. Переговоры шли крайне трудно. Враждующие

стороны так и не сели за общий стол, Я.Акаши переговаривался с каждой делегацией отдельно. Мусульмане так и не приехали, а «второй» стороной стали представители ФБиГ. Позиции сторон были крайне непримиримые. Сербь выступали за полное прекращение вражды, а представители ФБиГ предлагали подписать договор о прекращении огня на четыре недели, поставить под контроль все тяжелое вооружение. В результате был подписан непонятный документ под названием «Текст предложений СПГС Ясули Акаши в Женеве 8 июня 1994 г.». С большой натяжкой его можно было рассматривать как договор о прекращении огня. С 10 июня 1994 г. сроком на четыре недели запрещались все военные наступательные операции «или другие провокационные действия» как «первый шаг к полному прекращению вражды в Боснии и Герцеговине». Этот период должен был стать периодом военной стабилизации. Предполагалось также отпустить всех пленных.

Мусульманская сторона оценила Женеву как победу боснийской дипломатии — они не шли на переговоры, пока последний сербский солдат не покинет трехкилометровую зону Горажде, не приняли предложение сербской стороны о годовом сроке прекращения враждебности и замораживании положения на фронте, не приняли предложение международного сообщества о четырехмесячном перемирии и о разделении БиГ на федерацию и «какую-то Республику Сербскую». В результате были выполнены все условия мусульманской стороны: перемирие заключили только на месяц, «как тест агрессору, готов ли он серьезно приступить к переговорному процессу. Это полная победа боснийско-герцеговинской переговорной команды и полное поражение агрессора» (81). По возвращении из Женевы Э.Ганич, положительно оценив итоги, высказал идею, что опыт Женевы надо использовать и дальше: политическое решение должно всегда предшествовать переговорам о прекращении огня. В ином случае военное решение заморозит существующее положение вещей. А политическое условие одно: возвращение оккупированных территорий. «Любая иная постановка проблемы для боснийцев будет означать только признание результатов агрессии и геноцида». «При этом мы осознаем, что территории никогда не менялись политическим, но исключительно военным путем» (82). 9 июля сербы согласились продлить договор о прекращении огня еще на месяц, в то время как Э.Ганич и М.Зубак отклонили это предложение, так как не хотели выполнять положение об отходе на позиции, существовавшие до 10 июня.

Руководство БиГ осуждало все предшествующие усилия международных организаций по урегулированию кризиса, объявляя их необъективными по отношению к мусульманам. Аналитики в БиГ полагали, что приход фашистов в парламент в Италии, предвыборный «срам» Миттерана, поражение консерваторов в Великобритании — это все «плата по счетам» за то, что не поддержали Боснию или не были последовательными в своей политике. В Боснии и Герцеговине были уверены, что и У.Клинтон проиграет из-за этого на следующих выборах, если не поддержит мусульман (81).

Формально стороны не участвовали в подготовке карт, но мусульмане делали свои предложения — они хотели, чтобы Савский мост, Приедор, части Ключа, а также Добой, Брчко, Зворник и Вишеград были включены в так называемую «серую зону» (статус не определен в течение двух лет), чтобы северный «коридор» был максимально сужен или совсем ликвидирован (80). Сербь настаивали на более точном определении статуса сербского государства и района Сарасва.

Второй раунд переговоров на уровне министров иностранных дел начался в Женева 5 июля, где члены КГ уточнили карту, предусмотрев меры поощрения и наказания сторон в случае согласия или отказа принять карту. Рассматривался также вопрос об увеличении до 15 количества «серых зон», об учреждении там параллельной сербской, мусульманской и хорватской администрации. 6 июля сторонам раздали карты, по которым обсуждения не предусматривалось. Р.Караджич высказал пожелание сербской стороне, чтобы одновременно им представили и Конституцию государства, поскольку из карт не было ясно, будут ли сербы иметь самостоятельную республику. Контактная группа, одобренная поддержкой Совета Безопасности и Совета министров ЕС, а также правительств и организаций всего мира, сообщила сторонам, что предлагаемая карта должна быть принята в том виде, в каком она представлена, если стороны не смогут договориться между собой об изменениях. Сторонам было предложено дать ответ не позднее 20 июля.

Контактная группа с самого начала со всей определенностью дала понять, что принятие ее предложения будет сопряжено с определенными выгодами, а отказ — с определенными потерями для сторон (246, с. 3). Для этого был разработан *план мер*, который основывался исключительно на системе «давления» на все стороны конфликта по разным направлениям, чтобы исключить возможность отклонения карт.

I. На воюющие стороны. Сторонам предлагались следующие меры поощрения и наказания. *Поощрительные меры для МХФ:* международная поддержка территориального урегулирования; помощь в реконструкции экономики; создание фонда для беженцев. *Поощрительные меры для РС* выглядели значительно менее привлекательными, поскольку были более неопределенными: подготовка Проекта Резолюции Совета Безопасности по смягчению санкций и территориальному урегулированию, которая могла быть принята сразу после соглашения сербов с картами; поэтапное снятие санкций; открытие Белградского аэродрома. Вывод сербских войск с оккупированных территорий будет поощряться дальнейшей отменой санкций. *Меры наказания для МХФ:* прекращение международной поддержки, включая помощь в реконструкции; облегчение санкций для сербов; продолжение эмбарго на поставку оружия и даже его усиление, вывод армии МХФ с территорий, оставляемых сербами в соответствии с картами КГ. *Меры наказания для РС:* усиление санкций в отношении Сербии и Черногории, приведение в жизнь резолюций СБ ООН «зонах исключения»; отмена эмбарго на поставку оружия мусульманам БиГ; выход СООНО из БиГ. Сторонам давалось две недели на обдумывание ответа. Ответ должен быть или «да» или «нет», никаких условий или ответов типа «если» не допускалось (249; 250).

II. На Белград. Многие в Европе были убеждены, что С.Милошевич имеет огромное влияние на Р.Караджича, способен оказать на него давление и еще не использовал все аргументы. Д.Херд открыто заявил: «Если Р.Караджич не примет мирный план, огромная ответственность будет лежать на президенте С.Милошевиче». Западная дипломатия добавляла, что «отсутствие возможности не является оправданием» (83). Поэтому в Белград тогда зачастую иностранные дипломаты и именитые курьеры. Особая ставка делалась на влияние России, поэтому А.Козырев неоднократно разговаривал с С.Милошевичем.

III. На Пале (дополнительно). Практически с самого начала отсчета срока до дня «Д» Запад был уверен в мусульманском «да» и сербском «нет». Поэтому сербов страшили как могли. Ален Жюппе на встрече с руководством РС сказал, что если сербы

не примут план, то будут подвергнуты международной изоляции, а мусульманам снимут эмбарго на поставку оружия. Франция и Англия грозились вывести свои войска из БиГ. Сербам обещали, что уже 1 августа может быть открыт Белградский аэродром для международных полетов, если сербы скажут «да». За принятие плана выступал и С.Милошевич: с 1 по 12 июля состоялись четыре его встречи с Р.Караджичем и несколько встреч с Р.Младичем, на которых представители РС решительно отказывались обсуждать вопрос о передаче мусульманам части территории, которую держали сербы.

10 июля «группа семи» обратилась с политической Декларацией, посоветовав сторонам принять план раньше указанного срока. Британский министр иностранных дел Даглас Херд и французский Ален Жюппе провели 12–13 июля турне по Балканам, разговаривая с Ф.Туджманом, Я.Акаши, генералом де Лапреблом, А.Изетбеговичем, Р.Караджичем, С.Милошевичем. Сопредседатели МКБЮ Д.Оуэн и Т.Столтенберг разговаривали с С.Милошевичем, Ф.Туджманом и Д.Чосичем 11–14 июля.

После турне политиков в политические кризисы отправились военные, всем своим видом показывая предостережение. 17 июля поездку по Румынии, Болгарии, Македонии, Греции, Албании, Турции, Боснии, Хорватии (не был только в Белграде) начал секретарь по обороне США. 16 июля в Загребе встречались высшие руководители НАТО, ООН и СООНО (командующий силами НАТО в Южной Европе Л.Смит, Б. де Лапребл, М.Роуз, Я.Акаши) для разработки сценария в случае сербского «нет».

Гадая об ответе Республики Сербской, Запад разрабатывал сценарии поведения после его получения:

Первый возможный вариант ответов. «Да (мусульманско-хорватское) — да (сербское)». Считалось, что такой вариант имеет мало шансов на существование.

Второй вариант. Формальное «да — да», но без намерения его выполнять. Условно этот сценарий назывался вариантом для «военной паузы».

Третий вариант. «Да (мусульмане) — нет (сербь)». Этот вариант считался наиболее вероятным. В связи с этим разрабатывались методы давления на сербов.

Четвертый вариант. Сценарий «нет (мусульмане) — да (сербь)» вообще не рассматривался (267).

Внимательное рассмотрение этого документа наводит на мысль о преднамеренном создании тулуповой ситуации для сербов.

В СРЮ, РС и РСК в средствах массовой информации началось бурное обсуждение возможного ответа Республики Сербской на предложенные карты. В ходу был термин «конвертные карты», что подразумевало их скрытость от посторонних глаз. Свои позиции по поводу карт определяли все политические партии, властные структуры, политические и общественные лидеры. Первоначально «карты» поддержали СПС, ДП, СК-ДЮ, СДО, Новая демократия, ПДД Санджака, Демократическая партия реформ Воеводины. Опрос общественного мнения в Сербии показал, что голоса разделились: 40,8% опрошенных полагали, что РС не примет и не должна принимать план Контактной группы, в то время как 39,2% думали, что план надо подписать. Среди тех, кто выступал за то, чтобы не подписывать план раздела Боснии, большинство были из так называемой Центральной Сербии. Половина белградцев были «за» план, 35% — против (85). Официальные власти

Хорватии и Югославии выразили свою поддержку планам КГ.

План обсуждался не только в РС, но и в РСК. По мнению министра информации РСК Б.Рашиу, предложение КГ касалось всех сербов, так как в зависимости от решения вопроса в БиГ будет решаться и проблема РСК. Сам он полагал, что план неприемлем для сербов. Президент РСК М.Мартич в то время старался не высказывать своей позиции, опасаясь ухудшения отношений с С.Милошевичем. Это напомнило ситуацию с принятием плана Вэнса-Оуэна, когда Скупщина РСК и СДС Кранны поддержали Скупщину РС, в то время как Президент РСК Горан Хаджич встал на сторону С.Милошевича.

Первая реакция в Республике Сербской на план была крайне негативная. Из тех сербских мест, которые по плану отдавались мусульманам, шли отчаянные письма в Скупщину с просьбой не соглашаться на план и не отдавать территории под власть мусульман. Президент РС Р.Караджич заявил, что «карты намеренно сделаны таким образом, чтобы сербы их не приняли, после чего их выставят виновными в продолжении войны» (247). Сербов особенно унижал тот факт, что «победителям пытаются навязать унижительные условия» (247).

В этой ситуации удивляет факт, что многие в РС верили, что за планом КГ стоит тайный план полного уничтожения мусульман на Балканах, и именно поэтому план так плох для сербов, что он как раз рассчитан на то, чтобы сербы его не приняли. *Обычный народ уверен, отмечалось в печати, что международное сообщество настолько ПРОТИВ мусульман, что тем самым ЗА сербов, и что если оно идет на вариант войны, то только для того, чтобы дать возможность сербам окончательно разбить мусульман и разделить Боснию на две части — сербскую и хорватскую* (84, с.5).

В один день, 18 июля, заседали три Скупщины — БиГ, МХФ и РС.

На заседании парламента БиГ А.Изетбегович говорил о том, что надо принять карты, так как сербы их не примут. Он подчеркнул, что и дальше мусульмане будут отстаивать единую Боснию. В случае, если сербы примут план, мусульмане все равно будут отстаивать единую Боснию, но другими методами. Скупщина в Сараеве проголосовала за предложение Контактной группы. Третьего дня и Хорватский сабор проголосовал за карты. Скупщина ФБиГ ратифицировала решения двух парламентов.

Начало заседания Скупщины РС откладывалось на четыре часа. Некоторое замешательство возникло, когда посланники узнали, что руководство РС находится в Белграде у С.Милошевича, который в очередной раз пытается уговорить его. Скупщина заседала за закрытыми дверями, и даже после принятия Парламентской Декларации никто из журналистов не узнал ее содержания. «Через два дня в Женеве», — был ответ. Генерал Р.Младич не присутствовал на Скупщине. Его помощник Здравко Толимир сообщил, что Главный штаб выступает против карт, и что РС сможет обороняться несмотря на то, какая сила на нее обрушится (86, с.10). Среди депутатов не было разногласий. Они были уверены, что карты неприемлемы для сербов. Выступая от имени избирателей, «нет» плану сказали представители всех городов и сел, которые должны были перейти к мусульманской стороне, а также все другие посланники. Речь Р.Караджича была встречена аплодисментами. В своем обращении к Скупщине Р.Караджич обрисовал реальную ситуацию, которая ожидает сербов в случае непринятия плана. «Если мы план не примем, — сказал он, — то нам угрожают продолжением войны в неблагоприятном для нас варианте, когда мусульмане-

какая сторона будет фаворитом, прекрасно вооруженная и организованная... Нам грозит полной изоляцией, ударами с воздуха, недружественными актами всей НАТО. Существуют убедительные угрозы, что нас НАТО разгромит... Нам угрожают так, будто НАТО существует только ради двух миллионов западных сербов... Если мы не примем план, мы должны будем забыть о нынешнем образе жизни и труда, провозгласить военное положение, создать военную экономику, организовать военное производство, мобилизовать весь народ или в военные, или в трудовые бригады...» (86, с. 11). Он подчеркнул, что сербы сегодня полностью «самостоятельны», не имеют друзей, им не на кого надеяться, кроме как на Бога. Кроме того, он заметил, что Контактная группа не приняла во внимание ни одно сербское предложение.

Скупщина РС, несмотря на ультиматум КГ, приняла план лишь условно. В краткой и лаконичной Декларации в первом же пункте подчеркивалось, что «Скупщина Республики Сербской не смогла принять решение о мирном плане, который предложила Контактная группа» (87). Причины были вескими и убедительными и не представляли преграды для дальнейших переговоров, будь на то добрая воля: Скупщина и руководство РС не располагали всеми элементами плана — конституционными принципами, договором о прекращении вражды, предложениями по Сараево и по выходу РС к морю, договором о реализации мирного плана и гарантиями о снятии санкций с Югославии. Декларация обусловила свое «да» рассмотрением указанных моментов, правда несуществующего плана, а также необходимостью дальнейшей работы над предложенными картами. Декларация подчеркивала также свою приверженность миру и посчитала карты возможной основой для дальнейших переговоров (87).

Сербы обусловили свое «да» одним важным моментом — возможностью увидеть перспективы развития государственности в БиГ, соответственно в РС. Они хотели одновременно с картами рассмотреть и договор об устройстве БиГ. В целом они соглашались на Унию в случае, если РС будет иметь политическую и экономическую самостоятельность.

Оценка Декларации, принятой на 42-м заседании Скупщины РС (18–19 июля 94), политическими силами внутри страны и за рубежом была различной. Запад главным образом посчитал ее как сербское «нет». А. Козырев заявил, что это скорее всего «да», чем «нет», чем странно смугил Запад.

Реакция Белграда была неоднозначной. Из официальных лиц высказался министр иностранных дел В. Иванович, который в целом поддержал решение РС, а также Комитет обороны и безопасности Скупщины Сербии. Все политические партии, кроме Гражданского союза Сербии, поддержали решение сербов. В. Шешель заявил, что настало время провозгласить объединение РС и РСК в Республику Западную Серию (88). С. Милошевич молчал. Но сразу же появились статьи о возможной отставке В. Ивановича, что недвусмысленно намекало на позицию президента Сербии.

Лорд Оуэн полагал, что сербов, включая Югославию, за отрицательный ответ следует наказать. 22 июля он направил письмо министрам иностранных дел стран — членов ЕС, в котором говорил, что ключ к решению проблемы — С. Милошевич. Он должен осознать, что настало время предпринять серьезные шаги против боснийских сербов, что его действий ждут две подготовленные резолюции ООН — одна по-

ощиряющая его, если он закроет границу с сербами, а другая — углубляющая санкции. Сербов же в Боснии ждали бомбовые удары, а мусульман — снятие эмбарго на поставки вооружения (295, с. 319).

Позиция России как всегда была непоследовательной. Хотя в событиях на Балканах наступал решительный момент, который характеризовался перераспределением ролей между ООН и НАТО и минимизацией влияния России на ход событий, наши дипломаты не проявляли никакой заинтересованности изменить ситуацию, не говоря уже о прогнозировании последствий для России. В средствах массовой информации появлялись противоречивые высказывания А. Козырева. Работа русских представителей в КГ не отличалась самостоятельностью: они полностью одобрили план, а также меры поощрения и наказания. Дальнейшее поведение русской дипломатии в трудных и напряженных условиях вынесения «приговора» проходило по схеме: внешне проявлять наклонность к сербам, склоняться к уступкам, компромиссу, а в Контактной группе, в СБ, ООН, на встрече министров иностранных дел проводить «линию Козырева». Российская дипломатия тогда полностью отказалась от любых контактов с Республикой Сербской и всю мощь своего авторитета обрушила на С. Милошевича. А. Козырев обещал, что сербы в Боснии смогут провозгласить независимое государство, смогут вступить в конфедеративные отношения с Сербией, и что дальше, в соответствии с ритмом осуществления мирного плана (вывод всех войск на линию разграничения по плану Контактной группы) будет ослабляться обруч санкций вокруг Югославии.

Руководство Югославии и Республики Сербской стояло перед трудным выбором. Обращения и письма, направленные президенту России, застревают в Министерстве иностранных дел. К. Никифоров приводит в своей книге письмо С. Милошевича, которое удалось передать Б. Ельцину, минуя А. Козырева. С. Милошевич разъяснял ситуацию, просил совета и предупреждал о последствиях «несправедливого решения» для России. «Карты подготовлены таким образом, — писал он, — что под вопрос поставлено даже и существование северного коридора, который сербский народ назвал «коридором жизни». Предложенные карты представляют собой шаг назад по отношению к вопросу о Посавине, решение которого было согласовано мною и хорватским президентом Ф. Туджманом несколько месяцев назад в Женеве... Обращаюсь к Вам с просьбой в весьма критический момент для сербского народа и прошу Вас оказать поддержку в достижении справедливого решения... Сербы поддерживают предложение России о разделе БиГ в соотношении 51 и 49 процентов. Однако это не должно означать, что в рамках указанных процентов мусульманам должны отойти наилучшие части территории, а сербам — только леса и ущелья, и при этом их территория была бы рассечена и лишена выходов к геостратегическим районам... При всем этом не предусматривается даже снятие санкций, с помощью которых осуществляется геноцид над сербским народом, а всего лишь предлагается их незначительное ослабление. Уважаемый господин Президент, если Россия не в состоянии сделать больше для выработки справедливого решения, следует хотя бы побеспокоиться о сохранении русско-сербских отношений и заявить о своей особой позиции, отличной от остальных ... членов контакт-группы. Тем самым были бы сохранены русско-сербские отношения. Если Россия совместно с другими странами будет выступать за предложенные кон-

такт-группой решения, то ни один серб не сможет это воспринять иначе, как давление России на сербский народ в интересах мусульман... Прошу Вас, уважаемый господин Президент, не допустить такого развития событий» (336, с.42–42).

В ответном письме, которое повез в Белград помощник президента по национальной безопасности Ю.Батурин, Б.Ельцин советовал сербам подписать карты разграничения и выстроил целый ряд гарантий, включая отмену санкций. Патетически звучали слова, что «на произвол судьбы Россия сербов не бросит никогда» (336, с.47). Это послание не могло не уверить президента Сербии, что самым верным решением в данной ситуации будет согласие с предложением КГ.

Во время телефонного разговора с А.Козыревым У.Кристофер получил заверения, что Москва поддержит план наказания сербов и предпримет дополнительные усилия для предупреждения сербов в Боснии (89). И 24 июля госсекретарь США У.Кристофер заявил, что Россия не будет противиться усилению международных санкций против Сербии, если они не примут мирный план. По его словам, русский министр «понимает значение единства Контактной группы» (251).

Тогда по служебным делам я ездила в Боснию, встречалась с руководителями Республики Сербской и видела, насколько трудным является их положение. Они занимали достаточно жесткую позицию по поводу предложенных карт, поскольку не гарантировали сербскому народу выживание, но в то же время, готовы были предложить другой вариант раздела по схеме 51:49. К их мнению, между тем, никто не прислушивался. И даже российская дипломатия избегала контактов с ними. Поездка Ю.Батурина на Пале и разговоры с Р.Караджичем и С.Милошевичем могли дать новый поворот развитию событий, но А.Козырев был взбешен, когда узнал о предпринимавшихся усилиях в обход его ведомства, и попытался свести на нет все результаты переговоров (336, с.56).

Переживая по поводу событий и роли России в них, я написала Сьюзен Вудворд, возглавлявшей нашу группу экспертов по Балканам, служебную записку, так называемый «крик души», которая отражала мои размышления в то время. Сьюзен назвала их «писательской терапией». Выплеснув все на бумагу, я почувствовала облегчение, мне стало легче. Записка так и осталась лежать в ящике.

«КОМУ	Сьюзен Вудворд
ОТ КОГО	Елена Гуськова
ПРЕДМЕТ	Карты Контактной группы. Тот, кто их придумал — гений.
ДАТА	25.08.94.
ШИФР	Исключительно для служебного употребления

I. **Аксиома:** карты специально подготовлены таким образом, чтобы сербы в БиГ их не приняли.

II. **Алогичность.** Представители ООН, дипломаты, а особенно Россия, пытались и сейчас пытаются заставить руководство РС и Белград принять карты.

III. Россия играет очень важную роль в этой истории. Она заставила С.Милошевича в одностороннем порядке согласиться с картами, закрыть границу с РС, обещая ему снятие санкций и дипломатическую поддержку России.

IV. Россия не в состоянии исполнить обещания, перестала говорить о снятии или умсмышении санкций, а лишь об «огромных усилиях, которые она предпринимает, чтобы санкции не усиливали». Как выйти из этой ситуации и не потерять лицо? — Поставить новые условия. А.Козырев просит С.Милошевича принять международных наблюдателей на границе с РС, но уже больше ничего не общает. В случае несогласия с этим предложением СБ ООН примет резолюцию об усилении санкций против СРЮ.

V. Какова цель всей этой комбинации? Легко увидеть, что одной пулей убивают сразу нескольких зайцев, и как раз очень много зайцев (тот, кто разработал этот план — гений):

- 1) сербы в Боснии снова виноваты — не хотят мира;
- 2) не существует больше единства среди сербов в СРЮ, РС и РСК;
- 3) С.Милошевич губит свой авторитет в стране, и это начало его конца;
- 4) в Сербии общество дезориентировано, политически разделено, входит в период политической нестабильности;
- 5) руководство РС находится перед политическим расколом;
- 6) Россия теряет свое влияние и авторитет на Балканах;
- 7) в мире растет значение и роль КГ и уменьшается роль ООН;
- 8) функции СООНО постепенно переходят к НАТО, ведь непослушных надо наказывать.

ВЫВОД. Все готово. Балканам можно диктовать любые условия».

После поездки Ю.Батурина в Югославию Б.Ельцин имел возможность подробнее узнать о событиях на Балканах. Продолжением альтернативной МИДу линии стала поездка министра обороны П.Грачева, которую предложил организовать непосредственно Б.Ельцин. Но министр иностранных дел назначил В.И.Чуркина в качестве сопровождающего. Задачей последнего было оказать на С.Милошевича дополнительное давление. 26 июля они прилетели в Белград, имея при себе и специальные послания Ельцина С.Милошевичу и Р.Караджичу. Они встретились с С.Милошевичем, Р.Караджичем, М.Крайшником и Р.Младичем. Внешне это воспринималось, во всяком случае со стороны сербов, как оказание им поддержки. В американские СМИ просочилась информация, что П.Грачев предложил сербам ввести русский батальон в район Брчко, способствовать обмену территории. П.Грачев открыто заявил, что НАТО не является миротворческой организацией и поэтому только СООНО должны выполнять эту миссию в БИГ. Более того, «Борба» отметила слова Грачева, что его визит не следует понимать как давление на сербов в Боснии, подчеркивая, что министр является «личным представителем русского президента» (90). Однако, объективно визит П.Грачева был все-таки еще одной попыткой повлиять на сербов принять предложение КГ, так как именно такая позиция еще раз излагалась в письмах Б.Ельцина. Личные же симпатии П.Грачева к сербам выразились в непредвиденных визитом высказываниях, жестах, предложениях и даже незапланированных встречах в Республике Сербской Краине. Видимо именно поэтому В.Чуркин во время переговоров держался в стороне и главным образом молчал. По окончании переговоров не было сделано никакого заявления. Из кабинета С.Милошевича пришло сообщение, что во время переговоров стороны высказали желание установить мир в БИГ на основе полного и всеохватывающего плана, включающего конституционное решение и снятие экономических санкций с Югославии (91).

После отъезда П. Грачева у С. Милошевича состоялся серьезный разговор с Р. Караджичем и Р. Младичем, который лишь углубил разногласия между ними.

Смятение царило и в штабе «голубых касок» в Загребе. 26 июля вечером Б. Бутрос-Гали направил письмо председателюствующему Совету Безопасности, которое вызвало взрыв эмоций у политической общественности ООН и европейских стран. В СМИ оно было прокомментировано как предложение вывести СООНО из БиГ, отказаться от миротворческой функции этой организации и ввести в этот регион войска НАТО. На самом деле письмо содержало объяснение финансовых трудностей ООН и невозможность увеличивать контингент в БиГ, предложение передать функции СООНО Контактной группе в случае, если сербы не примут план.

Р. Караджич сделал заявление, что ввод войск НАТО равносителен агрессии.

В четверг, 28 июля экстренное 43-е заседание провела Скупщина РС (Р. Младич снова не был на заседании, и, как считали журналисты, он являлся главным препятствием принятию плана). Депутаты приняли Дополнение к Декларации, принятой несколькими днями ранее, и направили письма С. Милошевичу и Б. Ельцину. В Дополнении еще раз подчеркивалось стремление сербов к самоопределению, обосновывалась необходимость выхода к морю, разделения Сараева, настаивалось на подписании соглашения о прекращении огня, снятии санкций с Югославии. Чтобы объяснить свою позицию, Скупщина РС направила в штаб СООНО письмо, в котором сообщалось, что «Нашу Декларацию необходимо рассматривать как знак нашей согласности с большей частью предложенного территориального разграничения и как наше позитивное отношение к продолжению переговоров на этой основе. В этом контексте Республика Сербская выражает свое желание немедленно возобновить переговоры с Контактной группой» (252). Решение по вопросу принятия планов КГ руководство РС решило принять на референдуме в конце августа 1994 г.

Во время очередной встречи с С. Милошевичем 29 июля лидеры РС заявили, что подпишут план КГ, если министры иностранных дел на очередной встрече в Женеве представят проект государственного устройства БиГ. Они требовали также твердых гарантий начала снятия санкций, как об этом неоднократно заявляли российские дипломаты. Сербы тогда не знали, что А. Козырев, собираясь в Женеву, запросил у президента разрешение на «выработку позиции по приемлемому для России объему возможных дополнительных санкций в отношении СРЮ» (336, с. 63). А приехав перед Женевой в Белград, он продолжал раздавать сербам гарантии в виде послышки Русского батальона для защиты наиболее важных для сербов районов, снятия санкций, возможной конфедерации СРЮ и РС.

Третий раунд заседаний КГ проходил в Женеве. 30 июля после дискуссии (в связи с разными позициями министров), которая грозила перерасти в неспособность принять решение, министры иностранных дел стран-членов КГ приняли Коммюнике, носившее достаточно компромиссный и неопределенный характер. БиГ признавалась «унисей в пределах международно признанных границ» с необходимостью обеспечить конституционное устройство и определить отношения между «боснийско-хорватским и боснийско-сербским образованиями» (253). Такое утверждение давало сербам надежду на разграничение БиГ. Министры выразили глубокое сожаление в связи с тем, что сербы не приняли план Контактной группы. Они призвали «боснийских сербов» безотлагательно пересмотреть свою реакцию на предложение КГ и недвусмысленно заявить о его принятии. Министры подчеркнули, что план

КГ — это только первый шаг к справедливому и сбалансированному решению. Чтобы заставить сделать его, они решили использовать меры поощрения и наказания для его осуществления. Для этого были подготовлены два проекта резолюций Совета Безопасности. В первой сербам грозили «расширением санкций» против СРЮ и усилением «непроницаемости» режима санкций. Во второй резолюции (это уже в качестве пряника) речь шла об ослаблении санкций на случай, если сербы передумают. Министры потребовали осуществить безопасность и свободу передвижения членам СООНО, резко осудили «душение» Сараева. Было подчеркнуто также «усиление режима безопасных районов» и установление «зон исключения». Если сербская сторона и дальше не примет предложение Контактной группы, то СБ будет предложено рассмотреть вопрос о снятии эмбарго на поставку оружия мусульманам (253).

А.Козырев, как всегда цинично, сказал русским журналистам в Женеве, что Россия сделала все, что возможно, чтобы приблизить мир. Вернувшись в Москву, Козырев заявил, что «мы не хотим быть игрушкой в руках сербской партии войны, группки политиков, которые уже сейчас конфликтуют с общесербскими интересами и руководством Сербии. Мы не позволим, чтобы хвост управлял конем» и «я не буду вести какие-либо переговоры с господином Караджичем» (347)

Оценивая результаты Женевы-III, Франция и США сказали, что не сомневаются в позиции России, которая протолосует за участие НАТО в наказании сербов и за снятие эмбарго на поставку оружия мусульманам.

Вопрос о закрытии границы Боснии и Герцеговины с Югославией и о размещении на ней наблюдателей рассматривался в 1992 г. (Резолюция 787) и в 1993 г. (Резолюция 838). Однако поиск дополнительных средств и сопротивление Югославии осложняли выполнение этой задачи. Лишь в августе 1995 г. С.Милошевич дал разрешение на закрытие границы с Боснией и Герцеговиной. Полная блокада Республики Сербской вызвала осложнение ситуации как в РС, так и внутри Югославии.

Когда в конце июля стало ясно, что сербы не подпишут план Контактной группы даже под давлением России, Запад использовал последнюю возможность — попытался поссорить самих сербов. Выбор С.Милошевича был трудным. Он сделал все от него зависящее, чтобы заставить сербов принять план КГ. У него не было никакой надежды на поддержку России или любой другой страны в справедливых требованиях о снятии санкций. И теперь можно было попытаться заслужить доверие Запада и снятие санкций, разорвав отношения с Республикой Сербской, показав волю СРЮ к миру и свое неприятие политики Р.Караджича.

3 августа состоялось 44-е заседание Скупщины РС, на котором рассматривалась позиция руководства Сербии. Хотя заседание несло на себе отпечаток судьбоносности, исторического драматизма (третий раз подряд сказать нет), атмосфера в Скупщине была спокойной и, на мой взгляд, обыденной. До начала заседания заместитель председателя Республики Биляна Плавшич сказала: «Сербский народ из Республики Сербской должен сказать, отрекается ли он от своего государства, территории, своих могил» (340). Выступавшие народные посланники были едины в своей решимости даже под давлением Белграда не принимать план КГ. Многие говорили о наказах избирателей, которые готовы были стоять до последнего.

Р.Караджич выступал не сначала, а ближе к концу. По его словам, не стоит осуждать Белград, ибо выбор РС сделан самостоятельно, хотя и при полной поддержке Белграда. Белград помогал РС столько, сколько мог, но сейчас сам находится в труднейшем положении перед усилением санкций. «Ребенку трудно отрываться от матери, так и мы обижаемся, что мать нас оттолкнула, но без этого мы не повзрослеем», — несколько раз повторил Р.Караджич. «Мы должны сделать мужской выбор». Он выразил также убеждение, что руководство Сербии и сербский народ — это не одно и то же, что сербский народ по крайней мере поймет их, если не поддержит. «Мы должны быть готовы к закрытию границ с соседней Сербией... Если Сербия действительно осуществит свою угрозу о прекращении отношений, тогда эта граница будет так закрыта, что и птица не сможет пролететь. В этих условиях мы должны будем провозгласить военное положение, общую мобилизацию и ввести рациональное снабжение» (341). При этом он просил посланников не отождествлять Сербию и ее народ с несчастным письмом правительства. «Думаю, что нас Сербия не отбросила. Прежде всего, я думаю, что это несчастный случай одного правительства или некий неконтролируемый момент, но это мы увидим в предстоящий момент» (340). По его мнению, принятие плана означает гибель РС и РСК.

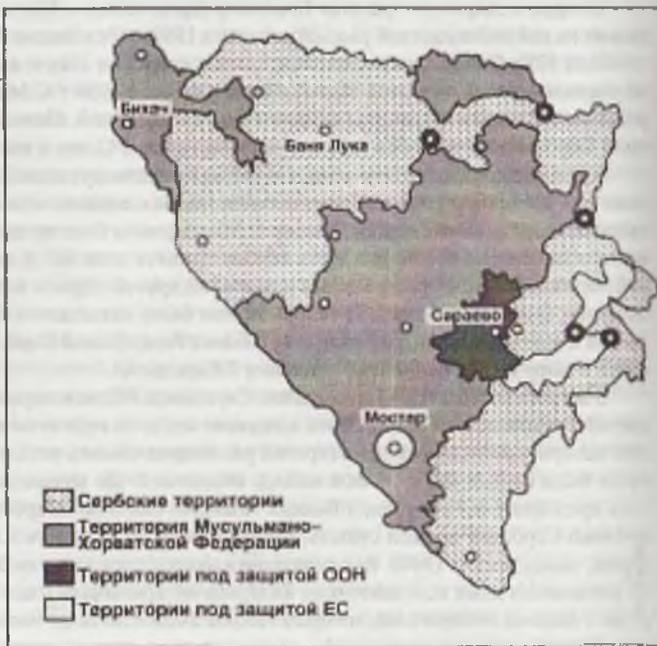
М.Крайшник выступал последним. Коротко предложил ряд решений, за которые проголосовали единогласно:

«I. Не менять решения 42-го и 43-го заседания Скупщины РС.

II. Подготовить и направить ответ правительству Сербии от правительства РС и Милошевичу от Скупщины РС.

План контактной группы, 1994 г.

Из кн.: Мартынова М.Ю. Балканский кризис: Народы и политика. — М.: Старый Сад, 1998. — С. 219.

III. Провести референдум.

- а) 27–28 августа провести референдум по вопросу принятия плана. Вопрос референдума поручить разработать Р.Караджичу,
- б) создать комиссию по проведению референдума,
- в) 31 августа подвести итог референдума и вынести окончательное решение,
- г) время до референдума использовать для переговоров.

IV. Направить парламентам РСК, Сербии и Черногории предложения об объединении всех сербских земель.

V. На следующем очередном заседании Скупщины РС рассмотреть вопрос о об угрозе войны и введении военного положения.

VI. Послать делегацию на заседание Скупщины РСК, которое состоится завтра, 5 августа, на Плитвицах, с целью — оповестить о решениях Скупщины РС и передать предложение об объединении (была избрана делегация).

4 августа 1994 г. союзное правительство приняло решение прекратить политические и экономические отношения с Республикой Сербской. Сообщение с этого заседания гласило: «Руководство Республики Сербской отклонением мира совершило самый тяжелый акт против СР Югославии, сербского и черногорского народов и всех граждан, которые живут на этой территории.

Поэтому Союзное правительство приняло решение:

- прекратить политические и экономические отношения с Республикой Сербской;

- запретить пребывание членов руководства Республики Сербской Скупщины, Президиума, правительства на территории СР Югославии;

- граница с сегодняшнего дня закрывается для всего транспорта в Республику Сербскую, кроме питания, одежды и лекарств» (343.).

Сначала разрыв казался фарсом, шуткой, расчитанной на западного потребителя. Но вскоре всем стало ясно, что события развиваются слишком серьезно, на карту поставлена была даже репутация С.Милошевича. Ведь в 1993 г., согласно опросу общественного мнения, 52,77% населения Сербии еще верили в идею единого сербского государства (339). Белград дал разрешение на размещение на границе международных наблюдателей. В Республике Сербской такая позиция Югославии была расценена как предательство национальных сербских интересов.

Разрыв отношений между сербами проходил болезненно, драматично. Если бы ситуация не была бы такой трагичной, то август можно было бы с улыбкой назвать месяцем сербской семейной ссоры, приведшей к разводу. А поскольку поссорившиеся стороны перестали разговаривать, они писали друг другу письма. Это был месяц бурной открытой переписки между руководством СРЮ и непослушным руководством РС, между гражданами Югославии, РС и руководством страны по поводу (не)согласия с позициями сторон.

Сербы в Боснии оказались в двойной блокаде — со стороны ООН и со стороны Югославии. Для контроля фактической поставки грузов гуманитарной помощи в контрольно-пропускных пунктах на 600-километровой границе РС была создана Миссия МКБЮ, состоявшая из сотрудников, выделяемых через национальные гуманитарные организации. Фактически создавалась таможенная служба, которая полностью перекрывала границу СРЮ и РС.

По поводу решения руководства Сербии велась острая дискуссия как в Югославии, поставив по разные стороны баррикад политические партии, так и в Республике Сербской. 8–9 августа по требованию М.Булатовича началось заседание внеочередной Скупщины Черногории, которая должна была определить свое отношение к событиям в БиГ. Выступление М.Булатовича было острым, заседание драматичным. Оно длилось всю ночь. Оппозиция даже покидала заседание. В результате Скупщина Черногории «не поддержала политику и решение руководства Республики Сербской, поскольку они не в интересах мира и народа в РС, граждан Черногории и СРЮ» (342).

Втянутыми в ссору оказались и сербы из Хорватии. 5 августа на Плитвицах собралась высочередная Скупщина РСК. Президенту РСК Милану Мартичу накануне заседания позвонил С.Милошевич. Но М.Мартич не согласился уговаривать Скупщину занять сторону С.Милошевича, хотя выразил желание выполнить посредническую роль и попытаться примирить стороны. Такая позиция не устраивала президента Сербии. После Скупщины С.Милошевич отказался принять М.Мартича. Это очень задело президента РСК, и он стал менять свои политические пристрастия. К 27 августа, дню референдума в РС, Мартич окончательно самоопределился и даже отказался от роли посредника между Белградом и Палей. Во время референдума он сделал символический жест — заполнил бюллетень голосования и всенародно объявил «нет», желая тем самым подчеркнуть расположение сербов из Краины, которые всецело на стороне РС. Тот листик официально был недействительным, но на жест все обратили внимание. Тем самым он приблизился к М.Бабичу, Б.Рапуо, Р.Караджичу и удалился от С.Милошевича.

Сербы в БиГ тоже определяли свое отношение к Сербии и С.Милошевичу. События происходили слишком быстро — еще вчера Милошевич был Богом, отцом и кумиром, его портреты были в каждом доме, а уже сегодня в Зенице пылает коллективный костер из его фотографий. Народ от любви, через удивление, колебание и неверие приходил к отчаянию и плачу. Кто теперь союзник РС? Именно поэтому в Пале после получения вести о поддержке РС Скупщиной Краины открыли восторженную стрельбу в воздух. «Теперь мы не одни. Теперь нас двое». Два слабых неокрепших государства, против которых — весь мир и боевая мощь НАТО.

Размышления о причинах такого шага Югославии приводят нас к следующему выводу. Чтобы так поступить, Милошевич должен был иметь несколько серьезных причин. На наш взгляд, их три. Причем, одна из них имела политическо-экономический характер, другая была скорее эмоционально-психологическая, третья — идеологическая. 1. Санкции серьезно подорвали экономику страны. Необходимо было предпринять самые серьезные усилия для снятия санкций. Для этого понадобилось еще раз уверить мир, что СРЮ выполнила все условия для этого. Случай был исключительный. Если уговорить сербов в РС принять план — значит показать добрую волю СРЮ к миру даже на невыгодных условиях. Если сербы откажутся принять план, то можно будет показать, что дальнейшее развитие событий не зависит от СРЮ. 5 августа посол Югославии в ООН Д.Джонич заявил в Нью-Йорке, что Югославия выполнила все условия для снятия санкций и Совет Безопасности должен учитывать этот факт при рассмотрении дальнейших мер урегулирования столкновения в БиГ (344). 2. Вторая причина связана с личными отношениями между

С.Милошевичем и Р.Караджичем. Несмотря на то, что Р.Караджич представлял собой достаточно гибкую линию в руководстве РС, он был, по мысли С.Милошевича, слишком самостоятельным и неуправляемым. Еще в мае 1993 г., когда парламент РС не принял план Вэнса-Оузна, С.Милошевич пережил, как считали журналисты, самое большое унижение в жизни, когда его речь не нашла отклика у парламентариев, и он покинул зал через черный ход (345, с.25). 3. Третья причина связана с резким поворотом С.Милошевича от национализма, который он использовал для укрепления своей власти и популярности в начале 90-х годов, к левым, коммунистическим идеям. А руководство РС по своему убеждению было антикоммунистическим, стояло на позициях православия. Изменилась и позиция руководства Сербии по вопросу объединения всех сербских земель. С конца 1993 — начала 1994 г., когда активно стал обсуждаться вопрос о снятии санкций с СРЮ, все чаще стали звучать высказывания сербских руководителей о том, что РС и РСК сами должны решать вопрос своего будущего статуса.

Сразу после изоляции сербов в БiГ теперь и со стороны СРЮ начинается акция НАТО по наказанию ослушавшихся. Уже 5 августа на сербские позиции упали бомбы.

Республика Сербская начала готовиться к войне с НАТО. 6 августа Р.Караджич издал указ о введении трудовой обязанности. 9 августа на территории РС началось приращение граждан, как это делал князь Лазар накануне Косовской битвы в знак того, что «сербь готовы погибнуть до последнего человека» (137).

А вопрос о снятии санкций с Югославии в ответ на такое сложное решение откладывался. Еще 15 сентября текст проекта резолюции о частичной отмене санкций готов не был. Все уже знали его содержание, готовился к открытию Белградский аэродром, начищались до блеска застоявшиеся самолеты, готовились к международным встречам спортсмены и ученые. Однако... 14 сентября А.Козырев заявил, что окончательного решения придется подождать где-то 1,5 месяца, ведь дело, мол, бюрократическое, текст резолюции еще только дописывается в Нью-Йорке.

Вопрос о плане КГ осенью 1994 г. ловис в воздухе. Чтобы как-то сдвинуть его с мертвой точки, в печать проникли сведения о разработке проекта конституционного устройства БiГ, на котором настаивали сербы. Он появился в печати неофициально как «Проект устава Унии народов на территории БiГ». Уния продолжала бы международно-правовой статус БiГ, состояла бы из двух образований. Гражданам позволялось иметь двойное гражданство (унии и другого государства), каждое образование могло заключать договоры о сотрудничестве и о конфедерации с другими государствами. По словам М.Краишника, «конституционные принципы были переданы нашей делегации неофициально. Мы пришли к выводу, что это самая плохая модель Унии. Она не походит на Европейский союз, но является Унией с международным признанием. Во главе Унии должно быть руководство из трех представителей, парламент и правительство. Территориально она бы состояла из двух частей: Мусульманско-хорватской федерации и Республики Сербской как федеральной единицы без международного признания. Международно была бы признана только Уния. Поэтому утверждения, что мы предложенным планом Контакт-группы осуществляем право на государство, неточны. По тому варианту мы по всем воп-

росам полностью зависим от мусульман и хорватов» (147, с.4). А.Буха подтверждает слова М.Крайшника: «В конце встречи в Талоаре полуофициально нам был вручен так называемый конституционный араджман. Действительно, на двух страницах: «Некоторые возможные элементы Конституции Унии БиГ». Этот документ датирован 25 мая. Есть другая версия документа от 19 июля, и она незначительно отличается от первой. Между тем, она общеизвестна, а благодаря тому, что опубликована в большом количестве газет, нет необходимости ее пересказывать. Правда до меня дошла и третья версия документа об Унии на десятках страниц. Она датируется мартом, и вопрос заключается в том, почему ее отклонили, почему не дали нам официально как предложение в рамках договора» (101, с.13).

В конце августа началось самое жестокое с начала войны наступление мусульман юго-восточнее Бихача силами Пятого корпуса. 505-я Бухимская бригада и спецотряды «Пантеры», «Гены» продолжили наступление на Алибеговичевой косе, Езерска Главе и Челаре. Мусульмане пытались занять территории, которые им предлагала Контактная группа.

В условиях изоляции, большого (всемирного) давления и положения изгоев, руководство РС решило показать, что опирается на волю народа. 27–28 августа прошел референдум в РС. Вопрос для референдума звучал: «Вы за карты территориального разграничения в бывшей БиГ, которые предложила Контактная группа?». 96,12% из 974 712 голосовавших (91,22% всех избирателей) высказались против карт Контактной группы. Сербия запретила на своей территории голосовать сербам из РС. Многие напрасно ждали около закрытых дверей бюро правительства РС в Белграде. Не скрывая своего недовольства, беженец из Горажде Чедомир Дерста сказал: «Буду ждать перед зданием, может кто-нибудь организует групповой отъезд на голосование. Если бы я мог, я бы поехал в первое же село в РС, чтобы проголосовать» (155). Член Объединения сербов из Сански-Моста Душан Момчилович: «В прошлой войне в Посавине было убито 5500 сербов, а сейчас весь Подгумеч до Пришора отдали Алии. А сейчас, пожайлуста, по картам Контакт-группы мусульманам отдают и Хашани, родное село Бранка Чопича. Даже и могилы наших предков отдадут Изетбеговичевым сторонникам» (155). В Белграде референдум на одном месте (вместо четырех) все-таки состоялся. Голосовали и 235 краинских сербов в Москве. Из них 228 сказали «нет» (155). Голосовали сербы в Германии (21 705, из которых 21 577 сказали нет), Швейцарии (3572 голосовали, 3553 были против), Австрии (10 385, 10 374 против), Австралии (4832, против — 4799) (156).

После отказа сербов принять план члены Контактной группы решили изолировать боснийских сербов со стороны международного сообщества до тех пор, пока они не согласятся со всеми предложениями КГ. Кроме СООНО и МКБЮ не должно быть «никаких контактов и диалогов» с сербами в Боснии. Вся вторая половина года прошла в молчании, без переговорного процесса, единственным результатом чего, по словам лорда Дэвида Оузна, стало «создание питательной почвы для паранойи и изоляции» (97, с.5).

Необходимо было прорвать молчание, возобновить диалог. В декабре 1994 г. Р.Караджич выступает с планом урегулирования и обращается к бывшему президенту США Дж.Картеру с просьбой выступить посредником между противоборствующими сторонами на переговорах об урегулировании ситуации в Боснии и Герцеговине. План Р.Караджича предусматривал предоставление возможности беспрепятственного передвижения конвоев ООН по территории Боснии, освобождение всех

удерживаемых военнослужащих миротворческих сил ООН, освобождение всех взятых в плен солдат армии боснийских мусульман моложе 19 лет, немедленное прекращение огня в районе Сараева, открытие Сараевского аэропорта и предоставление гарантий соблюдения прав человека в настоящем и будущем. Р.Караджич заявил, что сербы готовы предпринять эти действия в одностороннем порядке. 30 декабря/1 января 1995 г. с помощью бывшего президента США Дж.Картера в Пале был достигнут договор о четырехмесячном перемирии в БиГ. Но уже через 40 дней мусульмане начали наступление на Масвнице.

31 мая 1995 г. во время дебатов в британском парламенте лорд Оуэн заявил, что в конце июня уйдет в отставку с поста сопредседателя Женевской конференции по бывшей Югославии, который занимает после лорда Каррингтона с августа 1992 г. В некоторых высказываниях лорд Оуэн давал понять, что причиной его отставки стало то, что функции Конференции перешли к Контактной группе (48).

Новым сопредседателем МКБЮ стал швед К.Бильдт¹, который заявил в середине июня 1995 г., что хочет внести свой вклад в мирное решение боснийской проблемы, но не будет сегодня вести переговоры с сербами в БиГ. Он настаивал, что основой для переговоров должно стать принятие сербами плана раздела Боснии. По его словам, он намерен переговорить в ближайшее время с мусульманским правительством и «с другой стороной», которую будет представлять Белград (99, с.1). Во время первой поездки по бывшей Югославии К.Бильдт посетил Мостар, Загреб, Белград и Сараево. Он активно поддерживал создание Сил быстрого реагирования.

В конце августа 1995 г. появилась так называемая «американская инициатива», которая делала попытку усовершенствовать план КГ. Ее озвучил помощник президента США по национальной безопасности Э.Лейк. План предполагал разделение формально единой БиГ на две общности и ряд мер для облегчения размежевания: и обмен территориями, и выход к морю для обоих образований, и финансовую помощь мусульманам для восстановления экономики. Документ содержал и элементы конституционного устройства. Сербам как всегда угрожали массированными авиаударами.

Американскую инициативу поддержали Великобритания, Франция, Германия, Испания, Италия. За одобрением А.Козырева Э.Лейк летал к министру в Сочи. А на Балканах позицию США в Хорватии, Югославии, и БиГ разъяснял Р.Холбрук. Все стороны в целом согласились с планом США. Только мусульмане, выступавшие за единую Боснию, возражали против американских инициатив. Однако механизм НАТО уже был запущен. Против сербов.

11. Операция «Освобожденная сила»

Операция «Освобожденная сила» или «Немедленный ответ» (август-сентябрь 1995 г.), потрясая мир — заявление о новой расстановке сил в мире и *подготовка к Дэйтону*. Мировая общественность не была встревожена, когда в начале августа 300 тыс. сербов были самым варварским методом прогнаны со своей (!) земли хорватскими войсками, когда колонны беженцев расстреливали хорватские самолеты, когда были уничтожены

¹ Карл Бильдт, 46 лет, с 1991 по 1994 г. занимал пост премьер-министра Швеции, являлся специалистом в военной области.

10 тыс. сербов и стерты с лица земли десятки сел. Авиация НАТО никак не прореагировала, когда хорватские командиры захватили семерых голландских солдат миротворческого батальона и гнали их вперед танковой колонны, зная, что сербы не будут стрелять по «голубым каскам». А 28 августа все мировые агентства пестрели жуткими фотографиями Сараева, где накануне во время артобстрела рынка Маркале погибли 37 и ранены были более 80 человек. Поскольку большой фантазией устроители взрывов не обладали, они вновь использовали присем, сработавший в феврале 1994 г.

Чудовищное преступление, за которым должно было последовать наказание виновных. Виновными сразу называли сербов. Мы располагаем *свидетельствами очевидца событий*, которое позволяет сделать вывод об истинных причинах и восстановить последовательность событий.

Руководство СООНО сразу после взрыва начало стандартное расследование. Но уже через два часа после взрыва руководитель пресс-службы генерала Смита, который не должен был заниматься этой ситуацией, еще до объявления официальных результатов расследования собрал экстренный брифинг для журналистов, на котором недвусмысленно заявил о новых зверствах сербов, о минометном огне с Яхорины (сербская сторона). Такая заведомая ложь возмутила начальника штаба, заместителя командующего международным миротворческим контингентом сектора «Сараево» СООНО, российского офицера полковника А.В.Демуренко, принявшего решение начать независимое расследование обстоятельств обстрела, хотя военная субординация ему этого не позволяла делать.

Полковник вспоминал, что его мучили сомнения — во-первых, его самостоятельные действия воспримут как «контррасследование», направленное на подрыв авторитета миротворцев, что ему вряд ли разрешат продолжить службу, не говоря о том, что могли просто «убрать», а во-вторых, как россиянина, его легко могли обвинить «в сопричастности к сербским интересам». Но им руководили принципы беспристрастности и стремление восстановить нарушенную справедливость. «Раз уж я, россиянин, волею судьбы, так сказать, попал сюда, — мне всячески хотелось выигрывать свою роль миротворца для мусульман, поскольку для меня на тот момент не было разницы особенной, ведь люди страдают, какая разница, какой они религии», — вспоминал он (235). По первому докладу было 30 убитых и 60 раненых, к вечеру эти цифры выросли до 39 и 88, а через несколько дней — до 50 и 120. В полученном докладе полковника насторожило, что из прилетевших, якобы со стороны сербов, шести мин, только одна нанесла наибольший ущерб и убила 39 и ранила 83 человека, а на счету остальных пяти мин — только шестеро раненых. «Ну, так же не бывает. Крутовое поражение одинаковое на улицах. И, поскольку улицы были одинаково наполнены, так быть не может» (235). Кроме того, он, как военный, понимал, что из гладкоствольного орудия на расстоянии более трех с половиной километров каждый год трудно попадать в одно и то же место. «Так не бывает, чтобы мина пролетала с точностью до нескольких метров в одно и то же место и поражала каждый раз буквально две-три сотни людей». Кроме того, никто из наблюдателей не слышал взрыва пуска снаряда и свиста летящего снаряда.

Получив «добро» от командующего миротворческим контингентом сектора «Сараево» французского генерала Банле, который, видимо, и не предполагал о возможных последствиях активности своего подчиненного, А.В.Демуренко выехал на место обстрела. Одного взгляда на место происшествия, на флажки баллистиков вокруг места падения

лишь одного снаряда, было достаточно, чтобы быть уверенным в своих первоначальных выводах. «Это была обычная мина направленного действия. Шарик, заложенный внутрь, имеет огромную поражающую силу, крушат все на своем пути. Ею можно убить и 100, и 200 человек. А имитация кратера делается легко...». Он увидел так называемый кратер в асфальте от падения снаряда, зафиксировал ширину улицы — 5,8 м и высоту здания — 15 м, которое не задел снаряд. Так легко определился угол падения мины, совпадавший с утверждением официального расследования, что мина упала под углом 72°.

«Зная угол прилета, направление вылета, и зная эти 120-мм минометы, их особенности (могут менять угол стрельбы за счет поворота ствола, а дальность обеспечивают за счет добавления пороховых мешочков, и эта система имеет только шесть стандартных зарядов), чисто теоретически легко было развенчать их стандартное расследование». — вспоминал А.В.Демуренко. Он поставил перед собой цель доказать ложь и обман официального расследования, а уже потом можно было говорить об истинных виновниках трагедии. «Ни в коем случае не обвиняя никого, не пытаясь выстраивать каких-то версий, я хотел просто развеять те лживые слухи, которые касаются минометного обстрела именно этой системы и именно сербской стороны». По его подсчетам, на основании стандартной таблицы стрельб из этой системы оружия, четыре снаряда могли быть выпущены с сербской территории, а два — с мусульманской. Но поскольку обвинялись сербы, А.В.Демуренко тщательно обследовал сербскую территорию. Договорившись с сербской стороной, полковник прошел с фотоаппаратом по всем точкам предполагаемых огневых позиций сербского миномета, зафиксированных в официальном расследовании. На фотографиях было видно, что здесь минометы стоять не могли. «В итоге фактами, документами, фотографиями я опроверг то, что утверждало официальное расследование, я доказал, что ни на той огневой позиции, ни на других огневых позициях этого быть не могло. А вот что могло быть, я не говорил специально. Второго сентября со всеми этими материалами я пришел к генералу Башле и предложил ему обнаружить это все, но это осталось без внимания. Тогда я пошел на то, чтобы нарушить основной военный принцип единоначалия. Я вынужден был согласиться на то, чтобы сделать заявление. После этого я дал развернутое интервью со схемой, слайдами и доказательствами американскому информационному агентству «Ассошиэйтэд пресс», я хочу подчеркнуть — американскому — для того, чтобы обеспечить объективность. Я интервью давал 10 минут. Я «разжевал» на английском языке и в рот положил информацию, которая становилась ясной любому дилетанту. На следующий день 110 мировых агентств передали эту информацию в газетах, на телевидении»¹ (235).

¹ После появления данных расследования полковника А.В.Демуренко в средствах массовой информации командование UNPROFOR приняло решение в 24 часа депортировать его из Сараева. «Генерал Руперт Смит ударил кулаком по столу: «Выгнать!», хотя за две недели до этого выдал полковнику блестящую характеристику. Однако вскоре такое решение было отменено, и все сделали вид, что это частное дело А.В.Демуренко. Была негативная реакция мусульман, которые угрожали офицеру. Звонил полковнику и американский посол и запретил ему въезд в США. Но интересно, что никакой реакции не было с российской стороны. Официальная российская дипломатия встретила поступок А.В.Демуренко молчанием. Полковник вспоминал: «Мне не совсем понятно было — ведь я выступил в интересах государства, а оно ни ответа ни привета, хоть бы посол позвонил, Керестеджиянц, он ближайший был посол ко мне...» (235).

Следует подчеркнуть, что в СООНО это была первая попытка восстановить истину и попытаться объективно разобраться в сложной ситуации. Но был еще один важный момент — впервые за все время войны и присутствия миротворцев на территории бывшей Югославии сербы услышали с экранов телевизоров что-то сказанное не против них. Однако было уже поздно, механизм наказания «агрессора» уже был запущен.

В это время в Вашингтоне, как вспоминал Р.Холбрук, событиями в Сараево был взбешен президент У.Клинтон, «который Объединенным Нациям и нашим союзникам по НАТО сказал, что больше нельзя ждать, настало время «жестко ударить по мусульманским сербам» (212).

Командование Сербской армии категорически отвергло причастность сербских войск к обстрелу мусульманской части Сараева. Главный штаб подчеркивал в заявлении, что не имеет в зоне боснийской столицы тяжелых вооружений. Генерал Р.Младич потребовал создать совместную (сербы, мусульмане, СООНО) комиссию по расследованию случившегося. Но это никому не было нужно. США мгновенно подтвердили правильные выводы «компетентной комиссии», которая установила, что, без сомнения, снаряд был выпущен с сербской стороны, и потребовали наказать сербов. Кто же теперь будет спорить?

60 самолетов НАТО и артиллерия Сил быстрого реагирования (СБР) в ночь с 29 на 30 и днем 30 августа шесть раз бомбили сербские позиции в районе городов Сараево, Пале, Озрен, Масвица, Горажде, Фоча, Чайничче, Тузла. Удары наносились по центрам связи, системам ПВО, военным складам. Только в сербском Сараево разрушено было более 100 домов, в Касиндоле серьезно повреждена больница. По сообщениям того же радио (телефонная связь с Пале была прервана), были сбиты три самолета НАТО, погибли семь мирных жителей и пятеро миротворцев. Вашингтон же сообщил, что все самолеты вернулись на базу.

Вскоре после того, как НАТО начала воздушные операции в восточной части Боснии, мусульманские правительственные и хорватские силы начали наступление в западной части страны. За неделю, начиная с 10 сентября, мусульмане заняли большую часть Озренского выступа, а хорваты выдвинулись на значительное расстояние в юго-западной части страны, захватив и районы, в которых традиционно проживали сербы.

К середине сентября все намеченные НАТО военные цели были обстреляны. 13 сентября состоялась встреча С.Милошевича с представителями США и НАТО, на которой, как пишет Р.Холбрук, стало очевидно, что сербы хотят любым путем остановить бомбардировки. Изменился даже тон С.Милошевича. Однако размышления Р.Холбрука были достаточно циничными — необходимо продолжить бомбардировки даже по второму кругу, по старым целям, если хотим достичь больших результатов и больших уступок от Белграда (212). Вместо переговоров с руководством сербов в БиГ, было решено вести переговоры только с С.Милошевичем, показывая тем самым, что именно его «считают ответственным за политику боснийских сербов» (212).

Не вызывает сомнения, что взрыв на рынке Маркале — это спланированная акция, которая была необходима как повод для того, чтобы запустить механизм действия НАТО, чтобы переломить ситуацию в БиГ в пользу МХФ, чтобы замена сил

СООНО силами НАТО прошла более оправданно. Заседавшая в это время в Париже Контактная группа с одобрением встретила намерения НАТО, а Алия Изетбегович призвал прекратить все мирные переговоры с сербами и нанести по ним воздушные удары.

Свет на события начала сентября и роль США в них проливает опубликованный комментарий «Вашингтон пост»: «После трех лет уступок европейским союзникам по поводу войны в Боснии президент Клинтон решил в июне, что только решительное лидерство США может предотвратить катастрофу его внешней политики. Обеспокоенный тем, что ухудшающаяся ситуация в Боснии накладывает нтяно на его президентство, Клинтон дал своим советникам твердый приказ: выработать новую политику, в результате которой Вашингтон перехватит стратегическую инициативу». Высшая американская бюрократия вскоре родила «самую крупную операцию в воздухе, которую НАТО когда-либо предпринимала». Опасаясь негативной реакции своих избирателей, Клинтон оговорил: «Только чтобы не было участия в военных действиях наземных сил США». К концу июля все было готово, но... Захват сербами Сребреницы поверг трусливый Вашингтон в холодный пот. Однако после вторжения Хорватии в Краину, подготовленного при содействии США, сомнения исчезли. Это был «подарок, свалившийся в руки администрации», — писала газета. Ободренный успехом, Клинтон ждал повода (1992).

Очевидная последовательность событий последних месяцев неминуемо вела к применению СБР именно против сербов. Кто хотел и мог бы остановить этот процесс? Во всяком случае Россия молчаливо проглатывала пропагандистскую наживку о новых миротворческих задачах НАТО в Боснии и Герцеговине и соглашалась со всеми действиями Вашингтона. С лета 1995 г. становится очевидным желание США, Англии, Франции и Германии усилить военное давление на несговорчивых сербов, заменить «голубые каски» войсками НАТО.

Мнение Москвы практически не бралось в расчет. Россию даже не пригласили на заседание Контактной группы 3 августа, что, вероятно, связано с позицией России на проходившей незадолго до этого Лондонской встрече министров иностранных дел, министров обороны и начальников штабов стран, пославших свои контингенты «голубых касок» в Югославию, где она отставивала политический путь решения кризиса. Запад уже без России обсуждал планы операций НАТО в Боснии. Б.Бутрос-Гали перedal свои полномочия по принятию решений о воздушных ударах по сербским позициям непосредственно представителям НАТО и командующему СООНО. После того, как удалось перенести центр тяжести принятия решения на НАТО, мнение России в Совете Безопасности уже не играло никакой роли.

Президент России в отсутствие министра иностранных дел очень нерешительно осудил переход к силовому решению балканских проблем и выразил сожаление, что Россию даже не поставили в известность о готовящихся ударах. В неловкое положение попал и министр обороны, сделавший накануне заявление, что НАТО не будет наносить удары по сербским позициям. Действительно, логики в этом не было никакой. Вель сербы в Боснии успели выступить с одобрением американских мирных инициатив, приветствовали начавшийся переговорный процесс.

Россия продолжала настаивать на активизации политического процесса, которому силами НАТО нанесен значительный урон, созыве Совета Безопасности.

Вряд ли это могло иметь какой-либо эффект. Со всей очевидностью период расстановки политических сил закончился. Международные организации, главным образом ООН, уступили свои функции НАТО. А военная организация сразу встала на хорватско-мусульманскую сторону. У сербов союзников не было. Запад осуществлял то, что задумал. В его планы не входило сохранение сильного сербского государства на Балканах, тем более в потенциальном союзе с Россией. Сербам открыто советовали оставить мечту о единой Сербии, предупреждали о том, что кризис не будет решен до тех пор, пока не будет уничтожен их военный потенциал. Россия закономерно оказалась в политической изоляции, благодаря логике своего дипломатического поведения и ложных внешнеполитических идеалов.

Есть еще один итог всех этих поспешных действий западных стран. Европе преподнесен урок американской демократии, когда логика силы диктует послушание. Америка окончательно утверждала свое лидерство, диктовала форму и содержание переговоров исключительно по своему сценарию. И Белград, и Пале заявили о своем согласии с американским планом мирного урегулирования и сформировали совместную делегацию на мирные переговоры. От Республики Сербской в нее вошли Р.Караджич, Р.Младич и М.Крайшник. От Сербии — С.Милошевич и ряд других политических деятелей. Решение в этой команде должно приниматься простым большинством, а в случае разногласий решать будет С.Милошевич.

Основы военной операции НАТО в Боснии в нарушение мандата ООН заложил «Меморандум о взаимопонимании между главнокомандующим объединенными силами НАТО в Южной зоне Европы и командующим силами ООН по охране в бывшей Югославии», подписанный от имени СООНО генералом Б.Жанвье и от имени НАТО адмиралом Л.Смитом (302). С текстом документа, в котором фактически речь шла о порядке проведения военно-воздушных операций против сербов в соответствии с подготовленным списком «стационарных целей», не были ознакомлены два постоянных члена СБ — Китай и Россия¹. В качестве повода для нанесения ударов «Меморандум» определял не только нападения на «зоны безопасности», но и любые другие военные приготовления сербских войск «на более широком географическом пространстве» (читай — Сербии). Разработанный НАТО план предусматривал три стадии военного нажима на сербов: точечные удары, удары по ограниченному площадям, массированные боевые рейды. НАТО добилась расширения своих полномочий на самостоятельные силовые действия еще 21 июля 1995 г. на заседании КГ в Лондоне. Самы натовцы так объясняют цели военной операции: «Эти воздушные операции были начаты после того, как военное командование ООН сделало бесспорный вывод о том, что стрельба из миномета по г. Сараево за два дня до этого велась с позиции боснийских сербов. Решение по этим операциям было принято совместно главнокомандующим объединенными войсками НАТО в Южной Европе и командующим миротворческими силами ООН по Резолюции Совета Безопасности ООН 836 и в соответствии с решениями Североатлантического Совета от 25 июля и 1

¹ Существуют, однако сведения, что Россия была проинформирована о содержании документа, причем, А.Козырев одобрил его. «Российское постоянное представительство при ООН согласилось не выносить этот меморандум на Совет Безопасности, и пропустить его по процедуре «рабочего документа» через секретариат» (336, с. 173).

августа 1995 года, которые были одобрены Генеральным секретарем ООН. Общими целями НАТО и ООН были уменьшение угрозы зоне безопасности Сараево и сдерживание дальнейших нападений на нее или на любые другие зоны безопасности; вывоз тяжелого оружия боснийских сербов из полностью запретной зоны вокруг Сараево и обеспечение полной свободы передвижения для сил и персонала ООН, а также представителей неправительственных организаций и неограниченное использование аэропорта в Сараево» (334, с. 59).

3 сентября командующий силами ООН в Боснии генерал Жанвье направил сербам ультиматум, в котором содержалась угроза возобновления воздушных налетов авиации НАТО 4 сентября в 23.00, если сербы не отведут свое тяжелое вооружение из 20-километровой зоны вокруг Сараева и если не будут соблюдать режим других «зон безопасности». Фактически этот ультиматум выдвинула НАТО, прикрываясь ооновским флагом.

5 сентября НАТО возобновила бомбардировки позиций сербов.

6 сентября Совет Думы российского парламента принял решение созвать 9 сентября внеочередное заседание Государственной думы по вопросу «О положении в бывшей Югославии и политике России в отношении боснийского кризиса». Совет Думы обратился к президенту со следующими предложениями:

1. Безотлагательно рассмотреть вопрос о целесообразности подписания закона «О прекращении участия Российской Федерации в осуществлении международных санкций, введенных против Союзной Республики Югославия».

2. Обдумать вопрос о целесообразности приостановления участия Российской Федерации в «Программе во имя мира».

3. От имени Российской Федерации потребовать незамедлительного созыва Совета Безопасности ООН для рассмотрения вопроса «О массовом истреблении боснийских сербов».

4. Провести российско-украинские и российско-белорусские консультации по выработке согласованной позиции по боснийскому кризису.

Совет Думы рекомендовал также президенту освободить Андрея Козырева от должности министра иностранных дел «за совершенные им и возглавляемым им министерством многочисленные серьезные ошибки, приведшие к унижению провалу российской дипломатии на Балканах» (193).

В последующие дни авиационная операция ВВС НАТО в БиГ проходила «с максимальной интенсивностью». 11 сентября в районе города Бая-Лука были применены 13 ракет дальнего радиуса «Томагавк», разрушившие телекоммуникационные центры, радио — и телетрансляторы, трансформаторные подстанции, линии электросетей, резервуары воды и другие жизненно-важные объекты инфраструктуры. К 12 сентября было сделано 2300 боевых вылетов. В результате авианалетов были разбиты все радарные установки, склады оружия и боеприпасов, командные пункты, средства ПВО, мосты. Натовские генералы рассматривали эти налеты все еще в рамках первых двух стадий плана и в середине сентября стали поговаривать о переходе к третьему этапу. Большое удовлетворение налетами выразил американский президент, сказав, что в Боснии против сербов «не было геноцида. Там было чрезвычайно много осторожности и дисциплины, но также и твердости, и силы, и они были продемонстрированы надлежащим образом» (194). По убеждению западных аналитиков, именно авианудары заставили сербов сесть за стол переговоров.

Под прикрытием натовских самолетов, используя момент уничтожения военного потенциала сербов, мусульманские и хорватские войска предприняли серьезное наступление и заняли 400 км² сербских территорий и приблизили количество земель к искомой цифре 51%. Так, пали города Яйце, Мркоњич-Град, Рибник, Сипово. В этих городах была учинена расправа над мирным сербским населением. Между войсками НАТО и мусульманскими силами существовала координация действий, без которой мусульмане не рискнули бы на подобную акцию. «Во время бомбардировок, — пишет К.Никифоров, — действовала прямая оперативная связь между командующим мусульманскими войсками Р.Деличем и натовскими военными. Именно Делич часто определял мшавшие мусульманам сербские цели, по которым затем наносился ракетно-бомбовый удар» (336, с. 168).

Реакции российского МИД, на начало операции не последовало до тех пор, пока не высказался Б.Ельцин. 7 сентября в заявлении, а 8 сентября на пресс-конференции президент России подверг НАТО критике, потребовав немедленно прекратить авиаудары. Прозвучала даже угроза: если авиаудары будут продолжены, то помощь России Сербии не ограничится лишь гуманитарными поставками. «Мы будем вынуждены ответить адекватно и помочь сербам...» (195, с. 1). А.Козырев отправился исправлять ошибки, а президент улетел отдыхать в Сочи. Правительство России опубликовало текст заявления, в котором действия НАТО квалифицировались как акт геноцида над сербами в Боснии и выражался протест против жесткого одностороннего применения боевой мощи НАТО. Постоянный представитель России в ООН С.Лавров потребовал повторно созвать срочное заседание СБ для обсуждения ситуации в Боснии. Оно состоялось 12 сентября. 18 сентября Россия потребовала срочного созыва консультативного заседания СБ, поскольку мусульманско-хорватское наступление продолжалось.

На призыв прекратить бомбардировки сербских позиций, Россия получила ответ Генерального секретаря НАТО В.Класа, что НАТО не изменит своей позиции. Консультации России и НАТО по этому вопросу прошли безрезультатно, стороны не смогли сблизить позиции. Более того, НАТО пригрозила расширить зоны бомбовых ударов. Налеты продолжались, хотя руководители натовских структур некоторое время гадали, что же подразумевал Б.Ельцин, и изменился ли курс России. Курс России не изменился. Б.Ельцин наложил вето на законопроекты, принятые парламентом, которые предусматривали одностороннюю отмену санкций в отношении Югославии и введение санкций против Хорватии.

Россию надо было успокоить. В Москву зачастили гости с Запада: испанский премьер-министр Фелипе Гонсалес, представлявший Европейский союз, председатель комиссии ЕС Жак Сантер, британский и итальянский министры иностранных дел, германский канцлер Гельмут Коль. Все они поддержали военные акции НАТО и пытались заверить в их необходимости и Москву. «В этой ситуации заверения высоких гостей, будто бы Запад заинтересован, чтобы Москва участвовала в политическом урегулировании боснийского конфликта, больше напоминает соболезнования» (196). Так, во время переговоров (3 сентября) в Москве Б.Ельцина и Г.Коль лидеры двух стран пришли к выводу, что Россия и ФРГ придерживаются единой позиции и не приемлют силовых методов решения проблем урегулирования в бывшей Югославии. Думается, что каждый имел в виду свое: Ельцин — акции возмездия НАТО, а Г.Коль — военные действия боснийских сербов. Ельцин указал на необходимость справедливого и равного подхода ко всем сторонам конфликта, призвал

к отмене санкций против Югославии, высказал опасения в расширении НАТО. Г. Коль пытался уверить российского президента в необходимости тесного партнерства между Россией и НАТО, а также в том, что российские интересы всегда будут учитываться международными организациями. России обещано рассмотреть вопрос о ее приеме в Совет Европы, увеличить инвестиции в экономику. Г. Коль в принципе не возражал против проведения в Москве международной конференции на высшем уровне по урегулированию проблем в бывшей Югославии. В результате всех визитов Запад успокоился: ничего, кроме «тактических разногласий», как выразился заместитель госсекретаря Струоб Толботт, в Москве не обнаружили. Американская пресса с радостью процитировала А. Козырева, заявившего, что Россия не в состоянии противостоять Западу (192).

Президент РС Р. Караджич объявил, что сербы могут пересмотреть свое решение об участии в переговорах по сербскому урегулированию, если НАТО будет продолжать наносить авиаудары по сербским позициям. В послании, направленном Б. Ельцину, У. Клинтону и Д. Мейджору, Р. Караджич оценил действия НАТО как объявление войны сербам. Но сербская делегация в результате решила принять участие в переговорах, организованных под эгидой США и при непосредственном участии членов КГ. КГ предполагала провести серию встреч — в американской миссии в Женеве 8 сентября, затем через неделю — в российской миссии в Женеве, потом в Москве, позже в расширенном составе в Риме.

8 сентября в американской миссии в Женеве в обстановке полной непредсказуемости начались переговоры, в которых участвовали министры иностранных дел: СРЮ (Милан Милутинович), Боснии и Герцеговины (Мохамед Шачирбегович), Хорватии (Мате Грвнич). Милан Милутинович возглавлял совместную с РС делегацию, в которую входили также А. Буха, Н. Колевич и Н. Чичанович. Кроме того, присутствовали члены Контактной группы, сопредседатель Международной конференции К. Бильдт, а также представители министерств иностранных дел из США, России, Франции, Великобритании и Германии на уровне директоров департаментов. Только Россия была представлена более высоким уровнем — заместителем министра иностранных дел И. Ивановым. Председательствовал за столом переговоров помощник госсекретаря США Р. Холбрук. Непредсказуемость переговоров была связана с тем, что продолжались бомбардировки сербской территории, что неизвестной была позиция Москвы, выступившей с критикой акции НАТО и расширения НАТО на Восток. В течение первого часа все участники переговоров высказались за мирное решение кризиса, договорились, что не будут говорить о картах, а только о конституционных принципах. Затем были продолжены двусторонние встречи и консультации. «Триумфом США» стало устное согласие договаривающихся сторон с документом об основных принципах урегулирования в БиГ. Он носил название «Согласованные основные принципы» и состоял из трех разделов. Босния сохранялась в своих границах, оставалась страной с единым представительством в ООН, но делилась на два субъекта (мусульманско-хорватскую Боснийскую Федерацию и Республику Сербскую), живущих по своим конституциям. Каждый из субъектов Федерации может вступать в «специальные отношения» с соседними землями. Для координации действий между двумя автономными субъектами должны создаваться «центральные связующие структуры». При этом исходили, как подчеркнули члены КГ, из неприкосновенности суверенитета Боснии и прав мусульманского населения.

14 сентября НАТО объявила о приостановке ударов на 12 часов, чтобы достичь успеха в переговорах Р.Холбрука и Р.Младича и заставить сербов отвести тяжелое вооружение из 20-километровой зоны вокруг Сараева. 15 сентября было сообщено о продлении «паузы» в бомбардировках еще на три дня.

Американский адмирал Лейтон Смит, командующий силами НАТО в Южной Европе, возглавлявший операцию против сербов в Боснии, заявил на пресс-конференции 15 сентября в Неаполе, что воздушные удары авиации НАТО по Республике Сербской продолжались 16 дней, в среднем по 220 боевых вылетов в день. Было совершено 3500 боевых вылетов, нанесено 750 бомбовых ударов по 56 тотальным целям или по 359 различным целевым точкам на сербской территории. В воздушных операциях участвовали около 320 боевых машин НАТО, поднимавшихся в воздух с военной базы в Италии, и несколько десятков самолетов — с американских авианосцев, курсирующих в Адриатическом море. Каждая цель в РС подвергалась бомбовым ударам 13 или 14 раз (191, с.27–28). По различным данным, было уничтожено 100 объектов, погибло более 1 тыс. человек, из них 60% гражданского населения (301).

26 сентября в Нью-Йорке результатом пятичасовой встречи министров иностранных дел Югославии, Хорватии и Боснии стал принятый договор о конституционном устройстве БиГ. Он как бы продолжал женевский договор от 8 сентября и дополнял его следующими пунктами: уважение двумя сторонами международных обязательств БиГ, проведение выборов, уважение прав человека, возвращение беженцев в свои дома, обеспечение свободы передвижения, размещение представителей ОБСЕ в крупных городах, выдвижение в состав Президиума и Скупщины представителей МХФ и РС в соотношении 2/3 : 1/3. При этом правом вето обладала треть депутатов, что вполне отвечало сербам или любой другой группе парламентариев. Вашингтонский договор не упоминает конфедеративную связь образований с Хорватией и Югославией. Договор лишь условно можно бы было назвать документом о конституционном устройстве, так как он был крайне обтекаем, краток, достаточно неопределен. Но, видимо, именно в таком виде полной неопределенности он и устроил все стороны, так как в нем была заложена возможность дальнейших переговоров по всем вопросам устройства БиГ. Далее должен был последовать договор о прекращении войны, а затем — о территориальном разграничении.

США добились заключения 5 октября 1995 г. соглашения о прекращении огня на территории всей страны, которое включало в себя такие положения, как гуманное обращение с задержанными лицами, свобода передвижения, право перемещенных лиц на возвращение в свои дома. Соглашение вступило в силу 12 октября (256, с.5).

США готовились к Дейтону. Смирить строптивость сербов они пытались авиаударами, дипломатическим натиском, запугиванием дальнейшими санкциями и потерей всех преимуществ. Последовавшие после бомбежек успешные наступление мусульман на сербские позиции заставило сербов почувствовать горечь поражения. Одновременно в СМИ была развязана кампания обвинений в уничтожении сербами тысяч мусульман после взятия Сребреницы летом 1995 г. «Козырной картой» для Вашингтона служили данные американской спутниковой разведки. На фотографиях, сделанных из космоса, видны участки пересытой земли. Как считали американцы, это могли быть могилы убитых американцев. И хотя позже никакие могилы не были найдены, в то время такой пропагандистский ход преследовал несколько целей: отвести критику от блока НАТО, нарушившего обязательство соблюдать нейтралитет в кон-

фликте, отвлечь внимание от трагической судьбы 200 тыс. краинских сербов, ставших беженцами после наступления хорватских войск. Вашингтон также пытался добиться от С.Милошевича смещения и выдачи лидеров сербов в БиГ Р.Караджича и Р.Младича, объявив об их ответственности за преступления против мусульман. В расчет даже не брались объяснения Я.Акаши, который возложил ответственность за события в Сребренице на мусульман (293, с.7). Я.Акаши и военное руководство СООНО также подверглись критике, что как нельзя кстати пришлось накануне Дейтона. Важно было показать бессилие ООН и создать рекламу возможностям нового «миротворца» — НАТО во главе с США.

12. Дейтон — открытый урок принуждения к миру

Переговоры в Дейтоне на базе военно-воздушных сил США в штате Огайо проходили с 1 по 21 ноября 1995 г. Они основывались на Согласованных базовых принципах от 8 сентября 1995 г., Последующих согласованных базовых принципах от 26 сентября 1995 г. и соглашениях о прекращении огня от 14 сентября и 5 октября 1995 г.

Хорватскую делегацию возглавлял Ф.Туджман, делегацию Боснии и Герцеговины — А.Изетбегович. Соглашением от 29 августа 1995 г. делегация Союзной Республики Югославии была уполномочена подписывать от имени Республики Сербской части мирного плана в отношении нее с обязательством строго и последовательно выполнять достигнутое соглашение. Делегацию РС составляли М.Кранишник (руководитель), Н.Колевич, А.Буха. Делегацию Югославии, также из трех человек, возглавлял С.Милошевич, имевший при обсуждении вопросов в общей сербской делегации не только два, но и решающий голос. По договоренности с президентом Р.Караджичем делегация РС должна была принимать решения после обсуждения с экспертами и консультаций с президентом. Но практика была такова, что все документы получала делегация Югославии, которая потом передавала их представителям РС. «Делегация РС за время всей конференции не получила ни одного документа непосредственно из рук организаторов. Благодаря таким образом организованной работе, значительно затруднялась деятельность делегации РС, поскольку югославская делегация часто опаздывала с передачей документов», — отмечалось в отчете делегации РС (274 (1), с.23). Кроме того, уже 4 ноября значительно ухудшились отношения делегации РС с делегацией СРЮ. Последняя перестала ставить в известность сербов из Боснии о своих встречах и переговорах, а представители Америки начали контактировать исключительно с С.Милошевичем. «На практике уже в самом начале понятие единой делегации стало фарсом», — считали члены делегации РС (274 (1), с.24). К.Бильдт в недавно опубликованной книге «Мир как задача» пишет, что С.Милошевич вообще не сообщал делегации РС о тех решениях, которые он принимал, и тех документах, которые подписывал. Он намеревался позже поставить делегацию РС в известность о тех статьях договора, согласно которым в Боснию войдут войска НАТО. С.Милошевич отдал сербскую Грбвицу мусульманам, тем самым подписавшись под целостностью Сараева как столицы Мусульманско-хорватской федерации (305).

Для переговаривающихся сторон было подготовлено большое количество документов, на изучение которых времени отпускалось преднамеренно мало. Изначально предполагалось склонить делегации подписать уже приготовленные документы.

Основные соглашения были коротки и создавали впечатление о возможной их доработке. Детально были разработаны лишь военные аспекты соглашений, а также заготовлены письма в разные инстанции и разным лицам, которые должны были подписать руководители делегаций, чтобы засвидетельствовать свое согласие с каждым документом или его частью, или выразить благодарность и признательность американской стороне за «гостеприимство, оказанное в течение всех переговоров» (272, с. 135).

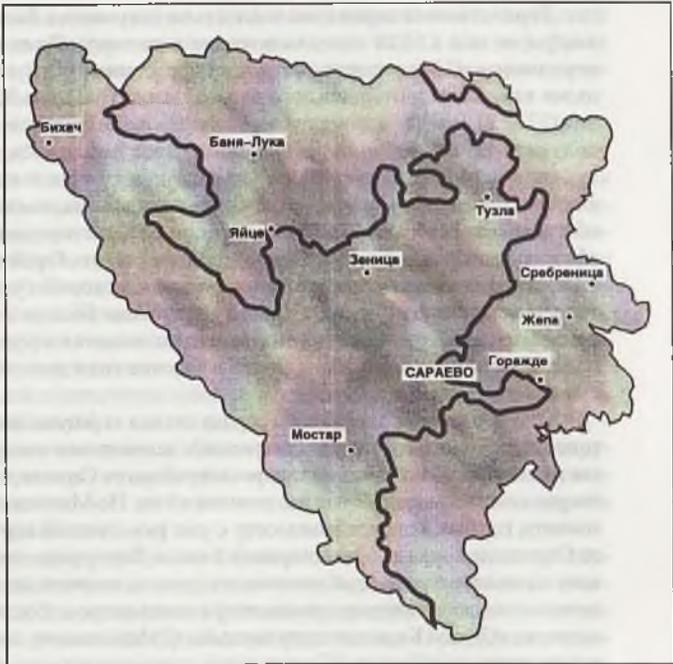
Через 18 дней в переговорном процессе наступил очень трудный момент: чтобы достичь окончательной договоренности, обсуждения не прерывались 22 часа, а затем, после небольшого перерыва, они снова вступили в 24-часовой марафон. Журналисты полагали, что это была специальная стратегия устроителей: намеренно утомить всех, чтобы легче было убедить несоговорчивых. 20 ноября в 4.30 утра наконец все пришли к согласию, и мир был достигнут. Но он длился, по подсчетам присутствовавших, только 37 минут. Снова появились разногласия, на согласование которых потребовалось еще 24 часа. 21 ноября были подписаны документы, вошедшие в историю как Дейтонские соглашения по БиГ. Они включают в себя 20 отдельных документов, 19 из которых являются приложениями к небольшому документу обобщающего характера под названием «Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине». Возможно, были и тайные документы. Во всяком случае, в 1997 г. появились сведения о существовании неких договоренностей по выдаче военных преступников и «тайных» списках преступников.

Пакет договоренностей можно подразделить на три составные: карты разделения Боснии и Герцеговины, военные аспекты урегулирования, которые были призваны обеспечить развод конфликтующих сторон, прекращение враждебных действий и размещение войск НАТО в БиГ, а также гражданские вопросы государственного строительства, восстановления экономики, решения гуманитарных вопросов.

Согласно статье I «Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине», Республика Босния и Герцеговина, Республика Хорватия и Союзная Республика Югославия («Стороны») отныне «строят свои отношения в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций, а также хельсинкского Заключительного акта и других документов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. В частности, Стороны полностью уважают суверенное равенство друг друга, разрешают споры мирными средствами и воздерживаются от любых действий, угрозы силой или ее применения или иных действий против территориальной целостности или политической независимости Боснии и Герцеговины или любого другого государства» (272, с. 2). Стороны берут на себя обязательства полностью соблюдать подписанные соглашения, содействовать их выполнению. Союзная Республика Югославия и Республика Босния и Герцеговина признали друг друга в качестве суверенных независимых государств в рамках своих международных границ.

Наиболее острые дискуссии в сербской делегации разгорелись по поводу предложенных карт разделения. Сами карты участникам не показывали вплоть до 21 ноября, т.е. дня подписания всех документов, но лишь говорили об основных принципах их составления, ссылаясь на карты Контактной группы. Сербов волновали проблемы Брчко и северного коридора, принадлежности Сараева, а также дорога, соединяющая восточный мусульманский анклав с Сараевом. Сербь предлагали, чтобы каждая сторона представила свой план разграничения, после обсуждения которого можно было бы подготовить окончательный компромиссный вариант. Но

ограничение БИГ
Дейтонскому
вещанию

все усилия сербской делегации были напрасными. Ей не удалось отстоять сербские пригороды Сараева даже в обмен на Горажде или другие территории. Делегация РС предлагала, чтобы Илиджа, Соколович-Колония, Аэродром, Храсница, Добринья и Грбавица остались на территории Республики Сербской. Мусульманская делегация настаивала на едином Сараеве как столице Боснии и Герцеговины, что поддерживали руководители переговоров. Для сербов было ясно, что такой вариант означал массовый уход сербов из этих районов. Поэтому переговоры носили напряженный и многоплановый характер. Р.Холбрук, возглавлявший переговорный процесс, а также все представители великих держав, включая Россию, настаивали на том, чтобы Сараево был единым, неразделенным городом, обещали сербам защиту, если они останутся в своих домах. Сербская делегация была достаточно изолирована, ограждена от каких-либо контактов. Чтобы склонить ее к уступкам, многие участники переговорного процесса давали ей различные обещания, которые потом не выполняли. К.Бильдт пишет в своих воспоминаниях, что «о картах Крапник действительно ничего не знал. С.Милошевич просил нас, чтобы его уступки в связи с Сараевом остались тайной. Он не хотел, чтобы в Пале об этом узнали» (305). С.Милошевич согласился также с более широким коридором для мусульман до Горажде, получив в замен Добой, Силайджич отказался от требования выхода Федерации на Саву. «Все получалось замечательно, но когда подсчитали территории, то получилось, что Федерация получила 55%, а сербы 45% всей территории БиГ» (305).

Торжественная церемония подписания документов была назначена на 15.00 21 ноября, но spite в 14.00 того дня никто не видел карт. По свидетельству участников переговоров, С.Милошевич ознакомил представителей руководства РС с конкретными картами территориального размежевания только за 10 минут до их подписания (273, с.8). Войдя в комнату делегации РС, он поздравил ее с тем, что сербы в итоге получили 49% территорий, хотя держат сейчас только 44%, добавив, что сербы получили все города на реке Саве, что сохранен северный коридор, что у мира нет альтернативы и что Сараево им никогда не получить, поскольку они три года его обстреливали (274(3), с.22). Шесть сербских общин передавались Федерации, а две общины наоборот — сербам. Сербь должны оставить Горажде, которое соединялось с Сараевом четырехкилометровым коридором, который будет находиться под контролем международных сил. Сараево как столица Боснии и Герцеговины со всеми прилегающими к нему сербскими районами остается в мусульманской зоне. Принадлежность спорного района Брчко в течение года должна решить Арбитражная комиссия в составе трех арбитров.

В то время мир с замиранием сердца следил за результатами переговоров, о Дейтоне ходило много слухов. На белградском телевидении канал «Студио Б» 24 ноября так комментировал обсуждение вопроса коридора от Сараева до Горажде: «Милошевич твердо стоял на том, чтобы он не превышал 3 км. Но Милошевича отвели в соседнюю комнату, где был включен компьютер с уже размеченной картой, показали, что путь от Сараева до Горажде будет шириной 5 км...». Карту разделения территорий показывали на компьютере каждой делегации отдельно, поочередно вводя руководителя делегации ненадолго в отдельную комнату с компьютером. Согласно комментарию журналистов «Студио Б», когда карту показали С.Милошевичу, он быстро дал свое согласие на разделение Боснии и Герцеговины, затем вышел из комнаты. Следующим вошел в компьютерную комнату А.Изетбеговича. Но С.Милошевич что-то забыл и вернулся в эту комнату в тот момент, когда А.Изетбеговичу показывали его вариант карты раздела. С.Милошевич увидел, что показанные сербам и мусульманам карты отличаются в пользу мусульман. Кроме того, наверху экрана горела надпись «Поздравляем мусульман с победой».

Военные аспекты мирного урегулирования являлись приоритетной темой переговоров и в соответствующем Соглашении Стороны обязались прекратить боевые действия и скорее восстановить нормальные условия жизни в Боснии и Герцеговине. На первом месте в Соглашении было согласие Сторон с посылкой в регион «сроком примерно на один год сил для оказания помощи в осуществлении территориальных и других связанных с военными аспектами положений соглашения» (272, с.7). В тексте не упоминалось, о каких силах идет речь, но это положение позволяло силам НАТО начать свою «миротворческую» миссию в БИГ. Совету Безопасности ООН предлагалось принять резолюцию, разрешающую государствам-членам или региональным организациям создать многонациональные военные Силы по выполнению Соглашения (СВС¹), в состав которых будут входить сухопутные, воздушные и морские подразделения государств — членов НАТО и государств, не являющихся членами НАТО, направленные в Боснию и Герцеговину для содействия обеспечению соблюдения положений настоящего Соглашения. В Соглашении оговаривалось, что

¹ С 20 декабря 1996 г. — Силы по стабилизации (СПС).

силы будут действовать под руководством, управлением и политическим контролем Североатлантического совета через командные инстанции НАТО. Участие других государств в операции в БиГ должно быть предметом соглашения между такими государствами-участниками и НАТО.

Присутствие сил НАТО в БиГ оговаривалось следующими целями:

— добиться долговременного прекращения военных действий. Ни одно образование не будет применять силу или угрозу силой против другого образования, и ни при каких обстоятельствах вооруженные силы ни одного из образований не будут вступать и находиться на территории другого образования без согласия правительства последнего и Президиума Боснии и Герцеговины. Все вооруженные силы в Боснии и Герцеговине действуют, сообразуясь с суверенитетом и территориальной целостностью Боснии и Герцеговины;

— обеспечить поддержку и санкционирование деятельности СВС, и в частности разрешить СВС принимать такие меры, включая применение необходимой силы, которые потребуются для обеспечения соблюдения настоящего Приложения и обеспечения их собственной защиты;

— ввести долговременные меры в области безопасности и контроля за вооружениями, цель которых состоит в содействии постоянному примирению между всеми Сторонами и достижению всех политических договоренностей, согласованных в Общем рамочном соглашении.

Военное соглашение предусматривало передислокацию вооруженных сил сторон — в течение 30 дней вывод всех вооруженных сил за зону разъединения, устанавливаемую по обе стороны согласованной линии прекращения огня; освобождение территории, которая передается другой стороне, в течение 45 дней, вывод в течение 120 дней всего тяжелого вооружения в районы сбора/казарм и другие места, назначенные командующим СВС.

В течение 120 дней должна была быть проведена демобилизация, которая заключалась в сдаче личным составом всего оружия, включая личное оружие, взрывных устройств, средств связи, транспортных средств и всего другого военного имущества. Весь личный состав этих сил увольняется с военной службы и не принимает участия в какой-либо дальнейшей подготовке или в других видах военной деятельности.

Делегация РС возражала против подписания документа о военных аспектах в таком виде. Ссылаясь на решение своей Скупщины, она возражала против размещения войск НАТО на своей территории, требовала обсуждения документа, которого руководители переговоров избегали. Но уже 17 ноября вечером делегация узнала от полковника Дибура, что С.Милошевич полностью согласился с Соглашением по военным аспектам, и документ больше обсуждению не подлежит (274 (2), с.21). С.Милошевич перестал информировать делегацию РС о своих шагах и принимаемых решениях. 20 ноября делегация РС настояла на голосовании внутри «единой» делегации по военным аспектам соглашений. Вся делегация РС голосовала «против», в делегация СРЮ — «за». С.Милошевич использовал полномочия руководителя делегации и принял решение подписать Соглашение о военных аспектах мирного урегулирования.

Не зря военные аспекты Дейтонских соглашений заняли столь значительную часть всех подписанных документов. Благодаря им, НАТО впервые в истории своего существования не только расширила свои полномочия, но и вышла за обозначенные в Североатлантическом договоре 1949 г. границы зоны действия альянса.

Кроме того, СВС наделены огромными полномочиями, которые перекрывают «демократические» задачи создаваемого государства. СВС имеют права и *полномочия принуждать* к перемещению, выводу или передислокации конкретных сил и вооружений из любого района Боснии и Герцеговины, а также отдавать распоряжения о прекращении любых действий в этих районах, если СВС сочтут, что такие силы вооружения или действия представляют или могут представлять угрозу либо для СВС или их миссии, либо для другой Стороны. Силы, которые после такого распоряжения СВС не передислоцировались, не обеспечили вывод или перемещение или прекращение деятельности, которая представляет или может представлять угрозу, могут стать объектом военных мер со стороны СВС, включая *применение силы*, необходимой для обеспечения соблюдения соглашений.

«Командующий СВС имеет полномочия без вмешательства со стороны или разрешения любой из Сторон осуществлять любые действия, которые командующий сочтет необходимыми и целесообразными, включая применение военной силы» (272, с. 17). СВС могут применить по отношению к ним военные меры, в том числе необходимую силу, для обеспечения выполнения настоящего Соглашения. Полномочия носят неограниченный характер. Дальнейшие директивы со стороны командования НАТО могут привести к учреждению дополнительных обязанностей и обязательств для СВС.

Силы НАТО фактически действовали как оккупанты: им разрешалась полная и беспрепятственная свобода передвижения по земле, воздуху и воде по всей Боснии и Герцеговине. Они имели право расквартировываться и использовать любые районы или объекты в целях выполнения своих обязанностей, которые необходимы для их поддержки, подготовки и операций, имели право на неограниченное использование всего электромагнитного спектра. При этом «СВС и их персонал не несут ответственности за любой ущерб, нанесенный личной или государственной собственности в результате боевых или связанных с боевыми действиями» (272, с. 17). То, как быстро вводились силы НАТО в Боснию и Герцеговину, позволяет предположить, что операция не только была хорошо подготовлена, но и планировалась заранее, явилась следствием целенаправленной политики проникновения и утверждения военного присутствия НАТО на Балканах. Еще до решения Совета Безопасности 1 декабря (Резолюция 1031 была принята только 15 декабря) Совет НАТО отдал распоряжение Верховному командованию союзными силами в Европе начать размещение сил блока в Хорватии и Боснии и Герцеговине. И 2 декабря началось выполнение приказа.

Второе Соглашение, названное достаточно «цивильно» — «О стабилизации в регионе», фактически являлось продолжением Соглашения о военных аспектах мирного урегулирования и включало в себя чисто военные аспекты — разработку «уровней сил обороны». В течение 45 дней надо было достичь следующих договоренностей: ограничения на военные развертывания и учения в определенных географических районах; запреты на повторный ввод иностранных сил в свете положений статьи III Приложения 1-А к Общему рамочному соглашению; ограничения на местонахождение тяжелых вооружений; вывод сил и тяжелых вооружений в районы сбора/казарм или другие установленные места; уведомление о расформировании групп специального назначения и групп вооруженных гражданских лиц; уведомление о некоторых видах планируемой военной деятельности, включая программы оказания международной военной помощи и программы обучения; определение потенциала по производству вооружений и наблюдение за ним; несмеленный обмен данными

о запасах пяти категорий вооружений, предусмотренных Договором об обычных вооруженных силах в Европе; немедленное создание военных миссий по связи между командующими вооруженными силами Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской (272, с.39–40).

Стороны обязались в течение 90 дней не ввозить никакие вооружения, а в течение 180 дней — тяжелые вооружения или боеприпасы для тяжелых вооружений, мины, военные самолеты и вертолеты, танки и бронированные машины, артиллерию калибра 75 мм и выше, минометы калибра 81 мм и выше и зенитное оружие калибра 20 мм и выше.

Соглашение устанавливало количественные предельные уровни запасов танков, артиллерии, боевых бронированных машин, боевых самолетов и ударных вертолетов. Если в течение 180 дней после вступления в силу настоящего Соглашения Стороны не договорятся об иных предельных уровнях запасов вооружения, применяются предельные уровни в соотношении 5:2:2, основанные на приблизительном соотношении численности населения Сторон: исходным уровнем являлись установленные запасы Союзной Республики Югославии. Для Союзной Республики Югославии предельный уровень составлял 75% от исходного уровня, для Республики Хорватии — 30% от исходного уровня, для Боснии и Герцеговины — 30%. Установленный для Боснии и Герцеговины уровень распределялся между Образованиями в соотношении два для Федерации Боснии и Герцеговины к одному для Республики Сербской. Следовательно, армия Югославии должна была уменьшить свой военный потенциал на 25%. Любопытно, что Соглашение не подразумевало учитывать военный флот, поскольку в этом случае Хорватия должна была бы значительно его сокращать. Согласно оценкам югославских экспертов, со ссылкой на данные лондонского Института стратегических исследований, которыми пользуется ОБСЕ, армия Югославии должна сократить 30 тыс. военнослужащих, уничтожить 235 танков, 250 БТР, 375 единиц артиллерии, 39 самолетов и 44 вертолета. Республика Сербская должна избавиться от 274 танков, 176 БТР, 650 пушек. В то же время Хорватия и МХФ должны вооружение «дополучить» (288).

Таблица предполагает
сокращения воору-
женных сил, неофици-
альные
данные (288)

	Югославия		Республика Сербская		Республика Хорватия		МХФ	
	исходный уровень вооружения	предельный уровень вооружения						
танки	125 000	95 000	75 000	12 500	100 000	40 000	142 000	25 000
БТР	968	733	370	96	176	290	131	190
пушки	990	740	275	99	140	300	115	200
минометы	1 500	1 125	800	150	500	450	330	300
артиллерия	170	131	20	17	28	50	3	35
вертолеты	180	136	24	18	18	55	8	35

Такое сокращение вооружения и армии Республики Сербской делало ее крайне уязвимой в защите и даже охране своей территории, а необходимость «довооружать» мусульманскую и хорватскую армию позволяла начать поставки им вооружения. Запланировано было поставить мусульманам 46 100 автоматических винтовок¹, 1 тыс. пулеметов, 850 противотанковых средств, 15 вертолетов, 85 БТР, 45 танков. Армия БиГ составляла 45 тыс. человек. 21 ноября 1996 г. военный корабль под названием «Американский кондор» произвел в хорватском порту Плоче разгрузку первого груза тяжелого вооружения на общую сумму около 100 млн. долл. США. Это оружие предназначалось мусульманско-хорватской армии БиГ в соответствии с «миротворческой» программой Вашингтона под названием «Оснастить и обучить». В мае 1997 г. поставлены 108 тяжелых 155-миллиметровых гаубиц с компьютерной системой наведения и контроля огня. Мусульманских офицеров обучали отставные американские генералы.

Соглашение о специальных международных полицейских силах заставляло Стороны «обратиться» к ООН с просьбой «создать на основании решения Совета Безопасности, в рамках операции гражданской полиции Организации Объединенных Наций, Специальные международные полицейские силы Организации Объединенных Наций (СМПС) для осуществления на территории Боснии и Герцеговины программы помощи» (272, с. 103). Эта программа включала в себя:

а) мониторинг, наблюдение и проверку правоохранительной деятельности и объектов, включая соответствующие судебные организации, структуры и процедуры;

б) консультирование сотрудников и сил правоохранительных органов;

в) подготовка персонала правоохранительных органов;

г) содействие, в рамках миссии СМПС по оказанию помощи в осуществлении Сторонами правоохранительной деятельности;

д) оценка угроз для общественного порядка и консультирование относительно способности правоохранительных органов справиться с такими угрозами;

е) консультирование органов власти в Боснии и Герцеговине относительно организации эффективных гражданских правоохранительных органов;

ж) оказание помощи сотрудникам правоохранительных органов Сторон путем сопровождения их во время выполнения ими своих обязанностей, если СМПС находят это необходимым.

Гражданские вопросы урегулирования занимали достаточно большой блок документов. Основным была предложенная сторонам Конституция, которая решала будущее Боснии и Герцеговины достаточно оригинальным способом, nämlich отсутствующим в международной правовой практике. Создавалось единое государство, не федерация, не конфедерация, но состоящее из двух частей, названных странным словом «Образования». Текст Конституции стороны не могли обсуждать, а должны были принять как окончательное решение.

Республика Босния и Герцеговина, хотя и продолжала «свое юридическое существование в соответствии с нормами международного права» в рамках нынешних международно признанных границ, меняла свое название. Отныне, отмечалось

¹ Об этом сообщалось и в Российской печати, приводились цифры уже поставленного вооружения. См., например, Правда-5, 1996, 27 нояб., с. 3.

в Конституции, она официально именуется «Босния и Герцеговина». Она остается государством — членом Организации Объединенных Наций и может в качестве Боснии и Герцеговины сохранить свое членство в организациях системы ООН и других международных организациях или подать заявку о вступлении в эти организации.

Предлагавшаяся Конституция изменяла структуру государства. Определялось, что Босния и Герцеговина состоит из двух *Образований* — Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской. Неопределенными были многие отношения как между этими частями, так и в государстве. Как в едином государстве, никто не должен «препятствовать полной свободе передвижения людей, товаров, услуг и капитала на всей территории Боснии и Герцеговины. Ни одно из Образований не должно устанавливать контроль на границе между Образованиями» (272, с.54). Но паспорта гражданам Образования выдают отдельно, хотя не совсем ясно, какие это должны быть документы — единого образца или нет.

К компетенции Боснии и Герцеговины отнесены: внешняя политика, политика в области внешней торговли, таможенная политика, денежно-кредитная политика, финансирование институтов и международных обязательств Боснии и Герцеговины, политика в области иммиграции, беженцев и убежища, обеспечение соблюдения уголовного законодательства на международном уровне и на уровне Образований, включая отношения с Интерполом, создание и эксплуатация общих и международных средств связи, регулирование транспортного сообщения между Образованиями, управление движением воздушного транспорта.

Вопрос о самостоятельности Образований ни где в документах специально не оговаривался, хотя на этом настаивали сербы. Но Образования имели ряд полномочий, которые им давали некоторую свободу и намек на некоторую самостоятельность. Во всяком случае, в Конституции отмечалось, что «все правительственные функции и полномочия, прямо не возложенные настоящей Конституцией на институты Боснии и Герцеговины, выполняют Образования» (272, с.58). Кроме того, Образования могут иметь свои «гражданские правоохранительные учреждения», заключать соглашения с другими государствами и международными организациями. Между строк одного из разделов можно было прочесть, что Образования могут иметь свою Конституцию, свои вооруженные силы, поскольку «каждый член Президиума в силу занимаемой должности имеет полномочия на гражданское командование вооруженными силами» (272, с.62).

Конституция определяла создание следующих институтов власти: парламента, названного Парламентской ассамблеей и состоящего из двух палат — Палаты народов и Палаты представителей, Президиума Боснии и Герцеговины, Совета министров, Постоянного комитета по военным вопросам «для координации деятельности вооруженных сил в Боснии и Герцеговине», Конституционного суда. Во всех этих органах, кроме последнего, мусульмане и хорваты представлены двумя третями, а сербы — одной третью.

Конституция выглядела как временный документ, написанный на скорую руку. Она определяла лишь основные структуры, оставляя многие вопросы за скобками. Не были ясными вопросы о валюте Образований, хотя из контекста можно было понять, что Босния и Герцеговина будет иметь единые денежные знаки, о взаимоотношениях между Образованиями, о внешнеполитической деятельности и представительстве за рубежом и ряд других вопросов. Одно из положений договора было

особенно трудным для РС, поскольку сразу лишало Республику Сербскую всего руководства: определялось, что «лица, которые отбывают наказание по приговору, вынесенному Международным трибуналом для бывшей Югославии, и лица, в отношении которых Трибунал вынес обвинительные заключения и которые не выполнили постановления о явке в Трибунал, не могут занимать какие-либо административные, выборные или другие государственные должности на территории Боснии и Герцеговины» (272, с.65). Среди объявленных военными преступниками лиц тогда были только сербы.

Остальные соглашения, подписанные в Дейтоне, касались осуществления прав человека, гуманитарных вопросов, проведения выборов, прав беженцев и перемещенных лиц на возвращение в свои дома, создания Комиссии для совместной эксплуатации объектов общественного пользования (почта, связь, электростанции, дороги и т.д.).

Дейтонское соглашение закрепило вмешательство НАТО в урегулирование конфликта на территории бывшей Югославии. Речь идет и о географическом расширении зоны действия альянса, и о проверке его способности к выполнению новой миссии контроля кризисных ситуаций регионального масштаба «посредством ограниченного применения военной силы» (315, с.442). Балканы представляют прекрасный полигон для отработки в реальных условиях «способов, механизмов и структур военно-политического воздействия на конфликтующие стороны; взаимодействия с основными международными организациями; институционализированной и структурированной мобилизации ресурсов третьих стран; принципов обеспечения собственных долгосрочных интересов» (315, с.443). Но самое важное, как отмечает российский исследователь А.Морозов, были созданы предпосылки «необратимости этого процесса, его институционализации и закреплению в мировом общественном сознании» (315, с.443).

В подписании Дейтонских соглашений огромная роль принадлежала С.Милошевичу, который возглавлял всю сербскую делегацию. Делегация РС отказалась подписать ряд документов, не присутствовала и на торжественной церемонии. За них это сделал С.Милошевич. Как отмечали «Московские новости», ему лично пришлось брать на себя «тяжелый груз политического сверхоптимизма Караджича, военной самоуверенности Младича, прозападной рептильности Козырєва и изматывающей непоследовательности Ельцина» (277). Запад фактически не оставил С.Милошевичу выбора, поскольку имел очень серьезный рычаг давления — восстановление санкций против Югославии. Но участники делегации полагали, что он мог лучше отстаивать интересы сербов и не делать уступок там, где от него этого не требовали.

На вопрос журналистов о том, что он ощущал, когда ему пришлось пожмать руку С.Милошевичу, У.Клинтон ответил: «Для меня это было тяжело, но хотел бы напомнить, что по этому поводу говорил мой друг, покойный премьер-министр Израиля Исхак Рабин. А он сказал, что мир подписывается не только с друзьями. Все три стороны приехали в Париж подписать мир, и я должен сказать, что президент Милошевич в этом сыграл ключевую роль в Дейтоне. Он был готов пойти на компромисс, взял на себя определенные обязательства, сделал возможным договор о мире. На сегодняшний день он выполнил все взятые на себя обязательства. Безусловно, я ему напомнил, что ожидаем от него и выполнения других обязательств. Милошевич имеет особые причины выполнить все обязательства мирного договора о БНГ,

как и другие в соответствии с Дейтоном, так как в противном случае автоматически будут восстановлены санкции, которые очень тяжело повлияли на экономику Сербии, практически ее уничтожили» (199, с. 2–3).

После Дейтона были созданы ряд международных встреч, которые придавали американскому сценарию международное звучание: в декабре того же года — Лондонская (на уровне министров иностранных дел) для решения гражданских аспектов урегулирования и Парижская для подписания парафированных в Дейтоне документов, в марте 1996 г. — Московская. На международной конференции по мерам доверия, разоружению и контролю за разоружением в бывшей Югославии, прошедшей в декабре в Бонне, был выработан график проведения дальнейших переговоров по данной тематике. Ответственность за дальнейший переговорный процесс взяла на себя ОБСЕ.

Дейтон был для Америки большим успехом. Они сразу согласились на приостановление санкций. Резолюция 1021 от 22 ноября постановила отменить действие эмбарго на поставку оружия и вооружения, введенного Резолюцией 713 (1991). В тот же день принята Резолюция 1022 *приостанавливала* на неопределенное время введенные или вновь подтвержденные в Резолюциях 757 (1992), 787 (1992), 820 (1993), 942 (1994), 943 (1994), 988 (1995), 992 (1995), 1003 (1995) и 1015 (1995) санкции против СРЮ, увязав это решение напрямую с подписанием СРЮ Мирного соглашения. Эти меры, однако, не распространялись на Республику Сербскую «до следующего дня после того, как командующий международными силами, которые будут развернуты в соответствии с Мирным соглашением, информирует Совет через Генерального секретаря на основе доклада, препровожденного через соответствующие политические органы, в том, что все силы боснийских сербов отведены за зоны разъединения, установленные в Мирном соглашении» (348). Однако, у Югославии оставались «замороженными или заблокированными» все средства и активы, ранее замороженные или заблокированные в соответствии с Резолюциями 757 (1992) и 829 (1993). Над страной не снята была и угроза повторного введения санкций.

Итак, санкции были приостановлены. Не отменены. Это означало, что Запад еще ожидал от Югославии неожиданностей, неприятностей для себя, зная, что предстоит еще осуществление дальнейших планов. Поэтому такой рычаг, как быстрое восстановление санкций был оставлен в руках тех, кто расправлялся с Югославией.

Оценка Дейтона и его итогов различна — от полностью положительной, как переломного исторического события, принесшего мир на Балканы, до отрицательной, поскольку началась оккупация Боснии и Герцеговины силами НАТО.

Сербам казалось, что мусульмане в Дейтоне имели преимущество. Их возражения по поводу деятельности Центрального банка, предполагаемых выборов, переходной власти, названия нового государства, размещения сил НАТО, предложения по картам никто серьезно не рассматривал. Н. Колевич заявил тогда, что целью организаторов переговоров «было достижение хоть каких-то соглашений, а отнюдь не нахождение справедливого решения». Американцам важно было «показать всем, что они являются ведущей силой в мире и могут завершить то, что не удалось Европе» (273, с. 8). По мнению сербов, результаты переговоров «показали полную дискриминацию прав Республики Сербской... Методы работы не позволили нам отстоять хотя бы минимум наших требований» (274(3), с. 23). Однако сербы старались с оптимизмом смотреть в будущее. Тот же Н. Колевич говорил, что самой лучшей стороной Дейтона является то, что не решено. «Отделится ли Республика Сербская от

Федерации или укрепит связи с Федерацией... будет зависеть от будущих отношений трех народов» (281, с.8). С.Милошевич по возвращении на Родину заявил, что «осуществлен справедливый мир для всех народов, которые живут на этих просторах» (292, с.1). Сербские журналисты часто высказывались критически, считая Дейтон не только сербским унижением, но и поражением всей сербской политики (289).

Мусульманская сторона тоже не была довольна итогами Дейтона. Министр иностранных дел БИГ М.Шачирбегович отмечал: «Думаю, что мы имели лучшую ситуацию, когда только ехали в Дейтон, чем та, которая получилась после Дейтона. Я думаю, что мир не достигнут в Дейтоне... В четырех стенах у нас не было преимущества. Я относился к тем, кто считал, что обсуждать надо было постепенно, как мы это делали, например, в Женеве... Дела шли постепенно, нам это подходило, чтобы общественность все знала. Именно поэтому я полагаю, что Дейтон как концепция, как метод работы в четырех стенах, где улаживают, был нашей ошибкой. Это была форма давления» (209, с.14). Он считает, что ошибкой Дейтона была концепция власти, построенная на этническом принципе, что, по его мнению, уже по сути своей недемократично. Он полагал, что г-ну Холбруку было важно достичь позитивных результатов для американской администрации и для себя лично, так как он амбициозен, «а вовсе не ради Боснии и Герцеговины» (209, с.14).

Хорватская сторона, судя по всему, видит заключенные соглашения как временную меру, необходимую для достижения основной цели — присоединения частей Боснии и Герцеговины, населенных хорватами, к Хорватии. Во всяком случае, в Париже, во время подписания парафированных в Дейтоне соглашений, когда все выступали с торжественными речами по поводу исторического значения мирного договора по Боснии и Герцеговине, Ф.Туджман в своей речи камня на камне не оставил от национальной самобытности мусульман, партнеров Хорватии по Федерации. По его словам, мусульманская нация — это выдумка коммунистической власти, которая хотела тем самым размыть давнюю хорватско-сербскую нетерпимость. Речь президента Хорватии была расценена в СМИ как сомнение в возможности и выживания боснийской нации, и ее союза с хорватами (280, с.8–9).

На Западе высказывания также были очень неоднородны. Большинство политиков восприняли мирные соглашения как большой успех мировой дипломатии, положивший конец самому кровопролитному конфликту в Европе со времен второй мировой войны. И после этого речь может идти «о безопасности, ценностях и будущем Европейского континента», — заявил президент Франции Жак Ширак (282, с.2–3). Но те, кто так или иначе был связан с событиями и хорошо знает ситуацию на Балканах, были более осторожными в своих высказываниях, когда речь шла о выполнении подписанных соглашений. Бывший генеральный секретарь НАТО В.Клас считал Дейтонские договоренности несовершенными и не ведущими к успеху, хотя у Запада не было другого выбора. К.Бильдт, верховный представитель международного сообщества по координации гражданских аспектов мирного плана для Боснии, признал, что наладить контакт между боснийскими сторонами очень трудно, и несомненно трудно сделать жизнеспособной созданную под давлением американцев хорватско-мусульманскую федерацию в Боснии и Герцеговине (287).

Российская дипломатия оценила Дейтон достаточно сдержанно, хотя скорее положительно, чем отрицательно. Премьер-министр России В.Черномырдин заявил, что подписание мирных соглашений по Боснии стало историческим событием (282, с.3). Первый замминистра иностранных дел РФ И.С.Иванов считал главным успехом то, что

«первые на прямой диалог по всем проблемам удалось вывести все конфликтующие стороны» и добиться от них «принятия не фрагментарных решений, а целого пакета договоренностей, реализация которых рассчитана на год» (278, с. 22). Из его слов видно, что европейская и российская делегации прилагали большие усилия, чтобы добиться равнозначности военной и гражданской частей договоренностей. Посты командующего группировкой НАТО и высокого представителя СБ ООН, отвечающего за блок гражданских вопросов, должны были иметь одинаковый статус.

Российские ученые по-своему оценили Дейтонские соглашения. По мнению Н. Куликовой и В. Милованова, «в долгосрочной перспективе этот план вряд ли обеспечит прочный мир на Балканах, поскольку он не носит справедливого характера, игнорирует глубинные причины югославского кризиса, не учитывает и не ставит задачей исправить допущенные ранее мировым сообществом ошибки, способствовавшие драматическому развитию этого кризиса» (275, с. 121–122). Они так аргументируют свое пессимистическое утверждение: Дейтон закрепил приведшее к войне автоматическое перенесение принципа неизменности государственных границ в Европе на линии административного разграничения внутри югославского государства; компромиссы, достигнутые в Дейтоне, не удовлетворяют ни одну из сторон конфликта; и, наконец, политика двойного стандарта, закрепленная в Дейтоне, не может не иметь негативных последствий (275, с. 122–123).

Итак, Дейтон принес в Боснию и Герцеговину прекращение огня, разделение враждующих сторон и обособление территорий. Но принес ли Дейтон мир на эту многострадальную землю? Мирный договор, который заставили подписать три глубоко враждующие стороны, изначально был крайне уязвим и не смог создать единого государства. Даже у тех, кто разрабатывал документы, или, во всяком случае, участвовал в их обсуждении (И.С. Иванов), создалось впечатление, что «многие аспекты выработанных соглашений жизнь заставит дорабатывать» (278, с. 22). Дейтонские соглашения — исключительно противоречивый документ. В тексте заложено глубокое противоречие между политическими задачами создания единого государства Боснии и Герцеговины и военными средствами их осуществления. Кроме того, Соглашения требовали свободного передвижения по всей территории Боснии и Герцеговины, свободного возвращения беженцев в свои дома, свободных выборов на всей территории. Но в то же время установленная линия разграничения между Образованиями и размещение вдоль нее сил НАТО фактически защищали самостоятельные этнические территории и вступали в противоречие с провозглашенными целями объединения Боснии и Герцеговины. Время показало, что ни одна из перечисленных задач не может быть осуществлена без применения силы или угрозы силой. Дейтонские соглашения как бы ставили в Боснии и Герцеговине невыполнимые политические задачи и оправдывали пребывание натовцев на этой территории. Анализ текстов документов позволяет сделать вывод, что в БиГ подразумевалось создание скорее единого государства, чем конфедерации, хотя установленные линии разграничения между Образованиями с самого начала заставляли верить, что сербы смогут иметь свое государство.

Решение о передаче сербских районов под юрисдикцию мусульманских властей ускоренными методами до 23 февраля 1996 г. привело к исходу 100 тыс. сербов из районов Илиджи, Грбавицы и других. Уходя, люди уносили с собой гробы своих предков, родных и близких, так как боялись, что они будут разграблены мусуль-

манами, а кладбища сравнены с землей. Оставшиеся сербы подвергались насилию, угрозам и притеснению. Таким образом, Дейтон породил невиданную этническую чистку, презрев все морально-этические нормы.

20 декабря 1995 г. произошла официальная передача функций СООНО войскам НАТО в БиГ. С декабря 1995 г. контингент миротворцев в Боснии и Герцеговине стал называться Миссией ООН в Боснии и Герцеговине (МООНБГ). В рамках этой операции СБ учредил 21 декабря Специальные международные полицейские силы ООН и гражданский офис ООН сроком на один год с возможным продлением мандата, призванные способствовать осуществлению Дейтонского соглашения (234, с.69–71).

* * *

Что же показал балканский кризис с точки зрения деятельности международных организаций?

1. Неспособность ЕС и ОБСЕ возглавить процесс урегулирования кризиса.
2. Неэффективность деятельности ООН, хотя следует признать, что присутствие миротворческих сил на территории Боснии и Герцеговины, а, особенно, Хорватии, несмотря на имевшие место необъективность в подходе к воюющим сторонам, влияло на уменьшение интенсивности столкновений, разводя враждующие армии; миротворцы работали над вопросами подписания соглашений о прекращении огня, выполняли посредническую роль между сторонами, возглавляли комиссии и комитеты по обмену военнопленными, решению гуманитарных вопросов, возвращению беженцев.
3. Стремление НАТО создать новую систему европейской безопасности и возглавить ее.
4. Отсутствие партнерских отношений между ведущими государствами.
5. Отсутствие договорно-правовой базы под усилиями международных структур по реагированию на кризисы.
6. Неразрешимость противоречия между принципом территориальной целостности и правом народов на самоопределение.

К основным итогам деятельности международных организаций на территории бывшей Югославии следует отнести следующее.

1. Изменение миротворческой концепции ООН и СООНО, дискредитация самой идеи миротворчества, когда международные организации стали поддерживать одну из сторон конфликта, когда начала применяться сила для наказания непослушной или несговорчивой стороны конфликта.
2. Введение в действие механизма, когда создание самостоятельного государства регулируется не нормами международного права или Конституцией федерации, а решением группы людей или политических лидеров отдельных стран, обладающих политической мощью; создание прецедента неурегулированного выхода из федерации отдельных ее частей.
3. Исключена возможность создания климата политического равновесия, уравновешивания негативных тенденций на глобальном и региональном уровнях, которые протекают из главенствующей роли только одной державы в мировом международном процессе.

4. Возрастание в международных отношениях права и закона силы, которые опираются на отсутствие партнерских отношений между ведущими государствами в решении кризисных проблем. Возможность использования военных мер при разрешении конфликтов становится нормой европейской политики.

5. Изменение структуры системы равновесия сил, построенной в послевоенные годы.

6. Узаконение самостоятельной роли НАТО в урегулировании национальных конфликтов. Использование НАТО происходило постепенно — сначала как элемент миротворческих операций, затем как самостоятельный фактор под флагом миротворчества, а затем уже без этого флага и без одобрения СБ ООН. Появление концепции «принуждения к миру».

7. Участие чисто военной организации НАТО не для отражения агрессии против членов Альянса, а для борьбы против одной из сторон внутреннего конфликта самостоятельного государства, не входящего в альянс. В результате обеспечено долгосрочное и прямое военное присутствие НАТО в стратегически важном регионе, что позволяет не только отработать механизмы проведения операций вне зоны непосредственной ответственности, но и укрепить слабый южный фланг блока с перспективой расширения его активности в зону южного Средиземноморья» (315, с. 438).

8. Закрепление НАТО на Балканах с целью создания там плацдарма Альянса. Сделан первый шаг для планировавшегося перебазирования войск НАТО из Центральной Европы на Балканы. НАТО нужен полигон для размещения там своих войск, для отработки новых военных технологий, размещения военных заводов, испытания оружия, захоронения ядерных отходов.

9. Использование межнационального конфликта в независимом государстве как повода для осуществления собственных планов.

10. Создание и поддержание в Европе и мире мифа о «сербском агрессоре» и искаженное представление о причинах и ходе конфликта на Балканах.

11. Изоляция, экономическое и политическое ослабление Сербия и Черногории.

12. Усиление внутривнутриполитической напряженности в Югославии (СРЮ), попытка влиять на внутривнутриполитические процессы в стране.

13. Подрыв единства сербского народа, разделение его без перспектив объединиться.

14. Подрыв доверия сербского народа к России и ее дипломатии.

15. Лишение России исторического приоритета на балканском направлении.

Мы обобщили методы деятельности международных организаций в Заключении книги, но в этой главе уместно упомянуть один из самых широчайших методов, который применялся на территории бывшей Югославии международными организациями, — политику двойных стандартов по отношению к конфликтующим сторонам. Вот только несколько примеров.

1. Бездействие в отношении незаконных поставок вооружения хорватам и мусульманам.

2. Сараево, Горажде, Бихач, Тузла, Сребреница и Жепя были провозглашены (Резолюция 824, п.3) защищенными зонами, из Сараева и Горажде тяжелое вооружение отводилось на 20 км; в случае использования тяжелого вооружения в остальных городах, применялись силы НАТО (Резолюции 836, 913 и решение НАТО от 22 апреля 1994 г.). Но в Бихаче пятый корпус мусульманской армии в течение всего лета

воевал против Ф.Абдича, используя тяжелое вооружение, и против него не были применены никакие меры. В Сараеве в течение августа мусульмане постоянно перегруппировывали свои силы, использовали тоннели под аэродромом, вели огонь против сербов в районе Игмана, Белашинцы, а результат тот же.

3. В БиГ не было создано ни одной защищенной зоны для сербских или хорватских городов.

4. Мусульманам прощали отказ участвовать в переговорах или срыв переговоров. Сербам за это следовало наказание.

5. Не замечали поддержку Хорватии своих «братьев» в БиГ, а сербов за это наказывали.

6. Отсутствие реакции на нарушение договора о прекращении огня со стороны мусульман, на наступление хорватской армии в районе Масленичког моста. Поощрение хорватской агрессии в мае и августе 1995 г.

7. Во время хорватской агрессии на РСК в мае 1995 г. хорваты совершили прямую агрессию на СООНО, занимали разделительную полосу, наблюдательные пункты СООНО, окружили Русбат в секторе «Восток», убили несколько солдат из состава «голубых касок». Реакция ООН — сдержанная по отношению к Хорватии.

8. Осуждение сербов, когда они взяли заложников из числа миротворцев в мае 1995 г., чтобы предотвратить воздушные удары по сербским позициям. В ходе июньского наступления мусульман из защищенной зоны Сараева мусульмане «блокировали» 654 представителя «голубых касок» и четыре гуманитарных конвоя с 500 т продовольствия, присланного ЮНИСЕФ для сербских и мусульманских районов Сараева. В числе заложников оказались и миротворцы из России, причем их использовали как живой щит при обстреле сербских позиций. 13 русских солдат были освобождены лишь 16 июня. В июле 1995 г. мусульмане блокировали миротворцев в Високо, Горажде, Горни-Вакуфе, Кладане, что не повлекло никакого наказания.

9. Во время наступления из защищенной зоны Сараева мусульманские войска взяли из казармы им. Маршала Тито в Сараеве два танка, гаубицы, другое вооружение. За это же самое сербы в свое время подверглись бомбовым ударам.

10. По сообщениям печати, ООН официально признала, что в конвое с гуманитарной помощью (конец июня 1995 г.) для боснийских мусульман были обнаружены боеприпасы. СБ, однако, потребовал от боснийских сербов не препятствовать прохождению таких конвоев (49).

11. По сообщениям СМИ, чешской фирме «Збройовка—Веетин» Комитет по санкциям ООН одобрил поставку в Загреб взрывных устройств, посчитав, что этим не нарушается эмбарго на поставки вооружения. Само чешское Министерство промышленности и торговли не отрицает, что эти запалы могут использоваться и в военных целях (52, с.2).

12. Односторонность в освещении жертв войны. Б.Плавич вспоминала, как в марте 1993 г. в районе Босански-Брода были найдены 64 захоронения убитых сербских мирных жителей. «Позвали мы на освидетельствование тех захоронений все международные организации и организации из Сербии. Никто не приехал. Случайно там оказалась парламентская делегация из Англии. Люди были настолько шокированы, что из Брода сразу стали звонить в Лондон...» (207, с.23).

Развертывание сил НАТО после Дейтона стало для этой организации прекрасной пробой сил, проверкой мощи, возможностей и способностей, отработкой не на ученических чисто военных приемах дислокации в трудных («неевропейских») условиях. Для обеспечения начального этапа высадки только в первый месяц авиация НАТО осуществила 1796 самолето-вылетов, было задействовано 28 десантных и иных кораблей, 280 поездов. Планы долговременного присутствия сил НАТО в БиГ подчеркивает факт строительства в БиГ и сопредельных государствах тыловых военных баз, модернизации аэродромов, портов, совершенствования коммуникаций и средств связи.

Список источников и литературы

1. Смена судей // НГ. — М., 1994. — 11 февр. — С. 4.
2. Предлог Бутроса Галия Совету Безопасности // Политика. — Белград, 1994. — 20 март. — С. 1.
3. Bilten vesti. — М., 1993. — 21 dec. — 5 s.
4. Bilten vesti. — М., 1993. — 28 dec. — 3 s.
5. Bilten vesti. — М., 1993. — 29 dec. — 2 s.
6. Bilten vesti. — М., 1993. — 30 dec. — 2 s.
7. Bilten vesti. — М., 1994. — 3 jan. — 4 s.
8. Bilten vesti. — М., 1994. — 4 jan. — 2 s.
9. Bilten vesti. — М., 1994. — 5 jan. — 5 s.
10. Bilten vesti. — М., 1994. — 6 jan. — 2 s.
11. Bilten vesti. — М., 1994. — 8 jan. — 5 s.
12. Bilten vesti. — М., 1994. — 10 jan. — 6 s.
13. ИТАР-ТАСС: Вести Европы. — М., 1994. — 20 янв.
14. ИТАР-ТАСС: Вести Европы. — М., 1994. — 19 янв. — С. 2.
15. Лавров С. Бомбить ли в Боснии? // Московские новости. — М., 1994. — 23/30 янв. — № 4. — С. А5.
16. Шипанов М. Послание Гали. Две версии // Куранты. — М., 1994. — 1 февр. — С. 3.
17. Сычев А. Штаб НАТО прикидывает, кого и как бомбить в Боснии // Известия. — М., 1994. — 29 янв. — С. 3.
18. Зубко М. Шведский министр критикует ООН // Известия. — М., 1994. — 1 февр. — С. 3.
19. Bilten vesti. — М., 1994. — 11 jan. — 5 s.
20. Bilten vesti. — М., 1994. — 12 jan. — 6 s.
21. Bilten vesti. — М., 1994. — 13 jan. — 3 s.
22. Bilten vesti. — М., 1994. — 17 jan. — 4 s.
23. Bilten vesti. — М., 1994. — 18 jan. — 3 s.
24. Bilten vesti. — М., 1994. — 19 jan. — 4 s.
25. Bilten vesti. — М., 1994. — 22/23 jan. — 4 s.
26. Bilten vesti. — М., 1994. — 25 jan. — 4 s.
27. Bilten vesti. — М., 1994. — 28 jan. — 6 s.
28. Bilten vesti. — М., 1994. — 29 jan. — 3 s.
29. Bilten vesti. — М., 1994. — 1 febr. — 4 s.
30. Bilten vesti. — М., 1994. — 3 febr. — 4 s.
31. Bilten vesti. — М., 1994. — 4 febr. — 5 s.
32. Bilten vesti. — М., 1994. — 6 febr. — 6 s.
33. Bilten vesti. — М., 1994. — 7 febr. — 7 s.
34. Bilten vesti. — М., 1994. — 8 febr. — 4 s.
35. Bilten vesti. — М., 1994. — 9 febr. — 6 s.

36. Bilten vesti. — М., 1994. — 10 febr. — 4 s.
37. Отставка Бобана // НГ. — М., 1994. — 9 февр. — С. 4.
38. Большаков В. Иначе Россия поступить не могла // Правда. — М., 1994, 23 февр. — С. 3.
39. Бивер Пол. Что стоит за усилением боснийской армии? // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. — М., 1994. — 16 февр., № 26. — С. 33–37.
40. Войска и вооружения воюющих сторон // ИТАР-ТАСС: Вести Европы. — М., 1994. — 7 февр. — С. 13–14.
41. Велика НАТО олашћења у резолуцијама УН // Borba. — Beograd, 1994. — 19 jul. — S. 4.
42. Bilten vesti. — М., 1994. — 19 jul. — 3 s.
43. Кертес М. Интервју... // Интервју. — Београд, 1994. — 19 авг. — № 342. — С. 19–21.
44. Zanić Nardini J. Još jedna pretrja Karadžiću // Vjesnik. — Zagreb, 1994. — 24 rujan. — S. 11.
45. Bilten Vesti. — Zagreb, 1994. — 17 sept.
46. Оберг Я. Политика мира для бывшей Югославии // Югославский кризис — манипуляции, ложь, насилие. — [М., 1995]. — С. 256–272. Рукопись.
47. Щедрунова Е. «Голубые каски» получили нового командира // Сегодня. — М., 1994. — 13 янв. — С. 4.
48. Политика. — Београд, 1995. — 1 јун. — С. 1.
49. Десятка мировых новостей // Вечерняя Москва. — М., 1995. — 30 июня. — С. 4.
50. Bilten vesti. — М., 1995. — 18 јун. — 4 s.
51. В несколько строк. Белград // ИТАР-ТАСС: Вести Европы. — М., 1995. — 23 июня. — С. 2.
52. Bilten vesti. — М., 1995. — 21 јун. — 4 s.
53. Bilten vesti. — М., 1995. — 24 јун. — 1 s.
54. Bilten vesti. — М., 1995. — 25 јун. — 1 s.
55. Bilten vesti. — М., 1995. — 28 јун. — 2 s.
56. Bilten vesti. — М., 1995. — 30 јун. — 2 s.
57. Bilten vesti. — М., 1995. — 7 јул. — 1 s.
58. Николаев Н. Акция НАТО: Вызов международному праву // Правда. — М., 1995. — 2 авг. — С. 7.
59. Пересада В. Под нажимом Вашингтона // Правда. — М., 1995. — 26 июля. — С. 7.
60. Что на уме у Москвы? // Правда. — М., 1995. — 12 авг. — С. 1, 3.
61. Югославия в огне: Документы, факты, комментарии. — М., 1992. — 372 с.
62. Злочини без казне // Борба. — Београд, 1995/1996. — 30/31 дец. — 1/2 јан. — С. 2.
63. Ковачевич Р. Уходит и генерал Рупер Смит // Сербия. — Белград, 1995. — № 24. — С. 34–35.
64. Каррингтон П. Европе нужно стыдиться: Сокращенный вариант интервью белградскому еженедельнику НИИ // Сербия. — Белград, 1995. — № 24. — С. 15–17.
65. Эгерт К. Чуркии предложил сербам вспомнить былое // Известия. — М., 1995. — 22 июня. — С. 3.
66. Kovačević S., Dajić P. Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993. — Beograd: IES, 1994. — 284 s.
67. Предлог српске стране о уставним принципима // Эпоха. — Београд, 1993. — 16 јан. — С. 9.
68. К итогам переговоров Чуркина в Белграде // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 16 апр. — С. 20–22.
69. Из брифинга специального представителя Президента РФ, заместителя министра иностранных дел РФ В.И.Чуркина 21 сентября // Дипломатич. вестник. — М., 1993. — № 19/20. — С. 10–13.
70. Bilten vesti. — М., 1993. — 22 dec. — 3 s.
71. Bilten vesti. — М., 1993. — 21 dec. — 5 s.
72. Bilten vesti. — М., 1994. — 19 јан. — 4 s.
73. Bilten vesti. — М., 1994. — 5 јан. — 5 s.

74. Bilten vesti. — М., 1994. — 10 jan. — 6 s.
75. Bilten vesti. — М., 1994. — 11 jan. — 5 s.
76. Bilten vesti. — М., 1994. — 12 jan. — 6 s.
77. Bilten vesti. — М., 1994. — 18 jan. — 3 s.
78. *Мале по моделу ЕУ // Политика-Експрес.* — Београд, 1994. — 14 мај. — С. 7.
79. СРНА. — Београд, 1994. — 25 мај.
80. СРНА. — Београд, 1994. — 27 мај.
81. Čančar N. *Zloslutna budućnost Evrope // Ljiljan.* — Sarajevo/Ljubljana, 1994. — 15 juni. — С. 2.
82. Hečimović E. *Rat nije završen // Ljiljan.* — Sarajevo/Ljubljana, 1994. — 15 juni. — С. 4.
83. Klarin M. *Velika očekivanja od Miloševića // Borba.* — Београд, 1994. — 14 јул. — С. 1.
84. Симовић Д. *Хазарски чворови // НИН.* — Београд, 1994. — 8 јул. — № 2271. — С. 4-5.
85. СРНА. — Београд, 1994. — 20 јул.
86. Јанић Ј. *Тајна нарацивног коверта // НИН.* — Београд, 1994. — 22 јул. — № 2273. — С. 10-11.
87. *Deklaracija // Vreme.* — Београд, 1994. — 25 јул. — G. 5, N 196. — С. 9.
88. СРНА. — Београд, 1994. — 14 јул.
89. Павловић С. *Усклађивање корака са Русима // Borba.* — Београд, 1994. — 25 јул. — С. 3.
90. *Поруке за Милошевића и Караџића // Borba.* — Београд, 1994. — 27 јул. — С. 1.
91. *Саопштење Кабинета председника Милошевића // Borba.* — Београд, 1994. — 27 јул. — С. 2.
92. Bilten vesti. — М., 1994. — 7 febr. — 7 s.
93. Bilten vesti. — М., 1994. — 29 jan. — 3 s.
94. Bilten vesti. — М., 1994. — 28 jan. — 6 s.
95. Bilten vesti. — М., 1993. — 30 dec. — 2 s.
96. Bilten vesti. — М., 1994. — 13 jan. — 3 s.
97. *Интервју Давида Оузна // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ».* — М., 1995. — 19 июня. — С. 3-5.
98. *Сообщения // Известия.* — М., 1994. — 29 март. — С. 7.
99. Bilten vesti. — М., 1995. — 17 јун. — 2 s.
100. СРНА. — Београд, 1994. — 18 мај.
101. Буха А. *Интервју... // Јавност.* — Сарајево, 1994. — 2 септ. — № 182. — С. 11-13.
102. *Караџић сахрио устав?! // Вечерње новости.* — Београд, 1994. — 4 авг. — С. 5.
103. Bilten vesti. — М., 1994. — 11 jan. — 5 s.
104. Bilten vesti. — М., 1994. — 10 jan. — 6 s.
105. *Пересада В. По ком бьет НАТО // Правда.* — М., 1995. — 27 мая. — С. 3.
106. Bilten Vesti. — Zagreb, 1994. — 17 sept.
107. Bilten vesti. — М., 1994. — 20 јул. — 4 s.
108. *Рассказ бельгийского офицера // Сербия.* — Белград, 1996. — январь, № 26. — С. 28-30.
109. Fact sheet. — New York: UNPROFOR, 1994. — 14 с.
110. Документ ООН. S/RES/758/(1992).
111. Документ ООН. S/RES/749/(1992).
112. *The United Nations and the situation in the former Yugoslavia.* — New York: United Nations, 1995, revision 4. — 241 s.
113. ТАСС. — 1994, 21 фебр.
114. *Надеин В. Америка довольна победой без войны и сдержанно благодарит Россию // Известия.* — М., 1994. — 22 фебр. — С. 1,3.
115. *Гризунов С., Батурина А. Появление российских десантников сняло напряжение вокруг Сараево // Известия.* — М., 1994. — 22 фебр. — С. 1.
116. *Югославия: напряженное ожидание // Правда.* — М., 1994. — 22 фебр. — С. 3.

117. ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1994. — 17 февр. — С. 2–3.
118. Коваленко Ю. Бомбардировка назначена на час ночи 21 февраля // Известия. — М., 1994. — 15 февр. — С. 3.
119. Юсин М. Боснийский кризис всерьез: Москву в замешательство // Известия. — М., 1994. — 12 февр. — С. 1,3.
120. Устименко Ю. Алло! Барышня! Дайте президента! // Общая газета. — М., 1994. — 18/24 февр. — № 7/32. — С. 1.
121. НАТО показывает клыки // Правда. — М., 1994. — 11 февр. — С. 3.
122. Чуркин В. Как удалось предотвратить войну // Московские новости. — М., 1994. — 20/27 февр. — № 8 (705). — С. 1,13.
123. Дэйвид Оуэн: Генерал Роуз шантажирует Изетбеговича // Сербия. — Белград, 1995. — № 28. — С. 28–30.
124. Досије «Пијаца Маркале». — Београд, 1994. — 12 С. Рукопись Министерства информации Сербии.
125. Документ ООН. S/1994/173
126. Прибытков К. Боснийское урегулирование: уроки женеvского раунда // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. — М., 1993. — 15 сент. — С. 9–16.
127. ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 31 авг. — С. 2–3.
128. В Боснии после Женевы // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 24 авг. — С. 6–8.
129. Bombe su rogulka: Zvanična verzija NATO // Borba. — Beograd, 1994. — 6/7 avg. — S.2.
130. Кларин М. Логика поскульеня рата // Borba. — Beograd, 1994. — 10 avg. — S. 2.
131. Ермолович Н. Самолеты НАТО готовы нанести удар по позициям боснийских сербов // Известия. — М., 1993. — 20 авг. — С. 3.
132. «Proekat velike Srbije je propao» // Borba. — Beograd, 1994. — 8 avg. — S.4.
133. Документ ООН. S/26337/Add.1 и 2.
134. Документ ООН. S/26260.
135. Интервью с лордом Оуэном // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 29 июня. — С. 20–23.
136. ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 21 июня. — С. 16.
137. Причешће у РС // Borba. — Beograd, 1994. — 10 avg. — S. 3.
138. Роузов план за прекид рата // Borba. — Beograd, 1994. — 10 avg. — S. 3.
139. Югославский кризис // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 21 июня. — С. 11–15.
140. Числов И. Навязан план раздоров // Сов. Россия. — М., 1993. — 6 мая. — С. 5.
141. Интервью Лорда Оуэна // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 13 мая. — С. 5–7.
142. Вокруг кризиса в Боснии и Герцеговине: На сессии Совета ЕС // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 12 мая. — С. 7–8.
143. Разногласия Европы и США по вопросу о военных действиях // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 17 мая. — С. 3–5.
144. Buha A. Govor na zajedničkoj sjednici skupština SRJ, RS, RCG i RSK 14 maja 1993. Dokument MID RSK.
145. Заседање Скупштинe Републике Српске // Политика. — Београд, 1993. — 6 мај. — С. 1,5–6.
146. Документ Министерства информации Сербии.
147. Клајзник М. Intervju... // Telegraf. — Beograd, 1994. — 24 avg. — С. 4–5.
148. План САД за Босну // Политика. — Београд, 1993. — 11 фебр. — С. 3.
149. Постоянный представитель Боснии при ООН высказался за более решительное вмешательство США // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 14 февр. — С. 4.
150. Ослобађање ће се узбрати // Borba. — Beograd, 1994. — 18 avg. — S.3.

151. Ермолович Н. Лорд Оуэн призвал атаковать с воздуха позиции боснийских сербов // Известия. — М., 1993. — 16 апр. — С. 3.
152. А.Изетбегович о боснийском кризисе // ИТАР-ТАСС. — Серия «СЕ». — М., 1993. — 8 апр. — С. 7–9.
153. Документ ООН. S/25479.
154. Документ ООН. S/25100.
155. Миру да, мапама не // Ослобођење. — Сарајево, 1994. — 30 авг. — С. 3
156. СРНА. — Београд, 1994. — 30 авг.
157. Rezolucije Saveta Bezbednosti UN o krizi u bivšoj Jugoslaviji. — Beograd: Medunar. politika, 1994. — 127 s.
158. Америчка администрација у непуници // Vjesnik. — Zagreb, 1994. — 28 kol. — S. 48.
159. Vuković D. Svako brine o svojim svetinjama // Borba. — Beograd, 1994. — 25 avg. — S. 14.
160. СРНА. — Београд, 1994. — 19 авг.
161. Londonska konferencija o bivšoj SFR Jugoslaviji i učešće delegacije SR Jugoslavije na konferencije // Jugosl. pregled. — Beograd, 1992. — N 3. — S. 17–52.
162. Bilten vesti. — Zagreb, 1994. — 14 sept. — S. 2.
163. Терзић ЈБ. Сиротиња гурнута у смрт // Ослобођење. — Сарајево, 1994. — 30 авг. — С. 21.
164. Овен Д. Улазак у босански лонац // НИН. — Београд, 1995. — 8 дец., № 2345. — С. 50–52; 15 дец., № 2346. — С. 51–53; 22 дец., № 2347. — С. 52–54; 29 дец., № 2348. — С. 54–56; 5 јан., № 2349. — С. 51–53.
165. <http://www.b92.net>.
166. Рибич Н. Човек, који силовао лаж // Јавност. — Сарајево, 1994. — 29 окт., № 190. — С. 11–12.
167. Оуэн Д. Интервью в передаче «Панорама Би— Би— Си» // Сербия. — Белград, 1996. — № 26. — С. 14–25.
168. Вокруг возможной замены генерала Марийона // ИТАР-ТАСС. — серия «СЕ». — М., 1993. — 15 апр. — С. 15–17.
169. Кадџевић В. Моје виђење распада. — Београд: Политика, 1993. — 166 с.
170. Давыдов Ю.П., Приходько О.В., Смирнов П.Е., Устинова Е.В. Югославский кризис: Интернационализация или интервенция? // США: Экономика, политика, идеология. — М., 1993. — № 8. — С. 50–60.
171. Акаши: Масакар на Маркалама починили Муслимани // Политика. — Београд, 1996. — 8 јул. — С. 1.
172. Утврђенја газети «Гардиан» // ИТАР-ТАСС: Пульс планеты. — М., 1996. — 3 апр. — С. 2–3.
173. Документ ООН. S/1994/811.
174. Činjenice o krizi u bivšoj Jugoslaviji // Мерунар. politika. — Beograd, 1993. — g. 44, N 1014. — S. 1–32.
175. Милошевић С. Говор на конференцији у Хагу // Политика. — Београд, 1991. — 19 окт. — С. 1.
176. Јеличић В. Шта је претходило резолуцији у «плавом» // Политика. — Београд, 1994. — 25 септ. — С. 11
177. Документ ООН. S/RES/757/(1992).
178. Документ ООН. S/RES/752/(1992).
179. Вођиновић В. Сјетри чина једне трагедије // Dani. — Sarajevo, 1994. — N 24. — S. 34–37.
180. Грађански рат више не прети // Дневник. — Нови Сад, 1992. — 19 март. — С. 1.
181. Разговор с проф. С. Стојановичем 4 јула 1996 г. в Белграде (магнитофонна запис).
182. Сычев А. Штаб НАТО прикидывает, кого и как бомбить в Боснии // Известия. — М., 1994. — 29 јанв. — С. 3.
183. Большаков В. Именем «нового мирового порядка» // Правда. — М., 1995. — 6 јуна. — С. 3.

184. Филеца Е. Босния: обострение обстановки // Правда. — М., 1995. — 12 июля. — С. 7.
185. Bilten vesti. — М., 1994. — 26 jul. — 4 s.
186. Bilten vesti. — М., 1994. — 24 jul. — 6 s.
187. Bilten vesti. — М., 1994. — 27 jul. — 6 s.
188. Bilten vesti. — М., 1994. — 28 jul. — 9 s.
189. Petković R. Jugoslavija i svet u postbipolarnoj eri. — Beograd: Međunarodna politika, 1998. — 398 s.
190. Лавров С. Бомбить ли в Боснии? // Московские новости. — М., 1994. — 23/30 янв. — № 4. — С. А.
191. Дикич Б. Республике Сербской досталось больше, чем Лондону // Сербия. — Белград, 1995. — № 24. — С. 27–29.
192. Меньшиков С. «Если бы не было обстрела, его надо было изобрести» // Правда. — М., 1995. — 20 сент. — С. 7.
193. О варварстве дивизаторов // Советская Россия. — М., 1995. — 7 сент. — С. 1.
194. А Билл Клинтон доволен... // Правда. — М., 1995. — 16 сент. — С. 1.
195. Bilten vesti. — М., 1995. — 8 sept. — 4 s.
196. Борко Ю. От амбиций — к позитивной дипломатии // Московские новости. — М., 1995. — № 61. — 10/17 сент. — С. 5.
197. Николаев Д. Что натворила «Освобожденная сила» // Правда. — М., 1995. — 23 сент. — С. 3.
198. Шибек Р. Гужва у леговалингу // НИИ. — Београд, 1995. — 15 дец. — № 2346. — С. 16–17.
199. Косово не добити висок степен територијалне и политичке аутономије, а једина неизвесност је право вета на којем Шингари инсистирају // Аргумент. — Београд, 1995. — 29 дец. — С. 2–3.
200. За кога бисте гласали? // НИИ. — Београд, 1995. — 15 дец. — № 2346. — С. 23.
201. Dajvid Bajnder, novinar «Njujork tajmsa», o važnosti Kosova za SAD i odnosu prema Jugoslovenskoj krizi // Naša borba. — Beograd, 1996. — 4 jul. — S. 14.
202. Седам дана // НИИ. — Београд, 1993. — 19 нов. — № 2238. — С. 7.
203. Попов Е. Стайный журнализм // Советская Россия. — М., 1995. — 16 февр. — С. 3.
204. Bilten vesti. — М., 1994. — 5 jan. — 5 s.
205. Раджу Г.Ц.Томас. Евреи, сербы и югославский конфликт // Югославский кризис — манипуляции, ложь, насилие. — [М., 1995]. Рукопись.
206. Тадич Ј. Манипулацији и лажу в политике // Югославский кризис — манипуляции, ложь, насилие. — М., 1995. — С. 5–25. Рукопись.
207. Плавшић Б. Интервју // Интрају. — Београд, 1994. — 22 апр. — № 334. — С.21–23.
208. Караджич РСК. Интервју... // Правда. — М., 1994. — 26 сент. — С. 1,6.
209. Šaćirbegović M. Intervju... // Svijet. — Ljubljana, 1996. — 15 febr. — N 3. — S. 12–18.
210. Badenter R. Geografiju ne možete izmeniti // Naša borba. — Beograd, 1996. — 22 okt. — S. 13.
211. Николић М. Бејкер, Де Мнкелне, Карингтон, Дима, Венс: Признавање Словеније, Хрватске и Босне била је катастрофална грешка // Аргумент. — Београд, 1995. — 24 фебр. — С. 3–5.
212. Holbruk R. Diplomatski zapisi (3) // Naša borba. — Beograd, 1996. — 26/27 okt. — S. 5.
213. Izjava predsednika Republike Srbije S.Miloševića od 31.12.1991 u vezi sa realizacijom mirovnog plana UN // TANJUG. — Beograd, 1991. — 31 dec.
214. Политика. — Београд, 1993. — 7 јан. — С. 1.
215. Приједлог уређења Босне и Херцеговине: Република Српска, Делегација на Мировној конференцији о бившој Југославији у Женеви. — (б.м.). — 1992, нов. — 13 с. Рукопис. Документ РС.
216. Политика. — Београд, 1992. — 12 нов. — С. 1.
217. Генерал Мекензи: Звали су нас «четнички такси» // Политика. — Београд, 1993. — 18 март. — С. 4.

218. Хандке П. О справедливости для Сербии, Центральной Европе и сочинении истории: Интервью газете «Наша Борба». — Белград, 1996/ Перевод Министерства Информации Сербии. — 13 С.
219. Avramov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. — *VestiNIK*: LDI, 1997. — 460 s.
220. Выступление президента США в Детройте 22 октября 1996 г. // ИТАР-ТАСС: Компас, 1996. — 31 окт. — № 44. — С. 3-14.
221. Документ ООН. S/24049.
222. Документ ООН. S/23836.
223. Документ ООН. S/23844.
224. Документ ООН. S/23900.
225. Документ ООН. S/24075.
226. Документ ООН. S/24263.
227. Документ ООН. S/24333.
228. Документ ООН. S/24353.
229. Документ ООН. S/24795.
230. Документ ООН. S/25248.
231. Лорд Карингтон. Двије грешке Европе: Интервју послје предаје његове дужности лорду Овсну // Побједа. — Подгорица, 1992. — 29 септ.— С. 10.
232. Документ ООН. S/25668.
233. Документ ООН. S/1994/300.
234. Деятельность Организации Объединенных Наций по поддержанию мира. — М.: «Права человека», 1997. — 92 с.
235. Разговор с полковником А.В.Демуренко, записанный 18 июля 1997 г.
236. Документ ООН. S/25700.
237. Документ ООН. S/25709.
238. Документ ООН. S/26066.
239. Документ ООН. S/26281.
240. Документ ООН. S/26309.
241. Документ ООН. S/26340.
242. Документ ООН. S/26486.
243. Документ ООН. S/1994/50.
244. Документ ООН. S/1994/94.
245. Документ ООН. S/1994/579.
246. Документ ООН. S/1994/1074.
247. Контакт група се игра ватром // СРНА. — Сарајево, 1994. — 1 јули.
248. Документ UNPROFOR. Fax from Stoltenberg to Secretary-General. 5 May 1994.
249. Документ UNPROFOR. Fax from Stoltenberg to Secretary-General. 5 July 1994.
250. Выступление А.В.Козырева на пресс-конференции по итогам встречи в Женеве (5 июля 1994 г.) // Дипломатический вестник. — М., 1994. — № 15/16. — С. 8.
251. Русија ће подржати поопштравање санкција // Борба. — Beograd, 1992. — 25 јул. — S.2.
252. Документ UNPROFOR. Fax from Sergio Vieira de Mello, Head of Civil Affairs, Sarajevo to SRSG Akashi 29 July 1994.
253. Коммюнике встречи министров иностранных дел (Женева, 30 июля 1994 г.) // Дипломатический вестник. — М., 1994. — № 15/16. — С. 8-9.
254. Документ ООН. S/1994/1375.
255. Документ ООН. S/1995/444.
256. Документ ООН. S/1995/987.
257. Аврамов С. Доклад на Одделении общественных наук САНУ 28 января 1992 г. Рукопись.

258. Началась операция НАТО по патрулированию запретной для полетов зоны // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 13 апр. — С. 3–5.
259. Карпов М. НАТО бьет по сербам // НГ. — М., 1994. — 13 апр. — С. 1.
260. Документ UNPROFOR. Memorandum of understanding on the temporary arrangements for the town of Gorazde. 19 April 1994.
261. Drino S. Je li Armija BiH u Gorazdu žrtvovala 60000 civila? // Zapadna Bosna. — Bihac, 1994. — 6 maj. — S. 14–15.
262. Gdje su generali? // Oslobođenje. — Sarajevo/Ljubljana, 1994. — 29 apr./6 maj. — S. 1.
263. Доце Сребренице // Јавност. — Сарајево, 1995. — 5 авг. — С. 14–16.
264. Memorandum vlade Jugoslavije o jugoslovenskoj krizi // Jugosl. pregled. — Beograd, 1992. — Br. 1. — S. 67–92.
265. Ясуси Акаси: Мирный план для Хорватии скоро будет готов // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1994. — 21 окт. — С. 4–6.
266. Nacrt Sporazuma o Krajini, Slavoniji, Južnoj Baranji i Zapadnom Sremlu // Međunar. politika. — Beograd, 1995. — N 1031. — Prilog. — S. 13–24.
267. Документ UNPROFOR.
268. Кривопапов А. Российский батальон в Хорватии пьет вино и обнимает девочек, утверждает лондонская газета в статье о российском миротворческом подразделении // Известия. — М., 1994. — 6 марта. — С. 5.
269. Бурбыга Н. Под пулями и международным контролем не повеселишься // Известия. — М., 1994. — 6 марта. — С. 5.
270. О решении ООН в отношении российского генерала // ИТАР-ТАСС: Глобус. — М., 1995. — 28 апр. — № 17 (0017). — С. 49–53.
271. Цигата // Правда 5. — М., 1995. — 1 сент./8 сент. — С. 13.
272. Документ ООН. A/50/790; S/1995/999.
273. Никола Колеанч: В Дейтоне боснийские сербы были «обмануты» // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 8 дек. — С. 7–8.
274. Дејтонски дневник делегације Републике Српске (1,3) // НИН. — Београд, 1996. — 8 март, № 2358. — С. 23–25; 22 март, № 2360. — С. 20–23.
275. Куликова Н., Милованов В. Балканский кризис и Дейтонское соглашение // Правила игры. — М., 1996. — № 1. — С. 100–126.
276. Куликова Н., Милованов В. Дейтонское соглашение — путь к миру? // Федерализм. — М., 1996. — № 3. — С. 155–176.
277. Солодовник С. Боснийская драма: Антракт в Огайо // Московские новости. — М., 1995. — 5/12 нояб. — № 77. — С. 17.
278. Иванов И.С. Чего удалось добиться в Дейтоне // Дипломатический вестник. — М., 1995. — № 12. — С. 22–23.
279. Перседа В. Осваивают Боснию // Правда. — М., 1996. — 24 янв. — С. 3.
280. Миленкович М. Свет и тени парижского праздника мира // Сербия. — Белград, 1996. — № 26. — С. 6–14.
281. Кољевић Н. Мир је највећи добитак // Српска војска. — Београд, 1995. — 28 дец. — С. 8–11.
282. Подписано мирное соглашение по боснийскому урегулированию // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 15 дек. — С. 2–9.
283. Международная мирная конференция по боснийскому урегулированию // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 14 дек. — С. 2–7.
284. Кисенджер Г. Босния: Основания для осторожности // ИТАР-ТАСС: Компас. — М., 1995. — 21 дек., № 83. — С. 3–7.

285. Барбер Л. Босния получит полмиллиарда долларов на восстановление экономики и поддержку мира // Финансовые известия. — М., 1995. — 26 дек. — С. 1.
286. Горностаев Д. Вместо миротворцев — ООН // Независимая газета. — М., 1995. — 14 дек. — С. 2.
287. Сообщения // ИТАР-ТАСС: Пульс планеты. — М., 1996. — 10 янв., № 83. — С. 2-3.
288. Аргумент. — Београд, 1995. — 29 дек. — С. 7.
289. Kesic O. Poraz srpske politike // Vreme. — Beograd, 1995. — 27 nov. — S. 11.
290. BBC: Smrt Jugoslavije // Vreme. — Beograd, 1995. — 27 nov. — S. 44-47.
291. Јовић Б. Последњи дан СФРЈ: Изводи из дневника. — Београд: Политика, 1995. — 491 с.
292. Постигнут је праведан мир // Борба. — Београд, 1995. — 23 нов. — С. 1,3.
293. Јасун Ахаси: Боснијске сербје били спровоцирани мусуљманским правителством // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 8 нояб. — С. 7-10.
294. Документ ООН. S/RES/836(1993).
295. Oven D. Balkanska odiseja / Prevod sa engleskog. — Beograd, 1996. — 410 s.
296. Буха А. Аргументи за Републику Српску. — Нови Сад: Матица Српска, 1996. — 257 с.
297. Бодсон Ж. Европа Анаридов. — Белград, 1996. — 165 с.
298. Бодсон Ж. Нови светски поредак и Југославија. — Београд, 1996. — 242 с.
299. Paparella J. Les Balkans et la defense du Pans Sud de l'Otan // Defense nat. — P., 1983. — A.39, oct. — P.105-120.
300. Mesić S. Kako je srušena Jugoslavija: politički memoari. — Zagreb: Nislavpress, 1994. — 350 s.
301. Николаев Д. Что натворила «Освобожденная сила» // Правда. — М., 1995. — 23 сент. — С. 3.
302. Dokument UNPROFOR. From Janvier to Annan, N Z-1379.
303. Видеофилм «Вклад НАТО в достижение мира в Боснии. Пример IFOR», подготовлен: NATO office of information & press. — Brussels, 1997.
304. <http://nasa-borba.co.yu>. 20.01.1998.
305. Бильдт К. Стала ли Боснија уроком для Европы? Выводы для европейской внешней политики // International politik. — М.: Посольство Германии в Москве, 1997. — № 7. — С. 7-13.
306. Станишић С. Луис Мекензи, генерал УНПРОФОРА који морао да оде // Политика. — Београд, 1993. — 27 апр. (1). — С. 21; 28 апр. (3). — С.19; 29 апр. (4). — С.21; 30 апр./1,2,3 мај (5). — С. 29; 4 мај (6). — С.21; 5 мај (7). — С. 21; 6 мај (8). — С.19; 7 мај (9). — С. 21.
307. Рибникар Д. Данас у Женев о новом плану за Босну // Политика. — Београд, 1993. — 23 јун. — С. 1.
308. Delamaide D. The new superregions of Europe. — New York: Dutton, 1994. — 309 p.
309. Izetbegović A. Govori, pisma, intervju? 95. — Sarajevo: ТКР «Šahinpašić», 1996. — 200 s.
310. Schultz K. Build peace from the ground up: About people and the UN in a war zone in Croatia. — Lund, Sweden: TFF, 1994. — 94 p.
311. Булатовић Јб. Генерал Младич. — Београд, 1996. — 336 с.
312. Арах М. Европейский Союз: Видение политического объединения. — М.: Экономика, 1998. — 467 с.
313. Којовић В. Крвава копуља сарајевска. — Београд: Добротвор, 1995. — 235 с.
314. Berić G. Sarajevo na kraju svijeta. — Sarajevo: Oslobođenje, 1994. — 207 s.
315. США в новом мире: пределы могущества. — М.: Рос. инст. стратегия. исслед., 1997. — 564 с.
316. Bulatović M. Intervju... // Profil. — Beograd, 1998. — № 20. — S. 34-39.
317. Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М.: Междунар. отношения, 1998. — 254 с.
318. Документ ООН. S/24188.
319. Радуловић С. Судбина Крајине. — Београд: Дан Граф, 1996. — 189 с. (Прилог: Документи. — С. 109-189)

320. Документ ООН. S/25777.
321. Разговор состоялся 9 сентября 1994 г. в Осиеке.
322. Документ ООН. S/1994/333.
323. Документ UNPROFOR. Fax from Annan to Akashi 7 March 1994.
324. Фадеев Е. Когда исчезают иллюзии // Правда. — М., 1994. — 13 апр. — С. 7.
325. Vazдушna baza spremna // UNPROFOR NEWS. — Zagreb, 1994. — Avgust. — Br. 9/A. — S. 26.
326. Булатович Љ. Исповести. — Београд: Стручна књига, 1995. — 315 с.
327. Avramov S. Trilateralna komisija: Svetska vlada ili svetska tiranija? — Veternik: IDIJ, 1998. — 144 s.
328. Kreča M. Badenterova Arbitražna komisija: Kritički osvrt. — Beograd: Jugoslovenski pregled, 1993. — 120 s.
329. Документ UNPROFOR. From Corwin Phillip CAC to Mr. V. Gerassev DHCA, UNPROFOR HQ. 11 February 1995.
330. Документ UNPROFOR. From Corwin Phillip CAC to Mr. S. Vieira de Mello, HCA, UNPROFOR HQ. 10 July 1994.
331. Документ ООН. S/25264.
332. Документ ООН. S/23280.
333. Документ ООН. S/23240.
334. Кратко о НАТО: Информативный обзор вопросов и проблем, стоящих перед Североатлантическим союзом в конце 90-х годов. — Брюссель: Бюро информации и печати НАТО, 1996. — 106 с.
335. Ивашов Л.Г. Вашингтонская стратегия НАТО // Военно-исторический журнал. — М., 2000. — № 1. — С. 3–12.
336. Никифоров К. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающийся этап). — М.: ИС РАН, 1999. — 262 с.
337. Нашего посла не напili // Куранты. — М., 1994. — 29 янв. — С. 2.
338. Юсин М. Под давлением Москвы боснийские сербы идут на уступки // Известия. — М., 1994. — 3 марта. — С. 3.
339. Radulović S. Srpsko-hrvatski odnosi i međunarodna zajednica (2) // Borba. — Beograd, 1994. — 15 jūn. — S. 12–13.
340. Злоупотребa народа // Вечерние новости. — Београд, 1994. — 4 авг. — С. 5
341. Одлука о мировном плану // Borba. — Beograd, 1994. — 4 avg. — S. 1.
342. Apel Palapa da promene stav // Borba. — Beograd, 1994. — 10 avg. — S. 5
343. Затворена граница на Дрини // Borba. — Beograd, 1994. — 5 avg. — S. 1.
344. Испуњени услови // Вечерние новости. — Београд, 1994. — 6 авг. — С. 5.
345. Kipers V. Gvozdena zavesa prema čovečanstvu // Intervju. — Beograd, 1994. — 30 sept. — N 345. — S. 24–25.
346. Mitrović Lj. Novi svetski poredak i Balkan. — Niš: Studentski kulturni centar, 1999. — 77 s.
347. Библија Ђ. Русија верује Београду // Вечерние новости. — Београд, 1994. — 3 авг. — С. 4
348. Документ ООН. S/1022 (1995).
349. Брифинг специального представителя Президента РФ по урегулированию конфликта в бывшей Югославии А.И. Зотова 27 декабря 1994 г. // Дипломатический вестник. — М., 1995. — № 2. — С. 36–39.
350. Silber L., Litić A. Smrt Jugoslavije/Prevod sa engleskog. — Beograd: Radio B92, 1996. — 426 s.

ГЛАВА V

Падение Республики Сербской Краины

1. Операция «Блеск»

Отказавшись от переговоров и попыток дипломатическими средствами урегулировать отношения с сербами Краины, руководство Хорватии готовилось решить проблемы военным путем. В мае — августе 1995 г. Хорватская армия провела две молниеносных военных операции по присоединению территории Краины к Хорватии, которые сопровождались массовыми убийствами сербов и, как следствие, — уходом сербов из родных мест. Потерпела крушение миротворческая концепция и строившаяся несколько лет система охраняемых ООН районов. В результате мир исчезло бегство 250 тыс. сербских мирных жителей, которых по дороге с земли и с воздуха расстреливали хорватские военные.

ООН проводила в Хорватии миротворческую операцию с 1992 г. Западная Славония уже в 1991 г. была большей частью «очищена» от сербов. Лишь в ее южной части, которая находилась под контролем «голубых касок», еще оставались сербы.

Три года Хорватская армия вооружалась, модернизировалась, обучалась. Запрет на поставки оружия для Хорватии не существовал. Силы Хорватской армии оценивались в средствах массовой информации по-разному: от 100 до 240 тыс. человек. В марте 1995 г., пишет в своей книге Р.Холбрук, Ф.Туджман настаивал на том, чтобы сербы передали контроль над Краиной Хорватии. Причем, Холбрук не сомневается, оправдывая действия Хорватии, что сербы под прикрытием «голубых касок» продолжали осуществлять этнические чистки. Ф.Туджман предупреждал миротворцев, что если Краину не удастся вернуть мирным путем, то Хорватская армия на нее скоро нападет, несмотря на риск. Холбрук вспоминает: «Происходило как раз то, о чем меня предупреждал хорватский министр иностранных дел Гранич в декабре 1992» (45, с.66). Если Холбрук не лукавит, то американская и британская разведки давно прогнозировали, что «если хорваты нападут на Краину, то будут разгромлены сербами» (45, с.66). После разговора с Холбруком в марте 1995 г. Ф.Туджман обещал, что не будет решать проблему вооруженным путем. Однако военная операция была только отложена. Холбрук радовался результатам, достигнутым Хорватией в мае в Западной Славонии, записав, что, «к счастью, прогнозы американской разведки оказались полностью ошибочными» (45, с.67).

Перед началом операции хорватские власти заручились дипломатической поддержкой Германии и США, добились изменения статуса миротворцев в Хорватии и РСК. Численность войск (четыре гвардейских бригады, одно соединение и три отряда), участвовавших в операции «Блеск» в Западной Славонии, составляла, по оценкам хорватских специалистов, 12 тыс. человек (28; 44, с.83). Им противостояли 4 тыс. солдат Всемнадцатого Западнославонского корпуса и вооруженное население сербских сел (44, с.83).

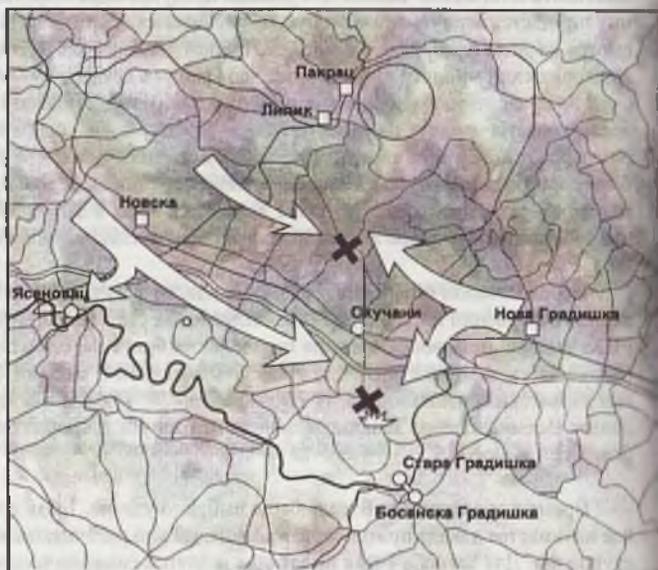
Время для операции «Блеск» было выбрано удачно. 1 мая и в Белграде, и в Москве начинается декада праздников, а значит, можно рассчитывать на высадку населения. Для Загреба 1 мая имеет еще и другое символическое значение. Именно

1 мая 1991 г. хорватские полицейские получили серьезное поражение в Борово-Селе, за которым последовало отступление официальной Хорватии из всей Восточной Славонии.

Началу операции предшествовал конфликт на недавно открытой автодороге Белград — Загреб. Российский корреспондент ИТАР-ТАСС сообщал с места событий: «Фактически операция началась еще в 20-х числах апреля с нескольких, на вид рядовых, инцидентов. Сначала хорватская полиция запретила проход по автомагистрали Белград-Загреб бензовозов, следовавших из СРЮ в Республику Сербская Краина. Затем вечером 28 апреля в потасовке на бензоколонке около Нова-Градишка погибает один серб. В отместку краинские сербы следующей ночью открывают огонь по хорватским автомобилям, а власти РСХ закрывают магистраль... на 40-километровом участке, проходящем по их территории в Западной Славонии» (16,с.4). Закрытие автодороги по приказу президента Республики Сербской Краины М.Мартича послужило Хорватии поводом для предъявления сербам ультиматума. Переговоры, в которых помимо сербов и хорватов участвовали представители ООН, прошли успешно, сербы пообещали открыть дорогу 1 мая в 6.00 утра (29).

Опубликованные документы позволяют восстановить картину начала событий. В сообщении из сектора «Запад» от 30 апреля, подписанного дежурным офицером капитаном Ал Смади, общая ситуация в секторе была расценена как «стабильная», хотя иорданский, аргентинский и непальский батальоны сообщили о замеченных передвижениях и концентрации хорватских военных и полицейских, появлении военных автомобилей и техники, делая вывод, что хорваты или просто демонстрируют силу, или силой хотят занять магистраль (44,с.63–64). В 2.30 ночи 1 мая командир Оперативной зоны Беловар Лука Джанко направил в СООНО депешу, в которой миротворцы оповещались о том, что «на оккупированной территории бывшего сектора «Запад» ско-

Операция «Блеск»

ро можно ожидать возможные военные действия», им предлагалось отойти в безопасные места (44, с. 64). В СООНО решили, что личная безопасность представителей ООН «самый главный приоритет», и потому все наблюдатели были отозваны со своих постов. В штабе не обратили внимание на то, что в депеше сектор назван «бывшим», не предприняли никаких попыток помешать военным действиям или хотя бы предупредить хорватское руководство об ответственности за нападение на позиции СООНО. В 5.30 утра 1 мая Хорватская армия начала артиллерийскую подготовку и наступление по трем направлениям — Север, Восток, Запад.

«Как только начались боевые действия, — писал журналист И. Иванов, — почти шестысячный контингент миротворческих сил ООН, бросив на произвол судьбы 30-тысячное население Западной Славонии, пропустил сквозь свои порядки хорватские войска» (16, с. 4). При этом, по сообщениям из сектора «Запад», Непальский батальон подвергался постоянному обстрелу хорватских войск с земли и с воздуха (44, с. 65). В 6.15 хорваты начали наступление по двум направлениям: из Новски и Нова-Градишки силами двух элитных гвардейских бригад, специальными подразделениями МВД (общей численностью 3500 человек) при поддержке 20 танков. Целью было отсечь Западную Славонию от реки Сава, за которой находится Республика Сербская в БяГ, овладеть ключевыми коммуникациями, разделить, а затем по частям уничтожить Сербский корпус. Хорваты утверждали, что речь идет об «ограниченной политической акции» для обеспечения безопасности движения по шоссе (14; 29).

В 10.45 хорватские военные уже входили в Ясеновац и заняли ключевые высоты юго-западнее Пакраца, почти не встречая сопротивления. Пехоту и танки поддерживала авиация. По сообщениям СООНО, хорватские военно-воздушные силы нарушили пространство «бесполетных зон», контролируемое авиацией НАТО, но реакция последних не последовало (4, с. 10). Два МИГ-21 пытались разрушить мост через реку Сава, но это не удалось. Сербы сбили два вертолета, один самолет. К вечеру из 40 км дороги, находившейся в руках сербов, хорватам, которые наступали с двух сторон, осталось занять лишь десять. Они находились в четырех километрах от Окучан (16, с. 5). Чтобы привлечь внимание миротворцев к происходящему в Славонии, сербы захватили 120 заложников из числа сотрудников СООНО, но уже во вторник их отпустили.

Оборона армии РСК была разрушена сразу — Белград подержки Краине не оказал, военная помощь из Боснии не подошла.

Суля по всему, сербские военные Западнославонского корпуса были захвачены врасплох, однако успели с потерями отойти в горы, вывели свое тяжелое вооружение со склада недалеко от автодороги. Но они не смогли противостоять натиску Хорватской армии и создать серьезную оборону. 15 тыс. сербского населения Западной Славонии остались без защиты. Тысячи людей бросились бежать в сторону двух мостов через реку Сава — около Ясеноваца и Стара-Градишка. Здесь их ждал огонь Хорватской армии (41; 79). Российский журналист Е. Фалеев вспоминал тогда: «Передо мной на экране телевизора специальная команда Си-эн-эн вновь демонстрирует миру огонь, пустые проемы окон, взорванные автомобили и колонны ни в чем не повинных беженцев — сербов, изгнанных из родных мест вероломным нападением Хорватии» (32). 2 мая гражданский полицейский швед Ханс Андерс Ярвестам находился в колонии беженцев и сообщал, что «по дороге к Новске видели ужасные сцены, самое маленькое — 50 трупов вдоль пути. Были это и сербские военные, и гражданские. Многие дома были уничтожены...» (44, с. 67).

Не имея возможности остановить наступление Хорватской армии, сербы пытались по-своему оказать давление на руководство Хорватии. В понедельник вечером сербская артиллерия обстреляла Сисак, Карловац, пригороды Дубровника, 2 мая две ракеты упали на Загреб. Но это не остановило проведение операции. Уже к концу дня сопротивление сербов было локализовано в окрестностях Пакраца. Сербы отошли в горы. В Гавриннице, Шелвице, Крагус, Умановце и Пакленце остались окруженные Хорватской армией около 6 тыс. человек, среди которых было около тысячи детей. Все они были полностью уничтожены (3). Вечером 2 мая хорватское правительство заявило, что «акция полиции и армии по открытию автомобильной и железной дорог, которые находились под контролем сербов, завершена» (39). Операция длилась 36 часов. Хорватская армия потеряла 60 человек убитыми, и 186 солдат были ранены (44, с.83). Ф.Туджман, выступая в парламенте, заявил, что западные военные были поражены «успехом и профессиональным мастерством хорватских вооруженных сил и недоумевали, сможет ли Хорватия повторить что-либо подобное в Книнской Краине» (44, с.83).

Ясуши Акаши был обеспокоен случившимся, призывал стороны подписать договор о прекращении огня, считал ситуацию крайне серьезной (44, с.67).

В 1991 г. сербское население было полностью изгнано из 280 сел Западной Славонии. 1 и 2 мая 1995 г. от сербов очищены остальные 65 сел (18). По сообщениям представителей СООНО, до 5 мая хорватские власти не позволяли представителям международных и гуманитарных организаций посетить Окучаны и Пакрац, места боев, захваченные города и села. Даже Специальному представителю Генерального секретаря ООН Я.Акаши, намеревавшемуся прилететь в Дарувар для организации эвакуации сербских беженцев, въезд в Западную Славонию был запрещен (14). Как полагают эксперты, не по причине безопасности СООНО, но чтобы уничтожить следы преступлений над гражданским населением. Но все же наблюдателям ООН удалось зарегистрировать, что из Пакраца вывезено в неизвестном направлении 15 автобусов с гражданским населением, местоположение которых неизвестно (23). В городе военные убивали мирных жителей, их трупы сжигали, женщин и детей уводили в неизвестном направлении. По разным данным, в городе погибло от 2 до 5 тыс. человек (14; 19; 16, с.5). Все мужчины сербской национальности были арестованы, их обвинили в военных преступлениях. В Западную Славонию не допускались представители международных организаций до тех пор, пока не были уничтожены следы преступлений (14).

Число беженцев из Западной Славонии составило более 12 тыс. человек. Те люди, которые в первые дни бросились бежать в сторону моста через Саву, попали в засаду около села Доня-Варош. Колонна из 2 тыс. человек была в упор расстреляна Хорватской армией. На дороге остались лежать сотни трупов женщин, стариков и детей (7). Представители СООНО и Красного Креста смогли приехать на место трагедии только после того, как дорога была «очищена» специальными хорватскими подразделениями. Комитет по сбору данных о преступлениях против человечности и международного права СПЮ располагает большим досье — свидетельствами этого преступления, а также аналогичного преступления в сентябре того же года (18). Миротворцы сектора «Запад» также фиксировали злодеяния хорватов во время боевых действий (44, с.74). В Меморандуме министерства иностранных дел Югославии, направленном в ООН, подчеркивалось, что во время хорватской агрес-

нии в Западной Славонии было убито более 3300 гражданских лиц и более 10 тыс. плохо вооруженных солдат РСК уже после того, как они приняли предложение о прекращении огня и прекратили оказывать сопротивление. Более 20 тыс. человек стали беженцами. Было уничтожено более 9 тыс. домов, разрушены православные церкви (43, с. 82; 42).

3 мая Ф.Туджман праздновал великую победу над «сербочетниками» и их «югославокоммунистическими» помощниками. А 9 мая он был почетным гостем Москвы на празднике Победы. Ф.Туджман в интервью агентству «Рейтер» выразил уверенность, что «Белград и хорватские сербы после успешного хорватского наступления наконец-то поймут, что переговоры с Хорватией — единственный путь для них» (40). Агентство оценивало, что самоуверенность президента основывается на мягкой реакции Белграда на хорватское наступление в Западной Славонии (40).

Мировое сообщество знало о произошедшем в Хорватии, но никаких действенных мер не предприняло. Российская Федерация настояла на срочном проведении заседания Совета Безопасности ООН. Члены СБ были оповещены о событиях в Западной Славонии. Но резолюции не последовало. СБ принял лишь сообщения председательствующего 1 и 4 мая, в которых осуждались военные действия, приведшие к человеческим жертвам и изгнанию сербского населения (13). Представитель Хорватии в ООН М.Нобило отверг все обвинения в адрес своей республики и объяснил членам СБ, что Хорватия задействовала лишь ограниченные полицейские силы для обеспечения безопасности автодороги Загреб — Белград (5; 6).

17 мая Совет Безопасности принял Резолюцию 994, в которой призывал сербскую(!) и хорватскую стороны сотрудничать с миротворческими силами и отвести свои войска от линии разделения. В документе заявлялось о необходимости полного уважения суверенитета и территориальной целостности Хорватии, подчеркивалась необходимость уважать права сербского населения. О жертвах среди мирного населения не упоминалось, а стороны призывались к примирению и доверию, к уважению договора о прекращении огня, а также к экономическому сотрудничеству (8).

Руководство РСК долго обсуждало причины падения Краины. Было ясно, что руководство Краины находится в состоянии полного психологического шока, неспособно трезво проанализировать ситуацию, сконцентрировать силы и противостоять новой агрессии. Вместо этого начались отставки и увольнения, взаимные обвинения. Поиск возможного выхода из сложившейся ситуации привел часть руководства к выводу о необходимости срочного объединения с Республикой Сербской. Этому воспротивилась Восточная Славония и создала 25 мая Координационный комитет общины Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема, председателем которого был избран Горан Хаджич. Восточная Славония считала, что ей не следует рвать связи с Воеводиной и Сербией, что обязательно последует, если они объединятся с РС.

2. Операция «Буря»

Молчаливое одобрение мировым сообществом хорватских действий позволило Хорватии провести в августе 1995 г. новое наступление на территории РСК — Северную Далмацию, Липку, Банью и Кордун. Операция под кодовым названием «Буря» поразила своей стремительностью и хорошей организацией. Хорватская армия тща-

Операция «Бура»

тельно готовила наступление, разработав план наступления на Книн из Боснии и Герцеговины. Сербь в БНГ не верили, что хорваты могут начать военные действия на их территории, не придали большого значения концентрации хорватских войск в районе Грахово и Гламоча.

В самый разгар напряженной и активной подготовки Хорватии к войне 26 июля в Топуско (Кордун) состоялось внеочередное заседание Скупщины РСК, которое отчетливо показало внутривластную нестабильность в органах власти РСК. На Скупщине выбиралось шестое по счету правительство РСК во главе с М.Бабичем. Новые люди пришли на посты министров внутренних дел и обороны. Верховный совет обороны РСК провозгласил поздно вечером 27 июля военное положение на всей территории РСК, а МВД ввело комендантский час.

28 июля десятитысячные силы Хорватской армии ворвались в Грахово и Гламоч, города на Западе Боснии и Герцеговины. Тем самым сербам был перерезан путь из Бая-Луки в Книн. Дорога на Книн для Хорватской армии была свободна. В тот же день Р.Караджич издал Указ о введении военного положения на территории РС и всеобщей мобилизации. Генерал Р.Младич, желая остановить нараставшие слухи, что города оставили по тайному договору, заявил о том, что они будут возвращены.

Готовилась ли РСК к обороне? По словам министра иностранных дел РСК Войновича, в руководстве РСК уже около года наблюдался раскол на тех, кто за мир и переговоры, и тех, кто за войну при поддержке Караджича (37,с.3). От этого страдала и боеспособность армии, где под сомнением был вопрос единоначалия. Не улучшило положения и назначение командующим Армией Краины генерала Мрксича, который пытался поднять босван мораль армии, упрочил дисциплину, провел в июле военный парад как ответ на угрозы Туджмана. Только что избранное правительство РСК не владело ситуацией. 28 июля оно провело свое первое заседание. На нем была дана поддержка всем мирным усилиям международных организаций найти политическое решение кризиса, была сформирована делегация для мирных переговоров с хорватской делегацией в Женеве, которые были назначены на 8 ав-

густа, было принято решение о цене на пшеницу в РСК. Одновременно правительство предложило всем гражданским службам подчинить свою деятельность нуждам Министерства обороны. Узнав о взятии хорватами Грахова, Скупщина РСК решила после обеда вернуться в Книн.

28 июля в Книн приехал Я.Акаши и предложил программу мирного урегулирования. Он передал сербам обещание Ф.Туджмана участвовать в политических и военных переговорах с Книном, но обусловил их «политической реинтеграцией сербов на основе Конституции Хорватии и ее Закона о меньшинствах» (4,с.2). Фактически сербам выдвигался ультиматум, ответа на который никто не ждал. Тем не менее сербы Краины в разговоре с Я.Акаши признали все условия Ф.Туджмана, но было уже поздно. Запоздало и заявление М.Бабича, которое он сделал в Белграде, что РСК готова принять несколько измененный план «З-4». В случае военного наступления надежда была только на Белград. 29 июля, выступая по книнскому телевидению, М.Мартич заверил народ, что разговаривал с С.Милошевичем, который пообещал, что не останется равнодушным, и с Р.Караджичем, который обещал совместную оборону сербских земель (25,с.99; 30,с.5). 30 июля в Книне выступал патриарх Павле. Он пытался вселить в сербов уверенность, поддержать их. Обещала помочь братьям из Книна и Республика Сербская. В город приехал Р.Младич, он вынашивал планы совместных действий по освобождению Грахова. 1 марта состоялась встреча Р.Караджича, Р.Младича и М.Мартича. На заседании было принято обращение ко всем сербам, включая правительство Союзной Республики Югославии, с просьбой оказать помощь в обороне сербской территории (25,с.99). Но времени на остановку хорватского наступления не было.

Ф.Туджман, уже не скрывал своих военных планов, отказался вести какие-либо переговоры с сербами. Он высокомерно отвечал на письмо Специального представителя Генерального секретаря ООН в Хорватии г-на Ясущи Акаши и фактически отверг достигнутые соглашения (4,с.6–7). Хорватия, по сообщениям Б.Бутрос-Гали, продолжала наращивать численность своих войск вокруг секторов «Север» и «Юг» (4,с.2). Во всех крупных городах Хорватии была проведена мобилизация. 1 августа хорватская сторона не присхала на договоренную при посредничестве СООНО встречу командующих РС и Хорватии.

В последние дни перед началом операции, в Книне ощущалось сильное напряжение среди мирного населения. Кто мог, уезжали в Сербию, росли очереди на автобус, подскочили цены на билеты.

Россия выразила озабоченность развитием ситуации в БиГ. В сообщении МИД РФ подчеркивалось, что сейчас очень важно предотвратить вооруженное столкновение РСК и Хорватии. Представитель России в ООН А.Зотов 31 июля выразил намерение потребовать в СБ дискуссию о хорватской агрессии в БиГ, так как последние события мешают миротворческому процессу (30,с.4). Вечером 3 августа Б.Бутрос-Гали связался по телефону с Ф.Туджманом и «настоятельно призвал его проявлять максимальную сдержанность» (4,с.3). На следующий день утром в Загреб должен был вылететь Т.Столтенберг.

Хорватская армия начала многочасовой обстрел сербской территории, деревень в направлении Книна 4 августа. 100-тысячной профессиональной Хорватской армии противостояла 30-тысячная армия РСК с 200 танками, 400 пушками, сотней БТР (30,с.5). За артподготовкой последовало широкомасштабное наступление на Республику Сербская Краина по всей линии фронта, составляющей 630 км. Сражения ве-

лись на территории 10,5 тыс. км². За полчаса массивной артподготовки на Книн упало более 300 снарядов. Затем на город из двух направлений — от Госпича и Оточаца — пошли танки, пехота. В тот день по всем радиостанциям каждый час звучало обращение Ф.Туджмана «к хорватским гражданам сербской национальности», в котором объяснялось, что Хорватия вынуждена начать военную операцию по «включению оккупированных территорий в свой конституционно-правовой порядок», поскольку возможности добиться мирного решения проблемы исчерпаны. «Мы были вынуждены, — заявил Ф.Туджман, — принять решение о наступлении, чтобы положить конец продолжавшемуся четыре года расчленению государства и обеспечить возвращение к своим домам беженцев» (46, с.72). Сербским военным предлагалось сдать оружие, а мирным жителям — остаться в домах и без страха ждать установления хорватской власти.

Свидетель событий Милорад Бедов записал: «Четвертого августа в пять часов утра хорваты напали на всю Краину сразу, невиданной силы артиллерийским огнем был обстрелян главный город Краины — Книн. Я тогда оказался в Книне и стал свидетелем ужасной жестокости хорватов и циничного безразличия международного сообщества, которое одобряло их действия. Бомбежка маленького города Книна продолжалась целый день, заградительный огонь покрывал метр за метром каждый уголок. К восьми часам вечера артиллерийский огонь прекратился, и тогда, действительно, началась трагедия для сербов. Картина, участником которой я оказался, надолго врезалась в мою память. Та ночь, действительно, была страшной. Армия рассына и неорганизованно отступает, люди покидают свои дома, колонны автомобилей, тракторов, грузовиков, всего того, что могло двигаться, в спешке набросанные в транспортные средства вещи, и за час создана непрекращающаяся колонна длиной более десяти километров. Хаос и отчаяние были полные. И тогда произошло настоящее преступление над беспомощными людьми. Колонна беженцев была у хорватов как на ладони, и они артиллерийским огнем одержимо расстреливали ничем не защищенных людей... Путь от Краины до Сербии длиной около 700 километров, проходящий через Боснию, которая также была в военном окружении, как будто длился 700 лет, неверие и отчаяние вызвали душевную боль, голод и жажда почти не ощущались. В пути из-за большой жары умирали дети, старики...» (2).

Хорватская армия сметала все на своем пути, захватила значительное число наблюдательных пунктов ООН, которые подвергала обстрелу прямой наводкой. В ходе своих атак ее подразделения дважды использовали военнослужащих сил ООН и военнопленных сербов в качестве «живого щита». По сведениям СООНО, хорваты захватили в плен семерых солдат датского батальона «голубых касок» и вместе с сербами заставляли их идти впереди танковой колонны. Во время агрессии хорваты убили двоих чехов, одного датчанина, ранили около двух десятков человек из состава «голубых касок». Потери ООН, по официальным данным, составили 18 человек (4, с.3). Почему же в этом случае не сработала система защиты СООНО, которая предполагает авиаудары по тем, кто угрожает жизни представителей ООН? Однако, под предлогом, что сербские ракеты угрожают самолетам НАТО, эти самые самолеты осуществили бомбардировки радарных систем армии РСХ. Хорватская армия использовала разведывательные данные самолетов НАТО, постоянно летавших над Ликой, Кордуном, Бараньей, Восточной Славонией.

Загреб пытался успокоить мир, заявляя, что это — не война, а реинтеграция хорватских территорий. Хорватская армия вошла в Краину почти не встречая сопротивления, она жгла и уничтожала все на своем пути. «Сегодняшняя Краина — это спасенная и опустошенная земля, понавшая в руки вандалов». — писал бельгийский журналист, которому удалось в дни наступления попасть в Краину, куда доступ иностранных журналистов был ограничен (37). 4 августа СБ ООН просит и Хорватию, и РСК прекратить всю военную активность и принять мирный план ООН.

Между тем, сербам Краины помощи от РС так и не последовало. Книн не подержала и Восточная Славония. Их наступление на Осиек и Вьяковцы могло бы заставить хорватские силы начать перегруппировку сил и ослабить наступление на Книн. Правительство во главе с М.Бабичем за два дня до нападения на Книн уехало в Белград. 5 августа в два часа дня армейское руководство покинуло Книн. Это было сигналом и для армии, и для всего населения.

По непонятным причинам армия РСК не оказала хорватам сопротивления. Вернее, армия начала сопротивление, но затем получила приказ отступить. И сегодня не известно, кто отдал этот позорный приказ. Но... армия РСК, три года готовившая отступать свои очаги, сложила оружие. Не сделали ни одного выстрела ракетные установки. Сербы удерживали лишь два маленьких района в секторе «Север», вблизи населенных пунктов Топуско — Двор — Войнич. Была также попытка обороняться на направлениях Дрниша, Бенковца, Теслинграда, и здесь погибло много людей. Загреб, вероятно, во избежание своих дальнейших потерь, предлагал всем сдавшимся в плен солдатам переходить в Боснию. С собой разрешено было брать только пистолеты. Поэтому часть армии сохранилась и влилась в ряды войска генерала Младича. По некоторым данным, в БГ ушли 8–9 тыс. военных из Краины. В Книнс 700 сербов нашли прибежище в штабе СООНО. Среди них было 16 человек тяжело раненных. По сообщениям СООНО, им было трудно оказать медицинскую помощь, так как больница в городе была разорена, дома сербов разграблены (14).

Сербы знали, что совместной жизни с победителями не будет: Хорватии нужна была территория, но без сербов. Поэтому начался трагический исход сербского населения со своих исконных территорий. Решение об эвакуации населения было принято М.Мартичем. 4 августа в 16.45 он издал приказ, который предписывал начать плановую эвакуацию населения из Книна, Бенковца, Оброваца, Дрниша и Грачаца (46,с.73). В последние дни перед хорватским наступлением усиленно распространялись слухи о грозящей опасности, о необходимости отойти на время до местечка Срб. Около 300 тыс. жителей Сербской Краины покинули свои дома и двинулись в сторону Срба. Там им сказали, что надо идти до Петровца. В Петровце началась бомбардировка колонн беженцев. Это был знак, что надо идти на Баян-Луку. Огромную роль играл психологический фактор — рос страх перед уничтожением, никто не имел никакой информации, все жили слухами. Положение беженцев в Баян-Луке было крайне тяжелое, люди находились под открытым небом, не хватало продовольствия, воды, лекарств, элементарных условий. Колонны двинулись дальше, в Югославию.

По дороге колонны беженцев обстреливались хорватскими и мусульманскими войсками, подвергались нападению. Представитель ООН по военным вопросам Рита Депаж подтвердила, что два военных самолета МИГ-21 бомбили 8 августа колонну сербских беженцев у Двор-на-Уини и Нови-Града, где беженцы из Краины были

блокированы. Только за первые четыре дня погибли около 8 тыс. стариков, женщин и детей. Судьба 12 тыс. сербов так и не известна (37). Специальная миссия ЕС, посетившая Краину, писала в своем сообщении 23 августа, что в период с 7 по 22 августа на территории сектора «Юг» было уничтожено, главным образом сожжено, от 60 до 80% имущества сербов, что сербов осталось всего 2–5% от числа тех, кто здесь жил раньше, что уничтожен весь скот, а села сжигались при помощи бензина дотла. И делалось это с одобрения «самых высших органов власти» (46, с. 75).

После пересечения беженцами югославской границы, они встречали расставленные по всей трассе посты Международного и Югославского Красного Креста. Люди получали по дороге хлеб и чистую питьевую воду (21). По югославской территории беженцы шли колоннами в сопровождении милицейских отрядов, из колонн выходить было нельзя. Заранее определялось, какая группа куда будет направляться. Власти запретили журналистам снимать колонны, по белградскому телевидению информация была сведена к минимуму. Но народ знал. Села, через которые проходили колонны, организовывали для них первую помощь, людей кормили, давали необходимые вещи, разрешали звонить, мыться в своих домах. Колонны длиной в несколько недель. Трагедия на лицах и в душах.

Министр обороны Хорватии Гойко Шушак объявил, что 7 августа в 18.00 операция по ликвидации РСК успешно завершилась. Потери с хорватской стороны — 118 убитыми, 620 ранеными. Позже Ф.Туджман уточнил: число погибших — 150, раненых — более 1 тыс. Хорватия праздновала победу. Но были и те, кто был недоволен слишком «мягким» обращением с врагом. Бывший министр юстиции Хорватии Б.Мишетич заявил: «К несчастью, в Хорватии сегодня мало настоящих усташей... Там, где хорватские усташки, там сербы весьма смиренные... Хорватии сегодня необходимы люди, которые могут заплакать за Хорватию, погибнуть за Хорватию и, что самое важное, убить за Хорватию» (18, с. 5).

По предварительным данным, сербы оставили 120 тыс. домов и квартир. На территории, занятой хорватами, осталось 950 памятников сербской культуры, 80 народных библиотек, 122 школы, 85 детских садов, 67 кинотеатров. Оставленные нивы и луга оцениваются в 1,7 млрд. немецких марок. РСК могла сама накормить 400 тыс. человек. На территории РСК работали около 300 общественных и 4 тыс. частных предприятий. К сожалению, точной цифры погибших в результате хорватской военной операции пока нет. Упомянулось, что в хорватских тюрьмах находится 800 человек. А на территории теперь уже бывшей РСК осталось всего 8–9 тыс. человек (Красный Крест насчитал 4–5 тыс. живых). В селе Вариводе, например, осталось всего девять старушек. Прочесывавшие местность хорваты убили восьмерых, одной удалось спастись в поле, она и привела СООНО. Хорватия ограничивала доступ на оккупированные территории. Но уже найдены массовые захоронения сербов. Так, международные организации открыли в районе Книна более 200 свежих могил, в каждой из которых было захоронено по несколько человек. Известно также, что сравнено с землей 80% сербских сел, а на территории от Книна до Бенковача осталось лишь 10% строений. Далмация и Лика опустошены полностью. Многие церкви разграблены. Сербский монастырь Крка сравнен с землей (18).

Белград по всем дипломатическим каналам осудил агрессию Хорватии, организовал прием беженцев на свою территорию. 12 тыс. человек были отправлены в Косово, 60 тыс. пытались найти приют в Воеводине. Остальные 180 тыс. если непосредственно в Сербии. 25 тыс. находились в коллективных лагерях для беженцев.

Несмотря на запрет властей, в Белграде у родственников разместились около 60 тыс. беженцев. Власти Югославии пытались обеспечить их лекарствами, едой, бензином. Однако гуманитарной помощи не хватало. То, что давал Красный Крест на месяц, хватало максимум на пять дней. Но власти стремились не говорить об этой трагедии в средствах массовой информации, замалчивая количество беженцев и связанные с эти проблемы. Причина здесь может быть только одна — попытки избежать расследований в средствах массовой информации причин трагедии, поиска ответственных за нее и анализа роли руководства Югославии. Центральное телевидение лишь через две недели сделало первые съемки беженцев в Бая-Луке, но не пустило этот материал в эфир. Только 25 августа была снята и показана по телевидению короткая история об одной семье, которая бежала из Книна. И то... это была русская семья. Журналистам даже не разрешили снять сюжет о сиротах, размещенных в детских приемниках под Белградом.

Приток беженцев создал в Югославии крайне напряженную гуманитарную обстановку. Проблема беженцев не была возведена в ранг государственной проблемы. Поэтому возник сложнейший вопрос об их статусе. Им не давали югославское гражданство, запрещалось принимать их на работу, отсутствовала социальная защита. Практически проблема решалась на уровне солидарности населения, доброй воли родственников, возможностей слабomощных гуманитарных организаций. Одновременно не велись переговоры об их возвращении в Хорватию¹. Напряженной стала и политическая обстановка: по Сербии прокатилась волна митингов с осуждением властей за предательство сербских интересов и самоустранение во время хорватской агрессии.

Итак, мир стал свидетелем ужасающей и бесчеловечной агрессии. Какова же была реакция? Возмущены были лишь Москва и Белград. Действия Загреба осудил и Я. Акаши. Посредник ЕС Карл Бильдт заявил, что Ф. Туджман повинен в изгнании сербов и в военных преступлениях (43, с. 93). Он опасался блокады мирного процесса в этом регионе и массовой этнической чистки сербского населения. «От министров Хорватии я слышал, — заявил К. Бильдт, — что они планируют выгнать из Сербской Краины 99% сербов». После этого заявления К. Бильдт был объявлен в Хорватии персоной нон грата. 10 августа СБ ООН принял Резолюцию 1009, призывавшую Загреб прекратить военные действия, продолжить мирные переговоры и позволить гуманитарным организациям прибыть в РСХ (9).

Но в целом международные организации, как и ведущие державы, остались абсолютно равнодушными к сербской трагедии и многочисленным жертвам. Англия и Франция выразили «озабоченность» происходящим в Хорватии, но это больше походило на молчаливое одобрение хорватской агрессии. США и Германия увидели в последних событиях на Балканах новые перспективы политического урегулирования кризиса. В интервью американскому радио Б. Клинтон выразил надежду на то, что хорватское молниеносное наступление на Краину проложит дорогу к скорейшему дипломатическому урегулированию балканского конфликта (34). Однако роль США в блицкриге Хорватии — не так уж проста. Если сравнить просочившиеся в печать данные, то очевидно участие Америки в подготовке хорватской военной операции. По словам министра иностранных дел Хорватии М. Гранича, США консуль-

¹ По некоторым данным, в ноябре 1995 г. выражали желание вернуться в Хорватию около 13 тыс. сербов.

тировали Хорватию по проведению обеих операций (33). Напомним, что в ноябре 1994 г Хорватия и США заключили договор о военном сотрудничестве. А госсекретарь Кристофер в интервью Эй-Би-Си всю вину за хорватскую агрессию цинично возложил на сербов, которые начали наступление на Бихач. Хорваты, якобы, лишь ответили на это наступление (35).

Германия также не осудила агрессию, лишь выразила желание, чтобы военные действия не расширялись и не переросли в балканскую войну. А по загребскому радио прозвучало откровенное приветствие представителя немецкого посольства в Загребе К.Эндера: «Германия разделяет радость военного успеха с вами и выражает вам похвалу за эту войну. Должен сказать, что даже аналитики, которые знают больше меня, не могли предвидеть такую быструю и величественную акцию» (36). 12 августа К.Кинкель направил письмо руководству Хорватии, в котором призывал его не нарушать права человека на «интегрированной территории». Его больше всего заботило, что «от сегодняшнего поведения Хорватии зависит в будущем отношение мира к этому государству» (43, с.93).

Остались без ответа призывы руководителей РСК к мировому сообществу остановить агрессию Хорватии. Загреб заявил, что не будет вести никаких переговоров с представителями РСК, но готов переговорить с сербами из Восточной Славонии и Бараньи.

Видимо согласившись с действиями Хорватии, ООН видела свою задачу лишь в обеспечении безопасности беженцев и в выводе «голубых касок» из занятых хорватами районов. Уже 10 августа было принято решение вывести войска СООНО из Хорватии. Всего подлежали эвакуации 12 400 человек. Небольшое количество «голубых касок» оставалось лишь в секторе «Восток», где были дислоцированы русский и бельгийский батальоны. Думается, что, просчитывая операцию, хорватские власти опасались трудностей именно на участке, за который отвечали русские миротворцы. Поэтому, если вспомним, Хорватия настаивала, а СООНО поддерживали планы передислокации Русбата (не удалось), очернения деятельности Русбата и его командования (удалось частично), замены командира сектора русского генерала на бельгийского (удалось).

Россия направила в ООН три протеста с осуждением хорватской агрессии, впервые за четыре года войны оказала существенную гуманитарную помощь. Кроме того, президент России выдвинул инициативу провести в Москве встречу С. Милошевича и Ф.Туджмана с целью «договориться, как подписать документ о прекращении военных действий» (17). Заявление было сделано тогда, когда Книн был взят и хорватские МИГ приступили к расстрелу колонн беженцев. Ф.Туджман приехать в Россию отказался. Официальная версия отказа — необъективная позиция России в отношении событий в Краине, стягивание Югославией бронетехники к хорватской границе и неприглашение в Москву А.Изетбеговича. Но если вдуматься, то изначально было понятно, что президенту Хорватии не было никакого политического резона приезжать на переговоры с российским лидером, когда его так активно поддерживали США и Германия, одобряя план захвата РСК. Брать на себя любые другие обязательства означало для него связывать себе руки в дальнейшей антисербской деятельности. Кроме того, Западу важно было не позволить России выступить конструктивным субъектом урегулирования кризиса, тем более на завершающем его этапе

Трагедия молниеносного падения РСК оставляет сегодня большинство вопросов без ответа. Я пыталась многим участникам событий задавать вопрос о причинах отступления армии РСК без сопротивления. И что может убедить весь народ жить, если три года он готовился защитить свои земли?

По мнению одних, РСК, находясь под защитой «голубых касок», разучилась воювать, не смогла создать мобильную армию, о чем свидетельствовали потери при наступлении хорватов еще в 1993 г. на Масленички мост и Малевачки плато. Кроме того, у многих не было достаточной мотивации для защиты сербской государственности — РСК не воспринималась ими как самостоятельное государство.

Другие полагали, что уже заранее, и прежде всего в Белграде, была спланирована сдача хорватам сербских территорий. Говорилось о том, что 4 мая был сменен верховный главнокомандующий войск РСК генерал Милан Челекетиц, ибо готовил оборону. Его заменил личнянин Милан Мркшич, послушный Белграду. Он, якобы, первый отступил, и для многих это был знак, что обороняться не надо. Главного штабсмайора, якобы, тоже назначил Белград, но он оказался человеком Тулджмана. Ходили слухи, что он встречал хорватские войска, пришедшие на сербские земли, с шаховницей. И ракеты, и топливо, и снаряды находились в ведении офицеров Армии Югославии, которые их не использовали (31). В руках краишников было только легкое пехотное оружие, с которым они не могли противостоять Хорватской армии. Кроме того, много было разговоров о том, что в армию накануне хорватского наступления пришли конверты двух цветов — голубые (с приказом об обороне) и белые (с приказом отступить). И среди командования и офицеров распространялись именно белые конверты. Командиры, которые стойко сражались (генерал Стево Шешо, командующий Лнским фронтом; кордушцы, продержавшиеся неделю), плакали, получив приказ отходить. 4 июля из Белграда в сторону Книна выехала группа офицеров. Но в районе Срба они уже столкнулись с огромной колонной беженцев и были вынуждены повернуть обратно.

Существуют и другие точки зрения. Так, Раде Чубрило, боец из Книна, полагает, что падение Краины датируется 1990 г., а переломный момент настал после падения Западной Славонии и Грахова. «Краину мы потеряли за три дня, благодаря разным факторам: руководству Югославии и Сербии, Армии Югославии, Милану Мартичу, правительству Микелича, Бабичу... они предали Краину...» (31). Как видно, Краину деморализовали внутренние противоречия и слабости руководства, раздор, отсутствие поддержки извне.

В итоге хорватского наступления на Краину количество сербов в Хорватии сократилось на 90,7% (20, с. 7). В Меморандуме министерства иностранных дел Югославии, распространенном в ООН в качестве официального документа, описывалось положение сербского народа в Хорватии, политика хорватского правительства по отношению к нему, названная «этнической чисткой и геноцидом». В документе подчеркивалось, что «к сожалению, никто в Хорватии не привлечен к ответственности за совершенные военные преступления и геноцид над сербами» (43, с. 94).

Мир не остановил Хорватию. 28 декабря 1995 г. Совет Безопасности рассматривал вопрос о преступлениях хорватских войск в Краине на основе доклада Генсека ООН о злодеяниях против сербов в Хорватии во время летней агрессии (11; 12). Россия при поддержке некоторых членов СБ выступила с предложением о приня-

тни специальной Резолюции с осуждением Хорватии. Но обсуждение закончилось безрезультатно, так как этому воспротивилась Германия. В результате лишь было констатировано, что Хорватия не прислушивалась к резолюциям СБ (15).

Как заявил хорватский министр иностранных дел Мате Гранич в январе 1996 г. в Страсбурге, под следствием находятся 1888 хорватов, виновных в поджогах и убийствах в Краине в ходе операции «Буря», десяти из них уже предъявлены обвинения (22).

Республика Сербская Краина формально перестала существовать. В ноябре была принята Резолюция 1023, которая определяла судьбу оставшейся вне границ Хорватии области — Восточной Славонии. Совет Безопасности одобрил подписанный 12 ноября в присутствии представителей ООН договор о постепенной мирной интеграции этого района в Хорватию в течение нескольких лет (10). Согласно договоренностям, был сформирован Совет области Славонии, Бараньи и Западного Срема, определены поэтапные мероприятия переходного периода.

Оставшиеся в городах сербы приспособляются к новой жизни. Как писал один из бывших хорватских политических лидеров С. Шувар, «ученики в средних школах, если у них отец и мать сербы, все равно регулярно изыскиваются как хорваты. Отрекаются от своего происхождения, чтобы только не иметь проблем в среде, где они живут...» (32, с. 21). Известный загребский ученый-экономист Бранко Хорват в интервью оппозиционной газете «Ферал трибюн» сказал, что Хорватия развивается по пути усташества времен второй мировой войны. «Нет ни одного исторического примера, который бы показывал, что хорватские сербы хотели выйти из Хорватии, — говорил он. — Здешние сербы были нашим капиталом, которым требовалось умно воспользоваться. Сегодня же факт налицо: хорваты их воспринимают как врагов. Это следствие националистической и дискриминационной политики, которая выбрасывает сербов на улицу, отнимает у них право на работу... Сегодня в мире Хорватию презирают. Когда я призжаю на какой-либо международный симпозиум, мне стыдно говорить, что я хорват...» (27).

Список источников и литературы

1. Барбер Л. Босния получит полмиллиарда долларов на восстановление экономики и поддержку мира // Финансовые известия. — М., 1995. — 26 дек. — С. 1.
2. Бедов М. Письмо... // Сербия — Србија. — М./Спб. — 1995, № 3. — С. 2.
3. В несколько строк // ИТАР-ТАСС. Сербия «СЕ». — М., 1995. — 6 мая. — С. 2.
4. Документ ООН. — S/1995/444.
5. Документ ООН. — S/1995/349.
6. Документ ООН. — S/1995/358.
7. Документ ООН. — S/1995/360.
8. Документ ООН. — S/1995/994.
9. Документ ООН. — S/1995/1009.
10. Документ ООН. — S/1995/1023.
11. Документ ООН. — S/1995/730.
12. Документ ООН. — A/50/727.
13. Документ ООН. — S/PRST/1995/26.
14. Документ СООНО.
15. Злочини без казне // Борба. — Београд, 1996. — 1/2 јан. — С. 2.
16. Иванов И. Югославский кризис: Последствия агрессии Хорватии в Западную Славонию

- // ИТАР-ТАСС. Компас. — М., 1995. — 25 мая, № 35. — С. 3–11.
17. Иванов И. Балканы: Перспективы урегулирования после агрессии Хорватии // ИТАР-ТАСС. Компас. — М., 1995. — 17 авг., № 59. — С. 3–11.
18. Информација о ратним злочинима припадника хрватске војске над српским цивилним становништвом Западне Славоније на путу Окучани — Стара Градишка 1–2 маја 1995 године. — Београд: Комитет за прикупљање података о извршеним злочинима против човечности и међународног права, 1995. — 14 с. — Рукопис.
19. Истражује се број жртава хрватске агресије // Политика. — Београд, 1995. — 12 мај. — С. 7.
20. Личић З. Перспективе мира и сарадничества // Србија. — Белград, 1996. — № 29. — С. 4–8.
21. МККК оказује помоћ беженцама у бившеј Југославији // ИТАР-ТАСС. Сериа «СЕ». — М., 1995. — 18 авг. — С. 6–8.
22. По подозрењу у совершеним преступленим у Краини // Србија. — Белград, 1996. — № 28. — С. 22.
23. Портпарол Унпрофора: Аутобусима у логоре // Новости. — Београд, 1995. — 6 мај. — С. 3.
24. Приче избеглица из Западне Славоније // Политика. — Београд, 1995. — 7 мај. — С. 7.
25. Радуловић С. Судбина Крајине. — Београд: Дан Граф, 1996. — 189 с.
26. Фадеев Е. И вновь танки, вертолеты, убитые, беженцы // Правда. — М., 1995. — 4 мая. — С. 3.
27. Фадеев Е. «Стыдно, что я хорват» // Правда. — М., 1995. — 3 авг. — С. 3.
28. Фадеев Е. Хорватский блицкриг // Правда. — М., 1995. — 6 мая. — С. 3.
29. Хронологија // Аргумент. — Београд, 1995. — 5 мај. — С. 3.
30. Џвизијановић Ж. Ратна срећа и остало // Јавност. — Београд, 1995. — 5 авг. — С. 4–5.
31. Чубрило Р. Да има бар мало части генерал Миле Мрксшић требао би да се убије // Аргумент. — Београд, 1995. — 29 дец. — С. 19.
32. Шувар С. Интервју... // НИИ. — Београд, 1997. — 21 фебр. — С. 20–21.
33. Bilten Vesti. — Moskva, 1995. — 8 avg.
34. Bilten Vesti. — Moskva, 1995. — 10 avg.
35. Bilten Vesti. — Moskva, 1995. — 15 avg.
36. Bilten Vesti. — Moskva, 1995. — 16 avg.
37. Bilten Vesti. — Moskva, 1995. — 22 avg.
38. Pad Zapadne Slavonije // Vreme. — Beograd, 1995. — 8 maj. — G.6, N 237. — S. 8–18.
39. SRNA. — Sarajevo, 1995. — 2 maj.
40. SRNA. — Sarajevo, 1995. — 5 maj.
41. SRNA. — Sarajevo, 1995. — 6 maj.
42. TANJUG. — Beograd, 1995. — 6 maj.
43. Memorandum o etničkom čišćenju i genocidu protiv srpskog naroda u Hrvatskoj i Krajini // Jugosl. pregled. — Beograd, 1995. — G.39, N 3. — S. 81–94.
44. Српска Западна Славонија мај 1995: Изгон: Жртве агресије Хрватске војске на Републику Српску Крајину. — Београд/Цетинье: Веритас/ Светигора, 1997. — 112 с.
45. Holbruk R. Put u Dejton: Od Sarajeva do Dejtona i posle. — Beograd: Dan Graf, 1998. — 397 s.
46. Српска Крајина, август 1995: Изгон: Жртве агресије Хрватске војске на Републику Српску Крајину. — Београд/Цетинье: Веритас/ Светигора, 1997. — 142 с.

Глава VI

Россия и балканский кризис:

новая концепция безопасности или слабость стратегии

1. Уроки истории

Сложная история внешней политики России за последние два столетия во многом связана с борьбой за утверждение своего влияния на Балканах и Ближнем Востоке, с поддержкой национально-освободительного движения славянских народов, с политическими и военными батальями за раздел территорий Османской империи, с поиском союзников для отстаивания своих национальных интересов. С начала XIX столетия Балканы становятся одним из важных направлений внешней политики России. Только несколько примеров.

Несмотря на избранный в начале XIX в. путь сохранения ближневосточного равновесия и нежелание осложнять отношения с турецким султаном, российская дипломатия использовала дипломатические каналы для поддержки борьбы балканских народов за освобождение от турецкого владычества, стремилась не допустить проникновения Англии, Франции и Австрии на Балканы, связывая соотношение сил на Балканах с проблемой безопасности южных границ Российской империи. В борьбе с Османской империей сербы искали поддержку великих держав — прежде всего России и Австрии. И если Австрия соглашалась лишь на посредническую роль в примирении славян с Портой, то Россия взяла восставших славян под свою защиту и, поддержав их в двух войнах, гарантировала им в договорах автономию во внутренних делах. Политические контакты сербов с правительством России играли важную роль на всех этапах национально-освободительного движения. Предоставляя повстанцам значительные суммы денег, оружие, поддерживая их по дипломатической линии, в 1806–1812 гг. Россия вела совместно с ними вооруженную борьбу против Османской империи. Ничего подобного не делало и даже не обещало сделать ни одно другое европейское государство. Традиционными принципами российской дипломатии на Балканах была поддержка балканских народов как единоверцев и единоплеменников, установление с ними политических и культурных контактов (34, с. 6–7). Росло тяготение славянских народов к России.

Любопытная игра (интересов) велась вокруг греческого восстания против турецкого владычества в 1821 г. Участники Священного союза (Австрия, Пруссия, Россия при поддержке Англии и Франции) подписали на Веронском конгрессе специальную декларацию, осуждавшую греческое восстание как революционное выступление, выразив тем самым свое негативное отношение к самостоятельности греческих земель. Однако Россия, продолжая отстаивать собственные интересы (из-за нарушений Турцией ранее заключенных русско-турецких соглашений), отзывает своего посла из Константинополя. Разрыв русско-турецких дипломатических отношений насторожил европейских монархов. Он был расценен как «защита греческих мятежников» против «законного монарха». Англия, не желая отдавать Грецию под покровительство России, сразу поспешила объявить о признании Великобританией греков воюющей стороной, равноправной с турецкими карателями, что привело

а усилению в Греции проанглийских элементов и грозило в будущем включением ее в сферу политического влияния Британской империи. Это в свою очередь повлияло на то, что и Николай I активизировал свою политику на Балканах.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. была воспринята европейскими странами как попытка России ослабить и разрушить Турецкую империю. Англия, Австрия, Франция бросились помогать Турции и сколачивать антирусский блок, дабы противодействовать усилению русского влияния на Балканах. Хотя Россия диктовала условия мира, находясь в 60 км от турецкой столицы, европейские государства были поражены умеренностью собственных территориальных претензий России на мирных переговорах в Андрианополе. Но не были забыты балканские народы. Расширена автономия Сербии и Дунайских княжеств, предусмотрена широкая внутренняя автономия для Греции. Полгода спустя Греция была провозглашена независимым государством. Действия России были встречены в Европе как «нарушение европейского равновесия», а австрийский военный министр Радецкий заявил, что в результате русских военных успехов на Балканах Австрия «низведена на положение государства второго разряда» (29, с.495).

Хотя в середине XIX в. конфликт на Ближнем Востоке начинался из-за черноморских проливов, Франция и Англия, помогая Турции, преследовали цель ослабить Россию. Излагая цели Англии, Пальмерстон говорил о намерении английского кабинета ослабить Россию, отторгнуть от Российской империи Финляндию, Эстонию, Латвию, Крым и Кавказ, польские губернии, а также отгородить Россию от Балканских стран, населенных славянами (29, с.522). Австрия стремилась утвердиться на Балканах, требовала от России отказаться от покровительства сербам, румынам и вообще православным подданным султана. Крымская война ослабила Россию. Принцип «солидарности законных монархов», на который рассчитывал Александр II, не выдержал испытания, и Россия оказалась изолированной. Тем не менее Россия продолжала поддерживать освободительную борьбу народов Балканского полуострова против турецкого гнета, добивалась расширения их автономии и укрепления своего влияния на Балканах. Именно в этот период складывается устойчивое восприятие России как защитника балканских народов. В 1859 г. завершилось объединение румынских княжеств Молдавии и Валахии. Русское правительство активно поддерживало Черногорию в ее борьбе за независимость. Весной 1862 г., когда 60-тысячная турецкая армия вторглась в пределы Черногории, премьер-министр Англии Пальмерстон заявил, что «черногорские бунтовщики будут наказаны войсками султана при рукоплесканиях Англии». Россия же вела активную антитурецкую дипломатическую борьбу, помогала черногорцам бесприказными и деньгами, способствовала сохранению независимости Черногории. В 1862 г. Россия заняла активную позицию по вопросу расширения сербской автономии, дала заем Сербии в 300 тыс. австрийских дукатов, тайно переправила в Белград 25 тыс. ружей. В 1867 г. турецкие гарнизоны покинули Сербию.

Восточный кризис 1875–1877 гг., подъем национально-освободительного движения на Балканах, турецкие зверства при достаточно сдержанной официальной политике вызвали широкое общественное движение в России в защиту славян. На Балканах отправлялись тысячи русских добровольцев, собирались пожертвования, снаряжались госпитали. Ультиматум, предъявленный Россией Турции 31 октября 1876 г., предотвратил занятие турецкой армией Белграда. Сан-Стефанский мирный договор и

Берлинский конгресс после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. показали намерения России защитить славянские балканские народы и стремление западных держав не допустить усиления влияния России на Балканах, равно как и не упустить контроль над балканскими территориями. Усиление влияния России на Балканах или ее победы в русско-турецких войнах периодически вели к ее дипломатической изоляции, однако Россия всегда отстаивала свой приоритет на Балканах.

Заметим, что Европа, активно деля балканские территории, всегда стремилась избежать создания большого славянского государства. Так, в июне 1876 г. в замке Рейхштадт в Чехии состоялась встреча императоров России и Австро-Венгрии. Они договорились о разделе территорий в случае турецкого поражения. При этом Австро-Венгрия потребовала условиться «не оказывать содействия образованию большого славянского государства» на Балканах (29, с. 248).

XX в. принес новые испытания балканским народам. Войны, раздел территорий, революции. В этот период судьбы России, Сербии и Черногории особо переплетались. Россия оказала большую дипломатическую поддержку Сербии и Черногории в ходе создания Второго Балканского союза, вступила в первую мировую войну, чтобы оградить Сербию от потери национального суверенитета. Австро-Венгрия стремилась ликвидировать Сербию как политический фактор и, сохранив монархию, установить абсолютное и постоянное господство Австро-Венгрии на Балканах. Конрад фон Гетцендорф, начальник австро-венгерского Генерального штаба, писал в 1915 г.: «...Любая форма сохранения самостоятельной национальной Сербии, сколь бы малой она ни была, неизбежно имела бы для Монархии тяжелейшие последствия... ибо, несмотря на свою малую величину, она постоянно разжигала бы очаги национального объединения и была бы центром великосербской идеи. И в будущем это привело бы нас к тяжелым внутренним кризисам, к потере наших южнославянских территорий и морского берега» (42, с. 50). Однако при разработке балканской концепции «стирания Сербии с лица земли» Вена не могла не учитывать русский фактор. Так, в 1908 г. был составлен австро-венгерский план похода на Сербию в четырех вариантах. Из них в трех предполагалось, что Россия выступит в поддержку Сербии (42, с. 42).

Совместная борьба против фашизма надолго укрепила узы дружбы между нашими народами. Сербия и черногорцы всегда чувствовали за спиной своего старшего брата, так много сделавшего для достижения независимости славянских народов.

Следовательно, история нас учит:

1. Европейские монархи всегда стремились избежать создания большого славянского государства, изолировать Россию от балканской политики, отгородить ее от Балканских стран, населенных славянами.

3. Усиление влияния России на Балканах периодически вело к ее дипломатической изоляции, однако Балканы всегда были приоритетным направлением внешней политики России.

4. Россия никогда не уходила с территории Балкан, не поворачивалась спиной к этому региону, даже если отношения с руководством Сербии были натянутыми (конец XIX в., период Милана Обреновича).

5. В истории человечества народы не в первый раз борются за свою независимость, и сильные мира сего иногда «соглашались» на создание новых независимых государств. При этом никогда не возникало проблем с урегулированием правовых вопросов, если это отвечало интересам той или иной страны.

6. Россия связывала на протяжении своей истории соотношение сил на Балканах с проблемой безопасности южных и западных границ Российской империи.

Эти правила актуальны в нынешней Европе и сегодня. Однако они существуют в новых условиях — при развале биполярного мира, ослаблении Восточной Европы, кризисном состоянии России, усилении Америки, возрождении величия Германии. Поэтому несколько видоизменяются методы их отстаивания западными странами. Чисто военные приемы не ушли в прошлое, они сочетаются с экономическими и весьма грязными дипломатическими.

Никого из россиян не могут оставить равнодушными *слова* известного русского писателя Леонида Андреева, написанные в 1914 г., *которые вполне могли бы стать эпиграфом этой книги*: «И вот еще чего не забудьте, думая о Сербии: в Сербии нас любят — горячей, искренней и почти нежной любовью... Последний ковер они постелют под ваши русские ноги, отнимут от своих голодных уст последний кусок хлеба — и с божественной щедростью бедняка угостят вас, драгоценнейшего гостя из милой России. Молясь Богу, кого они упоминают в молитве прежде своих детей? — Россию... Нас так мало любят вообще и так мало уважают: варвары! — еще недавно кричал на нас К.Либкнехт, — варвары, вас надо выкинуть за Урал! И тем более должны мы дорожить этой нежной и доверчивой любовью: в ней залог не только сербского, но и нашего возрождения» (9).

Именно поэтому в Югославии ожидали совершенно иной позиции России в современном балканском конфликте. Думалось, что России не надо объяснять, кто прав, кто виноват. Думалось, что Россию не надо убеждать занять объективную позицию. Думалось, что Россия поможет сохранить Югославию, ибо сама находится в схожей ситуации. Однако позиция России была в высшей степени неожиданностью для Сербии и Черногории, поскольку была непоследовательной, несамостоятельной и не учитывала национальных интересов России. Объективно же она с самого начала звучала как антисербская.

Объяснение этому следует искать как во внутрисполитических коллизиях России, ее экономической слабости, так и в международном факторе.

2. Новая дипломатия новой России

История российско-сербских, российско-югославских отношений на протяжении нескольких последних столетий знала взлеты и падения, периоды охлаждения и доброго сотрудничества. Сейчас все чаще стали говорить о прагматизме внешней политики, о том, что национальные интересы якобы не совпадают с историческими традициями. Возможно, в этих рассуждениях есть доля истины, однако следует подчеркнуть, что традиции потому и называют историческими, что они несут в себе элемент перманентности на протяжении долгой истории взаимоотношений тех или иных стран. Значит, эта стабильность, устойчивость в ориентации, в последовательности действий была вызвана долгосрочными интересами стран? И если говорить о России, знала ли она в начале 90-х годов свои долгосрочные интересы?

События начала 90-х годов, кризис на территории Югославии возникли в конце длительного периода охлаждения отношений между СССР и Югославией и частичной их стагнации. В этот период балканское направление находилось на задвор-

как внешней политики России, с одной стороны, как неостребованное со стороны Югославии, а с другой — как неприоритетное для Москвы. В этих условиях разразились почти одновременно национально — политические кризисы в России и Югославии.

Югославия оказалась в трудных условиях и искала поддержку среди европейских государств. Заговорила историческая память, и Югославия с надеждой обратилась к России, как это часто случалось в истории. В ответ она встретила холодное непонимание, а также недоумение представителей российской дипломатии по поводу того, почему именно Россия должна радеть за сербов и черногорцев. Неизменным этот курс был до 1996 г., хотя можно проследить некоторые его внутренние этапы. Причиной такого постоянства была сложившаяся практика взаимоотношений во властных структурах России, концентрация всей полноты власти по внешнеполитическим вопросам в руках министра иностранных дел и, соответственно, его политическая ориентация.

Внешняя политика России на балканском направлении с начала обострения ситуации в СФРЮ прошла несколько этапов.

Первый период традиционной для СССР внешнеполитической ориентации в последний год существования СССР и первые месяцы после его распада (1991 — начало 1992 г.).

Провозглашение независимости республик СФРЮ, начало межнациональных столкновений в Хорватии, война в Словении пришлись на последние месяцы деятельности МИД СССР. В 1991 г. российская политика характеризовалась невмешательством во внутренние дела Югославии, поддержкой территориальной целостности СФРЮ. Обострение политической обстановки в Югославии в начале 1991 г. не вызывало особого беспокойства у российского руководства, которое исходило из того, что решение возникших в СФРЮ проблем должно происходить без какого-либо вмешательства извне.

После того, как парламенты Словении и Хорватии объявили о своей независимости, МИД СССР 26 июня 1991 г. сделал заявление, что эти действия являются односторонними. Поэтому «Советский Союз, как и прежде, последовательно выступает за единство и территориальную целостность Югославии, нерушимость ее границ, включая внутренние., поддерживает федеральные структуры власти, которые стремятся обеспечить сохранение югославского государства» (47, с.56). События в Словении летом 1991 г. вызвали некоторую тревогу в официальных кругах России, появились первые упоминания о том, что свой вклад в оздоровление обстановки в Югославии должны внести и некоторые международные организации, в частности СБСЕ. В начале июля министр обороны Югославии В.Кадиевич звонил министру обороны СССР маршалу Язову и спрашивал, может ли СССР поддержать Югославию в случае военной интервенции Запада и может ли поставить так необходимой армии вооружение? Ответ маршала был отрицательным на оба вопроса (71, с.360). 9 июля Язов передал В.Кадиевичу слова М.С.Горбачева, что СССР может оказать Югославии только дипломатическую помощь. Запад очень боялся вмешательства Москвы в кризис на Балканах и пытался влиять на позицию официальных кругов СССР. Руководству Югославии стало известно, что на недавней встрече высших должностных лиц НАТО и СССР натовцы предупредили русских, чтобы те не вдумали оказывать материальную или идеологическую поддержку ЮНА: в этом слу

НАТО будет реагировать «решительно и со всей силой» (71, с.342). 12 июля МИД СССР посетил посол США в Москве Реймонд Смит и ознакомил министра с американской оценкой деятельности ЮНА на территории Хорватии. ЮНА, по его словам, заменяла офицерские кадры хорватской и мусульманской национальности на сербов, концентрировала силы в Хорватии, готовилась применить силу. Поэтому США готовы «принять дополнительные меры», чтобы «отрезвить югославский генералитет» (71, с.366). Посол предложил руководству СССР сотрудничество по вопросу югославского кризиса, считая их взгляды идентичными. В советском МИДе не разделяли опасений США, полагая, что посол может располагать и дезинформацией. Однако влияние США на внешнеполитическое ведомство СССР все же начинало давать конкретные результаты. Советский Союз, хотя формально и не присоединился, но практически прекратил поставки в Югославию вооружения и боевой техники после того, как ряд стран, включая США и Германию, наложили эмбарго на поставки оружия в этот регион. МИД сделал об этом специальное заявление 19 сентября 1991 г. (47, с.63). А 25 сентября 1991 г. Россия проголосовала в СБ ООН за Резолюцию № 713 о запрещении ввоза оружия в Югославию.

В июле в СФРЮ был направлен специальный представитель Президента СССР, первый заместитель министра иностранных дел СССР Ю.А.Квицинский, посетивший Белград, Словению и Хорватию. По возвращении в Москву, он поделился своими впечатлениями с заместителем министра иностранных дел СФРЮ М.Максимем. По его мнению, последний шанс сохранить Югославию пропущен, и нет такой силы, которая могла бы это осуществить. Ю.А.Квицинский подчеркнул, что развитие событий уже не подлежит контролю (71, с.369). Это был симптом начавшегося изменения позиции руководства СССР, хотя официальная позиция по сохранению целостности страны еще продолжала оставаться неизменной. В заявлении советского правительства от 2 августа 1991 г. международному сообществу даже давалось понять, что следует делать различие между «оказанием добрых услуг» и «вмешательством во внутренние дела», которое неприемлемо ни с точки зрения международного права, ни с точки зрения возможных последствий (47, с.61). Однако новые тенденции в позиции СССР, озвученные Ю.А.Квицинским, что «в глобальной политике для СССР абсолютный приоритет имеют отношения с США, а затем с Западной Европой, и в этих рамках особенно с Германией», а «все остальное подчинено этим приоритетам», к осени 1991 г. проявились уже более определенно (71, с.368). В совместном заявлении СССР, США и ЕС 18 октября ни слова не говорилось о сохранении территориальной целостности Югославии (47, с.64–65).

В целом позиция СССР по югославскому кризису в этот период была сдержанной и скорее созерцательной, несмотря на призывы югославской стороны выступить посредником в урегулировании конфликта. Поэтому некоторые надежды породило приглашение М.С.Горбачевым в октябре 1991 г. лидеров Сербии и Хорватии в Москву с целью оказать помощь в разрешении югославского кризиса. Подписанное М.С.Горбачевым, Ф.Туджманом и С.Милошевичем совместное Коммюнике, хотя и выдало осторожный оптимизм, однако не имело вследствие своей неконструктивности практического значения для конфликтующих сторон.

Занимая как бы нейтральную позицию и не желая разбираться в том, кто правый, кто виноватый в конфликте на территории СФРЮ, руководство СССР делало заявления наиболее общего характера. К осени 1991 г. во время активных боев в

Хорватии СССР стал склоняться к тому, что ЮНА является основной виновницей происходящих в Хорватии событий. 7 октября в полночь послы СССР в Югославию по указанию Президента СССР было направлено указание МИД незамедлительно передать руководству СФРЮ и Югославской народной армии обращение, в котором выражалась тревога по поводу якобы готовящегося нападения на крупные промышленные центры и даже на столицу Хорватии Загреб, содержится призыв к безусловному соблюдению соглашения о прекращении огня и немедленному прекращению боевых действий (47, с. 63).

Министерство иностранных дел РСФСР существовало еще в коммунистическом правительстве, где занималось почти исключительно вопросами выезда граждан за границу, поэтому по вопросам кризиса на территории Югославию не высказывалось. В декабре 1991 г. после Беловежских соглашений министр внешних сношений СССР Э.А. Шеварднадзе одним из первых среди руководителей СССР признал Беловежские соглашения и предстоящее прекращение существования СССР. Серьезные изменения коснулись внешнеполитических ведомств. Указом Президента РСФСР «О внешнеполитической службе РСФСР» от 18 декабря 1991 года в ведение и оперативное управление МИД России переданы Министерство внешних сношений СССР, включая здания, сооружения, имущество и средства, подведомственные учебные заведения, учреждения и хозяйственные объекты, а также посольства, консульства и другие представительства за рубежом. МИД России переехал в здание на Смоленской площади, а послы СССР за рубежом стали считаться послами России. К России перешло и место СССР в Организации Объединенных Наций и Совете Безопасности.

А.В. Козырев был назначен министром иностранных дел РСФСР 11 октября 1990 г. и повторно 25 июля 1991 г. Он и остался возглавлять МИД России после декабря 1991 г. Ельцин оставил А. Козырева министром, хотя осознавал, что он — спорная фигура. Президента предупреждали, пишет он в книге, что «Козырев прозападный, Козырев проамериканец» (90, с. 213). Но Ельцин ставил задачу «создать не ни слова, а на деле модель мирной российской дипломатии», и А. Козырев с этой точки зрения его устраивал. Ельцина прельщала «молодость А. Козырева, его выдержка, его холодноватый профессионализм», умение выдерживать большие физические нагрузки (90, с. 214). В Вашингтоне министра РФ уже знали. «Светский, мягкий, безглаголивый по-английски, Козырев был опытным дипломатом и протеем Шеварднадзе», — говорили о нем историк Майкл Бешлосс и политик Струоб Тэлботт (74, с. 290). Егор Гайдар, видный экономист-реформатор, премьер-министр в 1992 г., познакомился с Андреем Владимировичем осенью 1991 г. когда вместе работали над программой действий российского правительства. А. Козырев вызвал его симпатии, и Е. Гайдар коротко охарактеризовал его: «Интеллигентный, умный парень» (75, с. 332). «Нелегкими проблемами» молодого министра Е. Гайдар считал полную неопределенность статуса МИДа России при формально сохраняющемся Союзе, когда «традиционные претензии на имперское величие находятся в разительном контрасте с реалиями государственного банкротства» (75, с. 332).

То, с какими идеями новый министр начал руководить МИДом, видно из его ответа Ричарду Никсону об интересах новой России. А. Козырев сказал, что «одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих цен-

ниях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, — попросил он Никсона, — то я буду вам очень благодарен» (102, с. 210). Такого еще мир не видывал — министр суверенной России спрашивал бывшего президента США помочь ему в определении национальных интересов России! Никсон был удивлен. Присутствовавший при разговоре американский политолог Саймс заметил: «Российский министр человек, благожелательно относящийся к Соединенным Штатам, но я не уверен, насколько он понимает характер и интересы той державы, которую представляет». Никсон тогда подчеркнул, что ради американских национальных интересов он всегда готов был «драться со всех сил», а Козырев вместо того, чтобы защищать и укреплять Россию, «хочет всем показать, какой он замечательный, приятный человек» (102, с. 211). Именно такая позиция российского министра позволила США рассматривать Россию не как партнера, а как клиента, о чем открыто говорил Збигнев Бжезинский (102, с. 211).

Второй период связан с 1992 г., временем становления политических структур и определения ориентиров внешней политики нового государства — Российской Федерации. Складывавшийся общефедеральный механизм разработки и принятия внешнеполитических решений был предельно прост. Согласно Конституции России, внешняя политика страны формулировалась президентом, а осуществлялась МИДом, однако практика была такова, что президент не принимал активного участия в выработке балканской внешнеполитической тактики (стратегия вообще отсутствовала), доверив ведение дел министру. Тот в свою очередь прекрасно пользовался этим положением и всегда умел убедить президента в необходимости тех или иных шагов. А. Козырев пользовался полным доверием президента. Это, наверное, связано с тем, что он был среди немногих, кто участвовал вместе с Б. Ельциным во встрече в Беловежской Пуще и разрабатывал документы о роспуске СССР. А. Козырев служил верно президенту России, но умело использовал в своих собственных интересах его нежелание заниматься внешней политикой.

К. Никифоров, несколько лет работавший в Кремле, отменно написал о взаимоотношениях президента и министра: «На наш взгляд, в позиции президента России было слишком много личных, субъективных моментов. Его образование и жизненный опыт были далеки от вопросов внешней политики. Он в них разбирался откровенно слабо. По свойству характера — ему претила необходимость скрупулезно вникать в детали, разбираться в дипломатических хитросплетениях. Он любил произвести эффект, опарашить каким-либо неожиданным поступком, по-провинциальному хотел понравиться, стать на дружескую ногу с лидерами ведущих стран мира. И это очень четко уловил А. Козырев, превратившийся в «любимого министра» российского президента, в «верного Андрея». Именно установлению личных отношений Б. Ельцина с иностранными лидерами, организации его приемов за границей уделял А. Козырев основное внимание. И за все это ему фактически был дан карт-бланш в сфере внешней политики. Причем, благосклонности президента А. Козырев добивался, «можно сказать запискивающе», к месту и не к месту подчеркивая, что он проводит президентскую внешнюю политику (почему не национальную, не государственную?), что дипломатом номер один является сам Б. Ельцин, что благодаря этому роль России в мире «как бы постоянно возрастает» (83, с. 120–121).

Подтверждением этого являются несколько строк, написанные президентом в своей книге о внешней политике. Он действительно пугался внешней политикой, его буквально «сводил с ума» поток «переговоров, инициатив, встречных инициатив, миротворческих планов и так далее» (90, с. 214). Представлял он себе соотношение сил в мире достаточно примитивно: с одной стороны, СССР и Запад, по его словам, «достаточно развитые цивилизации», с другой — участники межнациональных конфликтов, т.е. «малые страны» и «малые народности». Из этого президент делал вывод: «если хочешь сам жить в мире — гаси локальные конфликты». Но как это сделать? Он откровенно признается, что для него «это необычайно сложная, головоломная задача» (90, с. 214). Судя даже по этому небольшому высказыванию, очевидно, что такую упрощенную схему президенту объяснил А. Козырев, поставив Россию и весь Запад в один цивилизационный ряд. О ситуации на Балканах президент мало что знал. Его рассуждения «о слоях» подоплеку конфликта очень напоминают путаницу в голове министра. Честно говоря, даже цитировать стыдно. «Первый слой на виду: Югославия — модель Союза. Тоже клубок исторических проблем... Тоже разные люди, оказавшиеся под одной крышей. Тито — один из самых «розовых» диктаторов XX в., при нем страна просто расцвела. Но искусственно сконструированная политика не учитывала заложенных в народе конфликтов. Проблемы Югославии начались как испанная реакция на события в Советском Союзе. И тут же страну охватил пожар» (90, с. 220). Вторым слоем подоплеку конфликта президент почему-то называет отношения России с другими великими державами. Когда США и Россия договариваются о совместных действиях, пишет Б. Ельцин, то это помогает формировать общую позицию международного сообщества. «И если кто-то идет против его воли — санкции неизбежны. Такой подход в мировой политике стал возможным только сейчас, благодаря новой российской политике». Здесь уже мысли А. Козырева пересказываются почти дословно, их ни с чем не перепутаешь. И далее: «Навязывать жесткие решения — это тоже позиция, тоже линия поведения, но до какого-то предела» (90, с. 220). Где же предел в Югославии, Б. Ельцин так и не пояснил. Видимо А. Козырев боялся его обозначить, ибо где-то пришлось бы останавливаться.

Иногда, правда, президент проявлял инициативу, и тогда его точка зрения не совпадала с точкой зрения министра — вспомним его заявления о необходимости признать Македонию, о неприсоединении к НАТО, об осуждении воздушных бомбардировок сербских позиций. В этом случае А. Козыреву приходилось лавировать, чтобы вернуть на прежние рельсы слегка изменившийся курс. Надо сказать, что ему почти всегда это удавалось.

Постепенно власть по решению внешнеполитических проблем все больше концентрировалась в руках министра иностранных дел. И многое зависело от его взглядов, позиций, убеждений.

При А. Козыреве не существовало научно обоснованной внешнеполитической концепции нового российского государства, и поэтому политика отдельных направлений складывалась достаточно спонтанно. Именно так случилось и с балканской политикой России. «Балканская проблема» возникла тогда, когда в стране преобладал антикоммунистический пафос, когда отрицались все элементы внешней политики коммунистического прошлого, включая сферы влияния, когда были отвергнуты все союзники бывшего СССР, впрочем, не стало и противников. Европа и США прельщались идеалами демократии, экономического благополучия. Поэтому Россия

«...мысли новых политиков, называвших себя демократами, должна стать частью Европы, забыв о своей «неевропейской» политике предшествующего времени. «Балканская проблема» возникла тогда, когда молодая дипломатия отрицала национальный элемент в строящейся системе международных отношений и налаживала дружеские отношения с лидерами западных стран, стремясь не противоречить и не конфликтовать. А. Козырев провозгласил, что Россия должна стремиться войти «в качестве великой державы в семью наиболее передовых демократических государств... в так называемое западное общество. Это столь же естественные союзники демократической России, как и заклятые враги тоталитарной системы...» (26, с. 4).

С начала 1992 г. Россия резко изменила свою оценку событий в Югославии, признала факт распада федерации. Выступая на открытии Хельсинкской встречи СБСЕ, А. Козырев уже позволил себе усомниться в обязательности принципа невмешательства во внутренние дела, когда речь идет о правах национальных меньшинств (47, с. 69). Однако в этот период Россия, находясь на начальном этапе формирования своей внешней политики, в непосредственном урегулировании кризиса на Балканах участия не принимала. Ее главной задачей было продемонстрировать Западу приверженность так называемым демократическим принципам, чтобы потом быть допущенной в более узкий круг принимающих или исполняющих решения. Москва выражала свою позицию через заявления, обращения, выступления политических руководителей страны на международных форумах. Пока шла проверка Москвы на дожность, западные страны строили свою систему взаимоотношений с бывшими республиками Югославии.

Главным событием и яркой характеристикой этого периода является *позиция России по вопросу введения санкций против Югославии*.

О том, что Россия поставит свою подпись под Резолюцией № 757 30 мая 1992 г., не знал ни Верховный Совет, ни его руководители, ни правительство. Как подчеркивал позже А. Козырев, у него было только полчаса на консультации после получения известной телеграммы от Ю. Воронцова из Нью-Йорка. Доложив президенту, министр не намеревался ставить еще кого-либо в известность, ссылаясь на нехватку времени. Однако этот аргумент не выдерживает критики, поскольку вопрос обсуждался в течение долгого времени и, как сам министр признавался позднее, «мы на месяц оттянули принятие санкций против Белграда, т.е. против Югославии» (47, с. 84).

Телеграмму от Ю. Воронцова А. Козырев получил 29 мая 1992 г. в 11.50 утра. Ю. Воронцов писал, что представители США, Англии и Франции ознакомили его 28 мая с подготовленным проектом резолюции СБ, предусматривающим установление санкций против СРЮ в связи с невыполнением ею требований о прекращении вооруженного конфликта в Боснии и Герцеговине и выводе оттуда частей ЮНА. Представитель России поставил вопрос, почему санкции обращены против Белграда, указал на участие в боевых действиях элементов хорватской армии, высказал соображения о поэтапном введении санкций, подчеркнул желательность сохранения контактов с Белградом. Полученные от соавторов ответы о необходимости принятия скорейших мер, об ответственности только Белграда за все, что происходит в Боснии и Герцеговине, о стремлении добиться коренного изменения ситуации, поскольку переговоры не дают результатов, убедили Ю. Воронцова в правильности предпринимаемых решительных шагов. Убедительными для него были и аргументы, что санкции — единственная мера, способная повлиять на отноше-

ние сербского народа к своему руководству, что уже опасной становится тенденция «придания конфликту межрегиональной окраски в связи с распространяющимися тенденциями связывать с этими факторами сочувствие России «православной Сербии» (56; 66, с. 63–66). Точка зрения самого Воронцова к тому времени была сформирована. Ему представлялось «целесообразным не возражать против предлагаемого проекта резолюции в целом и проголосовать за него», «не противопоставлять себя в этом вопросе западноевропейским странам и США» (56).

В списке лиц, которым предназначалась телеграмма, стояло 37 фамилий, среди которых были и президент, и вице-президент А. Руцкой, и все высшие чины Верховного Совета — Хасбулатов, Бурбулис, Гайдар и другие, а также силовых структур. Среди них был и председатель Комитета ВС по международным делам и внешнеэкономическим связям Е. А. Амбарцумов. Это была пятница, рабочий день. Но А. Козырев никого не познакомил с теми вопросами, которые были поставлены Ю. Воронцовым в депеше перед ответственными людьми России, и принял такое важное решение самостоятельно, вероятно, лишь известив президента. У самого президента этот факт никак не запечатлелся. В книге воспоминаний «Записки президента» в разделе «Хроника событий», которую вел первый помощник Виктор Илюшин, записывая «каждый день президента, расписанный по часам и минутам, анализ каждого дня», дни 29 и 30 мая вообще не нашли отражения (90, с. 230).

А. Козырев срочно ответил Ю. Воронцову: «МИД считает целесообразным согласиться с предложением представительства и, если не поступит других указаний, проголосуем завтра за резолюцию» (56). А. Козырев предпринял все, чтобы исключить возможность дискуссий и «других указаний». При этом он сделал циничную приписку о том, какое заявление должен сделать МИД, чтобы разъяснить народу свою позицию — не концентрироваться на санкциях, а говорить об ответственности СБ за урегулирование политического кризиса, подчеркнуть, что Россия сделала намного больше других стран для поддержки Сербии, но ее терпению пришел конец (56). Именно с этого времени цинизм стал главной характеристикой деятельности МИДа на балканском направлении — действия стали расходиться со словами; для российской, югославской и западной общественности делались разные заявления; за пустословием министра не стояли серьезные наработки, постоянно заявлялось о помощи сербам, в то время как сама политика была открыто антисербской. Отправляя ответ на телеграмму Ю. Воронцова, А. Козырев в тот же день говорил корреспонденту «Известий», что «мы сделали все возможное, чтобы помочь нашим друзьям в Сербии и других республиках, чтобы найти выход из кризиса». Но в Сербии не слушают его «дружеских советов», а «понимают только язык диктата». Он пообещал сербам «говорить с ними другим языком», имея в виду санкции, вернее, оправдывая свою готовность поддержать санкции и даже «международное вооруженное вмешательство». А. Козырев уже тогда начал, еще мягкую, политику шантажа — пообещал Югославии поддержку в СБСЕ и ООН, если С. Милошевич «выйдет из игры» (61). Скоро это станет основной тактикой министра — обещать Белграду поддержку в обмен на уступки, но свои обещания не выполнять, поддержку не оказывать. И хотя позиция МИДа была далека от объективности, ее представители постоянно боялись, что ее могут интерпретировать как «просербскую» или «антимусульманскую».

А. Козырев сделал так, как и сообщил Ю. Воронцову. Уже 30 мая появилось Заявление правительства России, которое начиналось со слов, что «Россия делает все, чтобы укрепить традиционные узы дружбы и сотрудничества с югославскими народами, вернуть мир на их землю, гарантировать их свободу и независимость» (7, с. 71). О санкциях упоминалось вскользь — Белград сам на себя навлек санкции, так как не прислушался к добрым советам. И ничего о самих мерах, ставивших нацию в тяжелейшие условия.

Российский парламент не сразу отреагировал на действия МИД. 5 июня на совместном заседании палат парламентарии проголосовали против того, чтобы введение моратория на санкции России по отношению к Югославии был включен в повестку дня (67). Вопрос предложили проработать в комитетах и комиссиях.

Меня пригласили в качестве эксперта на заседание Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям ВС, где рассматривался вопрос, почему Россия присоединилась к санкциям. Вел заседание Е. А. Амбарцумов, главным гостем был А. Козырев, который давал депутатам отчет о своих действиях. Заседание было строго закрытым, записи делать не разрешалось. Поэтому по памяти воспроизведу несколько любопытных моментов. А. Козырев пытался объяснить, почему Россия присоединилась к санкциям, говорил, что у него не было времени на обсуждение вопроса в парламенте. Говорил многословно, но без серьезных аргументов. Звучали его рассуждения о том, что терпение России лопнуло, что Белград не хочет слушать добрых советов, что он дискредитировал себя, что нельзя себя противопоставлять всему миру, что Россия, как великая держава, не может оставаться в стороне от активности ведущих стран мира, а должна поддерживать их, своим единством укрепила роль Совета Безопасности, что тактика МИДа приносит успех, что нельзя вставать в оппозицию Совету Безопасности, поскольку это бы поставило под удар отношения России с Западом. Меня тогда удивила и одновременно обрадовала реакция депутатов — они возмущались позившей министра, делали реплики и замечания даже во время его выступления. Депутат космонавт В. И. Севастьянов крикнул тогда громко и неожиданно резко: «Вы разбили хрустальный сосуд!». «Какой?», — недоуменно спросил А. Козырев, прервав свою речь. Ответ был прост: «Вековой дружбы между сербским и русским народом!».

Удивляло то, что депутаты, избранные в ВС из разных уголков огромной страны, владели вопросом, знали об исторических связях России и Сербии, остро чувствовали несправедливость по отношению к Югославии, о которой тогда вообще мало сообщалось в российской печати. Чтобы укрепить свои позиции, министр привел, на его взгляд, последние убедительные аргументы. «Не пойму, почему вы все время говорите о православной Сербии, и не вспоминаете другие православные страны?», — резко бросил он в зал. «Какие?», — удивились депутаты. «Ну, например, Словению», — ответил министр. В зале раздался дружный смех.¹ Но А. Козырев не понял, почему депутаты развеселились. Министр иностранных дел великой России не утруждал себя сведениями о регионе, о событиях, которые там происходили, был поверхностен в своих познаниях, путал географические названия, например, Славонию и Словению, даты, имена. Второй аргумент был еще более интересным. «Россия, как и весь мир, не могла терпеть,

¹ Большинство населения Словении — католики.

когда Югославская армия обстреливала Дубровник, памятник мировой культуры, город-музей, всемирно известный город в Боснии и Герцеговине». В зале снова раздался смех. Но министр и в этот раз не понимал, почему его слова вызывают смех. Чувствовалось, что он раздражен тем, что вынужден объяснять свою позицию, искать аргументы, но общи отвлекаться на Балканы в тот момент, когда он уже осуществляет план вхождения России в дружную семью западных стран.

Верховный Совет собрался 26 июня 1992 г. и заслушал невнятные объяснения министра по поводу его позиции в югославском вопросе. «К сожалению, югославское руководство не нашло в себе сил для того, чтобы правильно отреагировать на ставший неизбежным процесс распада Югославии», — говорил министр. По его мнению, санкции — «единственный инструмент, который имеется у международного сообщества» (47, с.86). Он выразил уверенность, что санкции «произведут отвращающее воздействие на белградское руководство», стимулировали действие оппозиции, обещал их смягчение в случае выполнения Белградом рекомендаций (47, с.85). В его выступлении было много пустых слов, которые должны были смягчить позицию депутатов — о возможности уменьшения санкций, об объективности международных организаций, о возможности применения санкций не только в Белграду, «о конструктивных шагах», о защите сербов как национального меньшинства.

В выступлениях депутатов звучали слова осуждения большинства шагов внешнеполитического ведомства — поспешность признания Хорватии, БИГ, «поспешность при принятии санкций», односторонность в отношении конфликтующих сторон, нежелание сотрудничать с Верховным Советом (47, с.92). Депутаты проявили хорошее знание истории, ситуации на Балканах, понимание серьезности момента, высказали много упреков в адрес министра. В выступлениях депутатов постоянно звучала ответственность за происходящие на Балканах события. Как сказал один из выступавших, «это — наша история, от нее никуда не уйдешь. И виноватый брат братом остается всегда, и то, что виноватого брата мы бросаем сейчас в беду, чего не было никогда в истории России и Сербии, это очень плохо. Не будет нас с вами, не будет Козырева, не будет Ельцина, а вот это пятно на России, к сожалению, останется» (47, с.97). Депутаты выказывали недоверие министру, ставили требования к МИДу проводить внешнюю политику в интересах русского народа, предлагали незамедлительно ввести мораторий на осуществление санкций Россией. В проекте постановления так и стояло: «Рассмотреть возможность моратория на санкции против Югославии или их осуждения с тем, чтобы использовать эту возможность в целях активизации мирного урегулирования» (47, с.107). И хотя депутаты протестовали за эту формулировку, в окончательном варианте она была заменена на более осторожное требование «изучить возможность постановки в Совете Безопасности ООН вопроса о сокращении объема санкций в отношении Союзной Республики Югославии» (47, с.111). В Постановлении рекомендовалось МИД придерживаться сбалансированного подхода ко всем сторонам конфликта.

МИД усмотрел в Постановлении ни много ни мало противопоставление воле международного сообщества и прямое нарушение Устава ООН. С этого времени

¹ Дубровник находится в Хорватии.

МИД рассматривал все действия ВС как противовес официальной политике, как попытку внести непропорциональные коррективы во внешнеполитический курс страны. С этой целью времени нашлось противостояние парламента и МИДа по югославскому вопросу, временами перераставшее в острую политическую борьбу.

В Белграде тяжело восприняли весть о том, что Россия поставила свою подпись под санкциями, расценивая этот акт как предательство. Но многие пытались все-таки оправдывать действия российского руководства тяжелым экономическим положением «старшего брата» и необходимостью получить обещанные кредиты. Сербия была, к сожалению, права, когда говорила, что нам этих денег сразу не дадут, а будут использовать их лишь как приманку для привлечения России на свою сторону в балканской политике.

Несмотря на четко изложенную позицию парламента, Президент РФ подписал 14 июля Распоряжение о «замораживании» отношений с Союзной Республикой Югославией. 17 июля Постоянное представительство РФ при ООН проинформировало Генерального секретаря о выполнении Резолюции № 757 по всем направлениям: приостанавливались экспорт в Россию товаров из СРЮ и обратно, научно-техническое сотрудничество, культурные обмены, официальные визиты, накладывался запрет на перечисление финансовых средств в СРЮ, понижался уровень персонала посольства СРЮ в Москве (80).

Для понимания роли А.Козырева в судьбе России и Югославии интересен документ, опубликованный в газете «Правда-5». Это «Запись основного содержания беседы А.Козырева с госсекретарем США Дж.Бейксом» от 9 июня 1992 г. Речь в ней не шла о Югославии, но беседа интересна с точки зрения отношений, которые существовали между присутствующими, и позиции российского министра. В ходе беседы, подчеркивает автор статьи, представители России «втayne от своего народа», игнорируя мнения специалистов ВПК¹, Генерального штаба, ГРУ² и Службы внешней разведки, договаривались с основным вероятным противником об уничтожении плодов многолетних усилий своего народа — своих лучших, межконтинентальных баллистических ракет (86). «Перед нами акт государственной измены», — считает автор, делая вывод о том, что американцы торопились разоружить Россию. Договор СНВ-2 был полностью в интересах США, а А.Козырев обещал, что «поддается этот вариант отстоять». Взамен он просил: «Помогите России стать демократическим государством — и тогда очень многое станет возможным», и предупредил: «Не говорите вслух то, что я сейчас вам сказал, на данном этапе это опасно» (86).

В ноябре 1992 г. министр еще больше укрепил свое влияние, получив от Президента полномочия координатора в вопросах внешней политики. 8 ноября 1992 г. распоряжением Президента № 663-рп «Об обеспечении единой политической линии Российской Федерации в международных отношениях» была установлена координирующая роль МИД по обеспечению единой политической линии РФ, включая, в первую очередь, внешнеполитическую деятельность Президента РФ. Обязательному согласованию с МИДом подлежали проекты договоров и соглашений, заключаемых от имени РФ или ее правительства, а также межведомственные протоко-

¹ Военно-промышленный комплекс.

² Главное разведывательное управление.

лы, если они касались внешнеполитических вопросов или принципиальных направлений межгосударственных отношений. Это позволяло министру, ссылаясь на исполнение воли президента, уклоняться от сотрудничества с Верховным Советом.

МИД старался не обращать внимания на постановления Верховного Совета, последний с невероятным упорством вновь и вновь возвращался к балканской теме. В парламенте эта проблема обсуждалась и в депутатских группах, и в Комитетах и Комиссиях. Дискуссии депутатов были острыми, не все точки зрения совпадали. Но Руслан Хасбулатов, председатель Верховного Совета РФ, чеченец по национальности, умело руководил словесными баталиями. От него много зависело, какое решение примет парламент по югославской проблеме. Он не был простой фигурой. Прекрасную характеристику ему дал Егор Гайдар: «У Хасбулатова, как политического деятеля, было два безусловно сильных качества. Это — прекрасное понимание аппаратной интриги и умение манипулировать людьми. Я с чувством, близким к восхищению, следил за тем, как жестко распределяя блага, чередуя кнут и пряник, играя на слабостях депутатов, на их мелких интересах, он день за днем укреплял свой контроль над Верховным Советом. ...Как искусно он пользовался силой аппарата для принятия нужных ему решений. Он как будто кожей чувствовал зал, понимал, когда он возбужден и когда, используя это возбуждение, можно провести стремительное голосование, а когда, наоборот, надо дать выговориться, замочить вопрос, утопить его в словопрениях» (75, с. 171–172). Часто только благодаря Р. Хасбулатову формулировки постановлений по Югославии приобретали сглаженный вид. Вот пример того, как обсуждался проект резолюции по Югославии в ВС 17 декабря 1992 г. Сначала первый заместитель министра иностранных дел А. Л. Адамишин попросил снять из постановления слова о применении права вето в случае вооруженной интервенции на территорию Югославии, поскольку «это может выглядеть как поддержка экстремистских сил в Югославии», и о применении одинаковых санкций против всех трех сторон, заменив их словами о смягчении санкций в отношении СРЮ. Депутаты в большинстве своем критиковали А. Л. Адамишина, спорили целый день по поводу формулировок. Р. Хасбулатов всегда комментировал выступления депутатов, используя такие выражения, как: «не надо опасных решений принимать», присутствует «элемент шантажа по применению права вето, это слишком сурово в международных делах, а это тонкая материя», «надо все-таки принять, но чтобы ошибок не сделать». Он резко выступил против проведения в Москве конференции по бывшей Югославии, а во время голосования по этому пункту не сдержался: «Слава Богу, хоть это убирается». Удалось ему и заменить формулировку о снятии санкций с СРЮ. Во время голосования он говорил в микрофон: «Не надо «за», хватит того, что мы оставили, вполне, не надо «за». Мы не можем жить в промежутках между яростью» (47, с. 130–142). В результате Постановление рекомендовало внешнеполитическому ведомству «принять меры для предотвращения военного вмешательства и дальнейшей эскалации конфликта на территории бывшей СФРЮ. С этой целью продолжить работу с постоянными членами Совета Безопасности ООН, не исключая, в случае крайней необходимости применения права вето; поставить в СБ вопрос о применении одинаковых санкций в отношении всех сторон, ответственных за продолжение конфликта и кровопролития, и не допустить снятия эмбарго на военные поставки». Правительству поручалось

в двухнедельный срок решить вопрос о возобновлении поставок в СРЮ, носящих гуманитарный характер (47, с. 144). Несмотря на серьезные споры, Верховный Совет держал балканский вопрос под постоянным контролем, а А. Козырев упорно не замечал его деятельности.

Таким образом, в середине 1992 г. отчетливо обозначилось противоречие между исполнительной и представительной властями в сфере внешней политики.

Огромные усилия приходилось прилагать отдельным депутатам или кому-то из окружения Президента, чтобы попытаться вмешаться в деятельность МИДа. Так, например, удалось доказать Б.Н. Ельцину необходимость участия в работе Лондонской конференции (август 1992 г.) наряду с министром А.В. Козыревым и председателем парламентского Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям Верховного Совета Е.А. Амбарцумова. Именно он убедил организаторов конференции, что в Лондоне должны быть представлены руководители всех республик бывшей СФРЮ, включая и представителей СРЮ, а также избежать принятия документа о применении силы для решения проблем Боснии и Герцеговины. Выступая в Страсбурге на 44-й сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Е.А. Амбарцумов подчеркивал: «Нужно преодолеть перекос в мировом общественном мнении в отношении якобы односторонней ответственности сербов за эти конфликты... Надо учитывать, что немалая часть ответственности ложится и на другие воюющие стороны... Было бы предпочтительным способствовать дальнейшей демократической эволюции в Югославии, вместо того, чтобы загонять ее в гетто» (20).

МИД РФ во второй половине 1992 г. активно поддерживал все решения СБ, всерьез подчеркивая «их взвешенный, сбалансированный характер и четко очерченную гуманитарную направленность», выступал за «энергичные, а при необходимости — жесткие меры воздействия», согласился с сентябрьским решением ООН о прекращении существования Социалистической Федеративной Республики Югославии и необходимости для СРЮ подавать заявление о вступлении в ООН, одобрил решение о временном неучастии СРЮ в работе Генассамблеи, считая это большим достижением российской дипломатии, воспротивившейся исключению Югославии из ООН (47, с. 116–122). Как писали тогда российские газеты, Москва заключила «двухстороннее соглашение» с другими членами Совета Безопасности, пообещав проголосовать за Резолюцию 777, а США, Франция и Великобритания в свою очередь обязались не ставить вето на предложение о приеме СРЮ в ООН, если Югославия подаст новое заявление о приеме в ООН до 20-х чисел декабря 1992 г. При этом текст выступления российского представителя в СБ Юлия Воронцова «Независимая газета» охарактеризовала как «любопытный образчик политической казуистики. Россия постаралась обставить свое решение целым рядом оговорок и таким образом максимально подсластить пилюлю, которую должен был проглотить премьер-министр СРЮ Милан Панич» (49).

Этим решением были значительно сужены возможности югославской дипломатии, а канал коммуникации Белграда с ООН начал действовать в одном направлении. В этом случае ее интересы должна была бы представлять какая-нибудь страна. Но Россия, единственная годившаяся на эту роль, от нее отказалась. А Козырев фактически поддержал бесправие Югославии перед международными организациями. Не оказывая помощь населению Сербии и Черногории, А. Козырев подчерки-

вал, что Россия «стремится оказывать помощь и населению других бывших югославских республик», приняла «меры по развитию взаимодействия с новыми государствами, с близкими нам народами южных славян», учредив посольства РФ в Словении и Хорватии, обсуждая соглашения об экономическом сотрудничестве с ними, а также с Македонией, Боснией и Герцеговиной (47, с. 123).

Россия не смогла предотвратить исключение Югославии из СБСЕ, доказать контрпродуктивность постановки вопроса об изоляции Югославии от международных организаций. Югославии пришлось самой заявить о своем неучастии в СБСЕ в связи «с необъективным и предвзятым отношением большинства участников СБСЕ к СРЮ».

Серьезной ошибкой российского МИДа было то, что он начал связывать свое участие в урегулировании югославского кризиса с системой власти в Югославии, требуя ухода «национал-большевиков» и их лидера С. Милошевича, мечтая о победе так называемых конструктивных сил. Позиция была очень удобной — этим можно было оправдать свою пассивность, а также продемонстрировать «демократизм». Неудачливость такой позиции проявилась уже в декабре 1992 г. после очередной победы С. Милошевича на парламентских выборах, когда МИД вынужден был сменить линию поведения. Как заявил замминистра иностранных дел В. И. Чуркин, неожиданные результаты выборов не стали «трагедией» для министерства, «не означали полную блокировку возможности политического урегулирования» в бывшей СФРЮ. А А. Козырев, не смущаясь, заявил, что не оправдались страхи Запада, связанные с тем, что имя С. Милошевича является синонимом войны (47, с. 171). Пришлось нашим дипломатам работать и вести переговоры с С. Милошевичем.

После присоединения России к Резолюции ООН о введении санкций против Югославии и разразившегося скандала в Верховном Совете, на российской политической сцене начинают активную роль играть и другие факторы, которые пытались или корректировать, или каким-либо образом повлиять на осуществление балканской политики Москвы. Среди них — средства массовой информации, ученые-слависты, общественное мнение.

Начиная с июня 1992 г., взаимозависимость большинства этих факторов становилась все более тесной, они начали выступать с серьезной критикой официального курса. Несмотря на это, доминирующим в выработке балканской политики все-таки остался МИД, хотя ему постоянно приходится ощущать за своей спиной огромное недовольство российской общественности.

Когда разразился балканский кризис, средства массовой информации не были готовы к тому, чтобы сразу давать широкую и объективную информацию о Балканах. Тому было много причин. Слабое финансовое положение вынуждало закрывать иностранные корреспонденты, многие газеты не имели специалистов по этому региону, так как восточно-европейская тематика до этого не была популярна в ряду международных новостей. Поэтому первая информация из горячих балканских точек перепечатывалась из западных информационных агентств, а на телевидении шли комментарии западных телевизионных станций.

В средствах массовой информации начинала складываться опасная ситуация, когда полуправда или заведомая ложь входили в каждый дом и влияли на складывающееся общественное мнение. Это осознали в первую очередь ученые-югослависты, долгие годы занимавшиеся Югославией и хорошо знающие страну, ее обычаи, историю, культуру.

Следует отметить, что Россия располагает самой многочисленной и квалифицированной школой славистов в мире. Каждый год различные факультеты 20 университетов страны выпускают специалистов по истории, экономике, географии, культуре, дипломатии славянских стран Восточной Европы. В Москве в рамках Академии наук 50 лет существует Институт славяноведения и балканистики, располагающий высококвалифицированными научными кадрами. Кузницей кадров по современным проблемам славянских стран был Институт экономики мировой социалистической системы, позже ставший Институтом международных экономических и политических исследований. Во всех гуманитарных исследовательских институтах Академии наук, во многих университетах работали и работают специалисты по славянским странам, включая Югославию.

Поэтому нашей первой реакцией на возникшую ситуацию в Югославии были многочисленные круглые столы, семинары, ситуационные анализы, конференции, симпозиумы, на которых происходил не только обмен информацией, но и выкрикивались позиции, делались прогнозы. Доступны нам были и выступления по радио. Уже 4 июня появилось первое обращение российских ученых к Верховному Совету, которое подписали 13 югославистов, а 16 июня российские историки, среди которых были академики П. Волобуев, Ю. Писарев, Р. Иванов, О. Ржепшевский, В. Куманев (всего более 22 фамилий), выступили с обращением к югославским коллегам, в котором подчеркнули, что считают трагической ошибкой присоединение России к несправедливым санкциям. Обращения ученых к властным структурам подписывали также такие выдающиеся деятели науки, как академики Д. Лихачев, Б. Рыбаков, директор Института славяноведения и балканистики профессор В. Волков. Они справедливо отметили, что «политика России в отношении югославского кризиса — это своеобразный тест на зрелость руководства ее дипломатии, на понимание им российских интересов. Вот почему она нуждается в серьезной корректировке» (47, с. 393).

Затем, когда ситуация в средствах массовой информации стала критической, ученые стали пытаться «прорваться» на страницы газет и журналов, заменив на некоторое время отсутствующих квалифицированных журналистов. Но в условиях политического хаоса, когда поддержка политики президента понималась как необходимость единства точек зрения по вопросам внешней политики в печати, сделать это было крайне трудно. Они пытались разобраться в событиях, скорректировать складывавшееся общественное мнение, вводили в оборот новые факты и данные, замалчивавшиеся западными СМИ. Так, появились первые статьи П. Волобуева, Л. Тягушенко, В. Волкова, Е. Гуськовой, Е. Елисейевой в центральных московских газетах. За этими именами — поддержка многих ученых и специалистов. По своему опыту знаю, как трудно было поместить статью в газете, когда твоя точка зрения отличалась от официальной. Редакторы не хотели публиковать, например, данные о геноциде над сербским населением в Западной Славонии в 1991 г., список лагерей для сербов в Хорватии, БилГ. Тем не менее первые статьи ученых 1992 г. прорвали информационную блокаду, показывая и другой, нежели официальный, взгляд на балканский кризис, будоражили общественное мнение, поскольку были аналитически весомы, аргументированны и квалифицированы, будили сознание тех, кто сомневался в правдивости газетных новостей, кто хотел разобраться в происходившем. Я много выступала с лекциями по стране и заметила, что даже в очень отдаленных районах Си-

бири, Урала, куда и центральная печать доходила с трудом, люди жадно ловили каждое слово, сказанное или написанное о Югославии, испытывая огромный информационный голод. Но в целом они события понимали совсем не так, как им преподносили газеты и телевидение. Это доказала реакция российской общественности на присоединение России к санкциям против Югославии.

Средства массовой информации, пожалуй, больше других набирались опыта, знаний по балканской проблеме, учились самостоятельности мышления и независимости от властных структур. Забегая вперед, скажем, что, начиная с 1994 г., балканская тема стала привычной для газет и журналов. Однако газеты в целом выдерживали официальное направление в освещении событий на территории бывшей Югославии.

Тогда, в 1992 г., многим ученым было ясно, что ситуация на Балканах слишком серьезна. Речь шла о принципах и критериях использования межнациональных конфликтов в своих интересах, новых подходах мирового сообщества к проблеме распада многонациональных государств. В условиях несовершенства международного права по этим вопросам любая ошибка или поспешность в принятии решения могли привести, да и вели лишь к ухудшению ситуации. Исследования балканской проблематики привели к быстрой подготовке в 1993 г. двух сборников документов по югославскому кризису — «Югославия в огне» и «Югославский кризис и Россия» (46; 47), в которых через документы объективно показан генезис кризиса на Балканах. Публикация новых документов, их систематизация и анализ позволили по-новому взглянуть на балканские события, а ученым открыто заявить о своей позиции. В Институте славяноведения и балканистики был создан Центр по изучению современного балканского кризиса. Таким образом, ученые постепенно становились фактором, который нельзя было игнорировать.

Кризис на Балканах фактически расколол российское общество на два лагеря — условно говоря, патриотов и «западников», которых В.Лукин характеризовал как «страдающих романтическим мазохизмом, застывших в умиленном поцелуе с Америкой» (32).

В этих условиях МИДу приходилось защищать свою точку зрения самому, поскольку ученые сразу заняли иную позицию¹. А.Козырев даже написал несколько статей — «На чьей стороне Россия в югославском конфликте?», «Преобразования или кафкианская метаморфоза»: Демократическая внешняя политика России и ее приоритеты», давал многочисленные интервью различным средствам массовой информации. С оппонентами он разбирался просто — навешивал на них ярлыки, полагая, наверное, что они вызовут негативные ассоциации, называл их «национал-большевиками», «национал-демократами», «национал-патриотами», которых характеризует «односторонность, национал-патриотизм с квасным, славянско-православным, как, впрочем, и тюркско-мусульманским, душком» (26, с.4).

Отличительной чертой политической тактики министра, который, по меткому выражению газеты «Известия», боролся за «образ молодого интеллектуала западной культуры», стала внешняя непоследовательность с плохо скрываемой внутренней прозападной направленностью (33, с.3). Воспитанный как «западник», А.Козы-

¹ Позже несколько ученых поддержали позицию министра. Среди них специалист по Румынии А.Язькова, албанист Н.Смирнова, югослависты П.Кандель, В.Каменецкий.

рев не был готов столкнуться с балканской проблемой, мешавшей ему вести страну в новому светлому будущему по «западному» образцу. Он удивлялся росту интересу россиян к событиям на Балканах, «прославянским» настроениям российского общества и нежеланию русского человека сразу и окончательно быть заключенным в широкие западные объятия. Внешнюю политику России под руководством А. Козырева характеризовали несамостоятельность, игнорирование национальных интересов России, ошибочность оценок глобальных изменений, происходящих в мире, места России в системе международных отношений, из чего проистекали несоследовательность, пассивность, несоответствие слов и дел, желание выполнить все поручения США. Е. Гайдар подметил, что «главной слабостью Андрея Козырева на посту министра иностранных дел... было то, что он очень хотел быть министром иностранных дел», что грозило ему превратиться «в зависимого исполнителя чужой воли» (75, с. 333). Чтобы остаться министром, А. Козырев сделал все для получения поддержки своей персоны западными странами. «Чужая воля» была вполне персонафицирована.

Вот несколько документов, опубликованных оппозиционной газетой «День», раскрывающих характер взаимоотношений А. Козырева и внешнеполитических структур США, которые не только находились в постоянном контакте с министром РФ, но и контролировали его деятельность. 11 апреля 1992 г. госсекретарь США Джеймс А. Бейкер во время телефонного разговора с А. Козыревым высказал просьбу о срочном признании Боснии и Герцеговины. Министр в тот же день дает распоряжение Б. Л. Колоколову и А. И. Глухову «срочно подготовить записку по вопросу о признании Боснии и Герцеговины» (70, с. 1). Вопрос даже не обсуждался. Перед поездкой в Югославию накануне принятия санкций в мае 1992 г. А. Козырев направил Бейкеру письмо, в котором подробно изложил все детали предстоящего визита, и получил 18 мая благодарность от госсекретаря США: «Андрей, благодарю Вас за послание, касающееся Вашего предстоящего визита в Белград, Загреб, Любляну и Сопье. Ценю, что Вы заранее информировали меня о том, что Вы намерены делать в каждом из пунктов Вашей поездки» (70, с. 2). Далее А. Козыреву дают точные ориентиры по расстановке политических сил на Балканах: «Сербия несет гораздо большую ответственность за этот конфликт, чем кто-либо», поскольку стремится «создать Великую Сербию». И затем А. Козырев получает от Бейкера указания: «Вы должны сказать С. Милошевичу, что придет время расплаты — с каждым днем репутация Сербии наносится все больший урон и ее нескоро удастся восстановить. Я надеюсь, что Вы также сможете ясно заявить ему, что Россия со своей стороны будет действовать, чтобы получить от Белграда плату за продолжение вызывающих возмущение действий¹... Вы можете сказать ему, что Вам известно, что терпение США истощилось». Бейкер предлагал российскому министру передать сербам «пакет жестких требований» от США и дать от имени Москвы «аналогично жесткое заявление» (70, с. 2). Указания были получены и исправно исполнены. После того, как достаточно спокойно в СБ прошло введение санкций против Югославии (лишь Россия из всех членов СБ вызывала опасение у западных партнеров), А. Козырев получил благодарность от госсекретаря США: «Дорогой Андрей, хочу вновь выразить мою глубокую призна-

¹ Так в тексте. Видимо, имеет место плохой перевод с английского. Речь идет о том, что Россия будет стремиться к тому, чтобы Белград поплатился за продолжение вызывающих возмущение действий.

тельность за поддержку Россией введения ООН санкций против Сербии и Черногории... Я испытываю удовлетворение от того, что смог работать вместе с Вами над этой резолюцией. Ваше смелое решение поддержать резолюцию 757 имело ключевое значение не только само по себе, но я ожидаю продолжения наших консультаций и сотрудничества по этому и другим вопросам» (70, с.2). Бейкер знал, какую действительно роль сыграл российский министр в принятии решения, и благодарность руководства США была искренней. Его ожидания оправдались — А.Козырев ни на минуту не прерывал сотрудничества с внешнеполитическими структурами США, поэтому искать в его действиях скрытый мотив, направленный на защиту национальных интересов России, — занятие бессмысленное.

Пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков вспоминал, что к фигуре А.Козырева западные партнеры относились очень бережно. «Был момент, когда чуть ли не каждый приходивший в Кремль на встречу с президентом высокопоставленный посетитель из Западной Европы, и особенно США, просил Б.Н.Ельцина («пе славага Козырева»). Я не помню, чтобы так ратовали за Е.Т.Гайдара, хотя он тоже слыл западником... Козырев той поры был одной из «священных коров» на демократическом пастбище», — заметил В.Костиков (92, с.72). Из этого становится видно, что А.Козырев был выгоден Западу, поскольку безоговорочно осуществлял его волю и уменьшал опасность от непредсказуемости России.

Следует напомнить, что российская история знает примеры, когда министра иностранных дел нашего государства мало интересовала судьба России. Так, Министерство иностранных дел Российской империи с 1816 по 1856 г. возглавлял Карл Нессельроде, сын оскудевшего немецкого дворянина и богатой еврейки — дочери франкфуртского банкира. С детства он преклонялся перед прусским абсолютизмом, не скрывал своих проавстрийских симпатий. Ведомство иностранных дел в это время стало прибежищем иноземцев, мало заботящихся об интересах России. Нессельроде называли русским министром австрийских иностранных дел. Когда его будущий преемник кн. А.М.Горчаков употребил в докладе выражение «государь и Россия», Нессельроде с недовольством отметил: «Мы знаем только одного царя., нам дела нет до России» (29, с.465). Народ наш находчив и остроумен — быстро стал за глаза называть А.Козырева «наш министр их иностранных дел».

А.Козырев активно пропагандировал американскую идею, что санкции — не наказание, а поддержка разумных сил югославского руководства и общества против «белградских национал-патриотов», убеждая и российскую общественность в том, что во всем виноват Белград, который «имеет самые мощные экономические, политические и военные рычаги влияния на ситуацию в Боснии и Герцеговине» (47, с.342–343, 345). Как же надо не знать сербский народ, чтобы надеяться, что если у них выключат свет или отопление, если не пустят футболистов на международные соревнования, то все сразу бросится на штурм властных структур и сменят руководство. Он, народ, даже недовольный властью, весь сплотится вокруг нее, чтобы выстоять.

Желание получить экономическую и политическую поддержку Запада после распада СССР, стремление России занять место СССР в международных организациях, Совете Безопасности, избежав югославского варианта, стали основным оправданием политики А.Козырева. Он подробно объяснял причины, по которым Россия была вынуждена занять именно такую, а не иную позицию.

Во-первых, она должна была отплатить благодарностью «английским и другим вкладкам», при поддержке которых «России удалось унаследовать статус, привилегии и одновременно ответственность одной из пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности», что произошло отнюдь не автоматически (47, с.346). Одним из условий закрепления за Россией статуса СССР был, судя по статье А. Козырева, отход от антизападной доктрины и «блокирующей конфронтационной линии» в Совете Безопасности. Теперь от России в Совете Безопасности ожидали только «твердого российского «да». Министр легко, без раздумий принял идею «выбивания» из Белграда уступок «с помощью санкций и других жестких мер» (47, с.347).

Во-вторых, США в 1992 г. пообещали выделить России крупномасштабную финансовую помощь общим объемом в 24 млрд. долл. как раз накануне голосования по вопросу санкций в Совете Безопасности, отсрочку по выплатам российских долгов на десять лет (75, с.170; 47, с.149). Это, безусловно, был сильный аргумент западных стран против самостоятельной политики России на балканском направлении. Однако, следует подчеркнуть, что в декабре 1992 г. Москва получила только часть обещанного — 15 млрд. долл. В декабре 1992 г. на парламентских слушаниях звучала цифра в 1,5 — 2 млрд. долл. потерь для России от введения санкций против Югославии (47, с.144,146).

В-третьих, Россия в этот период была очень слабой — экономически, политически, дипломатически и военной сфере. Только, что пережив развал Союза Советских Социалистических Республик, эвакуацию своих воинских частей из Германии, Польши, Венгрии и других стран, похоронив СЭВ и Варшавский пакт, писал французский исследователь Жерар Бодсон, Россия «всем пожертвовала, все положила на алтарь рыночной экономики, ради лучшей жизни, будущего благосостояния, которое теряется из вида на горизонте будущих поколений... Результат не только отрицательный, но просто катастрофический» (72, с.193). Она осталась и без внешней помощи. Поэтому, подчеркивал А.Козырев, России так важно было «беспрецедентно благоприятное международное окружение в период тяжелейших внутренних испытаний» (47, с.344).

В-четвертых, А. Козырев сразу отбрасывал в своей политике такие факторы, как славянство и православие из-за многонационального характера Российской Федерации.

И, наконец, в-пятых, такая политика должна была привести Россию «в качестве великой державы в семью наиболее передовых демократических государств с рыночной экономикой, если хотите, в так называемое западное общество» (47, с.352). И в этой связи А. Козырев предлагал отказаться от «узконационального, эгоистического подхода» к национальным интересам, который может привести к стихии «конкурирующих национальных интересов». Вместо этого стабилизирующим началом международной жизни он считал «партнерство мировых демократий в решении общей для всех задачи: превращения неустойчивого постконфронтационного мира в стабильный и демократический» (91, с.55). Звучит все правильно. Но для реализации этой идеи нужны были определенные условия — признание России со стороны западных партнеров в качестве «мировой демократии», и желание Запада установить тот самый мир. Ни того, ни другого в реальности не существовало. Поэтому А. Козырев увлеклся утопическими идеями, рубил сук, на котором собиралась сидеть Россия.

Е. Гайдар, отмечая трудности и просчеты во внешней политике России в 1991–1993 гг., все-таки заслугой А. Козырева считает то, что ему «поразительно легко удалось решить проблемы правопреемства России по отношению к Советскому Союзу и, как будто ничего не случилось, занять прежнее место в Совете Безопасности ООН... За три года Козырев завоевал немалый международный авторитет, для многих стал символом новой внешнеполитической стратегии России, ориентированной на интеграцию в европейские структуры, систему союзов с рыночными демократиями» (75, с. 333).

Действительно, благодаря А. Козыреву Россия достаточно легко смогла занять место СССР в международных организациях. Но любовь западных политиков *А. Козырев* заслужил своей послушностью и покорностью, умением добиться необходимого Западу решения, преодолев все хитросплетения кремлевских коридоров власти. Он оказался умелым исполнителем воли Запада, но огромный вред России нанес тем, что *не смог прогнозировать* последствия действий международных организаций в Югославии для нашей многонациональной федерации; *не был способен* предвидеть, как они скажутся на всей системе европейской безопасности; *не разглядел* начавшееся разрушение системы международного права; *верил* в доброжелательное отношение Запада по отношению к России, в полное совпадение внешнеполитических задач и приоритетов России и стран Запада, в возможность России встать в один ряд с США, Англией, Германией, в безопасность для России такой политики «демократических государств»; *не просчитал* стратегические цели Запада по политическому, военнотехническому и экономическому ослаблению Югославии и России, лишению России ее естественных союзников и партнеров, расширению сфер влияния США и Германии на Восточную Европу, Балканы и бывшие республики СССР; *не предполагал*, что его самого просто используют против интересов России. Хотя для меня до сих пор до конца не ясно — не предполагал, или действовал осознанно?

Некоторую ясность в эту дилемму вносит шокирующее выступление А. Козырева на встрече министров иностранных дел СБСЕ в Стокгольме 14 декабря 1992 г., когда он объявил, что «должен внести поправки в концепцию российской внешней политики». Отметив неизменность курса НАТО, необходимость сохранения традиций, он потребовал отмены санкций против Югославии, пообещал поддержку правительству Сербии, заявил об отставании Россией своих интересов на постсоветском пространстве, о готовности постоять за себя и своих друзей (47, с. 128). Его слова вызвали смещение среди присутствующих. Сам министр вспоминал, что спускался с трибуны в мертвой тишине, ощущая на себе «буравящие взгляды пятидесяти двух моих коллег — министров. В их глазах изумление, испуг». «Андрей, что мы можем для тебя сделать?», — спросил госсекретарь США Л. Иглбергер, полагая, что А. Козырева заставили озвучивать чужой текст, поскольку он находится в руках агентов КГБ (91, с. 6). Через некоторое время А. Козырев попросил слово снова и успокоил зал, сказав, что хотел лишь озвучить позицию своих оппонентов, показать реальную опасность, которой является курс на возврат к коммунизму, что ни Президент, ни он «никогда не согласятся с тем, что я зачитал в моем предыдущем выступлении» (47, с. 129). И министр с чистой совестью подписал документ, принятый на этом совещании, который рекомендует Совету Безопасности ООН «рассмотреть вопрос об отмене эмбарго на поставки вооружений и боеприпасов в Боснию и Герцеговину, т.е. мусульманским формированиям» (47, с. 131). Такие факты склоняют меня к мысли, что позиция А. Козырева была вполне осознанной.

При всех наших трудностях *Россия могла занять место посредника*, о котором просила Югославия, попытаться завоевать себе авторитет на соблюдении норм международного права, на роли арбитра при необъективном отношении к сторонам конфликта. Морально нечистоплотным является то, что А.Козырев позволил использовать Россию, ее исторические связи с сербским и черногорским народом для давления на эти страны.

Уже в своих статьях летом 1992 г. он намечал главную тактическую линию поведения российской дипломатии — «используя добрые отношения, убедить сербское руководство прислушаться к голосу разума...» (47, с.342). По этой схеме министр действовал на протяжении всего кризиса — использовал традиционные дружественные отношения сербского народа к России, ставил перед Белградом определенные условия, даже неприемлемые для него, уговаривал, обещая снятие санкций или отмену их усилением. И А.Козырев лгал, когда говорил о долгосрочных интересах России на Балканах, о дружеских чувствах к сербам, когда давал обещания об отмене санкций, когда говорил об отстаивании справедливости.

Скоординированная с Западом политика требовала от России поддержки всех резолюций и предложений международных организаций. И она голосовала как все, даже если видела односторонность таких решений. Характерный пример. Заместитель руководителя российской делегации на 49-й сессии Комиссии ООН по правам человека в Женеве В.Бахмин отмечал, что ряд принятых сессией резолюций недостаточно сбалансирован и носит антисербский характер. И хотя российская делегация знала это и критиковала отдельные положения резолюций, она «решила не нарушать консенсус, учитывая сложность югославского кризиса» (4). Россия поддержала Резолюцию СБ от 24 августа 1993 г., хотя она «некорректно отражает реальное положение в БиГ». Главное не в этом, главное — поддерживать женеvский мирный процесс (21). И таких примеров можно привести много.

Российская дипломатия делала то, что Запад ждал, говоря языком министра, от демократов в Кремле — «подлинного союза с теми, кто стоит на страже международной законности и готов применять для этого самые решительные меры» (26 с.4). Такая позиция выражала победу в российской политической мысли тех, кто утверждал, что «для России Балканы не могут стать основным направлением ее внешней политики и основной зоной обеспечения ее национальных интересов» (44, с.218).

Отсутствие стратегии внешней политики влияло на тактику складывавшейся новой российской дипломатии. Поэтому сегодня большинство конкретных политических поступков МИДа можно было бы определить как ошибочные, недальновидные, не способствовавшие урегулированию кризиса. Среди них — поспешное признание Хорватии, БиГ, Словении, введение санкций против Югославии, одобрение политики двойных стандартов, попустительство по отношению к действиям НАТО и многие, многие другие.

Позиция Министерства иностранных дел России критически оценивалась многими россиянами. Волна протеста была особенно сильной в июне 1992 г. после присоединения России к санкциям. Писатели, деятели культуры, науки, журналисты обращались к правительству и парламенту с настойчивой просьбой сделать все возможное, чтобы исправить положение, а к Сербии и Черногории — со словами поддержки. Участники первого Международного конгресса славянских культур обратились к «псевдорусским дипломатам, которые раболопно вытягиваются в струнку перед Вашингтоном и фактически предают честь и историю славянских наро-

дов...: Позор! Русский народ не давал и никогда не даст вам право от его имени, от имени России объявлять бойкот нашим балканским братьям — сербам и черногорцам. Славянская душа все великодушно прощала и готова прощать — кроме греха предательства» (47, с.360). Собравшись на свой IX съезд, протест против решения правительства России единодушно выразили писатели Российской Федерации. Они потребовали от правительства России отменить позорное решение и наказать тех, кто способствовал его принятию (47, с.372). 250 подписей поставили самые известные писатели из разных уголков страны (среди них — В.Распутин, В.Белов, О.Возжков, П.Проскурин) под обращением ко всем соотечественникам. Оно было пронизано тревогой за будущее славянских народов и России. «Мы со всей ответственностью заявляем, что преступные действия российского Министерства иностранных дел не имеют ничего общего с чувствами и чаяниями народов России по отношению к народам Югославии» (47, с.375). В защиту сербов выступали отдельные политические партии и движения, казаки, общественные организации, ветераны второй мировой войны, группы граждан, пенсионеры.

Эти обращения, призывы, письма и телеграммы, заполнившие газеты, показали, что не все так плохо в России с исторической памятью, что общественное мнение после стольких лет забвения югославской темы формировалось поспешно и могло стать серьезной общественной силой. Большой отряд российской интеллигенции не одобрял позицию МИДа, создавая определенные сложности в осуществлении внешнеполитической линии, поскольку игнорировать многие имена было просто нельзя.

А.Козырев замечал, что ему приходилось все эти годы «грести против течения», понимая под этим общественное мнение, настроение людей (91, с.129). По мнению МИДа, некоторые оценки общественных и политических кругов выглядели как попытка поставить под сомнение компетентность его действий в отношении республик бывшей Югославии (3). Тех, кто занял иную нежели МИД позицию, министр сразу же обвинил в «красно-коричневых настроениях» и старался игнорировать. Ученых он называл красно-коричневой профессурой, а главным аргументом стали «реки пролитой славянской крови» по вине национал-коммунистов в Белграде. Но лучше бы министр вовсе не писал, тогда не такой очевидной была бы его лезаинтересованность в отстаивании национальных интересов России, тогда не пирились бы по России протесты с требованием его смещения.

В декабре 1992 г. А.В.Козырев впервые сформулировал принципы балканской политики российского государства: принцип равной ответственности сторон в конфликте при отказе от «презумпции виновности» исключительно сербов, смягчение санкций против СРЮ вследствие жестов доброй воли Белграда, введение санкций против Хорватии в случае продолжения ею наступательных военных действий в Сербской Краине (10, с.11). Однако эти принципы никогда не применялись на практике, а их появление на свет связано с правительственным кризисом, когда министр просто разыгрывал сербскую карту, чтобы удержаться на своем месте. Свидетельство тому — опубликованная в январе 1993 г. Концепция внешней политики Российской Федерации. Судя по плохо отредактированному тексту и корявому русскому языку, концепция готовилась в спешке и не была законченным документом. Даже в преамбуле отмечалось, что «концепцию следует рассматривать в качестве доку-

ности, отражающего процесс постоянного творческого поиска, регулярного обновления и уточнения...» (27, с.2). Появление концепции было связано с необходимостью снять обвинение в неразработанности целей и программ внешней политики. Проблемы Восточной Европы в концепции занимают периферийное место. В документе подчеркивалось, что Россия придерживается принципиально новой стратегии межгосударственных отношений с восточноевропейскими странами. «Стратегическая задача на нынешнем этапе — предотвратить превращение Восточной Европы в своего рода буферный пояс, изолирующий нас от Запада», хотя не хотелось бы «допустить становящегося уже вполне реальным вытеснения России западными державами из восточноевропейского региона» (27, с.13). При этом рецептов не давалось и планов по поводу Балканского региона не строилось.

II. Игра в инициативы

Третий период внешней политики России на балканском направлении (1993–1995) связан с попыткой включиться в процесс урегулирования кризиса на территории бывшей Югославии в качестве равноправного партнера западных государств. Россия полностью согласилась с их выбором путей урегулирования. Основной характеристикой этого периода стала полная несамостоятельность внешней политики России, ее зависимость от ведущих стран, прежде всего Америки. Напомним, что это был период активной фазы обсуждения плана Вэнса-Оуэна и начавшегося давления на сербскую сторону; включения США в переговорный процесс с их претензией на лидерство в нем; подготовки Североатлантического альянса к использованию своих военно-воздушных сил для военных операций в воздухе (1993); период энергичных действий Контактной группы и перехода к жесткой доктрине принуждения к миру (1994); изоляции сербов в Боснии и Герцеговине и давления на Белград. подписания Дейтонских соглашений (1995). Сам по себе это — период повышенной активности международных организаций. Россия нужна была для выполнения деликатной функции принуждения сербов к уступкам. Российская дипломатия осуществляла политическую активность в дозволенных ей границах, выполняя роль инструмента давления на сербскую сторону, когда никто другой уже не мог повлиять на несговорчивых сербов. В качестве ответной меры А.Козырев предлагал Югославии снятие санкций, сербам в Боснии — самоопределение, конфедеративный союз с Сербией. Он уверял и сербов, и русских, что как только Белград будет прислушиваться к его советам, «то вопрос о санкциях отпадет сам собой», санкции «будут моментально сняты» (47, с.167,170). Москва еще пыталась использовать свое историческое влияние на Балканах, но все больше и больше теряла образ справедливого и сильного государства, пекущегося о своих собственных интересах, об интересах балканских государств, о равновесии и взвешенности в европейских международных отношениях. Россия участвовала в урегулировании, выполняя, главным образом, роль других. Но никогда не вела самостоятельную партию в оркестре, о чем мечтал министр, а лишь выступала в роли подголоска. Российская дипломатическая миссия на Балканах в этот период нанесла большой урон российско-югославским отношениям, традиционному престижу и влиянию России в этом регионе.

В январе 1993 г., после нападения хорватских вооруженных сил на районы, контролируемые «голубыми касками» в Республике Сербской Краине и Заявления МИД осуждающего за это Хорватию, появилась надежда на объективный подход руководства России ко всем сторонам конфликта. Заместитель министра иностранных дел В.И.Чуркин заявил в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС, что если хорватская сторона не прекратит боевых действий против сербов, то Россия будет ставить вопрос о введении международных санкций и в отношении Хорватии. Россия стала инициатором обсуждения вопроса о нападении хорватов на Сербскую Краину в Совете Безопасности 25 января 1993 г., выдвинула ряд инициатив по урегулированию кризиса. Даже президент Б.Ельцин, прежде воздерживавшийся откровенно высказываться по проблемам Югославии, заявил, что Россия имеет свою точку зрения на югославские события. В России и Сербии с надеждой думали, что Россия перешла в дипломатическое наступление на балканском направлении, отказавшись от пассивного следования западной линии, напомнила о существовании своих собственных интересов в этом регионе. В Хорватии утверждали, что последние шаги российской дипломатии вызваны «внутриполитическим давлением» и опасались «глобальной корректировки внешнеполитической линии», которая им до этого импонировала (39, с.17). Но опасаться не стоило. Отвечая на вопросы журналистов 29 января, В.И.Чуркин сказал: «Если дело дойдет до, скажем, принятия санкций против Хорватии, то это стало бы нашим общим поражением и поражением наших общих усилий по урегулированию кризиса» (39, с.17). Следует заметить, что Хорватия так и не вывела свои войска с занятых территорий, не выполнила Резолюцию № 802 СБ ООН, а все обещания России повисли в воздухе. Правда, наблюдатели выдвигали предположение, что шаги, предпринятые российской дипломатией, связаны прежде всего с активизацией балканской политики США и отмеченной Президентом РФ «тенденцией со стороны США диктовать свои условия». Однако все последующие события показали, что у России и США почти нет расхождений во взглядах. Диалог с американской администрацией на разных уровнях был достаточно активным. Как отмечал госсекретарь США Уоррен Кристофер, «у России и Соединенных Штатов очень много общего в их позиции относительно Сербии. Это касается также позиции господина Козырева и моей позиции».

Таким образом, в начале 1993 г. заканчивается затянувшийся период созерцательности российской дипломатии и намечается ее активизация. По заявлению В.И.Чуркина, в начале февраля «мы находились в самом центре бурной дипломатической активности по проблеме югославского урегулирования», имели контакты со всеми заинтересованными сторонами (38, с.20). Думается, что присутствие России было необходимо в связи с обсуждением плана С.Вэнса-Д.Оуэна для влияния на упрямых сербов. Запад надеялся, что традиционные связи России и Сербии позволят быстрее осуществить волю Запада. Москве отводилась роль «пресса» на сербов, при этом ей позволялось обещать, но не давалось возможности выполнять обещания.

Россия без промедления подтвердила свою решимость поддержать план Вэнса-Оуэна. И поскольку «уровень единодушия международного сообщества в подходе к югославскому кризису» был высоким, предполагалось оказать такое же «единодушное воздействие на стороны конфликта» (38, с.21). И началась так называемая члночная дипломатия, которая выражалась в «работе» с президентом Юго-

схии Д.Чосичем, президентом Сербии — С.Милошевичем, с лидером боснийских сербов Р.Караджичем (12, с.42). В.И.Чуркин, назначенный специальным представителем Президента Б.Ельцина в бывшей Югославии, провел также серию переговоров в Вашингтоне, Нью-Йорке с представителями госдепартамента, с сопредседателями переговорного процесса в бывшей Югославии. Начал работать, говоря жаргонным языком новой русской дипломатии, «нажимной компонент» в стратегии международного сообщества по урегулированию кризиса (41, с.15). Россия впервые становилась участником переговорного процесса, выступала посредником, и все больше «работала» с сербской стороной. От Белграда требовали, опять же на языке наших дипломатов, «конструктивных подвижек», а в ответ обещали смягчение санкций (40, с.23). В Сербии это было расценено как положительный момент, который в перспективе может привести и к окончательному урегулированию. Однако, как писали белградские газеты, В.И.Чуркин проявлял понимание проблем сербов в Боснии и Герцеговине, но воздерживался от выражения каких-либо пожеланий на помощь России в отражении политического натиска Запада.

Запад, внутренне опасаясь русской просербской позиции, был доволен тем, что удалось достичь «очень высокой степени гармонии и единства взглядов» в подходе западных стран и России к югославскому кризису. По мнению лорда Оуэна, «Россия сыграла весьма конструктивную роль в дипломатическом процессе. Она не воспользовалась своим правом вето, хотя Ельцин испытывал сильный нажим со стороны правых националистов» (28).

В апреле 1993 г. СБ ООН собрался на чрезвычайную сессию обсудить резолюцию об ужесточении санкций против Югославии. По инициативе России срок рассмотрения резолюции откладывался. До последней минуты российская делегация в Совете Безопасности обещала применить право вето при голосовании этой резолюции. В чем же причины? Россия встала на путь беспристрастности, сбалансированности, заняла решительную и самостоятельную позицию, о которой А.Козырев неоднократно заявлял? (12, с.41) Дело оказалось совсем в другом. Как считали в Вашингтоне, Москва опасалась, что подключение к откровенно антисербской акции вызовет возмущение в стране и отрицательно скажется на и без того пошатнувшейся популярности Ельцина. Россия и США договорились отложить голосование, чтобы, как писала «Вашингтон пост», «посоддействовать президенту Ельцину в его кампании, направленной на выигрыш референдума по поводу его правления» (7). Уже после референдума министр иностранных дел России заявил, что победа Б.Ельцина на референдуме должна развеять любые надежды на то, что Россия примет сторону сербов (30). А 27 апреля в СБ был распространено заявление Б.Ельцина, написанное для него явно А.Козыревым, в котором он довел до сведения мировой дипломатии, что «Российская Федерация не будет покровительствовать тем, кто противопоставляет себя мировому сообществу». Он пообещал, что «с жестким отпором ООН столкнутся и сербские националисты, и любые другие участники конфликта, делающие ставку на силу». Эти слова звучали как благодарность за проявленное терпение и желание поддержать его во внутриполитической борьбе. Поэтому он уверил своих партнеров по СБ, что понимает важность в нынешних условиях «единства постоянных членов Совета Безопасности, ЕС, всех миролюбивых государств и международных организаций», и согласился с тем, что «настало время решительных мер» (76).

В мае 1993 г. российская дипломатия, выполняя поручение Б.Н. Ельцина («вести дело к тушению возниго пожара в БиГ»), предприняла ряд энергичных шагов направленных на урегулирование боснийского конфликта. А.В. Козырев провел серию переговоров в Германии, Италии, Хорватии, Сербии, США, выступив с инициативой поэтапного выполнения плана Вэнса-Оуэна. Ее смысл заключался в том, чтобы, не дожидаясь подписания этого плана всеми сторонами, начать воплощать его в жизнь в одной или нескольких провинциях Боснии: создать местную администрацию, опробовать механизм международного контроля за соблюдением прав национальных меньшинств, попытаться организовать на федеральном уровне работу координационного органа, в который бы входили представители всех этнических групп. Однако и эта инициатива министра не встретила поддержки его западных коллег, как, впрочем, и предыдущая — об организации выездного заседания СБ в Боснии (47, с. 180).

В конце 1993 г. Россия предложила подписать договор между конфликтующими сторонами и в том случае, если не будет достигнуто согласие по всем пунктам Москва считала, что по отдельным вопросам могут в дальнейшем вестись двусторонние или многосторонние переговоры. Но эти предложения не были поддержаны. Еще больший отпор встретило желание рассмотреть постепенное снятие санкций до достижения окончательных договоренностей, если будет ясно, что не сербская сторона виновна в их неуспехе (13, с. 2).

Этот факт говорит сам за себя. Политика, проводимая российским правительством на Балканах, была и оставалась крайне непопулярной в стране, и «сербская карта» часто разыгрывалась политиками, чтобы заработать определенные политические очки. Тем не менее после очередных внутренних кризисов и, соответственно, некоторых изменений во внешней политике, деятельность А.В. Козырева вновь возвращалась в прежнюю колею.

Осенью 1993 г. А.Козырев всячески отстаивал позицию сотрудничества России с НАТО. По словам министра, НАТО не угрожает России, а вступление стран Центральной и Восточной Европы в НАТО контрпродуктивно без России (102, с. 229).

Парламент России мгновенно отреагировал на сложившуюся ситуацию. Чтобы не допустить принятия еще одного несправедливого одностороннего решения Советом Безопасности, 14 апреля на Балканы вылетела делегация российского парламента, намечавшая встречу с руководством Хорватии, Сербии, СРЮ, воюющих сторон в БиГ. Депутаты стремились до конца использовать возможности переговорного процесса. Однако по настоянию Франции голосование в СБ ООН по Резолюции № 820 об ужесточении санкций против Югославии состоялось поспешно в ночь с 17 на 18 апреля. Россия воздержалась при голосовании, что никак не повлияло на принятие резолюции. В Заявлении членов парламентской делегации отмечалось, что подобное решение может спровоцировать эскалацию югославского кризиса и стать прологом к крупномасштабному военному столкновению. Депутаты осудили двусмысленную позицию представителей РФ в СБ ООН, не применивших права вето. В.Чуркин объяснял тогда, что проголосовать против — это пойти «на полную конфронтацию со всем остальным мировым сообществом и тем самым подорвать наши возможности в дальнейшем принимать участие в этой чрезвычайно трудной и сложной дипломатической работе по югославскому урегулированию»

(47, с. 191). Эти слова замминистра еще раз подтверждают правильность наших выводов о том, что России допустили к так называемому урегулированию только при условии ее полной лояльности ко всем принимаемым решениям и планам. И Чуркин успокаивал депутатов РФ тем, что «голосованием о санкциях история не заканчивается. Это не конец света» (47, с. 191).

В связи с этим высказыванием В. Чуркина мне хотелось бы вспомнить одно совещание, которое проходило в МИДе зимой 1994 г., куда были приглашены ученые. Прервав выступление директора Института славяноведения и балканистики, специалиста по Югославии, члена Президентского Совета профессора В. К. Волкова, В. И. Чуркин произнес удивительную по своему штилизму речь. Обращаясь к присутствующим, он сделал метгательно-философское выражение лица и произнес: «Я часто думаю, обычно по ночам, почему мы все-таки подписали санкции против Сербии? И вот я пришел к следующему выводу. В этой войне страдали все — и хорваты, и мусульмане, и словенцы. Только сербы не страдали. Вот и они тоже должны пострадать».

С июня 1992 по сентябрь 1993 г. Верховный Совет семь раз обращался к югославской теме, вызывая каждый раз нескрываемое раздражение МИДа, поскольку на заседаниях обнародовались факты зверств над сербским населением, поставок вооружения хорватам и мусульманам в обход эмбарго, критиковалась позиция российской дипломатии, указывались все ее просчеты и ошибки. И хотя в отсутствие специального законопроекта, который бы определял порядок взаимодействия МИД с парламентом, министерство было достаточно самостоятельно в проведении внешней политики, тем не менее Верховный Совет постоянно «мешал» МИДу, будоражил общественное мнение. С каждым новым заседанием парламент становился все компетентнее в югославском вопросе, выступления менее эмоциональные, но более аргументированные. Несмотря на партийные и идейные разногласия, росло единство депутатов по балканской проблеме. Последнее постановление Верховного Совета «Об угрозе эскалации войны на территории бывшей Югославии» от 29 апреля 1993 г. было принято единогласно.

Противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти, закончившееся расстрелом российского парламента осенью 1993 г., развязало руки министру. По выражению одного из дипломатов, теперь не надо было оглядываться на парламент при проведении балканской политики. Министру создавал несудобства коммунистический Верховный Совет. В написанной после разгона Верховного Совета статье, где А. Козырев рассматривает этапы и основные направления внешней политики («преобразующейся России», конфликту на территории бывшей Югославии министр уделил всего шесть совершенно бессодержательных строк (77, с. 10).

Победа на декабрьских выборах 1993 г. коммунистов и либералов шокировала Запад и удивила российскую политическую элиту. Это была своеобразная реакция народа на антинациональную внешнюю и внутреннюю политику. Для А. Козырева встал вопрос о том, как удержаться в своем кресле. Ведь он надеялся, что придут новые люди, демократы, с которыми легко будет найти общий язык.

Каково же было удивление чиновников, когда уже на первом заседании нового парламента — Думы — в январе 1994 г. вновь в повестке дня стоял югославский вопрос. По предложению председателя Комитета по международным делам В.Лукина, состоялось обсуждение проекта рекомендаций по политике России в отношении балканского кризиса, поскольку вызывало «большую озабоченность активное обсуждение в органах НАТО возможности нанесения бомбовых ударов по некоторым объектам в Боснии и Герцеговине...» (43). 21 января было принято Заявление, которое призывало все заинтересованные стороны воздержаться от применения силы в Боснии и поставить в СБ ООН вопрос о скорейшей отмене санкций против Сербии и Черногории. Симптоматично то, что новому парламенту не потребовалось время для «вхождения» в балканскую проблему. Голосование прошло единогласно.

МИД не стал открыто высказывать недовольство позицией Думы, а покритиковал ее лишь за забегание вперед, за то, что «некоторые фразы сформулированы в некотором отрыве от реальной ситуации» (23, с.40). По мнению исследователя С.М.Самуйлова, «российская дипломатия извлекла для себя определенные уроки из результатов выборов. Руководство российского МИДа, несомненно сохраняя свои прозападные симпатии и убеждения, ради собственного политического выживания было вынуждено кое-что взять из арсенала оппозиции. В частности, А.Козырев начал публично настойчиво отстаивать тезис о равнопартнерстве России и США», а во время встречи с госсекретарем США У.Кристофером заявил, «что Россия не может допустить, чтобы ее отстранили от принятия глобальных решений» (78, с.72).

Помимо МИДа, с югославскими руководителями поддерживали отношения и другие ведомства. К январю 1993 г. относится первая встреча Е.Примакова, возглавлявшего тогда Службу внешней разведки, с президентом Сербии С.Милошевичем в Белграде. С.Милошевич зафиксировался в памяти российского министра как человек «сдержанный, не суетливый, медленно излагающий свои мысли, умеющий внимательно слушать партнера» (102, с.175). Е.Примаков уговаривал президента Сербии принять участие в Женевских переговорах по поводу плана Вэнса-Оуэна и обещал ему «добиться отказа некоторых стран Запада и мусульманского мира от негативного отношения к Белграду» (102, с.177). С.Милошевич до конца выполнил обещание поддержать план урегулирования в Боснии и Герцеговине, а обещания России так и продолжали оставаться обещаниями. Е.Примаков сетует, что советы и рекомендации России «далеко не всегда воспринимались западными партнерами». Вот тут-то и задуматься: почему? Если все хотят мира и стабильности на Балканах, почему не используют для этого предложения Югославии, возможности России, планы, с которыми могут согласиться все конфликтующие стороны, почему не оказывают давления на мусульманскую и хорватскую стороны? В этом смысле Е.Примаков также заблуждался относительно благих намерений Запада по урегулированию кризиса на территории бывшей Югославии, так же, как и А.Козырев, пытался использовать свое влияние на С.Милошевича и заставить его пойти на уступки.

Добавим, что начала меняться и информационная тактика наших дипломатов. Они теперь четко взвешивали свои высказывания для российской публики. И поэтому внутри страны говорили одно, а за рубежом — другое. Причем, сама линия поведения в международных организациях, поступки, принятие решений, общее направление действий не изменились. Представитель госдепартамента М.Мекари подчер-

сказал, что русские функционеры открыто говорят о Боснии одно, а при контактах с американской администрацией — другое. На вопрос о том, как он прокомментирует заявление В.Чуркина о том, что воздушные удары НАТО будут угрожать безопасности России, он ответил, что заявление Чуркина не соответствует тому, что они знают о позиции русского правительства, что американское правительство информировано о другой позиции России по поводу воздушных ударов, нежели той, которая сообщается официальными русскими представителями (14, с. 1). А. Козырев «категорически отвергал» перед депутатами возможность операции НАТО на территории бывшей Югославии (47, с. 87), но всегда поддерживал, когда этот вопрос обсуждался в Совете Безопасности. 11 февраля 1994 г. представитель России в ООН Ю. Воронцов заявил, что Россия не будет использовать право вето в СБ, если будет рассматриваться вопрос о нанесении воздушных ударов по Сербии, что Москва не будет препятствовать попыткам натовской авиации снять осаду Сараева (81).

Во время февральского (1994) кризиса вокруг Сараева отчетливо была видна *противоречивая роль России*: с одной стороны, Россия выполняла роль прятника, а в то время как НАТО — кнута, а с другой — только мужество и самоотдача Русского батальона смогли предотвратить повторение воздушных ударов по сербским позициям. «Известия» писали тогда, что, поддерживая сербов, «российские власти руководствуются главным образом эмоциями и логикой внутриполитической борьбы: никаких серьезных экономических или политических интересов у Москвы в Сербии нет. Не исключено, что Ельцин и Козырев пришли к выводу — готовность пойти на дипломатический конфликт с Западом укрепит их позиции внутри страны» (81). Однако такие колебания внешнеполитического ведомства выглядели как проявление не только непоследовательности, но и неуверенности.

К. Никифоров, писавший о борьбе за внешнеполитические приоритеты в верхних эшелонах российской власти в 1994 г., подчеркивал, что в Кремле на протяжении длительного периода югославским кризисом вообще никто не занимался. МИД был против любого вмешательства в свои дела и тратил огромные усилия на борьбу за сохранение сложившейся монополии в деле балканского урегулирования. В службе помощников президента международными вопросами ведал Д. Рюриков, который «идеи не генерировал, а главное, являлся по существу помощником не президента, а А. Козырева, чьи поручения в то время точно и безоговорочно выполнял» (83, с. 41). Так что у А. Козырева и не было серьезных конкурентов в его деятельности. Его монополия приобретала и крайние формы — до Президента России не доходили письма С. Милошевича, Р. Караджича, Р. Младича, руководителей РСК. Они безнадежно «застрелили» на Смоленской площади. Именно А. Козырев препятствовал встречам премьер-министров России и Югославии, ничего не предпринял для визита в Белград Б. Ельцина.

В начале 1994 г. в Аппарате президента помощником по национальной безопасности стал Ю. Батурин, который пытался влиять на решение балканских проблем. А в 1994 г. был крайне сложным и напряженным годом и для конфликтующих сторон в Боснии и Герцеговине, когда начала применяться военная сила НАТО против сербов, и для международных организаций, которые топтались на месте, создавая все новые и новые структуры переговорного процесса и не добиваясь успеха, и для Югославии, которая шла и шла на уступки, но не получала даже смягчения санк-

ний, которые подрывали здоровье целой нации, и для Хорватии, мечтавшей вернуть земли Сербской Краины, и для сербов в Хорватии, которых пригуждали к соглашению об интеграции с Хорватией. Над сербами на Балканах в том году довлела политика ультиматумов, угроз, наказания, огромного дипломатического давления, необъективности. И не последнюю роль в этом играла команда А. Козырева.

Ю. Батури и К. Никифоров попытались разработать альтернативную модель боснийского урегулирования, положив в ее основу принцип равных прав сторон, придумывали самостоятельные шаги России не под присмотром западных партнеров. Во время поездки в Югославию, о которой не знал А. Козырев, они смогли договориться с сербами даже по карте КГ и по всем остальным документам. Гарантии согласия сербов со всеми предложениями международных организаций могла стать поддержка России, справедливое отношение ко всем сторонам конфликта (83, с. 46–56). Но этой поддержки как раз и не произошло. Эти факты говорят о том, каких успехов можно было бы добиться в урегулировании, если действительно к этому стремиться. Последующая активность Ю. Батурина, его вмешательство в югославские проблемы иногда корректировали деятельность министра, но не могли изменить основную направленности МИДа.

МИД продолжал изображать активность, осуществлять дипломатию, которую называли «челночной» (т.е. ездили туда-сюда), выступать с предложениями, которые ничего не меняли в переговорном процессе, обнародовать заявления, которые наполнялись пустыми фразами, типа «соблюдать перемирие», «прекратить военные действия», «скорейшее принятие плана» и т.д.

С. Стоянович, личный советник Чосича, вспоминал о Козыреве: «Он говорил всегда спокойным голосом, учтиво. Но складывалось впечатление, что вы напрасно тратите время, он никогда не слушал ваши аргументы, он говорил и в начале, и в конце разговора одно и то же. Это была позиция, которую трудно было изменить» (64).

Эту деятельность можно было бы назвать *«игрой в инициативы»*. Россия периодически выступала с инициативами, которые, как правило, не встречали поддержки у западных коллег. Запад как бы дозировал инициативность России. Даже если она не слишком отличалась от планов Запада, то могла навредить тем, что призвал Россию выделиться, проявить самостоятельность. Поэтому такая деятельность Москвы не очень приветствовалась. Например, в январе 1994 г. Россия выступила с инициативой урегулирования в БиГ, которую МИД рекламировал как «выстраивание мер». Она включала призыв к обсуждению боснийского вопроса в Женеве с участием всех конфликтующих сторон, просьбу к ГС подготовить доклад «о всех аспектах обстановки в БиГ» и предложение подготовить резолюцию о необходимости строго соблюдать прекращение огня и укреплять режим известных районов безопасности (23). В. Чуркин отмечал, что суть инициативы — «созыв заседания Совета Безопасности ООН на уровне министров иностранных дел в Женеве с участием представителей трех боснийских сторон, а также СРЮ и Хорватии. Но это только форма, главная цель — сфокусировать внимание мирового сообщества на политических решениях, а ни на каких-либо других. На сегодняшний день, однако, существует угроза политическому решению конфликта. С одной стороны, есть тенденция противоборствующих сторон решать наиболее важные вопросы

на поле боя, а не за столом переговоров. С другой, встречаются экстремистские выходы в международном сообществе, когда считают, что необходимо энергичное военное вмешательство в Боснию и Герцеговину. Увы, на мой взгляд, это не поможет положить конец войне. Клин клином в политике не вышибают. Российский же МИД в критические моменты, когда переговорный процесс шатается и создается угроза его развала, пытается придать импульс диалогу и сдвинуть его с точки замерзания» (50). После очередных авиаударов НАТО по сербским позициям около Горажде Россия вновь выдвинула план урегулирования из четырех пунктов: укрепление режима «безопасных районов», подписание соглашения о прекращении огня и враждебных действий, политическое соглашение о равноправном статусе всех трех народов Боснии, ослабление санкций в отношении Югославии (16). И что? Практических результатов такие инициативы не принесли, а западных партнеров стали несколько раздражать.

Бывший замминистра иностранных дел А. Адамишин говорил позже, что «Москва должна быть более определенной. Если она хочет остаться нейтральной, то должна потребовать этого и от других. Между тем, когда хорваты идут в наступление против сербов, в защищенную резолюцией ООН зону, а мусульмане нападают из защищенной зоны, и никто, буквально никто, даже мы, не говорит ничего, ситуация становится очень опасной» (57, с.3-4).

В эти дни отчетливо проявилось соперничество США и России: ультиматум НАТО и бомбовые удары по сербским позициям, создание МХФ (15 марта) с американской стороны и чисто дипломатические усилия с российской — сопротивление тому, чтобы боснийский вопрос решался без ее участия, уступки сербов во время февральского кризиса только благодаря инициативе России, попытка противостоять началу применения военно-воздушных сил, успехи в переговорном процессе между Загребом и Кишином. Однако Америка «перенервала» Россию, указав ей на ее место. 14 марта во Владивостоке «госсекретарь Кристофер тонко дал понять российскому коллеге Козыреву, что излишняя суета российской дипломатии, дескать, только разрушает тонкую паутинку компромиссов, плетущихся вашингтонскими эмиссарами. Иными словами, янки советуют Москве, не поднимая волны, отыграть назад, вернувшись к тому благодетному времени, когда россияне приглашали на переговоры в качестве «со-спонсоров», дабы они испытали похмелье на американском дипломатическом пиру» (45). Хотя российско-американское соперничество на балканском направлении в феврале-марте 1994 г. было очевидным, российская дипломатия отмечала, что «достигнут беспрецедентный уровень единства подходов мирового сообщества к проблеме югославского урегулирования. В первую очередь имеется в виду уровень взаимодействия, достигнутый между Россией, США и Европейским союзом» (22).

Чтобы еще раз подчеркнуть «значимость» Москвы в процессе принятия решений руководством ООН и НАТО в апреле 1994 г., готовя очередные воздушные удары по сербским позициям, не поставило об этом в известность Россию. В Заявлении МИД РФ от 11 апреля 1994 г. отмечалось, что «к сожалению, о решении задействовать авиацию Россия была информирована задним числом» (18). По этому поводу Б. Ельцин даже разговаривал с Клинтонем. «Я настаивал и настаиваю, что такие вопросы, как бомбардировки по сербским позициям, нельзя решать без предва-

рительных консультаций между Соединенными Штатами и Россией», — заявил Президент перед отлетом в Испанию (6). Москва сделала грозные предупреждения в адрес НАТО и ООН по поводу бомбардировок без ее ведома. Однако бурная реакция русских не повлияла на решимость НАТО нанести новые удары. Представитель Североатлантического альянса на встрече послов стран — членов НАТО заявил, что НАТО готова осуществить новые воздушные налеты на Боснию. Это было небольшое испытание отношений между Россией и Западом. По мнению В.Лукина, в действиях Запада проглядывалось явное желание «наказать» Россию за более эффективный, по сравнению со странами НАТО, способ действий в Боснии, поскольку переговоры В.Чуркина через несколько дней уже могли дать положительные результаты (31).

Однако президент и министр слишком дорожили установлением прочных связей с Западной Европой и Америкой, чтобы рисковать ими из-за непреклонности боснийских сербов. В.Чуркин вскоре в телеинтервью возложил на сербов значительную долю ответственности за обострение ситуации (19,с.3). Российскую дипломатию больше волновало, что Москва оказалась в роли младшего партнера, чем то, что НАТО начинало играть все большую роль на Балканах, а СООНО и ООН занимали одностороннюю позицию. После встреч с госсекретарем США У.Кристофером в конце апреля Москва перестала ставить вопрос о недопустимости воздушных ударов, более того, признала их целесообразность, когда под угрозой находится мирное население (хотя по мандату НАТО может наносить удары только тогда, когда опасности подвергаются «голубые каски», а не мирное население). Москва поспешила заверить общественность, что противоречий между США и Россией нет. По словам пресс-секретаря, Б.Ельцин в беседе с ним подтвердил, что «вбить клин между Россией и США, между ним и президентом Б.Клинтоном, не удастся» (35).

Когда возник очередной кризис в апреле 1994 г., А.Козырев не раз заявлял, что воздушные удары — «неадекватный ответ на неадекватные действия» боснийских сербов. После разговора с Кристофером в конце апреля Москва уже признала адекватность действий НАТО (1). В один и тот же день министр говорил совершенно противоположные вещи. Отвечая в Брюсселе на вопрос журналистов, согласится ли Россия отменить эмбарго на поставки вооружения мусульманам, А.Козырев ответил, что Россия может поддержать снятие эмбарго, если сербы не подпишут план КГ (15). В Москве же он убеждал: «Снятие эмбарго... могло бы привести к столкновению в мировом масштабе», поэтому он будет противиться этому даже ценой конфронтации с Америкой (25,с.14).

Лето 1994 г. было наполнено событиями на международной арене. Переговоры в Женеве, активная работа КГ, разработка плана раздела территории Боснии, усилия по «уговариванию» сербов. Войне на Балканах были противопоставлены «совместные действия, общий фронт против тех, кого война лишила разума» (11). Была выработана тактика «принуждения к миру, компромиссу». Оказалось, что она была успешна лишь в отношении С.Милошевича.

Россия активно трудилась по выполнению решений Контактной группы, хотя в конструктивности при постановке и обсуждении проблем ее обвинить нельзя. Москва не смогла убедить боснийских сербов принять карты раздела Боснии, но ей удалось заставить Белград пойти на закрытие границы с Республикой Сербской, что

воинственно серьезно подрывало позиции сербов в БiГ. Вероятно, Милошевич все же поверил обещаниям А.Козырева о смягчении или окончательном снятии санкций в случае одностороннего принятия плана КГ и разрыва с РС. Хотя МИД подчеркивал, что «Белград действует в правильном направлении, подкрепляя свою принципиальную позицию конкретными делами» (17), он не мог выполнить данные Белграду обещания. Более того, Москва стала требовать от Милошевича допустить международных наблюдателей на свою внутреннюю границу. И только после этого Белград был вознагражден незначительным уменьшением объема санкций.

Высказывания наших дипломатов, как и их поступки, с особой тщательностью разбирались в Белграде. Одни давали некоторую надежду, другие одновременно ее полностью отбирали. Иногда в высказываниях одного и того же дипломата без труда обнаруживались противоречия, в зависимости от того, перед какой аудиторией он выступал. Поведение русской дипломатии в трудных и напряженных условиях ведения лишь на одну сторону конфликта проходило по схеме: внешне проявлять склонность сербам, предлагать уступки, компромиссы, а в Контактной группе, в СБ, ООН, на встречах министров иностранных дел проводить единую с западными партнерами линию. 24 июля госсекретарь США Уоррен Кристофер заявил, что русский министр «понимает значение единства Контактной группы» (51). Во время телефонного разговора с Козыревым Кристофер получил заверения, что Москва поддержит план наказания сербов и предпримет дополнительные усилия для предупреждения боснийских сербов (8). Во время работы КГ Москва продолжала выполнять некрасивую роль давления на сербов, буквально вытягивая из них уступки, иди даже на обман в своих обещаниях. Вспомним также, описанный в главе IV случай с Туллинским аэродромом, когда А.Козырев лично добился от сербов передачи его под контроль СООНО, а сам не выполнял ни одного пункта договора.

Постепенно сербы становились все упрямее, они с трудом выносили менторский тон и надменную манеру поведения А.Козырева и В.Чуркина, иногда даже отказывались встречаться с В.Чуркиным. Мне рассказывали руководители РС, что часто А.Козырев приезжал к ним на переговоры с чистым листом бумаги вместо объявленных инициатив, слушал невнимательно, делал вид, что очень торопится, не вникал в суть вопроса. А.Козырев любил еще и хорошо провести время, даже охотился с сербским президентом (83, с.64). А В.Чуркин летом 1994 г. был страшно раздражен результатами переговоров, вел себя несдержанно и, в конце концов, получил нервный срыв на переговорах в Пале и никогда больше не вернулся к своим обязанностям на Балканах. В октябре 1994 г. на посту спецпредставителя Б.Ельцина его сменил другой дипломат — Александр Зотов. Пример того, как легко можно было найти с сербами общий язык, показывает предложение, которое министр обороны РФ П.Грачев привез Р.Караджичу летом 1994 г. В обмен на подписанис карт КГ министр обещал гарантии России по ряду вопросов: безопасность Превлаки, отмена санкций, предоставление конституционного устройства БiГ, равнозначный обмен территориями (83, с.61). Р.Караджич писал, что от России получил гарантии послевоенного разлития РС. Без этого они вообще не пошли бы на диалог (83, с.61–62).

Однако МИД гнул свою линию и уже принял решение без учета новых возможностей в БiГ. Перед отъездом в Женеву А.Козырев запросил разрешение у Президента на «выработку позиции по приемлемому для России объему возможных до-

политических санкций в отношении СРЮ» (83, с. 63). На переговорах в Женеве гарантии, которые давались Россией, не нашли никакого отражения. А. Козырев старался показать Белграду и Пале, что любая «альтернативная» политика обречена на неудачу, что только его позиция является официальной. Именно он виноват в том, что С. Милошевич в июле 1994 г., понадеявшись на обещание российского министра о снятии санкций, ввел блокаду на границе с Республикой Сербской.

Во второй половине 1994 г., когда РС находилась в дипломатической блокаде, Р. Караджич обратился к России и Америке выступить посредниками в продолжении переговорного процесса. Россия даже не ответила на предложение. И тогда блокаду прорвал Джимми Картер, выступив посредником при подписании четырехмесячного перемирия между МХФ и РС.

После посещения Пале Д. Картером Р. Караджич просил российского президента восстановить дипломатические контакты, прислать своего представителя в Пале и прервать международную изоляцию. Он писал Б. Ельцину, что представители России «как будто глухи и к Вашим советам и к нашим требованиям. Ни одно сербское требование не было учтено» (83, с. 76). Однако российский МИД по-прежнему был против размораживания любых контактов с сербами в Боснии. Даже спецпредставитель Президента А. Зотов не встречался с руководством РС, хотя его анализ ситуации на Балканах, сделанный им на брифинге 27 декабря 1994 г., показывал его заинтересованность «переломить ход событий, повернуть дело в сторону мирных переговоров» (84, с. 36). Инициатива прорыва дипломатической блокады принадлежала США. И они уже не выпустили ее из своих рук, доведя дело до Дейтона.

Бомбовые удары исключительно по сербским позициям не вызвали больше у России негативной реакции. 19 ноября 1994 г. СБ ООН единогласно принял Резолюцию 958, в которой санкционировал нанесение НАТО ударов по Сербской Краине, в целях защиты Бихача. Выступая по мотивам голосования, постоянный представитель России при ООН С. Лавров заявил, что «делегация России проголосовала за принятую резолюцию, исходя из того, что устанавливаемый ею порядок применения ВВС в «безопасных районах БиГ» и вокруг них, который теперь распространяется также и на территорию Хорватии в целях обеспечения режима «безопасного района» Бихач, полностью соответствует правилам использования воздушной силы в других «безопасных районах» (82, с. 19). Это звучало уже как полная поддержка действий НАТО.

Так постепенно утрачивался кредит доверия сербов к России. Именно поэтому так затруднены были все последующие миссии А. Козырева и других представителей России в Белграде. Потерять доверие легко. Восстанавливать же его должно не одно поколение.

Государственная дума нового созыва взяла под контроль балканскую проблему и реагировала на каждое обострение ситуации в бывшей Югославии. Мы уже ранее упомянули Заявление от 21 января 1994 г. 13 апреля депутаты возмутились решением «о применении военной авиации, к тому же без предварительных консультаций с Россией и другими членами Совета Безопасности ООН». Дума осудила односторонние силовые акции НАТО в Боснии и Герцеговине, потребовала от МИДа «выработки активной позиции по созданию эффективного механизма реализации резолюций Совета Безопасности ООН с тем, чтобы не допустить впредь принятия мер силового характера без учета мнения России» (85, с. 36). 21 апреля 1994 г. в Югославию вылетела делегация Госдумы, сформированная из представителей всех фрак-

ной с целью досконально изучить ситуацию на Балканах и доложить об этом парламенту, который должен выработать свое отношение к событиям, связанным с активизацией НАТО в Боснии и Герцеговине. По возвращении делегации нижняя палата парламента приняла документ, в котором президенту, правительству и МИДУ поручалось предпринять срочные энергичные шаги в ООН по вопросу снятия санкций с Югославии. В случае одностороннего снятия эмбарго на поставки вооружения боснийским мусульманам, Дума предполагала ввести односторонний мораторий на осуществление санкций против Югославии. Депутатами — членами Аграрной фракции на обсуждение был предложен проект Федерального Закона о приостановлении участия Российской Федерации в осуществлении международных санкций, введенных против СРЮ. 17 мая в первом чтении было принято Постановление Думы о принятии такого Закона и направлении его Президенту, в комитеты и комиссии Совет Федерации для внесения предложений и замечаний. 11 ноября, например, Дума приняла Заявление «Об односторонних действиях США, подрывающих режим эмбарго на поставки оружия в Боснию».

Авторитет А.Козырева в стране резко пошатнулся. И он всеми средствами пытался удержаться у власти. В декабре 1994 г. он даже вышел из блока «Выбор России», когда тот выступил против войны в Чечне. Е.Гайдар замечает по этому поводу, что А.Козырев присоединился к движению не по убеждению, а потому, что «Выбор России» был «партией власти». А непопулярное решение блока могло не понравиться Кремлю, а значит, повлиять и на судьбу его руководства. А.Козырев был одним из них. И он поспешил расстаться с «Выбором России» (75, с.332).

Отсутствие стратегии внешней политики, четко обозначенных интересов России на Балканах, тех целей, которых хочет достичь российская дипломатия, имело как следствие деятельность, направленную на тушение отдельных очагов напряженности в разных частях Боснии и Хорватии. Подчиненные целям внешней политики не России, а других государств, они, как правило, не имели успеха.

Осень 1994 г. прошла под знаком хорватско-сербских переговоров. Москва не отказалась от своего признания Хорватии и поэтому проблему решила в рамках хорватского государства. Усилия России были направлены на то, чтобы Хорватия предоставила сербам широкую автономию. Хорватии предлагалось стать федеративным государством, на что ни одна, ни другая сторона не соглашались. Эти ошибочные попытки и завели переговоры в тупик, как и деятельность так называемой Малой контактной группы, представившей в апреле 1995 г. план «Загреб-4». Хорватия предпочла решать свои проблемы военным путем. Россия не использовала удобный для нее момент работы над планом «3-4», чтобы показать свою сбалансированность и объективность. Хорватская агрессия осталась без адекватных действий мирового сообщества.

Следует заметить, что Россия практически не оказывала гуманитарной помощи республикам бывшей Югославии, охваченным войной. Только в январе 1994 г. премьер-министр подписал документ о гуманитарной помощи гражданам бывшей Югославии в виде лекарств и детского питания стоимостью более 80 тыс. долл. (3, с.3-4). Вся остальная помощь шла от общественных организаций и частных лиц.

Начало 1995 г. характеризуется некоторой туниковой ситуацией в переговорном процессе и урегулировании. МИД России не предпринимал никаких серьезных шагов без команды от партнеров по К1. Москва уже не могла помешать Вашингтону осуществлять свой план на Балканах. Россия присоединилась к программе «Партнер-

ство во имя мира», одобрила планы присутствия под эгидой НАТО Сил быстрого реагирования в БиГ. Даже «семерка» принимала постановление по Боснии без России, еще до приезда на встречу Б.Ельцина. Россия к тому же воевала в Чечне, и этим того года была трудной для Российской армии. И в этой связи не могу не отметить одного факта, не рассказать о двух документах, которые дал мне генерал Р.Младич 5 и 13 января он послал министру обороны и начальнику Генерального штаба армии, в которых выражал поддержку российским военным в их борьбе против «сербско-сионистских мусульманских сил Дулаева и исламских наемников». Знайте, пишет он, что «я искренне с вами, хотя и у меня много трудностей». Р.Младич даже предложил послать в помощь русским солдатам одно подразделение «самых лучших сербских сыновей как жест братства и моральной поддержки». Генерал сделал то, что не сделали наши военные, показал свою искренность, поддержку, не предал югославского братства.

В этот период «альтернативная дипломатия» в Кремле готовила поездку в Белград и Пале группы советников во главе с Ю.Батурниным. Основной идеей было рассмотреть вариант создания конфедерации между РС и СРЮ. Узнав о поездке, А.Козырев сорвал ее уже на последнем этапе. Он сделал все, чтобы в Белград и РС не поехал Ю.Лужков, известный своими гуманитарными акциями в Югославии, договорил Б.Ельцина не рассматривать подготовленный руководителями спецслужб доклад по проблемам югокризиса (83, с.96,99). А.Козыреву не удалось лишь сорвать подписание в конце февраля 1995 г. договора о военном сотрудничестве России и Югославии. Но А.Козырев был спокоен — договор вступал в силу только после снятия санкций с Югославии. А санкции отменять в полном объеме никто не собирался.

А.Козырев никак не хотел выпускать управление внешней политикой из своих рук, поэтому он так ревностно относился к любым попыткам других политиков «вступить на его территорию». Он и его заместитель Н.Иванов были против всяких контактов с Р.Караджичем, настаивали на том, чтобы все переговоры велись только с С.Милошевичем, а задача Р.Караджича — лишь подписать план КТ без каких-либо переговоров (83, с.97). Это был план-минимум. План-максимум включал признание СРЮ Боснии и Герцеговины, Хорватии. За это С.Милошевичу обещалась отмена санкций на два месяца. Сама Россия в начале февраля во время визита в Москву премьер-министра БиГ Х.Силайджича договорилась об установлении между странами официальных отношений и обмене представителями. 7–19 февраля А.Козырев посетил Белград и предложил С.Милошевичу «нестандартные шаги» — нормализацию отношений Белграда с БиГ и Хорватией (87).

Пытаясь показать Президенту свою активность, МИД заявил, что разрабатывает очередной план урегулирования в Боснии и Герцеговине. Этот план так никто и не увидел, а первый заместитель директора ДИП МИД М.В.Демурич на брифинге 28 марта сказал, что, видимо, время для окончательного варианта плана еще не наступило (88, с.77).

События весны 1995 г., когда антисербская сущность политики ООН и НАТО проявилась со всей очевидностью, МИД РФ был вынужден следовать логике своего предшествующего политического поведения. Россия вло отделилась на начало наступления мусульманских сил, нарушивших перемирие 20 марта, но проявила

¹ Департамент информации и печати.

«серьезную обеспокоенность» объявлением сербами всеобщей мобилизации (88, с. 77). В мае после хорватского наступления на Западную Славонию, МИД сделал несколько заявлений, но нигде в них не было осуждено руководство Хорватии, говорилось «о возобновлении боевых действий», стороны призывались к благоумию (89). Все последующие попытки руководства МИДа обратить внимание на развитие опасной тенденции в Хорватии успеха не имели.

Когда в конце мая 1995 г. КГ, заседавшая в Гааге, пришла к выводу о необходимости реорганизации миротворческой миссии ООН, а 3 июня министры обороны стран — участниц НАТО решили создать Силы быстрого реагирования (СБР), стало ясно, что наступил этап замены сил ООН войсками НАТО, перехода к действиям НАТО без мандата ООН. МИД России не выразил никакого беспокойства по этому поводу и решил изучить механизмы принятия решений, структуру СБР НАТО, уяснить общую концепцию и конкретные аспекты программы СБР. Репрезентант А.Козырев получил в Великобритании, где его заверили, что посылка сил НАТО в Боснию никак не нарушит мандат, выданный СБ ООН «голубым паскам». А.Козырев тогда даже высказал идею о возможном присоединении России к СБР. «Круг замкнулся, — писал К.Никифоров. — Президент, казалось, уже не реагировал на переданные ему записки. А.Козырев делал все, что хотел. И ничего в российском руководстве это, как будто, не беспокоило, никто не испытывал особого желания заниматься неблагодарным делом югославского урегулирования» (83, с. 134). Только Дума приняла два документа — «Постановление об эскалации вооруженного конфликта на Балканах», предложенное депутатом Сергеем Глотовым, и Декларацию Думы «О позиции России на современном этапе кризиса на Балканах и об инициативах по боснийскому урегулированию», предложенную Константином Затулиным. Дума рекомендовала МИДу жестко выступать против любого наращивания присутствия военнослужащих НАТО в бывшей Югославии, воспользовавшись правом вето при голосовании в СБ. Именно тогда президенту было предложено создать совместную комиссию из представителей федеральных законодательных и исполнительных органов государственной власти для выработки и координации политики России по разрешению конфликта на территории бывшей Югославии. При этом Дума впервые предложила план урегулирования из шести пунктов. Но на эти документы ни МИД, ни президент не прореагировали. «Все сделало вид, что ничего не произошло» (83, с. 135–139).

Однако активность экспертов по экономике и внешней политике РФ накануне встречи руководителей ведущих мировых держав в Галифаксе 16–17 июня 1995 г. позволила Б.Ельцину выступить с рядом инициатив. Ельцин потребовал от Большой «семерки» поддержки в вопросе создания федерации сербов в Боснии с Сербией, что по его мнению, могло бы привести к окончанию войны. Однако лидеры предложение Ельцина даже не обсуждали. Жак Ширак назвал это «только русской идеей». Ряд агентств сразу прокомментировали этот эпизод как стремление России создать Великую Сербию (58, с. 1). В разговоре с журналистами после завершения переговоров в Галифаксе Б.Ельцин сказал: «Бомбардировки авиации Атлантического пакта были большой ошибкой, которая только провоцировала сербов и мусульман на еще более жесткие военные акции. Как после этого их можно убедить в необходимости обновления политических переговоров» (57, с. 1). Тогда же он заявил, что достиг договоренности с Жаком Шираком и другими руководителями, что «СБ ООН никогда больше не позволит бомбардировки югославских территорий» (57, с. 1). Что

стоят эти заявления, когда уже меньше чем через месяц 11 июля 1995 г. сербские позиции вновь подверглись воздушным атакам. Некоторые российские газеты называли эти предложения президента «с треском провалившимися». В ответ Б.Ельцин решил повести жесткую линию и в отношении российского МИДа, пытавшегося договориться с западными партнерами об участии России в СБР, и в отношении Совета Безопасности. Но болезнь не дала ему довести свои намерения до логического завершения (83, с. 148–149).

Некоторую самостоятельность Россия проявила во время наступления хорватских войск в Западной Боснии в конце июля 1995, предложив Совету Безопасности проект резолюции, но он был заблокирован США. В это время Россия доказывала эффективность политического пути решения проблем, пыталась предотвратить военную интервенцию, обсуждавшуюся на Лондонской встрече министров иностранных дел, министров обороны и начальников штабов стран, пославших свои контингенты «голубых касок» в Югославию. В результате на Вашингтонскую встречу 31 августа Россию даже не пригласили.

Выйдя после болезни 7 августа, Б.Ельцин в интервью японской газете «Нихон Кэйдзай» выказался по балканской проблеме и расставил акценты, которые дали некоторые ориентиры в позиции России. Президента насторожил отход миротворческих сил ООН от четкого мандата на поддержание мира после того, как было возвращено тяжелое вооружение СБР, подготовлен план массированных авиаударов, переведен принцип «двойного ключа» на технический уровень. Он предложил обеспечить всем участникам переговоров равные права; боснийским сербам — право на конфедеративные связи с Югославией. До согласования всех вопросов по карте дела и проведения территориальных обменов, а также до определения конституционного устройства БиГ войска противоборствующих сторон должны оставаться на занятых позициях (53).

Однако некоторая активизация руководства России не смогла предотвратить ни операции «Буря», ни ликвидации Республики Сербская Краина, ни исхода сербов из Краины, ни последующих массированных бомбардировок сербских позиций в Боснии и Герцеговине со стороны НАТО. Россия молчаливо проглатывала пропагандистскую наживку о новых миротворческих задачах НАТО в Боснии и Герцеговине и соглашалась со всеми действиями Вашингтона. Президент России очень нерешительно осудил переход к силовому решению балканских проблем и выразил сожаление, что Россию даже не поставили в известность о готовящихся ударах. В неловком положении попал и министр обороны, сделавший накануне заявление, что НАТО не будет наносить удары по сербским позициям. Действительно, логики в этом не было никакой. Ведь сербы в Боснии успели выступить с одобрением американских мирных инициатив, приветствовали начавшийся переговорный процесс. В результате Россия закономерно оказалась в политической изоляции, благодаря логике своего дипломатического поведения и ложным внешнеполитическим идеалам.

10 августа в Москву приехал С.Милошевич. Хотя первоначально задумывалась сербско-хорватская встреча, после отказа Ф.Туджмана приехать в Россию «получился полномасштабный визит в Москву президента Сербии», — заявил представитель МИД (93, с. 60). Россия приветствовала С.Милошевича как политика, который «готов идти мирным политическим путем». Это была первая встреча президентов РФ

СРЮ. Впервые С.Милошевич смог сам лично рассказать российскому президенту о ситуации на Балканах. После разговора Б.Ельцин потребовал полного снятия санкций с Югославии. Уже 11 августа Президент России выступил с инициативой начать большую гуманитарную операцию по оказанию помощи беженцам, спасающимся от эскалации конфликта в Хорватии. Сразу же началась практическая акция. 12 августа на трех транспортных самолетах МЧС в Белград были доставлены первые 90 т продовольствия и медикаментов. 16 августа 49 грузовиков повезли в Югославию 150 т гуманитарных грузов (94, с.62).

А Дума 12 августа приняла сразу в трех чтениях три федеральных закона: «О мерах по оказанию гуманитарной помощи Союзной Республике Югославии в связи с массовым нарушением прав человека и сербского народа в Республике Хорватии», «О прекращении участия Российской Федерации в осуществлении международных санкций, введенных против Союзной Республики Югославии», «О мерах Российской Федерации по предотвращению геноцида сербского народа в Республике Хорватии». Дума потребовала рассмотреть вопрос о целесообразности приостановления участия Российской Федерации в «Программе во имя мира». Козырев сумел убедить президента в нецелесообразности всех мер, и президент подписал лишь закон о гуманитарной помощи.

США, разрабатывая в этот момент план Дейтонских переговоров, стремились сделать последующие шаги России вполне предсказуемыми. В Сочи, где отдыхал А.Козырев, прилетел помощник президента США по национальной безопасности Энтони Лейк. Он хотел заручиться поддержкой российской министра при подготовке политического решения. А.Козырев как всегда выступал за согласованные решения и готов был как всегда начать работу «с Белградом и сербами», которая неоднократно давала положительные результаты». Россия должна была начать «самый активный зондаж», проверку реакции сербской стороны на готовящееся урегулирование (94, с.64,66).

НАТО в конце лета готовилась к массированным бомбовым ударам по сербским позициям. Россия фактически дала зеленый свет действиям НАТО — осудив «обстрел жилых кварталов Сараева» и обвинив в этом руководителей Республики Сербской, Москва «легализовала» повод для начала бомбовых ударов (95, с.68). МИД не мог не знать о заявлении российских офицеров о невинности сербов, но проигнорировал их и тогда, и после. Поэтому все последующие требования России о прекращении военных акций НАТО и СБР, протесты, в том числе и Заявления Президента и правительства РФ, успеха не имели. А резкие высказывания российской стороны сразу меняли тональность представителей НАТО и США — ни о каком взвешенном и сбалансированном подходе, к которому маниакально продолжала призывать российская сторона, НАТО и ее Генеральный секретарь В.Клас и слышать не хотели (95, с.69). Россию даже не поставили в известность о существующем меморандуме о взаимопонимании ООН и НАТО, опираясь на который натовцы вели военные действия против сербов в Боснии и Герцеговине с таким размахом

В сентябре Совет Думы рекомендовал президенту освободить Андрея Козырева от должности министра иностранных дел «за совершенные им и возглавляемым им министерством многочисленные серьезные ошибки, приведшие к унижительному провалу российской дипломатии на Балканах» (54). Но А.Козыреву предстояло возглавлять российскую дипломатию еще четыре месяца.

В ноябре Ельцин послал к Младичу высших офицеров с просьбой вернуть двух сбитых французских пилотов. Младич был очень огорчен, позже он говорил мне: «Сколько мы ни просили о военной помощи и поддержке, со стороны России не было никакой реакции. И впервые группа офицеров приехала лишь, чтобы просить о Франции». Военное братство осталось лишь в воспоминаниях.

В Дейтоне всем правили американцы — они разрабатывали цели, способы их достижения, они расписывали сценарий и руководили спектаклем. Ричард Холбрук в своей книге подробно описывает ежедневный переговорный процесс. Представителя России Игоря Иванова он упомянул лишь один раз, и то в связи с удачно рассказанным анекдотом. Россия согласилась со всеми предложениями США и даже подписала 8 ноября договор, по которому российские военные будут находиться в Боснии под русским командованием, но в американском секторе при соблюдении единоначалия командующего войсками НАТО в БНГ. Попытка России внести предложение по военному приложению — усилить роль ООН, ограничить употребление силы — успеха не имели. Холбрук записал в своем дневнике, что предложение Москвы было легко проигнорировать, поскольку она уже подписала договор о своем присутствии в американском секторе, не будучи составной частью сил НАТО (95, с. 281).

22 ноября 1995 г. СБ принял Резолюцию 1021 об отмене эмбарго на поставки оружия. Свою заслугу российской дипломатия видела в том, как отмечалось на брифинге в МИДе 23 ноября, что смогли добиться изменения изначального подхода — «дискриминационного в отношении боснийских сербов и не предусматривавшего никакого международного контроля за возобновлением поставок оружия. В резолюции по настоянию российских дипломатов отражен равный подход ко всем сторонам. Выполнено условие о поэтапности, поставленное в послании Б.Н.Ельцина Б.Клингтону: отмена эмбарго начнет постепенно вступать в силу только через три месяца, запрет на поставки тяжелых вооружений и военной авиатехники сохраняется на полгода. Этапы отмены теперь более четко привязаны к обязательствам сторон по ограничению вооружений в регионе. Обозначена роль Комитета СБ по санкциям в контроле за поставками оружия». И далее пассаж: «В таком виде резолюция была позитивно воспринята в ООН. За нее проголосовали практически все члены СБ (Россия воздержалась)». Получается, что Россия не голосовала за те предложения, которые сама же и выдвинула. А если она озабочена «опасными последствиями возможного бесконтрольного развития событий на Балканах», то почему не наложила вето на эту резолюцию? Опять сработал принцип «коллективности», и, воздержавшись, наша дипломатия посчитала, что проявила «принципиальность и ответственность за судьбу все еще хрупких дейтонских соглашений» (96, с. 70).

Стратегическим просчетом российской дипломатии было согласие о передаче полномочий от командующего СООНО командующему Силами по выполнению Соглашения, которые должны действовать под руководством, управлением и политическим контролем Североатлантического совета через командные инстанции НАТО. После этого вернуть назад значение миротворческих операций ООН было уже невозможно. Продолжением полустительской деятельности подобного рода стала агрессия НАТО против Югославии в 1999 г.

Превращение международных организаций, призванных содействовать урегулированию столкновений мирными средствами, в мирового жандарма проходило при активной поддержке России, когда российский МИД не смог и не хотел занять самостоятельную позицию в балканском кризисе. При этом постепенно утрачивались собственно российские интересы в угоду интересам других государств.

Основная ошибка российской дипломатии заключалась в том, что она с начала кризиса не имела своей собственной концепции разрешения конфликта, не смогла выступить в роли арбитра и посредника, а играла только отводившуюся ей второстепенную роль, выполняя указания партнеров. Но отношения с западными странами и США были далеко не партнерские. В период с 1991 по 1993 г. Россию вообще отстранили от участия в решении кризиса, видимо боясь ее исторически-традиционного отношения к сербам, а с конца 1993 г. отвели некрасивую роль «пресса» без прав и полномочий. Вера сербов в Россию, исторические связи, любовь сербского народа использовались российской дипломатией в политических целях Запада.

Такая позиция связана с тем, что Россия пыталась проводить свою внешнюю политику, не желая прямой конфронтации с Западом, стремясь быть принятой в семью влиятельных западных стран. Поэтому при нестабильной внутренней ситуации ее внешняя политика без колебания выбрала путь следования в фарватере Запада, чтобы получить экономические и политические дивиденды. Россия дала обещание сохранять европейское единство и строго придерживалась своего обязательства. Следует, однако, признать, что некоторые усилия российской дипломатии несли в себе рациональное зерно, не давали в одночасье расправиться с сербами, хотя в целом, как мы знаем, итог деятельности российской дипломатии был далеко не радужный. Если оценивать роль России в урегулировании балканского конфликта, то она была скорее неплодотворной и неуспешной, чем результативной.

Среди вольных или невольных просчетов российской дипломатии следует назвать:

1. Поспешное признание независимости Словении, Хорватии, БИГ.
2. Присоединение к санкциям ООН против СРЮ.
3. Поддержку политики двойных стандартов в подходе к сторонам конфликтов.
4. Узязку вопроса об участии России в урегулировании с внутренним политическим устройством Сербии.
5. Поддержка всех резолюций СБ ООН, даже если Россия видела их односторонность.
6. Позволение использовать Россию в качестве инструмента давления исключительно на сербскую сторону с целью получения максимальных уступок.
7. Невыполнение данных сербам обещаний.
8. Нежелание прогнозировать последствия политики Запада для национальных интересов России.

Министерская карьера А.В.Козырева завершилась в конце 1995 г. Тогда уже все смело стали писать о его ошибках и промахах. Даже всегда осторожные «Известия» исполнили себе резкую критику прозападной ориентации министра. «Были романтические иллюзии в отношении Запада и желание покрепче ухватиться за власть, заручившись поддержкой — прежде всего США — против внутренних оппонентов, «красно-коричневых». В экстазе слияния были забыты на первых порах и фактор

силы, и принцип самостоятельности, и понятие национального, государственного интереса — этой основы всякой серьезной дипломатии, всякой государственности. А забывших рано или поздно достигают те самые мстительные, хотя и медленно вращающиеся жернова истории» (60). «Политик должен уметь вовремя уйти в отставку. За последние два года судьба несколько раз предоставляла Козыреву такую возможность. Ни одной из них он не воспользовался. Даже в октябре прошлого года, когда Ельцин публично унизил его, министр, словно ожидая какого-то чуда, продолжал судорожно цепляться за свое кресло. Мучительная агония, растянувшаяся на две с половиной месяца, стала печальным финалом столь многообещающе начавшейся карьеры первого министра иностранных дел постсоветской России» (59).

Критикуя А.Козырева в программе Российского телевидения «Вести» 5 января 1996 г., Б.Н.Ельцин не делал анализа внешней политики России, не выявлял ошибок министра на том или ином направлении, а заметил просчеты лишь в администрировании: «Чего у Козырева не хватает? У него не хватает человека, а его самого тем более не хватает, потому что он все время в разъездах, кто бы занимался аппаратом самого Министерства?» (79). Но в России и так всем было ясно, что министру давно было пора менять. После отставки А.Козырева, которая произошла как раз 5 января 1996 г., многие СМИ стали писать и говорить о нем то, что не могли позволить себе раньше. В интервью радиостанции «Эхо Москвы» Руслан Хасбулатов заявил: «Козырев не оказал позитивного влияния на внешнюю политику России с самого начала, в 1991, 1992 гг., Козырев разделял всеобщую эйфорию, что у нас теперь нет противников, что мы друзья со всем миром и у нас нет больше противоречий. Эта линия представлялась мне совершенно ошибочной, потому что на протяжении тысячи лет всегда существовали и будут существовать интересы государства. А это сильнее идеологии, коммунизма или антикоммунизма и прочего» (79). По мнению специалистов экспертно-информационной группы «Панорама», Козырев был одним из «наиболее нелюбимых левой оппозицией министров», снятия с него требовали все, включая «центристский» Гражданский союз (79). А газета «Зеркало недели» 19 января 1996 г. писала даже о том, что и подчиненные Козырева, мидовцы, его «презирали и не любили» (79).

По мнению «Московских Новостей», «особенность российского партнерства с Западом состоит в том, что чем менее равноправным оно будет, тем меньше шансов оно имеет на выживание. В этом смысле Андрей Козырев серьезно подорвал его перспективы, поскольку был заведомо согласен на зависимую роль России. В результате идея сотрудничества с Западом внутри страны была во многом дискредитирована. Вторая ошибка Козырева состояла в недооценке стратегического значения России для Запада...» (62).

К началу 1996 г. для России складывается самая неблагоприятная стратегическая ситуация. НАТО занимала последний европейский регион, не охваченный своим влиянием. Югославия разделена на части, вокруг традиционных союзников России сжималось кольцо войск НАТО — военные базы Америки и НАТО были размещены в Албании, Македонии. Запад всячески поддерживал сепаратистские тенденции в Черногории, а окончательное снятие санкций с Сербии оговаривалось только рядом унижительных условий.

¹ Имеется в виду в октябре 1995 года.

Приход нового министра иностранных дел РФ совпал с постдейтонским периодом, когда балканский кризис казался полностью разрешенным. Все ожидали, изменится ли внешняя политика России на Балканах, хотя возможностей для ее проявлений оставалось не так уж много. После 1995 г. наступает новый этап развития внешней политики России, когда с приходом в МИД Е.Примакова Балканы постепенно стали занимать в ней одно из приоритетных мест. Почувствовав «возобновляющееся соперничество с Россией» (73,с.22), Е.Примаков попытался разработать новую доктрину внешней политики Москвы.

4. Поиск новых ориентиров во внешней политике

Четвертый период внешней политики России можно было бы назвать периодом разочарования в быстрой интеграции в западную систему европейских ценностей. После «kozyревской» внешней политики на Балканах, Россия перестала быть фактором, определяющим ход событий в этом регионе. Пошатнулось традиционное влияние России в Сербии, Черногории и Македонии, с Россией мало считались руководители региональных организаций, наоборот, упрочившие свои позиции.

Мы все с надеждой ждали резкого поворота во внешней политике, связывая его с новым министром иностранных дел Е.М.Примаковым. Лично я уповала на его осведомленность (возглавлял Службу внешней разведки), склонность к аналитическому мышлению, умение ставить интересы России на первое место, известную всем честность, неподкупность. Е.Примаков знал о событиях на Балканах, в январе 1993 г. встречался в Белграде с С.Милошевичем. Обнадеживала его позиция, что министр не должен позволять себе «делить российское общество на разные цвета: белые, красно-коричневые, зеленые и так далее», что внешняя политика не должна осуществляться в интересах отдельных людей или партий, а должна быть общегосударственной (102,с.216). Однако новые параметры внешней политики России вырисовывались медленно. Речь еще не шла о создании целостной концепции, но Е.М.Примаков уже обозначил направления изменения политики. Об этих изменениях говорилось ненавязчиво, и это создавало впечатление осторожности. Однако за этим стояла продуманность каждого шага и четкое понимание того, что важно для России. Главными пунктами, которые Е.Примаков заявил уже в первые дни, были — сохранение территориальной целостности России, укрепление центростремительных тенденций на территории бывшего СССР, стабилизация международного положения на региональном уровне, предотвращение расширения НАТО на Восток (202,с.218–219).

Столкнувшись с последствиями антинациональной политики Козырева, Е.М.Примаков уже в марте 1996 г. сказал об «*активной политике по всем азимутам*», целью которой было: создать наиболее благоприятные условия для того, чтобы сохранялась целостность России; играть роль контрбаланса тех негативных тенденций, которые проявляются в международных делах; пытаться сбалансировать неблагоприятные моменты, которые проистекают из главенствующей роли только одной державы в мировом международном процессе при переходе от двухполюсного мира к многополюсному; гасить те дестабилизирующие факторы, которые есть в мире, активно участвовать в ликвидации конфликтных ситуаций (97).

Одними из первых вопросов, которые Е.Примаков пытался решить в должности министра, были снятие санкций с Югославии, о чем он настаивал во время переговоров с У.Кристофером 9 февраля 1996 г., и будущее НАТО. Е.Примаков не сомневался, что с Россией решили не считаться при расширении НАТО, поэтому усилия его ведомства были направлены на то, чтобы минимизировать последствия этого процесса, не сходя с негативной позиции в отношении расширения НАТО.

В августе 1996 г. министр заявил о необходимости отстаивать национальные интересы России, «идя даже на разногласия, предположим, с США, — но в рамках партнерства, не сползая к конфронтации». Министр выразил недовольство и складывающейся системой главенства одной державы в системе международных отношений когда право милловать и казнить принадлежит только одной стране. Он подчеркнул, что «двухполюсный мир ранее соперничавших двух сверхдержав и блоков должен эволюционировать не к однополюсному под командой США, а к многополюсному, где у России больше маневра для защиты национальных интересов» (98). Эти темы отражали лишь поиск новых ориентиров во внешней политике, которая еще не была конкретизирована. Балканам пока в ней не было отведено какого-то определенного места.

С упрочением позиций Е.М.Примакова его внешнеполитическая концепция становится более четкой. Ее общие контуры он нарисовал 28 апреля 1998 г. в докладе на научной конференции «Юбилейные Горчаковские чтения», определив концепцию как «рациональный прагматизм». По его мнению, России по плечу активная внешняя политика, которая должна быть многовекторной и не ограничиваться одним направлением. Россия должна играть роль одного из ведущих государств на международной арене и стремиться к сохранению и укреплению международной стабильности и безопасности, не соглашаясь с миропорядком, определяемым одной державой. Вместо маневрирования между великими державами, отжившего свой век, вместо создания коалиций Россия должна добиваться конструктивных партнерских отношений со всеми образующимися мировыми полюсами. Отношения с США, которые придется большое значение, считал министр, должны строиться на взаимовыгодной основе. «Наша страна не может при этом отказываться от равноправного и взаимовыгодного партнерства с ними, игнорировать и не защищать свои интересы, приносить в жертву накопленные за всю историю России позитивные ценности и традиции, в том числе и в имперский, и в советский периоды» (99, с. 15). Министр образно выразился о желании российской дипломатии «всплывать поля совпадающих интересов». Целью новых ориентиров внешней политики России должно стать, по словам министра, укрепление территориальной целостности страны.

При министре иностранных дел Е.Примакове происходили перемены во внешней политике России, суть которых можно было бы свести к следующим положениям.

1. Уже не делалось утверждений об обязательности единства членов СБ и КГ. Теперь Е.Примаков утверждал, что «наша реакция в Совете Безопасности зависит от адекватности предлагаемых мер той ситуации, которая будет существовать на тот момент» (103).

2. Российская дипломатия стала стремиться принимать политические решения на основе экспертных оценок, а не наоборот. Это в корне меняло процесс проведения анализа событий и подготовки решений.

3. Российская дипломатия пыталась показывать примеры самостоятельности, инициативности и активности, что проявилось: в иракском кризисе, при решении проблем Косова, а также в осуждении бомбардировок США Афганистана и Судана 10 августа 1998 г.

4. Россия категорически отвергла применение сил НАТО при решении национальных конфликтов как самостоятельного фактора без одобрения Совета Безопасности, хотя и не смогла этому противостоять в марте 1999 г.

5. Москва пыталась укрепить международные организации, такие, как ООН и ОБСЕ, усилить их значение в системе европейской и мировой безопасности.

6. И еще одна особенность, которая связывается с именем Е.М.Примакова: он не был согласен с тем, что все должны равняться на США как на единственный полюс влияния.

Таким образом, все перечисленные выше позиции отрицают существовавшую стратегию и тактику его предшественника А.Козырева. Трансформация роли России в международных отношениях проходила одновременно с укреплением позиции самого министра. Его стали считать одной из самых серьезных фигур мировой дипломатии.

Участие в КГ, необходимость наблюдать за постдейтонским пространством, а также нестабильность на Балканах, новые очаги конфликтов обусловили появление среди приоритетов внешней политики России балканского направления. Это совпало с целым рядом других соображений: необходимостью восстановления партнерства после пяти лет его разрушения, поиском стран, которые могли бы сохранить военный нейтралитет в условиях всеобщего стремления в НАТО, определением своего места в складывающейся системе европейской и мировой безопасности. По уровню экономического развития, формам транзитии и связанными с ней проблемами Россия была ближе к странам Балканского региона, чем развитым странам Европы. Участие в урегулировании на Балканах, степень влияния на процесс принятия решений были важным показателем места и роли России в системе международных отношений. Е.Примаков связывал активную роль России, в частности, и со способностью мирового сообщества преодолеть новые опасности, «не допустить превращения Косова в одну из наиболее опасных горячих точек на земном шаре» (99, с. 14).

Однако сначала российская дипломатия чувствовала себя несколько неуверенно по югославскому вопросу в уже сложившейся системе взаимоотношений в Контактной группе, Совете Безопасности. На ее позицию влияли условности и «традиции» Контактной группы, стереотипы поведения США и НАТО на Балканах, шаблоны определения виновников конфликта. Постепенно отличительной чертой России становилось то, что в системе уже распределенных ролей в КГ России стала подавать не только реплики, но и читать монологи. При осуждении проблем Косова в КГ Россия впервые имела особое мнение по ряду пунктов, хотя и не могла противостоять стремлению к международному вмешательству в косовские дела. По вопросу Косова Россия стояла на следующих позициях: «Во-первых, Косово — внутреннее дело Югославии; во-вторых, о выходе края из состава Югославии не может быть и речи; в-третьих, необходимо прекращение враждебных действий и начало переговоров о статусе Косова в Югославии» (102, с. 342). Такая точка зрения была отражена в итоговом документе Совета по выполнению мирного соглашения по Боснии и Герцеговине на заседании, состоявшемся 9–10 декабря 1997 г. в Бонне. Не-

понятно только, почему Совет вышел за рамки своих полномочий и стал рассматривать вопрос, который не относится к Боснии и Герцеговине?

После обострения ситуации в Косове 9 марта 1998 г. в Лондоне состоялось заседание КГ. Е.Примаков вспоминал: «США, Великобритания, ряд других европейских стран высказали предложение о введении экономических и иных санкций против Югославии. И на самом заседании, и в кулуарах имел место откровенный обмен мнениями. Я уговаривал моих коллег отказаться от экстремистской постановки вопроса в отношении Белграда. В этом мы видели возобновление попыток «принизить» или вообще убрать С.Милошевича. Россия зарезервировала особую позицию по ряду неприемлемых моментов, поддержав лишь положения, предусматривающие временные ограничения на поставки в СРЮ оружия и техники военного назначения, исходя из того, что они будут в полной мере распространяться и на территорию Косова, куда для албанских боевиков потекло вооружение из различных стран» (102, с.342–343). На основе этого решения КГ Совет Безопасности 31 марта принял Резолюцию 1160 о запрете на поставки вооружения в Югославию. Именно в этом была очень *серьезная ошибка* российской дипломатии. Неужели у нашего МИДа и СВР не было данных о готовящейся операции НАТО против Югославии? Неужели наши руководители не знали, что происходит на самом деле в Косове, и верили в рассказы о массовых захоронениях, этнических чистках и зверствах полиции? Неужели кто-то серьезно верил, что данное решение остановит поставки оружия в Косово? Неужели никто не проанализировал итоги действия международных организаций в Хорватии, Боснии и Герцеговине? На худой конец, неужели они не проводили никаких параллелей с Чечней, не сравнивали с нашей необходимостью бороться против сепаратизма и терроризма? В этих условиях эмбарго на поставки вооружения Югославии равнялось запрещению государству в условиях агрессии на ее территории защищаться. Непростительными являются и такие действия, как уговаривание С.Милошевича «отвести воинские части в места их постоянной дислокации, взять на себя ответственность за начало переговоров с Руговой и объявить об этом, согласиться на приезд в Косово наблюдателей ОБСЕ» (102, с.343). Мог бы сегодня, когда российские войска почти освободили Чечню от бандитских формирований, Е.Примаков дать команду нашим войскам оставить Чечню и выйти за пределы республики, а после этого разрешить европейским наблюдателям открыть свои представительства? Именно этого сегодня добиваются наши европейские партнеры. Но пример Югославии не позволяет нам допустить этого. Тогда же, в марте 1998 г., близорукость и недалекость российской дипломатии, которая неожиданно стала использовать методику А.Козырева в наращивании давления на Белград, позволила натовцам теперь уже беспрепятственно готовиться к агрессии против Югославии.

Это особенно непонятно, если учесть, что российский министр во время работы в КГ видел, что члены КГ настойчиво хотели избежать в документах упоминания о решении проблемы Косова в рамках Сербии, что Запад зангрявает с Черногорией и стремится к окончательному развалу Югославии при резком ослаблении Сербии, что у него зародились подозрения, как он пишет, что «дело ведется к «промежуточному» решению — превратить Косово наряду с Сербией и Черногорией в третью республику в составе Югославии, а потом...» (102, с.344).

На заседании КГ в Бонне 25 марта, благодаря настойчивости Е.Примакова, уда-

ность избежать эскалации требований и мер в отношении Белграда, на которых настаивала Мадлен Олбрайт. Но на других заседаниях КГ (29 апреля в Риме и 9 мая в Лондоне) России не удалось противостоять натиску других членов и, «чтобы сохранить явно позитивный заряд другой части резолюции, решили не торпедировать ее, сфиксировать в документе свое несогласие с решением о немедленном замораживании зарубежных авуаров правительства Сербии и Югославии, а также о запрете на новые иностранные инвестиции» (102, с.346–347). Но такая позиция не повлияла на применение резолюции.

В апреле 1998 г. министр иностранных дел России Е.Примаков выразил позицию России уже более определенно, выступив против попыток отделения Косова от Сербии и против размещения в крае «иностранных войск под чьим бы то ни было флагом», хотя разобраться в статусе Косова нашим дипломатам было еще трудно: было предложено предоставить албанцам право на самоуправление и связать статус края с «выходом на федеральный уровень» (100). В июне во время заседания КГ в Лондоне, акцент в российской позиции был сделан на то, чтобы не допустить применения силы НАТО против Югославии. Е.Примаков полагал, что опасность такого сценария становилась все более очевидной, хотя сам, судя по всему, до конца в это так и не верил (102, с.348).

Важным моментом в кристаллизации российской политики стали переговоры российского руководства с президентом Югославии С.Милошевичем (16 июня 1998 г.). Россия имела шансы на успех переговоров прежде всего потому, что это был разговор аргументов и Москва *слушала* Белград. Это означает, что впервые аргументы югославской стороны были услышаны, оценены и проанализированы. Югославия заявила о готовности продолжить переговоры с албанской стороной, обеспечить свободу передвижения по всей территории Косова, гарантировать полный доступ в край гуманитарных организаций, обеспечить возвращение в край всех беженцев. После переговоров с Милошевичем Е.Примаков сказал: «Сейчас мяч находится на стороне албанцев».

На Смоленской площади полагали, что теперь ситуация в Косове нормализуется, и разработали следующую тактику поведения: продолжить контакты с С.Милошевичем, чтобы контролировать выполнение московских договоренностей; установить и развивать диалог с албанской стороной, чтобы способствовать успеху переговоров; добиваться сближения позиций ОБСЕ с Белградом, в КГ выработать формулу о будущем статусе Косова в рамках Югославии и предложить ее в качестве основы сторонам для переговоров; попытаться вовлечь США в лоно политического, а не военного урегулирования конфликта. Основываясь на этих принципах, российская дипломатия вела активную работу в Контактной группе. Но в Совете Безопасности готовилась резолюция со ссылкой на Главу VII Устава ООН, которая позволяла применение силы в случае угрозы международному миру. Россия открыто заявила, что будет голосовать против такой резолюции. Этого было достаточно, чтобы все партнеры по КГ встревожились и начали оказывать давление на Е.Примакова. Тогда Кннкель, как нищий Е.Примаков, с согласия партнеров по Контактной группе инициировал, который находился на отдыхе в Сочи, с нарочным «архиважное личное послание по Косову». Е.Примаков расценил его как беспрецедентное по своей жесткости, чуть завуалированное товарищеской откровенностью (102, с.322–355). При-

водим это письмо с небольшими сокращениями, ибо оно показывает напряженность ситуации, в которой оказалась Россия:

«... Международное сообщество, и здесь мы все в одной лодке, оказывается перед угрозой не найти решения кризиса в Косово. Все больше нас упрекают в том, что мы должны были бы извлечь уроки из событий в Боснии и что не может быть, чтобы мы все вместе не решили проблему Косово. К сожалению, должен тебе сказать, я опасаясь, что это может иметь отрицательные последствия для России, потому что — по крайней мере есть много таких высказываний — российская политика по отношению к Косово не в состоянии поддержать решительные действия международного сообщества.

Я вижу приближение значительных рисков для:

— отношений между Западом и Россией, включая отношения между Россией и НАТО;

— позиции России в Совете Безопасности и способности России играть свою роль в урегулировании международных кризисов;

— роли России в контактной группе;

— нашей способности конструктивно и сообща сотрудничать в других областях, включая экономические и финансовые вопросы.

Я вижу опасность обособления России, если она будет противиться решительным мерам по Косово в Совете Безопасности.

Растет давление общественности в столицах государств — членов НАТО, требующей рассмотреть возможность военного решения без предварительного принятия резолюции по Главе VII. Существует опасность, что барьеры окончательно разваливаются. У меня такое ощущение, что я, настанвая на правовой позиции, которую по-прежнему считаю правильной, могу попасть в трудное положение, если Россия продолжит препятствовать принятию решения вопроса Косово в Организации Объединенных Наций. В этой связи я настоятельно призываю тебя одобрить принятие в Совете Безопасности резолюции по Главе VII.

... Президент Милошевич не выполнил свои обещания, данные Президенту Ельцину. Президент Милошевич, кроме этого, обещал тройке ЕС, что очередного серьезного наступления не будет. На следующий день наступление началось. Кроме того, у меня не сложилось впечатление, что Белград намерен вести переговоры по существу вопроса. Что касается косовских албанцев, то ОАК все больше переходит к партизанской тактике. Естественно, это является последствием последнего наступления сербских сил безопасности. Делегация на переговорах в нынешнем составе не имеет поддержки ни оппозиции, ни воинствующих элементов, ни независимых личностей.

В такой обстановке шансы на перспективный диалог, который приведет к конкретным результатам, крайне низкие.

Честно говоря: при всей интенсивности усилий, приложенных, в частности, и Президентом Ельциным, тобою и замминистра Афанасьевским, эти международные усилия почти не увенчались успехом. Все усилия, приложенные контактной группой, тройкой ЕС и ОБСЕ, а также двусторонние усилия не приблизили нас к политическому урегулированию.

Как будем поступать дальше?

Достижение политического урегулирования возможно только в том случае, если международное сообщество повысит нажим на обе стороны с тем, чтобы они договорились о перемирии и вели переговоры по существу. Этого лучшим образом можно

достичь, приняв в Совете Безопасности резолюцию по Главе VII Устава ООН. Такая резолюция должна была бы показать политический путь, о котором договорилась консультативная группа, затронуть гуманитарные проблемы и открыть дорогу к принятию принудительных мер, поддерживаемых всем международным сообществом, и — подчеркнуваю, как *ultima ratio* — к военным принудительным мерам.

Мы нуждаемся в такой реакции, чтобы продемонстрировать решимость международного сообщества как единого целого по отношению к Белграду и косовским албанцам. Если это не удастся, то санкции в большей степени окажутся неэффективными. Если, наконец, события сводятся к тому, что НАТО провела принудительные военные меры без резолюции по Главе VII, то политическая слабость России стала бы очевидной. Я уже не хочу говорить о серьезных последствиях для роли Совета Безопасности как органа, несущего ответственность за сохранение мира и стабильности, а также для способности России активно сотрудничать в урегулировании международных кризисов.

В общественном мнении в Германии — и в других западных столицах — усиливается представление, что Россия препятствует осуществлению решительных действий международного сообщества. И мне все чаще задают следующие вопросы: действительно ли в российских интересах, чтобы ее восприняли как «протектора» Милошевича? В чем заключаются последствия для роли России как партнера на международной арене, если международная безопасность и стабильность поставлены под угрозу? Как же Запад сможет проявить солидарность с Россией и впредь? Поверь мне, что эти вопросы все чаще и чаще оказывают влияние на возможности наших политических действий.

Если решение в соответствии с Главой VII приниматься не будет, то это воспримут как карт-бланш для политики Милошевича, направленной на вооруженное угнетение и запугивание косовских албанцев, в частности подавляющего большинства мирного населения, которое не участвует в вооруженных действиях ОАК. Германские средства массовой информации требуют быстрого ответа на эту гуманитарную катастрофу. Германская общественность все в большей мере обеспокоена растущим числом беженцев, устремляющихся в Германию (мы исходим из того, что 400 000 косовских албанцев проживают в Германии и ежемесячно добавляются 2000 лиц, ходатайствующих о получении убежища).

Я пишу все это тебе как человек, который действительно пытается вдуматься в ситуацию в России и которому, как ты знаешь, очень близки отношения с Россией. Именно потому, что я очень озабочен, я думаю, что я как друг обязан так откровенно тебе все сказать...

Желаю твоей стране, чтобы она скоро выбралась из финансовых трудностей. Тебе желаю приятных дней в Сочи».

В ответ представитель Клауса Кинкеля услышал позицию России, состоящую из четырех «нет»: натовской вооруженной операции против Белграда; выходу Косова из Югославии; эскалации санкций против СРЮ; сохранению нынешнего статуса Косова, который не представляет автономии этому краю. Такая позиция России заставила задуматься партнеров по КГ. 27 августа МИД РФ подготовил Рабочий план по предотвращению гуманитарной катастрофы в Косове, но заключительный и самый драматичный период развития событий в Косове уже был связан с именем министра иностранных дел Игоря Иванова, поскольку в сентябре 1998 г. Е.Примаков был назначен председателем правительства.

Вступление И.Иванова в должность совпало с обострением ситуации в крае. Он продолжил курс на отстаивание территориальной целостности Югославии, выступил категорически против применения силы в урегулировании проблемы края, настаивая на обязательном применении принципов и норм международного права. Россия неожиданно для Запада в условиях тяжелейшего экономического кризиса нарушила естественный ритм систематического и беспрепятственного выполнения НАТО своих планов. Казалось, что Россия впервые смогла стать контрбалансом негативных тенденций в системе международных отношений, как об этом не раз заявлял Е.Примаков. Министр в этом вопросе получил поддержку всех ветвей российской власти. Однако И.Иванов требовал от Белграда срочных мер по выправлению ситуации в крае, по прекращению вооруженных действий, отводу Югославской армии, по обеспечению условий для возвращения беженцев, веря, что эти меры могут предотвратить действия НАТО. Прием миссии ОБСЕ, возобновление деятельности спецпредставителя президента США Ричарда Холбрука осенью 1998 г., соглашение между СРЮ и НАТО о воздушном контроле за ситуацией, а также Резолюция 1203 хотя и отводили на какое-то время нанесение силовых ударов по Югославии, но не предотвращали их окончательно. Просто делали их неизбежными, но уже при опоре на ряд правовых документов, под которыми стояла и подпись России.

В декабре 1998 г. Россия и Югославия подписали протоколы о военно-техническом и научно-техническом сотрудничестве в области обороны. В Думе в октябре 1998 г. были проведены парламентские слушания на тему «Угрозы европейской безопасности в связи с расширением НАТО (на примере событий на Балканах)». По итогам слушаний депутаты признали «непосредственную (без участия ООН) деятельность НАТО по урегулированию конфликтов в Боснии и Албании равнозначной недопустимому вмешательству во внутренние дела суверенных государств или вооруженной агрессией». Но решения НАТО и деятельность США сводили на нет все усилия России по политическому урегулированию ситуации в Косове. Они разжигали информационную шумиху и активно вели дело к применению силы при полном игнорировании позиции России.

Таким образом, внешняя политика России с начала 90-х годов прошла сложный путь — от бездействия через сосредоточение к попытке обозначения национальных интересов, к активному участию в событиях на Балканах. Однако российская активность продлилась недолго и была вновь использована Западом в своих интересах.

Список источников и литературы

1. Абаринов В. Козырев оправдывает применение силы против боснийских сербов // *Сегодня*. — М., 1994. — 28 апр. — С. 1.
2. Вестник ИТАР-ТАСС. — М., 1992. — 9 июня.
3. Вестник ИТАР-ТАСС. — М., 1992. — 5 июня.
4. Вестник ИТАР-ТАСС. — М., 1993. — 26 февраля.
5. Вестник Министерства иностранных дел СССР. — М., 1991. — 31 авг / 30 сент. — № 16 / 18(98/100). — С. 34.
6. Батурич А., Грызунов С. Москва раздражена тем, что НАТО не предупредила о бомбардировке сербов в Боснии // *Известия*. — М., 1994. — 12 апреля. — С. 1.

7. Дробков В. Ужесточение санкций // Правда. — М., 1993. — 20 апр. — С. 3.
8. Дипломатический вестник. — М., 1993. — № 13/14. — С. 38.
9. Андреев Л. Слово о Сербии // Литературная Россия. — М., 1992. — 25 дек. — С. 13.
10. Выступление А.В.Козырева во внешнеполитическом обществе Дании // Дипломатический вестник. — М., 1993. — № 5/6. — С. 10–11.
11. Выступление А.В.Козырева на пресс-конференции по итогам встречи в Женеве // Дипломатический вестник. — М., 1994. — № 15/16. — С. 7–9.
12. Выступление А.В.Козырева на совместном заседании палат Верховного Совета РФ 12 февр. 1993 г. // Дипломатический вестник. — М., 1993. — № 5/6. — С. 39–42.
13. Bilten vesti. — Moskva, 1993. — 28 dec. — 3 s.
14. Bilten vesti. — Moskva, 1993. — 9 febr. — 6 s.
15. Bosnian government forces advance in rebel enclave // Reuters & AFP newsfile service. — NY, 1994. — 22 June.
16. Заявление представителя МИД Российской Федерации // Дипломатический вестник. — М., 1994. — № 9/10. — С. 64–65.
17. Заявление МИД Российской Федерации // Дипломатический вестник. — М., 1994. — № 17/18. — С. 48.
18. Заявление МИД Российской Федерации // Дипломатический вестник. — М., 1994. — № 9/10. — С. 63–64.
19. Решительность НАТО и упорство сербов ставят российскую дипломатию в тяжелое положение // Известия. — М., 1994. — 13 апреля. — С. 1, 3.
20. Российские парламентарии в Совете Европы // Российская газета. — М., 1992. — 13 нояб. — С. 7.
21. К принятию резолюции СБ ООН по БиГ // Дипломатический вестник. — М., 1993. — № 17/18. — С. 47.
22. Из брифинга специального представителя Президента РФ заместителя министра иностранных дел РФ В.И.Чуркина // Дипломатический вестник. — М., 1994. — № 7/8. — С. 24–28.
23. Из брифинга специального представителя Президента РФ заместителя министра иностранных дел РФ В.И.Чуркина // Дипломатический вестник. — М., 1994. — № 3/4. — С. 37–43.
24. Из брифинга специального представителя Президента РФ заместителя министра иностранных дел РФ В.И.Чуркина // Дипломатический вестник. — М., 1993. — № 19/20. — С. 10–14.
25. Козырев А. Россия и Босна: Интервью // Интервью. — Белград, 1994. — 24 јун — № 338. — С. 14–15.
26. Козырев А. В. «Преображение или кафкианская метаморфоза»: демократическая внешняя политика России и ее приоритеты // Независимая газета. — М., 1992. — 20 авг. — С. 1, 4.
27. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. — М., 1993. — Январь. — Специальный выпуск.
28. Интервью лорда Оуэна // ИТАР-ТАСС, серия СЕ. — М., 1993. — 30 апреля. — Л. 7.
29. История СССР с древнейших времен до наших дней. — М.: Наука, 1967. — Т. IV.
30. Кузнецовский В. Чьи интересы отражает линия Козырева? // Российская газета. — М., 1993. — 7 мая. — С. 7.
31. Лукин В. Партнерство должно быть равноправным // Московские новости. — М., 1994. — 17/24 апр. — № 16. — С. А 12.
32. Лукин В. Сотрудничать не в ущерб своим интересам // Московские Новости. — М., 1993. — 24 окт. — С. 15А.
33. Надеев В. Прохлада в пресмыках — предвестник холодного мира // Известия. — М., 1995. — С. 2, 3.

34. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. первая 1804–1807 гг. — М.: Наука, 1980. — 480 с.
35. Переоценки ценностей не произошло // Независимая газета. — М., 1994. — 22 апр. — С. 2.
36. Нашего посла не нашли // Куранты. — М., 1994. — 29 янв. — С. 2.
37. Петрова Н. Внешняя политика России должна стать президентской // Независимая газета. — М., 1995. — 18 мая. — С. 2.
38. Пресс-конференция В.И.Чуркина 10 февр. 1993 г. // Дипломатический вестник. — М., 1993. — № 5/6. — С. 20–22.
39. Пресс-конференция заместителя министра иностранных дел РФ В.И.Чуркина 29 янв. 1993 г. // Дипломатический вестник. — М., 1993. — № 5/6. — С. 15–18.
40. Пресс-конференция С.В.Лаврова 24 февр. 1993 г. // Дипломатический вестник. — М., 1993. — № 5/6. — С. 22–24.
41. Пресс-конференция специального представителя Президента РФ, заместителя министра иностранных дел РФ В.И.Чуркина 30 апреля 1993 г. // Дипломатический вестник. — М., 1993. — № 11/12. — С. 15–17.
42. Опачич П. Кромсание Сербии в двух мировых войнах // Югославский кризис — манипуляции, ложь, насилие. — [М., 1995.] — С. 27–68. Рукопись.
43. Цитата // Московские новости. — М., 1994. — 23/30 янв. — № 4. — С. А 2.
44. Шмелев Б., Язькова А. Заключение // Балканы: между прошлым и будущим. — М., 1995. — С. 216–222.
45. Щиринов М. Наш триумф против американского // Куранты. — М., 1994. — 23 марта. — С. 3.
46. Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т.1. — М.: Славянская летопись, 1992. — 372 с.
47. Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии. Современная история Югославии в документах. Т.2. — М., 1993. — 503 с.
48. Юсин М. Под давлением Москвы боснийские сербы идут на уступки // Известия. — М., 1994. — 3 марта. — С. 3.
49. Юсин М. Москва добилась смягчения Резолюции Совета Безопасности по Югославии // Известия. — М., 1992. — 21 сент. — С. 1.
50. Чуркин В. Стол переговоров лучше, чем поле боя // Вечерняя Москва. — М., 1994. — 4 февр. — С. 8.
51. Русиња не подржати поштравање санкција // Borba. — Beograd, 1992. — 25 jul. — S.2.
52. Что на уме у Москвы? // Правда. — М., 1995. — 12 авг. — С. 1,3.
53. Борис Ельцин: «Славянский союз» — дело прошлое // Комсомольская правда. — М., 1995. — 10 авг. — С. 5.
54. О варварстве цивилизаторов // Советская Россия. — М., 1995. — 7 сент. — С. 1.
55. Возвращение России на Балканы // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 13 июня. — С. 13–16.
56. Шифротелетграмма «О проекте резолюции Совета Безопасности с санкциями против СРЮ» Преступление МИДа // День. — 1992. — 7–13 июня. — № 23(51). — С. 1.
57. Bilten vesti. — Moskva, 1995. — 20 jun. — 4 s.
58. Bilten vesti. — Moskva, 1995. — 18 jun. — 4 s.
59. Юсин М. Упущенный шанс министра Козырева // Известия. — М., 1996. — 10 янв. — С. 1.
60. Кондрашов С. Уход верного Андрея: Почему и что дальше? // Известия. — М., 1996. — 10 янв. — С. 3.
61. Юсин М. Над Белградом сгущаются тучи // Известия. — М., 1992. — 29 мая. — С. 6.

62. Пушков А. Смена министра или смена курса? // Московские Новости. — М., 1995. — 22/29 окт. — № 73. — С. 5.
63. Здержание Караджича может сорвать выборы в Боснии и Герцеговине // Сегодня. — М., 1996. — 18 июля. — С. 1.
64. Разговор со С. Стояновичем 4.07.1996 г. в Белграде (магнитофонная запись).
65. Каджичевич В. Моје виђење распада. — Београд, 1993. — 170 с.
66. Guskova J. Jugoslovenska kriza i Rusija: dokumenti, fakta, komentari (1990–1995). — Beograd. IMPP, 1996. — 404 s.
67. А между тем в парламентах // Российская газета. — М., 1992. — 6 июня. — С. 6.
68. Рыбкин И. Мы обречены на согласие. — М.: Междунар. отношения, 1997—408 С.
69. Рыбкин И. Россия обрежет согласие. — М.: Междунар. гуманитарный фонд «Знание»/Межрегиональный фонд «Согласие», 1997. — 496 с.
70. Публикация документов «Дорогой Андрей!..» // День. — М., 1992. — № 30 (58). — 26 июля / 1 авг. — С. 1, 4.
71. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. — Београд: Политика, 1995. — 491 с.
72. Бодсон Ж. Нова светски поредак и Југославија. — Београд, 1996. — 242 с.
73. США в новом мире: пределы могущества. — М.: Российский институт стратегических исследований, 1997. — 564 с.
74. Беплосс М., Тэлботт С. На самом высоком уровне. Закулисная история окончания «холодной войны». Пер с англ. — М.: АО «Все для вас», 1994. — 400 с.
75. Гайдар Е. Дни поражений и побед. — М.: Вагриус, 1996. — 366 с.
76. Документ ООН. S/25699.
77. Козырев А.В. Внешняя политика преобразующейся России // Вопросы истории. — М., 1994. — № 1. — С. 3–11.
78. Самуйлов С. М. Международные кризисы в Европе: содержание, роль Запада и политика России. — М.: Рос. Научн. Фонд, 1994. — 91 с.
79. НСН: Национальная служба новостей. <http://www.nsn.ru>.
80. Документ ООН. S/24312.
81. Юсин М. Боснийский кризис вверг Москву в замешательство // Известия. — М., 1994. — 12 февр. — С. 3.
82. Визиты, консультации, переговоры // ИТАР-ТАСС: Серия «ДИПКУРЬЕР». — М., 1995. — Август. — № 15 (17). — С. 13–16.
83. Никифоров К. Между Кремлем и Республикой Сербской. — М.: Инст. славяноведения РАН, 1999. — 262 с.
84. Брифинг специального представителя Президента РФ по урегулированию конфликта в бывшей Югославии А.Н.Зотова 27 декабря 1994 г. // Дипломатический вестник. — М., 1995. — № 2. — С. 36–39.
85. Заявление Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации // Государственная Дума: Постановления и другие документы. 17 февраля — 13 апреля 1994 г. — М.: Известия, 1994. — 36 с.
86. Предательство: как это делается. Запись основного содержания беседы А.В.Козырева с государственным секретарем США Дж.Бейкером // Правда — 5. — М., 1995. — 27 окт./2 нояб. — С. 3.
87. Поездка А.В.Козырева в Белград // Дипломатический вестник. — М., 1995. — № 3. — С. 18.
88. Брифинг. Ответы на вопросы журналистов // Дипломатический вестник. — М., 1995. — № 4. — С. 77–78.

89. Заявление МИД Российской Федерации 2 мая 1995 г., 4 мая 1995 г. // *Дипломатический вестник*. — М., 1995. — № 5. — С. 69–70.
90. Ельцин Б. Записки президента. — М.: Огонек, 1994. — 416 с.
91. Козырев А. Пресображенне. — М.: Междунар отношения, 1995. — 336 с.
92. Костиков В. Роман с президентом. — М.: Вагриус, 1997. — 352 с.
93. Брифинг 10 августа // *Дипломатический вестник*. — М., 1995. — № 9. — С. 60–61.
94. Брифинг 15 августа // *Дипломатический вестник*. — М., 1995. — № 9. — С. 62–67.
95. Брифинг 31 августа // *Дипломатический вестник*. — М., 1995. — № 10. — С. 68–69.
96. Брифинг 23 ноября // *Дипломатический вестник*. — М., 1995. — № 12. — С. 69–71.
97. Примаков Е.М. Интервью // *Известия*. — М., 1996. — 6 марта. — С. 3.
98. Примаков Е.М. Интервью // *Известия*. — М., 1996. — 9 авг. — С. 3.
99. Примаков Е.А. Россия в мировой политике // Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. — М.: МИД РФ, 1998. — С. 9–16.
100. Доклад на научной конференции «Юбилейные Горчаковские чтения» в МГИМО 28 января 1998 г.
101. Программа, обращенная в XXI век // *Российская газета*. — М., 1996. — 26 сент. — С. 7.
102. Примаков Е. Годы в большой политике. — М.: Совершенно секретно, 1999. — 448 с.
103. Примаков Е.М. Интервью // *Независимая газета*. — М., 1998. — 30 мая. — С. 6.

ГЛАВА VII

Югославия в опале

1. Создание СРЮ, жизнь в условиях изоляции

После безуспешных переговоров с руководителями всех югославских республик, стремившихся к самостоятельности, Сербия и Черногория решили осуществить свое право «не выходить» из Югославии. 27 апреля 1992 г. на торжественном заседании Скупщины СФРЮ, Народной Скупщины Республики Сербии и Скупщины Республики Черногории в полном соответствии с волеизъявлением своих граждан¹ остаться в совместном государстве под названием Югославия и строго придерживаться мирного решения югославского кризиса народные представители этих двух республик провоз-

Югославия Республика
Белград

¹ В Черногории 1 марта 1992 г. состоялся референдум.

гласили продолжение государственного, международного, правового и политического статуса СФРЮ в новом совместном государстве Союзной Республике Югославии (СРЮ). СРЮ объявила о признании всех югославских республик, провозгласивших независимость, об отсутствии территориальных претензий к бывшим республикам СФРЮ, об исполнении всех обязательств в отношении территории Краины, находящейся под защитой войск ООН.

В новой (третьей) Югославии осталось 39,9% территории бывшей СФРЮ (184, с. 1). В составе Республики Сербии находятся два автономных края — Воеводина, Косово и Метохия. Население Югославии в 1992 г. составляло 10,5 млн. человек, из них в Сербии — 9,79 млн., а в Черногории — 616,5 тыс., в Воеводине — 2 млн., в Косове и Метохии — 1,7 млн. человек (46, с. 40/1). По переписи 1991 г. в Сербии 65% населения исповедует православную веру, 5% — католическую, 2,2% — исламскую, 0,9% — протестантскую (151, с. 1).

В Сербии сербы составляли в 1991 г. 65,9% населения, черногорцы — 1,4, хорваты — 1,1, албанцы — 17,1, мусульмане — 2,5, венгры — 3,5% (80, с. 12). Территориально Сербия разделена на 185 общины и 4 города (Крагуевац, Ниш, Нови-Сад, Приштина). Белград представляет собой особую самостоятельную территориальную единицу.

В Черногории по переписи 1991 г. черногорцы составляли 61,84% населения республики, мусульмане — 14,62, сербы — 9,29, албанцы — 6,64, хорваты — 1,02%. Около 150 тыс. черногорцев жили в Сербии. Экономически активное население составляло 33% от общего состава населения (79).

27 апреля 1992 г. была принята Конституция СРЮ, которая предполагала суверенитет, равноправие и самостоятельность Сербии и Черногории в составе демократического государства с единым экономическим пространством. СРЮ брала на себя обязательства выполнять все международные договоры прежней Югославии и готова была вести переговоры с бывшими союзными республиками не только о разделе имущества и государственного долга, но и об обновлении хозяйственных, транспортных, энергетических и других связей.

Первоначально правопреемство Югославии бывшей СФРЮ почти не вызывало сомнений. Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали на пресс-конференции в Нью-Йорке 19 марта заявил, что нет никаких препятствий тому, чтобы новая Югославия задержала себе прежнее имя и осталась членом ООН. Однако появились и другие точки зрения относительно признания Югославии международным правовым наследником бывшей Федерации.

Лорд Каррингтон обратился к Арбитражной комиссии помочь в разрешении сложных правовых вопросов. Сербия, например, полагала, что республики, провозгласившие суверенитет, *вышли* из состава СФРЮ, в то время как эти самые республики настаивали на факте *дезинтеграции* Югославии и, соответственно, на прекращении ее существования. Отсюда проистекало требование равноправия всех республик в наследовании прав СФРЮ. Арбитражная комиссия рассмотрела документы, предоставленные ей Боснией и Герцеговиной, Хорватией, Македонией, Словенией, Черногорией, Сербией и Президиумом СФРЮ, и пришла к выводу, что требования республик законны с точки зрения международного права, что федеральные органы больше не отвечают критериям федерального государства, что «СФРЮ находится в процессе распада» со всеми вытекающими отсюда международно-правовыми последствиями (143, с. 104). Поэтому, если некоторые республики захотят жить вместе, это будет означать создание нового объединения, нового государства. С этим позволили себе не согласиться

представители Сербии и Черногории. По мнению Президиума СФРЮ, «решение о выходе из Югославии и создание одного или нескольких новых субъектов не могут поставить под вопрос продолжение существования Югославии, если хотя бы два государственнообразующих субъекта выразят желание остаться в общем федеративном государстве» (22). Арбитражная комиссия, на объективность которой очень надеялись народы Сербии и Черногории, была крайне предвзятой. Она поспешно признала законное право на сессессию всех республик, заявив, что они обладают всеми чертами государственности, объявила их границы не подлежащими изменению. Ссылаясь на то, что «право на самоопределение не может привести к изменению границ, которые существовали в момент независимости», сербам в Хорватии и БиГ было отказано в самоопределении и обещаны права национальных меньшинств (143, с.105). Однако эти же самые принципы международного права не были применены к самой федерации. Правительство Югославии высказалось против того, чтобы считать мнение Арбитражной комиссии компетентным. «Принципиальная позиция СР Югославии заключается в том, что все вопросы, относящиеся к всестороннему урегулированию югославского кризиса, должны решаться путем переговоров между СР Югославией и всеми бывшими югославскими республиками» (156, с.10). А в случае разногласий следует обращаться в Международный суд ООН.

Перед новой Югославией стояли нелегкие задачи: реорганизация политической и экономической систем, создание стабильного гражданского общества, решение социальных проблем, перестройка армии, преодоление последствий войны с Хорватией. Однако руководство страны реально оценивало международную ситуацию и предвидело, что «действия некоторых политиков и некоторых правительств, которые не благосклонны к Сербии», имеют вполне конкретные планы — «свести Сербию к возможно меньшей территории; нейтрализовать военную силу Сербии путем дискредитации, а если возможно, и поражения ЮНА; навязывать и раздувать все внутренние и внешние трудности через проблемы Косова и внутреннюю политическую конфронтацию; прератить Сербию (всеми этими средствами, а также различными ограничениями) в периферийное балканское государство, не обладающее силой влиять на свою судьбу и сопротивляться внешним давлениям» (148).

В мае 1992 г. начали сгущаться тучи над Югославией в связи с событиями в Боснии и Герцеговине. Письмо Б.Бутрос-Гали, демарш Совета Безопасности и Резолюция 752, направленные в Югославию примерно в одно и то же время (15–21 мая), требовали от Югославии прекращения вмешательства в дела БиГ и вывода из Боснии и Герцеговины Югославской народной армии. Президиум и правительство Югославии в ответном письме от 26 мая сообщили, что с 19 мая ни одного югославского военного в Боснии и Герцеговине нет, а граница с БиГ уже 30 дней закрыта для военных формирований, что Югославия готова к полному сотрудничеству с ООН (149). В телеграмме Б.Бутрос-Гали накануне голосования в Совете Безопасности Президиум СРЮ подчеркнул, что впервые в истории ООН собирается наказать страну, которая не имеет ни одного военного за границами своей территории, которая даже не объявила мобилизацию своих вооруженных сил, которая разместила на своей территории 400 тыс. беженцев, включая и несколько десятков тыс. мусульман, постоянно посылает гуманитарную помощь в БиГ, постоянно принимает меры к мирному разрешению кризиса (150). Однако запланированных санкций избежать не удалось. Нашелся и повод, и «локомотив», толкающий эту идею, и исполнители, не выразившие сомнения в правомерности санкций.

30 мая 1992 г. Совет Безопасности проголосовал за введение тотальных санкций против Югославии. В стране их восприняли с болью и непониманием. Никто в Югославии не мог поверить, что свои подписи под Резолюцией 757 поставили Франция и Россия. По стране прошла волна стихийных митингов, на которых сербы выражали недоумение позицией бывших друзей и союзников. Памятник сербско-французской дружбе на Калемегдане был покрыт черным покрывалом, стихийно выходявшие на демонстрации люди обвиняли Россию в предательстве многовековой дружбы, продажности Западу. Сербские крестьяне, собравшись на митинг около российского посольства в Белграде, накалывали доллары на посольскую ограду, выкрикивая: «Вы продались американцам за обещанные кредиты! Они все равно вам ничего не дадут. Обратились бы к нам, и мы собрали бы для вас деньги!».

Введение санкций не было для Югославии полной неожиданностью, но в них верилось с трудом из-за их нелогичности и необъективности. Попытка Югославии исправить положение задним числом успеха не имела. В тот же день С.Милошевич направил обращение к Б.Ельцину и Д.Бушу, в котором старался объяснить ситуацию, обратить внимание на необъективность подхода ко всем сторонам конфликта, подчеркнуть, что сложный спор нуждается в конструктивной интернационализации, выражалась просьба к США и России возложить урегулирование в БиГ, «установить совместное командование над вооруженными формированиями в Боснии и Герцеговине (152,с.223). Одновременно Президиум СРЮ направил Генеральному секретарю ООН телеграмму с просьбой срочно созвать Международную конференцию по Югославии, на которой Югославии пошла бы на ряд уступок, включая и расположение миротворческих сил на границе между СРЮ и БиГ. 2 июня Президиум СРЮ принял решение обратиться к сербам в Боснии с категорическими требованиями — открыть Сараевский аэродром, прекратить артобстрел Сараева, обеспечить продвижение любой гуманитарной помощи по территории РС. Все последующие обращения к Ельцину, российскому парламенту, Генеральному секретарю ООН не смогли изменить ситуацию или каким-либо образом повлиять на Резолюцию 757 (152,с.223–229). Министр иностранных дел СРЮ В.Йованович писал в те дни «Мы воспринимаем санкции как несправедливую и бесполезную меру конфронтационного характера, которую предпринимают в тот момент, когда для этого не было никаких оснований» (154).

Одной из причин введения санкций было желание западных стран изменить политический режим в Югославии, оказать давление на С.Милошевича. Однако для внутреннего развития страны введение санкций имело обратный эффект. Страна должна была поверить в необходимость противостоять санкциям, отбросить разногласия, объединиться вокруг идеи самосохранения. Начала возобладать идея ответственности внешних сил за положение в стране. А положение С.Милошевича выправлялось. Если в марте 1992 г. 42% избирателей полагали, что он несет ответственность за обострение ситуации, то в октябре эта цифра снизилась до 30%. И с 31 до 35,7% увеличилось число тех, кто верил в международный заговор против Югославии (182,с.204).

Развитие Югославии после мая 1992 г. проходило в крайне трудных условиях. Страна оказалась в центре кризиса на Балканах, в силу внутренних и внешних причин вовлеченная в вооруженные столкновения в Хорватии и БиГ в 1991 и начале 1992 г. Осужденная ООН и наказанная суровыми тотальными санкциями, она продолжала находиться под пристальным вниманием международных организаций, посредников разного ранга, дипломатов и руководителей ведущих стран, требовавших от нее активного участия в урегулировании военных столкновений. Не имея возможности подробно

описать внешнеполитическую деятельность государства, сосредоточим основное внимание на двух аспектах — внутриполитическом и экономическом развитии Югославии, помня о том, что это развитие проходило под огромным влиянием внешнего фактора.

Распад федерации очень болезненно отразился на всех сферах жизни Югославии. А политическая и экономическая изоляция страны приостановила нормальный процесс оживления новой жизни, перестройки государственного аппарата, политических и экономических реформ. Развитие демократии и только зарождавшейся многопартийной системы приобретало уродливые формы в силу целого ряда обстоятельств, среди которых главным:

- вмешательство западных стран и России во внутренние дела Югославии, выдвигание ряда условий к руководству страны по устройству политической системы;
- постоянно довлевший над субъектами политической системы трудноразрешимый выбор между патриотизмом, историческим романтизмом, требовавшим помочь братьям-сербам в Хорватии, БиГ, с одной стороны, и страхом перед еще большим насилием, перед полной политической и экономической изоляцией — с другой;
- отсутствие международной поддержки с какой бы то ни было стороны, что полностью лишало чувства уверенности в правильности принимаемых решений.

Сосредоточив все свои силы на проблеме снятия санкций, пытаясь выжить в труднейших экономических условиях, руководство страны огромные усилия тратило на контакты с представителями международных организаций, доказывая свою невиновность и стремление к сотрудничеству. Слабость и неискушенность только что появившейся оппозиции, традиций коммунистического режима, доставшиеся в наследство правящей Социалистической партии Сербии, а также сложность ситуации, в которой оказалась страна, вели к росту авторитаризма в стране.

Создание новой федерации требовало строительства новых структур власти. Было объявлено о проведении в конце мая 1992 г. выборов в вече граждан Союзной Скупщины, в Скупщины автономных краев и местные органы власти. Созданный в мае оппозиционный блок — Демократическое движение Сербии (ДЕПОС) — требовал отложить выборы, создать уставотворную Скупщину (Конституционное собрание), собрать «круглый стол» всех политических партий, разоружить все незаконные формирования, провозгласить амнистию тем, кто отказался воевать. Но руководство Югославии торопилось сформировать органы власти, чтобы не потерять контроль над страной. На следующий день после введения санкций в Югославии состоялись выборы. Ведущие оппозиционные партии Сербии и Черногории бойкотировали выборы, обвиняя СПС в неспешности их проведения, в неравноправности предвыборных партий, в несправедности принятия Конституции. На избирательные участки вышли лишь 56% избирателей. Голосовавшие в Сербии большинство голосов отдали правящей Социалистической партии Сербии (43,44% голосов, 73 места в Вече граждан) и Сербской радикальной партии В.Шешеля (30,44%, 33 места), в Черногории — Демократической партии социалистов, 69,13% голосов (47, с.75; 79).

Югославам пришлось ощутить действие санкций буквально на следующий день. Многие страны заявили о начале их выполнения и потребовали закрытия в своих столицах югославских посольств и консульств. Международная футбольная федерация запретила спортсменам из Югославии участвовать в международных соревнованиях. Уже 2 июня США прервали воздушное сообщение с СРЮ и заморозили банковские счета Югославии в американских банках (214 млн. долл.), прекратили научно-техническое и куль-

турное сотрудничество, а ЕС приняло сообщение о совместных действиях в торговом эмбарго против Югославии. 7 июня закрывается сербско-румынская граница для провоза товаров, многие страны вводят режим виз для граждан Югославии.

После выборов политическая атмосфера столицы продолжала оставаться напряженной. В Белграде проходили митинги против политики руководства, которое, по мнению митингующих, довело страну до санкций. К Милошевичу обратились ученые, собрав 3 тыс. подписей, 30 студенческих организаций Белградского университета, оппозиционное движение ДЕПОС, требуя оставить пост президента Сербии. Телеграммы поддержки оппозиционного движения шли со всех концов страны. В республике ширилось антивоенное движение под лозунгом «Не рассчитывайте на нас». С. Милошевича в то время поддержал лишь В. Шешель, который полагал, что лидер СПС не должен подавать в отставку до тех пор, пока страна находится под санкциями (47, с. 81). Митинги протеста, многодневные забастовки студентов длились до начала июля. Запад поддерживал оппозицию и грозил бомбардировкой Белграда; организация «Врачи без границ» распространили во Франции плакат, на котором С. Милошевича сравнивали с Гитлером.

Политическая элита искала в этой ситуации человека, который бы мог предложить стране выход из создавшейся трудной внутренней и международной ситуации. Выбор пал на известного писателя, популярность которого шагнула далеко за пределы Югославии, любимца читающей публики, академика Сербской академии наук и искусств Добрицу Чосича. Давно отойдя от политики, Д. Чосич долго колебался, когда ему предложили баллотироваться на пост президента Югославии. Пересилило желание быть полезным Отчеству в трудную минуту, попытаться силой своего авторитета вывести страну из состояния отчаяния. В интервью газете «Вечерние новости» Д. Чосич сказал: «Если принадлежишь народу, то сегодня ему служишь безгранично. Конечно, мне нелегко было отказаться, может быть навсегда, от завершения моего цикла романов. После долгого сопротивления и сомнений в самом себе я понял, что отказ от самого тяжелого неизвестного труда в нашей стране в данных условиях был бы моим предательством народа, а также черной книгой в собрании моих трудов» (157, с. 1).

Почему же С. Милошевич допустил избрание Д. Чосича и М. Панича, если контролировал ситуацию? По мнению С. Стояновича, С. Милошевич преследовал две цели: с одной стороны, с их помощью он хотел пробить информационную, политическую и дипломатическую блокаду, а с другой, снизить внутреннее напряжение, вызванное нападками оппозиции на его режим (146, с. 126). Кроме этого, думается, С. Милошевич, зная мягкий характер академика и его интеллигентность, стремился использовать его как свадебного генерала, не допустить к власти, а, напротив, попытаться укрепить свою.

Вот как вспоминает Д. Чосич свою первую встречу с С. Милошевичем: «Мы долго разговаривали. Я говорил ему, что хотел бы стать человеком перемен, а не новым Ивановом Рибаром. Мне тогда казалось, что он это хорошо воспринял... Но когда я думаю об этом сейчас, то понимаю, что мы оба обманулись, оба были разочарованы. Он был убежден, что я, как писатель, формально займу эту должность и поддержу его режим. Не буду поднимать волны, как говорится. Ведь он меня не знал. Впрочем, как и я его. Я верил, что он пожертвует своей властолюбивой страстью ради общих интересов. Я верил, что Слободан Милошевич является таким патриотом, который поймет, что общие нацио-

нальные интересы предполагают отставку узких партийных интересов и авторитарных амбиций, что пробил последний час приступить к серьезным изменениям в государстве и обществе. Это было моим самым большим заблуждением, когда я согласился с предложением должности президента» (147, с.233).

15 июня 1992 г. в день своего избрания Д.Чосич пообещал приложить все усилия, чтобы объединить все силы народа на пути демократического преобразования общества, провести новые демократические выборы, избрать правительство демократического единства, начать конституционные изменения (47, с.82). Избрание нового президента страны, с именем которого связывали демократические перемены, возможность диалога оппозиции и власти способствовали окончанию протеста. Студентам было обещано выполнить их требования, а оппозиции — обсудить актуальные проблемы страны на «круглом столе».

На должность премьер-министра был приглашен американский предприниматель сербского происхождения М.Панич¹. М.Панич не скрывал своего стремления сместить С.Милошевича, он заявил об этом журналистам на аэродроме в Будапеште, еще до своего избрания. Тогда многие решили, что этот план был разработан в Америке и стал основным условием американского руководства, одобрявшего избрание М.Панича. Появились даже сведения, что уже при первой встрече М.Панич спросил С.Милошевича не о погоде и здоровье семьи, как принято, а о том, когда он оставит должность президента (158, с.54,55). С.Джукич пишет в своей книге, что С.Милошевич согласился принять отставку, и уже была составлена бумага, которую должны были подписать он и Бейкер: после отставки С.Милошевич занимает должность президента американско-югославского банка, ему и его семье гарантируется американская виза, с СРЮ сразу снимаются санкции. Однако через несколько дней якобы под давлением своей жены, пишет С.Джукич, президент Сербии отказался от своих намерений (158, с.56).

В глазах общественности появление на политической сцене Д.Чосича и М.Панича должно было принести стране облегчение. Действительно, дипломатические двери им открывались значительно быстрее, чем предшествующему руководству. Д.Чосичу оказывали уважение ведущие политики мира, их покорила его интеллигентность, порядочность и всенародная любовь. Его слову верили. Д.Оуэн вспоминал, что Д.Чосич создавал впечатление человека, для которого «важнее веры — сербская история и ритм сердца» (180, с.65). М.Панич в отличие от Д.Чосича действовал энергично и эмоционально. Он с американской напористостью взялся за решение сербских проблем, плохо понимая местную специфику, не владея ситуацией и не понимая сербского менталитета. Им двигал неоправданный оптимизм и желание любым путем остановить конфликт. По сути своей он был ориентирован на бывшую Югославию, надеялся на восстановление федерации и предлагал, например, мусульманам совместные действия в этом направлении (48).

Вспомнивая одну из первых встреч с ним, Б.Йович пишет: «Он перебил меня и начал быстро говорить всякие небывлицы, не связанные с жизнью. Будто он упал с неба (и так и есть). Начал ругать и нас, и сербов в бывшей БиГ, что он все сразу сделает по-другому, что согласится со всем, в чем нас мир обвиняет, признает всех, кого мир признал, что мы не можем идти наперекор всем и т.д.» (20, с.481).

¹ Милан Панич — 63-летний калифорниец, миллионер, родившийся в Белграде, в 1955 г. покинувший страну. Выбран на должность премьер-министра СРЮ 14 июля 1992 г.

Одними из важнейших задач нового руководства республики стали конституирование государства, обеспечение его правопреимственности, отмена принятых Советом Безопасности экономических и политических санкций в отношении Югославии. Д.Чосич начал большую работу с представителями МКБЮ Д.Оузном и Т.Столтенбергом по выработке новых предложений мирного урегулирования в БиГ.

Д.Чосич пытался дистанцироваться от президента Сербии, готов был играть самостоятельную роль как президент СРЮ, что не всегда нравилось С.Милошевичу. Д.Чосич вспоминал, что их сближали только внешнеполитические проблемы. «Мы вынуждены были сотрудничать, и избегали говорить о различиях. Слободан не допускал разговоров о внутренней политике, и я перестал пытаться, считая самым важным сохранить наш союз в защите страны и создании условий для мира в Боснии. Вероятно тогда я был единственным неединомышленником Слободана, с которым он был вынужден сотрудничать, хотя бы некоторое время» (147, с.233).

Милан Панич начал миротворческую деятельность энергично: за 35 дней он посетил 16 стран. Он едет на переговоры к А.Изетбеговичу в Сараево, символически передает сербский танк мусульманам, начинает десятидневное турне по США, Великобритании, Испании, Швейцарии и Венгрии. Во время встреч с А.Зулфикарпашичем, в то время главным политическим лидером БиГ, М.Панич удивил своего собеседника тем, что назвал боснийских сербов «бандитами, неконтролируемой бандой» и предложил поставить контроль ООН на границе Сербии и БиГ, чтобы перекрыть сербам доставку оружия и добровольцев (48). Он говорил также: «Я требую от Объединенных Наций установить сильный контроль между Сербией и Боснией, но вот, видите, Объединенные Нации на это не реагируют... Если вы успеете договориться с Чосичем, а он как президент республики командует армией, мы запретим армии помогать боснийским сербам... Караджич и тот Колсвич... — обычные бандиты, убийцы, с которыми не хочу разговаривать. Сербские демократы против этой войны» (48). Он охарактеризовал С.Милошевича как авантюриста, которого он исключит из сербской политики. М.Панич действовал быстро, был непредсказуем, напорист, самоуверен. Его высказывания не щадили никого из балканских политиков, его действия, которые часто походили на американские шоу, вызывали раздражение в стране. Тем не менее, по выражению С.Джукича, он сумел внести некоторую динамику в ряды социалистов (158, с.58).

Политический портрет С.Милошевича еще только предстоит написать. Он, безусловно, является исторической личностью, фигурой крупной, неоднозначной, противоречивой. Его ругала вся страна и... голосовала за него. Его отставки желали многие лидеры с мировым именем, и все предпочитали вести переговоры именно с ним. Являясь президентом Сербии, С.Милошевич был фактическим лидером всей страны. Напомним, что С.Милошевич начинал свою политическую карьеру как кадровый партийный работник коммунистической системы: в 1986 г. он был избран председателем ЦК Союза коммунистов Сербии. В 1987 г. его популярность стремительно вознеслась — он сумел очень быстро укрепить свою власть, используя феномен национального чувства сербского народа, впервые открыто начал говорить о несправедливом положении Сербии и сербского народа в югославской федерации. Его выступление в Косово-Поле в апреле 1987 г., где он пообещал сербскому народу защиту, было воспринято как национально ориентированное, а сам С.Милошевич постепенно становился лидером национального сербского движения. В 1988 г. он организовал ряд манифестов

ций и так называемых «митингов истины» (Ужице, Валево, Заечар, Шабац, Крушеван, Кралево, Вране, Лесковац, Крагуевац, Ниш, Белград), на которых собиралось от 100 до 300 тыс. человек. Воодушевленные возможностью впервые говорить о своих национальных чувствах, проблемах власти, люди скандировали имя С.Милошевича, носили его портреты и посвящали ему стихи и песни. К концу 80-х годов, благодаря народной поддержке и любви, он, как пишут сербские ученые, «выделился из партийно-государственной олигархии и стал независимым носителем политического суверенитета», фактически «неприкосновенным политическим правителем Сербии», перестал делить власть с «остатками олигархии», создал свой штаб близких советников, «интимный круг посвященных» (145,с.97).

После распада СКЮ и крушения однопартийной системы С.Милошевич продолжал оставаться самым популярным политическим деятелем республики. Не было сомнения, что его изберут на предстоящих выборах президентом Сербии. Используя свою популярность, он добился изменений в Конституции Сербии. В июне 1990 г. на плебисците по поводу необходимости конституционных изменений, который проходил под лозунгом создания единой и суверенной Сербии, ограничения прав автономных краев, С.Милошевич получил поддержку 97% населения. 28 сентября была принята Конституция Сербии, которая ограничивала власть парламента и значительно расширяла права президента¹. Законодательно создавались основы для укрепления личной власти президента. С.Милошевич легко добился поста президента Сербии на выборах в декабре 1990 г., когда 63% избирателей отдали ему свои голоса. Под сенью его славы баллотировались в парламент и представители СПС. В результате бывшие коммунисты получили в Скупщине 3/4 мест (145,с.100).

Между лидером партии и самой партией, как полагают ученые, специально записывавшиеся исследованием этой проблемы, сложились отношения полной и беспрекословной подчиненности. В СПС не существовали фракции, в партии не было второго или третьего человека. Существовал только один лидер. Через представителей СПС в парламенте С.Милошевич мог легко проводить свои решения: чисто внешне демократический механизм государственного управления работал исправно (145,с.100).

Именно личными амбициями, преувеличенной самоуверенностью некоторые ученые объясняют ошибки С.Милошевича в самом начале кризиса: не гибкая, жесткая политика по отношению к Западу, нежелание идти на компромисс с оппозиционными силами в марте 1991 г., неуступчивость в переговорном процессе с бывшими республиками (145,с.101). Те, кто знал С.Милошевича, кто был вхож к нему, вспоминают, что он всегда молча выслушивал советников, иногда делал записки, но никогда не высказывал своего мнения по тому или иному вопросу. Предполагалось, что он не желал, чтобы знали его позицию, обсуждали в прессе. Вся ответственность за принятие решений С.Милошевич брал на себя.

Личность С.Милошевича продолжает волновать западных политиков. Они пытаются разгадать феномен его популярности и политической стабильности. Ричард Холбрук, помощник госсекретаря США, вспоминал, что «из-за успеха в распространении сербского фанатизма многие считали его экстремистским националистом, но он не был

¹ Парламент терял контроль над деятельностью президента, президент получал большие права по введению чрезвычайного положения в стране, возможность его отзыва была сведена к минимуму (см.145,с.98-99).

националистом: он только использовал его, чтобы добиться власти». Запад вплоть до 1995 г. считал С.Милошевича «самым могучим сербом в бывшей Югославии», ответственным за войну в Хорватии, БиГ, развязавшим войну в надежде объединить всех сербов этого региона под общим знаменем (153). Американский посол в Югославии У.Циммерман писал, что он смог понять «мистирию» этого человека. По его мнению, существует два С.Милошевича. Один — «упрямый, авторитарный, воинственный, со склонностью к созданию хаоса и приверженный силе, с помощью которой он создает Великую Сербию». Другой — «общителен, любезен, кооперативен и всегда искал разумные решения для Югославии» (184, с.43).

Д.Чосич после недолгой совместной политической деятельности с С.Милошевичем характеризовал его как опытного политика лишь в обороне и непосредственной борьбе. «Интеллигентен, но в целом скромных знаний и одностороннего образования. Ординарный волонтерист в политике, который действует исключительно на основе собственных оценок... Бессовестный по отношению к своим врагам, но сентиментальный по отношению к своим последователям. Обманывает как Тито: дерзко, самоуверенно говорит заведомую ложь, выступает со своими выдумками, так как считает, что цель оправдывает средства, и что должность даст ему на это право. Он остался своенравным деспотом без оригинальных и великих идей, настоящий техник власти... Я пришел к выводу, что для него личная власть дороже интересов государства...» (147, с.240).

Исследование общественного мнения в Белграде в марте 1992 г. показало, что 42% опрошенных считали руководство Сербии во главе со Слободаном Милошевичем виноватыми в ситуации, в которой находится Сербия. Внешние силы винили 31%, внутренние — 14%. В июле 1992 эти цифры увеличились соответственно до 44,5%, 32,4% и 7%. В ноябре 1993 г. большинство (35,7%) уже обвиняли внешний фактор, а руководство во главе с Милошевичем — 30,1%. Следовательно, внешний фактор как причина кризиса в устах сербов стал доминировать. По мнению исследователей, режим Милошевича укрепился, хотя санкции были введены именно с целью его низвергнуть. «Любимый тезис официальной политики и пропаганды, согласно которому во всем виноват заговор мировых сил, сегодня звучит много увереннее, чем значительно снижает вопрос ответственности нынешней номенклатуры в Сербии», — считает Срболоуб Брикович, директор Центра общественного мнения и маркетинга «Медиум» (56).

После майских выборов 1992 г. и вынужденной коалиции с радикалами, националистические идеи радикалов приписывались и СПС, подчеркивалось стремление социалистов к радикализации отношений с албанцами, мусульманами. Такая позиция бывших коммунистов, с одной стороны, поднимала популярность С.Милошевича у патристически настроенной части общества, стремившейся помогать сербам вне Югославии, а, с другой стороны, усиливала негативное отношение Запада к С.Милошевичу вплоть до требований его скорейшей отставки. Поэтому Запад летом 1992 г. начал активно поддерживать новое югославское руководство в лице М.Панича и Д.Чосича и противопоставлял его деятельности политике сербского лидера. Мировое сообщество связывало решение проблемы БиГ и Хорватии исключительно с отставкой С.Милошевича. После 1993 г. С.Милошевич обнаружил удивительный прагматизм, значительно удаливший его от национальных идей. После отстранения Д.Чосича С.Милошевич продолжил его линию, но в другой, более уродливой форме.

С.Милошевич никогда открыто не говорил об объединении всех сербских земель,

а только о праве всех сербов жить в одном государстве (см., напр., 187, с.23). Правда иногда, как вспоминали люди, близко его знавшие, в устных беседах он упоминал, что после достижения мира объединение возможно, но оно должно пройти несколько фаз: культурное объединение, экономическое, а только потом — политическое.

Летом и осенью 1992 г. Д.Чосич и М.Панич проводили активную политику сотрудничества с международными организациями, политику реального компромисса, показывая стремление к миру и добрую волю руководства Югославии. Д.Чосич вел переговоры с А.Изетбеговичем, Ф.Туджманом, подписал с президентом Хорватии совместную Декларацию о неделимости существующих границ. Проведя переговоры с Ф.Туджманом, он согласился передать полуостров Превлаку, за который сражались черногорские и хорватские войска, под контроль «голубых касок». Напряженность вокруг Превлаки снизилась, но оппоненты Д.Чосича получили в руки аргументы, обвинив президента в непатристичности и в измене национальным интересам. 12 августа Югославия признала Словению. В Загребе и Белграде было решено создать бюро связи. М.Паничу удалось пробить дипломатическую блокаду Югославии. Он появлялся и там, где его не звали, разговаривал с теми, кто его не приглашал. Во время визитов в Болгарию, Румынию и Македонию М.Панич развивал идею создания Балканской унии (47, с.97). Он выступил с заявлениями о готовности признать все бывшие республики СФРЮ.

Популярность Д.Чосича в стране и за ее пределами росла. Согласно опросу общественного мнения, список популярных личностей в стране в сентябре 1992 г. возглавил Д.Чосич, М.Панич был на втором месте, а С.Милошевич — на шестом (47, с.118). А в октябре 1992 оценка популярности Милошевича, по оценкам югославских ученых, достигла минусовой оценки (по шкале +2, -2). Конкуренция Д.Чосича становилась опасной для С.Милошевича (144, с.159).

Профессор С.Стоянович перечисляет, что удалось сделать Д.Чосичу на посту президента, и дает ему характеристику как политику. Прежде всего, впервые за многие десятилетия Сербия имела во главе государства «интеллектуала высочайшего калибра, который стремился государственную политику не отделять от культуры», своим личным примером, отказавшись от президентской зарплаты, автомобиля, резиденции, он хотел на новый уровень поднять мораль руководства страны. За небольшой срок нахождения у власти была значительно уменьшена политическо-дипломатическая и информационная изоляция Югославии; Д.Чосичу удалось убедить Америку в добрых намерениях Югославии, демократичности ее выбора; Д.Чосич, в отличие от С.Милошевича, постоянно общался с иностранными журналистами, расширяя сведения о событиях на Балканах; он пытался объяснить историческую подоплеку происходивших событий; он готов был наладить отношения со всеми бывшими республиками СФРЮ и стремился достичь результатов с помощью компромисса (146, с.136–140).

Уже в августе 1992 г. при обсуждении в Скупщине СРЮ платформы югославской делегации на предстоящей Лондонской конференции раздалась критика премьера и его правительства со стороны депутатов от СПС и обвинения в «антинациональной политике» (47, с.103). Выступая в Лондоне, М.Панич изложил программу, которая звучала как компромисс и призыв ко всем сторонам конфликта сделать шаг навстречу друг другу. После ожесточенной критики Югославии со стороны участников конференции он заявил, что СРЮ признает республиканские границы СФРЮ как нынешние межгосударственные

границы, что Югославия не имеет территориальных претензий к своим новым соседям. М.Панич пообещал, что Югославия готова начать переговоры с Хорватией о взаимном признании. Он осудил этнические чистки, рассказал, что в Югославии уже начался суд над градоначальником Хртковаца, который повинен в принуждении хорватов к отъезду из своих домов. Это, безусловно, звучало как покаяние. Он признался также, что будет упрям в отстаивании своей позиции, что уже сменил замминистра внутренних дел, который не был согласен с его позицией. «И я сменю любого функционера или чиновника правительства, который своей деятельностью или бездействием поддерживает этнические чистки в любом виде». Досталось С.Милошевичу и М.Булатовичу: «Президенты Сербии и Черногории также несут ответственность, как и республиканские функционеры и чиновники. Если будет необходимо, то я, как министр обороны, использую и Югославскую армию, чтобы провести такую политику» (141, с.32). Если на представителей мирного сообщества речь М.Панича не произвела должного впечатления, то на сербов и черногорцев — несомненно. Она упраздняла цели, за которые боролись сербы в предшествующие месяцы, лишала их патриотической мотивации, продолжала ставить их в позицию обвиняемых, которые только и способны на уступки. А признание Билл и Хорватия в их границах фактически оставляло тамошних сербов на произвол судьбы.

После Лондонской конференции, радикалы обвинили М.Панича в превышении полномочий, чрезмерных обещаниях. В Скупщине два раза голосовали за недоверие правительству. В ноябре правительство удержалось благодаря перевесу всего в один голос (47, с.129). Недовольство в стране вызвало решение по Превлаке, расцененное как неоправданная уступка Ф.Туджману. С.Милошевич критиковал Д.Чосича за договор с Ф.Туджманом, который не решал вопрос положения сербов Краины (47, с.120). С.Милошевич пытался всячески помешать этим переговорам. Д.Чосича в то же время обвиняли в отсутствии твердости, в сгибании спины перед Западом. СПС и радикалы жестоко критиковали «американца» М.Панича за предательство национальных интересов, незнание страны, народа. Да и сам М.Панич признавался: «Чем меньше я знаю историю Балкан, тем лучше себя чувствую» (52, № 2347, с.52).

По мнению Д.Чосича, он и С.Милошевич различались «в понимании демократии, характера союзного государства и путей, способов вывода страны из бездны, в которой оказалась.., в стратегии и тактике национальной и государственной политики и различия.., в оценке последствий санкций для будущего страны» (147, с.236,238). Полемика и разногласия между С.Милошевичем и Д.Чосичем вылилась на страницы печати. Д.Чосич повторял, что по политическим позициям и историческому опыту они очень разные люди, и поэтому невозможно сотрудничать и работать. Он верил, что народ сможет разобраться в спорах между политиками и поддержать того, кто свой выбор определил интересами страны.

Внутренние трения между С.Милошевичем и Д.Чосичем часто выливались в противопоставление политики Сербии политике Югославии. 19 октября спецподразделения Министерства внутренних дел Сербии силой заняли здание Союзного министерства внутренних дел, что, по оценке правительства, «сделало невозможным осуществление его законных конституционных функций» (47, с.123). По мнению Д.Чосича, «тем самым была фактически ликвидирована Союзная служба государственной безопасности и поставлен под угрозу конституционный порядок в стране, что должно было быть сделано с поимки Слободана Милошевича» (147, с.238). Д.Чосич писал, что союзная власть фактически находится под полным контролем С.Милошевича.

20 декабря 1992 г. состоялись внеочередные выборы в Скупщину СРЮ, республиканские скупщины и местные органы власти, а также президенты республик. М.Панич баллотировался в президенты Сербии среди других семи кандидатов. В Черногории список претендентов на должность президента республики состоял из девяти человек. В Сербии количество партий по сравнению с прошлыми выборами значительно увеличилось. В феврале 1992 г. было зарегистрировано 100 партий (187, с.89). В выборах в Сербии участвовали 28 партий, пять коалиций и три группы граждан (47, с.144). Большинство избирателей отдали свои голоса социалистам и радикалам прежде всего в силу их патриотической ориентации, решимости не уступать диктату Запада, в частности, даже в навязывании президента республики. Запад активно поддерживал М.Панича и оппозицию, но ничего не сделал для реальной помощи сербскому народу, для облегчения бремени санкций. Запутывание военной интервенцией, усиление давления вызвали совершенно обратную реакцию населения. Народ проголосовал за тех, кто декларировал готовность до конца отстаивать национальные интересы всего сербского народа.

В Сербии президентом стал С.Милошевич (56% голосов), в Черногории — М. Булатович. В Вече граждан союзной Скупщины СПС завоевала 47 депутатских мандатов из 138, а радикалы — 34. Оппозиционный ДЕПОС имел 20 мест. Черногорская Демократическая партия социалистов получила 17 мандатов, 13 мандатов — другие черногорские партии. В парламенте Сербии социалисты получили 101 мандат из 250, а радикалы — 72 (49, с.5,6; 79).

Недовольный результатами выборов, Запад пригрозил Югославии. Уже 21 декабря Совет министров ЕС объявил о дальнейшем ужесточении санкций, «долговременной тотальной изоляции», если Белград не изменит своей позиции (47, с.146).

29 декабря Сербская радикальная партия выступила в Скупщине СФРЮ с инициативой выразить недоверие правительству. Депутаты не только поддержали радикалов в этом вопросе, но проголосовали за отстранения от должности премьер-министра Милана Панича.

В первой половине 1993 г. в Белграде велась упорная борьба между сторонниками Д.Чосича и С.Милошевича. Президент Югославии обвинял С.Милошевича в том, что из-за его действий страна оказалась на грани диктатуры. «Набирают силу консервативные и экстремистские силы, которые вызвали регресс в нашей парламентской политической жизни, ввергли народ в бедность и отчаяние, а государство — в катастрофу», — заявлял он (50, с.4). С.Милошевич обвинял Д.Чосича в мягкости и уступчивости, в подготовке военного переворота. Лидер радикалов В.Шешель озвучил в парламенте обвинения против Д.Чосича, представив в парламент протокол из десяти пунктов о нарушении президентом СРЮ Конституции и требуя на каждом заседании парламента открыть дискуссию о его антиконституционных действиях (51, с.44). Объединенное большинство социалистов и радикалов в союзном парламенте 1 июня 1993 г. тайным голосованием в отсутствие Д.Чосича и без должных аргументов отстранило его от должности. По словам Д.Чосича, его устранение произошло потому, что «президент Сербии больше не мог мириться с моим сопротивлением его политике и деспотическому своволию» (51, с.44). Тем самым «нанесен большой политический и моральный урон Сербии и Черногории», — считает Д.Чосич (147, с.253).

Новым президентом страны избран предложенный СПС Зоран Лилич, но фактическим лидером остался С.Милошевич. Именно он участвовал во всех международных переговорах, принимал иностранных дипломатов и посредников по урегулированию

кризиса и даже подписывал документы от имени Югославии. Запад принял его как посредника, однако и позиции С.Милошевича начинают меняться.

Как отмечает в своих воспоминаниях лорд Д.Оуэн, С.Милошевич позже критиковал себя за политику, проводимую в 1992 г., утверждая, что совершил много ошибок. Возможно, считает Д.Оуэн, его на такие размышления навела популярность Д.Чосича и М.Панича, стремившихся к сотрудничеству с международными организациями с другой стороны, он боялся остаться не у дел, если Д.Чосич и М.Панич закрепятся у власти (52, № 2346, с.53). Лорд Д.Оуэн полагает, что поворот С.Милошевича в отношении к сербам в Хорватии и БиГ (правильнее было бы сказать «поворот от сербов») произошел 23 апреля 1993 г. Именно в этот день¹, по словам дипломата, он отказался от «Великой Сербии» и стал поддерживать решения СБ. «Два следующих года он не колебался, осуществляя свое решение. С того времени интересы Сербии и Черногории стали доминирующим фактором... В этом смысле санкции действовали» (52, №2349, с.52). Трудность теперь состояла лишь в том, чтобы убедить ведущие страны, и прежде всего Америку, что С.Милошевич изменился, приспособившись к новой ситуации.

Задачи, которые стояли перед С.Милошевичем, действительно требовали от него серьезных перемен в его прежней политике. Для того чтобы снять санкции, надо было доказать мировому сообществу свое стремление к миру, убедив руководителей Республики Сербской в БиГ согласиться на предложенные планы Международной конференции, а также разойтись с националистами и радикалами. К осени отношения с радикалами ухудшились, и В.Шешель выступил даже с предложением проголосовать за недоверие правительству социалистов. В ответ СПС обвинила радикалов за создание военизированных партийных формирований, за преступления в отношении хорватского и мусульманского населения, призвала народ «бороться против зла, персонализированного в Шешеле» (47, с.242). С этого времени социалисты потеряли поддержку радикалов в парламенте и, не имея большинства, оказались в трудном положении при голосовании за предложенные ими решения.

Поэтому 20 октября 1993 г. президент Сербии С.Милошевич по предложению правительства распустил республиканскую Скупщину. «Такая перессоренная в состоянии взаимной неприязни и разрозненности Скупщина» была неспособна решать проблемы страны и негативно влияла на стабильность правительства (53, с.66).

В выборах в декабре 1993 г. участвовали 38 политических партий, семь коалиций и 37 групп граждан. СПС уверенно лидировала на выборах и даже упрочила свое положение, получив в парламенте 123 места (на 22 больше, чем в 1992 г.). СПС осталась правящей партией, хотя ей до абсолютного большинства не хватило трех голосов. 45 мест имел ДЕПОС, 39 — радикалы, 29 — Демократическая партия, семь — Демократическая партия Сербии (53, с.76). Оппозиция получила на 22 места, а радикалы — на 34 места меньше, чем в 1992 г. Задача, поставленная С.Милошевичем на выборах, была выполнена. Почему народ голосовал за СПС? Самы социалисты отвечали, что их поддерживали: организация, лидер и опыт. Оппозиция добавляла: телевидение. Западные дипломаты выделяли твердость и устойчивость С.Милошевича, в то время как народ в своем большинстве отвечает просто: «Он защищает национальные интересы сербов» (54).

¹ В этот день состоялся разговор С.Милошевича и лорда Оуэна. Дипломат почувствовал, что терпение С.Милошевича по отношению к боснийским сербам на исходе.

С этого времени оппозиционная активность значительно снижается. Связано это было и с уверенной победой социалистов, и с усилением трудностей в экономической и политической жизни, и с усилением давления на Югославию представителей мирового сообщества. ДЕПУС распался, а одна из его партий (Народная демократия) приняла решение войти в правительство, поддержав тем самым правящую партию. Оппозиция не была едина ни в парламенте, ни вне его. Попытки объединить оппозицию не имели успеха. Радикалы возбуждали общественность шокирующими поступками, но никто из сочувствующих им партий не ратовал за внепарламентскую борьбу, не стремился активно их поддержать. Все это создавало в стране условия для усиления авторитаризма, единоличного принятия решений.

В это время обострялась ситуация в Боснии. Югославии предстояло принять важное решение, поскольку мир ждал от нее давления на «супрямых» сербов за Дриной, не соглашавшихся с предлагаемыми вариантами раздела страны. От этого зависело решение вопроса о снятии санкций. Так казалось. Но до этого было еще долгих три года. С.Милошевич постепенно склонялся к уступкам международным организациям, что было не очень популярным в народе. Опрос общественного мнения в мае 1994 г. показывал, что большинство народа выступало за помощь сербам в Боснии, за попытку выдержать давление западных стран, полагало, что для РС наилучшее решение — присоединение к Югославии (55). В ноябре 1993 г. Центром общественного мнения «Медиум» было проведено исследование общественного мнения в 20 общинах Сербии по вопросу «в каком государстве вы хотели бы жить». 52,77% ответов — «в союзе сербских государств», 18,27 — в СРЮ, 14,38% хотели бы жить «в самостоятельной Сербии». При этом 39,85% были категорически против применения военной силы для помощи сербам в Боснии и Хорватии, а «за» высказались 15%. В то же время огромное большинство опрошенных в Республике Сербской Краине (исследование проводилось для иностранного клиента, поэтому цифры не объявляются) на вопрос, «остались ли бы вы в Хорватии, если бы вам была предложена полная автономия, как и другим национальным меньшинствам», ответили негативно. А незначительно меньшее число опрошенных ответили положительно на вопрос: «Готовы ли вы в противоположном случае восвать или послать своего сына на войну, чтобы РСК осталась вне Хорватии?» (56).

При огромном и всестороннем давлении всех структур международного сообщества и, в частности, России, в конце июля 1994 г. С.Милошевич принимает решение осудить сербов в Боснии за отказ принять план Контактной группы и даже разорвать с ними всякие политические и экономические отношения, поставив международных наблюдателей на границе РС и СРЮ, что вызвало большую напряженность на внутривнутриполитической сцене Югославии. С этого времени С.Милошевич занимает достаточно последовательную позицию, полностью поддерживая все усилия международных организаций по мирному урегулированию кризиса. Югославия не вмешалась, когда Хорватская армия 4 августа 1995 г. напала на Краину, но приняла на своей территории несколько сот тысяч сербских беженцев. Милошевич поставил от имени всех сербов свою подпись под Дейтонскими соглашениями. 22 ноября 1995 г. СБ ООН не отменил окончательно, но приостановил деятельность санкций на территории СРЮ.

СПС продолжала оставаться самой популярной политической силой в стране. Согласно опросу общественного мнения, в январе 1996 г. за нее проголосовали бы 37% пришедших на избирательные участки, в апреле — 35,5%. Остальные партии не доходят и до 9%-ного рубежа популярности (57).

Среди проблем, которые пришлось решать Югославии в 1996 г., — признание СРЮ, возвращение в международные организации, ликвидация последствий санкций, восстановление экономического потенциала, решение проблем беженцев, выполнение условий, которые продолжают выдвигать Югославии международные организации (проблема Косова), налаживание добрососедских отношений с бывшими республиками СФРЮ.

Установление новых и обновление старых, прерванных связей на территории бывшей Югославии, процесс сложный и долгий. Предстояло преодолеть взаимные претензии, неприязнь и обиды.

Отношения с Хорватией были самой трудной проблемой для руководства обеих стран. Переговоры шли трудно, а выполнение договоренностей проходило достаточно вяло. 19 января 1994 г. делегация СРЮ и Хорватии достигли договоренности о нормализации отношений. В Женевской палате наций было подписано «Совместное заявление о постепенной нормализации отношений между Союзной Республикой Югославией и Республикой Хорватией». В Белграде и Загребе открылись специальные представительства — бюро, обсуждались вопросы открытия дороги Белград — Загреб, восстановления телефонной связи. В 1996 г. страны обменялись визитами министров иностранных дел. Стороны заявили о своей готовности «продолжать переговоры на уровне экспертов для выработки в кратчайшие возможные сроки взаимоприемлемых решений» (199, с. 332). 23 августа 1996 г. С. Милошевич и Ф. Тулджман подписали Договор о нормализации отношений между СРЮ и РХ. 27 мая 1997 г. в Загребе закончились переговоры между правительственными делегациями СРЮ и РХ, которые возглавляли министры иностранных дел Милан Милутинович и Мате Гранич. Стороны обсудили свыше 20 проектов межгосударственных договоров. В 1997 г. было восстановлено движение поездов между Югославией и Хорватией, открыта автодорога Белград — Загреб.

В Париже 3 октября 1996 г. С. Милошевич и А. Изетбегович подписали Совместную декларацию о взаимном признании СРЮ и БиГ, обязались развивать экономическое, культурное, научное сотрудничество и дружеские отношения, установить дипломатические отношения на уровне послов (199, с. 436).

Югославия в одностороннем порядке признала Словению, но официальная Любляна не спешила с полной нормализацией политических отношений с Югославией вследствие нерешенных вопросов, связанных с разделом имущества бывшей Югославии. Однако экономические отношения двух стран постепенно налаживались, и товарооборот в обоих направлениях в 1997 г. составил 200 млн. долл., хотя платежный оборот между странами еще не существовал (118, с. 60).

В процессе нормализации отношений между бывшими югославскими республиками самые продвинутые отношения у Югославии сложились с Македонией. 8 апреля 1996 г. министр иностранных дел Республики Македонии Любомир Фрчковски и министр иностранных дел СРЮ Милан Милутинович подписали Соглашение о нормализации отношений и развитии сотрудничества между двумя странами. Обе стороны выразили уважение друг друга как независимых государств в рамках своих международных границ, обязались развивать сотрудничество в сфере экономики, транспорта, культуры, экологии и т.д. (179, с. 519–523). В конце 1996 г. обе страны подписали семь межправительственных договоров, которые в течение одного только года их выполнения значительно улучшили экономическое сотрудничество и приблизили его к тому уровню, который существовал до распада СФРЮ. С 1 января 1999 г. начала действовать зона свободной торговли.

2. Сербский политический пейзаж на фоне кризиса

Многопартийная система в Сербии функционировала по принципу вождизма. В расмигиваемый период голосовали за лидера партии, а не за программу этой партии. Поэтому среди многочисленных политических партий успех сопутствовал тем, кто имеет: а) сильного лидера, б) сильную финансовую базу.

Следует также учитывать, что социальная база большинства политических партий в Югославии достаточно размыта, неопределенна. Поэтому партии в своих предвыборных программах как правило обращались к избирателю вообще, а их лозунги были применимы к разным слоям общества.

Только что созданная многопартийная политическая система попала в нестандартную ситуацию. Общество оказалось в международной изоляции, в состоянии между войной и миром. Резко упал уровень жизни. Расслоение общества приобрело уродливые формы: при огромном большинстве очень бедных слоев населения появилась небольшая группа тех, кто обогатился на войне. Отсутствие среднего слоя подрывало социальную базу многих партий.

В Сербии наибольший успех сопутствовал СПС, наследнице Союза коммунистов Югославии. С 1994 г. левые партии создали блок левых партий, стремясь сохранить свое влияние в стране.

Левое движение, судя по результатам всех выборов, имело большую поддержку в обществе. Этому способствовал ряд факторов — традиции, выбранный плавный путь отказа от коммунистических идей, приведший лишь к реформированию существовавших партийных структур, деятельность многопартийной системы в кризисных условиях. По мнению лидера ДП З.Джнджича, существует парадокс: «Сегодня никто не думает, что власть хорошая, но половина народа полагает, что она должна остаться» (1). Согласно августовской 1994 г. анкете газеты «Телеграф», рейтинг СПС остался на уровне декабрьских выборов 1993 г., а по сравнению с июнем 1994 г. даже увеличился на 6,3% (2). СПС поддерживали главным образом люди старшей возрастной категории. Среди них преобладали те, кто не хотел перемен: крестьяне, пенсионеры, домохозяйки (3).

В результате раскола в коммунистическом движении, внутреннего размежевания в партийных организациях в стране, выделения левого реформаторского крыла стали оформляться и партии ортодоксальных коммунистов. Большой резонанс в стране получило создание группой высшего командования Югославской народной армии и бывших руководителей государства Союза коммунистов — Движения за Югославию (СК-ДЮ). Партия объявила себя преемницей СКЮ, наследницей лучших традиций коммунистического движения в Югославии, защитником территориальной целостности страны, завоеваний социализма. В 1994 г., по словам председателя политического комитета этой партии М.Ненадовича, СК-ДЮ насчитывала 20 тыс. членов, объединенных в 130 общинных комитетов. Он объяснял популярность партии радикализацией общественной ситуации и популярностью левых идей в народе (7).

1994 г., по мнению многих наблюдателей, характеризовался наступлением левых сил. Все увереннее чувствовали себя социалисты, сумевшие осуществить в январе 1994 г. программу оздоровления экономики, стабилизации динара и обуздания инфляции. В мае демонстрации в городе провели молодые коммунисты из организации Юго-

славская революционная молодежь. Активизировался СК-ДЮ, полагая, что созданы условия для нового социального движения, который будет выступать за ценности современного общества. Летом 1994 г. произошла попытка объединить все левое движение в республике.

Инициатором этой акции стала жена президента Сербии Мира Маркович. 23 июля в Белграде была создана Югославская объединенная левая (ЈУЛ или по-русски «ИЮЛЬ»), которая объединила 24 партии и движения левой ориентации (среди них — Югославская демократическая педагогическая партия, Экологическое движение Черногорин, Югославская революционная молодежь, некоторые женские партии, партии цыган, СКЮ, КПЮ, Социалистическая народная партия Югославии, Союз рабочих Югославии, Югославский рабочий класс имени И.Броз Тито, Партия труда и др.). Один из молодых лидеров движения сказал, что причина его создания — в наступлении правых, что влечет за собой пробуждение левых. Он попытался выразиться даже поэтично: «Правые цветут в темноте, левые — в ИЮЛЕ» (12, с. 12). В принятой Декларации отмечалось, что «ИЮЛЬ» выступает за равноправие идеологических, политических, религиозных и других взглядов, против расовой, национальной и религиозной вражды, за равноправие в труде, образовании, лечении и информации, за контролируемый рынок, многообразие отношений собственности, за приостановку неорганизованной, часто разбойной приватизации общественного богатства. В основе организации заложен принцип равноправия всех политических партий-членов и «духовный федерализм». По мнению Миров Маркович, «нет возврата ни в социализм, ни в капитализм. И одно, и другое закончило свою жизнь. Как будущее общество будет называться, пусть решит другое поколение» (13). «ИЮЛЬ» придерживался тактики стимулирования ностальгии по спокойной жизни в 70-е годы, по братству-единству, вынашивал планы возрождения прежней Югославии в виде конфедерации. «ИЮЛЬ» постепенно расширял свое влияние на экономическую и политическую систему. Коалиция левых сил «ИЮЛЬ» не проникла в правящую Социалистическую партию Сербии, но пользовалась ее полной поддержкой.

Оставаясь партией у власти, СПС тысячами нитей, как и Союз коммунистов Сербии, была связана с государственным аппаратом, управленческой системой. По мнению Весны Пешич (Гражданский союз Сербии), «мы до сих пор еще имеем государственную партию, государственную идеологию, этикетирование людей, полицейский аппарат, который никогда не прочесывали...» (85).

Формирование левого блока и его последующее идейное слияние с правящей СПС означеновало собой отход от идей национализма, которые С. Милошевич ранее использовал для укрепления своей власти и популярности, отказ от идей сербского единства. Все отчетливее проявлялось влияние на президента Сербии его жены Миров Маркович. Ее идеи коммунизма, интернационализма и восстановления Югославии широко популяризировались в югославской и зарубежной печати. По мысли наблюдателей, С. Милошевич, начиная с 1994 г., отказываясь от национализма, постоянно двигался к центру и далее в левом направлении (11). Отход СПС от национальных идей был продемонстрирован в августе 1994 г., когда С. Милошевич дал согласие на установление блокады на границе с Боснией и Герцеговиной (по реке Дрине), отказавшись тем самым от помощи сербам в Боснии и Хорватии. Именно тогда СПС продемонстрировала всему миру, что отказывается от широко распространявшейся в 1991 г. идеи «все сербы — в одном государстве». Такая миротворческая деятельность С. Милошевича способствовал росту его популярности среди лидеров западных стран. Однако новые ориентиры президента стра-

ны внесли раскол в правящую партию. Если сначала СПС делилась на твердое и мягкое крыло, то после августа 1994 г. в партии четко определились ортодоксальная струя, националистическая и колеблющаяся.

Условия внешней изоляции, всесторонняя блокада страны позволили правящей элите упрочить свои позиции, значительно сузить еще неразвившийся политический ландшафт.

По мнению большинства ученых, сербский политический пейзаж еще долго не был профилирован. В одной партии можно было найти и левое, и правое крыло. Тем не менее, партии *правой ориентации* профессор Вучина Васович делит на четыре группы: а) правые экстремисты, которых отличает исключительно борьба за власть, прагматизм и ориентация на насилие; б) партии традиционно консервативные, выступающие за традиционные ценности, находящиеся в столкновении с модернизмом; в) левые радикалы; г) нелиберальные правые. При этом (в) и (г) не играют большой роли на политической сцене (14).

Однако ученый не берется расставить существующие партии по данной схеме, по причине уже подчеркивавшейся неопределенности целей и поведения: в каждой партии присутствует правая ориентация, а поступают часто как левые. «Так, радикалы, например, по поведению в парламенте относятся к правым, но поскольку выступают за социальный эгалитаризм, склоняются влево. Сербское движение обновления имеет элементы консервативной партии, поскольку выступает за религиозный традиционализм. Но в партии существует фракция, склонная к национализму, что ей дает признаки правой партии, но есть и крыло умеренного центра» (14). Сам В.Шешель свою партию считает «умеренно правой». В 1994 г. под звуки этнических песни на вечеринке культурного движения «Политарт» было заявлено о появлении новых сербских правых. Они называли себя правыми в философском смысле, поскольку не создавали специальную партию. Их цель — абсолютная монархия без политических партий, а лозунг — «идем вперед, возвращаясь назад» (14).

После выборов в декабре 1993 г. создание правительства народного единства имело одну из целей — усилить *политический центр*. Анализ партийных документов большинства партий создавал впечатление, что в политическом центре скопилось очень много партий. Перенаселенности центра способствовал приход партий как «слева», так и «справа». Однако на практике ситуация складывалась совсем иная. По мнению директора Центра общественного мнения и маркетинга «Медиум» С.Бранковича, «политический центр в Сербии, можно сказать, пустой, так как партии, которые принадлежат к нему, получили на выборах 10% голосов» (15). По его мнению, классическая ось, которая делит политические организации на правые, левые и центр, для Сербии неспроста. Это деление известно из истории парламентаризма XIX в. Члены консервативных партий, которые противились переменам, сидели справа, кто выступал за изменения, сидели слева (15).

Существует три проблемы, считают югославские ученые, по которым партии можно разместить на широкой политической сцене Сербии: а) отношение к общественным реформам, б) отношение к дилемме «национальное-гражданское», в) отношение к ценностям социализма (15).

Если в качестве критерия использовать национальный вопрос, то ДП была бы справа от центра, а СДО и Гражданский союз — слева. Из ответов на третий вопрос — СПС, Партия сербского единства и СК-ДЮ оказались бы правыми партиями, а ДЕПОС, ДПС

и Гражданский союз оказались бы слева. По мнению С.Бранковича, для существования сильного центра необходимы стабильность государства и автономные средние слои населения, которых тогда в стране не было. Чтобы они появились, необходимы два условия: изменение власти и нормализация международных отношений на территории бывшей Югославии (15).

Как считает З.Стоилькович, ассистент кафедры политической социологии ФПН, классическим примером партии центра является ДП, где-то около центра находится и СДО. Левого центра не существует, так как не хватает сильной социал-демократической партии. Одно из течений Гражданского союза могло бы претендовать на принадлежность левому центру (15). Умеренных правых, по определениям самих партий, действительно много — ДПС, СЛП, ДП и СДО. ДП, как считает Г.Весич, член Главного комитета этой партии, уже сформировалась как партия центра и по своей либеральной ориентации, и на основе той разумной политики, которую проводит. По его мнению, демократы не имеют конкурентов в политическом центре (15).

Среди сербской оппозиции можно было выделить несколько партий, которые активно участвовали в политической жизни. Одной из первых оппозиционных партий в стране была *Демократическая партия* (ДП), руководителем которой до января 1994 г. был профессор Драголюб Мичунович. Несколько лет партия продолжала испытывать «болезни роста». Разногласия в руководстве, постоянные организационные изменения не способствовали политической стабильности ДП. В 1992 г. произошло разделение ДП — один из ее лидеров Воислав Коштуница порвал с партией и создал Демократическую партию Сербии (ДПС). Разногласия проявились перед выборами 1992 г. по поводу вхождения партии в объединенную оппозицию — ДЕПОС. В.Коштуница считал это важным актом, а З.Джинджич был резко против, полагая, что ДЕПОС является не движением оппозиционных партий, а формой для расширения деятельности некоторых амбициозных лидеров, в частности, Вука Драшковича. Создание ДПС вызвало серьезный кризис в Демократической партии, т.к. ее покидали целые комитеты, желая только одного: созданием единой оппозиции свергнуть С.Милошевича.

На выборах 1992 г. ДП получила лишь 7 мест. 1993 г. — год кризиса партии: она теряла авторитет, из партии уходили убежденные члены. По мнению Зорана Джинджича, главной предпосылкой перемен в партии должна была стать смена руководства (94, с. 94). В январе 1994 г. проф. Д.Мичунович не без сожаления уступил место лидером партии более молодому Зорану Джинджичу.

В начале своего пути партия определяла себя как партию центра, стремящуюся к строительству либерального общества, чья экономика могла бы представлять собой «народный капитализм». Согласно Программе ДП 1992 г., партия выступала за развитие гражданского общества, частную собственность, быструю приватизацию на рыночных условиях, свободу предпринимательства, за ограничение роли государства, интеграцию Сербии и Югославии в Европу, просвещенное правительство (95, с. 4–5). Партийной базой партии были средние слои, которые в условиях кризиса практически перестали существовать. Часть этого слоя обеднела, а часть покинула страну. Поэтому перед партией стояла дилемма: или продолжать строго держаться центра и опираться на уже тонкий средний класс, или расширять базу, привлекая другие слои населения в провинции, на селе.

25 июня 1994 г. на внеочередной Скупщине ДП в Нови-Саде партия приняла новый Устав, выдвинула инициативу по изменению Программы партии. Партия возвращалась к принципу децентрализации, к опоре на местные организации. В сере-

дине 1994. ДП уже насчитывала 116 общинных комитетов, преимущественно в Сербии и Воеводине. ДП разработала 20 новых законов, которые пыталась летом 1994 г. предложить Скупшине для обсуждения — о приватизации, денационализации, валютных резервах, пенсионных фондах. «Наш план, — объяснял З.Джинджич, — вызвать перемены программным давлением, а если это не удастся вместе с СПС, тогда против них, тогда забастовками, демонстрациями, выборами. В этом я вижу большой шанс для оппозиции, т.к. программный вакуум СПС все очевиднее» (1).

Партия не занималась вплотную национальным вопросом, но была вынуждена высказаться и по этому вопросу. ДП считала, что национальный вопрос в БиГ можно решить только на основе права на самоопределение народа по схеме: мир — самоопределение народа — переговоры о границах. В Косове надо дать более широкие права албанцам, но избежать сепаратизма. Ибо в ином случае отделение от СРЮ и присоединение к Албании не пройдет без войны. Во время напряженного обсуждения правоты деятельности С.Милошевича по введению блокады против сербов в БиГ и Хорватии ДП сначала колебалась, но затем осудила президента республики, хотя и не стремилась отстаивать свою позицию активными действиями.

Партия постоянно была подвержена критике как со стороны ее старых членов, так и лидеров других партий. Д.Мичунович критиковал новое руководство партии за недемократическое поведение, неясную программу и цели, неуважение к членству (96). Б.Божович находилась в рядах ДП со дня ее основания. Выйдя из ДП в июне 1994 г., она критиковала партию за то, что «с изменением руководства в корне изменена ее концепция, структура членства и цели. Это не является нормальной эволюцией партии к лучшему. Она стала предпринятием, которое на рынке политических предложений борется за голую власть и деньги» (97). По мнению Зорана Хорвана, бывшего члена узкого руководства СПО, «Зоран Джинджич представляет собой то, что наш народ не любит. Эти просторы тоскуют по конкретным людям..., а Зоран Джинджич... всегда неопределен. От него вы не услышите ясно выраженной политической мысли. Он — политик момента» (98, с.25).

Демократическая партия Сербии (ДПС) была создана весной 1992 г. Воиславом Коштуницей, и на выборах 1992 г. она была уже четвертой партией по числу посланников в сербской Скупшине. На выборах 1993 г. ДПС получила 29 мест в Скупшине Сербии.

Согласно Программе партии, демократическое преобразование страны, создание демократического, правового и социального государства невозможно без полного правового разрыва с коммунизмом, с коммунистическим государством, без ухода с политической сцены всех его бывших приверженцев. В.Коштуница полагал, что лучшим решением государственного вопроса является совместное государство Сербии и Черногории (99, с.3–4). После возникшей в обществе дискуссии о правомерности отделения Черногории от Югославии ДПС совместно с Народной партией Черногории 15 июля 1993 г. подписала Декларацию, которая определяла политическую линию на равноправное объединение двух государств в единой державе, на единство двух народов, их более тесное сотрудничество. В документе было предложено провести референдум о сохранении единого государства.

Экономическая программа партии основывается на приватизации, свободном рынке, свободном движении труда и капитала, активном включении экономики в мировое хозяйство, минимальной роли государства в экономике (99, с.8).

В ДПС считали, что демократия и национальная политика неразделимы. Решение национального вопроса партия основывала на праве народа на самооборону. Поэтому она осудила введение блокады сербов в Боснии со стороны руководства страны, поддерживала сербов за пределами Югославию, занималась посылкой гуманитарной помощи в Республику Сербскую и Республику Сербскую Краину.

Сербское движение обновления (СДО), возглавляемое Вуком Драшковичем, в начале своей политической деятельности делало основной акцент на национальных чувствах сербов, было открыто националистической и монархической партией. Со временем СДО претерпело многократные идеологические изменения. Оно поддерживало С.Милошевича, выступая с чисто левых позиций, затем резко переориентировалось на гражданские ценности и, по словам своих оппонентов, стало отстаивать не интересы своего народа, а интересы всего человечества. Весной 1994 г. партия объявила об изменении курса, об исключительно парламентской деятельности. СДО проявило свой отход от «национальной ориентации», выступив за целостность Боснии и Герцеговины (БиГ), чтобы связать своих братьев-мусульман с братьями в Сербии. Вука Драшковича члены партии обвиняли в антисербской политике, и потому многие интеллигалы вышли из СДО. По оценке проф. Вучичи Васовича, Вук Драшкович упустил шанс создать сильную консервативную партию, поскольку потерял главные политические ориентиры (14).

Сербскую радикальную партию (СРП) на выборах 1992 г. ожидал неожиданный успех. Получив места в парламенте, они стали поддерживать социалистов, которые в то время активно разыгрывали национальную карту. Собственно, сотрудничество с социалистами началось еще раньше, до выборов 1992 г., и длилось до времени обсуждения плана Венса-Оуэна (май 1993 г.). Радикалы порвали с социалистами из-за того, как отмечал В.Шешель, что С.Милошевич перестал быть патриотом и начал заигрывать с американцами (102).

Как полагал Милан Николнич, В.Шешель всегда был самым известным «инициатором политических инцидентов». Это политик, который находится со всеми в столкновении, и неправы те, кто думает, что имеют дело с националистическим клоуном, а не с политическим дизайнером (102).

СРП всегда считалась самым компактным целым в спектре оппозиционных партий Сербии. Разногласия в партии начались в 1993 г. накануне выборов в Скупщину. В 1994 г. было ликвидировано Сербское этническое движение как специальное отделение радикальной партии. Недовольные этим и другими решениями создали Радикальную партию Сербии, которую возглавил Любиня Петкович, некогда самый молодой соратник Шешеля (103).

Определенное место среди оппозиционных партий занимала небольшая политическая партия *Гражданский союз Сербии* (ГСС), созданный в июне 1992 г. ведущим научным сотрудником Института философии и социальной теории Весной Пешич. ГСС активно выступал против войны, за создание в Югославии демократии западного типа. Во время гражданской войны ГСС была одной из немногих партий, стоящих не на национально-патриотических, а на гражданских позициях. ГСС поднимала свой голос против этнических чисток вообще, осуждая в том числе и сербов, критикуя Караджича за обстрел Сараева, преследуя цель восстановить единую БиГ для всех ее народов. «Партия не обладает большим влиянием... Мы даже считаем, было бы хорошо, чтобы в Сербии дошло до умеренной национальной линии. Мы — партия, которая последовательно отстаивает идеи, которые однажды получают свое подтверждение. Каждое го-

сударство, которое хочет быть демократическим, должно быть организовано на так называемом нейтральном принципе...», — писала лидер партии (106, с. 78). Согласно концепции Весны Пешич, Сербии место в Европе, и поэтому она должна стремиться семимильными шагами к экономической либеральной демократии, к решению социальных вопросов, а значит, к миру, против войны. Малочисленность партии компенсировалась активностью в политических акциях и стабильностью в отстаивании идей гражданского общества, демократии западного типа.

У сербской оппозиции имелась огромная преграда успешным действиям против правящей партии — проблема единства, которое нарушалось или стремлением ряда оппозиционных партий к сотрудничеству с правящей партией, или большими амбициями отдельных руководителей партий, претендующих на лидерство в оппозиционном движении.

Первое объединение ряда оппозиционных партий состоялось накануне выборов 1990 г. После неудач в первом круге, когда стало ясно, что партия С. Милошевича победит, ряд партий — СДЮ, ДП, Народная партия, Народная крестьянская партия, реформисты, Новая демократия, Либеральная партия, Союз всех сербов мира — сформировали Объединенную демократическую оппозицию Сербии. Она фактически распалась сразу после выборов, хотя на улицах во время митингов и демонстраций ее можно было наблюдать до лета 1992 г.

9 марта 1991 г., когда правительство танками разогнало оппозиционное движение, З. Джинджич считает как днем поражения оппозиции, так и днем отрезвления: ему стало ясно, что в Сербии ничего нельзя добиться на улице, когда власть и силовые структуры находятся в руках одной партии. С этого времени оппозиция начала делиться на сторонников демократической эволюции и сторонников демократической революции. «В этот день, — вспоминал З. Джинджич, — я понял, что у оппозиции нет вождя. Вук — человек, который собирает народ, а потом не знает, что делать с тем народом... Я тоже не вождь для радикальных движений, т.к. я не сторонник радикальных решений» (94, с. 94).

Самое большое стремление к объединению в различные оппозиционные блоки, чтобы противостоять правящей СПС, проявилось весной-летом 1992 г.

10 марта 1992 г. ряд партий, не вошедших в парламент, — Сербская святошавская партия, Демократическая партия свободы, Народная республиканская партия. Движение за объединение Черногории, Демократическая партия «Давидович-Грол», Республиканская партия из Аранджеловца — сформировали внепарламентскую коалицию — Сербский национальный фронт.

4 апреля 1992 г. ряд партий югославской ориентации сформировали Югославский демократический блок — Демократическая педагогическая партия Югославии, Социалистическая народная партия Югославии и Югославский центр за универсальное духовное развитие и образование.

16 мая 1992 г. был сформирован новый блок оппозиционных партий ДЕПОС. В него вошли СДЮ, Новая демократия, СЛП, ДПС (ДПС разошлась с ДП именно по вопросу вхождения в ДЕПОС) и ряд других мелких партий (всего 14). В качестве коллективного члена в ДЕПОС вошел и Сербский национальный фронт. Присоединение Милана Панича к оппозиции принесло очки ДЕПОСу, хотя блок так и не смог стать ведущей политической силой. Оппозиционный блок опирался на трех китов: религию, антикоммунизм и монархическую ориентацию. Но в сербском народе ни один из этих пунктов не мог иметь большого успеха. Вук Драшкович, заняв в оппозиции ведущее место, счи-

тал ДЕПОС продолжением своей партии, чем вызывал недовольство других партий. Разногласия между ДП и СДО начались с самого начала деятельности депутатов в парламенте: по поводу ухода с заседаний Скупщины, плана Венса-Оузна, по национальному вопросу и т.д. (19).

В 1993 г. оппозиционная активность значительно снизилась. Это было связано с трудностями политической и экономической жизни в условиях санкций, с появлением целого ряда проблем, которые надо было решать практически в состоянии военного времени, с укреплением позиции правящей СПС. ДЕПОС тихоноко распался. Из него ушли ДПС, СЛП, а присоединились Народная крестьянская партия и Гражданский союз Сербии. После выборов 1993 г. во время создания правительства народного единства одна из партий, входящих в оппозицию (Народная демократия), вошла в правительство, чем поставила ДЕПОС в крайне затруднительное положение. В парламенте оппозиция не была единой: большинство предложенных различных партий не поддерживалось не только представителями других партий, но и рядом депутатов своей же партии. По меткому замечанию одного из замов председателя Скупщины Сербии В.Лидрича, часто депутаты в Скупщине голосуют не в интересах народа, а в интересах своей партии. А эти интересы редко совпадают (17). В мае 1994 г. СДО и ДПС, недавно самые близкие союзники по объединению оппозиции в ДЕПОСе, обрушивают друг на друга серьезную критику и полностью разрывают все связи.

Попытки создать некоторые объединения оппозиционных партий продолжились весной-летом 1994 г. Так, ДПС и Сербская либеральная партия пытались разработать Декларацию о сотрудничестве. Подобную Декларацию ДПС в 1993 г. подписала с Народной партией Черногории.

В конце мая 1994 г. по инициативе СДО и СРП состоялось несколько встреч четырех партий (СДО, СРП, ДП и ДПС), где обсуждались вопросы возможного сотрудничества с целью совместных действий против правящей партии как в парламенте, так и вне его стен. ДП в лице З.Джинджича выступила с рядом инициатив — начать дискуссию о функционировании власти, проголосовать о недоверии правительству, поставить вопрос о снятии с должности председателя Скупщины З.Лидича, а затем требовать союзных выборов. ДП предложила усилить централизм в государстве, ликвидировать все ее конфедералистские черты, чем очень настроила против себя Черногорию. На встрече 23 июня представители четырех партий договорились «держаться вместе», чтобы поставить в Скупщине вопросы о выборных округах, радио и телевидении, о выборе народных посланников.

Но разногласия помешали оформиться намечавшейся оппозиционной коалиции. Вук Драшковиц отказался в ней участвовать, поскольку резко расходился с другими партиями по вопросу отношения к сербам в Боснии и Хорватии. Он обвинил оппозицию и даже Сербскую православную церковь в поддержке «неразумной и для сербского народа самоубийственной политики», политики войны (6). Тогда В.Щешель в январе 1995 г. обратился ко всем другим оппозиционным парламентским партиям с призывом договориться о совместных действиях на местных и республиканских выборах, о создании Объединенной оппозиции. Однако 13 февраля 1995 г. представители лишь трех партий — СРП, ДП и ДПС — подписали договор о межпартийном сотрудничестве на уровне местных органов власти. Они договорились, что во время будущих выборов в первом круге каждая партия будет выступать со своим кандидатом, а во втором — отдаст голоса тому, который набрал большее количество голосов. В общинах, где оппозиционные партии составляли большинство, лидеры договорились создать ко-

алиментные органы власти. Этот договор явился первым шагом к серьезному сотрудничеству оппозиционных партий.

По мнению В.Шешеля, настоящая оппозиция как объединение никогда в Сербии не существовала. Основные расхождения между партиями в связи с кризисной ситуацией касались, главным образом, национального вопроса. По мнению В.Коштуницы, лидера ДПС, надо было провести более четкое разграничение между властью и оппозицией.

Политическая картина парламентской оппозиции в конце 90-х годов крайне упрощена. Среди многочисленных партий в Скупшине основную роль играют четыре партии — ДП, ДПС, СДО, СРП, которые находятся в разной степени оппозиции к власти. Пути их развития весьма сложны. Постоянно наблюдались колебания и существенные изменения в их ориентации. СДО от крайнего национал-экстремизма перешло на позиции гражданского общества, хотя внешняя национальная форма осталась. В.Шешель сначала стоял на экстремистских позициях, но поддерживал СПС, что выглядело как левая ориентация, в затем все заметнее становилась его правая суть. ДП начинала как партия, в которой уживались и либеральные, и марксистские идеи. Позже в партии стали преобладать либеральные идеи, хотя появились и социал-демократические тенденции. Отделившись от Демократической партии ДПС расходится со своей «сестрой» в стратегии политического преобразования общества: ДП выступает за эволюционный путь общества из социалистического в демократическое, а ДПС — за революционный, что для нее означает полный разрыв с социализмом и строительство нового общества фактически от основания. Позиции ДП и ДПС расходятся и по национальному вопросу. Национальный момент у ДПС сильнее, чем у ДП. В условиях кризиса, блокады, войны в БиГ и Хорватии ДП не могла настаивать на гражданском обществе, так как это было непопулярно среди народа, поэтому иногда в своих заявлениях она обращала внимание и на национальный вопрос. ДПС выступала за неприемлемость плана Вэйса-Оуэна для БиГ, за объединение сербского народа. Но решать этот вопрос должен, по мнению ДПС, сам сербский народ в БиГ. Самым благоприятным решением для РС, по мнению В.Коштуницы, являлось разделение БиГ на две части, скорейшее открытие дорог, а для РСК — сохранение status quo, т.е. защищенных зон, кипрский сценарий на ближайшие 10–20 лет.

3. Черногория — упорство и толерантность

Когда мы читали и писали о Югославии, то чаще звучало слово «Сербия». Мы мало знали о другой республике в составе СРЮ — Черногории. В годы санкций Черногории было также тяжело. Она вместе с Сербией несла огромное бремя международной опалы, последствий войны.

Говоря о Черногории и черногорцах, нельзя не отдать дань уважения этому народу, который через всю историю пронес в своем сердце горячую любовь к России. В тяжелые годы раздора политических вождей, когда нельзя было даже упоминать Россию, черногорцы шепотом рассказывали о ней своим детям и внукам. Мало кто у нас в стране знает, что 6560 черногорцев — элита, цвет нации — в 1948 году были осуждены и провели в казематах Голого Отока долгие месяцы, так как хранили верность России. Они не могли отречься от Москвы, и на вопрос следователя: «Ты за Тито или за Сталина?» отвечали: «Я за Россию».

И сегодня, в трудные 90-е, черногорцы просыпались с ожиданием и надеждой, что скажет Москва, любили пас без взаимности, отчаянно и страстно. Их любовь к русскому народу выражалась и в том, что они пытались найти оправдание позиции России в югославском кризисе. Трудно было смотреть в глаза этим людям и отвечать на вопрос, почему Великая Россия теряет свои дипломатические позиции на Балканах, почему не думает о своих собственных интересах, почему не выступает арбитром в несправедливом обвинении сербов и черногорцев в гегемонистских и захватнических целях. Вель поборницей справедливости осталась Россия в песнях и преданиях черногорского народа.

Согласно переписи 1991 г., население Черногории составляло 615 276 человек, из них 61,8% — черногорцы, 14,6 — мусульмане, 6,6 — албанцы, 9,3% изяснялись как сербы, а 4% — как югославы (160, с.5).

Политическая система Черногории все эти годы продолжала свое формирование. Во время обсуждения будущего Югославии Черногория всегда поддерживала Сербию. Хотя раздавались голоса о необходимости провести референдум по вопросу независимости Черногории (164), руководство решило спросить народ, хочет ли он продолжать жить в едином государстве равноправных республик. 1 марта 1992 г. на республиканском референдуме 95,94% черногорцев высказались за объединение с Сербией в едином государстве (165). В апреле 1992 г. была создана Союзная Республика Югославия. На майских 1992 г. выборах в Союзную Скупщину из 30 мест 23 получила правящая Демократическая партия социалистов.

В течение 1992 г. продолжалось развитие многопартийной системы, ряд партий так называемой югославской ориентации перестали существовать, но появились национальные партии. Всего в середине 1992 г. в Черногории было зарегистрировано 34 политические организации, из них 22 — в Подгорице (166). Среди политических партий Черногории самую заметную и активную роль продолжала играть правящая *Демократическая партия социалистов (ДПС)*, которая была наследницей Союза коммунистов Черногории.

Оппозиционные партии в Черногории, как и в Сербии, требовали проведения новых свободных парламентских выборов как на союзном, так и на республиканском уровне.

Результаты выборов в черногорский парламент в декабре 1992 г. не изменили общей картины распределения голосов избирателей. Наибольшую поддержку вновь получила ДПС (46 из 85 мест, 43,8% голосов избирателей). В парламент прошли также НПЧ (14 мест), ЛСЧ (13), СРПЧ (8) и СДПЧ (4).

Таким образом, Демократическая партия социалистов продолжала оставаться самой популярной партией республики, как и ее лидер М.Булатович, избранный президентом Черногории. Большинство членов ДПС показывали высокую степень идентификации с программными определениями партии и ее руководством. Так, в марте 1994 г. 88% членов ДПС поддерживали совместную с Сербией федерацию, а популярность М.Булатовича выходила далеко за рамки одной партии. Среди тех, кто не принадлежит ни к одной партии, треть также симпатизировали ДПС. Социологическое исследование выявило интересную деталь: члены многих партий, таких, например, как СДП и НП, не очень высоко ценили свою партию (110, с.5,9). К 1994 г. ДПС стала считать себя партией центра в связи с удавшейся нейтрализацией политического, национального и

других «экстремизмов», сохранением мира в трудных условиях военного окружения. Социальная программа партии, по мнению ее лидеров, замедляла социальное расслоение общества, а тем самым и снижала социальное напряжение в условиях санкций.

Если учесть существовавшую тяжелую экономическую и социальную ситуацию, огромное давление мирового сообщества, то такое стабильное политическое положение в черногорском обществе удивляло. Казалось, что правящей Демократической партии социалистов не было альтернативы. Рейтинг лидера ДПС М.Булатовича составлял даже в трудном 1994 г. 49%. Любопытно, что, отвечая на вопрос о симпатиях по отношению к политическим партиям Сербии, черногорцы на первое место поставили Социалистическую партию Сербии — 40,4%, на второе Сербскую радикальную партию — 9,1%. Многие члены различных политических партий Черногории (52,9%) отдавали свои симпатии лидеру сербских социалистов Слободану Милошевичу (110, с.3).

Руководство Черногории в трудные годы международной изоляции активно подерживало руководство Сербии, участвовало в работе делегаций СРЮ на переговорах по урегулированию кризиса, активно вносило свои предложения.

Я разговаривала с президентом Черногории в мае 1994 г. По мнению Момпра Булатовича, в Черногории поддерживалась формула о «сербском имени и черногорской фамилии». В духовном смысле Черногория опиралась и будет опираться на православие, а в государственном — на вертикаль: черногорство — сербство — южнославянство — славянство — универсальные человеческие ценности. «Это матрица нашего существования, отвечающая времени», — говорил он. Как полагал М.Булатович, сепаратистское движение имеет поддержку не более чем 10% избирателей. Но при разумной политике, определенных провокациях (как на Конгрессе сербских интеллектуалов, или как разговоры об изменении Конституции), направленных на ассимиляцию черногорского народа, эта цифра может значительно увеличиться. Черногория готова на любое объединение, любой союз (в виде федерации, конфедерации и т.д.) с Сербией при одном только условии: Черногория в этом объединении должна иметь равноправный статус и сохранять государственность. 75% населения полагают, по словам президента, что СРЮ — хорошее решение для Черногории. Президент Черногории имел в виду появившееся стремление некоторых оппозиционных партий в Сербии ликвидировать конституционное равноправие Сербии и Черногории, а оппозиционных партий Черногории использовать этот факт в борьбе за отделение Черногории (78).

Кампанию за снижение статуса Черногории в СРЮ в июне 1994 г. начала Демократическая партия в Белграде. Так, большой резонанс вызвало высказывание Зорана Джинджича: «Не могут несколько сот тысяч черногорцев иметь такие же права как и несколько миллионов сербов. Прошло время братства и единства. Югославию надо изменить по принципу: один человек — один голос. Маленькая и бедная Черногория не может пополнять 50% союзного правительства. Это нелогично» (77).

Тем не менее общая политическая ситуация в Черногории продолжала оставаться стабильной. Активно участвуя в деятельности органов СРЮ, Черногория выступала за создание демократической федерации равноправных республик, за сохранение гражданского мира, за преодоление экономических трудностей и снятие международных санкций.

Находясь под экономическими санкциями, Черногория несла большие экономические потери, которые, в период с 1991 по 1995 г. составили 6 млрд. долл. (168). Доходы населения упали ниже прожиточного уровня, закрывались предприятия, росла безработица, снабжение продовольствием было недостаточным, не хватало лекарств, медицинских инструментов. Из-за отсутствия анестезина закрывались операционные. Полностью прекратились экспорт и импорт товаров, морские перевозки, не стало доходов от туризма, приостановилось строительство новых объектов. Правительство пыталось поддержать экономику такими мерами, как реструктурирование промышленности и банков, поддержка производства, «разработка арсенала мер, основанных на рыночной логике хозяйствования» (169, с.1). Уже в 1993 г. на основании Закона о трансформации собственности 200 предприятий начали процедуру приватизации, была проведена санация крупнейших банков. Правительство пыталось создать условия для возвращения людей в село. В целом же за период санкций основной задачей правительства стало уменьшение негативных последствий экономической блокады, социальная помощь населению (169).

В республике в 1994 г. находилось около 75 тыс. беженцев (или 12% населения). Для маленькой Черногории это было большим испытанием. Черногория принимала не только сербов, но и мусульман. Так, только в январе 1994 г. границу республики пересекли 3 тыс. мусульман из Третьяка. Около 95% беженцев было размещено в семьях, остальные — в специальных коллективных центрах. В Информации Комиссариата по расселенным лицам отмечалось, что в Черногории «подтвердилось традиционное черногорское гостеприимство, что значительно облегчило задачу помощи такому большому количеству беженцев. Ведь содержание беженцев в коллективных центрах обходится очень дорого, что не может выдержать бедный республиканский бюджет» (170). 90% беженцев прибыли в Черногорию из Боснии и Герцеговины. Треть из них — сербы, треть — мусульмане и треть — черногорцы. Совместно с гуманитарными организациями Комиссариат по расселенным лицам снабжал беженцев продуктами питания и вещами первой необходимости, обеспечивал их отправку в другие страны (170).

4. 1584 дня под санкциями

Санкции вводились в Югославию поэтапно. 5 июля 1991 г. на встрече министров иностранных дел ЕС в Гааге министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер предложил ввести эмбарго на поставки оружия в Югославию и заморозить ей финансовую помощь. 25 сентября 1991 г. СБ ООН принимает Резолюцию № 713 о запрете ввоза оружия в Югославию. 2 декабря 1991 г. Совет министров ЕС принимает решение о введении экономических санкций против Сербии и Черногории.

Резолюция Совета Безопасности ООН № 757 от 30 мая 1992 г. содержала полное торговое эмбарго, остановку всех финансовых операций, всех авиаперевозок, приостановку научного, культурного и технического сотрудничества, исключение спортсменов СРЮ из международных соревнований. Странам — членам ООН запрещались любые торговые операции с СРЮ, использование югославских кораблей и самолетов, деловые контакты с СРЮ, все финансовые трансакции с юридическими и физическими лицами из СРЮ. Замораживались югославские валютные фонды за границей, вводились ограничения на перелет и посадки югославских самолетов, сокращалась численность состава югославских дипломатических корпусов, запрещалось участие югославских предста-

вигтелей в спортивных мероприятиях за границей, научно-техническое и культурное сотрудничество. Единственное исключение было сделано для ввоза в СРЮ продовольствия, медикаментов и самых основных средств существования.

Резолюция 787 от 16 ноября 1992 г. ужесточала санкции, введенные Резолюцией 757. Запрещался международный транзит важнейших видов сырья и продуктов (сырой нефти и нефтепродуктов, угля, оборудования для энергетики, железа, стали и других металлов, химикатов, пневматики, транспортных средств). Однако была предоставлена возможность осуществления международного транзита вышеперечисленных видов сырья и продуктов производства через СРЮ, если это действительно неизбежно или при наличии особого разрешения Комитета по санкциям. Одновременно ужесточены меры контроля за судами в югославских морских портах и на Дунае. Вводился строгий контроль над судоходством на Дунае и Адриатике.

В апреле 1993 г., согласно Резолюции СБ № 820, полностью запрещался перевоз товаров Дунаем, замораживались югославские счета в иностранных банках. Для связи с внешним миром Югославии были оставлены только телефон, железнодорожная и почтовая связь (при этом посылки не принимались, а для писем существовал ряд ограничений), во многих странах запрещалось распространение сербских газет и журналов.

Мотивы и основания для введения санкций против Югославии сегодня вызывают большие сомнения у прогрессивного человечества, поскольку санкции смогли достичь лишь одной цели — серьезно подорвали экономику Югославии, поставили народ на грань выживания. Мерами экономической блокады ставилась под вопрос реализация основных прав и свобод человека, создавались тяжелые условия жизни для населения СРЮ.

Последствиями санкций стал глубокий кризис экономики Югославии. Прямой ущерб от санкций только за год их применения оценивался в 10 млрд. долл., за три года — 45,117 млрд. долл., а до 2011 г. этот ущерб увеличится до 147,3 млрд. долл. (58, с.23; 64, с.3; 65). По национальному доходу на душу населения эта развитая европейская страна стремительно приближалась к уровню слаборазвитых стран Азии и Африки. Из-за отсутствия сырья, запчастей, рынков сбыта, прекращения капиталовложений окончательно встали или перешли на минимальный режим работы тысячи предприятий, более 900 тыс. рабочих были отправлены в вынужденные отпуска. Число безработных в январе 1994 г. составило 760 тыс. человек (64, с.3). В 1992–1993 гг. из страны уехало 370 ученых и специалистов высокой квалификации (из них 40% моложе 40 лет и 40% — доктора и кандидаты наук) (65).

Особенно трудными были 1992 г. и начало 1993 г. Темпы роста инфляции считались уже на минуты: в 1992 г. темпы гиперинфляции составили 19 810,2 % (47, с.147). До конца 1993 г. инфляция составила 1 млн.%. В декабре того года цены по сравнению с ноябрем увеличились в 1790 раз (в Черногории — в 2395), на сельхозпродукты — в 3586 раз. А если сравнить цены в Югославии 1993 и 1992 г., то цены выросли в 1 165 459 065 633 (один миллиард сто шестьдесят пять млрд.) (63, с.1). К январю 1994 г. инфляция составила 313 млн. % (185, с.14).

В результате инфляции средняя зарплата опустилась ниже шести долларов. Было введено нормированное распределение продуктов, предметов первой необходимости. Село стало фактически изолированным от города, так как не было бензина, чтобы привезти

товары на рынок. Начиная с 1992 г., ухудшаются условия производства сельскохозяйственной продукции и в целом — его снижение. Снизилось потребление минеральных удобрений со 114 кг на 1 га в 1990 г. до 52 кг в 1993 г. Запрет на вывоз сельскохозяйственных товаров ежегодно приносил государству потери в 600 млн. долл. (185, с.21). Комитет по санкциям не одобрил ввоз 37,5 миллионов м³ природного газа для производства азотного удобрения, что существенно повлияло на сев, и урожай пшеницы снизился на 500 тыс. т. Это составило потерю, равную сумме 75–80 млн. долл. США, а также привело к острой нехватке продуктов питания для населения (188).

Последствия санкций наиболее тяжело отразились на *здоровье населения*, выразились в увеличении количества заболевших и умерших, в негативном влиянии на психическое и физическое развитие детей и молодежи, что оставит долгий след на биологическом здоровье многих поколений. Санкции Совета Безопасности ООН против Югославии, а особенно санкции в области здравоохранения угрожали здоровью и биологическому выживанию всего населения страны, а особенно: беременным, детям и пожилым людям. Функционирование здравоохранения в СРЮ в значительной степени (на 95%) зависело от ввоза лекарств, сырья для их производства, медицинского и санитарного материалов, оборудования и запасных частей и всех других продуктов, необходимых для медицины. Нехватка лекарств и запасных частей для оборудования в сочетании с общим спадом жизненного уровня ухудшали здоровье населения.

Произошло стремительное уменьшение объема функционирования системы здравоохранения в целом, увеличение заболеваемости, особенно смертности, среди определенных категорий населения по отдельным категориям заболеваний, характерных для таких ситуаций. Росла смертность среди грудных детей, больных хроническими заболеваниями, пожилых людей, смертность от заболеваний в острой форме, для которых не хватало лекарств, необходимых операционных средств, аппаратуры точной диагностики и т.п.

Комитет ООН по санкциям фактически блокировал доставку в страну лекарств и гуманитарной помощи. Из-за неоправданно длительной процедуры одобрения любого импорта в страну Комитетом по санкциям цикл производства лекарств в СРЮ был почти полностью остановлен. Уже в 1992 г. недоставало более 50% необходимых для первой медицинской помощи лекарственных препаратов: антибиотиков, препаратов для лечения гипертонии, заболеваний сердца, почек, а также лекарств в ампулах, средств для анестезии, трансфузии крови и др. (188). Уменьшение количества выживших при родах детей и увеличение количества умерших привело к падению уровня рождаемости с 16% в 1986 г. до 13% в 1993 г. и к росту смертности с 9,6% в 1986 г. до 10,2% в 1993 г. За первые два года действия санкций в Югославии родилось на 24 тыс. детей меньше чем в 1991 г., количество умерших увеличилось на 10 122. (165). К примеру, в белградской клинике акушерства и гинекологии «Народный фронт» в 1989 г. умерло 2% новорожденных, а в 1994 г. — 15% (165). Каждый второй ребенок Белграда был истощен. В 1989 г. из 100 госпитализированных детей умирали 1,45, а в 1993 г. — 2,07 ребенка (60). Мне рассказывали, что директор детской клиники в Белграде направил Б.Бутросу-Гали письмо, в котором указал, что операции на сердце ждут 55 малышей, а лекарств и препаратов клиника имеет только для пятерых. Он просил Генерального Секретаря ООН выбрать по списку тех детей, которым предстоит жить. Ответ так и не был получен.

В клиниках выросли длинные очереди больных, ожидавших операций, отложенных в 1992 г. Смертность людей от излечимых болезней увеличилась на 8%, смертность в пожилом возрасте в 1992 г. по сравнению с 1986 г. — на 501% (66, с.105). Помолодел «возраст инфаркта» — в 1992 г. с 56 до 46 лет. Число смертных случаев от инфекционных болезней в 1992 г. по сравнению с 1989 г. увеличилось на 178% (185, с.27). Смертность диабетиков только в 1992 г. увеличилась в два раза. В первый год санкций смертность стариков увеличилась в шесть раз по сравнению с 1986 г. За этот же период количество убийств увеличилось на 49, а самоубийств — на 22,8% (60). В среднем каждые два дня в Белграде происходило по одному самоубийству (191, с.348).

Около 5 тыс. людей с большими почками, чья жизнь зависела от применения диализа, оказались в 1992 г. под угрозой смерти. Росла заболеваемость туберкулезом, особенно среди беженцев из бывшей Боснии и Герцеговины, которые проживали в местах компактного размещения.

Увеличилась смертность и заболеваемость заразными болезнями и болезнями, переносимыми паразитами. Увеличилось число эпидемий и количество заболевших во время них как результат нехватки средств для их заблаговременного и эффективного ограничения. В 1992 г. в результате инфекционных заболеваний смертность по сравнению с предыдущим периодом возросла на 37,5%, а число эпидемий по сравнению с 1991 г. — в 2,5 раза. Число детей, охваченных программой обязательной вакцинации, по сравнению с 1988 годом сократилось на 7–10% (191, с.346).

Известно, что большое число раненых с территории бывшей СФРЮ проходило лечение наряду с гражданскими лицами в военно-медицинских учреждениях СРЮ, где имелся недостаток лекарств и оборудования более чем на 30 млн. долл. (188). Процент местных послеоперационных инфекций вырос с 19 в 1992 г. до 54% в 1993 г.

Введенные Советом Безопасности санкции серьезно сказались на уровне жизни и питания населения. Произошло падение потребления всех видов продуктов, кроме муки (хлеба). В 1992 г. по сравнению с 1988 г. в стране потребление молока уменьшилось на 24%, мяса — на 23, овощей — на 36, фруктов — на 46%. Критический период в падении жизненного уровня наступил во второй половине 1993 г. Согласно официальным данным, калорийность питания населения снизилась на 28,2%, и оно находилось на уровне, который был на 20% ниже минимального необходимого физиологического уровня. Калорийность питания детей в яслях снизилась на 25, а детского сада — на 40% от необходимой нормы. 76% завтраков в детском саду были без мяса (66, с.104). Зимой 1993 г. 50% белградских детей голодали. Как показывали анализы крови на содержание гемоглобина, каждый второй школьник в Белграде страдал малокровием (191, с.347). Участились случаи заболевания пневмонией, менингитом, заражением крови, инфекционными заболеваниями. Например, в 1992г. в г. Нови Сад у 14% студентов уровень гемоглобина в крови был ниже предельной границы (при этом у 49% — ниже нормы). В этом городе в 1992 г. 17% студентов были негодны к воинской службе из-за истощения. В Нише таких было 26%. Санкции Совета Безопасности поставили под серьезную угрозу уровень жизни и ухудшили питание населения, что вело к тяжелым последствиям в сфере воспроизводства населения, его здоровья и трудоспособности (196).

Ухудшились условия стационарного лечения в психиатрических больницах (около 3 тыс. пациентов). Из-за нехватки медикаментов пациенты проявляли агрессивность, склонность к насилию. Среди них драматически росла смертность. В психиатрической лечебнице в Ковине в 1992 г. умерло 250 пациентов, что на 200 с лишним процентов больше, чем в 1991 г. (191, с.347).

Участились заболевания, вызванные стрессом, — язва желудка и толстой кишки, кровотечения. Больные, находящиеся в критическом состоянии, доставлялись в больницы слишком поздно из-за нехватки топлива (42%) (191, с. 348).

Беженцы. Согласно данным Верховного комиссариата ООН по делам беженцев, к концу 1993 г. из 15 млн. беженцев в мире около 2,5 млн. приходилось на республику бывшей СФРЮ. Причем за период 1991–1993 гг. число беженцев, находящихся на территории Сербии и Черногории, возросло на 800 тыс. человек (194, с. 107). По данным ООН, в Югославии в марте 1998 г. было зарегистрировано 700 тыс. беженцев. Учитывая, что многие беженцы не регистрировались, это число было значительно выше (28). Массовое перемещение населения, вызванное конфликтом в бывшей СФРЮ, является первым подобного рода явлением в послевоенной Европе и по своему размаху и количеству вовлеченных в него лиц не имеет прецедента в послевоенной истории.

В Сербии проблемы защиты беженцев из республик бывшей СФРЮ регулировались на основании Закона о беженцах¹, принятого в апреле 1992 г., а также Постановления об обеспечении прав беженцев². В отличие от Сербии в Постановлении правительства Республики Черногории для обозначения беженцев используется термин «перемещенные лица». В Черногории аналогичные проблемы решались на основании Постановления о защите прав перемещенных лиц³. Хотя в Республике Черногории и не был принят Закон о беженцах и в соответствии с этим формы правовой защиты беженцев не могли быть определены как права, Постановление правительства Республики гарантирует перемещенным лицам тот же объем правовой защиты, который обеспечивается беженцам в Сербии.

Под понятием «беженец» или «перемещенное лицо» (в Черногории) подпадали граждане всех национальностей, которые в результате давления хорватских властей или руководства других республик, в результате этнических чисток и дискриминации на национальной и религиозной почве или по политическим мотивам были вынуждены оставить свое прежнее место жительства в этих республиках и бежать на территорию СР Югославии.

Выход Словении и Хорватии из состава СФРЮ, вооруженные столкновения на территории Хорватии, отвод войск ЮНА с территории Словении и Хорватии, создание нерегулярных военизированных формирований, прекращение действия законов СФРЮ на территории Хорватии и особенно начавшиеся преследования граждан сербской на-

¹ Закон о беженцах Республики Сербии («Службени гласник Републике Србије» 18/92) регулирует следующие вопросы: статус беженца; меры по обеспечению социальной защиты и осуществлению прав беженцев; организации по обеспечению и защите прав беженцев; средства по обеспечению беженцев; регистрация беженцев; признание и лишение статуса беженца; лишение прав на обеспечение; лишение прав, предусмотренных законом.

² Постановление об обеспечении прав беженцев Республики Сербии («Службени гласник Републике Србије» 18/92) более подробно определяет условия и объем оказываемой беженцам помощи со стороны государственных и неправительственных организаций; Комиссариата и других государственных организаций и отдельных ведомств, органов власти на местах, в городе Белграде и в автономных краях, Красного Креста, гуманитарных и религиозных организаций, а также других организаций и граждан в соответствии с Законом.

³ «Службени лист Црне Горе», 37/92.

циональности, происходившие в Славонии поджоги сербских сел уже в марте 1991 г. привели к появлению на территории Сербии первых беженцев. В августе 1991 г. в Сербию бежало уже свыше 100 тыс. человек, к концу 1991 г. число беженцев, находившихся на территории Сербии возросло на 170 тыс. (194, с.110).

Начавшаяся в апреле 1892 г. война в БиГ вызвала новую волну беженцев, направившихся в Сербию и Черногорию. Так, к концу 1992 г. количество беженцев, находившихся на территории Сербии и Черногории, превысило 600 тыс. человек. Наибольшее число беженцев зарегистрировано в апреле 1993 г. в момент активизации военных действий в БиГ. К этому времени на территории СР Югославии находилось 673 тыс. официально зарегистрированных беженцев. В отдельные месяцы число беженцев увеличивалось на четверть или даже на треть. При этом следует принимать во внимание, что не все беженцы были зарегистрированы официальными органами (194, с.110).

К августу 1992 г. в Сербии было зарегистрировано 390 тыс. беженцев, в том числе из Хорватии и Словении — 163,5 тыс., 226,5 тыс. — из Боснии и Герцеговины. Однако общее число беженцев в этой республике, учитывая и лиц, которые не зарегистрировались в официальных органах, составляло около 505 тыс. В это же время в Черногории было зарегистрировано 52,5 тыс. беженцев. Хотя в этой республике не производили официальной регистрации, по общим оценкам общее их число составляло 62 тыс. или 10% населения данной республики (в отдельных общинах число беженцев равнялось числу жителей данной общины). В Черногории 7 тыс. беженцев прибыли из Хорватии и Словении, остальные — из Боснии и Герцеговины. Среди беженцев в Черногории дети и молодежь составляли 61% общего числа беженцев (до 7 лет — 22%, 7–14 лет — 21%, 14–18 — 18%). В Сербии среди беженцев дети и молодежь составляли 52% (до 7 лет — 10%, 7–14 лет — 20%, 14–18 — 22%) (190).

С апреля 1993 г. число беженцев, находившихся на территории Сербии и Черногории, начало постепенно уменьшаться, в конце 1993 г. число беженцев стабилизировалось — около 395 тыс. беженцев в Сербии, менее 50 тыс. в Черногории. За период с 1 марта по 20 апреля 1994 г. зарегистрировано около 860 новых беженцев, в том числе 223 ребенка. Значительно возросло число беженцев, переселявшихся из хорватских городов, а некоторые возвращались и из других стран (т.е. не из республик бывшей СФРЮ) (194, с.110). В мае и октябре 1995 г. новая волна беженцев захлестнула страну — 189 тыс. человек бежали из Хорватии во время операций «Блеск» и «Бура».

Общее число беженцев
и вынужденных лиц
в 1994 г. (194, с.111).

	В Сербии		В Черногории	
	число	%	число	%
из БиГ	180 000	46,6	42 256	89,6
из Хорватии	175 000	44,3	4865	10,4
из Словении	37 000	9,3	—	—
из Македонии	3000	0,8	—	—

Когда численность беженцев была наибольшей, беженцы составляли 6% от общей численности населения Сербии, а в Черногории этот процент был в два раза выше. Однако размещение беженцев по отдельным населенным пунктам Сербии и Черногории

было крайне неравномерным, особенно в моменты наиболее активного переселения беженцев. Так, в ноябре 1992 г. беженцы составляли в Сомборе, Апативе, Сремска-Митровице 11% населения, в Мали-Зворнике — 46% населения. В Черногории больше всего беженцев находилось в Плужанах, Херцег-Новом и Подгорице (194, с.110).

По данным правительства Черногории, в этой республике на 22 февраля 1993 г. было зарегистрировано 67 562 перемещенных лица. С учетом того, что часть перемещенных лиц не заявила о себе, оценивалось, что в Черногории всего находилось около 75 тыс. перемещенных лиц или 12% от общего числа населения республики. Наибольшее число перемещенных лиц в Черногории составляли беженцы из бывшей Боснии и Герцеговины (60.913 или 90%), а остальные — из Хорватии и Словении (188). Возрастная структура перемещенных лиц в Черногории позволяла делать вывод, что речь идет о категориях лиц, которые преимущественно требуют внимания и чьи потребности весьма велики (учеба молодых, врачебная помощь пожилым и пр.). С точки зрения квалификации структура беженцев весьма неоднородна: на положение беженцев вынуждены были решиться и рабочие, и крестьяне, и инженеры, и профессора университета, которых среди перемещенных лиц в Черногории было более 40. Среди беженцев около 300 — с высшим образованием, 250 работников сферы культуры и др. (188).

Что касается национального состава, то наиболее многочисленными группами в Сербии в 1992 г. являлись сербы (84,2%), мусульмане (6,2%) и хорваты (1,6%). Оставшиеся 8% составляли албанские, еврейские, болгарские, румынские и венгерские беженцы. Равное соотношение мусульманских, сербских и черногорских беженцев наблюдалось в Черногории. Как и гражданам Союзной Республики Югославии, всем беженцам на территории СРЮ были обеспечены коллективная защита личных и иных прав и свобод, а также международная юридическая защита (191, с.53; 194, с.111).

В 1994 г. национальный состав беженцев и перемещенных лиц выглядел следующим образом.

Национальный состав беженцев и перемещенных лиц (194, с.112).

	В Сербии		В Черногории	
	число	%	число	%
В целом	395 000	100,0	45 121	100,0
Сербы	304 000	77,0	14 136	30,0
Черногорцы	—	—	14 137	30,0
Хорваты	10 000	2,6	—	—
Мусульмане	36 000	9,0	14 136	30,0
Остальные (югославы, евреи, венгры, цыганы, болгары, албанцы)	45 000	11,4	4712	10,0

В качестве *особо уязвимой категории* статистические данные выделяли 1200 детей, потерявших родителей, родившихся в семьях беженцев (около 10 тыс.), лиц пожилого возраста и престарелых (около 50 тыс.), лиц, страдающих заболеванием, лечение которого требует применения диализа (около 350), лиц, страдающих диабетом (около 6 тыс.) и различными хроническими заболеваниями (около 25 тыс.). Из общего числа детей, не имеющих родителей, детей до 3 лет насчитывается 105

человек, от 3 до 7 — 725, от 7 до 15 — 20 и старше 15 лет — 350 (194, с. 113). Детей школьного возраста, т.е. от 7 до 18 лет, в Республике Сербии насчитывалось около 100 тыс. Из них детей в возрасте от 7 до 14 лет — 66 тыс., от 14 до 18 лет — 34,5 тыс. В Республике Черногории находилось около 8600 детей в возрасте от 7 до 14 лет, тогда как число подростков и студентов составляло около 9300 (194, с. 113).

«Когда вводились эти санкции, никто не задавал вопрос о гуманности применения жестких экономических и иных санкций в отношении страны и народа, которые взяли на себя гуманное обязательство предоставить убежище такому большому числу беженцев», — отмечал Драгомир Джокич, Временный Поверенный в делах Постоянного представительства Югославии при Организации Объединенных Наций в письме на имя Генерального секретаря ООН 6 апреля 1993 г. (191, с. 52). Большинство беженцев размещалось в семьях. Эта форма размещения беженцев основывается на традиционной семейной и человеческой солидарности. С того момента, когда появились первые беженцы, в среднем 95% беженцев в обеих республиках было размещено в семьях родственников, друзей или людей, проявивших добрую волю и готовых помочь другим в беде.

Согласно исследованиям, проведенным в 1993 г.¹, мотивы, которыми руководствовались члены семей, принимавших беженцев, были следующими: близкие родственные связи (54% семей), дальние родственные связи (15%), знакомство с семьями беженцев (19%), общая симпатия и солидарности с людьми, попавшими в беду (20%). При этом 20% семей, принявших беженцев, имели в этом плане личный опыт, будучи беженцами в годы второй мировой войны, а 50% семей имели определенный опыт, так как переехали из какой-либо другой области в местность, где они в настоящий момент живут. Две трети беженцев и семей, которые их приняли, жили вместе. В 44% семей все расходы нес глава семьи, в 30% семей расходы распределялись между семьей и беженцами, и в 22% случаев беженцы и глава семьи несли расходы отдельно друг от друга (194, с. 116).

Насколько позволяли возможности страны, беженцам, остановившимся в семьях, оказывалась ежемесячная помощь в виде продовольствия, предметов личной гигиены, одежды и обуви. Финансовые средства, выделяемые союзными и республиканскими властями Югославии для удовлетворения потребностей большого числа беженцев, а также помощь со стороны Управления Верховного комиссара по делам беженцев Организации Объединенных Наций оказались недостаточными (191, с. 53).

Те беженцы, которые не могли найти стол и жилье у родственников, друзей или других граждан, обеспечивались питанием и жильем. Для размещения беженцев в Сербии и Черногории власти вынуждены были ремонтировать коллективные помещения и строить новые объекты в населенных пунктах. В качестве объектов коллективного размещения использовались молодежные летние лагеря, санатории и дома отдыха, старые школы и гостиницы. Поскольку расселение беженцев в коллективных центрах очень дорого, скудный республиканский бюджет с трудом это выдерживал. Власти

¹ Исследование в рамках проекта «Потребности и перспективы беженцев, а также проблемы и возможности принявших их семей» было осуществлено Институтом социальной политики в Белграде при финансовой поддержке и сотрудничестве УВКБ. (Руководитель проекта — д-р Милосав Милосавлевич). Исследование проводилось в десяти различных областях Сербии и Черногории в июле и августе 1993 г. и охватывало 2076 семей, половину из которых составляли семьи беженцев, а другую половину — семьи, принявших их людей.

надеялись на международную помощь, которая бы покрыла две трети необходимых средств (189; 190). В 1994 г. уже около 27 тыс. беженцев было размещено в 160 коллективных центрах (131 в Сербии и 29 в Черногории). Кроме того, определенное число беженцев было размещено в объектах социального и медицинского обеспечения (старики, инвалиды, дети, больные и т.д.) (194, с.117). Государство обеспечивало беженцев питанием, одеждой, лекарствами.

Длительность пребывания беженцев на территории Сербии и Черногории привели к определенным проблемам, а именно: к сокращению необходимых ресурсов и уменьшению гуманитарной помощи. Помощь международных гуманитарных организаций покрывала лишь часть потребностей. Страна испытывала нужду в продовольствии, одежде и обуви, средствах личной гигиены, лекарствах, других медицинских материалах и т.п. (189).

Международное сообщество переложило бремя заботы о беженцах на плечи граждан Югославии. К концу 1992 г. международные гуманитарные организации удовлетворяли всего лишь 10–15% общих потребностей беженцев. Весной 1993 г. эта доля возросла приблизительно до 30%. Двусторонняя помощь, которая являлась основным источником финансирования беженцев в Хорватии, БиГ и Словении, Югославии практически не оказывалась (191, с.54). Следует, подчеркнуть, что предусмотренная для СР Югославии финансовая помощь была значительно меньше помощи, оказываемой другим республикам бывшей СФРЮ, а кроме того, она была явно недостаточна для нормального обеспечения большого числа беженцев (194, с.121).

Правительство СР Югославии делало все от него зависящее, чтобы оказать гуманитарную помощь беженцам и облегчить участь населения Югославии, предоставляющего эту помощь. Однако санкции в условиях уже создавшегося материального дефицита в здравоохранении поставили под вопрос нормальное предоставление услуг в области здравоохранения как населению СР Югославии в целом, так и беженцам на ее территории.

Результаты неоправданных санкций, которые международное сообщество ввело против СР Югославии и Республики Сербии, оказались исключительно тяжелыми для системы образования и воспитания.

В Республике Сербии из-за несправедливых санкций действительно очень сильно пострадали ученики основных школ и даже дошкольных учреждений. 3 970 основных школ в Сербии в 1992–1993 учебном году посещали 861 224 ученика, а среднюю школу – 320 000. В 1 528 основных школ сельской местности ученики должны добираться издалека, что было очень затруднено из-за нехватки энергоносителей (прежде всего топлива) (192). Больше десяти основных и средних школ республики в 1993 г. уведомили Министерство просвещения, что из-за невозможности обеспечения перевозки своих учеников они приостанавливают обучение (192).

Большое число школ Сербии для обогрева используют мазут или топливное масло. Эмбарго распространялось даже на энергоносители для обогрева школ, поэтому большое число школ было вынуждено или приостановить работу, или же свести преподавание до необходимого педагогического минимума. Зимние каникулы в 1993 г. в школах были продлены до конца января, так как в школах было катастрофически холодно. Огромные трудности школы испытывали с приобретением оборудования и учеб-

ных пособий, а также со средствами для оснащения кабинетов, лабораторий, проведения практических занятий и т.д.

Из-за исключительно высокой инфляции, уменьшающиеся покупательные возможности семей учеников и студентов, нехватка бюджетных средств, выделяемых школе республикой, привели к тому, что 61 домов-интернатов для учеников с более чем 9 тыс. учеников и девять студенческих центров с 52 общежитиями (в них размещены 20 тыс. студентов), находились на самом низком уровне существования. Этим учреждениям не хватало отопительных материалов, гигиенических средств, бензина для перевозки продуктов, большого ассортимента продовольственных товаров и др. (192).

Несправедливые санкции являлись исключительной угрозой преподаванию и научной работе большинства факультетов. У многих лабораторий не хватало материалов для лаборатории, средств на обучение студентов и т.д. Практическая работа и обучение сокращалась и даже приостанавливалась, что имело далеко идущие последствия для подготовки будущих квалифицированных кадров.

С применением резолюций Совета Безопасности ООН на территории СРЮ началась исключительно трудный период для сербской культуры, которая была исключена из важнейших мировых культурных процессов. Вот только несколько характерных примеров: французское консульство отказалось выдать въездные визы видным академикам и профессорам для участия в ноябре 1992 г. в научном собрании, посвященном деятельности Добрицы Чосича; были отменены запланированные концерты Белградского квартета скрипачей в Лондоне; Венгрия запретила ввоз декораций для театрального представления Народного театра из Ужицы (193); отказался подписать протокол о научном сотрудничестве президент Российской академии наук (192, с.442), деятели сербской науки и культуры не приглашались на праздник Славянской культуры и письменности, который каждый год в мае отмечался в Москве. Почти полностью прекратился библиотечный книгообмен. В большинстве случаев иностранным артистам власти их государств не позволяли выступать с уже запланированными концертами в Сербии.

Санкции серьезно сказались на развитии *спорта* в стране. В течение восьми десятилетий югославские спортсмены всегда придерживались основных олимпийских принципов и олимпийского духа, Устава Международного олимпийского комитета и норм международных спортивных федераций. В течение многих лет они добивались выдающихся результатов на различных международных соревнованиях и завоевали 110 олимпийских наград, 885 медалей на европейских соревнованиях и 1171 медаль на мировых первенствах. С июня 1992 г. югославским спортсменам запрещалось участвовать в международных соревнованиях, даже в Олимпийских играх.

Санкции, принятые против Югославии, явились самыми тяжелыми за всю историю существования ООН. Ни ЮАР, ни Ливия, ни Ирак не подвергались столь тотальной политической и экономической изоляции, как новая Югославия. Ираку, например, не замораживалось членство в ООН и ее специализированных организациях, не ставился вопрос о его территориальной целостности и непризнании. Кроме того, Ирак паказывали за агрессию, а ответственность Югославии за войну в БИГ — факт не доказанный. С самого начала введения санкций было ясно, что все условия, предъявлен-

ные Югославии Советом Безопасности, фактически сразу же были выполнены. Тем не менее санкции с Югославии не были сняты, что доказывает, что они с самого начала носили политический характер и преследовали цель изоляции Югославии в событиях, связанных с распадом СФРЮ (58, с.21). Во всяком случае ни санкции против Югославии, ни признание мировым сообществом единой Боснии и Герцеговины не смогли остановить войну в этой республике за раздел территории. Мотивы и основания для введения санкций против Югославии сегодня подвергаются большим сомнениям. Санкции достигли лишь одной цели — серьезно подорвали экономику Югославии, поставили народ на грань обнищания.

Страна находилась под санкциями 1584 дня. Снимали санкции постепенно, выставляя все новые и новые условия.

23 сентября 1994 г. Резолюцией 943 санкции частично приостанавливались «на начальный период сроком на 100 дней», если будет подтверждено, что власти СРЮ «эффективно выполняют свое решение закрыть границу между Союзной Республикой Югославией (Сербия и Черногория) и Республикой Боснией и Герцеговиной...» (199, с.471). 12 января, удовлетворенный эффективностью закрытия границы, Совет Безопасности Резолюцией 970 продлил частичное приостановление санкций еще на 100 дней. 5 июля 1995 г., после выполнения требования «прекратить международные линии электросвязи между Союзной Республикой Югославией (Сербия и Черногория) и районами Республики Боснии и Герцеговины под контролем сил боснийских сербов» (199, с.483), приостановление санкций продлили до 18 сентября 1995 г. (199, с.488). Резолюция 1022 от 22 ноября 1995 г. приостанавливала санкции на неопределенное время, оговаривая это одним условием: СРЮ должна подписать Мирное соглашение «в день, установленный Контактной группой для этой цели» (199, с.86). 1 октября 1996 г. Совет Безопасности отменил санкции, правда опять не до конца. Замороженными остались счета в иностранных банках до тех пор, пока бывшие республики не договорятся между собой о распределении средств и долгов.

5. После санкций — санкции

Отмена санкций не привела к ожидаемым серьезным переменам в экономике и социальной сфере. Хозяйственная деятельность тормозилась отсутствием валютных займов и замороженными счетами в зарубежных банках, разрывом внешнеэкономических связей и стагнацией развития промышленности.

Заместитель председателя Высшего государственного совета Италии Дж. Галони и депутат Б.Армаго направили официальное требование правительству и МИД, ЕС и США поставить вопрос о снятии санкций против СРЮ. Афины, Рим, Москва, София — из этих стран раздавались призывы отменить негуманные санкции. Их все чаще называли нецивилизованными и варварскими, политически контрпродуктивными, экономически и социально пагубными (61; 62).

Югославское правительство пыталось обуздать инфляцию целым рядом мер: путем девальвации динара, введением двойного курса в отношении иностранных валют, открытием «фри-шопов» с продажей товаров на валюту, введением «валютных» динаров, временного замораживания цен, лимитирования фонда заработной платы.

21 января 1994 г. в стране была объявлена Программа экономической стабилизации на основе новой денежной единицы, твердый курс которой обеспечивался твердой валютой и запасами золота. В соответствии с изменениями монетарной и налоговой политики с 24 января 1994 г. в СРЮ вводился новый, конвертируемый динар, стоимость которого равнялась 1 немецкой марке. Автор этой программы — 75-летний специалист в области финансов, советник Генерального секретаря Конференции ООН по торговле и развитию, директор Народного банка Югославии Д.Аврамович. Народному банку отводилась ключевая роль в проведении монетарной политики. Эмиссия денег осуществлялась теперь только в одном месте и под непосредственным контролем Д.Аврамовича. Особое внимание обращалось на санацию банков, что было связано с финансированием и оздоровлением рентабельных и кредитоспособных предприятий. Вводились реально положительные учетные ставки центральных банков. Хранящиеся в банках сбережения предприятий и граждан, замороженные в начале кризиса, переводились в разряд государственного долга. Было принято также решение об ограничении общественного потребления, доля которого в общественном продукте не должна превышать 15%, в то время как на личное потребление направлялось 66,7%, а на капиталовложения в основные фонды — 17% (72). В планах правительства важная роль отводилась сельскому хозяйству, которое оставалось фактором стабильности. Именно оно помогло сохранить продовольственную независимость страны. Поэтому в 1993 и 1994 гг. в югославскую деревню было вложено в два раза больше средств, чем за предшествующие годы (72).

За первые месяцы осуществления программы инфляция снизилась с 31 млн. % в январе до —0,8% в марте. Обозначился рост объема промышленной продукции, заработной платы, стабилизировались цены на товары, стали заполняться пустые полки магазинов (71, с.25). За девять месяцев 1994 г. объем общественного производства возрос на 50%, розничные цены снизились на 10,3%. Реальные доходы увеличились с 25 до 167 динаров в месяц (72).

Премьер-министр Югославии Р.Контич, комментируя одобренную правительственную программу развития экономики на 1995 г., заявил, что ее основными целями являются создание рыночной модели экономики, сохранение стабильности цен и национальной валюты. Государство намерено стимулировать хозяйственную деятельность, создать условия для структурных преобразований, принять меры для повышения жизненного уровня населения (73).

В ноябре 1995 г. в Югославии началось осуществление второго этапа стабилизационной программы Д.Аврамовича. Она была разработана для страны в условиях отсутствия международных санкций. По мнению Д.Аврамовича, главной среди 15 предполагаемых мер являлось введение реального курса национальной валюты. Кроме того, планировались следующие меры: отмена обязательных резервов коммерческих банков; ликвидация отрицательного сальдо банков путем их рефинансирования со стороны Народного банка Югославии; либерализация банковских процентных ставок и начало продаж на рынке обязательств Народного банка Югославии; запрет на возникновение новых отрицательных сальдо в коммерческих банках; отмена системы разрешений на экспортно-импортные операции; уменьшение таможенных и других ввозных пошлин в целом на 10–30%, увеличение акцизов на алкоголь, табак, косметику, применение антидемпинговых мер для импорта там, где это возможно; либерализация за-

конодательства о валютных операциях; введение конвертируемости динара; демократизация отношений собственности; стимулирование импорта капитала; защита от безработицы и контроль за уровнем заработной платы; снижение уровня налогов; снятие контроля над потребительскими ценами, за исключением случаев, когда товары поступают из государственных товарных резервов; включение государственной службы учета и контроля движения денежных средств. Как считал Д. Аврамович, все эти меры, используемые в одном пакете, должны были привести к повышению конкурентоспособности югославской экономики, увеличению доходов государства, снижению уровня безработицы, повышению благосостояния населения (74).

После отмены санкций политические партии готовились к выборам в союзный парламент и местные органы власти, к демократическим переменам мирным путем. Шансов, однако, у оппозиции было крайне мало: она многие месяцы не могла объединиться, мешали амбиции лидеров, различия в программах и целях, отсутствие явного лидера.

3 ноября 1996 г. выборы в Союзную Скупшину проходили по пропорциональной системе: избиратели голосовали за партии. Накануне выборов оппозиция в лице трех крупных и одной небольшой партии объединилась в блок под символическим названием «Вместе» (ДП, ДПС, СДО, Гражданский союз Сербии). Результаты выборов были шоком для коалиции: рассчитывая на победу, она получила только 22 места из 138 в Вече граждан. Объединение левых сил, куда вошли Социалистическая партия Сербии, блок левых партий «Июль» и небольшая партия Новая демократия имели поддержку значительно большего числа голосов (64 места), но не получили, однако, абсолютного большинства.

Оппозиция неожиданно для центра одержала убедительную победу во втором круге выборов в местные органы власти в ряде крупных городов и общин — Белграде, Нише, Крагуеваце, Нови-Саде, Чачаке, Ужице и других. Хотя для устоев правящей элиты Сербии политическая окраска власти в общинах и городах принципиального значения не имела, ибо реальная власть находится в Республиканской и Союзной скупщинах, было сделано все, чтобы отменить по просьбе СПС результаты второго круга в 352 избирательных участках (3,5%) из 10 076 по всей Сербии. Формальные причины на это были: или кандидат продолжал агитацию непосредственно на выборах, или обнаружилось расхождение в количестве опущенных бюллетеней и списках избирателей, или агитационные плакаты находились на расстоянии меньше, чем 20 м от избирательного участка и т.д.

Оппозиция, не желая сдавать только что завоеванные позиции, вышла на митинг протеста и подала в Конституционный суд, который иск не удовлетворил. 27 ноября на переголосовании в ряде участков блок «СПС—Июль» получил большинство голосов. Поскольку власти не признали результаты второго круга, оппозиция вывела народ на улицы — стихийные митинги длились несколько месяцев.

Изгустительное политическое противостояние было наполнено ожиданием компромисса. Первый шаг ждали от властей. Побывавшая в Белграде делегация ОБСЕ выказала рекомендации политическим структурам Сербии признать результаты выборов в тех округах, где победила оппозиция. К этому подталкивала С. Милошевича и российская делегация во главе с первым заместителем министра иностранных дел И. Ивановым. В итоге С. Милошевич отдал решение вопроса парламенту, который должен был разработать законопроект об утверждении итогов выборов «в соответствии с рекоменда-

ями ОБСЕ». 11 февраля 1997 г. Скупщина Сербии одобрила законопроект, подтверждающий победу оппозиции на муниципальных выборах в 14 городах, включая Белград.

Осенью 1997 г. Сербия и Черногория выбирали посланников республиканских скупщин и президентов. Десяток оппозиционных партий Сербии, включая ДП, ДПС, Гражданский союз, бойкотировали выборы. Тем не менее выборы состоялись — к избирательным урнам вышли 57,5% избирателей. В парламент прошли Коалиция «СПС-Июль-Нова демократия» (110 мест), а также Сербская радикальная партия (82 места) и Сербское движение обновления (45 мест). В Сербии президентом стал кандидат СПС Милан Милутинович, а в Черногории победу одержал Мило Джуканович.

Югославия имела всего два года передышки. Запад сделал все, чтобы интернационализировать проблему Косова. На Югославию вновь обрушились ультиматумы, санкции и даже бомбовые удары.

Список источников и литературы

1. Петровић Р. Српска опозиција у очима њених политичара // Политика. — Београд, 1994. — 11 мај. — С. 10.
2. Kišiћ I. Telegraf istražuje...// Telegraf. — Beograd, 1994. — 17 avg. — S. 10.
3. Поповић А. СПС повећава вредност // Вечерње новости. — Београд, 1994. — 24 септ. — С. 7.
4. Лидери «СК-Движение за Югославию» о ситуации в стране // ТАСС. Серия СО. — М., 1991. — 7 янв. — Л. 8.
5. Torov I. Dileme jače od obećanja // Borba. — Beograd, 1990. — 24 dec. — S. 5.
6. Основна порука — ујединити се, народи Југославије // Политика. — Београд, 1990. — 25 дср. — С. 1,8.
7. Milivojević S. Sličnosti sa zapadne strane // Borba. — Beograd, 1994. — 14 apr. — S. 12–13.
8. Павловић Р. Леванца измичу руже и каранфила // Политика. — Београд, 1994. — 18 мај. — С. 10.
9. Рупар В. Политичка енигма социјалиста // Политика. — Београд, 1994. — 9 април. — С. 10.
10. Лево, али не большевички // НИН. — Београд, 1994. — 10 јун. — № 2267. — С. 34.
11. Војић М. Интервју... // Telegraf. — Beograd, 1994. — 17 avg. — S. 8–9.
12. Јул против глупог августа // Дуга. — Beograd, 1994. — 1/14 окт. — N 537. — S. 11–13.
13. Јул — ново лето Србије // Интервју. — Београд, 1994. — 5 авг. — Г. 14, № 341. — С. 59.
14. Павловић Р. Постоји ли српска десница // Политика. — Београд, 1994. — 17 мај. — С. 10.
15. Пешин М. Шта се догађа у политичком центру // Политика. — Београд, 1994. — 12 мај. — С. 14.
16. Брцић: Наш народ је за вредности левице // Политика. — Београд, 1994. — 12 мај. — С. 14.
17. Andrić V. Intervju...// Vreme. — Beograd, 1994. — 13 jun. — № 190. — S. 29.
18. Драшковић В: Опозиција и Црква подржавају ратну опцију // Политика. — Београд, 1994. — 22 септ. — С. 11
19. Павловић Р. Да ли су се Коштуница и Драшковић коначно разишли // Политика. — Београд, 1994. — 19 мај. — С. 10.
20. Јовић Б. Последњи дан СФРЈ: Изводи из дневника. — Београд: Политика, 1995. — 491 с.
21. Гаранције у име Контакт групе // Вечерње новости. — Београд, 1994. — 2 авг. — С. 5.
22. Pismo Predsedništva SFRJ lordu Karingtonu // Međunarodna politika. — Beograd, 1992. — G. 43, № 1001. — S. 21.
23. Билбија Ђ. Русија верује Београду // Вечерње новости. — Београд, 1994. — 3 авг. — С. 5.
24. Чичић Ј. Без доброг одговора // НИН. — Београд, 1994. — 29 јул. — № 2274. — С. 21.
25. Злоупотреба народа // Вечерње новости. — Београд, 1994. — 4 авг. — С. 5.

26. Одлука о мировном плану // *Borba*. — Београд, 1994. — 4 авг. — С. 1.
27. Београд прихватио цивилне посматраче // *Borba*. — Београд, 1994. — 9 септ. — С. 1.
28. Документ ООН. E/CN.4/1998/138.
29. Драматична ситуација // *Borba*. — Београд, 1994. — 4 авг. — С. 4.
30. Обачени издајнички захтеви // *Borba*. — Београд, 1994. — 4 авг. — С. 4.
31. Росић Г. Најављена блокада Републике Српске // *Borba*. — Београд, 1994. — 4 авг. — С. 5.
32. Подстицај и охрабрeње // *Borba*. — Београд, 1994. — 4 авг. — С. 4.
33. Радич Б. Уз све уважавање — неприхватљиво // *Borba*. — Београд, 1994. — 4 авг. — С. 5.
34. Хршум А. Истрајати на свом путу // *Вечерње новости*. — Београд, 1994. — 4 авг. — С. 5.
35. Затворена граница на Дрини // *Borba*. — Београд, 1994. — 5 авг. — С. 1.
36. Izjava Slobodana Miloševića // *Borba*. — Београд, 1994. — 5 авг. — С. 2.
37. Odgovor narodne skupštine Republike Srpske // *Borba*. — Београд, 1994. — 5 авг. — С. 2.
38. Odluka vanredne Skupštine RSK // *Borba*. — Београд, 1994. — 5 авг. — С. 2.
39. Miloševića zahvatila panika // *Borba*. — Београд, 1994. — 5 авг. — С. 3.
40. Voislav Šešelj dao rok Predsedniku Srbije // *Borba*. — Београд, 1994. — 5 авг. — С. 6.
41. Milošević je podigao sebi spomenik sraina // *Borba*. — Београд, 1994. — 5 авг. — С. 3.
42. Bez dogovora zajednička šteta // *Borba*. — Београд, 1994. — 5 авг. — С. 3.
43. Karadžić R. Nema pravo da traži alibi od naroda // *Borba*. — Београд, 1994. — 5 авг. — С. 3.
44. Zanić Nardini J. Još jedna pretnja Karadžiću // *Vjesnik*. — Zagreb, 1994. — 24 rujan. — С. 11.
45. Drašković V. Intervju // *Borba*. — Београд, 1994. — 20/21 авг. — С. VIII–IX.
46. Југославија // ТАСС: Европа. — Т. 1. — М., 1994. — С. 40/1 — 40/13.
47. Ковачевић С., Дажич П. Хронологија југословенске кризе. — Београд: ЈЕС, 1994. — 284 с.
48. Zaboravljeni sporazum o Bosni // *Naša Borba*. — Београд, 1996. — 4 mart. — С. XIV.
49. Кондрашов А. Југославија после изборова // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. — М., 1993. — 27 јан. — № 16. — С. 3–9.
50. Ситуација после оставки Добрице Чосича // ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». — М., 1993. — 9 јуни. — С. 4–5.
51. Кондрашов А. К внутрнйполитической обстановке в Югославии // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. — М., 1993. — 16 јуни. — № 101. — С. 41–46.
52. Овен Д. Улазак у босански лонац // НИИ. — Београд, 1995. — 8 дец., № 2345. — С. 50–52; 15 дец., № 2346. — С. 51–53; 22 дец., № 2347. — С. 52–54; 29 дец., № 2348. — С. 54–56; 5 јан., № 2349. — С. 51–53.
53. Milosavljević B., Jovanović M. Privremeni izbori za narodne poslanike Narodne skupštine Republike Srbije u decembru 1993 // *Jugoslavenski pregled*. — Београд, 1994. — Г. 38, N 1. — С. 65–84.
54. Рупар В. Политичка енигма социјалиста // *Политика*. — Београд, 1994. — 9 апри. — С. 10.
55. Istraživanja // *Vreme*. — Београд, 1994. — 2 мај. — Г. 5, N 184. — С. 16.
56. Radulović S. Srpsko-hrvatski odnosi i međunarodna zajednica (2) // *Borba*. — Београд, 1994. — 15 јун. — С. 12–13.
57. Стојић ЈБ. Прикључавање власти // НИИ. — Београд, 1996. — 10 мај. — № 2367. — С. 14.
58. Кондрашов А. Југославија под санкцијама // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. — М., 1993. — 14 јули. — № 117. — С. 21–28.
59. Седам дана // НИИ. — Београд, 1993. — 19 нов. — № 2238. — С. 7.
60. Јеличич В. Шта је претходило резолуцији у «плавом» // *Политика*. — Београд, 1994. — 25 септ. — С. 11.
61. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 6 јан. — 2 с.
62. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 28 јан. — 6 с.
63. Bilten vesti. — Moskva, 1993. — 30 дец. — 2 с.

64. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 18 jan. — 3 s.
65. Волф Г. За осамнаест година живнѐмо као 1990 // Политика. — Београд, 1994. — 23 март. — С. 13.
66. Uticaj sankcija mađunarodne zajednice na zdravlje naroda SR Jugoslavije // Jugoslavenski pregled. — Beograd, 1994. — G. 38, N 1. — S. 103–115.
67. Bilten vesti. — Moskva, 1995. — 21 sept. — 4 s.
68. Todorović L. Izbeglice iz bivše Jugoslaviji // Jugoslavenski pregled. — Beograd, 1994. — G. 38, N 2. — S. 107–124.
69. Sankcije mađunarodne zajednice protiv Jugoslavije // Jugoslavenski pregled. — Beograd, 1993. — G. 37, N 3. — S. 71–102.
70. Bilten vesti. — Moskva, 1995. — 1 avg. — 7 v.
71. Экономика Србији и Черногори: частниј сектор вновь процветает // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. — М., 1994. — 23 нояб. — № 180. — С. 25–28.
72. Тягуенко Л.В. Оздоровление в Югославии // Экономика и жизнь. — М., 1994. — № 48. — С. 2.
73. СРЈУ: одобрена економическая программа на 1995 г. // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 3 февр. — С. 10–11.
74. Второй этап программы оздоровления национальной экономики нацелен на либерализацию хозяйства // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 29 нояб. — С. 18–21.
75. Bilten vesti. — Moskva, 1994. — 30 jan. — 3 s.
76. Прелевић Ч. Ослонац на векове // Вечерње новости. — Београд, 1994. — 12 мај. — С. 12.
77. Строгоме «spustite na zemlju» // Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 6 јун. — С. 31.
78. Разговор с М.Булатовичем 17 мај 1994 г. в. Полгорице.
79. Информација правителства Черногорије.
80. Demografske odlike stanovništva SR Jugoslavije po nacionalnosti // Jugoslavenski pregled. — Beograd, 1993. — G. 37, N 4. — S. 3–42.
81. Петровић Р. Српска опозиција у огледалу // Политика. — Београд, 1994. — 15 мај. — С. 10.
82. Новости дня // ИТАР-ТАСС: Серия СЕ. — М., 1995. — 6 јуна. — С. 2–3.
83. Уједињење је неопходно // Политика. — Београд. — 1990. — 8 јун. — С. 1.
84. Први конгрес Социјалистичке партије Србије // Политика. — Београд, 1990. — 17 јул. — С. 1–3.
85. Radivojević V. Gromoglasne najave, trajave rezultate // Borba. — Beograd, 1990. — 13 јун. — С. 10.
86. Социјалистичка партија Србије залаже се за друштво слободних и равноправних људи // Политика. — Београд, 1990. — 16 јул. — С. 1.
87. Предлог Статута Социјалистичке партије Србије // Политика. — Београд, 1990. — 16 јул. — С. 6.
88. Основе Програма социјалистичке партије Србије. — Београд, 1992. — 35 с.
89. Реџујић М., Милић В. Политичке странке у Југославији. — Београд, 1990. — 540 с.
90. Шеšelj V. Milošević i ja // Duga. — Beograd, 1994. — 28 мај/10 јун. — N 528. — С. 89–93.
91. Шешелj В. Интервју... // Телеграф. — Београд, 1994. — 5 јул. — С. 4–7.
92. Чавошки К. Од обмане до демократије // Borba. — Beograd, 1990. — 8/9 sept. — С. 5.
93. Mičunović D. Građanin — nosilac suvereniteta i slobode // TANJUG Press. — Beograd, 1990. — 7 okt. — С. 7–8.
94. Ђинђић З. Једна београдска прича // Duga. — Beograd, 1994. — 28 мај/10 јун. — N 528. — С. 17–20, 94–95.
95. Демократска странка: Изборни програм. — Београд, 1992. — 113 с.
96. Zar sad da pokurimo šaure // Borba. — Beograd, 1994. — 28 јун. — С. 12/13.

162. Bulatović M. Ekspozé na sjednici Skupštine Republike Crne Gore o aktuelnoj političkoj situaciji. — Podgorica, 1993. — 2 febr. — 17 s. Документация информационной службы президента Черногорин.
163. Документ СООНО.
164. Bulatović M. Ekspozé na sjednici Skupštine Republike Crne Gore o aktuelnoj političkoj situaciji u zemlji. — Podgorica, 1992. — 18 jan. — 23 s. Документация информационной службы президента Черногорин.
165. Izveštaj o rezultatima republičkog referenduma. Документация информационной службы президента Черногорин.
166. Spisak registrovanih političkih organizacija u Republici Crnoj Gori. Документация информационной службы президента Черногорин.
167. Nacrt Deklaracije o priznavanju Republike Srpske Krajine. Документация информационной службы президента Черногорин.
168. Курс Черногорин на рыночную экономику // Пульс планеты. — М., 1996. — 8 мая. — С. 5.
169. Vlada Crne Gore o ekonomskoj situaciji pod sankcijama. Zapisnik 29 jan 1993. Документация информационной службы президента Черногорин.
170. Informacija o raseljenim licima u Crnoj Gori. Документация Комиссариата по перемещенным лицам.
171. Калијевић В. Моје виђење распада. — Београд, 1993. — 170 с.
172. Telegraf istražuje: žele li Srbijanci državu sa Crnom Gorom, RS i RSK? // Telegraf. — Београд, 1994. — 15 jun. — С. 2.
173. Avramov S. Posliherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. — Veternik: LDI, 1997. — 460 s.
174. Документ ООН. S/1994/83.
175. Документ ООН. S/1996/189.
176. Документ ООН. A/51/665; S/1996/931.
177. Документ ООН. A/51/690; S/1996/974.
178. Memorandum o nekim neršenim pitanjima razgraničenja sa Republikom Hrvatskom // Jugosl. pregled. — Београд, 1993. — Br. 3. — С. 97.
179. Македония: Путь к самостоятельности. Документы / Сост. и отв. редактор Е.Ю. Гуськова. — М.: Радуга, 1997. — 528 с.
180. Oven D. Balkanska odiseja. — Београд: Radio B92, 1996. — 410 s.
181. Документ ООН. S/24049.
182. Бранковић С. О феномену подршке неуспешној власти // Српска политичка мисао. — Београд, 1994. — Br. 1-4. — С. 197-215.
183. SFRJ, SR Jugoslavija i Republika Srbija: Izabrani statistički podaci, uporedni pregled. — Београд: Republički zavod za statistiku, 1993. — 10 s.
184. Zimmerman W. Izvori jedne katastrofe / Prevod sa engleskog. — Zagreb: Globus international Znanje, 1996. — 312 s.
185. Dve godine posle: Pravni, humanitarni i ekonomski odraz sankeija Saveta bezbednosti OUN protiv SR Jugoslavije. — Београд: Savezno ministarstvo za ljudska prava i prava manjina, 1994. — 67 s.
186. Бранко Богуновић. Тако је говорио Игльбергер // ТАНЈУГ --- пола века. — Београд: ТАНЈУГ, 1993. — 297 с.
187. Antičić S., Jovanović M., Marinković D. Srbija između populizma i demokratije: Politički procesi u Srbiji 1990-1993. — Београд: Inst. za polit. studije, 1993. — 222 s.
188. Информация Союзного Министерства иностранных дел о последствиях санкций (14 апреля 1993 г.). — Документ МИД СРЮ. — Рукопись.
189. Информация о перемещенных лицах в Черногорин (23 февраля 1993 г.). — Документ пра-

- вительства Черногории. — Рукопись.
190. Призыв Союзного правительства к международному содружеству о предоставлении гуманитарной помощи СР Югославии (5 августа 1992 г.). — Документ МИД СРЮ. — Рукопись.
191. Резолюции и решения Совета Безопасности ООН за 1993 г. — Нью-Йорк: ООН, 1994. — 450 с.
192. Последствия санкций для системы образования и воспитания (21 сентября 1993 г.). — Документ Министерства просвещения Сербии. — Рукопись.
193. Санкции и проблемы культуры (7 октября 1993 г.). — Документ Министерства культуры Сербии № 69-122/93-05. — Рукопись.
194. Izbeglice iz bivše SFRJ u SR Jugoslaviju // Jugoslovenski pregled. — Beograd, 1994. — N 2. — S.107-124.
195. Документ ООН. A/50/163.
196. Конох В. Последствия санкций ООН для здоровья населения и для системы здравоохранения СР Югославии. — Документация Министерства информации Сербии. — Рукопись.
197. Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии. Современная история Югославии в документах. Т.2 /Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. — М., 1993. — 503 с.
198. Антонић С. Влада Слободана Милошевића. Југословенско — албански односи. Покушај типолошког одређења // Српска полит. мисао. — Београд, 1995. — N 1. — С. 97.
199. Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т.2. / Сост. и отв. редактор Е.Ю.Гуськова. — М.: ИНДРИК, 2000. — 496 с.

ГЛАВА VIII

Новые государства на Балканах: первые шаги самостоятельного развития

1. Босния и Герцеговина после Дейтона

Босния и Герцеговина (БиГ) как самостоятельное государство было признано мировым сообществом в апреле 1992 г., но фактически как единое государство не существовало. Правительство и парламент, избранные в конце 1990 г., с этого времени функционировали не в полном составе, но представляли собой органы власти нового государства на Балканах. 7 апреля 1992 г. ЕС, США, а следом и другие страны и организации признали суверенитет Боснии и Герцеговины. 20 мая 1992 г. Совет Безопасности рассмотрел заявление Республики Боснии и Герцеговины о приеме в члены Организации Объединенных Наций и рекомендовал Генеральной Ассамблее принять Республику Боснию и Герцеговину в члены ООН. А в это время по всей республике уже шла война за раздел БиГ, правительство не контролировало ни ситуацию, ни территорию.

Война привела к сокращению численности населения на 1 млн. человек, около 250 тыс. было убито. Примерно две трети жилого фонда было повреждено или разрушено, промышленное производство сократилось почти на 95% с 1990 по 1994 г.

Республика
Босния и Герцеговина,
1997 г.

Около 70% мощностей по выработке электроэнергии вышло из строя. Добыча угля упала до менее чем 10% от довоенного уровня (76). Дейтонские соглашения остановили войну, но не могли сразу решить проблемы будущего этого региона.

Для реализации Дейтонских соглашений по БиГ были созданы международные Силы по выполнению соглашений (СВС). Боснийская операция НАТО носила условное название «Согласованное усилие». Заинтересованности в участии в операции выразили 15 из 16 стран — членов альянса (кроме Исландии) и 17 государств, не входящих в Североатлантический блок. Численность военных составила 60 тыс. человек, из них 20 тыс. американских, 14 тыс. британских, 10 тыс. французских и 5 тыс. немецких солдат (91). Развертывание сил НАТО завершилось уже в феврале 1996 г. Для наповцев это была прекрасная проба сил, проверка своей мощи, возможностей и способностей, отработка не на учениях чисто военных приемов дислокации в трудных «неевропейских» условиях. Для обеспечения начального этапа высадки только в первый месяц авиация НАТО осуществила 1796 самолето-вылетов, было задействовано 28 десантных и иных кораблей, 280 поездов (88).

Россия приняла решение участвовать в операции НАТО в БиГ. 8 октября 1995 г. в Женеву прибыла первая группа представителей России из шести человек, которая выработала принципы участия Русского батальона в операции в БиГ под командованием НАТО. Среди этих принципов были следующие: 1) единоначалие; 2) единая система управления наземным и воздушным движением; 3) координация при информировании СМИ и формировании общественного мнения; 4) обмен разведывательными данными; 5) координация тылового обеспечения; 6) разработка общих целей, задач, правил применения силы. Для России была создана особая структура управления. Русский батальон формировался как отдельное подразделение, которое подчиняется непосредственно заместителю командующего по России. Его подпись обязательна на всех документах. 13 марта 1996 г. В.И. Чуркин подписал соглашение с Генсеком НАТО Х.Соланой об участии России и НАТО в совместной операции в БиГ. В БиГ был дислоцирован Русский батальон в составе 1350 тыс. человек. Ему была поставлена задача развести стороны на 2 км от линии разведения, вывести всю технику на 10 км, в течение 30 суток убрать наемников с каждой стороны, складировать всю технику в определенных местах, держать ее под контролем. Чтобы достичь беспристрастности, решили расположить войска внутри и сербской, и мусульманской территорий.

В России велась дискуссия по поводу участия русских миротворцев в военной миссии в БиГ под крылом НАТО. Одни предлагали не поддерживать миссию и требовать вывода войск НАТО из БиГ, другие полагали, что присутствие русских войск в БиГ обязательно, поскольку может, с одной стороны, способствовать стабилизации в регионе, а с другой — позволит России быть в курсе готовящихся в НАТО планов по Боснии и Герцеговине. В 1996 г. Русскому батальону операция обоилась в 20,4 млн. долл. и 200 млрд. руб. В 1997 — первой половине 1998 г. было необходимо 300 млрд. руб.

Миротворческую операцию в БиГ планировалось провести в четыре этапа:

1. Переходный период должен был длиться с января 1996 г. до конца февраля 1997 г.
2. Период стабилизации, подготовка условий для проведения муниципальных выборов.
3. Этап сдерживания, сокращение численности войск СВС.
4. Завершение миссии.

Выполнение плана срывалось из-за невозможности осуществить политическую и экономическую стабилизацию. Кроме того, была велика опасность возобновление военных действий. 13 декабря 1996 г. силам НАТО, дислоцированным в БиГ, был выдан новый мандат на 18 месяцев. Мандат сил НАТО в БиГ был в дальнейшем также продлен.

Налаживание мирной жизни в БиГ проходило медленно, так как последствия войны еще долго сказывались на взаимных отношениях трех народов и двух «образований» в составе Боснии и Герцеговины.

Проблемы, которые не смогли решить в БиГ в первые два года после Дейтона:

1. Не обеспечена свобода передвижения по всей территории.
2. Не осуществлено возвращение беженцев в свои дома.
3. Несмотря на усилия международных посредников, политические органы БиГ так и не функционировали.
4. Много разногласий имелось между мусульманами и хорватами. На уровне общин, местной администрации и даже армии объединение хорватов и мусульман происходило медленно. В августе 1996 г. хорваты в БиГ объявили о суверенитете своего государства Герисг-Босна, старались оградить свою территорию, не обозначенную в Дейтоне. Продолжились столкновения в Мостаре, который Запад стремился сделать образцом проживания двух народов (мусульман и хорватов), когда из него были вытеснены все сербы.

5. Начиная с 1996 г., шло вооружение мусульман, создание Мусульманско-хорватской армии, в то время как большой военный потенциал сербов был уничтожен бомбардировками; Запад планировал поставить мусульманам 46 100 автоматических винтовок, 1 тыс. пулеметов, 850 противотанковых средств, 15 вертолетов, 85 БТР, 45 танков. Обучение Мусульманской армии велось американскими военными.

6. В запланированный срок не удалось провести муниципальные выборы.
7. До конца не налажена была дипломатическая служба Боснии и Герцеговины.
8. Экономическое возрождение в стране происходило медленно, денежные вливания делались неравномерно. М.Олбрайт заявила, что США и далее, независимо от исхода выборов, будут оказывать материальную помощь только тем, кто «уважает положения Дейтонского соглашения».

Уже в первые месяцы после Дейтона БиГ столкнулась также с проблемами создания единого экономического пространства, введения единой валюты, создания многонациональной армии, распределения власти в кантонах, городах и общинах, обеспечения функционирования единой центральной власти, возвращения беженцев, обеспечения свободного передвижения по всей территории.

Однако постепенно происходили и перемены в хозяйственной и политической жизни народов — были открыты автобусное и воздушное сообщения, в 1998 г. прошли апробацию первые денежные знаки БиГ, приравненные к немецкой марке, создавались совместные органы власти: Президиум, Совет министров и Парламентская Скупщина, происходило формирование многопартийной политической системы. Высокий представитель утвердил в январе 1998 г. новые общинные номерные знаки для автомобилей.

В 1998 г. Силы по стабилизации (СПС) продолжали осуществлять наблюдение и разведку путем наземного и воздушного патрулирования, проводить учения для отработки развертывания стратегического резерва СПС, инспектировали места хране-

ния оружия, оказывали помощь Специальным международным полицейским силам в инспектировании местных полицейских участков, обеспечивали контроль за учебными мероприятиями и передвижениями, за операциями по разминированию.

Несмотря на призывы международных организаций к созданию многонациональных партий, на муниципальных выборах осенью 1997 г. в большинстве округов победили национальные партии — стороны закрепили за собой границы, начертанные в Дейтоне. В Республике Сербской после серьезных политических разногласий Сербская демократическая партия (СДП), во главе которой с момента ее основания стоял Р.Караджич, не получила большинства голосов и ушла в оппозицию. Новый президент РС Биляна Плавшич создала свою партию — Сербский народный союз РС (СНСРС).

12–13 сентября 1998 г. состоялись общие парламентские и президентские выборы как в Федерации, так и в РС. В выборах принимали участие 69 политических партий, преимущественно национальных. В РС президентом стал профессор Никола Поплашен от Сербской радикальной партии. Представитель Коалиции «Согласие» (Социалистическая партия РС, Сербский народный союз и Партия независимых социал-демократов Живко Радишич стал членом Президиума БиГ от РС. В Скупшину РС прошли представители СДП, Коалиции за единую Боснию и Герцеговину. В ФБиГ наибольшее число голосов получил Алия Изетбегович. В верхнюю палату Скупщины БиГ наибольшую поддержку избирателей от ФБиГ имела Коалиция за единую и демократическую Боснию, главную роль в которой играли ПДД, а также ХДС, а от РС — Коалиция «Согласие» и СДП (104; 105).

Присутствие войск НАТО и представителей международных организаций на территории БиГ оказывает влияние на развитие политических процессов в Образованиях и Республики в целом. Высокие представители пользуются в БиГ неограниченными полномочиями. Так, испанский дипломат Карлос Вестендорп использовал свою власть для смещения избранных народом должностных лиц — лишил мандата избранных депутатов-сербов, «уволнил» победившего на выборах в сентябре 1998 г. президента РС представителя радикалов Николу Поплашена, и премьер Милорад Додик от Партии независимых социал-демократов несколько лет исполнял обязанности руководителя РС. От должности градоначальника Баня-Луки был отстранен Джордже Умичевич только за то, что выступал против строительства Мечети Фархадия, считая ее символом турецкого ига, а не культовым сооружением.

Карлос Вестендорп навязывал органам власти политические решения, визирил назначения должностных лиц вплоть до генералов, контролировал СМИ. В апреле 1998 г. он начал создавать Комиссию правды, наполовину состоящую из иностранцев, которая должна была следить за СМИ, быть определенным органом цензуры. Недовольный работой всех трех телекомпаний, Высокий представитель решил, по его же словам, «ампутировать» прежде всего телевидение РС на Пале, а затем заставить работать его по собственной мерке (100). В РС были смены 16 главных редакторов радио — и телестанций (102). К.Вестендорп решил вмешаться и в образовательную систему, чтобы «освободить боснийцев от невежества», и начал писать проект учебника по истории для начальных и средних школ (101).

Представители всех международных организаций активно вмешивались в выборы, в поддержку одного из кандидатов. Вестендорп начал пересматривать избирательный закон. В марте 1999 г. Арбитражная комиссия объявила Брчко округом под суверенитетом БиГ, нарушив тем самым Дейтонские соглашения, в которых было

записано об арбитраже «в отношении спорной части линии разграничения между образованиями в районе Брчко». Тем самым был нарушен принцип «неразрывности» территории Республики Сербской.

8 апреля 2000 г. в БиГ прошли выборы в местные органы власти. Высокий представитель, австриец Вольфганг Петрич разбил лидирующую предвыборную коалицию «Сербская демократическая партия — Сербская Радикальная партия», сняв своей волей с дистанции радикалов, ведь на прошлых выборах за них голосовали 200 тыс. сербов и около 40% готовы были проголосовать снова. Сербской партии РС также было запрещено участвовать в выборах, так как она отказалась сменить своего лидера Предрага Лазаревича по требованию Высокого представителя и председателя Временной избирательной комиссии Роберта Бери. Открытая поддержка была оказана Милораду Долику. За пять дней до выборов был арестован бывший председатель Скупщины Боснии и Герцеговины в 1990 г., председатель Скупщины Республики Сербской в 1992–1995 гг., член федерального Президиума постдейтонской Боснии и Герцеговины Момчило Краишник. Сербь должны были понять, как им следует голосовать. Альтернативы практически не оставалось. И последним отчаянным жестом сербов были отданные голоса в поддержку очень нелюбимой на Западе Сербской демократической партии, с которой связаны имена Радована Караджича, Ратко Младича, Момчило Краишника, объявленных военными преступниками. Все эти факты говорят о трудном положении, в котором находится Республика Сербская. По оценкам специалистов, в РС официальные институты, которые и составляют суть государственности, или не функционируют, или находятся под полным контролем. Фактически дискредитирована функция Президента РС. Постоянное сужение демократического пространства в БиГ стало нормой жизни.

После Дейтона разрабатывалась мощная программа экономического возрождения региона, создавались фонды с огромным капиталом. Прошедшая сразу после Дейтона Международная конференция доноров Боснии приняла решение о выделении этой стране первых 518 млн. долл. на покрытие неотложных расходов по реконструкции в первые три месяца 1996 г. Эти деньги были первой частью из 5 млрд долл., необходимых Боснии в ближайшие три-четыре года на восстановления жилья и основных коммуникаций (90). Однако сербы так и не получили своей части запланированной помощи, поскольку им постоянно ставились новые и новые условия. Комиссар ЕС по иностранным делам Ханс ван ден Брук заявил еще в декабре 1995 г., что сербам не следует ожидать международной помощи на восстановление до тех пор, пока они не выдадут военных преступников (90). НАТО и международные организации относятся к сербской стороне как заслуженно «поставленной на колени» в Дейтоне, как к стороне, проигравшей в итоге войну и наказанной. Директор американского агентства по международному развитию Брайан Этвуд после совместного заседания гуманитарных сотрудников из США и Европейского союза в январе 1996 г. заявил, что «большая часть американской помощи на восстановление экономики бывшей Югославии пойдет хорватам и мусульманам, «которые составляют большинство населения Боснии и Герцеговины». И поскольку сербы — агрессоры, «американскому правительству трудно было бы перекачать деньги в Сербию или в те части Боснии и Герцеговины, которые находятся под сербским контролем» (цит. по: 89, с.11).

Обновление хозяйственной системы во многом зависит от возвращения к своим очагам беженцев и перемещенных лиц. Но именно эта проблема одна из самых трудно решаемых. Те, кто бежал от пожара войны, и в 2000 г. не вернулись к своим очагам. Мусульмане и сербы прогиваются возвращению на свои территории беженцев другой национальности. Эта проблема особенно тяжела для Республики Сербской, на территории которой находятся около 300 тыс. беженцев из Хорватии. Небольшое количество возвращенцев расселяются, главным образом, вдоль границы Образований, опасаясь возобновления столкновений. А всего, по данным правительства, в БиГ к родным очагам хотят вернуться около 400 тыс. человек (99). А в Сараево вернулись только 5 тыс. сербов и хорватов.

После Дейтона произошла нормализация отношений и развития многостороннего сотрудничества между странами региона. В 1996 г. (София) и в 1997 г. (Солун) прошли конференции Балканских стран на уровне министров иностранных дел по вопросам регионального сотрудничества. Летом 1996 г. первая делегация Федерации БиГ посетила Белград, а вскоре, 24 августа, в Афинах встречались С.Милошевич и Ф.Туджман и подписали договор о нормализации отношений между Хорватией и СРЮ. 3 октября в Париже А.Изетбегович и С.Милошевич подписали Совместное заявление о принципах будущих отношений между Югославией и БиГ.

2. Македония

Процесс оформления самостоятельности Македонии был завершен 17 ноября 1991 г. принятием Конституции Республики Македонии, провозгласившей республику суверенным демократическим государством. 8 сентября в республике был проведен референдум. На вопрос «Выступаете ли вы за создание суверенного и независимого государства Македонии с правом вступить в союз суверенных государств Югославии?» 95,26% пришедших на референдум ответили утвердительно. Это дало основание парламенту констатировать, что граждане Македонии «выразили свою волю и отдали свой голос за создание Республики Македонии (РМ) в качестве суверенного и самостоятельного государства» (58). 21 февраля 1992 г. руководители Македонии и СФРЮ подписали Договор о выводе войск ЮНА с территории республики. Тем самым Македония избежала военных столкновений, ее отделение от СФРЮ произошло мирным путем. Суверенитет и независимость Республики Македонии закреплялись в Конституции РМ как неотчуждаемое право македонского народа.

Радость Македонии от достижения суверенитета омрачалась проблемой ее признания со стороны международных организаций. 17 декабря 1991 г. на заседании министров иностранных дел стран — членов ЕС были разработаны критерии признания новых государств, возникающих в Восточной Европе и на территории Советского Союза: уважение Устава ООН и других международных документов по вопросам правового государства; гарантия прав этнических и национальных групп и меньшинств; уважение нерушимости границ, которые могут быть изменены только мирным путем; признание международных обязательств по разоружению, безопасности и региональной стабильности; решение проблем правового наследия и региональных споров путем переговоров. И уже 19 декабря Собрание РМ приняло Деклара-

цию о признании Республики Македонии как суверенного и независимого государства. В ней отмечалось, что РМ «поддерживает продолжение Конференции по Югославии в Гааге и будет участвовать, как и до настоящего момента, конструктивным образом в ее работе с целью достичь окончательного решения югославского кризиса мирным и демократическим путем», что РМ «выполняет условия, выдвинутые Советом министров Европейского сообщества» и потому ожидает международного признания (59).

20 декабря 1991 г. министр иностранных дел РМ обратился к государствам — членам ЕС с просьбой признать республику. Вопрос решала Арбитражная комиссия, предложенная министрами иностранных дел стран — членом ЕС, в рамках Мирной конференции по бывшей Югославии. Рассмотрев вопросы о претворении Македонией в жизнь принципов Устава ООН, о гарантиях прав этнических и национальных групп, получив заверения Македонии об отказе от изменения своих границ с помощью силы, об обязательствах в области разоружения и нераспространения ядерного оружия и ряд других, Арбитражная комиссия констатировала, что «Республика Македония удовлетворяет условиям, оговоренным в Руководящих принципах, касающихся признания новых государств в Восточной Европе и Советском

Республика Македония

Союзе» (60). Как отмечал президент Республики Македонии К.Глигоров, «в отличие от документально обоснованной позиции Арбитражной комиссии двенадцать (ЕС) приняли политическое решение признать пока только Словению и Хорватию» (61, с.21). Он с горечью писал, что «обоснования непризнания Республики Македонии до сих пор все еще нет, и это с трудом поддается объяснению» (61, с.21). Македония, которая отвечала всем указанным критериям ЕС, не была признана, в то время как Хорватия, не отвечавшая, по сути, ни одному критерию, была признана в спешном порядке в декабре 1991 г. (7, с.192). Однако объяснения тому были. Во-первых, Македония не имела посредников и покровителей среди сильных европейских государств, как, например, Хорватия, интересы которой открыто отстаивала Германия. Во-вторых, препятствием стала особая позиция Греции как члена ЕС.

Греция решительно протестовала против названия республики «Македония» (ибо так называется область в Северной Греции), против использования исторической греческой атрибутики в официальной македонской символике, настаивала на том, чтобы Македония дала гарантии того, что не имеет территориальных претензий к соседним государствам. Правительство Греции заявляло, что никогда не согласится, чтобы в названии соседней республики были «греческое» слово «Македония» или «производные от него» (9, с.35).

2 мая 1992 г. ЕС согласилось признать Македонию только в том случае, если будет найдено приемлемое для всех название нового государства. Выдвигались различные варианты — Центральная Балканская Республика, Республика Скопье, Республика Новая Македония и другие, которые Македонией решительно отвергались. Посредниками в урегулировании греческо-македонских отношений выступали Сайрус Вэнс, предлагавший решать спорные вопросы постепенно, Соединенные Штаты Америки, выдвинувшие 16 мая 1994 г. предложение принять «пакет мер», которые включали отказ Македонии от названия и спорной атрибутики, а также шеф немецкой дипломатии Клаус Кинкель, предложивший 18 августа 1994 г. план из шести пунктов и два названия для Македонии — Новая Македония и Северная Македония. Македонско-греческие переговоры долгое время не приносили ощутимых результатов. Греческая делегация настаивала на том, что македонская сторона (называемая ею «Вторая сторона») не должна использовать название, в котором встречается слово «Македония». Если же это слово «должно быть включено в название, которое будет использоваться как для внутренних, так и для международных целей, то тогда можно было бы подумать над названием «Славомакедония» (60, с.4).

Однако со временем Македония находит свое место в системе международных отношений. В апреле 1993 г., согласно Резолюции № 817, республика принимается в ООН под временным названием «Бывшая Югославская Республика Македония» (БЮРМ) до урегулирования разногласий, возникших в связи с названием этого государства. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН, К.Глигоров сказал, что «присоединение Республики Македонии к международному сообществу народов — это триумф справедливости и светлый пример того, как маленький и миролюбивый народ мирным и легитимным путем осуществил свое право на самоопределение и государственность и на свою ответственность в международном сообществе». Постепенно Македония признается рядом государств. В июне 1996 г. уже 72 государства признали Македонию, из них 35 — под названием «Республика Македония».

Позиция России по вопросу признания Македонии в полном соответствии с общей пассивной, малопредсказуемой и бесконцептуальной внешнеполитической политикой являлась ярким примером непоследовательности ее осуществления на Балканах. Еще 30 мая 1992 г. в «Известиях» появилась заметка под названием «Россия признает Македонию» (67). В ней отмечалось, что «в ближайшие часы» будет объявлено о признании Македонии, поскольку Россия получила заверения Скопье об отсутствии территориальных претензий к Греции. «Дальнейшая оттяжка с объявлением о признании теряет смысл», — заявил тогда А. Козырев (67). Однако даже в ближайшие дни такого признания не последовало. Лишь 3 августа 1992 г. Б.Н. Ельцин заговорил об этом, находясь в Болгарии (61, с. 141, 142). А 4 августа 1992 г. появился Указ Президента РФ о признании Республики Македонии (68, с. 114). Однако он, несмотря на всю официальность, оказался формальным актом. В нем МИД России поручалось «провести переговоры об установлении дипломатических отношений и оформить достигнутую договоренность соответствующим документом» (6, 8, с. 114). Это «оформление» затянулось до января 1994 г.

После достижения самостоятельности в Македонии начинаются радикальные изменения политической и экономической систем. В ноябре 1991 г. принимается новая Конституция, а в январе 1992 г. — поправки к ней, согласно которым Македония становится парламентской республикой, не имеет территориальных претензий к соседним государствам и не собирается изменять границы военным путем. Конституция закрепляла создание гражданского, демократического, правового государства. Высшим законодательным органом республики является избираемый на четыре года однопалатный парламент — Собрание Республики Македонии, состоящее из 120 депутатов. Вместо Президиума СРМ утверждалась должность президента республики. Его избирает Собрание сроком на четыре года. 27 января 1991 г. президентом стал Киро Глигоров, 74-летний политик, представлявший ранее Македонию в Президиуме СФРЮ. За пять лет парламент рассмотрел более 700 законодательных актов, регулирующих все сферы общественной, политической и экономической жизни.

В условиях разгоравшихся военных действий в Хорватии и Боснии и Герцеговине мир в Македонии казался ее руководителям хрупким¹. Поэтому они обратились с просьбой в ООН направить отряд «голубых касок» в Македонию. Совет Безопасности ООН 11 декабря 1992 г. в Резолюции 795 уполномочил Генерального секретаря обеспечить присутствие Сил Организации Объединенных Наций по охране (СООНО) в бывшей югославской Республике Македонии, информировать об этом власти Албании и власти СРЮ и немедленно развернуть военный персонал, персонал по связи с гражданскими властями и населением, административный персонал и полицейских наблюдателей. Ограниченный контингент ООН (700 человек) получил зимой 1993 г. мандат на размещение в Македонии для оперативного информирования и предотвращения возможных провокаций на границе с Сербией. В июле того же года к нему присоединились 300 американских солдат. Македония с благодарностью встретила американских военных, рассматривая этот жест как новую фазу

¹ В событиях на территории Словении и Хорватии погибли 42 человека — жителя Македонии (7, с. 33).

в развитии македонско-американских отношений. 31 марта 1995 г. Совет Безопасности принял Резолюцию 983, которая продлевала мандат миротворческих сил на восемь месяцев, а СООНО в Македонии переименовал в Силы превентивного развертывания ООН (СПРООН). В последующем руководство Македонии постоянно обращалось к Генеральному секретарю с просьбой о продлении мандата миссии в полном составе. В 1998 г. численность военного компонента СПРООН была увеличена до 1050 человек. В январе 1999 г. правительство республики полагало, что еще существует «опасность распространения военных конфликтов с территории Союзной Республики Югославии (Косово) на территорию соседних стран», поэтому вновь просило о продлении срока пребывания миротворцев на своей территории (73).

В декабре 1993 г. Собрание Республики Македонии приняло решение просить о присоединении к НАТО. Все политические партии страны без исключения поддерживают это решение. 15 ноября 1995 г. республика присоединилась к программе «Партнерство во имя мира», что рассматривалось в стране как «прорыв» к системе европейской и мировой безопасности (62, с.33). В июле 1996 г. Македонская армия, проводя реформу по стандартам Североатлантического альянса, уже участвовала в военных учениях НАТО на территории Албании, а осенью 1996 г. предложила свою территорию для совместных учений под названием «Спасатель-96» (62, с.33).

Эволюция *политической системы* и ее демократизация связаны были в Македонии с развитием многопартийности, представительной системы, налаживанием деятельности системы власти и управления. Первые парламентские выборы на многопартийной основе прошли в ноябре—декабре 1990 г., еще в рамках СФРЮ. В выборах участвовали 18 политических партий.

В 1994 г. в Республике Македонии было зарегистрировано уже около 60 политических партий, из которых 15 представляли интересы национальных меньшинств (65). Накануне новых выборов в парламент был принят закон о политических партиях. Первые выборы в условиях самостоятельности прошли в октябре—ноябре 1994 г. За места в парламенте боролись 38 политических партий и 293 независимых кандидата. В президентских и парламентских выборах приняли участие 77,76% зарегистрированных избирателей. На места в парламенте претендовали три группы партий: а) правящий блок «Союз за Македонию», куда входили социал-демократы, либералы и социалисты, б) национальная македонская оппозиция во главе с Внутренней македонской революционной организацией — Демократической партией македонского национального единства (ВМРО—ДПМНЕ) и Демократической партией, в) национальные албанские партии.

После первого тура голосования оппозиционные национальные македонские партии обвинили руководство страны в «государственной фальсификации выборов невиданных размеров» и потребовали отменить его результаты. Компромисса достичь не удалось. В результате бойкота второго тура выборов крупнейшими оппозиционными партиями абсолютное большинство в парламенте получил «Союз за Македонию» (85 мест из 120). Оппозиция же лишилась возможности быть представленной в парламенте (в предшествующем Собрании ВМРО—ДПМНЕ имела 38 мандатов). Избиратели отдали предпочтение правящему блоку, поскольку он выступал с демократических гражданских позиций под лозунгом «Свобода, мир, безопасность». Вторую по силе парламентскую группу составили национальные албан-

ские партии. В результате Собрание осталось без внутренней парламентской оппозиции. Но уже через месяц после выборов Либеральная партия стала расходиться во взглядах с СДСМ и вышла из коалиции «Союз за Македонию». 29 депутатов ушли в оппозицию. Политическая жизнь, по мнению парламентариев, стала интересней, в Собрании вновь сформировалась, хотя и небольшая, оппозиция.

Пост Президента Республики остался за К.Глигоровым. Коалиционное правительство было сформировано из представителей Социал-демократического союза Македонии, Либеральной и Социалистической партий. Албанское меньшинство в правительстве было представлено четырьмя министрами, вице-премьером и пятью заместителями министра.

Третьи парламентские выборы в Македонии в 1998 г. привели к победе вчерашней оппозиционной коалиции, состоящей из ВМРО-ДПМНЕ и Демократической альтернативы (ДА), которую возглавляли Люнче Георгиевски и Васил Тупурковски. Коалиция получила простое большинство в македонском парламенте — 62 места из 120. Ее поддержала в парламенте Демократическая партия албанцев (ДПА), которую возглавлял Арбен Джаферри. Правивший все годы после распада СФРЮ Социал-демократический союз перешел в так называемую «конструктивную оппозицию». Премьер-министром Македонии избран Люнче Георгиевски.

В октябре 1999 г. истек президентский срок главы государства Киро Глигорова, которому к тому времени уже было 82 года. На пост президента Македонии претендовали шесть кандидатов. Кандидатом от Македонской народной партии являлся Борис Трайковски, который до этого занимал пост заместителя министра иностранных дел, от Демократической альтернативы — Василь Тупурковски и Стоян Андов, длительное время председательствовавший в парламенте Македонии, от Албанской народной партии — бывший министр здравоохранения Мухарем Нескхипи. Социал-демократы выдвинули в качестве своего кандидата Тито Петковски, который в начале 90-х был спикером в парламенте. Шестым кандидатом являлся 48-летний Мохамед Халили, посол Македонии в Дании. Новым президентом Македонии стал Борис Трайковски.

Экономическое положение Македонии после приобретения самостоятельности было крайне тяжелым. Прервались традиционно тесные хозяйственные связи со всеми бывшими республиками СФРЮ. А переход республики к рыночным отношениям совпал с введением санкций против Югославии. Блокада ООН против Сербии и Черногории закрыла Македонии пути выхода в Европу через сербскую Суботницу и черногорский порт Бар. Македония потеряла около 60% прежних рынков, а ежемесячные убытки составляли, по некоторым оценкам, 60 млн. долл. (63, с.31). Проблемы в греко-македонских отношениях затруднили и их экономические связи: весной 1994 г. Греция ввела торговое эмбарго против Македонии, закрыла порт Салоники для македонских товаров. Поэтому объявленная правительством и согласованная с МВФ и Всемирным банком программа экономической стабилизации оказалась под серьезной угрозой. По официальным данным, Македония потеряла в результате санкций свыше 3 млрд. долл. Валовой внутренний продукт с 1991 по 1993 г. сократился на 30%, уровень безработицы приблизился к 40%, объем промышленного производства упал на 50%. В результате спада производства сталелитейные и никелевые предприятия были близки к закрытию, текстильная промышленность работала на 30% своей мощности, снизились поступления от туризма, транзита (9, с.34).

Намечая осуществить экономические реформы на основе принятой в 1994 г. стабилизационной программы, Македония рассчитывала на финансовую помощь МВФ, Всемирного банка, ряда государств — членов ЕС. Приоритетами экономической реформы явились создание условий для функционирования рыночного хозяйства и скорейшая приватизация. Проведение строгой рестриктивной кредитно-финансовой политики позволило снизить годовую инфляцию в 1994 г. до 50% (в 1993 г. она составляла 220%), несколько сократить дефицит государственного бюджета (10, с. 19). В 1995 г. инфляцию удалось обуздать: она не стала превышать 1% в месяц. В апреле 1995 г. Всемирный банк предоставил Македонии кредит в размере 85 млн. долл. для корректировки финансового и предпринимательского секторов. Этот заем на 35 лет на льготных условиях, включавший пониженный процент и десятилетний период отсрочки погашения долга, предназначен был для того, чтобы помочь реорганизации и изменению структуры капитала банков и структурной перестройке 25 самых крупных предприятий. Структурная перестройка активно проводилась в 1995 г. Источниками дальнейшего экономического роста стали малые и средние предприятия, строительство, сельское хозяйство и сфера услуг. С 1990 по 1995 г. число зарегистрированных частных компаний увеличилось с 5763 до 70 тыс., приватизировано было около 800 предприятий (11, с. 21). Валовой национальный продукт вырос с 935 116 тыс. динаров в 1991 г. до 58 144 513 тыс. динаров в 1993 г.

В 1997 г. правительство провело девальвацию на 16%, и в последующие годы стремилось поддерживать курс национальной валюты, ограничить инфляцию 4–5% в год, увеличить темпы роста промышленности и валового внутреннего продукта (ВВП). Новое правительство в 1998 г. заявило о намерении радикально реформировать национальную экономику, продолжить рестриктивную денежно-кредитную и бюджетную политику, обуздать безработицу, обеспечить приток иностранных капиталов в страну. Однако по размерам иностранных капиталовложений (6 млн. долл.) Македония занимает последнее место среди постсоциалистических стран (95). Иностранный интерес в Македонии сфокусирован в основном на ее всемирно известном табачном секторе. Внешняя торговля Македонии после многолетнего двойного эмбарго делает лишь первые шаги. В 1998 г. ее годовой товарооборот не достиг еще и 3 млрд. долл. При этом наблюдается внешнеторговый дефицит в размере 500 млн. долл. или 16% от ВВП (95).

Македония — страна, в которой кроме титульной нации проживают и другие народы. Согласно переписи 1994 г., население страны составляло 2 075 196 человек, из которых 1 378 687 — македонцы, 478 967 — албанцы, 39 866 — сербы, 47 408 — цыгане. Большинство населения (66,66%) — православные; мусульмане составляют 30,06%, католики — 0,49% (62, с. 17). К национальным меньшинствам в Македонии относят 22,9% албанцев¹, 4% турок, 2,3% цыган, 2% сербов и 0,8% влахов.

Руководство Македонии стремится построить модель демократического государства, в котором были бы защищены права национальных меньшинств по высоким стандартам международного права. Согласно Конституции Республики

¹ Многие албанцы не участвовали в переписи населения, поскольку не имели легитимных документов о гражданстве в Македонии. По оценкам самих албанцев, их численность составляет около трети всего населения страны.

Македонии, «представители национальностей имеют право свободно выражать, беречь и развивать свою национальную идентичность... основывать культурные и художественные учреждения, научные и другие объединения... имеют право преподавать на своем языке в начальной и средней школе» (66, с.20). В рамках парламента функционирует Комитет по межнациональным отношениям. Много представителей национальных меньшинств занимают ответственные посты в органах государственного управления, судебной системе. Например, в Министерстве иностранных дел — 16%, в Министерстве внутренних дел — 8,7%, в Министерстве обороны 8,16% — представители национальных меньшинств, в основных судах 13,2% судей, а в Верховном суде 20% — представители национальных меньшинств (65).

Одна из серьезных проблем, которые переживала в эти годы Македония, — этническая напряженность. Президент Македонии настойчиво стремился сохранить этнический мир и построить демократическое государство, руководствуясь идеями гражданственности. Число албанцев, посещающих албанские классы в школах, увеличилось с 8,5% в 1992 г. до 12,4% в 1994 г. В университетах Скопье и Битоля учатся 6% студентов-албанцев. Специальные албанские отделения открылись на педагогических факультетах в Скопье и Битоле, филологическом факультете и факультете театрального искусства университета в Скопье. Ежедневно на радио и телевидении идут программы на албанском языке. 19% слушателей Среднего полицейского училища — албанские юноши (62, с.36). Политические албанские партии представлены в парламенте и активно участвуют в политической жизни. Конституцией предусмотрено параллельное употребление албанского языка (или языка любой другой национальности) как служебного в тех общинах, где численность албанского населения (или другого национального меньшинства) превышает 20% от общего числа жителей. Для посетившей в мае 1995 г. Македонию делегации Совета Европы положение в республике с защитой прав меньшинств и прав человека оказалось приятной неожиданностью. Однако албанцы выступают за расширение своих прав, открытие албанского университета, более представительное участие (на уровне 30%) во всех государственных структурах, а радикальное крыло албанского меньшинства требует автономии для районов Западной Македонии, отстаивая идею создания независимого государства для албанцев.

Политика К.Глигорова, направленная на установление добрососедских отношений со всеми государствами полуострова, используя мирные средства, переговоры и компромиссы, принесла свой результат. 12 октября 1995 г. Македония становится членом ОБСЕ, а 8 ноября — 38-м членом Совета Европы (63, с.33; 62, с.25). В сентябре 1995 г. после четырехлетних острых споров Македония и Греция подписали в Нью-Йорке соглашение о нормализации отношений. Греция согласилась признать Македонию как суверенное государство, снять экономическое эмбарго, а Скопье отказалось от эмблемы — шестнадцатиконечной Вергинской звезды — на своем национальном флаге. Македония заявила также, что не имеет территориальных претензий к Греции. Двусторонние дискуссии о названии страны продолжались позже.

2 октября 1995 г. на встрече президентов Македонии и Сербии было выражено стремление и впредь жить в обстановке мира и добрососедства в новых условиях тесного сотрудничества во всех областях. В конце 1995 и начале 1996 г. прошли ряд культурных и спортивных мероприятий и встреч на линии Белград — Скопье. Они

встретили широкий отклик в разных слоях населения и заложили основу нормализации отношений между двумя странами. В апреле 1996 г. был подписан Договор о нормализации отношений между Македонией и Югославией. Республика Македония признала государственную правопреемственность Союзной Республики Югославии, а СРЮ признала своего южного соседа под именем Республика Македония. В результате договоренностей была создана таможенная уния двух государств, началось свободное передвижение людей и товаров через границу, созданы благоприятные условия для взаимовыгодной торговли. В конце 1996 г. обе страны подписали семь межправительственных договоров, которые в течение только одного года их выполнения значительно улучшили экономическое сотрудничество. К концу 1997 г. товарооборот между двумя странами составил около 800 млн. немецких марок в год.

3. Словения

Словения провозгласила суверенитет и объявила о своем выходе из Югославии 25 июня 1991 г., ссылаясь на принятую 2 июля 1990 г. Декларацию республики о независимости и результаты плебисцита 23 декабря 1990 г., на котором 88,5% населения высказалось за отделение от Югославии. Однако Словения приостановила практическое осуществление суверенитета после Брионских соглашений с представителями ЕС на три месяца до 8 октября 1991 г. Как отмечает словенский историк Я.Прунк, «особенно последовательную поддержку Словении оказывали Германия, Австрия, Венгрия, Чехословакия, Польша... Важную поддержку Словении оказал Ватикан» (70, с.33–34). Новая Конституция республики, принятая в декабре 1991 г., закрепила права Словении как самостоятельного государства. Словения создала та-

Республика
Словения

моженную службу, полицию, армию. Армия Словении — самая малочисленная на Балканах — 15 тыс. человек (15, с. 22). Уже 15 января 1992 г. Словения была признана странами ЕС, в марте 1992 г. она стала полноправным членом СБСЕ, а 22 мая — членом ООН.

Население молодой республики составляло в 1990 г. около 1,9 млн. человек, 90% из которых — словенцы.

Словения — парламентская республика. Высшим законодательным органом является Скупщина, состоящая из двух палат — Государственного собрания (90 человек, избираются сроком на четыре года) и Государственного совета (40 членов, избираются сроком на пять лет). Президентом страны в 1990 и повторно в 1992 г. избран Милан Кучан.

Победивший на выборах 1990 г. в Словении коалиционный блок партий «ДЕМОС» в осуществлении внешней политики делал ставку на суверенитет и самостоятельность республики, что принесло свои плоды. Однако во внутренней политике правительство столкнулось с рядом трудностей. «ДЕМОС». Инфляция в ноябре 1991 г. составила 23%, цены на большинство товаров постоянно увеличивались, производство сокращалось. На торговле отрицательно сказалось закрытие границ с другими республиками. Жизненный уровень населения снижался, число безработных в середине 1991 г. перевалило за 50 тыс.

Уже в декабре 1991 г. стал очевиден кризис коалиционного правительства Словении. Он частично был вызван продолжающимся процессом формирования политических партий, сил и движений, их расколом и более четким определением позиций по целому ряду вопросов, изменением рядом депутатов членства в партиях. Так, раскол одной из основных партий правительственной коалиции — Словенского демократического союза (СДС) — на либеральное и консервативное крыло привел к потере правящей коалицией «ДЕМОС» парламентского большинства, а затем и ее распаду. Парламент стоял перед дилеммой — или новые выборы или новое правительство. В мае 1992 г. был избран новый кабинет министров, оцененный в литературе как «правоцентристский», который возглавил Я. Дрновшек, бывший председатель Президиума СФРЮ, в марте 1992 г. возглавивший Либерально-демократическую партию. При этом 12 из 22 министерских портфелей остались за членами прежнего правительства.

В декабре 1992 г. прошли первые свободные выборы в самостоятельной, международно признанной Словении. Выбирались 90 посланников Государственного собрания и 40 — Государственного совета. За места президента боролись восемь кандидатов. В парламент прошли восемь политических партий, большинство мест (22) получили Либеральные демократы (ЛДС) и Словенские христианские демократы (СХД) (15 мест). За ними следовали бывшие коммунисты — партия Социал-демократического обновления. В парламенте правящие партии поддержали социал-демократы из Объединенного списка. Президентом на пятилетний срок снова был избран М. Кучан, получивший 63,8% голосов избирателей. Коалиционное правительство было составлено из представителей ЛДС и СХД.

Однако ЛДС не смогла победить на декабрьских 1994 года выборах в местные органы власти, где успех сопутствовал Словенской народной партии.

В ноябре 1996 г. в Словении проходили очередные парламентские выборы. За места в нижнюю палату — Государственное собрание боролись 17 политических

партий и объединений. Самую большую поддержку избирателей получили Либеральные демократы (27,05%) и Народная партия (19,48%). Следом шли социал-демократы, которые, к сожалению, не смогли сохранить свое присутствие в парламенте после выборов — все посланники от СДП перешли в другие партии (84,с.74). Правительство возглавил Янез Дрновшек (ЛДС).

Через год страна переизбирала президента. Восемь кандидатов боролись за этот пост. Победителем в гонке за президентское кресло вновь стал Милан Кучан.

Первые годы самостоятельного развития были очень трудными для *экономического развития* республики. В 1993 г. объем промышленного производства сократился по сравнению с 1989 г. по разным оценкам на 15–20% (3). Последствием потери югославского рынка стало резкое снижение числа занятых в производстве — с 380 тыс. в 1990 г. до 260 тыс. в 1997 г. (86). Росло число безработных. В 1994 г. их насчитывалось уже 150 тыс. человек (4). Правительство либерального демократа Янеза Дрновшека подвергалось постоянной критике, а рабочие нередко и бастовали, требуя повышения заработной платы. По данным свободных профсоюзов Словении, самые низкие зарплаты в начале 1992 г. получали рабочие в черной металлургии, строительстве, текстильной и металлообрабатывающей промышленности (15,с.17). Средняя зарплата в 1993 г. составляла 380 долл. в месяц, что словенцы рассматривали как низкую (3). Однако правительство в те годы видело свою главную задачу в поддержании гражданского мира и политического спокойствия в стране.

Широкомасштабная экономическая реформа была направлена на обуздание инфляции, на создание собственной валюты, на завоевание европейского рынка. Стержнем реформ стали приватизация, структурная перестройка, реформа банковской системы, приспособление законодательства страны к условиям европейской торговли. Стартовые позиции для реформ, как считалось в Словении, у государства были хорошие: лишь 2700 предприятий работали на принципах старой системы самоуправления, были зарегистрированы 27 тыс. новых фирм, включая 13 тыс. частных. 940 фирм финансировались иностранным капиталом, где работал каждый десятый словенец. На такие фирмы приходилось 16% общего товарооборота в стране (16,с.17).

В декабре 1992 г. вступил в силу Закон о преобразовании собственности предприятий. В соответствии с принятым законом, он не применялся к банкам, страховым обществам, игорным домам, лесничествам, а форму собственности должны были поменять общественные предприятия стоимостью 15–20 млрд. немецких марок. Предприятиям были предложены семь способов приватизации и их комбинации: передача непривлекательных акций в инвестиционные фонды; распределение акций внутри предприятия; выкуп администрацией и работниками предприятия его акций в обмен на сертификаты собственности; продажа всех средств предприятия; преобразование формы собственности предприятия путем увеличения доли в его капитале, находящейся во владении каких-либо юридических или физических лиц; передача акций в фонд развития Республики Словении (16,с.21). В 1998 г. в стране насчитывалось 140 тыс. хозяйственных субъектов. Общественный капитал составлял менее 2% всего капитала в стране (86).

В 1994 г. экономическая ситуация начала постепенно меняться. Темпы валового внутреннего продукта составили 5,3%, (в 1993 г. — 2,8), в 1997 г. — 4,6, а в 1998 г. — 3,9% (86). Удалось снизить инфляцию — с 550% в 1991 г. до 18,3% в 1994 г.

и до 8% в 1998 г. Валютные резервы страны почти достигли отметки в 1,5 млрд. долл. (3). Реальные доходы населения увеличились в 1994 г. на 8%. Средняя зарплата в промышленности составила более 600 марок. В 1995 г. на 2% увеличилась занятость в частном секторе сферы услуг, хотя безработица являлась одной из серьезных государственных проблем. Страна начала вкладывать больше деньги в развитие транспортной инфраструктуры, несколько оживилось промышленное производство. Росли доходы от туризма, транзитных перевозок.

Экспорт товаров увеличился с 6,08 млрд. долл. в 1993 г. до 6,81 млрд. долл. в 1994 г., а в 1995 г. вырос на 21,4%, импорт — соответственно с 6,5 до 7,25 млрд. долл., а в 1995 г. вырос на 29,4%. Объем торговли со странами ЕС достиг 14 млрд. долл., в 1995 г. он составил 69% от всей торговли Словении. Более 30% общего объема торговли приходилось на Германию. Серьезными торговыми партнерами Словении являются также Италия, Греция, Франция и Австрия (5, с. 23, 27; 6, с. 11; 14, с. 2; 86).

Период 1994–1995 гг. был лучшим в экономическом развитии Словении в 90-е годы. По мнению российского экономиста Ю.К.Князева, тревожные звонки стали раздаваться в 1996 г., а в 1997 г. обозначился застой в экономическом развитии и нехватка доходов бюджета для постоянно растущих расходов, покрывающих высокий уровень жизни населения. «В Словении стремительный рост личного потребления, заработной платы и пенсий постоянно превышал темпы роста ВВП, что привело к нарастающим трудностям в выплате зарплат и пенсий, не обеспеченным реальным ростом доходов предприятий и общественного богатства... Темпы роста зарплат в два раза обгоняли темпы увеличения ВВП» (94). В начале декабря 1997 г. словенское правительство представило на суд общественности программу мер по экономии и перераспределению средств, которую должны реализовать парламент и министерства путем принятия ряда законов и предложений (94).

В конце 90-х годов руководство Словении стремилось к экономическим и конституционным изменениям, требуемым для подключения к главным европейским экономическим структурам и структурам безопасности. Словения активно участвует в Центрально-европейской инициативе, объединяющей семь европейских стран. Летом 1996 г. она стала ассоциированным членом Европейского союза. По мнению министра иностранных дел Словении Д.Крачуна, «статус ассоциированного члена лишь ступень к тому, чтобы стать полноправным членом. Этот статус поможет нам приспособиться к «правилам игры» внутри ЕС с тем, чтобы впоследствии, когда Словения станет полноправным членом Европейского союза, играть в этой организации свою видную роль» (64). Словения рассчитывает стать полноправным членом ЕС летом 2003 г. Поэтому целью экономической политики последних лет стало «приближение к стандартам ЕС, дальнейший экономический рост и снижение инфляции» (86, с. 19). Предполагается, что экономический рост составит 4–5,5% в 2001–2003 гг. (86, с. 19). Во внешней торговле Словении доля ЕС в экспорте составляет около 65%, а в импорте — 67% (94). Самым крупным партнером Словении является Германия, куда она экспортирует около 30% своих товаров и откуда покупает около 21% объема своего импорта.

Словения отвергла политику активного нейтралитета, поскольку, как отмечали словенские исследователи в 1993 г., такая политика не подходит Европе: «Мы должны участвовать в европейской системе коллективной безопасности... Европа заинтере-

ресована в нас, потому что мы еще долго будем играть роль европейской военной окранны, граничащей с бурлящим Балканами... Сейчас в Словенской армии вместе с общим резервом — не более 60 тыс. человек. Это один из элементов нашей политики в области национальной безопасности — создать меньшие вооруженные силы, но современно оснащенные. Главная задача нашей армии — защита безопасности собственной страны» (15, с.29–30). Систему европейской безопасности Словения связывает с Североатлантическим альянсом, полагая, что НАТО — единственная организация, которая способна поддерживать мир на континенте. Поэтому Словения выражает желание войти в НАТО, чтобы «содействовать безопасности Европейского континента, развитию демократии» (17). В мае 2000 г. Словению посетил Генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон. Выступая на конференции, посвященной отношениям Североатлантического альянса и Юго-Восточной Европы, он сообщил, что Словения является самым серьезным кандидатом на прием в альянс в 2002 г., и привел руководство страны в качестве примера стабильности и демократии другим странам, претендующим на членство в НАТО. По его словам, Словения — маленькая страна, но серьезный партнер, и руководство подтвердило это своим сотрудничеством с блоком в разрешении конфликтов на Балканах. Без такого сотрудничества, подчеркнул Робертсон, вряд ли можно рассчитывать на успех в реализации натовских программ по стабилизации Юго-Востока Европы (85).

В процессе своего становления молодое государство сталкивалось с рядом проблем. Самыми серьезными из них были пограничные разногласия с соседними государствами — Хорватией и Италией.

В политических кругах Италии начал подниматься вопрос о несправедливости послевоенных территориальных решений, связанных с Истрией. В обеих странах заговорили об отношении к национальным меньшинствам — итальянцам в Словении и словенцам в Италии. Италия начала настаивать на возвращении утраченной недвижимости итальянцам, выехавшим из области Истрия после второй мировой войны. Однако Конституция Словении запрещает иностранным гражданам владеть недвижимостью на территории республики. С этими спорными вопросами была связана даже отсрочка начала переговоров относительно присоединения Словении к ЕС.

После достижения международного признания наметился неожиданный поворот от тесной солидарности к взаимному соперничеству в отношениях между Словенией и Хорватией. С трудом обсуждалось экономическое сотрудничество, зашли в тупик переговоры об уточнении морских и сухопутных межгосударственных границ, проявилась неурегулированность финансовых обязательств и ряд других вопросов. В начале 1992 г. Хорватия возражала против закрытия АЭС «Кршко», которая находилась на территории Словении и строилась двумя республиками на паритетных началах. Позицию Хорватии в конфликте в Боснии и Герцеговине, активно поддерживающую создание хорватского государства Герцеговина, Словения расценивала как вмешательство во внутренние дела БиГ. Опрос общественного мнения показал, что в 1994 г. более половины словенцев именно в Хорватии видели угрозу Словении (2). Словенско-хорватские переговоры, которые с переменным успехом велись на протяжении ряда лет, были возобновлены в 1995 г.

Усилия правительства, направленные на поддержание гражданского мира и политического спокойствия в стране, давали определенные результаты. Словения избежала серьезных межнациональных столкновений, налаживала свою экономику в достаточно стабильной политической ситуации. В отечественной литературе практически не писалось о разработанной в Словении после отделения от СФРЮ законодательной базе по защите национальных меньшинств, разделенных на две группы. Венгры и итальянцы (0,59% населения), частично цыгане отнесены к понятию «этническое сообщество», им гарантируются «особые права» — свободно использовать национальные символы, создавать культурные организации, развивать научную, культурную, экономическую и издательскую деятельность, пользоваться родным языком при судопроизводстве, получать образование на родном языке. В нижней палате парламента предусматривается даже специальная комиссия по делам итальянского и венгерского населения, и оба меньшинства выбирают по одному депутату в нижнюю палату. Вторую группу составляют жители бывших югославских республик, на момент отделения Словении проживавшие в этой республике и составлявшие тогда около 10% населения. Словенская Конституция не предусматривала для них особых коллективных прав, но всем им предоставлено право получить словенское или двойное гражданство, а вместе с тем и индивидуальные права жителей Словении (1, с.223–230).

Разрыв экономических связей с бывшими республиками СФРЮ лишил Словению традиционного рынка сбыта и дешевых источников сырья. Венский институт сравнительных международных исследований писал в 1992 г., что «экономическое будущее существенно будет зависеть от восстановления экономических отношений с бывшими югославскими республиками» (29). Отстаивая политическую самостоятельность, Словения выступала за восстановление экономических и политических связей бывших республик СФРЮ. Полностью восстановлены отношения с Хорватией, Македонией, Боснией и Герцеговиной. В декабре 1995 г. большинством голосов после многочасовой дискуссии словенские парламентарии одобрили решение своего правительства о признании Союзной Республики Югославии и необходимости полной нормализации отношений.

4. Хорватия

25 июня 1991 г. Хорватия провозгласила свою независимость. Однако Декларация о независимости Хорватии была принята только 8 октября по истечении срока моратория на отделение республики, установленного представителями ЕС. В Декларации отмечалось: «С 8 октября 1991 г. Республика Хорватия разрывает государственные и правовые связи, на основе которых она была частью бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) вместе с другими республиками и областями. Ни один орган бывшей федерации СФРЮ не считается законным и правовым органом. Республика Хорватия не признает имеющими силу никакие правовые акты любого органа, представляющего бывшую СФРЮ» (28).

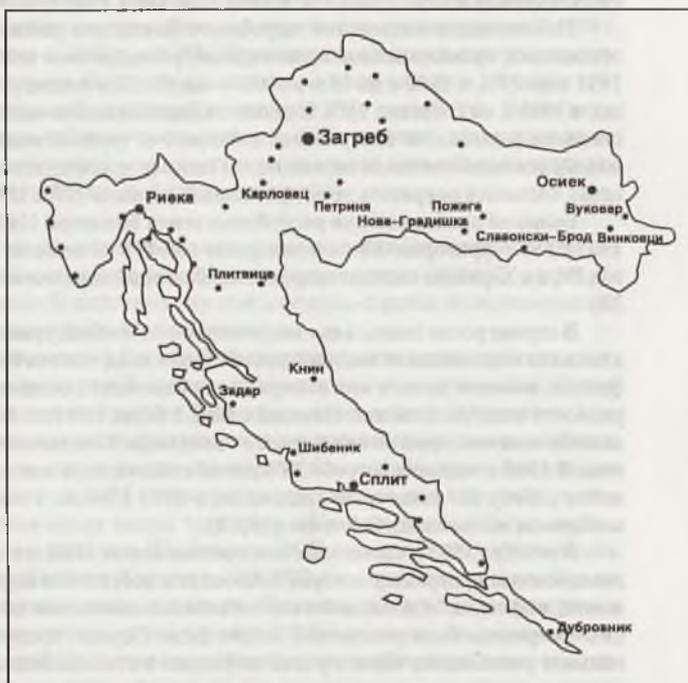
Однако мир на хорватскую землю не пришел. В течение года в Хорватии шла война между сербами, компактно проживавшими на трети территории республики и не желавшими отделяться от Югославии, и Хорватской армией, стремившейся сохранить

государство в границах республики времен СФРЮ. К осени 1991 г. сербы контролировали всю территорию созданной ими Республики Сербской Краины, а правительство Хорватии не смогло отстоять единство своей территории.

15 января 1992 г. страны Европейского сообщества официально признали самостоятельность Хорватии. 22 мая этого года Хорватия стала полноправным членом ООН.

Считая территории Республики Сербской Краины (РСК) «временно оккупированными хорватскими территориями», Хорватия согласилась в январе 1992 г. на размещение на территории Хорватии сил ООН по поддержанию мира. «Голубые каски» были размещены вдоль границ с Республикой Сербской Краиной. С 1992 по 1995 г. экономическая и политическая жизнь Хорватии развивалась на территории, в которую не входили сербские области РСК.

Республика
Хорватия

Экономика. Хорватия после Словении была наиболее развитой в экономическом отношении республикой в федеративной Югославии. Однако разрыв экономических связей с другими частями бывшей СФРЮ, война, которая велась непосредственно на территории Хорватии, а также отделение сербской части территории республики нанесли тяжелый урон экономике. С 1990 по 1992 г. преимущественные расходы на военные нужды не могли не отразиться на состоянии экономики. Значительная часть промышленности и инфраструктуры Хорватии была разрушена, ущерб от военных действий возрос до 18,7 млрд. долл., инвестиций из-за

границы поступало мало. По данным, которые привел министр восстановления экономики РХ С. Дегориция, в Хорватии было разрушено 210 тыс. зданий, 270 школ, 17 факультетов, восемь больниц, более десяти поликлиник (30). В энергетическом комплексе наиболее поврежденными оказались распределительные системы, было уничтожено или повреждено 60 мостов, блокированы важнейшие транспортные пути. Экономические показатели в Хорватии с 1989 по 1994 г. снизились на 46%. В 1992 г., по оценкам Венского института сравнительного международного экономического анализа, в Хорватии наблюдались «драматическое падение производства, галопирующая инфляция, рост безработицы» (29). Уровень инфляции в 1993 г. вырос почти до 1200%. Валовой внутренний продукт снизился с 16 млрд. долл. в 1990 г. до 12 млрд. долл. в 1993 г. (26). По данным Хорватского государственного института макроэкономического анализа и прогнозов, сокращение ВВП в Хорватии составило в 1991 г. — 23%, в 1992 г. — 20, в 1993 г. — 4% (27, с. 152).

По оценкам специалистов загребского Института развития и международных отношений, промышленное производство уменьшилось в сопоставимых ценах в 1991 г. на 29%, в 1992 г. на 15 и в 1993 — на 6%. Постоянно рос уровень безработицы, в 1993 г. он составил 18%. В связи с ведением войны постоянно росли государственные расходы, но поступления в бюджет от налогов падали из-за быстро снижающейся хозяйственной активности. Поэтому правительство повышало налоги и цены, пыталось сократить государственные расходы (27, с. 153).

Большой проблемой для республики стали беженцы. Из Хорватии (по данным 1992 г.) на территорию Югославии ушли 169 475 человек из 70 населенных пунктов РХ, а в Хорватии сконцентрировались беженцы-хорваты из Сербии и Боснии (18; 30).

В стране росла социальная напряженность. Низкий уровень заработной платы, а также ее постоянная невыплата, рост безработицы, тысячи беженцев, растущая инфляция, высокие налоги «на войну» и «на беженцев» создавали атмосферу неуверенности в завтрашнем дне. Начиная с 1992 г. более 150 тыс. военнослужащих были демобилизованы, многие из которых — инвалиды. Они пополнили армию безработных. В 1995 г. только в Загребе 28% демобилизованных военнослужащих не могли найти работу. По некоторым сведениям, в 1994 г. около 1 тыс. уволенных в запас покончили жизнь самоубийством (19, с. 8).

В октябре 1993 г. правительство, возглавляемое Н. Валентичем, приняло стабилизационную программу, которая позволила в достаточно короткие сроки приостановить инфляцию и даже добиться небольшого снижения цен (27, с. 154). Реализация программы была рассчитана на две фазы. Первая, предусматривавшая максимальное уменьшение темпов роста инфляции и стабилизацию цен, была выполнена в исключительно короткие сроки. Уже в декабре 1993 г. инфляция составила всего 0,5% (71, с. 42). В 1994 г. удалось практически полностью ликвидировать инфляцию, стабилизировать курс национальной денежной единицы — куну, введенной в мае 1994 г. Цены на большинство товаров и услуг были отпущены и стали формироваться свободно. Был отмечен рост валового внутреннего продукта. Значительно возросли доходы от основного сектора экономики — туризма и составили в 1994 г. 1,3 млрд. долл., хотя это была лишь половина довоенного уровня. Запасы иностранной валюты в Центральном банке увеличились с 0 до 1,4 млрд. долл., и страна имела в 1994 г. активное сальдо платежного баланса по текущим статьям, эквивалент-

ное 3% ВВП (34). К 1993 г. инвестиции в хорватскую экономику осуществляли 2200 зарубежных фирм, в том числе 15% из Германии и Италии и около 10% из Австрии. Германские инвесторы вложили в хорватскую экономику 230 млн. марок, предприниматели из Швейцарии — 76 млн. марок, из Австрии — 60 и Италии — 24 млн. немецких марок (33). Однако в тот период еще не были преодолены многие экономические трудности: продолжал оставаться высоким уровень безработицы — около 20%, в 1992 и 1993 гг. сохранялся дефицит внешнеторгового баланса (26, с. 15). Размер внешнего долга составлял к началу 1994 г. 2,6 млрд. долл. Дефицит платежного баланса республики в 1994 г. достиг 1,7 млрд. долл. (27, с. 155).

Вторая фаза, которая планировалась на 1995 г., предполагала рост производства в условиях оздоровления народного хозяйства на основе структурных изменений в экономике. Однако в 1995 г. наблюдалось замедление экономического роста Хорватии, упали ключевые показатели развития народного хозяйства (71, с. 44). В 1996–1998 гг. Хорватии удалось достичь стабильности развития на макроэкономическом уровне. В 1998 г. ВВП вырос по сравнению с 1997 г. на 3,5%. Промышленное производство увеличилось на 4,5%. Бюджет страны был сведен с положительным сальдо в 1,7 млрд. кун. Отмечены были рост реальной заработной платы (на 5,5%), пенсий (96). После двухлетней стагнации удалось добиться роста экспорта (9%), прервать тенденцию роста импорта и снизить более чем на 1 млрд. долл. отрицательное сальдо внешнеторгового баланса по сравнению с 1997 г. до 3,9 млрд. долл. (96).

В первые четыре года своего независимого существования Хорватия имела много проблем, но главными были следующие: а) взаимоотношения с СООНО и интеграция сербских территорий; б) политическая стабилизация страны; в) экономическая стабилизация; г) решение проблемы беженцев.

В 1993–1994 гг. руководство Хорватии предприняло отчаянные попытки изменить роль СООНО на территории Хорватии, поставить их в положение, способствующее интеграции сербских территорий в Хорватию, а не их защите от Хорватии. Хорватия постоянно угрожала миротворческим силам запретом на продление мандата. Параллельно Хорватия все сделала для укрепления боеспособности и вооружения своей армии. В мае и августе 1995 г., мощнейшими ударами при полном попустительстве ООН Хорватская армия заняла территорию Краины. Более 200 тыс. сербов покинули родные места и бежали в Югославию. РСК перестала существовать, как и не стало сербской проблемы в Хорватии. СООНО покинули территорию Хорватии, несколько задержавшись лишь в секторе «Востоку», где проблема интеграции должна решаться политическим путем. Осенью 1995 г. руководство страны столкнулось с рядом новых проблем: восстановление бывших сербских районов, преодоление экономической стагнации, поиск зарубежных инвесторов, способных оживить умирающие госпредприятия. Застряла на полпути экономическая реформа, сократилось число рабочих мест в основных отраслях промышленности, завышен курс национальной валюты.

Развитие политической системы. Хорватский парламент — Сабор — состоит из Палаты представителей (Заступничко вече), в которую выбираются 138 депутатов, и Палаты общин (Жупанийско вече), представленную 68 депутатами. В палату общин избираются по три представителя от каждой из 21 жупаний (административное деление страны), а пятерых дополнительно назначает сам президент.

В августе 1992 г. в Хорватии прошли досрочные выборы в парламент и президента страны. За пост президента боролись восемь кандидатов, а за места в парламенте — 26 политических партий. На выборы вышли 75,6% избирателей. Президентом страны вновь стал Ф.Туджман. Большинство обеих палат парламента составили члены Хорватского демократического содружества (ХДС), получив две трети мест (всего 85) из 138. Кроме того, в Саборе были представлены семь политических партий, среди которых — Хорватский социально-либеральный союз (14 мест в двух палатах), Социал-демократическая партия¹ (11 мест), Хорватская народная партия (шесть мест), Хорватская партия права (пять мест). Сербы Краины в выборах не участвовали, но остальные сербы Хорватии в парламенте были представлены 13 депутатами. Председателем парламента стал Стипе Месич. 7 февраля 1993 г. в стране прошли выборы в местные и региональные органы власти, на которых ХДС не получила большинства во многих регионах.

5 апреля 1993 г. президент страны назначил новое правительство во главе с бывшим директором крупной нефтеперерабатывающей компании «ИНА» Н.Валентином. Правительство было полностью составлено из членов ХДС. Новый кабинет, по словам его руководителя, собирался укрепить финансовую дисциплину, оживить разрушенное производство, бороться с инфляцией, заняться преодолением энергетического кризиса в южных районах страны, активизировать борьбу против преступности, продолжить политику приватизации.

Формирование политической системы в Хорватии происходило в сложных условиях военного и послевоенного положения, и она вновь напоминала однопартийную систему периода авторитаризма. Страной правила одна партия — Хорватское демократическое содружество, организационная система которой проникала во все сферы общества: экономику, идеологию, культуру, армию, науку, образование. Оппозиция в лице Хорватской социально-либеральной партии была слаба и невыразительна. На левом фланге не было сильных партий, любая попытка их создания не приводила к желаемым результатам. В августе 1993 г. руководители 17 оппозиционных партий, собравшись в Загребе, призвали президента расширить демократию и увеличить в структурах власти представительство других партий. Однако ответом Туджмана были слова о том, что с демократией в Хорватии все в порядке (34, с.21).

По оценке немецкого исследователя Х.Хоппе, приход к власти Хорватского демократического содружества означал появление на политической сцене Хорватии и новой политической элиты, которая «стала олигархией, стремящейся, как и ее коммунистические предшественники, подчинить своему господству всё и вся» (78, с.3). Используя военную обстановку, ХДС удалось укрепить свое влияние в широких слоях общества. При этом «всеми праведными и неправедными путями правящая партия преследует оппозицию, в которой усматривает угрозу своим привилегиям и своей власти» (78, с.17). Формально в Хорватии существовал политический плюрализм, но в действительности, писал ученый, ХДС стало монопольной государственной партией, «единственной политической силой, располагающей в стране независимостью и полной свободой действий» (78, с.37). Правящая элита Хорватии раскру-

тировалась из «твердолобых» национал-консерваторов, пресловутого «герцеговинского лобби», а также из числа бывших эмигрантов, своей финансовой и политической поддержкой в значительной мере способствовавших приходу Ф.Туджмана к власти. Х.Хоппе утверждает, что идеология Ф.Туджмана связана «с традицией усташей»¹ (78, с.5). Пестусмый им вождизм, произвол и свойственная всей верхушке ХДС коррупция нанесли тяжелый удар начавшемуся в Хорватии процессу демократизации. От процесса принятия решений были даже отстранены правительство и парламент. Все вопросы решал узкий круг людей, близких президенту.

Авторитарный характер существовавшего в стране режима привел к возрождению органов тайной полиции. Помню Службы по охране Конституции в преследовании «сербских агентов», надзоре за хорватскими политиками, в прослушивании, спекуляциях, отмывании грязных денег, пишет Х.Хоппе, соперничали между собой еще пять ведомств, подчиненных президенту, министерствам внутренних дел и обороны. Одно из важнейших — президентский Комитет национальной безопасности, который несколько лет возглавлял сын Ф.Туджмана (78, с.33–35).

Весной 1994 г. среди политических партий Хорватии наблюдалось сильное брожение, в парламенте закипели страсти. В газетах появились статьи с открытой критикой Туджмана за недемократическое принятие решений, авторитаризм и даже с предложением президенту покинуть высокий пост. В высказываниях отдельных депутатов Сабора звучал анализ недостатков внутренней и внешней политики. В правящей партии намечился раскол: от ХДС отделилась небольшая часть парламентариев (18 человек) во главе со С.Месичем, председателем верхней палаты Хорватского сабора, и Й.Манюличем, председателем нижней палаты, которые создали новую партию Хорватские независимые демократы. С.Месич и Й.Манюлич, которые решением клуба посланников ХДС были сняты с парламентских должностей, призывали членов ХДС вступить в их новую партию и вернуться к исходным принципам ХДС, которые нарушались Ф.Туджманом. Среди этих принципов: а) создание Хорватии в ее исторических границах; б) осуществление лозунга «Хорватия — государство только хорватского народа»; в) последовательное осуществление тезиса, что БиГ территориально, этнически и экономически составляет с Хорватией единое целое, что не допускает войны с естественными союзниками — мусульманами (41, с.13; 42, с.10).

Эти события положили начало парламентскому кризису в Хорватии, активизации оппозиции, ее бойкоту работы парламента, обсуждению в средствах массовой информации внешней и внутренней политики государства. Ф.Туджмана обвиняли в «диктатуре латиноамериканского типа», в том, что не функционирует правовое государство, что под угрозой находится свобода человека, что расцветает мафия и бандитизм, ограничены свободы СМИ и демократия в целом. Согласно опросу об-

¹ Следует подчеркнуть, что на протяжении всего рассматриваемого периода для правящей ХДС были характерны неонацистские черты. Сам Ф.Туджман благосклонно взирал на то, что его часто приветствовали фашистским приветствием. По докладом наблюдателей ООН, осенью 1995 г. во время матча между хорватами и итальянцами в Сплите весь стадион приветствовал приехавшего президента стоя с вытянутой рукой в фашистском приветствии. Но предварительно все фото- и видеокамеры у пришедших на матч отби-

¹ Бывший Союз коммунистов Хорватии, позже ставший Партией демократических перемен Хорватии, в конце 1991 г. стал называться Социал-демократической партией — Партией демократических перемен Хорватии.

ществленного мнения, большинство хорватов считали ответственными за парламентский кризис руководство ХДС, а не председателей парламентских палат (44, с.9). Йосип Манюлич так описывал кризис парламентаризма в Хорватии: «Он вызван, прежде всего, политикой правящей партии ХДС, которая была unsuccessful в ряде направлений: привела Хорватию к изоляции на международном плане, внутри не создала условий для развития экономики, обновления страны, а удовлетворилась лишь денежной реформой. Это — элементы, на которых вырос кризис. Кризис внутри самой правящей партии еще не окончен, он продолжается, а кульминацией был уход отдельных людей из той партии, таких, как господин Месич и я... Потом мы решили создать партию Хорватских независимых демократов, которая вокруг себя соберет прежде всего тех, кто думает демократически и не выносит монополию одной партии и диктаторские отношения в управлении государством» (22, с.6). Мико Трипало, депутат Хорватского сабора: «Во время первой предвыборной кампании в условиях многопартийного состава была высказана мысль, что "ХДС — партия опасных намерений". Насколько тогда это выглядело преувеличенно, настолько сейчас, через четыре года, это высказывание кажется слишком мягким. Повторяется старая логика. Прежде всего, проявляется недемократическое поведение по отношению к гражданам нехорватской национальности — от способа президентского обращения к народу и вплоть до выдачи права на гражданство, выселения из квартир, увольнения с работы и т.д. После этого подошла очередь хорватов из оппозиционных партий, а сейчас уже и ХДС-овских диссидентов» (21).

Ф.Туджман смог преодолеть раскол в партии и сплотить ряды ХДС, насколько это было возможно. Выступая перед членами партии, ее председатель говорил: «Попытка раскола и ослабления ХДС уже переросла в процесс укрепления и усиления ХДС как центральной партии в хорватской политической жизни» (43).

Начавшиеся в июне 1994 г. переговоры ХДС и оппозиции закончились компромиссом, связанным с привлечением на государственные функции представителей оппозиции, обещаниями правящей партии соблюдать демократические нормы деятельности парламента. Июньский опрос общественного мнения показал, что во всех регионах Хорватии, кроме Истрии и Риеки, Ф.Туджман и его партия победили бы на возможных выборах (45). Досрочные парламентские выборы были объявлены через год.

Правящая партия готовилась к внеочередным парламентским выборам 1995 г., надеясь использовать благоприятный политический момент. Во-первых, выборы должны были состояться сразу после молниеносной победы над сербами в Краине. Во-вторых, впервые право голоса было предоставлено хорватской диаспоре (например, в Биг¹), в-третьих, был поднят с 3 до 5% голосов минимальный предвыборный ценз, дающий право на вхождение в парламента. И, наконец, число мест, отводившихся сербской диаспоре, было сокращено с 13 до трех. Правящей ХДС противостоял блок

¹ У хорватов из Герцеговины, как отмечает Х.Хопич, сформировалось четко выраженное национальное самосознание и чувство принадлежности к католическому миру. Они имеют четыре ключевые поста в кабинете министров Хорватии, возглавляют Верховный суд, являются наиболее крупной региональной группой в парламенте. На выборах для них создавалась особая квота и отдельный избирательный список. «Создавалось впечатление, будто Герцеговина уже стала частью Хорватии» (78, с.23).

из пяти оппозиционных партий, ядром которого являлась Хорватская крестьянская партия. В результате ХДС удалось удержать более половины депутатских мест в парламенте, но правящая партия не смогла как прежде получить большинства в две трети голосов депутатов. Имелся и ряд неблагоприятных для ХДС тенденций: от участия в выборах воздержались более трети хорватских граждан, ХДС не поддержали в Загребе и ряде других крупных городов. Второй по числу мест в парламенте неожиданно стала Социал-демократическая партия И. Рачана, получившая 9% голосов (36).

Особому унижению подверглись избиратели сербской национальности: им отказывали в бюллетенях, в списках была масса неточностей, амнистированным сербам разрешалось голосовать только за хорватские партии и т.д. (37). Блок оппозиционных парламентских партий создал коалицию «Сабор-95» в надежде ликвидировать монополию ХДС в политической жизни Хорватии.

Выборы в городскую Скупщину Загреба ХДС фактически проиграла, поскольку оппозиция получила 60% мест. Но ХДС власть отдавать не собиралась. Ф. Туджман утверждал, что благодаря ХДС Хорватия получила независимость, поэтому нельзя оппозиции отдавать власть, так как она стремится разрушить Хорватию (38). Весной 1996 г. Туджман распустил городскую Скупщину Загреба, не желая отдавать оппозиции выборы градоначальника. Однако Конституционный суд признал решение о роспуске Скупщины неконституционным.

Очередные парламентские и президентские выборы в Хорватии прошли 8 апреля 2000 г. Внутренняя политическая ситуация после выборов характеризовалась серьезными изменениями на политической сцене, идеологической переориентацией Хорватии и внутривнутриполитическим напряжением между исполнительной и законодательной властью.

В выборах в парламент участвовала 41 партия. Уверенную победу одержала коалиция «Социал-демократическая партия — Хорватская социально-либеральная партия» (СДП-ХСЛП), получившая 71 место в Скупщине из 151. Правящая партия — «Хорватское демократическое содружество» (ХДС) — потерпела поражение и получила в парламенте всего 41 место.

Правительство возглавил Ивица Рачан, лидер СДП. Кабинет министров является правительством шести партий, но главную роль в нем (12 из 23 членов) играют представители СДП-ХСЛП. Предвыборная платформа СДП основывалась на идеях социальной справедливости, уверенности в завтрашнем дне, поддержке беднейших слоев населения. В экономике СДП заявляла о ревизии приватизации, в социальной сфере — о лишении властных структур привилегий. Решение вопросов сербской диаспоры СДП провозгласила условием вхождения в Европу. СДП победила на выборах, выступая за парламентскую, а не за президентскую республику. Ивица Рачан не раз выступал против национальной и религиозной исключительности. ХСЛП (Д. Будинша) имеет несколько другую идеологию, которая ее приближает скорее к правым партиям, чем к центру. ХСЛП выступает за гражданское общество, демилитаризацию, децентрализацию государства.

Президентом Хорватии в 2000 г. стал Стипе Месич, лидер незначительной Хорватской народной партии (ХНП). Он известен как последний Президент СФРЮ и ярый хорватский националист. Народ привлекли его предвыборные обещания — построить правовое, сильное, уважаемое всеми прогрессивное государство — член

ЕС и НАТО, снизить расходы госаппарата, сократить срок службы в армии на четыре месяца, обеспечить молодежи получение образования и работу, уменьшить привилегии чиновников, ликвидировать помпу и парады по протоколу президента или так называемое «средневековое королевское поведение».

И. Рачан, возглавляя правительство, начал активно заниматься преобразованием политической структуры: объявил о демократической реформе армии, полиции и тайных служб, финансовой системы. В Министерстве внутренних дел прошло большое сокращение — с 34 тыс. до 23 тыс. человек. Внешняя разведка будет более тесно связана с армией, внутренняя подчинена правительству. Управление национальной безопасностью (УНБ) предусматривает объединение под началом УНБ всех служб и его подчинение президенту и правительству.

Правительство объявило о реорганизации МИДа: были заменены 75% послов, изменена структура консульств, рационализировано их финансирование, закрыты десятки консульств, уменьшено число дипломатов в посольствах.

Борьба с коррупцией стала знаменем нового кабинета министров. Был основан специальный комитет по борьбе с коррупцией, поставлен также вопрос об уменьшении иммунитета членов парламента. И. Рачан решил бороться за уменьшение полномочий президента. Премьер-министр ликвидировал должности государственных секретарей в министерствах, которые позволяли президенту держать министерства под контролем, а с отдельных министерств и институтов был снят государственный статус, что лишило С. Месича права назначать в них министров. Фактически правительство взяло в свои руки руководство реформами, отстранив от этого президента.

Правительство вскоре после избрания объявило о переменах в СМИ: будут смещены все главные редакторы ХРТ, которые исправно служили ХДС.

Правительство получило большую поддержку народа. Проведенный опрос общественного мнения в конце марта 2000 г. показал, что уровень популярности СДП и ХСЛП составлял 35,8% и 22,1%, что выше всех остальных партий. Третьей по рейтингу является ХНП, но число ее поддерживающих очень мало — всего 5,2%.

Правительство И. Рачана получило в наследство тяжелое положение в экономике — работали только половина предприятий от довоенных мощностей; половина хорватских предприятий находилась перед закрытием; безработных и тех, кто месяцами не получал зарплаты, было больше, чем занятых в экономической сфере; жизненный уровень населения падал с каждым днем, поддерживался нереальный курс куны, неразвитыми были финансовые механизмы, потерян рынок сбыта.

СДП-ХСЛП объявили о проведении в производственной сфере ревизии приватизации, создании собственной пищевой и перерабатывающей промышленности; в непромышленной — о максимальной поддержке туризма; в социальной — о поддержке беднейших слоев населения (ХСЛП выступает за социальную защиту минимального стандарта); в налоговой — об уменьшении налогового бремени, фаворизации налогов на добавленную стоимость, на доход предприятий и граждан. Будет установлен строгий контроль над Народным банком со стороны государства и уже началась его ревизия. В сельском хозяйстве намечается приватизация всей земли, поддержка фермерских хозяйств.

Бюджет страны на 2000 г. составил 3,6 млрд. кун. Главные статьи расхода касаются социальных нужд. На обновление страны предусмотрено только 350 млн., почти в два раза меньше, чем в прошлом году. Ряд проблем бюджета составляют заклю-

ченные еще при Ф.Туджмане договоры и обязательства (например, экономический договор с Ватиканом), которые нынешнее правительство не в состоянии выполнять.

Внешняя политика РХ формировалась в условиях продолжающегося кризиса на Балканах, непосредственной вовлеченности Хорватии в конфликт. Хорватия налаживала сотрудничество с ближайшими соседями — Германией, Австрией, Венгрией. С Албанией в конце 1994 г. был подписан договор о сотрудничестве в военной области.

Принятие Хорватии в Совет Европы постоянно откладывалось, что напрямую было связано с нарушением прав человека в Хорватии. Еще в начале 1993 г. Европейский гражданский форум, неправительственная организация со штаб-квартирой в Базеле, распространила в Женеве Доклад «Права человека в Хорватии», в котором высказывались рекомендации ЕС воздержаться от проявления доверия хорватской демократии до тех пор, пока в Хорватии нарушаются права человека. В Докладе сообщались области, где отмечались следующие факты: не предоставлялось гражданство и не признавалась национальность отдельных групп людей, осуществлялась дискриминация в зависимости от этнической принадлежности, имели место пытки, издевательства и нападения на лиц нехорватской национальности, ограничивалась свобода средств массовой информации, образования и т.д. (31, с.17).

12 февраля 1993 г. Европейский парламент проголосовал против включения Хорватии в программу предоставления на льготных условиях экономической помощи Европейским сообществом. Это означало, что Хорватия лишалась и возможности использовать помощь «Группы 24», в которую входят наиболее развитые страны мира. Тем самым в Европе выразили несогласие с политикой Хорватии в области прав национальных меньшинств и с подавлением свобод средств массовой информации (32, с.24).

Совет министров на уровне шефов дипломатии на майской встрече 1996 г. в Брюсселе высказался против приема Хорватии в Совет Европы. Вопрос был отложен до полного выполнения Загребом требований Европы (40).

Премьер-министр Ивица Рачан поставил перед собой задачу сделать Хорватию привлекательной для приема в ЕС. Он хочет доказать ее возможности и поставить ее вне конкуренции, в список первых, кто будет принят в ЕС. ЕС уже начал переговоры с Хорватией о более тесном сотрудничестве. Выборы в Хорватии названы демократическими, и выражено желание начать переговоры о будущих отношениях Хорватии и ЕС. Была создана смешанная консультативная рабочая группа («task force»). Совет министров ЕС принял в виде специального приложения «Декларацию о Хорватии». ЕС со своей стороны оценил размеры помощи, необходимой Хорватии. Подписание Пакта о стабильности в ЮВЕ и сотрудничестве Хорватией предполагалось в первой половине 2001 г. Для этого Хорватии надо было поработать по вопросу демократизации СМИ, убрать из законов дискриминационные статьи в отношении национальных меньшинств. Многие наблюдатели считают, что Хорватия приближается к ЕС только политически, и на членство она рассчитывать не может, пока не достигнет определенного уровня экономического развития.

Хорватия намеревается выполнить все условия и вступить в НАТО. Представители НАТО в апреле 2000 г. посетили Хорватию, вели разговоры о том, чтобы Хорватию принять как наблюдателя в парламентскую ассамблею НАТО, затем в

программу «Партнерство», а затем уже и в НАТО. Представителей НАТО интересовала новая политика Хорватии по БИГ, по сотрудничеству с Гаагским трибуналом, по преодолению кризиса в стране.

Хорватия получила поддержку Великобритании по вопросу скорейшего вступления в «Партнерство во имя мира». С британскими военными министр обороны Хорватии разговаривал 17 марта 2000 г. о конкретных видах сотрудничества — обучении военных, разминировании районов, о подготовке к участию в миротворческих операциях. Генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон подчеркнул в мае 2000 г., что «одним из величайших событий стало то, что Хорватия «повернулась спиной» к национализму, который создавал ей только проблемы. Поэтому интеграция в евроатлантические структуры становится для Хорватии вполне реальной» (85).

Международное экономическое сотрудничество Хорватии в 2000 г. приобрело новые очертания. Правительству пыталось преодолеть барьер отчужденности, воздвигнутый Западом в отношении Хорватии при Ф.Туджмане из-за нарушений прав человека. Новое правительство выстраивает следующие приоритеты экономического сотрудничества: сотрудничество с развитыми странами для увеличения объема инвестиций, сотрудничество с международными организациями для получения кредитов или донаторских средств для поддержки ряда экономических проектов страны, налаживание регионального сотрудничества, восстановление взаимовыгодного сотрудничества с республиками бывшей Югославии, расширение сотрудничества со странами традиционного партнерства.

12 ноября 1995 г. представители хорватского правительства и сербской делегации подписали Основное соглашение о районе Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема. В соглашении предусматривалось, в частности, что в регионе должны соблюдаться самые высокие нормы международно признанных прав человека и основных свобод. Совет Безопасности в Резолюции 1037 от 15 января 1996 г. постановил «учредить на первоначальный период продолжительностью в 12 месяцев операцию Организации Объединенных Наций по поддержанию мира для этого района, о которой говорится в Основном соглашении, — в составе как военного, так и гражданского компонентов — под названием «Временная администрация Организации Объединенных Наций для Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема» (ВАООНВС)» (92). Военный компонент ВАООНВС состоял из сил численностью на начальном этапе развертывания до 5 тыс. военнослужащих, которые должны были осуществлять наблюдение за демилитаризацией, проводимой сторонами, следить за добровольным и безопасным возвращением беженцев и перемещенных лиц в первоначальные места их проживания, способствовать своим присутствием поддержанию мира и безопасности в этом районе. Гражданский компонент ВАООНВС имел следующий мандат: создание в кратчайшие сроки временных полицейских сил, выполнение задач, связанных с гражданской администрацией, с функционированием общественных служб, содействие возвращению беженцев, организация выборов, оказание содействия в их проведении и удостоверение действительности результатов выборов, оказание помощи в координации планов развития и восстановления экономики этого района.

Совет Безопасности контролировал ситуацию в Хорватии и с сожалением отмечал, что «правительство Хорватии не выполнило многие из его предыдущих просьб. Многочисленные инциденты, угрожающие населению в районах, ранее кон-

тролировавшихся сербами, вызывают постоянную обеспокоенность и могут подорвать перспективы мирной и существенной реинтеграции беженцев и перемещенных лиц в Хорватии» (87). Совет Безопасности был глубоко обеспокоен тем, что жители Краины и Западной Славонии по-прежнему страдали от отсутствия условий надлежащей безопасности, включая постоянную угрозу грабежей и нападений. Генеральный секретарь ООН выразил «сожаление в связи с сообщениями о причастности хорватских военных и полицейских должностных лиц, одетых в соответствующую форму, к актам мародерства и запугивания» (87). В июле 1998 г. Совет Безопасности констатировал, что с «конца 1996 г. большое число сербских жителей и перемещенных лиц эмигрировали из Республики Хорватии, главным образом из-за непрекращающихся инцидентов в вопросах безопасности, запугивания, связанного с этническим происхождением, неблагоприятной экономической ситуации, бюрократических препонов, дискриминационного законодательства и прекращения осуществления программы репатриации» (93).

Новому руководству страны придется решать вопрос возвращения сербских беженцев, который стал серьезной преградой для вступления Хорватии в ряд международных организаций. С. Месич пообщал Садако Огата, что Хорватия примет всех беженцев из Хорватии в БИГ и Сербию. Им будет гарантирована безопасность. Но возвращение беженцев Хорватия связывает с денежными ссудами на осуществление этой программы. По минимальным расчетам, необходимо около 55 млн. долл. США уже обещали 15 млн. долл. Определенную помощь готово оказать УВКБ.

У Совета Безопасности были претензии к Хорватии и по вопросу сотрудничества с Международным трибуналом для бывшей Югославии и, в частности, по исполнению выданных Трибуналом ордеров на арест находящихся под хорватской юрисдикцией лиц, включая хорошо известных обвиняемых, фактически или предположительно пребывающих в районах, на которые распространяется его контроль, и по передаче Трибуналу всех лиц, которым были предъявлены обвинения.

Все эти вопросы стоят в повестке дня нового правительства и руководства страны.

Список источников и литературы

1. Мартынова М.Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса. — Диссертация на соискание учен. степени доктора исторических наук. — М., 1996. — 520 с.
2. Smajić Z. Janša ili Kučan // Glede & Unatoč. — Zagreb, 1994. — 25 stranj. — S. 8.
3. Корнилов Ю. А в Любляне работают // Общая газета. — М., 1994. — 11/17 февр. — С. 6.
4. Милошевић З. Самостална Словенија — три године после // Политика. — Београд, 1994. — 22 јун. — С. 7.
5. Республика Словения, ее политика и экономика // ИТАР-ТАСС: Комшис. — М., 1995. — 10 мая, № 30. — С. 23-31.
6. Удался ли Словения успешный побег от социализма / Обзор Е.Б.Калосной // Вестник научной информации. — М.: ИМЭПИ, 1995. — № 7. — С. 11-18.
7. Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990—1992). Современная история Югославии в документах. Т.1 / Отв.ред. Е.Ю.Гуськова. — М., 1992. — 372 с.
8. Заявление Андреаса Паппандреу о признании Республики Македонии // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 2 нояб.

9. Республика Македония: трудности в проведении реформ // ИТАР-ТАСС: АТЛАС. — М., 1994. — 11 марта, № 11. — С. 33–35.
10. Македония: на пути реформ страна рассчитывает на помощь извне // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1994. — 16 дек. — С. 19–20.
11. Республика Македония: Политическое и экономическое положение // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. — М., 1995. — 7 сент, № 65. — С. 15–27.
12. Этничка карта на Македонија // Демократија. — Скопје, 1995. — 1 апр. — С. 5.
13. Јакшић М. Оснива се комунистичка партија Словеније // Политика. — Београд, 1996. — 5 јул. — С. 7.
14. Slovenia: Current economic trends 1995–1996. — Ljubljana, 1996. — 5 s.
15. Малинов Ю. Словения: политика в области национальной безопасности // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. — М., 1993. — 8 февр. — № 24. — С. 21–35.
16. Приватизација в Словенија: от пројектов к делу // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. — М., 1993. — 10 марта. — № 45. — С. 21–35.
17. Словения // Славяне. — М., 1993. — июль, № 10. — С. 1.
18. У Србији — 169475 избеглица // Вечерње новости. — Београд, 1992. — 17 март. — С. 14.
19. Хорватские ветераны // ИТАР-ТАСС: Пульс планеты. — М., 1996. — 28 марта. — С. 8–9.
20. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. — Београд: Политика, 1995. — 491 с.
21. HDZ, stranka opasnih poteza // Oslobođenje. — Sarajevo, 1994. — 16/23 jun. — S.31.
22. Manolić J. Intervju... // Liljan. — Sarajevo, 1994. — 17 avg. — S. 5–6.
23. Арсенић Р. Јачање хрватске социјалдемократије // Политика. — Београд, 1994. — 12 мај. — С. 7.
24. Трипало на челу // Политика. — Београд, 1994. — 30 јун. — С. 7.
25. Bilten vesti. — Moskva, 1995. — 21 sept. — 4 s.
26. Хорватия: положение в экономике стабилизировалось // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 3 февр. — С. 13–15.
27. Социјално-економичко положение и економичке реформи в европских постсоцијалистических сранах // Вестник научной информации. — М.: Ин-т междунар. эконо. и полит. исследований, 1995. — № 10. — 192 с.
28. Декларација о независимости Хорватии // ТАСС: Серия «МЭИ». — М., 1991. — 9 окт. — С. 25.
29. Relić D. Zagrljaj Istoka i Zapada // Vreme. — Beograd, 1992. — 2 mart. — N 71. — S.16.
30. Srta još nije podvučena // Borba. — Beograd, 1992. — 23 mart. — S.11.
31. Нарушения прав человека и жесткая информационная цензура в стране // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 14 февр. — С. 17–19.
32. Европейский парламент отказал стране в экономической помощи // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 21 февр. — С. 23–24.
33. Австрийский эксперт об экономике Хорватии // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 26 мая. — С. 28.
34. Франьо Туджман отвергает всякую критику // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1993. — 19 августа. — С. 20–21.
35. Хорватия: положение в экономике стабилизировалось // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 3 февраля. — С. 13–15.
36. Предварительные итоги выборов в Хорватии // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 1 ноября. — С. 3–5.
37. Парламентские выборы в Хорватии // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 30 окт. — Л.3–4.

38. Арсенић РСК. Остварени сви циљеви // Политика. — Београд, 1995. — 16 дец. — С. 7.
39. Ђурчић Н. Хрватска примљена у Савет Европе // Политика. — Београд, 1996. — 25 апр. — С. 7.
40. Европа неће Хрватску // Политика. — Београд, 1996. — 7 јун. — С. 7.
41. Меслић С. Интервју... // Интервју. — Београд, 1994. — 29 апр. — Г. 14, № 334. — С. 12–13.
42. Николић М. Дворски пуч у Банским дворима... // Интервју. — Београд, 1994. — 29 апр. — Г. 14, № 334. — С. 10–11.
43. Poruka Predsjedništva HDZ članstvu Hrvatske demokratske zajednice i hrvatskoj javnosti // Vjesnik. — Zagreb, 1994. — 24 trav. — S. 3.
44. Letica S. Sabor Republike Hrvatske // Globus. — Zagreb, 1994. — 3 lipanj. — S. 9–11.
45. Globusovo istraživanje // Globus. — Zagreb, 1994. — 30 rujanj. — S. 4.
46. Ракић Ж. Окончани преговори у Бечу // Политика. — Београд, 1994. — 12 мај. — С. 1, 7.
47. СРНА. — Београд, 1994. — 18 мај.
48. Документ ООН. A/50/790, S/1995/99/.
49. Рибинкар Д. Данас у Женеви о новом плану за Босну // Политика. — Београд, 1993. — 23 јун. — С. 1.
50. Цвијановић Ж. Ратна срећа и остало // Јавност. — Београд, 1995. — 5 авг. — С. 4–5.
51. Bilten Vesti. — Moskva, 1995. — 22 avg. — 4 s.
52. Чубрило Р. Да има бар мало части генерал Миле Мркић требао би да се убије // Аргумент. — Београд, 1995. — 29 дец. — С. 19.
53. Бедов М. Письмо... // Србија. Србија. — М./СПб. — 1955, № 3. — С. 2.
54. По подозрењу у совершених преступлений в Краине // Србија. — Белград, 1996. — № 28. — С. 22.
55. Лилић З. Перспективы мира и сотрудничества // Србија. — Белград, 1996. — № 29. — С. 4–8.
56. Šaćirbegović M. Intervju... // Svijet. — Ljubljana, 1996. — 15 febr. — N 3. — S.12 — 18.
57. Службен весник на Социјалистичка Република Македонија. — Скопје, 1991. — 1 фебр. — № 5.
58. Службен весник на Социјалистичка Република Македонија. — Скопје, 1991. — 18 септ. — № 42.
59. Службен весник на Социјалистичка Република Македонија. — Скопје, 1991. — 24 дец. — № 57.
60. Документ ООН. S/25855.
61. Признавањето на Македонија: Избор од светскиот печат / Ѓеорѓи Ајановски. — Скопје, 1993. — 235 с.
62. Пет години самостојности: Република Македонија 1991–1996. — Скопје, 1996. — 58 с.
63. Oschlies W. Ex-Yugoslawien '95. Politisch-ökonomische Porträts der sechs Nachfolgestaaten. — Köln, 1995. — 38 s.
64. Крачун Д. Интервју... // Российская газета. — М., 1996. — 26 дек. — С. 7.
65. Информација министерства иностранних дел Републики Македонија.
66. Ustav na Republika Makdonija. — Skopje, 1991. — 59 s.
67. Россия признает Македонию // Известия. — М., 1992. — 30 мая. — С. 1.
68. Југославскиот кризис и Россия: Документи, факти, коментари (1990–1992). Современна историја Југославија во документима. Т.2 / Отв.ред. Е.Ю.Гуськова. — М., 1993. — 505 с.
69. Шувар С. Интервју... // НИН. — Београд, 1997. — 21 фебр. — С. 20–21.
70. Прунк Ј. Кратка историја Словенија. — [М.], [1996]. — Рукопись. — 34 с.

71. Мядлованов В.С. Республика Хорватия и российско-хорватское экономическое сотрудничество // Правила игры. — М., 1996. — № 2
72. Документ ООН. S/25777.
73. Документ ООН. S/1999/108.
74. Злочини без казне // Борба. — Београд, 1995/1996. — 30/31 дец. — 1/2 јан. — С. 2.
75. Документ ООН. S /1995/444.
76. Барбер Л. Босния получит полмиллиарда долларов на восстановление экономики и поддержку мира // Финансовые известия. — М., 1995. — 26 дек. — С. 1.
77. Фадеев Е. «Стыдно, что я хорват» // Правда. — М., 1995. — 3 авг. — С. 3.
78. Норре Н. — У. Die neue politische Elite Kroatiens. — Köln: Berl. Des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien, 1997 (7). — 41 s.
79. Информација о ратним злочинима припадника хрватске војске над српским цивилним становништвом Западне Славоније на путу Окучани — Стара Градишка 1–2 маја 1995 године. — Београд: Комитет за прикупљање података о извршеним злочинима против човечности и међународног права, 1995. — 14 С. Рукопис.
80. Информација о ратним злочинима припадника хрватске војске над српским цивилним становништвом на путу Србобран — Јајце 13 септембра 1995 године. — Београд: Комитет за прикупљање података о извршеним злочинима против човечности и међународног права, 1995. — 7 С. Рукопис.
81. Ширинян Р. Антиядерни глас Адриатика // Российская газета. — М., 1996. — С. 7.
82. Димитријевић Д. Скретање у десно // НИН. — Београд, 1996. — 15 нов. — Бр. 2394. — С. 50.
83. Сливник Д. Разбијање ДЕМОС-а // НИН. — Београд, 1997. — 10 јан. — Бр. 2402. — С. 50.
84. Sirc Lj. Parlamentarni izbori u Sloveniji // Dialogue. — Paris, 1996. — N 20. — P. 70–75.
85. Чугунов К. Боснија — школа для НАТО // Российская газета. — М., 2000. — 24 мая. — С. 7.
86. Žauert I. Slovenija na poti v Evropsko unijo // Statistična sporočila. — Ljubljana, 2000. — L. XI, št. 2. — April. — S. 17–19.
87. Документ ООН. S/PRST/1996/39.
88. Пересада В. Осваивают Боснию // Правда. — М., 1996. — 24 јан. — С. 3.
89. Миленкович М. Свет и тени парижского праздника мира // Сербия. — Белград, 1996. — № 26. — С. 6–14.
90. Барбер Л. Босния получит полмиллиарда долларов на восстановление экономики и поддержку мира // Финансовые известия. — М., 1995. — 26 дек. — С. 1.
91. Горностаев Д. Вместо миротворцев — ООН // Независимая газета. — М., 1995. — 14 дек. — С. 2.
92. Документ ООН. S/RES/1037 (1996).
93. Документ ООН. S/PRST/1998/19.
94. Князев Ю.К. Экономическое развитие Словении в 1997 г. // Итоги социально-экономического развития стран Центрально-Восточной Европы. — М.: ИМЭПИ РАН, 1999. — С. 47 — 53.
95. Князев Ю.К. Македония // Итоги социально-экономического развития стран Центрально-Восточной Европы. — М.: ИМЭПИ РАН, 1999. — С. 83–85.
96. Сергеев В.С. Хорватия // Итоги социально-экономического развития стран Центрально-Восточной Европы. — М.: ИМЭПИ РАН, 1999. — С. 105 — 108.
97. Simić P. Bosna, dve godine posle Dejtona // Međunar. politika. — Beograd, 1997. — G.48. — N 1060. — S. 5–10.

98. Čalić M.-Ž. Bosna i Hercegovina posle Dejtona // *Međunar. politika*. — Beograd, 1996. — G.47. — N 1046-47. — S. 13-17.
99. Dizdarević Z. Diskriminacija Bosanaca. — *Oslobođenje*. — Sarajevo, 1998. — 21 apr. — S. 1.
100. Незадовољство због програма три националне телевизије // *Наша борба*. — Београд, 1997. — 8 дец. — С. 7.
101. Dempsey Gary. Rethinking the Dayton agreement. Bosnia Three Years Later: Executive Summary // *Policy Analysis*. -W.— No. 327 December 14, 1998. // www.cato.org.
102. Благојевић М. Интервју... // *Српско Ослобођење*. — Сарајево, 2000. — 30 март. — С. 4-5.
103. Српска странка РС позвала своје чланство да гласају за СДС // *Српско Ослобођење*. — Сарајево, 2000. — 30 март. — С. 24.
104. Резултате избора у БиХ // *Политика*. — Београд, 1998. — 26 септ. — С.19.
105. Elections in Bosnia and Hercegovina in 1997 // *ToD Newsletter*. — Belgrade, 1998. — N 23. — P. 36.

ГЛАВА IX

Кризис в Косове: история и современность

1. История вопроса

Подписание мирных соглашений в Дейтоне в 1995 г. обозначило завершение лишь одного из этапов кризиса на Балканах. Следующим этапом стал кризис в Автономном крае Косово и Метохия.

В югославской и албанской исторической науке ведутся споры о происхождении албанцев и их исконных землях в ранней албанской истории. Первое упоминание албанцев в истории относится к XI в. Один из источников говорит об «Арбаноне», который находился в гористой области современной Албании. Директор Исторического института Сербской академии наук С.Терзич считает общезвестным, что географические области Косово и Метохия никогда в истории не находились в составе какого-либо албанского государства, а с XII в. входили в средневековое Сербское государство «и с тех пор в европейской науке известны как исторические области Сербии», что в XIII — начале XIV в. «южная граница средневекового сербского государства проходила по реке Мат в современной Албании» (1, с.37,38). В Средние века до турецкого завоевания это были территории наиболее сильные в культурном отношении в Сербском государстве, что подтверждают существующие там и сегодня 1300 монастырей, церквей и других памятников сербской православной культуры. Само название «Косово», которому сегодня придается особое значение исторического и этнического целого, выделяющегося из всего сербского этнического пространства, связано, прежде всего, со старым географическим понятием Косово-поле, которым называлась равнина около рек Ситница и Лаб, окруженная со всех сторон горами. Только в конце XIX в. это понятие начинает расширяться в результате названия турецкой административной области Косовский вилайет. Метохия — область в Южной Сербии, где в XIV в. большинство земель принадлежало церкви. Названия этих областей произошли от сербского слова «кос» — «дрозд» и греческого «метох» — «церковная собственность». Первые турецкие переписи 1455 и 1485 гг., опубликованные в Сараеве и Тиране, упоминают населенные пункты со староалбанскими названиями только на периферии Метохии. Почти вся топонимика на этой территории — сербского, т.е. славянского происхождения. Из 280 сел Метохии и Алтины (охватывает часть нынешней Албании) только 30 населенных пунктов имеют название староалбанского происхождения (1, с.38). Многие источники показывают, что первые десятилетия турецкой власти в этой части Сербии в большинстве жили православные сербы, и такое состояние продлилось в основном до конца XVII в.

В Албании полагают, что Косово «является территорией с автохтонным иллиро-албанским населением, которое не только постоянно проживало там в разные исторические периоды, но и составляло большинство жителей», что «несмотря на нашествие на Косову¹ в IX—XI вв. славян и ее вхождение в болгарские и сербские государственные структуры, албанцы все же остались в большинстве на своих землях, успешно сопротивляясь процессу славянизации» (2, с.7).

¹ Албанцы называют край — «Косова» (ж. род).

На Косово-поле в 1389 г. произошел бой сербов с турками, бой, который историки считают одной из важных вех европейской истории. Он открыл Османскому царству дорогу в Европу, положил начало многовековому завоеванию Балкан и рабству славянских народов. Сербы не смогли выиграть битвы, понесли огромные потери, но сражались стойко. Их героизм и мужество помнит история. Косово-поле стало символом сербского героизма и сопротивления турецкому завоеванию, которое занимает особое место в сербском эпосе, литературе, искусстве и коллективном сознании.

Нашествие турок на Балканы в конце XIV — начале XV в. привело к росту эмиграции славянского населения на запад и север за реки Дунай и Саву на протяжении XVI—XIX столетий. Массовая исламизация албанцев произошла во второй половине XV в. «Следствием исламизации, — пишет югославский дипломат Бранко Коматина, — являлась все более явственная и глубокая интеграция и идентификация албанцев с Османским царством... Албанцы становятся одной из главных опор Османской империи на Балканах... Османская политика заключалась в том, чтобы окончательно противопоставить албанцев сербам, черногорцам и македонцам, которые остались относительно слержанны к исламизации. За свою лояльность албанцы поощряются — перед ними открывается возможность переселения в плодородные края на земли разбитого сербского государства — в Косово и Метохию, которые до этого времени были населены преимущественно сербами» (34, с. 10). Сокращение православного населения в исконных районах его проживания стало важным следствием турецких завоеваний. Турецкие правители заселяли опустошенные юго-западные районы Старой Сербии мусульманским населением, преимущественно турками и албанцами из горных областей Албании. Туркам удалось закрепить многочисленное мусульманское население в важных со стратегической точки зрения районах Вардарской Македонии¹, Косова, Метохии, Санджака² и Боснии. Этот мусульманский юрискор как бы делил надвое область расселения сербов и черногорцев (3, с. 4).

В 1878 г. албанцы, озабоченные состоянием национального самосознания и отсутствием государственности, создали организацию «Призренская лига», которая ратовала за автономию албанцев в составе Османского царства. Автономия должна была объединить все территории, на которых живут албанцы вместе с другими народами, но прежде всего, Косовский вилайет. В конце XIX в. албанцы, опираясь на турецкую власть, открыто начали террор над сербским населением, стремясь выгнать их со «своих» территорий.

Спасаясь от массовых злодеяний турецкого войска и албанских чет, часть сербов покидали родные места, другие же принимали ислам, что приводило к их постепенной исламизации. Стоян Новакович, посланник Сербии в Константинополе, писал в 1898 г. министру иностранных дел Турции о злодеяниях албанцев над «христианским населением сербской народности», которые преследовали цель тот народ истребить: «Арбанасы, хорошо вооруженные и почти уверенные, что не будут наказаны, дали полную свободу своим набегам, поскольку их фанатизму и их необузданной ненависти ничего не стоит на пути. Убийства и грабежи случаются каждый день... Число беженцев, которые переходят границу, чтобы спасти свои жизни,

¹ Греческая часть Македонии известна под названием Эгейская Македония, сербская — Вардарская Македония и болгарская — Пиринская Македония.

² Санджак — часть прежней Рашской области — ядра средневекового сербского государства

Карта «Етнической Албании» в издании Эмигрантской организации «Besa scriptare», в Швеции, в 1978 г.

Из кн.: Коматина М. Енвер Хоца и югословенского — албански односи. — Београд: Службени лист СРЈ, 1995. — С. 146.

огромно, и оно растет каждый день. По данным Королевского правительства, за короткое время, только за несколько месяцев прошлого лета и зимы в санджаках Приштинском, Ново-Пазарском, Печском и Призренском было совершено более четырехсот преступлений — убийств, поджогов, разбойных нападений, оскверненный храмов, насилий, захватов, грабежей...» (4, с. 16).

Несмотря на длительное выселение из района Косова и Метохии, сербы, как православные, так и принявшие ислам, в середине и в конце XIX в. еще составляли там около половины населения (1, с. 40). Например, в городках Печ, Джаковница и Призрен

в 1838 г. жили 31 650 православных сербов и сербов-мусульман и 23 650 албанцев-мусульман и албанцев-католиков. Православные сербы в Призрене имели абсолютное большинство (16 800 сербов, 6150 албанцев). В Пече православные сербы и сербы-мусульмане также были в большинстве по отношению к албанцам (11 050 и 500), в то время как в Джаковиде абсолютное большинство составляли албанцы-мусульмане. В религиозной структуре сельского населения этих трех округов мусульмане составляли большинство по отношению к христианам — 80 150 и 56 250 (см. 1, с.40).

В результате победы в Первой балканской войне против Турции, которую в 1912 г. вели Сербия, Черногория, Болгария и Греция, создав Балканский союз, Турция утратила почти все свои владения на Балканах, а территории стран Балканского союза расширились. Хотя великие державы создавали независимую Албанию, сербское правительство не шло ни на какие уступки по поводу Косова и Метохии, называя их «святой землей» сербского народа, с которой начиналась сербская государственность. Эти области отошли к Сербии, что дало повод Албании предъявлять территориальные претензии к Сербии, албанцам края говорить об оккупации Косова Сербией, а всем вместе после 1918 г. начать борьбу за присоединение этих областей к Албании. Генеральный секретарь Коммунистической партии Албании Э.Ходжа позже писал, что «Берлинский конгресс и Версальский мирный договор несправедливо нарушили интересы Албании и албанского национального меньшинства в Косове... Они не согласились с таким решением вопроса и не желают оставаться в границах Югославии, независимо от ее политического строя... Их единственный идеал — это слияние с Албанией» (5, с.206).

С началом второй мировой войны в процессе расчленения югославского государства большая часть Косова и Метохии вошла в созданную Италией Великую Албанию. Именно тогда активно осуществлялась идея выселения с этой территории неалбанского населения. Мустафа Кроя, премьер-министр албанского марионетного правительства, в июне 1942 г. открыто заявил, что «необходимо приложить усилия к тому, чтобы всех сербов-старожилов из Косова выгнать..., сослать в концентрационные лагеря в Албанию. А сербов-переселенцев надо убить» (цит. по: 1, с.40). По данным американских спецслужб, с апреля 1941 до августа 1942 г. албанцы убили около 10 тыс. сербов, а число изгнанных сербов в период всей оккупации составляло 100 тыс. человек. Примерно такое же число албанцев переселилось из Албании в Косово (1, с.40). Ходжа объяснял, что на территории Косова не велось народно-освободительной борьбы, поскольку албанцы не были уверены в том, что, «сражаясь наряду с народами Югославии против фашизма, они этим завоевывают себе право на самоопределение для соединения с Албанией» (5, с.207).

Руководство Югославии после войны ничего не сделало для восстановления прежней этнической структуры Косова. Наоборот, уже 6 марта 1945 г. было принято постановление «О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания» — в Македонию, Косово, Метохию, Срем и Воеводину. На протяжении нескольких десятилетий этот факт в научной литературе не обсуждался. Однако в последние годы были опубликованы новые документы, которые позволили историкам сделать несколько предположений относительно мотивов появления такого указа.

Известный политик, ученый и писатель, близкий соратник Иосипа Броз Тито Милован Джилас писал в воспоминаниях, что правительства Албании и Югославии в конце войны «в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединить-

ся с Югославией, что разрешило бы и вопрос албанского национального меньшинства в Югославии». Это «принесло бы не только непосредственные выгоды и Югославии, и Албании, но одновременно покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И — что... особенно важно — это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как отдельной республике в югославо-албанской федерации» (6, с. 96). И Броз Тито намного больше интересовала судьба задуманной им Балканской федерации, ядром которой стала бы Югославия, чем область Косово в составе Сербии. Он готов был ею пожертвовать, чтобы сделать эти планы привлекательными для Албании. Ходжа подтверждал такое желание, дословно повторив слова Тито в письме в ЦК ВКП(б): «Косово принадлежит Албании и должно быть присоединено к Албании. Мы желаем этого ото всей души, но в настоящий момент не можем этого допустить, потому что реакция великосербов еще очень сильна» (5, с. 211). Сама идея долго оставалась для Тито актуальной, он все делал для сближения двух стран. В 1946–1947 гг. было заключено 46 договоров, которые фактически устанавливали единую экономическую политику Албании и Югославии. Договоры о сотрудничестве и соглашения об отмене виз осуществляли планы Тито «принять все меры к сближению населения Косова и Метохии с населением Албании» (7, с. 477). Югославские ученые описывают такую политику как ущемление прав, прежде всего, сербского населения. Одни полагают, что «для Броза Косово было каналом по овладению Албанией, а одновременно средством разрушения исторического сознания сербского народа» (8, с. 123), другие видят в этом «стратегию ослабления сербского фактора в будущей Югославии» (9, с. 35), третьи отмечают стремление руководства уменьшить территорию Сербии под влиянием синдрома «великосербской опасности» (10, с. 506).

Особый статус территориальной политической единицы Косово и Метохии получили только после образования ФНРЮ. Каждое послесоюзное десятилетие повышало статус Косова и приносило существенное расширение автономии — от автономной области в составе Сербии в 1945 г. до автономного края с широчайшими полномочиями, практически самостоятельного субъекта федерации, в 1974 г.

2. Проблема Косова в СФРЮ

Последние 20 лет косовские албанцы не участвовали в переписи населения. Поэтому данные об их численности разнятся. По одним источникам, в 1981 г. население Автономного края Косово (АКК) составляло 1584 тыс. человек, из которых албанцев было 1227 тыс. или 77,4%, а сербов — 209 тыс. или 13,2% (3, с. 2; 11, с. 32, 155). Другие полагают, что албанцев в крае намного меньше, а сербов больше. Сами албанцы считают, что их в крае около 2 млн. человек (12, с. 186). Согласно данным Статистического управления Югославии, в 1998 г. албанцев в крае было около 917 тыс. или 66%. Сербов, черногорцев и тех, кто считает себя югославами, насчитывается 250 тыс. И мало кто знает, что в этой небольшой провинции так же давно живут 72 тыс. мусульман, 21 тыс. турок, 97 тыс. цыган (13, с. 6).

Албанцы не были довольны своей судьбой в составе Югославии, даже когда Косово и Метохия получили статус автономной области в составе Сербии. Во всяком случае в этом уверял руководство СССР Э. Ходжа в 1949 г. Он писал в ЦК ВКП(б),

что «демократические и национальные права албанского национального меньшинства Косово и Метохии совершенно не соблюдаются. Никакой связи с Албанией!» (5, с.209). Именно связь с Албанией и осуществление возможности присоединения к Албании становятся основными критериями уровня демократии в крае. Предоставление Косову автономии, открытие албанских школ в Косове и Метохии Ходжа расценил как демагогию, поскольку «их идеал — соединение с Албанией — остался неосуществленным» (5, с.209). После 1948 г. Ходжа считал, что настал удобный момент для начала борьбы албанского населения в Югославии «за свое освобождение», что борьба должна быть жесткой, бескомпромиссной, не исключавшей вооруженное восстание (5, с.212).

В социалистической Югославии строительству федеративных отношений всегда уделялось большое внимание. По Конституции 1963 г., Косово получило статус автономного края, а в 1974 г. автономные края превратились в равноправные единицы союзного государства. Внутренняя автономия края была максимально расширена, но полномочия автономии распространялись и на Сербию. Сербия не могла принять ни одно решение без одобрения автономного края, а он, в свою очередь, мог не считаться с мнением руководства Сербии по вопросам внутреннего управления. Края обладали широким двойным статусом: с одной стороны, они являлись составной частью Сербии, а с другой, — фактически имели те же права, что и сама республика в рамках СФРЮ. На практике при решении хозяйственных или политических вопросов трудно было достичь единства республики — руководящие органы края подчинялись республиканским только в том случае, если считали это выгодным для

Автономный край Косово

своих интересов. Автономный край обладал равными правами с республиками, кроме одного — не мог отделиться от Сербии. Поэтому в Косове с первых дней выступления албанцев звучали требования предоставления краю статуса республики. Поскольку албанцы по численности были четвертой нацией в СФРЮ, они считали свои требования обоснованными. Руководство Сербии опасалось «контрреволюционного подполья» в Косове, его деятельности по албанизации края и усиливало там деятельность Министерства внутренних дел и службы безопасности. Но со стороны руководства страны и других республик действия руководства Сербии часто расценивались как унитаристские и подвергались резкой критике.

Сепаратистская деятельность радикально настроенной части албанцев в Автономном крае Косово началась сразу после войны и не прекращалась ни на один день. Объединение с Албанией оставалось их главной целью. Они шли к этой цели все годы, шли уворно и настойчиво. Менялись средства и тактика, но цель была неизменной, и она не зависела от статуса края в республике, от количества вкладываемых в его развитие денег, от уровня межнациональных отношений во всей федерации. Однако в 50-е годы антиюгославская деятельность в крае не носила массового характера. Она начиналась с создания сети подпольных групп, с привлечения в них преданных людей, с пропагандистской деятельности, особенно среди молодежи, с налаживания связей в руководстве республики и страны. Уже в 1956 г. служба безопасности открыла в крае несколько диверсионных групп, которые были заброшены несколько лет назад из Албании в Косово для создания нелегальных националистических организаций. В июле 1956 г. состоялся Призренский процесс, на котором судили албанцев, занимавшихся подпольной антиправительственной деятельностью (14). В конце 50-х — начале 60-х годов в Косове действовала организация «Революционное движение за объединение албанцев», которую возглавлял Адем Демачи. В ее составе было около 300 человек. В программе движения было записано: «Наша борьба будет долгой, и мы к ней должны подготовиться», а Устав начинался со слов: «Основная и конечная цель движения — освобождение шиптарских¹ краев, аннексированных Югославией, и их объединение с матерью Албанией» (14, с. 126). Чтобы достичь поставленных целей, предполагалось «употребить все средства» — и политические, и пропагандистские, и вооруженную борьбу, и общенародное восстание.

Так и действовали по этапам: пропаганда национализма — в 50-е, демонстрации и провокации — в 60-е, вооруженная борьба — в 70-е, восстание — в начале 80-х, война за независимость — в конце 90-х. Подпольные организации внутри страны поддерживали албанские организации по всему миру, такие, как «Союз юсоваров» с центром в Риме, позже — в Турине, третья «Призренская лига» с центром в Нью-Йорке и филиалами в Турине, Австралии, Канаде, Франции, Бельгии, ФРГ.

В 60-е годы албанцы действовали уже активнее — устраивали провокации и диверсии, оскверняли церковные и культовые памятники, заугиивали православное население. В Архиепископии в Призрене содержатся письма священников, которые сообщали об отъезде многих сербских семей из края, описывали их страдания. Де-

¹ После сербов, хорватов и мусульман (термин для обозначения нации).

² Шиптар — албанец.

чанский игумен Макарий писал 3 апреля 1968 г. сербскому Патриарху Герману: «Шиптари опять показывают свою исконную ненависть к сербам. Мы находимся в более тяжелой ситуации, чем во время австрийской или турецкой оккупации. Тогда мы имели хоть какие-то права... Ежедневными стали насилие, кражи средь бела дня, унижения и преследования. Вероятно, Вы и от других слышите, что происходит в Косове с сербами» (15, с.44). В 1968 г. в крае произошли массовые выступления демонстрации националистической албанской молодежи, разогнанные полицией. «Тем демонстрациям, — вспоминал профессор из Приштины Ф.Агани, — предшествовали так называемые конституционные дискуссии в СФРЮ. Я участвовал в них, настаивая на требованиях, которые с того времени уже постоянно повторялись: самоопределение, Косово — республика...» (16, с.23). Служба государственной безопасности отмечала, что националистические настроения ширятся по Косову, охватывая ряды интеллектуалов, школьников и студентов. В одном из сообщений Министерства внутренних дел Сербии, составленном на основании данных краевого отделения внутренних дел в 1966 г., подчеркивалось: «В средних школах, средних специальных заведениях, гимназиях и учительских школах молодежи легально преподают национализм... Враждебная активность растет. И таких акций в последнее время становится все больше... — организация бойкота, физические нападения на лиц черногорской и сербской национальности, угрозы и принуждения к отъезду с этой территории, открытые враждебные выступления в общественных местах...» (14, с.148–159).

Не было спокойно в крае и в 70-е годы, хотя Конституция 1974 г. значительно расширяла права автономии в федерации, а многие албанцы считают это время наиболее благоприятным для развития края (2, с.17; 16, с.23; 17, с.14). Союзный секретарь (министр) по внутренним делам СФРЮ Ф.Херлевич сообщал, что с 1974 до начала 1981 г. органами безопасности было обнаружено свыше 1 тыс. человек, занимавшихся подрывной деятельностью с позиций албанского национализма. Многие из них, по его словам, были связаны с деятельностью одной из самых активных организаций так называемого «Красного фронта» — «проалбанской организации, которая действует с территории западных стран, а направляется Албанской партией труда» (18). Один из организаторов акций протеста в 1981 г. Хидает Хисени вспоминал, что в 70-е годы он «включился в общее студенческое движение», которое занималось в основном пропагандой, распространением запрещенной литературы, написанием листовок. «Это был вид постоянного движения албанцев за национальное освобождение и равноправие с другими народами в той Югославии... Я поддерживал тогда связи с группами, которые действовали в рамках «Движения за национальное освобождение албанцев», — рассказывал он (19, с.26).

В марте 1981 г. в Косове вспыхнуло восстание. Очень быстро социальный протест перерос в постоянную политическую акцию, которая длилась десять лет, усилив напряженность внутри Сербии и обостряя межреспубликанские отношения. Уже через несколько дней демонстранты несли транспаранты с открыто политическими требованиями: «Косово — республика», «Мы албанцы, а не югославы», «Косово — косоварам». Ф.Агани вспоминал о том, что демонстрации готовили «много нелегальных групп». А потом, с началом митингов, появились и другие организации, которые хотели использовать атмосферу, которая сложилась после смерти Тито (16, с.23). Это была атмосфера неуверенности в завтрашнем дне, неопределенности. Албанцы, боясь потерять высокий уровень автономии, заявили о себе как о силе,

которая готова отстаивать свои цели. Один из участников тех событий писал, что «демонстрации в какой-то степени были реакцией на тенденции усиления сербского национализма и объявленной деструктивной политики по отношению к албанцам... Мы попытались защищаться созданием Республики Косово, так как считали, что это единственная гарантия того, что мы будем независимыми, как Македония, как Черногория» (19, с.30).

Постепенно митинги стали носить антигосударственный характер — все чаще звучали требования об объединении с Албанией, с флажков сбрасывались югославские флаги. Сепаратистов активно поддерживала Албания, радио — и телепередачи которой принимались почти на всей территории Косова. Бывший в то время послом в Албании Бранко Коматина писал в июне 1981 г. в МИД СФРЮ: «Очевидно, что сегодня албанцы выступают с хорошо разработанным планом политическо-пропагандной борьбы против Югославии. У нас есть сведения, что в этих целях создана, вероятно всего при ЦК АПТ, группа известных «специалистов», которая... должна выдвинуть аргументы в поддержку своих тезисов, имея в виду как потребности поддержки ирредентизма в Косове, так и для собственной и международной общественности. Повторим, албанцы будут продолжать формировать историческо-политическую аргументацию не только для «права» Косова стать республикой, но и фактически для осуществления собственных территориальных притязаний к Югославии» (34, с.175). Восьмой съезд КП Албании, состоявшийся 1–8 ноября 1981 г., оказал сильную поддержку сепаратистскому движению в Косове и осудил югославскую политику в отношении албанского меньшинства (см. 35, с.152).

Демонстрации в крае сопровождались саботажем на отдельных предприятиях, распространением листовок, активизацией деятельности по превращению Косова в этнически чистый край. Националисты использовали любые методы, вплоть до угроз физического истребления в адрес сербов и черногорцев. Албанцы оскверняли памятники культуры, православные церкви и кладбища, поджигали дома, убивали людей, насильственно занимали чужую землю, ограничивали свободу передвижения. Следствием этого стал массовый отъезд сербских семей из края. В 1981 г. из 1451 населенного пункта в 635 не осталось ни одного серба, чисто сербскими оставались только 216 сел (20, с.316). На протяжении десяти лет на этой территории царил албанский террор, остановить который было трудно. К 1991 г. сербов насчитывалось в Косове менее 10%. Осенью 1988 г. уже семь из 23 общин края были «этнически чистыми». Постоянный процесс выселения из автономного края жителей сербской и черногорской национальностей стал важнейшим индикатором кризиса.

События в Косове в разной степени активизировали некоторые националистические силы и в других частях Югославии. Помимо выступлений некоторых албанцев в Македонии, Хорватии, Боснии и Герцеговине с призывом ехать в Косово и «бороться за республику», отмечались националистические выступления в Воеводине. Немедленно последовала и реакция сербов. Активную поддержку у населения находили лозунги «Сербская нация под угрозой» и «Сербский народ разобщен».

В то время проблема Косова стала чуть ли не самой крупной общественно-политической проблемой страны. Уже тогда некоторые политические деятели напрямую связывали ее с прочностью югославского федерализма. «Косово — это проблема не только Сербии, это общегославская проблема, — говорил член Президиума

СФРЮ В.Бакарич. — Если в Югославии какая-то национальность не может существовать, тогда вопрос надо поставить по-другому — а может ли вообще существовать Югославия?» (21). Руководство Югославии понимало, что предоставление Косову статуса республики «в наибольшей степени угрожает стабильности и территориальной целостности Югославии» (22), поэтому пыталось решить конфликт другими способами.

Обществоведы и политики по-разному объясняли причины протеста и националистических выступлений в крае в 80-е годы. Албанские авторы связывали конфликтную ситуацию в крае с дискриминацией албанцев в экономической, общественной и национальной областях, с тем, что они ощущали себя «гражданами второго сорта» (2, с.23). Однако обратим внимание на то, что многие исследователи, включая и албанских, отмечают дискриминацию албанского населения в Косове в первые два десятилетия существования «второй» Югославии, в то время как последующий период до смерти Тито они оценивают как достаточно благоприятный для развития албанского народа. Один из албанских политических деятелей, заместитель председателя ДСК профессор Фехми Агани полагает, что время до 1981 г. было, возможно, «самым успешным периодом в нашем послевоенном развитии, но трудности и деформации оправданно или неоправданно объяснялись давлением Сербии», поэтому все боялись, что власти пойдут на изменение Конституции. «Требование «Косово — республика» было частично результатом той неусверженности, попыткой предостеречь намечающуюся ревизию Конституции», — подчеркивал он (16, с.23). Р.Чосья также считает, что в период с 1968 до 1980 г. албанцы «более или менее свободно дышали» (17, с.14).

В книге «Все наши национализмы» один из хорватских политических деятелей С.Шувар корни проблемы Косова предлагал искать в рецидивах «великосербской политики». Однако и он ссылался, главным образом, на период 50–60-х годов, когда, по его словам, попирались конституционные права албанского населения, искажалась история албанского народа, не приветствовалось официальное употребление албанского языка, когда служба государственной безопасности во времена А.Ранковича «культивировала в целом недоверие к национальным меньшинствам», практиковала в отношении отдельных лиц физические расправы (23, с.219–220, 224). «Времена А.Ранковича», т.е. до 1968 г., упоминали многие албанцы. Например, академик Р.Чосья говорил о дискриминации граждан и государственном терроре, который осуществляла служба государственной безопасности (17, с.12). Хорватский историк Д.Биланджич писал, что «недоверие к представителям национальных меньшинств, отстранение их представителей с ответственных политических должностей, особенно в органах государственной безопасности, препятствие работе радио, печати, развитию языка» стали последствиями унитаристско-централистских тенденций в конце 50-х — начале 60-х годов (24, с.264).

В Сербии большинство обществоведов причины албанских выступлений видели в сепаратистской идеологии албанцев в Сербии, в национализме, а позже — в исламском экстремизме (13, с.22–23). Некоторые авторы рассматривали более глубокие причины кризиса в крае. Н.Пашич писал, что албанские демонстрации показали «исковерканные национальные отношения и ряд проблем, которые долго, десятилетиями, скрывались». Среди них он называл разрушение старых патриархальных систем ценностей, традиционного способа жизни; негативные тенденции, ко-

торы сопровождают любую быструю урбанизацию, такие, как: нерешенные проблемы жилья, социальная неуверенность, безработица; а также разделение общества по национальному признаку и национальная нетерпимость; политика территориальной замкнутости, проводимая местными властями; иллюзия, что проблемы Косова можно решить без албанцев (25, с. 55–56). Представители оппозиционных партий во всем винили только политический режим С. Милошевича, который навязан и албанцам, и сербам, из-за которого во всей Сербии не соблюдаются права человека (26).

Руководство Югославии и Союза коммунистов в 80-е годы связывало проблемы Косова с борьбой против «антисоциалистических действий» и «антикоммунистической идеологии», прежде всего в Сербии. Сербии обвиняли в многообразных проявлениях национализма — в унитаризме, бюрократическом стремлении к централизму, в великосербском национализме, который прикрывается лозунгом «Сербия и сербы находятся под угрозой» (27, с. 100–103). Информация о событиях в Косове в полном объеме долго была недоступна общественности. Согласно социологическим данным, 23% словенцев, 20% жителей Боснии и Герцеговины, 17% хорватов и македонцев вообще не знали, с какими проблемами сталкиваются народы, населяющие Косово (28, с. 157). Между тем, большинство исследователей склонялись к выводу, что причины следует искать в неблагоприятной общественно-политической атмосфере, социальных и экономических проблемах, среди которых выделялись безработица, низкий уровень жизни населения (22).

Проявления крайнего национализма в Косово прочно опирались на нерешенные экономические проблемы и сложную социально-экономическую ситуацию. На общем экономическом положении края сказывались трудности экономического развития страны в целом, которые стали наиболее ощутимыми с начала 80-х годов. Автономный край Косово являлся самой отсталой частью Югославии, хотя потенциально он достаточно богат природными ресурсами — углем и минералами, имеет плодородную землю. Средний уровень жизни здесь оставался намного ниже не только общегославского, но и других высокоразвитых частей страны. Если в 1947 г. уровень развития трех слаборазвитых республик страны — Боснии и Герцеговины, Македонии и Черногории был выше Косова всего на несколько процентов, то в 1980 г. — уже в 2,5 раза (29). Но если говорить о темпах экономического развития самого края, то заметны значительные успехи.

На развитие Автономного края Косово в течение всего послевоенного периода выделялись значительные средства: с 1956 г. — Сербией, с 1957 г. — федерацией, а с 1965 г. — Фондом федерации по кредитованию ускоренного развития слаборазвитых республик и автономных краев. Та помощь, как пишет в своем исследовании М. Маркович, составляла в 80-е годы 1,5 млн. долл. ежедневно (30, с. 214). Результаты такого финансирования наиболее отчетливо видны в цифрах в абсолютном выражении. За период с 1965 по 1985 г. темпы экономического роста в крае были самыми высокими в стране и составляли 6,7%, когда общественный продукт Югославии возрос за 30 лет в 5,5 раз, то в Косове — в 5,2 раза. Промышленное производство увеличилось в СФРЮ на 6%, а в Косове — на 7%. Но в пересчете на душу населения экономические показатели Косова значительно уступали другим регионам. В 1980 г. уровень общественного продукта на душу населения в Косове был на 72% ниже общегославского. Уровень безработицы в Косове на 30% превышал средний показатель по стране. В крае более 800 тыс. человек не могли найти работу (31, с. 170).

Одним из факторов, влиявших на такие различия в показателях, был опережающий естественный прирост населения. По темпам естественного прироста населения Косово занимало первое место и в Югославии, и в Европе. Все, что общество вкладывало в развитие Косова, поглощалось приростом населения. «Демографические инвестиции» вызывали, с одной стороны, нарекания остальных республик Югославии, а с другой стороны, недовольство самих албанцев, полагавших, что они недополучают средства, предназначенные для развития края, и потому отстают в экономическом и общественном развитии. Эффективность капиталовложений в край была в два раза ниже, чем в целом по стране. Сумма убытков от нерентабельных предприятий составила в край в 1981 г. 280 млрд. динаров, а план экономического развития в том же году был выполнен лишь на 41%. В условиях горизонтальной дезинтеграции увеличилась экономическая обособленность края — в 1983 г. товарооборот в пределах Косова составил почти 63% (31, с.170).

Поиск причин обострения ситуации привел многих исследователей к необходимости обратить внимание на систему образования в крае, которая была тесно связана с албанской школьной системой. По их мнению, это способствовало «албанизации Косова» и росту националистических настроений, особенно среди молодежи. Сюда приезжали сотни учителей и профессоров из Тираны, а косовские, в свою очередь, проходили стажировку в Албании. Занятия велись по албанским учебникам, государственные программы игнорировались. Университет готовил албанистов в таком количестве, которое не требовалось стране. «Албанизация Косова» становилась естественным процессом, а воспитание националистических идей происходило уже за школьной партией. В Косове существовали 904 албанских начальных и 69 средних школ. В 1970 г. в Приштине был открыт университет, в котором и на албанском, и на сербском языке обучались 37 тыс. студентов, 80% которых были албанцами (13, с.30). Косово по количеству студентов превосходило даже другие республики. На 1 тыс. человек населения край имел студентов на 14% больше, чем в среднем по стране.

Югославский журналист Бранко Богунович вспоминал слова, сказанные в 1974 г. будущим послом США в Югославии Л.Игльбергером на одной из неформальных встреч. Он посетовал, что югославы постоянно тратят силы на борьбу с антикоммунистической эмиграцией, не замечая, «что когда Югославия юпается в Приштине». И далее пояснил: «Посмотрите, что вы как государство делаете в Приштине и в Косове вообще. Вы открыли им один из самых больших университетов в Югославии, дали им Академию наук и в тех высоких институтах готовите каких-то политологов, социологов, философов, чем сами себе создаете великую армию будущих недовольных, которые не будут ни хотеть, ни уметь делать что-нибудь серьезное, которые завтра выйдут на улицы и потребуют свое государство и свою республику!» (32, с.234). Албанский национализм практически неограниченно использовал все красивые структуры власти — милицию, суды, систему школьного и университетского образования, Академию наук, писательскую организацию — для того, чтобы национализм мог проникать во все сферы жизни, все слои населения.

Руководство Сербии использовало разные методы урегулирования ситуации в крае в 80-е годы. Периоды введения военного положения сменялись периодами разработки новых программ решения «вопроса Косова», которые включали в себя или экономические меры, такие, как преодоление замкнутости края, изменение его эко-

номической структуры, укрепление материальной основы самоуправления, или политические — попытку формирования единства на классовых, а не на национальных основах. Так, в соответствии с общегославской программой по Косову, принятой в декабре 1987 г., было решено продолжить работу по созданию условий для опережающих темпов экономического развития края, интегрирования экономики Косова в экономику СФРЮ, оказать Автономному краю помощь в кадрах для работы в органах управления и правосудия, установить плановый контроль над использованием средств Фонда федерации по кредитованию ускоренного развития слабообразованных республик и автономных краев, принять соответствующие меры по развитию культуры и образования. В Скупшине СФРЮ был образован постоянный орган для наблюдения за осуществлением этой программы (33). Неоднократно рассматривались вопросы преодоления замкнутости края, изменения структуры его экономики, укрепления материальной основы самоуправления, создания современной инфраструктуры, усиления социальных гарантий для населения со стороны государства, осуществления гарантий конституционной законности для всех жителей автономного края. Опрос общественного мнения в Югославии показал, что большинство опрошенных (20%) высказались за меры укрепления законности в крае, 17% полагали, что надо уделить внимание улучшению организации труда, 12% в качестве меры предлагали развитие демократии (28, с. 158). В 1987 г. была принята программа по предотвращению выселения сербов и черногорцев из края.

В конце 80-х годов ситуация в крае крайне обострилась. Когда руководство Союза коммунистов Сербии сменило руководителей Красного комитета СК Косова, среди которых был популярный среди албанцев Азем Власи, в Приштине и других городах прошли демонстрации протеста, а в феврале 1989 г. началась забастовка шахтеров, выступавших против исключения А.Власи из ЦК СКЮ. События в крае вызвали огромный резонанс в стране. В Любляне поддержали требования шахтеров, а в Сербии — осудили, потребовав от правительства серьезных мер. 3 марта 1989 г. Президиум СФРЮ ввел комендантский час в Косове.

Пути поиска выхода из ситуации привели руководство Сербии к убеждению, что только централизация власти и упразднение ряда полномочий краевой власти сможет нормализовать ситуацию. Серьезной критике подверглись равные отношения между республикой и краями. Доминирующей становилась точка зрения, что Конституция 1974 г. ослабила Сербию, лишила ее права на собственное государство. Поэтому в Сербии развернулась кампания за правовое территориальное и административное единство республики, за сокращение прав автономных краев. Скупщина Сербии в марте 1989 г. приняла поправки к Конституции Сербии, а в сентябре 1990 г. — новую Конституцию Сербии, которые были встречены «в штыки» в Косове, поскольку понижали уровень автономии края. Генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали отмечал в своей записке: «По словам правительства, реформа была необходима в связи с тем, что Сербия была серьезно парализована широкой независимостью, которой обладали края. Многие законодательные и судебные функции краевых органов были переданы в Республику». Автономные края сохранили полномочия в отношении краевого бюджета, вопросов культуры, образования, здравоохранения, использования языков и других вопросов. В ответ на эти изменения, по словам Б.Бутрос-Гали, «большое число государственных служащих из числа албанцев в Косове подали в отставку, а другие были уволены и заменены лицами из дру-

гих частей Сербии. Как утверждают, таким образом до 100 тыс. человек были сняты со своих должностей в государственных и краевых административных органах, школах и государственных предприятиях» (36).

Изменения в статусе Косова вызвали в крае широкие демонстрации и стычки с полицией. В январе 1990 г. в демонстрациях уже участвовали около 40 тыс. албанцев. С этого времени выступления албанцев стали приобретать массовый характер. Введенные в край военные подразделения и полиция силой пытались удержать порядок в ряде городов. Были жертвы и со стороны демонстрантов, и со стороны полиции. А в Белграде тысячи студентов скандировали: «Не отдадим Косова». Словения была возмущена поведением Белграда и отозвала из Косова своих полицейских, которых встретили в республике как героев. Это было время, когда распад федерации был очевидным, когда республики Хорватия и Словения встали на путь отделения, подкрепляя свои шаги юридическими актами — решениями республиканского парламента, принятием деклараций, волеизъявлением граждан на референдуме. По их стопам пошло и Косово. 2 июля 1990 г., в тот же день, когда Словения приняла «Декларацию о полном суверенитете государства Республики Словения», албанские делегаты Скупщины Косова проголосовали за «Конституционную декларацию», которая провозглашала Косово республикой. В ответ Скупщина Сербии распустила Скупщину Косова, обосновывая это решение царящими в крае беззаконием и нарушением порядка. Тогда 7 сентября делегаты распущенной Скупщины в обстановке полной секретности приняли новую Конституцию края, провозгласившую Косово республикой, граждане которой должны сами решать свою судьбу. Этот акт был расценен в Сербии как антиконституционный и подрывающий территориальную целостность республики.

Однако все меры по политической и экономической стабилизации положения в крае оказались неэффективными. Конфликт перерос республиканские границы и стал острой проблемой всей страны, которую в течение десяти лет не удавалось решить ни с помощью вооруженных сил, ни путем принятия соответствующих партийных резолюций и постановлений, ни ограничением автономии.

3. Распад СФРЮ и обострение ситуации в Автономном крае Косово и Метохия

Со времени принятия Конституции Сербии албанцы считают, что автономия края уничтожена. В крае развернулась кампания гражданского неповиновения и началась массовая бессрочная забастовка. Распущенный парламент на тайном заседании решил создавать «параллельные структуры власти» — подпольные парламент и правительство. Албанские учителя отказались следовать новой школьной программе и выразили желание учить детей по албанским программам на албанском языке. В ответ власти отказались финансировать албаноязычное обучение. Тогда албанские дети перестали ходить в государственные школы, а занятия проводились в других местах. В то время, как с государственной службы было уволено большое количество учителей и профессоров — албанцев, в условиях подполья продолжил работу албанский университет. Нелегальная система образования охватывала 400 тыс. детей и 15 тыс. студентов, которые обучались на 13 факультетах университета и в семи высших школах (37; 38, с.26).

В результате весь край разделился на два параллельных общества — албанское и сербское. Каждое имело свою власть, свою экономику, свои просвещение и культуру. В экономике, несомненно, доминировали албанцы, которые создавали частные фирмы, владели большим капиталом. В политических структурах преобладали сербы, поскольку албанцы бойкотировали выборы и отказывались от любых административных должностей.

Южная Сербия (Санджак) и Косово

Из кн.: Мартынова М.Ю. Балканский кризис: Народы и политика. — М.: Старый сад, 1998. — С. 347.

В 1990 г., когда в СФРЮ начала формироваться многопартийная система, в крае возникли албанские политические партии, выступавшие с программами поддержки равноправного положения албанцев в республике. — Демократический союз Косова, Партия демократической акции, Демократическая мусульманская партия реформ. Позже возникли Албанская демохристианская партия, Крестьянская партия Косова, Парламентская партия Косова, Социал-демократическая партия Косова. Демократический союз Косова (ДСК), созданный в 1989 г., стал самой большой политической партией края, а авторитет его лидера, писателя и диссидента Ибрагима Ругова был неоспоримым. Он звал своих сограждан на организацию «мирного отпора сербской оккупации», опасаясь последствий серьезных столкновений (39).

Позже, в 1994 г. ДСК становится ведущей партией, которую жители края провозгласили «лидером национального движения за независимость Косова» (40). В выборах 1990 г. на территории Косова участвовали и сербские партии — Социалистическая партия Сербии, Народная радикальная партия, Сербское движение обновления. Албанское население края бойкотировало выборы. На участки вышли всего 18,61% избирателей, преимущественно сербы. Почти все голоса были отданы Социалистической партии Сербии, получившей 30 из 34 мест в парламенте (41, с. 295–298). С этого времени большинство албанцев бойкотировало все выборы в государственные институты Республики Сербии и СРЮ, исключив тем самым албанское меньшинство из процесса ведения государственных дел.

В сентябре 1991 г. косовские албанцы провели референдум о независимости края и единодушно высказались за создание независимой республики, а 24 мая 1992 г. в крае состоялись выборы президента и парламента. Хотя руководство Сербии объявило эти выборы незаконными, оно не слишком мешало их проведению. Сербы автономии в выборах участия не принимали. Албанцы отдали свои голоса Ибрагиму Ругове (95–100%) как президенту «Республики Косово» и его партии — Демократическому союзу Косова (78%). Для того, чтобы выразить свою поддержку албанцам, на выборы даже приехали делегации ряда стран и международных организаций (42, с. 71).

Суть проблемы в Косове, состоит в столкновении интересов большинства албанского населения края, которые выражаются в стремлении отделиться от Югославии, создать свое национальное государство на Балканах, объединившись с Албанией, и интересов Республики Сербии и Югославии, отстаивающих целостность своей территории. И та, и другая стороны использовали для достижения собственных целей все доступные меры. Нарушение прав человека в крае, вызванное усиленным полицейским режимом, является в равной степени и последствием отказа албанцев использовать предоставленные им Конституцией Сербии права. Они бойкотировали выборы, а могли бы управлять всеми важными органами власти, иметь 30 депутатских мест в Скупшине Сербии и участвовать в решении общегосударственных вопросов. Проблемы в просвещении во многом созданы бойкотом системы образования Югославии и нежеланием признавать государственные институты страны, в которой живут. «Продолжающаяся нестабильность, — считал Б.Бутрос-Гали, — оказала пагубное влияние как на местное албанское население, так и на сербское меньшинство в крае» (36). Ситуацию он оценил как туиковую, поскольку обе стороны придерживались диаметрально противоположных взглядов на статус и будущее края.

Из-за развала страны, последовавших событий в Хорватии, Боснии и Герцеговине, введенных ООН против Сербии и Черногории санкций в мае 1992 г. решение проблем в Косове отодвигалось на неопределенный срок. Руководство Сербии удерживало ситуацию под контролем только силой находившихся там полицейских. Как сообщали албанцы, полиция постоянно водит их на так называемые «информационные разговоры», проводит акции обыска в албанских селах, арестовывает мужчин и подвергает их допросам, а иногда избивает, держит под контролем все дороги, регулирует общественную жизнь, средства массовой информации (43). Один из албанских лидеров Ш.Маличи отмечал в 1994 г., что албанцы старались не отвечать на полицейские репрессии, и потому «албанское движение уже четыре года практически топчется на месте». Однако пауза была потрачена на политическую консолидацию, на усиление позиций Демократического союза Косова и его лидера (39, с. VII.). Наступающее время он назвал «временем Руговы».

Действительно, «терпеливый и хитрый», как его характеризовал Ш.Маличи, И.Ругова в это время много сделал для того, чтобы привлечь внимание Запада к проблемам Косова. Он просил разместить в крае военные силы ООН и НАТО, а позже стремился убедить Запад в необходимости «гражданского протектората» над Косовом (44, с.24). Во время его поездки в США в 1993 г. он получил заверения Вашингтона, что снятие санкций с Югославии будет обусловлено решением проблем края. В Косово зачастили иностранные гости. Интересными являются выводы представителей Великобритании, Франции и Португалии, которые побывали там в мае 1994 г. По их оценкам, 38% населения ожидали решения проблем от политического руководства края, 20% — от США (в 1991 г. — 64%), и только 11% — от ЕС. 65% были уверены, что получат военную поддержку в своей борьбе против Сербии. Делегация опасалась усиления «фашизма и даже экстремизма» в Демократическом союзе Косова, хотя его руководители не отрицали возможности начать переговоры с Белградом (45). В мае 1994 г. Международная конференция по бывшей Югославии настаивала на диалоге между властями Сербии и албанцами по вопросу статуса края. С.Милошевич ответил, «что не видит никаких преград для осуществления политической и культурной автономии для Косова и албанцев». Приштина восприняла это предложение с недоверием, напомнив высказывания некоторых политических лидеров Сербии, которые хотели «всеми средствами разрушить параллельную систему образования и здравоохранения, которую создали албанцы в Косове» (46). На разговоры обе стороны шли с трудом, поскольку настаивали на определенных условиях. Албанцы требовали «срочно остановить унижения, репрессии и изгнание албанцев, открытия школ и предприятий для албанцев». Сербия хотела, чтобы албанцы признали Сербию «своим государством» (47). Лишь 1 сентября 1996 г. С.Милошевич и И.Ругова подписали Меморандум о взаимопонимании, касающийся системы образования в Косове.

Территории Македонии и Черногории, населенные албанцами, никогда не исключались из планов косовских албанцев. Когда в 1994 г. шли переговоры по Боснии и Герцеговине, И.Ругова ожидал, что сербы из Боснии вступят в конфедеративные отношения с Сербией, что значительно облегчило бы албанцам Косова задачу вступления в конфедеративные отношения с Албанией. Он мечтал о том, что Косово станет независимой республикой, открытой для Сербии и Албании, а албанцы в Черногории получат автономию. Для албанцев Македонии он готовил «статус государствообразующего народа» (48). Это дало бы албанцам в Македонии право требовать предоставления автономии, а, возможно, республики. Осенью 1994 г. все чаще в выступлениях М.Руговы звучали идеи объединения Косова с Албанией.

Весной 1996 г. напряженность в крае резко обострилась. Убийство сербом албанского юноши вызвало ответные акции албанских боевиков — нападения на полицейских, расстрел посетителей кафе, убийство патрульных. Власти провели массовые аресты. Международная общественность обвинила сербские власти в нарушении прав человека, в физическом насилии и даже пытках арестованных. Комиссия по правам человека Экономического и социального Совета ООН подготовила проект резолюции «Положение в области прав человека в Косове», в котором отмечалось, что к албанцам в Югославии применяются пытки, апартеид, убийства, этническая чистка и геноцид (75). На Балканы вылетела представитель ООН, поскольку «была информирована о сотнях таких случаев». Однако Б.Бутрос-Гали в своей записке от 12 ноября 1996 г. отметил, что специальный докладчик Комиссии по правам человека Элизабет Рэн «не смогла подтвердить эту информацию» (36).

Как писал бывший руководитель коммунистической молодежи, а затем оппозиционный деятель Косова Азем Власи, в 1997 г. закончился период моделирования концепции будущего политического статуса Косова, концентрации политических сил, разработки политической инфраструктуры, интернационализации проблем края, полного единения албанцев на общей политической платформе. «Косовский кризис выходит на новый виток, выступает в период большего обострения, — прогнозировал он. — Назревает серьезный поворот, перестроение политических сил для встречи с будущими событиями, чье дыхание уже ощущается» (49). А.Власи заявил, что албанцы Косова больше не одиноки, хотя не назвал имена новых друзей. Поскольку ситуация в крае не улучшилась по сравнению с 1989 г., албанцы больше не верят в эффективность мирных переговоров с сербскими властями, а поддерживают Освободительную армию Косова, деятельность которой предвещает серьезные перемены. «Сербский режим ошибся в оценках, полагая, что албанцев можно сломить силой... У албанцев остались непоколебимыми желание, стремление и готовность к борьбе за независимость... Косова от Сербии» (49). Он сообщил, что еще мало кто знает об Освободительной армии Косова (ОАК), но ее появление говорит о создании радикального крыла албанского национального движения в виде военной организации.

Действительно, радикализация сепаратистского движения в Косове и Метохии началась в 1998 г. В нем можно было отметить три течения. Первое — политическое, которое действовало через Демократический союз Косова в главе с Ибрагимом Руговой. Выступая за независимость Косова, он не отрицал возможности переговоров с руководством республики. Второе было связано с деятельностью «правительства в подполье» и именем Буяра Букоши. Штаб-квартира правительства находилась в городе Ульме (Германия). Буяр Букоши имел большое влияние на албанцев, находящихся на работе или эмиграции за пределами Косова. Через его руки проходили деньги, которые направлялись в Косово из-за границы. Третье — экстремистское, действовавшее террористическими методами в рамках Освободительной армии Косова. ОАК, создававшаяся из радикально настроенных албанцев, проходивших обучение на территории Албании, имела политическое и военное руководство. Цели так называемой армии заключались в том, чтобы создать и расширить «свободную территорию», где не действует сербская власть, добиться признания своей борьбы как национально-освободительной и, заручившись поддержкой международных организаций, отделиться от Югославии. Затем началась бы борьба за объединение территорий Косова, Черногории, Македонии и Санджака, на которых проживает большинство албанцев. Политическое крыло ОАК представлял бывший председатель Комитета защиты прав косовских албанцев Адем Демачи, возглавивший в декабре 1996 г. Парламентскую партию Косова. Он получил мощную поддержку своим планам и действиям со стороны Тирпы. Диссидент со стажем, проведенный в тюрьмах СФРЮ более 25 лет, он являлся одним из самых непримиримых критиков мирной политики И.Руگوی.

Уже осенью 1998 г. среди косовского руководства стал заметен раскол, который обозначил тенденцию усиления жесткой линии, готовой к военным действиям. От Руگوی отвернулся его заместитель по партии Хидаят Хисени, создав «Новый демократический союз Косова». ОАК стала открыто поддерживать «Независимая утия» студентов, которая отозвала своего представителя из переговорной делегации Иб-

рагима Руговы. Из Демократического союза Косова в партию А. Демачи потянулись те, кто поддерживал более радикальную линию. Постепенно все более заметную роль начал играть премьер-министр непризнанной республики Буяр Букоши, обладающий достаточным влиянием на широкие массы косовских албанцев. Он откровенно заявил, что выступает «за войну, а не за переговоры, которые означают капитуляцию албанцев».

Боевики ОАК, прошедшие подготовку в албанских лагерях, спровоцировали возобновление конфликта в начале 1998 г. — вооруженные столкновения с сербской полицией, взрывы в македонских городах Гостивар, Куманово и Прилеп, убийство мирных жителей. Среди использовавшихся методов террористов — убийства и выселение сербов; блокада сербских сел; убийства и угрозы убийства лояльных албанцев, не желающих воевать; захват мирных жителей в заложники; нападение на посты милиции и армейские патрули. Большинство дорог в крае стали небезопасны для передвижения — они контролировались албанскими военизированными патрулями. Население края, которое не поддерживало экстремистов, было запугано и также подвергалось насилию. Албанцы-католики в страхе уезжали из метохийских сел, чтобы избежать насильственного включения в отряды террористов.

Ответные меры полиции были суровыми и вызвали новую волну сопротивления. Югославские пограничники пытались остановить лавину шедших через границу боевиков и оружия для сепаратистов. Количество проникающих на территорию Косова и Метохии террористических групп, а также оружия, нелегально доставляемого из Албании, агрессивность при столкновении с югославскими пограничниками говорили о подготовке более широких военных акций. Только за четыре дня апреля 1998 г. пограничники обнаружили семь террористических групп, часть которых состояли из нескольких сотен человек, а за десять дней они задержали «посылки» с 250 автоматами, четырьмя пушками, 20 пулеметами, пятью минометами, 200 минами, 5,5 тыс. гранат и 200 тыс. снарядов (50, с. 10; 51, с. 20–21). Столкновения вооруженных албанских групп с полицией уже весной 1998 г. напоминали боевые действия. ОАК пыталась расширить зону своего влияния, а армейские правительственные подразделения и полиция не только пыталась помешать им в этом, но и активно разрушали опорные базы, склады оружия, продвигаясь к границе с Албанией. К октябрю 1998 г. Косово было почти свободно от вооруженных формирований, которые были оттеснены к албанской границе.

4. Проекты урегулирования конфликта в Косове

В социалистический период развития Югославии решение проблем Косова осуществлялось разными методами — в период курса партии на построение интернационального общества и преодоление национальных предрассудков существование межнациональных противоречий замалчивалось, позже наводили порядок силами полиции, а затем применяли экономические и политические меры. Периоды расширения прав автономий сменялись периодами усиления централизации власти. Но меры эти оказались неэффективными. В периоды наибольшего обострения ситуации в Косове возникали разные планы урегулирования кризиса.

Известный сербский писатель Добрица Чосич еще в далеком 1968 г. выступил на пленуме ЦК СК Сербии и открыто сказал о трудностях в межнациональных отношениях в стране, о проблемах Косова. Он впервые заговорил о нетерпимости, эгоизме и даже ненависти, которые существуют между народами. Писатель пламенно критиковал и сербский национализм, и «этноцентрическую энергию» албанцев, их «стремление к объединению со своими соплеменниками в Албании» и произнес свою знаменитую фразу: «На Косовометохийской земле в современных условиях возможны только два вида государственности: или югославский, или албанский. То есть или один, или другой. Комбинация обоих... с положительным исходом — невозможна». Он не верил, что идея «братства и дружбы» может быть противопоставлена идее создания единого албанского государства. Ибо в этом случае встанет проблема границ, неизбежными будут тяжелые и трагичные столкновения и исторические сложности и несчастья (52, с.30,31).

Тогда, на пленуме, он не сказал большего, но, предвидя большие несчастья, если албанцы решатся бороться за отделение края, он разработал план раздела Косова на сербскую и албанскую части. Добрица Чосич даже начертил карту края и провел границу, пытаясь оставить на сербской стороне большинство из 200 памятников сербской культуры — православных церквей и монастырей, которыми богато Косово. Такая идея не встретила поддержки у руководства страны, а Д.Чосич подвергся резкой критике товарищей по партии.

Вопрос о разделе Косова вновь возник в 1994 г. во время обострения обстановки в крае. Профессор Бранислав Крстич опубликовал большую статью, в которой пытался предложить свой вариант решения проблемы, исходя из того, что в Косове и Метохии столкнулись два права: «историческое право сербского народа и этническое право албанского национального содружества». Два права можно примирить только в том случае, полагал он, если их разделить территориально. Поэтому он выступил с идеей раздела территории Косова, взяв в основу перепись населения 1961 г., т.е. до демографического бума. Албанцам бы отошли территории, на которых расположены памятники албанской культуры, а также западные области и общины на юге с большинством албанского населения. Этим землям Б.Крстич предложил обеспечить широкую территориальную автономию. А оставшиеся общины с большинством сербского и черногорского населения «могли бы быть интегрированы в Черногорию и Сербию» (53). Б.Крстич убеждал своих оппонентов: до тех пор, пока сербы будут считать все до единой общины Косова и Метохии, где живут 90% шиптаров, своими историческими территориями, а албанские политические партии настаивать, что весь край должен стать «Независимой республикой Косово», вопросы сербско-черногорско-албанских отношений нельзя будет решать демократическими методами. Одновременно автор сделал прогноз, согласно которому в середине будущего века в Сербии численность населения достигнет 10,5 млн. человек, из которых 40,5% составят албанцы. Этот аргумент должен был заставить задуматься тех, кто считал проект нереальным.

Один из лидеров Демократической партии, депутат Союзной скупщины Д.Тошич был более осторожен, но тоже поддержал идею разделения Косова на две области. Он даже предложил сконцентрировать в одной из них все албанское население, приблизительно 98% от общего числа. А в другой остались бы все сербы, которые могли составить в этой области около 30% (54, с.25).

Албанские ученые и политические деятели сразуотреагировали на проект Б.Крстича, назвав его абсолютно неприемлемым. «Учитывая этнический, экономический и другие факторы, Косово неделимо», — заявил профессор Фехми Агапи, один из лидеров ДСК (55, с.22). Единственно возможным решением для Косова, полагают албанские лидеры, является референдум под контролем ООН, ОБСЕ, США и ЕС и уважение его результатов. При этом никто не сомневается, что все албанцы края выскажутся за присоединение к Албании (17, с.14).

В 1996 г. академик Миодраг Йовичич, видя, что решение проблемы нельзя больше откладывать, высказал идею регионализации всей страны, согласно которой Косово и Метохия стали бы двумя регионами. Он исходил из следующих предпосылок: во первых, Сербия должна сохранить Косово и Метохию в своем составе, во вторых, в современном мире все граждане, независимо от национальности, должны обладать равными правами, поэтому национальные автономии — это анахронизм, в-третьих, Автономная область Косово и Метохия, начиная с 1945 г. является источником постоянных проблем для Сербии. В результате, полагает автор, «Косово и Метохия сегодня представляют собой непотребный элемент асимметричного государственного устройства, который, по этим причинам, надо обязательно ликвидировать» (56). План академика заключался в следующем. Всю страну надо разделить на 13 регионов, территориальных единиц с широкой автономией, своими органами власти — двухпалатной Скупщиной и правительством, но без элементов государственности. Каждый регион представлял бы собой географическое, экономическое и культурное целое.

Сербский историк Душан Батакович разработал план кантонизации Косова. Этот план был даже представлен госсекретарю США Мадлен Олбрайт во время переговоров в Рамбуйе с надеждой, что он поможет сербам обрести гарантии безопасности, если станет одним из приложений к тексту договора. По мнению Д.Батаковича, весь край следует разделить на 18 кантонов, пять из которых имели бы большинство сербского населения. Сербские кантоны могли войти в конституционную систему Сербии, а албанские имели бы большие связи с федеральным уровнем и значительные обязательства по отношению к Сербии (57).

В 1997 г. министры иностранных дел Франции и Германии выступили с инициативой дать краю специальный статус, рассчитанный на некоторый переходный период. Он должен создать с помощью международных организаций «оптимальные условия для мирного политического выхода Косова из-под юрисдикции Сербии и для формирования соответствующей демократической политической инфраструктуры, которая бы обеспечила равноправное положение Косова в некоем будущем содружестве равноправных народов и государств» (26). Албанцы поддержали эту инициативу, поскольку рассматривали специальный статус как шаг албанского народа к свободе, руководство Сербии было против, так как боялось отделения края. Сербская оппозиция, обвиняя руководство страны в обострении межнациональных отношений, полагала, что и албанцы виноваты в сложившейся ситуации, поскольку ничего не делают, чтобы изменить этот строй. Они не участвуют в выборах, а значит и «в изменении власти в Сербии, что обязательно привело бы к улучшению ситуации в Косове». Если бы албанцы «вышли на выборы еще в 1990 г., то мы бы покончили с этим режимом, и уже сейчас проблема Косова, главным образом, была бы решена», — отмечал М.Протич, директор Центра по сербским исследованиям (26).

5. Подготовка НАТО к военным действиям

В 1997 г. активно подключилось к решению «проблемы Косова» мировое сообщество в лице ООН, ОБСЕ, Контактной группы, НАТО, руководства отдельных стран. В начале декабря 1997 г. косовская тема неожиданно возникла на заседании Совета по выполнению Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине в Германии. Это вызвало негативную реакцию югославской делегации, заявившей, что, с одной стороны, проблема Косова не являлась предметом обсуждения в Дейтоне, а с другой, она является внутренним делом Югославии, поэтому не может рассматриваться данной организацией. Югославская делегация в знак протеста против продолжающегося обсуждения темы Косова покинула Бонн. Со своей стороны Контактная группа (КГ) собралась специально для рассмотрения проблемы автономного края. США, как всегда, заняли самую жесткую позицию — они предложили применить к Белграду архисуровые меры, вплоть до введения экономических санкций и военной интервенции. В «Сообщении о Косове», подписанном членами КГ, события в крае названы «насилием», «убийством», подчеркивалось, что власти Белграда «не могут противостоять международным стандартам и не ожидать серьезных последствий».

Заявку на свое участие в урегулировании в Косове сделала и НАТО. Североатлантический блок в августе 1997 г. предупредил югославского президента о возможности вооруженного вмешательства в конфликт с целью предотвращения дальнейшего кровопролития. Как наиболее вероятный сценарий силовой акции в Косове рассматривались удары с воздуха по сербским позициям по примеру Боснии и Герцеговины. Проводя акцию «принуждения к миру» в Боснии и Герцеговине, НАТО не встретила возражений ни от одной страны мира, и это дало ей уверенность в том, что изменение концепции ее роли в мире проходит успешно.

НАТО стремилась стать самостоятельным фактором урегулирования региональных конфликтов, не зависеть от Совета Безопасности ООН, как это было в Боснии и Герцеговине. Но именно там НАТО использовала ООН как прикрытие, чтобы «узаконить» свое миротворчество. Косово давало возможность НАТО стать независимой от любых международных организаций силой.

В 1992 г. в докладе Председателя Комитета начальников штабов вооруженных сил США К.Пауэлла отмечалось, что «на Соединенные Штаты возлагаются надежды как на мирового лидера», поэтому они «должны сохранять силу, необходимую для оказания влияния на ход событий в мировом масштабе» (61, с. 117). В этой системе НАТО должна была играть ключевую роль инструмента осуществления этой идеи. Тогда, в начале 90-х, еще не пришло время действовать открыто. Поэтому разработанная система «адаптации» включала в себя взаимодействие на новых основах с европейскими и мировыми институтами — ООН, ОБСЕ, ЕС и ЗЕС, проникновение в структуры этих организаций, участие в совместных акциях, апробацию взаимодействия и выход на самостоятельный уровень. Для этого совершенствовались информационное обеспечение, подбирались соответствующая терминология, обеспечивалось «прикрытие» концепции, что должно было убеждать в необходимости лидирующей роли НАТО в системе европейской безопасности. Так появились идеи партнерства, развития диалога и сотрудничества с другими странами — не членами НАТО на основе взаимного доверия, программа «Партнерство во имя мира».

В новой Вашингтонской стратегической концепции НАТО, принятой в апреле 1999 г., но разработанной ранее, главным является тезис об особой ответственности блока перед мировым сообществом за предотвращение угрозы безопасности и стабильности в Европе. «Безопасность» для Североатлантического союза — понятие многоплановое, включает в себя политический, экономический, социальный, экологический, гуманитарный аспекты. Это позволяет блоку действовать в любом регионе и использовать любые поводы для военной интервенции.

С февраля 1994 по сентябрь 1995 г. НАТО перешла к военно-воздушным операциям — нанесению бомбовых ударов по сербским позициям. Применение силы для наказания непослушной или несговорчивой стороны конфликта в 1994–1995 гг. в БИГ означало переход к осуществлению концепции «принуждения к миру», начало новой фазы развития НАТО, которая включала в себя применение силы, проведение военных операций, участие в боевых действиях. В результате обеспечено долгосрочное и прямое военное присутствие НАТО в стратегически важном регионе.

Это была прелюдия к настоящей войне против независимой Югославии. Агрессия стран НАТО против СРЮ в марте — июне 1999 г. обозначила переход к следующей фазе строительства системы *управляемости миром* — показ на деле возможности силового варианта решения проблем, апробация «закона силы», права применять силу против других государств без санкций ООН, установление приоритетности решений НАТО над решениями ООН и ОБСЕ, разрушение сложившейся системы международного права, проба дееспособности управляемого информационного обеспечения, проба реакции всех европейских структур, отдельных государств, особенно России, на легитимизацию агрессии, на минимизацию роли ООН.

Контактная группа заседала часто, принимала решения о санкциях, запретах и ограничениях в отношении Югославии. Все это выглядело как огромный прессинг на руководство СРЮ, осмысленную подготовку к оккупации Югославии, к дальнейшему расчленению страны, используя Косово как повод: чтобы исключить возможность Югославии сопротивляться, надо было запретить поставки вооружения, ввести воздушный и наземный мониторинг, ограничить действия Армии Югославии, вывести спецназ и полицию из края. 25 февраля решение звучало как предупреждение — КГ выступила в поддержку уважения прав человека и призвала стороны «концентрироваться на незамедлительных шагах по снижению напряженности... начать без каких-либо предварительных условий полномасштабный конструктивный диалог» (74, с.39). 9 марта 1998 г. в Лондоне США, Великобритания предложили ввести дополнительные санкции против Югославии. Россию представлял Е.Примаков, который был против «экстремистской постановки вопроса в отношении Белграда», но даже при особом мнении Москвы ограничения на поставки оружия в СРЮ были приняты (76, с.342). 25 марта в Бонне Мадлен Олбрайт настаивала на усилении жестких мер в отношении Югославии. В результате СБ 31 марта принял Резолюцию 1160, которая основывалась на предложениях КГ, запрещала «продажу или поставку в Союзную Республику Югославию, включая Косово, их гражданами или с их территории, или с использованием судов, плавающих под их флагом, и самолетов, вооружений и относящегося к ним военного имущества всех типов, такого, как оружие и боеприпасы, военно-транспортные средства и техника и запасные части...» (79).

Напряженье росло. Вмешательство международных организаций во внутренние дела Югославии, их необъективность в оценке ситуации были очевидными. И руководство страны решило провести референдум, который состоялся 24 апреля. На нем 94,73% населения высказались против международного посредничества в урегулировании кризиса. Однако Контактная группа проигнорировала волю народа. Римская встреча КГ в конце апреля принесла усиление экономических санкций в отношении Белграда, решение о замораживании зарубежных авуаров правительство Сербии и Югославии, запрет на новые иностранные инвестиции. Правительство Югославии посчитало эти меры несобоснованными и контрпродуктивными, подчеркнув, что «Югославская армия в соответствии с ее конституционной и правовой ролью выполняет свой долг по защите нерушимости государственных границ и приграничного района и по предотвращению проникновения террористических группировок и ввоза партий оружия» (78). Но голос Югославии никто не слышал. Ссылки на то, что Косово — внутреннее дело суверенного государства не считались убедительными.

В середине мая, согласно предварительной договоренности, Президент СРЮ Слободан Милошевич и Ибрагим Ругова решают проводить еженедельные встречи между делегациями Белграда и Приштины, однако косовские албанцы от последующих встреч уклоняются, 12 раз срывают переговоры. Хотя лидеры албанских сепаратистов бойкотировали переговоры, спровоцировали взрыв на магистрали Печ-Дечани-Джаковица, начали наступление в ряде пограничных с Албанией районов, мировое общественное мнение складывалось не в пользу сербов. Экраны телевизоров во всем мире переполняли снимки беженцев из Косова, которых размещали в Македонии, Албании, увозили в Италию, Австрию, Германию и даже Америку. Западные СМИ прекрасно использовали ситуацию, играя на чувствах жалости и сострадания. Но заметны были и монтажи. Например, я сама видела репортажи, в которых албанские женщины, окруженные детьми, отвечали на вопросы журналистов на английском языке. Российский журналист Павел Лобков каждый вечер кричал с экрана о тяжелой участи албанских беженцев, но не снял ни одного репортажа о сербских беженцах, о лагерях для беженцев в Сербии, в которых спасались от албанского террора и сербы, и албанцы, и мусульмане. Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. создал в 1998 г. следственную группу для расследования событий в Косове, «утверждений о преступлениях, о которых сообщили беженцы, покинувшие Косово» (77). Секретариат Международного трибунала начал предпринимать масштабные усилия по развертыванию и поддержке значительного числа следователей в регионе. Совет министров Евросоюза 8 июня отменил свое прежнее постановление о приостановке запрета на инвестиции в Сербию, а в конце июня принял решение о запрете полетов югославских самолетов в страны ЕС. 12 июня КГ, собравшаяся в Лондоне, выдвинула Белграду ряд требований, главными из которых были предоставление возможности осуществления международного наблюдения в крае и прекращение всех действий сил безопасности, вывод из Косова югославского спецназа (76, с.348–349).

В сентябре 1998 г. Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 1199, обязывающую сербов прекратить огонь, вывести подразделения сил безопасности, «используемых для проведения репрессий в отношении гражданского населения»,

создать условия «для осуществления эффективного и постоянного международного наблюдения в Косово Миссией по наблюдению Европейского сообщества и дипломатическими представительствами, аккредитованными в Союзной Республике Югославии, включая обеспечение таким наблюдателям доступа и полной свободы передвижения в Косово, из Косова и в его пределах» (80) и начать мирные переговоры с албанской стороной. В ответ правительство и скупщина Сербии приняли документ о ситуации в Косове, в котором было выражено желание к сотрудничеству и с международными организациями, и с албанской делегацией, а также предлагался ряд мер по решению проблемы политическими средствами в рамках границ СРЮ. Но деятельность НАТО развивалась по собственному сценарию. Уже на следующий день после принятия резолюции Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана заявил, что Советом альянса принято решение о переходе к очередной фазе подготовки к возможным силовым действиям НАТО в Косове (74, с. 44). Это был сигнал о готовности, о возможных действиях вопреки резолюциям СБ и КГ.

Запад настаивал на переговорах, но албанцы на переговоры не шли, выдвигая все новые и новые условия. Сначала они требовали ведения переговоров на югославском, а не на сербском уровне, затем присутствия войск НАТО или установления международного протектората над Косовом. Последним условием являлся вывод всех армейских и полицейских подразделений из края, на что руководство страны долго не соглашалось. В начале октября 1998 г. ситуация накалилась. В крае шли босвые действия, а НАТО грозила Югославии воздушными ударами, если полицейские силы и военные продолжат свои операции. И тогда совсем в духе предшествующих событий в БиГ начали возникать «массовые убийства мирных жителей»: в Горне-Обрине, Рачаке. 1 октября СБ ООН не рекомендовал осуществление нагатовской военной акции в Югославии, на что представители НАТО заявили, что альянс готов нанести удары без одобрения Совета Безопасности. Страны — члены НАТО начали подготовку к возможной акции: составлялись оперативные планы, формировались команды и готовились самолеты. 13 октября Совет НАТО отдал приказ о об ускоренной подготовке к военной операции и выдвинул Белграду ультиматум.

Угрозы бомбовых ударов с воздуха по территории Сербии 13 октября 1998 г. выполнили роль дамочья мяча, спасаясь от которого, С. Милошевич пошел на подписание договора со специальным посланником США Ричардом Холбруком о принятии всех требований международного сообщества и обязательствах Югославии «завершить переговоры по вопросу о рамках политического урегулирования к 2 ноября 1998 г.» (81). В Белграде 16 октября 1998 г. министр иностранных дел Союзной Республики Югославии и действующий Председатель ОБСЕ в Европе подписали соглашение, предусматривающее создание ОБСЕ контрольной миссии в Косове и включающее обязательство Союзной Республики Югославии соблюдать положения Резолюций 1160 и 1199, а начальник Генерального штаба Союзной Республики Югославии и Верховный главнокомандующий союзными силами НАТО в Европе подписали соглашение об учреждении миссии по воздушному контролю над территорией Косова, дополняющей Контрольную миссию ОБСЕ. Договор предполагал отвод сербских сил из края, размещение там 2 тыс. наблюдателей ОБСЕ, дислокацию «сил интервенции в соседних странах в случае возникновения проблем» (58). Заметим, что свропейскую Миссию наблюдателей ОБСЕ возглавил американец — посол Уильям Уокер. Эти соглашения были закреплены Резолюцией 1203 (81).

Итак, СРЮ продемонстрировала свою приверженность решению проблем политическими средствами, однако НАТО готовилась к войне. Именно поэтому ей было так важно получить контроль над воздушным пространством над Косово и над частью территории СРЮ, ввести ряд ограничений в отношении систем ПВО, координировать свою деятельность с операциями по наземному наблюдению Контрольной миссии ОБСЕ (82).

Против военных планов НАТО решительно выступила Россия, заявив, что вмешательство во внутренние дела суверенного государства требует особой процедуры прохождения в Совете Безопасности, для которой единодушие великих держав является непременным условием. Министр в этом вопросе получил поддержку всех ветвей российской власти. В Думе в октябре 1998 г. были проведены парламентские слушания на тему «Угрозы европейской безопасности в связи с расширением НАТО (на примере событий на Балканах)». По итогам слушаний депутаты признали «непосредственную (без участия ООН) деятельность НАТО по урегулированию конфликтов в Боснии и Албании разновидностью недопустимого вмешательства во внутренние дела суверенных государств или вооруженной агрессией». Продолжая выступать против использования оружия в косовском конфликте, российская дипломатия настаивала на его решении мирными политическими средствами.

Известный российский ученый-юрист, дипломат с большим стажем О.Н.Хлестов писал, что красной нитью современного международного правопорядка является то, что «использование вооруженной силы в международных отношениях правомерно лишь в двух случаях: 1) при осуществлении права на самооборону; 2) по решению Совета Безопасности ООН против нарушителя мира или агрессора, что именуется принудительными действиями ООН». Поэтому если НАТО «осуществит принудительные действия без санкций Совета Безопасности, это взорвет всю правовую систему, на которой зиждутся отношения между членами мирового сообщества», что «явилось бы актом агрессии, как она определена в документах ООН, принятых в 1974 г.» (59). Такую позицию России поддержали Индия, Белоруссия и Китай. И.С.Иванов последовательно стал отстаивать принципы равноправного партнерства в отношениях с США, а на встрече с госсекретарем США М.Олбрайт 26 января 1999 г. даже сделал заявку на более жесткий курс России во внешней политике, заявив: «Рыночная экономика не означает, что внешняя политика должна быть рыночной. Мы своими национальными интересами не торгуем». Проверить этот тезис предстояло в Рамбуйе.

В январе КГ разработала десять принципов, которые должны были лечь в основу мирных переговоров между сербами и албанцами. Переговоры намечалось провести во Франции. Для оказания большего давления на сербов и создания нетерпимости к актам насилия, западные СМИ стали раздувать убийство группы албанцев в Рачаке на Юге края. Руководитель Контрольной миссии ОБСЕ в Косове и Метохии американец Уильям Уокер запретил работу следственной группы окружного суда города Приштины на месте предполагаемого преступления, а сам собрал в Рачаке иностранных журналистов и журналистов газет албанских сепаратистов и сделал заявление, обвинив армию СРЮ в «преступлении против человечности», «в злодейском убийстве 45 гражданских лиц», которое он сам якобы видел (84; 85). Прибывшие на место белорусские эксперты после исследования места преступления пришли к выводу, что тела убитых людей были привезены из другого места. Затем

экспертизу провели финские специалисты. По их мнению, большинство убитых — военные, переодетые затем в гражданскую одежду. На пальцах многих из них были обнаружены следы пороха, пулевые отверстия были найдены на телах, но не на одежде. Но их доклад так и не был опубликован (74, с.49). Мир готов был наказать руководство Югославии, Югославскую армию, а вместе с ними и весь сербский народ. В Совет Безопасности посыпались письма от Австралии, Албании, Исламской группы в ООН, выражавшие возмущение в связи «с хладнокровным убийством 45 невинных мусульман из числа гражданского населения», которое следует рассматривать как проявление «этнической чистки в Косове» (86). Россия в совместном заявлении с США также возмутилась убийством албанцев, «которому нет никакого оправдания», упомянула и грозящую краю «гуманитарную катастрофу» (74, с.50). На обращения югославского руководства в Совет Безопасности об ответственности албанцев за эскалацию террористической деятельности, за нападения на полицейские патрули, похищения военных и мирных жителей никто внимания не обращал. Министр иностранных дел СРЮ писал в СБ, что с 13 октября 1998 по 14 января 1999 г. албанскими сепаратистами было совершено в общей сложности 599 террористических нападений и провокаций, 186 из которых были направлены против гражданских лиц, а 413 — против сотрудников Министерства внутренних дел. В ходе этих нападений 53 человека были убиты, 112 — получили ранения, 43 человека были похищены (83; 84; 85). Правительство СРЮ объявило Уильяма Уокера персоной нон грата и обязало его покинуть территорию Югославии в течение 48 часов (85).

В феврале 1999 г. в замке Рамбуйе под Парижем с 6 по 23 февраля длился первый раунд переговоров между албанской и югославской делегациями. Албанскую делегацию из 16 человек составляли представители Освободительной армии Косова, умеренного Демократического союза Косова во главе с И.Руговой, а также радикалов во главе с Р.Чосья. Возглавлял всю делегацию решительный командир боевиков Хашим Тачи. «Политический представитель ОАК» А.Демачи отказался участвовать в переговорах, так как был противником любого соглашения. В сербскую делегацию из 14 человек входили ученые-правоведы, а также представители турецкой, албанской, цыганской и других национальностей из Косова.

Мирная конференция в Рамбуйе должна была обсуждать разработанные Контактной группой принципы решения косовской проблемы, включая «элементы широкой автономии Косова».

Переговоры проходили в благоприятных для организаторов условиях — размещенный на границе с Косово контингент войск НАТО был значительно увеличен, сербские военные были выведены с территории края, борющиеся за независимость албанцы почувствовали расположение к себе международных организаций, Освободительная армия Косова вновь заняла большую часть территории.

В замке Рамбуйе делегациям для обсуждения были предложены только отдельные части «Временного договора о мире и самоуправлении в Космете» — «Рамочный документ» и три приложения из девяти, которые уточняли проблемы Конституции Косова, выборов в органы самоуправления и судебной системы. Лишь через неделю делегации получили еще одно приложение, касавшееся экономических вопросов. Хотя текст документов не совпадал с текстом из десяти пунктов, согласован-

ным в Контактной группе, делегации продолжили работу и обсудили многие вопросы. Все дополнения делегации СРЮ касались лишь положений, сохраняющих территориальную целостность Сербии и Югославии. Она настаивала на гарантиях неделимости Сербии. 23 февраля Контактная группа констатировала, что в переговорном процессе произошел прогресс, и в скором времени удастся договориться по всем вопросам политической части договора.

Лишь в день окончания переговоров делегациям предоставили весь документ целиком. Оказалось, что 69% текста сербы ранее не видели. В частности, два приложения (№ 2 и 7) предварительно в Контактной группе не рассматривались и являлись предложениями отдельных ее членов об автоматическом вводе войск НАТО после подписания договора и организации полицейских сил. В сопроводительном письме отмечалось, что «это окончательное предложение включает в себя положения, выказанные на встрече в Рамбуйе, подчеркивалось, что «Россия не присоединяется к приложениям 2 и 7» и что ответ надо дать не позднее 13.00 (65). Б.Майорский поставил свою подпись под документом с примечанием: «Кроме глав 2 и 7».

По окончании первой фазы переговоров стороны сделали заявления. Югославская делегация отметила, что, несмотря на достигнутый в Рамбуйе прогресс, переговоры следует продолжить и точно определить элементы автономии Косова, зафиксировать их и подтвердить территориальную целостность Сербии и Югославии. В заявлениях делегации албанцев подчеркивалось, что она подпишет договор, если через три года албанскому народу в Косове позволят провести референдум о независимости. Представители США отвергли возможность продолжения переговоров, уточнив, что предложенный текст должен быть подписан в первый день начала второго раунда. Фактически Югославия получила ультиматум: если подпишет договор — на территорию края войдут войска НАТО, а если не подпишет — будет нести ответственность за провал переговоров, что предполагает «наказание» бомбовыми ударами.

Тупиковость ситуации и отсутствие единства взглядов у организаторов конференции потребовали паузы. С 25 февраля по 15 марта стороны уточняли свои позиции, изучали текст договора, встречались с посредниками, проводили многочисленные встречи и соглашения. После консультаций с американскими представителями албанская делегация стала склоняться к подписанию всего пакета соглашений. Но одновременно свои ряды укрепляла ОАК, назначив 7 марта 1999 г. нового командующего. Им стал Сулйман Селеми по прозвищу Султан. Он категорически отверг «полумеры» и «частичное соглашение» и выступил за достижение полной независимости против разоружения своих формирований (66).

Власти Югославии заручились поддержкой большинства населения страны и некоторых государств, в том числе России, Белоруссии. Ультиматумы и угрозы, перспектива потерять Косово имели результат обратный ожидаемому — С.Милошевич не только не потерял поддержку населения, но и укрепил свои позиции. В стране сложилось беспрецедентное единство мнений всех структур власти, всех политических сил, включая оппозиционные партии, что нельзя подписывать договор, который может привести к потере части территории. Вук Драшковиц, известный оппозиционер и заместитель председателя правительства СРЮ, назвал текст политического договора «противоречивым», который не гарантирует территориальной целостности страны. Радикал Воислав Шешель как всегда был категоричен: «Не может быть

и речи о присутствии иностранных войск в Косове или об отделении южной сербской области от правовой и административной системы Сербии и СРЮ». Даже лидер Гражданского союза Весна Пешич которая всегда была непримирима к политике властей, отметила серьезные недостатки предложенного договора. Она, правда, полагала, что С.Милошевич пойдет на подписание договора в обмен на сохранение своей власти (67).

В это время войска НАТО уже начинают размещенные десяти тысячного контингента в Македонии на границе с Косовом. Войска приводятся в состоянии боевой готовности.

Второй раунд переговоров начался в Париже 15 марта. Предложения югославской делегации о подписании политической части договора и о продолжении переговоров по поводу объема и характера международного присутствия в Косове для выполнения соглашения приняты не были. Делегации так и не встретились для продолжения переговоров. Албанской делегации разрешили подписать договор в одностороннем порядке. Представитель России отказался заверять своей подписью этот документ, поскольку в КГ не обсуждались военные приложения к нему. Со своей стороны Югославия подготовила «Соглашение о самоуправлении в Космет», которое было подписано представителями всех национальных общин Косова. Оно могло бы стать основой дальнейших переговоров. Однако Россия не поддержала открыто справедливую позицию Югославии. В Заявлении от 19 марта МИД сетовал: «Вряд ли помогает делу сепаратистское подписание сербами «своего» текста соглашения, существенно отличающегося от проекта Контактной группы» (74, с.56).

Москва не восприняла серьезно одностороннее подписание албанцами всего текста соглашения, полагая, что он «никакой юридической силы не имеет» (74, с.56). Но предполагал ли министр иностранных дел РФ, не пожелавший сорвать этот спектакль, что на Рамбуйе будут ссылаться в последующих документах и требовать от Югославии его выполнения? «Установление в Косове мира... на базе договоренностей, достигнутых в Рамбуйе» провозглашал министр иностранных дел Франции Юбер Ведин 3 апреля 1999 г.; министры иностранных дел Группы 8 заключили, что политический процесс должен проходить «с полным учетом соглашений, подготовленных в Рамбуйе»; на Рамбуйе ссылаются и Резолюция 1244 (74, с.177, 191, 192).

Фактически сорвав продолжение парижских переговоров, США и НАТО начали готовиться к наказанию Югославии как «виновника срыва переговоров». Министр иностранных дел Югославии Живадин Йованович писал 17 марта председателю совета Безопасности ООН о том, что страны НАТО наращивают вооружение на Балканах в непосредственной близости от Югославии, что в Македонии численность войск скоро достигнет 30 тыс., что уже доставлены 60 танков, 250 бронетранспортеров, несколько десятков боевых вертолетов, значительное количество артиллерийской техники, что в Албании создаются иностранные военные базы, что угрозы НАТО в адрес Югославии продолжают, что не предпринимаются меры для перекрытия каналов финансирования, вооружения и обучения ОАК (87). 21 марта Совет НАТО дал С.Милошевичу несколько часов на размышление и подписание соглашения, после чего пообещал нанести удар с воздуха. На следующий день Генсек НАТО получил расширенные полномочия от Совета НАТО на принятие решения о проведении воздушных операций против Югославской армии. Прези-

дент Югославии написал в ответ на послание сопредседателей встречи в Рамбуйе, министров иностранных дел Франции и Великобритании: «Что касается ваших угроз в отношении военного вмешательства НАТО, то вашим народам должно быть за них стыдно, поскольку вы готовитесь применить силу против небольшого европейского государства только потому, что оно защищает свою территорию от сепаратизма, защищает своих граждан от терроризма и свое историческое достоинство от головорезов... Вы не имеете права угрожать другим странам и гражданам других стран» (88). С. Милошевич еще надеялся решить проблемы в Косове мирными средствами. Существовали ли для этого объективные возможности?

«Косовский пирог» — многослойный, аккумулировавший массу проблем, но одновременно показывающий противоречия интересов международных субъектов, вовлеченных в этот конфликт. Во-первых, деятельность международных организаций в Косове отражает борьбу между двумя линиями построения будущей системы европейской безопасности — однополюсной и многополюсной. Во-вторых, именно по проблеме Косова впервые за время кризиса на постюгославском пространстве столкнулись две линии возможного решения этнополитических конфликтов: путем мирных переговоров и путем силы. В-третьих, косовская проблема отразила тлеющий из БиГ и Хорватии шлейф необъективного отношения к конфликтующим сторонам, политики двойных стандартов: всегда и во всем, независимо от обстоятельств, виновны только сербы. В-четвертых, Косово отразило колебание мирового сообщества между невозможностью вмешательства во внутренние дела суверенных стран и политическими установками США на беспрепятственное употребление силы в любой точке планеты. В-пятых, настойчивость требований и угроз США была связана также с желанием сместить С. Милошевича с поста руководителя страны и тем самым создать на Балканах послушное марionеточное государство. Для этого оно должно быть небольшим, включать только земли собственно Сербии без автономных краев. Частично задача уже была выполнена — сербский народ раздроблен по трем государствам.

Международные организации во время переговоров выступали за решение проблемы края только в рамках СРЮ. Но анализ причинно-следственных связей деятельности международных организаций даст возможность проанализировать последствия используемых ими средств и определить поставленные цели.

1. Урегулирование мирными средствами предполагает принуждение *двух* сторон конфликта сесть за стол переговоров: албанцев — отказаться от террористической деятельности, а югославское руководство — пойти на политические уступки албанцам, не выходящие за рамки политической автономии в рамках Сербии. Если учесть, что основное давление шло только на сербскую сторону, то становится ясно, что никто не собирался продолжать процесс мирного соглашения между сербской и албанской сторонами. Главным было заставить Югославию разрешить размещение на ее территории войск НАТО.

2. Если обратить внимание на факт, что на границе с Косово был размещен, а в январе 1999 г. увеличен контингент войск НАТО, если проанализировать представленные планы Холбрука и К. Хила, где для Косова требовался статус «несколько выше, чем по Конституции 1974 г.», фактически третьей республики, если учесть,

что ни один ультиматум не предназначался албанской стороне, а критика С.Милошевича усилилась, то становится понятным, что конечной целью станет отделение автономии от Сербии. Чтобы отделить Косово от Югославии, необходимо повысить ему статус до республики, и тогда через референдум о независимости признать факт отделения свершившимся. Для надежности осуществления этого плана необходимо ввести войска НАТО в Косово. Угроза нанесения бомбовых ударов по сербским военным объектам расценивалась албанцами как поддержка их политических требований. Но за всем этим просматривались планы ослабления Сербии, наказания ее за упрямство и попытку сопротивления.

6. 78 дней необъявленной войны

Видимых преград для начала операции НАТО не было. С Россией, которая настойчиво выступала за мирный путь решения проблем, казалось, тоже был найден вполне приемлемый вариант. Начало бомбовых ударов премьер-министр РФ Е.Примаков должен был встретить в США, на переговорах совместной комиссии «Примаков-Гор». Там его попытались бы убедить в правильности предпринятых военных действий. Но 23 марта, летя над океаном в сторону США, Е.Примаков соединился с Альбертом Гором по телефону. Он так описал их разговор и свое последующее решение. «Вице-президент Гор на прямо поставленный мною вопрос не мог дать гарантии, что удар не будет осуществлен хотя бы во время моего пребывания в США. Вызвав командира корабля, я сказал: возвращаюсь.

— Как, не будем садиться в Вашингтоне, ведь до посадки три с половиной часа?

— Нет, в США садиться не будем. Если не хватит горючего до Москвы, совершим промежуточную посадку.

Самолет развернулся над Атлантическим океаном...» (76, с.358).

Для многих это был плохой знак. Значит, будут бомбить, подумала тогда я. Россия была возбуждена из-за происходящего на Балканах, весь народ с сочувствием и желанием помочь смотрел на сербов.

23 марта Центром международных социологических и маркетинговых исследований в 21 регионе России был проведен опрос общественного мнения о событиях в Косове. 82% опрошенных следили за событиями в Югославии, 51% были уверены, что виновником обострения ситуации были албанские сепаратисты. 94% ответили «нет» на вопрос: «Одобряете ли вы ввод миротворческих сил НАТО в Косово?» и 97% были против силового решения в отношении Сербии. 91% опрошенных поддерживали сербов в косовском конфликте. 74% готовы были принять личное участие в оказании помощи Сербии, из них 30% поддержали бы Югославию деньгами, а 42% отправились бы в Югославию добровольцами (102).

После отказа СРЮ подписать соглашение в Рамбуйе, Альянс попытался заставить Белград пойти на размещение войск НАТО в Косове, угрожая нанести бомбовые удары. Возможно это был единственный формальный предлог для начала агрессии. НАТО обратилась к Югославии «с просьбой о размещении войск НАТО для осуществления политического соглашения о самоуправлении в Косове и Метохии». Скупщина Республики Сербии на своем заседании, состоявшемся 23 марта 1999 г., приняла постановление, в котором коротко и лаконично было сказано, что Сербия

«не соглашается на присутствие иностранных войск в Косове и Метохии», и объявила состояние непосредственной угрозы войны из-за опасности агрессии на СРЮ (104).

24 марта, нарушив суверенитет независимой Югославии, поправ нормы международного права, НАТО обрушила на страну бомбовые удары. В тот же день Россия потребовала «созвать в срочном порядке заседание Совета Безопасности для рассмотрения чрезвычайной ситуации, вызванной односторонними военными действиями НАТО против Союзной Республики Югославии» (89). Е.Примаков писал, что «это было настоящим потрясением для России. Все российские политические силы без исключения выступили против развязанной НАТО войны» (76, с. 357). Действительно, все российское общество, от президента до школьника, было охвачено чувствами возмущения действиями агрессора и солидарности с сербским народом. Б.Ельцин расценил действия НАТО как «удар по всему международному сообществу», назвал действия Альянса агрессией, военной авантюрой и призвал россиян присоединиться к возмущению (74, с. 68, 74–75). Россияне присоединились. И очень дружно. По всем городам России прошли митинги протеста. Кемсерово, Петрозаводск, Уфа, Казань, Новгород, Волгоград, Новосибирск — вот только некоторые города, где законодательная и исполнительная власти принимали заявления и обращения, где проводились акции протеста, сжигались американские флаги (100). В Москве и днем, и ночью демонстранты протестовали около всех посольств стран — членов НАТО. Больше всего от яниц, чернил, камней пострадало американское посольство. Среди московских студентов распространялись листовки следующего содержания: «Студенты! Лекция по политологии переносится к американскому посольству! Скажи НЕТ американским фашистам!». Серьезные заявления сделали Дума и Совет Федерации. Российские ученые, целые научные коллективы слали в Югославию письма и телеграммы поддержки. С Заявлением выступили духовные лидеры традиционных религиозных объединений России — православия, ислама, иудаизма и буддизма. У мэра Москвы Ю.Лужкова родилась даже идея о создании Славянских комитетов в поддержку сербского народа, которую, правда, он так и не осуществил. Во многих городах составлялись списки добровольцев, готовых отправиться на Балканы защищать братьев-сербов. Командующий войсками Дальневосточного военного округа Виктор Чечеватов заявил, что готов возглавить любое формирование российских добровольцев или регулярных войск для помощи Югославии. В письме, направленном генерал-полковником Чечеватовым Президенту РФ, в частности, говорилось: «Бомбардировки Югославии могут оказаться в недалеком будущем всего лишь репетицией аналогичных ударов по России» (108).

В этой обстановке полного единодушия и под влиянием первого душевного порыва руководство России пошло на ряд серьезных мер — в Москву был отозван Главный военный представитель РФ при НАТО, приостановлены участие в программе «Партнерство во имя мира» и реализация программы партнерства Россия — НАТО, отложены переговоры об открытии военной миссии связи НАТО в Москве (74, с. 74–75). Б.Н.Ельцин заявил, что Россия развернет свои стратегические ракеты в сторону Запада, если не прекратятся бомбежки Югославии. Эти действия России несколько насторожили страны Альянса, но не смогли остановить начавшуюся агрессию. Скорее, Запад стал рассматривать варианты влияния на Россию, чем варианты урегулирования кризиса.

Агрессия длилась 78 дней. Экономический потенциал 19 самых развитых стран мира, участвовавших в этой акции, превышал югославский в 679 раз. Атакам подвергалась вся территория Югославии. В налетах принимали участие 1200 самолетов, в том числе 850 боевых, совершивших с территории Италии, ФРГ, Великобритании, Турции, Франции, Венгрии, а также с континентальной части США, по натовским данным, 35 тыс., а по российским данным, около 25 тыс. авиавылетов. Действия авиации поддерживала военно-морская группировка в составе трех авианосцев, шести ударных подводных лодок, двух крейсеров, семи эсминцев, 13 фрегатов. В Средиземном море находились четыре крупных десантных корабля с 10 тыс. морских пехотинцев на борту. Авиация НАТО нанесла 2300 воздушных ударов по 995 объектам. По территории Югославии выпущено более 3 тыс. крылатых ракет, сброшено около 25 тыс. т (по некоторым данным — 79 тыс.) взрывчатки (74, с. 144; 90, с. X1; 91; 92; 96).

Параллельно в отношении Югославии ряд международных организаций усиливали санкции. В конце апреля Совет Европейского союза принял решение в одностороннем порядке запретить поставки нефти и нефтепродуктов в СРЮ и призвал и другие страны также применять эти меры в отношении СРЮ. С началом агрессии, опять же

Бомбардировки НАТО

в одностороннем порядке, НАТО объявила запрет полетов гражданской авиации в воздушном пространстве СРЮ, БИГ, Македонии, Хорватии, нарушив принцип исключительного суверенитета государства над воздушным пространством над своей территорией, закрепленной в статье 1 Чикагской конвенции о международной гражданской авиации (105). Введенная блокада воздушного пространства позволяла натовцам полностью исключить любую помощь Югославии, обезопасить своих летчиков в небе над жертвой. 6 мая Совет Европейского союза принятием Совместной позиции и Постановления ввел «дополнительные ограничивающие меры против Союзной Республики Югославии», которыми в одностороннем порядке вводятся запреты и ограничения, напрямую угрожающие правам человека и свободам, имуществу, экономическим и другим интересам СРЮ и ее граждан, а также других стран и их интересам (103). США также в одностороннем порядке объявили о замораживании имущества Югославии на своей территории, призывали к тому, чтобы не допустить прием Югославии в международные финансовые организации.

В агрессии против СР Югославии НАТО использовала запрещенные военные средства и виды оружия, такие, как кассетные бомбы и необогащенный уран. Речь идет об особенно вредных и опасных для жизни и здоровья людей видах оружия, последствия которых гораздо хуже, бесчеловечнее и опаснее, чем у классических видов оружия. На территорию СР Югославии было сброшено 152 контейнера с 35 450 кассетными бомбами. В этих налетах только за период с 25 марта по 15 мая погибли 200 человек, и ранены более 450 (91; 97). Стране причинен огромный материальный ущерб. Уничтожены целые жилые кварталы, в том числе школы, больницы. Под прицелом НАТО оказались хозяйственные и производственные объекты, транспортная инфраструктура.

В агрессии против СРЮ НАТО использовала и снаряды с графитово-электромагнитной зарядкой. Они были сброшены на ТЭЦ «Обреновац», Костолян, Нови-Сад, Ниш, Байина-Башта, а также на сооружения электрохозяйства в Лайковаце, Реснике, Лештане и Бежанийска-Косе. В результате более 5 млн. жителей остались без электричества и воды.

Самолеты и крылатые ракеты стремились поразить военные объекты, вывести из строя Югославскую армию, разрушить мосты и дороги. Всего было разрушено 22 и повреждено 12 мостов, стерты с лица земли около 50 фабрик и заводов, повреждены восемь электростанций, семь железнодорожных вокзалов, шесть аэродромов, множество дорог, выведены из строя или разрушены 20 телетрансляторов и реле, большое количество теле- и радиовещательных станций. Полностью были уничтожены несколько тысяч квартир и частных домов, три телецентра, 17 больниц, 35 факультетов, 2 тыс. школ. Более полумиллиона граждан лишились работы в результате разрушения заводов и фабрик. 2 млн. людей были лишены основных средств на проживание (74, с. 144). В ряде городов были поражены центры для беженцев из Боснии и Хорватии.

Бомбовые удары кроме военных объектов были нацелены на памятники культуры, средневековые монастыри и святыни, национальные парки и заповедники, которые находились под защитой ЮНЕСКО: частично или полностью разрушены 18 православных и католических церквей и монастырей, в Джаковиче тяжело поврежден исторический памятник «Табачки мост» из IV в. н. э., Петроварадинская крепость, Дурмиторский национальный парк, и многие другие. Пострадали несколько десятков культурных памятников в Косове и Метохии: патриархия в Пече XIII в.,

мечеть Байракли в Пече XV в., церковь Левицкой Богоматери XIV в., Святоархангельский монастырь в Горне-Неродимле XIV в., мечеть Синан-Паша в Призрене XVII в., монастырь Грачаница XIV в. и другие (94).

В результате агрессии подлинная гуманитарная и экологическая катастрофа охватила всю Европу. НАТО осуществляла преднамеренное разрушение химически опасных объектов, в частности аммиачного полимерного производства. В результате облака сильнодействующих ядовитых веществ распространились на значительные территории. Количество диоксинов в воздухе, которые имеют свойство накапливаться в организме человека, уже в конце мая достигало очень опасной концентрации $5 \times 10(-10)$ миллиграмма на один литр воздуха (98). Тысячи жителей Югославии были вынуждены обращаться за медицинской помощью в результате отравления газом, вызванного бомбардировкой объектов химической и фармацевтической промышленности в Югославии. Уничтожение нефтеперерабатывающих производств и их возгорание приводило к выделению значительного количества углеводородов, среди которых наиболее опасным является бензоперен. Облака зараженного этим веществом воздуха достигали границ Румынии, Болгарии и частично Чехии. Под угрозой оказались Дунай и Сава, Черное, Адриатическое и Средиземное моря. В результате использования боеприпасов с обедненным ураном, увеличилось заболевание лейкомией и аномалиями у новорожденных (92). Газообразные продукты сгорания истощали озоновый слой, вызывали загрязнение почвы, сельскохозяйственных земель и водных путей. Пострадали и соседние страны. Например, 26 мая американский самолет-заправщик, готовясь к вынужденной посадке, на высоте 3500 метров «слил» около 50 тыс. л авиационного топлива над территорией национального парка Хортобадь в Венгрии. Часть рассеянного в воздухе керосина была отнесена ветром на юг и осела вместе с атмосферными осадками на территории соседней Румынии (96; 92).

В результате агрессии погибли 2 тыс. гражданских лиц, около 7 тыс. получили ранения, 30% из них — дети. Материальный ущерб Югославии составил более 2 00 млрд. долл.

Североатлантический альянс, по разным данным, потерял 34 (61) самолета, семь вертолетов, 25 (30) беспилотных самолетов и 238 крылатых ракет (96; 95). Российские данные о потерях блока НАТО тоже колеблются: 29–65 самолетов, 4–10 вертолетов, 15 беспилотных летательных аппаратов, 200–300 крылатых ракет (92). Руководители НАТО скрывали данные и о людских потерях в своих рядах. По сведениям российского ГРУ, общая цифра потерь может достигать 400 человек, из которых более 250 — американские военнослужащие частей специального назначения (92). Согласно данным германского Дойче Банка, расходы блока только за первый месяц бомбардировок составил как минимум 4,5 млрд. долл., а за все время бомбардировок — 10–15 млрд. долл. (101). Прямые военные расходы Америки составили около 1,7 млрд. долл. (74, с.145).

По данным Югославской армии, она потеряла 161 человек убитыми, 299 человек было ранено. Потери в технике были незначительными, если учесть, какая сила обрушилась на Югославию: 13 танков, шесть бронетранспортеров, восемь артиллерийских орудий, 19 зенитных установок, один радар (95). По другим данным, сербы потеряли 26 танков, 40 самолетов, 18% комплексов ПВО, погибли около 500 военных (92). Но в любом случае, эти потери следует считать минимальными. Югославская армия сохранила свой боевой потенциал.

Бомбовые удары вызвали лавину беженцев из Косова. В 1998 г. во время военных столкновений между боевиками и Югославской армией территорию края покинули 170 тыс. человек, главным образом, женщины и детей. С началом агрессии НАТО, т.е. после 24 марта, по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, 790 тыс. этнических албанцев, 100 тыс. сербов, а также цыгане, адыгейцы, мусульмане стали беженцами. Большая часть албанцев уходила в Македонию и Албанию. Но часть из них нашли убежище в Сербии и Черногории (74, с. 144).

Агрессия США и НАТО против СР Югославии вызвала перемещение внутри страны более 1 млн. людей, оставивших свои дома либо потому, что их разрушили в результате бомбардировок, либо из-за опасений за свою и жизнь своих семей. Из Косова и Метохии в Серию и Черногорию бежало около 250 тыс. человек. Среди них были и беженцы из Хорватии и Боснии, которым только-только удалось наладить жизнь в этом крае. Всего в СРЮ находилось более 600 тыс. беженцев из Боснии и Герцеговины и Хорватии, которые нуждались в гуманитарной помощи. Эта уязвимая категория населения до этого уже пережила несколько бомбардировок в Боснии и Хорватии (99).

НАТО и США, отказавшись от переговорного процесса, продолжали настаивать на выполнении С. Милошевичем ультиматума, который предполагал вывод Югославской армии из края, ввод туда войск Альянса и возвращение беженцев. Однако военный путь решения проблемы расширения автономии Косова, предложенный западными странами, оказался нерезультативным. Мировое сообщество вынуждено было искать новые варианты урегулирования кризиса в Косове. Лидером разрешения конфликта на основе переговоров стала Россия.

С начала натовских бомбардировок территории Югославии Россия активно включилась в процесс политического и дипломатического урегулирования кризиса. Россия в первую очередь поддержала Югославию дипломатическими средствами. 26 марта по требованию России состоялось официальное заседание Совета Безопасности. На нем, как отмечалось в сообщении МИДа, ряд членов СБ проявили «натовскую солидарность», поэтому проект России и Индии, осуждающий грубое нарушение Устава ООН и агрессию НАТО, не прошел. Но министр иностранных дел РФ И. Иванов был удовлетворен и тем, что удалось продемонстрировать единство таких стран, как Россия, Китай и Индия, показать, что «незаконную военную авантюру отвергло более половины населения планеты» (74, с. 85). Это агрессорам не понравилось, наоборот, они поняли, что могут продолжать начатое и без Совета Безопасности.

В первые дни агрессии Москва была активна и впервые естественна в своем поведении, в выборе средств, в попытке противостояния НАТО:

- Россия назвала действия Альянса агрессией и осудила их;
- заморозила отношения с НАТО, выслала из страны ее представителей;
- инициировала заседание Контактной группы;
- подготовила проект резолюции, призывающий к прекращению боевых действий в Югославии, в Комиссии ООН по правам человека, впервые перевела в международно-правовую плоскость проблему индивидуальной ответственности стратегов НАТО и исполнителей их приказов за нарушения прав человека и, прежде всего, права на жизнь, заявив о необходимости предания виновных суду;

- выступила посредником в отстаивании интересов Югославии;
- вела активные дипломатические переговоры;
- поддержала присоединение Югославии к Союзу России и Белоруссии;
- провела учения Черноморского, Северного и Дальневосточного флотов;
- послала один разведывательный корабль в Адриатику;
- разработала планы военной поддержки Югославии;
- оказала Югославии гуманитарную помощь.

Активную позицию заняла Русская православная церковь. Священный Синод Русской православной церкви принял Воззвание, в котором осудил кровопролитие на сербской земле, Патриарх Алексий II 25 марта сделал Заявление, призвав христиан к миру, выразив надежду, что «меч, занесенный над пока еще свободными людьми Югославии, остановится» (106). Алексий II с миссией мира посетил 20 апреля Белград и вместе с Патриархом Сербским Павлом совершил литургию в соборе Святого Савы Сербского. Российские парламентарии приняли несколько постановлений, осуждающих агрессию, призывающих руководство России принять более жесткие меры в отношении агрессора. Главе государства и председателю правительства предложено было направить в СРЮ военную миссию. В Думе неоднократно проходили слушания по проблеме Косова и Югославии.

События на Балканах были серьезно восприняты российскими военными. Министр обороны маршал Сергеев, выступая перед слушателями Военной академии, заявил, что события на Балканах заставляют Россию внести изменения в военную доктрину. Прежде всего, упор будет сделан на «поддержание высшей степени боеготовности сил ядерного сдерживания и развитие войск противовоздушной обороны» (107). Россия заявила о возможных с ее стороны «адекватных ответных мерах военного характера». На Тихоокеанском флоте прошли учения и были произведены ракетные пуски из надводного и подводного положений, артиллерийские и торпедные стрельбы. Военные начали обсуждать возможности передислокации российского ядерного оружия, выхода из режима санкций ООН. В начале апреля турецкий Генштаб получил уведомление российского МИДа о проходе пролива Босфор с 8 по 15 апреля отрядом из восьми кораблей Черноморского флота, направляющимся в Адриатику. Они должны были показать американскому флоту, дислоцированному у берегов Черногории, присутствие России на Балканах. Но военные ждали политического решения президента. Заявка была продлена на период с 15 по 22 апреля. Политического решения не последовало. В Адриатическое море прибыл лишь российский корабль-разведчик «Лиман». Это было началом свертывания политики противостояния России и НАТО.

Еще нет документов, которые могли бы пролить свет на процесс принятия решения об изменении российской политики, поэтому нам приходится только констатировать, что через две недели после начала агрессии против Югославии российские СМИ сменили тон и направление информации, в Москве и других городах запретили митинги около посольств западных стран, все активнее стала внедряться в умы россиян идея о том, что Россия не должна быть втянута в войну, на что ее толкают патриоты и Югославия. Вся деятельность российской дипломатии была пронизана призывами к политическому урегулированию кризиса и скорейшему окончанию налетов авиации НАТО на территорию суверенной Югославии. Но этих призывов никто не слушал, а

конкретных действий от России никто так и не увидел. В итоге оказалось, что в целом позиция России вновь оказалась попустительской. Она не смогла противостоять НАТО, чем сделала свою собственную безопасность достаточно уязвимой.

Связь между событиями на Балканах и Россией прослеживалась достаточно четко. Это особенно видно, если мы поставим вопрос, в чем состояли национальные интересы России?

1. Не допустить повторения югославского варианта на своей территории. Запад пытается осуществить свое видение демократии и федеративных отношений, дает рекомендации по совершенствованию управления страной, тратит большие деньги на то, чтобы влиять на политические партии и смену руководства. Теперь эти усилия могут подкрепляться боевой мощью НАТО. И она может быть направлена против России. Россия как многонациональное федеративное государство должна опасаться балканского варианта взаимоотношений с НАТО. Ибо завтра нам могут предложить предоставить особый статус Кавказу или Сибири, что поставит под вопрос территориальную целостность России.

2. Не допустить приближения НАТО к своим границам любыми средствами. Если бы мы остановили НАТО в Боснии и Герцеговине, то не было бы Косова. Если мы не смогли остановить наступательные действия НАТО в Югославии, то следует ожидать их около российских границ.

3. События в Косове давали России возможность укрепить упавшее при А.Козыреве влияние России в системе международных отношений, которым она не воспользовалась.

С началом ракетно-бомбовых ударов по территории Югославии казалось, что Россия заняла активную позицию, но выдержать последовательный и твердый курс так и не смогла. На протяжении только двух самых трудных для Балкан месяцев позиция России менялась неоднократно. Высшее руководство страны в своих действиях было неуверенным, колебалось. Сначала это была, правда, непоследовательная, попытка проявить самостоятельность, не выходящую за рамки послушности, и даже робкая угроза силой. Так, в октябре прошлого года, когда воздушные удары по Югославии были делом решенным, российские военные и премьер Е.Примаков сделали ряд резких заявлений. С ударами пришлось повременить. В феврале в Рамбуйе Б.Майорский посмел выразить «особое мнение» и не стал прикрывать ложь и подмену документов своих коллег по переговорам. Затем российская дипломатия изменила тактику и, пока Югославию бомбили, «утоваривала» натовцев осознать неуманность своих действий, осуществляя челночную дипломатию. А закончилось все тем, что Россия выступила в роли инструмента давления и запугивания Югославии по натовскому варианту. Это могло быть только потому, что политическая воля к принятию решения у высшего руководства России отсутствовала. А воля отсутствовала потому, что западные партнеры, спохватившись, приложили максимум усилий, чтобы вернуть Москву в привычное для них русло, используя свои средства экономического и политического давления. Даже Е.Примаков, возмущаясь агрессией, не смог сделать решительный шаг, когда того требовали обстоятельства. Примерно через месяц после начала бомбардировок представители российских деловых кругов и политиков просили премьер-министра разрешить поставить в Югославию оружие для защиты от агрессора, но Е.Примаков ответил, что не будет ссориться с Западом из-за Югославии и нарушать резолюцию Совета Безопасности.

На наш взгляд, надо было: разработать поэтапный план внешнеполитической стратегии России на Балканах; объявить российский план урегулирования ситуации в Косове, включая тактические шаги; разработать концепцию отношений с НАТО; создать при Президенте РФ постоянно действующий рабочий орган, принимающий решения по Югославии (президент, специальный представитель, председатель правительства, представитель парламента, руководители силовых структур). Позиция представителей России в переговорном процессе должна была иметь свои рамки и границы дозволенного, т.е. должны были быть определены принципы, от которых нельзя было отступать: прекращение бомбовых ударов как условие начала переговоров, отказ от ультиматума руководству Югославии, участие ООН или ОБСЕ в процессе принятия решений.

14 апреля президент России назначил своим представителем по урегулированию ситуации вокруг СРЮ Виктора Черномырдина. Газета «Коммерсантъ» писала: «Это не только свидетельство недовольства Ельцина балканской политикой правительства и МИДа. Президент дал понять, что намерен покончить с курсом на конфронтацию с Западом» (110). А накануне президент сделал строгое внушение министру обороны Игорю Сергееву, начальнику Генштаба Анатолию Квашнину и его заместителю Юрию Балуевскому за чересчур воинственные заявления военных. Почувствовал изменение отношения к себе и премьер-министр Евгений Примаков. Выбор президента пал на В.Черномырдина, вероятно, потому, что его кандидатура устраивала Запад: он был против того, чтобы Москва «бряцала оружием», соглашался быть посредником, «чтобы остановить этот кровавый процесс» (110). Получив назначение, В.Черномырдин дал понять, что основной диалог будет вести не с Белградом, а с Вашингтоном. Но получилось все-таки так, что на уступки пошли не США, а Белград, которому В.Черномырдин, как и все остальные, стал предъявлять ультиматумы.

Назначение В.С.Черномырдина представителем президента по урегулированию ситуации вокруг СРЮ играло на руку НАТО и США, поскольку означало: отеснение профессиональной дипломатии на второй план; осуществление цели разбить единство усилий всех российских структур власти; использование фактора времени: НАТО, благодаря затягиванию процесса переговоров, смогла выполнить большую часть своего плана воздушных ударов. Ведь В.Черномырдину понадобилось много времени, чтобы, по его же словам, «глубоко вникать в проблему, думать, советоваться...» (110). И, наконец, назначение показало Америке, что Россия противостоять планам НАТО не будет.

Виктор Степанович хорошо справился с отведенной ему ролью — он разъяснил сербам, что Россия не будет ссориться с Западом ради Югославии, что им не стоит ожидать помощи, пообещав лишь участие в миротворчестве... И, выдержав 72 дня бомбежек, принесших тысячи жертв и миллиардные разрушения, С.Милошевич согласился с «принципами для содействия урегулирования кризиса в Косове (план мирного урегулирования)», предложенными Президентом Финляндии Марtti Ахтисаари, представлявшим Европейский союз, и Виктором Черномырдиным. План был выработан в Бонне на встрече В.Черномырдина, М.Ахтисаари и С.Тэлботта. План включал в себя десять принципов, которые начинались с «немедленного и поддающегося проверке прекращения насилия и репрессий в Косове» (111). Таким образом, Югославия обвинялась в репрессиях, а действия НАТО приобретали закон-

ную силу. Из края Югославия должна была вывести всех военных, полицейских и военизированные силы в ускоренном режиме. В Косове разворачивались международные силы безопасности и силы гражданского присутствия. Предполагалось создание временной администрации для края и предоставление ему «существенной автономии в рамках СРЮ». 3 июня Скупщина Сербии проголосовала за документ, рассматривая его как план мира, который подтверждает территориальную целостность и суверенитет Югославии. Однако даже этого было недостаточно, чтобы наводцы остановили удары по территории СРЮ. В тот же день министр обороны Великобритании Джордж Робертсон заявил, что «резолюция парламента недостаточна, чтобы убедить косовских беженцев вернуться в места своего постоянного проживания» (114). НАТО праздновала победу и продолжала наносить бомбовые удары по территории Югославии. В Черномырдин не смог выполнить основного условия, которое было определено Президентом России: прекращение бомбовых ударов как условие начала переговоров. Европа прощалась с системой международного права. Россия делала вид, что смогла принести мир на территорию Югославии и пыталась вернуть ООН прежнюю роль в процессе урегулирования межнациональных конфликтов.

Последствия договора, который подписала Югославия под давлением В.С.Черномырдина, следующие:

1. Агрессия приобрела законную силу, так как не получила осуждения.
2. Югославия признана виновником кризиса в Косове.
3. НАТО и ее политика укрепили свои позиции, доказав эффективность ультиматумов и наказания.

В Черномырдин торопился. 3 июня из Белграда он связался по телефону со Струбом Тэлботтом и «настоятельно предложил в самые ближайшие дни направить в Белград... группу военных НАТО для реализации совместно с югославскими и

Расположение войск
НАТО
в Косове

российскими военными представителями уже одобренного плана по Косову» (114). Уже 9 июня между представителями НАТО и СРЮ было подписано военно-техническое соглашение о процедурах и режиме вывода из Косова сил безопасности СРЮ. Правительства СРЮ и Республики Сербии согласились с тем, что Международное присутствие по безопасности в Косове (КФОР) будет расположено на территории Косова и будет содействовать безопасности всего населения края. Договор установил «воздушную зону безопасности» шириной 25 км вне границ/территории Косова. Определена была и «наземная зона безопасности» как зона шириной 5 км вне границ/территории Косова, заходящая внутрь «остатка территории СРЮ». Военные силы СРЮ должны были в короткий срок 11 дней выйти с территории края. Лишь 19 июня НАТО приостановила «воздушные операции», а 20 июня приняла решение об их прекращении (115; 116).

10 июня Совет Безопасности проголосовал за Резолюцию 1244, которая постановила, что политическое урегулирование косовского кризиса будет основываться на договоренностях министров иностранных дел Группы 8 от 6 мая 1999 г., на документе, предложенном Ахтисаари и Черномырдиным, а будущий статус Косова будет определяться, «принимая во внимание соглашения в Рамбуйе» (109). Совет Безопасности подтвердил свою приверженность суверенитету и территориальной целостности Союзной Республики Югославии, необходимости создания реального самоуправления для Косова. Резолюция потребовала, чтобы СРЮ немедленно прекратила насилие и репрессии в Косове, начала вывод войск по ускоренному графику. Параллельно будет развергиваться в Косове международное гражданское присутствие и присутствие по безопасности с необходимым персоналом и снаряжением. Резолюция требовала, чтобы «ОАК и другие вооруженные группы косовских албанцев немедленно прекратили все наступательные действия и выполнили требования в отношении демилитаризации, устанавливаемые руководителем международного присутствия по безопасности», и предполагала «демилитаризацию Освободительной армии Косова (ОАК) и других вооруженных групп косовских албанцев» (109). Резолюция подтверждала, что позже согласованному числу югославского и сербского военного и полицейского персонала будет разрешено вернуться в Косово для выполнения определенных функций. Ни один из документов не гарантировал возобновление деятельности союзных органов на территории Косова. Предполагалось, что в крае будет создана временная администрация как часть «международного гражданского присутствия, под управлением которой население Косова сможет иметь существенную автономию в рамках Союзной Республики Югославии». Временная администрация «будет обеспечивать руководство в течение переходного периода, одновременно обеспечивая и контролируя создание временных демократических органов самоуправления в целях создания условий для налаживания мирной и нормальной жизни для всех жителей Косова» (109). Рамки переходного периода никто не определил.

Резолюция Совета Безопасности 1244 стала показателем деградации некогда сильной международной организации — ООН. Главным ее недостатком стало то, что она легализовала (оправдала) действия альянса, осудив лишь Союзную Республику Югославию за «насилие и репрессии в Косове». Ее значение проявилось в том, что нагловцы вообще не обращали на нее внимание. В ней говорилось о «международном присутствии» под эгидой ООН, а они начали осуществлять свой ранее раз-

работанный план наземной операции. Резолюция предполагала лишь «участие Организации Североатлантического договора» под «объединенным командованием», а генералы разбили весь край на сектора для своих войск и не оставили места для других стран — не членов НАТО. Ничто не напоминало миротворчество. Вместо «голубых беретов» — стальные каски, вместо легкого оружия — танки, самолеты, вертолеты, ракеты. Вместо разоружения ОАК — ее поощрение к мести, к контролю над всей территорией. Россия в резолюции не упоминалась. Места российским военным в планах НАТО не отводилось.

И вот тут становится ясно, что поступок наших двухсот десантников, примчавшихся в Косово незванными, — не безумие и не авантюра, а попытка задержать агрессора на дальних подступах, не дать ему двинуться дальше на север, оккупировать всю страну. Россия этим актом хотела привлечь внимание всего мира к проблеме роли Организации Объединенных Наций, пыталась восстановить престиж этой организации, ее дееспособность, вернуть мир на рельсы международного права. Участие России и других стран — не членов Альянса в миротворческой операции под флагом ООН могло замедлить осуществление планов НАТО установить новый миропорядок под своей эгидой. Однако все та же непоследовательность, политическое безволие не позволили увеличить контингент российских миротворцев в Косове, и России пришлось довольствоваться тем местом, которое ей отводили США в разработанном плане Альянса оккупации Косова. В подписанном в июне 1999 г. министрами обороны США и России соглашении о российском участии в силах КФОР предусматривалось «участие одного-двух российских батальонов в американском секторе, действующих в Косовской-Каменнице. Кроме того, США будут рекомендовать, чтобы НАТО согласилась на участие российских сил в составе сил КФОР, развернутом в немецком и французском секторах». Общая численность российского присутствия ограничивалась 3616 солдатами и офицерами. Российскому руководству отводилась лишь роль контроля над контингентом в Косове, в то время, как вступал в силу «принцип единого командования» НАТО.

Вывод Югославской армии из Косова, который осуществлялся под контролем НАТО, не принес мира на его территорию. Возвращение в край Освободительной армии Косова, последовавший с молчаливого согласия альянса, вызвал поток сербских беженцев, численность которых уже в середине июня достигла 80 тыс. Боевики, не желавшие разоружаться, начали преследование сербов, вновь напомнили свою главную цель — отделение от Югославии. Резолюцию 1244 вспоминали все реже, а нарушали все чаще.

Ситуацию в Косове п Метохии в последующие месяцы характеризовали повседневный террор, преступления, массовые нарушения прав человека и этническая чистка сербов, мусульман, цыган, горанцев, турок, египтян. Так называемая ОАК и другие вооруженные албанские банды не были демилитаризованы, разоружены, и расформированы. Край превращен в рекрутский центр террористов, базу организованной международной преступности, контрабанды наркотиков, оружия, работорговли и отмывания денег. За год присутствия миротворцев в Косове совершено 5 тыс. терактов, более чем 1 тыс. человек убиты и более 960 похищены, разрушены более 85 средневековых религиозных объектов и памятников истории и культуры, 350 тыс. неалбанского населения покинули край; государственную границу СРЮ пересекли

и прибыли в край более 250 тыс. иностранцев, преимущественно граждан Албании и Македонии. «Миротворческая» миссия НАТО по налаживанию многоэтнической, многоконфессиональной и многокультурной жизни в Косове и Метохии не увенчалась успехом. Противоречило Резолюции 1244 намерение провести регистрацию населения и организовать местные выборы в то время, когда сербы в большинстве своем покинули край.

Миссия ООН по временной администрации в крае (МООНВАК) не смогла обеспечить личную и имущественную безопасность и равноправие всех граждан, игнорировала законы Республики Сербии и СРЮ, не контролировала международные границы СРЮ с Албанией и Македонией, отказывает в возвращении в Косово и Метохию представителям Армии Югославии и МВД.

Пробуксовка миротворческой деятельности в Косове, которую мы наблюдали, связана с тем, что наговыцы готовились не к миротворчеству, а к проведению военной наступательной операции, им важно не урегулировать ситуацию или восстановить мирную жизнь, а осуществить свои цели — сделать территорию Югославии послушной, управляемой.

Попытка свести роль России на Балканах к минимуму стала реальностью, благодаря отсутствию единства в руководстве страны, непоследовательности в принятии решений, постоянной отяжке на США при выработке стратегии и тактики. К сожалению, понимание национальных интересов приходит к нам слишком медленно, неуклюже. Внешнеполитическое ведомство лишено стабильности, а внешнеполитическая концепция до сих пор основательно не разработана. И это в условиях, когда наступил момент прощания с международным правом, со сложившейся системой международных отношений, когда интересы России сегодня должны сконцентрироваться в одной точке — в сохранении независимости и территориальной целостности страны.

Список источников и литературы

1. Терзич С. Историческая подоплека событий в Косово и Метохии // *Обозреватель*. — М., 1998. — № 10. — С. 37–41.
2. Ляуха И. Эволюция проблемы Косовы и ее современное состояние: Автореф. дис. канд. полит. наук. — М., 1994. — 24 с.
3. Валец Э.Б. Югославский клубок // *География*. — М., 1996. — № 13. — С. 2–4.
4. Преписка о арбанским насиљима у Старој Србији 1898–1899 = Documents diplomatiques: Correspondance concernant les actes de violence et de brigandage des Albanais dans la Vieille-Serbie (Vilayet de Kossovo) 1898–1899 / Министерство иностранных дел. — (Репринт изд.). — Белград: «Никола Пашич», 1899 = Белград: Драслар Партнер, 1998. — 145 с.
5. Письмо Э.Ходжи в ЦК ВКП(б) о предьстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // *Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953*. Т. II. 1949–1953. — М. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. — 1004 с.
6. Джилас М. Лицо тоталитаризма. — М.: Новости, 1992. — 544 с.
7. *Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953*. Т. I. 1944–1948. — М. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. — 986 с.
8. Avramov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. — *Veternik*: LDI, 1997. — 460 s.
9. Велика Албанија: замисли и могуће последице. — Белград: Инст. за геополит. студије, 1998. — 64 с.

10. Глпгоријевић Б. Југословенски национализам и комунизам (большевизам) као дезинтеграционни фактори // Европа и Срби. — Београд: Историјски инст. САНУ, 1996. — С. 501–510.
11. Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu: Grafički prikaz statistike stanovništva. — Beograd, 1988. — 172 s.
12. Целеговић Иљанов П. Ко су и шта хоће Шингтарн. — Београд: Ботавац, 1998. — 208 с.
13. Автономный край Косово и Метохия: Факты. — Белград: Союзный секретариат по информации, 1998. — 126 с.
14. Bulatović Lj. Prizrenski proces. — Novi Sad, 1987. — 230 s.
15. Јевтић Атанасије, јеромонах. Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990. — Приштина: Јединство, 1990. — 469 с.
16. Агаић Ф. Интервју... // Интервју. — Београд, 1996. — 19 јан. — Бр. 374. — С. 21–28.
17. Џосја Р. Гандијевој пут удаљава од циља // Monitor. — Београд, 1994. — 2 септ. — С. 12–14.
18. Херцеговић Ф. Нећемо дозволити да Титово и наше дело нико угрожава // Борба. — Београд, 1981. — 13 мај. — С. 6.
19. Хисени Х. Интервју... // Интервју. — Београд, 1994. — 5 авг., бр. 341. — С. 26–31.
20. Игити Ж. Косово и Метохија (1981–1991): Увод у југословенску кризу. Дневник. — Приштина, 1996. — Књ. 1. — 366 с.
21. Bakarić V. Stabilizacija instrument društvenih odnosa za budućnost // Vijesnik — Zagreb, 1982. — 1/3 јан. — С. 2.
22. Шеснаеста седница Централног комитета СКЈ: Косово одређује будућност СФРЈ // Комунист. — Београд, 1988. — 5 авг. — Г. 46, бр. 1633. — С. 6.
23. Šušar S. Svi naši nacionalizmi. — Valjevo, 1986. — 327 s.
24. Bilandžić D. Historija Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. — Zagreb: Školska knjiga, 1979. — 463 s.
25. Пашић Н. Косово између страха и наде // НИН. — Београд, 1996. — 16 авг., бр. 2381. — С. 55–57.
26. Most Radija Slobodna Evropa: Inicijativa o specijalnom statusu Kosova // Naša borba. — Beograd, 1997. — 13/14 dec. — S. IV / V.
27. Јанић Д. Прилог гасправи о узроцима и облицима испољавања национализма у СРС // Savez komunista u borbi protiv antisocijalističkih delovanja i antikomunističkih ideologija. — Београд, 1986. — С. 100–110.
28. Jugoslavija na kriznoj prekretnici. — Beograd: Inst. društ. nauka, 1991. — 335 s.
29. ИТАР-ТАСС. Службени вестник информации из социјалистических страна. Серия «СО». — М., 1982. — 28 мај. — С. 19.
30. Марковић М. Problem Kosova // Srpsko pitanje. — Beograd: Politika, 1991. — S. 207–223.
31. Социјалистическа Федеративна Република Југославија. — М.: Наука, 1985. — 320 с.
32. ТАНЈУГ — пола века. — Београд: ТАНЈУГ, 1993. — 297 с.
33. Jugoslovenski program o Kosovu // Jugosl. pregled. — Beograd, 1987. — G. 31, br. 11/12. — S. 494–504.
34. Коматина Б. Југословенско — албански односи 1979 — 1983: Белешке и сећања амбасадора. — Београд: Службени лист СРЈ, 1995. — 412 с.
35. Коматина М. Енвер Хоџа и југословенско — албански односи. — Београд: Службени лист СРЈ, 1995. — 159 с.
36. Документ ООН. A/51/665; S/1996/931.
37. Радовановић Ј. Факултет у гаражи, пракса у Истанбулу // Наша борба. — Београд, 1995. — 24 нов. — С. 12.
38. Школство на Космету // НИН. — Београд, 1994. — 30 септ. — Бр. 2283. — С. 26–28.

39. Šaponja-Hadžić M. Čovek s evropskom šalom // Naša borba. — Beograd, 1994. — 13/14 dec. — S. VII.
40. Budžovi Jusuf. Intervju... // Borba. — Beograd, 1994. — 17 avg. — S. 14.
41. Od izbornih rituala do slobodnih izbora. — Beograd: Inst. društ. nauka, 1991. — 343 s.
42. Kovačević S., Dajić P. Hronologija jugoslovenske krize 1942-1993. — Beograd: IES, 1994. — 284 s.
43. Represija nad albancima na Kosovu. Dokumenti // Naša borba. — Beograd, 1994. — 24 dec. — S. 7.
44. Милићин Ш. Време Ругове // НИИ. — Београд, 1994. — 12 авг. — Бр. 2276. — С. 24–25.
45. British, French and Portuguese Delegation. Report of the visit. Рукопись.
46. Ibrahim Rugova povodom Holbrukove izjave i navodnoj Miloševićевој «ponudi» // Borba. — Beograd, 1994. — 10 maj. — S. 12–13.
47. Variaktarević R. Trougao sa dva tupa ugla // Borba. — Beograd, 1994. — 25/26 jun. — S. IX.
48. Барјактаревић Р. Судар двеју конфедерација. — Борба. — Београд, 1994. — 28 септ. — С. 14.
49. Vlasit A. Nojev refleks srpske vlasti // Naša borba. — Beograd, 1997. — 13/14 dec. — S. II / III.
50. Симеуновић Д. Распрострањена појава // Војска. — Београд, 1998. — 7/14 мај, бр. 23. — С. 6–11.;
51. Митјалковски М. Насилје терориста неће проћи // Там же. — С. 20–24.
52. Čosić D. Govor sa sednice CK SK Srbije // Nedeljni telegraf. — Beograd, 1998. — 1 apr. — S. 28–31.
53. Krstić B. Dva prava — ista teritorija // Borba. — Beograd, 1994. — 22 sept. — S. 11.
54. Тошић Д. Интервју... // Интервју. — Београд, 1994. — 5 авг. — Бр. 341. — С. 24–25.
55. Agani F. Intervju. // Vreme. — Beograd, 1994. — 16 maj. — N 186. — S. 22–23.
56. Jovičić M. Rešenje sa dvodomnom skupštinom // Naša borba. — Beograd, 1997. — 17 jun. — S. 8.
57. Bulajić J. Švajcarski recept za Kosovo i Metohiju // Blic. — Beograd, 1999. — 8 mart. — S. 3.
58. Sporazum u rezoluciju SB // Blic. — Beograd, 1998. — 16 okt. — S. 3.
59. Хлестов О.Н. Если по Югославию нанесут удар // Независимая газета. — М., 1998. — 24 окт. — С. 5.
60. Ивашов Л.Г. Вашингтонская стратегия НАТО // Военно-исторический журнал. — М., 2000. — № 1. — С. 3–5.
61. Ивашов Л. Экономические аспекты Балканской войны // Наш современник. — М., 1999. — № 8. — С. 117.
62. Кратко о НАТО: Информативный обзор вопросов и проблем, стоящих перед Североатлантическим союзом в конце 90-х годов. — Брюссель: Бюро информации и печати НАТО, 1996. — С. 54.
63. Документ ООН. S/23280.
64. Ермолович Н. Самолеты НАТО готовы нанести удар по позициям боснийских сербов // Известия. — М., 1993. — 20 авг. — С. 3.
65. Izveštaj delegacije vlade Republiki Srbije o razgovorima vođenim na sastancima u Rambujeu i Parizu radi utvrđivanja sporazuma o suštinskoј samoupravi na Kosovu i Metohiji // Politika. — Beograd, 1999. — 24 mart. — S. 1.
66. Паклин Н. Делят шкуру неубитого медведя // Российская газета. — М., 1999. — 11 марта. — С. 7.
67. Vlada bez izlaza // Blic. — Beograd, 1999. — 5 mart. — S. 2; Nismo mi naivni. — Ibid. — S.5; Ne prihvatamo oterpljenje. — Ibid.
68. Козырев А.В. «Преображение или кафкианская метаморфоза»: демократическая внешняя политика России и ее приоритеты // Независимая газета. — М., 1992. — 20 авг. — С. 1,4.
69. Примаков Е. Интервью... // Известия. — М., 1996. — 6 марта. — С. 3.
70. Примаков Е. Интервью... // Известия. — М., 1996. — 9 авг. — С. 3.

71. Примаков Е.А. Россия в мировой политике // Кандлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. — М.: МИД РФ, 1998. — С. 9–16.
72. Вестник ИТАР-ТАСС. — М., 1993. — 26 февраля.
73. Примаков Е.М. Интервью // Независимая газета. — М., 1998. — 30 мая. — С. 6.
74. Югославия на пороге 2000 года: Документы, факты, свидетельства, мнения. — М.: РИА «Новости», 1999. — 209 с.
75. Документ ООН. E / CN.4 / Sub.2 / 1996 / L.4
76. Примаков Е.М. Годы в большой политике. — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. — 448 с.
77. Документ ООН. A / 54 / 187, S/ 1999 / 846.
78. Документ ООН. A / 53 / 115, S/ 1998 / 365.
79. Документ ООН. S/RES/1160 (1998).
80. Документ ООН. S/RES/1199 (1998).
81. Документ ООН. S/RES/1203 (1998).
82. Документ ООН. S/1998/991.
83. Документ ООН. S/1999/24.
84. Документ ООН. S/1999/51.
85. Документ ООН. S/1999/56.
86. Документ ООН. A/53/87.
87. Документ ООН. S/1999/292.
88. Документ ООН. S/1999/314.
89. Документ ООН. S/1999/320.
90. Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. Т. 1. 24 марта-24 апреля 1999. — М. — Белград, 1999. — 432 с.
91. Документ ООН. E/1999/98
92. Шурыгин В. Урок агрессору // Завтра. — М., 2000. — № 19 (336). — С. 4.
93. Документ ООН. S/1999/458
94. Документ ООН. S/1999/377
95. Pavković N. Izvršeni svi zadaci // Borba. — Beograd, 1999. — 13 jun.
96. ИТАР-ТАСС, 1999. — 16 июня // www.tass.ru.
97. Меморандум о применении негуманного оружия в натовской агрессии против СР Югославии (Белград, 15 мая 1999 года) // Информационный бюллетень Посольства Союзной Республики Югославии. — М., 1999. — 17 мая. — № 80.
98. ИТАР-ТАСС, 1999. — 29 мая // www.tass.ru.
99. Информационный бюллетень Посольства Союзной Республики Югославии. — М., 1999. — 26 мая. — № 84.
100. Митинги, протесты, сожжение американских флагов: Реакция российской провинции на агрессию НАТО // Независимая газета. — М., 1999. — 27 марта. — С. 4.
101. Цена балканской войны // Российская газета. — М., 1999. — 23 июля. — С. 3.
102. Общественное мнение в России о событиях в Косове. — М.: Центр международных социологических и маркетинговых исследований, 1999. — Рукопись.
103. Информационный бюллетень Посольства Союзной Республики Югославии. — М., 1999. — 16 мая. — № 79.
104. Документ ООН. S/1999/317.
105. Документ ООН. S/1999/344.
106. Алексей, Патриарх Московский и Вся Русь. Воззвание в связи с вооруженной акцией против Югославии. 25 марта 1999 г. — Рукопись.

107. Ермолин В. Балканский поворот военной доктрины России // Известия. — М., 1999. — 23 апр. — С. 1.
108. Командующий Дальневосточным округом готов отправиться на помощь Югославии // Известия. — М., 1999. — 26 марта. — С. 1.
109. Документ ООН. S/RES/1244(1999).
110. Наш человек в Косове: Ельцин назначил Черномырдина параллельным премьером // Коммерсантъ. — М., 1999. — 15 апр. — С. 1.
111. Документ ООН. S/1999/649.
112. Документ ООН. S/1999/516.
113. Документ ООН. S/1999/682.
114. ИТАР-ТАСС, 1999. — 3 июня // www.ias.ru.
115. Документ ООН. S/1999/663.
116. Документ ООН. S/1999/702.
117. Информационный бюллетень Посольства Союзной Республики Югославии. — М., 2000. — 12 мая. — № 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение мне хотелось бы ответить на два вопроса. Первый. Почему все, о чем написано в книге, случилось с сербами? Почему в гуще всех событий оказались маленькая Сербия и еще более миниатюрная Черногория? Второй. Какие уроки из всего, что случилось на Балканах, должна для себя извлечь Россия?

Сегодня ясно, что стратегический план США, чьим инструментом является НАТО, направили, прежде всего, против России. Но преградой на этом пути могла стать Югославия. Сначала Югославия мешала потому, что была самым сильным и большим государством на Балканах. Потребовалось ее расчленить, разбить на маленькие государства. Интересно, что Борисав Йович записал в своем дневнике, что в декабре 1990 г. получил доверительные сведения из США о том, что «Америка начинает работать на разрушение единства Югославии, и особенно Сербии, поскольку она является единственной опорой социализма, а тем самым может помешать осуществлению планов западных стран». Затем Югославия стала мешать тем, что сохранила армию, что осталась упрямой и не подчинилась планам НАТО. И еще. Америка хотела выбрать соперника, который ей не сможет оказать серьезного сопротивления. Если Ирак и Сербия будут раздавлены, то США выйдут победителями. Однако сербский вариант оказался не таким уж легким и однозначным.

Югославия стала полигоном отработки силовых приемов, методов доказательства силы. Просто Сербия попала в жернова борьбы за власть между великими державами, не вписывалась в планы, мешала из-за своей гордости и возможного нелогичного поведения, из-за своего нестандартного мышления, нежелания подчиняться диктату, из-за своей сохранившейся исторической памяти, склонности уповать на Россию и любить ее.

Перед Балканскими странами, многие из которых впервые приобрели самостоятельность, стояли два пути. *Первый* — не сопротивляться, т.е. принять сотрудничество с НАТО, выполнять все ее условия. Запад в этом случае мог диктовать свое видение демократии и федеративных отношений, давать рекомендации по совершенствованию управления страной, управлять политическими партиями и сменой руководства. Этот путь выбрали все государства, кроме СРЮ. Если бы сербы не сопротивлялись, то раздел их территорий прошел бы мирным путем. *Второй* — заявить о своих интересах и попытаться их отстаивать. Именно поэтому Югославия встретила лицом к лицу с агрессором. И наказана тем, кто претендует на мировое господство. И чтобы другим неповадно было, и чтобы ослабить до предела Сербию и Черногорию.

Россия сегодня пожинает плоды упрощенного понимания своего места в мире в системе международных отношений, поверхностного отношения к тому, что случилось на Балканах.

Основными ошибками внешней политики России предшествующего периода были:

- неразработанность вопроса о национальных интересах России,
- отсутствие стратегии, и приоритетов во внешней политике,
- неумение прогнозировать последствия тех или иных шагов и России,
- ошибочное отождествление интересов России и ведущих западных стран,
- непродуманная тактика на балканском направлении,
- допущение использовать Россию в качестве инструмента давления на ру-

ководство Югославии, Республики Сербской и Республики Сербской Краины с целью получения максимальных уступок с их стороны,

- допущение необъективности в отношении конфликтующих сторон,
- неумение «играть» на опережение с западными партнерами,
- попустительское отношение к действиям НАТО на Балканах, к ее стремлению играть самостоятельную роль в мире,
- непоследовательность, несамостоятельность в проведении политики на Балканах,
- невыполнение взятых на себя обязательств в переговорах с сербской стороной.

Результатами этих ошибок *сегодня* стали:

1. Изменение соотношения сил на международной арене не в пользу России.
2. Разрушение послевоенной системы международного права.
3. Минимизация роли ООН.
4. Деятельность НАТО как самостоятельного фактора в Европе и мире.
5. Вытеснение России с Балкан, нарушение традиционных экономических, политических, культурных, исторических связей и отношений между Сербией, Черногорией, Македонией и Россией.
6. Большие экономические потери России.
7. Развал Югославии, разрушение последнего антинаатовского бастиона в Европе.
8. Геостратегические потери России. Приближение НАТО к границам РФ.
9. Применение в России опробованной на Балканах методики разрушения многонациональных федераций.

Из чего Россия должна исходить в определении внешней политики:

1. На планете делается попытка осуществить *систему управляемости миром* из одного центра. Его видимым проводником являются Соединенные Штаты. НАТО отведена ключевая роль инструмента осуществления этой идеи.

2. Балканы стали полигоном для обеспечения самостоятельности НАТО, показом на деле возможности силового варианта решения проблем; апробации «закона силы», права применять военную мощь против других государств без санкций ООН; установления приоритетности решений НАТО над решениями ООН и ОБСЕ; для разрушения сложившейся системы международного права, для проверки дееспособности *управляемого* информационного обеспечения, проверки реакции всех европейских структур, отдельных государств, особенно России, на легитимизацию агрессии, на минимизацию роли ООН.

3. Для достижения этих целей США и НАТО совершенствовали информационное обеспечение, подбирали соответствующую терминологию, обеспечивали «прикрытие» концепции, что должно было убеждать в необходимости лидирующей роли НАТО в системе европейской безопасности. Так появились идеи партнерства, диалога и сотрудничества с другими странами-не членами НАТО на основе взаимного доверия, программа «Партнерство во имя мира», тезис об особой ответственности блока перед мировым сообществом за предотвращение угрозы безопасности и стабильности в Европе.

4. *Цель НАТО* – ослабить и сделать послушной Югославию. Поскольку она сопротивляется, НАТО идет по пути раздела территорий. Методика развала многонациональных федераций отработана.

5. Югославия задержала агрессора на своей территории на десять лет, давая возможность России осознать истинные цели Альянса и США.

6. В Косове начала проверку и идея «необходимости ограничения территориального суверенитета», которая должна осуществляться в любой кризисной точке мира посредством «гуманитарной интервенции». Выглядит это как «временный» контроль над частью территории суверенного государства и прекращение действия на ней законов центральной власти.

7. Операция НАТО на Балканах не завершена, будет сделана попытка поставить под контроль НАТО всю территорию Югославии. Осуществляться это может двумя путями: а) *мирным*, в этом случае ставка делается на оппозицию, которая должна сместить С.Милошевича и послушно выполнять указания Запада; б) *вооруженным*, для чего нужен повод — провокация или в Черногрии или в Санджаке (Юг Сербии).

8. *Осознать*, что внешнеполитическое ведомство вследствие своих ошибок сегодня уже работает в условиях чрезвычайного положения.

9. *Осознать*, что для России сегодня экономическое сотрудничество с Югославией является «работой на опережение» западных партнеров, что оно нам выгодно, что оно является единственно возможным выражением наших геополитических планов, единственной возможностью остаться и закрепиться на Балканах.

10. *Осознать*, что над Россией нависла угроза потери территориальной целостности. Цель НАТО — Россия. Осуществляется план раздела территорий РФ и использования ее природных богатств.

Для России очень важно изучение *методики*, которая применялась для достижения целей, далеких от урегулирования межнационального конфликта, но была эффективной для ускоренного процесса распада многонациональных федераций.

Так, существует *методика ускоренного признания субъектов федерации* в качестве независимых государств. Ее отправной точкой является вмешательство международных организаций в переговорный процесс между конфликтующими сторонами, естественно, с благородной целью помочь достичь соглашения.

Для этого нужно вовлечь стороны в переговорный процесс при международных посредниках.

Следующей фазой является установление контроля над переговорным процессом и управление им. Чтобы управлять переговорами, сторонам создают неравноправные условия в переговорном процессе. Здесь разработана методика принуждения к принятию решения: недопущение сторон к разработке планов, предложение им готовых вариантов, навязывание своей воли одной из сторон переговорного процесса. Дейтон и Рамбуйе проходили по одному сценарию: изолирование делегаций, создание переговорного процесса утомительным при его ограниченных сроках, «уламывание» делегаций, исключение доступа делегации, от которой ждут уступок, к информации, предоставление информации по документам в сокращенном и строго дозированном виде, жесткое регламентирование всего процесса выполнения договора.

Заканчивается этот фарс признанием независимости частей федерации либо по ускоренной процедуре с объявлением любых действий Центра незаконными, как это было со Словенией, Хорватией, или по схеме «принуждения к миру» (пример Боснии и Герцеговины). Косово даст пример еще одного варианта — полное игнориро-

ванис норм международного права и установление независимого правопорядка на отдельно взятой территории федерации без согласия руководства страны с применением силы, после чего до независимости остается только один шаг.

К наиболее общим приемам деятельности международных организаций на территории бывшей Югославии, которые ведут к распаду государства, можно отнести следующие:

1. Построение целой системы «международной озабоченности» какой-либо проблемой внутри страны.

2. Информационная обработка общественного мнения — представление картины нарушения прав человека, гуманитарных проблем, создание образа виновного.

3. Использование демократической фразеологии для объяснения своих действий. Штампом для начала акции всегда является «поправка демократии».

4. Усыпление бдительности. Сначала благонамеренные заявления, а затем противоречащие им поступки (заявления о целостности СФРЮ, целостности СРЮ, равной ответственности сторон в конфликте и т.д.).

5. Предложение гуманитарной помощи, проникновение в страну гуманитарных организаций.

6. Навязывание присутствия наблюдателей для контроля за той или иной проблемой.

7. Построение целой системы бумаготворчества, взаимозависимых постановлений, которые субъекта конфликта буквально загоняют в тупик. При этом широко используются формулировки, допускающие разные трактовки.

8. Игнорирование подписанных договоров, когда договор является лишь уловкой для закрепления раздела территории (например, Резолюция 1244).

9. При сомнениях в принятии документа Советом Безопасности, проведение его по процедуре «рабочего документа» через Секретариат в обход СБ или использование других международных организаций, например ЕС, которые теперь вводят санкции.

10. Широкое использование провокаций для перехода к осуществлению следующего этапа сценария. Система создания «поводов» отработана — гибель мирного населения в результате взрывов (взрыв в очереди в Сараево в мае 1992 г., взрывы на рынке Маркале в 1994 и 1995 гг.), «гуманитарная катастрофа» с беженцами, вопросы нарушения прав человека, негуманное отношение к пленным, необходимость защиты миротворцев, на худой конец — недемократическое поведение руководства.

11. Использование миротворцев и гуманитарных организаций в несвойственной им функции: ведение разведки в пользу НАТО, осуществление фотосъемок, наводок авиации НАТО.

12. Использование внутренних общественных противоречий в стране для осуществления своих планов.

13. Политика двойных стандартов по отношению к конфликтующим сторонам.

14. Применение концепции «принуждения к миру». Использование для этого методов экономического, политического военного и дипломатического давления, ультиматума, предъявления условий.

15. Предъявление условий двух видов: а) заранее невыполнимые условия, чтобы обвинить сторону в блокировании переговорного процесса, как это было с планом КГ, документами в Рамбуйе; б) требования, которые изначально были достаточно условными — их невозможно было выполнить, они выдвигались, чтобы ввести сторону в заблуждение, они автоматически, по мере развития событий, наполнялись новым содержанием и новыми требованиями (например, условия, необходимые для снятия санкций);

16. Применение военной силы, бомбовых ударов с воздуха для принуждения к принятию условий.

Исходя из этого Россия должна не только внимательно и всесторонне проанализировать итоги кризиса на Балканах, но и занять активную позицию, осознав, что пожар приближается непосредственно к ее границам.

*Москва — Балканы,
1994 — август 2000 г.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБиГ	Армия Боснии и Герцеговины
АРС	Армия Республики Сербской
АИМ	«Вооруженное исламское движение»
АПТ	Албанская партия труда
АРСК	Армия Республики Сербской Краины
АФБиГ	Армия Федерации Боснии и Герцеговины
АЮ	Армия Югославии
БиГ	Босния и Герцеговина
ВАООНВС	Временная администрация ООН для Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема
ВВП	Валовой внутренний продукт
ВВС	Военно-воздушные силы
ВМРО-ДПМНЕ	Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия македонского национально-го единства
ВПК	Военно-промышленный комплекс
ВС	Верховный Совет
ГРУ	Главное разведывательное управление
ГС	Генеральный секретарь
ГСС	Гражданский союз Сербии
ДА	Демократическая альтернатива
ДЕМОС	Демократическая оппозиция Словении
ДЕПОС	Демократическое движение Сербии
ДИП	Департамент информации и печати
ДП	Демократическая партия
ДПА	Демократическая партия албанцев
ДПС	Демократическая партия Сербии
ДПСЧ	Демократическая партия социалистов Черногории
ДПЧ	Демократическая партия Черногории
ЕС	Европейское сообщество (<i>союз</i>)
З-4	Загреб-4
ЗБ	Западная Босния
ЗЕС	Западноевропейский союз
ЗНГ	Збор народне гарде (<i>Сбор народной гвардии</i>)
ИЦСС	Информационный центр Сербского сабора
КГ	Контактная группа
КОС	Армейская разведка
Космет	Косово и Метохия
КФОР	Международные силы безопасности в Косове
ЛДС	Либеральные демократы Словении
ЛПМ	Либеральная партия Македонии
ЛСЧ	Либеральный союз Черногории
МАОК	Движение за всемакедонскую акцию
МБО	Мусульманская бошняцкая организация
МВФ	Международный валютный фонд
МИД	Министерство иностранных дел
МКБЮ	Международная конференция по бывшей Югославии
МККК	Международный Комитет Красного Креста
МООНБГ	Миссия ООН в Боснии и Герцеговине
МООНВАК	Миссия ООН по делам временной администрации

МУП	в Косове
МХФ	Министерство внутренних дел
НГХ	Мусульманско-хорватская федерация
НОБ	Независимое государство Хорватии
НПЧ	Народно-освободительная борьба
ОБСЕ	Народная партия Черногории
ОИК	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОООНВД	Организация Исламская конференция
ОПС	Операция ООН по восстановлению доверия
ПВО	Общественно-политические содружества
ПДД	Противовоздушная оборона
ПДП	Партия демократических действий
ПДПХ	Партия демократического процветания
ПД	Партия демократических перемен Хорватии
ПНСД	Патриотическая лига
РАН	Партия независимых социал-демократов
РБнГ	Российская Академия Наук
РЗБ	Республика Босния и Герцеговина
РОООН	Республика Западная Босния
РСК	Районы, охраняемые ООН
РХ	Республика Сербская Краина
САНИ	Республика Хорватия
САОК	Сербская Академия Наук и Искусств
СБ	Сербская Автономная Область Краина
СБР	Совет Безопасности
СВСЕ	Силы быстрого реагирования
СВС	Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе
СГВ	Силы по выполнению Соглашения
СДБ (СГБ)	Сербское гражданское вече (в Сараеве)
СДЮ	Служба государственной безопасности
СДП	Сербское движение обновления
СДПХ	Сербская демократическая партия
СДПЧ	Социал-демократическая партия Хорватии
СДС	Социал-демократическая партия Черногории
СДСМ	Словенский демократический союз
СИВ	Социал-демократический союз Македонии
СК	Союзное исполнительное вече (правительство)
СКБнГ-СДП	Союз коммунистов
СК-ДЮ	Союз коммунистов Боснии и Герцеговины — Социалистическая демократическая партия
СКМ	Союз коммунистов — Движение за Югославию
СКМ-ПДП	Союз коммунистов Македонии
СКС	Союз коммунистов Македонии — Партия демократических преобразований
СКСл - ПДР	Союз коммунистов Сербии
СКХ-ПДП	Союз коммунистов Словении — Партия демократической реформы
СКЮ	Союз коммунистов Хорватии — Партия демократических перемен
СЛП	Союз коммунистов Хорватии — Партия демократических перемен
СМИ	Союз коммунистов Югославии
СМПС	Сербская либеральная партия
СНСРС	Средства массовой информации
СООНО	

СПГС	Специальные международные полицейские силы
СПРООН	Сербский народный союз Республики Сербской
СПС	Силы ООН по охране (<i>английский вариант</i> —
СПС	<i>UNPROFOR</i>)
СП	Специальный представитель Генерального секретаря ООН
СРМ	Силы превентивного развертывания ООН
СРП	Силы по стабилизации
СРПЧ	Социалистическая партия Сербии
СРСМ	Социалистическая республика
ССИД	Социалистическая республика Македония
СССР	Сербская радикальная партия
ССТН	Сербская радикальная партия Черногории
ССТНМ	Союз реформаторских сил Македонии
ССТНС	Союзный секретариат по иностранным делам
ССТНЧ	Союз Советских Социалистических Республик
ССТНЮ	Социалистический союз трудового народа
СФРЮ	Социалистический союз трудового народа Македонии
СХД	Социалистический союз трудового народа Сербии
ТАСС	Социалистический союз трудового народа Черногории
ТВД	Социалистический союз трудового народа Югославии
ТО	Социалистическая Федеративная Республика Югославия
УВКБ	Словенские христианские демократы
УНБ	Телеграфное агентство Советского Союза
ФБиГ	Театр военных действий
ФНРЮ	Территориальная оборона
ФПН	Управление Верховного комиссара по делам беженцев
ХВО	ООН
ХДС	Управление национальной безопасности
ХДП	Федерация Боснии и Герцеговины
ХНП	Федеративная Народная Республика Югославия
ХРТ	Факультет политических наук
ХСГБ	Хорватское вече обороны
ХСЛП	Хорватское демократическое содружество
ХХДП	Хорватская демократическая партия
ЦК	Хорватская народная партия
ЦК КПСС	Хорватское радио и телевидение
	Хорватское Содружество Герцег-Босна
ЦРУ	Хорватская социально-либеральная партия
ЮВЕ	Хорватская христианско-демократическая партия
ЮНА	Центральный комитет
УНХЦР (UNHCR)	Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
UNPROFOR	Центральное разведывательное управление
	Юго-Восточная Европа
	Югославская народная армия

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аблич Ф. 224, 241, 251-254, 273-276, 279, 308, 311, 375, 379, 480
- Аврамова С.
9, 43, 107, 331, 338, 341, 342, 345, 349, 387
- Аврамович Д. 601, 602
- Агани Ф. 651, 653, 664
- Адаминпи А.Л. 520, 539
- Адамович Г., В. 166
- Аджич Б. 114
- Айди К. 406
- Акаши Я.
275, 305, 307, 309, 383, 384, 385, 386, 393, 395-397, 400, 406, 417, 422, 426, 427, 430, 431, 435-440, 442, 465, 494, 497, 501
- Акмаджич М. 253, 303
- Аксентиевич 252
- Алагич М. 305
- Александр II 507
- Алексий II, патриарх 680
- Алексич С. 240
- Амбарцумов Е.А. 354, 355, 516, 517, 521
- Андов С. 89, 620
- Андреев В. 427, 509
- Андреотти Дж. 110
- Андрич В. 586
- Антич Б. 271
- Аренс Г. 296, 406
- Аркан 157, 203, 250
- Армато Б. 600
- Аршинов Л.Г. 408
- Афанасьевский Н.Н. 556
- Ахтисаари М. 683
-
- Б**
- Бабич М. 134, 137, 139-143, 145, 146, 152, 156, 207-210, 212, 452, 496, 497,

- 499, 503
- Бадентер Р. 335, 344
- Байндлер Д. 26, 27, 349
- Байрамович М. 160
- Бакарнич В. 653
- Балатинац М. 154
- Балладюр Э. 383, 394
- Балуевский Ю. 682
- Банац И. 143
- Барис Дж. 27
- Бартоломью Р. 376
- Батакович Д. 234, 237, 664
- Батурин Ю. 446, 537, 538, 544
- Бахмин В. 529
- Башле 397, 456
- Бегович Д. 209
- Бедов М. 498
- Бейкер Дж. 110, 344, 349, 519, 525
- Белдар З. 165, 167, 174
- Белов В. 530
- Бенкс Д. 157
- Берберович Х. 131
- Бери Р. 614
- Берич Г. 255
- Бериардич Д. 70
- Берис Н. 397
- Бечкович М. 92
- Бенглосс М. 512
- Бжезинский З. 330, 348, 418, 513
- Бижич Д. 136
- Биланджич Д. 226, 653
- Билек Й. 20, 244
- Бильдт К. 248, 329, 334, 455, 463, 465, 467, 476, 501
- Бисич М. 236
- Блашкич 224
- Бобан М. 241, 252, 288, 296, 297, 345, 362, 364, 367, 369, 374, 375, 376, 378
- Бобетко Я. 20, 134, 153, 154, 157, 190, 191
- Бовчар И. 109, 117
- Богданович Р. 250
- Богичевич Б. 97
- Богунович Б. 655
- Бодански Й. 28, 43, 222, 251, 424, 425, 427, 428

- Бодсон Ж.
17, 264, 343, 527
- Божович Б. 583
- Большован И. 101, 136, 153, 156
- Борас Ф. 241, 253
- Боркович Б. 201
- Босанац В. 204
- Боснич М. 150
- Бошняк С. 165, 168
- Боянич Д. 166
- Бранкович С. 572, 581, 582
- Брнжмон Ф. 394, 395
- Брици 131
- Бровет С. 176
- Броз Тито И. 40, 57, 59, 91, 97, 108, 133, 134, 135, 222, 330, 480, 647, 648, 651
- Брок П. 26, 28
- Будак М. 130, 147
- Будинца Д. 636
- Букоши Б. 661, 662
- Булаич Д. 299
- Булаич М. 19, 73, 120
- Булатович Ј. 23, 234
- Булатович М. 81, 99, 103, 115, 180, 190, 330, 335, 337, 338, 357, 366, 369, 370, 371, 376, 378, 452
- Бурбулис Г. 516
- Бутрос-Гали Б.
206, 239, 284, 285, 288-290, 334, 346, 349, 351, 353, 354, 363, 367-369, 377, 383, 384, 388, 394, 402, 404, 414-416, 418, 421, 422, 427, 429, 430, 431, 435, 436, 438, 448, 459, 497, 656, 659, 660
- Буха А.
14, 23, 266, 273, 301, 366, 372, 453, 463, 465

- Бучар Ф. 109, 113
 Бучин Н. 97, 100
 Буш Дж. 42, 251, 280, 339
 Бьелица Р. 163
- В**
 Валева Э.Б. 15, 56, 61, 64, 129
 Валентич Н. 128, 630, 632
 Валгрэн Л.-Э. 292, 394
 Василькович Д. — см. Драган
 Ван ден Брук Х.
 144, 243, 332,
 338, 341, 614
 Васович В. 581, 584
 Ведрия Ю. 671
 Векич И. 193
 Вернер М. 384
 Веселинович С. 140
 Весич Г. 578
 Вестендорп К. 613
 Видич М. 194
 Видич-Били Г. 193
 Видович В. 240
 Визел Э. 27
 Визеталь С. 150
 Вилич Д. 42, 112, 193
 Вискович Н. 86
 Влашич А. 74, 656, 661
 Вознесенский С.В. 408
 Войница Б. 273
 Войнович Л. 49
 Волкер Б. 28
 Волков В.К. 15, 30, 54,
 68, 523, 530, 535
 Волобуев П.В. 15, 30, 523
 Воробьев В.В. 408, 413
 Воронцов Ю. 30, 370, 515,
 516, 537
 Вострухов Е. 23, 29, 232
 Вранешевич З. 198
 Врания С. 236
 Врачаревич Т. 155, 181
 Вудворд С. 17, 28, 40,
 100, 396, 446
 Вуйкович Дж. 166, 170
 Вучкович М. 150
 Вучкович Р. 256
- Вуясинович Д. 10
 Вэлс С. 206, 207, 209, 331,
 334, 338, 339, 344, 350,
 351, 362, 363, 364, 365,
 366, 367, 370, 371, 388,
 389, 397, 532, 617
 Вяземская Е.К. 45, 48
- Г**
 Габелица И. 147
 Габилло Э. 229
 Габонели М.И. 203
 Гаждо Й. 193
 Гаич-Глишич Д. 20, 191
 Гай Л. 46
 Гаидар Б. 512, 516,
 520, 525, 526,
 528, 543
 Галони Дж. 600
 Ганзи М.В. 16
 Ганич Э. 234, 243, 253, 255,
 278, 288, 299, 301, 382,
 428, 440
 Гарашанин И. 13, 47
 Гардович Н. 233
 Гасро М. 306
 Гвозденевич Б. 31
 Геббельс Й. 134
 Гедике А. 178, 197, 198
 Гелбрайт П. 280, 406
 Геншер Г.-Д. 17, 43, 92, 97,
 113, 117, 119, 243, 333,
 341, 342, 343
 Георгиевски Л. 89, 620
 Герман, патриарх 651
 Гетцендорф К. 508
 Гитлер А.
 28, 40, 130, 133,
 247
 Главаш Б. 157, 164, 193
 Гленн М. 16
 Глигаров К. 103, 115, 335,
 616, 620, 622
 Глотов С. 546
 Глоц П. 205
 Глухов А.И. 525
 Гоати В. 62, 95
 Голубович З. 92
 Гонсалес Ф. 462
 Гор А. 26, 349, 674
 Горбачев М.С. 43, 510, 511
 Горчаков А.М. 526
- Горунек 199
 Готил 421
 Гранич М. 380, 463, 504,
 574
 Грачанин П. 113
 Грачев П.
 435, 447, 448, 541
 Грегорић Й. 176
 Грубич Й. 166
 Грызунов С. 23
 Гудель А. 164
 Гузина И. 233
 Гуллинг М. 206
 Гуськова Е.Ю. 15, 30, 523
 Гуштина С. 161
 Гэлвин Дж. 315
- Д**
 Дабич В. 19
 Дажич М. 13
 Даниель Ж. 383
 Дегирица С. 630
 Дедакович М. 193, 204
 Де Лапрел Б. 412, 426, 442
 Делич Р.
 253, 278, 284, 303,
 307, 308, 462
 Демачи А. 650, 661, 662,
 669
 Де Микеллис Дж. 110, 113,
 332, 342
 Демууренко А.В. 382, 456,
 457
 Демурич М.В. 544
 Дерета Ч. 454
 Дечак Дж. 410, 411
 Джанко Л. 492
 Джаферич А. 620
 Джерич Б. 268
 Джилас М. 647
 Джинджич З. 92, 579, 582,
 583, 585, 586, 589
 Джокич Д. 451
 Джорджевич Б. 182
 Джукич И. 16
 Джукич С. 569, 570
 Джуркович В. 319
 Джурович 228

Дибур 469
Дивьяк Й. 222, 278, 307
Добрисвич М. 140, 150
Долик М. 613, 614
Докманович С. 164, 171,
192, 194, 200
Дол Б. 349
Домазетович 250
Донна Р. 16
Достян И.С. 45
Драгви, капиган 157
Дракулч С. 16
Драшкович В. 92, 93, 95, 96,
581, 584–587, 672
Дрекович Р. 275
Дрниовшек Я. 70, 97, 106,
115, 624, 625
Дулакович А. 176, 177,
275, 311
Дуракович Н. 89, 255

Е

Ежа Б. 13
Елачич Й. 153
Елисева Е. 15, 523
Ельцин Б.Н. 424, 445–448,
462, 463, 513, 514,
521,
526, 532–534, 537, 539–
542, 544–
548, 550, 676,
682
Еренич Л. 166
Ермоласв М.М. 393, 402,
404, 421

Ж

Жанвье Б. 399, 435, 436,
460, 461
Жанич М. 130
Жермон Т. 288
Жичич Л. 157
Жупе А. 383, 441, 442

З

Загор Я. 161
Затулин К. 546

Зелебаба Д. 140
Зеленович Д. 97
Зечевич З. 209, 274
Зечевич М. 11, 41, 53
Золак Т. 165
Зорич Л. 177
Зотов А. 497, 541, 542
Зубак К. 301, 305, 440
Зукович Л. 266
Зулфикарпашич А. 13, 22,
39, 88, 87, 103, 118,
157,
176, 220,
225, 226, 227,
234, 570

И

Иванкович 198
Иванов И. 23, 463, 477,
493, 545, 548, 557, 558,
669
Иванов Р. 523
Ивашов Л.Г. 418
Игльбергер Л. 99, 355, 528,
655
Изетбегович А. 22, 23, 26, 42,
86, 88, 102, 103, 222,
224–228, 230, 232–234,
236, 241–243, 248–255,
259–261, 263, 270, 273,
274, 276, 278, 279, 281,
286, 287, 290, 293, 294,
296, 297, 298, 300, 302–
304, 307, 308, 311–313,
335, 342, 346, 351, 353,
362–364, 368, 369, 373,
375–379, 381, 393, 415,
425, 427, 439, 442, 443,
459, 465, 468, 502, 613,
615
Илич А. 179

Й

Йованович А. 21, 172, 175,
187, 188, 191
Йованович В. 340, 369, 444,
566
Йованович Ж. 672
Йович Б. 20, 43, 70, 71,

97, 98, 99, 100, 101,
106, 108, 116, 117, 141,
143, 144, 164, 176, 178,
203, 206, 210, 237, 332,
337, 387, 691

Йович-Славуй С. 263

Йовичич М. 664

Йолес Л. 293

К

Кадневич В. 22, 23, 42, 72,
97, 98, 100, 113, 118,
157,
162, 176, 178, 182,
187,
188, 190, 192, 203,
207,
237, 336, 338, 343,
510
Кадич Р. 253
Каменицкий В. 30, 524
Кандель П.Е. 524
Капулар 193
Карагеоргиевич А. 92
Карагеоргий 175, 410
Караджич Р.
24, 87, 88, 226–
228,
230, 233, 234, 237,
242,
245, 249, 252, 257,
266,
267, 269, 270, 282,
288,
290, 297, 307, 308,
311,
315, 316, 320, 345,
346,
349, 351, 362, 364–
367, 370–
376, 378, 381,
383, 385, 386, 441–
443,
446
455, 460, 463, 465,
496,
497, 533, 537, 541,
542, 545, 584, 613, 614
Карасев А.В. 45
Карасин Г. 433
Карич Э. 254
Каррингтон П. 190, 334,

- 336, 337, 338, 340,
341, 342, 344, 353,
362, 402
Картер Дж. 315,
454, 455, 542
Квашнин А. 682
Квацянский Ю.А. 511
Кексз А. 179
Керестеджиянц Л. 406
Кертес М. 356
Кеслер П. 429
Кецманович Н. 267
Киллибарда Н. 94
Кинкель К. 351, 502, 555,
557, 617
Киссинджер Г. 344, 348
Клас В. 380, 462, 476, 547
Кляменко З.В. 66
Клинтон У.(Б.) 43, 276, 300,
347,
349, 371, 378, 385,
387,
424, 440, 458, 463,
477, 501, 540, 548
Климанович В. 148
Клюич С. 87, 88, 229, 241,
230, 253, 303
Клайн Дж. 157
Кляич И. 174
Кнежевич И. 165
Князев Ю.К. 15, 60, 80, 626
Ко Ж. 385, 394
Кобелев А.И. 408
Кобозев Е. 413
Ковач О. 357
Козич Д. 270
Козырев А.В. 30, 354, 355,
366,
385, 435, 436, 438,
441, 444–
449, 453, 455,
460–463, 512–
517, 519,
521, 522, 524–
531, 533–538, 540–
545, 547, 549,
550, 553, 554, 618, 681
Койлович В. 21, 247, 248,
256, 257, 382
Коколь М. 293
Колевич Н. 87, 227, 242,
248, 253, 266, 306,
357, 463, 465, 475
Колоколов Б.Л. 525
Коль Г. 462, 463
Козмазек С. 151
Комарида, бискуп 271, 272
Коматина Б. 645, 652
Комшич И. 263
Кондрашов А. 23, 203, 295
Конница А. 245
Контч Р. 373, 601
Корвин Ф. 400
Кордич Д. 303
Корнилов Ю. 110
Корски И. 12
Корти А. 395
Косик В.И. 45
Коссига Ф. 110
Костиков В. 526
Костич Б. 100, 107, 118, 387
Коштуница В. 92, 582, 583,
587
Краншик М. 24, 226, 227,
229,
243, 266, 267, 269,
273,
301, 424, 427, 447,
450,
453, 454, 460, 465,
614
Крачун Д. 626
Кресоевич М. 159
Креча М. 340
Крижанович Д. 168
Кристофер У. 342, 343, 367,
373,
435, 446, 502, 532,
536, 540, 541, 552
Кроя М. 647
Крстич Б. 663, 664
Круляц М. 179, 197, 198
Куїлиерс В. 172
Куканяц М. 238, 258
Куликова Н.В. 16, 477
Куманев В.А. 523
Кулусович М. 257
Кустурница Э. 263, 286, 259
Купильеро Ж. 232, 345–347,
362
Кучан М. 39, 43, 70, 99,
103, 113, 115–117, 119,
335, 341, 624, 625
Кучера И. 161
Кушлан Д. 130
Кузльяр П. 341, 345
Л
Лавров С. 433, 435, 462, 542
Лазаревич П. 614
Лазич М. 150
Лазович М. 253
Ланн Ж. 186
Ласич М. 253
Лаффин Дж. 222
Лейк Э. 349, 455, 547
Лепаж Р. 499
Леотар Ф. 383
Летич С. 151
Лецишовская И.И. 15, 45,
46
Либкнехт К. 509
Личич З. 586, 575
Линч М. 157
Лисица Б. 31
Лисица С. 156, 160, 184,
239, 287
Липл А. 17, 40, 42, 68,
137, 140, 190
Лихачев Д. 523
Лобков П. 667
Логинов В.Н. 408
Лончар Б. 113, 332
Лончаревич К. 236
Лопушина М. 42
Лубарда В. 267
Лубурич 165
Лугани М. 283
Лушков Ю.М. 544, 675
Луис Э. 27
Лукашенко А.Е. 16
Лукин В. 536, 540
Лукич В. 268
Луцаревич Е. 263
Лулич В. 315
Любичич 178
Любиянчик И. 281
Люзбешич М. 161
М
Магаш Б. 16
Малжарац Л. 159
Майер С. 165
Майорский Б. 671, 681
Макарий, игумен 651
Маккензи Л. 243, 244, 247,
248, 351, 393, 394, 395,
415
Максич М. 511
Маличи III. 659, 660
Манашинский А.Я. 16

- Мандич М. 196, 197
 Манолич Й. 634
 Марголис Э. 25
 Маринович М. 168
 Марич В. 161
 Маркешич И. 232
 Маркович А. 78–81, 88–91, 94, 97, 99, 112, 113, 117, 332
 Маркович Мира 580
 Маркович Михайло 40, 71, 654
 Мартич М. 139, 141, 152, 158, 208, 209, 210, 212, 287, 443, 452, 492, 497, 499, 503
 Мартынова М.Ю. 16, 42
 Махмутчеханч Р. 233
 Мачура Ј. 207
 Мачек С., Д. 161
 Медведев В.А. 42
 Мејдјор Љ. 354, 355, 358, 463
 Мекари М. 537
 Мелоди 341
 Мендлуше Ж.М. 250
 Мерлино Ж. 25, 156, 289
 Мерчеп Т. 148, 160, 193, 194
 Месић С. 21, 43, 85, 97–99, 100, 105–107, 112, 115, 117–119, 141, 144, 185, 187, 188, 190, 332, 333, 632, 634, 636, 639
 Микић Б. 187, 210, 211, 212
 Микич Г. 203
 Миланович М. 170, 171, 174, 202
 Милованов В.С. 16, 477
 Миловац С. 162
 Милосављевић М. 597
 Милошевић С. 11, 12, 17, 23, 27, 39, 40, 68–71, 74, 81, 85, 91, 93–96, 99–101, 104, 107, 108, 115, 116, 118, 133, 136, 139, 143, 144, 145, 171, 178, 192, 206, 208, 209, 226, 227, 234, 237, 241, 267, 269, 273, 286, 316, 317, 335–338, 344, 348, 350, 354, 355, 357, 363–366, 369, 370, 371, 374–376, 378, 381, 385, 387, 388, 407, 441–449, 451–453, 458, 460, 465, 467–469, 476, 477, 497, 502, 511, 516, 522, 525, 533, 536, 537, 540, 542, 545, 547, 551, 554, 555, 615, 654, 660, 667, 668, 672–674, 679, 683, 693
 Милошевић Н. 92
 Милошевић Р. 200
 Милутиновић М. 237, 463, 578, 603
 Милькович 193
 Митровић А. 42, 79, 146
 Миттсман Ф. 343, 394
 Мицогакис 371
 Мичуновић Д. 92, 582, 583
 Мишетић Б. 500
 Младич Р. 23, 27, 160, 184, 222, 239, 240, 242, 244, 249, 258, 266, 269, 281–283, 285, 286, 290, 292–298, 309, 311, 313, 316, 317, 351, 364, 366, 371, 397, 426, 429, 431, 436, 442, 443, 447, 448, 458, 460, 464, 465, 496, 497, 499, 537, 544, 614
 Мозавецкиј Т. 318
 Момчиловић Д. 454
 Морјион Ф. 263, 295, 296, 394
 Морлея И. 157
 Морозов А. 349, 474
 Мркишић М. 205, 496, 503
 Мунич Д. 147
 Муратовић Х. 397
 Муслимовић Ф. 302
 Муссолини 130, 133
 Мухарев А. 283
 Мухић Ф. 88
- Н**
 Намбијар С. 364, 393
 Невеструева М. 259
 Нековић З. 168
 Нексхипи М. 620
 Ненадовић М. 579
 Ненезић З. 43
 Ненезић Р. 192
 Несселворде К. 526
 Никитовић В. 182
 Никифоров К.В. 68, 445, 462, 513, 537, 538, 545
 Никовић Ш. 184
 Николай I 507
 Николић В. 147
 Николић М. 584
 Никсон Р. 512, 513
 Никшић Ч. 170, 171, 173
 Нобило М. 495
 Новаковић С. 645
 Ногин В. 27
 Нјавро Ј. 200
 Нјавро Ју. 20, 168, 199
- О**
 Обреновић М. 508
 Овчаренко М. 203
 Огата С. 255, 331, 639
 Огорци М. 10, 201
 Окун Г. 296
 Олбрајт М. 383, 397, 412, 425, 555, 612, 664, 667, 669
 Опачић Ј. 134, 140, 207
 Ордынский 410
 Орнч Н. 286
 Осландер Ј. 381
 Остоич В. 226
 Оуэн Д. 22, 26, 27, 112, 118, 225, 253, 254, 270, 280, 281, 287–

- 289, 296,
331, 335, 362–
367, 370,
371, 373–376, 381–
383,
393, 405, 424, 437, 438,
442, 444, 454, 532
Оцич Ч. 205, 207
- П**
Павелич А. 52, 130, 147
Павле, патриарх 497, 680
Павлович Г. 166
Пальмерстон Г. 507
Панич Ж. 195, 199
Панич М. 354–357, 359,
362–364, 521, 568–570,
572–576
Паспаль М. 207
Пауэлл К. 665
Пашич Н. 47, 50, 95, 653
Певац Д. 158
Пекич 185
Пеливан Ю. 228
Перелякин А.М. 408, 412
Перинович Д. 87
Перри В. 431
Петерле А. 109, 110, 112
Петкович 580, 589
Петковски Т. 620
Петрич В. 614
Петрович З. 167
Петрович С. 92
Петровици А. и Л. 414
Пешич В. 92, 584, 672
Пеянович М. 264
Пирьевец Й. 13, 116
Писарев Ю.А.
45, 49, 53, 523
Плавшич Б. 224, 226, 241,
242, 248, 253, 257, 289,
426, 449
Полянич П. 152
Пономарева Е. 16
Попадиш М. 204
Поплашен Н. 613
Попов Б. 115, 112,
116, 181, 182
Попов Н. 92
Попович Б. 150
Полович З. 161
Попович М. 64
Попович С. 92, 169, 196
Пос Ж. 332, 373
Празина Ю. 246
Праляк С. 265
Прийма И.Ф. 21
Примаков Е.М. 536, 551–
555, 557, 558, 667, 674,
675, 681, 682
Проскурин П. 530
Протич М. 9, 664
Прунк Я. 39, 623
Пулич В. 263
Пуцовац М. 152
- Р**
Рабин И. 477
Раджу Г.Ц. Томас 27
Радич М. 205
Ралишич Ж. 613
Радованович М. 256
Радович В. 203
Радулович Й. 207
Радулович С. 144, 145
Раичевич Р. 14, 31
Рамст П. 76
Ранкович А. 653
Распутин В. 44, 266, 530
Растович Д. 140
Рачан И. 81, 196, 635, 636,
637, 638
Рашкович Й. 134, 136, 139,
140, 142, 143, 150, 166,
207, 209, 267
Рашио Б. 19, 137, 144, 207,
210, 211, 442, 452
Редман Ч. 378
Рейхл-Кипр И. 164
Ржешевский О. 523
Рибар И. 200, 568
Рибичич Ц. 81, 86
Робертсон Дж. 638, 683
Ройница И. 147
Росо А. 280, 302
Роуз М. 24, 276, 308,
309, 390, 395, 426,
428, 442
Ругова Н. 658, 659, 660,
661, 662, 667, 670
Румиз П. 250
Рупел Д. 110
Руждой А. 516
Рыбаков Б.А. 523
Рэн Э. 660
Рюриков Д. 537
- С**
Савич Б. 166
Саймс 513
Самуйлов С.М. 536
Сандич С. 166
Сантер Ж. 462
Сацунхия Р. 97
Сафайер В. 27
Свол Дж. 434
Севастьянов В.И. 517
Сегере Я. 393
Секулич М.
11, 114, 154, 179
Селеми С. 671
Селимович М. 287
Сергеев П. 680, 682
Силайджич Х.
243, 253, 255,
278, 301, 303, 310, 315,
378, 380, 381, 425, 545
Силбер Л. 17, 40, 42, 68,
137, 140, 190
Силич А. 176
Силс Дж. 309, 428
Симич П. 40
Симович Т. 177, 183, 192,
203, 237
Сироткович Я. 12, 132
Славич Б. 193
Смади А. 492
Смирнова Н.Д. 524
Смиг Л. 395, 434, 442, 460,
464
Смиг Реймонд 511
Смиг Руперт 434, 457
Солано, кардинал 341
Солана Х. 611, 668
Спировский А. 176
Срданович С. 250
Сречкович С. 31

Сталин И. 58, 59
Станич М. 161
Станкович М. 197
Старчевич А. 47, 71, 231
Стеванович В. 90
Стенгтон М. 28
Степинац А. 131
Стонлькович Э. 582
Столтенберг Т. 331, 371,
374–376, 378, 3790,
438, 439,
442, 497, 570
Стоянович Л. 169, 196
Стоянович Р. 92
Стоянович С.
92, 247, 283,
293, 354, 355, 357, 538,
568, 573
Стругар В. 11, 51, 76
Стругар П. 189
Суботич Б. 266
Сьюэл Дж. 315

Т

Тадич Л. 92
Тайсб А. 390
Танья Р. 140, 150
Тачи Х. 669
Ташич П. 113
Теллефсен Т. 391
Терзич С. 221, 644
Тодорович Б. 42, 112, 193
Толмич З. 443
Толь Й. 168
Томяк З. 99
Томич 14
Тоналович М. (Цаца) 263
Тоховль М. 266
Тошич Д. 663
Трайковски Б. 620
Трейнор Я. 24
Трипало М. 39, 135, 633
Трифуневич В. 118, 181,
182
Трпкович Л., Г. 31
Трумбич А. 50
Туджман М. 280
Туджман Ф.
26, 27, 30, 39,

71, 86, 99, 103, 105,
115, 134–
136, 140, 141,
143, 144, 146, 147, 152–
155, 160, 161, 179, 189,
194, 196, 199, 204, 206,
207, 212, 226, 231, 232,
234, 241, 275, 276, 287,
296, 302–
304, 333, 335,
336, 341, 344, 353, 357,
363, 364, 373–
378, 380,
405, 442, 445, 465, 476,
491, 495, 497, 498, 500–
502, 511, 547, 615, 632–
635, 637, 638
Тумман М. 28
Тулуковски В. 97, 100, 117,
338, 620
Тураулич Х. 366
Тус А. 176, 204
Тэлботт С. 463, 512, 683, 684
Тягунико Л.В. 15, 16, 523

У

Убинпарипович 263
Уилсон Дж. 296
Узелац 200
Умичевич Дж. 613
Уокер У. 669, 670
Уолгрэн 295

Ф

Фалсеев Е. 159, 493
Файн Дж. 16
Фердинанд II 128, 129
Филлишович М. 253
Фокс Р. 278
Форка В. 424
Фрейдзон В.И. 45, 47, 130
Фридман В. 395
Фрэнк Ф. 304
Фрчковски Л. 574

Х

Хаджихасанович Э. 278
Хаджич Г. 164, 170, 193,
209, 398, 443

Халили М. 620
Хашлилович С.
176, 177, 278,
291, 294, 295, 429
Хамкин Ю. 14, 282, 291
Хандкс П. 28, 343
Харф Дж. 25, 26
Хасбулатов Р.И. 516, 519,
520, 550
Херл Д. 251, 359, 441, 442
Херлевич Ф. 651
Хил К. 674
Хисени Х. 651, 661
Хлестов О.Н. 669
Хог Д. 341
Ходжа Э. 647
Холбрук Р. 22, 40, 331,
455, 458, 463, 464,
467, 491, 548, 558,
668, 674
Холл П. 296
Хоппе Х. 70, 135, 633, 634
Хорван З. 583
Хорват Б. 64, 504

Ц

Царевич М. 64
Циммерман У. 22, 28, 39,
108, 116, 117, 136, 146,
147, 154, 156, 231, 232,
238, 241, 346, 348, 349
Цзирахи И. 154
Црни 201

Ч

Чавошки К. 92
Челекетиш М. 503
Ченгич М. 229
Черномырдин В.С. 476, 682,
683, 684
Чечеватов В. 675
Чирков Г.В. 50
Чичадович Н. 463
Чишич Ч. 221
Чондор А. 181
Чотич Б. 454
Чосич Д. 9, 40, 92, 144,
247, 267, 288, 353–

357, 359, 362–
364, 366, 369–
371, 442, 533, 601, 663
Чосья Р. 653, 670
Чубра А. 114
Чубрило Б. 150
Чубрило Р. 503
Чумаков В.В. 413
Чушч М. 168
Чуриш В.И.
45, 48, 371, 375,
359, 376,
378, 382, 385,
427, 438, 447, 522, 532,
533, 534,
535, 537, 538,
540, 541, 611

Ш

Шаликашвили Дж. 425
Шаринич Х. 212
Шачирбегович М. 254, 255,
463, 476
Швракич Э. 236
Шеварднадзе Э.А. 512

Шево С. 503
Шежк В. 85, 162, 180, 193, 194
Шемьякин А.Л. 45, 50, 53
Шерман Альфред 28
Шерман Арнольд 283
Шетболт С. 428
Шетиниц Ф. 22
Шешель В. 157, 164, 171,
240, 250, 444, 567, 568,
575, 576, 581, 584, 586,
587, 672
Шибер С. 278
Шивчиц 166
Ширак Ж. 476, 546
Шкарнич С. 14
Шкорич М. 160
Шливанчанин В. 205
Шониц Н. 161
Шошкочави В. 168, 171
Шпегель М. 101, 110, 111,
154, 155
Шувар С. 70, 86, 97, 133,
504, 653
Шульц К. 22
Шушак Г. 194, 241, 500

Э

Экмичич М. 257
Элфета В. 293
Эндер К. 502
Эгвуд Б. 614
Ю
Ют Б. 21, 244, 257
Южа 259
Юрьевич З. 176

Я

Яжнич Ф. 234
Язов Д.Т. 510
Язькова А.А. 30, 524
Яковлевич Й. 196
Якшич Д. 270, 271
Янич Д. 41, 77
Янша Я. 22, 97, 98, 101,
110, 111, 112, 115,
117
Ярвестам Х.А. 493
Ястреб 202

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ФОТОГРАФИИ

Магазин возле
Телецентра
в Нови-Саде

Телецентр,
Нови-Сад

**Телецентр,
Нови-Сад**

**Детелинара,
жилая квартира**

**Детелинара,
улица**

**Детелинара,
жилой дом**

Жертва войны

Экология

Жертва войны

**Воеводина,
после бомбардировки**

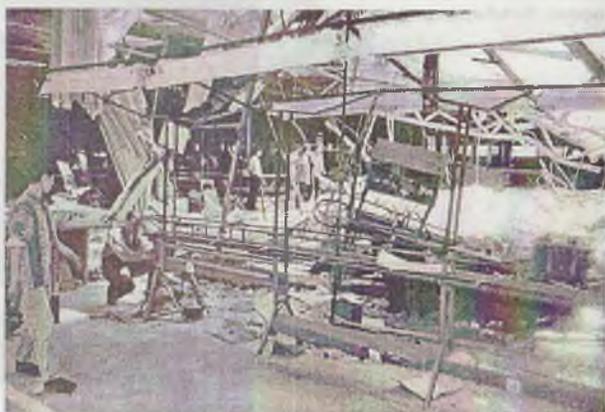
**Жилой район
в Детелинаре
после бомбардировки**

Врбас

**Преприятие «Агрохим»,
Нови-Сад**

Ферма в Нови-Саде

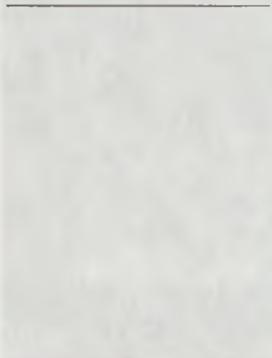
Горит Нови-Сад

Дым над Сомбором

Мгла над городом

Нови-Сад

Последствия бомбардировки в Джаковице

Нови-Сад

Детеленара

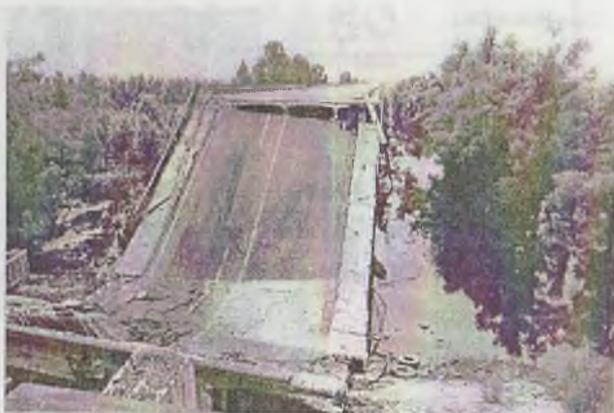
Сомбор

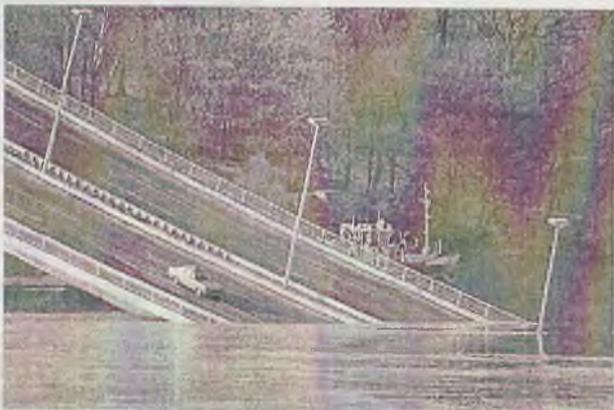
Музей в Воеводине

Мост возле Бешке

Мост Свободы.
Нови-Сад

Переправа через Дунай

Нови-Сад

